

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919756 6

СОВРЕМЕННАЯ
ЛѢТОПИСЬ

4374

РУССКАГО ВѢСТНИКА

Т. 7 и 8.

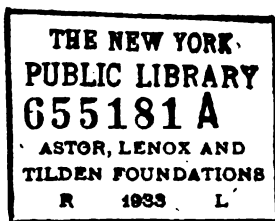
ТОМЪ ВОСЬМОЙ

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

1857.

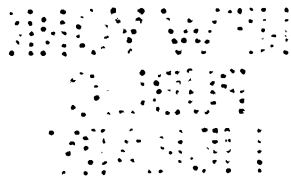
14

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
уваженное число экземпляровъ. Москва 14-го марта 1857 года.

Ценсоръ Н. Фонъ-Крузе.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ТОМ 7

ЗАМѢТКИ

Въ прошломъ году литература наша значительно оживилась. Появился цѣлый рядъ вопросовъ, болѣе или менѣе опредѣленно выраженныхъ, подавшихъ поводъ къ болѣе или менѣе горячей полемикѣ. Обсуждался вопросъ о воспитаніи; подвергался горячимъ и ожесточеннымъ спорамъ вопросъ о свободной торговлѣ; далѣе, поднятъ былъ вопросъ о народности въ наукѣ; о сельской общинѣ и сельскомъ хозяйствѣ въ Россіи. Въ европейской публицистикѣ прошлаго года, интересный вопросъ возбужденъ былъ графомъ Монталамберомъ въ его книгѣ *о политической будущности Англіи*, вызвавшей въ нашемъ журналѣ двѣ статьи, не совсѣмъ между собою согласныя въ точкахъ зрѣнія. Вопросъ о централизаціи есть въ настоящее время вопросъ первой важности въ современной публицистикѣ. Онъ, какъ и другіе важные вопросы, не можетъ быть рѣшенъ сплеча, а требуетъ постепеннаго и внимательнаго, зоркаго разсмотрѣнія, при которомъ неизбежны односторонности; ибо, при постепенномъ и серіозномъ разсмотрѣніи дѣла, каждая его сторона требуетъ иногда всего чело- вѣка, который своєю односторонностью вѣрнѣе содѣйствуетъ къ достиженію ближайшаго къ истинѣ результата, нежели фантазированіе о всѣхъ сторонахъ предмета, когда не видишь передъ собою въ дѣйствительности ни одной. Несравненно важнѣе Монталамберова сочиненія объ Англіи—сочиненіе другаго французскаго публициста, уже столь извѣстнаго своимъ трудомъ о сѣверо-американской демократіи, графа Токвиля; *l'Ancien Régime et la Révolution*. Авторъ, опираясь на подробнѣйшихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, открывшихъ много новаго, показываетъ, до какой напряженности доведено было общество во Франціи насильственной и искусственной централизаціею, которая господствовала въ исторіи этой страны, и которой необходимымъ послѣдствіемъ былъ страшный взрывъ, заключившій собою прошедшее столѣтіе. Во французской революціи авторъ видитъ не только послѣдствіе, но даже прямое продолженіе этой системы

централизаціи; это роковое событіе является у Токвиля самымъ крайнимъ ея выраженіемъ. Трудъ знаменитаго публициста отозвался во всей европейской журналистикѣ. Французская централизація представляетъ въ высшей степени интересное явленіе, и мы надѣемся, по поводу книги Токвиля, представить въ «Русскомъ Вѣстникѣ» попытки къ разъясненію этого важнаго историческаго факта. Ограничимся теперь краткимъ замѣчаніемъ объ относящихся сюда понятіяхъ.

Централизація и государство въ сущности одно и тоже. Истинно человеческое общество не возможно безъ посредства государственнаго начала. Воображать себѣ человеческое общество, при данныхъ на землѣ условіяхъ, безъ государства — очень можно, но такое представленіе будетъ не болѣе какъ утопія, не болѣе какъ мечта. Какую бы форму ни имѣло государственное устройство, оно неизбѣжно. Только то общество процвѣтаетъ, только тамъ человеческая жизнь раскрывается во всей полнотѣ и разнообразіи своемъ, гдѣ государство есть дѣло рѣшенное, гдѣ оно существуетъ безспорно. Но тѣмъ не менѣе, государство, въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ, не есть нѣчто непосредственно данное въ жизни народа. Оно покупается дорогою цѣною. Установленію государства предшествуетъ, какъ мы видимъ въ исторіи, завоеваніе или внутреннее броженіе, война всѣхъ противъ всѣхъ, по выраженію Гоббеса, или, какъ выразился нашъ лѣтописецъ, возстаніе рода на родѣ. То время въ жизни народа, которое предшествуетъ появленію государства, есть такъ называемая эпоха доисторическая, отъ которой остаются лишь смутныя племенные преданія, отголоски народныхъ вѣрованій и наконецъ языкъ. Но въ этомъ отношеніи исторія нашего народа представляетъ особенное и весьма замѣчательное явленіе. Существенный смыслъ, главный интересъ исторіи древней Руси, есть образованіе государства, централизація, «собираніе земли». Честь и слава новѣйшей исторической школы нашей за то, что она обратила особенное вниманіе на раскрытіе этого смысла нашей древней исторіи. Трудно и медленно принималось государство на нашей народной почвѣ, трудно и медленно собиралась Русская земля. Чтò для большей части другихъ народовъ было дѣломъ доисторическимъ, дѣломъ забытымъ, то происходило въ жизни нашего народа на памяти исторіи. Сначала была усобица между родами, и варяжская дружина принесла съмя государства въ дебри и пустыри нынѣшней Россіи, тогда не имѣвшей никакого названія, не составлявшей никакого единства, скудно, изрѣдка заселенной различными племенами. Потомъ слѣдуетъ усобица между множествомъ княженій, между множествомъ дружинъ, на которыя распалась первоначальная варяжская дружина. Далѣе видимъ мы, какъ все стягивается къ одному центру, какъ возникаетъ Московское царство. Здѣсь предстоитъ намъ государство, но государство въ неустоявшейся, не созрѣвшей формѣ, тотъ видъ государства, въ которомъ собственно

государственное находится въ неорганическомъ, смутномъ смѣшеніи со всѣми другими формами человѣческой жизни, то отдѣляясь отъ нихъ, то снова сливаясь съ ними.

Государство и общество — двѣ различныя формы, и признаемся, намъ было очень странно услышать недавно, на одномъ ученномъ диспутѣ, сомнѣніе въ этомъ различіи, именно теперь, когда въ системѣ нашихъ знаній очищается особое мѣсто для новой науки, жадно требуемой умами, когда полагается уже основаніе для этой науки, имѣющей своимъ предметомъ общество, и отличной отъ политики, когда въ самой жизни политическіе интересы уступаютъ первенство интересамъ общественнымъ. Мы не можемъ не упомянуть здѣсь о блистательномъ трудѣ по этой части, которымъ можетъ похвалиться германская литература въ послѣднее время: это *Naturgeschichte des Volks*, (Риль. Риль въ настоящее время преподаетъ въ Мюнхенскомъ университетѣ *исторію культуры*, которая въ сущности и есть не что иное какъ исторія социальная, въ отличіе отъ политической. «Русскій Вѣстникъ» посвятитъ этому предмету и труду Риль цѣлый рядъ статей, надъ которыми уже работаетъ одинъ изъ нашихъ близкихъ и даровитыхъ сотрудниковъ. Не во всемъ можно согласиться съ Рилемъ. Постоянное и столь живое изученіе историческихъ формъ сообщило его мысли можетъ-быть слишкомъ археологическій характеръ. Сердце его все обратилось къ прошедшему и все предано историческому интересу; онъ нерѣдко забываетъ для нихъ интересъ современнаго и требованія будущаго. Но за то какою жизнью дышать его очерки! Ученый въ немъ живетъ дружно съ художникомъ. Во многихъ отношеніяхъ Риль даже болѣе художникъ, нежели мыслитель. Во второй половинѣ прошлаго года вышли въ свѣтъ его разказы изъ исторіи общественнаго быта, *culturgeschichtliche Novellen*, съ которыми тоже не преминемъ мы познакомить нашихъ читателей.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ отношеніи общества къ государству. Различіе между двумя этими понятіями несомнѣнно. Гдѣ по незрѣлости развитія, оба эти начала смѣшивались на дѣлѣ, тамъ не могло быть общественной жизни, не могла раскрываться самостоятельно и плодотворно человѣческая дѣятельность, тамъ нѣтъ ни наукъ, ни искусствъ, ни даже промышленности, и личность человѣка, не облагороженная, не возбужденная въ лучшихъ своихъ интересахъ, либо теряется въ однихъ животныхъ побужденіяхъ, либо остается безсознательнымъ органомъ обычая. Въ правильномъ и разумномъ положеніи, государство и общество существуютъ дружно между собою, не вредя и не мѣшая взаимно своимъ отправленіямъ. При совершенной зрѣлости того и другаго начала, на долю общества выпадаютъ положительные интересы жизни, на долю государства отрицательные. Есть интересы положительные, и есть интересы отрицательные. Последніе составляютъ то, что называется *conditio sine qua non* человѣческой жизни: это тѣ права и обязанности, нарушеніе и не-

исполненіе которыхъ есть преступленіе. Мечъ государства караетъ преступленіе, и взоръ его надзираетъ, чтобы не нарушалась правда въ общественной жизни, чтобы одинъ человѣкъ не вредилъ другому, чтобы ничто со стороны не мѣшало правильному раскрытію всего того, что составляетъ сумму положительныхъ интересовъ человѣческой природы, чтобы каждая дѣятельность могла идти своимъ путемъ, повинуваясь внутреннему закону своего развитія и не опасаясь никакихъ совращеній. Нельзя заставить человѣка любить, нельзя принудить его къ жертвѣ, по крайней мѣрѣ не должно, потому что мы не получимъ ни истинной любви, ни истинной жертвы, а только испортимъ человѣка; но если нельзя или не должно говорить человѣку принудительно: *давай*, то должно сказать ему: *не трогай*, когда онъ занесетъ руку на добро своего ближняго. То интересъ положительный, это интересъ отрицательный.

Смѣшеніе интересовъ положительныхъ и отрицательныхъ, въ младенческое время народной жизни государства и общества, имѣетъ характеръ наивный. По отношенію къ тому времени не можетъ идти рѣчь о нарушеніи правъ той или другой сферы, потому что тогда обѣ эти сферы являются не какъ самостоятельныя, раздѣльныя силы, а въ томъ слитномъ смѣшеніи, въ какомъ находится всякій начатокъ организма, пока зрѣлость не проявитъ самостоятельности каждой части. Но коль скоро государство и общество достигли нѣкотораго самосознанія, то всякая неясность между ними обращается во вредъ тому и другому. Гдѣ общество еще незрѣло, а государство сложилось окончательно, тамъ весьма естественно послѣднему брать подъ свою опеку первое, направлять его шаги, учить его и вообще поступать съ нимъ, какъ подобаешь зрѣлому поступать съ незрѣлымъ. Но цѣль всякаго воспитанія содѣйствовать незрѣлому прійти въ зрѣлость, и разумная государственная опека заботится собственно о томъ, чтобы общество пріобрѣтало все болѣе и болѣе самобытный характеръ, и чтобы все начинало ходить на собственныхъ ногахъ. Гдѣ опека теряетъ изъ виду эту главнѣйшую цѣль свою, и изъ опасенія, чтобы ребенокъ не падалъ, вовсе не пускаетъ его ходить, тамъ происходитъ весьма грустное явленіе: нравственное и умственное ребячество и дряхлость вмѣстѣ; съ теченіемъ времени въ обществѣ и въ людяхъ исчезаютъ всѣ зачатки духа, все развращается; пошлость и ничтожество овладѣваетъ умами: теряется уваженіе къ законному и справедливому; гибнетъ всякая святыня; все превращается въ эгоизмъ, все никнетъ въ малодушіи, и изсякаютъ всѣ источники умственной производительности. Слабѣетъ общество, слабѣетъ и государство, ибо послѣднее пріобрѣтаетъ свое истинное значеніе, крѣпость и силу вмѣстѣ съ первымъ. Горсть *рыжихъ варваровъ*, два-три фрегата, два-три дюжины пушекъ, поколебали и привели въ смятеніе всю косную громаду ветхаго Китая, гдѣ государство все во всемъ, и гдѣ потому самому нѣтъ истиннаго государства.

Съ легкимъ сердцемъ обращаемъ свои взоры къ нашему отечеству въ его настоящемъ положеніи и въ его видахъ на будущее. Наше общество всѣмъ обязано государству. Промышленность, образованіе, наука, весь прогрессъ, все исходило отъ государства. Общество было слабо, ничтожно, лишено всякихъ внутреннихъ побужденій; въ немъ не было сознанія, оно было младенцемъ, не умѣющимъ ходить. Теперь въ немъ уже слышится присутствіе зрѣющихъ силъ, проявляется сознаніе. Съ какимъ чувствомъ радости и благодарности приняты были всѣми золотыя слова Высочайшаго Манифеста, которыми, въ началѣ прошедшаго года, возвѣщенъ былъ миръ Россіи! Слова эти врѣзались намъ въ сердце, какъ прямое и ясное доказательство, что государственное воспитаніе русскаго общества имѣетъ своею цѣлю его развитіе и зрѣлость.

Вопросъ о воспитаніи, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, былъ предметомъ многихъ болѣе или менѣе интересныхъ, болѣе или менѣе основательныхъ статей, появившихся въ «Морскомъ Сборникѣ», который, издаваясь подъ непосредственнымъ покровительствомъ генералъ-адмирала, служить новымъ доказательствомъ, какимъ высокими и благими духомъ руководствуется наше правительство, и какъ ищетъ, какъ вызываетъ оно въ нашемъ обществѣ самостоятельную мысль и свободное слово.

Если семейное воспитаніе удастся только въ хорошемъ семействѣ, то и общественное воспитаніе достигаетъ своей цѣли только при добромъ и нормальномъ настроеніи общественной среды. Трудно такъ разъединить школу съ обществомъ, чтобы послѣднее не имѣло мліяніа на первую. Трудно образоваться дѣльнымъ и цѣльнымъ характерамъ, если въ самомъ обществѣ нѣтъ характера; самое рѣшительное природное дарованіе остается безъ развитія, если не питается сочувствіемъ окружающей среды, если въ обществѣ нѣтъ определенныхъ и самостоятельно живущихъ интересовъ. Грустное явленіе представляетъ школа, гдѣ занятіе наукою поддерживается вошмыслами и мечтами о карьерѣ. Чтò можетъ быть отвратительнѣе мальчишки, который еще въ школѣ разсчитываетъ, какія привилегіи вынесетъ онъ оттуда на службу, соображаетъ, какъ скоро дослужится до генеральскаго чина или какъ будетъ хватать крестики!

Сознаемъ, что было необходимо поощрять и поддерживать въ нашемъ юномъ обществѣ науку и образованіе, сознаемъ, что и въ настоящее время, къ сожалѣнію, это дѣло не лишнее. Но, говоримъ, къ сожалѣнію. Должно же наступить время, когда образованіе и наука станутъ внутреннею потребностью общества, когда не нужно будетъ привлекать молодежь въ университеты особыми преимуществами. Только тогда можно будетъ сказать, что образованіе и наука прижились на нашей почвѣ, только тогда можно будетъ ожидать самостоятельной умственной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ; а до тѣхъ поръ наша самостоятельность будетъ заключаться только въ безплод-

ныхъ фантазіяхъ о прекрасныхъ качествахъ русскаго народа и въ пустыхъ толкахъ о какой-то западной наукѣ, какъ-будто есть еще восточная, сѣверная или южная наука, толкахъ, похожихъ на критическія замѣчанія школьника объ урокъ учителя.

Умственная дѣятельность, вытекающая не изъ внутренней потребности, возбуждаемая не внутреннимъ интересомъ дѣла, никогда ничего не произведетъ, будетъ вѣчнымъ недоросткомъ, всегда будетъ носить на себѣ печать несовершенности и безполезности. Можетъ ли при такихъ условіяхъ возникнуть что-нибудь оригинальное? Можно ли при такомъ положеніи помышлять объ открытіи новыхъ путей знанія? Можетъ ли такая мысль вести къ какимъ-нибудь плодотворнымъ въ самой практикѣ результатамъ?

Оригинальности и самостоятельности достигнемъ мы, конечно, не легкомысленнымъ презрѣніемъ къ великому дѣлу всѣхъ вѣковъ и народовъ, необдуманно и во вредъ самимъ себѣ ограничивая его значеніе, отрицаясь отъ него какъ отъ чужаго, и тѣмъ самымъ отнимая у себя всякую возможность оригинальнаго развитія.

Вотъ почему мы считаемъ своимъ долгомъ, по мѣрѣ силъ нашихъ, возбуждать въ умахъ мысль, что всякое существенное дѣло должно имѣть свою внутреннюю цѣль, что наукою должно прежде всего заниматься въ интересъ самой науки, съ чистою любовью къ истинѣ, а не съ какими-нибудь посторонними видами, хотя бы впрочемъ и похвальными. Дай Богъ, говоримъ мы съ живымъ и сильнымъ убѣжденіемъ, чтобы въ умственное дѣло у насъ заронилась искра чистой любви въ нему, чтобы мы были способны возвышаться до чистыхъ интересовъ знанія и мысли. Это первые вѣрные признаки общественной зрѣлости.

Не можемъ не упомянуть здѣсь о новой правительственной мѣрѣ, въ которой смѣемъ видѣть какъ бы указаніе на развивающееся сознание въ нашемъ обществѣ. Читатели найдутъ подлинное изложеніе этой мѣры ниже, при *Политическомъ Обзорѣ*. Оставляя за университетами преимущество уравнивать всѣ сословія, которое, при существующемъ у насъ порядкѣ, состоитъ въ сообщеніи всѣмъ, оканчивающимъ университетскій курсъ, права на извѣстныя чины, мѣра эта отменяетъ существовавшіе доселѣ разряды при производствѣ по службѣ. Государственная служба становится теперь поприщемъ свободной конкуренціи; узаконенные сроки производства для всѣхъ равны. Умственное развитіе не всегда измѣряется дипломомъ, и на истинное достоинство классическаго образованія не будетъ уже отнынѣ ложиться тѣнь привилегіи; университетская наука, удерживая за собою только свое благотѣльное, никого и ничто не стѣсняющее преимущество, отказывается отъ другаго, которое могло казаться несправедливостью, могло быть предметомъ сѣтованій и обращаться во вредъ ей самой. Число желающихъ приобрести классическое образованіе отъ этого не уменьшится; если же въ этомъ числѣ не будетъ

болѣе такихъ, которые въ наукѣ ищутъ только диплома на привилегію, то, безъ всякаго сомнѣнія, недочетъ этотъ послужитъ къ лучшему и для науки и для общества.

Относительно другаго рода привилегій—тѣхъ, которыми поддерживается промышленность, — относительно вопроса о тарифѣ и свободной торговлѣ, подавшаго поводъ къ сильной полемикѣ въ нашей журналистикѣ, мы совершенно держимся взгляда, высказаннаго въ статьѣ Ю. А. Гагемейстера, помѣщенной въ этой книжкѣ нашего журнала. О началѣ свободной торговли спорить нечего: вопросъ долженъ состоять только въ томъ, — въ какой мѣрѣ возможно примѣненіе его къ нашему отечеству. Скажемъ только, что покровительство, оказываемое промышленности, будетъ тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ болѣе будетъ обращено на устраненіе внутреннихъ препятствій къ ея развитію; сила не въ тарифѣ, который самъ по себѣ никогда не дастъ положительныхъ результатовъ, а въ тѣхъ внутреннихъ условіяхъ производительности, которыя состоятъ въ образованіи, въ кредитѣ, въ легкости и дешевизнѣ путей сообщенія и пр. Тарифъ можетъ имѣть только временное значеніе, и никогда самъ собою ничего не возвыситъ и не произведетъ; ревнители отечественной промышленности, если имѣютъ въ виду интересъ дѣла, должны, напротивъ, желать возможно большей свободы торговли, то есть, устраненія всѣхъ препятствій и недостатковъ, стѣсняющихъ и замедляющихъ ея ходъ. Но, съ другой стороны, кто требуетъ непосредственнаго и безотлагательнаго примѣненія теоретически-оправданнаго начала, тѣ забываютъ, что прежде всего требуется произвести расчетъ съ обстоятельствами, что всякая идея, вступая въ дѣйствіе, должна сообразить себя со всѣми данными условіями и слѣдовать закону строгой постепенности, во избѣжаніе несправедливости и всякаго смятенія, которыя обратятся во вредъ ей самой и подорвутъ ея собственную силу.

ОТЪ БЕРЛИНА ДО ВѢНЫ.

I.

Венеція 1856, ноября 18 (6).

Venezia... Венецію какъ-то нельзя себѣ иначе представить какъ яркую и свѣтлую. Такъ ужъ настроено на нее наше воображеніе, такую изображается она на картинахъ, такую наконецъ представилась она сегодня, при яркомъ солнечномъ освѣщеніи, несмотря на осеннюю свѣжесть воздуха. Нѣтъ, любезный другъ, въ Венецію не надобно ѣздить по желѣзной дорогѣ, какъ ѣхали въ былое время мы съ вами: тогда эффектъ потерялъ. А надо сѣсть на большой ллойдовскій пароходъ и вѣзхать съ моря прямо въ Canale Grande, да чтобы солнце

еще было высоко: тогда она покажется такъ хороша, что отъ нея не оторвешь глазъ. Что за прелесть! . . .

Но мнѣ все еще не хочется покинуть мыслию Германію, которую мы пробѣжали будто на курьерскихъ. Въ Берлинѣ я зашелъ, разумѣется, въ университетъ, чтобы взглянуть на объявленія о курсахъ настоящаго семестра. Все та же почтенная простота и отсутствіе всякой официальнойности, какъ назадъ тому десять лѣтъ. Все по прежнему одинъ рогіегъ смотритъ за зданіемъ и кормитъ студентовъ, разумѣется за ихъ собственные зильбергроши, кофеемъ и бутербродами; все по прежнему въ передней сидитъ старушка въ шляпѣ и продаетъ разные письменные матеріалы. По стѣнамъ по прежнему развѣшены собственноручныя объявленія профессоровъ о курсахъ, которые они предлагаютъ своимъ слушателямъ, написанные на небольшихъ ключкахъ сѣрвовой бумаги. И имена большею частию знакомыя: Риттеръ, Тренделенбургъ, Вердеръ, Бѣкъ, Мишеле и пр. Нѣкоторыхъ я впрочемъ не нашелъ уже; не достаетъ тутъ великаго имени Шеллинга, не достаетъ еще нѣсколько именъ, давно знакомыхъ слуху: ихъ замѣнили другія, менѣе извѣстныя. А все какъ-то, очутившись однажды въ этихъ почтенныхъ и вмѣстѣ столько скромныхъ стѣнахъ, хотѣлось бы опять на студенческую скамью, хотѣлось бы опять поучиться, хотя уже и поздно... Философія, которою такъ богатъ былъ Берлинскій университетъ въ наше время, потеряла много своихъ представителей. Не говорю о Шеллингѣ, разумѣю множество другихъ философскихъ курсовъ, которые объявлялись желающимъ на каждый новый семестръ. Теперь выбора несравненно меньше, и вообще философія не въ ходу въ одномъ изъ главныхъ прежнихъ своихъ центровъ. Если хотите, Шталь до сихъ поръ еще продолжаетъ поучать свою аудиторію философическимъ изложениемъ вопросовъ новѣйшей публицистики; но намъ уже знакома Шталевская философія. За нею не стоить ѣздить въ Берлинъ. Да, философія болѣе не въ ходу въ Германіи. Кредитъ на нее упалъ временно. Великіе мыслители сошли съ арены. Не нашлось еще для послѣдовательнаго преемства новаго гениальнаго учителя; да и много ли ихъ бываетъ въ одномъ вѣкѣ? А между тѣмъ отсутствіе великихъ умовъ, доселѣ управлявшихъ германскою мыслию, сильно чувствуется въ мыслящемъ германскомъ мірѣ. Не то чтобы произошелъ совершенный застой мысли: это несродно съ нѣмецкою натурою; но мысль вдругъ получила почти, можно бы сказать, превратное направленіе, которое въ короткое время увлекло за собою множество умовъ. Стоить взглянуть на текущую литературу, чтобы убѣдиться въ этомъ. На основаніи новыхъ успѣховъ естествознанія создано ученіе, которое берется съ одной исключительной точки зрѣнія рѣшить всѣ высшія проблемы, до сихъ поръ занимавшія философію. Посредствомъ долгаго и пристальнаго анализа матеріи, пришли къ тому, что въ ней одной думаютъ видѣть достаточную основу всякаго бытія. Явленіе не вовсе

новое : во всякомъ мало-мальски ученомъ или даже учебномъ законѣ, гдѣ наука главнымъ образомъ обращена на матеріальные, хотя бы и очень разнородные предметы , можно подмѣтить слѣды того же направленія. Но въ Германіи, въ настоящее время, оно выдалось особенно ярко, потому что въ основаніе себѣ взяло дѣйствительно поразительные успѣхи естествознанія, и потому что пришлось ко времени, когда философія въ собственномъ смыслѣ смолкла, а между тѣмъ осталась неизсякающая потребность обобщенія явленій. Тутъ-то новое ученіе подслужилось публикѣ своимъ одностороннимъ принципомъ, и надобно сказать правду, имѣло въ ней большой успѣхъ. Любимыя сочиненія, излагающія это ученіе, въ короткое время пережили нѣсколько изданій. Увлекаясь само возбужденнымъ къ нему вниманіемъ, оно успѣло уже дойти до самыхъ уродливыхъ крайностей. Какъ одно изъ прежнихъ направленій породило Макса Штирнера, такъ новое произвело Бюхнера, автора книги *Stoff und Kraft*. Матеріализмъ кажется сказалъ въ ней свое послѣднее слово. Какъ самое рѣзкое выраженіе даннаго направленія, книга находитъ себѣ много читателей. Нѣтъ нужды прибавлять, что ее такъ же скоро забудутъ, какъ много теперь читаютъ. Но пока еще не прошла горячка, книга Бюхнера можетъ служить указателемъ, до какого состоянія дошли нѣкоторые умы въ Германіи, отправившись отъ извѣстной точки зрѣнія. Сильное распространеніе и вліяніе на публику матеріалистическихъ теорій стало мнѣ особенно ясно изъ множества полемическихъ сочиненій, которыя въ настоящее время выходятъ одно за другимъ въ Германіи, съ цѣлю противодействовать этой нравственной болѣзни. Назову нѣкоторыя: *Materialismus*, доктора Фрауэнштедта, *Wissenschaft und Sittenlehre*, госпожи Рихардсъ, *Die neueste Vergötterung des Stoffs*, доктора Вебера (котораго не надобно смѣшивать съ извѣстнымъ историческимъ писателемъ). Послѣднее изъ названныхъ сочиненій находится у меня теперь въ рукахъ. Прежде всего надобно отдать справедливость автору, что сочиненіе его отличается весьма умѣреннымъ духомъ. Онъ вовсе не думаетъ противопоставлять одной крайности другую, но старается держаться въ законныхъ предѣлахъ и каждой сторонѣ отдать должное. Веберъ самъ хорошо знакомъ съ современными успѣхами естествознанія и чуждъ всякой мысли унижать ихъ значеніе въ наукѣ. Его задача — показать, что область ихъ имѣетъ однако свои границы, и что вмѣсто положительныхъ отвѣтовъ наука часто приведена ими только къ вопросамъ, которыхъ разрѣшенія надобно искать уже въ другой области. Это благоразумно и въ высшей степени справедливо. У всякой почти науки есть пора успѣховъ, когда она, гордясь ими, думаетъ съ своей исключительной точки зрѣнія разъяснить всѣ явленія и рѣшить всѣ задачи. При такомъ стремленіи кажется уже не остается болѣе мѣста другимъ наукамъ, и самая философія оказывается лишнею. Но именно потому, что въ системѣ наукъ каждая отдѣльная вѣтвь занята лишь

однимъ родомъ явленій и мало думаетъ о другихъ, никогда не удается ни одной изъ нихъ разрѣшить задачу, которая рѣшается постепенно общими усиліями всѣхъ ихъ. Чтò ни говорите съ точки зрѣнія одной научной области, другія науки отъ того не пропадутъ: придетъ время, когда онѣ также всплывутъ на верхъ и предъявятъ свои требованія, основанныя на долгомъ изученіи другаго рода явленій. Какъ ни поднимай высоко свое знамя матеріальность, — историкъ, напримѣръ, никогда не пойметъ и не раздѣлитъ его самоудовлетворенія. Историкъ душно и тѣсно въ этой безотрадной сферѣ, гдѣ все движется и производится механически. Ему знакома другая область, гдѣ стоить побывать нѣсколько времени и поосмотрѣться пристальнѣе, чтобы тотчасъ почувствовать присутствіе совершенно иного начала. Его безъ сомнѣнія не уловишь никакимъ тонкимъ орудіемъ и не возьмешь на руку, именно потому, что оно не матеріальное; но есть же, стало-быть, въ насъ другой органъ, которымъ мы постигаемъ и нематеріальное, и есть конечно соответствующій ему объектъ. Съ историкомъ легко согласатся, я думаю, и тѣ, которые посвящаютъ свои занятія изученію искусства и литературы. Чтò бы стало съ величайшими созданіями искусства, если бы къ нимъ приложить, хоть для опыта только, голую матеріалистическую теорію! Во чтò бы превратились Рафаэль, Шекспиръ, Гёте? И все высокое ученіе Платона было бы только слѣдствіемъ извѣстныхъ (или только предполагаемыхъ) комбинацій вещества. . . . Нѣтъ, эти новые учителя не чувствуютъ вѣянія духа, именно потому, что по горло зарылись въ матерію. Имъ, можетъ-быть, хорошо и въ ней, но едвали имъ удастся убѣдить другихъ, которыхъ судьба поставила обращаться въ сферѣ иныхъ явленій и выносить изъ нея чувство иной жизни. . . . Право нельзя не пожелать, чтобы философія снова подняла свой волшебный жезлъ и возвратила жизнь муміямъ, которыя могутъ двигаться только механически.

Впрочемъ, повторяю, мысль не спитъ здѣсь, но очевидно идетъ кривымъ путемъ, взявшись отъ односторонняго воззрѣнія. Такое направленіе только и можетъ держаться при недостаткѣ сильной философской мысли, покоряющей себѣ умы и сообщающей жизнь и движеніе другимъ наукамъ. Есть еще одна важная область, въ которой отсутствіе движенія, жизненнаго духа, чувствуется еще болѣе. Я сужу, конечно, по внѣшнимъ признакамъ; но у меня есть для сравненія Германія половины сороковыхъ годовъ. Я живо помню, какъ она была занята тогда вопросами политическими и религіозными. Съ одной стороны нѣмецкій католицизмъ и такъ-называемые *Lichtfreunde*, съ другой — ожиданія конституціи въ Пруссіи, были постоянными предметами разговоровъ и разсужденій, особенно въ сѣверной Германіи. Я не помню ни одного общаго стола, ни одного переѣзда по желѣзнымъ дорогамъ, гдѣ бы не было рѣчи о томъ или другомъ изъ этихъ спорныхъ предметовъ. И все это выражалось очень гласно, полъ-часъ даже шумно. Ничего этого незамѣтно теперь. Политическіе интересы

как-будто вовсе не существуют, или ушли куда-то въ глубь. Можно проѣхать значительную часть Германіи и не узнать, что она думаетъ про-себя о важнѣйшихъ вопросахъ своей политической жизни. Въ Берлинѣ мы были не задолго до открытія палатъ (если не ошибаюсь, оно назначено на 29-е ноября); но ничто не показывало, чтобы это событіе занимало городъ и приводило его въ движеніе. Неужели учрежденіе до такой степени лишено жизненнаго духа? неужели въ самомъ дѣлѣ оно имѣетъ здѣсь значеніе лишь пустой формы? какъ, живши такъ мало, оно могло до такой степени износиться, что никого видимо не занимаетъ въ столицѣ большаго государства? стало-быть, отъ него ничего болѣе не ожидаютъ, и рѣшеніе великихъ вопросовъ большаго гражданскаго общества или стало вовсе, или пошло мимо?.. Жалкое явленіе!

Въ Дрезденѣ политической жизни разумѣется еще менѣе; да и когда же онъ много жилъ ею? Если и случилось ему разъ, такъ это не по его винѣ: Дрезденъ совсѣмъ не для того созданъ. Кто хочетъ пожить тихо и мирно, съ большими удобствами, по цѣнамъ довольно-умѣреннымъ, зарыться въ книги и журналы и дѣлать лишь небольшіе переходы, тотъ конечно изберетъ Дрезденъ для жительства. Я не замѣтилъ въ немъ большой перемѣны противъ прежнихъ годовъ. Такое же обиліе магазиновъ на главной улицѣ, на Неймарктѣ и Альтмарктѣ, такое же множество отелей съ общими столами, то же Café Français съ крытою галлереею и большимъ запасомъ періодическаго чтенія. Но вотъ что ново: Цвингеръ отстроенъ вновь и превращенъ въ музей. Сюда перенесена картинная галлерей и много отъ того выиграла. Залы просторнѣе и свѣтлѣе, и убраны съ большимъ вкусомъ. Новыхъ значительныхъ приобрѣтеній, кажется, здѣсь не сдѣлано, но что было стараго драгоцѣннаго, то выиграло еще болѣе отъ хорошаго помѣщенія. По временамъ необходимо возвращаться къ нимъ снова, чтобы лучше ихъ оцѣнить. Такъ, стоя вновь передъ Сикстинскою Мадонной, еще болѣе исполняешься благоговѣйнаго изумленія. Для нея теперь отдѣлена особая комната, и она освѣщена прекрасно. Какъ невыразимо-чиста и вмѣстѣ проста была та мысль, которая создала этотъ безсмертный идеалъ! Корреджіо весь собранъ въ одной большой залѣ, вмѣстѣ съ Доссю Досси, Баньякавалло и другими. Впрочемъ, я вовсе не хочу повторять передъ вами все богатство зѣшняго собранія. Прибавлю только, что для него составленъ новый довольно обстоятельный каталогъ съ большимъ введеніемъ, въ которомъ разказана исторія самыхъ важныхъ приобрѣтеній. Интересно особенно исторія приобрѣтенія Сикстинской Мадонны, да и многихъ другихъ. Еще одна странность: въ нѣкоторые дни входятъ въ галлерей даромъ, въ другіе же — со вносомъ платы, и притомъ довольно значительной. На кого же это разсчитано? На богатыхъ путешественниковъ можетъ-быть? — Отъ галлерей переходжу къ театру, тѣмъ болѣе, что переходъ очень не великъ — всего какихъ-ни-

будь 20—30 шаговъ. Мы застали въ Дрезденѣ праздники, по случаю бракосочетанія саксонской принцессы съ принцемъ австрійскаго дома. Кромѣ множества придворныхъ каретъ съ факелами, усиленнаго въ десять разъ газоваго освѣщенія и многихъ баловъ, они выражались еще въ народныхъ представленіяхъ въ театрѣ. Потому въ немногіе дни, которые мы провели въ Дрезденѣ, намъ не досталось видѣть оперы. Намъ удалось лишь слышать въ томъ же театрѣ одинъ концертъ. Но это право стоило оперы. Это было наслажденіе цѣлое и полное. Знаменитый здѣшній капельмейстеръ Рейсигеръ вполне заслуживаетъ своей извѣстности. Въ своемъ родѣ это артистъ перваго разряда. Онъ владѣетъ своимъ многочисленнымъ оркестромъ, какъ однимъ инструментомъ. За то и оркестръ, имъ управляемый, представляетъ собою какъ-будто одинъ живой и цѣльный организмъ. Музыкальная мысль выражается въ немъ вся сполна, со всѣми своими оттѣнками, какъ она, кажется, могла бы представиться развѣ только самому композитору. До тѣхъ поръ мы какъ-будто не слышали музыкальнаго исполненія. Особенно были удивительно выполнены Бахъ и Бетговенъ. На всѣхъ лицахъ видѣлось, что весь театръ былъ настроенъ одинако, потому что не пропалъ ни одинъ оттѣнокъ, ни одинъ переходъ мысли. Откуда такая невѣроятная, невозможная мягкость игры въ такомъ огромномъ оркестрѣ — спрашивали мы себя съ изумленіемъ. Это истинное торжество музыкальнаго искусства. Между прочимъ г-жа Бюрде-Ней пропѣла арію изъ Фиделіо: имя, никогда нами неслыханное. Мы не могли ожидать многого: мы опять ошиблись. Г-жа Бюрде-Ней владѣетъ чрезвычайно-сильнымъ органомъ, а исполненіе было таково, что едва ли кто изъ многочисленныхъ зрителей остался равнодушенъ.

Дрезденъ имѣетъ еще одну приманчивую сторону; въ немъ сильно чувствуется сосѣдство книжнаго Лейпцига. Книжныя лавки и лавочки на каждомъ шагу; окна ихъ уставлены новыми произведеніями. Тутъ, ходя, знакомясь по крайней мѣрѣ съ вѣдшимъ движеніемъ нѣмецкой литературы, а вѣдшее знакомство пролагаетъ путь къ болѣе интимному. Иную книгу, которая заинтересовала своимъ заглавіемъ, можетъ-быть и забылъ бы, но тутъ видишь ее каждый день въ нѣсколькихъ экземплярахъ, нерѣдко читаешь и самую ея цѣну, интересъ возрастаетъ, и кончишь обыкновенно тѣмъ, что возвратишься домой съ книгою въ карманѣ. Такъ, наконецъ, очутилась у меня на столѣ Schatzkästlein Ауэрбаха, о которой газетныя объявленія и извѣстія читалъ еще въ Москвѣ.

Но надобно признаться, эти новые разказы много отстали отъ «Деревенскихъ». Они и короче и блѣднѣе послѣднихъ и, можетъ-быть, слишкомъ уже даютъ чувствовать дидактическую цѣль автора. Я бы больше рекомендовалъ его же «Босоножку», «Barfüssele». Она только что получена была при мнѣ въ Дрезденѣ. Я, разумѣется, тотчасъ взялъ ее и опять узналъ моего милаго разказчика. Этотъ разказъ на-

печатанъ особою книжкою. Исторія самая простая, если хотите даже немножко однообразная; никакой почти интриги, немного лицъ, сфера дѣйствія очень тѣсная... Но какъ вѣрно положены всѣ краски, какъ чувствуется истина изображенія! Другихъ красокъ почти нѣтъ, кромѣ тѣхъ, которыя даетъ мѣстная природа, но онѣ такъ свѣжи и живы, что при нихъ забываешь, что есть другія, болѣе яркія. Эта простота и чистота рисунка въ предпоследнее время была невольно возмущена у автора примѣсью постороннихъ идей, несвойственныхъ искусству въ строгомъ смыслѣ слова. Тогда онѣ носились въ воздухѣ, отъ нихъ почти нельзя было отдѣлаться ни въ какой дѣятельности; но горизонтъ опять разъяснился, и у нашего автора не осталось и слѣда прежнихъ нѣсколько смутныхъ теорій, но осталась сердечная теплота, осталось гуманное чувство и соединенный съ нимъ идеальный оттѣнокъ, который придаетъ самымъ простымъ вещамъ, къ какимъ только прикоснется рука художника, невыразимую прелесть. Натура Ауэрбаха истинно-художническая; оттого и послѣдній разказъ его, несмотря на простоту и даже бѣдность своего содержанія, оставляетъ весьма отрадное впечатлѣніе.

Почти стоитъ разказать, какъ мы бѣжали отъ зимы, и какъ она насъ преслѣдовала. Дорогу отъ Петербурга до Ковно мы сдѣлали большею частію если не по снѣгу, то подъ снѣгомъ, который принимался съпать на насъ нѣсколько разъ. Ночи были очень холодны, такъ что мы употребляли въ дѣло все, что у насъ было согрѣвающего. Начиная съ Динабурга снѣгъ почти исчезъ. Въ Ковно просто было дождливо, и потому, разумѣется, грязно, хоть это свойство, повидимому, лежитъ въ самой натурѣ города. По грязи же, хотя въ то же время и по шоссе, добрались мы отсюда въ жидовской бричкѣ до перваго прусскаго городка Stallupoenen (Сталупьяны). Въ Кенигсбергѣ мы были послѣ дождя, и ходили по грязи. Въ Берлинѣ ѣхать было уже гораздо теплѣе. Тамъ застали мы ясную, хотя довольно холодную погоду, но она скоро испортилась. Та же исторія повторилась въ Дрезденѣ: изъ ясной и свѣжей погоды черезъ нѣсколько дней превратилась въ туманную. О Саксонской Швейцаріи нечего было и думать, но я не утерпѣлъ, чтобы не познакомить немного моихъ спутницъ съ саксонскою горною природою, и для того избралъ старый нашъ путь на Прагу, по Эльбѣ, по крайней мѣрѣ до Ауссига, хотя это пространство можно бы гораздо скорѣе, и не дѣлая станціи, пробѣжать по желѣзной дорогѣ. Я не совсѣмъ обманулъ въ моихъ ожиданіяхъ. Утро было холодно, но довольно ясно, такъ что мы не имѣли нужды прятаться въ каютѣ и могли еще любоваться берегами рѣки. Какъ вы знаете, они имѣютъ особую прелесть, которой не найдешь ни на Дунаѣ, ни на Рейнѣ. Въ небольшихъ размѣрахъ природа собрала здѣсь всѣ оттѣнки горной природы. Не поражая размѣромъ, профиль береговой скалы здѣсь необыкновенно хорошъ и живописенъ. Много дикаго, но нѣтъ подавляющаго. Хорошъ также гу-

стой лѣсной уборъ на скалѣ. Онъ же вѣчно зеленъ, потому что состоитъ большею частію изъ хвойнаго лѣса. А вздымающаяся изъ — за него черная скала безпрестанно что-нибудь говоритъ воображенію своими странными формами. Впрочемъ, на первой половинѣ пути, пока еще горы не подступили тѣсно къ рѣкѣ, мы видѣли еще много свѣжей зелени и на лиственныхъ растеніяхъ. Тутъ тянутся цѣлые ряды сельскихъ домиковъ, облѣпленные виноградными лозами сверху до низу, и эта зелень тогда еще нисколько не поблекла; мы забывали, при видѣ ея, холодный вѣтеръ, который между тѣмъ дулъ на насъ съ горъ. А между тѣмъ около насъ, по лѣвому берегу, вилась желѣзная дорога, скоро обогналъ насъ и большой поѣздъ, слѣдовавшій въ Прагу и заставившій насъ такимъ образомъ до полуночи ожидать другаго въ Ауссигѣ, гдѣ мы были лишь часа въ четыре по полудни. Эта дорога сама по себѣ очень красива. Начиная, кажется, отъ Пирны, она неотступно слѣдуетъ теченію Эльбы; то она идетъ самымъ берегомъ, то бѣжитъ, извиваясь по высокой каменной настилкѣ, перемежающейся красивыми арками, а въ Тешенѣ вдругъ уходитъ въ гору, чтобы тоннелемъ выйти по другую ея сторону. Мы сѣли въ вагонъ только въ Ауссигѣ, ночью, и приѣхали въ Прагу рано утромъ, еще до разсвѣта.

Въ Прагѣ опять та же исторія, что первые дни въ Берлинѣ и Дрезденѣ; только намъ показалось здѣсь значительно теплѣе. Въ городкѣ, однако, былъ уже дождь; это значило, что надобно спѣшить далѣе. Въ ночь мы выѣхали на Вѣну и скоро почувствовали холодъ. Причина объяснилась на первой станціи: мы были въ богемскихъ горахъ и на насъ падалъ уже не дождь, а снѣгъ. Такъ продолжалось до самой Моравіи. Тутъ мало-по-малу снѣгъ опять исчезъ, хотя горная природа продолжалась. Скоро дорога стала занимать насъ другою своею стороною. Горы кругомъ насъ становились все тѣснѣе и тѣснѣе. Наконецъ, человѣку отъ нихъ никуда уйти нельзя, и онъ долженъ, чтобы открыть себѣ путь, пробивать скалы одну за другою. Такимъ образомъ, мы насчитали, не за долго до Брюна, до десяти туннелей на какихъ-нибудь двухъ станціяхъ. Пробравшись сквозь эти ущелья, дорога вступаетъ въ узкую, но чрезвычайно пріятную Adamsthal, которая идетъ до самаго Брюна. Когда мы приѣхали въ Вѣну, не нашли тамъ слѣдовъ ни снѣга, ни дождя. Вечеръ того дня былъ даже очень теплый; лишь на другое утро стало гораздо свѣжѣе, но погода не измѣняла. Впрочемъ, о Вѣнѣ у меня еще остается нѣсколько строкъ на будущее...

II.

Много говорятъ объ обновленіи Австріи, но прежде всего поражаютъ въ ней посторонняго человѣка остатки прежняго фискальнаго духа и полицейской подозрительности. На австрійскихъ желѣзныхъ

дорогахъ надобно быть очень бдительнымъ въ собственномъ смыслѣ этого слова; особенно надобно стараться удерживаться отъ сна на первой станціи отъ дебаркадера: иначе вамъ предстоитъ неприятное пробужденіе и за тѣмъ полицейскій зовъ, требующій отъ васъ паспорта... Если вы отправились ночью, то васъ опрашиваютъ съ фонаремъ въ рукѣ. Такому обыску подвергаются одинъ за другимъ всѣ вагоны. Можетъ-быть и правда, что тѣмъ держится безопасность нѣмкихъ государствъ; но зачѣмъ бы кажется повторять этотъ опытъ всякій разъ, какъ только вы снова очутитесь въ вагонѣ, хотя бы вы въ промежуткѣ не переѣзжали никакой новой границы? Ужь не дѣлается это изъ строгой консеквентности, равно какъ и то, что передъ каждымъ большимъ городомъ обираютъ паспорта и заставляютъ васъ отыскивать ихъ черезъ лондинера? Любопытно было бы знать, сколько рукъ и людей употребляется на эту столько важную службу государству...

Въ Вѣнѣ, при самомъ вѣздѣ въ нее, случился съ нами экивокъ. Мы хотѣли, чтобы наши вещи были перевезены *zug weissen Rose*, а ихъ перевезли *zum weissen Ross*. Это значило сверхъ чаянія очутиться въ большей отели, гдѣ не очень бываютъ рады гостямъ, которые спрашиваютъ «скромнаго» помѣщенія. Но дѣлать нечего. Надобно постараться помочь такому горю краткостію пребыванія. Лучше провести болѣе времени въ настоящемъ Парижѣ, чѣмъ въ нѣмецкомъ. А между тѣмъ нельзя было и пропустить вовсе Вѣну... Одинъ Стефанъ, если вы уже знакомы съ нимъ, потребуетъ отъ васъ непременно, чтобы вы заѣхали еще разъ поклониться ему. И каждый разъ потомъ онъ сохранитъ на васъ эту притягательную силу... Я живо помню первое, нечаянное впечатлѣніе: оно было, что называется, *zaisissant*. Я остолбенѣлъ, случайно вышедши на площадь и вдругъ увидѣвъ передъ собою это чудо строительнаго средневѣковаго искусства. Второе, то-есть нынѣшнее, впечатлѣніе было гораздо спокойнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и гораздо отчетливѣе. Нѣтъ; въ сажомъ дѣлѣ, ни въ какомъ строительномъ искусствѣ камень не проникался такъ творчествомъ духа, какъ въ готизмѣ (я разумѣю чистый и безпримѣсный). Мало того, что въ немъ исчезаетъ тяжесть массы: даже крайнія линіи, составляющія профиль зданія и заканчивающія его съ боковъ, не остаются одинаково и непрерывно ровны, что повидимому было бы неизбѣжно. Я долго смотрѣлъ на боковыя линіи башни Св. Стефана: собственно говоря, ихъ здѣсь нѣтъ; пирамидальная форма башни составляется не изъ прямыхъ линій, уходящихъ въ верхъ, какъ въ пирамидѣ или обелискѣ, а изъ множества ростковъ, которыхъ одни ряды вставлены въ другіе и постепенно сѣуживаются. Это такъ же органически, какъ въ нѣкоторыхъ растеніяхъ, особенно въ пирамидальномъ тополѣ и кипарисѣ, одни позвонки вѣтвей нарастаютъ на другіхъ. Никто конечно изъ соорудителей этихъ вѣковѣчныхъ зданій не думалъ о такомъ сходствѣ и не

руководился имъ, а между тѣмъ такъ вышло. Печать народнаго генія, народнаго духа лежитъ на нихъ. Это можетъ—быть самое непосредственное проявленіе народной индивидуальности въ искусствѣ, потому что большею частію предшествуетъ умственному развитію. Эклектизмъ никогда не создаетъ ничего столько полнаго, то-есть столько органическаго, хотя можетъ производить не только колоссальныя, но и въ самомъ дѣлѣ прекрасныя вещи,—доказательствомъ чему служить италіанскій стиль временъ Возрожденія.

Чудо какъ хорошъ Св. Стефанъ,—но какъ не полюбоваться и Грабеномъ, гдѣ собрано столько роскоши, блеска и великолѣпія, и гдѣ до глубокой ночи не прекращается шумное движеніе? Нельзя не признаться, что позднимъ вечеромъ, особенно своими безчисленными огнями, онъ также производитъ очарованіе; но тогда, оставленный одинъ во мракѣ, еще величавѣе кажется Св. Стефанъ, улетающій въ небо своею острою вершиною. На Грабенѣ я не нашелъ уже столько памятной мнѣ красивой вывѣски zum Fürst Metternich, съ портретомъ его во весь ростъ: вѣроятно волны 1848 года смыли и ее куда-нибудь вмѣстѣ со многими другимъ. Я не скажу впрочемъ, чтобы на вѣнскихъ улицахъ чувствовалось много слѣдовъ когда-то бывшаго переворота: ихъ надобно искать гдѣ-нибудь въ другихъ сферахъ. Можно заглянуть на примѣръ въ вѣнскія кафе, тѣмъ болѣе что они смотрятъ такъ свѣтло, и часто даже великолѣпны. Не запомню навѣрное, но кажется прежде здѣсь не бывало такого множества всякаго рода газетъ и журналовъ — нѣмецкихъ, французскихъ, италіанскихъ. И все это, разумѣется, пожирается молчаливыми посѣтителями, которые сидятъ за чашкою кофе или за мороженымъ. Признакъ добрый: наконецъ хоть этому необходимому элементу политической жизни нѣтъ больше стѣсненія, хоть ему дана возможность свободнаго обращенія и публичной передачи изъ рукъ въ руки. Заглянемъ въ книжныя лавки. Бывало здѣсь выставлялись къ окнамъ лишь строго католическія ком-позиціи; даже Шиллеру давалось мѣсто больше изъ снисхожденія, чѣмъ изъ уваженія. Другимъ сочиненіямъ позволено было существовать только въ глубинѣ лавокъ и не показываться на свѣтъ; наконецъ третьи... Но объ нихъ даже говорить едва ли не было преступленіемъ. Теперь и здѣсь почти вся нѣмецкая литература вышла наружу и рисуется въ окнахъ. Есть конечно исключенія; по видимому они не простираются далеко. Къ удивленію моему, я нѣсколько разъ встрѣчалъ въ окнахъ вѣнскихъ книжныхъ лавокъ Гервинуса, не только какъ автора знаменитаго «Введенія», но и какъ самаго историка, хотя первый уже томъ его Исторіи не очень льститъ Австріи перваго двадцатипятилѣтія нашего вѣка. Давно пора было взяться за умъ. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему могло служить прежнее литературное ипокритство? Неужели, находясь въ Германіи, можно было укрыться отъ вліянія нѣмецкой литературы и запереть ей входы къ себѣ? Не лучше ли, чтобы читали какъ дозволенное и безъ оглядки то, что

всегда тоже читалось, но — какъ запрещенное? Вѣдь въ этой же Вѣнѣ, около половины прошлаго вѣка, дошло до того, что наконецъ принуждены были запретить *Index librorum prohibitorum*, потому что онъ служилъ только указателемъ для тѣхъ, которые желали имѣть произведенія извѣстнаго разряда...

Между современными политическими брошюрами мнѣ бросилась здѣсь въ глаза особенно одна, подъ названіемъ *Das oesterreichische Concordat und der Ritter Runsen*. Произведеніе чисто мѣстное. Издано оно въ Регенсбургѣ, но внушено едва ли не въ самой Вѣнѣ. Меня занимало прежде всего содержаніе брошюры. *Bongré malgré* Австрія повидимому очень много занята «своимъ» конкордатомъ. Между предметами внутренней политики онъ стоитъ у нихъ на первомъ планѣ. Первый вопросъ изъ этой области, который они обращаютъ къ иностранцу, состоитъ въ томъ: что думаютъ у васъ о нашемъ конкордатѣ? Вопросъ, который сбиваетъ васъ съ толку своею неожиданностію. Впервыхъ, слѣдовало бы спросить, думаютъ ли и забываются ли имъ; но ужь если предполагается, что думаютъ, то — не очень много и не очень выгодно... На этотъ несомнѣнный скромный отзывъ вамъ приводить въ примѣръ нѣсколько случаевъ, которые показываютъ, что Австрія сама не въ восторгѣ отъ своего великаго дѣла, хотя и не высказываетъ этого въ слухъ. Для меня всего любопытнѣе было знать, кому бы могла быть обязана обновляющаяся Австрія этою средневѣковою заплатою на своемъ костюмѣ вѣнчанаго покроя? Мнѣ назвали графа Туна, министра просвѣщенія... Подумаешь, Иосифъ II былъ не только исключеніемъ въ исторіи Австріи, но и совершенною ошибкой! — Тѣмъ болѣе интересовался я узнать мнѣніе брошюры о томъ же предметѣ. Очевидно, она назначена служить апологіею учрежденія. Авторъ называетъ себя «старымъ дипломатомъ»: что бы впрочемъ ни скрывалось подъ этою фирмою, видно, что онъ высказываетъ истинную мысль основателей конкордата. И такъ стоить послушать его, чтобы по крайней мѣрѣ узнать, чѣмъ мотивировано это неожиданное дѣйствіе новой австрийской политики. На первой же страницѣ брошюры нахожу прелюбопытное положеніе. *Два великія событія ознаменовали собою, говорить авторъ, истекшій 1855 годъ: осада Севастополя и — risum tenetis, amici! — публикація австрийскаго конкордата...* Ясно, что есть особая точка зрѣнія на всемірныя событія, которую нельзя иначе назвать, какъ австрийскою. По крайней мѣрѣ едва ли мы найдемъ еще съ какой-нибудь точки зрѣнія подобное уравненіе осады Севастополя съ австрийскимъ конкордатомъ. Послѣ этого удивляться ли, что авторъ не можетъ подумать безъ негодованія, что такая великая мѣра, которой дѣйствіе, по его мнѣнію, должно простираться несравненно далѣе, чѣмъ дѣйствія другаго современнаго ей событія, встрѣтила въ публикѣ лишь порицаніе и возбудила противъ себя громкіе вопли? Порицатели напередъ должны былибы спросить, какъ глубоко

лежить корень этой мѣры, какъ широки ея основанія, и противъ чего она собственно направлена. Изъ изложенія quasi-старога австрійскаго дипломата оказывается, что австрійскій конкордатъ есть самая спасительная и дѣйствительная мѣра противъ того зла, которое столько лѣтъ уже волнуетъ современное общество и производитъ въ немъ перевороты за переворотами. Будь австрійскій конкордатъ заключенъ ранѣе, и подражай ему одно за другимъ другія католическія государства, навѣрное не было бы ни 1789, ни 1830 и 1848 годовъ. За тѣмъ авторъ пускается въ историческія соображенія. Въ нихъ главное мѣсто занимаетъ Франція и во Франціи — царствованіе Лудовика XIV. Многіе, пожалуй, согласятся съ авторомъ, что въ это время дѣйствительно положены были въ землю многія сѣмена, которыя потомъ возрасли и принесли свой плодъ, хорошій или дурной, въ концѣ другаго вѣка; но для кого не будетъ сюрпризомъ узнать отъ австрійскаго публициста, что главная вина злу заключается въ рѣшеніяхъ національнаго французскаго собора 1681 года, наиболѣе содѣйствовавшаго къ тому, чтобы ограничить власть папы во Франціи? вмѣсто національнаго собора, заключи Лудовикъ XIV конкордатъ, подобный австрійскому, и все пошло бы совершенно иначе.

По этому образчику можете судить, какъ изъ «историческихъ» основаній развивается мысль «старога дипломата», и какъ она приходитъ наконецъ снова къ своему основному положенію, то-есть что въ 1855 году произошло два событія всемірнаго значенія: взятіе Севастополя и заключеніе австрійскаго конкордата. Но это еще не все. Какъ видно изъ заглавія, авторъ разомъ и защищаетъ свое дѣло и отражаетъ противниковъ. Другая часть и притомъ обширнѣйшая направлена противъ Бунсена, Ritter Bunsen. Но какъ попалъ сюда этотъ вѣрный представитель одного изъ благороднѣйшихъ направленій нѣмецкой науки и мысли? Конечно причина лежитъ не въ *jealousie de métier*. Дѣло вовсе не въ томъ, что Бунсенъ тоже былъ дипломатомъ. и въ настоящее время находится въ отставкѣ, какъ говоритъ о себѣ и авторъ брошюры, — хотя въ другомъ случаѣ можетъ-быть и этого достаточно было бы, чтобы не сказать другъ о другѣ добраго слова. Но тутъ есть еще другая, менѣе личная. Вина Бунсена передъ австрійскою публицистикою состоитъ именно въ томъ, что, оставаясь дипломатомъ, онъ не переставалъ быть усерднымъ дѣятелемъ науки, что постоянно держался въ ней здравыхъ началъ, что не стѣснялся въ ней предрасудками, и добытый съ ея помощію свѣтъ старался по возможности вносить и въ другія области. Автора «Ипполита» нельзя упрекнуть, какъ нѣкоторыхъ другихъ, въ недостаткѣ религіозности: напротивъ, никто можетъ быть въ современной Германіи не посвятилъ столько труда и изученія на возстановленіе религіозной мысли во всей ея чистотѣ. Но за то нѣтъ и болѣе бдительнаго стража противъ опасныхъ стремленій католической іерархіи, которая все еще не

может помириться съ своимъ положеніемъ, какъ оно вышло изъ событій XVI и XVII столѣтій, и время отъ времени дѣлаетъ попытки возстановить свое прежнее преобладаніе. Еслибы даже Бунсенъ не касался вовсе австрійскаго конкордата, то все же онъ былъ бы виноватъ передъ нимъ, потому что постоянно боролся съ тѣми стремленіями, изъ которыхъ могло возникнуть подобное учрежденіе. Поэтому, защищая конкордатъ, нельзя было автору брошюры не сдѣлать наѣзда на «рыцаря Бунсена». А чтобы дѣло имѣло видъ критики, въ основаніе полемики взято извѣстное сочиненіе Бунсена: «Die Zeichen der Zeit». На каждое его письмо авторъ отвѣчаетъ цѣлою особою главою или разсужденіемъ. Такимъ образомъ объемъ брошюры увеличился почти вътрое, и всѣ возраженія противъ конкордата или тѣхъ началъ, на которыхъ онъ основанъ, подвергнуты подробному разсмотрѣнію.

Взявшись за дѣло критика, авторъ брошюры повидимому остается въ своемъ правѣ. Какъ иначе и добратся до истины, если не повѣрять каждое мнѣніе критически? *Du choc des opinions etc.* Но чтобы возможенъ былъ сколько-нибудь логическій споръ, надобно, чтобы тотъ, кто поднимаетъ перчатку, имѣлъ доброе желаніе войти въ сферу мысли своего противника и допустить хотя возможность тѣхъ выводовъ, которые выдаются имъ за дѣйствительные факты. Въ противномъ случаѣ, споръ будетъ только голымъ повтореніемъ отрицательныхъ фразъ всякаго рода, и неминуемо перейдетъ въ неприличную брань. Какъ могли напримѣръ темныя головы XVI вѣка понять защитниковъ движенія земли, когда они не хотѣли допустить даже возможность этого явленія? Къ сожалѣнію, австрійская критика во многихъ отношеніяхъ до сихъ поръ остается нѣтъ что сказать противниковъ Коперника, Галилея и другихъ великихъ двигателей науки. Она еще до сихъ поръ не развязалась съ старою привычкою спорить противъ того, до чего она еще не доросла понятіемъ, и думаетъ торжествовать побѣду, если сумѣетъ собрать надъ головою противника какъ можно больше скандала всякаго рода, и обнести его самою унизительною бранью. Въ такихъ отношеніяхъ находится она, въ лицѣ «отставнаго дипломата», и къ Бунсену. Авторъ брошюры беретъ на себя оспаривать каждое его положеніе, и между тѣмъ поступаетъ такъ, какъ еслибы противникъ его отъ природы лишенъ былъ всякаго смысла, и не могъ никогда даже ненарочно обмолвиться ни одною вѣрною мыслию... Однимъ словомъ, какъ и теперь еще поступаютъ у насъ нѣкоторые тупые quasi — критики Гоголя. Уже съ перваго приѣма стараго дипломата видно, какъ понимаетъ онъ задачу критики. Первая глава втораго отдѣла брошюры называется «Личность Бунсена». Можете себѣ вообразить, въ какомъ свѣгѣ представлены тутъ жизнь и дѣятельность почтеннаго ученаго. За тѣмъ въ нѣсколькихъ главахъ слѣдуетъ самый разборъ названнаго сочиненія Бунсена. Я, разумѣется, не намѣренъ входить въ подробности *такой* критики: это была бы совер-

*

шенно безплодная трата времени. Но могу взять наудачу нѣсколько образчиковъ. Рѣчь идетъ о томъ, что, по наблюденію Бунсена, въ послѣдніе годы неумѣренные стремленія политической іерархіи снова начали обнаруживаться въ разныхъ частяхъ Германіи. Отвѣтъ на это наблюденіе, подкрѣпленное многими фактами, держится такъ, какъ еслибы подобныя стремленія никогда не были и въ возможности, и слѣдовательно говорить о нихъ нечего. Бунсенъ ведетъ рѣчь объ опасности, грозящей со стороны фанатизма, и противопоставляетъ ему, какъ разумное требованіе вѣка, вѣротерпимость и свободу совѣсти: а противникъ отвѣчаетъ ему, что все это пустыя слова, фразы, и анализируя посвоему понятіе о вѣротерпимости, этимъ путемъ приходитъ къ обвиненію Бунсена, чуть не въ отрицаніи всякой идеи церкви, государства и общества! Извольте вести споръ съ такими добросовѣстными противниками... Присоедините къ этому самый тонъ брошюры. Отъ начала до конца авторъ не перестаетъ кипѣть негодованіемъ, впадаетъ въ бранчивый пафосъ, при всякомъ непріятномъ ему выраженіи Бунсена, и наконецъ начинаетъ печатно плевать на него. (Любопытные, которымъ попадется брошюра, могутъ заглянуть на примѣръ на стр. 144.) Не дурно также, что на нѣкоторыя замѣчанія Бунсена о наклонности самаго Бонифація, просвѣтителя Германіи, къ іерархическому преобладанію, противникъ отвѣчаетъ подозрѣніемъ, что, еслибы представился случай, авторъ вѣрно не отказался бы побить Бонифація еще разъ вмѣстѣ съ Фризами...

До того мало приготовлена южная Германія войти въ разумъ съверной, какъ скоро дѣло касается высшихъ интересовъ науки. Я бы не подумалъ и говорить о такомъ недостойномъ и поверхностномъ явленіи, какъ полемика противъ Бунсена, если бы брошюра не красовалась въ окнахъ многихъ книжныхъ лавокъ Вѣны, какъ послѣдняя новость австрійской публицистики.

Чтобы отдохнуть отъ впечатлѣній, навѣянныхъ этимъ чтеніемъ, надобно было обратиться къ искусству. У меня еще оставался свободный день: я положилъ употребить его, по крайней мѣрѣ утро, на посѣщеніе стараго знакомаго—вѣнскаго Бельведера. Это немножко далеко, какъ вы знаете; но не было ли наше прежнее пилигримство къ Бельведеру всегда достаточно вознаграждено? Такъ случилось и на этотъ разъ. Надобно сказать правду, это одно изъ весьма счастливыхъ собраній по части живописи. Сколько тутъ прекрасныхъ вещей, которыми можно приходиться любоваться по нѣскольку разъ! Мнѣ пріятно было повѣрить еще разъ мои впечатлѣнія и дополнить ихъ нѣкоторыми новыми. Къ бельведерскому собранію ничего, ровно ничего не прибавилось, и все осталось на прежнихъ мѣстахъ; но впервыхъ, отъ времени въ памяти моей оказалось уже много пробѣловъ, а вовторыхъ, многое было просмотрѣно въ свое время или не видѣно настоящими глазами. Чтобы не ходить далеко, укажу на картину Порденоне. Рисунокъ ея мнѣ знакомъ, краски тоже,

но я не помню, чтобы мнѣ приходилось останавливаться передъ нею со вниманіемъ. На этотъ разъ она поразила меня достоинствами первостепенными: строгостию и вмѣстѣ изяществомъ рисунка, рѣдкимъ достоинствомъ выраженія, превосходнымъ тономъ красокъ. Картина изображаетъ во весь ростъ одну святую и передъ нею—молчащую фигуру мушны. Это очевидно портретъ, но онъ сдѣланъ съ рѣдкимъ искусствомъ и любовію. Совершенно живыя краски до сихъ поръ. Никогда еще не видалъ я такого Порденоне и никогда не останавливался передъ нимъ съ такимъ уваженіемъ. Да и вообще тутъ не скоро можно оторваться отъ Венеціанъ. Здѣшній Кальери едва ли даже не выигрываетъ передъ дрезденскимъ. На Тиціана собраніе также было очень счастливо. *Блудница передъ Христомъ* конечно есть одно изъ глубокихъ его созданій. Изъ тѣхъ вещей, которыя здѣсь носятъ имя Корреджіо, мнѣ кажется двѣ несомнѣнно принадлежать ему: это поясное изображеніе Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ (несущаго крестъ) и *Пожженіе Ганимеда*. Въ первомъ много того Ernst, которого часто не доставало Корреджіо; и вообще это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ типовъ, выработанныхъ его кистию. А великолѣпный Рубенсъ? Я право не знаю, гдѣ лучше можно знакомиться съ его широкою и блестящею кистию, какъ не въ Бельведерѣ. А Ванъ-Дейкъ, а Рембрандтъ? Но я кажется начинаю уже повторять себя...

П. Кудрявцевъ.

ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЕ.

Сообщимъ нѣсколько подробностей о годичномъ съѣздѣ англійскихъ ученыхъ. Въ истекшемъ году засѣданія Британскаго Общества происходили въ небольшомъ городкѣ Челтенгамъ (Cheltenham). Засѣданія открылись въ сентябрѣ; трудно представить себѣ, сколько было прочитано мемуаровъ, сообщений, замѣтокъ; множество опытовъ было сдѣлано предъ глазами слушателей, толпами наполнявшихъ залы засѣданій. Всякій желающій могъ познакомиться со всѣми результатами новѣйшихъ изслѣдованій, и такимъ образомъ стать въ уровень съ наукою. Корреспондентъ журнала *Revue Britannique* замѣчаетъ, что несмотря на специальность многихъ вопросовъ, глубокое вниманіе и участіе было замѣтно въ посѣтителѣхъ, въ числѣ которыхъ находилось множество дамъ, — вниманіе, не охладѣвшее во все продолженіе засѣданій, которыя тянулись ежедневно по нѣсколькимъ часамъ. Чтобъ успѣть сообщить всю массу накопившихся матеріаловъ, ученые раздѣлились на нѣсколько спеціальныхъ отдѣленій, имѣвшихъ свои засѣданія одновременно. Ученый конгрессъ открылся рѣчью

президента Общества профессора Добени (Daubeny). Въ этой рѣчи ораторъ обратилъ преимущественно вниманіе на состояніе современной химіи, какъ предмета ему наиболее близкаго. Профессоръ Добени особенно останавливается на вопросѣ объ отношеніи химіи къ земледѣлю и заслугахъ Либиха въ этомъ отношеніи. Такъ какъ этотъ вопросъ имѣетъ общій интересъ и находится въ связи съ другимъ важнымъ вопросомъ объ отношеніи теоріи и практики вообще, то мы считаемъ не лишнимъ сообщить нѣсколько замѣтокъ относительно этого предмета, присоединивъ нѣсколько подробностей о Либихѣ, которыя, надѣемся, прочтутся не безъ интереса.

« Кто не знаетъ, говорить Добени, сочиненія барона Либиха, которое произвело такое впечатлѣніе при своемъ появленіи и въ такой степени возбудило энергію сельскихъ хозяевъ (въ Англіи конечно)? Рѣдко выпадаетъ на долю одного человека слава утвердить общія начала науки и въ то же время сдѣлать ихъ популярными чрезъ практическія приложенія. Эрстедъ, отецъ электрохиміи и Фарадей, такъ много сдѣлавшій для развитія началъ этой науки, оставили Уитстону изобрѣтеніе электрическаго телеграфа. Дальтонъ, изобрѣтатель атомистической теоріи, ничего не сдѣлалъ для промышленности города, въ которомъ жилъ; изобрѣтеніе, дѣлавшее возможнымъ практическое приложеніе силы пара, обязано своимъ существованіемъ соединенному дѣйствію разнородныхъ талантовъ Блалка и Уатта, изъ которыхъ первый истолковалъ теорію скрытнаго теплорода, второй приложилъ ее къ экономическому образованію пара. Но Либихъ блеститъ въ ученomъ мѣрѣ тройнымъ свѣтомъ: своимъ остроуміемъ въ изобрѣтеніи новыхъ способовъ анализа, оригинальностью своего ума въ уясненіи великихъ теоретическихъ началъ науки и своею замѣчательною способностію прилагать эти начала къ достиженію практическихъ цѣлей.

«Извѣстно, продолжаетъ г. Добени, что съ нѣкотораго времени возникъ споръ между знаменитымъ германскимъ химикомъ и нѣкоторыми изъ практическихъ сельскихъ хозяевъ нашей страны, относительно вопроса объ удобреніи.»

Такъ какъ этотъ споръ касается столь важнаго предмета какъ удобреніе полей, и такъ какъ многіе имѣютъ неточное понятіе о мнѣніи Либиха, то постараемся въ главныхъ чертахъ передать его ученіе, руководствуясь его сочиненіемъ «Химія въ приложеніи къ земледѣлю».

Часто слышатся со стороны практиковъ, еще чаще со стороны людей, воображающихъ себя практиками, возгласы о противоположности теоріи и практики, объ опасности предаваться теоретическимъ соображеніямъ, о недостаточности теоріи и т. п.; съ другой стороны теоретики упрекаютъ практиковъ въ грубомъ эмпиризмѣ, излишней приверженности преданіямъ, укорененнымъ въ каменіи, въ ограниченности взгляда и противуборствѣ усовершенствованіямъ. Но замѣтимъ, что

возгласы противъ теорій въ наше время кажутся запоздалыми; они могутъ имѣть силу только тогда, если подъ именемъ теорій разумѣть фантастическую систему, а не прямой выводъ изъ фактовъ. Исключительное поклоненіе практическимъ выводамъ есть своего рода фантастическая теорія. Практическія приложенія зиждутся на теоріи. Въ то же время, дѣйствительно, есть важное различіе между тѣмъ, какъ ставится вопросъ въ наукѣ, въ теоріи, и тѣмъ, какъ онъ является въ области практическихъ приложеній. Наука имѣетъ дѣло съ явленіемъ въ чистомъ видѣ, отдѣленномъ отъ тѣхъ условий, подъ которыми оно представляется въ практикѣ. Наука имѣетъ цѣлю раскрытіе законовъ природы, практика занимается ближайшими вопросами, останавливается на побочныхъ обстоятельствахъ, получающихъ здѣсь часто такое же значеніе, какъ и само изслѣдуемое явленіе. Разборъ вопроса объ удобреніи уяснитъ эти положенія.

Растенія получаютъ пищу изъ почвы и изъ атмосферы, которая не только окружаетъ стволъ и листья, но, проникая въ почву, омываетъ самыя корни. Изъ атмосферы получаетъ растеніе свои главные начала: угольную кислоту, азотъ (просимъ читателей вспомнить изслѣдованія объ этомъ предметѣ г. Вилля, о которыхъ мы говорили въ одной изъ предыдущихъ книжекъ «Русскаго Вѣстника», и которыя были произведены уже послѣ изданія Химіи Либиха), далѣе кислородъ и водородъ (въ видѣ воды). Изъ почвы растеніе получаетъ минеральныя вещества, необходимыя, какъ показываетъ опытъ, для его существованія. Эти вещества, если сжечь растеніе, остаются въ его золахъ. Такова фосфорная кислота, щелочи, углекислая известь и магнезія, въ нѣкоторыхъ растеніяхъ кремнеземъ, іодъ и т. д.

Представимъ себѣ плодородное поле, покрытое растительностію; жатва снята: черезъ это самое много веществъ унесено изъ почвы. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, почва истощается, является необходимость удобренія. Наземъ, содержа въ себѣ минеральныя начала, возвращаетъ почвѣ похищенныя части, но это еще не единственная роль удобренія. Подвергаясь гніенію, удобреніе выдѣляетъ изъ себя угольную кислоту и аммоніакъ, и прибавляетъ ихъ къ составу атмосферы, особенно той ея части, которая омываетъ корни. Такимъ образомъ воздухъ, находящійся въ унавоженной почвѣ, дѣлается богаче питательными частями. Далѣе, угольная кислота и аммоніакъ, поглощаясь находящеюся въ почвѣ водою, увеличиваютъ ея способность растворять минеральныя вещества, которыя вмѣстѣ съ этою влагою всасываются растеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для усиленія дѣйствія воды и атмосферы при раствореніи минеральныхъ элементовъ, необходимо, чтобы почва имѣла нѣкоторую степень рыхлости, была механически обработана.

Такъ какъ разныя растенія требуютъ для поддержанія своего существованія различныхъ минеральныхъ веществъ и въ различной пропорціи, то понятно, что поле, бесплодное для одного рода расте-

ній, можетъ быть плодоноснымъ для другихъ. Отсюда плодоперемѣнная система.

Если почва содержитъ въ себѣ минеральныя вещества въ достаточномъ количествѣ, тогда растеніе принимаетъ, при посредствѣ ея, изъ воздуха болѣе углекислоты и аммоніака, и на оборотъ, если удобреніе увеличитъ богатство атмосферы, то количество поглощаемыхъ элементовъ также увеличивается. Но если къ полю, богатому минеральными веществами, прибавить еще минеральныхъ веществъ, то его плодородіе не увеличится.

Такова въ главныхъ чертахъ мысль Либиха объ удобреніи. Мы видимъ, что онъ не только не отрицаетъ пользы уваживанія, но и даетъ ему важное значеніе, хотя и измѣняетъ его роль въ питаніи растений. Удобреніе, какъ видимъ, дѣйствуетъ не прямымъ путемъ, какъ думали многіе прежде, допуская, что растеніе прямо изъ удобренія получаетъ свои органическія начала; теорія гумуса разрушается изслѣдованіями Либиха. вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ новая мысль: *о минеральномъ удобреніи*. Заключенія о питаніи растений, доставленныя наукою, открываютъ новыя задачи для сельскаго хозяйства и указываютъ путь къ новымъ цѣлямъ, достиженіе которыхъ еще можетъ быть далеко впереди. Приведемъ слова Либиха относительно одной изъ главныхъ, по его мнѣнію, задачъ современной науки сельскаго хозяйства.

«Въ земледѣліи, говоритъ онъ, есть одинъ камень преткновенія, который, если не остеречься, помѣшаетъ наукѣ осуществить свой результаты. Я говорю о системѣ раздѣленія полей на пашни (*systeme d'assolement*). Земледѣлецъ не можетъ заниматься постоянно воздѣлываніемъ тѣхъ растений, которыя онъ долженъ или желалъ бы воздѣлывать по преимуществу. Онъ часто принужденъ покрывать большую часть своихъ полей растеніями, предназначенными въ пищу для скота бесполезнаго, часто только отягчающаго собою, единственно съ цѣлію получить удобреніе, потребное для воздѣлыванія растений, которыя онъ желаетъ продавать, какъ пшеницу, хлѣбъ и пр. На этой живой фабрикѣ удобренія терлется масса силъ: земли, времени и денегъ.

«Научная задача сельскаго хозяйства, достойная нашего времени, состояла бы въ томъ, чтобы замѣнить плодоперемѣнное воздѣлываніе *перемѣннымъ удобреніемъ*, такъ чтобы земледѣлецъ могъ на всякомъ полѣ постоянно обрабатывать тѣ произведенія, которыя, по его положенію и цѣлямъ, могутъ доставить наибольшую прибыль. Какъ бы облегчился и упростился трудъ земледѣльца, если бы онъ могъ на томъ же полѣ постоянно воздѣлывать одинъ и тотъ же родъ растеній!»

Таковы данныя теоріи. Посмотримъ на тотъ же предметъ съ практической стороны.

Нигдѣ, можетъ быть, ученіе Либиха не произвело такого дѣйствія какъ въ Англии, гдѣ такъ процвѣтаетъ рациональное сельское хо-

зѣство. Множество опытовъ — нѣкоторые въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ — было сдѣлано для разрѣшенія вопроса объ удобреніи. Нѣкоторые подтвердили ученые выводы Либиха: таковы, напримѣръ, вслѣдованія г. Вей (Way) надъ поглощающею способностью почвы; другіе, какъ обширныя изысканія г. Лаза (Lawes), обнаруживая важное значеніе уваживанія, казались многимъ противурѣчащими теоріи. Но, какъ мы видѣли, Либихъ ни сколько не отрицаетъ значенія уваживанія; и принимая въ соображеніе характеръ почвы, на которой производились испытанія г. Лаза, Либихъ видитъ въ нихъ скорѣе подтвержденіе, чѣмъ опроверженіе своего ученія.

Но теоретическіе выводы, уясняя воззрѣніе на предметъ, еще не сложились въ окончательныя практическія формулы, не даютъ еще непреклонныхъ правилъ, рецепта, по которому должно поступать во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, а между тѣмъ большинство желаетъ именно такихъ правилъ. Правда, можно назвать нѣсколько прямыхъ практическихъ приложеній ученія объ удобреніи какъ напримѣръ употребленіе гуано, привезеннаго въ Англію вскорѣ послѣ того, какъ на него было указано Либихомъ, употребленіе фосфорно-кислыхъ минеральныхъ, вмѣсто костей, при удобреніи. Но это частности, и одинъ изъ знаменитыхъ англійскихъ сельскихъ хозяевъ сказалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что химія не принесла никакой пользы фермеру, развѣ только научила обрабатывать кости сѣрною кислотою и извлекать выгоду изъ вещества, которое прежде отбрасывалось. Такимъ образомъ существуетъ нѣкоторый разладъ между теоріею и практикою. Но мы уже говорили выше, что есть большая разница между тѣмъ, какъ вопросъ ставится въ наукѣ, и какъ онъ является въ дѣлѣ практическаго приложенія.

«Съ практической стороны, говоритъ г. Добени, вопросъ приводится къ слѣдующему: принимая справедливость теоретическихъ воззрѣній Либиха, выгодно ли употребить капиталъ на приведеніе фермы въ такія условія, чтобы можно было обойтись безъ аммоніакальныхъ удобреній, нежели употреблять его на то, чтобы достать матеріалъ, заключающій, какъ назежъ, эти вещества въ готовомъ видѣ? Обширныя опыты г. Лаза и другихъ имѣютъ для фермера такое же значеніе, какое имѣютъ практическія наблюденія, сдѣланныя въ обширномъ госпиталѣ по отношенію къ общимъ началамъ медицины, развитымъ современными физиологами. Правда, практика въ госпиталѣ можетъ въ частности не совпадать съ выводами, доставляемыми наукою. Но это несовпаденіе показываетъ только недостатокъ нашихъ современныхъ познаній; оно не должно колебать въ врачѣ довѣрія къ началамъ науки, утвержденнымъ съ несомнѣнною очевидностію.»

Если мы отъ Англіи, съ ея ученымъ хозяйствомъ, составляющимъ гордость націи, отъ Англіи, гдѣ усовершенствованіе земледѣлія составляетъ предметъ живѣйшей дѣятельности, гдѣ земледѣліе приводитъ въ движеніе огромныя капиталы, гдѣ въ рѣдкомъ хозяйствѣ не

встрѣтите паровой машины, гдѣ многіе фермеры могли бы быть профессорами сельскаго хозяйства, какъ выразился лордъ Панмюръ на одномъ изъ митинговъ, говоря о фермерахъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ находится его владѣнія, — если мы отъ Англіи обратимся къ нашему отечеству, то увидимъ, что сельское хозяйство у насъ находится едва ли еще не на первой ступени своего развитія. Мы слышимъ уже возраженія со всѣхъ сторонъ: «да у насъ условія хозяйства другія; тамъ на маломъ пространствѣ сжато многочисленное населеніе; какая европейская система хозяйства приложима къ нашимъ обширнымъ полямъ? Наука сельскаго хозяйства въ Россіи должна принять иной видъ.» Не имѣя спеціальныхъ свѣдѣній по этому предмету, мы не рѣшимся высказать рѣзкаго сужденія. Но признаемся, не вѣрится намъ что-то въ эту необходимость какихъ-то особыхъ наукъ для Россіи. Приходитъ намъ на память одинъ учитель математики, который никакъ не хотѣлъ приступить къ преподаванію геометріи, не имѣя циркуля въ аршинъ и доски особаго устройства. Не вѣрится намъ что-то въ эти возгласы о наукахъ особаго рода, о новыхъ путяхъ знанія, которыхъ необходимость и возможность доказываются съ легкостію, но которыхъ дѣйствительнаго появленія еще кажется долго придется ждать. Не наука особаго рода нужна намъ, а истребленіе невѣжества и злоупотребленій, которыя мѣшаютъ у насъ распространенію свѣта науки и знанія. Если станемъ очень хлопотать о произведеніи своей особенной науки, то не напомнимъ бы собою извѣстнаго мыслителя, который, попавъ въ ровъ, такъ разсуждалъ о киннутой ему веревкѣ: а это что такое? веревка вервѣ простое. Прежде, во времена Хемницера, ѣзжали за море для произведенія такой философіи, въ настоящее время мы высиживаемъ эту метафизику дома.

Присоединимъ нѣсколько подробностей о самомъ Либихѣ, который намъ случилось слышать отъ одного изъ извѣстныхъ русскихъ ученыхъ, бывшаго въ близкихъ отношеніяхъ съ знаменитымъ естествоиспытателемъ, и занимавшагося (съ 1844 — 1846) въ его лабораторіи въ Гиссенѣ (въ настоящее время Либихъ преподаетъ въ Мюнхенѣ).

Гиссенская лабораторія имѣла огромное вліяніе на распространеніе химическихъ знаній и на развитіе самой науки. Прежде лабораторія какого-нибудь извѣстнаго химика представляла обыкн. венно замкнутый кругъ, проникнуть въ который можно было только при какихъ-нибудь особыхъ условіяхъ. Лабораторія въ Гиссенѣ была открыта для всякаго. Заплативъ незначительную сумму, всякій получалъ рабочій столъ съ необходимѣйшими матеріалами и могъ свободно заниматься, пользуясь совѣтами и руководствомъ одного изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ нашего времени. Въ послѣдствіи такого рода порядокъ занятій въ лабораторіяхъ былъ заведенъ во многихъ мѣстахъ Европы. Когда въ Лондонѣ устраивалось подобнаго рода заведеніе, то основатели его обратились къ Либиху съ просьбою прислать одного изъ своихъ учениковъ для занятія мѣста директора. Впрочемъ, нельзя

сказать, чтобы въ лабораторіи Либиха былъ строгій методическій порядокъ: Либихъ не былъ хорошимъ администраторомъ, выборъ лаборантовъ не всегда былъ удаченъ. Это отсутствіе внѣшняго строгаго порядка отчасти гармонировало съ совершенною свободою занятій. Занимаясь опредѣленною работою, или по указанію Либиха, или по собственному избранію, всякій устраивался отдѣльно, покупая потребныя матеріалы, посуду, даже снаряды, работалъ самостоятельно, имѣя возможность, при всякомъ возникающемъ недоумѣніи, во всякое время, обратиться къ великому ученому, вокругъ котораго группировался весь этотъ станъ химиковъ. Готовность дѣлать указанія, подѣляться мыслями, простиралась въ Либихѣ до того, что часто работа, совершенная вполнѣ по его мыслямъ и указаніямъ, появлялась въ печати подъ именемъ того изъ учениковъ, который выполнялъ только начертанія Либиха. Либихъ обходилъ лабораторію два раза въ день, останавливался преимущественно предъ тѣми изъ учениковъ, которые только еще начинали химическія упражненія; но въ тоже время всякій, кто имѣлъ что-нибудь сообщить, пользовался полнымъ вниманіемъ. Когда передавали Либиху о какомъ-нибудь новополученномъ результатѣ, онъ обыкновенно говорилъ по французски, качая головою: *pous verbons, pous verbons* (увидимъ). Самъ Либихъ занимался въ небольшомъ кабинетѣ, находившемся въ непосредственной связи съ лабораторіею. Ученые труды, производившіеся въ Гиссенской лабораторіи, возбуждали въ Либихѣ самый живой интересъ; онъ наслаждался полученными результатами, какъ драгоценностию дорожилъ добытыми рѣдкими веществами. Когда одинъ изъ учениковъ, добывъ небольшое количество валеріановой кислоты и желая обратить вниманіе Либиха на ея запахъ, взялъ на палецъ ея каплю съ часоваго стеклышка, въ которомъ помѣщалось это вещество, то Либихъ началъ опять стеклышкомъ счищать кислоту съ пальца, говоря: «какъ можно тратить столько вещества.» Нигдѣ, можетъ быть, Либихъ не пользуется такою популярностію, какъ въ Англіи. Между его гиссенскими учениками постоянно находилось нѣсколько Англичанъ, а иногда и Сѣверо-Американцевъ. Англичане съ большею охотою посылаютъ дѣтей въ Германію, чѣмъ во Францію. Одинъ отецъ, посылая сына въ Гиссенъ, требовалъ, чтобы онъ никакъ не заѣзжалъ во Францію. Нѣкоторые изъ родителей, чьи дѣти учились у Либиха, сами нарочно пріѣзжали отдать почтеніе знаменитому ученому. Либихъ обыкновенно ходилъ въ шапочкѣ; такъ входилъ онъ и въ лабораторію, гдѣ всѣ работали также съ покрытою головою. При его появленіи Англичане снимали шляпы и оставались непокрытыми во все время визитаціи.

Въ 1845 году учились въ Гиссенѣ два молодые Англичанина, сыновья одного изъ богатѣйшихъ химическихъ фабрикантовъ Англіи. Эти два оригинальные существа, изъ которыхъ одно ходило съ открытымъ ртомъ, а другое съ стиснутыми губами, вмѣстѣ съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ и способностями соединяли множество стран-

ностей, какими вообще такъ богатъ британскій характеръ. Они особенно тщеславились своимъ богатствомъ, и одинъ изъ нихъ велѣлъ нарисовать себя на портретъ почти въ полтора роста, по среди цѣлаго строя платиновыхъ снарядовъ. Однажды, на лекціи, Либихъ упомянулъ о необыкновенно огромной трубѣ, помощію которой на ихъ химическомъ заводѣ выводятся въ верхніе слои атмосферы вредныя пары отдѣляющейся соленой кислоты; всѣ невольно обратили взоры на молодыхъ владѣльцевъ чудовищной трубы. Ихъ ни съ чѣмъ несравнимое удовольствіе выразилось тѣмъ, что ходившій съ открытымъ ртомъ стиснулъ губы, а другой, котораго губы всегда были сжаты, открылъ ротъ.

Во время зимняго семестра Либихъ преподавалъ обыкновенно органическую химію, останавливаясь наиболѣе на тѣхъ ея частяхъ, которыя въ эту эпоху его занимали по преимуществу. Когда Либихъ былъ здоровъ и воодушевлялся предметомъ, его лекціи принимали въ высшей степени живой характеръ. Извѣстность Либиха началась съ 1823 года. Вотъ что пишетъ онъ о своихъ первыхъ трудахъ въ извѣстномъ сочиненіи: «Die Chemie in ihrer Anwendung auf Agricultur und Physiologie.»

«Во время моего пребыванія въ Парижѣ, мнѣ удалось лѣтомъ 1823 года прочесть въ засѣданіи Парижской академіи отчетъ о моемъ аналитическомъ изслѣдованіи Говардовыхъ гремучихъ соединеній серебра и ртути, моей первой работѣ.

«Въ концѣ засѣданія 28 іюля, когда я убиралъ мои препараты, изъ среды членовъ академіи отдѣлился одинъ, подошелъ ко мнѣ и вступилъ въ разговоръ; тономъ, исполненнымъ ласки, невольно къ себѣ располагавшей, спрашивалъ онъ меня о предметѣ моего труда и вообще о моихъ занятіяхъ и планахъ. Мы разстались, но по неопытности и робости, я не осмѣлился спросить, кому я былъ обязанъ такимъ добрымъ участіемъ.

«Этотъ разговоръ сдѣлался краеугольнымъ камнемъ моей будущности; я приобрѣлъ для моихъ научныхъ цѣлей сильнѣйшаго, благоклоннѣйшаго покровителя и друга».

Это былъ Гумбольдтъ, за день возвратившійся изъ своего путешествія въ Италію и никого о томъ не извѣстившій. Приведенныя строки взяты изъ посвященія Гумбольдту, помѣщеннаго въ началѣ упомянутаго сочиненія.

«Находясь, продолжаетъ Либихъ, безъ извѣстности, безъ рекомендацій въ городѣ, гдѣ стеченіе столькихъ людей со всѣхъ краевъ земли полагаетъ главнѣйшее препятствіе къ ближайшему личному соприкосновенію съ тамошними знаменитыми естествоиспытателями и учеными, я бы могъ, подобно многимъ другимъ, остаться не замѣченнымъ въ толпѣ и, можетъ быть, погибнуть для науки. Эта опасность вполнѣ была устранена.

«Съ того дня открылись для меня всѣ двери, всѣ институты и лабора-

торія. Живое участіе, принятое вами во мнѣ, доставило мнѣ любовь и близкую дружбу моихъ вѣчно дорогихъ учителей Ге-Люссаса, Дюло-ва, Тенара. Ихъ довѣренность открыла мнѣ то поприще, на которомъ я тружусь шестнадцать лѣтъ, стараясь исполнить его достойнымъ образомъ.

«Сколь многіе, подобно мнѣ, вашей защитѣ и расположенію обязаны достиженіемъ своихъ ученыхъ стремленій!»

Эти строки дѣлаютъ одинакую честь и Либиху и Гумбольдту.

Въ интересной статьѣ г. Стасова о фотографіи, помѣщенной въ послѣднихъ книжкахъ «Русскаго Вѣстника» за истекшій годъ, читатели могутъ найти изложеніе мыслей знаменитыхъ ученыхъ о значеніи фотографіи, о надеждахъ, осуществленія которыхъ ждетъ отъ нея наука, и вмѣстѣ съ тѣмъ о тѣхъ недостаткахъ, вслѣдствіе которыхъ фотографическій рисунокъ не представляетъ вполне точнаго воспроизведенія предметовъ, особенно по отношенію къ распредѣленію свѣта и тѣней. Нѣкоторые изъ этихъ недостатковъ тѣсно связаны съ самымъ свойствомъ лучей, производящихъ изображеніе.

Фотографическое изображеніе рисуется лучами солнца, которые вмѣстѣ съ способностью свѣтить, имѣютъ способность дѣйствовать химически на нѣкоторые вещества, какъ напримѣръ на хлористое серебро. То, что мы называемъ солнечнымъ лучомъ, есть собственно соединеніе безчисленнаго множества разнообразныхъ лучей, идущихъ вмѣстѣ и производящихъ въ нашемъ глазѣ общее впечатлѣніе благаго солнечнаго луча. Между тѣмъ, порознь эти лучи различаются одинъ отъ другаго цвѣтомъ и различными качествами, многіе изъ нихъ даже невидимы, но одарены одни усиленною способностью грѣть, другіе—усиленнымъ химическимъ дѣйствіемъ. Видимые лучине въ одинаковой степени одарены способностями свѣтить и дѣйствовать химически. Свѣтлые лучи, дѣйствуя на нервную оболочку глаза, воспроизводятъ въ нашемъ сознаніи картину окружающихъ предметовъ съ переливами ихъ свѣта и тѣней, съ ихъ цвѣтами. Фотографическое изображеніе рисуется исключительно химическимъ дѣйствіемъ лучей. Отсюда нѣкоторая неточность изображенія. Отсюда недостаточное дѣйствіе желтыхъ лучей, излишнее дѣйствіе лучей голубыхъ, неестественная бѣлизна нѣкоторыхъ предметовъ, какъ вазы, фарфора и проч. на фотографическихъ изображеніяхъ.

На годичномъ съѣздѣ англійскихъ ученыхъ вопросъ объ усовершенствованіяхъ въ области фотографіи занималъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Г. Вивіанъ представилъ рисунки, сдѣланные по новой методѣ, и въ которыхъ упомянутые недостатки устранены въ значительной степени. Еще нѣтъ подробнаго описанія этой методы. Но судя по извѣщеніямъ въ нѣкоторыхъ журналахъ, она состоитъ въ искусной освѣщеніи и въ нѣкоторыхъ особенностяхъ въ приготовленіи

отрицательнаго изображенія , съ котораго потомъ можно получить произвольное число положительныхъ. (Извѣстно что свѣтопись на бумагѣ состоитъ изъ двухъ приемовъ : вопервыхъ , получается такъ называемый отрицательный рисунокъ , гдѣ всѣ свѣтлые предметы представляются темными, и наоборотъ; потомъ соединяютъ отрицательный рисунокъ съ новымъ листомъ фотографической бумаги и подвергаютъ все дѣйствию свѣта; получается окончательный, положительный рисунокъ , гдѣ свѣтъ и тѣни расположены естественнымъ образомъ.)

Вообще, усовершенствованія фотографіи быстро подвигаются впередъ. Наука ждетъ отъ нея разрѣшенія одного изъ важнѣйшихъ практическихъ вопросовъ : производства и записыванія метеорологическихъ наблюденій безъ посредства наблюдателя. При современномъ распространеніи наблюденій болѣе и болѣе чувствуется потребность избавить наблюдателей отъ тягостной обязанности ежечасно смотрѣть инструменты и записывать ихъ показанія; очень важно изобрѣсти снаряды, которые бы сами записывали свои показанія. При помощи фотографіи эта задача уже отчасти разрѣшена. Въ настоящее время можно назвать нѣсколько такихъ снарядовъ , болѣе или менѣе удачно достигающихъ своей цѣли ; составлены термометры , барометры , которые не только показываютъ измѣненіе температуры и давленія воздуха, но и отмѣчаютъ свои показанія. Во многихъ англійскихъ обсерваторіяхъ (особенно въ Кью), въ Мюнхенѣ , Прагѣ и другихъ мѣстахъ уже дѣйствуютъ подобные инструменты , которые при дальнѣйшемъ усовершенствованіи , нѣтъ сомнѣнія , войдутъ во всеобщее употребленіе и облегчатъ труды наблюдателей.

Идея устройства подобнаго рода термометра или барометра состоитъ въ слѣдующемъ. Помощію искусственнаго освѣщенія и темнаго ящика , изображеніе ртутнаго столба рисуется на движущейся медленно и равномерно фотографической бумагѣ или металлической свѣтописной пластинкѣ. При послѣдовательномъ измѣненіи высоты ртутнагостолба измѣняются слѣдовательно и размѣры его изображенія , и такъ какъ изображеніе остается , то мы въ состояніи судить о послѣдовательныхъ показаніяхъ снаряда въ теченіе даннаго времени.

Въ одно изъ засѣданій Парижской академіи въ истекшемъ году Пулье сообщилъ объ изобрѣтенномъ имъ способѣ отмѣчать фотографически силу солнечнаго освѣщенія. Обыкновенно это обстоятельство отмѣчается весьма неопредѣленными словами : солнечно , пасмурно и т. п. Пулье устраиваетъ темный ящикъ , приведенный помощію особаго механизма (подобно гелиостату) въ такое движеніе, что его отверстіе постоянно слѣдитъ за перемѣщеніемъ солнца, котораго изображеніе постоянно рисуется внутри ящика на движущемся листѣ фотографической бумаги. Послѣдовательныя измѣненія изображенія , которое при ослабленіи солнечнаго свѣта становится менѣе замѣтнымъ , и вовсе исчезаетъ если густой слой облаковъ закрываетъ солнце.

Снаряд Пулье дѣйствовалъ отъ 14 до 18 мая совершенно удовлетворительно; изображенія, представленныя, имъ въ академію, были весьма отчетливы.

Фаредей начинаетъ пятнадцатый рядъ своихъ опытныхъ изслѣдованій объ электричествѣ такими словами: « Какъ ни удивительны законы и явленія электричества, обнаруживающіеся въ неорганической или мертвой природѣ, но едва ли интересъ, порождаемый ими, можетъ сравниться съ тѣмъ, какой возбуждаютъ электрическія явленія въ связи съ нервною системою и жизнью. »

Дѣйствительно, связь жизненныхъ процессовъ съ разнообразными явленіями и силами, дѣйствующими въ неорганической природѣ, представляетъ вопросъ въ высшей степени важный, и въ тоже время въ высшей степени трудный. Отношеніе электричества и жизненныхъ явленій составляетъ предметъ усиленныхъ трудовъ многихъ изъ современныхъ ученыхъ. Но въ общей массѣ ученаго сословія и публики въ наше время этотъ вопросъ едва ли имѣетъ тотъ интересъ, какой онъ имѣлъ въ эпоху открытія таинственной связи электричества и жизненной дѣятельности. Когда Гальвани открылъ происходящія отъ электричества судорожныя движенія мускуловъ недавно убитой лягушки, когда онъ думалъ объяснить это явленіе, допустивъ, что мускулъ, вмѣстѣ съ входящимъ внутрь его нервомъ, представляетъ собою заряженную лейденскую банку, разряжающуюся при соединеніи помощію металловъ нерва съ наружною стороною мускула, когда онъ открылъ электрическія сотрясенія безъ посредства металла, отъ одного прикосновенія мускула и нерва — тогда, казалось, была разрѣшена загадка о *жизненной силѣ*. Ученые стали допускать, что электричество есть тотъ таинственный дѣятель, который, пробѣгая по нервамъ, возбуждаетъ жизненные явленія. Вольта показалъ, что источникъ электричества, въ опытѣ Гальвани, заключается не въ мускулѣ животнаго, а въ прикосновеніи разнородныхъ металловъ, соединяющихъ наружную поверхность мускула съ нервомъ; этотъ новый источникъ электричества повелъ къ изобрѣтенію знаменитаго вольтова столба. Казалось, открытія Вольты должны были ослабить мысль о тождествѣ электричества и нервнаго дѣятеля, но дивныя явленія, представляемыя Вольтовымъ столбомъ, его замѣчательныя дѣйствія на организмъ, у многихъ только укрѣпили сравненіе жизни съ электрическою дѣятельностью. Наполеонъ, котораго вообще поразили опыты съ Вольтовымъ столбомъ, говорилъ, обращаясь къ доктору Корвизару и показывая на Вольтовъ снарядъ: « вотъ, докторъ, подобіе нашей жизни, нашъ позвоночный столбъ есть электрическая колонна. »

Болѣе подробное изученіе предмета показало, что электричество не даетъ еще разрѣшенія вопроса о нервной дѣятельности, скорѣе

дѣлаетъ его еще болѣе труднымъ и сложнымъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что электричество играетъ важную роль въ жизненныхъ процессахъ, особенно по отношенiю къ мускуламъ и нервамъ; есть животныя, представляющiя собою живые электрическiе снаряды: таковы *иммнотъ*, *электрическiй скатъ*, которые при прикосновенiи даютъ удары вполне тождественные съ разрядами электрической батарей. Доказано, что источникъ электричества этихъ животныхъ заключается въ особомъ устройствѣ нервной системы. Эта способность является принадлежностью немногихъ существъ, но она показываетъ, что вообще въ устройствѣ живаго тѣла есть условiя для образованiя электричества. Безчисленное множество химическихъ процессовъ, свершающихся внутри живаго тѣла, заставляютъ догадываться о существованiи электрическихъ явленiй, которыя всегда сопровождаютъ химическiя дѣйствiя. Но при проводимости различныхъ жидкостей нашего тѣла разложенныя электричества опять соединяются, и потому только въ немногихъ случаяхъ удалось уловить электрическiя явленiя въ живомъ тѣлѣ. Въ этомъ отношенiи опыты ограничиваются обнаруженiемъ существованiя электрическаго тока въ мускулахъ животныхъ, преимущественно хладнокровныхъ, особенно лягушки. Многiе опыты надъ мускулами и нервами теплокровныхъ животныхъ (напримѣръ лошади) не повели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Впрочемъ Дюбуа Реймону удалось оправдать свой знаменитый законъ электрическаго напряженiя въ мускулахъ и надъ теплокровными животными. Этотъ законъ выражается такимъ образомъ. Мускулъ обыкновенно представляетъ собою продолговатое тѣло. Вообразимъ себѣ два сѣченiя этого тѣла: одно продольное (естественное или искусственное), другое поперечное (также естественное или искусственное), тогда всѣ точки продольнаго сѣченiя находятся въ противоположномъ электрическомъ напряженiи съ точками поперечнаго; если соединить проводникомъ какую-нибудь точку продольнаго сѣченiя съ какую-нибудь точкою поперечнаго, то въ этомъ проводникѣ образуется электрическiй токъ, который можно обнаружить помощiю въ высшей степени чувствительнаго гальванометра.

Съ вопросомъ объ электрическихъ явленiяхъ въ живомъ тѣлѣ связаны имена двухъ современныхъ ученыхъ: Маттеучи и Дюбуа Редона. Въ истекшемъ году Маттеучи произвелъ новый рядъ изслѣдованiй въ области электро-физиологiи. Читая курсъ о физическихъ явленiяхъ въ живыхъ тѣлахъ, онъ обратилъ собенное [вниманiе на электрическiя явленiя и произвелъ множество опытовъ, относящихся къ этому предмету. Нѣкоторые изъ его результатовъ новы, другiе представляютъ ясное подтвержденiе прежнихъ заключенiй. Упомянемъ о важнѣйшихъ изъ его опытовъ. Извѣстно, что мускулы животныхъ принимаютъ изъ воздуха кислородъ и отдаютъ угольную кислоту. Это мускульное дыханiе особенно замѣтно у хладнокров-

нытъ животныхъ ; у лягушки, по опытамъ Реньйо и Рейзе, на долю мускуловъ приходится главная часть всего дыхательнаго процесса. Маттеучи показалъ, что въ моментъ сокращенія мускула это мускульное дыхание усиливается значительно. Самыя сокращенія онъ производитъ помощію прерываемаго электрическаго тока. Если помѣстить мускулъ въ водородный газъ, то онъ и тогда продолжаетъ отдѣлять угле-кислоту и это отдѣленіе усиливается при сокращеніи. Слѣдовательно, угольная кислота образуется не на счетъ кислорода воздуха, но насчетъ того кислорода, который находится внутри мускула въ состояніи соединенія. Такимъ образомъ сокращеніе мускула ведетъ за собою усиленную внутреннюю химическую дѣятельность. Сокращеніе мускула сопровождается и другими явленіями, которыя также ясно доказаны опытами Маттеучи. Онъ показалъ, что при этомъ отдѣляется теплота и электричество. Всякое сокращеніе мускула сопровождается электрическимъ разрядомъ. Если на такой мускулъ положенъ нервъ лягушечьей лапки (препаратъ, называемый гальваноскопическою лягушкою), то эта лапка, въ моментъ сокращенія мускула, приходитъ въ сотрясеніе, происходящее отъ сказаннаго электрическаго разряда. Вопросъ объ электрическомъ состояніи мускула, въ моментъ сокращенія, уже былъ изслѣдованъ Дюбуа Ремонемъ. Труды Маттеучи дополняютъ наши свѣдѣнія объ этомъ предметѣ.

Маттеучи причину отдѣленія тепла и электричества, при сокращеніи мускула, думаетъ видѣть въ усиленномъ мускульномъ дыханіи. Такимъ образомъ разъясняются нѣкоторыя стороны любопытнаго отношенія электричества къ жизненной дѣятельности, но отсюда еще далеко до разрѣшенія вопроса объ этомъ замѣчательномъ соотношеніи. Въ настоящее время этотъ вопросъ, намъ кажется, можно выразить въ такой формѣ. Мы знаемъ, что электричество, дѣйствуя на нервы, производитъ сокращеніе мускуловъ. Спрашивается, различныя сокращенія мускуловъ, наблюдаемая въ живомъ тѣлѣ, не суть ли слѣдствія предварительнаго, отъ внутреннихъ процессовъ зависящаго, отдѣленія электричества, которое, дѣйствуя на нервы, возбуждаетъ сокращеніе, или электричество есть только слѣдствіе особаго расположенія частицъ и происходящихъ оттого въ моментъ сокращенія химическихъ дѣйствій. Есть ли электричество необходимый стимулъ, или только внѣшній признакъ жизненной дѣятельности ?

Наконецъ, упомянемъ объ одномъ замѣчательномъ опытѣ Дюбуа-Ремона, опытѣ, въ объясненіи котораго впрочемъ расходятся мнѣнія ученыхъ. Руководствуясь теоретическими соображеніями, Дюбуа-Ремонъ придумалъ опытъ, который, по его мнѣнію, доказываетъ, что всякое произвольно сдѣланное сокращеніе руки человѣка раждаетъ электрическій токъ, который можно уловить помощію чувствительнаго гальванометра. Гальванометръ вообще состоитъ изъ магнитной

стрѣлки, которая свободно можетъ поворачиваться вправо и влѣво; вокругъ нея, по направленію длины, идетъ во множествѣ оборотовъ тонкая проволока; въ снарядахъ Дюбуа-Ремона число оборотовъ простирается отъ двѣнадцати до тридцати тысячъ. Когда электрическій токъ проходитъ по проволоцѣ, покрытой изолирующимъ слоеиъ для того, чтобы токъ непремѣнно прошелъ по каждому изъ ея оборотовъ, тогда стрѣлка отклоняется вправо или влѣво, смотря по направленію тока. Опытъ Дюбуа-Ремона производится такимъ образомъ: На столѣ ставятся два стакана съ водою, въ которой растворено нѣсколько соли (для того, чтобы сдѣлать ее лучшимъ проводникомъ электричества). Воду стакановъ соединяютъ фитилемъ изъ хлопчатой бумаги, который, пропитываясь водою, служитъ къ сообщенію между стаканами. Потомъ опускаютъ въ каждый изъ стакановъ по платиновой пластинкѣ, придѣланной къ концамъ проволоки гальванометра. Въ первое время замѣчается электрическій токъ, происходящій отъ постороннихъ тѣлъ, приставшихъ къ платиновымъ пластинкамъ (это называется поляризациею пластинокъ.) Но чрезъ нѣсколько времени этотъ случайный токъ исчезаетъ. Тогда наблюдатель вынимаетъ фитиль и соединяетъ стаканы помощію своего тѣла, опуская палецъ правой руки въ одинъ изъ стакановъ, а палецъ лѣвой руки—въ другой. Пальцы должны быть вымыты сперва мыльною, а потомъ чистою водою, чтобы не имѣть на своей поверхности постороннихъ веществъ. Въ первый моментъ иногда замѣчается токъ, происходящій отъ этихъ постороннихъ веществъ, но онъ скоро прекращается. Тогда наблюдатель много разъ сокращаетъ одну изъ рукъ, оставляя палецъ погруженнымъ въ водѣ. Обнаруживается замѣтный токъ. Дюбуа-Ремонъ видѣлъ въ этомъ опытѣ прямое доказательство, что при всякомъ сокращеніи мускуловъ возбуждается электричество. Но для многихъ ученыхъ этотъ опытъ не казался убѣдительнымъ. Приведемъ мнѣніе Беккереля, одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей науки по части электричества.

«Г. Дюбуа-Ремонъ, говоритъ онъ, приписалъ фیزیологическое происхожденіе току, наблюдаемому въ его опытѣ. Мы не раздѣляемъ его мнѣнія. Вотъ фактъ, на которомъ основываемъ наше: если въ то время, какъ пальцы погружены въ воду, и стрѣлка стоитъ на нулѣ, мы вынемъ одинъ изъ нихъ изъ воды и приведемъ въ сокращеніе соотвѣтствующую руку, потомъ чрезъ минуту погрузимъ палецъ опять въ воду, то обнаруживается токъ того же направленія, и почти такого напряженія, какъ въ первомъ случаѣ. Чтò же происходитъ съ пальцемъ, внѣ соляной воды, во время сокращенія? Кожа пальца покрывается кислымъ отдѣленіемъ, соприкосновеніе котораго съ соленою водою возбуждаетъ электричество, производящее наблюдаемое явленіе. Такимъ образомъ, токъ имѣетъ происхожденіе электро-химическое и нисколько не доказываетъ, чтобы во время мускульнаго сокращенія отдѣлялось электричество».

Въ этомъ очеркѣ мы имѣли въ виду коснуться замѣчательныхъ исследованийъ современныхъ ученыхъ объ электрическихъ явленіяхъ въ живомъ тѣлѣ.

А животный магнетизмъ? скажутъ нѣкоторые изъ читателей. Отчего не коснулись вы этой непостижимой силы, пронаводящей дѣльный міръ явленій? По весьма простой причинѣ: животного магнетизма въ смыслѣ физической силы не оказывается. Названія въ наукѣ имѣютъ довольно важное значеніе. Неудобная терминологія часто ведетъ къ сбивчивости понятій. Никогда можетъ - быть названіе не было такъ неудачно придумано, какъ названіе области явленій, приписываемыхъ животному магнетизму. Это названіе вызываетъ представленіе о физическомъ дѣятелѣ, напоминаетъ о явленіяхъ магнитныхъ, электрическихъ. Между тѣмъ, самые приверженцы животного магнетизма должны согласиться, что по ихъ собственнымъ опредѣленіямъ эта послѣдняя сила не представляетъ никакого сходства и связи съ физическими дѣятелями: электричествомъ, магнетизмомъ.

«Животный магнетизмъ, говоритъ Месмеръ, можетъ быть собранъ, концентрированъ, перенесенъ безъ помощи всякаго посредствующаго тѣла. Онъ отражается, какъ свѣтъ; музыкальные звуки распространяютъ и усиливаютъ его.» Въ этомъ темномъ и неопредѣленномъ описаніи еще можно подмѣтить нѣкоторыя физическія свойства, которыя, казалось бы, можно подвергнуть исследованію опытомъ. Но вотъ удивительное свойство, которое разрушаетъ возможность опыта, но за то даетъ легкое объясненіе въ случаѣ неудачныхъ испытаній. «Хотя, продолжаетъ Месмеръ, эта жидкость (животный магнетизмъ) универсальна, однако живыя тѣла не всѣ воспринимаютъ ее въ равной степени; есть такія, хотя не въ значительномъ числѣ, которыя однимъ присутствіемъ своимъ разрушаютъ всѣ дѣйствія этой жидкости на другія тѣла.»

Далѣе, жидкость, называемая животнымъ магнетизмомъ, не обнаруживается явленіями свѣта, какъ напримѣръ обнаруживается электричество; она не обнаруживается, какъ электричество или магнетизмъ, ни притяженіемъ, ни отталкиваніемъ, ни вообще какимъ-нибудь механическимъ дѣйствіемъ на тѣла неорганическія (о мнимыхъ дѣйствіяхъ намагнетизированныхъ живыхъ существъ на неодушевленные предметы скажемъ ниже); животный магнетизмъ не обнаруживается ни вкусомъ, ни запахомъ. Остаются дѣйствія на живыя существа.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что нѣтъ никакого сходства между физическими дѣятелями: магнетизмомъ и электричествомъ и этою силою, называемою животнымъ магнетизмомъ. А между тѣмъ, послѣдователи животного магнетизма, увлеченные названіемъ, смотрятъ на магнитъ, какъ на нѣчто находящееся въ связи съ ихъ универсальною

жидкостью: толкуютъ о магнитныхъ истеченіяхъ, токахъ электрической силы, выходящей изъ пальцевъ магнетизера, о магнетизмѣ глазъ, пожалуй, о магнетизмѣ душъ. Нѣкоторые врачи серьезно водятъ магнитами по тѣлу больныхъ, думая извлечь пользу изъ магнитныхъ истеченій; лѣчатъ зубы магнитами. Впрочемъ, въ последнемъ случаѣ сколько случилось мнѣ замѣтить, заговариванье, особенно на гвоздѣ, больше помогаетъ.

На живыя существа животный магнетизмъ дѣйствуетъ тоже не такъ, какъ другія силы природы. Дѣйствіе послѣднихъ не требуетъ для своего обнаруженія, чтобъ испытуемое существо знало о производимомъ надъ нимъ опытѣ. Силы природы дѣйствуютъ по неизмѣннымъ и необходимымъ законамъ. Дѣйствіе животнаго магнетизма обнаруживается при участіи сознанія испытуемаго существа. Вопросъ о животномъ магнетизмѣ со всею строгостію ученаго испытанія былъ въ концѣ прошлаго столѣтія, когда открытіе Месмера надѣлало столько шуму, изслѣдованъ комиссіею, состоявшею изъ членовъ Парижской академіи. Знаменитые ученые, между которыми встрѣчаемъ имена Лавуазье, Франклина, Бальи, были главными участниками въ трудахъ комиссіи. Отчетъ, написанный Бальи, до сихъ поръ представляетъ собою приговоръ науки объ этомъ предметѣ. Приведемъ нѣсколько фактовъ изъ этого отчета. Вопервыхъ, магнетизмъ не оказывалъ никакого дѣйствія на комиссаровъ академіи, которые имѣли терпѣніе подвергаться магнетизированію. Припадки, обнаруживавшіеся надъ многими лицами различнаго пола и возраста, которыхъ магнетизировали въ присутствіи академиковъ, рѣшительно доказываютъ несуществованіе животнаго магнетизма, въ смыслѣ особой силы. Такъ, наприимѣръ, подводили больныхъ къ деревьямъ, изъ которыхъ одно было намагнетизировано. дѣйствительно, нѣкоторыми чувствовались магнетическіе припадки, но обыкновенно не около того дерева, которое было намагнетизировано. Двѣ женщины особенно отличались воспримчивостію къ животному магнетизму; но когда, безъ ихъ вѣдома, магнетизеръ, скрытый за тонкою перегородкою, производилъ тѣ самыя манипуляціи, отъ которыхъ они обыкновенно впадали въ сильныя конвульсіи, то онѣ оставались совершенно спокойными.

Вѣра въ животный магнетизмъ особенно распространилась вслѣдствіе убѣжденія въ его пользѣ во множествѣ болѣзней. Но эта утверждаемая многими польза, при лѣченіи, менѣе всего можетъ служить доказательствомъ значенія животнаго магнетизма. Чѣмъ не лѣчатъ насъ несчастныхъ? И всякій послѣдователь какого-нибудь универсальнаго средства утверждаетъ, что его способъ лучшій, приводитъ тысячи примѣровъ и опытовъ.

«Животный магнетизмъ очень можетъ существовать, не будучи полезенъ, говоритъ Бальи: но онъ не можетъ быть полезенъ, если не существуетъ.»

Между тѣмъ, какъ же объяснить эти особаго рода припадки, эти конвульси и многія замѣчательныя явленія, сопровождающія такъ-называемое магнетизированіе? Мы желали только показать, что животный магнетизмъ, въ смыслъ особаго физическаго дѣятеля, не существуетъ. Но нервная раздражительность, сила воображенія и многія психическія условія представляютъ собою цѣлую область явленій, съ законами которыхъ мы еще мало знакомы и между которыми немногіе достоверные факты, доставляемые опытами надъ животнымъ магнетизмомъ, занимаютъ далеко неважное мѣсто. Мы еще не знаемъ, какое значительное вліяніе могутъ оказать и дѣйствительно оказываютъ на наши ощущенія тѣ представленія, которыя болѣе или менѣе безсознательно наполняютъ наше воображеніе и часто, безъ вѣдома насъ самихъ, становятся причиною множества явленій въ нашемъ организмѣ. Наше существованіе слагается изъ ряда процессовъ, изъ которыхъ только не многіе доходятъ до сознанія и занимаютъ его въ данный моментъ: обыкновенно то бывають процессы изъ области мысли, — остальные же проходятъ или вовсе незамѣтно для сознанія, или составляютъ только фонъ, на которомъ выделяются тѣ акты, которые занимаютъ сознаніе въ эту минуту. Мы живемъ обыкновенно, не чувствуя нашего тѣла; пища варится, кровь переливается, а между тѣмъ сознаніе гдѣ-нибудь въ Америкѣ. Почувствовать свое тѣло, обратить вниманіе на процессы, происходящіе внутри нашего организма — уже одно это ведетъ за собою цѣлый рядъ разнообразныхъ ощущеній. Мы почувствуемъ безчисленное множество движеній, измѣненій внутри насъ, то легкую боль, то теплоту въ различныхъ частяхъ тѣла. Съ другой стороны, кто не знаетъ, сколько ощущеній создаютъ себѣ мнительные люди, читая медицинскія книги и ощущая въ себѣ присутствіе всевозможныхъ болѣзней. Обращая вниманіе на жизненные процессы нашего тѣла, мы чрезъ это самое ихъ нѣсколько измѣняемъ. Извѣстно, напримѣръ, что стоитъ только обратить вниманіе на число дыханій, производимыхъ въ данное время, начать ихъ считать, и полученное число будетъ разниться отъ нормальнаго. Если одно вниманіе доводитъ до нашего сознанія столько разнообразныхъ ощущеній и становится причиною нѣкоторыхъ явленій, то понятно, что усиленная психическая дѣятельность можетъ повести къ еще болѣе замѣчательнымъ слѣдствіямъ. Боннетъ разказываетъ объ одномъ слѣдствіи, произведенномъ въ Шотландіи по подозрѣнію въ дѣтоубійствѣ. Судья не могъ вынести отвратительнаго, по его словамъ, запаха гроба, въ которомъ, какъ оказалось, ничего не было. Докторъ Пирсонъ (Pearson), взявъ въ руки потассій, новый металлъ, добытый Деви и имѣющій незначительный удѣльный вѣсъ, вскричалъ: «какъ онъ тяжелъ!» ибо былъ увѣренъ, что блескъ металла имѣетъ связь съ удѣльнымъ вѣсомъ.

Приверженцы животнаго магнетизма могутъ возразить, что мы

опустили *факты*, доказывающіе прямое дѣйствіе животнаго магнетизма на неодушевленные тѣла и на живыя существа, безъ всякаго участія ихъ воли и сознанія, а между тѣмъ подобнаго рода явленіями наполнены сказанія о чудесахъ животнаго магнетизма. Какого рода эти *факты*, можно судить изъ нижеслѣдующаго.

Среди 1856 года, въ Петербургѣ вышла книга подъ заглавіемъ: «Руководство къ изученію животнаго магнетизма или новыя практическія правила, собранныя изъ тридцатилѣтнихъ наблюденій и опытовъ барономъ Дю-Поте, — съ 2-го французскаго изданія перевелъ и издалъ докторъ В. Крисько.» Въ этой книгѣ, въ числѣ прочихъ двуковинъ встрѣтили мы стараго знакомаго, разказъ объ удивительной дѣвицѣ Ангеликѣ Коттенъ. Вотъ что говорить, надо сознаться, весьма безграмотнымъ языкомъ авторъ упомянутой книги. «Въ 1846 году мы имѣли предъ своими глазами четырнадцати лѣтнюю дѣвочку, называемую Angelique Cottin. Она представляла необыкновенныя явленія: *живаго физическаго орудія*, посредствомъ чего она испытывала отъ всякаго тѣла, съ которымъ только приводили въ соприкосновеніе къ ея оконечностямъ или только съ платьемъ—притяженіе и отталкиваніе. Мы видѣли, что одно приближеніе ея руки отклоняло магнитную стрѣлку отъ полюсовъ, двигало легкія тѣла и опрокидывало тяжелыя. Скамейка, къ которой эта дѣвочка коснулась, съ быстротою притянулась къ ней, и такъ далѣе. Болѣе полутора тысячъ лицъ могутъ подтвердить это явленіе. Г. Hebert (de Garnay) изслѣдовалъ это явленіе, результаты котораго помѣщены въ магнитическомъ журналѣ.»

Но, вотъ что говорить объ этомъ предметѣ комиссія, назначенная отъ Парижской академіи и составленная изъ Араго, Беккереля, Бабиня и другихъ извѣстныхъ ученыхъ.

«Въ засѣданіи 16 февраля 1846 года, академія получила двѣ записки, одну отъ г. Шоле, другую отъ доктора Таншу; обѣ касались удивительнаго свойства, обнаружившагося, какъ сказано, мѣсяцъ тому назадъ у одной четырнадцатилѣтней дѣвушки Ангелики Коттенъ, изъ департамента Орны. Академія, сообразно своимъ правиламъ, назначила комиссію, которой поручила изслѣдовать это явленіе и довести о результатахъ. Исполняемъ эту обязанность въ нѣсколькихъ словахъ.

«Увѣряли, что дѣвица Коттенъ обнаруживаетъ замѣтное отталкивательное дѣйствіе на тѣла всякаго рода, въ моментъ прикосновенія къ какой-нибудь части ея одежды. Говорили даже о столикахъ, сдвинутыхъ чрезъ одно прикосновеніе шелковой нитки.

«Никакого замѣтнаго дѣйствія подобнаго рода не обнаружилось предъ комиссіею.

«Въ запискахъ, сообщенныхъ академіи, говорилось о магнитной стрѣлкѣ, которая подъ вліяніемъ руки дѣвицы Коттенъ приходитъ

будто бы въ быстрое колебаніе и успокоивается , отклонившись довольно далеко отъ магнитнаго меридіана.

«Предъ глазами комиссіи стрѣлка , повѣшенная такъ , что могла бы отклониться отъ самой малой силы , не обнаруживала въ сказанныхъ обстоятельствахъ никакого перемѣщенія , ни постоянного , ни мгновеннаго.

«Г. Таншу думаетъ , что дѣвица Коттенъ можетъ однимъ прикосновеніемъ различать полюсы магнита. Комиссія убѣдилась , что молодая дѣвушка не имѣетъ этой мнимой способности различать полюсы магнита.

«Не станемъ высчитывать всѣ неоправдавшіяся испытанія. Одно только изъ описанныхъ явленій обнаружилось предъ членами комиссіи. Это внезапное стремительное движеніе стула , на которомъ сидѣла дѣвица. Серіозныя подозрѣнія родились у насъ относительно способа , какиѣ производились эти движенія , и мы рѣшились подвергнуть это явленіе внимательному разсмотрѣнію , объявивъ прямо , что наши испытанія будутъ имѣть цѣлью открыть , какое участіе въ сказанномъ явленіи имѣютъ искусныя и скрытыя движенія ногъ или рукъ. Тогда намъ было объявлено , что дѣвица потеряла притягательную и отталкивательную способность , но что насъ предувѣдомить тотчасъ , когда она обнаружится. Много дней прошло съ тѣхъ поръ , и комиссія не получила увѣдомленія. Между тѣмъ , мы слышали , что дѣвицу Ангелику Коттенъ ежедневно возятъ по различнымъ домамъ , гдѣ она повторяетъ свои опыты.»

Одинъ фактъ , дѣйствительно любопытный , нашли мы въ книгѣ доктора Крисъко , фактъ достовѣрный , ибо подъ нимъ подписано извѣстное имя. Это описаніе перваго магнетическаго сна графини Растопчиной. Описаніе , какъ сказано , заимствовано изъ какой-то брошюры , написанной на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «*мой первый магнетическій сонъ.*»

«Напоенная чѣмъ-то восхитительнымъ.... моя душа какъ-будто хочетъ вырваться изъ матеріальныхъ оковъ ; она бьетъ крыльями , спѣша освободиться на волю.... и если бы ее освободили , она бы улетѣла въ безпредѣльный край....

«Привидѣнія мелькаютъ кругомъ ся.... они увлекаютъ ее , они вызываютъ ее изъ земныхъ границъ. Они такъ изумительны.... однако они производятъ что-то пріятное , унылое и таинственное!...

«И вотъ , какъ-будто въ зеркалѣ что-то мелькнуло предо мною , и голосъ безъ словъ шепнулъ мнѣ : Смотри , смотри !...

«Покорная , я устремляю свой взоръ и свое вниманіе ; но глазъ мой не довольно зорокъ , я не постигаю этихъ мерцающихъ привидѣній !...

«И чѣмъ болѣе я углубляюсь , тѣмъ болѣе мой взглядъ плаваетъ въ колеблющейся неизвѣстности.... чѣмъ живѣе мой порывъ , тѣмъ грудь моя свободнѣе... и дѣйствительный міръ забыть для меня !...

«Но узы тѣла меня удерживаютъ , и земныя оковы не освобождаютъ меня. Только одна минута... и я почувствовала снова свое существованіе и свѣтъ, наполненный туманными призраками.»

Но возвратимся къ разбираемой диковинной книгѣ , которая , сказать серьезно , представляетъ печальное явленіе , какъ расчетъ на легковѣріе читателей.

«О невѣжество ! когда ты покинешь людей ? восклицаетъ авторъ. Должно ли оставаться медикамъ во мракѣ , когда открытіе Месмера служить свѣтильникомъ.»

Дѣйствительно, скажемъ мы, невѣжество—великое препятствіе всему благому, твердый оплотъ предразсудкамъ и истинная причина появленія сочиненій, подобныхъ разбираемому «Руководству къ изученію животнаго магнетизма.»

Н. Любимовъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Конецъ 1856 года по старому стилю, или начало 1857 года по новому, ознаменовался разрѣшеніемъ спорныхъ пунктовъ, представившихся при исполненіи Парижскаго трактата. Уполномоченные государствъ, подписавшихъ этотъ трактатъ, собрались въ Парижѣ на конференціи, открывшіяся 31-го (19-го) декабря и законченныя 6-го января (25-го декабря). Въ послѣднемъ засѣданіи подписанъ заключительный протоколъ, въ которомъ положено, что окончательное округленіе Бессарабской границы и совершенное оставленіе Дунайскихъ княжествъ австрійскими войсками, а Чернаго моря и Босфора авглійскою эскадрою, будетъ приведено въ исполненіе никакъ не позже 18-го (30-го) марта, и что въ это же время вступить въ полную силу извѣстная конвенція о проливахъ, приложенная къ Парижскому трактату.

Подробности этого соглашенія, полагающаго конецъ притязаніямъ нѣкоторыхъ державъ, преимущественно Англии и Австріи, еще неизвѣстны. Предъ открытіемъ конференціи иностранные журналы утверждали, что кабинеты, участвовавшіе въ заключеніи Парижскаго трактата, условились предварительно по всѣмъ пунктамъ, и что уполномоченнымъ, собравшимся на конференціи, оставалось только окончательно подтвердить это предварительное соглашеніе, въ силу котораго, по словамъ тѣхъ же журналовъ, Болградъ и Змѣиный островъ отошли къ Оттоманской имперіи, а часть сѣверной Молдавіи—къ Бессарабіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ упомянуто выше, состоялось опредѣленіе, въ силу коего военныя силы Австріи и Англии должны оставить турецкія земли и воды.

Невшательскій вопросъ, сдѣлавшійся съ сентября 1856 года предметомъ общаго вниманія въ Европѣ, недавно угрожавшій войною между Пруссіею и Швейцаріею, въ послѣднее время принялъ болѣе миролюбивый характеръ. Нашимъ читателямъ уже извѣстно, что Союзный Совѣтъ, составляющій исполнительную власть въ Швейцарскомъ Союзѣ, созвалъ Союзный Сеймъ, какъ власть законодательную, для чрезвычайныхъ засѣданій по поводу предстоявшаго разрыва съ Пруссіею. Въ послѣднихъ числахъ декабря онъ представилъ собравшемуся Союзному Сейму посланіе, въ которомъ подробно изложенъ ходъ переговоровъ по невшательскому дѣлу. Мы восполь-

зуюсь этимъ документомъ, чтобы въ краткомъ очеркѣ пояснить нашимъ читателямъ, въ какомъ положеніи находился Неѣшательскій вопросъ въ то время, когда открылись засѣданія Союзнаго Сейма и начались новые переговоры, сообщившіе этому дѣлу, въ послѣднее время, болѣе миролюбивый характеръ. Посланіе Швейцарскаго Союзнаго Совѣта такъ обширно, что привести его вполне кажется намъ несовсѣмъ удобнымъ, тѣмъ болѣе что для изъясненія дѣла достаточно передать главное его содержаніе.

Еще въ концѣ сентября, Союзный Сеймъ одобрилъ мнѣніе Союзнаго Совѣта, объявивъ, что конечною цѣлью дипломатическихъ переговоровъ по неѣшательскому дѣлу должна быть полная независимость Неѣшательскаго кантона. Иностранныя посольства, установленныя въ Бернѣ, между прочимъ французское и австрійское, тогда же предложили швейцарскому Союзному Совѣту освободить заключенныхъ неѣшательскихъ роялистовъ; представитель Франціи вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ обѣщаніе своего правительства содѣйствовать, по освобожденіи роялистовъ, благопріятному для Швейцаріи разрѣшенію неѣшательскаго вопроса на предстоявшихъ парижскихъ конференціяхъ; онъ присоединилъ словесно, что въ противномъ случаѣ Швейцаріи предстоятъ серіозныя затрудненія, ибо Пруссія готовится къ войнѣ. Представитель Англіи обратился къ Союзному Совѣту съ вопросомъ: на какихъ условіяхъ можетъ Швейцарія освободить заключенныхъ роялистовъ. Швейцарское правительство отвѣчало представителямъ Франціи и Англіи, что оно готово принять предложенія, имѣющія цѣлью миролюбивое разрѣшеніе вопроса, если только они будутъ основаны на признаніи полной независимости Неѣшательскаго кантона; что въ такомъ случаѣ оно безъ затрудненій предложитъ законодательной власти обнародовать амнистію въ пользу роялистовъ, и что если неѣшательскій вопросъ будетъ представленъ на обсужденіе Парижскаго конгресса, то и Швейцарія должна имѣть изъ негъ своего уполномоченнаго. Представитель Франціи отвѣчалъ, что французское правительство считаетъ послѣднее требованіе вполне основательнымъ. Все это было въ началѣ октября.

Въ теченіе октября мѣсяца, дѣло это, повидимому, получило болѣе благопріятный для Швейцаріи оборотъ, «благодаря благосклоннымъ усиліямъ англійскаго правительства.» 25-го октября, англійское посольство спрашивало швейцарскій Союзный Совѣтъ, согласится ли онъ немедленно освободить неѣшательскихъ роялистовъ, если король Пруссій конфиденціально удостоитъ Францію и Англію въ томъ, что откажется отъ верховныхъ правъ на Неѣшатель, сохраняя титулъ Неѣшательскаго князя, свои частныя имѣнія въ Неѣшательскомъ кантонѣ и требуя неприкосновенности нѣкоторыхъ церковныхъ, и благотворительныхъ учреждений. 29-го октября швейцарское правительство отвѣчало англійскому полному согласіемъ на

это предложеніе, которое однако не имѣло никакихъ послѣдствій, ибо, сказано въ посланіи, само англійское правительство вскорѣ признало, что лучше не представлять его въ Берлинѣ, ибо предвидѣно отказъ.

Дѣйствительно, еще 24-го октября императоръ Французовъ обратился прямо къ генералу Дюфуру (уже известному нашимъ читателямъ) съ требованіемъ его содѣйствія для устранения опасностей, угрожающихъ Швейцаріи. Король Прусскій, присоединилъ императоръ Французовъ, не признаетъ за Швейцаріею права измѣнять, безъ его согласія, нешательскую конституцію, и считаетъ своимъ долгомъ поддерживать тѣхъ, которые желали возстановить въ Нешателѣ старый порядокъ вещей. Императоръ выражалъ желаніе удержатъ Пруссію отъ немедленной отправки войскъ къ швейцарской границѣ и снова обѣщалъ уладить нешательское дѣло выгоднымъ для Швейцаріи образомъ, если «Швейцарія, съ своей стороны, обнаружитъ немного доброй воли и нѣкоторое довѣріе къ императору. До сихъ поръ императоръ удерживалъ короля Прусскаго отъ предъявленія Союзному Совѣту формальнаго требованія объ освобожденіи нешательскихъ роялистовъ, ибо, въ случаѣ отказа со стороны Швейцаріи, всякое соглашеніе сдѣлалось бы невозможнымъ. Но если Швейцарія освободитъ роялистовъ по формальному требованію императора и, такъ сказать, предоставитъ участь Нешателя въ его распоряженіе, то національная гордость будетъ удовлетворена, и дѣло уладится само собою. Напротивъ, если Швейцарія отвергнетъ эти предложенія, то императоръ оставитъ все дѣло на произволъ судьбы и не будетъ препятствовать собранію прусской арміи въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ.»

Вслѣдствіе этихъ предложеній, сообщенныхъ императоромъ Французовъ генералу Дюфуру, послѣдній, какъ извѣстно, былъ посланъ въ Парижъ для личныхъ объясненій. Союзный Совѣтъ поручилъ ему благодарить императора за участіе его къ Швейцаріи, но въ то же время объявить, что Швейцарское правительство, къ сожалѣнію, не можетъ согласиться на немедленное освобожденіе нешательскихъ роялистовъ, и должно придерживаться основаній соглашенія, сообщенныхъ имъ прежде какъ Англіи, такъ и Франціи.

Между тѣмъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ короля Прусскаго при Швейцарскомъ Союзѣ словесно сообщилъ президенту Союза, 19-го ноября, слѣдующее предложеніе своего правительства: король Прусскій требуетъ предварительнаго и безусловнаго освобожденія нешательскихъ роялистовъ, и поручительства въ безопасности ихъ лицъ и собственности; по исполненіи этого условія, король готовъ вступить въ переговоры. Въ тотъ же день, посланники австрійскій, баварскій и баденскій объявили себя въ пользу этого предложенія. Около того же времени возвратился гене-

ралъ Дюфуръ со вторичнымъ подобнымъ предложеніемъ императора Французовъ, который формально обязывался «употребить всѣ «усилія, съ цѣлью склонить короля Прусскаго къ отреченію отъ «правъ на Неѣшательское княжество и Валанженское графство, пре- «доставленныхъ ему трактатами.» Англійское правительство, узнавъ объ этомъ предложеніи, объявило, черезъ посредство своего уполномоченнаго, что при всемъ своемъ желаніи содѣйствовать скорѣйшему разрѣшенію неѣшательскаго вопроса, оно не можетъ принять на себя обязательство, подобное тому, какое принято Франціею, ибо ему не извѣстны дальнѣйшія намѣренія короля Прусскаго. Швейцарскій Союзный Совѣтъ еще прежде отвѣчалъ отрицательно на предложеніе прусскаго уполномоченнаго, поддерживаемое представителями Баваріи, Бадена и Австріи. Основываясь между прочимъ на разногласіи между Франціею и Англіею относительно вышеупомяну- таго обязательства, онъ благодарилъ императора Французовъ за доброжелательство его къ Швейцаріи, но также выражалъ сомнѣніе относительно дальнѣйшихъ намѣреній Пруссіи, тѣмъ болѣе что ни ему, ни Франціи еще не извѣстны условія, на которыхъ король Прусскій пожелаетъ отказаться отъ правъ своихъ на Неѣшатель. Условія эти, по мнѣнію Союзнаго Совѣта, должны быть заранѣе извѣстны и соотвѣтствовать полной независимости Неѣшательскаго кантона. Прусскій уполномоченный упоминалъ, въ своемъ словесномъ сообщеніи, о готовности своего правительства открыть переговоры по освобожденію заключенныхъ роялистовъ, но не сказалъ ни слова объ основаніяхъ, на которыхъ должны происходить эти переговоры. Впрочемъ, Швейцарскій Союзный Совѣтъ не требовалъ, чтобы французское правительство исчислило будущія условія короля Прусскаго; въ отвѣтной нотѣ своей онъ объявилъ что удовольствуется однимъ общимъ ручательствомъ императора Французовъ въ соотвѣтствіи этихъ условій съ полною независимостію спорнаго кантона.

Судъ надъ неѣшательскими роялистами назначенъ около половины января. Желая покончить дѣло раньше этого срока, сказано далѣе въ посланіи Союзнаго Совѣта, швейцарское правительство въ первой половинѣ декабря поручило своему уполномоченному въ Парижѣ конфиденціально сообщить тамошнему прусскому посланнику, что оно готово вступить въ непосредственные переговоры съ Пруссіею, съ тѣмъ условіемъ, что конечною цѣлью ихъ будетъ признаніе полной независимости Неѣшательскаго кантона. Пруссія отвѣчала косвеннымъ образомъ, что она тогда только согласится открыть прямые переговоры съ Швейцаріею, когда будутъ освобождены неѣшательскіе роялисты.

Таково было положеніе дѣлъ, когда прусскій посланникъ и полномочный министръ, г. Сидовъ, въ нотѣ отъ 16-го декабря, объявилъ о полученномъ имъ приказаніи прервать офіціальныя сношенія съ

швейцарскимъ правительствомъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Союзный Совѣтъ призналъ за нужное созвать Союзный Сеймъ. Дѣйствительно, положеніе дѣлъ становилось болѣе и болѣе опаснымъ. Журналы, преимущественно нѣмецкіе, извѣщали, что Пруссія готовится къ военной демонстраціи противъ Швейцаріи; Союзный Совѣтъ даже получилъ офиціальное извѣстіе о томъ, что Пруссія мобилируетъ два корпуса, и открыла переговоры съ правительствами южной Германіи о пропускѣ войскъ ея къ швейцарской границѣ. Швейцарія, съ своей стороны, обратилась къ усиленнымъ военнымъ приготовлениямъ. 19-го декабря Союзный Совѣтъ пригласилъ правительства кантоновъ немедленно пополнить кадры мѣстныхъ войскъ; сверхъ того, были приведены въ военное положеніе нѣсколько дивизій союзной арміи. Когда начались серьезныя военныя приготовления, дипломатія представила новые проекты соглашенія, чтобы предотвратить войну. 20-го декабря, всѣ иностранные посланники въ Бернѣ сообщили Союзному Совѣту, что если швейцарское правительство добровольно, въ силу своей верховной власти, откажется отъ суда надъ нештательскими роялистами, то правительства ихъ обща обязуются склонить короля Прусскаго къ открытію переговоровъ въ смыслѣ признанія полной независимости Нештательскаго кантона. Союзный Совѣтъ поспѣшилъ согласиться на это предложеніе, но оно не имѣло послѣдствій, ибо правительства не утвердили представленій, сдѣланныхъ уполномоченными ихъ.

Союзный Сеймъ, выслушавъ это посланіе, одобрилъ образъ дѣйствій Союзнаго Совѣта, разрѣшилъ открытіе неограниченнаго кредита на военныя издержки и заключеніе иностраннаго займа до суммы 30 милліоновъ. Вместе съ тѣмъ, Союзный Сеймъ почти единогласно избралъ генерала Дюфура главнокомандующимъ союзной арміи.

Иностранные журналы, какъ тѣ, которые защищаютъ права Пруссіи, такъ и тѣ, которые держатъ сторону Швейцаріи, единогласно свидѣтельствуютъ объ энтузіазмѣ, охватившемъ всю Швейцарію въ эту трудную минуту. Всѣ партіи соединились въ одномъ стремленіи — защищать всѣмъ имъ равно дорогое отечество. Швейцарскіе журналы различныхъ партій прекратили полемику между собою. Всѣ классы народа одинаково готовы на жертвы. Молодежь, воспитывающаяся въ школахъ, университетахъ и академіяхъ, предложила свои услуги швейцарскому правительству. Въ началѣ января Союзный Совѣтъ обнародовалъ прокламацію къ швейцарскому народу, въ которой напоминаетъ сохранившіеся въ лѣтописяхъ Швейцаріи примѣры патриотическаго сопротивленія, повторяющагося въ настоящее время. Объявляя, что вопросъ о войнѣ или мирѣ еще не рѣшенъ, и что можно даже надѣяться на почетное соглашеніе, прокламація присоединяетъ, что народный энтузіазмъ, во всякомъ случаѣ, выразился въ полной готовности жертвовать всѣмъ, что приняты всѣ мѣры для

соглашенія военныхъ требованій съ человѣколюбіемъ, и что отечество позаботится о семействахъ тѣхъ гражданъ, которые призваны защищать его. Все это сообщило нефшательскому дѣлу какой-то особенный, драматическій интересъ. Но война между Пруссіею и Швейцаріею была бы столь важнымъ и необычайнымъ явленіемъ въ современной Европѣ, что дипломатія въ послѣднее время стала еще усерднѣе заботиться о пріисканіи средствъ къ полюбовному соглашенію. Уже послѣ открытія чрезвычайныхъ засѣданій швейцарскаго Союзнаго Сейма, Франція сдѣлала новыя предложенія. Швейцарское правительство отвѣчало на эти предложенія посольствомъ одного изъ своихъ членовъ, доктора Керна, въ Парижъ. 5-го января, докторъ Кернъ имѣлъ аудіенцію у императора Французовъ, продолжавшуюся два часа; вслѣдъ за тѣмъ, изъерна получена во Франкфуртѣ телеграфическая депеша съ извѣстіемъ, что посольство доктора Керна увѣнчалось успѣхомъ. Объ этомъ до слѣдующаго Обозрѣнія.

Пруссія, съ своей стороны, разослала къ своимъ дипломатическимъ представителямъ при европейскихъ дворахъ, подписавшихъ Лондонскій протоколъ, ноту отъ 23-го декабря, косвенно представляющую возможность соглашенія. Въ этой нотѣ сказано, что Прусское правительство, вмѣсто того, чтобы предписать мобилизацію армій въ кратчайшій срокъ, по истеченіи коего послѣдовали бы немедленно военныя дѣйствія, доселѣ откладывало окончательную мобилизацію, нынѣ назначенную на 15-е января, если процессъ нефшательскихъ роялистовъ не начнется ранѣе этого числа. Но открытіе процесса назначено на 19-е января, и потому вообще полагаютъ, что дипломатія непременно воспользуется послѣднимъ временемъ для умиротворенія обѣихъ сторонъ.

Въ послѣднее время, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, было поднято немало политическихъ, или, правильнѣе, международныхъ вопросовъ. Одинъ изъ нихъ, такъ называемый восточный вопросъ, окончательно разрѣшенъ на парижскихъ конференціяхъ; другой нефшательскій, повидимому, приближается къ разрѣшенію. Остаются вопросы: англо-персидскій, или гератскій, о которомъ мы пока не можемъ сообщить новыхъ свѣдѣній, за отсутствіемъ удовлетворительныхъ извѣстій изъ Персіи, и новый, англо-китайскій, или кантонскій, недавно поднятый Англичанами. Извѣстно, что Китай уже нѣсколько лѣтъ испытываетъ всѣ бѣдствія внутренней войны; что противъ царствующей доселѣ Манджурской династіи поднялось цѣлое народное движеніе, продолжающееся съ переменнымъ успѣхомъ въ нѣкоторыхъ частяхъ обширной Небесной Имперіи. Въ Китаѣ всѣ подобныя движенія, неоднократно кончавшіяся переменною династіею, продолжаются очень долго, и на этотъ разъ тоже не предвидится скорого исхода борьбы. Имя въ виду свои промышленные ин-

тересы, Англія, Соединенные Штаты и Франція, повидимому, рѣшились открыть для своихъ гражданъ болѣе широкой, противъ прежняго, доступъ въ замкнутую имперію. До сихъ поръ французская эскадра въ китайскихъ моряхъ состояла изъ двухъ-трехъ военныхъ судовъ, которыя должны были покровительствовать французскимъ подданнымъ на огромномъ пространствѣ. Въ настоящее время изъ Франціи отправляется, подъ начальствомъ вновь назначеннаго контръ-адмирала Риго, 50-ти-пушечный фрегатъ, два паровые корвета, вооруженные орудіями большаго калибра, два транспорта съ запасными орудіями для эскадры и разными принадлежностями, и четыре канонирскія лодки, построенныя во время Крымской кампаніи. Ожидаютъ, что эта эскадра будетъ дѣйствовать въ китайскихъ моряхъ, вмѣстѣ съ военными судами Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, въ интересахъ всемірной торговли. По замѣчанію полу-офиціальной парижской газеты Constitutionnel, прошло то время, когда Китай могъ отдѣлять себя отъ остальнаго міра и ограничивать внѣшнюю торговлю тѣсными предѣлами нынѣшнихъ сношеній съ Европейцами; у туземцевъ появились новыя потребности, вслѣдствіе которыхъ, вмѣсто правильной торговли, развилась контрабанда. Усилить торговля сношенія съ Китаемъ, имѣть не только консуловъ въ прибрежныхъ городахъ, но и посланниковъ въ Пекинъ — такова, по словамъ означенной газеты, цѣль французскаго правительства.

Въ ожиданіи совокупныхъ дѣйствій въ этомъ смыслѣ, Англія была поставлена въ необходимость дѣйствовать одна. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Китая, между Англичанами и Китайскими начальствами въ Кантонѣ произошло серіозное непріязненное столкновение, побудившее англійскія военныя начальства бомбардировать Кантонъ. Въ первой половинѣ октября, въ Кантонѣ стояло на якорѣ англійское рѣчное судно; китайскія начальства явились на бортѣ, и, несмотря на протестъ капитана, захватили двѣнадцать человекъ китайскаго экипажа подъ тѣмъ предлогомъ, что они преступники. По трактату, китайскія начальства должны были обратиться къ англійскому консулу съ просьбою арестовать этихъ людей, но не имѣли права захватить ихъ. Протестъ англійскаго консула китайскія начальства оставили почти безъ вниманія; консулъ требовалъ удовлетворенія, и не получивъ его, объявилъ, что даетъ китайскимъ начальствамъ только 24 часа на размышленіе, и что по прошествіи этого срока онъ обратится къ адмиралу, командующему англійскою эскадрою въ китайскихъ моряхъ. Удовлетвореніе должно было состоять въ возвращеніи на бортъ англійскаго судна захваченныхъ двѣнадцати человекъ, съ приличными извиненіями. Кантонскій губернаторъ, имѣющій весьма презрительное понятіе объ иностранцахъ и высокое мнѣніе о собственномъ могуществѣ, возвратилъ въ консульство двѣнадцать арестантовъ безъ всякаго отвѣта. Въ консульствѣ не приняли ихъ и отослали обратно

къ губернатору. Консулъ передалъ дальнѣйшія сношенія съ послѣднимъ адмиралу Сеймуру, повторившему, въ новомъ посланіи, всѣ его требованія. Не получивъ удовлетворенія, адмиралъ Сеймуръ открылъ огонь по кантонскимъ фортамъ, высадилъ своихъ матросовъ, и завладѣлъ фортами. Бомбардированіе началось 28-го октября въ часть пополудни и продолжалось до 5 часовъ. Въ городѣ произошли пожары; зданіе, въ которомъ жилъ генералъ-губернаторъ, загорѣлось. Всю ночь пожары не прекращались, а на слѣдующій день, 29-го октября, бомбардированіе было возобновлено съ 7 часовъ утра. Дома, лежавшіе за англійскими факторіями, разрушены. Дальнѣйшія намѣренія Англичанъ еще неизвѣстны. По всей вѣроятности, адмиралъ Сеймуръ находится въ нѣкоторомъ затрудненіи, ибо не имѣетъ подъ рукою достаточнаго войска, чтобы продолжать начатое дѣло, очевидно представившееся случайно, ибо именно въ концѣ октября производится большой вывозъ чая. Корреспонденты иностранныхъ журналовъ сообщаютъ, что на 3-е ноября назначена была еще сильнѣйшая бомбардировка, о послѣдствіяхъ которой мы узнаемъ въ теченіе января. Кантонскій губернаторъ, въ прокламаціи своей къ жителямъ города, приписываетъ дѣйствія Англичанъ извѣстному вѣроломству варваровъ.

Императорскій Кабинетъ получилъ извѣщеніе, телеграфическою депешою отъ русскаго уполномоченнаго при парижскихъ конференціяхъ, что эти собранія закончены и заключительный протоколъ подписанъ 25 числа декабря (6-го января н. ст.). Положено, что окончаніе округленія Бессарабской границы, равно какъ совершенное оставленіе Дунайскихъ княжествъ австрійскими войсками, а Чернаго моря и Босфора англійскою эскадрою, будетъ приведено въ исполненіе никакъ не позже 18-го (30-го) числа будущаго марта, и что въ это же самое время конвенція о проливахъ вступитъ въ свою силу.

Читатели найдутъ ниже, въ Приложеніяхъ, рядъ законодательныхъ мѣръ и правительственныхъ распоряженій, обнародованныхъ въ нашемъ отечествѣ во второй половинѣ декабря истекшаго года.

Во Франціи обнародованы два весьма характеристическіе официальные документа, изъ которыхъ одинъ касается собственно Франціи, другой — Алжирии. Первый — новый докладъ министра внутреннихъ дѣлъ, г. Билью, императору, о необходимости вмѣшательства центральной власти въ пониженіе цѣнъ на хлѣбъ. Жатва нынѣшняго года, говоритъ министръ, была одна изъ лучшихъ, и привозъ иностраннаго хлѣба довольно силенъ; однако, несмотря на это обстоятельство и на значительное пониженіе платы за перевозку хлѣба по желѣзнымъ дорогамъ, нѣкоторые департаменты терпятъ дороговизну

и просить помощи у императора. Оказывается, что въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ центральная власть употребила большія суммы на подобной цѣли, а именно: въ 1854 году — 10 милл., въ 1855 году — 5 милл., въ 1856— еще 10 милл., и что въ настоящее время требуется на тотъ же предметъ не менѣе 3 милл. «Цѣль этой мѣры, говоритъ министръ, заключается не въ томъ, чтобы раздавать милостыню празднымъ нищимъ, а приступить къ полезнымъ работамъ тамъ, гдѣ рабочему классу не представится другаго дѣла, и смягчать слишкомъ тягостную несоразмѣрность между цѣною жизненныхъ потребностей и заработкомъ. Благодаря глубокому спокойствію, которымъ пользуется страна, промышленность и торговля въ полномъ цвѣтѣ; благотворное движеніе, сообщенное большимъ общественнымъ работамъ, размножаетъ во всей Франціи число мастерскихъ, къ которымъ можетъ прибѣгнуть работникъ; императоръ, съ своею обычною заботливостію о рабочемъ сословіи, вошелъ въ подробности предпріятій, предположенныхъ государствомъ и подавшихъ поводъ открыть новыя мастерскія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ были наиболѣе необходимы. Въ общинахъ, на которыя не распространяются эти благодѣянія, я укажу на предпріятія, соотвѣтствующія мѣстнымъ интересамъ. Но наибольшаго вниманія и поощренія администраціи заслуживаютъ тѣ благотворительныя учрежденія, которыхъ дѣятельность, устраивая дорогое посредничество третьяго лица, непосредственно снабжаетъ бѣдныхъ предметами первой необходимости и притомъ за дешевую цѣну. Многочисленныя подобныя учрежденія уже созданы во многихъ мѣстахъ имперіи и, стараясь возстановлять временно нарушаемое равновѣсіе между потребностями семьи и ея заработкомъ, достигаютъ результатовъ, коихъ благодѣтельное вліяніе оцѣнено рабочимъ классомъ».

Вслѣдствіе этого доклада состоялся декретъ объ открытіи, въ 1857 году, чрезвычайнаго кредита въ 3 милл. фр. для вышеозначенной цѣли.

Другой декретъ, какъ мы уже замѣтили, касается алжирской администраціи, и въ нѣкоторой степени ослабляетъ зависимость послѣдней отъ центральной власти. Декретъ этотъ называютъ закономъ о децентрализаціи Алжиріи; но это отнюдь не значить, чтобы часть мѣстныхъ административныхъ дѣлъ была возложена на алжирское населеніе. Новый законъ только усиливаетъ административныя права алжирскаго генералъ — губернатора, который будетъ назначать, во своему желанію и безъ вмѣшательства военнаго министра, во многія должности, и такія же права префектовъ и дивизионныхъ генераловъ, — послѣднихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще существуетъ военное управленіе.

Въ Англіи, пока не открыты засѣданія парламента, журналы и общественное мнѣніе естественно озабочены вопросами внѣшней по-

литики, отъ которыхъ лишь на мгновеніе были отвлечены въ послѣднее время нѣкогда возбуждавшимъ сочувствіе голосомъ извѣстнаго ирландскаго агитатора Смита О'Брина. Смитъ О'Бринъ обнародовалъ сильную оппозиціонную прокламацію къ народу. Мы позволимъ себѣ напомнить нашимъ читателямъ, что Вилліамъ Смитъ О'Бринъ съ 1832 года былъ однимъ изъ ирландскихъ членовъ нижней палаты и жаркимъ противникомъ Англіи. Въ 1846 году, избранный палатою въ члены комиссіи, обсуждавшей вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ, онъ уклонился отъ исполненія законной обязанности, на томъ основаніи, что комиссія разсматриваетъ вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ въ интересахъ одной Англіи, и за это, по опредѣленію палаты, находился подъ арестомъ, пока комиссія не окончила своего дѣла. Въ 1848 году, во время серьезныхъ волненій въ Ирландіи, онъ открыто призывалъ своихъ соотечественниковъ къ вооруженному возстанію, былъ арестованъ и осужденъ на смертную казнь. Правительство замѣнило это наказаніе пожизненною ссылкой; но онъ не признавалъ за нимъ права помилованія и требовалъ исполненія судебного приговора. Дѣйствительно, правительство не могло основать своего права ни на какомъ прямомъ законѣ; оттого министры принуждены были предложить парламенту новый билль, предоставлявшій правительству право замѣнить смертную казнь пожизненною ссылкой для государственныхъ преступниковъ. Билль былъ одобренъ парламентомъ, и Смитъ О'Бринъ сосланъ въ Австралію въ іюль 1849 года. Онъ прощенъ въ нынѣшнемъ году; ему теперь слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ. Прокламація его, обнародованная въ концѣ декабря прошлаго года, не что иное, какъ рѣзкій протестъ противъ англійской политики вообще, по поводу возбужденнаго въ публикѣ вопроса объ отмѣнѣ дополнительнаго сбора къ извѣстному налогу на доходы (income-tax), установленнаго во время послѣдней войны. Смитъ О'Бринъ доказываетъ, что Ирландія не имѣетъ никакого основанія уплачивать этотъ дополнительный сборъ, ибо какъ восточная, такъ и персидская война до нея не касаются и не имѣютъ никакого отношенія къ національнымъ ея интересамъ. «Если мои замѣчанія покажутся вамъ основательными, говоритъ онъ Ирландцамъ въ концѣ своей прокламаціи, то вы поручите вашимъ депутатамъ протестовать противъ военныхъ сборовъ, вами уплачиваемыхъ, или по крайней мѣрѣ требовать, чтобы изъ вашихъ денегъ было сдѣлано болѣе полезное для васъ употребленіе.»

Нѣтъ сомнѣнія, что сама Англія желаетъ отмѣны дополнительнаго сбора къ налогу на доходы и что эта облегчительная мѣра должна состояться. Въ послѣднее время государственный доходъ Англіи значительно увеличился. Въ теченіе прошлаго года приращеніе дохода дошло до четырехъ милліоновъ ф. стерл. (около 25 милл. р. сереб.). Военный министръ, лордъ Панмюръ, уже объявилъ на одномъ бан-

вѣтъ въ Шотландіи, что правительство имѣетъ въ виду сократить военный бюджетъ. По всему видно, что вопросъ этотъ особенно заглаживаетъ министровъ, и что они имѣютъ въ виду уменьшеніе налоговъ и податей.

Въ Испаніи, попрежнему, продолжается усиленная реакція, стремящаяся окончательно изгладить слѣды предшествовавшего нынѣшнему порядку вещей. Министерство, во главѣ коего стоитъ маршалъ Нарваезъ, неуклонно стремится къ достиженію этой цѣли и привяло, въ теченіе декабря, нѣсколько мѣръ, на которыхъ мы остановимъ вниманіе читателей. 3-го декабря подписанъ королевскою декретъ, назначающій на 5-е февраля 1857 года открытіе во всей Испаніи муниципальных выборовъ. Вновь избранныя муниципальныя власти должны вступить въ должность съ 12-го марта. Министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Носедаля, вѣстѣ съ проектомъ декрета о муниципальных выборахъ, представилъ королевѣ изложеніе причинъ, побуждающихъ ускорить эти выборы. — «Востановленіе муниципальных властей не терпитъ отлагательства, говоритъ онъ; оно должно произойти по закону 8-го января 1845 года и правилъ, установленныхъ 16-го сентября. — Весьма важно сообщить правильный ходъ администраціи, чтобъ учрежденія, признанныя конституціею, могли быть установлены въ непродолжительномъ времени.»

Конституція 1845 года, отмѣненная въ 1854 году послѣ извѣстнаго июльскаго движенія, во главѣ котораго стоялъ маршалъ О'Доннель, возстановлена въ нынѣшнемъ году. Законы о муниципальных и другихъ выборахъ составляютъ такъ-называемую органическую часть конституціи. Въ силу этихъ законовъ, правильно избранныя муниципальныя власти составляютъ списки избирателямъ, которые подають голосъ на выборахъ въ члены такъ-называемыхъ провинціальныхъ депутацій; послѣднія, въ свою очередь, участвуютъ въ составленіи списковъ избирателямъ, назначающимъ своихъ депутатовъ во вторую палату. Выборамъ въ члены второй палаты непременно должны предшествовать выборы муниципальныя и провинціальныя. Впрочемъ, до сихъ поръ рѣшено приступить лишь къ выборамъ муниципальнымъ.

Мы неоднократно упоминали въ нашемъ Обзорѣни о сильномъ разстройствѣ испанскихъ финансовъ. Въ послѣднемъ періодѣ своихъ засѣданій, еще въ то время, когда Эспартеро былъ первымъ министромъ, кортесы уполномочили министровъ заключить государственннй заемъ въ 500 милл. реаловъ (болѣе 31 милл. р. сереб.). Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, тогдашній министръ финансовъ г. Санта-Крусь, заключилъ первое условіе съ испанскимъ обществомъ движимаго кредита, доставившимъ казнѣ 200 милл. реаловъ. Оставалось занять 300 милл. реаловъ, и этотъ заемъ, встрѣтившій значительное недо-вѣріе со стороны капиталистовъ, опасавшихся непрочности нынѣш-

ного порядка вещей, былъ однако заключенъ съ г. Миресомъ, правда, на весьма выгодныхъ для послѣдняго условіяхъ. Г. Миресъ уже доставилъ правительству часть этой суммы, 60 милл. Но и этотъ заемъ признанъ недостаточнымъ для поправленія финансовъ, тѣмъ болѣе что министерство прекратило продажу церковныхъ и государственныхъ имуществъ. Съ отиѣною этой продажи потребовалось возстановить косвенные налоги, значительно уменьшенные послѣ движенія 1854 года: мы разумѣемъ налоги на потребление съѣстныхъ припасовъ, которые предположено взимать снова съ 1-го января наступившаго года. Ожидаютъ, что эти налоги доставятъ государству болѣе 140 милл. реаловъ (около 9 милл. р. сер.).

Въ Соединенныхъ Штатахъ, согласно съ конституціей, президентъ отъ времени до времени сообщаетъ конгрессу подробныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Союзѣ. Эти свѣдѣнія обыкновенно излагаются въ особомъ офиціальномъ документѣ, который называется посланіемъ президента Соединенныхъ Штатовъ къ конгрессу. Въ началѣ декабря въ сѣверо-американскихъ журналахъ обнародовано такое посланіе нынѣшняго президента, генерала Пирса, который вскорѣ долженъ уступить завидный постъ перваго гражданина республики г-ну Буканану. Въ этомъ новомъ посланіи президентъ, говоря о внутреннемъ состояніи союза, съ сожалѣніемъ отзывается о партіяхъ сѣвера и юга, раздѣляющихъ республику, и указываетъ на необходимость ограничить борьбу законными средствами, предоставляемыми конституціей въ распоряженіе большинства. «Выборомъ новаго президента, говоритъ онъ, народъ энергически осудилъ мысль о географическомъ распаденіи Соединенныхъ Штатовъ и враждебныя отношенія между сѣверомъ и югомъ, востокомъ и западомъ» По этому поводу онъ переходитъ къ борьбѣ партій, театромъ которой былъ Канзасъ, и сообщаетъ офиціально, что волненія, происшедшія въ этой территоріи, прекращены безъ кровопролитія. Эта часть посланія не заключаетъ въ себѣ ничего новаго. Гораздо любопытнѣе положительныя свѣдѣнія о финансахъ и внѣшнихъ сношеніяхъ Соединенныхъ Штатовъ. Мы остановимся подробнѣе на этой второй половинѣ посланія.

Европейскія государства не безъ основанія могли бы позавидовать отличному состоянію финансовъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ теченіе послѣдняго финансоваго года, таможенный доходъ превышалъ 64 милл. долларовъ (1), а всѣ доходы простирались до 73,918,141 долл.; сумма эта, вмѣстѣ съ остаткомъ 1-го іюля 1855 года, составляетъ 92,850,117 долл. Расходы не превышали 72,948,792 долларовъ. 4-го марта 1853 года, при вступленіи въ должность нынѣшняго прези-

(1) Долларъ—1 р. 35 к. сер.

день, государственный долгъ простирался до 71,879,937 долл., а въ настоящее время, то—есть по прошествіи четырехъ лѣтъ, уменьшенъ до 30,737,129 долл., и могъ бы быть уплаченъ въ теченіи одного года; но срокъ платежа еще не наступилъ, а преждевременная уплата причинила бы ущербъ владѣльцамъ купоновъ долга, и потому необходимо дожидаться срока. Вслѣдствіе столь благопріятныхъ обстоятельствъ, президентъ совѣтуетъ конгрессу уменьшить таможенный сборъ и подвергнуть пересмотру законы о налогахъ.

Немногочисленная армія Соединенныхъ Штатовъ была постоянно занята войною съ дикими на границахъ Союза. Коалиція индѣйцевъ на территорияхъ Вашингтонской и Орегонской грозила опустошить тамошнія новыя поселенія, но эта опасность устранена успѣшнымъ дѣйствіемъ войскъ. Состояніе флота, сказано въ посланіи, не только удовлетворительно, но и доказываетъ притомъ, что онъ постоянно усиливается.

Государственныхъ земель продано въ теченіе послѣдняго финансоваго года 9,227,878 акровъ за 8,821,414 долларовъ. Въ тотъ же промежутокъ времени отдано въ наемъ еще 30,100,230 акровъ земли.

Соединенные Штаты продолжаютъ находиться въ дружественныхъ отношеніяхъ со всѣми иностранными державами. Два спорные вопроса, одинъ о вербованіи волонтеровъ въ Соединенныхъ Штатахъ, другой о Центральной Америкѣ, едва не подали повода къ разрыву съ Англіею; по первому изъ этихъ вопросовъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, уже послѣдовало соглашеніе; другой вопросъ вскорѣ разрѣшится удовлетворительнымъ образомъ. Цѣлью конвенціи, состоявшейся между Соединенными Штатами и Англіею 19 апрѣля 1856 года, было упроченіе, въ интересъ всѣхъ націй, нейтральности транзитныхъ путей сообщенія между двумя океанами черезъ Панамскій перешеекъ, путей, которые могутъ быть открыты въ Центральной Америкѣ. Выраженное Англіею намѣреніе подчинить исключительно своему вліянію Гопдурасъ и Никарагуа, земли, лежащія на самыхъ путяхъ сообщенія или около нихъ, признано было правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ за формальное нарушеніе трактата. Споръ этотъ прекращенъ дополнительнымъ трактатомъ, который уже подписанъ сѣверо-американскимъ посланникомъ въ Лондонѣ и немедленно будетъ представленъ на обсужденіе сенату. Переговоры съ Даніею объ отиѣнѣ зундской пошлины еще не приведены къ желанному результату. Другія правительства, говоритъ президентъ, старались о томъ же для облегченія своей торговли, такъ что датское правительство было поставлено въ необходимость предложить всѣмъ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ государствамъ проектъ общаго соглашения. Проектъ принять благосклонно, и потому можно надѣяться, что вскорѣ состоится удовлетворительное соглашеніе о зундскихъ пошлинахъ. Датское правительство обратилось къ правительству Соединенныхъ Штатовъ съ просьбою дожидаться окончанія переговоровъ съ европейскими державами. Правительство Соединенныхъ

Штатовъ согласилось исполнить это желаніе съ тѣмъ только условіемъ, что суммы, собираемыя послѣ 16-го іюня 1856 года съ сѣверо-американскихъ судовъ и грузовъ, будутъ уплачиваемы съ протестомъ, и что онѣ будутъ предметомъ особаго условія въ предстоящемъ соглашеніи между Данією и Соединенными Штатами по этому вопросу. Въ сношеніяхъ съ Испанією не произошло никакихъ новыхъ разногласій; но разрѣшеніе прежнихъ несогласій мало подвинулось впередъ. Переговоры, начатыя съ испанскимъ правительствомъ по торговымъ и другимъ вопросамъ относительно острова Кубы, до сихъ поръ остаются безъ послѣдствій.

Въ посланіи президента Соединенныхъ Штатовъ есть между прочими любопытная страница о морскомъ правѣ, которое, какъ извѣстно, было предметомъ совѣщаній на Парижскомъ конгрессѣ. Не задолго до начала восточной войны, сказано въ посланіи, сѣверо-американское правительство предложило всѣмъ морскимъ державамъ два правила для обезпеченія торговли нейтральныхъ государствъ: 1) нейтральный флагъ покрываетъ собственность непріятеля, за исключеніемъ военной контрабанды, и 2) нейтральная собственность на купеческихъ судахъ, принадлежащихъ воюющимъ сторонамъ, признается неприкосновенною, опять если эта собственность не составляетъ военной контрабанды. Одна изъ тогдашнихъ воюющихъ сторонъ, Россія, и многія нейтральныя государства, одобрили эти предложенія. Франція и Англія не отвергали ихъ формально, но и не признали ихъ. Только на Парижскомъ конгрессѣ состоялась декларация, заключавшая въ себѣ оба предложенія, сдѣланныя Соединенными Штатами за два года передъ тѣмъ, съ слѣдующимъ дополненіемъ: «Каперскія свидѣтельства отиѣняются, и блокада тогда только считается обязательною, когда она дѣйствительна, то есть, когда поддерживается достаточною военною силою, могущею предупредить торговое сообщеніе съ непріятельскимъ берегомъ». Правительство Соединенныхъ Штатовъ отвѣчало на эту декларацию, состоящую изъ четырехъ пунктовъ, одобреніемъ правила о блокадѣ. Другое дополненіе, касающееся каперскихъ свидѣтельствъ, не одобрено Соединенными Штатами, по крайней мѣрѣ не одобрено безусловно. «Конечно», говоритъ президентъ, «оно предполагаетъ признаніе того правила, что частная собственность на морѣ остается неприкосновенною даже въ томъ случаѣ, если она принадлежитъ гражданамъ воюющаго государства. Еслибъ это предложеніе было выражено полнѣе, я поспѣшилъ бы одобрить его отъ лица Соединенныхъ Штатовъ. Но мѣра не соответствуетъ предположенной цѣли. Правда, она избавляетъ частную собственность на морѣ отъ одного изъ способовъ грабежа, но въ то же время подвергаетъ ее другому способу, весьма дѣйствительному. Она увеличила бы наступательныя средства сильныхъ морскихъ державъ и уменьшила бы оборонительныя сред-

ства другихъ государствъ. Частная собственность осталась бы въ распоряженіи вооруженныхъ крейсеровъ. Я выразилъ готовность приступить къ началамъ, установленнымъ на Парижскомъ конгрессѣ, во съ тѣмъ условіемъ, чтобы правило о каперскихъ свидѣтельствахъ было измѣнено сообразно съ его назначеніемъ, то-есть, съ обезпеченіемъ частной собственности на морѣ отъ покушеній непріятеля. Съ этою цѣлю я предлагаю прибавить къ состоявшейся деклараціи слѣдующее: «Частная собственность подданныхъ и гражданъ воюющей державы на морѣ не можетъ быть захвачена вооруженными судами другой воюющей державы, если эта собственность не составляетъ военной контрабанды». Это измѣненіе было предложено мною всѣмъ морскимъ державамъ, и не было отвергнуто ни одною изъ нихъ. Онѣ отложили окончательный отвѣтъ для того только, чтобы посовѣтоваться между собою. Мнѣ пріятно однако объявить теперь же, что Всероссийскій императоръ, вполне одобрилъ предложенное измѣненіе, и что подобное же увѣреніе получено отъ императора Французовъ».

Этимъ мы окончиваемъ обзоръ посланія: полный текстъ его занялъ бы болѣе печатнаго листа.

Въ декабрьскихъ нумерахъ сѣверо-американскихъ журналовъ сообщены весьма отрывочныя свѣдѣнія о волненіи между неграми въ штатахъ Тенесси и Кентукки, возбудившемъ серіозныя опасенія. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ этихъ штатахъ нѣсколько успокоились относительно возможныхъ послѣдствій возстанія, но въ другихъ частяхъ Союза (разумеется на югѣ) волненіе продолжается. Оно началось въ Техасѣ на Рио-Гранде, и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, когда вся республика была занята избраніемъ новаго президента, распространилось отъ Мемфиса до Дувра. Всѣ окружныя тюрьмы наполнены захваченными неграми; въ Дуврѣ повѣшено 19 негровъ. По свидѣтельству нѣкоторыхъ газетъ, негры еще не предприняли ничего рѣшительнаго, но многіе бѣжали въ лѣса. Въ Дуврѣ всѣ Американцы вооружены съ ногъ до головы; даже мальчики склонялись подъ тяжестью пистолетовъ и сабель. Корреспондентъ газеты New-Yorks-Tribune, роворитъ, что причина волненій заключается въ распространившейся между неграми увѣренности, будто полковникъ Фремонъ, кандидатъ абolicіонистовъ, противъ котораго сильно гремѣли южные штаты, долженъ быть ревностнымъ ихъ защитникомъ. Несчастные воображали, что Фремонъ ожидаетъ ихъ съ своими приверженцами на днѣ рѣки Кумберлендъ, и что онъ вылетитъ оттуда въ Рождество, чтобы освободить ихъ. Вода въ рѣкѣ стояла очень высоко, и они объясняли это явленіе тѣмъ, что на днѣ рѣки стоитъ пѣхота и конница, съ пушками и всякимъ оружіемъ. Одной этой фантастической легенды было достаточно, чтобы возбудить въ южныхъ штатахъ преувеличенные толки о предстоящемъ будто бы поголовномъ возстаніи негровъ, которое однако не послѣдовало.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОБОЗРѢНІЮ.

I.

Правила объ исключеніи солдатскихъ и матросскихъ дѣтей и кантонистовъ изъ военно-сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ.

1. Всѣ солдатскія и матросскія дѣти и военные кантонисты, состоящіе въ военно-сухопутномъ и морскомъ вѣдомствахъ, исключаются изъ сихъ вѣдомствъ для обращенія въ свободныя сельскія и городскія податныя сословія, и на будущее время всѣ постановленія о зачисленіи въ поименованныя вѣдомства солдатскихъ, матросскихъ и иныхъ дѣтей прекращаютъ свое дѣйствіе.

2. Изъ сего общаго правила изъемяются только тѣ изъ солдатскихъ и матросскихъ сыновей и кантонистовъ, которые поступили на дѣйствительную службу по день изданія всемиловѣйшаго манифеста 26-го августа сего года.

3. Родителямъ, родственникамъ и воспитателямъ, на попеченіи которыхъ состоятъ нынѣ и впредь будутъ находиться законнорожденные солдатскія и матросскія дѣти, прижитыя нижними чинами во время нахождения своего на службѣ, предоставляется, за службу отцовъ сихъ дѣтей, право пользоваться отъ правительства тѣмъ пособіемъ, какое доселѣ по существующимъ постановленіямъ на нихъ отпускалось.

Примѣчаніе. Дѣти нижнихъ чиновъ, рожденные по увольненіи отцовъ своихъ въ отставку, равно незаконнорожденные дѣти солдатскихъ, матросскихъ и рекрутскихъ женъ и вдовъ, дѣвокъ и дочерей сихъ дѣвокъ, состоящія нынѣ на счету военного и морскаго министерствъ, продолжаютъ пользоваться такимъ же пособіемъ на прежнемъ основаніи; рожденные же по изданіи настоящихъ правилъ ни на какое пособіе со стороны тѣхъ министерствъ права не имѣютъ.

4. Равнымъ образомъ родителямъ, родственникамъ и воспитателямъ солдатскихъ и матросскихъ сыновей, прижитыхъ нижними чинами во время нахождения на службѣ, предоставляется право, по добровольному ихъ желанію, отдавать сихъ солдатскихъ и матросскихъ сыновей въ учебныя заведенія, для дѣтей нижнихъ чиновъ учрежденныя въ военно-сухопутномъ и морскомъ вѣдомствахъ, на тѣхъ правилахъ, какія для сихъ заведеній будутъ начертаны.

5. Исключенныя изъ военно-сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ солдатскія и матросскія дѣти, а равно тѣ, которыя родятся со дня изданія настоящихъ правилъ до предстоящей десятой народной переписи, подвергаются сей переписи наравнѣ съ лицами прочихъ податныхъ сословій, но съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ:

а) Всѣ таковыя солдатскія и матросскія обоюбого пола дѣти зачисляются въ народную перепись по мѣсту ихъ жительства и вносятся въ перечневыя вѣдомости казенными палатами, составляемая подъ общимъ наименованіемъ дѣтей солдатскихъ, состоящихъ на льготѣ.

б) вмѣстѣ съ солдатскими и матросскими дѣтьми должны быть записаны въ ревизію ихъ матери и отцы, нижніе чины, находящіеся въ отставкѣ, но для одного только счета.

в) Тѣмъ изъ солдатскихъ и матросскихъ дѣтей, которыя при объявленіи манифеста о 10-й народной переписи достигнутъ 18-ти лѣтнаго возраста, даруется двухъ-годичная льгота для причисленія къ податнымъ свободнымъ состояніямъ ; а тѣмъ, которыя не достигнутъ сего возраста, предоставляется право избранія рода жизни и причисленія къ податнымъ сословіямъ, также въ теченіе 2-хъ лѣтъ со дня достиженія 18-ти лѣтъ отъ рожденія.

г) Солдатскія и матросскія дѣти, до приписки ихъ въ податныя сельскія или городскія сословія, пользуются правами, предоставленными закономъ вольноотпущеннымъ изъ крѣпостнаго состоянія, — и

д) Ревизскія сказки подаютъ : о дѣтяхъ, состоящихъ при служащихъ нижнихъ чинахъ, ближайшія начальства сихъ чиновъ, а о дѣтяхъ, состоящихъ при безсрочно-отпускныхъ и отставныхъ нижнихъ чинахъ, при матеряхъ, родственникахъ и постороннихъ лицахъ гражданскаго вѣдомства — сіи послѣднія, съ содѣйствіемъ мѣстнаго вачальства.

б) Сыновья служащихъ безсрочно-отпускныхъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ, которые родятся во время отъ одной народной переписи до другой и не поступятъ на правилахъ, въ 4-мъ пунктѣ изложенныхъ, въ учебныя заведенія, для дѣтей нижнихъ чиновъ учрежденныя, пользуются также правами вольноотпущенныхъ и при первой слѣдующей народной переписи, если достигли 18-ти лѣтнаго возраста, обязаны приписываться къ одному изъ свободныхъ податныхъ сословій ; если же сего возраста не достигли, то, во вниманіе единственно къ службѣ отцовъ ихъ, приписка въ податныя сословія отлагается до достиженія ими означеннаго возраста.

Примѣчаніе 1. Подача ревизскихъ сказокъ о сихъ солдатскихъ и матросскихъ дѣтяхъ устанавливается на правилахъ, въ пунктѣ д предъидущей статьи изложенныхъ.

Примѣчаніе 2. Порядокъ приписки солдатскихъ и матросскихъ дѣтей въ податныя свободныя сословія и порядокъ снабженія сихъ дѣтей паспортами для жительства, до приписки въ означенныя сословія, должны быть опредѣлены подлежащими министерствами.

7) Родители, родственники и воспитатели, желающіе получить даруемое отъ правительства 3-мъ пунктомъ сихъ правилъ пособіе, обязаны представить метрическое свидѣтельство солдатскаго и матросскаго сына или дочери командиру мѣстнаго гарнизоннаго баталіона, который безотлагательно снабжаетъ поименованныхъ лицъ особымъ билетомъ, для полученія упомянутаго пособія отъ провіантскаго и комисаріатскаго вѣдомствъ.

Примѣчаніе. Порядокъ выдачи таковыхъ билетовъ командирами гарнизонныхъ баталіоновъ и отпуска по онымъ провіантскаго довольствія и сиротскихъ денегъ должны быть опредѣлены военнымъ и морскимъ министерствами по принадлежности.

8) Родители, родственники и воспитатели, желающіе, на основаніи 4-го пункта сихъ правилъ, отдать солдатскихъ и матросскихъ сыновей для обученія въ заведенія, для дѣтей нижнихъ чиновъ учрежденныя, обязаны подать о томъ просьбу: служащія ближайшему своему начальству, а всѣ прочіе—командиру учебнаго заведенія, съ приложе-

ніемъ метрическаго свидѣтельства солдатскаго и матросскаго сына и представленіемъ самого сего малолѣтка. Время подачи сихъ просьбъ и приѣма солдатскихъ сыновей въ заведенія назначается отъ 1-го сентября по 1-е января каждаго года.

Примѣч. Подробныя правила по сему предмету должны быть начертаны военнымъ и морскимъ министерствами по принадлежности.

9) Родители, родственники и посторонніе благотворители, желающіе взять на свое попеченіе кантонистовъ, находящихся нынѣ въ заведеніяхъ военныхъ кантонистовъ, въ морскихъ учебныхъ и рабочихъ экипажахъ и прочихъ командахъ военно-сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ и исключаемыхъ по настоящимъ правиламъ изъ означенныхъ вѣдомствъ, должны подавать о томъ просьбы: служащіе — ближайшему своему начальству, а всѣ прочіе—по мѣсту жительства—начальникамъ губерній.

Примѣчаніе 1.) Порядокъ удовлетворенія означенныхъ просьбъ будетъ начертанъ военнымъ и морскимъ министерствами по принадлежности.

Примѣчаніе 2.) Лица еврейскаго закона не могутъ просить о возвратѣ имъ ихъ сыновей или родственниковъ кантонистовъ, принявшихъ христіанскую вѣру. Сіи послѣдніе могутъ быть отдаваемы постороннимъ благотворителямъ христіанскаго исповѣданія.

10) Главные начальники прочихъ вѣдомствъ, въ которыхъ состоятъ дѣти служащихъ или служившихъ въ сихъ вѣдомствахъ нижнихъ чиновъ, имѣютъ составить надлежащія соображенія, въ какой мѣрѣ настоящія правила могутъ быть распространены на означенныхъ дѣтей.

II.

Правила о порядкѣ возвращенія кантонистовъ изъ заведеній военныхъ кантонистовъ

военно-сухопутнаго вѣдомства.

1) Родители, родственники и посторонніе благотворители, желающіе взять на свое попеченіе кантонистовъ, находящихся въ заведеніяхъ военныхъ кантонистовъ военно-сухопутнаго вѣдомства, для обращенія ихъ въ свободныя податныя сословія, подаютъ о томъ просьбы: служащіе — ближайшему своему начальству, а всѣ прочіе, по мѣсту жительства—начальникамъ губерній.

2) Просьбы эти пишутся на простой бумагѣ. При оныхъ прилагаются отставными нижними чинами и солдатскими женами и вдовами выданные имъ военнаго вѣдомства паспорта, а родственниками кантонистовъ и ихъ благотворителями, состоящими въ гражданскомъ вѣдомствѣ, свидѣтельства о своей личности, которыя должны быть выдаваемы въ городахъ отъ полиціи, а въ уѣздахъ отъ становыхъ приставовъ.

3) Начальники губерній и начальники служащихъ нижнихъ чиновъ, по принятіи упомянутыхъ просьбъ, относятся въ департаментъ военныхъ поселеній объ исключеніи кантонистовъ изъ военно-сухопутнаго вѣдомства.

4) Департаментъ военныхъ поселеній, по полученіи таковыхъ отношеній, даетъ надлежащія предписанія начальникамъ заведеній, въ коихъ состоятъ кантонисты, объ исключеніи ихъ изъ сихъ заведеній и вмѣстѣ съ тѣмъ о сдѣланномъ распоряженіи увѣдомляетъ начальниковъ губерній и ближайшія начальства служащихъ нижнихъ чиновъ.

5) Начальники заведеній военныхъ кантонистовъ, получивъ предписанія департамента военныхъ поселеній, сдаютъ исключенныхъ кантонистовъ изъ заведеній мѣстному гражданскому начальству, для отправленія ихъ къ подавшимъ просьбы родителямъ, родственникамъ и благодѣтелямъ тѣмъ порядкомъ, какой наблюдался доселѣ, при возвращеніи кантонистовъ ихъ родителямъ на правилахъ, доннынѣ существовавшихъ. При этомъ начальники заведеній снабжаютъ каждого исключаемого кантониста билетомъ по формѣ, у сего прилагаемой.

ФОРМА БИЛЕТА.

Предъявитель сего сынъ такого-то, имѣющій отъ рожденія столько-то лѣтъ, уволенъ изъ военно-сухопутнаго вѣдомства, по просьбѣ такого-то, для причисленія въ свободное податное состояніе на основаніи Высочайше утвержденныхъ въ 25-й день декабря 1856 года правилъ объ исключеніи солдатскихъ и матросскихъ дѣтей и кантонистовъ изъ военно-сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ. Данъ сей билетъ отъ командира такого-то баталіона военныхъ кантонистовъ. Годъ мѣсяцъ и число.

III.

Въ именныхъ Его Императорскаго Величества высочайшихъ указахъ, данныхъ Правительствующему Сенату, 9-го декабря, изображено :

I. «Признавъ нужнымъ утвердить на прочныхъ началахъ дѣйствіе того общаго, кореннаго правила, что награжденія повышеніемъ въ чинахъ, также какъ и всѣ прочія по службѣ награды, должны, при неукоризненномъ поведеніи чиновника, быть даруемы токмо за постоянные, усердные и отличные, непосредственнымъ его начальствомъ засвидѣтельствованные труды на самой службѣ, безъ принятія въ уваженіе какихъ-либо обстоятельствъ, сей службѣ предшествовавшихъ, Мы повелѣли подвергнуть тщательному пересмотру всѣ дѣйствовавшія доселѣ о томъ узаконенія, дабы исправить и дополнить ихъ согласно съ вышеозначеннымъ общимъ правиломъ.

«Сія воля Наша приведена въ исполненіе. Предначертанныя особымъ комитетомъ, на главныхъ указанныхъ оному основаніяхъ, подробныя постановленія о срокахъ для производства въ чины по службѣ гражданской, имѣющія замѣнить статьи 81, 85, 570, 571, 586, 587, 604, 605, и 606 Устава о сей службѣ, внесены установленнымъ порядкомъ въ Государственный Совѣтъ, и по разсмотрѣніи и исправленіи имъ, утверждены Нами.

«Препровождая сіи постановленія въ Правительствующій Сенатъ, повелѣваемъ ему сдѣлать надлежащія распоряженія для обнародованія ихъ и приведенія въ дѣйствіе.»

Въ означенныхъ постановленіяхъ содержатся слѣдующія правила:

1) На основаніи правъ, дарованныхъ въ разное время какъ университетамъ и другимъ высшимъ, такъ гимназіямъ и равнымъ съ ними среднимъ учебнымъ заведеніямъ, всѣ совершившіе въ оныхъ съ успѣхомъ полный курсъ ученія и получившіе соотвѣтствующія по знаніямъ ихъ ученія степени, или же надлежащія о семъ успѣшномъ окончаніи курса наукъ аттестаты, при поступленіи ихъ въ дѣйствительную службу утверждаются въ томъ классномъ чинѣ, на который имъ даютъ право ихъ ученая степень, званіе, или аттестатъ заведенія, въ коемъ они обучались. 2) Не имѣющіе по правилу въ предшедшемъ 1-мъ § изображенному права на получение какого-либо класснаго чина при самомъ ихъ вступленіи въ службу, принимаютъ въ оную канцелярскими служителями на основаніи постановленій ст. 44-й и слѣдующихъ устава о службѣ гражданской, и производятся въ первый классный чинъ по опредѣленному въ ст. 583 и 600 сего устава порядку. 3) Для дальнѣйшаго производства въ слѣдующіе отъ 14-го до 5-го класса чины, постановляются вмѣсто разныхъ положенныхъ въ ст. 570, 571, 586, 587, 604, 605 и 606-й устава о службѣ гражданской сроковъ по разряду тѣхъ учебныхъ заведеній, отъ коихъ чиновники получили аттестаты объ успѣхахъ въ ученіи, одинакіе, безъ всякаго по нимъ аттестатамъ различія сроки, а именно: для представленія къ производству за обыкновенную выслугу въ чины изъ 14-го въ 12-й классъ три года; изъ 12-го въ 10-й классъ три года; изъ 10-го въ 9-й классъ три года; изъ 9-го въ 8-й классъ три года; изъ 8-го въ 7-й классъ четыре года; изъ 7-го въ 6-й классъ четыре года, и изъ 6-го въ 5-й классъ четыре года. 4) Для чиновниковъ, отличающихся особенными трудами и дарованіями, сіи сроки могутъ, по ходатайству непосредственнаго и удостоенію главнаго ихъ начальства, быть сокращаемы однимъ годомъ. Основанія сего ходатайства должны быть съ точностію означены въ представленіи, какъ непосредственнаго, такъ и главнаго начальства. 5) Порядокъ, установленный для утвержденія въ чинахъ по занимаемымъ должностными лицами мѣстамъ, не измѣняется. Равномѣрно не измѣняются и дѣйствующія въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ особенныя въ семъ отношеніи правила.

II. «Почивающій нынѣ въ Бозѣ Любезнѣйшій Родитель Нашъ Императоръ Николай Павловичъ, въ постоянномъ пощеніи о сохраненіи и утвержденіи правъ и преимуществъ, всѣмъ состояніямъ въ государствѣ дарованныхъ, призналъ за благо въ манифестѣ 11-го іюня 1845 года постановить нѣкоторыя новыя правила, для того, чтобы права высшаго изъ сихъ состояній, дворянства потомственнаго, были пріобрѣтаемы, не только усердными, но и долговременными полезными на службѣ трудами. Съ этою цѣлію и принимая въ уваженіе, что по измѣнившимся отъ времени потребностямъ управленія, число лицъ, служащихъ какъ по военной, такъ и по гражданской частямъ, весьма увеличилось и продолжаетъ увеличиваться, Онъ повелѣлъ перенести право пріобрѣтенія службою дворянства потомственнаго на чины высшіе, и именно 5-го класса по гражданской и первый штабъ-офицерскій по военной службѣ. Слѣдуя сему примѣру и по

тѣмъ же самымъ причинамъ, Мы также признаемъ справедливымъ и общей пользѣ вполне соответствующимъ перенести на нѣсколько высшя еще степени военной и гражданской службы то право, по которому удостоенныя сихъ степеней лица, по происхожденію своему не принадлежащія къ дворянству потомственному, могутъ отнынѣ получать преимущества, сему состоянію присвоенныя.

«Вслѣдствіе сего повелѣваемъ: въ отиѣну постановленія, помѣщеннаго въ ст. 19-й законовъ о состояніяхъ тома IX-го общаго свода Законовъ Имперіи по продолженію VI-му, право на пріобрѣтеніе дворянства потомственнаго по чинамъ, на службѣ получаемымъ, предоставить только тѣмъ, по происхожденію своему не принадлежащимъ къ сему состоянію лицамъ, которыя будутъ впредь произведены по гражданской службѣ въ дѣйствительные статскіе совѣтники или соотвѣтствующій сему чину 4 й классъ, а по военной въ полковники или же въ соотвѣтствующій оному чинъ флота капитана 1-го ранга. Впрочемъ всѣ тѣ лица, кои по дѣйствовавшемъ доселѣ узаконеніямъ и сообразно съ установленными въ оныхъ сроками, уже пріобрѣли право на производство въ 5-й классъ или первый въ военной службѣ штабъ-офицерскій чинъ, должны сохранять право на полученіе потомственнаго дворянства, которое существовавшими до настоящаго времени постановленіями симъ чинамъ было присвоено.

«Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащія для исполненія сей воли Нашей распоряженія».

IV.

Государь Императоръ, въ отиѣну существующихъ узаконеній относительно *опредѣленія въ военную службу офицерскими чинами* и въ дополненіе къ узаконеніямъ, существующимъ относительно *увольненія отъ службы генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и служащихъ въ составѣ войскъ гражданскихъ классныхъ чиновниковъ*, въ 25 день сего декабря, высочайше соизволилъ утвердить слѣдующія правила:

1. *Относительно опредѣленія въ военную службу офицерскими чинами.*

1) Отставные офицеры, въ случаѣ желанія поступить вновь на службу *въ мирное время*, обязаны предварительно посылать просьбы свои къ тому начальнику, въ вѣдѣніи котораго служить желаютъ, не отправляясь въ мѣста расположенія войскъ, пока не получатъ офиціального извѣщенія чрезъ мѣстное гражданское начальство объ окончательномъ ихъ опредѣленіи. При семъ имѣть постоянно въ виду, что ни въ какомъ случаѣ они не могутъ быть опредѣлены въ тѣ полки, въ коняхъ уже состоитъ полный комплектъ офицеровъ.

2) При просьбахъ должны быть представлены всѣ документы *просителя*, и сверхъ того:

а) Свидѣтельства отъ губернскихъ предводителей дворянства или губернаторовъ о добропорядочномъ поведеніи во все время отставки и о несостояніи подъ слѣдствіемъ или судомъ.

б) Реверсъ въ томъ, что по опредѣленіи не будутъ просить отъ казны вспомошествованія на обмундировку и путевыя издержки.

3) Въ случаѣ неимѣнія вакансій по штату, разрѣшается представлять въ мирное время по командѣ къ опредѣленію въ военную службу такихъ только офицеровъ, которыхъ опредѣленіе ближайшее начальство по служебнымъ и нравственнымъ качествамъ представляемыхъ офицеровъ признаетъ особенно полезнымъ для службы, въ чемъ должно быть представлено удостовѣреніе начальниковъ дивизій и начальниковъ, имѣющихъ равную съ ними власть.

4) Всѣхъ тѣхъ офицеровъ, которые оставили службу до начала прошедшей войны и въ теченіи всей войны 1853 — 1856 годовъ въ военную службу не поступили, въ мирное время вновь на службу вовсе не опредѣлять.

5) *Подача просьбъ непосредственно въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства объ опредѣленіи въ военную службу оставшихъ офицеровъ отменяется въ мирное время вовсе, и таковая подача просьбъ прямо въ инспекторскій департаментъ разрѣшается только исключительно въ военное время.*

Примѣчаніе. Правилами этими, вновь утвержденными, и изложенными подъ № № 1, 2, 3, 4 п 5, отменяются правила, изложенныя Св. Воен. Пост. Тома V въ ст. 315 (по IX прод.) и въ примѣчаніи 2 къ сей статьѣ (по IX прод.); за тѣмъ остаются неотмененными правила, изложенныя въ примѣчаніи 1-мъ (по I прод.) и въ примѣчаніи 3-мъ (по IX прод.) къ 315 ст. V Т. Св. Воен. Пост.

II. Относительно увольненія офицеровъ и гражданскихъ классныхъ чиновниковъ въ отпускъ въ ожиданіи разрѣшенія по просьбамъ, поданнымъ объ увольненіи отъ службы.

1) Начальникамъ дивизій, и равную съ ними власть имѣющимъ, предоставляется разрѣшать подвѣдомственнымъ имъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и гражданскимъ класснымъ чиновникамъ, подавшимъ по командѣ прошенія объ увольненіи въ отставку, — отпуски до окончательнаго разрѣшенія отставокъ и выдавать на время такихъ отпусковъ увольнительные виды для проѣзда во всѣ мѣста имперіи, если ближайшее начальство офицеровъ и чиновниковъ къ тому препятствія не встрѣтитъ.

2) Со времени увольненія въ отпускъ означенныхъ офицеровъ и чиновниковъ, прекратить всякое довольствіе отъ казны.

3) Вмѣнить имъ при томъ въ обязанность, до окончательнаго разрѣшенія отставки, о всѣхъ перемѣнахъ мѣста жительства доносить какъ начальнику дивизіи, такъ и инспекторскому департаменту военнаго министерства.

— Государь Императоръ, въ 25-й день сего декабря, высочайше соизволилъ повелѣть : относительно *увольненія въ отпускъ и въ отставку генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и служащихъ въ составъ войскъ гражданскихъ класныхъ чиновниковъ въ предстоющемъ 1857 году* руководствоваться слѣдующими правилами.

1) Начальникамъ войскъ съ 1-го предстоящаго января 1857 года по 1-е апрѣля 1858 года разрѣшается увольнять *въ отпускъ* подвѣдомственныхъ имъ офицеровъ и чиновниковъ, которые о томъ просить будутъ по болѣзнямъ или по домашнимъ обстоятельствамъ, на тѣ сроки, на которые начальствующія лица по закону имѣютъ право разрѣшать таковыя отпуска, безъ представленія свидѣтельствъ, указанныхъ ст. 1113 Т. V Св. Воен. Постан., съ такимъ однако же ограниченіемъ, чтобы за упомянутымъ увольненіемъ офицеровъ и чиновниковъ оставлять въ войскахъ число чиновъ, необходимое для исполненія всѣхъ служебныхъ обязанностей.

2) Всѣмъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и служащимъ въ составъ войскъ гражданскимъ класнымъ чиновникамъ, разрѣшить просьбы объ увольненіи *отъ службы* подавать не въ одну сентябрьскую треть, но въ теченіи всего предстоящаго года, то-есть отъ 1-го января до 31-го декабря 1857 года.

— Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ допускать къ слушанію лекцій въ Императорской Военной Академіи, во всѣхъ трехъ ея отдѣлахъ, всѣхъ безъ изыятія генераловъ и штабъ-офицеровъ, которые того пожелаютъ, безъ предварительнаго экзамена и безъ предоставленія правъ и преимуществъ, присвоенныхъ оберъ-офицерамъ, поступающимъ въ академію для окончанія курса высшихъ военныхъ наукъ.

— Въ № 46-мъ Санктпетербургскихъ Губернскихъ Вѣдомостей напечатано: «Г. санктпетербургскій военный генералъ-губернаторъ, при обзорѣннй уѣзднаго управленія Санктпетербургской губерніи, съ сожалѣніемъ замѣтилъ, что въ этой губерніи уѣздныя должности въ весьма маломъ числѣ занимаютъ воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній. Какъ отъ людей, болѣе образованныхъ и просвѣщенныхъ, отъ нихъ можно было бы ожидать и болѣе вѣрнаго пониманія и исполненія обязанностей службы. Безъ сомнѣнія близость столицы привлекаетъ большинство такихъ полезныхъ людей, но его высокопревосходительство полагаетъ, что многіе изъ нихъ съ болѣею несравненно пользою для службы и себя, могли бы употребить свой трудъ и способности въ уѣздахъ, нежели въ Петербургѣ, гдѣ состязательство, недостатокъ средствъ къ жизни и утрата здоровья, требующаго болѣе свѣжаго воздуха, лишаютъ многихъ молодыхъ людей возможности приносить пользу по мѣрѣ силъ. Посему его высокопревосходительство предложилъ г. начальнику губерніи изыскать средства склонять лица, получившія образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, на вступленіе въ уѣздныя должности. Губернское правленіе публикуетъ о семъ во всеобщее извѣстіе, съ тѣмъ, что лица, окончившія курсъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, на основаніи 377, 487, 178 и 286 ст. III тома Св. Зак. уст. службы по выборамъ, могутъ обращаться, за 4 мѣсяца до выборовъ, къ

предводителямъ дворянства, съ предъявленіемъ своего желанія вступить въ службу на должности, замѣщаемыя по выборамъ; а равно и къ г. начальнику губерніи, гдѣ по испытаніи въ способностяхъ, знаніи и опытности, они будутъ избираемы и опредѣляемы.»

Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ изволилъ выѣхать 25-го декабря въ семь часовъ вечера изъ С.-Петербурга на Ковно и Кенигсбергъ. Его Императорское Высочество намѣревается провести нѣсколько времени съ Государынею Императрицею, родительницею своею, находящеюся въ Ниццѣ, и съ супругою, Великою Княгинею Александрою Іосифовною: с. Ея Высочество изволилъ находиться у сестры своей, королевы Ганноверской, въ Ганноверѣ.

Великій Князь изволилъ путешествовать за границую подъ именемъ адмирала Романова. Его Высочество сопровождаютъ Каммергеръ Головинъ, и адъютанты: полковникъ Грейгъ и лейтенантъ князь Ухтомскій.

С М Ъ С Ъ .

В Н У Т Р Е Н Н І Я И З В Ъ С Т І Я .

Съ нѣкоторыхъ поръ носятя у насъ слухи объ учрежденіи публичной библіотеки въ Москвѣ; назначаютъ даже домъ для нея, именно домъ, занимаемый 4-й гимназіей; но пока эта молва не обратилась въ утѣшительный фактъ, будемъ довольствоваться извѣстіемъ изъ Смоленска объ открытіи тамъ библіотеки для чтенія. Библіотека помѣщается въ зданіи губернскаго правленія. Кромѣ праздничныхъ и торжественныхъ дней, она открыта ежедневно съ 8 часовъ утра до 2-хъ часовъ пополудни. Книги и журналы отпускаются для чтенія въ дома, но въ самой библіотекѣ чтеніе не допускается. Въ настоящее время библіотека уже имѣетъ всѣ замѣчательныя сочиненія русской литературы и частію французской, и будетъ пополняться разными періодическими изданіями, журналами и вновь выходящими замѣчательными книгами, какъ русскими, такъ и иностранными. За чтеніе полагается въ годъ 6 рублей, въ полгода 3 руб. 50 коп., въ мѣсяць 1 рубль, и въ 1 сутки 7 коп. серебромъ. Книги выдаются на двѣ недѣли съ залогомъ 7 рублей серебромъ, и не болѣе двухъ сочиненій въ одинъ разъ.

Изъ отчетовъ о засѣданіяхъ морскаго ученаго комитета, сообщенныхъ печатно публикѣ, видно, что въ послѣднее время комитетъ занимался между прочимъ разсмотрѣніемъ проекта гидравлической машины иностранца Б., которая найдена совершенно соотвѣтствующею своей цѣли; и чертежъ, и описаніе ея положено передать въ кораблестроительный техническій комитетъ. Разсматривались нѣкоторые проекты, найденные неудобноисполнимыми или бесполезными. Между послѣдними болѣе другихъ замѣчательнъ проектъ лаборанта при химической и технической лабораторіяхъ Императорскаго Казанскаго Университета, коллежскаго секретаря Г., имѣющій въ виду сохраненіе воды отъ порчи, посредствомъ насыщенія ея углекислотою. Въ подтвержденіе дѣйствительности этого способа, г-нъ Г. представилъ нѣсколько образцовъ воды, взятой изъ рѣкъ и озера въ окрестностяхъ Казани въ августѣ 1855 года, и объявилъ, что онъ не ищетъ никакого вознагражденія, но имѣетъ въ виду лишь общую пользу. Комитетъ нашелъ, что способъ этотъ требуетъ значительныхъ издержекъ на приготовленіе сосудовъ для воды и тѣмъ болѣе не удобоисполнимъ, что вынѣшніе желѣзные ящики на корабляхъ, покрытые внутри известью, вполне сохраняютъ воду въ чистомъ состояніи, и что положено всѣ наши винтовыя суда снабжать водоопрѣснительными аппаратами.

Говоря о морскомъ дѣлѣ , мы полагаемъ кстати сказать о разныхъ бѣдствіяхъ , понесенныхъ военными и коммерческими судами въ Балтійскомъ морѣ , въ прошломъ 1856 году. Изъ военныхъ судовъ только два судна подверглись несчастнымъ случаямъ. На корветѣ «Князь Варшавскій», занимавшемъ брантвахтенный постъ на Кронштадтскомъ рейдѣ, произошелъ взрывъ въ одномъ изъ ракетныхъ ящиковъ, при выдачѣ пороха , принадлежавшаго иностраннымъ коммерческимъ судамъ и хранившася на этомъ корветѣ. Взрывъ сообщился остальному пороху въ каютѣ, котораго было до двухъ пудовъ. Случай этотъ впрочемъ не имѣлъ особенно важныхъ послѣдствій, и дѣло ограничилось поврежденіемъ каюты и еще тѣмъ, что опалило четырехъ человѣкъ. Другой несчастный случай послѣдовалъ съ транспортомъ «Америка», шедшимъ съ грузомъ въ Ревель. Не доходя меридіана Эггольмскаго маяка, транспортъ взялъ всѣ рифы, по случаю усилившагося и перешедшаго въ SW вѣтра. При дальнѣйшемъ усиленіи вѣтра, судно осталось подъ однимъ гротъ-марселемъ. Стало такъ пасмурно, что Эггольмскій маякъ совершенно скрылся. Оказалась течь и такъ быстро возрастала, что люди не отходили отъ помпъ. Капитанъ-лейтенантъ Тироль, командовавшій транспортомъ, рѣшился спуститься въ болѣе безопасное и закрытое мѣсто за островъ Гогландъ. Съ приближеніемъ къ Гогландскимъ маякамъ пошелъ дождь и градъ, и сѣверный маякъ разсмотрѣли на разстояніи не болѣе одной мили. Для избѣжанія опасности оставалось привести на лѣвый галсъ; но судно было уже въ бурунахъ, и въ часъ попелуночи, 15-го октября, на транспортѣ почувствовали первый ударъ, за нимъ еще два, и трюмъ мгновенно наполнился водою. Скоро транспортъ сталъ на каменья въ полторѣ верстахъ отъ нижняго маяка и повалился на правый бокъ, къ берегу. Черезъ полчаса лѣсъ, находившійся въ трюмѣ, всплылъ на верхъ и послужилъ средствомъ къ спасенію экипажа. При этомъ погибли четыре офицера и тридцать четыре человѣка нижнихъ чиновъ. Спаслись три офицера и семьдесятъ четыре человѣка нижнихъ чиновъ. Тѣ, которымъ удалось спастись, приплыли къ острову Гогланду и были приняты на другой день пороходомъ-фрегатомъ «Отважнымъ», посланнымъ изъ Кронштадта. Время года не позволило фрегату заняться спасеніемъ груза и такелажа. Мы забыли сказать, что командиръ корабля былъ снятъ послѣднимъ съ транспорта и приведенъ въ чувство уже на берегу, потому что еще до начала крушенія ушибъ себя объ ноги и оставался все время въ безпамятствѣ.

Изъ купеческихъ судовъ потерпѣли въ это время въ Балтійскомъ морѣ двадцать два судна, въ томъ числѣ семь англійскихъ бриговъ, два брига голландскихъ, одинъ бригъ норвежскій, англійскій трехмачтовый корабль (Сига), два англійскіе желѣзные парохода, одинъ русскій тендеръ, одинъ ботъ, шкуна шведская, шкуна испан-

сия, англійская, двухъ-мачтовое судно прусское, французскій гальясъ и гальясъ финляндскій, и одинъ англійскій баркъ. Со всѣхъ этихъ судовъ экипажи спасены, кромѣ одного матроса, погибшаго при крушеніи русскаго бота «Надежда».

Вотъ сколько судовъ погибло въ одномъ морѣ: сколько же гибнетъ ихъ во всѣхъ прочихъ! Трудна и сопряжена съ опасностями жизнь мореходца, не говоря уже объ опасности, которую онъ разделяетъ съ сухопутными войсками во время войны. Въ послѣднемъ номерѣ Морскаго Сборника прочли мы мысли прапорщика Корпуса Морской Артиллеріи Загуляева о вооруженіи морскихъ командъ. Авторъ этой статьи находитъ настоящее вооруженіе моряковъ неудобнымъ. Въ настоящее время каждый матросъ имѣетъ ружье, и нѣкоторые изъ матросовъ — тесаки. Кромѣ этого, на каждомъ кораблѣ находится известное количество оружія, называемаго абордажнымъ, которое раздается только при вызовѣ абордажныхъ партій. Это—пистолеты, пики и интрепель. Пистолеты эти, говоритъ авторъ, коротки и поэтому бьютъ недалеко и невѣрно. Пики не замѣняютъ штыка, и одинъ интрепель исполняетъ свое назначеніе—дѣйствовать, какъ топоръ. По мнѣнію г. Загуляева, важный недостатокъ уже въ томъ, что это оружіе не постоянно бываетъ въ рукахъ матроса, и онъ не можетъ свикнуться съ его употребленіемъ. Неудобно тоже и его разнообразіе. Все это оружіе, полагаетъ авторъ, гораздо выгоднѣе было бы замѣнить штуцеромъ съ привинчивающимся къ нему обоюдоострымъ тесакомъ. Отъ штуцера можно ожидать и вѣрности и дальности полета пули, а тесакъ замѣнить штыкъ и интрепель. Оружіе это можетъ быть всегда у матроса, и онъ могъ бы привыкнуть къ его употребленію, а корабль освободился бы отъ излишняго обременяющаго его груза, заключающагося въ разнообразномъ и неудобномъ оружіи.

Заговоривъ о воинскомъ дѣлѣ, хотимъ мы сказать нѣсколько словъ о подъемной машинѣ, изобрѣтенной подъ Севастополемъ бывшими нашими непріятелями. Всякому изъ послѣднихъ хотѣлось рассмотреть внутренность нашихъ верковъ. Придумывали разныя средства, но всѣ они оказывались неудобноисполнимыми. За два или за три мѣсяца до сдачи города, г. Стоквелеру, военному писателю, пришла мысль построить машину, которая на безопасномъ разстояніи могла бы поднимать человѣка такъ высоко, чтобы онъ могъ видѣть внутренность укрѣпленій. Саундерсу, которому сообщилъ онъ мысль свою, удалось построить модель такой машины. Рядъ ярусовъ изъ раздвижныхъ рейковъ, каждый въ шесть футовъ длины, приводимыхъ въ движеніе колесомъ, вертящимся на оси, возвышаясь съ трехъ сторонъ треугольнаго основанія, поднимаетъ человѣка, окруженнаго для безопасности рѣшеткою до высоты пятидесяти и даже ста футовъ. Модель эта была показана лорду Панмюру, который,

собрать многихъ ученыхъ офицеровъ, приказалъ Саундерсу построить такую машину и обѣщалъ купить ее для правительства, если она окажется удобною и полезною. Саундерсъ принялся сейчасъ же за дѣло и, съ помощію инженера Бурлея, построилъ эту машину; но она поспѣла уже послѣ сдачи Севастополя. Гг. Стоквелеръ и Саундерсъ взяли на свое изобрѣтеніе привилегію въ Англіи, Франціи, Бельгіи и другихъ странахъ, и теперь оно предлагается публикѣ для различныхъ цѣлей. Очевидно, что машина эта устраняетъ подмостки и лѣстницы при чисткѣ внутреннихъ стѣнъ церквей, залъ, музеевъ, при окраскѣ наружной стороны зданій, корабельныхъ бортовъ,—словомъ машина эта оказывается весьма полезною и удобною тамъ, гдѣ требуется достиженія нѣкоторой высоты безъ лишнихъ хлопотъ и издержекъ.

28-го ноября прошлаго года было послѣ каникулярнаго времени второе засѣданіе Императорскаго Географическаго Общества, на которомъ присутствовали 116 дѣйствительныхъ членовъ, членовъ сотрудниковъ и постороннихъ посѣтителей. Замѣчательнѣе всего прочаго въ этомъ засѣданіи было чтеніе отчета Р. К. Малка, члена сотрудника сибирскаго отдѣла, прибывшаго въ С. Петербургъ для ученой обработки матеріаловъ, собранныхъ имъ въ двухъ экспедиціяхъ: по долинѣ Вилюя и по Амуру. Г. Малкъ принесъ въ даръ обществу богатая этнографическія коллекціи, собранныя имъ съ возможною полнотою. Эти коллекціи были разложены въ залахъ общества и состояли изъ одежды, утвари, орудій, мелкихъ домашнихъ работъ Якутовъ и Тунгусовъ и вещей, вырытыхъ изъ могилы. Систематическій порядокъ, съ которымъ были собраны эти предметы, давалъ возможность зрителямъ составить себѣ идею объ образѣ жизни, домашнемъ бытѣ и промышленности этихъ народовъ и о самой природѣ Вилюйскаго края. Въ особенности обратили на себя вниманіе одежды Манегровъ и другихъ амурскихъ инородцевъ изъ рыбьихъ шкуръ и разнообразныя ихъ издѣлія изъ древесной коры.

Мы хотѣли соединить вѣсть о бездорожьи съ вѣстью о дороговизнѣ всѣхъ припасовъ въ Москвѣ, сдѣлавшейся всего ощутительнѣе къ праздникамъ. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о дровахъ, которыя грозятъ дойти до парижскихъ цѣнъ, нѣтъ приступа ни къ чему самому необходимому. Бѣдные люди привыкли у насъ жарить въ Рождество на разговѣннѣ гуська и платили бывало полтинникъ за самага большаго и жирнаго, а теперь просили съ нихъ рубль серебромъ за такого, что и посмотрѣть не на что. Бывало, къ празднику, свининѣ красная цѣна пять рублей ассигнаціями пудъ, а теперь три цѣлковыхъ и болѣе за пудъ. Гречневая крупа, любимая ѣда простолюдина и имѣвшая среднюю цѣну въ Москвѣ отъ четырехъ до пяти рублей серебромъ за четверть, стоила тринадцать цѣлковыхъ и болѣе. И все это, по словамъ торговцевъ, оттого, что нѣтъ никакого подвоза. Степные

обозы стали за разлившейся Окой. Велики убытки тѣхъ, которые послали эти обозы. Мы слышали, что въ Серпуховѣ стояло по три тысячи подводъ съ однимъ овсомъ. Извозчики проѣдали лошадей и привуждены были продавать овесъ по два рубля, чтобы имѣть какую-нибудь возможность доѣхать до дому. При мысли объ этихъ огромныхъ потеряхъ, какъ-то невольно мирисься и съ тѣмъ, что самъ несешь часть общей тяготы и невзгоды. Зима у насъ небывалая: мудрено ли, что разгулялась Ока, когда и наша немудрая рѣчка надѣлала бѣдъ немало. Мосты Крымскій и Дорогомиловскій снесены льдомъ окончательно, Краснохолмскій проломанъ на нѣсколько сажень въ серединѣ; отъ Воробьевыхъ горъ и до плотины у Зачатейскихъ бань стоять и теперь груды льда, такъ что по рѣкѣ ни пройти, ни проѣхать. Только съ большимъ усиленіемъ, сотни рабочихъ прочистили не широкій проѣздъ въ Дорогомиловѣ и у Крымскаго брода. Сколько барокъ переломано и затерто ниже Москворѣцкаго моста! Потерпѣлъ и зимній бѣгъ. Начавшіеся морозы обнадежили было строителей бесѣдки и надолбовъ, и они принялись дружно за работу. Въ три дня бѣгъ былъ обнесенъ надолбами и бесѣдка почти готова, какъ вдругъ пошелъ ночью дождь и на другое утро надолбы попадали въ разныя стороны; боковые балконы бесѣдки отъ нея отвалились, и сама она въ серединѣ какъ-то съехала. Ужъ кому эта погода не насолила?

А праздникъ справить все-таки было надо, и на Кузнецкомъ мосту, на Тверской, на Ильинкѣ и Никольской не было проѣзда отъ экипажей; въ рядахъ не было прохода отъ толпы покупателей; въ полицейской газетѣ цѣлы лишніе листы, наполненные объявленіями отъ магазиновъ. Между этими объявленіями невольно обратили на себя общее вниманіе объявленія о продажѣ полотентъ. Огромныя буквы, дешевыя цѣны и вызовы доказать присутствіе бумаги въ продаваемомъ полотнѣ, съ платою 10,000 рублей серебромъ за такое открытіе, заставили и насъ подумать, что бы значила эта одновременность публикацій, и, такъ сказать, на перебой уменьшающіяся цѣны товару. Оказалось, что въ Москву пріѣхала компанія иностранцевъ, какихъ именно — вѣрно не знаемъ. Эти господа привезли большое количество полотняныхъ товаровъ (о достоинствѣ которыхъ не беремъ на себя судить рѣшительно) и открыли временныя лавки въ гостиницахъ. Не высокія цѣны своимъ товарамъ объяснили они въ публикаціяхъ или болѣзненно фабриканта, отъ котораго они командированы, и желаніемъ его прекратить производство, или цѣлю, какъ можно скорѣе распродать товаръ, и при этомъ по изумительно-дешевой цѣнѣ. Нѣкоторые магазины, продававшіе полотно до пріѣзда этихъ господъ и усмотрѣвшіе въ ихъ дѣйствіяхъ, вѣроятно, подрывъ своей торговлѣ, въ свою очередь изумили публику объявленіемъ весьма дешевыхъ цѣнъ. Осмотрѣвъ почти всѣ мѣста этихъ продажъ, мы можемъ сказать только слѣдующее: самыя де-

шевыя и въ то же время хорошія полотна оказались всѣ проданными, и намъ предлагали куски въ 25 рублей, 30 и болѣе, конечно хорошаго качества; но за эту цѣну можно было имѣть ихъ во всякое время и прежде. Платки, въ два рубля серебромъ дюжина, напоминаютъ ту матерію, которою обтягиваютъ лѣтомъ окна, чтобы не впускать мухъ, а дешевыя полотенца такъ жестки, что едва ли кто рѣшится утереть ими руки. Словомъ, по нашему мнѣнію, объявленная дешевизна не болѣе какъ пухъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, кто будетъ продавать что-нибудь дешевле того, что оно стоитъ? Что же касается до вызова доказать въ этихъ полотнахъ присутствіе бумаги, то желающимъ пріобрѣсть предлагаемую премію, мы советуемъ прочесть въ прошлогоднемъ «Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ», статью Шахта, обсудившаго этотъ предметъ въ химическомъ и микроскопическомъ отношеніяхъ. Не можемъ при этомъ не припомнить анекдота, случившагося съ однимъ искателемъ подобной преміи въ Парижѣ. Кому не извѣстна вода Лоба (eau de Lob)? Изобрѣтатель ея десятки разъ объявлялъ, что трехъ стлянокъ этой воды достаточно, чтобы вырастить волосы на самой плѣшивой головѣ, и при этомъ обѣщаль 20,000 франковъ тому, кто докажетъ, что вода его не произведетъ обѣщаннаго дѣйствія. Одинъ изъ положительныхъ сыновъ Германіи, утратившій на головѣ волосы, вѣроятно вслѣдствіе глубокихъ ученыхъ работъ и соображеній, рѣшился прибѣгнуть къ этой чудотворной водѣ. Истребивъ десять стлянокъ, онъ не замѣтилъ никакого измѣненія на лоснящейся своей лысинѣ, и справедливо вознегодовалъ на хитраго Француза, отправился въ Парижъ, чтобы потребовать публикованную премію. Разумѣется, онъ запасся офиціальными доказательствами того, что десять стлянокъ воды этой были употреблены имъ согласно всѣмъ наставленіямъ изобрѣтателя. При встрѣчѣ Нѣмца съ Французомъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Вы обманули безбожно всю публику объявленіемъ о вашей водѣ, говорилъ Нѣмецъ.

— Вы вѣроятно ошибаетесь, отвѣчалъ Французъ.

— Нѣтъ, я говорю правду, продолжалъ Нѣмецъ, — и привезъ вамъ доказательства, что я употребилъ десять стлянокъ вашей воды безъ всякой пользы. Извольте заплатить мнѣ 20,000 франковъ.

— Позвольте мнѣ посмотреть вашу голову, сказалъ Французъ.

— Что тутъ смотрѣть? На ней не выросло ни одного волоса.

— Однакожь позвольте; и при этомъ Французъ сталъ пристально всматриваться въ голову Нѣмца. — Помилуйте, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: — вы обвиняете меня совершенно напрасно. У васъ волосы растутъ и довольно сильно.

— Какъ растутъ? спросилъ изумленный Нѣмецъ и сталъ водить рукою по головѣ.

— Такъ вы ихъ не замѣтите, заключилъ Французъ: — они у васъ растутъ не наружу, а внутрь — это ужь не моя вина.

В.-В.

ЧЕРНОМОРСКІЯ ПИСЬМА.

Екатеринодаръ, 4-го декабря 1856 года.

Извилисто—текущая Кубань, не доходя до Екатеринодара, дѣлаетъ поворотъ къ югу, потомъ поворачиваетъ опять къ сѣверу, и образуетъ полуостровъ, на которомъ и расположенъ этотъ городъ. Южная оконечность его занята старою земляною крѣпостью; поросшій травою валъ окружаетъ квадратное пространство, посреди котораго находится такая же площадь. Пятиглавая старинная церковь, построенная еще при Екатеринѣ, деревянная и почернѣвшая отъ времени, сумрачно возвышается посреди низкихъ домовъ, правильно расположенныхъ по бокамъ крѣпостной площади. Каждый изъ этихъ домовъ прежде назначался для канцелярій отдельныхъ запорожскихъ куреней; теперь же они обращены подъ другія войсковыя надобности. Въ крѣпость ведутъ мостики съ пестрыми шагбаумами; на южной сторонѣ вала кое—гдѣ стоятъ пушки и смотрятъ въ закубанскую сторону: тамъ раскидываются привольные луга, синѣющія степи; еще дальше—длинною грядою тянутся горы, покрытыя лѣсами; къ юго—востоку онѣ значительно возвышаются, и кажутъ оттуда едва замѣтныя сибѣжныя свои вершины.

Отъ крѣпости къ сѣверу, за обширную площадь, или правильное — пустырь, раскинулся собственно городъ. Длинная улица, на протяженіи трехъ верстъ, съ конца въ конецъ пересѣкаетъ его на двѣ части; къ ней справа и слѣва примыкають переулки, пересѣкаемые опять продольными улицами, такъ что весь городъ дробится на множество квадратныхъ кварталовъ. Главная улица называется Красною, хотя, собственно говоря, на ней нѣтъ ничего краснаго; такое названіе она получила, вѣроятно, отъ расположенныхъ на ней красныхъ рядовъ. Городскія постройки не выходятъ за предѣлы небольшихъ одно—этажныхъ домовъ; лучшія изъ нихъ похожи на тѣ встрѣчающіеся въ большихъ городахъ уютно—опрятные домики, которые, закрываясь громадными зданіями по бокамъ, своими прозрачными стеклами и горшками герани или жасминовъ на окнахъ, глядятъ привѣтливостью тихой семейной жизни или счастливою улыбкой истинной идилліи. Но подобныхъ домиковъ здѣсь очень немного. Отсутствіе лѣса дѣлаетъ необходимымъ строить ихъ изъ турлука, крыты камышемъ или соломой. Поэтому, въ общей сложности, постройки Екатеринодара напоминають незначительныя русскіе уѣздные города я людныя, но не фабричныя села.

Невозможность добывать камень гдѣ-нибудь по близости къ городу служитъ причиною, что въ Екатеринодарѣ не вымощена ни одна улица. Для городскихъ обитателей это составляетъ истинное бѣдствіе. Часто осенью, зимою и въ раннюю весну пути сообщенія прекращаются даже между ближайшими домами. Баснословная грязь заливаешь улицы и переулки, а на просторной южной площади образуются озера, на которыя прилетаютъ дикія птицы. Чтобы перейти черезъ улицу нужно сперва обогнуть цѣлый кварталъ, при чемъ не всегда можно и тутъ держаться прямого пути; дворы и сады на это время дѣлаются общимъ достояніемъ; проламывается частоколъ, и пѣшеходъ, хорошо напередъ разузнавшій мѣстность, странствуя изъ двора въ садъ, изъ сада во дворъ, изъ двора на улицу, и такъ далѣе—наконецъ изнеможенный достигаетъ своей цѣли. Ъзда въ экипажахъ во многихъ мѣстахъ рѣшительно невозможна; извозчиковъ не имѣется; любыя калоши оказываются несостоятельными.... Понятно, какъ дѣйствуетъ подобная грязь на общежитіе, которое здѣсь и безъ того въ жалкомъ состояніи; понятно, какъ она затрудняетъ доставку продовольствія и часто оставляетъ жителей безъ обиходныхъ принадлежностей хозяйства. Но вообразите юношу, который, послѣ свѣтлыхъ студенческихъ годовъ, съ горячими стремленіями спѣшитъ на службу въ Черноморье. О Екатеринодарѣ онъ знаетъ только по картѣ, гдѣ поставленъ, какъ нарочно, заманчивый значительный кружокъ; городъ, какимъ онъ есть въ дѣйствительности, ему совершенно неизвѣстенъ, и въ него-то онъ вѣзжается именно во время распутицы. Ямщикъ кое-какъ втянулъ почтовую телегу въ одну изъ топкихъ улицъ; жидкая грязь покрываетъ спицы колесъ; сѣрое небо каплетъ мельчайшимъ дождемъ; измученные кони наконецъ стали. Хладнокровный ямщикъ объявляетъ пассажиру, что ѣхать дальше невозможно, что нужно гдѣ-нибудь сложить чемоданы и дорожную поклажу, что стоять ему на улицѣ не приходится, что станціонный смотритель взыщетъ за просрочку и т. д. Бѣдный юноша терзается: въ его блестящія предположенія не входила здѣшняя блестящая грязь....

Грустно смотрѣть на развалины, отъ которыхъ вѣетъ духомъ разрушительнаго времени; грустнѣе бываетъ при видѣ пожарища, или мѣста, опустошеннаго наводненіемъ, разореннаго непріателемъ; но, Боже мой! какъ грустно глядѣть на развалины и всякаго рода опустошенія, въ которыхъ виновата единственно лѣнь, безпечность человека! Тутъ нѣтъ мѣста примиренію. Окружающая тебя ветошь вопіетъ громко о томъ, что ветошь также и тѣ люди, которые шевелятся между нею, что хламъ сносится къ хламу, что посреди его и новый, свѣжій кусокъ скоро заражается гнилью. Съ такими печальными заключеніями часто приходится бродить по улицамъ Екатеринодара при видѣ разрушающагося частокола и плетней, около которыхъ не ходитъ заботливая рука хозяина, Во многихъ мѣстахъ со двора во

дурь, изъ сада въ садъ можно свободно шагать, не встрѣчая никакой помѣхи; слѣды давно-растасканной огорожи еще существуютъ: стало быть огорожа когда-то была,— и этого уже довольно для спокойствія хозяина. «Новую поставишь—и новую расташутъ: такъ стоить ли объ этомъ хлопотать», думаетъ онъ въ своемъ бездѣйствіи. А тутъ за-одно съ огорожей ветшаетъ крыша на домѣ, да и самый домъ успѣлъ уже пошатнуться. «Не устоишь противъ людей, такъ устоять ли противъ времени?»— утѣшаетъ себя тотъ же хозяинъ.— Нѣтъ, видно малороссіянинъ—плохой колонистъ, и не легко подчиняетъ себѣ новую обстановку; скоро забываетъ онъ преданіи родины, скоро оставляетъ обычай своей опрятной малороссійской хаты; не несетъ онъ, какъ родичъ его, москаль, на чужую сторону своего искуснаго топора, чтобъ срубить имъ крѣпкую родимую избу, не запасается на дорогу крѣпкой волею, чтобъ съ нею выдержать напоръ мѣстныхъ случайностей и въ чужедальней сторонѣ закрѣпить родимый обычай. Да, не забывши потащить съ собою въ путь пресловутую лѣнь, видно скоро терлетъ онъ изъ памяти образъ доживотой малороссіянки: иначе, на чужбинѣ, не сорилъ бы онъ у себя подъ-носомъ, не глядѣлъ бы на все свѣсивъ голову и опустивши руки, приговаривая: «а, кому яке дило? це добро мое, не чуже!» Иначе не выкидывалъ бы онъ всю зловонную дрянъ у своихъ воротъ, подъ ноги прохожимъ, не пачкалъ бы гдѣ ему вздумается, оправдываясь и тутъ прехладнокровно: «це мисто обществѣне!» На всемъ этомъ видна печать той апатіи, которая завладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ запутался въ своихъ обстоятельствахъ, потерялъ концы своего дѣла, и не зная куда ступить, что начать,— остановился на чемъ попало, да и ждетъ развязки извнѣ.— Но, можетъ-быть, существуютъ другія причины такого безотраднaго положенія колониста, на примѣръ бѣдность, бѣдность въ массѣ населенія со всеми ея возмутительными послѣдствіями? Такъ, слѣды ея очень замѣтны; но все же нельзя признать ее за начало зла. Она имѣетъ *свои* гнѣзда, и не кладетъ отпечатка на весь составъ населенія; она движется, имѣетъ какіе бы то ни было исходы, такъ или иначе изворачивается, по пословицѣ: голь на выдумки хитра. При всемъ своемъ гнетѣ, она не въ состояніи подавить въ человѣкѣ стремленій къ труду, порывовъ къ лучшему, если только будетъ встрѣчать отпоръ со стороны его нравственныхъ силъ.... Но къ этому вопросу мы будемъ имѣть случай еще не разъ возвращаться.

Улицы города рѣдко оживляются людностью, движеніемъ экипажей. Въ лѣтніе знойные дни стоитъ пыль надъ городскимъ мѣстомъ, словно надъ люднымъ торжищемъ; но ее взбиваетъ скотъ, во множествѣ приходящій вечеромъ съ полей. Онъ же въ осень и въ зиму шатается по улицамъ, отыскивая для себя гдѣ-нибудь пищу. Здѣшніе хозяева стараются держать рогатый скотъ въ теченіе цѣлаго года

на подножномъ корму, и молятъ Бога, чтобъ Онъ не посылалъ глубокихъ снѣговъ, а въ особенности крѣпкихъ морозовъ. Оттого въ холодную пору, на улицахъ и переулкахъ Екатеринодара то лежатъ, то уныло стоятъ голодные быки и коровы; иногда рѣшаются они заглядывать, по дворамъ и тамъ захватывать, по здѣшнему выраженію, сѣна клокъ, или вылы въ бокъ. Последнее случается часто; но пуще всего преслѣдуетъ ихъ собачій лай, и нужно быть флегмами-быками, чтобъ на неистовство его не обращать ровно никакого вниманія. Въ темныя ночи (въ городѣ нѣтъ ночнаго освѣщенія) пѣшеходъ того и гляди, что наткнется на рога скотины, и ночевать ей можно только на улицахъ. Таковъ ли долженъ быть уходъ за нею тамъ, гдѣ скотоводство составляетъ главный источникъ богатства края?

Но особенно пустынны бываютъ улицы Екатеринодара въ полуденную пору, когда почти все населеніе города предается отдыху и сну. Закрываются ставни оконъ; запираются двери; повсюду наступаетъ тишина, смущаемая только собачьимъ, тоже соннымъ лаемъ. Куда бы вы ни постучались — вездѣ одинъ отвѣтъ: спать. Для новичка такой порядокъ сначала кажется довольно страннымъ; но мало-помалу и онъ привыкаетъ дышать тѣмъ же воздухомъ, который въ полдень гонитъ здѣсь вѣсъ на покой. И силу этого снотворнаго воздуха почувствуетъ онъ тяжеле всего въ удушливые лѣтніе дни....

Н. Вороновъ.

Новѣйшія Извѣстія.

Невшательскій вопросъ окончательно приближается къ миролюбивому разрѣшенію. Послѣднія предложенія Франціи, о которыхъ упомянуто въ нашемъ Обзорѣни, одобрены какъ швейцарскимъ правительствомъ, такъ и прусскимъ королемъ. Предложенія эти, по словамъ французскихъ и швейцарскихъ журналовъ, заключаются въ слѣдующемъ :

Швейцарское правительство соглашается безусловно освободить невшательскихъ роялистовъ, заключенныхъ по дѣлу 3-го сентября.

Франція и Англія обязуются предложить прусскому правительству пересмотрѣть Лондонскаго протокола о Невшательскомъ княжествѣ, съ цѣлью признать полную независимость этого княжества.

Заключенные невшательскіе роялисты, по освобожденіи, будутъ удалены отъ предѣловъ Швейцаріи впредь до окончательнаго признанія независимости спорнаго кантона.

Эти условія формально одобрены правительствами швейцарскимъ и прусскимъ. Союзный Совѣтъ, признавъ ихъ вполне удовлетворительными, созвалъ Союзный Сеймъ для чрезвычайнаго засѣданія, въ которомъ они одобрены и Сеймомъ. Въ обѣихъ палатахъ, составляющихъ Сеймъ, пренія начались 15-го января. Національный совѣтъ въ тотъ же день одобрилъ предложенія Союзнаго Совѣта по невшательскому вопросу большинствомъ 91 голоса противъ 4, съ слѣдующимъ дополненіемъ, сдѣланнымъ комиссіею: «Такъ какъ доставленныя Союзнымъ Совѣтомъ свѣдѣнія могутъ служить ручательствомъ за независимость Невшательскаго кантона, и такъ какъ Швейцарія расположена въ пользу мира, на сколько дозволяютъ ей честь ея и самостоятельность, то Союзный Сеймъ и пр.» На другой день тѣ же предложенія одобрены въ другой палатѣ (Ständerath), послѣ продолжительныхъ и оживленныхъ преній, большинствомъ 32 голосовъ противъ 3. Невшательскіе роялисты освобождены и уже достигли французской границы.

Ожидаютъ открытія конференціи изъ представителей державъ, подписавшихъ Лондонскій протоколъ, для рѣшенія вопроса о признаніи независимости Невшательскаго кантона.

Вслѣдствіе состоявшихся международныхъ опредѣленій новой парижской конференціи, русское правительство, по словамъ газеты Nord, уже сдѣлало распоряженіе объ упраздненіи Зиѣинаго острова.

Персидскій посоль Фेरукъ-ханъ, о которомъ мы неоднократно упоминали прежде, и который до сихъ поръ находится проездомъ въ Константинополь, прибылъ въ Тулонъ 11-го января.

Столкновеніе между Англичанами и Китайцами въ Кантонѣ, по видимому, должно принять большіе размѣры. Англійское правительство намѣрено значительно увеличить свои военныя силы въ Китаѣ и при открытіи парламента требовать назначенія особаго кредита исключительно для этой цѣли. Члены англійскаго министерства прямо говорятъ о своемъ намѣреніи заключить новый трактатъ съ Китаемъ. На письменный запросъ такъ-называемаго Остъ-Индскаго и Китайскаго общества министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Кларендонъ, отвѣчалъ между прочимъ, что «съ удовольствіемъ будетъ принимать отъ общества всякое мнѣніе или указаніе относительно новаго трактата, который желательно заключить съ Китаемъ».

15-го января происходилъ торжественный вѣздъ австрійскаго императора въ Миланъ.

Изъ Неаполя сообщаютъ отъ 12-го января, что тамъ вновь арестованы до шестидесяти человекъ, и что полиція открыла новый заговоръ. Глубокое волненіе господствуетъ въ городѣ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЪТОНИСЬ

НОВОСТИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ ВЪ БАВАРИИ.

Трудно дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что именно заставляетъ васъ чувствовать переѣздъ изъ одной германской территоріи на другую. Вы слышите тотъ же нѣмецкій языкъ, съ небольшимъ измѣненіемъ въ говорѣ, природа и одежда жителей все тѣ же, линія желѣзной дороги тянется не прерываясь, а между тѣмъ, на первой же станціи вы замѣчаете, что перешли въ общество людей съ иными интересами, что вокругъ васъ рѣшаются иные вопросы; словно въ воздухѣ носятся національные цвѣта новаго государства.

Въ первомъ же баварскомъ городѣ — прежде чѣмъ мнѣ пришлось расплачиваться гульденами вмѣсто талеровъ и пить настоящее пиво баварское — я почувствовалъ, что мирная Саксонія осталась назади, что я вступилъ въ одно изъ южно-германскихъ государствъ. «Гарлесъ, Фурреръ, оберконсистоіумъ, ультрамонтаны» — эти слова непрерывно встрѣчаются на столбцахъ мѣстныхъ газетъ. Въ поясненіе ихъ полагаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о современныхъ вопросахъ Баваріи, которые не лишены интереса всеобщаго.

Въ гонгеуръ всѣхъ южно-германскихъ государствъ въ настоящее время составляетъ вопросъ религіозный. Въ Баваріи, по мѣрѣ того, какъ вы подвигаетесь черезъ протестантскую сѣверо-восточную Франконію ближе къ югу, къ центру католицизма, вы замѣчаете, какъ постепенно усиливается антагонизмъ между двумя партіями. Въ Мюнхенѣ, по его правительственному и географическому положенію, этотъ антагонизмъ достигаетъ крайней степени напряженія и высказывается особенно рѣзко. Новый конкордатъ — вотъ что занимаетъ Баварію. Она стоитъ на очереди; стремленіе католицизма — освободить церковь отъ вліянія государства и дать духовенству право вмѣшательства въ дѣла государственныя — имѣло успѣхъ въ сосѣдней Австріи и теперь переноситъ театръ борьбы на баварскую почву. «Австрія оказала плохую

услугу и себѣ, и своимъ сосѣдямъ», справедливо говорятъ Нѣмцы. Конкордатъ папы съ королемъ баварскимъ, заключенный въ 1817 году, который прежде казался совершенно достаточнымъ, въ настоящее время не удовлетворяетъ желаніямъ многихъ. Если папа въ своей аллокуціи 15-го декабря 1856 называетъ вѣротерпимость, введенную въ Мексикѣ, бѣдствіемъ для церкви, то все католическое духовенство смотритъ на вопросъ тѣми же глазами. Съ 1855 года оно ободрилось въ Баваріи; усердные поборники католицизма, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, зашли слишкомъ далеко, такъ что даже аугсбургскій епископъ не разъ долженъ былъ умѣрять ихъ рвеніе, и въ своемъ посланіи непрерывно прибавляетъ: Für das Konkordat — das ganze Konkordat — nichts als das Konkordat, разумѣя подъ этимъ соглашеніе 1817 года. Въ этомъ направленіи дѣйствуетъ и Allgemeine Zeitung, органъ умѣренныхъ католиковъ, пользующійся общимъ уваженіемъ въ Германіи.

Но далеко не всѣ слѣдуютъ направленію аугсбургскаго епископа и аугсбургской газеты. Въ Мюнхенѣ, напротивъ, необыкновенно сильна партія ультрамонтановъ, имѣющихъ свой органъ: Historisch-politische Blätter. Трудно вообразить себѣ, съ какою страстью, съ какимъ отсутствіемъ приличія составляются статьи этого журнала о протестантахъ; такъ подъ рубрикою «Новѣйшая исторія протестантизма» помѣщенъ былъ рядъ извѣстій о Мормонахъ, наполненный самыми нелѣпыми подробностями; мысль объ основаніи исключительно-католическаго университета была поддерживаема этимъ журналомъ; въ дѣлѣ бельгійскаго профессора Лорана онъ стоялъ, конечно, на сторонѣ обвинителей. Понятно, что такія притязанія католическаго духовенства и его поборниковъ должны были возбудить всеобщія опасенія: съ ними связано вмѣшательство въ преподаваніе наукъ и въ цензуру книгъ, слѣдовательно ограниченіе самыхъ драгоценныхъ и насущныхъ правъ гражданъ.

Въ виду такой опасности, протестанты баварскіе почувствовали потребность болѣе тѣснаго сближенія между собою. Они нашли сильнаго поборника и представителя въ лицѣ Гарлеса (Harless), предсѣдателя мюнхенскаго оберконсисторіума. Это — человекъ съ чрезвычайною энергіею, съ непоколебимымъ характеромъ, умѣвший снискать довѣріе всѣхъ протестантовъ.

Тогда какъ ультрамонтаны проповѣдуютъ полную независимость церкви отъ государства,—ученіе протестантовъ исходитъ отъ другаго основнаго начала: они разсматриваютъ церковь, какъ одно изъ обществъ (gesellschaftlicher Kreis), подчиненныхъ государству. Напоръ снаружи, со стороны католиковъ, скрѣпилъ это общество въ Баваріи; внѣшняя опасность заставила протестантовъ тѣснѣе примкнуть къ государству. Постановленія дрезденскаго синода 1853 и 1855 года о правѣ

взора пасторовъ за поведеніемъ прихожанъ и о личной, отдельной исповѣди были утверждены королемъ Максимилианомъ II, и получили силу закона. Нѣкоторые протестанты считали эти нововведенія противными догмѣ ихъ религіи; Гарлесъ въ искусно написанномъ адресѣ (*Ansprache des königlichen bayerischen Ober-Consistoriums, Nürnberg, 1856*) убѣдилъ своихъ единовѣрцевъ подчиниться такимъ правиламъ и доказалъ ихъ согласіе съ основнымъ ученіемъ Лютера. Личная исповѣдь не есть обязательная, она оставлена на произволъ каждаго; въ отличіе отъ католическаго обряда тайной исповѣди, у протестантовъ прихожанинъ прямо говоритъ о своихъ грѣхахъ пастору, но не имѣетъ нужды открывать *всѣ* грѣхи. «Оберконсисто́ріа — говоритъ Гарлесъ — убѣждена въ томъ, что частная исповѣдь не есть предписаніе божественное, а потому свободна; но церковь обязана заботиться, чтобы каждый могъ пользоваться ею свободно, какъ благодѣяніемъ.» Протестанты не ограничились этимъ; они представили министерству проектъ новаго устройства, по которому пасторы получаютъ еще болѣе правъ въ отношеніи къ *kirchliche Zucht*; такъ они наблюдаютъ за нравственностью прихожанъ, также за дѣвственностью вступающихъ въ бракъ и пр. (Неимѣющія послѣдняго качества лишаются названія *Fräulein* въ брачномъ актѣ, — то же введено недавно и въ Пруссіи.)

Такимъ образомъ, различныя направленія обозначились ясно: ультрамонтаны опираются на власть папы и на Австрію, протестанты на государственное начало, умѣренные католики стараются поддержать конкордатъ 1817 года. Трудно рѣшить, будетъ ли новое соглашеніе съ папою повтореніемъ прежняго, или составитъ по образцу австрійскаго конкордата; должно надѣяться, что примѣръ Австріи послужитъ предостереженіемъ Баваріи; она найдетъ поддержку въ южно-германскихъ государствахъ и въ этомъ вопросѣ, какъ находила ее во всѣхъ другихъ; успѣхъ Баваріи будетъ успѣхомъ для всѣхъ государствъ, въ которыхъ значительно католическое народонаселеніе; на нихъ отразится въ сильной степени исходъ дѣла.

Обращаясь къ настоящей борьбѣ партій, нельзя не отдать справедливости той умѣренности, съ какою дѣйствуютъ протестанты; тогда какъ ультрамонтаны не жалуютъ оскорбительныхъ выраженій, не щадятъ личности своихъ противниковъ, подвергаютъ осмѣянію самыя священныя ихъ вѣрованія, — протестанты съ благороднымъ спокойствіемъ, съ увѣренностью въ правотѣ дѣла, защищаютъ вѣротерпимость и оправдываются въ обвиненіяхъ, взводимыхъ на нихъ. Въ этомъ направленіи издается въ Нёрдлингенѣ безсрочный журналъ «*Fliegende Blätter aus Bayern*», единственный органъ баварскихъ протестантовъ. Редакцію его приписываютъ доктору Бра-

теру, пріобрѣвшему извѣстность нѣкоторыми политическими статьями, — и на основаніи положительныхъ данныхъ я могу подтвердить эту догадку. До сихъ поръ вышелъ въ свѣтъ только одинъ номеръ новаго журнала, въ опроверженіе статей ультрамонтановъ противъ университета.

Вопросъ религіозный такъ глубоко проникаетъ теперь въ баварскую жизнь, что ставить отчасти во враждебное положеніе даже тѣхъ людей, которые по призванію своему должны бы находиться въ тѣсной дружбѣ. Это всего замѣтнѣе въ Мюнхенѣ; въ другихъ городахъ или католическое или протестантское исповѣданіе имѣютъ слишкомъ значительный перевѣсъ, который не допускаетъ возможности столкновений. Оба вѣроисповѣданія раздѣлены, такъ-сказать, географически: католики живутъ въ собственной Баваріи и Франконіи (Бамбергъ, Вюрцбургъ), протестанты — въ Пфальцѣ и сѣверовосточной Франконіи; эта послѣдняя—бывшее маркграфство Бранденбургъ-Байрейтское — присоединена къ Баваріи только пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Численный перевѣсъ замѣтно склоняется на сторону католиковъ: при 4,540,000 жителей въ Баваріи, протестантовъ не болѣе 1,255,000. Король исповѣданія католическаго, но королева de jure должна быть необходимо протестантка; изъ трехъ баварскихъ университетовъ, мюнхенскій и вюрцбургскій — католическіе, эрлангенскій—протестантскій. Слѣдовательно, вездѣ раздѣленіе, вопросъ, вездѣ необходимо юридически опредѣлить отношеніе обѣихъ сторонъ.

Король дѣлаетъ все возможное, чтобы не показать предпочтенія тому или другому исповѣданію; онъ приглашаетъ къ себѣ профессоровъ и поэтовъ, болшею частію изъ протестантовъ. Любовь къ наукамъ и искусствамъ наследована королею отъ отца, который сдѣлалъ изъ Мюнхена новую Аѳины, и теперь, отказавшись отъ престола, любитъ собственнымъ произведеніемъ (а иногда отъ скуки составляетъ оппозицію своему сыну). Строгіе баварофилы подняли страшную тревогу, когда увидали въ обществѣ короля и на профессорскихъ кафедрахъ Мюнхена протестантовъ, призванныхъ изъ другихъ германскихъ государствъ; они стали доказывать, что католичество угнетено, что національности баварской грозитъ неминуемая гибель, что необходимо принять мѣры противъ такого бѣдствія. Къ счастью, король не обратилъ вниманія на подобные возгласы и продолжалъ вызывать въ Мюнхенъ ученыхъ, которые составляютъ украшеніе здѣшняго университета. Таковы: Либихъ, Блунчли, Риль, Зибель, извѣстный своею исторіею французской революціи, Боденштедтъ, Гейбель. Къ нимъ должно присоединить Кленце, Корнелиуса и Каульбаха, кисть и архитектурный талантъ которыхъ украсили Мюнхенъ превосходными зданіями. Все это протестанты, умѣвшіе заслужить любовь и уваженіе всѣхъ Баварцевъ.

Естественно, что въ обѣихъ палатахъ (Kammer der Reichsräthe и Kammer der Abgeordneten) преобладающій элементъ — католическій, потому что представители выбираются соразмѣрно съ народонаселеніемъ (по закону 4-го іюля 1848 г., одинъ представитель на каждыя 31,500 душъ). Впрочемъ вопросы, относящіеся къ духовному управленію, не обсуждаются въ палатахъ; для католическаго духовенства учреждено два архіепископства, въ Мюнхенѣ и Бамбергѣ, и шесть епископствъ, а для протестантовъ — оберконсисто́ріумъ въ Мюнхенѣ, которому подчинены два консисто́ріума въ собственной Баваріи и потомъ самостоятельный консисто́ріумъ для Пфальца, учрежденный въ 1849 году въ Спейерѣ. — Палаты, въ теченіе послѣднихъ засѣданій, были заняты предварительными работами по составленію гражданскаго и уголовнаго кодексовъ, а потому не имѣли случая къ борьбѣ съ правительствомъ. Только бюджетъ, по обыкновенію, возбудилъ нѣсколько горячихъ преній; палата представителей старалась по возможности сократить расходы — и дѣйствительно успѣла въ этомъ. Войско уменьшено на 10,000, въ сравненіи съ 1855 годомъ, и несмотря на то Баварія имѣетъ теперь армію въ 86,000 человекъ.

Такая матеріальная сила дѣлаетъ положеніе Баваріи весьма значительнымъ и даетъ ей первое мѣсто въ ряду второстепенныхъ государствъ; бамбергскія конференціи доказали, какое вліяніе она имѣетъ въ Германіи, а теперешній первый министръ фонъ-деръ-Пфурдтенъ способенъ поддержать и укрѣпить такое положеніе дѣлъ.

Фонъ-деръ-Пфурдтенъ началъ свое поприще съ юридической каѳедры въ вюрцбургскомъ университетѣ, гдѣ приобрѣлъ извѣстность въ весьма короткое время. Но скоро вюрцбургскій ректоръ (вѣроятно похожій на проректора гейдельбергскаго) нашелъ направленіе молодого профессора либеральнымъ, и фонъ-деръ-Пфурдтенъ принужденъ былъ удалиться въ Лейпцигъ, гдѣ продолжалъ свои лекціи и потомъ принималъ участіе въ либеральныхъ демонстраціяхъ Дрездена. Въ это время, въ 1848 году, король Лудовикъ Баварскій отказался отъ престола въ пользу своего сына Максимилиана II, и послѣдній, желая успокоить страну, искалъ министра, выборъ котораго былъ бы одобренъ общественнымъ мнѣніемъ. Онъ остановился на фонъ-деръ-Пфурдтенѣ, который приобрѣлъ уже популярность, благодаря преслѣдованіямъ со стороны вюрцбургскаго ректора. Съ профессорской каѳедры молодой ученый (ему было около 35 лѣтъ) перешелъ къ управленію государствомъ и притомъ въ самое трудное время. Прошедшее Пфурдтена ручалось за его образъ дѣйствій; всѣ ожидали, что онъ станетъ проводить свои прежнія убѣжденія въ государственной практикѣ. Случилось иначе: новый министръ испугался ответственности за смѣлые опыты; впечатлительный, саввиникъ,

горячо преданный своему дѣлу, онъ сдѣлался крайнимъ консерваторомъ; въ конституціонныхъ камерахъ онъ увидалъ одну темную ихъ сторону; финансовыя затрудненія раздражали его. Пылкій отъ природы, фонъ-деръ-Пфурдтенъ не умѣлъ и не хотѣлъ скрывать своего недовольства, слѣдствіемъ котораго явился разладъ между нимъ и камерами. Всякая репрессивная мѣра съ его стороны была особенно чувствительна, потому что на него возлагали много надеждъ. Отсюда обвиненіе въ безхарактерности, которое повторяется многими. Обѣ стороны были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ: камеры требовали большаго отъ профессора-министра; фонъ-деръ-Пфурдтенъ приступилъ къ дѣлу съ теоретическими понятіями, отъ которыхъ принужденъ былъ отказаться. Впрочемъ Пфурдтенъ не хитрилъ и не игралъ роли; онъ прямо высказывалъ свои идеи и приводилъ ихъ въ исполненіе; не разъ онъ изъявлялъ готовность отказаться отъ власти.

Борьба съ такимъ человѣкомъ, какъ фонъ-деръ-Пфурдтенъ не ведетъ къ раздраженію; первый министръ баварскій не способенъ къ тайнымъ косвеннымъ мѣрамъ, онъ не умѣетъ сдерживать себя, высказывается съ перваго раза. Его рѣчь отличается даже наивною искренностью; поэтому нѣтъ задушевной мысли министра, которая не была бы извѣстна всѣмъ и не пересказывалась бы погороду. Фурреру, уполномоченному Швейцаріи, достаточно было одного свиданія съ Пфурдтеномъ, чтобы увидать ясно, что его посольство не будетъ имѣть успѣха. Первый министръ началъ горячо говорить противъ права убѣжища, которымъ въ Швейцаріи пользуются всѣ республиканцы, и доказывалъ, какъ много терпитъ отъ этого общественный порядокъ. Фурреръ замѣтилъ, что Швейцарія равно открыта и для королей и для подданныхъ, что неразъ государи пользовались защитой нейтральной территоріи швейцарской, что въ этомъ отношеніи тѣми же правами пользуется и Англія. «Англія! возразилъ Пфурдтенъ; о, не будь она защищена отъ насъ моремъ, мы давно дринудили бы ее отказаться отъ подобнаго злоупотребленія!» Это «мы» повторялось многими съ особеннымъ удареніемъ и возбуждало улыбку въ тѣхъ, кто не принадлежитъ къ баварскому племени; для Баварцевъ въ этой фразѣ нѣтъ ничего удивительнаго; «мы» и Англія, — отчего же нѣтъ? у насъ только не достаетъ еще флота...

Какъ бы то ни было, Баварцы не могутъ забыть, что фонъ-деръ-Пфурдтенъ былъ примирителемъ народа съ правительствомъ въ трудную эпоху броженія, что онъ далъ ихъ отечеству большой вѣсъ въ дѣлахъ европейскихъ, и считаютъ его человѣкомъ необходимымъ. Можетъ-быть, онъ не избѣжалъ нѣсколькихъ ошибокъ, но вообще Баварцы не могутъ жаловаться на стѣснительныя мѣры; цензура у нихъ свободнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ германскихъ государствахъ, общественное мнѣніе высказывается смѣло. Такъ теперь,

когда баварское правительство дозволило проходить прусскимъ войскамъ, когда Фурреръ рѣшительно не успѣлъ въ своихъ переговорахъ, въ честь этого же Фуррера дается обѣдъ; а жилъ съ нимъ въ одной гостинницѣ и имѣлъ случай замѣтить, что его вовсе не чуждался, а за table d'hôte уполномоченный Швейцаріи былъ предметомъ общаго участія; маленькая газета Münchener Punsch отпускаетъ неостроумныя шутки противъ правительственныхъ дѣйствій въ интересахъ Швейцаріи — и ни разу не была задержана полиціей. «Мы сдѣлали свое дѣло, говорятъ Швейцарцы; мы должны были просить содѣйствія Баваріи, хотя напередъ знали, что она откажетъ. И все-таки мы думаемъ, что войны не будетъ: Наполеонъ III человекъ послѣдовательный; онъ самъ императоръ по волѣ народа и на себѣ испыталъ, что значитъ право убѣжища...»

Въ театрѣ я былъ свидѣтелемъ того уваженія и той любви, которыя возбуждаетъ къ себѣ король Максимилианъ II. Его величество вошелъ съ королевою въ свою ложу во время представленія оперы; всѣ, сидѣвшіе въ партерѣ, встали съ своихъ мѣстъ и привѣтствовали августѣйшее семейство.

Отъ политическихъ вопросовъ обращаюсь къ университету. Изъ здѣшнихъ профессоровъ я могу сказать нѣсколько словъ только о Блунчли, Пёцль (Pötzl) и Боденштедтъ, съ которыми видѣлся неоднократно. Къ первымъ двумъ у меня были рекомендательныя письма отъ Роберта Моля; къ послѣднему я пришелъ въ качествѣ Москвича и вашего пріятели.

Послѣ Либиха, Блунчли, конечно, имѣетъ наибольшее значеніе въ университетѣ; онъ пользуется расположеніемъ короля и служитъ опорой протестантовъ. Въ Мюнхенѣ онъ прибылъ въ 1848 году; родомъ Швейцарецъ, онъ игралъ значительную политическую роль въ своемъ отечествѣ; какъ президентъ швейцарскаго союза, онъ на практикѣ могъ хорошо узнать *союзное право*, которое преподавалъ потомъ въ университетѣ цюрихскомъ. Блунчли теперь лѣтъ около 50; живые умные глаза придаютъ особенную привлекательность его лицу; онъ говоритъ громко, медленно, съ швейцарскимъ акцентомъ. Съ нетерпѣніемъ ждалъ я случая увидать Блунчли на кафедрѣ; на другой же день послѣ свиданія съ нимъ, въ 8 часовъ утра я былъ въ университетѣ. Лекція относилась къ общему государственному праву, — именно къ представительной демократіи; въ ясныхъ чертахъ профессоръ изобразилъ сначала различіе демократіи античной и новоявропейской: тогда какъ въ первой всѣ граждане участвуютъ въ управленіи, въ послѣдней только нѣкоторые, по началу представительства. Образцами такой демократіи новаго времени служатъ Сѣверо-Американскіе Штаты и Швейцарія; коснувшись основнаго

устройства этихъ государствъ, Блунчли подвергнулъ критикѣ всеобщую подачу голосовъ и доказывалъ необходимость оцѣнки для избирателей, какъ она существуетъ для избираемыхъ. Логическая сила доказательствъ и вмѣстѣ сознаніе этой силы давали чтенію Блунчли характеръ спокойствія ; онъ часто прибѣгалъ къ сравненіямъ, говорилъ краснорѣчиво, даже цвѣтисто, но ни разу не измѣнилъ медленнаго, ровнаго теченія рѣчи; видно было однако жъ, что предметъ, о которомъ говорилъ профессоръ, имѣлъ для него особенный интересъ, что на кафедрѣ стоялъ бывший президентъ представительной демократіи. Послѣ лекціи, Блунчли замѣтилъ мнѣ, что *по теоріи* наши русскіе дворянскіе выборы самыя рациональныя, какіе только ему извѣстны.

По обычаю нѣмецкихъ профессоровъ, ихъ литературныя труды состоятъ почти исключительно въ обработываніи и изданіи лекцій. Блунчли въ руководство студентамъ предлагаетъ свое собственное сочиненіе и теперь готовитъ второе изданіе своего *Allgemeines Staatsrecht*. Сверхъ того, онъ дѣятельно трудится надъ редакціею *Deutsches Staatswörterbuch*; въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ ему помогаетъ Братеръ, а въ числѣ сотрудниковъ считаются многіе профессора Германіи. До сихъ поръ вышло девять тетрадей, въ которыхъ оканчиваются статьи на букву В; по достоинству редакціи и статей, лексиконъ Блунчли служить драгоценнымъ пособіемъ для всѣхъ занимающихся политическими науками; его направленіе — чисто ученое; всѣ вопросы разсматриваются съ точки зрѣнія научной, спокойно и безпристрастно.

Профессоръ Пёцль, кромѣ международнаго права, занимаетъ кафедру баварскаго государственнаго права, и всѣ его литературныя труды относились къ послѣднему. Впрочемъ, имъ сдѣлано большое собраніе трактатовъ и другихъ актовъ, открытыхъ ему правительствомъ баварскимъ, и по этому матеріалу Пёцль думаетъ обработать сочиненіе о международныхъ отношеніяхъ Баваріи. Лекціи Пёцля отличаются прекраснымъ изложеніемъ. Вообще у насъ, какъ мнѣ кажется, имѣютъ превратное понятіе о манерѣ чтенія нѣмецкихъ профессоровъ, полагая, что они строго придерживаются своихъ тетрадей и придаютъ слишкомъ сухую форму преподаванію. Ничего подобнаго я не встрѣчалъ у профессоровъ-юристовъ, за лекціями которыхъ слѣдилъ постоянно; мнѣ случалось присутствовать на лекціяхъ чисто — импровизованныхъ; профессоръ рѣдко обращается къ тетради и употребляетъ живую, разговорную рѣчь. «Надо учиться говорить и писать у Французовъ» — говорятъ Нѣмцы; «только люди отстаые пишутъ такъ, что ихъ никто не понимаетъ, а говорятъ такъ, что ихъ никто не хочетъ слушать.» Число такихъ отстаыхъ уменьшается быстро.

Боденштедтъ продолжаетъ знакомить германскую публику съ русскими поэтами; въ послѣднее время, то-есть послѣ перевода Онегина, онъ перевелъ пять стихотвореній Кольцова. Не знаю, извѣстны ли вамъ эти переводы; прилагаю одно стихотвореніе: «Ну, тащися, сивка».

LIED DES LANDMANNS.

Frisch voran, mein Gäulchen !
Wenn das Tagwerk fertig,
Rein'gen wir das Eisen
Von der feuchten Erde.

Glühend schon am Himmel
Glänzt die Morgenröthe —
Aus dem dunkeln Walde
Steigt die helle Sonne.

Frisch voran, mein Gäulchen!
Bis das Feld gepflügt ist!
Bin mit dir, mein Gäulchen,
Herr zugleich und Diener.

Munter, unverdrossen
Führ' ich Pflug und Egge,
Und das Feld besä' ich,
Fahre heim die Ernte.

Fröhlich blickt mein Auge
Hin auf Tenn' und Schober,
Rüstig helf' ich dreschen
Und die Schaufel schwingen.

Frisch voran! bald wird das
Ackerland bestellt sein,
Und die heil'ge Wiege
Für die Saat bereitet.

Wo sie trinkt und nährt die
Feuchte Mutter Erde;
Grün entsteigt's dem Boden —
Frisch voran, mein Gäulchen.

Grün entsteigt dem Boden
Und es wächst, treibt Aehren,
Und es reift und thürmt sich
Rings zu golden Garben.

Bald blitzt hier die Sichel,
Bald erklingt die Sense;
Süss wird uns die Ruhe
Auf den schweren Garben.

Frisch voran, mein Gäulchen!
 Hafer zur Genüge
 Geb' ich dir, und Wasser
 Aus der frischen Quelle!
 Pflügend, säend bet' ich :
 Herr, gieb Deinen Segen!
 Lass mein Korn gedeihen,
 Meinen einz'gen Reichthum.

1856.

Къ сожалѣнію, у Боденштедта не достаетъ русскихъ книгъ и журналовъ, такъ что ему неизвѣстны новыя русскія произведенія; Кольцова онъ перевелъ по хрестоматіи г. Галахова, изданія 1843 года. Передаю вамъ его усердную просьбу—присылать ему «Русскій Вѣстникъ» и нѣкоторыя изъ новыхъ книгъ чрезъ лейпцигскаго книгопродавца Брокгауза; онъ надѣется, что вы поможете ему въ дѣлѣ знакомства Германіи съ нашею литературою (1). Переводы Боденштедта оцѣнены всѣми по достоинству; чтò же касается до его собственныхъ произведеній, въ которыхъ онъ представляетъ русскую жизнь, то мнѣ они нравятся гораздо менѣе. Таковы: драма «Дмитрій Самозванецъ» и новая, еще неоконченная поэма «Андрей и Марѳа». Авторъ былъ такъ добръ, что прочелъ мнѣ нѣкоторыя мѣста изъ нея. Поэма написана размѣромъ Спенсера, слѣдовательно представляла огромныя трудности въ механизмѣ стиха, и, можетъ-быть, понравится Нѣмцамъ; для насъ она теряетъ много черезъ отсутствіе національнаго колорита. Содержаніе взято изъ эпохи царя Ивана IV: новгородскій купецъ Андрей находился въ Германіи во время страшнаго истребленія Новгородцевъ, и тѣмъ спасся отъ смерти; по возвращеніи онъ находитъ опустѣвшій городъ, — но семейство любимой имъ дѣвушки Марѳы осталось въ живыхъ, и бракъ, о которомъ Андрей мечталъ такъ долго, близокъ къ осуществленію. Весь Новгородъ готовъ принять участіе въ его радости, — какъ въ это самое время приходитъ указъ о представленіи молодыхъ дѣвушекъ на смотръ въ Москву для избранія невесты царю. Марѳа въ числѣ ихъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, выборъ падетъ на нее; она молится объ избавленіи отъ такого жребія, — и умираетъ во время молитвы; Андрей уѣзжаетъ въ Германію. Вотъ общее содержаніе поэмы; безспорно, его можно бы наполнить характеристическими подробностями, — но я имѣю поводъ сомнѣваться, чтобы

(1) Сколько мнѣ извѣстно до сихъ поръ, одинъ экземпляръ «Русскаго Вѣстника» получается въ Дрезденѣ и три въ Штутгартѣ. Съ нынѣшняго года въ Мюнхенѣ будетъ получать его Дм. Петр. Северинъ, нашъ посланникъ и почетный членъ московскаго университета. Мюнхенскій кабинетъ чтенія уже обязанъ ему тѣмъ, что получаетъ русскія газеты.

иностранецъ такъ хорошо зналъ древнюю русскую жизнь, чтобы могъ представить ее поэтически; у Боденштедта выходитъ дирижеская поэма, въ которой русскія имена являются случайностью. Пришлите ему лучше стихотворенія нашихъ поэтовъ; пусть онъ передаетъ ихъ своимъ прекраснымъ стихомъ. Что касается до чисто-нѣмецкихъ сочиненій Боденштедта, то они имѣютъ большой успѣхъ и переведены на англійскій языкъ. Фрейтагъ, Риль и Боденштедтъ читаются наиболѣе.

Въ настоящее время Боденштедтъ занятъ еще другою работою. Нѣсколько профессоровъ здѣшнихъ собираются у Либиха, и въ залѣ лабораторіи читаютъ публичныя лекціи, къ которымъ по билетамъ допускаются всѣ желающіе; въ нѣсколько дней всѣ билеты — они бесплатны — были разобраны. Боденштедтъ избралъ предметомъ своей литературной бесѣды «Московскій Кремль», и теперь читаетъ о Кремлѣ все, что можетъ найти въ иностранныхъ газетахъ и въ своей бѣдной русской библіотекѣ. Кажется, очередь Боденштедта наступитъ въ февралѣ, и лекція его, вѣроятно, будетъ напечатана въ *Allgemeine Zeitung*. Вообще, публичныя лекціи теперь въ большомъ ходу въ Германіи; въ рѣдкомъ университетскомъ городѣ не было ихъ въ настоящую зиму; онѣ пользовались различнымъ успѣхомъ, но въ слушателяхъ никогда не было недостатка. Само собою разумѣется, что профессеры должны были читать особенно популярно для разнообразной публики, которая собирается къ нимъ, — и здѣсь опять подтвержденіе того, что сухость не есть отличительная черта ихъ лекцій.

Въ мюнхенскомъ университетѣ, 3-го января, мнѣ случилось въ первый разъ въ Германіи присутствовать при защитеніи диссертаций. Въ одинъ день было двѣ промоціи на степень доктора обоихъ правъ. Торжественность формъ диспута имѣла въ себѣ что-то внушающее уваженіе. Двухъ-ярусная каедрa и около нея столъ ректора драпированы матеріей національныхъ баварскихъ цвѣтовъ — бѣлаго съ синимъ. Квесторъ и секретарь внесли университетскіе жезлы; докторанты были во фракахъ, но при шпагахъ; ректоръ въ темно-лиловой мантии, съ золотою цѣпью на шеѣ; профессеры въ красныхъ суконныхъ мантияхъ, съ черными воротниками и въ бѣлыхъ нагрудникахъ; этотъ костюмъ шелъ только нѣкоторымъ лицамъ, окаймленнымъ густою бородою. Деканъ, стоя на верхнемъ ярусѣ каедръ, прочелъ вкратцѣ біографію докторантовъ, которые вслѣдъ за тѣмъ читали свои *quaestiones inauguales* — родъ небольшихъ разсужденій. Оба диспута, равно какъ и чтеніе, происходили на нѣмецкомъ языкѣ и вмѣстѣ продолжались не болѣе двухъ часовъ. Съ полнымъ безпристрастіемъ должно сказать, что наши московскіе диспуты гораздо живѣе и одушевленнѣе: здѣсь докторанты не защищались, а только выслушивали замѣчанія профессоровъ. Возраженія ограничивались

однимъ тезисомъ, такъ что собственно-диспутъ длился не болѣе 20-ти минутъ; докторанты отговаривались неточностью выражений, — и легко могли это дѣлать при отсутствіи печатной диссертациі.

По числу студентовъ, мюнхенскій университетъ занимаетъ первое мѣсто въ Германіи послѣ берлинскаго; въ немъ 1450 студентовъ. Я уже упомянулъ о томъ неудовольствіи, которое возбудилъ въ баварскихъ ультрамонтанахъ призывъ «иностранцевъ» въ университетъ мюнхенскій. Либихъ, Блунчли и Зибель имѣютъ ординарныя кафедры; Риль (съ титуломъ Prof. honor.) причисленъ къ камеральному факультету, гдѣ преподаетъ Culturgeschichte des Mittelalters; Боденштедту данъ тотъ же титулъ и кафедра славянскихъ древностей; въ настоящемъ семестрѣ онъ читаетъ «Слово о Полку Игоревѣ», по лейпцигскому изданію 1856 года. Члены университета, конечно, не раздѣляютъ вполне мнѣній ультрамонтановъ: при выборахъ въ должность ректора, въ августѣ прошлаго года, Либихъ получилъ съ свою пользу 27 голосовъ, тогда какъ въ пользу теперешняго ректора Лассо (Lassaux—умѣренный католикъ) было 32; на сторонѣ Либиха, слѣдовательно, были многіе католики, потому что во всемъ университетѣ только 12 протестантовъ (всего 76 профессоровъ и 20 приватъ-доцентовъ). Всѣ убѣждены въ томъ, что при будущемъ избраніи должность ректора будетъ возложена на Либиха.

Баварія бѣднѣе другихъ германскихъ государствъ желѣзными дорогами. Это особенно странно потому, что первая дорога въ Европѣ съ паровымъ движеніемъ была устроена въ этой странѣ и притомъ частною компаніею. Это—небольшая линія отъ Нюрнберга до Фюрта. Правительство приняло на свой счетъ устройство главныхъ линій и, кажется, не совсѣмъ удачно; теперь поднять вопросъ о передачѣ всѣхъ дорогъ частнымъ компаніямъ; въ рукахъ правительства онѣ не доставляютъ даже одного процента дохода съ потраченнаго капитала! Это главный аргументъ, который ручается за успѣхъ новаго плана. Въ послѣднее время къ этому присоединились открытыя злоупотребленія кондукторовъ: они продавали пассажирскіе билеты въ свою пользу. Во всѣхъ газетахъ баварскихъ громко заговорили о недостаткѣ правительственнаго надзора; преступленія должностныхъ лицъ, столь рѣдкія въ Германіи, возбудили общее негодованіе; стали говорить объ излишнемъ числѣ кондукторовъ при поѣздахъ,—однимъ словомъ, всѣ убѣждены въ необходимости передать желѣзныя дороги въ управленіе частныхъ лицъ.

Журнальная дѣятельность въ Мюнхенѣ весьма незначительна, равно какъ и книжная торговля. Лучшими газетами въ Баваріи, да и вообще въ Германіи, должно признать Allgemeine Zeitung и Correspondent, выходящій въ Нюрнбергѣ. Первая, какъ извѣстно, издается въ Аугсбургѣ книгопродавцемъ Котта (Cotta); собственно, это католическій органъ, но онъ доступенъ всякому образу мыслей: Fliegende

Blätter и Münchener Punsch — иллюстрированные газеты, распространены во всей Германіи, особенно первая; не знаю, что особенно нравится въ ней Нѣмцамъ, — остроуміе ея ниже посредственнаго и далеко уступаетъ извѣстному берлинскому Kladderadatsch. Органъ ультрамонтановъ, Historisch-politische Blätter, издаваемые Гёрре-сомъ (Göttes) и Филипомъ (O. Philip), выходятъ два раза въ мѣсяцъ.

Не берусь описывать всѣхъ художественныхъ произведеній, которыми наполненъ Мюнхенъ. Новый городъ богатъ превосходными постройками работы архитектора фонъ-Кленце; все — отъ Пинакотекы до казармъ — отличается необыкновеннымъ изяществомъ стиля. Музей Шванталера, на улицѣ, носящей его имя, заключаетъ модели всѣхъ произведеній этого знаменитаго ваятеля; его мастерская также открыта для всѣхъ. Двѣ Пинакотекы, Глиптотека, Базилика полны художественными сокровищами; статуя «Баварія», за городомъ, поражаетъ своею громадностью и изяществомъ; театръ здѣшній—лучшій въ Германіи и можетъ вмѣстить 2,000 зрителей; хрустальный дворецъ, назначенный для выставки, стоитъ до сихъ поръ безъ употребленія. Въ одномъ изъ отдѣленій Базара — родъ Палерояля, на площади Одеона — постоянный Kunstverein; здѣсь выставлены до 30 произведеній, которыя принадлежатъ кисти мюнхенскихъ художниковъ и переменяются еженедѣльно. Картины, которыя мнѣ случилось видѣть, показываютъ, что Баварія не бѣдна даровитыми живописцами.

Во время моего пребыванія въ Мюнхенѣ, толпы народа сходились смотрѣть на произведеніе русскаго художника, г. Коцебу. Его картина была выставлена въ теченіи нѣсколькихъ дней въ одномъ изъ домовъ на Amalienstrasse. Картина изображаетъ переходъ Суворова черезъ Чортовъ-мостъ и исполнена по заказу въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича. Художнику предстояло рѣшить трудную задачу сочетанія ландшафта съ историческою картиною, съ изображеніемъ лицъ; поражающія красоты швейцарской природы могли исключительно привлечь вниманіе зрителя и вредить впечатлѣнію изображеннаго событія. Художникъ вышелъ съ торжествомъ изъ затрудненія: ландшафтъ у него составляетъ какъ бы дополненіе къ картинѣ, на первомъ планѣ выступаетъ интересъ битвы, лица солдатъ; г. Коцебу говорить, что онъ помѣстилъ здѣсь портреты нашихъ воиновъ, которыхъ ему случилось видѣть, — и въ самомъ дѣлѣ солдатскія лица типичны. Произведеніе г. Коцебу на дняхъ отправляется въ Петербургъ, гдѣ, конечно, найдетъ цѣнителей. Небольшая комната, въ которой помещалась картина, была полна народа; я имѣлъ счастье видѣть здѣсь королеву баварскую.

Заговоривъ о картинахъ, не могу въ заключеніе не сказать о портретѣ Боденштедта, который я видѣлъ у него. Это — грудной портретъ въ натуральную величину, сдѣланный чернымъ карандашомъ.

Трудно представить себѣ, чтобы въ рисунокѣ карандашомъ можно было выразить столько жизни, придать лицу столько выраженія. Портретъ — работы Каульбаха, и въ такомъ совершенствѣ могъ быть сдѣланъ только имъ.

М. Капустинъ.

Р. S. Литературныя новости, которыя возбуждаютъ теперь интересъ въ Германіи, принадлежатъ къ иностранной беллетристикѣ. Это — новые романы Теккерея и Ж. Санда.

Въ *Memoirs of Bary Lyndon* Теккерей разказываетъ исторію одного Ирландца, который умѣлъ войти въ лучшіе дома Англіи и сдѣлаться мужемъ одной изъ самыхъ аристократическихъ дамъ Лондона. Сатирической талантъ автора «Пендениса» нашелъ обильную пищу въ изображеніи ирландскаго типа, человѣка безъ крѣпкихъ нравственныхъ убѣжденій, съ необыкновенною вкрадчивостью и смѣшною гордостью. Первая часть романа, гдѣ представлены воспитаніе Линдона и его приключенія — превосходны. Но дидактическая цѣль разказа, желаніе поучать читателей, заставила Теккерея придать роману трагической конецъ: угнетеніе жены, преслѣдованіе пасынка и наконецъ разореніе и гибель Линдона нарисованы чересчуръ яркими красками.

Романъ Ж. Санда «*La Daniella*» печатается въ фельетонѣ газеты *La Presse*. По первымъ девяти главамъ, которыя я прочелъ, нельзя еще произнести сужденія о романѣ, тѣмъ болѣе, что героиня его — итальянская субретка, въ услуженіи англійскаго семейства — едва только является на сцену. Дѣйствіе происходитъ въ Италіи и разказъ ведется въ формѣ писемъ. Мнѣ кажется, что такая форма очень хороша только въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо представить психологическую исторію дѣйствующихъ лицъ, иначе неизбѣжна излишняя длиннота и введеніе постороннихъ отношеній. Ж. Сандъ отчасти выкупаетъ этотъ недостатокъ художественнымъ описаніемъ Италіи и картиною англійскаго семейства, въ которомъ положеніе мужа, жены и племянницы возбуждаютъ живой интересъ. Какъ бы то ни было, нельзя не радоваться, что талантливая писательница оставила тотъ родъ произведеній, въ которомъ написанъ ея послѣдній романъ *Evapor et Leucippe*.

Гейдельбергъ.

16-го января, 1857 года.

ОТЪ ВѢНЫ ДО ФЛОРЕНЦІИ.

I.

Флоренція, 1856, декабря 16 (4).

Помнится, я началъ говорить, какъ мы бѣжали отъ зимы. Для сѣвернаго человѣка это обстоятельство имѣетъ особенный интересъ, и

и остановилось на немъ еще нѣсколько. Въ Вѣнѣ зима ни чѣмъ не дала намъ себя почувствовать, кроме довольно свѣжаго вѣтра, который дулъ съ окрестныхъ горъ. Мы и уѣхали отсюда при ясной погодѣ. Какъ извѣстно, отсюда идетъ желѣзная дорога до Лайбаха. Ожидаютъ, что къ веснѣ она доведена будетъ до самаго Триеста. Уже нѣтъ миль отъ Лайбаха впередъ были кончены, и тамъ ждали только прїѣзда императора, чтобы открыть ихъ для публики. Путь отъ Вѣны до Лайбаха беретъ почти столько же времени, сколько отъ Кѣнигсберга до Берлина. Мы выѣхали поздно вечеромъ. Вагоны были полны, такъ что съ трудомъ можно было найти мѣсто. Какъ кажется, ѣхало болѣе обыкновеннаго на югъ, по случаю готовившихся тамъ праздниковъ. Разумѣется, насъ не замедлили визитировать, чтобы просмотрѣть наши паспорта. Мы уже къ этому довольно привыкли. Въ здѣшнихъ вагонахъ я замѣтилъ одну особенность: это необыкновенно толстые и густые ковры, разостланные подъ ногами для теплоты. Нельзя не сказать спасибо за такое снисходительное вниманіе къ путешественникамъ. Всякій знаетъ по опыту, какъ много терпятъ ноги во время зимнихъ переѣздовъ. И мы скоро почувствовали, что особенно по той дорогѣ, по которой мы ѣхали, эта предосторожность вовсе не лишняя. Съ каждой станціи становилось все холоднѣе и холоднѣе. Рано на зарѣ, проснувшись отъ дремоты, мы увидѣли себя въ горахъ, на которыхъ лежалъ снѣгъ. Въ Грацѣ, гдѣ мы были утромъ, холодъ почувствовался еще больше. Тутъ была совершенная зима: снѣгъ на окружающихъ высотахъ, снѣгъ на крышахъ домовъ, снѣгъ на землѣ. Еслибы не горы кругомъ, можно было бы подумать, что мы у себя дома. Недаромъ господа, которые входили на промежуточныхъ станціяхъ, были тепло закутаны. Въ Штиріи вообще одѣваются теплѣе, чѣмъ въ сѣверной Германіи, и ранній снѣгъ здѣсь явленіе довольно обыкновенное. Онъ потомъ не покидалъ насъ до самаго Лайбаха. Но гораздо замѣчательнѣе эта дорога въ другомъ отношеніи. Право, если гдѣ есть мѣсто удивляться генію человека, побѣждающаго упорнымъ трудомъ природу, такъ это здѣсь. Горы почти не оставляютъ свободнаго пространства. Чѣмъ дальше впередъ, тѣмъ онѣ выше и круче, тѣмъ больше тѣснятся между собою, не оставляя дорогъ никакого прохода. Густыя, черныя, непроницаемыя скалы лежатъ одна надъ другою страшными громадами, и кажется, должны были бы привести въ отчаяніе работающія руки. Глазъ устааетъ слѣдить какъ эти массы, вздымаясь одна надъ другою, ставятъ взору и мысли одну преграду непреодолимѣе другой. Но дорога между тѣмъ идетъ вѣрно къ своей цѣли. Тамъ обогнетъ нависшую скалу, тамъ проберется узкимъ ущельемъ, тамъ наконецъ пробьется черезъ самую грудь скалы, хотя бы эта грудь занимала нѣсколько стадій. *И желѣзная лопата врыжетъ страшный путь* — припомнилось мнѣ. Не знаю, чего нужно было больше — капиталовъ, или терпѣнія, что-

бы пробить здѣшніе многочисленныя и одинъ другаго превосходящіе длиною туннели. Выѣхавъ изъ одного, вы думаете, что хоть немного выбрались на просторъ. Нисколько: скала еще тѣснѣе охватила васъ съ обѣихъ сторонъ, вершины ея еще мрачнѣе закутаны густыми облаками, и дорогѣ снова надобно пробивать себѣ путь подъ каменною массою, лежащею впереди, которая, кажется, готова посямѣться всѣмъ усиліямъ. Хорошо, если гдѣ встрѣтится долина рѣки; тогда дорога долго не оставляетъ ея, плотно жмется къ ея крайнему берегу и слѣдитъ за всѣми ея изгибами. Но тутъ другая бѣда: рѣка часто такъ близко подходитъ къ береговой скалѣ, что надолго не оставляетъ почти никакого пространства между ею и своимъ теченіемъ. Тогда дорогѣ не остается ничего болѣе, какъ переброситься на другую сторону, или перекинуть себѣ мостъ чуть не надъ пучиною, и идти потомъ по другому берегу, пока не встрѣтится еще такое же препятствіе. Такъ долго вѣтся лайбахская дорога по теченію Савы, перебѣгая съ одного берега на другой. Кругомъ идетъ та же непроницаемая стѣна скалъ, а по серединѣ рѣки величаво перекатываетъ свои бѣловатыя волны.

Когда наконецъ, проѣхавъ все это пространство, очутишься въ широкой лайбахской равнинѣ и выйдешь изъ вагона, то невольно тянетъ еще разъ оглянуться назадъ, на оставленные позади хребты смѣжныхъ горъ, и отдать должную дань удивленія совершенію одного изъ великихъ произведеній человѣческаго труда, просвѣщеннаго современною мыслию. Еслибы только новая Австрія не видѣла для себя всего спасенія въ развитіи матеріальнаго благосостоянія!

Лайбахъ былъ для насъ невольною и потому очень непродолжительною станціею. Мы нашли въ немъ тотъ же свѣгъ, да еще съ прибавленіемъ весьма непріятной холодной сырости, и едва отыскали мѣсто, гдѣ бы пріютиться на ночь. Въ ожиданіи проѣзда императора, въ Лайбахъ наѣхало столько гостей, что всѣ гостиницы полны народа. Намъ пришлось заплатить дорожѣ вѣнскаго. Все это вмѣстѣ отбило у насъ охоту знакомиться съ городомъ короче. Помню только, что изъ нашихъ оконъ видна была старая крѣпость на возвышеніи, что не подалеку отъ насъ шла улица съ надписью «Slonovie ulice», да еще какъ ѣхать отсюда, я забѣжалъ взглянуть на такъ-называемую площадь Конгресса. По счастью, изъ Лайбаха можно каждый день отправляться въ Триестъ съ частнымъ дилижансомъ, который дѣлаетъ эту дорогу часовъ въ шестнадцать. Мы ѣхали большею частію ночью, но свѣтилъ полный мѣсяцъ, и можно было видѣть, что мы все больше и больше забирались въ снѣга и горы, чтобы потомъ, раннимъ утромъ, вдругъ спуститься къ Триесту.

Въ Триестѣ ищешь прежде всего Италию, и она скоро даетъ себя чувствовать шумнымъ говоромъ и крикомъ на улицахъ и этою особенною живостію движеній, при всякой сдѣлкѣ и даже простомъ раз-

говорѣ, которой такъ замѣтно не достаетъ Германіи. Съ нѣмецкимъ языкомъ здѣсь не далеко пойдешь. Еще вамъ отвѣтять можетъ-быть въ лавкѣ, въ гостинницѣ, но на улицѣ, или на рынкѣ едвали вы будете такъ счастливы. Бросается также въ глаза, что жизнь какъ-то просится здѣсь изъ домовъ наружу, прямо по итальянски. Кучи южныхъ плодовъ на рынкахъ и чуть не на каждомъ перекресткѣ также говорятъ о близости Италіи. Но главное, что здѣсь уже пахнетъ Италіей... Ходя по триестскимъ улицамъ, ее такъ—сказать слышишь чутьемъ. Сначала я никакъ не могъ догадаться, въ чемъ дѣло, но скоро видъ курящихся жаровень объяснилъ мнѣ загадку: таинственный запахъ происходилъ отъ печеныхъ каштановъ,—а гдѣ онъ есть, тамъ мгновенно переносишься чувствомъ въ Италію. Но городъ такъ правиленъ: онъ весь почти состоитъ изъ прямыхъ улицъ, которыя отъ горъ имѣютъ направленіе къ пристани, и изъ другихъ, которыя перерѣзываютъ ихъ подъ прямыми углами. Но въ городѣ такъ холодно: хотя на окружающихъ его высотахъ и нѣтъ снѣга, но съ нихъ постоянно дуетъ холодный вѣтеръ, такъ что самое солнце мало пригрѣваетъ. Нѣтъ, это еще не Италія. Но какъ выговорить это, когда то—и—дѣло встрѣчаешь какое-нибудь производство, которое почти вышло вонъ изъ лавки на улицу со всѣми своими аппаратами, в чуть не на каждомъ шагу встрѣчаешь какѣ? Мы застали Триестъ также въ приготовленіяхъ къ пріѣзду высокихъ гостей. Надобно было поскорѣй запасть мѣстами на пароходъ. Ллойдовскіе ходятъ отсюда каждый день въ Венецію. Но записываясь надобно отдать паспорта, а паспорта отобраны были передъ въѣздомъ въ городъ, стало—быть надобно напередъ выручить ихъ оттуда. Да кстати надобно также обмѣнять остающіяся у васъ бумажныя (Національнаго Австрійскаго банка) деньги, всѣ эти 10, 5 гульденныя и крошечныя лоскутки бумаги въ 30, 20 и даже 10 крейцеровъ, выпущенныя въ Венгріи во время инсurreкціи,—надобно, говорю, обмѣнять на итальянскія или французскія, потому что тѣ нейдутъ далѣе Триеста.

Порывистый вѣтеръ дулъ всю ночь; можно было ожидать на другой день очень дурной погоды. Ничуть не бывало. Рано утромъ мы преспокойно взошли на пароходъ. Скоро онъ наполнился народомъ: все это были — *l'after Offisiere*, переезжавшіе, по случаю все тѣхъ же готовившихся праздниковъ, изъ Триеста въ Венецію. Сначала было очень холодно: всѣ кутались, кто во что случилось; но скоро поднялось солнце и обогрѣло самыхъ зябкихъ. Небо было ясно, какъ въ самый великолѣпный лѣтній день. Небольшое волненіе, которое было въ началѣ плаванія, скоро утихло. Нашъ переѣздъ превратился въ пріятнѣйшую прогулку по морю. Черезъ 6 или 7 часовъ передъ нами нарисовался вдали воздушный очеркъ Венеціи.

Тому почти нельзя желать лучшаго убѣжища, кто бѣжитъ отъ зямы. Суровое дыханіе ея не чувствуется здѣсь даже во второй по-

ловинѣ ноября. Каждый день, какъ ни встанешь, ясное, свѣтлое небо. Утромъ еще свѣжо на улицѣ, но къ полудню солнце начинаетъ ужъ обогрѣвать. Потомъ, вплоть до заката, вы чувствуете совершенный комфортъ, особенно на большой набережной, которая идетъ мимо дворца дождей къ публичнымъ садамъ. Тутъ можно совсѣмъ забыться. Столы и стулья, выставленные у дверей многочисленныхъ кафе, приглашаютъ васъ оставаться наружи. Тутъ солнце грѣетъ, какъ у насъ въ августъ. Море голубою пеленою стелется подлѣ васъ, но отъ него не вѣетъ ни холодомъ, ни сыростію; смотря на его ясную, спокойную поверхность, по которой рыскаютъ въ разныхъ направленіяхъ проворныя гондолы, думаешь видѣть передъ собою лѣто. И вѣтерокъ, который дулъ утромъ, совсѣмъ стихъ; на набережной тепло и сухо; толпы людей проходятъ передъ вами въ ту и другую сторону; кругомъ не слышатся громкіе голоса мелкихъ торговцевъ; отодвинувъ вашъ кофе, вы преспокойно погружаетесь въ газету, потомъ въ другую, и т. д. Только вечеромъ надобно забираться внутрь кафе. Площадь Марка и набережная ими усыпаны. Вечеромъ онѣ смотрятъ особенно привлекательно. Въ нихъ свѣтло и приятно. За то вплоть до ночи онѣ набиты посѣтителями. Можно также идти въ театръ. Ихъ здѣсь нѣсколько. Нельзя было пожалѣть довольно, что представленія въ театрѣ Fenice были на время пріостановлены, и мы не дождались ихъ возобновленія. А Венеціане говорили намъ о нихъ съ гордостію. Имъ можно повѣрить, когда дѣло идетъ объ оперѣ. Итальянца нельзя удовлетворить посредственнымъ исполненіемъ. Намъ называли особенно тенора Мальвецци, примадонну Альбертини и не помню еще кого. О Мальвецци здѣсь говорятъ какъ о первоклассномъ артистѣ. Назадъ тому десять лѣтъ—помню—въ Fenice пѣла Крувелли, которая теперь уже сошла со сцены. Едва ли не прямо изъ Fenice она перешла на парижскую сцену. За невозможностію слышать лучшее, надобно было довольствоваться тѣмъ, что есть. Театръ Apollo выходитъ почти къ Canale Grande, не подалеку отъ Rialto. На немъ даетъ представленія другая труппа. Билеты можно получать на площади Санъ-Марко, гдѣ для того посажено нѣсколько «сидѣльцевъ» съ ящиками. Спектакль начинается не ранѣе, какъ въ половинѣ десятаго. На тотъ разъ давали Севильскаго Цирюльника. Мы взяли ложу въ родѣ бенуара, за которую заплатили что-то въ родѣ двухъ рублей серебромъ. Вошли въ театръ: холодно и темно; но вотъ онъ начинаетъ наполняться, свѣту прибавили, заиграла музыка, и мы не только не имѣли повода раскисаться, но не прочь были бы, пожалуй, и еще разъ повторить то же удовольствіе. Теноръ, правда, не много поизносился, но Фигаро—Червенти—былъ положительно хорошъ, и Розина—Кьярамонте—нѣсколько разъ вызвала вполне заслуженныя рукоплесканія. Это называется у нихъ—думали мы про себя—второстепеннымъ театромъ; объ этомъ театрѣ они почти не говорятъ...

По многимъ причинамъ правъ прусскій консулъ (онъ же и бак-киръ) въ Венеціи, который говорилъ намъ, что, проживши здѣсь много лѣтъ, не понимаетъ, какъ можно жить въ другомъ мѣстѣ. И насъ соблазняло остаться на зимніе мѣсяцы въ Венеціи. Онъ же говорилъ намъ, когда мы дивились кротости венеціанскаго климата, что однако въ Венеціи даже въ январѣ рѣдко бываетъ такъ холодно, какъ теперь.—И такъ мы желали... Но для Венеціи также наступила очередь праздниковъ, дѣлались приготовления къ иллюминаціи, со всѣхъ сторонъ съѣзжались въ нее гости, квартиры дорожали. Все это долго было расположить насъ къ продолженію нашего пути, по крайней мѣрѣ до Флоренціи. Но не легко разставанье съ Венеціею. Оно, какъ извѣстно, происходитъ въ Местре. Здѣсь сначала проходятъ черезъ руки таможенныхъ чиновниковъ ваши чемоданы (за снисходительный осмотръ платится одинъ цванцигеръ). Потомъ, въ другомъ углу, обшариваются ваши дорожные мѣшки. Наконецъ въ третьемъ отдѣленіи просматриваются и прописываются ваши паспорта. За тѣмъ уже пропускаютъ васъ къ дебаркадеру. Чтò это? думаете вы, садясь на мѣсто, — неужто Венеціа все еще въ осадномъ положеніи? — Тутъ только вспомнилъ я, что слѣдовало бы поискать въ Венеціи слѣдовъ тѣхъ событій, которыя она пережила послѣ 1848. Но они не попадались на глаза, стало-быть ихъ и не осталось много.

II.

Нѣтъ, и Венеціа еще не Италия: она должна считаться сама по себѣ. Мы почувствовали это тотчасъ, какъ только поѣздъ двинулся изъ Местре, по направленію къ Падуѣ. Было 22-го ноября н. ст. Та же ясность неба, та же прозрачность воздуха, чтò въ тотъ день, когда мы дѣлали нашъ переѣздъ изъ Триеста въ Венецію. Но какая несравненная кротость и мягкость въ этомъ воздухѣ! Какъ весело смотреть солнце въ открытыя окна вагона! Да чтѣмъ же даетъ чувствовать здѣсь себя хоть поздняя осень? Вправо отъ насъ тянулись снѣжные громады Альповъ, ограничивающихъ съ сѣвера верхнюю Италію: но передъ нами лежала обширная ломбардская равнина, гладкая, просторная, усаженная деревьями. И—цвѣтущая? Нѣтъ, конечно: это было бы ужъ слишкомъ много. Но на ней еще было такъ много зелени, и на деревьяхъ такъ много листьевъ, что она походила на садъ, который только что начинаетъ вянуть. Деревья стройными рядами тянулись въ разныхъ направленіяхъ, то подходя къ дорогѣ перпендикулярно, то наискось. Дальше нельзя было разобрать ихъ направленій: они сливались въ общую чашу, и только изъ-за вершинъ ихъ проглядывалъ то высокій домъ съ крышею, почти горизонтальною, то улетающая въ небо тонкая колокольня. Въ промежуткахъ между деревьями ходили пары воловъ, влача за собою плугъ. Осеннія сель-

скія работы были въ полномъ ходу. На станціяхъ подносили, вмѣстѣ съ кофе и лимонадомъ, виноградъ и другіе плоды. За Падуей равнина получила нѣсколько другой видъ. Вдали показались слѣва Апеннины; отроги ихъ скоро подошли ближе къ дорогѣ. Земля захолипла; дали поднялись и раскинулись живописно въ разныхъ направленіяхъ. Вдругъ можно было охватить глазомъ нѣсколько склоновъ, одинъ разнообразнѣе другаго, и въ промежуткахъ ихъ—селенія, монастыри, виллы, отдѣльные домики. Своею бѣлизною они ярко отдѣлялись подъ блескомъ полуденнаго солнца отъ общаго фона. Желаніе мое сбылось. Мнѣ много говорили объ осенней Италіи; мнѣ особенно хвалили золотистый колоритъ ея въ эту пору года. Я боялся опоздать: чего можно было ожидать отъ поздняго ноября, считая по здѣшнему? Но Италія еще держалась въ своемъ осеннемъ уборѣ. Зеленый цвѣтъ на деревьяхъ почти вездѣ уступилъ мѣсто темно-желтому. Такой видъ имѣютъ всѣ предгорья, всѣ склоны горы, покрытыя разбросанными по нимъ деревьями; таковъ можно сказать и общій видъ страны въ эту пору. Здѣсь лѣсъ, какъ видно, не спѣшитъ ронять багряный свой уборъ... Еще солнце смотрѣло изъ-за горъ, когда мы подѣхали къ Веронѣ. Я почти не узналъ ея. Или память мнѣ изменила, или въ самомъ дѣлѣ число защищающихъ ее фортовъ значительно умножилось. Они разставлены кругомъ по горамъ, на далекомъ разстояніи, одинъ выше другаго. *И настроитъ дымныхъ келий по ущельямъ горъ* — припомнилось мнѣ. Этими съ каждымъ годомъ умножающимися дымными кельями прошедшее отстаиваетъ свои права на Италію противъ ея будущаго. Нельзя было безъ грусти проѣхать этими мѣстами: такъ много рушилось здѣсь прекрасныхъ надеждъ! Но они мало-по-малу исчезали отъ нашихъ глазъ, скрываясь подъ завѣсою наступавшей ночи. Нашъ путь лежалъ на Мантую. Я выбралъ эту дорогу, частію чтобы сократить ее, частію чтобы разнообразить. Но, противъ нашего желанія, Мантуя почти ушла отъ насъ. Уже совсѣмъ смерклось, когда мы вышли изъ вагона; но дорога не доходитъ вплоть до города: надобно еще ѣхать мили двѣ въ омнибусѣ. Васъ везутъ по длинному мосту, вы проѣзжаете потомъ крѣпостныя ворота въ родѣ туннеля... За тѣмъ, какъ водится, приступаютъ къ отбору вашихъ паспортовъ. Напрасно вы говорите, что не намѣрены здѣсь оставаться, что хотите въ самомъ скоромъ времени отправляться далѣе съ первымъ дилижансомъ. Вамъ отвѣчаютъ, что паспорта ваши все-таки останутся въ полиціи, и что вы все-таки должны будете послать за ними лондинера. Право неприятно, друзья, почувствовать себя въ австрійской крѣпости. У меня сначала было намѣреніе познакомиться съ Мантуей поближе, взглянуть на постройки Джуліо Романо, которыхъ здѣсь такъ много. Но первыя впечатлѣнія по пріѣздѣ отбили у меня охоту. На улицахъ темно; они чуть освѣщаются тусклыми огоньками фонарей; оттого

улицы большею частію пусты вечеромъ. На бѣду дилижансъ отходить только въ самую полночь. Куда дѣвать остающееся время? Я пробовалъ знакомиться съ городомъ ночью. По счастію гостинница находится на самой бойкой улицѣ. Здѣсь по крайней мѣрѣ есть свѣтъ отъ магазиновъ и кафе. И тѣхъ и другихъ здѣсь очень много. Дома большею частію съ крытыми галереями, какъ въ Болоньѣ. Такъ дошелъ я до Собора и могъ видѣть въ полумракѣ его общій очеркъ. Любопытство увлекло меня потомъ въ противоположную сторону. Выжу болѣе другихъ освѣщенное зданіе съ нѣсколькими выходами наружу; читаю прибитую около дверей афишу: здѣсь — опера, и даютъ *Отелло*.... Какая досада!

Выбирая путь на Мантую, я, признаюсь, всего менѣе имѣлъ въ виду Болонью. Отъ моихъ прежнихъ воспоминаній о ней не осталось много пріятнаго. Мнѣ, напротивъ, очень живо рисовалась Парма; мнѣ хотѣлось еще разъ взглянуть на чудеса кисти Корреджіо, которыми она такъ богата, на Франчіо, который здѣсь превзошелъ самъ себя, и пр. Но въ Мантуѣ отрицательно качаютъ головою, когда спрашиваешь о дорогѣ черезъ Парму. Можетъ-быть туда надо ѣхать съ *сеттурино*; но дилижансъ идетъ на Болонью. Хочешь или не хочешь, а надобно ѣхать черезъ Папскія Владѣнія, хотя бы вы и не думали оставаться въ нихъ. Это значило, что *passaporti* должны быть положены опять какъ можно поближе, и сверхъ того приготовлены нѣкоторыя вспомогательныя средства. Папская полиція не то что австрійская: она смотритъ на этотъ вопросъ больше съ меркантильной точки зрѣнія. Васъ пожалуй не придутъ беспокоить въ дилижансѣ: поручите все кондуктору, и вы можете оставаться спокойны, а онъ послѣ представитъ вамъ счетъ...

Но подѣ этимъ чуднымъ небомъ и свѣтомъ какой городъ не покажется хорошъ! Мы подѣѣхали къ Болоньѣ подѣ вечеръ. Она лежала передъ нами облитая золотистыми лучами. Ея башни и церкви рисовались на чистомъ небѣ. Возвышенія по сторонамъ ея смотрѣли какъ-то по лѣтнему. Поздняя осень немного измѣняла себѣ лишь своею желтизною. Былъ праздничный день. Длинное предмѣстіе, которое ведетъ къ Болоньѣ со стороны Романьи (здѣсь оканчивается и самая романская равнина), было полно народа. Никто не сидѣлъ затворившись у себя дома: всѣ повышли на улицу, кто поболтать съ сосѣдомъ, кто позѣвать на проѣзжающихъ. Тутъ всѣ донны расчесывали свои длинные волосы, считая, вѣроятно, праздничный день особенно удобнымъ для того. Въ самомъ городѣ, какъ всегда, очень много движенія: особенно на площади и рынкѣ Санъ-Петроніо и на примыкающихъ къ нему улицахъ. Тутъ всегда почти найдешь цѣлыя толпы народа; крикъ и шумъ не прекращаются; со всѣхъ сторонъ раздаются выкликающіе голоса. Намъ хотѣлось тотчасъ поѣхать далѣе, но мѣста въ дилижансѣ были заняты, и намъ пришлось

дожидаться болѣе сутокъ и волею или неволею еще знакомиться съ Болоньею. При подробномъ знакомствѣ съ нею, она выигрываетъ въ оригинальности, но еще больше теряетъ въ благовидности. Грязна и неопрятна такъ, что приходится часто отвращиваться. При этомъ для такого большого города мостовые могли бы быть гораздо получше и не напоминать нашихъ сѣверныхъ. Чтобы напримѣръ отъ Бруновской отели (гдѣ мимоходомъ сказать, можно имѣть отличный обѣдъ за общимъ столомъ) дойти пѣшкомъ до Академіи Художествъ, надобно порядочно изломать ноги. Это безспорно лучшее, что можно видѣть въ Болоньѣ. Отъ перваго знакомства съ здѣшнею галлереею у меня немного осталось въ памяти. Возобновивъ его, я нашелъ, что лишній день, проведенный въ Болоньѣ, не есть потерянный. Ужъ конечно особенности мѣстной школы нигдѣ не выступаютъ такъ ярко, какъ здѣсь. Не богатая творчествомъ, она впрочемъ привлекаетъ къ себѣ то колоритомъ, то рисункомъ. И то и другое часто удавалось Болонцамъ — больше впрочемъ Гвидо, чѣмъ Доменикино. Избіеніе младенцевъ перваго конечно принадлежитъ къ числу самыхъ счастливыхъ его произведеній. Но меня больше всего занималъ здѣсь Инноченцо да-Имола. Изъ современниковъ и учениковъ Рафаэля едва ли кто еще усвоилъ себѣ въ такой степени его манеру и самую прелесть его рисунка. Чтобы оцѣнить этого художника, надобно непременно видѣть его въ Болоньѣ. Но я нигдѣ не вижу, чтобы болонская школа гдѣ-нибудь возвысилась до самостоятельной идеи, и «Мученичество Петра» кисти Доменикино, какъ прежде, такъ и на этотъ разъ, показалось мнѣ въ дѣлѣ творчества бѣднѣе и скуднѣе даже многихъ современныхъ ему произведеній. Нѣтъ, пора творчества прошла невозвратно, когда наступилъ цвѣтъ болонской школы: ей досталось блистать не выраженіемъ, не энергіею, а развѣ внѣшними отличіями, которыя и удались ей неоспоримо. Чтò хотите, а по моему съ XVII вѣка нѣтъ болѣе творчества, то-есть истинной производительности въ искусствѣ.—Кстати еще одно замѣчаніе о Болоньѣ: кто сказалъ (а я помню, что я даже читалъ объ этомъ въ Москвѣ), что Австрійцы *очистили* Болонью? Ничуть не бывало: они до сихъ поръ преспокойно расхаживаютъ по ея улицамъ и занимаютъ самые важные посты. Не то чтобъ отъ того Болонья могла стать опрятнѣе, но надобно говорить настоящее дѣло. Здѣсь точно найдете вы и папскую полицію и папскихъ жандармовъ; но это отнюдь не исключаетъ австрійскаго гарнизона. И если вы, напримѣръ, желаете по добру по здорову выбраться изъ Болоньи, то вамъ надобно вѣдаться и съ тѣми и съ другими. Я это испыталъ на себѣ. Чтобы выручить наши паспорта, я долженъ былъ сначала отправиться въ папскую полицію. Тамъ ихъ записали со всею аккуратностію, взяли съ нихъ небольшой оброкъ и потомъ отправили меня—въ палаццо Бачокки, гдѣ помѣщается австрійское военное управленіе. Тамъ прописали насъ еще разъ и—не взяли никакого оброка.

III.

Чуть ли я ужъ не потерялъ нить моихъ болтливыхъ разказовъ. Позвольте: кажется, нашею послѣднею станціею была Болонья?—съ пріятностію думается, что мы уже не въ ней болѣе, а во Флоренціи. Когда-то, впрочемъ, мнѣ случилось сдѣлать путь изоборотъ: изъ Флоренціи въ Болонью. Только, или мы ѣхали тогда ночью и я много спалъ дорогою, или дорога была совсѣмъ не та, которою случилось намъ проѣзжать теперь, держа путь на Флоренцію. По крайней мѣрѣ та совсѣмъ изгладилась изъ моей памяти, а эта кажется, останется въ ней навсегда. Точно, въ конторѣ дилижансовъ названы двѣ дороги—одна черезъ Филигаре, другая—право не запомню, черезъ какое мѣстечко или городокъ. Знаю одно, что кто ѣдетъ на Филигаре, тотъ не будетъ много дремать дорогою. Рѣчь тутъ совсѣмъ не объ опасностяхъ. Рано утромъ, часа за два до разсвѣта, среди глубокаго мрака, освѣщеннаго лишь фонаремъ здороваго факкина, вы садитесь въ дилижансъ и отправляетесь въ дорогу. Во Флоренцію вы пріѣзжаете поздно вечеромъ, часа черезъ два послѣ заката, также среди темноты, которая подъ конецъ лишь немного разсѣвается свѣтомъ фонаря таможеннаго осматрщика, останавливающаго васъ при вѣздѣ во Флоренцію. Такимъ образомъ вы имѣете большую черную раму, въ которую вставлено весьма разноцвѣтное содержаніе. И въ самомъ дѣлѣ, проснувшись на ранней зарѣ, вы уже видите, что равнина осталась за вами, и впереди начинаются возвышенія. Передъ вами лежатъ Апеннины, и вамъ предстоитъ переѣздъ черезъ нихъ, который своими подъемами и спусками незаѣтно наполнитъ весь вашъ день. Солнце взошло на чистомъ горизонтѣ, не закрытое ни однимъ облакомъ, и освѣтило передъ вами цѣлые ряды горъ, которые вправо отъ васъ замыкаются снѣжными вершинами. Вотъ начинается и подъемъ, сначала довольно отлогій. Вы доѣзжаете до незначительной высоты, гдѣ мѣняете лошадей, дѣлаете небольшой спускъ, огибая гору, и потомъ опять начинаете новый подъемъ. Но онъ становится все круче и круче; вы сомнѣваетесь, чтобы четыре ваши коня могли вывезти такой тяжелый экипажъ... Но именно на томъ пунктѣ, гдѣ начались ваши сомнѣнія, ожидаетъ васъ пара добрыхъ воловъ съ погонщикомъ, проворно впрягаются въ вашъ экипажъ и мѣрнымъ, но вѣрнымъ шагомъ втаскиваетъ его на новую высоту. Отсюда вамъ открылся новый горизонтъ; ряды горъ, которые, казалось, такъ тѣсно лежали другъ подлѣ друга, разошлись на дальнее разстояніе и оставили въ промежуткѣ между собою огромный пейзажъ изъ разнаго рода скатовъ, рѣдко крутыхъ и суровыхъ, большею частію довольно мягкихъ, но всегда почти нѣсколько печальныхъ, въ грустной осенней одеждѣ. А солнце такъ

и блещеть, обливая своимъ свѣтомъ горы, проникая въ долины. Ярко рисуются сельскіе домики, разбросанные по склонамъ. Смотря черезъ глубокую лощину съ одной горы на другую, вы уже различаете слѣды, недавно проведенные на ней плугомъ. Солнце близко къ полудню, и даже грустный темно-желтый цвѣтъ горъ и склоновъ какъ-будто становится веселѣе. Лишь тамъ, на дальнихъ вершинахъ, впереди, скопляются бѣлыя облака. Но они остаются неподвижны на своемъ мѣстѣ. Они не закроютъ намъ солнца, и мы вѣрно уйдемъ отъ этихъ горъ куда-нибудь въ сторону. Такъ думали мы, огибая еще одно возвышеніе, а насъ уже ждалъ впереди новый, еще болѣе крутой подъемъ вверхъ, и двѣ добрыя пары воловъ готовились дать вѣрность нетвердому шагу лошадей и помочь имъ втащить тяжелый экипажъ. Безъ вола здѣсь ничего не сдѣлаешь. Онъ можетъ-быть лѣниво идти впередъ, но твердо и не останавливаясь. За него не бойтесь: онъ не покатитъ вашей кареты назадъ, и хоть не скоро, но здорово дойдетъ до того мѣста, гдѣ можно безопасно остановиться. По видимому вы поднялись лишь на столько же, на сколько спустились передъ тѣмъ. Но стоитъ взглянуть на облака, видѣнныя вами впереди: они не только приблизились къ вамъ, но и какъ-будто попустились... Вы уже различаете, какъ они ползаютъ по верхушкамъ горъ и цѣпляются за выдавшіяся скалы. Между тѣмъ вновь открывшаяся передъ вами глубокая долина лежитъ какъ-будто гораздо ниже всѣхъ прежде видѣнныхъ. — Еще небольшой скатъ, и опять подъемъ; но этотъ послѣдній какъ-будто не хочетъ кончиться. Мы все собираемся вверхъ; только что отвели однихъ воловъ, какъ припрягаютъ другихъ. Дорога жметъся одною стороною къ круто-поднимающейся надъ нею вершинѣ, которая здѣсь кажется болѣе обнажена, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Странно: солнце, которое до сихъ поръ не измѣняло намъ, начинаетъ закрываться густымъ туманомъ. Не освѣщаемая болѣе его лучами наша дорога становится вдругъ сурова и печальна. Туманъ все больше и больше свивается въ клубки и ползетъ сверху къ самой дорогѣ... Становится сыро и холодно; пріятная долина внизу мало-по-малу совсѣмъ исчезаетъ изъ виду. Но вотъ, кажется, подъемъ нашъ кончился: мы добрались до ровнаго мѣста на нашемъ возвышеніи. За чѣмъ же вдругъ слѣва у насъ, на самой почти каймѣ дороги, протянулась толстая каменная стѣна? За чѣмъ она здѣсь выведена? кого и отъ чего назначена защищать? Латинская надпись гласитъ, что стѣна выведена здѣсь на пользу «viatoribus», чтобы защитить ихъ отъ дующихъ тутъ сильныхъ вѣтровъ. И въ самомъ дѣлѣ, изъ образовавшагося у насъ справа темнаго междугорія понесло вдругъ такимъ туманомъ, такимъ сырымъ холодомъ, что даже сидя въ экипажѣ надобно было призакутаться. Скоро туманъ превратился почти въ дождь; кругомъ сѣро, непріятно и почти ничего не видно. Вдругъ

мы очутились среди самой суровой, непривѣтливой осени. Такъ продолжалось сполчаса. Дождь опять перешелъ въ туманъ, туманъ въ свою очередь рѣдѣлъ. Мы и не замѣтили, какъ начался новый спускъ. Когда мы были на половинѣ его, изъ-подъ шапки нависшаго надъ нами тумана вдругъ проглянула необъятная даль, опять съ горами, съ долинами, со скатами разныхъ формъ, и, какъ подъ дымякою, нарисовались передъ нами въ нѣсколько рядовъ, одинъ выше другаго, нѣсколько чудесныхъ пейзажей, озолоченныхъ лучами вечерняго солнца. Цвѣта перемѣнялись, картины переставлялись, задвигались и снова открывались нашему изумленному глазу. На этотъ разъ спускъ нашъ продолжался долѣе обыкновеннаго. Мы въ самомъ дѣлѣ глубоко съѣхали внизъ. Туманъ, висѣвшій надъ нашими головами, исчезъ, но исчезли также и волшебныя картины, манившія насъ издали. Солнце скрылось за горами; накрывала вечерняя темнота, но передъ сумракомъ еще можно было различить ряды стройныхъ кипарисовъ, стоявшихъ близъ дороги и возвѣщавшихъ близость Флоренціи...

П. Кудрявцевъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Въ нашемъ послѣднемъ Обозрѣніи мы представили читателямъ, вмѣстѣ съ краткимъ телеграфическимъ извѣстіемъ о разрѣшеніи несогласій между Пруссіею и Швейцаріею, подробное изложеніе переговоровъ по нешательскому вопросу до перваго созванія Швейцарскаго союзнаго сейма. Читателямъ извѣстно, что съ тѣхъ поръ возвратился изъ Парижа въ Бернъ швейцарскій уполномоченный докторъ Кернъ, съ новыми предложеніями, побудившими союзный совѣтъ вторично обратиться къ союзному сейму съ новымъ посланіемъ, составленнымъ 12-го января. Въ послѣднихъ числахъ декабря, сказано въ посланіи, швейцарскій посланникъ въ Парижѣ прибылъ въ Бернъ, по совѣту императора Французовъ, выразившаго ему на аудіенціи полное желаніе содѣйствовать миролюбивому рѣшенію нешательскаго вопроса

за одно съ Англіею, и совѣтовалъ отправиться въ Бернъ, чтобъ условиться съ союзнымъ совѣтомъ. Англійскій посланникъ въ Парижъ, лордъ Каудей, также объявилъ ему о дружественныхъ намѣреніяхъ британскаго правительства относительно Швейцаріи и также совѣтовалъ отправиться въ Бернъ за новыми инструкціями. Эти инструкціи состоялись въ слѣдующемъ смыслѣ:

«Союзный совѣтъ готовъ, съ своей стороны, предложить союзному сейму полную амністію и освобожденіе заключенныхъ роялистовъ, даже прежде суда надъ ними, но съ тѣмъ условіемъ, что ему будутъ доставлены болѣе положительныя увѣренія относительно независимости нештательскаго кантона, чѣмъ тѣ, которыя заключаются во французской нотѣ отъ 26-го ноября». Вмѣстѣ съ тѣмъ въ инструкціяхъ было сказано, что арестованные роялисты должны выѣхать изъ Швейцаріи или, по крайней мѣрѣ, изъ нештательскаго кантона, впрѣдъ до окончательнаго разрѣшенія спорнаго вопроса. Швейцарское правительство выразило желаніе, чтобы и Англія представила тѣ же увѣренія, какія будутъ даны Франціею.

Важность этого дѣла побудила швейцарское правительство ввѣрить новыя инструкціи чрезвычайному послу при императорѣ Французовъ. Выборъ союзнаго совѣта палъ на доктора Керна, члена союзнаго сейма, давно и лично извѣстнаго императору Французовъ. Онъ отправился въ Парижъ 31-го декабря вечеромъ и былъ принятъ тамъ съ тѣмъ же радушіемъ, которымъ былъ такъ доволенъ прежній чрезвычайный посолъ, генералъ Дюфуръ. Послѣ серіозныхъ совѣщаній съ самимъ императоромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Валуевскимъ, онъ передалъ послѣднему ноту отъ 4-го января, въ которой были изложены вышеупомянутыя условія швейцарскаго правительства, съ слѣдующимъ дополненіемъ:

«Дабы союзный сеймъ нельзя было подозрѣвать въ томъ, будто онъ обсуживаетъ дѣло подъ вліяніемъ угрозы, Пруссія должна воздержаться отъ всякой новой военной демонстраціи, пока не состоится рѣшеніе союзнаго сейма.

«Еще важнѣе для швейцарскаго правительства получить удостовѣреніе въ томъ, что по освобожденіи нештательскихъ роялистовъ, Пруссія уже не приступитъ къ непріязненнымъ мѣрамъ относительно Швейцаріи.

«Промежуткомъ времени отъ освобожденія нештательскихъ роялистовъ до окончательнаго разрѣшенія дѣла долженъ быть возможности сокращенъ. Съ этою цѣлью необходимо предупредить предварительными мѣрами возникновеніе всего того, что могло бы замедлить открытіе переговоровъ, которые должны начаться тотчасъ по провозглашеніи амністіи.»

Отвѣтъ французскаго правительства полученъ 5-го января: въ немъ одобрены всѣ швейцарскія предложенія, и по этому поводу сказано,

что «правительство императора обязывается употребить всѣ усилія, во освобожденіи нешательскихъ роялистовъ, въ пользу соглашенія, соответствующаго желаніямъ Швейцаріи и упрочивающаго полную независимость Нешательскаго кантона отреченіемъ короля Прусскаго отъ правъ на этотъ кантонъ, предоставленныхъ ему трактатами.»

7-го января швейцарскій посланникъ въ Парижъ получилъ ноту англійскаго посланника, лорда Каулея, въ которой сказано, что если швейцарское правительство рѣшится безъ суда освободить нешательскихъ роялистовъ, то правительству англійское, вмѣстѣ съ французскимъ, постарается склонить короля Прусскаго къ признанію независимости Нешательскаго кантона. Лордъ Каулей присоединилъ однако, что британское правительство никакъ не ручается за то, что старанія его въ этомъ смыслѣ увѣнчаются успѣхомъ. Это замѣчаніе объясняется тѣмъ, сказано въ посланіи союзнаго совѣта, что Пруссія дѣлала свои предложенія Франціи, а не Англій.

Другія державы, подписавшія извѣстный Лондонскій протоколъ, въ свою очередь совѣтовали Швейцаріи освободить нешательскихъ роялистовъ, общая содѣйствовать окончательному разрѣшенію нешательскаго вопроса, согласному съ желаніями Швейцаріи.

Посланіе союзнаго совѣта оканчивается изъявленіемъ полного довѣрія къ результату предстоящихъ переговоровъ по нешательскому вопросу. Къ посланію было присоединено слѣдующее предложеніе союзнаго совѣта сейму :

«Союзный сеймъ, выслушавъ докладъ союзнаго совѣта по нешательскому вопросу, въ силу принадлежащихъ ему верховныхъ правъ постановляетъ:

«*Статья 1.* Процессъ, по которому начато слѣдствіе 4 сентября, по случаю возстанія $\frac{2}{3}$ сентября 1856 года, въ Нешательскомъ кантонѣ, отмѣняется.

«*Стат. 2.* Лица, объявленныя подсудимыми въ силу постановленія обвинительной палаты, состоявшагося 5-го сентября 1856 года, должны выѣхать изъ Швейцаріи, пока нешательскій вопросъ не будетъ разрѣшенъ окончательно.

«*Стат. 3.* Это окончательное разрѣшеніе должно быть одобрено союзнымъ сеймомъ.

«*Стат. 4.* Исполненіе этого постановленія поручается союзному совѣту.»

Союзный сеймъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, одобрилъ эти предложенія почти единогласно, вслѣдствіе чего заключенные нешательскіе роялисты были немедленно освобождены и отправлены въ французскую границу. Въ ожиданіи окончательнаго разрѣшенія нешательскаго вопроса, швейцарское правительство, которое также будетъ имѣть своего представителя на предстоящихъ конференціяхъ,

назначило своимъ посланникомъ въ Парижѣ уже извѣстнаго читателямъ доктора Керна. Журналы, по обыкновенію, теряются въ догадкахъ относительно города, въ которомъ будутъ происходить конференціи: одни называютъ Лондонъ, другіе Парижъ, третьи Франкфуртъ и проч.; но всего вѣроятнѣе, что онѣ откроются въ Лондонѣ, гдѣ былъ подписанъ такъ-называемый Лондонскій протоколъ.

Общая увѣренность въ предстоящемъ миролюбивомъ разрѣшеніи нешательскаго вопроса побудила правительства прусское и швейцарское отказаться отъ всякихъ военныхъ демонстрацій. Швейцарскія дивизіи, собранныя въ виду предстоявшей опасности, распущены. Главнокомандующій, генералъ Дюфуръ, и самый союзный сеймъ обратились къ арміи съ прокламаціями, въ которыхъ выразили глубокую признательность за готовность и одушевленіе, съ какимъ войска спѣшили откликнуться на призывъ отечества. Прусская армія также оставлена на мирномъ положеніи.

Англо-персидскому вопросу будетъ посвящена, въ слѣдующей книжкѣ «Русскаго Вѣстника», особая статья; здѣсь мы сообщимъ только, что англійская экспедиція дѣйствительно заняла островъ Каракъ и городъ Буширъ, и что вслѣдствіе того персидское правительство согласилось принять условія Англій. Такъ по крайней мѣрѣ сказано въ телеграфической депешѣ, полученной англійскимъ правительствомъ отъ лорда Редклифа, изъ Константинополя. Условія, предложенныя Англією персидскому правительству, еще не извѣстны.

Здѣсь мы остановимся съ большею подробностію на англо-китайскомъ разногласіи, которое должно принять обширные размѣры. Пекинскій дворъ не исполнилъ многихъ обязательствъ своихъ относительно европейскихъ державъ. По Навкинскому (1842 г.) и Тигерфортскому (1843 г.) трактатамъ съ Англією, кромѣ четырехъ извѣстныхъ гаваней въ Китаѣ, Европейцамъ долженъ быть открытъ доступъ въ городъ Кантонъ и кантонскій округъ, гдѣ имъ даво право жить и торговать; высшіе англійскіе чиновники должны, по ихъ желанію, быть во всякое время принимаемы мандаринами, какъ представители независимаго государства. Ни то, ни другое условіе не было исполнено. По Вангіаскому трактату (1844 г.) съ Соединенными Штатами, Китайцы не имѣютъ права ни вводить новыя внутреннія таможенныя пошлины, ни возвышать существующія; сверхъ того, всѣ письменныя жалобы Американцевъ должны быть принимаемы высшимъ окружнымъ начальствомъ и отправляемы въ Пекинъ. Эти условія также не были исполнены. Наконецъ, по Вампаоскому трактату (1844 г.) съ Франціей, житель Китая имѣетъ право, по желанію, принять католическую вѣру. Въ этомъ трактатѣ сказано: «Если Французы проникнуть внутрь имперіи, вопреки установленному запрещенію, то китайскія начальства могутъ арестовать ихъ и препроводить въ ближайшее французское консульство. Но никто ни въ ка-

комъ случаѣ не можетъ наносить пойманному Французу побой, раны и вообще позволять себѣ дурное обращеніе. Въ противномъ случаѣ должно нарушиться доброе согласіе между обоими договаривающимися государствами» (ст. 13-я). Китайское правительство презрѣло и эти обязательства. При такомъ положеніи дѣлъ можно было предвидѣть, что малѣйшая ссора послужитъ поводомъ къ новой войнѣ одного изъ европейскихъ государствъ съ Китаемъ. Такъ и случилось. Конечно, другія государства не могутъ оставаться равнодушными зрителями борьбы, обещающей важныя послѣдствія. По послѣднимъ извѣстіямъ, Американцы соединились съ Англичанами противъ Китайцевъ; о приготовленіяхъ Франціи мы уже извѣщали нашихъ читателей въ послѣднемъ Обзорѣни.

Читателямъ извѣстны также причины и первая послѣдствія ссоры между англійскими и китайскими начальствами въ Кантонѣ. Остается только дополнить уже сообщенныя свѣдѣнія.

Иностранцы, посѣщающіе Азію, имѣютъ обыкновеніе пренебрегать туземными названіями улицъ, острововъ, даже странъ, и нерѣдко замѣняютъ эти названія новыми, шутивными прозвищами собственнаго сочиненія. Это случилось между прочимъ съ Кантономъ и многими улицами предмѣстья. Иностранцы называютъ острова «Французской Глупости», «Датской Глупости», «Голландской Глупости», о которыхъ ничего не знаютъ туземные топографы. Также неизвѣстны послѣднимъ «Свиная улица», «Старая и Новая китайскія улицы». Въ концѣ октября, во время перваго бомбардированія Кантона, Англичане завладѣли «Свиною улицей», находящеюся за европейскими факторіями, которую кантонскіе жители называютъ *Тевланкой* (улица бобовъ); всѣ домовладѣльцы были изгнаны, и часть зданій разрушена. Въ то же время Англичане овладѣли островами, лежащими близъ европейскихъ факторій. На островѣ «Голландской Глупости», или *Гайтчусъ* (Храмъ Морской Жемчужины), какъ называютъ его Китайцы, были поставлены батареи, съ которыхъ бомбардировали и сожгли дворецъ богдыханскаго намѣстника Ипа (по кантонскому произношенію). Огонь распространился по городу въ разныхъ направленіяхъ и произвелъ ужасъ въ густомъ населеніи Кантона. Цѣлыя улицы и предмѣстья были объаты пламенемъ. На другой день (29-го октября) адмиралъ Сеймуръ явился съ 300—400 матросовъ и морскихъ солдатъ въ самый городъ, не безъ сопротивленія со стороны жителей. Нѣсколько Англичанъ легли на мѣстѣ, другіе тяжело ранены. Потеря Китайцевъ, въ которыхъ бросали бомбы, гранаты, конгревовы ракеты и другія разрушительныя орудія, неисчислима. Дворецъ намѣстника былъ окончательно разрушенъ и разграбленъ. Въ городѣ выставлено англійское знамя. Къ вечеру Англичане перешли изъ города въ европейскія факторіи.

30-го октября, намѣстникъ отправилъ повѣреннаго къ адмиралу Сей-

муру, чтобы освѣдомиться о требованіяхъ Англичанъ. «Представители иностранныхъ державъ, отвѣчалъ адмиралъ, должны имѣть доступъ въ Кантонъ, какъ имѣютъ его въ другія открытыя Европейцамъ гавани, и право непосредственныхъ сношеній съ китайскими начальствами на равной ногѣ.» Намѣстникъ отвергъ эти требованія. «Населеніе Кантона, отвѣчалъ онъ, всегда какъ одинъ человѣкъ противилось допущенію иностранцевъ во внутренность города. Кантонцы народъ упрямый и насильственный. Нельзя ручаться за безопасность Европейцевъ отъ его открытыхъ нападеній и тайныхъ замысловъ. Ваша послѣдняя бомбардировка, истребившая такое множество людей и собственности, конечно не содѣйствовала къ возбужденію болѣе дружескихъ чувствъ въ Китайцахъ относительно иностранцевъ.» Адмиралъ Сеймуръ, въ своемъ письмѣ отъ 31-го декабря, повторилъ прежнія требованія, и не получивъ отвѣта, 3-го ноября снова открылъ огонь по городу. Вечеромъ въ этотъ день опять явился къ нему повѣренный намѣстника съ письмомъ, въ которомъ доказывалъ свою невинность и невозможность согласиться на требованія адмирала. Бомбардированіе города и разграбленіе домовъ продолжалось 4-го ноября. Намѣстникъ Ипъ обнародовалъ прокламацію къ народу, въ которой, по примѣру своего предшественника Лина, назначилъ 30 долларовъ награды за каждую голову «варваровъ Англичанъ, которые самымъ «важнымъ образомъ напали на городъ и перебили много народа. Хватайте всякаго плута Англичанина, отрубайте ему голову и приносите ее въ мою канцелярію для освидѣтельствованія. Приключеніе съ лор-«хою служить для нихъ только поводомъ, а въ сущности варвары Англичане хотятъ открыть себѣ доступъ въ городъ, противъ желанія «всего населенія. Я соберу большія силы, чтобы стереть этихъ варваровъ-разбойниковъ съ лица земли.» Между тѣмъ переписка съ адмираломъ продолжалась, и Англичане, разумѣется, продолжали настаивать на своихъ требованіяхъ. Если намъ не откроютъ свободнаго доступа въ городъ, писалъ адмиралъ Сеймуръ, то мы ежеминутно можемъ разрушить его, ибо до сихъ поръ, движимые состраданіемъ, стрѣляли только по казеннымъ зданіямъ. Продолжая военныя дѣйствія, Англичане въ короткое время взяли и сожгли до тридцати китайскихъ джонокъ, которыя сначала пытались отвѣчать, но неудачно: ядра ихъ перелетали черезъ Жемчужную рѣку и только побивали народъ на противоположномъ берегу. Двадцать джонокъ пробовали спастись бѣгствомъ, но были настигнуты и доставили Англичанамъ богатую добычу. Орудія на джонкахъ были англійскія, съ разными усовершенствованіями. Съ 7-го по 10-е ноября Англичане разрушили всѣ укрѣпленія по берегу рѣки и въ гавани. Китайцы, отъ времени до времени взбираясь на крыши, съ ужасомъ смотрѣли на это разрушеніе. Въ эти дни Англичане не предпринимали нападенія на самый городъ, въ надеждѣ, что намѣстникъ согласится принять всѣ условія. Но эта надежда не оправдалась.

Дальнѣйшія подробности этой борьбы, столь замѣчательной и поучительной во многихъ отношеніяхъ, еще впереди. Мы позволимъ себѣ только одно замѣчаніе. Кантонскія событія, изложенныя выше, служатъ разительнымъ примѣромъ безсилія Азіи противъ Европы. Если бы намѣстникъ, по справедливому замѣчанію одного журнала, съ самаго начала руководствовался не безумною ненавистью къ иностранцамъ, но постановленіями трактатовъ, то онъ поставилъ бы Англичанъ въ самое затруднительное положеніе. Китайскія начальства тогда же писали англійскому консулу Паркесу, что захватили 12 человекъ съ лорхи Аггюу, потому что эти люди были замѣшаны въ уголовномъ дѣлѣ. Въ 9-й статьѣ дополнительнаго къ Нанкинскому трактата, прямо сказано что если китайскіе преступники будутъ искать убѣжища подъ англійскимъ флагомъ, то китайскія начальства должны обратиться къ англійскому консулу, который обязанъ выдать ихъ. Если бы намѣстникъ поступилъ такимъ образомъ, то англійскій консулъ, повѣривъ бумаги капитана лорхи, былъ бы поставленъ въ необходимость объявить, что лорхѣ Аггюу позволено было торговать подъ англійскимъ флагомъ только до 27-го сентября, и что слѣдовательно дѣло это не касается англійскихъ начальствъ. Владѣлецъ лорхи дѣйствительно не возобновилъ судебного свидѣтельства, и слѣдовательно не имѣлъ права въ октябрѣ выставить англійское знамя на лорхѣ. Намѣстникъ былъ бы правъ во всѣхъ отношеніяхъ, и побѣда осталась бы за нимъ. Но для этого надо было уважать трактаты, а гордые мандарины считаютъ такое уваженіе чѣмъ-то несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ. Намѣстникъ поступилъ вопреки трактатамъ, даже не зная, что лорха Аггюу уже не имѣетъ права торговать подъ англійскимъ флагомъ. Въ перепискѣ своей съ англійскими начальствами, съ 10-го октября по 11-е ноября, онъ ни разу не упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ, пренебрегая имъ, хотя оно и говоритъ въ его пользу. Онъ даже самъ утверждаетъ, что лорха имѣла право ходить подъ англійскимъ флагомъ. Оттого англійскія начальства не могли не видѣть въ его образѣ дѣйствій желанія оскорбить ихъ флагъ.

Пока Англичане бомбардировали городъ и разрушали китайскіе форты, суда другихъ державъ, французскія и американскія, оставались при довольно двусмысленномъ нейтралитетѣ. Нѣсколько матросовъ и морскихъ солдатъ были высажены въ Кантонѣ, для защиты лицъ и собственности внутри факторій. Но Американцы не ограничились этимъ, и при удобномъ случаѣ помогали Англичанамъ. Изъ послѣднихъ, краткихъ извѣстій видно, что Американцы и Французы соединяются съ Англичанами. Если вѣрить этимъ извѣстіямъ, Китайцамъ удалось зажать англійскія факторіи около Кантона. По видимому, война должна принять обширные размѣры.

Англійскія морскія силы въ кантонскихъ водахъ довольно значительны: онѣ состоятъ изъ 14-ти военныхъ судовъ. Сухопутныя силы могутъ быть довольно скоро доставлены изъ Остѣ-Индіи.

Торговля и вообще сношенія между Англичанами, другими иностранцами и Китайцами въ Кантонѣ почти прекратились. Только опиумъ сбывается въ большомъ количествѣ и значительно поднялся въ цѣнѣ. Негоціанты просили адмирала Сеймура увѣдомить ихъ о дальнѣйшихъ его намѣреніяхъ, но получили отказъ. Тѣмъ не менѣе иностранцы весьма довольны энергическимъ образомъ дѣйствій адмирала.

Въ нашемъ отечествѣ обнародовано извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра внутреннихъ дѣлъ за 1855 годъ. Извлеченіе это, исполненное весьма важныхъ и поучительныхъ свѣдѣній, мы сообщаемъ ниже, въ Приложеніяхъ къ Политическому Обзорѣнію. На подлинномъ отчетѣ собственною Его Императорскаго Величества рукою написаны драгоценныя слова: *«Читалъ съ большимъ любопытствомъ и благодарю въ особенности за откровенное изложеніе недостатковъ, которые съ Божіею помощію и при общемъ усердіи, надѣюсь, съ каждымъ годомъ будутъ исправляться.»*

Въ послѣднее время, въ нашемъ отечествѣ съ каждымъ годомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ, открываются новыя предпріятія, имѣющія цѣлью развитіе торговли и благосостоянія страны. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, ибо это предпріятіе, громадное какъ само по себѣ, такъ и по своимъ послѣдствіямъ, считается окончательно улаженнымъ. Противорѣчивыя слухи, нѣкоторое время ходившіе въ публикѣ, уступили мѣсто общей увѣренности въ близкомъ осуществленіи великаго предпріятія, отъ котораго по справедливости можно ожидать обильныхъ благъ для Россіи. Между тѣмъ дозволено частной компаніи генералъ-майора Мальцова приступить къ устройству на свой счетъ шоссе отъ Брянска до Александровскаго хутора (на Московско-Варшавскомъ шоссе), на протяженіи 120 верстъ, а екатеринославскимъ помѣщикамъ: генералъ-майору Николаю и отставному подполковнику Егору Герсевановымъ учредить акціонерную компанію для торговли льдомъ. Подробныя постановленія объ этихъ предпріятіяхъ читатели также найдутъ въ Приложеніяхъ къ Политическому Обзорѣнію.

Во Франціи, въ настоящее время, предметомъ общаго вниманія сдѣлался одинъ важный вопросъ избирательнаго права. Еще 12-го августа 1855 года, община Сентъ-Жюсть-Прешомли (въ департаментѣ Верхней-Луары) избирала шестнадцать муниципальных совѣтниковъ. Передъ выборами составлены были два списка кандидатовъ: одинъ, одобренный меромъ и правительствомъ, другой списокъ частный, принадлежавшій гражданамъ, которые были недовольны первымъ спискомъ. Предвидя неудачу, меръ приказалъ полиціи отнимать

второй списокъ у избирателей, и такъ, между прочимъ, было поступлено съ гг. Томасомъ, Жонгисомъ и Бойеромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, веръ подалъ на нихъ жалобу прокурору, заклиная его преслѣдовать этихъ людей судебнымъ образомъ, ибо, по словамъ его, «справедливая строгость относительно этихъ лицъ должна сильно способствовать избранію правительственныхъ кандидатовъ».

Вслѣдствіе того, трое подсудимыхъ были призваны въ пюжскій исправительный судъ, обвиняемые въ томъ, что они безъ позволенія раздавали печатные листы (*imprimés*). Надобно замѣтить, что въ 1849 году состоялся законъ о кольпортажѣ, въ силу котораго «всѣ раздающіе или развозящіе книги, брошюры, листы (*écrits*), «гражуры и литографіи должны имѣть дозволеніе префекта полиціи въ Сенскомъ департаментѣ и префектовъ въ другихъ департаментахъ». Прокуроръ, въ своей жалобѣ суду, основываясь на томъ, будто подъ словомъ *écrits* законъ разумѣетъ избираемые бюллетени, на которыхъ написаны лишь имена и фамилии кандидатовъ. Ясно, что при такомъ толкованіи закона свобода выборовъ обращается въ ничто. Пюжскій исправительный судъ оправдалъ подсудимыхъ и объявилъ, что подъ словомъ *écrits* отнюдь не слѣдуетъ разумѣть избирательные бюллетени. Прокуроръ подалъ аппелляцію сначала въ ріонскій судъ, потомъ въ ліонскій, которые подтвердили мнѣніе пюжскаго исправительнаго суда. Наконецъ, по аппелляціи ліонскаго прокурора дѣло это поступило въ кассационный судъ, который долженъ вскорѣ заняться имъ. Журналы съ нетерпѣніемъ ожидаютъ его рѣшенія по вопросу о томъ, можетъ ли слово *écrits* относиться къ избирательнымъ бюллетенямъ, ибо вопросъ этотъ равносильенъ вопросу о томъ, могутъ ли быть раздаваемы избирательные бюллетени безъ дозволенія префекта полиціи въ Сенскомъ департаментѣ, и префектовъ въ другихъ департаментахъ. Одильонъ Барро и Дюфоръ, бывшіе министрами въ то время, когда Национальное Собраніе приняло упомянутый законъ, объявили, что ни они, предлагавшіе законъ, ни собраніе, одобрившее его, не разумѣли подъ словомъ *écrits* избирательныхъ бюллетеней.

Вслѣдъ за декретомъ объ алжирской администраціи, о которомъ мы упоминали въ послѣднемъ Обзорѣніи, въ Монитерѣ обнародованъ новый докладъ военнаго министра и новый декретъ, благопріятный для распространенія гражданскаго управленія и муниципальныхъ учрежденій въ африканской колоніи. Предоставляя, въ силу перваго декрета, большую самостоятельность французскимъ начальствамъ въ Алжиріи, правительство въ то же время нашло нужнымъ сообщить болѣе правильный, гражданскій характеръ управленію. Конечно, новый декретъ еще не даруетъ муниципальному управленію колоніи одного изъ существенныхъ его условій—права избирать муниципальныхъ совѣтниковъ; тѣмъ не менѣе онъ служитъ шагомъ впередъ.

Въ силу новаго декрета, вновь образованы, то-есть освобождены отъ военнаго управленія и отданы въ гражданскія руки, три округа. Какъ орудіе колонизаціи, гражданскій характеръ управленія считается выше военнаго. Въ Алжиріи даже образовалась народная поговорка, что самое несовершенное гражданское управленіе лучше самаго совершеннаго военнаго управленія. Первое представляетъ собою будущее, миръ, второе — прошедшее, войну. Сверхъ того, новымъ декретомъ учреждается двадцать восемь новыхъ общинъ съ мѣстными муниципальными совѣтами и бюджетомъ. «Опытъ самымъ «убѣдительнымъ образомъ доказалъ (писалъ военный министръ въ своемъ докладѣ, еще въ 1854 году), что подъ вліяніемъ, такъ-сказать, административнаго коммунизма, приучающаго народъ ожидать «все отъ бдительности и заботливости центральной власти, массы «охотно предаются безпечности и бездѣйствію. Поддерживая несо- «вершеннѣе населенія, мы только длимъ ихъ дѣтство и слабость «сознанія: чтобы приобщить населеніе Алжиріи къ дѣятельной и энер- «гической жизни, которая, принимая общій характеръ, составляетъ «движущую силу народа, необходимо призвать его къ муниципаль- «ной жизни.»

Въ Англии, по обнародованіи прокламаціи Смита О'Брина къ народу, въ разныхъ городахъ устраиваются митинги, протестующіе противъ налога на доходы (income-tax), увеличеннаго во время восточной войны. Нѣсколько такихъ митинговъ было между прочимъ въ Лондонѣ, гдѣ вскорѣ откроются засѣданія парламента. Англичане называютъ этотъ усиленный налогъ «военною контрибуціей въ мирное время» и настоятельно требуютъ, чтобы правительство предложило парламенту возстановить налогъ этотъ въ прежнихъ размѣрахъ, хотя, въ силу парламентскаго акта, правительство имѣетъ право сохранить увеличенный налогъ до апрѣля будущаго года. Первоначально налогъ этотъ взимался въ размѣрѣ 7 пенсовъ съ 1 ф. ст., но во время войны увеличенъ до 9 пенсовъ. Одинъ большой лондонскій митингъ даже отправилъ отъ себя депутацію къ канцлеру казначейства, сэръ-Корнваль-Люису, который отвѣчалъ, что правительству извѣстно общее неудовольствіе противъ увеличеннаго налога, что онъ вовсе не стоитъ за этотъ налогъ, но что объ уменьшеніи налога не можетъ быть и рѣчи, пока парламентъ не утвердитъ бюджета расходовъ. Уменьшеніе налога лишитъ казначейство восьми милл. ф. стерл., и потому необходимо соотвѣтственное уменьшеніе расходовъ или присканіе другихъ источниковъ государственнаго дохода. Англійскіе журналы вообще довольны отвѣтомъ канцлера казначейства, и съ этой стороны оппозиція едва ли будетъ имѣть успѣхъ въ предстоящихъ парламентскихъ преніяхъ. Митинги, создаваемые оппозиціей по современнымъ вопросамъ внѣшней политики (англо-китайскому и англо-персидскому), повидимому, такъ

же не имѣютъ большаго значенія. Тѣмъ не менѣе ожидаютъ весьма оживленныхъ парламентскихъ преній, о началѣ которыхъ намъ вѣроятно придется сообщить читателямъ въ слѣдующемъ Обзорѣннѣ.

Въ Испаніи правительство рѣшилось на весьма важную мѣру; декретомъ королевы, обнародованнымъ въ Мадридской Газетѣ, кортесы созываются къ 1-му мая. Сенатъ возстановленъ въ томъ видѣ, въ какомъ существовалъ до революціи 1854 года, а выборы въ члены палаты депутатовъ будутъ произведены согласно съ избирательнымъ закономъ 1846 года. Они назначены на 25-е марта. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ свое время были сообщены подробныя свѣдѣнія о характерѣ нынѣшняго испанскаго министерства и возстановленной конституціи 1845 года, и потому мы ограничимся, на этотъ разъ, сообщеннымъ выше извѣстіемъ о предстоящемъ осуществленіи этой конституціи.

Въ Турціи, въ послѣднее время, накопилось нѣсколько весьма важныхъ вопросовъ, о которыхъ, къ сожалѣнію, до насъ доходятъ лишь отрывочныя и неполныя свѣдѣнія. Окончательное устраненіе нѣкоторыхъ затрудненій по восточному вопросу вообще оживило частный вопросъ о преобразованіи Дунайскихъ княжествъ, и въ настоящее время, когда, по состоявшемуся въ Парижѣ международному соглашенію, австрійскія войска должны быть выведены изъ княжествъ къ 30-му марта, въ Константинополѣ происходили совѣщанія между представителями державъ, подписавшими парижскій трактатъ, о созваніи молдавскаго и валахскаго дивановъ. Они начались въ концѣ декабря и продолжались до половины января. Представители державъ окончательно условились относительно редакціи фирмановъ для созванія дивановъ. Если вѣрить константинопольскимъ корреспондентамъ европейскихъ журналовъ, каждый диванъ будетъ состоять изъ четырехъ палатъ, то-есть, изъ депутатовъ отъ четырехъ сословій, дворянства, духовенства, средняго сословія (если можно такъ выразиться) и крестьянъ. Избирателямъ будетъ предоставлена полная свобода; даже политическіе изгнанники, какъ слышно, получать позволеніе возвратиться въ княжества.

Въ послѣднее время турецкому правительству были представлены частными лицами, конечно Европейцами, проекты большихъ промышленныхъ предпріятій, изъ коихъ нѣкоторые утверждены имъ. Всѣмъ извѣстно бѣдственное положеніе турецкихъ финансовъ. Оттоманское правительство, сознавая настоятельную необходимость поддержать падающій кредитъ свой внутри государства и изъять изъ обращенія *каммы* (ассигнаціи), рѣшилось прибѣгнуть къ основанію банка въ большихъ размѣрахъ. Съ этою цѣлю состоялось условіе между Портою и англійскимъ капиталистомъ Вилькинсомъ. Порта предоставляетъ ему исключительную тридцатилѣтнюю привилегію на учрежденіе банка съ капиталомъ отъ 10 до 12 милл. ф. стер., изъ

коихъ 8 милл. должны быть употреблены на выкупъ ассигнацій; остальная сумма можетъ быть употреблена на разныя промышленныя предпріятія; статуты новаго банка должны быть составлены по образцу банковъ французскаго и англійскаго. За всѣ ссуды турецкому правительству, банкъ г. Вилькинса будетъ получать шесть процентовъ. Замѣчательно, что одинъ слухъ объ этомъ предпріятіи значительно поднялъ курсъ турецкихъ ассигнацій. Въ настоящее время трудно предвидѣть послѣдствія учрежденія банка англійскими капиталастами, и потому едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ французскихъ журналовъ, приписывающихъ этому предпріятію болѣе политическій, чѣмъ промышленный характеръ.

Другія предпріятія, о которыхъ упоминается въ частныхъ извѣстіяхъ изъ Константинополя, также весьма важны. Порта одобрила проектъ англійскаго генерала Чени о проложеніи желѣзной дороги отъ Средиземнаго моря къ Евфрату. Турецкое правительство обезпечиваетъ компаніи 6 процентовъ съ капитала, который будетъ затраченъ ею на устройство дороги. Еслибы представилась надобность продолжитъ дорогу до Бассоры, то и эта линія будетъ уступлена той же компаніи. Наконецъ, частныя извѣстія приписываютъ турецкому правительству положительное рѣшеніе уступить компаніи Лейарда проведеніе желѣзной дороги отъ Руцукъ, на Дунай, къ Саросскому заливу, черезъ Адрианополь.

По поводу предполагаемой желѣзной дороги къ Евфрату, считаемъ великимъ познать нашихъ читателей съ другимъ весьма важнымъ предпріятіемъ, которое можетъ быть исполнено въ предѣлахъ Османской имперіи—о прорытіи Суэскаго перешейка. Объ этомъ предпріятіи много говорили годъ тому назадъ; коммиссія, составленная изъ европейскихъ ученыхъ, изслѣдовала мѣстность и признала самое предпріятіе не только сбыточнымъ, но и не представляющимъ большихъ затрудненій, и несмотря на то, оно втеченіе года нисколько не подвинулось впередъ. Извѣстно, что вице-король египетскій, Сандъ-паша, признавъ полезнымъ соединить Средиземное море съ Аравійскимъ заливомъ посредствомъ канала, вѣрилъ исполненіе этого предпріятія французскому капиталисту, Фердинанду Лессенсу. Игѣ на то полное право по существующимъ трактатамъ, онъ, какъ вассалъ, представилъ однако свое рѣшеніе на утвержденіе султана. Порта въ сущности одобряетъ этотъ проектъ; предоставленная самой себѣ, она поспѣшила бы утвердить его, но проектъ встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны англійскаго посланника, имѣющаго почти неограниченное вліяніе въ Константинополѣ, и потому онъ доселѣ не утвержденъ султаномъ.

Причины этой оппозиціи до сихъ поръ остаются загадкою для Европы. Странно было бы объяснять ее въ столь важномъ дѣлѣ мелочнымъ національнымъ соперничествомъ и завистію, тѣмъ болѣе что

компания для прорытія Суэскаго перешейка должна состоять не изъ однихъ французскихъ капиталистовъ, но изъ капиталистовъ всѣхъ націй. Самый уставъ компаніи сообщаетъ ей европейскій характеръ. По общему мнѣнію, причины оппозиціи должны лежать гораздо глубже. Не опасается ли Англія, какъ говорятъ нѣкоторые, утратить свое могущество съ прорытіемъ канала черезъ Суэскій перешейкъ, какъ утратила свое могущество Венеція съ открытіемъ пути вокругъ мыса Доброй Надежды? Но общественное мнѣніе въ Англии такъ же благоприятно этому предпріятію, какъ и на материкѣ Европы, и страннныя опасенія, о которыхъ упомянуто выше, могутъ принадлежать лишь отдельнымъ государственнымъ людямъ, и слѣдовательно имѣютъ чистоличный характеръ. Практическій смыслъ англійскаго народа тотчасъ понялъ, что прорытіе узкой полосы земли, составляющей естественную преграду между Европою и Азіей, должно значительно усилить то государство, которое имѣетъ наиболѣе владѣній и интересовъ въ Азін, сокращая огромное разстояніе, отдѣляющее его отъ Остъ-Индіи. Въ теченіи послѣднихъ осьмнадцати лѣтъ существуетъ правильное пароходное сообщеніе по Аравійскому заливу для доставленія остъ-индской почты въ Египеть, и это предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Какія огромныя выгоды доставила бы англійской торговлѣ возможность перевозить товары тѣмъ кратчайшимъ путемъ, которымъ перевозятся теперь только почта и путешественники! Въ настоящее время отъ Лондона до Бомбея, мимо мыса Доброй Надежды, 5,950 миль; при суэскомъ каналѣ это разстояніе сократится почти вдвое. Общественное мнѣніе Англии очень хорошо понимаетъ все это, и вовсе не раздѣляетъ упомянутыхъ опасеній.

Собственно говоря, повторяемъ, дѣло это составляетъ тайну нынѣшняго британскаго кабинета: извѣстно только то, что лордъ Редклиффъ употребилъ свое вліяніе противъ предпріятія г. Лессепса. Въ то же время сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ ходатайствуетъ для англійской компаніи о дозволеніи соединить Средиземное море съ Евфратомъ и Персидскимъ заливомъ посредствомъ желѣзной дороги. По мнѣнію знатоковъ дѣла и самого г. Лессепса, евфратская желѣзная дорога и суэскій каналъ могутъ съ большимъ успѣхомъ существовать въ одно время, безъ вреда другъ другу. Оба пути будутъ равно полезны и нужны для перевозки товаровъ. Распространяя жизнь и цивилизацію въ отдаленныхъ и, мѣстами, пустынныхъ краяхъ, перенося туда европейскую торговлю, промышленность, капиталы, желѣзная дорога не замедлитъ усилить судоходство по суэскому каналу. Какъ бы то ни было, въ проектъ евфратской желѣзной дороги нельзя не видѣть болѣе или менѣе искусной диверсіи, придуманной съ цѣлью устранить прорытіе суэскаго канала.

Намѣренія англійскаго правительства не могутъ долго оставаться тайной. Рано или поздно они подвергнутся публичнымъ преніямъ

въ парламентъ. Ожидаютъ, что вскорѣ послѣ открытія парламентскихъ засѣданій министрамъ будутъ сдѣланы запросы объ инструкціяхъ, данныхъ лорду Редклифу относительно суэскаго канала. Говорятъ, что лица, предпринявшія прорытіе Суэскаго перешейка, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ открытія парламентскихъ засѣданій. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Константинополя, Порта нѣсколько измѣнила свое мнѣніе въ пользу предпріятія. Съ тѣхъ поръ, какъ Реншидъ-паша сдѣлался великимъ визиремъ, Константинопольскій Журналъ благосклоннѣе отзывался о суэскомъ каналѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОБОЗРѢНІЮ.

Государственный Совѣтъ, Высочайше утвержденнымъ 10-го декабря, мнѣніемъ положилъ: 1) дозволить отставному генераль-маіору Мальцову приступить къ устройству на свой счетъ шоссе отъ г. Брянска до Александровскаго хутора (на Московско-Варшавскомъ шоссе), на протяженіи 120 верстъ, по утвержденному главнымъ управленіемъ путей сообщенія и публичныхъ зданій направленію въ Орловской и Калужской губерніяхъ, начавъ сооруженіе означеннаго шоссе на собственной его, Мальцова, землѣ отъ г. Брянска, и открывая оное для ѣзды по частямъ, но сплошными участками не менѣе 10-ти верстъ; 2) въ вознагражденіе за издержки на устройство сего шоссе и содержаніе онаго разрѣшить ему, Мальцову, взимать сборъ за проѣздъ по тому шоссе въ размѣрѣ, опредѣленномъ ст. 757 уст. пут. сообщ. (по продолж. XIII Св. Зак. Т. XII), съ тѣми ограниченіями, какія указаны въ ст. 755-й того же устава. При чемъ онъ, Мальцовъ, и на будущее время подчиняется всемъ тѣмъ измѣненіямъ, какія могутъ послѣдовать въ существующихъ о шоссеиномъ сборѣ постановленіяхъ, подвергаясь, при неисполненіи оныхъ, отвѣтственности по ст. 1,440-й улож. о наказ., а при неисправномъ содержаніи шоссе, взысканію по ст. 1,430-й того же уложенія; 3) надзоръ за сямъ возлагается на главное управленіе путей сообщенія, и 4) если Мальцовъ пожелаетъ на сихъ же основаніяхъ продолжать шоссе до Александровскаго хутора, по землямъ другихъ владѣльцевъ, то предоставитъ ему объ уступкѣ сосѣдями его, помѣщиками Калужской губерніи, земель, имѣющихъ отойти подъ устройство шоссе, входить въ предварительное взаимное о семъ съ ними соглашеніе.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ соизвоилъ: разрѣшить екатеринославскимъ помѣщикамъ: генераль-маіору Николаю и

отставному подполковнику Егору Герсевановымъ учредить акціонерную компанію для торговли льдомъ, на основаніи устава, удостоеннаго Высочайшаго разсмотрѣнія въ 7-й день декабря 1856 г.

Сообщаемъ извлеченіе изъ этого устава.

Компанія имѣеть цѣлю производить правильную торговлю льдомъ отъ устья Днѣпра съ городами, лежащими на Средиземномъ морѣ, съ Константинополемъ, Александрією, Палермо, Неаполемъ и другими. Какъ компанія эта есть первая въ своемъ родѣ, то для поощренія оной къ приведенію въ исполненіе своего предпріятія, она освобождается, на *десять лѣтъ*, отъ взятія торговыхъ свидѣтельствъ, съ тѣмъ, чтобы первые корабли компаніи были отправлены не позже *трехъ лѣтъ* со дня утвержденія сего устава. Для устройства необходимаго числа пристаней, магазиновъ, какъ на мѣстѣ добыванія льда, такъ и на мѣстахъ сбыта и заведенія орудій и плуговъ для откалыванія льда, составляется складочный капиталъ, посредствомъ выпуска *трехъ тысячъ* акцій, по *сту руб.* каждая, всего на *триста тысячъ рублей*, съ правомъ приступить къ дѣйствию по сборѣ шестой части сей суммы. Если въ продолженіе одного года, со времени открытія подписки на акціи, не будетъ разобрана *шестая* часть оныхъ, то поступитъ на основаніи 1,853 ст. Св. Зак. Гражд. X Тома, изд. 1842 г.; во когда въ этотъ срокъ взято будетъ означенное количество акцій, то учредители созываютъ акціонеровъ въ общее собраніе для учрежденія правленія. Правленіе компаніи должно находиться въ Одессѣ и состоять изъ пяти директоровъ; оно можетъ имѣть печать съ приличнымъ изображеніемъ и надписью наименованія компаніи. Въ директоры избираются, большинствомъ голосовъ, акціонеры, имѣющіе на свое имя не менѣе пятидесяти акцій, которыя, во все время пребыванія ихъ въ званіи директоровъ, не могутъ быть ими никому переданы и должны храниться въ правленіи. На семъ основаніи въ директоры первоначально поступаютъ оба учредителя, а другіе три изъ числа прочихъ акціонеровъ. Лица, избранныя въ директоры, назначаютъ изъ среды себя предсѣдателя, и всѣ они остаются въ правленія два года, а за тѣмъ по два изъ директоровъ, по очереди, ежегодно смѣняются, съ назначеніемъ на ихъ мѣста другихъ. Производство письменныхъ дѣлъ, веденіе кассовой книги и журнала, храненіе документовъ и вообще всѣ распоряженія по правленію, возлагаются, подъ надзоромъ директоровъ, на управляющаго дѣлами правленія, который для сего снабжается отъ нихъ формальною довѣренностію и за котораго они должны отвѣчать предъ обществомъ. Рѣшенія правленія приводятся въ исполненіе по большинству голосовъ директоровъ, а въ случаѣ различныхъ ихъ мнѣній спорный предметъ представляется на разрѣшеніе общаго собранія акціонеровъ. По дѣламъ компаніи правленіе можетъ безъ созыва общаго собранія акціонеровъ расходовать до *трехъ тысячъ рублей*; въ обстоятельствахъ же, не терпящихъ отлагательства, правленіе можетъ, безъ разрѣшенія общаго собранія, расходовать и свыше означенной суммы, но съ отвѣтственностію за необходимость и послѣдствія сего предъ компанією. По истеченіи каждаго года, правленіе обязано представлять общему собранію акціонеровъ подробный о дѣйствіяхъ своихъ,

за подписаніемъ всѣхъ директоровъ, отчетъ и балансъ всѣхъ оборотовъ, съ приложеніемъ принадлежащихъ къ нимъ книгъ и документовъ. Въ непредвидимыхъ потеряхъ или маломъ успѣхѣ въ дѣйствіяхъ директоры не подвергаются предъ компаніею отвѣтственности, кромѣ однако же дѣйствій незаконныхъ и распоряженій къ явному ущербу компаніи и въ противность устава сего направленныхъ. По утвержденіи отчета общимъ собраніемъ, изъ чистой прибыли отъ годовой операціи отдѣляется: а) въ пользу директоровъ, за ихъ труды по управленію, *пять* процентовъ; б) въ пользу учредителей, въ вознагражденіе ихъ трудовъ и издержекъ по собранію необходимыхъ для предпріятія свидѣній и вообще по первоначальному устройству онаго, *десять* процентовъ; в) въ запасный капиталъ нѣкоторая сумма; и г) остатокъ прибыли въ дивидендъ на акціи. Если акціонеръ не представитъ въ правленіе своихъ акцій для полученія дивиденда, то оный остается въ правленіи безъ приращенія процентами до истеченія *десяти* лѣтъ; по прошествіи же этого времени дивидендъ обращается въ собственность компаніи. Изъ сего изъемяются лишь тѣ случаи, когда, по смерти владѣльца акцій, возникнетъ объ нихъ между наследниками формальная тяжба, продолжающаяся болѣе *десяти* лѣтъ; тогда накопившіеся на акціи дивиденды выдаются, на основаніи судебного рѣшенія о наследствѣ, сполна, но также безъ процентовъ. Акціонеры, желающіе передать свои акціи другому лицу, обязаны сдѣлать на нихъ передаточныя надписи и объявить о томъ правленію, съ представленіемъ самыхъ акцій для отмѣтки передачи. Утратившій акцію долженъ объявить о семъ правленію и публиковать въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ; по прошествіи же года со дня публикаціи выдается ему въ замѣнъ утраченной новая акція. Общія собранія акціонеровъ суть двоякія: обыкновенныя — одинъ разъ въ годъ, и чрезвычайныя — въ случаяхъ особой важности, по назначенію правленія и предварительной публикаціи въ вѣдомостяхъ. Всѣ акціонеры могутъ присутствовать въ общемъ собраніи; право же на подачу голосовъ предоставляется: владѣющимъ *десятью* акціями на *одинъ* голосъ, *тридцатью* акціями на *два* голоса, *пятидесятью* и болѣе на *три* голоса. Приговоры общаго собранія получаютъ обязательную силу, когда приняты будутъ по крайней мѣрѣ тремя четвертями явившихся въ собраніе акціонеровъ, или изъ довѣренныхъ, при исчисленіи голосовъ, на основаніи вышензложеннаго. Не явившіеся и не приславшіе довѣренныхъ должны быть считаемы согласными съ большинствомъ голосовъ присутствовавшихъ. Дѣйствія компаніи не иначе могутъ быть прекращены, какъ по опредѣленію общаго собранія акціонеровъ.

— Государственный Совѣтъ Высочайше утвержденнымъ 5-го ноября мнѣніемъ своимъ положилъ въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановить: «Гражданскія палаты немедленно по полученіи указовъ Правительствующаго Сената съ изъясненіемъ Высочайше утвержденныхъ договоровъ объ увольненіи помещичьихъ крестьянъ въ государственныя, водворенныя на собственныхъ земляхъ, вносить сіи договоры въ крѣпостныя свои книги и за тѣмъ, оставляя подлинный договоръ для храненія въ палатѣ, выдаютъ уча-

ствующимъ сторонамъ списки съ тѣхъ договоровъ за подписью присутствующихъ и скрѣпою секретаря палаты, съ учиненіемъ надлежавшей о совершеніи договора публикаціи».

— Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и законовъ и въ общемъ собраніи, по разсмотрѣніи представленія главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи объ измѣненіи Высочайше утвержденнаго 2-го декабря 1855 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, послѣдовавшаго въ объясненіе вопроса о томъ: кого по Всемилостивѣйшему манифесту 27-го марта 1855 г. считать осужденнымъ? соглашаясь вполне съ заключеніемъ г. главноуправляющаго, *мнѣніемъ положили*: въ замѣнъ постановленія 2-го декабря 1855 года, принять правиломъ, что по манифестамъ какъ 27-го марта 1855, такъ и 26-го августа 1856 года, осужденными слѣдуетъ вообще считать всѣ лица, о коихъ до дня восшествія Государя Императора на Прародительскій престолъ или до дня священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ состоялось и вошло въ законную силу рѣшеніе того судебного мѣста, коему по роду дѣла и по званію подсудимаго предоставляется постановлять о нихъ окончательный приговоръ; но что въ видахъ разширенія Монаршаго милосердія, тѣ изъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ, влекущихъ за собою лишеніе, или ограниченіе правъ, которые по званію своему могутъ быть подвергнуты уголовнымъ или высшимъ исправительнымъ наказаніямъ по приговорамъ суда второй степени, имѣютъ воспользоваться даруемымъ статьями IX—XIII манифеста 27-го марта 1855 года и статьями XXI—XXV манифеста 26-го августа 1856 года облегченіемъ въ мѣрѣ наказанія, когда состоялся о нихъ приговоръ суда сей степени, хотя бы дѣло о сихъ лицахъ, по несогласію начальника губерніи съ приговоромъ уголовной палаты, или по числу лицъ осужденныхъ къ наказанію, или же по какимъ-либо другимъ причинамъ, было перенесено на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената.

Его Императорское Величество это мнѣніе Государственнаго Совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, въ 8-й день ноября 1856 года, Высочайше повелѣтъ соизволилъ:

Въ губернскихъ и областныхъ строительныхъ и дорожныхъ коммиссіяхъ, вмѣсто производителей работъ, полагаемыхъ по штату коммиссій 7-го іюля 1854 года, изъ инженерныхъ офицеровъ, опредѣлять, при недостаткѣ инженеровъ, техниковъ гражданскихъ, — архитекторовъ или архитекторскихъ помощниковъ, предпочтительно изъ числа получившихъ полное специальное образованіе въ строительномъ училищѣ, съ жалованьемъ первымъ по 475 р., а послѣднимъ по 350 р. сер. въ годъ.

— Высочайше утверждено новое положеніе о лѣсномъ аудиторіатѣ. Сообщаемъ его въ извлеченіи.

При корпусѣ лѣсныхъ министерства государственныхъ имуществъ состоитъ лѣсной аудиторіатъ. Присутствіе лѣснаго аудиторіата составляютъ предсѣдатель изъ генераловъ и четыре члена,

изъ коихъ одинъ постоянный, а три временно назначаемые изъ штабъ-офицеровъ корпуса лѣсничихъ. Предсѣдатель и постоянный членъ назначаются съ Высочайшаго утвержденія; а временные члены прикомандировываются по распоряженію министерства государственныхъ имуществъ. Для производства дѣлъ состоитъ при лѣсномъ аудиторіатѣ канцелярія изъ оберъ-аудитора, одного аудитора и трехъ канцелярскихъ чиновниковъ. Всѣ судебныя дѣла, подлежащія ревизіи лѣснаго аудиторіата, поступаютъ изъ ордонансъ-гаузовъ и военно-судныхъ комиссій: о чинахъ губернскаго лѣснаго управленія въ палаты государственныхъ имуществъ, а о прочихъ чинахъ корпуса лѣсничихъ, не подвѣдомственныхъ палатамъ, въ лѣсной департаментъ, откуда, равно и отъ палатъ, препровождаются въ лѣсной аудиторіатъ. Оберъ-аудиторъ и аудиторъ, по производству поступающихъ въ лѣсной аудиторіатъ дѣлъ, имѣютъ тѣ же обязанности, какія присвоены оберъ-аудиторамъ и аудиторамъ по военному вѣдомству. Окончательныя рѣшенія лѣснаго аудиторіата представляются на утвержденіе инспектора корпуса лѣсничихъ по слѣдующимъ дѣламъ: 1) о нижнихъ чинахъ изъ дворянъ, не подлежащихъ, по степени вины, лишенію дворянства; 2) о нижнихъ чинахъ не изъ дворянъ, кромѣ дѣлъ, означенныхъ въ стѣтѣ 22-й положенія, и 3) по такимъ дѣламъ, по которымъ приговоръ состоитъ въ назначеніи ареста, выговора и замѣчанія со внесеніемъ въ формулярный списокъ. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ приговоры аудиторіата представляются министру государственныхъ имуществъ. Министръ государственныхъ имуществъ имѣетъ власть утверждать приговоры лѣснаго аудиторіата окончательно въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ сіе предоставлено военному министру по дѣламъ военносуднымъ о чинахъ собственно военного министерства. По дѣламъ же, превышающимъ сію власть, министръ государственныхъ имуществъ представляетъ: о чинахъ корпуса лѣсничихъ на Высочайшее утвержденіе, а о чинахъ кланыхъ, находящихся въ составѣ сего корпуса, въ Правительствующій Сенатъ. Рѣшенія лѣснаго аудитора представляются на Высочайшее утвержденіе: 1) о генералахъ, штабъ и оберъ-офицерахъ и нижнихъ чинахъ изъ дворянъ, подлежащихъ за преступленія лишенію дворянства; 2) о нижнихъ чинахъ: а) имѣющихъ знаки отличія военного ордена и ордена Св. Анны, если подсудиные подлежатъ лишенію сихъ знаковъ, б) о совратителяхъ и совращенныхъ изъ православія, в) о скопцахъ, духоборцахъ, пконоборцахъ, малаканахъ, іудействующихъ и о принадлежащихъ къ другимъ, признаннымъ особенно вредными, ересямъ; также о новокрещенныхъ, уклонившихся отъ христіанской вѣры, г) обвиняемыхъ въ оскорбленіи Императорскаго Величества, д) присужденныхъ къ наказанію болѣе девяти человѣкъ, е) подвергаемыхъ, по важности преступленія, наказанію шпицрутенами болѣе опредѣленной мѣры. Сверхъ того рѣшенія лѣснаго аудиторіата представляются на Высочайшее утвержденіе по дѣламъ о подсудиныхъ, которые, на основаніи статей 58—66 I книг. V части Свода Военн. Постан., изъяты отъ тѣлеснаго наказанія, если сіи подсудиные будутъ, по преступленіямъ своимъ, подлежатъ лишенію правъ состоянія, присвоенныхъ ихъ зва-

ниги. Собственное рѣшеніе лѣсной аудиторіатъ постановляетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ордонансъ—гаузъ или военно-судная коммиссія, не выикнувъ въ сущность обстоятельствъ, опредѣлили наказаніе, несоотвѣтственное со степенью преступленія и могущее или ослабить дѣйствія военно-уголовныхъ законовъ, или обременить участь виновнаго свыше мѣры преступленія. О всѣхъ опредѣляемыхъ приговорами лѣснаго аудиторіата взысканіяхъ, сообщается въ лѣсной департаментъ, для объявленія въ приказахъ по корпусу лѣсничихъ.

— По назначеніи посломъ при императорѣ Французовъ бывшаго министра государственныхъ имуществъ, генералъ-адъютанта графа Киселева, прежніе его подчиненные, служащіе въ семь министерствъ, и другія лица, желая выразить признательность свою и сохранить память о немъ въ министерствѣ и вообще въ томъ многочисленномъ сословіи сельскаго населенія, о пользахъ котораго онъ неуспѣшно заботился въ теченіи 19-лѣтняго своего управленія, предложили составить, по добровольной подпискѣ, капиталъ на учрежденіе преіи для выдачи чрезъ каждые два года особой золотой медали за сочиненія, къ крестьянскому быту относящіеся. По докладу г. управляющаго министерствомъ государственныхъ имуществъ о семъ Государю Императору, Его Императорское Величество, въ 24-й день декабря 1856 года, Всемилостивѣйше соизволило утвердить составленный по сему предмету проектъ положенія и рисунокъ самой медали.

— Преподаватели Казанскаго Университета: профессора Бабстъ, Буличъ, Пахманъ, и адъюнкты Ешевскій изъявили готовность прочесть въ Казани десять публичныхъ лекцій, съ цѣлью назначить на воспитаніе одного изъ севастопольскихъ сиротъ деньги, какія будутъ выручены отъ чтенія лекцій. По всеподданнѣйшему г. министра народнаго просвѣщенія докладу Государю Императору о такомъ похвальномъ намѣреніи, Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ 3-й день декабря 1856 года, Всемилостивѣйше повелѣть: благодарить сихъ преподавателей.

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра внутреннихъ дѣлъ за 1855 годъ.

I. Внутреннія дѣйствія для отраженія враговъ внѣшнихъ. Въ 1855 году, правительство вынуждено было обращать преимущественную свою дѣятельность на тѣ предметы, которые прямо или косвенно относились до защиты отечества. Января 29-го состоялся Высочайшій манифестъ, призывавшій къ ополченію вѣрныхъ сыновъ отечества. Сборъ его въ 18 губерніяхъ перваго призыва начался въ послѣднихъ числахъ

марта и черезъ два съ небольшимъ мѣсяца 208,933 ратника стояли подъ ружьемъ, готовые идти, куда повелѣно будетъ. Недоимка (къ 1-му июня) была самая незначительная (127 человекъ), но и она вскоре была пополнена. Мая 7-го послѣдовалъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, о призваніи въ ополченіе малороссійскихъ казаковъ, для составленія 6 конныхъ полковъ, и къ назначенному времени 6,498 казаковъ, въ полномъ вооруженіи, были въ строю. Съ 1-го октября начался сборъ въ 11 губерніяхъ втораго призыва, а за тѣмъ въ двухъ—третьего. Къ указанному сроку 149,193 ратника были собраны. Такимъ образомъ, къ 1856 году, ополченіе изъ 358,203 пѣшихъ ратниковъ и 6,498 казаковъ стояло въ разныхъ краяхъ имперіи, готовое оправдать ожиданія Его Императорскаго Величества. Такія явленія могутъ происходить только въ крѣпкой своею нравственною силою Россіи. Въ ряды дружинъ вступали не одни дворяне неслужащіе, но и занимавшіе гражданскія должности, достаточно ихъ обезпечивавшія; ополченцы покидали свои семейства и хозяйство съ мыслію, что не такое теперь время, чтобы думать о домашнихъ заботахъ. По Высочайшему повелѣнію 7-го апрѣля, требовавшіеся для канонерскихъ лодокъ въ Ригѣ 900 человекъ были собраны въ приморскихъ пунктахъ Остзейскихъ губерній, на общемъ основаніи, указанномъ для сбора Государственнаго ополченія; при чемъ предоставлено было мѣстному генералъ-губернатору, въ число означенныхъ 900 ратниковъ набрать до 100 человекъ изъ Рижскаго матросскаго цеха. Въ 1855 году произведено было 3 рекрутскихъ набора: а) съ 15-го февраля по 15-е марта, 13-й очередной съ губерній восточной полосы, по 10 съ тысячи; б) въ іюнь, 13-й очередной съ 17 губерній западной полосы, по 12 человекъ, и в) съ 15-го ноября по 15-е декабря, общій по всей имперіи по 10 человекъ, за исключеніемъ губерній Псковской, Полтавской, Черниговской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической. По тремъ наборамъ слѣдовало поступить 386,879 рекрутъ; изъ этого сдано 372,053, зачтено квитанціями 13,894, осталось въ недоимкѣ 932 человекъ, то-есть одинъ изъ 405. По очередному набору съ восточной полосы, недоимка была какъ 1 къ 1,613; но наборъ въ западной полосѣ былъ въ 7 разъ малоуспѣшнѣе, ибо недоимка была какъ 1 къ 222. Недоимка по общему набору была какъ 1 къ 369. Больше трети недоимки по всѣмъ тремъ наборамъ падаетъ на двѣ югозападныхъ губерніи, Подольскую и Волинскую, и около одной трети на губерніи прибалтійскія. Губерніи прибалтійскія, по предоставленному имъ праву, отправили 18% рекрутской повинности деньгами, а 1¼ процентъ остался на нихъ въ недоимкѣ. Болѣзни и то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ вовсе не было годныхъ въ военную службу людей, были причиною неуспѣха наборовъ въ югозападныхъ и прибалтійскихъ губерніяхъ. Вся Сибирь и 17 губерній Европейской Россіи отправили рекрутскую повинность 1855 года къ сроку и бездоимочно (1); въ 9 же губерніяхъ недоимка не превышала

(1) Санктпетербургская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Пермская, Вятская, Нижегородская, Пензенская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Воронежская, Курская, Черниговская, Могилевская, Гродненская и Ковенская.

числа 5 человекъ по каждой (1). Членовредительства оказалось 11 случаевъ. Принимая къ соображенію болѣзни, неурожай, безденежность, упадокъ промысловъ и другія неблагоприятныя обстоятельства минувшаго года, нельзя не назвать рекрутскіе наборы успѣшными. И успѣхъ этотъ не столько слѣдуетъ относить къ распорядительности производителей, сколько къ нравственной силѣ народа, который, вообще, тяжелую рекрутскую повинность послѣднихъ двухъ лѣтъ исполнялъ несравненно съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ во время небольшихъ наборовъ, бывшихъ въ мирное время, что отчасти можно отнести и къ дарованнымъ облегченіямъ при производствѣ наборовъ минувшаго года. Жалобъ на неправильную отдачу въ рекруты поступило 415; изъ нихъ признаны основательными только 15. Такую правильность производства наборовъ нельзя не отнести къ распорядительности и точному исполненію закона лицами, ихъ производившими. Такимъ образомъ, въ 1855 году, народъ поставилъ въ военную службу съ возвратомъ (въ ополченіе и парки) 366,902 и безвозвратно (въ рекруты) 372,053, всего 738,955 человекъ. Въ имперіи производительныхъ силъ, то-есть, мужчинъ отъ 18 до 50 лѣтняго возраста, полагается приблизительно около 10¹/₂ миллионовъ. Слѣдовательно, около одной четырнадцатой части производительныхъ силъ нашихъ отвлечено было войною отъ земли и отъ промысловъ. А если принять въ расчетъ полубригады подвижныхъ магазиновъ въ южныхъ губерніяхъ и людей, исполнявшихъ другія чрезвычайныя повинности въ рабочую пору, то выйдетъ, что военныя обстоятельства десятую часть производительныхъ силъ отвлекли отъ сельскихъ работъ. Пожертвованій на военныя надобности поступило однихъ денежныхъ до 6,300,000 р., въ томъ числѣ на ополченіе 3,000,000. Большая часть пожертвованій была изъ губерній великороссійскихъ. Дворянство пожертвовало болѣе, нежели другія сословія. Снабженіе арміи, элота и казенныхъ аптекъ медицинскими средствами произведено было въ чрезвычайныхъ размѣрахъ. На заготовленіе лекарственныхъ припасовъ, по утвержденнымъ каталогамъ, израсходовано 894,323 р., то-есть почти въ 2¹/₂ раза болѣе, чѣмъ въ послѣдній годъ мира (1852). Во время же всей войны израсходовано на этотъ предметъ 2,243,935 руб. Хирургическихъ инструментовъ заготовлено на 129,471 р., отпущено на 128,734 р. С.-Петербургскій инструментальный заводъ не могъ удовлетворить всей потребности, почему часть инструментовъ сдѣлана была вольными мастерами въ С.-Петербургѣ, Варшавѣ, Дерптѣ и Ригѣ, а нѣкоторые инструменты даже были выписаны изъ Парижа, Лондона и Берлина. Въ Херсонѣ учреждена особая временная мастерская, для исправленія и точенія инструментовъ крымской и южной армій. Военноплѣнные сдавались на попеченіе министерства внутреннихъ дѣлъ, которое и распредѣляло ихъ по городамъ. Министерство, дѣлая по этому предмету распоряженія, постоянно имѣло въ виду, чтобы соединеніемъ большаго числа

(1) Харьковская, Минская, Астраханская, (по 1), Ставропольская и Смоленская (по 2), Тамбовская и Псковская (по 3), Московская и Екатеринославская (по 5).

плѣнныхъ въ однихъ мѣстахъ не обременить обывателей, и безъ того переносившихъ такія тяжелыя повинности. Военно-плѣнные держали себя вообще хорошо, и народъ нашъ оказывалъ имъ радушіе: плѣнные Турки (Курды) оказали помощь во время сильнаго пожара въ г. Рославль, Смоленской губерніи. По случаю произведенныхъ въ 1855 году размѣновъ плѣнныхъ, непріятельскіе офицеры отправлены были изъ внутреннихъ губерній въ Одессу на почтовыхъ, а нижніе чины на обывательскихъ подводахъ, въ сопровожденіи особо-назначенныхъ чиновниковъ, знающихъ иностранныя языки. Сами непріатели отдавали должную справедливость содержанію ихъ плѣнныхъ въ нашемъ отечествѣ.

II. Общественная тишина и благоустройство. *Случаи нарушенія общественной порядка.* Разбоевъ и грабежей въ 1855 году было 434. Они, какъ и всегда, были преимущественно по восточной и западной границамъ имперіи. Около Саратова, въ маѣ 1855 года, были частыя грабежи; принятыми мѣстнымъ начальствомъ мѣрами они прекращены. Въ Оренбургской губерніи, большія шайки вооруженныхъ Татаръ грабили по дорогамъ; посланная генералъ-губернаторомъ команда Башкиръ возстановила безопасность. Въ Гродненской губерніи извѣстный въ томъ краю разбойникъ, Онуфровичъ, приговоренный въ 1852 году къ отдачѣ въ крѣпостныя работы, пойманъ. Сколько извѣстно министерству, растратить казенныхъ денегъ въ 1855 году не было, кромѣ одной незначительной (41 руб. 95 коп.) въ Корчевскомъ земскомъ судѣ, Тверской губерніи. Въ Тверской губерніи похищены изъ почтоваго брика двѣ сумки, съ 94,889 р. 98 к., билетами и деньгами. Виновный открытъ и деньги найдены, кромѣ 1,552 рублей. Умышленныхъ поджоговъ было 394; изъ нихъ 177 тотчасъ же потушены, а отъ 217 произошли пожары. При поджогахъ въ Саратовской и Астраханской губерніяхъ, народъ былъ встревоженъ подметными письмами. Начальники губерній приняли рѣшительныя мѣры противъ сего нарушенія общественной тишины, полицейскій надзоръ былъ усиленъ и поджоги прекратились.—*Городскія и земскія полиціи.* Доведа до свѣдѣнія Государя Императора о настоящемъ положеніи городскихъ и земскихъ полицій, какъ матеріальномъ, такъ и нравственномъ, министръ внутреннихъ дѣлъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ своемъ дѣлаетъ такое заключеніе: Настоящая картина указываетъ на необходимость нѣкоторыхъ преобразованій въ полицейской части, тѣмъ болѣе, что бываютъ случаи, когда полиція затрудняется въ своихъ дѣйствіяхъ, по причинѣ невозможности примѣнить къ дѣйствительности нѣкоторыя предписываемыя ей правила. При огромномъ числѣ чиновниковъ, невозможно имѣть ихъ всѣхъ хорошихъ, существующее же число ихъ необходимо при настоящемъ направленіи всѣхъ вообще дѣлъ, въ особенности же полицейскихъ; ибо въ настоящее время господствуетъ вездѣ преобладаніе формъ и бумажнаго производства, нерѣдко въ ущербъ самому дѣлу. Упрощеніемъ обрядовъ дѣлопроизводства можно достигнуть уменьшенія числа должностныхъ лицъ, и тогда начальства будутъ имѣть болѣе возможности изъ среды многихъ соискателей службы избрать немногихъ, но достойныхъ людей. Что касается до служебной нравственности чиновниковъ вообще, то хотя она и не всегда соответствуетъ видамъ правительства, но улучшеніе ея можетъ быть достигнуто

не иначе, какъ посредствомъ улучшенія общей народной нравственности.—*Дѣйствія судебно-медицинской полиціи.* Судебно-медицинская полиція встрѣчаетъ сильныя препятствія въ недостатокѣ врачей. Это особенно оказывается въ губерніяхъ отдаленныхъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ и пространнѣе другихъ. Въ 1855 году судебно-медицинскихъ изслѣдованій надъ человѣческими трупами было 14,281. Причинъ смерти естественной открыто болѣе чѣмъ на половину, именно 7,485 случаевъ, изъ которыхъ $\frac{1}{4}$ произошла отъ пьянства.—*Пожарная часть.* Пожарная часть въ городахъ находится вообще въ довольно-удовлетворительномъ видѣ. Во многихъ селеніяхъ помѣщичьихъ также заведены огнегасительные инструменты; они, равно какъ и находящіеся въ нѣкоторыхъ казенныхъ и удѣльныхъ селеніяхъ, въ случаѣ пожаровъ по окрестностямъ, посылаются на помощь.—*Арестантская часть.* Общее число всѣхъ арестантовъ, содержавшихся въ мѣстахъ заключенія гражданскаго вѣдомства, по дѣламъ слѣдственнымъ и судебнымъ, въ минувшемъ году простиралось до 324,391 человѣка обоаго пола. Тюрьмы гражданскаго вѣдомства наполнены арестантами до чрезмѣрности. Десять лѣтъ тому назадъ, въ 1845 году, число ихъ простиралось до 176,239. Слѣдовательно, въ настоящее время, мѣста заключенія почти вдвое болѣе наполнены арестантами. Причина такого скопленія арестантовъ происходитъ преимущественно отъ медленнаго теченія дѣлъ, о нихъ производящихся. Наблюденіе за теченіемъ дѣлъ министерство имѣетъ по полугодовымъ вѣдомостямъ, представляемымъ начальниками губерній, и по Высочайшимъ повелѣніямъ о скорѣйшемъ окончаніи слѣдственныхъ дѣлъ объ арестантахъ, содержащихся болѣе года. Въ 1855 году, министерство имѣло наблюденіе за исполненіемъ 3,185 таковыхъ Высочайшихъ повелѣній; изъ нихъ исполнено, то-есть кончено слѣдственнымъ порядкомъ, арестантскихъ дѣлъ 2339, осталось неисполненными 846. Чтобы ускорить теченіе дѣлъ арестантскихъ, въ 1855 году порученъ особый постоянный надзоръ за мѣстами заключенія, въ губернскихъ городахъ вице-губернаторамъ, а въ уѣдн-ныхъ особенно-усерднымъ чиновникамъ, по избранію губернаторовъ, при чемъ возложено на обязанность ихъ періодически посѣщать тюрьмы и заботиться, чтобы никто въ заключеніи напрасно или весьма долго не томился. Всѣ сношенія съ слѣдователями, во избѣжаніе формальной переписки, которая только замедляетъ дѣло, предписано имъ производить лично, а не письменно.—*Состоящіе подъ надзоромъ полиціи.* Состоящихъ нынѣ подъ надзоромъ полиціи болѣе 10,000 человѣкъ (1); въ 1841 году ихъ было только 1,355 человѣкъ, слѣдовательно въ 14 лѣтъ число ихъ увеличилось въ 7 разъ.—*Корчемная стража.* Съ 1843 года, на границахъ привилегированныхъ губерній усилилось корчемство, сопровождаемое буйствомъ и даже убійствами. Поэтому, въ 1850 году, учреждена особая корчемная стража изъ 450 человѣкъ, содержаніе которыхъ (90,000 руб. въ годъ) отнесено на счетъ земства. Корчемство ослабло, и въ 1854 году вовсе не было случаевъ перевоза корчемнаго вина транспортами изъ привилегированныхъ губерній въ великороссійскія, и буй-

(1) Изъ нихъ болѣе 9,000 человѣкъ освобождены изъ подъ надзора полиціи по Всемилостивѣйшему манифесту, 26-го августа 1856 года.

ства корчемниковъ. Посему стража упразднена и оставлена до времени въ одной Смоленской губерніи, въ числѣ 75 человѣкъ. Корчемная стража стоила земству, съ 1850 года, до 450,000 руб.

III. Общественное призрѣніе. *Пособія пострадавшимъ отъ войны.* Военныя обстоятельства минувшаго года увеличили потребность общественаго призрѣнія. Посему, особо учрежденными по Высочайшему повелѣнію комитетами были выдаваемы пособія жителямъ южнаго края, потерпѣвшимъ отъ непріятеля. Людямъ податнаго состоянія и отставнымъ солдатамъ выдавалось до 15 руб. на семейство, людямъ средняго сословія до 30 рублей, дворянамъ и чиновникамъ, не ниже 8 класса, до 50 руб. До 1-го января 1856 года, такія пособія были розданы въ 8 губерніяхъ 312 семействамъ, состоящимъ изъ 1,033 человѣкъ. Въ текущемъ 1856 году, кругъ дѣйствій по вспоможенію жителямъ южнаго края, потерпѣвшимъ отъ войны, значительно расширенъ. Служащимъ чиновникамъ, оставившимъ свои города по военнымъ обстоятельствамъ, выдавалось, на подъемъ по 70 руб. на семейство. Чиновникамъ Таврической и Керсонской губерніи, вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, выданы полугодовые оклады ихъ жалованья. Частныя пожертвованія въ пользу разоренныхъ непріятелемъ жителей стекались со всѣхъ концовъ Россіи, и если пожертвованія эти не могли восполнить всѣхъ потерь, испытанныхъ разоренными, то выразили сѣрдоболіе всего народа Русскаго. По подпискѣ, открытой 23-го апрѣля 1855 года по всей имперіи, въ пользу семействъ храбрыхъ моряковъ, потерявшихъ дома и имущество во время разгрома севастопольскаго, собрано въ теченіе 1855 года—173,386 р., а по 15-е июня 1856 года—357,791 р. Въ пользу недостаточныхъ семействъ воиновъ, назначенныхъ для защиты С.-Петербурга и прибалтійскихъ береговъ, было пожертвовано въ 1855 году 45,662 руб., а всего во время войны до 100,000 руб. Здѣсь упоминается только о тѣхъ пожертвованіяхъ, которыя поступали въ разныя мѣста и комитеты вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ; но, сверхъ того, значительныя пожертвованія въ пользу потерпѣвшихъ отъ непріятеля поступали и по разнымъ другимъ вѣдомствамъ. — *Пожары и пособія погорѣвшимъ.* Пожаровъ было въ минувшемъ году 5,710, въ томъ числѣ отъ грозы 459. Погибло на пожарахъ 126 человѣкъ, въ томъ числѣ взрослыхъ—37 мужчинъ и 35 женщинъ, дѣтей—32 мальчика и 22 дѣвочки. Самые опустошительныя пожары, истребившіе отъ 150 до 450 домовъ, были: Астраханской губерніи, Царевскаго уѣзда, въ слободѣ Николаевской; Нижегородской губерніи, въ городѣ Горбатовѣ и смежномъ съ нимъ селѣ Избыльцѣ; Оренбургской губерніи, на западѣ Златоустовскомъ и Бѣлорѣцкомъ, въ городахъ Саратовѣ, Владимірѣ; Камышинѣ, Саратовской губерніи; Княгининѣ, Нижегородской; Рославлѣ, Смоленской; Красноуфимскѣ, Пермской; Меленкахъ, Владимірской; и Верхнемъ-Ломовѣ, Пензенской; въ Москвѣ, во время сильнаго пожара въ Лефортовской части, сгорѣло 67 домовъ. Въ пособіе пострадавшимъ отъ пожаровъ (преимущественно въ прежніе годы) выдано 330,903 р. 90¹/₄ к., изъ коихъ безвозвратно роздано 18,437 р. 54¹/₄ к., а въ ссуду 312,466 р. 36 к. Частныя пожертвованія въ пользу погорѣвшихъ были незначительны и простирались

только до 2,500 рублей. — *Наводненія и пособія потерпѣвшимъ отъ наводненія.* Наводненія, при разлитіи весеннихъ водъ, въ 1855 году были чрезвычайныя сильныя. Болѣе всего отъ нихъ пострадалъ городъ Орелъ, третья часть котораго была затоплена, и жители понесли убытку до 150,000 р.; въ Москвѣ были затоплены многіе дома, близкіе къ Москвѣ-рѣкѣ, отъ чего произошло убытку до 54,000 руб. Въ Ковно, гдѣ большая часть домовъ была потоплена, разрушено изъ нихъ 24 и повреждено 67; убытку 40,000 р. Тверь, за исключеніемъ Городской части, была вся въ водѣ; Калязинъ, Корчева, Зубцовъ и многія селенія ихъ уѣздовъ сильно пострадали отъ весеннихъ наводненій. Весь убытокъ отъ этихъ несчастій былъ болѣе, чѣмъ на 320,000 р. Нѣкоторымъ жителямъ городовъ Орла, Зубцова, Калязина и Дисны, болѣе прочихъ потерпѣвшихъ отъ наводненія, выданы изъ Государственнаго Казначейства, на законномъ основаніи, десять процентовъ цѣнности потерь ихъ. — *Бури и землетрясенія.* Бури съ особою силою и разрушительностію дѣйствовали въ первой половинѣ года. Особенно сильны были въ Харьковѣ и Екатеринославѣ. Ураганъ пронесся 15-го мая въ Тульской губерніи и образовалъ водяной смерчъ (тифонъ) — явленіе, бывающее въ той сторонѣ. Случаевъ землетрясенія было 4; изъ нихъ 2 за Кавказомъ, 1 въ Ставропольской губерніи и 1 въ Бессарабин. Всѣ они были безвредны. — *Заведенія Приказовъ Общественнаго Призрѣнія.* Для Общественнаго Призрѣнія устроены на счетъ приказовъ разнаго рода богоугодныя заведенія, которыхъ въ 1855 году считалось 797. Сими заведеніями было призрѣно обоюго пола и всѣхъ возрастовъ до 255,717 чел. Воспитательныхъ заведеній — 54; въ томъ числѣ сиротскихъ домовъ 19, воспитательныхъ 17, училищъ для дѣтей канцелярскихъ служителей 15, фельдшерскихъ школъ 3. Во всѣхъ заведеніяхъ было 5,645 дѣтей обоюго пола. Богдѣленныхъ заведеній и инвалидныхъ домовъ — 123; въ нихъ, въ теченіе 1855 года, было призрѣно 6,793 чел. Исправительныхъ заведеній, то-есть смирительныхъ и рабочихъ домовъ — 36; въ нихъ содержалось 2,621 чел. На содержаніе всѣхъ сихъ заведеній, а также на производство пособій учебнымъ и богоугоднымъ заведеніямъ разныхъ вѣдомствъ, въ 1855 году израсходовано 3,317,678 руб. 68²/₄к. — *Частная благотворительность.* Частная благотворительность, направленная къ призрѣнію и помощи бѣднымъ и безпомощнымъ, не оскудѣвала и въ минувшемъ году.

IV. Ниовѣрцы. *Церковь Латинская.* Послѣдователей Латинской церкви 2,770,509 обоюго пола. Они преимущественно живутъ въ возвращенномъ отъ Польши западномъ краѣ; всего болѣе въ ихъ губерніяхъ Ковенской (²/₄ всего населенія), Виленской (¹/₂), и въ Гродненской (болѣе ¹/₂). Изъ великороссійскихъ губерній, Римско-Католиковъ много живетъ въ колоніяхъ Херсонской губерніи (болѣе 27,000), Самарской (до 25,000) и Саратовской (19,000). Армяно-Католиковъ до 14,500, частью въ губерніяхъ Подольской Таврической и Астраханской, но болѣе въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ. — *Церковь Армяно-Грегоріанская.* Послѣдователей Армяно-Грегоріанской церкви 381,708 человекъ обоюго пола. Они живутъ преимущественно въ Кавказскомъ краѣ, а также въ Новороссіи и Астраханской губерніи. — *Протестантскія исповѣданія.* Принадлежащихъ къ еван-

гелическимъ исповѣданіямъ 1,928,329 обоего пола; въ томъ числѣ лютеранъ 1,884,058, реформатовъ 17,271 чел. Лютеране живутъ преимущественно въ прибалтійскихъ губерніяхъ; всего болѣе ихъ въ губерніяхъ Эстляндской ($\frac{2}{3}$ всего населенія), Лифляндской ($\frac{2}{3}$) и Курляндской (болѣе $\frac{1}{2}$). Изъ великороссійскихъ губерній, лютеранъ много живетъ въ С.-Петербургской (147,681), Саратовской (82,008), Самарской (50,194), Ковенской (30,617), Херсонской (21,521) и Бессарабской области (20,674). Нѣтъ губерній, гдѣ бы не было лютеранъ, хотя не въ большомъ числѣ. Реформаты живутъ преимущественно въ Ковенской губерніи (87,645 челов.) и другихъ западныхъ. — *Магометане*. Магометанъ считается до 2,380,000 чел. обоего пола. Кромѣ Кавказа, послѣдователей закона Магометова болѣе всего въ губерніяхъ Таврической и Казанской. Кромѣ того, мусульмане живутъ, въ небольшомъ количествѣ, въ западныхъ губерніяхъ: Минской, Гродненской, Виленской, Волынской и Подольской. — *Евреи*. Евреевъ, какъ талмудистовъ, такъ и караимовъ, 1,225,182 обоего пола. Они живутъ преимущественно въ западномъ краѣ, гдѣ находится $\frac{2}{3}$ всего еврейскаго населенія въ Россіи. Особенно много Евреевъ въ губерніяхъ Кіевской ($\frac{1}{8}$ мѣстнаго населенія), Могилевской, Волынской и Ковенской (по $\frac{1}{6}$). — *Ламаити*. Послѣдователей Будды или ламаитовъ 194,800 человекъ. Сюда принадлежатъ народы монгольскаго племени (Монголы, Буряты и Калмыки), живущіе въ Иркутской, Астраханской и частию Оренбургской и Саратовской губерніяхъ. Въ европейской Россіи буддистовъ 65,363, въ Сибири 129,437. Всѣ идолопоклонники находятся на самой низкой степени гражданственности и не умѣютъ грамотѣ. Поэтому нѣтъ никакихъ учреждений для завѣдыванія ихъ духовными дѣлами.

V. Народное здоровье. Для народнаго здоровья минувшій годъ былъ несравненно тяжелѣе предшествовавшихъ. Въ имперіи, за исключеніемъ Кавказа и земли Войска Донскаго, и не считая войска, 849,706 челов. подверглось эпидеміямъ; изъ нихъ 163,011 умерло. Принимая съ соображеніемъ число наличнаго населенія, оказывается, что изъ 68 жителей одинъ подвергся эпидемическимъ болѣзнямъ, а изъ 356 сдѣлался жертвою ихъ. Эпидеміи въ 1855 году были слѣдующія: холера, тифъ, поносы, горячки, оспа и другія сыпи, лихорадки и карбункулы. Больше всего народъ потерялъ отъ холеры. Ею заболѣло 328,410 челов., изъ которыхъ умерло 131,107. Потеря людей отъ этой эпидеміи въ 5 разъ превосходитъ потерю отъ всѣхъ прочихъ эпидемій 1855 года. Противъ 1854 года, она была въ 11 разъ сильнѣе, и число жертвъ ея сравнилось съ числомъ ихъ за три предшествовавшіе года (1852, 1853 и 1854). При наступленіи 1855 года, холера держалась весьма въ слабой степени въ С.-Петербургѣ и въ губерніяхъ Таврической, Херсонской, Эстляндской, Гродненской, Орловской и Смоленской, но не была губительна. Весной она возникла съ новою силой и распространилась по губерніямъ южнымъ и западнымъ, проникла въ губерніи внутреннія; но, по мѣрѣ приближенія къ востоку, слабѣла болѣе и болѣе, а въ губерніяхъ замосковскихъ не была признана эпидемическою. Только въ Нижнемъ-Новгородѣ, во время ярмарки, число холерныхъ случаевъ было болѣе, чѣмъ въ мѣстахъ окрестныхъ. Все Поволжье, отъ Нижняго-Новгорода до Ка-

спѣскаго моря, губерніи восточныя, сѣверныя и сибирскія избавились отъ сей губительной болѣзни. Больше всѣхъ пострадали отъ нея губерніи: Волынская (умерло 16,360 человѣкъ), Черниговская (15,307), Кіевская (40,704) и Орловская (10,451). Характеръ холеры 1855 года былъ весьма губителенъ: изъ 5 больныхъ умирало 2. Ходъ ея совершился быстро; къ концу года она повсемѣстно почти прекратилась, слабо удерживаясь въ одномъ С.-Петербургѣ.—Тифъ былъ повсемѣстно. Изъ 75,194 ч. больныхъ умерло 11,725. Условія, неизбѣжно сопряженныя съ войною, много способствовали развитію тифа въ югозападныхъ губерніяхъ, изъ которыхъ Полтавская и Волынская потеряли болѣе другихъ.—*Мѣры охранительныя.*

а) Противъ холеры. До сихъ поръ умъ человѣческій еще не могъ обяснить условія и средства распространенія холеры, до сихъ поръ люди не могли придумать положительно-опредѣленныхъ мѣръ предохраненія отъ этой губительной болѣзни. Потому, правительству оставалось только принимать своевременныя мѣры къ призрѣнію больныхъ и оказанію имъ врачебной помощи и охранять народъ отъ усиленія эпидеміи, внушая ему исполненіе дознанныхъ опытомъ мѣръ предосторожности. Въ этомъ отношеніи, мѣстныя начальства дѣлали, что могли. Тамъ, гдѣ оказывалась холера, при постоянныхъ больницахъ устраивались особенныя отдѣленія для пораженныхъ сею эпидеміею, или учреждались особыя временныя лѣчебницы; больныхъ холерою лѣчили бесплатно и всѣмъ врачамъ поставлено было въ непремѣнную обязанность являться по первому призыву къ каждому больному, почувствовавшему холерическіе припадки.—

б) Противъ оспы. Но если холера еще до сихъ поръ не покоряется пыливости ума человѣческаго, то оспу, нѣкогда еще болѣе губительную язву, давно покорила наука. Вѣковымъ опытомъ доказана полезность предохранительнаго оспопрививанія. Для предоставленія всему народу возможности пользоваться этимъ спасительнымъ средствомъ, по всѣмъ губерніямъ учреждены Оспенные Комитеты, умножено число оспопрививателей (до 10,000), тщательно снабжаемыхъ инструментами и оспенной матеріей. Но, несмотря на это, оспа не выходитъ изъ предѣловъ Имперіи. И въ 1855 году, въ 16 губерніяхъ, 5,669 человѣкъ было поражено оспой; изъ нихъ болѣе 900 умерло. Особенно сильно было дѣйствіе ея въ Саратовской губерніи, гдѣ изъ 1,120 больныхъ $\frac{1}{2}$ сдѣлались жертвою болѣзни. Причины неуспѣховъ оспопрививанія заключаются частью въ недостаточности надзора за оспопрививаніемъ на мѣстахъ, частью въ предразсудкахъ нѣкоторой части народа. Въ 1855 году, оспопрививаніе было наименѣе успѣшно въ губерніяхъ Ярославской и Олонецкой; въ первой изъ нихъ, младенцевъ, оставшихся безъ прививной оспы, въ $4\frac{1}{2}$ раза болѣе тѣхъ, которымъ она была привита, а въ Олонецкой почти втрое. Самое успѣшное оспопрививаніе было въ Пензенской губерніи; здѣсь число младенцевъ, которымъ привита оспа, въ 80 разъ превосходитъ число оставшихся безъ оспопрививанія. Недостатокъ мѣстаго надзора за оспопрививаніемъ зависитъ отъ того, что онъ не сосредоточенъ въ губерніяхъ, а порученъ отдѣльнымъ управленіямъ, причѣмъ единства дѣйствій и успѣшнаго надзора ожидать трудно. Для устраненія этого недостатка и вообще для устройства сей важной для охраненія народнаго здоровья части, особенно же для принятія мѣръ ко

вторичному прививанію оспы, въ 1855 году составлена была при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особая коммиссія. — в) Противъ сифилитической болѣзни. Введенныя бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Перовскимъ мѣры противъ распространенія сифилитической болѣзни въ обѣихъ столицахъ и на Нижегородской ярмаркѣ были приводимы въ дѣйствіе и въ 1855 году. Особенное вниманіе было обращено въ минувшемъ году на фабричныхъ работниковъ, приходящихъ въ Москву изъ разныхъ губерній и разносящихъ губительную язву по селеніямъ. Для государства, сифилитическая болѣзнь несравненно опаснѣе всѣхъ прочихъ болѣзней. Холеpa, тифъ и другія эпидеміи суть болѣзни временныя; сифилитическая же составляетъ постоянный бичъ для народа, тѣмъ болѣе ужасный, что она дѣйствуетъ разрушительно и на будущія поколѣнія. Посему, для охраненія народнаго здоровья, какъ въ нынѣшнемъ поколѣніи, такъ и въ будущихъ, необходимы дѣятельныя и однообразныя мѣры для истребленія этой пагубной язвы. — г) Противъ чумы. Въ 1855 году, карантинныя мѣры неизбѣжно должны были измѣнить обыкновенный свой порядокъ. Со вторженіемъ непріятеля въ Крымъ, карантинная охрана этого полуострова была нарушена. Кровавопролитыя дѣла, бывшія на небольшомъ пространствѣ осенью и зимою 1854 года, неисправное зарытіе труповъ, прямыя сношенія непріятельскаго стана съ Константинополемъ и Анатоліей и другія обстоятельства возбудили опасенія, что съ весны 1854 г. можетъ подъ стѣнами Севастополя открыться чума и оттуда проникнуть во внутреннія области имперіи. Для огражденія государства учреждена была карантинная линія отъ Геническа черезъ Чонгарь, съ тѣмъ, чтобы при первомъ извѣстіи о появленіи чумы на Крымскомъ полуостровѣ, три карантина на этой линіи тотчасъ же начали свои дѣйствія. Въ случаѣ такого несчастія, должна была открытъ дѣйствія и обсервационная линія отъ Ногайска до Херсона. По милости Господней, чума не оказалась, и въ октябрѣ 1855 года чрезвычайныя карантинныя мѣры были прекращены. — д) Надзоръ за безвредностью състныхъ припасовъ. Надзоръ за свѣжестью и безвредностью състныхъ припасовъ, находящихся въ продажѣ, составлялъ одну изъ важнѣйшихъ обязанностей мѣстныхъ властей. Въ 1855 году было 41 случай отравленія сырой или недовареной соленой рыбой, отъ чего 31 человекъ умеръ. — *Учрежденія для пользованія больными.* Учрежденія для пользованія больными, состоящія въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, суть слѣдующія: больницы городскія, тюремныя и частныя, дома умалишенныхъ, водолѣчебныя заведенія и аптеки. Сюда не входятъ больницы столичныя, находящіяся въ вѣдомствѣ Опекунскихъ и Попечительныхъ совѣтовъ. — а) Больницы. Городскихъ больницъ 533; въ томъ числѣ губернскихъ 65, уѣздныхъ 469. Въ нихъ кроватей 18,866. Тюремныя больницы заведены въ самыхъ тюремныхъ замкахъ. Въ 1855 году, во всѣхъ больницахъ лѣчилося 333,326 человекъ; сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ болѣе на $\frac{1}{3}$. Изъ нихъ выздоровѣло 275,065, умерло 33,383, то-есть изъ 10 человекъ одинъ. Смертность была вообще сильнѣе въ больницахъ уѣздныхъ (1:9), нежели въ губернскихъ (1:10, 6), но менѣе чѣмъ въ тѣхъ и другихъ она была въ больницахъ тюрем-

ных (1:13). Замѣчаемое повсемѣстно и ежегодно, болѣе успѣнное лѣченіе въ больницахъ тюремныхъ, чѣмъ въ городскихъ, объясняется тѣмъ, что въ больницы городскихя поступаютъ люди, уже сильно одержимые недугами, тогда какъ арестантъ поступаетъ въ больницу тотчасъ, какъ почувствуетъ первые припадки болѣзни. Городскія больницы требуютъ значительныхъ улучшеній. Скудость средствъ врачебныхъ и денежныхъ въ больницахъ уѣздныхъ и недостатокъ врачей составляютъ причину ихъ неудовлетворительнаго состоянія. Больницы губернскаго должны бы находиться въ несравненно лучшемъ состояніи, чѣмъ уѣздныя, какъ по причинѣ ближайшаго надзора за ними губернскихъ властей, такъ и по болѣе достаточности средствъ; но на дѣлѣ оказывается, что по 29 губерніямъ смертность въ губернскихъ больницахъ сильнѣе, чѣмъ въ уѣздныхъ, а по 5 одинакова. Въ больницахъ губернскихъ, къ сожалѣнію, обращается слишкомъ большое вниманіе на наружный блескъ, не рѣдко въ ущербъ существеннымъ надобностямъ заведеній. Такое состояніе больницъ требуетъ пересмотра больничнаго устава и нѣкоторыхъ измѣненій въ самомъ устройствѣ больницъ. Кромѣ городскихъ больницъ, содержимыхъ на суммы приказовъ Общественнаго Приархія, существуютъ еще слѣдующія больничныя заведенія, содержимыя на проценты особыхъ капиталовъ, составившихся изъ добровольныхъ пожертвованій: больница въ память Императора Александра I-го въ г. Ромнѣ, Полтавской губерніи, больничныи Золотаревскій домъ въ Калугѣ, временная купеческая больница на Нижегородской ярмаркѣ, Киселевская больница въ г. Шуѣ, Владимірокой губерніи, Мацневское благотворительное заведеніе для неизлѣчимо-больныхъ въ Орлѣ, еврейскія больницы въ Минскѣ, Могилевѣ, Мстиславѣ и Орнѣ. Частныя больничныя заведенія находятся при владѣльческихъ заводахъ и во многихъ помѣщичьихъ населенныхъ мѣстностяхъ. Вообще должно сказать, что эти больницы составляютъ истинное благодѣяніе для народа, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ доступны и для страдальцевъ постороннихъ. — б) Дома умалишенныхъ. Заведеній для пользованія умалишенныхъ 51, на 1,498 кроватей. Въ нихъ, въ теченіе 1855 года, находилось 2,827 человекъ, всего болѣе въ губерніяхъ Московской (251), Полтавской (164) и Херсонской съ Одесскимъ градоначальствомъ (158); всего менѣе въ Саратовской (7). Дома умалишенныхъ находятся вообще не въ удовлетворительномъ состояніи, какъ по своему устройству, такъ и по недостатку особыхъ спеціальныхъ врачей, а потому и требуютъ особенной попечительности правительства, для приведенія ихъ въ уровень съ подобными заведеніями, находящимися въ другихъ государствахъ. — в) Цѣлительные источники. Цѣлительные источники находятся въ 11-ти губерніяхъ (4), кромѣ Кавказа. На нихъ, въ 1855 году, лѣчилось 2,392 человека, то-есть $\frac{1}{8}$ менѣе противъ 1854 г.; но за то, число выздоровѣвшихъ (1,436) превосходило слишкомъ вдвое число ихъ въ 1854 году. — г) Лѣченіе искусственными водами. Лѣченіе искусственными во-

(1) Самарской, Харьковской, Гродненской, Лифляндской, Виленской, Пермской, Курляндской, Тамбовской, Ковенской, Астраханской, Витебской.

дами производится въ обѣихъ столицахъ, Одессѣ, Кіевѣ и Ригѣ; въ заведеніяхъ сего рода льчилось 1,598 человекъ, изъ которыхъ 645 получили исцѣленіе. Кромѣ существующихъ уже въ Москвѣ трехъ заведеній сего рода, въ 1855 году разрѣшено открыть четвертое. — д) Морскія купанья и цѣлительныя грязи. Морскія ванны въ Ревелѣ, въ минувшемъ году, по военнымъ обстоятельствамъ, были закрыты, а въ Гапсагѣ и на островѣ Эзелѣ число пользовавшихся было незначительно. Для морскихъ купаній на берега Лифляндіи въ 1855 году пріѣзжало 3,403 больныхъ, а въ Одессу 253. Лѣченіе крымскими цѣлительными грязями, по случаю военныхъ обстоятельствъ, не производилось. — е) Аптеки. Вольныхъ аптекъ въ имперіи 762, въ нихъ поступило въ 1855 году 3,487,565 рецептовъ; это число на $\frac{1}{3}$ болѣе противъ 1854 года, что объясняется усиленіемъ болѣзней въ минувшемъ году. Открыто новыхъ аптекъ 10; дано разрѣшеніе на устройство аптекъ въ 11 мѣстахъ. — ж) Врачи. Врачей, находящихся въ губерніяхъ, на службѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ 2,175; незамѣщенныхъ вакансій 238, то-есть еще десятой частію потребно увеличить число врачей, только для того, чтобы цѣлыя города и уѣзды не оставались вовсе безъ медицинскаго пособія. Недостатокъ врачей и фельдшеровъ весьма ощутителенъ, особенно въ губерніяхъ отдаленныхъ, гдѣ нѣтъ медиковъ, ни вольнопрактикующихъ, ни состоящихъ при дворянскихъ имѣніяхъ. Для постепеннаго замѣщенія сихъ вакансій, въ медицинскихъ факультетахъ на счетъ министерства содержится 95 стипендіатовъ и 139 человекъ приготавливаются въ гимназіяхъ къ слушанію медицинскихъ курсовъ. Изъ стипендіатовъ, въ 1855 году, 15 человекъ получили званіе врачей; всѣ они размѣщены въ Сибири, особенно нуждающейся въ медикахъ.

VI. Народное хозяйство. *Сельское хозяйство, степень урожая хлѣба.* Минувшій годъ принадлежитъ къ числу самыхъ неурожайныхъ. Неурожай оказался почти повсемѣстно, особенно же въ тѣхъ губерніяхъ, которыя, находясь на черноземной полосѣ, справедливо считаются житницею Россіи (1), и въ Остзейскомъ Краѣ, гдѣ долговременный рациональный трудъ неблагоприятную почву сдѣлалъ столько же плодородною, какъ и черноземъ. Еще скуднѣе сборъ хлѣба былъ въ 7 западныхъ губерніяхъ (2), всегда неплодородныхъ, и въ изобильномъ, въ обыкновенные годы, краѣ новороссійскомъ. Въ остальныхъ губерніяхъ, урожай былъ не болѣе какъ посредственный, кромѣ 9 сѣверныхъ и сибирскихъ (3), гдѣ онъ былъ удовлетворителенъ, но все-таки не изобилентъ. — *Цѣны на хлѣбъ.* Несмотря на то, что въ Россіи оставался большою запасъ хлѣба прежнихъ урожаевъ, который, по обстоятельствамъ войны, не могъ быть вывезенъ за границу, цѣны въ 1855

(1) Курская, Воронежская, Тамбовская, Пензенская, Рязанская, Тульская, Калужская, Орловская, Харьковская, Полтавская и Черниговская.

(2) Витебская, Могилевская, Смоленская, Минская, Гродненская, Виленская и Ковенская.

(3) Тобольская, Томская, Енисейская, Пермская, Вятская, Казанская, Вологодская, Новгородская и Санктпетербургская.

году повсемѣстно были выше цѣнъ 1854 года. Въ губерніяхъ бѣлорусскихъ и западныхъ, въ Малороссіи и Новороссійскомъ краѣ, онѣ поднялись вдвое, втрое и даже вчетверо. Въ концѣ минувшаго года, цѣна ржи была въ западныхъ губерніяхъ отъ 10 до 15 руб. 60 к., цѣна пшеницы въ Таврической губерніи дошла до 18 руб., а въ Виленской до 20 руб.; самыя низкія цѣны были въ губерніяхъ нижеволжскихъ и восточныхъ, а равно и въ Сибири, но и тамъ были выше прошлогоднихъ. Степень возвышенія цѣнъ на хлѣбъ въ 1855 году представляется изъ слѣдующаго сравненія: къ 1-му января 1855 года, средняя цѣна ржи по имперіи была 3 руб. 63 коп., а къ 1-му января 1856 года 5 руб. 76 к.; пшеница съ 5 руб. 58 к. поднялась до 8 руб. 88 к., а овесъ съ 2 руб. 52 к. до 4 руб. 42 к. По этому возвышенію цѣнъ на хлѣбъ нельзя однако заключить, чтобы оно имѣло вліяніе на увеличеніе прибытковъ рабочаго класса и на улучшеніе его благосостоянія. Возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ, происшедшее вслѣдствіе скопленія войскъ въ однихъ мѣстахъ и отъ другихъ обстоятельствъ, вызванныхъ минувшею войною, доставило выгоды не земледѣльцамъ и вообще не сельскимъ хозяевамъ, но торговцамъ, поставившимъ хлѣбныя продукты.—

Общее замѣчаніе о сельскомъ хозяйствѣ. Россія, по естественному положенію своему, есть государство земледѣльческое, и развитіе ея земледѣльческихъ силъ преимущественно можетъ способствовать къ процвѣтанію ея въ будущности. Но, къ сожалѣнію, земледѣліе въ Россіи находится далеко не на такой степени развитія, какого бы ожидать слѣдовало. Въ губерніяхъ плодородныхъ, цѣны на хлѣбъ бываютъ столь низки, что крестьянинъ почти не можетъ держать въ порядкѣ свое домашнее хозяйство, требующее, кромѣ хлѣба, и денегъ. Это обстоятельство заставило крестьянъ губерній хлѣбородныхъ по нуждѣ оставлять свои селенія, чтобы искать заработковъ на сторонѣ, а это породило въ нихъ великую любовь къ сохѣ и пашнѣ и наклонность къ мелкой промышленности, которая даетъ денегъ больше, чѣмъ трудъ земледѣльческій. Обширность Россіи и затруднительность сообщенія много препятствуютъ успѣхамъ нашего сельскаго хозяйства. Есть много мѣстностей, гдѣ крестьянинъ возитъ хлѣбъ гужомъ по зимнему пути, верстъ за 250 и за 300, до пристани или до другаго торговаго пункта. Не говоря уже о неизбѣжной при семъ тратѣ времени, крестьянинъ иногда до половины цѣнности провозимаго хлѣба употребляетъ на содержаніе себя въ пути и на кормъ лошади. Принявъ это въ соображеніе, нельзя не признать справедливымъ того мнѣнія, что наше земледѣліе далеко не приноситъ столько выгоды помѣщикамъ и земледѣльцамъ, сколько торговцамъ изъ вторыхъ рукъ, которые скупаютъ хлѣбъ для поставки въ казну или для отправки за границу.—

Городское хозяйство. Городская дѣятельность. Въ минувшемъ году, городская дѣятельность, сравнительно съ прежними годами, повсюду ослабѣла. Кромѣ частной, временной причины неудовлетворительнаго состоянія нашей городской промышленности, заключающейся въ обстоятельствахъ минувшей войны, есть еще общая, постоянная причина, препятствующая повсемѣстному развитію городской дѣятельности. Она заключается въ томъ, что многіе города, особенно уѣздные, по географическимъ и другимъ условіямъ не могутъ

доселѣ сдѣлаться центрами промышленной дѣятельности. — *Доходы и расходы городов.* По росписямъ 623 городовъ имперіи на 1855 годъ было исчислено: доходовъ 10,066,397 руб. 50 коп., остатка 45,319 р.; противъ 1854 года доходы уменьшились на 144,000 р., что составляетъ 1½ процента, а расходы увеличились на 388,000 руб., то-есть на 4%. Уменьшеніе доходовъ произошло: а) отъ упадка или совершеннаго прекращенія нѣкоторыхъ городскихъ сборовъ, вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ; б) отъ прекращенія пособій, которыя нѣкоторымъ городамъ прежде выдаваемы были изъ государственной казны, и отъ того, что въ городахъ Севастополѣ, Евпаторіи и Керчи вовсе не было собрано доходовъ, тогда какъ въ обыкновенные годы собиралось ихъ до 50,000 руб. Увеличеніе расходовъ зависѣло отъ того, что по многимъ городамъ потребовались усиленныя противу прежняго издержки на выдачу воинскимъ чинамъ квартирныхъ денегъ и на другія военныя надобности. — По значительности ежегодныхъ оборотовъ, какъ видно изъ смѣтныхъ исчисленій, первое мѣсто принадлежитъ Санктпетербургу, гдѣ, по росписи 1855 года, исчислено доходовъ 2,023,942 руб., что составляетъ около одной пятой доли всѣхъ вообще городскихъ доходовъ имперіи. За тѣмъ, по количеству исчисленныхъ доходовъ, слѣдуютъ: Москва (1,325,200 р.) и десять городовъ, имѣющихъ дохода болѣе 100,000 р., — Одесса, Рига, Кіевъ, Нижній-Новгородъ, Харьковъ, Саратовъ, Архангельскъ, Казань, Астрахань и Кронштадтъ. — *Ярмарки.* Значительныхъ ярмарокъ, то-есть такихъ, на которыхъ привозится товаровъ болѣе чѣмъ на 300,000 р., въ Россіи 36. Въ этомъ числѣ главныхъ, на которыя привозится болѣе чѣмъ на 5 милліоновъ р., 7 ярмарокъ: Нижегородская, Ирбитская, Полтавская, Крещенская въ Харьковѣ, Коренная, Урюпинская и Кролевецкая; такихъ, на которыхъ бываетъ товаровъ на сумму отъ 1,000,000 до 5,000,000 р., — 10; на сумму отъ 500,000 до 1,000,000 р., — 5 ярмарокъ, и на сумму отъ 100,000 до 500,000 рублей — 14 ярмарокъ. — *Общее замѣчаніе.* Народное богатство, составляя главнѣйшую основу благосостоянія государственнаго, всегда требуетъ особенной заботливости правительства; но заботы о развитіи его въ Россіи, въ настоящее время, когда вездѣ и во всѣхъ чувствуется стремленіе къ улучшеніямъ представляютъ предметъ первѣйшей важности. Россію щедро одарилъ Господь всѣмъ, но силы ея еще далеко неразвиты. Отъ развитія ихъ государство русское можетъ ожидать будущности блистательной. Чтобы возбудить надлежащимъ образомъ силы Россіи къ полезной дѣятельности, потребны не однѣ мѣры правительственныя: нужно содѣйствіе частныхъ дѣятелей, образованныхъ и предприимчивыхъ, ибо въ этомъ отношеніи капиталъ умственный важнѣе не мѣтѣ капиталовъ денежныхъ.

VII. Сословія. Дворянство русское всегда являло себя достойнымъ своего призванія, и Вѣнценосные Преди Его Императорскаго Величества жаловали за то своими милостями сіе благородное сословіе, даровавъ ему важныя права и преимущества. Благополучно царствующій Государь Императоръ пріялъ Россію во дни доблестнаго стоянія народа за Царя и вѣру православную, во главѣ же сего стоянія было дворянство. — *Всемилоостивѣйшее изъявленіе Высочайшей воли объ*

изреленіи правъ дворянства. Въ сентябрѣ 1855 года, благородному російскому дворянству объявлена новая Царская милость, — Всемилютейшее изъявленіе Высочайшей воли Его Императорскаго Величества: ненарушимо охранять права, дарованныя сему сословію Августѣйшими Государями Всероссійскими. Съ благоговѣніемъ приняло дворянство милостивое слово Государя своего и поспѣшило выразить теплыя чувства преданности своей къ престолу. Изъявленіе сихъ чувствъ дворянства русскаго было повергнуто на Высочайшее Его Величества воззрѣніе. — *Дворянскіе выборы.* По всей Имперіи, дворянъ, имѣющихъ право голоса на выборахъ, 22,000. Въ 1855 году, обыкновенныя дворянскіе выборы производились въ 5 губерніяхъ и на островѣ Эзелѣ. Дворянствомъ самарскимъ и эзельскимъ избраны и Высочайше утверждены въ званіи губернскихъ предводителей лица, прежде занимавшія эти должности, а въ губерніяхъ Тамбовской, Харьковской, Виленской и Ковенской избраны и утверждены новыя лица. Въ губерніяхъ Тульской и Курской, выборы отсрочены были до 1856 г. Кромѣ того, въ 28 губерніяхъ происходили чрезвычайныя собранія дворянства для выбора офицеровъ въ Государственное Ополченіе. На всѣхъ дворянскихъ выборахъ, какъ обыкновенныхъ, такъ и чрезвычайныхъ, господствовали тишина и порядокъ, и всѣ постановленія дворянства были законны. — *Число дворянскихъ фамилій и помѣстій.* Точныхъ свѣдѣній о числѣ дворянъ и помѣстій нѣтъ нигдѣ, и потому по необходимости должно ограничиться приблизительными только цифрами и выводами. — *Дворянскихъ фамилій* въ Имперіи до 70,000. Всѣхъ помѣстій по 8 ревизіи считалось 109,000. Число это не могло съ тѣхъ поръ значительно измѣниться. По приблизительному разсчету полагаются:

помѣстій болѣе 1,000		душъ		1,400
— отъ 500	до 1,000	—	—	2,000
— — 100	— 500	—	—	18,500
— — 21	— 100	—	—	30,100
— менѣе 21	57,000 (1)
всего				109,000

Губерніи, въ которыхъ помѣщики, имѣющіе болѣе 21 души, берутъ поревѣсь передъ помѣщиками мелкопомѣстными, слѣдующія: Кіевская, гдѣ мелкопомѣстныхъ $\frac{1}{8}$ изъ общаго числа помѣщиковъ, Пермская, гдѣ ихъ $\frac{1}{4}$, Подольская, Екатеринославская, Московская, Нижегородская и Волынская, гдѣ ихъ менѣе $\frac{1}{8}$. Въ губерніяхъ Олонецкой, Черниговской и Бессарабской Области мелкопомѣстныхъ $\frac{3}{4}$ изъ общаго числа помѣщиковъ. Въ Полтавской, Орловской, Курской, Воронежской, Таврической, Смоленской, Харьковской, Рязанской, Новгородской, Виленской, Костромской, Ставропольской, Тамбовской, Оренбургской и Вологодской, мелкопомѣстныхъ больше, чѣмъ на половину всѣхъ тамошнихъ

(1) Собственно владѣній или участковъ ниже 21 души простирается до 53,100; остальные принадлежатъ помѣщикамъ, владѣющимъ въ разныхъ уѣздахъ нѣсколькими участками, каждый менѣе чѣмъ изъ 21 души, но въ совокупности превышающіе это число.

помѣщиковъ.—*Городское сословіе*. Почетныхъ гражданъ во всей имперіи въ минувшемъ году считалось до 11,000 человекъ; болѣе всего ихъ въ Московской, Владимірской и Черниговской губерніяхъ. Въ 1855 году, въ званіе потомственныхъ почетныхъ гражданъ возведено 48 мушьянъ и 13 женщинъ. Сверхъ того, 32 лицамъ мужескаго пола дано почетное гражданство личное.—Купцовъ всѣхъ гилдій считалось болѣе 300,000 человекъ. Самое большое число купцовъ въ Московской, Орловской, Кіевской, Тамбовской, Саратовской, Подольской, Тульской, Курской, Херсонской, Тверской, Владимірской и Самарской губерніяхъ.—Мѣщанъ считалось до 3,500,000 человекъ.—*Крестьяне помѣщичьи, обязанные и водворенные на собственныхъ земляхъ*. Крестьянъ помѣщичьихъ 11,800,000. Въ губерніи Тульской они составляютъ $\frac{3}{4}$ всего населенія; въ Смоленской, Могилевской, Калужской, Кіевской, Ярославской и Нижегородской они превышаютъ $\frac{2}{3}$ мѣстнаго населенія; въ губерніяхъ Астраханской, Ставропольской, Вятской и области Бессарабской ихъ мѣнѣе одною тридцатою частію всѣхъ тамошнихъ жителей, а въ Архангельской 1 помѣщичій крестьянинъ приходится слишкомъ на 1,000 человекъ крестьянъ свободныхъ.—Въ крестьяне обязанные уволено донынѣ 26,868 душъ.—Въ сословіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на своей землѣ, съ 1803 года поступило 103,891, въ томъ числѣ, въ теченіе 1855 года, шестью помѣщиками уволено 503 ревизскихъ души, въ губерніяхъ Тверской, Костромской и Ярославской. Нынѣ ихъ, съ прибылыми послѣ ревизіи, болѣе 145,000 душъ мужескаго пола.—*Число прибывшихъ иностранцевъ*. Иностранцевъ въ Имперію прибыло въ 1855 году 5,231, въ томъ числѣ изъ Европы 4,821, изъ Азіи 410.—*Число выѣхавшихъ за границу подданныхъ имперіи*. Подданнымъ имперіи въ 1855 году выдано 779 заграничныхъ паспортовъ, отсрочено пребываніе за границей 59 лицамъ.—*Вступленіе въ подданство Россіи*. Изъ проживающихъ въ имперіи иностранцевъ приняли присягу на вѣрность подданства Россіи 348 человекъ. Дозволено 5 русскимъ подданнымъ женщинамъ православнаго исповѣданія вступить въ бракъ съ иностранцами, безъ принятія ими послѣдними подданства Россіи.

С М Ъ С Ь.

ВЕСНА, ЛѢТО И ОСЕНЬ НА ЧУДСКОМЪ ОЗЕРѢ (1).

Первенство между рыболовными временами на Пейпусѣ принадлежитъ зимѣ; тогда болѣе напрягается дѣятельность рыбаковъ и бываютъ обильнѣе уловы. Но ледяная преграда, отдѣляющая рыболова отъ его стихіи, при всемъ облегченіи, доставляемомъ постройкою для него самую природою повсюду прочнаго моста, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ причиною нѣкотораго однообразія въ видахъ и споровкахъ промысла. За то, съ открытіемъ весны и съ очищеніемъ водной поверхности, рыболовство становится разнообразнѣе не только по причинѣ полной свободы дѣйствія со стороны человѣка, но и вслѣдствіе естественныхъ явленій, происходящихъ въ самомъ образѣ жизни рыбъ. Движимая инстинктивнымъ стремленіемъ къ мелководнымъ мѣстамъ, указаннымъ ей природою для метанія икры и молокъ, рыба всюду валитъ къ берегамъ и къ устьямъ рѣкъ: настаетъ такъ-называемая пора «нѣроста».

И въ весеннюю ловлю главную роль между снастями играетъ *неводъ*, но ужъ не большой, а малый, имѣющій на Чудскомъ озерѣ не болѣе 60, а на Псковскомъ не болѣе 80 сажень въ каждомъ крылѣ. Имъ промысляютъ рыбу болѣею частью ночью: человѣкъ шесть, въ томъ числѣ хозяинъ или нѣсколько хозяевъ невода, сложивъ снасть въ лодку, отправляются на ней въ устье рѣки или въ озеро, рѣдко далѣе 100 сажень отъ берега. Другую лодку, на которой одинъ конецъ патины крѣпко прицѣпленъ къ «барану», оставляютъ на якорѣ, и закинувъ неводъ, возвращаются съ своимъ концемъ патины къ берегу, гдѣ на обѣихъ лодкахъ наворачиваютъ ее на «бараны» и этимъ способомъ вытаскиваютъ снасть. «Баранъ» — не иное что какъ воротъ, состоящій изъ деревянной оси съ желѣзными концами, вставленными въ проймы двухъ небольшихъ досокъ, которыя, въ свою очередь, перпендикулярно всажены въ «мостцы» (мостки), то-есть томстую перекладину, положенную поперекъ лодки. Черезъ ось продѣты насквозь двѣ оскобленные палки, которыхъ концы образуютъ четыре ручки ворота, или «рога барана». Въ продолженіе тони бьютъ по водѣ особаго рода стукальцомъ или колотушкой, извѣстной на прибережьи подъ названіемъ «болта» или «интла», старааясь гуломъ загонять рыбу въ сѣть. Стукальце составлено изъ деревянной воронки,

(1) О зимѣ у рыболововъ Чудскаго озера см. - Русскій Вѣстникъ - 1836 года № 12.

обращенной большимъ отверзтіемъ своимъ внизъ, тогда какъ въ верхній ея конецъ вѣта оскобленная палка: взявшись за палку, ударяютъ по водѣ прямо нижнимъ большимъ отверзтіемъ воронки, имѣющимъ, впрочемъ, въ поперечникѣ обыкновенно не болѣе 2-хъ вершковъ. Такъ какъ каждая тона оканчивается довольно скоро, то въ день или въ продолженіе ночи, если только ловля удачна, успѣваютъ закинуть неводъ до пяти разъ; въ него попадаетъ вообще всякая мѣстная рыба: плотва, лещи, щуки, окуни, снѣтки и проч.

Изъ числа прочихъ рыболовныхъ снастей, кромѣ описанныхъ нами прежде *сновоиковъ* и *клещенцевъ*, закидываемыхъ также и весною для ловли щукъ и лещей, здѣсь водятся еще *борцы* или *оборцы*, *мережсы*, *турянки* и *уклейницы*; сверхъ того встрѣчается родъ морды, или верши, подъ названіемъ *рызей* или *рызцовъ*; наконецъ *переметы*, *остром* и рѣчные *заколы*.

Скажемъ сперва о *борцахъ*. Это снасть трехъ-стѣнная, рѣдкоячеистая, вязанная изъ льняныхъ нитокъ и употребляемая въ двоякомъ видѣ: для ловли плотвы малая, шириною въ $\frac{1}{2}$ саж., и длиною на «саду», то-есть въ закинутомъ положеніи, не болѣе 15 саж., а для ловли лещей въ 30 саж. Сообразно различной величинѣ своей, борцы, въ первомъ случаѣ, закидываются однимъ, въ послѣднемъ двумя человекѣми съ лодки, обыкновенно въ береговые тростники. При ловлѣ плотвы, работникъ, закинувъ снасть, толкаетъ ее какъ можно далѣе въ тростникъ и потомъ «болтомъ» или «интломъ» загоняетъ въ нее рыбу; лещовые борцы метаютъ болшею частью къ ночи также у самаго берега, гдѣ оставляютъ ихъ по нѣскольку дней, и за тѣмъ же начинаютъ вынимать рыбу.

Мережсы на Чудскомъ озерѣ называютъ одностѣнную же сѣть изъ тонкой льняной пряжи, идущую на ловлю плотвы, ряпухи и окуней. Вяжется она длиною до 50 сажень, и шириною не болѣе $\frac{3}{4}$ сажени, съ петлями около дюйма въ поперечникѣ, и унизывается на верхней тетивѣ корками, а снизу камешками. На ловлю выѣзжаютъ два человекѣ на лодкѣ: одинъ закидываетъ сѣть, другой гребетъ. Возвратившись къ берегу въ тростники и прицѣпивъ одинъ конецъ къ лодкѣ, витаскиваютъ мережу, ударяя по временамъ «болтомъ» по водѣ, чтобы загнать рыбу въ сѣть.

Къ числу сѣтей, закидываемыхъ обыкновенно ночью, принадлежатъ *турянки*: онѣ вяжутся также изъ льняныхъ нитокъ, имѣютъ ширины не болѣе одного аршина, а длины на «саду» около 30 сажень, и унизаны сверху, вмѣсто поплавокъ, трубочками изъ бересты, а снизу камешками. Ихъ закидываютъ два человекѣ съ лодки у самаго берега или недалѣе 200 сажень отъ него. Обыкновенно нѣсколько турянокъ (до 12) связываютъ вмѣстѣ, прицѣпляюгъ однимъ концомъ къ сваѣ, а потомъ растягиваютъ и закрѣпляютъ съ другаго конца къ другой сваѣ. За этимъ рядомъ турянокъ, вдоль берега на раз-

стояніи 100 сажень, ставятъ другой, и такъ далѣе, такъ что во время «нараста» побережье усыяно турянками, идущими, однѣ за другими, параллельно краямъ берега. Турянки, какъ сказано, снасть ночная: ее вынимаютъ утромъ, сушатъ и опять закидываютъ подъ вечеръ. Добычей бываютъ плотва, щука и окуни.

Когда убавится натискъ лещей и плотвы, у береговъ начинается ляться въ большомъ числѣ рыбка укля (сyrpinus alburnus), для ловли которой предназначена особая снасть — *уклейница*. Она вяжется также изъ тонкихъ льняныхъ нитокъ съ мелкими въ 1 дюймъ петлями, имѣетъ въ длину до 40, а въ ширину не болѣе 1 сажени, и унизывается корками и камешками. Привязавъ одинъ конецъ съ точной пята къ сваѣ, и сложивъ снасть въ лодку, два человѣка обѣзжаютъ на ней извѣстный крюкъ близъ берега, закидывая снасть. Возвратившись къ берегу, вытаскиваютъ ее немедленно. Ловля уклейницей производится также обыкновенно ночью и утромъ до 8-го часа; бываетъ, если мѣсто обильное, до тридцати тоннъ сряду.

Кромѣ неводовъ и сѣтей, въ «нарость» употребляется рядъ второстепенныхъ рыболовныхъ снарядовъ, изъ числа которыхъ упомянемъ сперва о *рызлахъ*, или *рызцахъ*. Это снарядъ ставный, сплетенный изъ пеньковой пряжи, мѣшкообразный, длиною до полуторы сажени, растопыренный нѣсколькими, вставленными въ него обручами, сначала большими, а потомъ исподволь уменьшающимися. Изъ обручей первый образуетъ «горло», шириною въ два аршина, и налегаетъ наземь прямою нижнею своею частію, тогда какъ дугобразная обращена къ верху. Чтобы препятствовать рыбѣ пройти мимо горла, передъ нимъ ставится стоймя мелкоячеистая, четверугольная «застава», разделяющая отверстіе рызцовъ на двѣ равныя половины. Внутри снаряда привязано обыкновенно еще второе «горло», съ узкимъ проходомъ въ самый конецъ рызцовъ, такъ что прошедшая черезъ него рыба никакъ не можетъ уже возвратиться назадъ. Рызцы ставятся въ устья рѣкъ и въ береговые тростники, прицѣпляются узкимъ концомъ своимъ къ палкѣ, вбитой въ землю, и остаются въ водѣ отъ трехъ до четырехъ недѣль. Каждое утро хозяинъ подъѣзжаетъ къ рызцамъ на лодкѣ, вытряхиваетъ рыбу, обыкновенно щуку и плотву, и спускаетъ снарядъ обратно въ воду.

Переметы встрѣчаются въ большомъ числѣ на Чудскомъ, рѣке на Псковскомъ озерѣ. Устройство ихъ весьма просто. На веревочномъ шнурѣ, длиною около 300 сажень, прицѣпляются рыболовные крючки, на разстояніи полуторы сажени другъ отъ друга, такъ что въ одномъ переметѣ или «клубкѣ» насчитывается до 200 крючковъ, наживляемыхъ рыбками, «горлявочками». Обыкновенно два хозяина, имѣющіе виѣсть до 60-ти клубковъ, въ которыхъ, поэтому, заключается до 12,000 крючковъ, отправляютъ, для спуска ихъ, 3-хъ или 4-хъ человѣкъ работниковъ на лодкѣ далеко въ

озеро. Работою этой люди занимаются до вечера, спуская переметы на дно и отмѣчая концы дощечками, «*напавками*». Вечеромъ, возвратившись домой, рыбаки выжидаютъ одни сутки и потомъ, на третій день, выѣзжаютъ опять для вынутія переметовъ, на крючки которыхъ ловятся въ особенности сига, рѣдко — угри, щуки или вообще другая рыба. Если счастье везетъ, то на одинъ переметь ловится до 50 рыбъ; но весьма часто не попадается и ни одной. Крючки переметные приготавливаются самими ловцами изъ мѣдной проволоки; наживленіе ихъ составляетъ предметъ промысла бѣдныхъ деревенскихъ женщинъ, получающихъ за то по 1½ копѣйкѣ съ «*клубка*», и сверхъ того нѣсколько изъ пойманной рыбы.

Интересны по сходству своему съ охотничьимъ орудіемъ *остроги*, удачное употребленіе которыхъ требуетъ особенной ловкости и мѣткости. Онѣ имѣютъ отъ 3-хъ до 8-ми желѣзныхъ рожковъ, или зубьевъ, длиною въ ¼ аршина на 2½ аршинномъ древкѣ. Съ «*острогой*», рыбаки, во время «*нароста*», выходятъ утромъ и въ продолженіе дня, но не ночью, на колотье щукъ, самой нескромной изъ рыбныхъ породъ въ Пейпусѣ. Проходя осторожно по водѣ береговыми, заросшими тростникомъ мѣстами, онѣ высматриваютъ рыбу, и стараясь подойти къ ней сзади, бросаетъ въ нее острогой. Ударъ, при такихъ условіяхъ, рѣдко минуетъ своей цѣли; но если ловець подойдетъ къ щукѣ спереди, то послѣдняя, завидя его, ударяется на дно и ускользаетъ. Битье щукъ «*острогами*» продолжается не долѣе четырехъ недѣль, отъ весенняго разлива водъ до тѣхъ поръ, пока прекратится пусканіе икры и молокъ.

Остается сказать два слова о рѣчныхъ *заколахъ* или *зайкахъ*, устраиваемыхъ во всѣхъ почти рѣкахъ и рѣчкахъ, вливающихся въ Пейпусъ, и которыхъ насчитывается до тридцати. Дѣлаются онѣ обыкновенно изъ длинныхъ плотно-связанныхъ между собою лучинъ, вбиваемыхъ въ дно и идущихъ, за отсутствіемъ на этотъ счетъ всякаго законнаго ограниченія, отъ одного берега вплоть до другаго. Въ заколахъ оставляютъ отъ трехъ до четырехъ полыхъ мѣстъ, гдѣ ставятъ рызцы большіе, безъ «*заставы*»; ловля въ нихъ рыбы, болѣею частью щуки, плотвы и язей, продолжается всю весну, пока стоитъ время «*нароста*». Кстати упомянуть здѣсь и о *заколахъ* зимнихъ, встрѣчаемыхъ особенно въ рѣчкахъ съ неширокими устьями. Когда вода въ нихъ покроеся льдомъ, дѣлаютъ пешнями черезъ всю рѣчку прорубь шириною въ полъ-аршина и ставятъ туда *заколы* съ промежутками для рызцовъ. Для сихъ послѣднихъ высѣкаютъ также проруби въ 1 сажень длины и въ 1½ аршина ширины: каждые три или четыре дня ловцы вытряхиваютъ рыбу изъ рызцовъ. Попадаются обыкновенно налимы, щуки и язи. Рызцы эти остаются въ водѣ всю зиму.

Послѣ «нараста», наступаетъ пора, относительно бѣдная, какъ сварядами, такъ и уловами — именно лѣто. Около Петрова дня открываютъ ловлю «*жолткось*» или «*соболькось*», то-есть молодого, недавно вышедшаго изъ яичекъ, приплода разной рыбы (1). Для этого къ маткѣ малаго весенняго невода пришиваютъ такъ называемый *тканецъ*, мѣшокъ изъ грубаго холста съ тупымъ концомъ, шириною въ отверстіи до $1\frac{1}{2}$ сажени. Естественно, что такимъ снарядомъ, сквозь который, по словамъ г-на академика Бера, не можетъ проскользнуть даже муха, вылавливаютъ самую мелкую рыбу. Производятъ ловлю точно такимъ образомъ, какъ при весеннемъ ловѣ, и начавъ ее около Петрова дня, продолжаютъ все лѣто, такъ что масса рыбной мелюзги, которой, такимъ образомъ, ежегодно льшается озеро, доходитъ до огромныхъ размѣровъ (2). По обстоятельствамъ годоваго времени и по нѣжности своей, мелюзга скоро подвергается порчѣ, почему къ просушкѣ ея должно приступать немедленно. Для этого, да и вообще для сушенія мелкой рыбы, въ томъ числѣ и снѣткось, въ рыболовныхъ деревняхъ устроены особаго рода большія печи, иногда просто на берегу подъ открытымъ небомъ, но болѣею частію въ крытыхъ деревянныхъ сараяхъ. Въ каждомъ изъ послѣднихъ бываетъ по четыре печи, по двѣ съ каждой стороны и съ проходомъ по срединѣ. Печи строятся изъ кирпича, булыжнаго камня и глины, и имѣютъ по одному устью, шириною около $1\frac{1}{2}$, вышиною до 1 аршина. За устьемъ печь расширяется во всѣ стороны и имѣетъ около 4-хъ квадратныхъ аршинъ въ поду. Трубы нѣтъ, а дымъ валитъ изъ самаго устья, и подымаясь до потолка, выходитъ въ двери. Подъ долженъ быть по возможности гладокъ и ровенъ; поэтому, на кладку его берутъ особаго рада плоскіе четырехугольные кирпичи, имѣющіе 8-мъ дюймовъ въ квадратѣ. Вслѣдствіе незначительной и одинаковой толщины ихъ (въ полтора дюйма), подъ нагрѣвается скоро и ровно. Направо отъ устья, немного къ верху, находится небольшое отверстіе, сквозь которое, по временамъ, просовываютъ въ печь зажженную лучину, чтобъ справиться о со-

(1) Ловъ этотъ (производящійся главнымъ образомъ на Псковскомъ озерѣ) безспорно долженъ быть причисленъ къ самымъ вреднымъ злоупотребленіямъ, какъ одна, если не главная, изъ причинъ замѣтнаго оскуденія некоторыхъ породъ рыбы. Впрочемъ, по поводу предположеній комиссіи, изслѣдовавшей въ 1851 и 1852 годахъ, подъ руководствомъ г. академика Бера, причины уменьшенія рыбы въ Пейпусѣ, ожидается безусловное запрещеніе правительствомъ этого рода ловли, почему должно надѣяться, что описаніе его, въ скоромъ времени, будетъ имѣть одинъ только историческій интересъ.

(2) По изслѣдованіямъ упомянутой комиссіи, въ одинъ только Псковъ отправляется каждый годъ до 10,000 бочекъ (3,000 четвертей) рыбной мелюзги на распродажу.

стояннїи сложенной туда для просушки рыбы. Печь вытапливается, смотря по количеству товара, отъ 2-хъ до 4-хъ разъ въ сутки, и сушка въ ней рыбы продолжается съ промежутками круглый годъ. Рыбу не кладутъ въ печь безъ того, чтобъ напередъ тщательно не вымести всей золы и углей, оставшихся послѣ топки, и не засыпать весь подъ мелкимъ и чистымъ бѣлымъ пескомъ, нарочно привозимымъ съ береговъ Великой и изъ другихъ мѣстъ: песокъ мѣшаетъ рыбѣ прилипать къ поду. Тогда деревянною лопаткою, извѣстною подъ названіемъ «пелки», вбрасываютъ рыбу въ печь рядками, и закрываютъ послѣднюю деревянною заслонкой. Удовольствившись, что рыба съ нижней стороны уже достаточно просохла, перевертываютъ ее на другую сторону также лопаточкою, только желѣзною съ длиннымъ древкомъ. Въ вытопленной печи помѣщается обыкновенно около 4-хъ четвериковъ рыбной мелюзги или сѣтковъ. Число самыхъ печей зависитъ отъ большей или меньшей населенности деревень; вообще говоря, на берегу Пейпуса едва ли найдется хотя одна значительная деревня изъ прилегающихъ непосредственно къ озеру, гдѣ бы не было сушильныхъ печей (1). Для храненія сушеной рыбы, при печахъ находятся амбары, деревянные, крытые тесомъ или соломою; рыба сваливается въ нихъ просто на полъ. Укладка, насыпка соли, укупорка и дальнѣйшїй сбытъ уже не дѣло ловцовъ. Этимъ, равно какъ и копченіемъ рыбы на Чудскомъ оудѣлѣ озера, занимаются торговцы, отчасти живущіе постоянно въ деревняхъ, отчасти прїѣзжіе изъ смежныхъ губерній и изъ обѣихъ столицъ. Только вялене составляетъ почти всюду занятіе самихъ ловцовъ, и провяленная рыба (щуки, окуни, лещи и плотва) идетъ на собственное ихъ потребленіе, а равно и на распродажу. Способъ вяленья весьма простъ. Выпотрошивъ рыбу и обмывъ ее въ чистой водѣ, кладутъ въ ушатъ, обсыпаютъ солью и оставляютъ такъ нѣсколько дней; потомъ, вынувъ и растопыривъ лучинкой, нанизываютъ на веревочку или связываютъ по двѣ или по три вмѣстѣ и вывѣшиваютъ на удобномъ мѣстѣ подъ навѣсомъ или на солнцѣ. Кстати упомянуть здѣсь и о среднихъ цѣнахъ, достающихся ловцамъ за рыбу: получаютъ за четвериковую мѣрку сѣтковъ сушеныхъ отъ 50 к. до 1 р., свѣжихъ отъ 20 до 30 к.; за пудъ: окуней или щукъ отъ 1 р. до 1½ р.; лещей отъ 1 р. до 4 р. (цѣны возвышаются смотря по вѣсу отдѣльныхъ лещей, которые не рѣдко вѣсятъ отъ 6 до 12 фунтовъ); судаковъ отъ 2 р. до 3 р.—Впрочемъ, зимою, какъ выше было замѣчено, свѣжая рыба продается на глазомѣръ, «огудомъ»: ее наваливаютъ въ малыя ловецкія сани, вмѣщающія около 3-хъ четвериковъ, и продаютъ на мѣстѣ улова. За полныя сѣтковъ санки по-

(1) Такъ напр. на Дерптской сторонѣ, въ 11 ловецкихъ деревняхъ (изъ 28) насчитывается не менѣе 297 рыбосушильныхъ печей.

лучаютъ около 4 рублей. Мѣру рыбы на зерновой хлѣбъ производятъ не рѣдко, особенно на Дерптской сторонѣ съ крестьянами изъ Эстовъ, при чемъ обыкновенно получаютъ одну мѣру ржи за три мѣры рыбы, мѣру ячменя за двѣ мѣры рыбы, а овса — мѣру за мѣру.

Возвращаясь къ рыболовнымъ снарядамъ, мы должны повторить, что лѣто наибѣднѣйшее въ этомъ отношеніи время. Изъ числа снастей, кромѣ мережи и неводка съ тканцемъ, въ употребленіи одинъ только «мутникъ», но и эта снасть въ дѣйстви болѣе къ осени, въ августъ и послѣдующихъ мѣсяцахъ; къ тому же ея ловится, большею частію, самая малоцѣнная изъ рыбъ — ерши, рѣдко окуни. Мутникъ вяжется изъ пеньковой пряжи, длиною въ 6, а шириною отъ 3 до 4 сажень съ матней; для ловли имъ выѣзжаютъ обыкновенно четыре человекъ на лодочкѣ довольно далеко въ озеро. Такъ какъ снасть эта ходитъ по самому дну озера на такъ-называемыхъ «жгутовъ», то-есть прикрѣпленныхъ снизу къ каждому крылу сто-саженныхъ пятахъ, обвитыхъ сѣтянымъ матеріаломъ, то во время тони вода приходитъ въ мутное состояніе, отъ чего снасть и получила свое названіе.

Осенью, кромѣ мутника, въ общемъ дѣйстви осенній неводъ, имѣющій на Псковскомъ озерѣ до 120 саж., а на Чудскомъ около 60 саж. въ крылѣ, и потому почти равняющійся въ размѣрахъ своимъ зимнему. Артели, состоящія обыкновенно изъ двѣнадцати человекъ, выѣзжаютъ на двухъ большихъ лодкахъ, изъ которыхъ въ одной помѣщаются 9 человекъ съ «сухимъ запасомъ», а въ другой 3 съ «пятиной»; жерники остаются при кормахъ. Между тѣмъ какъ лодка съ пятиной стоитъ на якорѣ, другая идетъ впередъ, два работника спускаютъ снасть въ воду, шестеро гребутъ, а жерникъ правитъ. Обойдя такимъ образомъ по водѣ извѣстный крюкъ, возвращаются къ первой лодкѣ и потомъ начинаютъ выволакивать сперва пятину, навѣртывая ее на «баранъ», а наконецъ, собравшись всѣ на одну лодку, вытягиваютъ и самую снасть, чѣмъ занимается у каждаго крыла по шести человекъ. Ловятъ этимъ способомъ большею частію ряпуху и снѣтковъ, выѣзжая вечеромъ и продолжая тони до самаго утра.

Мутникъ осенній не имѣетъ вышеописанныхъ нами жгутовъ, принадлежащихъ лѣтнему, а потому это собственно не иное что какъ небольшой неводъ; идетъ онъ всего болѣе на ловлю снѣтковъ и закидывается 8-ю человекъми съ лодки, — также подъ вечеръ и въ продолженіе ночи.

На Чудскомъ озерѣ, для ловли сиговъ, въ употребленіи «воротокъ». Это плавенная, одностѣнная изъ грубой пряжи снасть безъ

матни, вмѣщая въ длину отъ 40 до 60 сажень, а въ ширину около трехъ, и закидываемая тремя человѣками съ лодки.

Наконецъ, изъ упомянутыхъ выше ставныхъ сѣтей осенью дѣйствуютъ также *сиговки* и *клевенцы*, — послѣдніе подъ зиму. Ими ловятся, кромѣ сиговъ, щуки, лещи и судаки.

Относительно *дѣлежа* улова наблюдаются и осенью тѣ же правила, о которыхъ сказали мы выше при описаніи зимней ловли: вся добыча дѣлится сперва на двѣ равныя части, назначаемыя «на запасъ», то-есть въ пользу хозяевъ снастей, и «на народъ», для рабочихъ; потомъ обѣ половины распределяются между членами той и другой категоріи по ровну. Впрочемъ, порядка этого держатся лишь въ артеляхъ; если хозяева промышляютъ одни или при помощи своихъ работниковъ, то дѣлежа улова нѣтъ, а послѣдніе пользуются только своимъ жалованьемъ (1).

А. Тидебель.

НЕКРОЛОГЪ.

Академикъ К. И. Рабусъ.

19-го января въ евангелической лютеранской церкви Петра и Павла происходило отпѣваніе тѣла одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ художниковъ по ландшафтной живописи, академика Карла Ивановича Рабуса. Послѣ продолжительной и жестокой болѣзни, онъ скончался тихо на рукахъ жены и дѣтей своихъ, которые лишились въ немъ своей надежды и опоры. Свѣтлый, просвѣщенный умъ, прекрасныя качества души и живая, остроумная рѣчь неволью привлекали къ нему каждаго, а его глубокимъ знаніемъ теории искусства дорожили не только ученики, но и опытные художники. Лучшею похвалою ему можетъ служить нѣжная привязанность къ нему учениковъ его, которая такъ прекрасно и трогательно выразилась при его погребеніи. Они оплакивали его, какъ только дѣти оплакиваютъ своего отца, убрали его цвѣтами, увѣнчали лавровымъ вѣнкомъ; прощаясь съ нимъ, каждый взялъ себѣ на память листикъ или цвѣтокъ изъ его гроба, и потомъ на рукахъ понесли его до самаго кладбища... Они чувствовали, что онъ для нихъ незамѣнимъ!

Считаемъ не лишнимъ представить краткій очеркъ жизни и трудовъ этого замѣчательнаго человѣка.

К. И. Рабусъ родился въ маѣ 1800 года и семи лѣтъ остался круглымъ сиротою, безъ отца и матери. Опекунъ помѣстилъ его пансіонеромъ въ академію художествъ, съ платою 1,200 руб. асс. въ годъ

(1) Замѣчанія эти относятся, въ равной силѣ, до весенней и лѣтней ловли.

взъ небольшого капитала, оставленнаго ему отцомъ. Окончивъ тамъ гимназическій курсъ, и показывая большія способности къ исторической живописи, онъ предался ей съ увлеченіемъ (это была въ продолженіе всей его жизни отличительная черта его характера). Въ среднемъ возрастѣ заболѣли у него глаза, и онъ долженъ былъ долгое время пробывать въ лазаретѣ. Горько оплакивая потерянное время, онъ по выздоровленіи не могъ уже продолжать курсъ исторической живописи, потому что отсталъ отъ своихъ товарищей, и, посвятивъ себя ландшафтной живописи, оказалъ въ ней такіе успѣхи, что сдѣлался любимцемъ профессора Иванова и приобрѣлъ славу отличнаго ученика. Съ К. П. Брюловымъ онъ былъ особенно друженъ; при выпускѣ задали имъ сочиненіе на золотую медаль, и кабинеты, гдѣ они писали, были рядомъ. Они вмѣстѣ работали, совѣтовались, въ одинъ день были выпущены, и оба получили золотыя медали. Вскорѣ послѣ выпуска изъ академіи К. П. Рабусъ отправился въ Малороссію къ одному тамошнему помѣщику, пригласившему его къ себѣ погостить. Въ деревнѣ, страстно любя природу, наслаждался онъ прекрасными видами береговъ Псла, и дѣлил время между живописью и литературою. Изъ Малороссіи поѣхалъ онъ въ Крымъ, гдѣ собралъ очень много видовъ и написалъ по нимъ нѣсколько масляныхъ картинъ, изъ которыхъ одна, «Видъ Балаклавы», куплена Обществомъ поощренія художниковъ, а другая «Юрсуфъ» доставила ему званіе академика и находится теперь въ Академіи. Возвратясь въ Малороссію, познакомился онъ съ княземъ Кочубеемъ, былъ очень обласканъ въ его семействѣ и нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ извѣстной Диканькѣ. На другой годъ онъ опять поѣхалъ на южный берегъ Крыма, гдѣ снова собиралъ виды, изъ которыхъ и теперь многіе хранятся въ его портфели. Изъ Крыма отправился онъ въ Одессу, а оттуда въ Константинополь; дорогою претерпѣлъ сильную бурю и былъ въ большой опасности; но такъ былъ пораженъ величіемъ этого явленія, что получилъ пристрастіе къ морю и съ особеннымъ увлеченіемъ писалъ морскіе виды. Въ Константинополѣ онъ былъ представленъ тогдашнему нашему посланнику, графу Рибопьеру, который пригласилъ его къ себѣ въ домъ. Онъ много рисовалъ и писалъ для него, всегда имѣлъ отъ него провозачныхъ, чтобъ рисовать или осматривать замѣчательности Константинополя, что въ тогдашнее время было довольно трудно для Европейца. Во время плаванія по Средиземному морю рисовалъ берега Греціи, Италіи и посѣтилъ нѣкоторые изъ городовъ ея; но въ Римъ и Неаполь не могъ проѣхать, потому что въ то время была тамъ холера, и вездѣ разставлены были карантинны. Въ Константинополѣ былъ принятъ у австрійскаго и другихъ посланниковъ, для которыхъ написалъ нѣсколько картинъ. Изъ Константинополя поѣхалъ онъ въ Германію; очень много рисовалъ въ Тиролѣ и посѣтилъ Вѣну. Здѣсь онъ пробылъ довольно долго,

получивъ заказы картинъ отъ князя Эстергази. Изъ Вѣны поѣхалъ онъ въ Нюренбергъ, въ Мюнхенъ, вездѣ рисовалъ неутомимо, читалъ, знакомился съ извѣстнѣйшими художниками и литераторами, напримѣръ съ Корнелиусомъ, Шнорромъ. Жилъ долго въ Дрезденѣ, гдѣ подружился съ Ретчемъ, извѣстнымъ по своимъ превосходнымъ очеркамъ къ сочиненіямъ Шекспира и Шиллера; въ семействѣ Рейхенбаха былъ принятъ, какъ свой; у Лудвига Тика былъ всегда на литературныхъ вечерахъ и сблизился съ археологомъ Бѣттигеромъ. Послѣ пребыванія въ Дрезденѣ, обошелъ онъ пѣшкомъ всю Саксонскую Швейцарію, собралъ тѣмъ много видовъ, и чрезъ Берлинъ возвратился въ Малороссію. Приведа въ порядокъ свои рисунки, поѣхалъ онъ въ Петербургъ, и представилъ свой портфель въ академію художествъ. Собрался совѣтъ; рассмотрѣли рисунки и нашли ихъ достойными быть представленными Государю Императору съ тѣмъ, чтобы художникъ былъ удостоенъ званія Императорскаго живописца. Но представленія нельзя было сдѣлать иначе, какъ черезъ князя Волконскаго, тогдашняго министра двора, а онъ отказалъ въ немъ, сказавъ, что въ кабинетѣ нѣтъ суммъ на это назначеніе. Тогда генералъ Шубертъ опредѣлилъ К. И. Рабуса на службу по морскому министерству, и онъ былъ уже представленъ князю Меншикову, который назначилъ его въ кругосвѣтную экспедицію. Но, имѣя намѣреніе жениться, и притомъ по влеченію сердца, онъ скорѣе отказался отъ блестящаго поприща, которое ему открывалось, и уѣхалъ въ Малороссію, гдѣ ожидала его любящая невѣста. Женившись, онъ пріѣхалъ въ Москву и остался здѣсь жить постоянно. Скорѣе поступилъ онъ на службу въ Дворцовое архитектурное училище и въ Училище живописи и ваянія, куда пригласилъ его покойный Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи его искреннимъ другомъ; потомъ взялъ классы въ Строгановской рисовальной школѣ, бывшей тогда подъ попечительствомъ графа С. Г. Строганова, и наконецъ въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ. Въ Москвѣ сблизился почти со всѣми извѣстнѣйшими литераторами, часто бывалъ у нихъ, и они посѣщали его, любя его умную и пріятную бесѣду. Черезъ генерала А. И. Нейдгарта, съ которымъ онъ былъ въ дальнихъ родственныхъ связяхъ, познакомился онъ съ графомъ Бенкендорфомъ, и написалъ для него картину «Видъ Измайловской церкви» еще въ томъ неисправленномъ видѣ, когда она была такъ живописна. Въ то время посѣтилъ Москву знаменитый живописецъ Горацій Вернетъ; онъ былъ нѣсколько разъ у К. И. Рабуса, самъ предложилъ представить Государю видъ Измайловской церкви, и отвезъ картину во дворецъ. Картина понравилась Государю, и онъ сказалъ Вернету, чтобы художникъ привезъ ему свои работы въ Петербургъ. Тогда у него были окончены двѣ большія картины: «Буря» и «Видъ Галлиполи при лунномъ освѣщеніи», и онъ лично пред-

ставилъ ихъ Императору. Государь былъ къ нему очень благосклоненъ, и разсматривая картины, сказалъ князю Волконскому: «что? каково? у тебя такихъ нѣтъ.» Потомъ, обратясь къ художнику, прибавилъ по-нѣмецки: «поздравляю васъ съ такимъ прекраснымъ талантомъ.» Обѣ картины Государь велѣлъ помѣстить во дворцѣ, возлѣ картинъ Филиппа Гакерта. — Въ Москвѣ К. И. постоянно и усердно занимался этюдами съ натуры, снятіемъ видовъ и исполненіемъ масляныхъ картинъ. Изъ послѣднихъ произведеній его кисти въ особенности замѣчательны: видъ храма Василя Блаженнаго, написанный для В. А. Кокорева, Молитва о погибшихъ товарищахъ (морская картина), Видъ Спасскихъ воротъ при лунномъ освѣщеніи, Рыбачья хижина на берегу Мраморнаго моря и Водяные смерчи на Средиземномъ морѣ. Всѣ эти картины принадлежатъ теперь А. В. Капнисту. Кромѣ того, занимаясь преподаваніемъ перспективы, онъ составилъ руководство, которое думалъ издать въ свѣтъ и уже приготовилъ къ печати, и началъ писать исторію живописи; это былъ послѣдній трудъ его. Лѣтъ десять тому назадъ онъ провелъ лѣто на Воробьевыхъ горахъ, гдѣ написалъ превосходную картину, «Восходъ солнца и общій видъ Москвы», которая находится въ Училищѣ живописи и ваянія. Занимаясь этою картиною, онъ простудился, и здѣсь пало сѣмя той жестокой болѣзни, которая, постепенно возрастая въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, свела его въ преждевременную могилу...

Вотъ краткій очеркъ его художественнаго поприща! Онъ умеръ слишкомъ рано для семейства, друзей и учениковъ своихъ; но оставилъ по себѣ прекрасную память, не только какъ художникъ, но и какъ добрый, благородный человекъ.

Живописецъ Крюгеръ.

21-го января н. ст. скончался въ Берлинѣ Францъ Крюгеръ, профессоръ живописи въ академіи художествъ, и у насъ въ Россіи очень хорошо извѣстный своими превосходными и многочисленными портретами покойнаго Государя Императора Николая Павловича. Онъ умеръ послѣ трехъ-недѣльной, весьма тяжкой болѣзни, которую получилъ вслѣдствіе простуды на охотѣ, любимомъ своемъ развлеченіи. Хотя Крюгеръ, занимавшій почетное мѣсто въ мірѣ художниковъ, и слѣдовалъ одностороннему направленію въ искусствѣ, но въ этомъ направленіи онъ достигъ до высокаго совершенства. Еще въ ранней юности (онъ умеръ 60 лѣтъ отъ роду) отличался онъ необыкновенно-талантливымъ рисованіемъ портретовъ. Въ особенности

удавались ему мужскіе портреты. Онъ работалъ притомъ съ необыкновенною скоростью, получалъ высокую цѣну за свои работы и вскорѣ разбогатѣлъ. Потомъ занялся онъ изображеніемъ сценъ изъ охотничьей и военной жизни, въ которыхъ его исполненные жизни лошади доставили ему высокую художественную славу. Наконецъ, онъ поставилъ себѣ главною задачею слить свое прежнее направленіе съ послѣднимъ. Онъ сталъ самымъ знаменитымъ военнымъ портретистомъ. Онъ писалъ портреты коронованныхъ лицъ, знаменитыхъ полководцевъ и генераловъ, большею частію въ настоящую величину, иногда во весь ростъ, и, по возможности, на конѣ, съ многочисленною военною свитою. Ему платились огромныя цѣны, которыя доходили до десяти и двѣдцати тысячъ рублей серебромъ. За то и картины были огромныхъ размѣровъ. Одна изъ знаменитѣйшихъ его картинъ этого рода была «Парадъ при прусскомъ королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ III». Онъ умѣлъ придать этому неоптическому сюжету величайшую живость и необыкновенно-живописный эффектъ. Кромѣ своихъ достоинствъ, эта картина имѣетъ еще историческій интересъ: на огромномъ полотнѣ изображены, кромѣ короля, принцевъ, генераловъ и т. д. (всѣ въ натуральную величину и верхомъ), огромная толпа зрителей, въ числѣ которыхъ находится около 300 портретовъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ, художниковъ и другихъ знаменитостей Берлина. Нѣкоторые изъ этихъ портретовъ, напримѣръ Паганини, Генриетты Зонтагъ, Гумбольдта и т. д., превосходны. Художникъ исполнилъ свою задачу съ такимъ прилежаніемъ и совѣстливостью, что бралъ сеансы со всѣхъ вышеназванныхъ лицъ. Въ подобной же гигантской картинѣ написалъ онъ церемонію присяги нынѣшнему прусскому королю, гдѣ также изображены портретно нѣсколько сотъ зрителей. Для подобныхъ художественныхъ задачъ профессоръ Крюгеръ былъ нѣсколько разъ приглашаемъ въ С.-Петербургъ. Въ Петербургѣ, въ кабинетахъ нашихъ богатыхъ аристократическихъ фамилій, есть много превосходныхъ портретовъ работы этого художника. Онъ оставилъ большое собраніе драгоценныхъ вещей, — все подарки отъ высокихъ особъ. Его богатству соотвѣтствовало и его хлѣбосольство. Домъ его былъ всегда сборищемъ знаменитыхъ живописцевъ всѣхъ странъ, посѣщавшихъ Берлинъ. У него были отличнѣйшія лошади, служившія ему моделями и прекраснѣйшія охотничьи собаки. Королевская опера въ Берлинѣ занимала ихъ у него, когда нужно было представить великолѣпный охотничій цугъ. До конца жизни своей онъ былъ необыкновенно прилеженъ, хотя въ послѣдніе годы мало выставлялъ. Картины его, несмотря иногда на сухость предмета, отличаются гениальною живостью, кисть—необыкновенною легкостью. Онъ весьма характеристично схватывалъ свой предметъ. Многія изъ его картинъ пользовались въ Германіи большою популярностію, благодаря гравюрѣ и литографіи.

Популярно-спеціальныя изданія и «Экономическій указатель».

Однимъ изъ замѣчательныхъ признаковъ зрѣющаго у насъ образованія служитъ появленіе и успѣхъ многихъ спеціальныхъ изданій. Говоримъ преимущественно не о тѣхъ журналахъ и сборникахъ, которые предназначаются для читателей такъ—сказать должностныхъ, или по крайней мѣрѣ для ограниченнаго круга спеціалистовъ, но о тѣхъ, которые издаются для всей образованной публики. Намъ радуется, что въ самомъ обществѣ возникаютъ интересы по различнымъ частямъ челоѣческаго вѣдѣнія, вызывающіе и поддерживающіе изданія, имъ посвященныя. Успѣхъ «Пропилеевъ» былъ уже всѣми замѣченъ въ этомъ отношеніи, какъ явленіе знаменательное. Пять книгъ этого сборника по классической древности выходили ежегодно одна за другой, не ослабѣвая ни во внутреннемъ своемъ достоинствѣ, ни въ уваженіи и участіи публики; первыя три книги уже не находятся въ продажѣ и изготавливаются вторымъ изданіемъ. Русскія древности нашли себѣ органъ въ изданіи Н. В. Калачова: «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», который, какъ мы слышали, долженъ вскорѣ расширяться и получить еще большее значеніе. Мы не можемъ не упомянуть здѣсь также о добросовѣстномъ и безкорыстномъ предпріятіи покойнаго Фролова, объ его «Магазинѣ Землевѣдѣнія», предпріятіи, къ счастью не погибшемъ съ его смертію, а попавшемъ въ добрыя руки, которыя усердно трудятся надъ редакціею и изданіемъ заготовленныхъ имъ матеріаловъ. Всѣ эти изданія выходили и выходятъ въ Москвѣ, но ими не ограничивается дѣятельность Москвы по части спеціальныхъ изданій, назначаемыхъ для всей образованной публики. Упомянутыя нами изданія относятся къ разряду такъ—называемыхъ *сборниковъ*. Кромѣ того, мы имѣемъ еще журналы съ такимъ же назначеніемъ, которые достойно поддерживаютъ и оправдываютъ свой успѣхъ въ публикѣ. Упомянемъ о «Вѣстникѣ естественныхъ наукъ», популярномъ журналѣ, выходящемъ двумя тетрадами въ мѣсяцъ съ изящными ксилографическими и литографическими оттисками, подъ редакціею К. Ф. Рулье, соединяющаго съ достоинствами ученаго замѣчательный даръ живаго изложенія, съ которымъ московская публика знакома не только по сочиненіямъ профессора, но и по увлекательной импровизаціи его публичныхъ лекцій. Въ прошломъ году возродилось въ Москвѣ еще одно изданіе, возродилось въ такой изящной формѣ, что въ немъ не осталось ничего общаго съ тѣмъ прежнимъ видомъ, изъ котораго оно выпорхнуло какъ бабочка изъ своей хризалиды,—ничего общаго, кромѣ заглавія «Журнала Садоводства». Дѣйствительно, «Журналъ Садоводства», влачив-

шій прежде глухое и безвѣстное существованіе, сталъ подѣ редакціею П. Л. Пикулина, однимъ изъ самыхъ изящныхъ изданій у насъ и приобрѣлъ интересъ не для однихъ садоводовъ. Говоря о «Журналѣ Садоводства», не можемъ не упомянуть о необыкновенныхъ по своей красотѣ рисункахъ, выписываемыхъ редакціею изъ Бельгіи, отъ Фанъ-Гутта, и прилагаемыхъ къ каждой изъ ежемѣсячно-выходящихъ книжекъ журнала. Это совершенно живые цвѣты.

Но есть одна наука, которая по своему современному значенію требовала бы возможно большаго распространенія своихъ понятій въ нашемъ обществѣ и которая, къ сожалѣнію, доселѣ оставалась у насъ безъ особаго органа. Это политическая экономія. Въ прошломъ году ходили слухи о замышлявшемся, также въ Москвѣ, періодическомъ изданіи по части этой науки. Но предположеніе это не состоялось; за то, съ нынѣшняго года открылось подобное изданіе въ Петербургѣ, подѣ заглавіемъ «Экономическаго Указателя» и подѣ редакціею бывшаго профессора Московскаго университета, И. В. Вернадскаго. «Экономическій Указатель» выходитъ еженедѣльными выпусками, заключающими въ себѣ каждый до трехъ листовъ. Имена издателя и сотрудниковъ, объявленныхъ имъ въ программѣ, ручались за успѣхъ изданія. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали появленія перваго №. Теперь въ нашихъ рукахъ уже три тетради. Отъ всей души привѣтствуемъ это новое изданіе и желаемъ, чтобы оно принесло нашему обществу всю ту пользу, какой мы въ правѣ ожидать отъ него. Чуждаясь голословныхъ и поверхностныхъ отзывовъ, мы ограничимся только прямыми извѣщеніемъ объ этомъ изданіи, предоставляя себѣ въ послѣдствіи высказывать наше мнѣніе по поводу разныхъ вопросовъ, которые неминуемо долженъ возбуждать экономическій журналъ. Наружность изданія очень хороша. Выпуски выходятъ по субботамъ. Чтобъ дать нѣкоторое понятіе о составѣ журнала, исчислимъ главнѣйшія статьи, помѣщенные въ первыхъ трехъ №№. Обыкновенно первое мѣсто въ каждомъ выпускѣ занимаетъ статья болѣе или менѣе обширнаго объема, имѣющая значеніе статьи руководящей: таковы «Значеніе природы въ государственномъ хозяйствѣ» (№ 1); обращеніе къ нашимъ хозяевамъ съ приглашеніемъ принять участіе во всемірной сельско-хозяйственной выставкѣ, открывающейся въ Парижѣ сего года 19-го мая (1-го июня); и «О средствахъ сообщенія» (№ 2). — Въ послѣднемъ выпускѣ руководящая статья трактуетъ «Объ условіяхъ благосостоянія». Эти условія, говоритъ редакторъ «Экономическаго Указателя», заключаются 1) въ самостоятельномъ трудѣ, который бы былъ наименѣ стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ и проявленіяхъ, и который необходимо долженъ основываться на личной независимости; 2) въ кредитѣ, или общественной вѣрѣ, довѣріи, оживляющемъ все поприще хозяйственной жизни народа и представляющемъ начало, съ одной стороны творческое и обезпечивающее, съ другой — примиряющее

крайности состояній и достатковъ въ странѣ, и наконецъ 3) въ ученіи и образованіи, развивающемъ умственныя силы народа,—предпримчивость и знаніе, безъ которыхъ невозможенъ никакой трудъ и никакое дѣло. Говоря о Франціи, авторъ замѣчаетъ :

«Вообще едва ли есть страна, въ которой бы движеніе населенія совершалось медленнѣе, нежели въ этой классической странѣ протекціонизма, централизаціи и революцій. Чему же приписать это явленіе? Войны, неурожаи, наводненія и т. п. бѣдствія не могутъ оказывать постояннаго дѣйствія на ходъ рожденій и смертей; выселеніе существуетъ во Франціи въ слабой степени, и съ избыткомъ вознаграждается прибылыми пришельцами изъ другихъ странъ. Есть слѣдовательно какая-нибудь коренная причина, которая позволила населенію Франціи увеличиться въ полстолѣтія только четвертью, тогда какъ англійскій народъ возросъ болѣе, нежели на половину. И эта причина кроется не въ правительствѣ, которое измѣнялось нѣсколько разъ во Франціи безъ измѣненія хода населенія; не въ расѣ, потому, что мы иную картину видѣли въ кельтской Ирландіи, въ романской Швейцаріи или въ Пиемонтѣ. Причина эта заключается въ экономическомъ устройствѣ Франціи, ключъ къ которому даютъ намъ самыя таблицы населенія этого государства. Мы вездѣ видимъ здѣсь увеличеніе населенія въ промышленныхъ и торговыхъ городахъ и уменьшеніе деревенскаго народа. Франція не поняла и не оцѣнила своего естественнаго назначенія: она допустила до упадка свое земледѣліе. Пруссія, вдвое меньшая нежели Франція, обрабатываетъ однако $\frac{2}{3}$ того пространства, которое занято хлѣбомъ во Франціи. Мы не говоримъ уже о Великобританіи. На всемъ пространствѣ отъ Арраса до Пиренеевъ, отъ Гавра до Тулона, вы не встрѣтите тѣхъ прекрасныхъ сельскихъ картинъ, которыя поражаютъ васъ въ Англии. Окрестъ красивыхъ и бойкихъ городовъ не разъ встрѣтите вы полуразвалившуюся хижину, и рѣдко глазъ вашъ отдыхаетъ на видѣ прекраснаго скота, какимъ славятся устья Рейна или Швейцарія. Правда, взамѣнъ того красуются на выставкахъ лонскія ткани, валансенскія кружева, дорогая бронза и тонкія сукна; но этотъ блескъ и роскошное производство не заѣдаютъ ли средства тѣхъ бѣдныхъ поселенъ, которые влечатъ скудную жизнь свою среди дорогой обстановки, постоянно тревожимые видомъ нестерпимыхъ для нихъ благъ, и постоянно стѣсняемые въ безпрепятственномъ пользованіи своимъ трудомъ? Отчего же эта безотрадная картина въ прекрасной странѣ? Не слѣдствіе ли это стремленія создать свой національный трудъ, то-есть трудъ немногихъ на счетъ многихъ? Не прямой ли это результатъ усилій учредить путемъ привилегій и т. п. исключительную фабричность тогда, когда еще не развиты и не разработаны всѣ источники поземельнаго богатства? Не вліяніе ли это искусственнаго направленія производительности, которая идетъ не своимъ естественнымъ путемъ, а стлгивается корсетомъ высокихъ пошлинъ и регулируется односторонними таможенными уставами? По крайней мѣрѣ, сомнительно, чтобы кто-нибудь могъ дать иной отвѣтъ на вопросъ, отчего народонаселеніе не увеличивается въ этой странѣ съ

высокимъ тарифомъ на столько, на сколько оно растетъ въ настоящее время въ странахъ съ низкою ввозною пошлиной, если только внутри послѣднихъ господствуетъ личная безопасность и гражданскій порядокъ.»

Кромѣ этихъ и еще нѣкоторыхъ другихъ статей, писанныхъ самимъ редакторомъ, первые три выпуска «Экономическаго Указателя», представляютъ еще слѣдующія: «О законѣ причинъ случайныхъ, какъ основаніи нравственной статистики», *г. Заблоцкаго*; о «Политической экономіи», по поводу недавно вышедшаго сочиненія (Новый Опытъ о Богатствѣ Народномъ, Гаврила Каменскаго. Спб. 1856 г.), *г. Безобразова*; «О дороговизнѣ дровъ въ Москвѣ», *А. Л.*, и много другихъ мелкихъ, болѣе или менѣе интересныхъ замѣтокъ и свѣдѣній. Во второмъ выпускѣ началась, въ фельетонѣ, корреспонденція изъ Могилева на Днѣстрѣ, которая будетъ продолжаться еще въ нѣсколькихъ выпускахъ.

Новость по естественной исторіи пчелъ.

На дняхъ появится въ Москвѣ брошюра профессора Московскаго университета К. Ф. Рулье, подъ заглавіемъ: «Три открытія въ естественной исторіи пчелъ». Имя автора и важность открытій ручаются за интересъ этой брошюры.

Въ самомъ дѣлѣ пчелы, начиная съ глубокой древности, составляютъ предметъ особой заботы человѣка; *Виргилій* воспѣвалъ ихъ восторженными стихами; многіе ученые занимались со страстью пчелою; тысячи пчеловодовъ трудились надъ практическимъ пчеловодствомъ. И все-таки, до послѣдней половины истекшаго года пчелы состояли въ наукѣ на совершенно особенныхъ правахъ: все установившееся въ анатоміи и физиологіи животныхъ или дурно прилагалось, или вовсе не прилагалось къ пчеламъ. Пчеловодствомъ занимались по указанію навыка и опыта, а ученые, не владея практикою пчеловода, опасались приступить къ уясненію исключительныхъ явленій. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что русскіе пчеловоды принесли наукѣ свою дань: ни у одного народа не обработанъ до такого совершенства техническій языкъ, ни у одного народа не имѣеть такой общей извѣстности линейный, рамочный улей. Этотъ улей, идея котораго принадлежитъ *Гюберу*, давъ возможность вынимать, передвигать и разсматривать соты порознь, далъ также возможность наблюдателю слѣдить отдѣльно за каждою ячеею, а практику — дѣйствовать отдѣльно на каждую ячею. Съ той поры, говорятъ, пчела сдѣлалась, или скажемъ справедливѣе, могла сдѣлаться домашнимъ, порабощеннымъ животнымъ. Но сдѣлалась она имъ дѣйствительно только въ послѣднее время, когда все таинственное въ ея мнимыхъ трехъ полахъ, въ ея метаморфозахъ одного пола въ другой, мнимомъ существованіи раз-

дѣльныхъ половъ уже въ яичкѣ, наконецъ потеряло право на довѣріе, — словомъ, когда пчела сдѣлалась не болѣе какъ наѣжомъ, не болѣе какъ домашнимъ скотомъ, для успѣшнаго воспитыванія котораго не требуется таинственныхъ исключительныхъ знаній или отчаянныхъ дѣйствій на авось. Это послѣднее открытіе сдѣлано въ Германіи въ школѣ отца Дзирцона, священника въ Верхней Силезіи. Высказанное имъ, на основаніи наведеній, изъ опыта взятыхъ, ученіе получило всѣ нужныя доказательства микроскопической анатоміи и опытной физиологіи первѣйшихъ микроскопистовъ и пчеловодовъ: Лейкарта, Зибольдта, Бершленна, Клейне, Шольца и другихъ. Сущность новой теоріи состоитъ въ томъ, что какъ для всѣхъ животныхъ ящеродныхъ, такъ и для пчелъ, существуетъ только одно яичко, въ которомъ отнюдь нѣтъ предназначенія для исключительнаго развитія одного изъ трехъ половъ. Подобно другимъ низшимъ животнымъ, размножающимся безъ оплодотворенія (и даже часто безъ яичка), и пчелы могутъ размножаться изъ неоплодотвореннаго яйца, но въ такомъ случаѣ изъ него развивается то, что въ пчелахъ всего менѣе развито, т. е. мужской полъ; если же яйцо оплодотворится, то изъ него разовьется высшій организмъ пчелиный — самка, которая, смотря потому, будетъ ли она развиваться въ большой ячеѣ и получить обильную пищу, образуется въ матку или царицу, или при случаѣ противоположномъ — въ самку съ недоразвитыми орудіями рожденія, то-есть въ пчелку.

Конечно это ученіе покажется для многихъ крайне страннымъ, едва ли заслуживающимъ довѣрія, тѣмъ не менѣе новое ученіе есть послѣднее слово въ наукѣ. Чтобы узнать этотъ фактъ, нужно все, что наукою дознано въ естественной исторіи пчелы, представить въ возможной цѣлости и внутренней связи. Нашъ почтенный сотрудникъ, К. Ф. Рулье, постарался сдѣлать это въ особенномъ трудѣ: «Три открытія въ естественной исторіи пчелъ», для поясненія которыхъ приложено нѣсколько политипажей.

Мы увѣрены, что и пчеловодъ, и каждый интересующійся естественными науками, прочтетъ со вниманіемъ и пользою брошкру г. Рулье, которая отличается всѣми достоинствами живаго и яснаго изложенія. Мы очень сожалѣемъ, что сущность новаго открытія не такова, чтобъ подробному изложенію его можно было дать мѣсто въ самомъ журналѣ, и потому издаемъ этотъ трудъ почтеннаго профессора отдѣльною книжкою. Редакція «Русскаго Вѣстника», желая облегчить для своихъ подписчиковъ приобрѣтеніе этой общеинтересной брошюры, приняла мѣры, чтобы она продавалась подписчикамъ «Русскаго Вѣстника», какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, по уменьшенной цѣнѣ, а именно вмѣсто 80 к. сер. по 50 коп. сер. Иногородные подписчики, обращаясь прямо въ редакцію, могутъ получать означенную книжку, вмѣсто 1 руб. сер., по 70 коп. съ пересылкою.

ОБЪЯСНЕНІЕ МЕЖДУ Г. ТУРГЕНЕВЫМЪ И РЕДАКТОРОМЪ «РУССКАГО ВѢСТНИКА».

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» происходила передъ публикой маленькая тяжба между г. Тургеневымъ и редакторомъ «Русскаго Вѣстника», въ которую вмѣшались и другіе журналы. Считаемо не лишнимъ представить нашимъ читателямъ всѣ документы этой тяжбы: замѣчаніе въ объявленіи о подпискѣ на «Русскій Вѣстникъ», подавшее поводъ къ рекламаціи со стороны г. Тургенева, и объяснительныя письма, напечатанныя въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Изъ объявленія о подпискѣ на «Русскій Вѣстникъ» 1857 г.

...Особенно со стороны г. Тургенева встрѣчено было новое изданіе живымъ сочувствіемъ. Онъ вызвался принимать въ немъ самое дѣятельное участіе. Для «Русскаго Вѣстника» былъ имъ предпринятъ особый трудъ. Въ письмѣ своемъ къ редактору онъ предлагалъ объявить заблаговременно, что въ одной изъ первыхъ книжекъ «Русскаго Вѣстника» будетъ помѣщена его повѣсть подъ заглавіемъ *Призраки* (вѣроятно, весьма сходная по содержанію съ разказомъ, который появился въ октябрьской книжкѣ «Современника», подъ заглавіемъ *Фаустъ*). Неоднократно извѣщалъ онъ насъ о ходѣ своей работы, которая, какъ онъ писалъ, замедлилась отъ разныхъ обстоятельствъ, и откладывалъ доставленіе ея въ редакцію отъ одной книжки до другой. Наконецъ, въ августѣ, онъ уѣхалъ за границу, а редакція «Современника» напечатала вышеупомянутое объявленіе объ его «обязательномъ соглашеніи» съ нею. Зная лично г. Тургенева, и имѣя основанія уважать его не только какъ литератора, но и какъ человѣка, мы увѣрены, что въ его глазахъ *данное слово* должно быть обязательнѣе самаго формальнаго обязательства, а потому мы не сомнѣваемся, что онъ, рано или поздно, очиститъ и себя и насъ передъ нашею публикою. Онъ можетъ быть покоенъ: успѣхъ «Русскаго Вѣстника» отъ этого не до такой же степени увеличится, чтобъ причинить значительный ущербъ «Современнику». Въ нѣшихъ глазахъ, изданіе журнала не можетъ имѣть смысла и не стоитъ труда, если успѣхъ его долженъ зависѣть отъ подобныхъ случайныхъ поддержекъ.

Письмо г-на Тургенева къ редактору «Московскихъ Вѣдомостей».

Парижъ, 4-го (16-го) января.

М. Г., я на дняхъ получилъ № «Московскихъ Вѣдомостей», въ которомъ помѣщено объявленіе объ изданіи «Русскаго Вѣстника» въ будущемъ году, вмѣстѣ съ замѣчаніемъ на счетъ моихъ отношеній къ этому журналу. Какъ ни неприятно мнѣ занимать публику подробно-

стани дѣла, лично до меня касающагося,— я не могу не отвѣчать на это замѣчаніе и надѣюсь, что вы не откажетесь помѣстить мой отвѣтъ въ вашей газетѣ.

Вотъ въ чемъ дѣло. Прошлой осенью я, не назначая впрочемъ опредѣленнаго срока, обѣщалъ г-ну издателю «Русскаго Вѣстника» помѣстить подъ названіемъ: «Призраки», за которую я принялся въ то же время, но которую и до сихъ поръ кончить не успѣлъ. Въ началѣ нынѣшняго года я заключилъ съ гг. издателями «Современника» условіе, въ силу котораго я обязался помѣщать свои произведенія исключительно въ ихъ журналѣ, при чемъ однако я выговорилъ себѣ право исполнить прежнія свои обѣщанія, а именно въ отношеніи къ «Русскому Вѣстнику». Слѣдовательно вся моя вина состоитъ въ томъ, что я до сихъ поръ не окончилъ этой повѣсти. Но г-нъ Катковъ, не смотря на то, что, по его словамъ, онъ питаетъ ко мнѣ уваженіе, почелъ себя въ правѣ намекнуть, что эту самую повѣсть я помѣстилъ подъ именемъ «Фаустъ» въ № IX «Современника», тогда какъ тѣмъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, которымъ я сообщаю планы моихъ произведеній, хорошо извѣстно, что между этими двумя повѣстями нѣтъ никакого сходства. Я нахожу, что подобный поступокъ со стороны г-на Каткова разрѣшаетъ меня совершенно отъ обязанности исполнить мое слово—и это я дѣлаю тѣмъ охотнѣе, что появленіе моей повѣсти на листахъ его журнала, вѣроятно, ни кѣмъ замѣчено не будетъ. Г-нъ Катковъ напрасно старается меня успокоить. Я слишкомъ хорошо знаю самъ, что дѣйствіе мое въ одномъ журналѣ—ни значительно способствовать его распространенію, ни повредить другому—рѣшительно не можетъ. Заслуженный успѣхъ «Русскаго Вѣстника»—лучшее тому доказательство.

Примите и пр.

Тургеневъ.

Письмо редактора «Русскаго Вѣстника» къ редактору «Московскихъ Вѣдомостей».

М. Г. Въ послѣднемъ номерѣ «Московскихъ Вѣдомостей» напечатано письмо къ вамъ г-на Тургенева, вызванное замѣчаніемъ, сдѣланнымъ мною въ объявленіи объ изданіи «Русскаго Вѣстника» въ 1857 году. Считаю своимъ долгомъ объяснить передъ публикой.

Единственнымъ источникомъ этого замѣчанія была законная потребность, скажу болѣе — необходимость, отдать отчетъ публикѣ, почему одно изъ положительныхъ обѣщаній, данныхъ редакціею, при открытіи подписки, не было исполнено. Отношенія между редакціею журнала и публикою должны быть совершенно чисты и ясны. Честь журнала требуетъ строжайшей добросовѣстности, даже щекотливости, когда дѣло идетъ объ исполненіи данныхъ обѣщаній. Не встрѣтивъ въ продолженіи цѣлаго года статьи г-на Тургенева, которая, по обѣщанію редакціи, должна была появиться въ одной изъ

первыхъ книжекъ журнала, читатели имѣли полное право думать, что обѣщаніе это дано было опрометчиво и можетъ—быть не совсѣмъ основательно, что редакція подхватила какое—нибудь мимоходомъ брошенное слово и воспользовалась имъ въ своихъ видахъ. Мудрено ли, что въ публикѣ могло бы возникнуть такое мнѣніе, когда самъ г-нъ Тургеневъ утверждаетъ теперь, что исполненію своего обѣщанія онъ *не назначалъ опредѣленнаго срока?* Слѣдовательно, онъ могъ помѣстить въ «Русскомъ Вѣстникѣ» свою повѣсть черезъ три, черезъ четыре года; слѣдовательно, редакція не имѣла права упоминать о ней въ договорѣ своемъ съ публикой на 1856 годъ. Смѣемъ увѣрить г-на Тургенева, что мы не увлеклись бы такого рода обѣщаніемъ. Онъ забылъ, какъ происходило дѣло; этою забывчивостію съ его стороны объясняю я и все недоразумѣніе, возникшее между нами. Г. Тургеневъ писалъ мнѣ, отъ 28-го ноября 1855 года, что обѣщанный имъ разказъ *готовъ будетъ къ 15-му и непременно уже къ 20-му декабря, и тотчасъ же перешлется* (1). Не прежде какъ получивъ такое обѣщаніе, редакція, въ свою очередь, обѣщала публикѣ разказъ г-на Тургенева. Послѣ того онъ неоднократно, и черезъ общихъ знакомыхъ, и въ письмахъ, изъявлялъ сожалѣніе, что работа его замедлялась разными обстоятельствами, назначалъ разные сроки и обѣщалъ даже не приниматься ни за какую другую работу, прежде чѣмъ не исполнить этого обязательства. Прошла большая половина года, онъ уѣхалъ за границу, заключивъ свое извѣстное условіе съ «Современникомъ» и не бросивъ въ редакцію «Русскаго Вѣстника» ни одного объяснительнаго слова, не давъ никакого указанія, что сказать ей по этому случаю въ своемъ отчетѣ публикѣ.

Глубоко сожалѣю, что догадка о сходствѣ *Призраковъ*, обѣщанныхъ въ «Русскій Вѣстникъ», съ *Фаустомъ*, напечатаннымъ въ «Современникѣ», оскорбила г-на Тургенева. Догадка эта распространилась прежде моего замѣчанія, съ нѣкоторыми, не совсѣмъ лестными для редакціи комментаріями; а слышалаъ ее отъ многихъ, въ томъ числѣ и отъ общихъ нашихъ знакомыхъ. Высказывая эту догадку, я впрочемъ не придавалъ ей особеннаго значенія. Авторъ властенъ надъ развитіемъ своего произведенія, одинъ и тотъ же мотивъ можетъ развиваться въ двухъ параллельныхъ произведеніяхъ, и два различные мотива могутъ слиться въ одномъ. Чистосердечно извиняюсь передъ г-мъ Тургеневымъ въ томъ, что могло показаться ему въ этой догадкѣ оскорбительнымъ, и объявляю, что силу моего упрека полагалъ я не въ этомъ. Теперь, когда г-нъ Тургеневъ объявилъ, что между *Фаустомъ* и планомъ другой повѣсти, которой даетъ онъ названіе *Призраковъ*, нѣтъ ничего общаго, я считаю это дѣло рѣшеннымъ, а потому и нахожу неумѣстнымъ распространяться

(1) Собственныя слова г-на Тургенева изъ его записки, уцѣлѣвшей въ редакціи.

о тѣхъ основаніяхъ, которыя заставляли меня и другихъ догадываться о сходствѣ между этими двумя разказами. Сущность же дѣла, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что если бы г-нъ Тургеневъ не забылъ силы и формы своего обѣщанія, еслибы онъ потрудился представить себѣ всю непріятность положенія, въ какомъ должна была, по этому случаю, находиться редакція новаго журнала, то вмѣсто той повѣсти, которую въ мысли своей онъ назначалъ для «Русскаго Вѣстника», и которая не удавалась ему, онъ могъ бы доставить другую повѣсть, которую успѣлъ окончить. Мы были бы вправѣ считать свое обязательство передъ публикою исполненнымъ, еслибы вмѣсто *Призраковъ* представили ей *Фауста*. Думаемъ, что г-ну Тургеневу было бы тѣмъ легче сдѣлать этотъ обмѣнъ, что редакція «Современника», при открытіи подписки на нынѣшній годъ, не обѣщала *Фауста*, и потому могла бы имъ пожертвовать въ ожиданіи *Призраковъ* и многихъ другихъ произведеній г-на Тургенева, какъ своего исключительнаго сотрудника на будущее время.

Г-нъ Тургеневъ пишетъ теперь, что въ условіи съ «Современникомъ» онъ выговорилъ себѣ право исполнить обѣщаніе, данное «Русскому Вѣстнику». Объ этомъ узнаемъ мы теперь въ первый разъ. Правда, въ объявленіи «Современника» было сказано, что литераторы, заключившіе съ нимъ условіе, выговорили себѣ право исполнить свои прежнія обѣщанія, но прибавлено, что это право для каждаго не превышаетъ *одной* повѣсти; вслѣдъ за тѣмъ редакція «Библиотеки для Чтенія» объявила, что это единственное исключеніе сдѣлано въ ея пользу. Охотно вѣрю г-ну Тургеневу, что онъ, при заключеніи своего условія, вспомнилъ о «Русскомъ Вѣстникѣ», но прошу его также повѣрить мнѣ, что я ничего не зналъ объ этомъ. Странно, что объ этомъ уговорѣ въ пользу «Русскаго Вѣстника» мы узнаемъ отъ г. Тургенева впервые въ ту самую минуту, когда онъ нашегъ для себя достаточный поводъ отказать отъ исполненія даннаго слова.

Г-нъ Тургеневъ находитъ въ свою очередь страннымъ, что я, позволивъ себѣ оскорбившее его замѣчаніе, заявляю свое уваженіе къ нему. На это скажу ему, что нравственное достоинство поступковъ опредѣляется прежде всего ихъ побужденіями; въ побужденіяхъ же г-на Тургенева, относительно меня, я не могъ предполагать ничего дурнаго, и все недоразумѣніе объясняю тою забывчивостью, которой доказательства нашли мы въ его письмѣ изъ Парижа, напечатанномъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Сверхъ того, мы полагаемъ различіе между поступкомъ и человекомъ, и не одобряя поступка, можемъ сохранять полное уваженіе къ человеку, особенно если онъ самъ готовъ сознать свою ошибку.

Прошу васъ, М. Г., дать гласность моему письму, и принять и пр.

М. Катковъ.

ВТОРОЕ ПИСЬМО Г. ТУРГЕНЕВА КЪ РЕДАКТОРУ «МОСКОВСКИХЪ
ВѢДОМОСТЕЙ».

Парижъ, 1-го (13-го) января.

М. Г.,

Получая снова отъ меня письмо, въ которомъ идетъ рѣчь о моей повѣсти, обѣщанной «Русскому Вѣстнику» и т. д., вы вѣроятно подумаете, что игра не стоитъ свѣчъ. Это мнѣніе раздѣлитъ съ вами публика, раздѣляю и я. Но дѣлать нечего; надобно очистить этотъ вопросъ. Ограничусь двумя словами.

Я готовъ сознаться, что въ первомъ письмѣ моемъ изъ Парижа мнѣ бы слѣдовало къ словамъ: не назначая опредѣленнаго срока, прибавить слово: обязательнаго; я дѣйствительно надѣялся доставить мою повѣсть г-ну Каткову въ началѣ прошлаго года; — но въ дѣлѣ сочинительства одной доброй воли мало, и повѣсть моя осталась неконченной. Это не мѣшаетъ мнѣ объявить, что всю отвѣтственность за эту неисправность (если только стоитъ употреблять такіа громкія слова по поводу такого маловажнаго дѣла) я принимаю на себя.

Что же касается до выговореннаго мною (при заключеніи условія съ «Современникомъ») права исполнить обѣщаніе, данное «Русскому Вѣстнику», то г-ну Каткову стоитъ обратиться къ редактору «Современника», у котораго хранится оригиналъ нашего условія, чтобы убѣдиться въ совершенной справедливости моихъ словъ. Сожалѣю, что этотъ запросъ г-ну Панаеву не былъ сдѣланъ г-мъ Катковымъ раньше; это бы избавило и его, и меня, отъ новаго сомнѣнія и намека.

Въ надеждѣ, что этимъ объясненіемъ прекратится возникшее недоразумѣніе, прошу васъ принять, м. г., увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности, съ которыми остаюсь и пр.

Иванъ Тургеневъ.

ВТОРОЕ ПИСЬМО РЕДАКТОРА «РУССКАГО ВѢСТНИКА» КЪ РЕДАКТОРУ
«МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ».

Позвольте еще разъ обратиться къ вашему посредству, чтобы и съ своей стороны сказать нѣсколько словъ для заключенія моего публичнаго объясненія съ г. Тургеневымъ, а главное для обличенія непонятной выходки со стороны того журнала, которому принадлежитъ теперь литературная дѣятельность г. Тургенева.

Редакція «Современника» сочла нужнымъ вмѣшаться въ наше объясненіе съ авторомъ *Фауста* и принять его подъ свою защиту. Для этой цѣли она нашла всего удобнѣе перепечатать письмо г. Тургенева, помѣщенное въ № 151-мъ «Московскихъ Вѣдомостей», а изъ моего письма извлечь три-четыре фразы, предварительно лишивъ ихъ всякой связи, — именно тѣ самыя фразы, которыя, какъ и сказано въ

моемъ письмѣ, не относятся къ сущности вопроса. Уваженіе къ публикѣ и наконецъ къ собственному журналу обязывало редакцію «Современника» перепечатать вполнѣ и мое письмо. Она могла истолковывать дѣло, какъ ей угодно, но не должна была ронять себя такою уловкою. Вотъ въ какомъ видѣ редація «Современника» приводитъ мое письмо для своихъ читателей:

«Глубоко сожалѣю, что догадка о сходствѣ *Призраковъ*, обобщенныхъ въ «Русскій Вѣстникъ», съ *Фаустомъ*, напечатаннымъ въ «Современникѣ», оскорбила г. Тургенева. Высказывая эту догадку, я впрочемъ не придавалъ ей особеннаго значенія... Чистосердечно извиняюсь передъ г. Тургеневымъ въ томъ, что могло показаться ему въ этой догадкѣ оскорбительнымъ... Теперь, когда г. Тургеневъ объявилъ, что между *Фаустомъ* и планомъ другой повѣсти, которой даетъ онъ названіе *Призраковъ*, нѣтъ ничего общаго, я считаю это дѣло рѣшеннымъ.»

Эту мастерскую выдержку изъ моего письма «Современникъ» сопровождаетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Въ этомъ чистосердечномъ извиненіи г. Каткова передъ г. Тургеневымъ заключается сущность письма г. Каткова.»

Читателямъ «Московскихъ Вѣдомостей» извѣстно мое письмо, напечатанное въ № 152 этой газеты за прошлый годъ. Но чтобы напомнить «Современнику», въ чемъ состояла сущность моего письма, достаточно сослаться на письмо г-на Тургенева, напечатанное въ № 7-мъ «Московскихъ Вѣдомостей».

Въ этомъ письмѣ г. Тургеневъ сознается, что обещаніе его дѣйствительно заключало въ себѣ назначеніе опредѣленнаго срока. Онъ присовокупляетъ только, что срокъ этотъ не былъ *обязателенъ*. Но и при формальномъ обязательствѣ никто бы не сталъ требовать, чтобы онъ доставилъ свою повѣсть именно въ назначенный день, то-есть 20 декабря 1855 года, какъ это было имъ обѣщано. (См. письмо мое въ Моск. Вѣд. № 152.) Дни, недѣли и даже мѣсяцы могли быть въ его распоряженіи. Но давъ редакціи журнала положительное право обѣщать публикѣ его повѣсть, г. Тургеневъ принялъ на себя нравственное обязательство исполнить свое обѣщаніе по крайней мѣрѣ въ теченіе 1856 года, по прошествіи котораго договоръ редакціи съ публикой долженъ былъ измѣниться. Г. Тургеневъ (Москов. Вѣдом. № 7) добросовѣстно сознаетъ теперь свою *неисправность* и принимаетъ на себя всю отвѣтственность за нее: пусть же замѣтитъ это редакція «Современника» и пожалѣетъ, что такъ поторопилась своею выходкою.

Я согласенъ съ г. Тургеневымъ, что въ дѣлѣ сочинительства мало одной доброй воли. Разныя препятствія, и внутреннія и внѣшнія, могутъ помѣшать окончанію труда. Мало ли что можетъ задумывать писатель, и мало ли чего можетъ онъ никогда не исполнить? Никакое обязательство не должно стѣснять свободу литературнаго труда и ни-

кто не можетъ требовать, чтобъ писатель исполнилъ именно тотъ или другой изъ своихъ проектовъ, составляющихъ его авторскую тайну. Но если г. Тургеневъ не успѣлъ окончить одну повѣсть, то въ прошедшемъ же году успѣлъ окончить другую, которая никакимъ журналомъ не была обѣщана публикѣ. Помѣщеніемъ «Фауста» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» г. Тургеневъ исполнилъ бы свое обѣщаніе, снялъ бы съ меня отвѣтственность передъ публикой и предотвратилъ бы всѣ эти объясненія, непріятныя для него и для меня, — предотвратилъ бы также неудачную стратагему «Современника», которая вызвала меня теперь на новое объясненіе. Ничего бы этого не было, и г. Тургеневъ сверхъ того не имѣлъ бы надобности включать особое условіе въ свой контрактъ съ «Современникомъ».

Что касается до этого контракта, то я не имѣлъ никакого права попытствоваться объ его содержаніи и силѣ. Редакція «Современника» объявила о немъ все то, что считала нужнымъ объявить, и всякія дальнѣйшія справки были бы нескромностью. Напрасно г. Тургеневъ или редакторъ «Современника» сами не извѣстили меня о томъ, что въ ихъ контрактѣ касалось моего журнала. Отъ г. Панзаева я получилъ первое положительное извѣстіе объ этомъ уже послѣ моего замѣчанія и почти въ одно время съ появленіемъ перваго письма г. Тургенева въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Отчего же не сдѣлать было этого прежде? Но, признаюсь, я не имѣлъ и надобности въ этихъ справкахъ. Повѣсть г. Тургенева была обѣщана редакціею «Русскаго Вѣстника», при открытіи подписки на 1856 годъ; а передъ подписчиками 1857 года редакція уже не связана этимъ обѣщаніемъ.

Г. Тургеневу легко было сказать, что во всемъ этомъ дѣлѣ «игра не стоитъ свѣчъ»: всякій отдастъ справедливость его авторской скромности. Но положеніе редакціи въ этомъ отношеніи совсѣмъ иное. Она не можетъ отговариваться незначительностью обѣщанной статьи и должна по крайней мѣрѣ представить публикѣ отчетъ, имѣла ли достаточныя основанія обѣщать ее. Эти основанія я представилъ публикѣ тамъ, гдѣ было нужно, вовсе не предвидя длинныхъ и скучныхъ объясненій, когда дѣло само по себѣ такъ ясно и просто.

Примите и пр.

М. Катковъ.

Новѣйшія Извѣстія.

Вопреки общему ожиданію, конференція, которой предстоитъ окончательно разрѣшить нефшательскій вопросъ, соберется въ Парижѣ, а не въ Лондонѣ. Официально еще ничего неизвѣстно объ этомъ, но послѣднія частныя извѣстія положительно говорятъ о Парижѣ, какъ о мѣстѣ предстоящихъ международныхъ совѣщаній.

Засѣданія англійскаго парламента открыты 3-го февраля канцлеромъ казначейства, отъ имени королевы. Вотъ главное содержаніе тронной рѣчи: Россія исполнила всѣ условія парижскаго трактата; развогласіе съ Соединенными Штатами, по вопросу о Центральной Америкѣ, улажено; Франція и Англія съ успѣхомъ содѣйствовали миролюбивому разрѣшенію нефшательскаго дѣла; съ Сіаомъ заключена торговая конвенція; въ Китаѣ оскорбленъ британскій флагъ, и потому правительство требуетъ удовлетворенія. О принятіи Персією англійскихъ условій не упомянуто въ тронной рѣчи.

По прочтеніи послѣдней, начались пренія объ обычномъ адресѣ. Въ нижней палатѣ г. Дизраэли, одинъ изъ вождей оппозиціи, сильно осуждалъ внѣшнюю политику лорда Пальмерстона. Впрочемъ, отвѣтный адресъ былъ принятъ какъ въ нижней, такъ и въ верхней палатѣ.

Изъ Неаполя сообщаютъ, что король Фердинандъ заключилъ конвенцію съ Аргентинскою республикой (въ Южной Америкѣ), для переселенія туда политическихъ осужденныхъ. Бывшій министръ Позіо, уже нѣсколько лѣтъ находящійся въ заключеніи, отказался принять прощеніе на этомъ условіи; но говорятъ, правительство намѣрено употребить силу, чтобы отправить его въ Южную Америку.

Съ послѣднею почтою изъ Китая, отъ 15-го декабря, получено въ Европѣ весьма важное извѣстіе о сожженіи Китайцами европейскихъ факторій въ Кантонѣ, вслѣдствіе чего, окончательное разрушеніе Кантона Англичанами считается неминуемымъ. Прежнія свѣдѣнія объ участіи Северо-Американцевъ въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ Китайцевъ подтверждаются.

Въ англійскихъ остъ-индскихъ газетахъ, полученныхъ съ послѣднею почтой, сообщены официальные свѣдѣнія о взятіи Бушира Англи-

чанами 6-го декабря. Они принадлежатъ генералъ-маіору Форстеръ-Стокеру и адмиралу Ликъ. Англійская армія высадилась въ десяти миляхъ къ югу отъ Бушира, и смѣлымъ натискомъ овладѣла передовымъ фортomъ. На другой день адмиралъ Ликъ открылъ огонь по городу; Буширъ сдался черезъ нѣсколько часовъ. Гарнизонъ, часть котораго бѣжала, положилъ оружіе въ числѣ отъ 1,500 до 2,000 человекъ. Въ Остъ-Индіи дѣлались приготовленія для значительнаго усиленія англійскаго экспедиціоннаго отряда. Впрочемъ, Персія, какъ кажется, окончательно согласилась принять условія Англии, которая непремѣнно намѣрена устроить въ Персидскомъ заливѣ observationный постъ для обезпеченія своихъ сообщеній съ евфратскою долиной. Такимъ образомъ сообщенное нами предположеніе относительно суэскаго канала и вновь уступленной евфратской желѣзной дороги, по видимому, оправдывается вполнѣ.

Во французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ журналахъ сообщаютъ о предстоящемъ отозваніи англо-французскихъ войскъ изъ Греціи, гдѣ они находились съ самаго начала войны на Востокѣ.

Численный составъ французской арміи, по объявленію Монитера, уменьшенъ на 46,000 человекъ, въ видахъ уравновѣшенія государственныхъ доходовъ съ расходами. Эта мѣра возбудила общее сочувствіе.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ПРИЧИНЫ И ПОВОДЫ АНГЛО-ПЕРСИДСКОЙ ВОЙНЫ.

Извѣстно, что поводомъ къ войнѣ, недавно объявленной Англичанами Персіи, было желаніе первыхъ вполне устранить вліяніе этой державы на дѣла смежнаго съ нею и, конечно, не чуждаго ей Афганистана. Исторія почти непрерывно видѣла эти двѣ страны соединенными подъ однимъ и тѣмъ же верховнымъ правительствомъ, покорялись ли онѣ обѣ вмѣстѣ какому-нибудь иноземному завоеванію, Афганы ли временно овладѣвали Персіею, или, какъ чаще бывало, Персіа подчиняла себѣ Афганистанъ. Такъ, послѣ кратковременнаго господства Афгановъ въ Персіи, въ началѣ осьмнадцатаго вѣка, владѣтель этого края, знаменитый Шахъ-Надиръ, соединилъ подъ своею могучею державою и всю Персію, и Афганистанъ. Но, по смерти этого страшнаго завоевателя (въ 1747 году), среди общаго распада собранной имъ Персидской державы, Афганистанъ снова отдѣлился отъ нея подъ сильною рукою Ахмедъ-Хана-Абдали, главы знаменитаго рода Саддози, изъ племени Дурани. Утвердившись въ Кандагарѣ, Ахмедъ-Ханъ покорилъ себѣ Газну, Пейшаверь, Балкъ, Мултанъ, Кашмиръ, Кабулъ, Лагоръ, Белуджистанъ, и отнялъ у Персіи даже восточную часть давно принадлежавшаго ей Хорасана,—тогъ самый Гератъ, который Персіа оспаривала съ тѣхъ поръ не разъ и оспариваетъ теперь снова у афганскихъ владѣтелей. Городъ Гератъ, бывшая столица Хорасана,—главное перепутье торговли между Индіею, Персіею и среднеазійскими странами, между Индустаномъ, Ираномъ и Тураномъ; большинство его жителей—Таджикки, какъ и жители Персіи, и притомъ связаны съ Персіянами единствомъ вѣры: и тѣ и другіе шииты, тогда какъ господствующіе въ Гератѣ Афганы—ревностные послѣдователи сунны.

Несмотря на эти отношенія, давашія Персіи основательное право отстаивать за собой Гератъ, она долго не могла подумать о возвращеніи его подъ свою державу. Междоусобія преемниковъ Надира, потомковъ свергнутой имъ династіи Софи и разныхъ областеначаль-

никовъ, сатраповъ, или домогавшихся персидскаго престола, или объявлявшихъ себя независимыми владѣльцами, не давали этой странѣ покоя до тѣхъ поръ, пока въ концѣ минувшаго столѣтія, Ага-Мугамедъ-Ханъ, родоначальникъ нынѣ царствующей въ Персіи туркоманской династіи Каджаровъ, не успѣлъ подавить всѣхъ своихъ противниковъ и утвердить свое господство въ различныхъ областяхъ.

Достигнувъ этой цѣли внутри имперіи, онъ тотчасъ устремился на подвластные ей пограничныя земли, — съ одной стороны на Грузію, съ другой на Хорасанъ. Вторженіе его въ первую изъ этихъ странъ (въ 1795 году) побудило ее отдаться вполнѣ подъ покровительство единовѣрной Россіи и такимъ образомъ необходимо поставило политику нашу на стражѣ сѣвернаго порога Персіи, почти въ то самое время, какъ строгія и успѣшныя мѣры, принятыя Агою-Мугамедомъ и преемникомъ его Фетхъ-Али-Шахомъ къ усмирению возстаній въ Хорасанѣ, внушили Англичанамъ мысль искать содѣйствія персидскаго двора для удержанія Афгановъ отъ вторженія въ Индію. Они думали найти въ правительствѣ шаха послушное орудіе своей политики, но, какъ увидимъ далѣе, ошиблись.

Обширная держава, основанная Ахмедомъ-Абдали въ Афганистанѣ, сначала дѣйствительно угрожала Индіи; Ахмедъ шесть разъ предпринималъ туда опустошительные походы. Сынъ и наследникъ его Тимуръ-Шахъ (съ 1773 года) перенесъ столицу свою въ Кабулъ; но уже при немъ многія сильныя племена Афганистана, напримѣръ Белуджи, Сейки (въ Пенджабѣ), приобрѣли себѣ независимость, а при дѣтяхъ его держава ихъ дѣда окончательно распалась на части. Второй сынъ Тимуръ-Шаха, Земанъ, ослѣпилъ старшаго, но самъ былъ ослѣпленъ третьимъ братомъ, Махмудомъ, а этого изгналъ четвертый братъ, Шахъ-Шуджа. Махмудъ удалился въ Гератъ, но съ помощію могущественнаго рода Барекзи снова достигъ верховной власти. Главою этого рода, принадлежавшаго, какъ и царскій, къ племени Дурани, былъ тогда Фетхъ-Ханъ; онъ сдѣлался полновластнымъ визиремъ при Махмудѣ и роздалъ всѣ выгоднѣйшія мѣста своимъ осьмнадцати братьямъ. Истомленный развратомъ, Махмудъ не мѣшалъ визирю въ его распоряженіяхъ, но сынъ его Камранъ былъ раздраженъ самовольствомъ этой ватаги Барекзиевъ и присовѣтовалъ отцу предательски умертвить Фетхъ-Хана. Всѣ братья убитаго возстали на Махмуда, и онъ спасся бѣгствомъ въ Гератъ, которымъ управлялъ сынъ его, Камранъ. Махмудъ умеръ въ 1829 году, но Камранъ-Шахъ властвовалъ въ Гератскомъ ханствѣ до 1842 года, когда самъ палъ жертвою хитраго визиря своего, Яр-Мугамеда.

Братья Махмуда, Земанъ и Шуджа, жили подъ покровительствомъ Англичанъ въ Лудіанѣ, и когда Махмудъ бѣжалъ въ Гератъ, Барекзи хотѣли было возвести на престолъ Шаха-Шуджу, но не сошлись съ нимъ въ условіяхъ и посадили на его мѣсто младшаго изъ его

братьевъ, Эйюба. Запуганный ужасомъ раздоровъ, которымъ властолюбивые Барекзій предавались въ самомъ его дворцѣ, малодушный Эйюбъ бѣжалъ въ Лагоръ и недавно умеръ тамъ въ совершенной невѣстности. Семейная вражда Барекзиевъ повела къ междоусобной войнѣ и къ новому раздѣлу Афганистана. Одинъ изъ нихъ, знаменитый Достъ-Мугамедъ, водворился въ Кабулъ, гдѣ онъ и теперь еще властвуетъ; другой братъ, Чиръ-Диль-Ханъ, объявилъ себя независимымъ владѣльцемъ Кандагара и по смерти передалъ власть сыну, Коханъ-Диль-Хану; наконецъ третій, Мугамедъ-Ханъ, завладѣлъ точно такъ же Пейшаверомъ, но уже въ 1822 году сдѣлался данникомъ знаменитаго Ренджитъ-Синга Лагорскаго, а въ 1839 году и окончательно лишился своей земли, которая, съ согласія Англичанъ, присоединена была къ Лагору, или Пенджабу. Англія имѣла при этомъ въ виду обезпечить себѣ союзъ пенджабскихъ Сейковъ, прежде чѣмъ пойти войною на Афганистанъ. Но что именно побудило Англичанъ къ этому смѣлому и, какъ извѣстно, бѣдственному походу? Не что другое, какъ тѣ полувассальскія отношенія къ Персіи, которыя каждый изъ владѣтелей раздѣльнаго Афганистана считалъ своею обязанностию поддерживать не только по старинѣ, но еще и для того, чтобъ обезпечить себѣ покровительство Персіи на случай какихъ-нибудь посягательствъ со стороны неугомонныхъ сосѣдей въ самомъ Афганистанѣ. Отношенія эти, не столь важныя сами по себѣ, приобрѣтали все болѣе и болѣе значенія для Англіи по мѣрѣ того, какъ она стала замѣчать (особенно съ 1835 г.), что Персія смотритъ на Афганистанъ, какъ на страну, гдѣ ей необходимо поддержать свое господствующее вліяніе, и съ этой цѣлю намѣревается стать твердою ногой въ древней собственности своей, Гератѣ. Единственный торговый и военный путь изъ Персіи и Средней Азіи въ Афганистанъ и Индію, эта небольшая область имѣетъ существенное значеніе для обѣихъ спорящихъ сторонъ, и на ней-то въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ вращается вся политика Англіи относительно персидскаго шаха.

Второй шахъ Каджарской династіи, миролюбивый Фетхъ-Али, долго сдерживалъ стремленія сыновей своихъ, Гассана и Аббаса-Мирзы овладѣть Гератомъ. Въ этихъ видахъ, Гассанъ, бывшій правителемъ хорасанскимъ, женился даже на дочери гератскаго Шаха-Камрана. Наконецъ, престарѣлый Фетхъ-Али уступилъ настояніямъ Аббаса, и въ 1833 году сынъ послѣдняго, вскорѣ потомъ Мугамедъ-Шахъ, предпринялъ осаду Герата. Походъ былъ неудаченъ. Замѣчательно, что въ то время Англія еще не противилась этому предпріятію, и англійскіе офицеры, обучавшіе тогда персидское войско, оставались при немъ четыре года послѣ того. Они выѣхали только въ 1837 году, когда несмотря на представленія англійскаго посольства, новый шахъ Мугамедъ рѣшился вторично попытать счастья подъ

Гератомъ (1). Но успѣхъ не увѣнчалъ его дѣйствій и на этотъ разъ. Умный визирь Камранъ-Шаха, Яръ-Мугамедъ, заранѣе пригото- вилъ средства сильной обороны. Впрочемъ, онъ самъ приписывалъ неудачу Персовъ болѣе раздорамъ и вѣроломству ихъ военачальниковъ. Снятію осады содѣйствовала отчасти и диверсія, предпринятая Англи- чанами въ Персидскомъ заливѣ, гдѣ неожиданное появленіе даже и слабой эскадры надѣлало тогда большихъ тревогъ.

Какъ бы то ни было, эта вторичная осада Герата и сопровождавшее ее сближеніе кабульскаго и кандагарскаго владѣтелей съ Персіей, побудили остъ-индскаго генераль-губернатора лорда Окланда за- вѣтъ военное могущество Англичанъ въ Афганистанѣ. Напрасно зна- менитый путешественникъ сэръ-Александръ Борнсъ совѣтовалъ лучше вступить въ частную сдѣлку съ кабульскимъ эмиромъ, чтобы привязать этого сильнѣйшаго изъ владѣтелей Афганистана къ инте- ресамъ Остъ-Индской компаніи; лордъ Окландъ и начальникъ его дипломатической канцеляріи, сэръ-Вильямъ Макнатенъ, настаивали на томъ, чтобы соединить Афганистанъ подъ однимъ верховнымъ правительствомъ, и не видя никакой возможности примирить враж- дующихъ между собою Барекзиевъ, они рѣшились извлечь изъ долго- лѣтней ссылки забытую отрасль Саддозійской династіи, несчастнаго Шаха-Шуджу, и отправили его при двѣнадцатитысячной англійской арміи, съ тѣмъ, чтобы овладѣть и управлять Афганистаномъ отъ имени покорнаго имъ властелина. Кандагаръ, покинутый Коханъ- Диль-Ханомъ, бѣжавшимъ въ Персію, покорился безъ сопротивле- нія; эмиръ кабульскій, Достъ-Мугамедъ, потерявъ сраженіе, нако- нецъ вынужденъ былъ сдаться Англичанамъ и отосланъ въ Калькутту, тогда какъ сынъ его, Акбаръ-Ханъ, успѣлъ скрыться въ горахъ. Тогда бѣольшая часть англійскихъ войскъ возвратилась въ Индію, оставивъ въ Афганистанѣ только 3,000 человекъ, подъ начальствомъ генерала Эльфинстона. Цѣлый годъ прошелъ въ тщетныхъ усиліяхъ возста- новить государство Шаха-Шуджи; напрасно Шахъ-Камранъ Герат- скій предъявлялъ свои притязанія на обладаніе Афганистаномъ: ему отвѣчали требованіемъ, чтобы онъ допустилъ къ себѣ англійскій гарнизонъ. Визирь Камрана, Яръ Мугамедъ, опасаясь господства Англичанъ болѣе персидскаго, тѣмъ усерднѣе искалъ тогда покрови- тельства послѣдней державы. Извѣстно, чѣмъ кончилась экспе- диція въ Афганистанъ. Въ концѣ 1841 года туземцы подняли воз- станіе, подъ предводительствомъ Акбаръ-Хана, и Англичане, не- смотря на отчаянную оборону, погибли тамъ почти всѣ до одного. Это бѣдствіе, которое Шахъ-Шуджа пережилъ лишь нѣсколькими недѣлями, вызвало вскорѣ потомъ страшную месть. Англійскіе гене-

(1) Мѣсто англійскихъ офицеровъ заступили вскорѣ потомъ французскіе.

ралы, Поллокъ и Ноттъ, побѣдoвно прошли до самаго Кабула, освободили задержанных тамъ знатныхъ англійскихъ плѣнниковъ и плѣнницъ, и къ осени 1842 года благополучно возвратились въ Индію.

Политика Англій приняла съ тѣхъ поръ другое направленіе. Новый генералъ-губернаторъ, лордъ Эленборо, возвѣстилъ прокламаціей, что Англія рѣшилась предоставить Афгановъ самимъ себѣ, не вступаясь въ ихъ внутренніе раздоры. Дѣйствительно, стремленіе утвердить ея непосредственное владычество въ этой странѣ требовало тогда невѣроятныхъ усилій и жертвъ, тѣмъ болѣе значительныхъ, что Англія не обладала еще ни Пенджабомъ, ни Мултаномъ, ни Синдомъ. Вслѣдъ за тѣмъ владѣтели Кандагара спокойно возвратились къ себѣ домой; Достъ-Мугаммедъ былъ освобожденъ и по прежнему сѣлъ въ Кабулѣ, сохраненномъ ему храбрымъ Акбаромъ, который въ послѣдствіи умеръ.

Временное усиленіе Англичанъ въ Афганистанѣ побудило Персію къ уступчивости; въ октябрѣ 1841 года она заключила съ Англіей торговый трактатъ, и когда около того же времени гератскій владѣлецъ предложилъ ей въ союзѣ съ нимъ вырвать Афганистанъ изъ рукъ Британцевъ, персидскій дворъ немедленно сообщилъ объ этомъ ихъ посольству. Хитрый визирь Шаха-Камрана, неразъ уже помянутый здѣсь Яръ-Мугамедъ, показывая преданность свою къ Персіи, умѣлъ однако жъ сохранить и пріязненные отношенія къ Англичанамъ. «Но какъ ни вѣроломъ онъ былъ съ нами, говоритъ авторъ замѣчательной статьи, напечатанной недавно въ *Edinburgh Review*, въ сущности онъ оставался преданъ однимъ Афганамъ. Онъ крѣпко стоялъ за дѣло своего народа, и когда мы очистили Афганистанъ, онъ поддержалъ это дѣло по своему, сбывши съ рукъ своего властелина, который, на его глаза, слишкомъ медленно разрушался отъ нетрезвости, и занявъ его мѣсто самъ. Французскій путешественникъ, г. Феррье, описавшій очень интересно свои свиданія съ Яръ-Мугамедомъ и сообщающій самыя полезныя свѣдѣнія для всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ узнать, гдѣ именно и что такое Гератъ, рассказываетъ, что «отъ послѣдняго мужика до самаго высокаго сановника, всѣ имѣли легкій доступъ къ Яръ-Мугамеду. Онъ по шести часовъ въ день выслушивалъ жалобы, принималъ прошенія и всѣмъ оказывалъ быструю и строгую справедливость... Жители Герата, никогда не пользовавшіеся такою безопасностью жизни и собственности, приносили теплыя мольбы, чтобы визирь управлялъ ими многія лѣта.» Къ сожалѣнію, онъ умеръ въ 1851 году, и сынъ его Сеидъ-Мугамедъ овладѣлъ правленіемъ. Сосѣди вступили съ нимъ въ споръ за наслѣдство: вопервыхъ, Достъ-Мугамедъ и сынъ его Гейдеръ-Ханъ, какъ зять умершаго, во вторыхъ двоюродный братъ Достъ-Мугамеда, Коханъ-Диль-Ханъ Кандагарскій, подъ тѣмъ предлогомъ, что Гератъ считается подвластнымъ Кандагару. Чувствуя свою слабость противъ

сильныхъ противниковъ, Сеидъ прибѣгнулъ къ покровительству Персіи, а та двинула военныя силы для охраненія Герата. Англійское посольство, ревниво слѣдившее за этими событіями, потребовало отозванія войскъ и невмѣшательства Персіи въ дѣла сосѣда. Переговоры тянулись довольно долго, и только угроза новою демонстраціей въ Персидскомъ заливѣ побудила Персію обѣщать, что она признаетъ независимость Герата и откажется отъ военнаго занятія этой страны. Отклонивъ грозу на первый разъ, правительство шаха естественно желало поставить свое обѣщаніе въ зависимость отъ такого же обязательства со стороны Англичанъ — и самимъ не вступаться въ дѣла Герата, тѣмъ болѣе, что подобныя условія были именно внесены въ три послѣдніе трактата, заключенные съ Англіею одинъ за другимъ, и признаны тремя разными ея кабинетами. Персія, съ своей точки зрѣнія, была совершенно права, но дѣло въ томъ, что точка зрѣнія англійской политики съ тѣхъ поръ рѣшительно измѣнилась. Англія прежде смотрѣла на Персію, какъ на узду для Афганистана, опаснаго ея остъ-индскимъ владѣніямъ, а въ послѣднее время, оградивъ себя съ этой стороны приобрѣтеніемъ Пенджаба (въ 1849 году) и вступивъ потомъ въ дружественныя отношенія съ Достъ-Мугамедомъ Кабульскимъ, она видѣла въ притязаніяхъ Персіи на Гератъ только помѣху утвержденію господствующаго вліянія своего не только въ этомъ краѣ, но и во всей Средней Азій.

Какъ бы то ни было, англійское посольство упорно настаивало на исполненіи своего требованія, и послѣ долгаго сопротивленія персидскій дворъ утвердилъ конвенцію 25 января 1853 г. Этотъ актъ оставался тайною не только для публики, но и для парламента. Существованіе его обнаружилось лишь мѣсяца три тому назадъ, когда въ Англіи заговорили о необходимости объявить Персіи войну за нарушеніе той именно конвенціи, которая до тѣхъ поръ никому не была извѣстна. Персія обязывалась ею не посылать къ Герату своихъ войскъ, развѣ въ случаѣ иноземнаго нашествія, да и тогда выводить ихъ тотчасъ по удаленіи непріятели, даже не дозволяя имъ вступать въ самый городъ; она отказывалась сверхъ-того отъ всѣхъ полудержавныхъ отношеній своихъ къ Герату и т. д. Принудивъ шахскій дворъ къ такому одностороннему, не на взаимности основанному обязательству, Англія съ неудовольствіемъ узнала о томъ, что властитель Герата попрежнему обращается къ Персіи, какъ преданный ей подручникъ. Сеидъ имѣлъ неосторожность торжественно заявить это въ письмѣ къ англійскому повѣренному. «Всѣ Афганы, говоритъ онъ,—подданные и слуги персидскаго правительства, особенно же я, человекъ персидской крови, живущій только милостію шаха и не дерзающій ни на что, кромѣ безпрекословнаго повиновенія его власти. И правительство мое, и моя жизнь — въ его рукахъ.»

Къ неудовольствіямъ по этому главному поводу присоединились нѣ-

которыя болѣе мелочныя столкновенія англійскаго посольства съ тегеранскою полиціей, а потомъ и съ верховнымъ правительствомъ шаха. Однако жъ во все время войны съ Россіей, Англія, цѣна важность персидской диверсии въ сосѣднихъ турецкихъ владѣніяхъ или въ Афганистанѣ, остерегалась нарушать свои мирныя отношенія къ этой державѣ и настаивала по крайней мѣрѣ на нейтральномъ ея положеніи въ кровавой борьбѣ.

Къ концу 1855 года, едва только англійскій повѣренный, г. Муррей, выѣхалъ изъ Персіи, оскорбившись неуваженіемъ правъ англійскаго посольства со стороны перваго министра шаха, одинъ довольно обыкновенный въ Азій случаѣ нарушилъ эти и безъ того уже натянутыя отношенія. Въ Гератѣ вспыхнулъ мятежъ; Сеидъ-Мугамедъ былъ убитъ, и на мѣсто его призванъ Юсуфъ-Ханъ, племянникъ прежняго владѣтеля, Шаха-Камрана.

Въ то же самое время умеръ Коханъ-Диль-Ханъ Кандагарскій, и Достъ-Мугамедъ немедленно захватилъ его область. Опасались, что увлеченный легкимъ успѣхомъ, онъ пойдетъ далѣе, на Гератъ. Въ упрежденіе нечаянности и по просьбѣ Юсуфъ-Хана, Персія въ началѣ 1856 года двинула туда войско. Начальникъ его, принцъ Султанъ-Мурадъ, ограничился тѣмъ, что занялъ городъ отъ имени шаха малочисленнымъ отрядомъ. Опасаясь за свою независимость и конечно подъ вліяніемъ агентовъ Достъ-Мугамеда и могущественной англійской пропаганды, большинство городскихъ жителей возстало противъ персидскаго занятія. Отрядъ Султана-Мурада былъ изгнанъ, возставшіе подняли англійскій флагъ, и Юсуфъ вынужденъ объявить себя подручникомъ англійскаго правительства. По совѣту визиря своего, Иса-Хана, онъ писалъ объ этомъ Достъ-Мугамеду и остъ-индскому генералъ-губернатору, говоря, что жители Герата очень рады прогнать отъ себя Персіанъ, что Афганъ, какъ правовѣрные сунниты, никогда не покорятся еретикамъ-шітамъ; онъ просилъ Достъ-Мугамеда исходатайствовать ему содѣйствіе Англичанъ и умолялъ его самого поспѣшить къ нему на помощь.

Между тѣмъ персидская армія обложила Гератъ и, несмотря на сильное сопротивленіе жителей, упорно продолжала осаду. Такая настойчивость объясняется между прочимъ и тѣмъ справедливымъ опасеніемъ персидскаго двора, что явное отложеніе Герата можетъ губельно подѣйствовать на сосѣдній и родственныи ему Хорасанъ, гдѣ шахи Каджарской династіи постоянно встрѣчаютъ себѣ наиболѣе непокорства.

Англійское правительство сочло дѣйствія Персіанъ явнымъ нарушеніемъ конвенціи 1853 года и разрѣшило остъ-индскаго генералъ-губернатора снабдить Достъ-Мугамеда оружіемъ и деньгами, послать въ Гератъ англійскихъ офицеровъ и вообще принять всѣ возможныя мѣры для усиленія обороны этого города. Въ то

лж самое время англійское министерство обратилось къ правительству шаха съ самыми настоятельными представленіями. Оно требовало, вопервыхъ, очищенія гератскихъ предѣловъ съ вознагражденіемъ за причиненное разореніе, вовторыхъ, заключенія новаго трактата, по которому Персія отказалась бы отъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства въ Гератъ и въ Афганистанѣ, дагѣ, новаго торговаго договора и уплаты всѣхъ суммъ, должныхъ англійскимъ подданнымъ, наконецъ, преобразованія устава судоходства при Бендеръ-Абасскомъ портѣ и смѣны великаго визира, или садразама. Шахское правительство предварялось вмѣстѣ съ симъ, что противъ Персіи снаряжается экспедиція и что, въ случаѣ неудовлетворенія этихъ требованій, отвѣтственность за дальнѣйшія событія должна пасть на худыхъ совѣтниковъ его величества шаха.

Персидскій посоль, Ферукъ-Ханъ, прибылъ вслѣдствіе того, въ Константинополь, для переговоровъ съ уполномоченнымъ Англіею, лордомъ Редклифомъ. Но переговоры тѣмъ менѣе могли привести къ желаемому концу, что среди ихъ получены были двѣ важныя вѣсти изъ Азіи: 25-го октября Гератъ, тѣснимый голодомъ, сдался Персіанамъ, а 11-го ноября отправилась изъ Бомбея экспедиція, назначенная въ Персидскій заливъ. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, военныя дѣйствія остъ-индскаго флота начались занятіемъ Бендеръ-Бушира и острова Каррака. Ферукъ-Ханъ отправился искать посредничества въ столицѣ Франціи.

ПИСЬМА ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

I.

Флоренція, декабря 20, 1856.

Вотъ ужъ почти мѣсяцъ, какъ мы живемъ во Флоренціи, — и не можемъ сказать, какъ говорится о пріятной жизни, что мы его не видали: нѣтъ, видѣли и очень, а если чего мы точно не видали въ этотъ мѣсяцъ, такъ это писемъ изъ Москвы. Вы спросите, за чѣмъ же мы *стали* во Флоренціи? Почему не въ Римѣ? Я вамъ скажу почему. Вопервыхъ, потому что тамъ вотъ уже три недѣли все идутъ дожди. Возразите — и справедливо — что не могли мы знать этого прежде: въ самомъ дѣлѣ, объ этомъ обстоятельствѣ лишь сегодня объявилъ намъ одинъ нашъ соотечественникъ, котораго мы встрѣтили въ Боболи и котораго имени и отчества право не имѣемъ чести знать. Дѣло вотъ въ чемъ: гуляя сегодня по зеленымъ аллеямъ Боболи, мы встрѣтили одну группу, въ которой было много дѣтей. Они играли кажется въ горѣлки и много кричали. Когда мы поравнялись съ ними, одной парѣ пришлось бѣжать. Вдругъ одинъ изъ дѣтскихъ голосовъ (вѣро-

итно показывая на насъ) закричалъ: поймите этихъ людей. Это было сказано чисто по-русски. Кто-то изъ насъ отозвался тоже по-русски. Минутное недоумѣніе, потомъ — извиненіе. Таково было начало знакомства — съ кѣмъ, еще не имѣю чести знать. Но вопросъ въ томъ, почему мы предпочли Флоренцію Риму, куда стремились изъ Москвы? Впервыхъ, потому что устали ѣхать; вовторыхъ, потому что здѣсь право очень удобно жить. Поговоримъ сначала на этотъ счетъ. Я ничего такъ не люблю, какъ города средней величины. Въ нихъ не растеряешься такъ, какъ въ этихъ громадныхъ столицахъ, гдѣ собрано всего гораздо болѣе, чѣмъ сколько можетъ охватить одно вниманіе, и гдѣ особенно никогда не побѣдишь пространства. То ли дѣло въ городахъ средней руки, гдѣ все такъ уютно? Посмотрите, напримѣръ, какъ удобно расположилась Флоренція въ своемъ тѣсномъ пространствѣ. Въ ней есть все, что требуется для столичнаго города, а между тѣмъ все въ ней такъ не далеко. Гдѣ ни возьмете себѣ квартиру, отсюду вы легко будете доходить и до главной площади, и до собора, и до галлерей, и до дворца, и до театровъ, и пожалуй до рынка. Экипажъ вамъ придется употребить развѣ потому только, что экипажи здѣсь очень удобны, легко и красиво смотреть. Притомъ же цѣны на нихъ самыя умѣренныя и опредѣлены заранее. Но и ходьба такъ удобна, что прибѣгнуть къ экипажу (къ извозчику, если угодно) вздумается развѣ въ сильный дождь и непроходимую слякоть — неприятности, которыми Флоренція кажется очень рѣдко подвержена. Пройдите весь городъ, и вы нигдѣ не встрѣтите ни повышенія, ни пониженія поверхности, а между тѣмъ кругомъ, куда ни взглянешь, вездѣ горы. Въ этихъ глубокихъ, плотно обставленныхъ, гладко выложенныхъ плитами улицахъ безъ тротуаровъ ходишь точно въ чистыхъ коридорахъ какого большого зданія. По необходимости употребляю легкія резиновыя калоши, но ужъ и это во Флоренціи возбуждаетъ вниманіе. Впрочемъ, и въ самомъ дѣлѣ такая предосторожность, кажется, лишняя. Дамы по крайней мѣрѣ уже убѣдились въ этомъ. Да и такъ-называемый *cache-nez* служить здѣсь немногимъ его употребляющимъ развѣ только для украшенія. Я понимаю, что многіе Флорентинцы могутъ довольствоваться лѣтнимъ костюмомъ круглый годъ. Въ этихъ улицахъ одно только неудобство: надобно носить уши назадъ, потому что лошади и экипажи идутъ здѣсь *pèle-mêle* съ прохожими и такъ же молчаливо, какъ и они, прокладываютъ себѣ дорогу. Погонщики не кричатъ, можетъ-быть ужъ и потому, что и безъ того въ городѣ много всякаго крика. Оттого, что все у васъ подъ руками, можете ничего почти не держать у себя дома. Я разумю не холостыхъ только. Ужъ вѣрно подъ вами, или въ сосѣднемъ домѣ есть всегда кафѣ, откуда можно имѣть свѣжій завтракъ. Нѣтъ также недостатка въ ресторанахъ — не блестящихъ, правда, многимъ золотомъ и бронзою, но у которыхъ всегда

можно найти нѣсколько свѣжихъ блюдъ за цѣну, какихъ кажется ужъ нѣтъ болѣе въ настоящихъ столицахъ. Вечеромъ же вы вѣрно сами не усидите дома, когда все идетъ по ярко-освѣщеннымъ улицамъ, и всѣ кафѣ и кондитерскія набиты обычными и необычными посѣтителями. Но для васъ вѣрно найдется мѣсто вмѣстѣ съ другими, и можетъ-быть дойдетъ та или другая изъ множества летающихъ здѣсь по рукамъ газетъ. Можетъ-быть, впрочемъ, вы бы желали расположиться какъ можно покойнѣе и обзрѣть въ одно время нѣсколько журналовъ и другихъ періодическихъ изданій на разныхъ европейскихъ языкахъ? Все это легко можете сдѣлать, не ходя далеко, потому что, если только вы не заблудитесь въ какую-нибудь глушь, извѣстный учено-литературный кабинетъ Вьесѣ, издателя Archivio storico italiano, ужъ конечно находится неподалеку отъ васъ. Тамъ вы можете абонироваться на какіе угодно сроки и даже заплатить только за одинъ сеансъ. Кабинетъ открытъ къ вашимъ услугамъ до поздняго вечера. Тутъ же можете получать книги для чтенія на домъ. Есть впрочемъ и кромѣ того французскія и англійскія книжныя лавки, гдѣ всегда есть выборъ новѣйшихъ сочиненій. Къ сожалѣнію моему, до сихъ поръ нигдѣ не могъ я отыскать нѣмецкой книжной лавки, и ея, какъ кажется, здѣсь нѣтъ вовсе. Ужъ не принимаютъ ли Флорентинцы нѣмецкую литературу за одно съ австрійскою?

Но кажется на этотъ разъ довольно объ удобствахъ. Есть многое, что привязываетъ къ Флоренціи помимо ихъ. Даже зимою? спросите, вы недовѣрчиво. Но я, право, не знаю, что Флорентинцы называютъ зимою. Они кажется не простираются въ ней далѣе нашего сентября, а большею частію довольствуются нашимъ хорошимъ августомъ. Для человѣка же, чувствующаго недостатокъ здоровья, это обстоятельство неслѣднее. Повидимому холодъ шелъ сюда по нашимъ слѣдамъ. Первые дни нашего пребыванія здѣсь въ самомъ дѣлѣ были нѣсколько холодны. Съ горъ дулъ очень свѣжій вѣтеръ и нерѣдко загонялъ насъ домой ранѣе, чѣмъ намъ хотѣлось. Однажды, вставши рано утромъ, мы увидали на крышахъ снѣгъ (и грязь на улицахъ.) Но тѣмъ холодъ и кончился. Стали пасмурные, но вмѣстѣ и теплые дни: что-то въ родѣ нашей ранней весны. За тѣмъ опять проглянуло солнце, высушило улицы и напомнило намъ хорошую пору августа. Такъ было здѣсь до послѣдняго времени. Въ эти дни набережная Арно (Lungo l'Arno) полна гуляющими. Она вся лежитъ подъ солнцемъ и потому особенно удобна для прогулокъ. Если же случится еще праздникъ, то на Лунгарно бываетъ просто тѣсно отъ толпы. Между тѣмъ въ то же самое время происходитъ блестящее катанье въ Прато: но это уже за городомъ. Пѣшеходы также могутъ избирать для себя эту прогулку, но мы предпочитаемъ сады Боболи. Если угодно, они тоже не въ городѣ. Начинаясь отъ дворца Питти, они, какъ извѣстно, уходятъ далеко отъ него, взбираются на окружающія горы, распола-

гнутся по скатамъ, и потомъ опять спускаются къ долинѣ Арно. Но это самое придаетъ имъ особенную прелесть. Въ садахъ Боболи никогда не видно даже печати осени. Они вѣчно и вѣчно зелены! Имѣли только нѣкоторыя деревья, принадлежащія переходной породѣ между сѣвѣрною и южною: тополи, платаны и проч. Но ихъ не много: они здѣсь уже рѣдкость. Безконечныя аллеи Боболи, то уходящія въ глубину, то опять поднимающіяся на верхъ, то открытыя во всю длину, то соединяющія свои вершины въ тѣнистый сводъ, составлены сплошь изъ южныхъ растений, которыя не имѣютъ даже привычки мѣнять листья: это главнымъ образомъ лавръ и за нимъ лессю. Присоедините къ нимъ еще такой же неизмѣнный кустарникъ, *lentaggio* и *ogliastro*, какъ называется онъ здѣсь, да множество вьющихся растений, которыя ползутъ и по землѣ и по деревьямъ, и вы поймете, что осени тутъ почти не на чемъ дать себя почувствовать. Эти густыя лавровыя стѣны, которыя провожаютъ васъ на всѣхъ изворотахъ, сохранили до сихъ поръ всю лѣтнюю свѣжесть; другія деревья и кустарники — точно также. Имъ недостаетъ только лѣтнаго благоуханія, растворенія, чтобы очарование было полно. Но лучше всего большая аллея изъ кипарисовъ, которая ведетъ къ огромному мраморному бассейну со множествомъ разноцвѣтныхъ рыбъ. Кипарисъ своими чудесными формами рисуется больше въ верхнихъ ея частяхъ, а нижнія закрыты густою зеленью другихъ листовыхъ растений и разнообразятся статуями, которыя разставлены съ обѣихъ сторонъ на небольшихъ разстоянiяхъ. Когда же еще сквозь эту массу зелени пробьется золото солнечныхъ лучей, тогда вѣришь не только лѣту, но даже и лѣтнему жару, хотя и не чувствуешь на себѣ его тягости. Сойдя внизъ и расположившись на открытомъ мѣстѣ близъ бассейна, повѣришь этому еще болѣе.

Но довольно и объ этомъ. Боюсь наскучить вамъ моею вѣчною зеленью — вамъ, у которыхъ постоянно передъ глазами одинъ бѣлый цвѣтъ глубокихъ снѣговъ. Если я такъ разболтался объ этомъ явленiи, то единственно потому, что до сихъ поръ не могу получить къ нему привычки. Еслибы вы только могли себѣ представить, какъ хорошо было въ Боболи, на примѣръ, 2 и 9 вашего декабря!

Римъ имѣетъ неоспоримое преимущество передъ Флоренцією. Римъ, что и говорить, есть настоящій пантеонъ древняго искусства. Какъ нѣтъ другаго римскаго форума, такъ нѣтъ и, конечно, не будетъ другаго Ватикана. Да и гдѣ же имъ приличнѣе быть какъ не въ Римѣ? — Во Флоренціи ничего этого нѣтъ. Кое-какіе остатки древности и она, правда, собрала въ своихъ галереяхъ: но въ какихъ же итальянскихъ городахъ ихъ нѣтъ? Не въ томъ ея гордость и существованіе богатство. Мѣстороженіе и цвѣтъ новаго, христіанскаго искусства, возраждающагося изъ соединенія древнихъ воспоминанiй

съ новыми мотивами — вотъ чего надобно искать во Флоренціи, вотъ что даетъ ей неоспоримо второе мѣсто въ Италіи. Впрочемъ, зачѣмъ и *искать* того, что здѣсь встрѣчается на каждомъ шагу, отъ чего здѣсь такъ же нельзя уйти, какъ въ Римѣ отъ древнихъ воспоминаній? Настоящее Флоренціи не блестяще; происхожденіе ея нельзя безъ ватяжки возвести даже къ римскимъ временамъ; пойдете ли отъ началъ ея впередъ—вы скоро придете къ началамъ и развитію новаго искусства; захотите ли отъ ея настоящаго мало-по-малу возвращаться къ прошедшимъ временамъ, вы также скоро достигнете до эпохи его процвѣтанія. Процвѣтаніе Флоренціи и самая важная пора въ жизни и развитіи новаго искусства — это явленія современныя. Уже не суть ли они и тожественныя, по крайней мѣрѣ если подумать, что въ началѣ ея исторіи стоитъ имя Данта, величайшаго гражданина Флоренціи и перваго поэта Италіи, а въ концѣ ея читается почти не менѣе многозначительное имя Микель-Анджело Буонаротти, который одною рукою создавалъ новыя формы въ искусствѣ, а другою — воздвигалъ оплоты для защиты Флоренціи въ послѣдніе дни ея независимости? Оттого на зданіяхъ Флоренціи и на ихъ внѣшнихъ и внутреннихъ украшеніяхъ можно читать постепенно всѣ главныя фазы въ движеніи искусства, которое, родившись въ новой Италіи, въ ней же установило для себя и самыя формы. Для меня, эта славная пора въ исторіи не оставила по себѣ памятника болѣе полнаго, болѣе цѣльнаго и вмѣстѣ многосторонняго, какъ Флоренція: потому что я стою на томъ, что Флоренція прежде всего и больше всего — памятникъ прошедшаго, памятникъ, имѣющій передъ другими ту особенность, что отдѣльные монументы, его составляющіе, принадлежатъ не глубокой древности, а времени не очень отдаленному отъ насъ, до сихъ поръ сохраняютъ назначенное имъ житейское употребленіе, и такъ же, какъ во времена своего сооруженія, служатъ для той или другой практической цѣли. Потому о Флоренціи болѣе другихъ городовъ можно сказать, что она есть живой памятникъ своего прошедшаго. Я разумю здѣсь не однѣ только флорентинскія церкви, изъ которыхъ многія принадлежатъ своими началами, а иногда и большею частію всего сооруженія еще XIII вѣку, но и здѣшніе дворцы, *палацци*, которые долѣе всѣхъ другихъ удержали свое назначеніе — служить мѣстомъ собраній, или постояннымъ жилищемъ для почтенныхъ сеньйоровъ. Тогда какъ вельселе, венеціанскіе дворцы замѣтно пустѣютъ съ каждымъ годомъ, и изящные генуэзскіе тоже теряютъ своихъ обитателей, тяжелые и часто мрачныя дворцы Флоренціи постоянно населены, обитаемы. Палаццо Строцци, палаццо Риккарди, палаццо Буондельмонте, Антинори, Джинори—всѣ они сохранили свой прежній видъ больше крѣпкихъ замковъ, чѣмъ домовъ, и несмотря на то, постоянно населены почти не менѣе обыкновенныхъ жилищъ. А есть почти цѣлыя улицы,

заняты такими дворцами! Да наконецъ часто не разберешь, что домъ, что дворецъ: потому что дома переняли архитектуру старыхъ вилло, и несмотря на свою новизну, часто смотрятъ одинаково съ ними. Самыя улицы сохранили въ себѣ живые слѣды исторіи и служатъ ей памятниками. Какія воспоминанія не пробуждаются въ насъ, когда проходите улицы съ именами Guelfa, Ghibellina, или когда на одной изъ нихъ читаете имя Guicciardini? Не говорю уже о «Sasso di Dante», котораго указателемъ служитъ одна мраморная доска съ надписью на соборной площади. Иногда взойдешь во внутренний дворъ одного изъ здѣшнихъ монастырей: извѣстно, что эти дворы имѣютъ квадратную форму и обнесены со всѣхъ сторонъ крытыми галереями. Въ нихъ не то чтобы некуда устремить глаза—даже некуда ступить ногою и не попасть на историческій слѣдъ. Таковъ особенно внутренний дворикъ Аннунціаты: не только всѣ стѣны его, но и самый полъ почти сплошь выложены мраморными плитами съ надгробными надписями, на которыхъ то и дѣло мелькаютъ имена, принадлежащія исторіи, или связанные съ ея воспоминаніями; вся же верхняя половина стѣнъ до крыши галереи занята фресками, которыя, также принадлежа временамъ историческимъ и почерпая все свое содержаніе прямо изъ мѣстной исторіи, до сихъ поръ однако сохранили всю живость и яркость своихъ красокъ. Сюда можно ходить съ флорентинскими лѣтописями въ рукахъ и отыскивать портреты изображаемыхъ въ нихъ лицъ—на стѣнахъ монастыря! Недавно разсматривалъ я наружныя ступени большаго флорентинскаго собора: на бокахъ многихъ изъ нихъ видны какъ—будто забытыя надписи. Что бы это такое было? думалъ я. Оказалось, что надписи указываютъ мѣста погребенія нѣкоторыхъ знатныхъ Флорентинцевъ, между которыми тоже попадаются историческія имена. А знаете ли, какъ называется до сихъ поръ главный магистратъ и савонникъ города? Gonfaloniere....

Независимо отъ тѣхъ слѣдовъ, которые оставляютъ по себѣ сами событія, Флорентинцы любятъ еще увѣковѣчивать память о нихъ особыми монументами. Нигдѣ, кажется, нельзя встрѣтить на такомъ маломъ пространствѣ столько статуй, бронзовыхъ и мраморныхъ, во всѣхъ видахъ и положеніяхъ. На нихъ наконецъ не обращаешь вниманія. Готовы памятники своимъ великимъ людямъ, Флоренція заставляла работать надъ ними своихъ великихъ художниковъ. Когда потомъ эти художники въ свою очередь платили дань смерти, она спѣшила почтить ихъ память также достойными ихъ памятниками. Мало любя свое настоящее, Флоренція вотъ уже три вѣка почти постоянно занята своимъ прошедшимъ, любитъ его, гордится имъ, живетъ въ немъ. Городъ, не отжившій вовсе для настоящаго, но у котораго блестящій водень жизни давно назади... Кромѣ памятниковъ, разбросанныхъ по площадямъ и улицамъ, во Флоренціи есть цѣлые пантеоны нацио-

нальныхъ монументовъ. Сколько историческихъ могилъ въ одномъ Сантѣ-Лоренцо! Тотчасъ за перковью, отдѣляясь отъ нея одною стѣною, возвышается обширный куполъ. Внутренность зданія со всѣми его углубленіями выложена разноцвѣтнымъ мраморомъ. Промежутки между окнами заняты нишами, въ которыхъ, въ особыхъ рамахъ изъ мраморныхъ колоннъ, помѣщены бронзовыя статуи. Это названія лицъ, которыя схоронены тутъ въ землѣ. Подъ нишами стоятъ ихъ мраморныя гробницы. Только куполъ яркими красками своихъ фресокъ отдѣляется отъ общаго темнаго фона, господствующаго въ цѣломъ зданіи. Онъ впрочемъ здѣсь очень кстати: это фамильное кладбище Медичисовъ — не тѣхъ впрочемъ, съ именемъ которыхъ соединяется память самаго цвѣтущаго времени Флоренціи, а ихъ позднѣйшихъ преемниковъ, съ которыми соединены иныя воспоминанія... Еще не всѣ работы приведены здѣсь къ окончанію: онѣ продолжаютъ по волѣ теперешнихъ герцоговъ. — Тотъ, кто ищетъ въ памятникѣ не столько богатства, великолѣпія, сколько художественнаго изящества, предпочтетъ большому монументальному зданію, находящуюся по одну его сторону небольшую капеллу, извѣстную подъ именемъ «Капеллы Медичисовъ,» то-есть немногихъ Медичисовъ, которые властвовали во Флоренціи въ то переходное время, когда она металась и терзалась, отстаивая свою погибающую свободу. Впрочемъ, капелла по праву также могла бы быть названа именемъ Микель-Анджело. Ему принадлежитъ весь планъ ея, здѣсь находятся его послѣднія, предсмертныя работы, тутъ нѣкоторымъ образомъ онъ положилъ свою душу, или завѣщалъ потомству свою послѣднюю мысль. Два памятника, то-есть два произведенія великаго художника, по двумъ сторонамъ капеллы, особенно приковываютъ къ себѣ вниманіе посѣтителя. Отъ нихъ нельзя оторваться скоро: такъ исполнены они, даже и несовсѣмъ dokonченные художническою мыслию. Одинъ изъ нихъ посвященъ памяти Юліана, другой Лоренцо II Медичиса, извѣстнаго подъ именемъ герцога Урбинскаго, двухъ членовъ знаменитой фамиліи, ничего не прибавившихъ къ ея славѣ. Но всякій приходящій смотритъ на эти группы какъ на памятники самого Микель-Анджело: не потому только, что на нихъ видно, гдѣ остановилась рука его, но и потому, что на нихъ также видно, какъ раскрывалась его глубокая предсмертная мысль. Это была горестная мысль объ Италиі, которой свобода и независимость гибли частію по ея собственной винѣ, частію по злобѣ и ожесточенію ея враговъ. Каждая группа состоитъ изъ трехъ фигуръ. Фигурѣ Юліана художникъ не умѣлъ, или не хотѣлъ придать никакого особеннаго выраженія. Но за то полны смысла двѣ символическія фигуры, брошенныя по краямъ его гробницы и изображающія *ночь* и *день*. По поводу первой изъ нихъ художникъ самъ сказалъ:

Grato mi è il sonno, e più l'esser di sasso
Mentre che il danno e la vergogna dura.

То-есть: «мнѣ пріятно забыться сномъ, еще было бы отрадѣе для меня, еслибы я могъ заснуть сномъ этого камня на все время нашихъ бѣдствій и нашего позора.» Герцога Урбинскаго, напротивъ, художникъ отличилъ томнымъ и задумчивымъ выраженіемъ, которое видно не только въ лицѣ, но и во всей его фигурѣ. При видѣ этого памятника, нельзя не почувствовать нѣкоторой симпатіи и къ самому лицу... И вы не раскаетесь, если дадите ей мѣсто въ вашемъ сердцѣ, потому что она будетъ обращена къ мысли того же художника, который такъ былъ полонъ ею, что выразилъ ее на первомъ попавшемся предметѣ. Il pensiero — какъ называютъ задумчивую фигуру герцога Урбинскаго — это отраженіе все той же тоскующей души великаго художника. Здѣсь, по краямъ гробницы, также брошены двѣ символическія фигуры. Одна изъ нихъ изображаетъ раннюю зарю, другая — сумерки и слѣдовательно замираніе жизни. Обѣ фигуры полны движенія. Мысль охватила ихъ одинаково во всѣхъ частяхъ. Но я, право, не знаю, на сколько радостная утренняя заря смотреть здѣсь въ самомъ дѣлѣ веселѣе печальныхъ сумерекъ.... Не всмотрѣвшись внимательно, ихъ почти можно перемѣшать между собою!

Грустію вѣетъ здѣсь. Перейдемъ отсюда въ Санта-Кроче. Замѣтимъ прежде большую огороженную площадь передъ фасадомъ церкви: тутъ нѣкогда, въ старое шумное и вмѣстѣ самое живое время, Флоренція производила рыцарскіе турниры и давались разныя празднества и увеселенія. Въ самой церкви ждутъ насъ опять печальныя воспоминанія. Прежде всего — самая стѣна ея есть уже памятникъ старины, ибо она восходитъ къ XIII вѣку. Санта-Кроче болѣе по праву можетъ назваться національнымъ памятникомъ, чѣмъ Санта-Лоренцо: здѣсь, подъ нагробными досками, собрались лучшія славы Флоренціи, которыя нѣкогда, и навсегда, утвердили имя ея между всѣми образованными народами. Нѣкоторыя изъ нихъ, можетъ-быть, были не узнаны ею въ свое время и безразсудно отвергнуты; но... она давно уже исправила свою ошибку и собрала въ Санта-Кроче всѣхъ славныхъ гражданъ своего прошедшаго. Съ почтеніемъ проходишь по этой древней базиликѣ, имѣя направо и налѣво отъ себя по цѣлому ряду великихъ историческихъ могилъ. Къ именамъ, на нихъ начертаннымъ, не нужно комментаріевъ: они столько же принадлежатъ Флоренціи, сколько всему міру. Ихъ присутствіе и теперь еще чувствуется между нами. Дантъ; Макіавелли, Микель-Анджело, Галилей — такія имена развѣ принадлежатъ одной Флоренціи? Пріятно особенно видѣть памятникъ Данту: онъ отличается отъ другихъ и грандіозностію, и изящствомъ. Какъ бы въ знакъ того, что безсмертный скиталецъ наконецъ нашелъ себѣ покой въ отечественномъ

городѣ, онъ представленъ сидящимъ ; направо отъ него — торжествующая Италия, налѣво — опечаленная поэзія. Около всемірныхъ именъ помѣщаются также и многія другія, имѣющія болѣе мѣстное значеніе, какъ-то Альфіери, Кавальканти и пр. Но можно ли исчислить всѣ таланты прежняго времени, которыми гордится Флоренція?

II.

Флоренція, декабря 31, 1856.

Отъ прошедшаго Флоренціи, перейдемъ къ ея настоящему. Оно скудно, бѣдно, не блеститъ много и не бросается въ глаза, но все же оно есть, и уже однимъ своимъ ежедневнымъ шумомъ и движеніемъ обращаетъ на себя вниманіе. У Флоренціи нѣтъ тѣхъ широкихъ размаховъ, которыми отличаются большіе европейскіе центры; здѣсь все, напротивъ, сводится къ очень небольшимъ размѣрамъ — самая жизнь столько же, какъ и внѣшнее пространство. Причина понятна: взятыя нечѣмъ. Не велики силы и средства народа, не великъ и его политическій горизонтъ. Я говорю здѣсь не о цѣлой Италиі, а о Тосканѣ въ собственномъ смыслѣ. Пульсъ политической жизни бьется здѣсь очень тихо. Если она и есть, то наблюдать за нею очень трудно, потому что она не имѣетъ здѣсь никакихъ самостоятельныхъ органовъ. Кромѣ офиціальнаго *Monitore Toscano*, не вижу въ цѣлой Флоренціи другой политической газеты. Чтобы угадать хотя приблизительно симпатіи народа въ политикѣ, надобно прибѣгнуть къ иностраннымъ журналамъ. Здѣсь ихъ читается много — всего болѣе французскихъ: *Journal des Débats*, *Le Siècle*, *La Patrie*. Хотите знать, какая изъ нихъ наиболѣе читается? Это—*Le Siècle*. Его можно найти почти во всякомъ порядочномъ кафѣ. Если гдѣ есть хотя одна французская газета, это вѣрно *Siècle*. Изъ итальянскихъ наиболѣе распространена *Gazzeta di Genova*. Разумѣется вы не спросите, есть ли здѣсь римскіе или неаполитанскіе журналы: объ этомъ прежде всего слѣдовало бы спросить на самомъ мѣстѣ, гдѣ они предполагаются...

Къ чему однако наиболѣе приливаетъ здѣшняя общественная жизнь? Гдѣ самый видный ея центръ? Чѣмъ особенно заняты мысли флорентинскаго общества, куда влечется оно своими стремленіями? — Кажется, тутъ не можетъ быть мѣста сомнѣнію: это театръ, театръ и театръ. Онъ существуетъ здѣсь во всѣхъ видахъ и для всѣхъ классовъ общества. Какъ всякій итальянскій городъ, Флоренція, вопервыхъ, непременно должна имѣть свою оперу. Но какъ во время карнавала веселятся вдвое болѣе обыкновеннаго, то на это время у нея бывають двѣ оперы, одна въ *Pergola*, другая въ *Pagliano*. Далѣе, есть опера серьезная и опера комическая: это двѣ вещи разныя между собою. Итакъ, еще два театра для оперы-буффы: Альфіери по сю сто-

рову Арно и Гольдони по другую. Нельзя не имѣть далѣе особой сцены для высокой драмы, трагедій и т. н.; нельзя особенно въ настоящее время, когда Италия такъ много хлопочетъ о томъ, чтобы въ далѣ драмы освободиться отъ чужеземнаго вліянія. Этому требованію удовлетворяетъ театръ del Cocomero, гдѣ всегда даетъ свои представленія кака-нибудь избранная драматическая труппа. Наряду съ драмою тутъ идетъ впрочемъ и комедія. По слѣдамъ Cocomero идетъ повидимому театръ Leopoldo. Наконецъ театры Nuovo, della Piazza vecchia и Borgo Ognisanti привлекаютъ къ себѣ низшіе слои народонаселенія. Тутъ дается всякая всячина; главное же мѣсто между представленіями занимаютъ простонародная комедія и фарсъ. Такимъ образомъ, Флоренція на сто съ небольшимъ тысячъ жителей считаетъ у себя девять театровъ! Парижъ считаетъ ихъ, почитая, за 20,—вы знаете, на сколько сотенъ тысячъ народонаселенія: по этому судите о пропорціи. Флорентинскіе театры не видны и никогда не выходятъ вонъ изъ улицъ: ихъ можно признать развѣ только по вывѣшенной у входа афишѣ. Народъ однако знаетъ ихъ твердо и посѣщаетъ усердно. Какъ отдѣльные посты, они разсыяны въ разныхъ мѣстахъ, такъ впрочемъ, что еслибы ихъ соединить нитями, они составили бы родъ сѣти вокругъ центральной части города.

Мы пріѣхали уже въ концѣ осенняго сезона, когда театральныя представленія приходили къ концу. Намъ однако удалось еще послушать оперную труппу, готовившуюся къ отъѣзду изъ Флоренціи. На прощанье дана была Лукреція Борджіа, какъ та опера, которая удалась здѣсь наиболѣе. Это было въ театрѣ Пальяно, очень обширномъ, но очень скромно устроенномъ, съ глухими ложами въ шесть рядовъ (два верхніе впрочемъ раздѣлены на отдѣльныя мѣста). Партеръ по обыкновенію былъ полонъ до краевъ. Опера, какъ и слѣдоваложидать, была исполнена прекрасно. Понятно, что Флорентинцы расставались съ труппою не безъ сожалѣнія. Рѣдко удается встрѣтить такой обширный и пріятный театовъ какъ Mongini: у него безспорно есть будущность. Своимъ сладкозвучіемъ онъ часто напоминаетъ намъ нашего московскаго любимца Сальви, но органъ его гораздо сильнѣе и обширнѣе. Съ удивленіемъ услышалъ я нима здѣшней примадонны. Barbieri Nini... но я слышалъ ее назадъ тому десять лѣтъ въ Падуѣ! и она могла сохранить до сихъ поръ столько голоса, не говоря уже объ ея искусствѣ пѣнія?—Въ театрѣ Cocomero, также передъ прощаньемъ его съ публикой, повлекло меня желаніе познакомиться съ тамошнею «драматическою компаніею», во главѣ которой была Pezzane, и которая повидимому также пользовалась любовью Флорентинцевъ. Мнѣ любопытно было также видѣть, какъ идутъ комедіи Гольдони на итальянской сценѣ... И въ самомъ далѣ, намъ, чужестранцамъ, читать его пожалуй не надо, по крайней мѣрѣ едва ли мы вынесемъ изъ чтенія то уваженіе къ нему, какъ къ художнику,

которымъ проникнуты Итальянцы. Но на сценѣ, при искусномъ представленіи — другое дѣло : вы точно видите итальянскую жизнь какъ она есть. Играя Гольдони, артисты голосомъ, ужимками, покроемъ платья, наконецъ всѣми манерами; неподражаемо передаютъ мѣстные обычаи и даже самыя ухватки, употребительныя въ той или другой мѣстности — Болоньѣ, Неаполѣ, Римѣ — и такъ хорошо знакомя слуху и глазу Итальянцевъ. Уличная, а иногда и домашняя жизнь города тутъ цѣликомъ переносится на сцену и неминуемо производитъ на зрителей свое дѣйствіе. Передъ тѣмъ дана была небольшая комедія Тесты (Del Testa) : это одинъ изъ корифеевъ новой итальянской драмы ; но я вѣроятно буду еще имѣть случай говорить о немъ.

Съ закрытіемъ театровъ наступило затишье. Для завязкаго остались галереи, прогулки по Лунгарно и кафѣ. Время показалось мнѣ благопріятнымъ, чтобы хоть немножко ознакомиться съ мѣстною литературою. Съ чего начать? Прямо съ книгъ? Но въ выборѣ книгъ такъ легко ошибиться, если судить по однимъ именамъ и заглавіямъ. Гдѣ искать руководителя, если не въ періодической литературѣ прежде всего? Должны же быть здѣсь литературные журналы, гдѣ разбираются и критически оцѣниваются вновь выходящія сочиненія. Да и вообще литературный журналъ — что же онъ такое, какъ не указатель болѣе или менѣе вѣрный существующихъ въ литературѣ направлений, талантовъ, средствъ, отражающій ея самыя видныя достоинства на своихъ собственныхъ страницахъ? Итакъ, обратимся къ флорентинскимъ журналамъ.

Прежде всего вы должны изгнать изъ вашей головы всякую мысль о толстыхъ книгахъ, о множествѣ литературныхъ талантовъ, о необыкновенной ихъ плодовитости, о переводахъ цѣлыхъ многотомныхъ сочиненій изъ всѣхъ европейскихъ литературъ. Чѣмъ дальше будутъ отъ васъ всѣ эти понятія, тѣмъ ближе вы будете къ истинѣ, то-есть къ существующему здѣсь порядку вещей относительно періодическихъ изданій. Надобно впрочемъ оговориться, чтобы не оставалось мѣста недоразумѣнію. Есть литература книжная въ собственномъ смыслѣ ; она была и остается, съ небольшими развѣ исключеніями, общею цѣлою странѣ. Она существуетъ здѣсь сама по себѣ и первенствуетъ надъ періодическою, никогда не служа ей матеріаломъ для потребленія. Журналистика занимаетъ здѣсь гораздо низшее мѣсто и ограничивается болѣею частью мѣстнымъ значеніемъ. Явленіе, которое отчасти можно наблюдать въ Германіи, повторяется здѣсь въ чертахъ еще болѣе поразительныхъ. Я уже говорилъ о недостаткѣ политической журналистики (кромѣ разумѣется Пиемонта, который въ политической жизни такъ быстро опередилъ другія части Италіи). Въ литературной журналистикѣ еще рѣзче выражается ея мѣстный характеръ, ея такъ-сказать провинціальность, потому что она плодо-

нѣ первой и гораздо словоохотливѣ. Она менѣ стѣсняется въ своихъ движеніяхъ и высказывается яснѣ. Во Флоренціи множество такихъ журнальцевъ, которые издаются собственно для ея ежедневнаго обихода, читаются вѣроятно и далѣе въ Тосканію, но едва ли живого переходятъ за границу. Отчасти то же происходитъ въ Римѣ, въ Неаполѣ,—если только въ Неаполѣ происходитъ что-нибудь литературнаго. Къ флорентинскимъ журналамъ не скоро приглядишься и научишься отличать ихъ одинъ отъ другаго: такъ всѣ они мелки и похожи другъ на друга. Попробую перебрать названія употребительнѣйшихъ изъ нихъ: *L'Arte*, *La Rivista*, *Il buon Gusto*, *Giornale Toscano*, *Lo Scaramuccia*, *La Lente*, *Passatempo*, *Spettatore*, и пр. и пр. Почти всѣ они издаются раза по два въ недѣлю, выходятъ полурюльстами и потомъ какъ мухи перелетаютъ изъ рукъ въ руки у посетителей кафѣ, такъ что стѣнать нѣкотораго труда залучить ихъ къ себѣ.

Нелегко схватить фязіономію каждаго изъ этихъ журнальцевъ, но нетрудно опредѣлить ихъ общій характеръ. Они нисколько не претендуютъ быть серіозными изданіями, и всѣ, за исключеніемъ *La Rivista*, который солиднѣе другихъ, и еще одного или двухъ, открыто носятъ на челѣ своемъ вывѣску журналовъ «юмористическихъ», то-есть берутся постоянно смѣшить и забавлять своихъ читателей, обращая ихъ вниманіе болѣе на комическую сторону предмета, нежели на серіозную, и стараясь отыскать ее во всѣхъ представляющихся явленіяхъ. И въ самомъ дѣлѣ здѣшнія изданія держатся болѣею частью въ этомъ духѣ. Воображаю себѣ, какъ обрадовался бы г. Аевнасьевъ, если бы ему пришлось вдругъ напасть на цѣлую кучу «юмористическихъ» журналовъ, которые увидали свѣтъ не въ прошломъ столѣтіи, а издаются въ настоящее время и чуть не каждый день показываютъ одинъ за другимъ изъ своихъ пороковъ! Какъ? — спросилъ бы онъ—Всякая всячина, Трутень и вся эта братія еще не умерли, еще живутъ по добру и здорову и постоянно находятъ себѣ читателей? — О да, они здѣсь живутъ и находятъ себѣ публику очень многочисленную и внимательную. Ихъ нельзя не узнать по многимъ признакамъ. Я уже говорилъ, что они ходятъ болѣею частью съ однимъ эпитетомъ. Кромѣ того, мнѣ кажется, они должны походить на наши старые сатирическіе журналы и самую внѣшностію: такъ же легки и маловѣсомы, какъ тѣ. Если, даже, взять еще ихъ внутреннее содержаніе, то я думаю и въ этомъ отношеніи они потянутъ тоже самое. Подумайте: на четырехъ страницахъ тутъ обыкновенно помѣщается нѣсколько статей... Возьмите притомъ въ расчетъ общія заглавія, какъ-то *Varietà*, *Bibliografia*, и пр., и подпись авторскихъ именъ, и вы согласитесь, что содержанію, то-есть тому, что теперь называютъ этимъ именемъ въ журнальной литературѣ, тутъ остается немного мѣста. За то какое разнообразіе! Попробуйте взять за-разъ

два или три такихъ журнала, и вы прочтете тутъ и проектъ какого-нибудь улучшенія въ городѣ (перенесеніе рынка съ одного мѣста на другое, расширеніе тѣсной улицы и т. п.), и взглядъ на искусство древнихъ и новыхъ народовъ, занимающій полтора или два столбца, и нѣчто о географіи Китая, десятистрочное сокращеніе изъ какого-нибудь учебника, и сцену на улицѣ въ драматической формѣ, и одинъ день или часть изъ жизни журналиста, и поэтической разказъ изъ прежняго быта Венеціи, и нѣсколько советовъ на разные предметы, и библиографическую статейку съ выпискою заглавія книги и съ показаніемъ, на сколько частей или главъ она раздѣляется и гдѣ продается, и цѣлый рядъ сентенцій съ подписью именъ — Цицерона, Платона, Плутарха, Сенеки и другихъ, нѣсколько анекдотцевъ и нѣсколько остроумныхъ изреченій... И все это не занимаетъ и полныхъ четырехъ страницъ (я скажу послѣ, чему посвящается четвертая). Мы давно разучились писать такъ сжато. Наша мысль, напротивъ, любить просторъ. А здѣсь, какъ видите, до сихъ поръ и авторы и публика довольствуются старымъ литературнымъ бюджетомъ!

Забылъ еще одну статью первостепенной важности, которая также находитъ себѣ мѣсто почти во всѣхъ этихъ маленькихъ журналахъ: это часть *полемическая*. Какъ бы ни тѣсно было въ журналѣ отъ другихъ статей, она ужъ непременно пробьется сюда. Безъ полемики здѣсь никакъ нельзя: перчатки такъ же быстро и легко поднимаются, какъ и бросаются. Вы сказали, что это новое зданіе украсило городъ. Завтра вамъ возражать, что о подобныхъ украшеніяхъ не стоить тратить слова. Вы разумѣется будете отвѣчать: вамъ тоже найдутъ новую реплику, и т. д. Вы замѣтили, что такой-то пѣвецъ не удовлетворяетъ ожиданіямъ публики. На это вамъ отвѣтятъ въ нѣсколько голосовъ, что публика совсѣмъ не раздѣляетъ вашего мнѣнія. Вы начинаете сердиться и возвышаете голосъ, но ваши противники тоже не остаются у васъ въ долгу, и задорно-насмѣшливая перебранка тянется изъ номера въ номеръ... А. Н. Афанасьевъ вѣроятно нашелъ бы тысячу примѣровъ тому въ своей библиотекѣ старыхъ историческихъ журналовъ. Но я на этотъ разъ уже не обращаюсь къ нему. Это желаніе дать отвѣтъ, сказать хотя какое-нибудь свое слово на мысль, которая вовсе не была обращена къ вамъ и о которой вашего мнѣнія никогда не спрашивали, это неугомонное царпанье одного самолюбія о другое — развѣ они не пережили нашихъ старыхъ сатирическихъ журналовъ, развѣ они не держатся до сихъ поръ въ разныхъ литературныхъ углахъ?

Вдругъ мелкая внутренняя усобица превратилась въ одинъ общій крестовый походъ! Всѣ журналы подняли одно знамя и ударили въ набатъ противъ одного общаго, далекаго врага. Чтò такое случилось? спросите вы. Г. Ламартинъ въ одномъ изъ №№ журнала *Le Siècle* сдѣлалъ вылазку противъ Данта и съ одного приема развѣнчалъ

великаго поэта Италиі. Можете себѣ представить, какой поднялся общій гвалтъ! На бѣду же *Siècle* есть наиболѣе читаемый французскій журналъ во Флоренціи. Всякій могъ видѣть своими глазами статью французскаго поэта-критика. Страсть критицизма, овладѣвшая въ послѣднее время истощившимся писателемъ и ораторомъ, и заставившая его сдѣлать осмотръ чуть не всѣхъ возможныхъ литературъ, на этотъ разъ завела его ужъ слишкомъ далеко. Пусть будетъ Ламартинъ, что хотите, — немножко поэтъ, немножко политикъ, или одно пополамъ съ другимъ, только никакъ ужъ онъ не критикъ. Доказательствомъ служатъ прежде всего его историческія творенія. Но онъ сталъ критикомъ, и ратуя во всѣ стороны, случайно попалъ на статую Данта и давай пробовать надъ ней свою силу. Статуя разумѣется молчалива, и потому раскодившемуся критику легко удалось доказать, что у Данта много тривіальнаго, что Дантъ вовсе не имѣлъ творческаго дара, что поэма его есть вовсе не поэма, а «флорентинская *изетка*» его времени, что вся его заслуга состоитъ лишь въ томъ, что онъ былъ хорошиій стилистъ, то-есть писалъ хорошіе стихи, да и то впрочемъ изъ цѣлой поэмы можно взять развѣ только стиховъ *шестьдесятъ*... Плоско, такъ плоско, что по моему совѣстно было бы и отвѣчать на подобную выводку. Тутъ не только нѣтъ никакого такта, но не видно даже довольно и образованія... Такимъ злоупотребленіемъ слова *изетка* я не знаю кого нельзя поразить изъ великихъ поэтовъ, отражающихъ въ своихъ твореніяхъ свою современность. Но наши флорентинскіе и вообще итальянскіе журналы осердились не на шутку. Надобно замѣтить, что нѣтъ въ мірѣ народа до такой степени пристрастнаго къ своимъ національнымъ славамъ и знаменитымъ именамъ, какъ итальянцы. Сохрани васъ Богъ коснуться имени даже «безсмертнаго» Альфиери. А тутъ дѣло зашло о достоинствахъ безспорно величайшаго поэтическаго имени Италиі, о заслугахъ поэзіи творца Божественной Комедіи, котораго неувядающая слава прошла черезъ цѣлый рядъ вѣковъ и до сихъ поръ влечетъ къ нему симпатически всѣхъ образованныхъ людей, безъ различія народностей. Зато же и досталось Ламартину! Противъ него выставлена была цѣлая «аланга» ученыхъ изслѣдователей не только итальянскихъ, но и французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ, которые единогласно выражаютъ свое удивленіе къ творцу Божественной Комедіи, и самъ онъ, новѣйшій критикъ, уничтоженъ, затоптанъ въ грязь. Въ патріотической горячности — нечего сказать — итальянцы не пожалѣли бранныхъ словъ. вмѣстѣ съ критикомъ досталось и самой націи. Маконецъ, не довольствуясь еще пораженіемъ самозваннаго критика, объявилъ, что онъ лишился ума, отжилъ, умеръ, — и сатирическіе журналы начали ставить ему памятникъ: пьедесталъ и на немъ бюстъ съ ослиными ушами, и т. д.

Все это столько же забавно, сколько и жалко. Я не знаю даже, не

береть ли послѣднее чувство перевѣсъ надъ первымъ. Дѣло вотъ въ чемъ однако: вся эта тревога произошла случайно отъ того только, что одна бойкая рука бросила камень со стороны. Гдѣ же пестоянный интересъ этихъ маленькихъ журналовъ, которые безъ ламартиновской выходки долгое время питались бы кое-чѣмъ? Невозможно, чтобы они сами придавали много значенія разнохарактернымъ статейкамъ, обыкновенно занимающимъ въ нихъ первыя страницы; невозможно, чтобы въ нихъ не было одного особенно чувствительнаго нерва, который своими сотрясеніями живо отзывался бы на тѣ или другія явленія въ современной дѣйствительности. Если это не литература, такъ что-нибудь близкое къ ней, такъ это какая-нибудь другая, любимая сторона въ области искусства... Такой нервъ дѣйствительно есть въ здѣшней журналистикѣ. Одинъ интересъ постоянно господствуетъ въ ней надъ другими; только не всякое время удобно для того, чтобы дѣлать надъ нимъ наблюденія. И во время поста, впрочемъ, когда театры закрываются, театральная лѣтопись въ журналахъ не прекращается. То слышатся отголоски недавняго прошедшаго, повторяются любимыя воспоминанія, то печатаются запоздавшія корреспонденціи изъ другихъ городовъ. Прежде всего встрѣчаете тутъ извѣстія изъ самой Тосканы: такая-то опера давалась въ Пистойѣ, въ Эмполи, въ Прато, то-то игралось въ Сіенѣ, Ареццо, Луккѣ, Пизѣ, Ливорно. Потомъ слѣдуютъ замѣтки подобнаго же содержанія изъ ближайшихъ къ Тосканѣ областей: такая-то опера успѣшно шла въ Генуѣ, другая мало удалась въ Болоньѣ, третья съ восторгомъ принята въ Римѣ и пр. За тѣмъ идутъ донесенія изъ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ Италіи (принимая за центръ Тоскану), изъ Венеціи, изъ Турина, изъ Неаполя, изъ Палермо, наконецъ со всѣхъ концовъ міра, изъ Петербурга, изъ Парижа, изъ Мадрида, изъ Ріо-Янейро, словомъ, изъ всякаго крупнаго или мелкаго пункта на земномъ шарѣ, гдѣ только существуетъ *итальянская опера*... Итакъ вотъ въ чемъ самой живой интересъ здѣшнихъ маленькихъ журналовъ, вотъ чѣмъ они живутъ, пробавляются сами и занимаютъ своихъ читателей: театръ вообще и итальянская опера въ особенности. Къ этому же центру, какъ я сказалъ, приливаетъ замѣтнымъ образомъ и общественная жизнь во Флоренціи.

Дѣйствіе этой притягательной силы на здѣшнюю публику лучше всего наблюдать передъ наступленіемъ новаго театральнаго сезона: потому что театральные сезоны даютъ себя чувствовать здѣсь не менѣе замѣтнымъ образомъ, какъ и годовыя перемены времени. Уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ показываются въ журналахъ объявленія о новыхъ «импрезахъ» — сначала въ общихъ выраженіяхъ, потомъ съ разными подробностями. (Я затрудняюсь передать по-русски слово импреза, потому что въ Италіи оно имѣетъ свой мѣстный смыслъ, съ которымъ наши провинціальныя предпріятія для

сценических представлений мало имѣютъ общаго.) Тутъ публика впервые знакомится съ именами новыхъ артистовъ, которые общаются доставить ей удовольствіе на той или другой сценѣ. Тутъ узнаетъ она и нѣкоторыхъ старыхъ знакомыхъ, которые снова возвращаются къ ней послѣ отсутствія можетъ-быть нѣсколькихъ лѣтъ.

Но лучше всего наблюдать за тѣмъ же прямо на улицѣ, потому что тѣ мелкія объявленія, которыя печатаются въ журналахъ, въ то же время переводятся на огромныя афиши самыхъ яркихъ цвѣтовъ и въ такомъ видѣ красуются на отведенныхъ имъ мѣстахъ по всѣмъ площадямъ и главнымъ улицамъ. Афиша напимѣръ, которою театръ Pergola объявилъ о возобновленіи въ немъ театральнаго представленія съ наступающимъ карнавальнымъ сезономъ, была, ужъ конечно, не меньше двухъ аршинъ и напечатана такими буквами, что ихъ даже близорукой могъ читать черезъ улицу. Но всякій хочетъ видѣть такія чудеса какъ можно ближе, и потому, передъ открытіемъ новаго сезона, всегда почти можно встрѣтить передъ театральными афишами толпу любопытныхъ, переводящихъ свои внимательные взоры отъ одного объявленія къ другому. Это здѣсь тѣмъ замѣтнѣе, что улицы флорентинскія довольно узки и большею частію не имѣютъ тротуаровъ, такъ что любопытному приходится смотрѣть глазами въ одну сторону и держать что- называется ухо востро назадъ, чтобы не подвергнуться опасности отъ проезжающаго мимо экипажа. Чѣмъ ближе время открытія театровъ, тѣмъ чаще начинаютъ обращаться къ нимъ журналы, тотъ съ своими добрыми ожиданіями, тотъ съ мало-затаенными дурными предчувствіями, и эта прелюдія театральнаго хроника мало-по-малу втирается на самыя первыя страницы изданія, которыя до того времени обыкновенно наполняемы были первыми попавшимся матеріаломъ. Что же будетъ тогда, когда поднимутся всѣ занавѣсы, и на всякой сценѣ каждый вечеръ будетъ происходить какое-нибудь дѣйствіе?... Тогда, о, тогда театральная хроника выступитъ изъ береговъ и наполнитъ собою всѣ страницы журналовъ!

Интересъ публики сосредоточенъ былъ главнымъ образомъ на двухъ театрахъ—Пальяно и Пергола. Первый принадлежитъ одному частному лицу, родомъ Неаполитанцу, котораго носить на себѣ имя; онъ занимаетъ второе мѣсто между здѣшними театрами (хотя по обширности едва ли не превосходитъ всѣ прочіе) и обыкновенно снмается какимъ-нибудь импреззіемъ для оперныхъ представлений. На этотъ разъ Пальяно также объявилъ оперу и между именами артистовъ назвалъ примадонну Кортези, имя давно знакомое Флорентинцамъ и весьма пріятное для ихъ слуха. Для насъ оно было совершенно новое, и потому мы успѣли ознакомиться съ нимъ на одномъ изъ первыхъ представлений, данныхъ въ Пальяно. Для начала избрана Violetta или Traviata, которая и теперь дается чуть

не каждый день. Она пришла очень по вкусу Итальянцевъ и играется теперь въ одно время въ нѣсколькихъ городахъ. Вы, вѣроятно, знаете трудности, которыя представляетъ эта опера для prima-donna. Собственно говоря, вся пьеса состоитъ изъ одной роли. Я не знаю, какой надобно имѣть органъ и грудь, чтобы выдержать ее до конца безъ всякихъ признаковъ истощенія. Композиторъ былъ просто безжалостенъ къ тѣмъ, которыя должны имѣть его Вьолетту. Недаромъ она такъ мало удается на другихъ театрахъ; даже успѣхъ Пикколомини въ Парижѣ оказывается нѣсколько сомнительнымъ... или впрочемъ между Французами и Итальянцами, когда у нихъ есть зубъ другъ на друга, не разберешь. Мѣстная молва, предшествовавшая Кортези, оказалась нисколько непреувеличенною. Исполненіе мастерское, то-есть вполне побѣждающее трудности роли. Флорентинцы сами удивлены. Они говорятъ, что Кортези, кажется, воротилась къ нимъ съ болѣе обширнымъ и сильнымъ голосомъ, чѣмъ они знали ее прежде, и называютъ ее въ роли Вьолеты *inattivabile*. Не могу судить сравнительно, но право не знаю, чего можно требовать болѣе. Откуда берутся эти мощные звуки! Жаль, что Моззини не попалъ въ ту же импезу. Какъ былъ бы онъ хорошъ въ дѣтахъ съ Кортези! Пруденце можетъ нравиться, но не болѣе.

Впрочемъ я, кажется, начинаю попадать въ роль корреспондента здѣшнихъ журналовъ, что для васъ едва ли можетъ имѣть интересъ. Для разнообразія во крайней мѣрѣ перейдемъ скорѣе къ другому театру. Пергола существуетъ съ XVII вѣка и принадлежитъ цѣлому обществу такъ-называемыхъ *Immobili*. Чтобы поддержать свою репутацию перваго театра въ городѣ, онъ затворился на цѣлый сезонъ и употребилъ это время на внутреннее и внѣшнее свое обновленіе. Работы, въ немъ происходившія, долго содержались втайнѣ передъ публикою. Знали, что готовится что-то особенное, невиданное, но что именно—никто не могъ сказать опредѣленно. Надобно знать нетерпѣніе и пытливость Итальянцевъ, чтобы судить о томъ, какъ дѣйствовала на нихъ эта таинственность. Какъ много потомъ заняты были и публика и журналы вопросомъ,—чѣмъ ознаменуется себя Пергола въ первый разъ по возобновленіи своихъ представленій... Наконецъ появилась огромная афиша, о которой я говорилъ, съ объявленіемъ о Донъ-Жуанѣ и съ именами главныхъ артистовъ труппы. Мнѣ показалось, что всѣми овладѣло недоумѣніе: какъ-будто увидали, или готовились видѣть не то, чего ожидали. Сверхъ того, обновленный театръ далъ себя знать цѣнами здѣсь почти несмѣанными. Благоразуміе требовало не сдаваться скоро на его заманчивыя приглашенія и посмотреть сначала, чѣмъ это можетъ кончиться. Дали Донъ-Жуана... Въ публикѣ мертвая тишина. Посмотримъ, что скажутъ журналы. Первая заговорила *Lente*, за ней *L'arte* и т. д.; съ первыхъ словъ уже видно было, что знаменитая опера сдѣлала *fiasco*

и не повторится болѣе. Что же это значить? Причина, разумеется, лежит не въ самой оперѣ: Итальянцы всегда готовы слушать это неунырающее произведеніе. Сикорская-Маріани была болышею частью хороша, Бискаччанти была часто удивительна, Ферлетти вполне удовлетворителенъ... Но вотъ бѣда: теноръ Бади, родомъ Французъ, оказался отчаянно плохъ. Только изъ снисхожденія къ нему хотятъ думать, что онъ былъ боленъ въ этотъ вечеръ и едва могъ исполнить свою партію... Въ послѣдствіи, поразговорившись, журналы начали подыскивать и другія причины: опера Моцарта хотя достойна всякаго уваженія, впрочемъ *по своей простотѣ* нейдетъ уже къ господствующему теперь вкусу Итальянцевъ (странное признаніе); передѣлки въ театрѣ продолжались до самаго дня представленія, и артисты не могли спѣться, и тому подобное.—До меня потомъ дошли толки, только не изъ итальянскаго общества, что будто Флорентинцы хотятъ такимъ образомъ выместить на французскомъ пѣвцѣ обиду, нанесенную имъ Ламартиномъ... Можно ли такъ далеко простирать злорѣчіе?...

Какъ бы то ни было, а Донъ-Жуанъ палъ съ перваго раза на обновленной сценѣ, и Перголъ, казалось, ничѣмъ нельзя было загладить свою ошибку. Надѣлала синица славы — очень шло къ нему на другой день послѣ открытія. Но не Перголъ приходитъ въ страхъ отъ одной неудачи: ресурсы его неистощимы. Только что публика, развѣдавъ въ чѣмъ дѣло, собиралась посмѣяться себѣ въ бороду надъ тѣмъ казусомъ, который случился съ первымъ театромъ, какъ онъ пустилъ въ ходъ новую афишу, гдѣ, между именами драматическихъ артистовъ, красовалось имя *Аделаиды Ристори*. Уже и этого было довольно, чтобы заставить публику забыть первое впечатлѣніе. Только что Ристори возвратилась изъ своего триумфальнаго путешествія по Европѣ, какъ вотъ ужъ она ангажирована Перголою и появится на его сценѣ въ лучшихъ своихъ роляхъ: есть за что поблагодарить распорядителей. Еще нѣсколько дней, и Пергола извѣщаетъ публику, что онъ выписалъ изъ Парижа извѣстнаго primo tenore Вентуру Белькаръ (Belcard) и ставитъ на сцену новую оперу. Извольте угоняться за нимъ. Какъ не признаться, что Пергола умѣетъ поправить свои ошибки?

Я видѣлъ Ристори въ двухъ роляхъ: хороша, очень хороша... Въ десять лѣтъ талантъ ея удивительно созрѣлъ, все пришло въ мѣру, величества почти исчезли. Образцы ли хорошей школы, или собственное развитіе таланта помогло ей, не знаю; только нельзя не сознаться, что въ игрѣ ея есть много поражающаго, — и если бы изъ памяти нашей исчезли всѣ воспоминанія прошлаго, мы бы вмѣстѣ съ другими могли сказать, указывая на Ристори, что видѣли въ ней откровеніе драматическаго искусства. Я еще думаю возвратиться къ ней въ слѣдующемъ письмѣ.

П. Кудрявцевъ.

НОВОСТИ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Начнемъ съ календарей, которыхъ множество выходитъ въ Польшѣ, потому что тамъ каждый имѣетъ право издавать ихъ, внося небольшую пошлину за штемпель. Эти календари заключаютъ въ себѣ разнообразныя статьи по части хозяйственной, статистической, исторической и т. п., и продаются по дешевой цѣнѣ. Они расходятся во множествѣ экземпляровъ, между всѣми классами народа, и распространяютъ полезныя свѣдѣнія. Упомянемъ здѣсь о наиболѣе любопытныхъ календаряхъ на 1857 годѣ.

Въ первый разъ еще началъ выходить въ Варшавѣ пространный календарь, изданный варшавскою астрономическою обсерваторіею (въ 8-ку, 268 стр.) и украшенный портретомъ Государя Императора. Сверхъ церковныхъ, астрономическихъ и метеорологическихъ свѣдѣній, въ немъ помѣщены интересныя статистическія статьи, касающіяся Царства Польскаго.

Изъ литографіи г. Фаанса, извѣстной превосходными работами, вышелъ красивый, хромофотографированный, стѣнной календарь, въ небольшомъ форматѣ, на полулистѣ, на обѣихъ страницахъ котораго помѣщается самый календарь, по шести мѣсяцевъ на каждой. На первой страницѣ, подъ деревомъ сидитъ Николай Рей изъ Нагловицъ, въ срединѣ Иванъ Кохановскій, подлѣ него Себастьянъ Клѣновичъ. Надъ ними, на стволѣ дерева, виситъ извѣстный чудотворный образъ Ченстоховской Богородицы. Вдали видна рѣка Висла съ плывущими по ней барками. Вокругъ и въ самомъ низу рыцарскіе доспѣхи и земледѣльческія орудія. На другой страницѣ изображены въ древнихъ нишахъ, слѣва Войцѣхъ изъ Брудзева, справа Николай Коперникъ. Посрединѣ слѣдующія надписи: «Войцѣхъ изъ Брудзева, астрономъ, учитель Коперника, род. 1445. ум. 1497. Николай Коперникъ, астрономъ, род. 1473, ум. 1543. Николай Рей изъ Нагловицъ, прозаикъ и поэтъ, род. 1507, ум. 1569. Иванъ Кохановскій, знаменитый польскій поэтъ, род. 1530, ум. 1584. Себастьянъ Клѣновичъ, творецъ Судовника и Кошелька Іуды, род. 1551, ум. 1608.»

Вышелъ также стѣнной календарь на большомъ, красивомъ листѣ, хромофотографированный въ Парижѣ у Лемер сье и составленный Лудовикомъ Годлевскимъ. На немъ изображены: восемь поселенъ и поселенокъ польскихъ, виды Вильна, Ойцова и т. д., также грудные портреты Юлія Цезаря, папы Григорія XIII и статуя Коперника.

Прекрасная мысль—посредствомъ календарей, такъ удобно распространяющихся, напоминать народу о его странѣ, о знаменитыхъ отечественныхъ писателяхъ и вообще объ историческихъ лицахъ.

Въ дополненіе къ прошедшей моей статьѣ (1) я укажу еще на нѣ-

(1) Русскій Вѣстникъ, 1856 г. № 22.

которыя любопытныя новости польской литературы, явившіяся въ прошломъ 1856 году.

Г. Скимборовичъ издалъ сочиненіе покойнаго профессора бывшаго Варшавскаго университета, Адриана Кршижановскаго, вновь пересмотрѣнное и дополненное жизнеописаніемъ автора, подъ заглавіемъ: *Древняя Польша* (Dawna Polska. Warszawa. 1856). Оно написано въ юбилейный 1843 годъ Николая Коперника. Авторъ старается доказать въ немъ, что польскій народъ всегда хранилъ въ себѣ здоровые соки жизни, и что причиною его бѣдствій были польскіе короли. Мы не станемъ разбирать здѣсь, на сколько справедливо такое мнѣніе, потому что надѣемся подробнѣе поговорить объ этомъ сочиненіи въ особой статьѣ. Хотя оно исполнено недостатковъ и написано безъ строгаго плана, однакожь заслуживаетъ вниманія, относительно исторіи польскихъ іезуитовъ и реформаціи, явленій современныхъ Копернику.

Въ Варшавѣ издается выпусками сочиненіе Свѣнцакаго: *Историческія воспоминанія о знаменитыхъ родахъ и лицахъ древней Польши* (Historyczne Pamiętki znamienitych rodzin i osób dawnéj Polski). Оно пересмотрѣно и дополнено въ рукописи г. Левестагомъ. Свѣнцигій считалъ этотъ многолѣтній трудъ дополненіемъ къ извѣстному въ ученое мѣръ своему сочиненію: *Древняя Польша* (Starożytna Polska), и посвятилъ ему послѣдніе дни своей жизни. Онъ пользовался Несецкимъ, Сярчинскимъ и т. п. сочиненіями, но вмѣстѣ съ этимъ дѣлалъ множество извлеченій изъ рѣдкихъ печатныхъ книгъ и рукописей, какія только были ему доступны. Все сочиненіе будетъ состоять изъ двухъ томовъ. Издатель обѣщаетъ приложить особыя примѣчанія въ концѣ каждаго тома.

Гг. Пршездзѣцкій и Растваецкій продолжаютъ свое превосходное изданіе *Образцовъ средневѣковаго искусства въ Польшѣ* (Wzory sztuki średniowiecznej). Въ послѣднее время вышли двѣ тетради втораго отдѣла, 9-я и 10-я. Текстъ къ этому изданію, какъ польскій, такъ и французскій, пишетъ г. Пршездзѣцкій.

Въ Вильнѣ вскорѣ выйдутъ въ свѣтъ два новыя сочиненія Марцинковскаго, извѣстнаго подъ псевдонимомъ А. Новосельскаго. Первое выѣтъ заглавіе: *Народъ Украинскій* (Lud Ukraiński); второе — *Критическо-философическія сочиненія*, въ двухъ томахъ (Pisma krytyczno-filozoficzne). — «Народъ украинскій» будетъ состоять изъ двухъ томовъ: въ первый войдутъ 1) Мистериософія славянская, 2) Сказки украинскія, 3) Сказки славянскія у Геродота и Лукіана. Во второмъ томѣ будутъ заключаться: загадки, заговоры, пословицы, суевѣрія, лѣчебные секреты, и т. д.

Въ Варшавѣ книгопродавецъ Мерцбахъ съ успѣхомъ продолжаетъ свое изданіе: *Книга міра* (Księga Świata), съ прекрасными картинками. Въ шести выпускахъ, вновь изданныхъ, сверхъ заниматель-

ныхъ очерковъ по части естественныхъ наукъ, путешествій и т. п., помѣщены интересныя статьи, касающіяся Польши, какъ напримѣръ: Посольство священника Андрея Залускаго въ Португалію и Испанію; Записки епископа Залускаго; Татарскій шлякъ; О водахъ сѣрногорскихъ, соленыхъ и желѣзныхъ въ Царствѣ Польскомъ; Геологическое путешествіе по Царству Польскому (съ картою), и др.

Вышелъ 4-й выпускъ *Отечественной библиографіи* (Bibliografia Krajowa), о которой я упоминалъ въ прошедшей статьѣ моей. Въ немъ заключается библиографическій указатель польскихъ книгъ, изданныхъ въ прошломъ 1856 г., а въ особомъ прибавленіи, подъ рубрикою: *Древняя библиографія*, г. Войццикій помѣстилъ подробное описаніе важной брошюры Юсіа Верещинскаго, епископа кievскаго, подъ заглавіемъ *Publica etc.*, изданной въ 1594 г., въ Краковѣ. Ревностный епископъ и приверженецъ Рѣчи Посполитой предлагаетъ въ этой брошюрѣ проектъ основанія рыцарской школы для коронныхъ сыновей на Украинѣ, также школы крестоносцевъ Мальтійскаго ордена, которыя взаимно помогали бы одна другой, при содѣйствіи рыцарства короннаго и литовскаго. — Тутъ же приведены большія выписки изъ этой брошюры. Мы еще возвратимся къ ней въ послѣдствіи.

Въ Краковѣ, г. Жебровскій оканчиваетъ печатаніе IX тома *Исторіи польской литературы* Вишневскаго. Получивъ только отрывки этого сочиненія и замѣтки, онъ принялъ на себя трудъ привести въ порядокъ и критически дополнить этотъ послѣдній томъ важнаго ученаго сочиненія, и присоединить къ нему указатель всѣхъ названій и подробностей, въ немъ встрѣчающихся. — Г. Гельцель уже напечаталъ болѣе шестидесяти листовъ своего сочиненія: «Памятники постановленій, судебного дѣлопроизводства и древнаго польскаго права». — Г. Ланге издалъ описаніе своего путешествія въ Верхне-прусскую Силезію и Саксонскія Лужицы, въ 1856 г.

Въ Краковѣ также недавно вышелъ первый томъ *Исторіи краснорѣчія въ Польшѣ* (Historya wymowy w Polsce), соч. Карла Мѣхержинскаго. Въ предисловіи онъ говоритъ: «Исторія краснорѣчія въ Польшѣ имѣетъ цѣлью дополнить исторію литературы подробнымъ обзорѣніемъ этой важной, самой существенной и наиболѣе развитой части нашей письменности, которая составляетъ ея истинную славу и богатство, и которая до сихъ поръ не имѣла своего историка. Кто только знакомъ съ отечественною исторіею и внимательно изслѣдовалъ характеръ и нравы народа, его общественную и политическую жизнь, основанія и формы правленія, тотъ, безъ сомнѣнія, согласится, что краснорѣчіе было его первою потребностью, необходимою пружиною всѣхъ его дѣлъ и движеній, самымъ точнымъ выраженіемъ его умственной жизни, слѣдовательно единственною и важнѣйшею литературою. Въ дѣйствительной жизни Поляки всегда руководились

только практическою идеею; отъ этого всё ихъ ученія знанія, искусства и поэзія драматически замкнулись въ подвигахъ и дѣйствіяхъ; отъ этого красноорчіе, связанное съ происшествіями общественной жизни, прямо вмѣстѣ съ ними весь историческій путь и совершило блистательное поприще. Его исторія должна разказать, отъ какихъ внутреннихъ и вѣшнихъ вліяній оно зависѣло въ продолженіе вѣковъ, и какии образомъ подвергалось имъ, становясь, въ свою очередь, силою, дѣйствующею на дѣла и судьбы народа.» Касательно латинскихъ ораторовъ въ Польшѣ, авторъ говоритъ: «Имѣя въ виду цѣлость исторической картины, я помѣстилъ въ ней и польскихъ и латинскихъ ораторовъ, не дѣлая между ними никакого опредѣлительнаго различія, потому что на самомъ дѣлѣ его не было. Латинскій языкъ, со времени принятія христіанской религіи по римскому обряду, будучи введенъ у насъ въ употребленіе, соперничалъ съ отечественнымъ языкомъ и равнѣмъ съ нимъ господствовалъ. Даже со временъ Сигизмунда-Августа, когда польскій языкъ возвратилъ свои законныя права и достигъ полнаго развитія, латынь не совершенно еще забыла свои домашнія преимущества и по старой привычкѣ держалась въ публичныхъ совѣщаніяхъ, въ собраніяхъ духовныхъ, въ судахъ и въ церкви. Латинскіе ораторы и писатели, отличившіеся на одномъ съ ними поприщѣ, хотя и выражались чуждымъ языкомъ, однако же преимущественно избирали предметомъ дѣла отечественныя: въ ихъ сочиненіяхъ, изъ-подъ римской одежды вездѣ проглядывала народная мысль. Итакъ, кто изъ отечественной литературы, безъ различія, исключаетъ сочиненія, писанныя на латинскомъ языкѣ, тотъ изъ ея среды исторгаетъ важную и существенную часть, не дозволяя замѣтить въ ней ту цѣлость, которая зависитъ отъ взаимной связи всѣхъ умственныхъ произведеній.»

Въ Верхней Силезіи, въ Бржозовицахъ, мельникъ Пѣкошевскій, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ собиралъ всѣ религіозныя пѣсни, которыя пѣлись прежде и поются теперь въ разныхъ приходахъ католической церкви въ Силезіи, и уже два раза, собственнымъ иждивеніемъ издалъ книгу, подъ заглавіемъ: *Полный церковный пѣсенникъ* (Dostateczny śpiewnik kościelny), съ нотами, состоящей изъ 70 листовъ. — Тамъ же, преимущественно изъ типографіи Ганечка, выходятъ и другія польскія книги, наиболѣе духовнаго содержанія.

Въ Лейпцигѣ, въ иностранной книжной лавкѣ Бобровича, вышла слѣдующая книга: «*Король съ изгнаніи* (Król na wygnaniu), историческій очеркъ въ двухъ томахъ. Это эпизодъ изъ пятилѣтняго пребыванія Короля Станислава Лещинскаго въ Палатинатъ и Франціи, старательно обработанный по тогдашнимъ запискамъ и реляціямъ. Тамъ же изданы: «Событія изъ исторіи Польши, имѣющія связь съ исторіею Турціи, отъ начала появленія мусульмановъ до трактата, заключеннаго Россіею въ Кайнарджи 1774 г.; выписанныя изъ турецкихъ хронографовъ и дословно переведенныя Петрашевскимъ», въ 2-хъ

томахъ (Wypradki z dziejów Polski styczność z dziejami Turcy mające, и проч.). Графъ Залускій печатаетъ съ своими объясненіями: «Записки о семейныхъ и отечественныхъ событіяхъ» (Konotatki wypadków familijnych i krajowych, и т. д.), случившихся между 1634—1689 г., писанныя Станиславомъ Вѣржбовскимъ, старостою ленчицкимъ и багелскимъ.

Въ Познани, у книгопродавца Жупанскаго, вышла брошюра въ 58 страницъ, подъ заглавіемъ: «Извлеченіе изъ польской географіи, Теодора Ваги, написанной и изданной въ 1767 году» (Wyciąg z Geografii Polskiej przez Teodora Wagę). Въ этой брошюрѣ заключаются свѣдѣнія о географическомъ раздѣленіи Польши по епархіямъ, аббатствамъ, монастырямъ, староствамъ, и т. д. — Тамъ же вышло сочиненіе Лелевеля: «Исторія королей и князей польскихъ» (Historya królów i książąt polskich), вновь передѣланная и увеличенная.

Во Львовѣ, священникъ Садокъ Барончъ, доминиканецъ, недавно издалъ: «Жизнеописанія знаменитыхъ Армянъ въ Польшѣ (żywoty sławnych Ormian w Polsce).» Это большой и замѣчательный трудъ, состоящій изъ 485 страницъ. Въ предисловіи авторъ говоритъ, что армянскіе выходцы, разсѣянные почти по всей Европѣ, вездѣ, гдѣ были приняты гостепріимно, доказали свою благодарность искреннею привязанностію къ странѣ и услугами на каждомъ поприщѣ, и въ духовномъ званіи, и на ученой кафедрѣ, и въ судахъ, и на полѣ битвы, и въ дѣлахъ гражданскихъ. Онъ пользовался земскими и городскими актами, хранящимися въ Львовскомъ монастырѣ Бернардиновъ; пересмотрѣлъ архивъ Галиційскихъ чиновъ; сдѣлалъ множество выписокъ изъ бібліотеки львовскаго армянскаго капитула, также изъ бумагъ львовскаго магистрата. Ему извѣстны были еще богатые матеріалы для его труда, въ городскихъ книгахъ Каменца Подольскаго, въ кievскомъ архивѣ и въ коронныхъ метрикахъ въ Варшавѣ, но онъ не могъ ими пользоваться за неимѣніемъ денежныхъ средствъ. Это сочиненіе расположено по азбучному порядку и оканчивается исторіею армянскихъ инокинь.

Во Львовѣ также окончено печатаніе рукописи Жолкѣвскаго о *войнѣ Московской*, строго сличенной съ нѣсколькими другими рукописями. Издатель еще не выпускаетъ въ свѣтъ эту книгу, потому что хочетъ присоединить къ ней всѣ письма гетмана, какія только отыщутся. Это изданіе будетъ важнымъ приобрѣтеніемъ для исторической литературы.

Г. Шайноха, одинъ изъ новѣйшихъ польскихъ историковъ, пользующійся большою извѣстностію, издалъ третій и послѣдній томъ своего сочиненія: *Ягелло и Ядвига*. Его очень хвалятъ, но я не могу сказать о немъ ничего опредѣлительнаго, потому что оно еще не дошло до меня.

Также изъ Львова пишутъ, что г. Батовскій собралъ и привелъ въ

порядокъ, сверхъ Тынецкаго Кодекса, чрезвычайно важныя матеріалы для исторіи бунта Николая Зебржидовскаго. Они почерпнуты большею частію изъ рукописныхъ источниковъ, принадлежащихъ очевидцамъ, и бросаютъ большой свѣтъ не только на самый бунтъ, но и на все царствованіе Сигизмунда III.

Въ Санокѣ (въ Галиціи), г. Туровскій издаетъ *Польскую бібліотеку*, которая выходитъ безостановочно. Теперь продолжается перепечатываніе знаменитаго сочиненія Петра Скарги: «жизнеописанія святыхъ Польскаго народа.»—Полное изданіе этой *библіотеки*, продающейся по самой дешевой цѣнѣ, будетъ состоять изъ 1,000 выпусковъ.

Печатаніе втораго тома словаря Линде уже окончено, какъ пишутъ изъ Галиціи; между тѣмъ отпечатано много листовъ и третьяго тома. Кстати о словаряхъ, которыми теперь такъ усердно занимаются Польши. Въ Вильнѣ вышелъ первый выпускъ обширнаго «Словаря Польскаго языка» (*Słownik języka Polskiego*), издающагося книгопродавцемъ Оргельбрандомъ при пособіи многихъ ученыхъ и литераторовъ. Этотъ выпускъ на 40 страницахъ заключаетъ въ себѣ всю букву А и начало буквы В. Изъ журналовъ видно, что есть и другіе словари, остающіеся въ рукописяхъ. Къ такимъ принадлежатъ: Польскій Словарь Томицкаго и польско-горный Лабенцкаго, заключающій въ себѣ 8,000 словъ. Извѣщаютъ еще, что одинъ ученый занимается составленіемъ этимологическаго словаря, въ которомъ онъ собралъ 6,000 польскихъ и русскихъ словъ, происходящихъ изъ языка турецкаго. Можетъ-быть этотъ трудъ и не лишенъ какого-нибудь относительнаго достоинства; но видно, что въ Польшѣ, какъ и у насъ, нѣтъ недостатка въ людяхъ, посвящающихъ себя большею частію натянутымъ и ни къ чему не ведущимъ сравненіямъ словъ отечественнаго языка съ словами одного изъ чужихъ языковъ, котораго иногда они не знаютъ. Это значитъ забавляться филологіею. Пожалуй, кто-нибудь возразитъ, что такимъ образомъ собираются предуготовительныя матеріалы для нашей филологіи, что нужно еще пересмотрѣть множество старыхъ рукописей и т. п. Все это прекрасно; однако жъ намъ кажется, мы такъ давно уже собираемъ матеріалы, что пора бы озарить ихъ свѣтлою мыслию и вывести изъ нихъ положительныя результаты; словомъ, пора бы перестать дѣлать изъ науки какое-то складочное мѣсто для хлама и ненужнаго старья, въ которомъ сами собиратели путаются отъ его чрезмѣрнаго и нестройнаго загроможденія.

П. ДУБРОВСКІЙ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Открытие засѣданій англійскаго парламента, всегда съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаемое въ Европѣ, послѣдовало, какъ извѣстно, 3-го февраля. Съ перваго же засѣданія, по поводу преній объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь, англійскому министерству сдѣланъ былъ рядъ запросовъ, преимущественно по дѣламъ внѣшней политики, на которую сильно нападали члены оппозиціи. Эти запросы естественно побудили министерство дать нѣкоторыя объясненія, изъ коихъ, впрочемъ, весьма немногія были новы для публики. Оппозиція осуждала политику Англійи относительно Италіи, называя эту политику двуличною, осуждала войну съ Персіей и даже послѣднія кантонскія событія. Всѣ эти пренія почти исключительно поглащаютъ въ настоящее время вниманіе всей Европы. Мы изложимъ ихъ въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для разъясненія современныхъ вопросовъ.

Запросъ по итальянскимъ дѣламъ сдѣланъ былъ однимъ изъ корифеевъ оппозиціи, г. Дизраэли, который обвинялъ министерство въ томъ, что поощряя либерализмъ на Апеннинскомъ полуостровѣ и даже прервавъ для вида дипломатическія сношенія съ королемъ Неаполитанскимъ, правительство одобрило секретный трактатъ, состоявшійся между Франціею и Австріею, и обезпечивающій за послѣднею владѣнія ея въ Италіи. «Я утверждаю, сказалъ онъ, что между Франціею и Австріею происходили переговоры, главною цѣлію коихъ было ручательство Франціи за неприкосновенность австрійскихъ владѣній въ Италіи; что эти переговоры были благополучно окончены, изложены письменно въ формѣ акта или секретнаго трактата, подписаннаго 22-го декабря 1854 года». Лордъ Пальмерстонъ объявилъ категорически, что ничего не знаетъ о существованіи подобнаго трактата, присоединивъ однако слѣдующія свѣдѣнія, не лишеныя интереса даже въ настоящую минуту. «Въ то время, на которое указываетъ г. Дизраэли, сказалъ онъ, Австрія требовала на случай своего участія въ восточной войнѣ, чтобъ Франція поручилась за сохраненіе спокойствія въ итальянскихъ владѣніяхъ Австріи, и Франція соглашалась на это. Австрія требовала также, чтобы французскія войска содѣйствовали сохраненію существующаго территоріальнаго раздѣленія Италіи въ случаѣ, еслибы участіе Австріи въ восточной войнѣ возбудило политическія смуты на Апеннинскомъ полуостровѣ. Эти условія были включены въ составъ временной конвенціи, и хотя ан-

гійское правительство одобрило ее, однако она никогда не была подписана по той весьма простой причинѣ, что Австрія не приняла дѣятельнаго участія въ войнѣ.»

Запросъ г. Дизраэли былъ единственнымъ возраженіемъ противъ политики нынѣшняго министерства относительно Италіи. Самое положеніе итальянскаго вопроса не измѣнилось, съ тѣхъ поръ какъ западныя державы прервали дипломатическія сношенія съ Неаполемъ. Газета Morning-Post, органъ англійскаго министерства, продолжаетъ рѣзко осуждать неаполитанское правительство, указывая между прочимъ тѣ условія, на которыхъ возможно возстановленіе дипломатическихъ сношеній между Англією и Неаполемъ, именно: провозглашеніе всепрощенія и перемѣна правительственной системы и совѣтниковъ. Король неаполитанскій, съ своей стороны, не расположенъ къ уступкамъ, хотя многіе журналы и считаютъ уступкою тотъ трактатъ съ Аргентинскою республикою, о которомъ мы уже сообщали нашимъ читателямъ: трактатъ имѣетъ главною цѣлью переселеніе и содержаніе политическихъ осужденныхъ, наполняющихъ неаполитанскія тюрьмы. Сверхъ того, неаполитанское правительство, повидимому, рѣшилось учредить въ одной изъ гаваней королевства порто-франко и приступить къ пересмотру таможеннаго тарифа въ смыслѣ болѣе благопріятномъ для свободной торговли. Но судя по отзыву лондонской министерской газеты, эти косвенныя уступки не удовлетворяютъ англійское правительство.

Переходимъ къ другимъ современнымъ вопросамъ внѣшней политики, о которыхъ было говорено въ англійскомъ парламентѣ.

Надежда на возстановленіе мира между Англією и Персією, выраженная нами въ заключеніи послѣдняго Обзорѣнія на основаніи телеграфическаго извѣстія о принятіи Персією англійскихъ условій, не можетъ исполниться такъ скоро, какъ думали въ то время. Извѣстіе о желаніи Персіи заключить миръ, сообщенное полу-официальнымъ образомъ турецкимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Тегеранѣ англійскому посольству въ Константинополь, не подтвердилось, и англійское министерство даже не упомянуло о немъ во время преній объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь. Тѣмъ не менѣе дѣло это не можетъ затянуться на слишкомъ долгое время. Съ одной стороны Россія, вліянію которой англійскіе журналы несправедливо приписывали сначала сопротивленіе Персіи, совѣтуетъ персидскому правительству, по словамъ тѣхъ же журналовъ, очищать Гератскую область, за которую собственно и началась война; съ другой стороны, персидскій посолъ, находящійся въ настоящее время въ Парижѣ, уполномоченъ своимъ правительствомъ вести переговоры съ Англією и уже сообщилъ своему полномочию англійскому посланнику въ Парижѣ, лорду Каулею. Такъ отозвались лордъ Пальмерстонъ въ нижней палатѣ, лорды Кларендонъ и Гренвиль въ верхней.

Этихъ отзывовъ достаточно, чтобы ожидать примиренія, несмотря на крайне-воинственные извѣстія, полученныя въ Европѣ черезъ Остъ-Индію, по которымъ непріязненные дѣйствія не ограничатся занятіемъ Бушира и острова Каррака пятитысячнымъ англійскимъ отрядомъ: Персія въ настоящее время атакована съ востока и запада, ибо съ востока англійскія войска спускаются въ Афганистанъ черезъ остъ-индскую границу, а съ запада готовятся сильныя подкрѣпленія въ Персидскій заливъ, гдѣ численная сила англійскихъ войскъ будетъ доведена до 25,000 человекъ. Но самое положеніе дѣлъ въ той части Азіи, которая сдѣлалась театромъ военныхъ дѣйствій, показываетъ какъ необходимо въ настоящее время, для обѣихъ сторонъ, миролюбивое рѣшеніе дѣла.

Взятіе Бушира и предположенное сосредоточеніе 25,000 человекъ въ этомъ пунктѣ, ясно свидѣтельствуютъ, что Англія намѣрена продолжать наступленіе. Чтобы удержаться въ Буширѣ, важнѣйшемъ персидскомъ портѣ, совершенно достаточно уже находящихся тамъ 3,000 человекъ, вспомошествоваемыхъ флотомъ. Значитъ, численный составъ отряда увеличивается для дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій. Такъ какъ изъ Бушира дорога идетъ лишь на Ширазъ, Испаганъ и Тегеранъ, то и не трудно догадаться, что Англичане на первый разъ имѣютъ въ виду достигнуть Шираза. Отъ Бушира до этого города, по караванной дорогѣ, считается 49 паразанговъ, или около 300 верстъ, разстояніе весьма значительное, тѣмъ болѣе что на всемъ пространствѣ нѣтъ ни какихъ вспомогательныхъ для арміи средствъ, мало лѣса и воды, нѣтъ припасовъ, и все это надо имѣть при себѣ. Проѣзду нѣтъ по этой дорогѣ: всѣ принадлежности арміи и всѣ припасы придется перевозить на мулахъ, которые потребуются во множествѣ и притомъ должны быть доставлены изъ Индостана. Съ помощію денегъ, Англичанамъ, пожалуй, и удастся преодолѣть всѣ эти затрудненія. Непритель вѣроятно уступитъ превосходству искусства, дисциплины и вооруженія англійскихъ войскъ, но побѣда можетъ обойтись имъ очень дорого. Чтобы перейти изъ Бушира въ Ширазъ, поднимаясь отъ низменнаго и песчанаго берега Персидскаго залива на самую значительную плоскую возвышенность Персіи, надо взбираться на горы и проходить ущельями, представляющими весьма выгодныя оборонительныя позиціи. Англичанамъ, конечно, извѣстны всѣ эти трудности, и они только въ крайнемъ случаѣ могутъ рѣшиться на борьбу съ ними. Персидское правительство, въ свою очередь, сильно опасается за южныя провинціи царства, всегда готовыя воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы обратиться къ анархіи; съ паденіемъ Шираза, оно лишилось бы не только лучшей провинціи, но утратило бы и свое политическое вліяніе вообще.

Военныя дѣйствія, предпріятыя Англичанами со стороны Афга-

нистана, также должны способствовать заключенію мира. Съ тѣхъ поръ какъ Англичане завладѣли Пенджабомъ и Пешаверомъ, и перенесли границу своихъ владѣній на Индъ, они ужьли пріобрѣсти рѣшительное вліяніе на Афганистанъ. Одновременно съ извѣстіемъ объ объявленіи войны персидскому правительству, въ Европѣ узнали, что англійскій отрядъ, подъ начальствомъ бригадира Чамберлейна, открылъ дѣйствія въ Афганистанѣ, вмѣстѣ съ кабульскимъ эмиромъ Достъ-Мугамедомъ. Нынѣ получено извѣстіе, что другой отрядъ, подъ начальствомъ сэръ-Джона Лауренса, проникъ туда же, и что вспомошествоваемые имъ, афганскіе всадники Гулабъ-Гайдеръ-Хава, одного изъ сыновей эмира, вступили въ Гератскую область. Они уже завладѣли тамъ небольшимъ, но важнымъ городомъ Феррахомъ, лежащимъ на пути къ Герату, который можетъ подвергнуться той же участи.

Итакъ, война между Англіею и Персіею, предоставленною собственнымъ силамъ, не можетъ быть ни упорна, ни продолжительна. Въ другое время, Англія можетъ-быть не нашла бы нужнымъ объявить войну, и потому-то министерству сдѣланы были сильные упреки въ парламентѣ по поводу персидскихъ дѣлъ. Оппозиція не признаетъ необходимости этой войны. Со времени крымской кампаніи, англійское правительство стало какъ-то щекотливѣе прежняго. Оно желаетъ усилить авторитетъ свой на Востокъ, нѣсколько поколебавшійся вслѣдствіе восточной войны и постоянныхъ неудачъ въ азіатской Турціи. Отсюда крайняя придирчивость, выказанная имъ при исполненіи условій Парижскаго трактата; отсюда же враждебный образъ дѣйствій относительно Персіи. Собственно говоря, побѣда надъ персидскою арміею не можетъ доставить Англіи дѣйствительную славу; Англія вовсе не имѣетъ намѣренія ни завоевать Персію, ни ослабить ее; напротивъ, собственный интересъ ея заставляетъ ее желать, чтобы въ Персіи утвердилось сильное и правильное правительство. Все это было высказано во время преній объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь.

Намъ остается прибавить, что по объявленію, сдѣланному министерствомъ въ парламентѣ, расходы на Персидскую войну будутъ раздѣлены поровну между англійскимъ казначействомъ и Остъ-Индскою компаніею, принявшею на себя половину этихъ расходовъ.

По китайскимъ дѣламъ англійское министерство представило парламенту офиціальную переписку. Переписка эта огромна: она занимаетъ не менѣе 225 страницъ. Мы, разумѣется, не имѣемъ ея подъ руками въ полномъ составѣ, но тѣ выдержки изъ представленныхъ парламенту документовъ, которыя дошли до насъ, не заключаютъ въ себѣ почти ничего новаго. Англійское правительство вполне одобрило образъ дѣйствій своего представителя, сэръ-Джона Бауринга, и адмирала Сеймура, отстаивавшихъ трактатъ, который открываетъ Англи-

чанамъ доступъ въ Кантонъ и запрещаетъ китайскимъ начальствамъ захватывать людей на судахъ, стоящихъ подъ англійскимъ флагомъ. Представитель Франціи, графъ Курси, письменно выразилъ сэру-Джону Баурингу свое моральное одобреніе образа дѣйствій, изъбраннаго англійскими начальствами въ Китаѣ, и призналъ необходимость пересмотра трактатовъ, существующихъ между Европейцами и Китайцами.

Нашимъ читателямъ уже извѣстно, что по разрѣшеніи всѣхъ частныхъ затрудненій, представившихся при исполненіи Парижскаго трактата, остался на очереди весьма важный вопросъ о соединеніи Дунайскихъ княжествъ въ одно государство, состоящее въ вассальномъ отношеніи къ Портѣ. Вопросъ этотъ въ послѣднее время былъ сильно затронутъ французскимъ правительствомъ, англійскими и австрійскими журналами и отчасти англійскимъ парламентомъ, и на основаніи того, что высказано по этому поводу въ Парижѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ, можно съ достовѣрностію опредѣлить настоящее положеніе вопроса.

Еще въ мартѣ пршлаго года, когда парижскій конгрессъ приступилъ къ обсужденію предложеній объ устройствѣ Дунайскихъ княжествъ, графъ Валевскій поднялъ вопросъ о соединеніи ихъ въ одно государство и объявилъ себя въ пользу этого соединенія. Англійскій уполномоченный, лордъ Кларендонъ, отвѣчалъ, что Англія вполне раздѣляетъ это мнѣніе; Россія также подала мнѣніе въ пользу соединенія Княжествъ; Сардинія въ свою очередь присоединилась къ мнѣнію Франціи, Англіи и Россіи; только Австрія и Турція съ перваго же раза объявили себя противъ соединенія. Съ тѣхъ поръ произошла рѣзкая перемѣна во мнѣніи Англіи по этому вопросу. Когда возникли затрудненія по исполненію Парижскаго трактата, когда представилась возможность толковать различнымъ образомъ нѣкоторыя статьи его, Англія искала поддержки своему толкованію, и находя ее въ Австріи и Турціи, отказалась въ пользу этихъ державъ отъ своего мнѣнія въ пользу соединенія Дунайскихъ княжествъ. Въ этомъ вопросѣ, какъ и въ другихъ вопросахъ внѣшней политики, Англія поступила не по убѣжденію, а по обстоятельствамъ; оттого можно предполагать, что если на будущее время соединеніе Княжествъ не представится въ глазахъ Англіи помѣхою другому дѣлу, которое она признаетъ болѣе важнымъ, то она охотно вспомнитъ, что нѣкогда сама желала этого соединенія. Напрасно англійскіе журналы приписываютъ крутой поворотъ во мнѣніи Англіи относительно Княжествъ, соотвѣтственному повороту въ убѣжденіяхъ. Всѣмъ извѣстно, что во внѣшней политикѣ Англія признаетъ лишь истины относительныя, и всегда готова жертвовать вопросами второстепенными для тѣхъ вопросовъ, которыми она особенно дорожитъ въ данное время. Эта политика ни для кого не составляетъ

тайны, и потому было бы бесполезно прикрывать ее слабыми доводами, какъ дѣлаютъ англійскіе журналы. Она еще можетъ имѣть нѣкоторый блескъ, когда провозглашается открыто; слабые доводы только роняютъ ее, не оправдывая предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы.

Какъ бы то ни было, Франція, Россія и Сардинія остались при своемъ первоначальномъ мнѣніи, которое раздѣляетъ и Пруссія. Французское правительство публично заявило свое мнѣніе въ пользу соединенія Дунайскихъ княжествъ, обнародовавъ въ Монитерѣ officialную статью, составленную въ этомъ смыслѣ. Мы не приводимъ этой статьи, ибо собственно говоря, важенъ не текстъ, а самый смыслъ ея: въ ней выражено твердое желаніе французскаго правительства содѣйствовать соединенію Княжествъ, и надежда, что совѣты Франціи по этому вопросу будутъ приняты другими державами. Она прямо указываетъ на тѣ великія начала, входящія въ составъ восточнаго вопроса, которыми такъ часто руководствовалась Франція въ своей внѣшней политикѣ. Желая сохраненія цѣлости и неприкосновенности Оттоманской имперіи, на основаніи весьма важныхъ политическихъ соображеній, Европа, въ свою очередь, стремится поднять христіанское населеніе Турціи изъ того униженнаго положенія, въ какомъ оно находилось до послѣдней войны, требуетъ гражданскаго и политическаго равенства между христіанами и Турками, свободы вѣроисповѣданія. Европа считаетъ возрожденіе христіанъ, подвластныхъ оттоманскому правительству, лучшимъ обезпеченіемъ политическаго равновѣсія и независимости Турціи. Нѣтъ сомнѣнія, что это трудное дѣло встрѣчаетъ соріозныя препятствія, требующія напряженнаго вниманія Европы, ибо только при самомъ усилеиномъ наблюденіи съ ея стороны можно надѣяться на дѣйствительную побѣду надъ политическими и религіозными предразсудками магометанскаго міра. Стоитъ только припомнить, какъ понижаетъ Турція равенство христіанъ съ магометанами—относительно военной службы. Прежде христіане не имѣли права носить оружіе; они не могли быть ни простыми солдатами, ни офицерами: — Европа желала, чтобы это неравенство было отмѣнено, и Турція согласилась съ нею. Но вмѣсто того, чтобы призвать къ военной службѣ христіанъ, которые могли бы дослужиться до высшихъ мѣстъ, она обратила ихъ въ плательщиковъ; подвергнувъ ихъ наборамъ, она въ то же время превратила наборъ въ налогъ, такъ что христіане по прежнему не носятъ оружія, и только платятъ въ турецкую казну болѣе прежняго. Повторяемъ, для дѣйствительнаго уравненія христіанъ съ мусульманами, необходимъ бдительный надзоръ Европы, и потому твердое намѣреніе французскаго правительства, выраженное въ officialной статьѣ Монитера, не упускать изъ виду этой цѣли, вызвало общее сочувствіе. Именно это намѣреніе и по-

будило его принять подъ свою защиту неоднократно выраженное въ Молдавіи и Валахіи желаніе относительно соединенія двухъ княжествъ въ одно. Мнѣніе въ пользу соединенія Княжествъ, громко высказанное въ настоящее время французскимъ правительствомъ, тѣмъ важнѣе, что оно рѣзко противорѣчитъ предписаніямъ фирмана, которымъ Порта объявила о созваніи дивановъ въ Дунайскихъ княжествахъ. Въ концѣ фирмана сказано, что «диваны не преминутъ заключить свои пренія въ приличныя границы, и избавятъ правительство отъ неприятной необходимости прибѣгнуть къ дѣйствительнымъ средствамъ для защиты верховныхъ правъ его». Эти угрожающія строки, по общему мнѣнію, относятся къ вопросу о соединеніи Княжествъ и къ желаніямъ, которыя могутъ быть выражены диванами. Оттого онѣ прямо противорѣчатъ намѣреніямъ и рѣшеніямъ парижскаго конгресса, требующимъ, чтобы диваны между прочимъ выразили желанія населенія по вопросу, произвольно отключаемому Портою.

Англійскій парламентъ, къ которому естественно сводятся въ настоящее время всѣ современные политическіе вопросы, не оставилъ безъ вниманія и статью французскаго Монитера о соединеніи Дунайскихъ княжествъ. Въ засѣданіи верхней палаты 9-го февраля, лордъ Линдгорстъ обратился къ министру иностранныхъ дѣлъ, лорду Кларендону, съ слѣдующимъ вопросомъ, по поводу статьи Монитера: «Будутъ ли диваны, созванные въ Княжествахъ султанскимъ фирманомъ, разсуждать о соединеніи Княжествъ, или вопросъ этотъ будетъ только предоставленъ на обсужденіе представителямъ европейскихъ державъ во время новыхъ международныхъ совѣщаній въ Парижѣ?» Лордъ Линдгорстъ присоединилъ, что Австрія и Турція положительно противятся допущенію сужденій объ этомъ вопросѣ въ диванахъ. Вотъ отвѣтъ лорда Кларендона: «Я прочелъ статью Монитера о Княжествахъ, и притомъ не безъ нѣкотораго удивленія. Ограничусь отвѣтомъ на вопросъ лорда Линдгорста. Недавно обнародованный султанскій фирманъ не препятствуетъ диванамъ разсуждать о соединеніи княжествъ. Это согласно съ намѣреніями парижскаго конгресса, на которомъ уполномоченные державъ объявили (и уполномоченный Турціи согласился съ ними), что населенію Княжествъ будетъ предоставлено право свободно разсуждать обо всемъ, что касается политическаго ихъ устройства. Вслѣдствіе того, фирманъ не полагаетъ никакого ограниченія свободѣ преній, кромѣ одного: диваны не должны постановлять никакихъ рѣшеній несогласныхъ съ верховными правами султана и безопасностію Княжествъ. Въ настоящую минуту, я не буду распространяться объ этомъ вопросѣ. Скажу толко, что я крайне удивленъ, ибо между представителями державъ на парижскомъ конгрессѣ было условлено, что до открытія дивановъ въ Княжествахъ и новыхъ международныхъ совѣщаній въ Парижѣ, державы не пред-

примутъ ничего такого, что могло бы имѣть вліяніе на рѣшенія дивановъ. Исполняя это обязательство, я воздерживаюсь отъ дальнѣйшихъ объясненій.»

Итакъ, мнѣніе англійскаго правительства о соединеніи Дунайскихъ княжествъ сдѣлается *официально* извѣстнымъ не раньше открытія новыхъ парижскихъ конференцій, которымъ предстоитъ окончательно рѣшить этотъ вопросъ. Но *частнымъ образомъ*, если можно такъ выразиться, мнѣніе его уже высказано въ газетѣ Morning-Post, органѣ министерства, и притомъ не въ пользу соединенія.

Таково нынѣшнее положеніе этого дѣла, къ которому намъ, безъ сомнѣнія, придется возвратиться въ послѣдствіи.

Не далѣе какъ въ послѣднемъ Обзорѣніи мы имѣли случай упомянуть о непрерывномъ возникновеніи *въ нашемъ отечествѣ* новыхъ промышленныхъ предпріятій. Съ глубокимъ сочувствіемъ и признательностію упоминаемъ въ настоящее время о предпріятіи, далеко выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ и которымъ мы также обязаны благимъ намѣреніямъ нашего правительства. Мы разумѣемъ устройство новыхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи на протяженіи около 4,000 верстъ, предоставленное правительствомъ частной компаніи русскихъ и иностранныхъ капиталистовъ, подъ названіемъ *Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ русскихъ*. Высочайшій указъ объ этомъ громадномъ предпріятіи, состоявшійся 26-го января, и положеніе объ условіяхъ для устройства первой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, сообщены ниже, въ Прибавленіяхъ къ Политическому Обзорѣнію. Съ тѣмъ же глубокимъ сочувствіемъ, какимъ былъ встрѣченъ въ Москвѣ Высочайшій указъ 26-го января, прочтутъ его отъ одного конца Россіи до другаго, и не одно сердце забьется радостію при мысли, что во прошествіи какихъ-нибудь десяти лѣтъ, 26 губерній Россіи будутъ соединены желѣзными дорогами какъ между собою, такъ и съ западною Европой. Эти дороги, устроенныя частною компаніей, сдѣлаются собственностію правительства по прошествіи 85 лѣтъ, а до тѣхъ поръ правительство обезпечиваетъ компаніи 5% дохода съ затраченнаго ею капитала. Первая сѣть русскихъ желѣзныхъ дорогъ будетъ составлена изъ слѣдующихъ главныхъ линий: 1) отъ Петербурга до Варшавы; 2) отъ Москвы до Θεодосіи черезъ Тулу, Орелъ, Курскъ и Харьковъ; 3) отъ Орла или Курска къ Либавѣ; 4) отъ Москвы до Нижнего-Новгорода и 5) отъ Петербургско-Варшавской желѣзной дороги къ прусской границѣ, въ направленіи къ Кенигсбергу. Компанія, разумѣется, составлена на акціяхъ, по 125 р. за акцію. Шестьсотъ тысячъ акцій, то-есть капиталъ всего перваго выпуска, уже разобраны.

Въ послѣднее время обнародовано извлеченіе изъ отчета г. ми-

нистра государственныхъ имуществъ за 1855 годъ. Мы сообщимъ въ слѣдующей книжкѣ важнѣйшія данныя, входяція въ составъ этого любопытнаго документа.

Перехода къ текущимъ событіямъ въ другихъ государствахъ, мы должны возвратиться къ Англии, къ ея парламентскимъ преніямъ о нѣкоторыхъ вопросахъ внутренней политики. До сихъ поръ, впрочемъ, еще не могло быть сдѣлано много по этой части. Министерство объявило между прочимъ о предстоящемъ пересмотрѣ существующихъ законовъ о банкахъ, и представило проектъ бюджета. Объ этихъ мѣрахъ мы скажемъ здѣсь лишь нѣсколько предварительныхъ словъ, ибо пренія о нихъ еще предстоятъ парламенту.

Въ засѣданіи нижней палаты 6-го февраля, канцлеръ казначейства предложилъ назначить комитетъ для пересмотра банковыхъ актовъ 1844 и 1845 годовъ и существующихъ законовъ о банкахъ на акціяхъ. Чрезмѣрный выпускъ банковыхъ билетовъ, произведенный въ первой половинѣ текущаго столѣтія такъ-называемымъ Англійскимъ банкомъ и провинціальными банками, побудилъ сэръ-Роберта Пила предложить въ 1844 году законъ, ограничившій извѣстными условіями выпускъ банковыхъ билетовъ, условіями, которыя въ извѣстной степени обезпечивали ихъ цѣнность. Ограниченіе состояло въ томъ, что Англійскому банку предоставлено было право контролировать выпускъ билетовъ. Для этой цѣли, при Англійскомъ банкѣ было устроено особое контрольное отдѣленіе. Выстъ съ тѣмъ билеты частныхъ банковъ уравниены съ билетами Англійскаго банка. Вслѣдствіе этой мѣры, сорокъ три частные банка заключили условія съ компаніею Англійскаго банка; примѣру ихъ вскорѣ послѣдовали остальные, и обращеніе банковыхъ билетовъ повсемѣстно подверглось контролю вновь учрежденнаго при банкѣ отдѣленія.

Еще въ 1844 году, новый банковый актъ возбудилъ сильную оппозицію, которая въ настоящее время приписываетъ ему непрерывную измѣнчивость условій учета. Въ 1847 году, во время торговаго кризиса, послѣдовавшаго за неурожаемъ и разстройствомъ американской торговли, оппозиція противъ банкаго акта усилилась до того, что само министерство предложило произвести слѣдствіе съ цѣлію «открыть причины происшедшаго кризиса и разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ банковый актъ 1844 года могъ способствовать возбужденію кризиса». Парламентъ одобрилъ это предложеніе 3-го декабря 1847 года. Слѣдственный комитетъ нижней палаты составилъ семь тысячъ девять сотъ семьдесятъ восемь вопросовъ и представилъ докладъ своей палатѣ 8-го апрѣля 1848 года. Комитетъ верхней палаты, съ своей стороны, представилъ докладъ 28-го іюля того же года, разсмотрѣвъ четыре тысячи двѣсти семьдесятъ вопросовъ. За-

ключенія двухъ комитетовъ были различны. Комитетъ верхней палаты не рѣшался отвергнуть обвиненія, предметомъ которыхъ былъ законъ 1844 года. Онъ совѣтовалъ дозволить болѣе усиленный выпускъ банковыхъ билетовъ. Напротивъ, комитетъ нижней палаты призналъ, что законъ 1844 года вовсе не способствовалъ возбужденію кризиса 1847 года, и нижняя палата, послѣ сильныхъ и продолжительныхъ преній, положила сохранить этотъ законъ въ прежнемъ видѣ. Это рѣшеніе принято ею, по предложенію комитета, 28-го августа 1848 года.

Таковъ былъ результатъ слѣдствія, вызваннаго кризисомъ 1847 г. Банкъ продолжалъ сообразоваться съ закономъ 1844 года; но въ настоящее время вопросъ снова поднять, ибо срокъ банковому акту 1844 года истекаетъ въ будущемъ году. Противники закона 1844 г., какъ мы уже замѣтили, будутъ главнымъ образомъ ссылаться на крайнюю измѣнчивость условій учета, которую они считаютъ результатомъ тѣхъ, принятыхъ въ 1844 году. Дѣйствительно, съ 1844 по 1845 годъ, Англійскій банкъ сорокъ разъ измѣнялъ условія учета, колебавшіяся между 2 и 8 процентами. Въ тотъ же періодъ времени, Французскій банкъ измѣнилъ свои условія не болѣе десяти разъ, производя учетъ по 4 — 6 процентовъ. Нижняя палата уже назначила слѣдственный комитетъ по этому дѣлу.

Въ засѣданіи нижней палаты 13-го февраля, канцлеръ казначейства изложилъ проектъ бюджета на 1857—1858 финансовый годъ (1). Къ сожалѣнію, рѣчь его не совсѣмъ отчетливо и послѣдовательно передана въ иностранныхъ журналахъ.

«Пришло время, сказалъ онъ, когда мы должны сократить наши расходы, и палата, конечно, желаетъ ознакомиться съ финансовымъ положеніемъ страны. Въ настоящее время, моя обязанность тѣмъ пріятнѣе для меня, что въ предшествовавшіе годы надо было испрашивать новые налоги и займы для покрытія государственныхъ расходовъ.

«Обращу ваше вниманіе на расходы и доходы 1856—57 финансоваго года, не только для сравненія и уясненія дѣла, но и для того, чтобы разсѣять ошибочныя мнѣнія о налогахъ и расходахъ этого года.

«Въ прошломъ году, послѣ Пасхи, я опредѣлилъ доходы текущаго финансоваго года въ 71,740,000 ф. ст.: но въ дѣйствительности доходы нѣсколько превысили эту сумму: они простирались до 71,885,000 ф. ст. Расходы, считая 1 милл. ф. ст. сардинскаго займа, были опредѣлены по предварительной смѣтѣ въ 82,113,000 ф. ст., такъ что недочетъ простирается до 10,373,000 ф. ст. На покрытіе этого недочета разрѣшены были займы.

(1) Известно, что финансовый годъ въ Англійи начинается 5-го апрѣля.

«Говорили, будто мы сохраняемъ военные налоги въ мирное время: это несправедливо. Хотя государство въ настоящее время не обременено войною, однако на долю его все-таки приходится часть чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ. При всемъ томъ, несмотря на чрезвычайность послѣднихъ, мы значительно уменьшили установленную на военное время пошлину съ солода. Слѣдовательно мнѣніе, будто мы не уменьшали сборы, установленные по случаю войны, неосновательно.

«Въ 1856 году, вывозъ товаровъ изъ Англіи превышалъ вывозъ товаровъ во всѣ прежніе годы; цѣнность вывоза поднялась до 116 милл. ф. ст., то-есть увеличилась на 20 милл., или на 20%, сравнительно съ вывозомъ 1855 г., и на 17 милл., или 17%, сравнительно съ вывозомъ 1853 года, непосредственно предшествовавшаго войнѣ.

«Привозъ хлѣба былъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ 1855 году.

«Въ прошломъ году вмѣстимость судовъ, вошедшихъ въ порты Соединеннаго-Королевства, равнялась 17,974,000 тоннъ.

«Въ 1852 году выселилось изъ Англіи 568,764 человекъ; въ прошломъ году переселилось не болѣе 176,554 человекъ.

«Расходы за три года войны, считая сардинскій заемъ, простирались до 228,231,000 ф. ст. Въ мирное время, въ теченіе трехъ лѣтъ, они не превышали 152,323,000 ф. ст. Вычтя одно число изъ другаго, получимъ приблизительную цифру военныхъ расходовъ, именно 76,398,000 ф. ст.

«Доходы за три года войны составляютъ 192,685,000 ф. ст., считая суммы, добытыя займомъ; если вычтемъ изъ этой цифры сумму расходовъ за трехлѣтіе мирнаго времени, то получимъ излишекъ доходовъ, употребленный на военныя потребности, именно 40,362,000 ф. ст.

«По моимъ соображеніямъ, расходы текущаго финансоваго года (1857—58) будутъ слѣдующіе: на уплату процентовъ отверженнаго долга — 28,550,000 ф. ст.; на разныя постоянныя потребности по части отверженнаго долга, — 1,707,000 ф. ст.; на армию, считая 400,000 ф. ст.; на милицію, — 11,625,000,000 ф. ст.; на флотъ, считая и береговую стражу, 8,109,000 ф. ст.; на гражданское управленіе 725,000 ф. ст.; на сборъ доходовъ — 4,215,008 ф. ст.

«Въ будущемъ апрѣлѣ я намѣренъ просить кредита на войну съ Персією, всего 32,904,000 ф. ст.

«Общая цифра расходовъ опредѣлена мною приблизительно въ 65,474,000 ф. ст.»

Далѣе, канцлеръ казначейства вошелъ въ нѣкоторыя подробности относительно существующихъ налоговъ; по его мнѣнію, хотя расходы на армию и флотъ уменьшены на 17 милл. ф. ст., однако нѣтъ возможности разомъ перейти съ военнаго положенія на мирное, тѣмъ болѣе что въ военное время сдѣлано 41,041,000 ф. ст. долгу. Вся сумма прямыхъ налоговъ простирается до 20,700,000 ф. ст.; сумма косвенныхъ налоговъ — до 39,850,000 ф. ст., то-есть, почти вдвое. От-

вѣчал навозраженіи противъ столь усиленныхъ налоговъ, канцлеръ казначейства замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нихъ, издавна существующіе, именно налогъ на бумагу и на застрахованіе отъ огня, въ сущности не обременительны для страны, и могутъ быть отмѣнены только тогда, когда государственные расходы значительно уменьшатся, а доходы увеличатся. Изъ налоговъ, установленныхъ или измѣненныхъ по случаю войны, онъ считаетъ нужнымъ сохранить налогъ на спиртные папитки; налогъ на солодъ, приносявшій 2 милл. ф. ст., отмѣняется. Переходя къ налогу на доходы, о которомъ мы сообщали въ послѣднемъ Обзорѣнн, канцлеръ казначейства изложилъ обстоятельства, при которыхъ внесены были въ актъ объ увеличеніи этого налога на военное время слова: «до 5-го апрѣля послѣ ратификаціи мирнаго трактата». Онъ объявилъ, что правительство никогда не имѣло намѣренія воспользоваться этими словами, чтобы продолжать сборъ налога далѣе необходимаго времени, и предложилъ возстановить налогъ въ первоначальномъ его видѣ, по 7 пенсовъ съ 1 ф. ст., если доходъ превышаетъ 150 ф. ст. въ годъ, и по 5 пенсовъ съ 1 ф. ст., если доходъ свыше 100 и ниже 150 ф. ст. Правительство предлагаетъ также постепенное уменьшеніе пошлины съ сахара и чая, съ тѣмъ чтобы въ 1857 году взымать 1 шилл. 7 пенсовъ съ 1 ф. чая, въ 1858 г.—1 шилл. 5 пенсовъ, въ 1859 г.—1 шилл. 3 пенса, въ 1860 г.—1 шилл.; съ сахара въ 1857 г. 18 шилл. 4 пенса, въ 1858 г.—16 шилл. 8 пенсовъ, въ 1859 г.—15 шилл., въ 1860 г.—13 шилл. 4 пенса.

Общая цифра доходовъ за 1857—58 финансовый годъ опредѣлена въ 66,365,000 ф. ст., изъ коихъ таможенный сборъ долженъ доставить 22,850,000 ф. ст.; акцизный сборъ—17,000,000 ф. ст.; штемпельная пошлина — 7,450,000 ф. ст.; налогъ на недвижимыя имущества — 3,150,000 ф. ст.; налогъ на доходы — 11,450,000 ф. ст., почтовый сборъ 3,000,000 ф. ст. и проч. Общее уменьшеніе налоговъ проектируется до 11,971,000 ф. ст.

Этотъ финансовый планъ, по обыкновенію, будетъ внимательно рассмотрѣнъ палатою и подастъ поводъ къ сильнымъ преніямъ, съ существеннымъ содержаніемъ коихъ мы въ свое время познакомимъ нашихъ читателей.

Во Франціи также ожидаютъ открытія законодательнаго сословія и сената: оно назначено на 16-тое февраля. Между тѣмъ ожидаемое рѣшеніе кассационнаго суда по вопросу объ избирательныхъ бюллетеняхъ, изложенному нами подробно въ послѣднемъ Обзорѣнн, состоялось 30-го января. Кассационный судъ объявилъ, что по смыслу законовъ 16-го іюля 1850 года и 27-го іюля 1849 года, онъ считаетъ дозволеннымъ распространеніе, въ теченіи двадцати дней, предшествующихъ выборамъ, циркуляровъ и избирательныхъ бюллетеней, но въ томъ только случаѣ, когда одинъ экземпляръ ихъ подписанъ самими кандидатами и представленъ заранѣе въ префектуру. Такимъ

образомъ оказывается, что никто не можетъ быть избранъ въ депутаты, если самъ не предложитъ себя въ число кандидатовъ и не внесетъ въ префектуру документа, имъ самимъ подписаннаго. Избирателямъ остается только выбирать представителей изъ лицъ, которые сами предложатъ свои услуги.

О тѣхъ текущихъ событіяхъ въ другихъ государствахъ, которыя въ настоящее время еще не обозначились съ полною ясностію, мы будемъ говорить въ слѣдующемъ Обзорѣннѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОБОЗРѢНІЮ.

Высочайшій Указъ 26-го января.

«Въ неослабномъ попеченіи о благѣ столь близкаго сердцу Нашему Отечества, Мы давно сознали, что обильное дарами природы, но раздѣленное огромными пространствами, оно нуждается особенно въ удобныхъ сообщеніяхъ. Сознаніе это вѣще утвердилось среди личныхъ занятій, возложенныхъ на Насъ еще съ 1842 года блаженныя памяти Родителемъ Нашимъ, по предсѣдательству Комитета желѣзныхъ дорогъ, въ коемъ обсуждены сооруженіе С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги и разныя предположенія по другимъ путямъ сего рода. Самое сооруженіе этой дороги, столь справедливо называемой нынѣ Николаевскою, выразило еще осязательнѣе всю пользу для Нашей родины сего новаго способа сообщеній, всю необходимость его какъ для мирнаго, такъ и для военнаго времени; и желѣзныя дороги, въ надобности коихъ были у многихъ сомнѣнія еще за десять лѣтъ, признаны нынѣ всѣми сословіями необходимою для Имперіи, и содѣлались потребностью народною, желаніемъ общимъ, настоятельнымъ. Въ семъ глубокомъ убѣжденіи, Мы, вслѣдъ за первымъ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій, повелѣли озаботиться о средствахъ къ лучшему удовлетворенію этой неотложной потребности. Внимательное обсужденіе указало, что для удобства и скорости лучше обратиться, по примѣру всѣхъ другихъ странъ, предпочтительно къ промышленности частной, какъ отечественной, такъ и иностранной; къ послѣдней и въ томъ вниманіи, чтобы воспользоваться значительною опытностію, пріобрѣтенною при устройствѣ многихъ тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ на Западѣ Европы. На сихъ началахъ вызваны, сдѣланы, соображены разныя предположенія, и по надлежащемъ разсмотрѣннѣ дѣла въ Комитетѣ министровъ, и обсужденіи имъ онаго въ личномъ присутствіи Нашемъ, признаны единогласно лучшими и Нами утверждены условія, предложенныя обществомъ капиталистовъ русскихъ и иностранныхъ, въ главѣ коихъ Нашъ банкиръ ба-

ронъ Штиглицъ. Условіями сими общество это обязуется: на свой счетъ и страхъ устроить въ теченіе десяти лѣтъ и потомъ содержать въ теченіе осьмидесяти пяти лѣтъ указанную ему сѣть около четырехъ тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, съ однимъ лишь ручательствомъ Правительства за вырученіе пяти процентовъ съ опредѣленныхъ на сооруженіе суммъ, и съ тѣмъ, что по минованіи означенныхъ сроковъ, вся сѣть обращается бесплатно въ принадлежность казны. На этихъ основаніяхъ Правительство, избѣгая необходимости пожертвованій значительныхъ и неотложныхъ, возможетъ силою одного лишь довѣрія къ строгой точности, съ кою постоянно, даже среди тяжкихъ годинъ отечественныхъ войнъ, оно выполняло свои долговья обязанности, — достигнуть сооруженія первой сѣти желѣзныхъ дорогъ русскихъ. Сѣть эта будетъ простирается: отъ С.-Петербурга до Варшавы и Прусской границы, отъ Москвы до Нижняго-Новгорода, отъ Москвы чрезъ Курскъ и низовье Днѣпра до Феодосіи, и отъ Курска или Орла чрезъ Динабургъ до Либавы, — и такимъ образомъ, непрерывнымъ чрезъ двадцать шесть губерній желѣзнымъ путемъ, соединятся взаимно: три столицы, главныя судоходныя рѣки наши, средоточіе хлѣбныхъ нашихъ избытковъ, и два порта на Черномъ и Балтійскомъ моряхъ, почти весь годъ доступные; облегчится симъ образомъ вывозъ заграничный, обезпечится провозъ и продовольствіе внутренніе. Приступая, съ твердымъ упованіемъ на благодать Всевышняго, къ столь обширному и благотворному предпріятію народному, Мы призываемъ всѣхъ вѣрнопопавшихъ Нашихъ къ усердному и добросовѣстному содѣйствію въ выполненіи онаго, и *повелеваемъ*: прилагаемые при семъ: 1. *Положеніе объ основныхъ условіяхъ для сооруженія первой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи* и 2. *Уставъ образовавшагося для этого сооруженія, Главнаго Общества Желѣзныхъ Дорогъ Русскихъ*, привести въ исполненіе. Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащее къ сему распоряженіе.»

Положеніе объ основныхъ условіяхъ для устройства первой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

§ 1. Нижепоименованныя лица: 1) с.-петербургскіе банкиры — Штиглицъ и Комп., 2) варшавскій банкиръ — С. А. Френкель, 3) лондонскіе банкиры — братья Берингъ и Комп., 4) парижскіе банкиры — Готтингеръ и Комп., 5) лондонскій банкиръ — Тома Берингъ, въ качествѣ довѣреннаго отъ имени Гоппе и Комп.—банкировъ амстердамскихъ, 6) Ісакій Перейръ—директоръ Компаніи желѣзной дороги изъ Парижа въ Лионъ, и Августъ Турнейсенъ—директоръ Компаніи западныхъ желѣзныхъ дорогъ Франціи, какъ отъ своего имени, такъ и по довѣренности отъ берлинскихъ банкировъ — Мендельсона и Комп., Эмилія Перейра, — предсѣдателя Совѣта Управленія южныхъ желѣзныхъ дорогъ Франціи и канала гароннскаго, парижскихъ банкировъ — Б. Л. Фульда и Фульдъ—Оппенгейма, парижскихъ банкировъ — братьевъ Малель, парижскаго банкира — барона Селлиера, парижскаго банкира, — И. И. Урибарена, парижскихъ банкировъ — Дезаръ—Мюссара и Комп., Адольфа Эйхталя — предсѣдателя Главной Морской Компаніи, во Франціи, и парижскихъ капиталистовъ Фридриха Гринингера и Казимира

Сальвадора. — обязываются устроить, на собственный счет и страхъ, сѣть желѣзныхъ дорогъ, состоящую изъ нижеслѣдующихъ линій: 1. Линія отъ С.-Петербурга до Варшавы, по утвержденному Правительствомъ начертанію и проекту, нынѣ исполняемому, за изытіемъ тѣхъ измѣненій, которыя въ послѣдствіи разрѣшены быть могутъ Правительствомъ по предложенію Общества. 2. Вѣтвь, соединяющая С.-Петербурго-Варшавскую Желѣзную Дорогу съ прусскою границею, на Кенигсбергъ, въ точкѣ, Правительствомъ опредѣленной. 3. Линія отъ Москвы до Феодосіи, направленная чрезъ города: Тулу, Орелъ, Курскъ и Харьковъ, или вблизи оныхъ, соединенная непосредственно или помощію вѣтви съ низовьемъ Днѣпра, и затѣмъ проходящая между Перекопомъ и Геничами. 4. Линія, отдѣляющаяся отъ Московско-Феодосійской дороги около Курска или Орла, и ведущая чрезъ Динабургъ къ Либавскому, въ Курляндіи порту, устройство коего Правительство обязывается довершить до времени окончанія постройки желѣзной дороги отъ Динабурга въ Либаву. 5. Линія изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ, окончательное начертаніе которой, равно какъ и всѣхъ предшествующихъ линій, подлежитъ утвержденію Правительства, по предложенію Общества. Учредителямъ предоставляется право, связать вышеупомянутыя линіи, въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ съ желѣзною дорогою, соединяющею эти двѣ столицы. — § 2. вмѣстѣ съ уступкою С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги, Правительство передаетъ Обществу: земли, подъ дорогу сію отшедшія, всѣ земляныя и другія работы и сооруженія оной, все нижнее и верхнее строеніе ея съ ихъ принадлежностями движимыми и недвижимыми, какъ то: станціонными зданіями, мѣстами на грузки и выгрузки, сооруженіями въ мѣстахъ прибытія и отхода поѣздовъ, сторожевыми домами и будками, подвижнымъ составомъ, запасами топлива и другихъ матеріаловъ, постоянными и подвижными машинами, паровозами, вагонами, инструментами, въ томъ количествѣ и состояніи, въ какомъ оныя находятся будутъ при передачѣ дороги Обществу, и ничего изъ того не выключая. Учредители вступаютъ во всѣ права и обязанности Правительства, относительно всѣхъ условій, симъ послѣднимъ заключенныхъ съ подрядчиками работъ, поставщиками матеріаловъ и строителями вагоновъ, какъ для устройства дороги, такъ и для движенія по оной. Ко времени совершенія передачи дороги имѣютъ быть составлены и обѣими сторонами утверждены точныя описи всѣмъ предметамъ и договорамъ, силою настоящихъ условій Обществу передаваемыхъ. Правительство кромѣ того выдаетъ учредителямъ всѣ относящіяся до желѣзныхъ дорогъ, поименованныхъ въ пунктѣ 1, чертежи, записки и свѣдѣнія, которыя могли бы быть полезными для Общества. — § 3. Учредители обязываются начать работы не далѣе одного года по подписаніи Именнаго Указа объ утвержденіи настоящихъ условій, и затѣмъ вести работы сіи такъ, чтобы окончить желѣзныхъ дорогъ не менѣе трехъ сотъ верстъ къ исходу третьяго года и не менѣе тысячи верстъ къ исходу пятаго года, а всю вообще сѣть оныхъ кончить совершенно въ десять лѣтъ, со дня подписанія вышеупомянутаго Указа. Всѣ работы должны быть исполнены согласно окончательнымъ начертаніямъ и планамъ, составленнымъ учредителями, и утвержденнымъ Главноуправляющимъ Путиами Сообщенія и Публичными

Здѣніями. Земляное полотно и мостовыя сооруженія имѣютъ быть устроенны на всемъ протяженіи для двойнаго желѣзнаго пути; но Обществу предоставляется право открыть движеніе съ однимъ путемъ, при достаточномъ только количествѣ развѣздовъ, именно такъ, чтобъ они составляли въ совокупности не менѣ одной пятой части полнаго протяженія. Въ послѣдствіи однако Правительство можетъ, если признаетъ нужнымъ, требовать постепеннаго устава втораго пути на всѣхъ тѣхъ отдѣленіяхъ или участкахъ дороги, на которыхъ годичный валовой доходъ достигъ девяти тысячъ р. сер. съ версты. Ширина колеи желѣзнаго пути должна быть та же, что на С.-Петербургско-Московской Дорогѣ. За исключеніемъ особыхъ случаевъ, разрѣшаемыхъ Главноуправляющимъ Путями Сообщенія и Публичными Здѣніями, наибольшій подъемъ или уклонъ дороги допускается въ восемь тысячныхъ, а наименшій радиусъ кривизны дороги триста сажень. § 4. Учредители обязаны въ обезпеченіе надлежащаго сооруженія предоставленныхъ имъ линій желѣзныхъ дорогъ, вносить въ видѣ залога Правительству Россійскому, по мѣрѣ выпуска акцій или облигацій, предназначенныхъ для постепеннаго образованія общественнаго капитала, и въ теченіе мѣсяца таковыхъ выпусковъ, пять процентовъ съ нарицательнаго капитала перваго выпуска и по пяти процентовъ съ суммъ, которыя назначены будутъ къ дѣйствительному вносу при послѣдующихъ выпускахъ. Какъ первый выпускъ назначается въ семьдесятъ пять милліоновъ р. сер., или триста милліоновъ франковъ, то пяти-процентный залогъ съ этой суммы долженъ, не дагѣ одного мѣсяца по воспослѣдованіи Именнаго Указа объ учрежденіи Общества, быть внесенъ наличными деньгами или билетами Государственной Комиссіи Погашенія Долговъ. Часть однако сего залога, пропорціональная водпшкѣ, во Франціи состоявшейся, можетъ быть внесена Французскими государственными рентами. По мѣрѣ производства работъ, Общество имѣетъ право получать обратно десятую часть отработаннаго имъ залога, и такимъ образомъ каждый разъ, какъ Общество выполнитъ работъ на сумму семи съ половиною милліоновъ р. сер., ему возвращаются триста семьдесятъ пять тысячъ р. сер. изъ его залога. Впрочемъ удерживаемый залогъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть менѣ трехъ милліоновъ рублей серебромъ, до окончательнаго открытія всѣхъ разрѣшенныхъ симъ положеніемъ линій. — § 5. Обществу предоставляется полное и совершенное на собственный исключительный его счетъ и страхъ право пользованія разрѣшенными оному желѣзными дорогами въ продолженіе осьмидесяти пяти лѣтъ, со дня истеченія десятилѣтняго срока, назначеннаго для окончанія работъ, или же — впредь до выкупа дорогъ, предоставленнаго Правительству нижеслѣдующимъ § 9. При этомъ Общество подчиняется точному соблюденію всѣхъ опредѣляемыхъ симъ положеніемъ условій и вообще законовъ и постановленій русскихъ. — § 6. Въ обезпеченіе интересовъ и погашенія употребленнаго капитала, правительство даруетъ обществу ручательство пяти процентовъ чистаго въ годъ дохода съ суммъ нижепоказанныхъ. Для примѣненія этого ручательства, сѣтъ дорогъ раздѣляется на отдѣленія слѣдующимъ образомъ: С.-Петербургско-Варшавская линія — на два отдѣленія: 1) Отъ С.-Петербурга до Вильны или Ковно, и 2) отъ Вильны или Ковно до Варшавы и прусской границы. Москов-

ско-Феодосійская линия—на два отдѣленія: 1) Отъ Москвы до Курска, и 2) отъ Курска до Феодосіи. Орловско или Курско-Либавская линия—на два отдѣленія: 1) Отъ Орла или Курска до Динабурга, и 2) отъ Динабурга до Либавы. Московско-Нижегородская линия — одно отдѣленіе. Ручательство Правительства присвоится особо каждому изъ сихъ отдѣленій, и начинается для каждаго изъ нихъ со дня открытія на немъ полнаго движенія. Впрочемъ ручательство это примѣняется къ совокупности всей сѣти, для чего доходы всѣхъ линий принимается въ одинъ общій расчетъ. Ручательство имѣетъ продолжаться до истеченія указаннаго въ предыдущемъ § 5 срока осьмидесяти-пяти-лѣтняго или до выкупа дорогъ Ручательствомъ. Ручательство для линии С.-Петербурго-Варшавской исчисляется на капиталъ ооомидесяти пяти милліоновъ р. сер. Для вѣтви, идущей на прусскую границу къ Кенигсбергу, капиталъ, на который даруется Ручательствомъ ручательство, опредѣлится по дѣйствительному протяженію этой вѣтви, и среднему на каждую версту расходу шестидесяти девяти тысячъ руб. сереб. Наконецъ для линий: отъ Москвы до Феодосіи, отъ Курска или Орла до Либавы, и отъ Москвы до Нижняго-Новгорода, основной капиталъ, съ котораго правительство обезпечиваетъ интересы и погашеніе ручательствомъ 5%, опредѣлится также сообразно дѣйствительному протяженію каждой линии, но съ уменьшеніемъ средней стоимости версты до шестидесяти двухъ тысячъ пяти сотъ рублей серебромъ. Сумма, обезпечиваемая Ручательствомъ особо по каждому отдѣленію, опредѣлится пропорціонально его протяженію. — § 7. Въ случаѣ если бы правительству пришлось дополнить изъ казны вышеупомянутые пять процентовъ, то на возмѣщеніе таковой издержки онаго обращается потомъ вся часть чистаго дохода Общества, превышающая пять процентовъ. Уплата эта прекращается, коль скоро Ручательству возмѣщены будутъ сполна всѣ суммы, выданныя Обществу изъ казны съ присовокупленіемъ на оная простыхъ процентовъ по четыре на сто въ годъ.—§ 8. Когда чистый доходъ собственно С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги вмѣстѣ съ вѣтвью ея къ прусской границѣ превзойдетъ пять процентовъ, обезпеченные Ручательствомъ по этой линіи и вѣтви, тогда половина такого излишка отдѣлится въ пользу Правительства до совершенной уплаты, безъ процентовъ, восемнадцати милліоновъ р. сер., опредѣляемыхъ оптомъ за расходы Правительства на означенную дорогу. При этомъ однако общее ручательство Правительства, установленное § 6, остается неизмѣннымъ. Для ясности расчетовъ ведена будетъ особая отчетность о расходахъ и выручкахъ по движенію означенной линіи.—§ 9. По истеченіи первыхъ двадцати лѣтъ со дня окончанія десяти-годоваго срока, опредѣленнаго (§ 3) на выполнение работъ, Правительство имѣетъ во всякое время право на выкупъ всей сѣти разрѣшаемыхъ имъ нынѣ желѣзныхъ дорогъ. Для опредѣленія цѣны выкупа принимается совокупность чистыхъ доходовъ всей сѣти за семь предшествующихъ сему выкупу лѣтъ; изъ суммы этой вычитается итогъ чистыхъ доходовъ двухъ наиболѣе прибыльныхъ годовъ, и за тѣмъ выводится средній, чистый годовой доходъ остальныхъ пяти лѣтъ. Выведенный такимъ образомъ средній доходъ, Пра-

ительство обязано будетъ, въ случаѣ выкупа, выплачивать ежегодно Обществу по полугодіямъ въ теченіе остальнаго времени осьмидесяти-пяти-лѣтняго срока, § 5 опредѣленнаго. Сумма эта не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть менѣ чистаго дохода послѣдняго изъ семи лѣтъ, принятыхъ для сравненія, и не менѣ ежегодной суммы процентовъ, обезпеченныхъ Правительствомъ по § 6-му.—§ 10. По истеченіи осьмидесяти-лѣтняго срока, назначеннаго въ § 5. или въ случаѣ выкупа дорогъ Правительствомъ, оно вступаетъ немедленно во владѣніе желѣзными дорогами со всѣми нужными для дѣйствія ихъ принадлежностями, движимыми и недвижимыми. При этомъ однако за паровозы, вагоны, машины, сваряды, инструменты и прочую принадлежность ихъ, прибавленные Обществомъ при ствѣ первоначальнаго, при открытіи дорогъ, состава, оно получаетъ, соразмѣрное стоимости ихъ вознагражденіе. Для опредѣленія суммы сего вознагражденія дѣйствительная общая стоимость подвижнаго состава, сданнаго Правительству при возвращеніи ему дорогъ, опредѣлится по добровольному соглашенію или по оцѣнкѣ экспертовъ, и изъ суммы сей вычтется по пяти тысячъ р. сер. на каждую версту возвращенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Эти пять тысячъ руб. полагаются въ зачетъ стоимости первоначальнаго подвижнаго состава, пониженой отъ употребленія его. Что касается до запасовъ топлива и всякихъ другихъ матеріаловъ, то Общество передаетъ ихъ Правительству по добровольному соглашенію или же по оцѣнкѣ чрезъ экспертовъ. Общество удерживаетъ право владѣнія особыми сооружеиіями, какъ-то: коксо-обжигальными печами, заводами, литейными, машинными и другими фабриками, магазинами, доками и тому подобными заведеніями, устроенными имъ независимо отъ потребностей желѣзной дороги, и вообще всѣми имуществомъ, движимыми и недвижимыми, приобретенными на основаніи нижеслѣдующаго § 21-го. — § 11. Въ предупреденіе вреднаго совмѣстничества, никакая новая желѣзная дорога, начинающаяся отъ одной изъ точекъ утверждаемой симъ положеніемъ сѣти, и подходящая къ другому мѣсту той же сѣти, не будетъ разрѣшаема въ продолженіе срока, назначеннаго § 3-мъ для окончанія сѣти и въ послѣдующія за тѣмъ десять лѣтъ, развѣ только по высшимъ торговымъ или инымъ государственнымъ уваженіямъ, признаннымъ Правительствомъ заслуживающими особаго вниманія. Въ такихъ случаяхъ Обществу предоставлено будетъ преимущественное для устройства сихъ новыхъ линій дозволеніе, при одинакихъ съ другими предлагателями условіяхъ. — § 12. Высшая провозная для пассажировъ и товаровъ плата, взиманіе коей дозволяется Обществу, ограничивается слѣдующими предѣлами: *Съ пассажировъ и съ каждаго поперстко*: 1-го класса три (3) коп., 2-го класса двѣ съ четвертью ($2\frac{1}{4}$) к., 3-го класса одна съ четвертью ($1\frac{1}{4}$) коп. Для пассажировъ 3-го класса, перевозимыхъ съ товарными поѣздами, тарифъ сей имѣетъ быть пониженъ. *Со скота поголовно и поперстко*: съ быка, коровы, вола, лошади, лошака и вообще рогаго скота три (3) к., съ теленка, свиньи одна (1) коп., съ барана, овцы, ягненка, козы половина ($\frac{1}{2}$) к. *Съ товаровъ попутно и поперстко*: 1-го разряда: желѣзо, свинецъ въ дѣлѣ, мѣдь, чугунное литье, другіе металлы обработанные и необработанные, уксусъ, вина, горячіе напитки, масло, сало, хлопчатая бумага, шерстяныя издѣлія. дерево: столярное,

красильное и вообще привозное, крапъ, сахаръ, кофе, чай, москательные и колоніальныя товары, пряности, мануфактурныя издѣлія, устрицы, свѣжая рыба, предметы книжной торговли, перья и пухъ, рыбій клей, фарфоръ и фаянсъ, растенія, фрукты, хѣль, мебель, музыкальные инструменты, мѣха, зеркала, зеркальныя стекла, табакъ, свѣчи, оружіе, матеріи, коженныя товары, кожи, стеаринъ—одна двѣнадцатая ($\frac{1}{12}$) копѣйки; 2-го разряда: руды, коксъ, древесный уголь, жерди, доски, пластины, строевой лѣсъ, мраморъ въ кускахъ, тесовый камень, горная смола, аспидъ, чугуунъ не въ дѣлѣ, желѣзо полосовое и листовое, свинець въ свинкахъ, пенька, ленъ, соленая рыба и мясо—одна семнадцатая ($\frac{1}{18}$) к., 3-го разряда: хлѣбъ зерновой всякій, мука, соль, известь, гипсъ, дрова, известковый и гипсовый камень, бутовый и булыжный камень, песокъ, глина, черепица, кирпичъ, мостовой камень и подобныя строительныя матеріалы, каменный уголь, рухлякъ, зола, наземъ и туки—одна двадцать четвертая ($\frac{1}{24}$) коп. — При перевозкѣ товаровъ съ малою скоростью вышеозначенный тарифъ понижается: десятью процентами на разстояніи болѣе двухъ сотъ и до пяти сотъ верстъ, и пятнадцатюю процентами на разстояніи болѣе пяти сотъ и до тысячи верстъ и двадцатюю процентами на всякое разстояніе свыше тысячиверстъ.

Экипажи, поштучно и поверстко: Дрожки и другіе экипажи двухъ или четырехъ-колесныя, двумѣстные—шесть (6) к. Экипажи четырехъ-колесныя и четырехъ-мѣстные—восемь (8) к. Тарифъ экстренныхъ поѣздовъ, состоящихъ собственно изъ вагоновъ перваго класса, можетъ быть увеличенъ двадцатюю процентами съ условіемъ, чтобы средняя скорость не была менѣе пятидесяти верстъ въ часъ, не считая остановокъ. На семейныя отдѣленія въ 4, 6, 8 или 10 мѣстъ, тарифъ перваго класса увеличивается сорока процентами. Съ пассажировъ, багажъ коихъ не превышаетъ одного пуда, особой платы сверхъ цѣны, слѣдующей за мѣсто, не взимается. За излишекъ вѣса багажа сверхъ одного пуда, платится по одной пятой ($\frac{1}{5}$) копѣйки съ пуда и версты. За товары, перевозимыя, по желанію отправителей, со скоростью пассажирскихъ поѣздовъ, взимается по одной шестой ($\frac{1}{6}$) копѣйки съ пуда и версты. Съ экипажей, лошадей, скота, свѣжей рыбы и дичи, перевозимой, по желанію отправителей, съ пассажирскими поѣздами, взимается удвоенная плата, тарифомъ установленная. Жизненные припасы и вообще товары, предметы и животныя, неозначенныя въ предыдущемъ тарифѣ, подлежатъ взиманію платы по тому разряду, къ которому они, по роду своему, ближе подходятъ. Обществу предоставляется представить на утвержденіе Правительства особый тарифъ: 1. На перевозку пачекъ, малыхъ тюковъ и мелкихъ предметовъ, вѣсомъ менѣе трехъ пудовъ. 2. На перевозку золота и серебра: въ слиткахъ, въ монетѣ, или въ дѣлѣ, накладнаго золота или серебра, ртути, платины, ювелирныхъ издѣлій, драгоценныхъ камней и другихъ цѣнныхъ предметовъ. Плата, установленная на основаніи сего параграфа настоящаго Положенія, имѣетъ быть взимаема безъ принятія въ расчетъ дробей: всякая часть пуда считается за полный пудъ, всякая часть версты за цѣлую версту, при разстояніи же менѣе шести верстъ, взимается плата за полныя шесть верстъ. Расходы побочныя, въ тарифѣ не упомянутыя, какъ-то: ком-

миссіонерскіе, подвозка, нагрузка, выгрузка, складка въ станціонныхъ пакгаузахъ и въ магазинахъ, при желѣзныхъ дорогахъ устроенныхъ, будутъ взимаемы сверхъ опредѣленной за провозъ платы, но по цѣнамъ, утвержденнымъ Правительствомъ. Вышеустановленный тарифъ указываетъ предѣлъ, который, безъ особаго на то разрѣшенія Правительства, Общество, ни въ какомъ случаѣ, превзойдти не можетъ; но ему предоставляется понижать, по усмотрѣнію своему, тарифныя платы на всѣ или только на нѣкоторые изъ перевозимыхъ предметовъ, на всемъ протяженіи каждой изъ линій, или только на одномъ, либо нѣсколькихъ участкахъ оныхъ, такимъ, напримѣръ, образомъ, чтобы поперстная провозная плата уменьшалась, при увеличеніи дальности перевозки, и чтобы она согласовалась съ родомъ перевозимыхъ товаровъ и случайными для перевозки ихъ удобствами. Тарифъ, единожды пониженный, можетъ быть снова возвышенъ въ границахъ установленнаго предѣла, но не прежде, какъ чрезъ три мѣсяца послѣ пониженія и по предварительной за мѣсяцъ публикаціи о такомъ повышеніи тарифа. Въ случаѣ, если бы Общество сдѣлало кому-либо изъ отправителей или подрядчиковъ транспортныхъ уступку въ тарифѣ, на особыхъ условіяхъ, то оно обязано предоставить такую же уступку всѣмъ прочимъ отправителямъ и подрядчикамъ, которые примутъ тѣ самыя условія, такъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не было личнаго исключительнаго преимущества. Во всѣхъ случаяхъ, кромѣ только тѣхъ, гдѣ заключены Обществомъ особыя условія, основанныя на уменьшеніи предѣльнаго тарифа или на другихъ льготахъ, торговлѣ предоставленныхъ, отправка товаровъ должна производиться по очереди сдачи ихъ на станціяхъ отправленія.—§ 13. Военные и флотскіе чины, отправляемые отдѣльно или командами, платятъ только четвертую часть узаконеннаго предѣльнаго тарифа. За лошадей же, обозъ, аммуницію, артиллерию и прочія военные принадлежности означенныхъ отрядовъ, взимается половина платы, предѣльнымъ тарифомъ постановленной.—§ 14. Общество обязано перевозить бесплатно, въ каждомъ изъ обыкновенныхъ пассажирскихъ поѣздовъ, почтовую корреспонденцію и нужныхъ для сопровожденія оной чиновъ. Для этого оно, по требованію Почтоваго Вѣдомства, удѣляетъ въ каждомъ пассажирскомъ поѣздѣ особое отдѣленіе вагона, длиною внутри въ полторы сажени. Независимо отъ сего Управление Почтовое можетъ, для ускоренія перевозки почты, требовать отъ Общества, но за нижеозначенную плату, ежедневную, по всякому направленію, отправку особаго поѣзда съ усиленною скоростью, впрочемъ не превосходящей той, которая постановлена § 12 для экстренныхъ поѣздовъ. Часы отхода, равно порядокъ слѣдованія и остановокъ сихъ особыхъ почтовыхъ поѣздовъ имѣютъ быть опредѣлены Главнуправляющимъ Путиами Сообщенія и Публичными Зданіями, по разсмотрѣніи мнѣнія Общества. Въ поѣздахъ этихъ Управление Почтовое можетъ помѣщать особыя свои вагоны, приспособленные къ перевозкамъ почтовымъ, на счетъ его построенные и содержимые. За вышеозначенные особыя почтовые поѣзды уплачивается Обществу по тридцати (30) коп. сер. съ каждой пройденной ими версты; если же Почтовому Управленію требуется больше одного почтоваго вагона въ поѣздѣ, то за каждый послѣдующій вагонъ платится не свыше пятнадцати (15) коп. сер. съ версты. Обще-

ству предоставляется помѣщать въ сихъ почтовыхъ поѣздахъ вагоны разныхъ классовъ для перевозки пассажировъ и товаровъ. Назначеніе особыхъ почтовыхъ поѣздовъ, равно измѣненіе часовъ ихъ отхода, порядка слѣдованія и остановокъ, тогда только обязательно для Общества; когда оно получить письменное о томъ предвареніе за пятнадцать дней. Если однако Почтовое Управленіе потребуетъ, независимо отъ определенныхъ отправокъ, наряда экстреннаго поѣзда днемъ или ночью, то требованіе это должно быть исполнено не далѣе шести часовъ съ полученія извѣщенія, съ должнымъ однако при семъ соблюденіемъ постановленій о безопасности движенія. За экстренные поѣзды сіи Почтовое Управленіе уплачиваетъ во одному рублю пятидесяти копѣекъ (1 руб. 50 к.) серебромъ съ версты пройденнаго разстоянія. На тѣхъ станціяхъ, гдѣ потребуются учредить Почтовое Отдѣленіе, Общество имѣетъ отвести для сего комнату или приличное помѣщеніе безвозмездно, въ зданіяхъ, ему принадлежащихъ.—§ 15. Обществу предоставляется право устроить, на свой счетъ, всѣ приборы, столбы и проводники для телеграфнаго сообщенія, собственно ему нужные, и употреблять сей телеграфъ подъ надзоромъ старшихъ чиновъ Телеграфнаго Управленія съ тѣмъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не передавать депешъ частныхъ и другихъ, къ потребностямъ желѣзной дороги не относящихся. Въ случаѣ, еслибы Правительство признало нужнымъ устроить телеграфную линію вдоль разрѣшенныхъ Обществу желѣзныхъ дорогъ, то оно въ правѣ провести собственные проводники по телеграфнымъ столбамъ Общества.—§ 16. Никакой участокъ разрѣшенныхъ симъ Положеніемъ желѣзныхъ дорогъ не можетъ быть открытъ для движенія иначе какъ послѣ свидѣтельствванія, имѣющаго двоякую цѣль: удостовѣрить съ одной стороны, что всѣ работы исполнены согласно утвержденнымъ проектамъ, а съ другой, что движеніе можетъ быть допущено совершенно безопасно.—§ 17. Обществу предоставляется выбирать служащихъ своихъ всякаго рода, по собственному усмотрѣнію въ Россіи или за границую. Назначеніе однакожъ высшихъ должностныхъ лицъ должно имѣть предварительное одобреніе Правительства, которому Общество обязано также представлять общій списокъ всѣхъ своихъ служащихъ. Одобреніе Правительства равно необходимо, для всякой мѣры, важной своими послѣдствіями для края, или по своему вліянію на принятое Правительствомъ ручательство, какъ-то: отчужденіе или отдача на аренду части разрѣшенныхъ дорогъ, увеличеніе капитала Общества, назначеніе директоровъ, совершеніе займовъ сверхъ допускаемыхъ уставомъ для образованія первоначальнаго капитала.—§ 18. Общество, въ продолженіе срока, для постройки дорогъ опредѣленнаго, освобождается отъ всѣхъ таможенныхъ и другихъ пошлинъ на рельсы и принадлежности пути, какъ-то: поворотные круги, переводныя стрѣлки, машины и снаряды водопитательные, паровозы, тендеры, кареты, вагоны, оси, колеса, рессоры, желѣзныя вагонныя принадлежности, рабочія машины, инструменты и приборы, нужные для мастерскихъ, гдѣ должны исправляться паровозы и вагоны, на сырые матеріалы и издѣлія для постройки подвижнаго состава нужные, краны подъемные, и другія подвижныя рабочія принадлежности станцій. Все сіе допускается безпошлинно въ мѣрѣ, признанной Главнымъ Управленіемъ Путей Сообщенія необходимою для устройства и первоначальнаго дѣйствія разрѣшенныхъ желѣз-

ныхъ дорогъ.—§ 19. Между Главнымъ Управленіемъ Путей Сообщенія и Обществомъ имѣеть быть заключенъ договоръ, для установленія взаимныхъ отношеній С.-Петербургско-Московско-Николаевской Желѣзной Дороги и разрѣшенныхъ Обществу желѣзныхъ дорогъ. Цѣль этого договора: 1) Определить на время, назначенное для отстройки разрѣшенныхъ Обществу дорогъ, цѣну на перевозку предметовъ, поименованныхъ въ § 18 и необходимыхъ для устройства сихъ дорогъ, и подвижнаго ихъ состава,—въ такомъ размѣрѣ, чтобы провозная плата не превышала собственныхъ расходовъ казны. 2) Установить тарифы по возможности общіе и однообразные какъ для товаровъ, отправляемыхъ въ С.-Петербургъ съ ливій, разрѣшенныхъ Обществу, такъ и обратно. 3) Определить наемную плату за вагоны, переходящіе какъ на Николаевскую дорогу, такъ и на ливіи Общества.—§ 20. Учредители пользуются, при сооруженіи разрѣшенныхъ имъ желѣзныхъ дорогъ, всѣми правами, государственными работамъ присвоенными, въ томъ числѣ и правомъ законнаго отчужденія и занятія частныхъ земель и зданій, необходимыхъ для устройства сихъ дорогъ; казенныя же пустопорожня земли, подъ дороги тѣ отходящія, будутъ уступлены Обществу безвозмездно.—§ 21. Обществу предоставляется право, при должномъ соблюденіи законовъ и постановленій государственныхъ: 1) Приобрѣтать ненаселенныя земли: для ихъ обрабатыванія, для устройства усадьбъ, постройки зданій и другаго полезнаго употребленія. 2) Устраивать, съ особаго разрѣшенія Правительства и на условіяхъ, имъ опредѣленныхъ, грунтовыя и другія дороги, вспомогательныя пути желѣзные или деревянныя, каналы, доки, пристани и другія подобныя устройства для удобнѣйшаго сообщенія станцій желѣзныхъ дорогъ съ окружающими мѣстностями. 3) Учреждать собственныя перевозки грузовъ по рѣкамъ и по морю, или входить въ договоры съ существующими уже подобнаго рода предпріятіями. 4) Учреждать производства: рудничныя, заводскія, лѣсныя, каменноломныя и другія подобныя.—§ 22. Земли, капиталы и доходы желѣзныхъ дорогъ, разрѣшенныхъ Обществу, освобождаются отъ всякаго налога, кромѣ общихъ сборовъ съ недвижимыхъ имуществъ. Общество освобождается также отъ всякихъ гербовыхъ и крѣпостныхъ пошлинъ, по всѣмъ сдѣлкамъ, относящимся до образованія его, до настоящаго на устройство желѣзныхъ дорогъ дозволенія, до выпуска акцій или облигацій и до сбора посредствомъ сихъ выпусковъ общественнаго капитала, но не далѣе.—§ 23. Общество подвѣдомо непосредственно Главному Управленію Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, на которое возлагается особый надзоръ за дѣйствіями и служащими оного. Для надзора сего будутъ назначены особые отъ Правительства и на иждивеніи его чиновники, которые, не вмѣшиваясь вовсе въ распоряженія Общества, имѣютъ однако право требовать полныхъ объ оныхъ свѣдѣніяхъ, присутствовать въ общихъ собраніяхъ Общества, наблюдать за точнымъ исполненіемъ законовъ и постановленій правительственныхъ какъ со стороны Общества, такъ и со стороны тѣхъ, съ которыми оно въ сношеніи, и быть между Правительствомъ и Обществомъ посредниками для облегченія и упрощенія взаимныхъ отношеній. Никакая пеня или взысканіе не можетъ быть наложено на Общество или его служащихъ иначе, какъ надлежащею властью на основаніи законовъ Россійскихъ. Отвѣтственность за дѣйствія или упущенія

на желѣзныхъ дорогахъ по ихъ управленію или движенію можетъ падать только на служащихъ Общества, но ни въ какомъ случаѣ на членовъ Совѣта Управленія онаго. Отвѣтственность по искамъ гражданскимъ можетъ быть отнесена къ Обществу только въ совокупномъ его составѣ, а не лично къ членамъ Совѣта Управленія или акціонерамъ. Впрочемъ за личныя дѣйствія каждый членъ Общества подлежитъ отвѣтственности по общимъ законамъ. — § 24. Въ случаѣ неудовольствія Общества на Главное Управленіе Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, дѣло вносится въ Комитетъ Министровъ, и по разсмотрѣніи онымъ въ мѣсячный срокъ, представляется на окончательное разрѣшеніе Государя Императора. — § 25. Обществу предоставляется, съ особаго разрѣшенія Правительства, присоединять къ настоящему предпріятію своему, чрезъ покупку, уступку или иные способы, другія желѣзныя дороги, въ полномъ ихъ составѣ, либо частями, какъ уже устроенныя, или разрѣшенныя, такъ и могущія получить таковое разрѣшеніе въ послѣдствіи. — § 26. Общество имѣетъ образоваться на правилахъ товарищества по участкамъ (компанія на акціяхъ) согласно особому для него Уставу, подносимому съ симъ вмѣстѣ на Высочайшее утвержденіе. — § 27. Въ случаѣ, если учредители или Общество, ихъ замѣняющее, не исполнятъ или не окончатъ въ назначенные для того сроки работъ, на нихъ возложенныхъ, или не выполнятъ прочихъ обязанностей, настоящимъ Положеніемъ на нихъ налагаемыхъ, то, за исключеніемъ особенно важныхъ случаевъ, какъ-то: войны, блокады и другихъ общественныхъ бѣдствій, они подвергаются взысканію, какъ ниже изложено. По истеченіи шести мѣсяцевъ со дня перваго объявленія Обществу Главноуправляющимъ Пути Сообщенія и Публичными Зданіями о неисполненіи Обществомъ условій, сдѣлано будетъ ему вторичное предостереженіе, и если, по истеченіи новаго шестимѣсячнаго срока, требованія Правительства не будутъ удовлетворены, то право на обезпеченіе 5%, опредѣленное § 6-мъ настоящаго Положенія, ограничится собственно тѣми изъ четырехъ главныхъ линій, въ означенномъ § 6-мъ поименованныхъ, которыя будутъ окончены въ опредѣленные сроки, и которыя во всякомъ случаѣ останутся въ распоряженіи Общества. За тѣми по линіямъ не оконченными Правительство вступаетъ во владѣніе всѣми приобретенными подъ дорогу землями, построенными зданіями, матеріялами, для окончанія линій заготовленными, и даже отдѣленіями оныхъ, уже оконченными и въ дѣйствіе пущенными. Но съ тѣми вмѣстѣ оно обязывается обратить каждую неоконченную линію отдѣльно въ продажу съ торговъ на точномъ основаніи всѣхъ условій настоящаго Положенія, и за тѣми предоставить въ полное Общество вознагражденіе выборъ или полученія всей суммы, на торгахъ состоявшейся, или же полученія отъ Правительства, въ теченіе срока, опредѣленнаго § 5-мъ, по пяти процентовъ на суммы, обезпеченныя Правительствомъ по оконченіи Обществомъ отдѣленій. Проценты эти Правительство имѣетъ уплачивать Обществу и въ такомъ случаѣ, еслибы къ торгамъ не явилось покупателей.

Подписали: Главноуправляющій Пути Сообщенія и Публичными Зданіями, Генералъ-Адъютантъ *Чевкинъ*. Министръ Финансовъ, Статсъ-Секретарь *П. Брокъ*. Именемъ и по довѣренности всѣхъ учредителей, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Баронъ Александръ *Штилицъ*.

С М Ъ С Ъ.

БЫТЬ РЫБАКОВЪ НА ЧУДСКОМЪ ОЗЕРЪ.

Страна, прилегающая къ Чудскому озеру, составляетъ, вообще говоря, плоскую однообразную мѣстность; только вливающіяся въ него воды, въ томъ числѣ особенно русло рѣки Великой, образуютъ высокіе берега, но и эти возвышенія исчезаютъ при устьяхъ, гдѣ рѣки всюду разширяются, пробиваясь медленно сквозь болотистыя, обросшія тростникомъ, равнины. Въ самомъ озерѣ, далеко отъ береговъ, иногда на разстояніи пяти верстъ, простирается мелководье; даже въ серединѣ его, по сказаніямъ рыболововъ, глубина не превосходитъ 7 сажень.

При всемъ томъ, на побережьяхъ есть мѣста, не лишенныя живописности: мы относимъ сюда въ особенности входъ въ устье рѣки Великой. Для подѣзжающаго къ нему озеромъ замѣтны издалика береговья возвышенія, обросшія лѣсомъ; пласты песчаника и гипса, начиная съ устья, круто поднимаются надъ поверхностію водъ; сквозь темнѣющія полосы лѣса то и дѣло просвѣчиваютъ бѣлыя, каменные села и церкви съ куполами, какъ бы окаймляющія темноглубую ленту рѣки: все это исподоволь выступаетъ изъ мглы и раскидывается наконецъ передъ глазами проѣзжаго прекраснымъ ландшафтомъ. Но подобныхъ мѣстностей весьма немного на Пейпусѣ; песчаные островки, обросшіе хвойникомъ, разбросанныя понизженнымъ берегамъ кучи огромныхъ валуновъ, лѣсистые или болотистые края, покрытые необозримыми тростниками, за ними широкая синяя даль озера — вотъ почти повсюдная обстановка видовъ Пейпуса, безотрадное однообразіе которыхъ перемежается мѣстами рыболовною деревушкой, стелющеюся на краю бухты, на острову или близъ устья рѣки.

Народное мнѣніе не безъ основанія считаетъ рыболововъ за людей хотя особеннаго, но между собою сходнаго покроя, говоря, что рыбакъ рыбака видитъ издалика. Дѣйствительно, и въ рыболовахъ на Пейпусѣ, несмотря на рѣзкія отличія двухъ, чуждыхъ другъ другу, народностей, къ которымъ они принадлежатъ, замѣтно не мало чертъ общихъ, очевидно истекающихъ изъ самаго промысла и повторяющихся, вѣроятно, въ рыболовахъ всего свѣта. Походка и движенія рыбака болѣе или менѣе тяжелы, можно сказать—лѣнны; на него не скоро подѣйствуетъ какое-либо необыкновенное происшествіе вѣншей жизни, и равновѣсіе умственнаго и душевнаго его настроенія не легко поколеблется, ни злополучіемъ, ни особеннымъ какимъ-либо счастіемъ. Останется навсегда трудною задачей, примѣтить въ лицѣ

рыбака, наполнилась ли ладья его цѣнною рыбой, или подвергалъ онъ жизнь свою опасностямъ волнъ понапрасну и безъ всякой пользы. Между тѣмъ, когда на озерѣ поднялась буря, и валы то и дѣло грозятъ гибелью его «семеркѣ» (1), онъ оживаетъ, всѣ душевныя силы его какъ бы растутъ и развиваются, онъ дѣлается совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Впрочемъ, лишь только опасность миновалась, опять впадаетъ онъ въ обыкновенную свою безчувственность. Естественно послѣ этого, что рыбакъ терпѣливо сноситъ всякія лишнія трудженнической своей жизни. Не чувствуя почти никакой потребности въ домашнемъ comfortѣ, ни особаго влеченія къ опрятности, онъ рѣдко хлопочетъ объ улучшеніи быта своего житейскими удобствами, даже не скоро помышляетъ о томъ, чтобы составить себѣ и семейству беззаботную будущность. Онъ истинный сынъ настоящей минуты: вся жизнь его — рядъ мгновеній, изъ коихъ каждое имѣетъ свой удѣлъ блаженства и заботъ. Видя во влажной стихіи неисчерпаемый источникъ благополучія, не горюетъ онъ, если источникъ этотъ сегодня изсякъ: авось, завтра дастъ онъ ему добычу обильнѣе всѣхъ пружинъ. На ненастье и непогоду обращаетъ мало вниманія: въ высокихъ сапогахъ своихъ, въ своемъ передникѣ и задникѣ, въ рукавицахъ и кожаной шапкѣ не боится онъ бурь и дождей и не думалъ бы унывать, еслибъ даже солнце исчезло съ неба, лишь бы только осталось довольно свѣта, чтобы продолжать ловлю. Озеро — поприще его трудовъ, предметъ его надеждъ и желаній съ дѣтства по гробъ. Имъ любитъ молодѣтокъ, угадывая въ немъ будущее свое подвизалище, а старикъ смотритъ на него съ умиленіемъ какъ на сокровищницу воспоминаній поблекшей своей молодости: первый съ нетерпѣніемъ ждетъ той поры, когда онъ, въ первый разъ, на челнѣ пустится въ озеро, а послѣдній, если заговоритъ о недугахъ старости, то начнетъ лишь съ того времени, когда пересталъ заниматься своимъ промысломъ.

По величинѣ своей, Чудское озеро, ни въ цѣломъ объемѣ своемъ, ни отдѣльными частями, не составляетъ частной собственности, такъ что и ловля въ немъ рыбы не стѣснена никакими ограниченіями, исключая развѣ существующее на лифляндской сторонѣ постановленіе, по которому право на ловлю, на трехъ-верстномъ отъ берега разстояніи, принадлежитъ береговому владѣльцу. Вслѣдствіе такой полной свободы, рыболовы собственно за промыселъ оброковъ не платятъ, а облагаются платежемъ денегъ или взносомъ продуктовъ только за отведенныя имъ помѣщиками или казною земли и угодыя (2). Такъ, на дерптскомъ побережьи, гдѣ вообще въ дѣйствіи лифляндская поземельная оцѣнка, въ оброчныхъ съ помѣщиками и казною

(1) Лодочка о семи доскахъ.

(2) Случаи платежа оброка за производство ловли встрѣчаются весьма рѣдко и въ видѣ исключеній изъ общаго правила.

контрактахъ даже вовсе не упоминается о рыбной ловлѣ. Контракты эти на земли казенныя, по принятымъ въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ правиламъ, заключаются съ цѣлымъ миромъ на шесть лѣтъ, и при этомъ за талеръ поземельной цѣнности взимается обыкновенно по 3 руб. сер., почему, напримѣръ, деревня съ угодыми въ 80 талеровъ, то-есть одинъ полный лифляндскій «гакъ», платитъ въ казну годового оброка 240 руб. сер., не считая общественныхъ и земскихъ повинностей, также соразмѣряемыхъ съ талерною цѣнностію (1). Пашенной земли какъ при казенныхъ, такъ и при частныхъ рыболовныхъ селеніяхъ весьма мало: все время рыбака обращено на ловлю, которая доставляетъ ему полную возможность запастись хлѣбомъ у сосѣда-земледѣльца. Только для разведенія конопли, лука, капусты и немногихъ другихъ овощей нуждается онъ въ огородахъ, и для корма лошадей и рогатаго скота — въ пастбищахъ и сѣнокосахъ. Въ расположенныхъ на частной землѣ деревняхъ оброки стоятъ вообще нѣсколько выше, отъ 3 до 5 руб. за талеръ, и контракты заключаются не съ миромъ, а съ отдельными домохозяевами либо безсрочно, либо на сроки болѣе продолжительныя. Барщинныхъ повинностей, на лифляндской сторонѣ, нѣтъ; онѣ встрѣчаются, впрочемъ, на прибрежьяхъ другихъ, примыкающихъ къ Пейпусу губерній, гдѣ рыболовное населеніе дѣлится всюду на два главныхъ отдѣла: помѣщичьихъ или «*барскихъ*» и «*вольныхъ*» или государственныхъ крестьянъ, тогда какъ на дерптскомъ берегу русскіе рыболовы къ сословию крестьянъ вовсе не принадлежатъ, а числятся записанными при разныхъ городскихъ обществахъ.

При всемъ многообразіи оброчныхъ отношеній и личныхъ правъ рыболововъ, образъ быта ихъ имѣетъ общій, по условіямъ промысла, характеръ, рѣзкіе оттѣнки котораго проявляются только въ отличительныхъ чертахъ двухъ господствующихъ народностей, русской и ливонской. Въ Русскихъ мы открываемъ вообще всѣ, болѣе или менѣе извѣстныя физическія и нравственныя качества жителей великорусскихъ губерній: тѣлосложеніе у нихъ крѣпкое, расположенное у женщинъ къ тучности, физиономія мало выразительная, волосы и бороды русые; смысленность и догадливость, постоянство нрава и умѣренность въ требованіяхъ, быстрая рѣшимость и несокрушимое упованіе на «авось», — все это находитъ себѣ богатое примѣненіе къ рыболовному дѣлу. Живутъ обыкновенно цѣлыми семействами съ общимъ имуществомъ и хозяйствомъ, изъ котораго выдѣлы бывають не часто. Если у отца семейства есть много сыновей, то хотя и случаются раздѣлы, но не иначе какъ съ устройствомъ или покупкою

(1) Талеръ (Thaler) — отвлеченная единица, которыхъ 80 составляютъ одинъ лифляндскій «гакъ» (Haken). О значеніи остзейскихъ «гаконъ» мы представили объясненіе въ Ж. М. В. Д. 1853 г. ч. XLI, кн. 3.

для отдѣляющагося сына на деньги отца особаго дома и съ надѣломъ его снарядами, лошадьми и всѣмъ нужнымъ для самостоятельнаго промысла. Впрочемъ, и въ этихъ случаяхъ, по два или по три сына, въ томъ числѣ и женатые, всегда остаются при отцѣ, который, не рѣдко управляетъ семьею, состоящею изъ десяти и даже болѣе душъ. Дочери, при замужествѣ, вообще удаляются отъ семейства, но если въ послѣднемъ есть одна только дочь, то мужъ ея обыкновенно присоединяется къ семьѣ своего тестя. Въ этомъ случаѣ, какъ и вообще при совмѣстномъ проживаніи взрослыхъ членовъ семействъ подъ начальствомъ старшаго въ родѣ, никакого дѣлажа снастей, лошадей, скота и проч. не бываетъ, а все имущество считается общимъ и находится подъ надзоромъ и распоряженіемъ главы семейства, повиновеніе которому сохраняется ненарушимо. Относительно заработной платы существуетъ двоякій порядокъ: если ловля производится дружиной, что бываетъ преимущественно зимой, то кромѣ известной части выручки, работнику—тяглицу или коневнику ничего отъ хозяина не достается. Если же работники прямо нанимаются изъ жалованья, то получаютъ за круглый годъ сверхъ одежды и пищи отъ 20 до 40 р. сер., а за лѣто и осень отъ 15 до 30 р., при чемъ также пища и рабочая одежда отпускается отъ хозяина. Впрочемъ, въ лѣтнюю пору, вслѣдствіе общаго оскуденія рыбнаго промысла, значительная часть ловцовъ — известные на Пейпусѣ « бурлаки » — по свойственной русскому человѣку способности къ ремесламъ, отправляются на заработки каменщиками, плотниками, печниками и кирпичниками въ разныя, отчасти весьма отдаленныя мѣста Остзейскаго края и въ С.-Петербургъ, оставляя въ родной деревнѣ семейство либо у хозяина, либо въ собственной избушкѣ.

Вообще жизнь ведутъ мирную: споры хозяевъ между собою и съ работниками весьма рѣдки, жалобъ почти никогда не бываетъ. Если работникъ въ жерникѣ—хозяинѣ замѣтитъ пристрастіе, корысть, скрываніе денегъ и тому подобное, то не обращаясь къ суду, наговоритъ ему нѣсколько крупныхъ словъ и отойдетъ къ другому. Женщины въ ловлѣ не участвуютъ, развѣ только у самыхъ незажиточныхъ, и то при одномъ осеннемъ промыслѣ; кромѣ внутренняго хозяйства вокругъ печи, занимаются онѣ только пряжей да шитьемъ, помогаютъ при сушкѣ и вяленіи рыбы и ухаживаютъ за домашнимъ скотомъ и птицею. Въ нарядахъ и жилищахъ ловцовъ видны также характеристическія черты домашняго быта великорусскаго крестьянина, и вѣковая ихъ смежность и чрезполосность съ финскимъ племенемъ не имѣла, въ этомъ отношеніи, замѣтнаго вліянія: рубахи съ косымъ воротникомъ, порты широкіе, запущенные въ сапоги, узенькій поясъ подъ брюхомъ, армякъ, или, зимою, тулупъ, мѣховая шапка, лѣтомъ шляпа круглая, но съ полями нѣсколько пошире обыкновенныхъ; у женщинъ: сарафанъ, душегрѣйка, передникъ, на головѣ платокъ съ завязанными впереди кон-

чинами (дѣвушки, впрочемъ, головы не покрываютъ), зимою коротенькая шубка. Также и жилища представляютъ черты болѣе или мѣнѣе извѣстныя; избы бревенчатыя съ сѣнами, подпольемъ и крыльцомъ, иногда курныя, но часто и съ трубами, «красныя» окошки, кровли съ «князькомъ», обыкновенно соломенные, выдвинутыя надъ щипцомъ на улицу въ родѣ навѣса, крытые ворота, а на дворѣ амбары, хлѣвы и сарай также бревенчатые. Избы, назначенныя собственно для рыболовныхъ дружинъ, строятся у болѣе замѣтныхъ жерниковъ Псковскаго озера отдѣльно отъ хозяйскихъ. Онѣ болѣею частію бывають «черныя», съ печью безъ трубы, лавками вокругъ стѣнъ, столомъ и кроватью; свѣтъ входитъ въ нихъ черезъ два маленькія окошка со стеклами. Тутъ вся дружина съ жерникомъ, окончивъ дневную работу, собирается ужинать и спать вмѣстѣ; «комора» готовитъ кушанье въ печи и потомъ самъ участвуетъ въ ѣдѣ. Ъдутъ-же болѣею частію уху изъ наловленной свѣжей рыбы, и потомъ рыбу особо; уху похлебываютъ по шести человекъ вмѣстѣ изъ деревянной выкрашенной чаши деревянными же ложками; рыбу кладутъ въ ротъ пальцами. Объ особомъ родѣ домиковъ для ловецкихъ дружинъ, встрѣчающемся исключительно на большомъ отдѣлѣ озера, собственно такъ-называемомъ Чудскомъ, мы упоминали прежде. Это извѣстныя при зимнемъ ловѣ «лубы», или лубяныя избушки. Онѣ четыре-угольныя, имѣють слишкомъ 1 сажень въ каждой сторонѣ квадрата, не выше роста человека, сплочены изъ лубовъ и крытыя лубяною же покрывкой, съ низенькою дверью и окошечкомъ, безъ пола. При отъѣздѣ отъ берега ставятъ лубы на полозья и отвозятъ въ озеро верстъ на двадцать на пять, гдѣ, снявъ съ полозьевъ, разстаканавливаютъ рядкомъ, на разстояніи около 3 сажней одну отъ другой; въ промежутки ставятъ лошадей, сани и снаряды. Внутри лубы выстилають голый ледъ соломою и въ середину кладутъ нѣсколько кирпичей или битый котель для разведенія огня; дымъ проходитъ въ двери. Противъ лифляндскаго ряда лубій, которыхъ наберется до ста и болѣе, ставится на разстояніи $\frac{3}{4}$ версты гдовскій рядъ, съ восточнаго берега, такъ что оба ряда составляютъ родъ широкой улицы. На ночь въ каждую лубью собирается спать до 20 человекъ; она, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ кладовою для ловцовъ, пока они, въ субботу, не воротятся къ берегу. Лубы же остаются на мѣстѣ всю зиму, и свозятся на берегъ лишь по окончаніи зимняго лова.

У работниковъ дружины бываетъ свой хлѣбъ сухой; соль получаютъ отъ жерника-хозяина и кромѣ того иногда щи и кашу, за что на долю послѣдняго, при дѣлежахъ, отчисляется особая дача. Въ домахъ хозяйскихъ составъ пици тотъ же: рыба, кашица, картофель, лукъ и черный ржаной хлѣбъ всюду составляютъ ея основаніе. Пьютъ одну воду; но у хозяина въ домѣ водится и квасъ, у замѣтнаго даже чай съ сахаромъ, хотя рѣдко и лишь въ праздничные дни или при особыхъ случаяхъ. Въ послѣднее время замѣтно распространилось ме-

жду рыбаками куреніе табаку, который, не болѣе какъ двадцать лѣтъ тому, почти вовсе не былъ между ними въ употребленіи. Съ распространеніемъ этого обычая, у сосѣдовъ—Эстонцевъ развилась особаго рода промышленность: точеніе деревянныхъ трубокъ съ коротенькими чубуками, свозимыхъ ими въ Печоры, Верро и другіе города на продажу. Хотя, съ нѣкоторыхъ поръ, благодаря стараніямъ мѣстнаго духовенства, по деревнямъ устроены школы, но, вообще, должно признаться, что грамотность у ловцовъ находится еще на весьма низкой степени. Замѣчательно, что и къ музыкѣ въ нихъ обнаруживается какъ бы менѣе склонности, нежели должно бѣ было предполагать по общему въ великорусскомъ племени развитію музыкальности: знаютъ и любятъ всего болѣе такъ-называемую «гармонію»; рѣдко встрѣчаются балабайки, гусли или скрипки. Бывшія прежде въ употребленіи на свадьбахъ волынки также вывелись: довольствуются и тутъ «гармоніями».

Обращаясь къ рыболовамъ финскаго племени на Чудскомъ озерѣ, ощущаемъ интересъ противоположный тому, который открываемъ въ Русскихъ. Тогда какъ послѣдніе, вслѣдствіе счастливыхъ природныхъ качествъ своихъ, представляютъ собою картину быстро растущаго и постоянно расширяющаго свои предѣлы населенія, Эсты, наоборотъ, вообще мало способные къ ремесламъ и къ рыбному дѣлу въ особенности, исподоволь уступаютъ завѣтную почву свою, удаляясь внутрь края, или, послѣ вѣковой и настойчивой борьбы обѣихъ народностей, совсѣмъ сливаются съ Русскими. Давно уже «чуждою» названіе озера, относительно южнаго его отдѣла сдѣлалось неупотребительнымъ: теперь вездѣ извѣстенъ онъ въ народѣ подъ именемъ *Талапскаго* или *Псковскаго* (1). Не далѣе какъ въ XVIII столѣтіи переселенцы изъ Русскихъ начали являться на западную сторону озера, а теперь, въ двадцати восьми приозерныхъ деревняхъ Дерптскаго края (2), русское населеніе къ эстонскому содержится какъ 3:1; изданная г. Кеппенемъ этнографическая карта Россіи, вскорѣ послѣ ея изданія, найдена въ отношеніи къ окрестностямъ Пейпуса не вѣрною г. академикомъ Беромъ, который весьма справедливо считаетъ въ основаніи русскимъ народонаселеніе всѣхъ вообще береговъ озера. Во всякомъ случаѣ однакожь обрусѣніе идетъ неровно, съ застоями: такъ переходъ Русскихъ на западный берегъ, съ начала нынѣшняго столѣтія, сталъ замѣтно ослабѣвать и теперь почти совсѣмъ прекратился. Въ мѣстахъ же, давно окруженныхъ со всѣхъ сторонъ русскимъ населеніемъ, Эсты, особенно женскій полъ, весьма

(1) Не то было во времена Герберштейна. Онъ говоритъ (ed. Francof. a 1600 in fol. pag. 56). «Эта рѣка (Пскова) впадаетъ въ озеро, которое Русскіе называютъ Чудскимъ» (lacum, quem Rutheni *Pzutzko* vocant.)

(2) Въ нихъ считается Русскихъ 6400, Эстовъ 2000 человекъ обою пола.

устойчиво сохраняютъ свой языкъ и свою народность въ замѣчательной чистотѣ.

Въ доказательство сего представимъ по возможности близкое описаніе *женскаго праздничнаго наряда*, изъ приозерныхъ деревень Псковскаго уѣзда; въ немъ конечно видно нѣкоторо евліаніе сосѣдства Русскихъ, несмотря на преобладающій эстонскій его характеръ.

Голову Эстонки накрываетъ родъ длиннаго, вышитаго по краямъ красными нитками, полотнища изъ бѣлаго холста (linnik), концы котораго, обшитыя красною и бѣлою бахромой, спадаютъ сзади до пятъ и прикрѣпляются къ талии особою узкою шерстяною тесемкой (linnikeude), а къ головѣ красною же шерстяною или шелковою лентой. На шеѣ носятъ нитки съ серебряными привѣсками, въ томъ числѣ кромѣ рублевыхъ монетъ пластинки въ формѣ листьевъ (lebbe), которыхъ бываетъ отъ трехъ до девяти. Рубаха бѣлая холстинная застегивается на груди огромною эстонскою застежкой (selg), имѣетъ непомятой длины рукава, вышитыя на узкихъ запястьяхъ бѣлыми нитками и съ трудомъ надѣваемые на руки. На верхней части рукавовъ бывають широкія красныя бумажныя, вышитыя нитками, полосы, отъ которыхъ идутъ нѣсколько красныхъ же затканныхъ полосокъ вверхъ черезъ плечо и затылокъ. Грудная часть и спинка рубахи дѣлаются изъ толстаго двойнаго, а рукава и нижняя часть отъ талии до пятъ—изъ простаго холста. Надъ рубахой носятъ синій холщевый сарафанъ (sarafan) съ прорѣхой на груди, обшитою съ обѣихъ сторонъ цвѣтными шерстяными тесемками (krusewa) и застегиваемой на мѣдныя или бронзовыя пуговицы (rugowitz); иногда тесемки съ пуговицами продолжаютъ для нарядности до самаго нижняго края сарафана. Рукавныя проймы его вышиваются по краямъ красными нитками, а съ задней, налегающей на лопатки, части ихъ спадаютъ длинныя до пятъ, шириною не болѣе вершка, двойныя, вышитыя на концахъ краснымъ гарусомъ (karus) полосы одной съ сарафаномъ матеріи, называемыя рукавами (sarafani-käusse) и продѣваемыя съ обѣихъ сторонъ сквозь поясъ. Сарафанъ на шейной проймѣ и нижнемъ краю обшитъ узкою бумажною лентой, обыкновенно оранжеваго цвѣта (kõllanelint), а въ талии, подъ персями, опоясывается, длиною въ 5 аршинъ и болѣе, гарусною тесьмой съ кистями на концахъ, по нѣсколько разъ обвязываемой вокругъ талии, но такъ, чтобы кисти висѣли спереди. Съ обѣихъ сторонъ пояса втыкаютъ по платку, съ одной стороны цвѣтный (kirgîw-gät), съ другой бѣлый, вышитый красными нитками (su-gät, ротовой); но оба платка не имѣютъ другой цѣли кромѣ нарядности. На ноги, кромѣ чулковъ, туго навиваютъ отъ лодыжекъ поверхъ икоръ шерстяныя черныя, длиною въ 2¹/₂ аршина, тесьмы (rask, plur. rásu) и обвитыя такимъ образомъ ноги называютъ «праздничными». Голова дѣвушки остается не покрытою. Волоса у нея заплетаются непременно въ одну косу (kossa), тогда какъ заплетаніе въ двѣ косы составляетъ принадлежность и признакъ

замужняго состоянія. На лбу, дѣвушки носятъ широкую, выложенную спутри бумагой или соломой, а спереди обшитую галуномъ, цвѣтную полосу или ленту (*lenta*), завязываемую назади тесемками съ кисточками, падающими на плечи (*lenta-hanna*, хвостъ ленты). Впрочемъ, это нарядная, праздничная одежда; при работѣ носятъ простую рубаху и простой холщевый сарафанъ безъ всякихъ украшеній.

Не трудно, въ названіяхъ *sárafan*, *krusewa*, *kaqus* и проч. да и въ такихъ обыкновеніяхъ, какъ напр. заплетаніе волосъ у дѣвицъ въ одну, а у женщинъ въ двѣ косы, найти вліяніе сосѣдства Русскихъ. Но, вообще, нельзя не признать, что характеръ описанной нами одежды истинно-финскій: оригинальность, даже причудливость формъ, крайній недостатокъ граціозности и практичности почти всѣхъ частей одежды, а также отсутствіе въ нихъ яркихъ щегольскихъ цвѣтовъ: все это вовсе не въ характерѣ русскаго наряда.

Относительно быта эстонскихъ рыбаковъ на Пейпусѣ, остается прибавить немного. Мужчины всюду подчинены вліянію Русскихъ. Такъ какъ они говорятъ и одѣваются большею частию по-русски, то ихъ даже трудно отличать. Естественно также, что въ образѣ отправленія рыбной ловли, въ снарядахъ и приемахъ промысла, перенятыхъ цѣликомъ у Русскихъ, нѣтъ никакихъ достойныхъ примѣчаній различій. Въ образѣ жизни, въ устройствѣ и обстановкѣ жилищъ, въ нравственныхъ качествахъ, обычаяхъ и повѣрьяхъ, наконецъ въ самомъ языкѣ, эстонская народность сохранилась вѣрнѣе: тутъ видны почти всѣ характеристическія черты, замѣчаемыя въ Эстѣ-крестьянинѣ (1), а нѣкоторыя изъ нихъ даже особенно развиты. Къ числу послѣднихъ должно именно отнести общую наклонность къ пѣснопѣнію и къ импровизации, цвѣтущей, можно сказать, у Эстовъ Псковскаго уѣзда.

А. ТИДЕБЕЛЬ.

ОБЪЯСНЕНІЕ ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗИИ ВЪ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСКАХЪ».

Въ № 1-мъ «Отечественныхъ Записокъ» за 1857 годъ помѣщена рецензія на мое сочиненіе: «О древней русской лѣтописи, какъ памятникъ литературномъ». Прежде всего я долженъ благодарить г. рецензента за вниманіе, оказанное моему труду, и за доброе слово о первой части, то-есть объ источникахъ лѣтописи Нестора. Но это доброе слово сказано какъ-будто мимоходомъ, вскользь, а все остальное и самый тонъ показываетъ, что рецензентъ недоволенъ моимъ изслѣдованіемъ, не давая ему значенія въ наукѣ.

(1) Очеркъ эстонскаго населенія въ остзейскомъ краѣ представленъ нами въ Ж. М. В. Д. ч. IV, 1854 года.

Рецензентъ находитъ страннымъ, что я положенія свои высказываю не голословно, а подтверждаю фактами—цитатами изъ лѣтописей. Онъ говоритъ: «Г. Сухомлиновъ на цѣлыхъ страницахъ доказываетъ положенія, для полнаго обезпеченія которыхъ достаточно было бы нѣсколько строкъ. У Нестора встрѣчаются краткія извѣстія изъ двухъ—трехъ словъ, говоритъ авторъ, и въ доказательство выписываетъ полстраницу изъ Нестора» (стр. 32). Но рецензентъ невѣрно передаетъ слова мои, и тѣмъ представляетъ ихъ въ ложномъ свѣтѣ. У меня сказано: «Отдѣльныя замѣтки изъ двухъ—трехъ словъ попадаютъ въ древнѣйшей части лѣтописи: послѣ извѣстія подъ 1058 годомъ встрѣчается только одно въ такой степени краткое. Но за то подъ иными годами всѣ извѣстія состоятъ изъ ряда краткихъ замѣтокъ» (стр. 125), и въ доказательство привожу замѣтки подъ 1105 г. и другими, позже 1058; слѣдовательно доказываю совершенно не то, что говоритъ рецензентъ. Обстоятельство, что замѣтки изъ двухъ—трехъ словъ прекращаются съ половины XI вѣка имѣетъ то значеніе, что указываетъ на источники лѣтописи—замѣтки, дѣлавшіяся до Нестора, который могъ вносить ихъ въ свою лѣтопись подобно тому, какъ Ламбертъ вносилъ въ свою замѣтки своихъ предшественниковъ. Здѣсь аналогія съ западнымъ лѣтописцемъ имѣетъ законное мѣсто. Съ половины XI вѣка любопытны именно *ряды замѣтокъ*, показывающіе постепенное приращеніе лѣтописи. Поэтому—то они приведены въ сочиненіи, цѣлю котораго разсмотрѣніе *состава* лѣтописи. Далѣе рецензентъ говоритъ: «Лѣтописецъ собираетъ свѣдѣнія о замѣчательныхъ лицахъ, упоминаетъ часто о ихъ смерти—опять выписка; за такими извѣстіями о смерти лицъ слѣдуютъ иногда отзывы о нихъ, знакомящіе съ ихъ качествами, и въ доказательство г. Сухомлиновъ переписываетъ изъ Нестора отзывы о князѣ Ростиславѣ, Изяславѣ, Ярополкѣ, Мстиславѣ» (стр. 33). Но вѣдь характеръ этихъ отзывовъ опредѣляется именно тѣмъ, что они являются вслѣдъ за извѣстіемъ о смерти. Отсюда происходитъ и мягкость ихъ, и указаніе преимущественно хорошихъ сторонъ въ упоминаемомъ чловѣкѣ, и отчасти однообразіе ихъ, какъ воспоминаній объ умершемъ братѣ. При всемъ томъ отзывы нашей лѣтописи не состоятъ изъ общихъ мѣстъ, а указываютъ особенности лицъ. Эти особенности, ускользя при простомъ чтеніи, открываются посредствомъ сличенія отзывовъ: вотъ почему мы и сопоставили отзывы лѣтописца о людяхъ, не сходныхъ между собою по характеру.

Въ доказательство безполезности моего сочиненія, рецензентъ выписываетъ, съ умышленными пропусками, нѣсколько мѣстъ изъ «заключенія». Но заключеніе является въ истинномъ свѣтѣ только по прочтеніи всего изслѣдованія, какъ общій выводъ изъ него. Въ заключеніи говорится, на примѣръ, что въ лѣтописи дѣлаемы были заимствованія изъ постороннихъ источниковъ, и эти слова получаютъ свое

настоящее значеніе только какъ выводъ изъ третьей главы моего изслѣдованія, о которой отозвался выгодно и самъ рецензентъ.

Поставлено мнѣ въ вину и то, что я «не обратилъ вниманія на состояніе текста у Нестора и въ *современныхъ ему спискахъ Священнаго Писанія*» (стр. 29). Очень жаль, что рецензентъ не потрудился исчислить извѣстные ему списки Библии, современные Нестору, т. е. XI вѣка. Этимъ онъ сдѣлалъ бы весьма важное открытіе, которое удивило бы и Востокова, и Шафарика, и Горскаго, до сихъ поръ не отыскавшихъ такого сокровища. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ изданія г-мъ рецензентомъ «списковъ Св. Писанія, современныхъ Нестору», чтобъ сравнить ихъ съ текстами, приводимыми у Нестора.

Главнѣйшее обвиненіе рецензента состоитъ въ томъ, что я будто бы выставляю въ ложномъ свѣтѣ западныхъ лѣтописцевъ, унижая ихъ въ сравненіи съ Несторомъ. Рецензія говоритъ: «По мнѣнію г. Сухомлинова, Несторъ превосходитъ ихъ (западныхъ лѣтописцевъ) и въ пониманіи событій, и въ картинности описаній, и въ искренности отзывовъ о лицахъ, и въ глубинѣ чувства, и въ самобытности» (стр. 34). Но это отнюдь не мое мнѣніе: я никогда его не высказывалъ. Да проститъ мнѣ г. рецензентъ, но приведенныя слова его — сущія клевета. Изъ всего, сказаннаго рецензентомъ, мнѣ принадлежитъ только мысль, что въ разказахъ западныхъ лѣтописцевъ нѣтъ той искренности, которая слышится въ разказахъ Нестора: въ доказательство ссылаюсь на собственное впечатлѣніе каждаго, кто читалъ Нестора и западныхъ лѣтописцевъ. вмѣстѣ съ тѣмъ я признаю неоспоримую истинною, что многія изъ причинъ, приводимыхъ западными анналистами, «показываютъ наблюдательность и умѣнье понимать вещи» (стр. 164). Могъ ли я отрицать въ Ламбертѣ ясное пониманіе событій, когда у него часто встрѣчаются замѣчанія въ родѣ слѣдующаго: Во время войны Генриха съ жителями Турингін, говоритъ онъ, архіепископъ отлучилъ отъ церкви всѣхъ вождей ихъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они вошли въ церковь съ обнаженными мечами; но всякому здравомыслящему ясно, что это сдѣлано только для того, чтобы войско Генриха не боялось умерщвлять жителей Турингін, какъ отлученныхъ отъ церкви» и т. д.? Изученіе западныхъ лѣтописцевъ убѣдило меня, что люди, подобные Ламберту или Козьмѣ Пражскому, принадлежали къ числу умнѣйшихъ людей своего времени, что они превосходно понимали описываемыя событія. Шлеперъ имѣлъ въ виду иныхъ лѣтописцевъ и иныя ихъ свойства, когда признавалъ превосходство Нестора. Забавно, что рецензентъ, приписывая мнѣ мысли, вовсе мнѣ не принадлежащія и въ сущности ложныя, признаетъ ихъ однако же вполне справедливыми. Въ этомъ простодушномъ согласіи съ очевидною неправдою и въ наивной ссылкѣ на Шлепера ярко обнаруживается несостоятельность г. рецензента въ томъ дѣлѣ, о которомъ онъ судитъ съ такою рѣшительностью и рѣзкостью.

Далѣ рецензентъ говорить: «если иногда они (западные анналисты) слишкомъ великолѣпно раскрашиваютъ событія, какъ Козьма Пражскій, и этимъ даютъ разказу нѣсколько неестественный колоритъ, это значитъ только, что *они поднимались* обыкновенной *школьной рутинѣ* своего времени, а вовсе не то, что у нихъ было меньше, чѣмъ у Нестора, любви къ отчизнѣ и даже *литературнаго дарованія*» (стр. 34). Но не та же ли самая мысль выражена мною въ слѣдующихъ словахъ: «держась наиболѣе справедливой точки зрѣнія, то есть судя о писателѣ по условіямъ его вѣка и современной ему образованности, мы должны признать въ Козьмѣ Пражскомъ не только замѣчательнаго лѣтописца, но до нѣкоторой степени и писателя-художника. *Риторическая оправа его разказу дана школьнымъ образованіемъ, талантъ же автора* сообщилъ произведенію разнообразіе и занимательность» (стр. 215)?

Читая и перечитывая лѣтописцевъ западныхъ, я привыкъ уважать ихъ неоспоримыя достоинства. О лѣтописи Козьмы Пражскаго я говорю, что «искусное очерченіе характеровъ составляетъ одно изъ ея неотъемлемыхъ литературныхъ достоинствъ. Читатель видитъ передъ собою не одинъ перечень именъ и событій, а людей, движимыхъ тою или другою страстью» (стр. 144). «Лѣтопись Григорія Турскаго, по моему мнѣнію, заключаетъ въ себѣ много превосходныхъ описаній, исполненныхъ поэзіи и вмѣстѣ съ тѣмъ простоты» (стр. 145), и такъ далѣе.

Допуская нѣкоторыя сходныя черты, я признаю коренное различіе въ характерѣ образованности нашего лѣтописца и анналистовъ западной Европы. Несмотря на то, рецензентъ говорить: «Г. Сухомлиновъ упустилъ изъ виду, что одно изъ существенныхъ отличій между тѣмъ и другими состояло въ различіи кореннаго образованія, и тѣмъ самымъ выставилъ западныхъ анналистовъ въ ложномъ свѣтѣ: разница между ними обнаруживается прежде всего въ томъ, что у нашего лѣтописца почти незамѣтно никакого дѣйствія школьнаго элемента, который такъ силенъ у *анналистовъ западныхъ, очень знающихъ, кромѣ Библіи, и съ произведеніями древнихъ* и съ ихъ риторикой» (стр. 34). Какъ? я упустилъ это изъ виду? Но вотъ подлинныя слова мои: «*Главнѣйшее преимущество западныхъ хрониковъ заключается въ большей образованности ихъ, вследствие* знакомства *ихъ съ древнимъ міромъ*. Нашему лѣтописцу представлялись идеи доблести и нравственной чистоты въ образахъ библейскихъ. Западныхъ хроникамъ не безызвѣстны были и поступки Тиберія, и дѣйствія Катилины, и политическія интриги, съ такимъ искусствомъ переданныя римскими историками, и наконецъ образы Делія, Хлои, Цинтіи, и т. д., воспѣтыхъ Горациемъ, Проперціемъ и другими поэтами» (стр. 220).

Приведенные факты ясно свидѣтельствуютъ объ отношеніи рецен-

зи къ моему сильному труду. Я принялъ бы съ величайшею признательностью всякое дѣльное указаніе; но рецензентъ не сообщилъ ни одного положительнаго факта въ замѣнъ представленныхъ мною; обвинительныя же фразы направлены не противъ дѣйствительности, а противъ призрака, созданнаго предубѣжденіемъ. Не знаю, согласится ли со мною рецензентъ, но я утверждаю, что въ книгѣ моей нѣтъ умышленнаго пристрастія. Я вполне сочувствую убѣжденію, высказанному за нѣсколько страницъ до рецензіи на мою книгу: «Въ изученіи древности, въ разъясненіи старой жизни вѣрный способъ найти истину заключается, какъ извѣстно, въ томъ, чтобъ вести это изученіе съ полнымъ безпристрастіемъ. Намъ кажется, что достигнуть такого безпристрастія можно въ такомъ только случаѣ, когда въ изученіе древности, исторіи мы внесемъ взглядъ на дѣло и методъ естественныхъ наукъ, будемъ безстрастно, спокойно называть черное чернымъ, бѣлое бѣлымъ, такъ точно, какъ естествоиспытатель безстрастно дѣлаетъ свои изслѣдованія и заключенія при изученіи явленій, фактовъ природы.»

Этими словами и заключаю свое объясненіе, которое нельзя, кажется, упрекнуть въ «бездоказательности».

Санктпетербургъ
Январь.

М. Сухомлиновъ.

Цивилизація на Сандвичевыхъ островахъ.

Неудержимымъ потокомъ распространяется европейская цивилизація во всѣ концы міра и все покоряетъ своей власти. Въ Африкѣ, на Новой Голландіи, на островахъ Океаніи, всюду водружается ея знамя. Сандвичевы острова представляютъ въ исторіи распространенія цивилизаціи любопытный фактъ. Судьба дикаго племени, обитающаго на этихъ островахъ, представляетъ собою явленіе утѣшительное и грустное въ одно и тоже время. Здѣсь мы являемся свидѣтелями замѣчательнаго историческаго, можно даже сказать геологическаго явленія. Жизнь и смерть идутъ объ руку; предъ нами страна новорожденная и уже умирающая.

Въ прошедшемъ году вышло путешествіе на Сандвичевы острова неутомимаго англійскаго путешественника Гилля (Travels in the Sandwich Islands by S. S. Hill. 1856). Сообщимъ нѣсколько замѣтокъ объ этой любопытной странѣ, какъ небольшое дополненіе къ статьѣ объ Океаніи Т. Н. Грановскаго, помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за прошедшій годъ, и которую вѣрно не забыли читатели.

Англичаве великіе путешественники. Одинъ Англичанинъ сказалъ: я считаю нравственнымъ долгомъ ознакомиться при жизни съ

планетой, на которой живу. Для англійскаго путешественника весь-на обыкновенное дѣло — семь дней отдыха между поѣздкою въ Египетъ и прогулкою въ Швецію, два мѣсяца между странствованіемъ къ южному и къ сѣверному полюсамъ. Лейтенантъ Бортонъ, воротившись изъ путешествія въ Мекку и Медину, чрезъ самое короткое время отправился въ Центральную Африку. Капитанъ Олифантъ, поохотившись въ Индіи, отправился на Черное море въ Крымъ, потомъ въ американскія степи. Г. Гилль, о книгѣ котораго мы говоримъ, послѣ пребыванія въ Сибири не возвратился въ Англию, а отправился на Сандвичевы острова. Путешествуютъ не одни ученые, или искатели приключеній, которымъ нечего терять: офицеры, молодые лорды, негоціанты, люди, пользующіеся завиднымъ общественнымъ положеніемъ, находятъ удовольствіе въ дальнихъ опасныхъ странствованіяхъ, побуждаемые геніемъ предприимчивости, живущимъ въ англійскомъ народѣ.

Обращаясь къ Сандвичевымъ островамъ, мы видимъ, что все здѣсь ново, какъ въ первый день созданія, все напоминаетъ времена отдаленныхъ геологическихъ измѣненій, предъ нами какъ бы живая геологія. Острова вышли со дна моря голые, бѣдные. Минеральныя произведенія представляютъ мало разнообразія, только остывшіе вулканическіе остатки, известняки, кой-гдѣ соленыя озера. Растительность однообразна, породъ животныхъ мало. Первые путешественники встрѣтили только собаку и свинью; но послѣ были привезены быки и коровы, и образовали многочисленныя дикія стада. Птиць не много. «Когда на этихъ островахъ услышишь вдругъ птичье пѣніе, говоритъ г. Гилль, то чувствуешь что-то освѣжающее.» Климатъ и очень сухъ и очень сыръ; гдѣ протекаетъ вода, тамъ разцвѣтаетъ благотворная растительность; гдѣ нѣтъ, тамъ пустынная вулканическая мѣстность. Нравы жителей близки къ натурѣ, они и мягки и дики, робки и жестоки въ одно время. Все на островахъ только что возникаетъ, и уже на всемъ лежитъ печать разрушенія. При открытіи острововъ (1778), на нихъ было до 200,000 жителей; въ 1848 считалось только 80,000; во время пребыванія г. Гилля умерло до 10,000. Дикое племя исчезаетъ, и это происходитъ не отъ насильственнаго внесенія цивилизаціи напротивъ, нигдѣ не принималась она такъ легко и безпрепятственно, какъ здѣсь, даже не отъ болѣзней, занесенныхъ на острова. Причина рековаго исчезновенія скрывается глубже; быть-можетъ здѣсь обнаруживаетъ свои дѣйствія тотъ неуомлимый законъ природы, повинувся которому, въ отдаленныя времена, а отчасти и на памяти человѣка, исчезли съ лица земли цѣлыя породы живыхъ существъ.

Образованіе внесло новую жизнь на острова, но не въ силахъ придать слабому племени крѣпость, необходимую для полнаго развитія этой жизни, не въ силахъ остановить таинственную руку смерти.

Быть-можетъ суждено исполниться преданію, сложившемуся у туземцевъ, что память дикихъ племенъ исчезнетъ, и бѣлый человѣкъ займетъ землю. И дикіе, съ дѣтскою впечатлительностью принимающіе просвѣщеніе, съ улыбкою встрѣчаютъ смерть. Слѣдующій разказъ изъ книги г. Гилля вводитъ насъ въ туземную жизнь и прекрасно обрисовываетъ характеръ дикаго племени.

«Однажды, говоритъ г. Гилль, когда я прогуливался внутри города, и подошелъ къ одной хижинѣ, то сидѣвшія у дверей пять или шесть женщинъ встрѣтили меня съ своимъ обычнымъ смѣхомъ и попросили войти въ жилище. Хижины туземцевъ, по отсутствію оконъ, очень темны внутри. Войдя, я могъ рассмотреть только нѣчто въ родѣ постели, и не вида другаго мѣста, гдѣ бы присѣсть, сѣлъ на нее. Женщины сѣли на рогожкахъ, я старался завязать съ ними разговоръ, сколько то позволяло мнѣ знаніе нѣсколькихъ словъ, выученныхъ мною въ словарѣ миссіонеровъ. Моя попытка оказалась не безуспѣшною и послужила къ вѣщему увеселенію веселой компаніи. Вопросы сыпались съ обѣихъ сторонъ, бесѣда становилась все забавнѣе и забавнѣе, какъ вдругъ, обративъ глаза, привыкшіе нѣсколько къ темнотѣ, на средину комнаты, я увидѣлъ женщину, расprostертую на рогожѣ. Я спросилъ вполонину словами, вполонину жестами, отчего она лежитъ такъ спокойно,—вѣрно спитъ? Въ отвѣтъ одна изъ моихъ собесѣдницъ, тоже отчасти словами, отчасти жестами, пригласила меня подойти и взглянуть. Я увидѣлъ, что на лежащей женщинѣ была длинная рубашка, какую обыкновенно носятъ туземцы, но голова была убрана дикими цвѣтами и листьями. Видя нарядъ, я подумалъ, что она участвовала въ какой-нибудь неизвѣстной мнѣ брачной церемоніи, и хотѣлъ взять ее за руку, какъ вдругъ въ ухахъ моихъ раздалось слово, произнесенное одною изъ присутствующихъ, и которое я зналъ хорошо: оно открыло мнѣ то, о чемъ я бы могъ догадаться по одному цвѣту кожи, еслибы лежавшая принадлежала къ бѣлому племени. Женщина не спала, она была мертва. Коснувшись тѣла усопшей, чтобъ убѣдиться въ истинѣ, я обернулся къ постели, на которой сидѣлъ, и увидѣлъ, что раздѣляю ложе съ бездушнымъ тѣломъ туземца, лежавшаго въ положеніи, подобномъ тому, какое мы даемъ покойникамъ. Женщины сказали мнѣ, что этотъ человѣкъ умеръ нѣсколько дней тому назадъ, но я не понималъ, въ какомъ родствѣ онъ былъ съ ними. Молодая женщина, ихъ сестра, умерла нѣсколько часовъ тому назадъ.»

Между тѣмъ есть великая разница между прежнимъ дикимъ и современнымъ состояніемъ острововъ. Образование свершило свое дѣло. Нравы смягчились, прошло то время, когда положеніе женщинъ было невыносимо, когда онѣ, какъ вещь, предлагались гостю, когда *табу*, или запрещеніе было наложено для нихъ на множество предметовъ и нарушеніе варварскаго запрещенія вело за собой мучитель-

ное наказаніе, когда дѣти не знали отцовъ, и дѣтубійство было явленіемъ самымъ естественнымъ, почти установленіемъ. Въ настоящее время встрѣчаемъ на островахъ управленіе, подобное европейскому, даже парламентъ, и благородныя рѣчи о движеніи впередъ, объ усовершенствованіяхъ, раздаются въ этой странѣ, гдѣ съ небольшимъ полвѣка тому назадъ ѣли человѣчину.

Туземцы сознаютъ блага цивилизаціи, многіе съ ужасомъ и ненавистью смотрятъ на прошедшую жизнь. Г. Гилль просилъ показать мѣсто, гдѣ былъ убитъ Кукъ. Ужасъ изобразился на лицахъ туземцевъ, грустно опускали они голову и не сказывали. Потомъ спрашивали, какъ можно искупить грѣхъ прошедшаго, выражали раскаяніе за отцовъ. Когда имъ сказали, что для искупленія надо слушать сооты миссіонеровъ, радость показалась на ихъ лицахъ. Самые старши не представляютъ обыкновеннаго явленія, не хвалятъ прошедшаго, говорятъ о немъ съ сожалѣніемъ и грустью, соединенными съ признательностію за настоящее. Одна старуха сказала за веселымъ обѣдомъ, на которомъ присутствовалъ г. Гилль: «Добрые чужестранцы, не одну рыбу ѣли мы передъ тѣмъ, какъ миссіонеры научили насъ новой вѣрѣ. Я помню время, когда я была ребенкомъ: тогда бы половина изъ присутствующихъ здѣсь, почувствовавъ аппетитъ и нѣмъ недостатокъ въ припасахъ, вѣрно нашла бы, что двухъ изъ васъ недостаточно для хорошаго обѣда.»

Современное устройство Сандвичевыхъ острововъ дано имъ Англіей. Острова открыты Кукомъ въ 1778 году, и съ тѣхъ поръ на нихъ обращено вниманіе англійскаго правительства. Ванкуверъ оставилъ на островахъ нѣсколько матросовъ, которые сдѣлались стражами насажденной цивилизаціи. Они были министрами короля Камегамеги, въ правленіе котораго свершились преобразованія на островахъ. Политическое и религіозное вліяніе Англіи было такъ сильно, что по совету англійскихъ агентовъ король и королева острововъ отправились въ Англію, но вскорѣ умерли тамъ, не перенеся этого путешествія. Ихъ тѣла были отвезены обратно на острова, и командиръ англійскаго корабля провозгласилъ родственника короля его наследникомъ.

Въ 1840 году Англія достигла цѣли своей политики. Общепризнаннымъ трактатомъ Сандвичевы острова признаны на вѣки независимымъ государствомъ и получили устройство по образцу англійскаго. Это выгодно для Англіи, которая въ случаѣ, еслибы стремилась обратить Сандвичевы острова въ свою колонію, могла опасаться столкновенія съ Сѣверо-Американцами, завистливо смотрящими на распространеніе ея могущества. А теперь когда устранена возможность посторонняго вмѣшательства, Англія спокойно можетъ оказывать все свое вліяніе на положеніе Сандвичевыхъ острововъ и извлекать свои выгоды.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что цивилизація, смѣшавшись съ дикостью, часто представляет жалкіе и нелѣпые результаты. Туземцы тяготеютъ небольшою денежною пошлиною, которую должны внести въ казну, и часто скрываются въ пустынные мѣста, чтобы освободиться отъ платежа, а женщины не стѣсняются добывать, цѣною труда, деньги, необходимыя для взноса.

**День основанія Московскаго университета, празднованный
въ Петербургѣ.**

Внимся передъ читателями, въ запоздалости этого извѣстія, которое однако отъ того не теряетъ своего интереса. День основанія Московскаго университета (12-го января) былъ отпразднованъ въ С.-Петербургѣ обѣдомъ, на который собралось сто семь человѣкъ, бывшихъ московскихъ студентовъ. Праздникъ этотъ устроенъ былъ въ одной изъ залъ Шахматнаго Клуба. За обѣдомъ, послѣ тоста за здравіе Государя Императора, былъ провозглашенъ тостъ за процвѣтаніе Московскаго университета и другой за здоровье преподавателей его и воспитанниковъ. Потомъ пили за здоровье графа С. Г. Строганова и въ память Т. Н. Грановскаго. Послѣ обѣда сейчасъ же открылась подписка въ пользу студентовъ Московскаго университета и срокъ добровольнаго взноса назначенъ до мая мѣсяца. До сихъ поръ собрано болѣе тысячи рублей серебромъ. Тутъ же образовавшійся комитетъ изъ гг. Краевскаго, Кавелина, Чивилева и Рѣдкина принялъ на себя рѣшить употребленіе собранной суммы—обратить ли ее въ пособіе бѣднымъ студентамъ, или въ постоянное содержаніе стипендіата, если сумма окажется достаточною.

Извѣстіе о кончинѣ М. И. Глинки.

(Письмо къ Редактору.)

Прошу васъ помѣстить въ «Русскомъ Вѣстникѣ» извѣстіе, только что полученное нами, о смерти знаменитаго нашего композитора М. И. Глинки, въ Берлинѣ, $\frac{3}{15}$ февраля, въ 5 часовъ утра. Мой братъ и я, мы были очень коротки съ Михаиломъ Ивановичемъ, мы вели съ нимъ постоянную переписку и потому раньше всѣхъ получили это горестное извѣстіе. Мы получили также послѣднее, предсмертное его произведеніе, двѣ fugи, написанныя въ такъ-называемыхъ церковныхъ или греческихъ тонахъ; М. Ив., во время этой послѣдней поездки своей за границу (онъ уѣхалъ отсюда въ маѣ 1856), имѣлъ глав-

вѣйшею цѣлью изучить систему вышеупомянутыхъ тоновъ, нынче позабытую почти всѣми, кромѣ немногихъ самыхъ ученыхъ музыкантовъ и теоретиковъ, — но необходимую болѣе всего для того, кто хочетъ сочинить церковную музыку въ настоящемъ древнемъ ея стилѣ. Глинка создалъ національную русскую оперу, національную инструментальную музыку, національное русское скерцо (его «Комаринская» и проч.), русскій національный романсъ, — ему хотѣлось создать національную гармонию (до сихъ поръ намъ недостающую) къ мелодіямъ нашей церкви. Необходимымъ для этого изученіемъ онъ посвятилъ послѣдніе дни своей жизни и, безъ сомнѣнія, былъ бы и въ этомъ родѣ такимъ же самобытнымъ начинателемъ, какъ и во всѣхъ прочихъ родахъ. Послѣ него осталась автобіографія, написанная имъ въ 1854 — 55, и небольшая, просмотрѣнная имъ, біографія на французскомъ языкѣ, назначавшаяся для одной иностранной музыкальной газеты, по просьбѣ его друга, профессора музыки Дена (напис. въ 1854, но не напечатана).

За немного дней до смерти, въ январѣ, Глинка былъ приглашенъ къ прусскому королю, на большой парадный концертъ, гдѣ между прочимъ, подъ управленіемъ Мейербера (*восхищеннаго его музыкой, какъ мы знаемъ изъ письма Мейербера къ Глинкѣ*) пѣли чудесное тріо изъ *Жизни за Царя*. Партію Вани исполнила знаменитая пѣвица *Ваннеръ*. Партитуры *Жизни за Царя* и *Руслана* подарены Глинкою берлинской королевской бібліотекѣ и высоко оцѣниваются заграничными цѣнителями настоящей музыки.

12 февр. 1857.

В. Стасовъ.

Новѣйшія Извѣстія.

Въ дополненіе къ отчету о преніяхъ, происходившихъ въ англійскомъ парламентѣ по итальянскому вопросу, считаемъ нужнымъ сообщить, что лордъ Пальмерстонъ, въ засѣданіи нижней палаты 12-го февраля, оговорилъ свою ошибку, перешедшую и въ наше Обзорніе. Военная конвенція между Австріею и Франціею, признаваемая г. Дизраэли за *постоянный* секретный трактатъ, дѣйствительно была подписана; но, по словамъ лорда Пальмерстона, она имѣла *временный* характеръ и осталась безъ исполненія, потому что Австрія не приняла участія въ восточной войнѣ.

16-го февраля императоръ Французовъ лично открылъ засѣданія палатъ. Вотъ главное содержаніе рѣчи, произнесенной по этому случаю императоромъ: можно надѣяться, что разногласіе между Пруссіею и Швейцаріею разрѣшится благоприятнымъ образомъ; англо-французскія войска отозваны изъ Греціи; въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимо обратиться къ развитію внутреннихъ силъ государства и къ улучшенію народнаго благосостоянія; Франція находится въ цвѣтущемъ состояніи, несмотря на трехлѣтнюю войну и неурожай; доходы съ косвенныхъ налоговъ, служащіе вѣрнымъ признакомъ народнаго богатства, въ 1856 году увеличились на пятьдесятъ милл. фр. сравнительно съ доходами 1855 года; по поводу бывшихъ во Франціи наводненій, правительство имперіи считаетъ своею обязанностию заботиться, чтобы рѣки, какъ и революціи, перестали затоплять Францію; предполагено уменьшить государственные расходы, не оставляя однакожь большихъ общественныхъ работъ, и понизить нѣкоторые налоги; жалованье нижнихъ чиновъ въ арміи и низшихъ чиновниковъ гражданскаго вѣдомства будетъ увеличено; правительство желаетъ ввести новый налогъ на движимыя цѣнности; составляется новый военный уголовный кодексъ. Рѣчь императора оканчивается громкою хвалою учреждений имперіи.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНИИ.

НЮРНБЕРГЪ.—ТЮБИНГЕНЪ.—ЭРЛАНГЕНЪ.

Въ прошломъ году Гизо вновь издалъ свой старый курсъ исторіи представительныхъ монархій въ Европѣ до XIV вѣка. Въ первой лекціи знаменитый профессоръ 1820-хъ годовъ опредѣляетъ различныя отношенія современниковъ къ изученію исторіи: осуждая излишнее пристрастіе къ старинѣ, попытки воскресить ее и поставить идеаломъ настоящему, авторъ съ горькимъ упрекомъ обращается къ тѣмъ, кто не умѣетъ уважать вѣковыхъ преданій и памятниковъ, не научился понимать истинный смыслъ прошедшей жизни народа. Эти люди, по мнѣнію французскаго историка, напоминаютъ собою одинъ изъ парламентовъ Англіи временъ Кромвеля, въ которомъ предложено было сжечь всѣ архивы Лондонской Башни, чтобы покончить разомъ съ прошедшимъ, дабы слабыя характеромъ не могли обращаться къ нему своего сочувствія. «Безумцы, говорить Гизо, хотѣли уничтожить прошлое, думая купить этимъ господство надъ будущимъ; друзья правды и истины не должны смущаться прошедшимъ: въ ихъ руки, на пользу дорогихъ имъ интересовъ, оно передаетъ свои уроки опыта и свои права.» Упрекъ французскаго историка не можетъ относиться къ Германіи: Нѣмцы не уступятъ ни одному народу въ уваженіи къ памятникамъ старины; частыя опустошительныя войны, проходившія по германской почвѣ, оставили на ней много развалинъ, — и эти развалины берегутся съ любовью, какъ историческое слово. Впрочемъ и здѣсь современная жизнь настойчиво, неудержимо проникаетъ всюду, приводитъ все къ одному знаменателю, вытѣсняетъ годъ отъ году старинныя предразсудки и вѣрованія, вѣковыя зданія и родовые костюмы, — и немного остается теперь живыхъ памятниковъ минувшаго. Кой-гдѣ видѣтся полуразрушенная башня, кой-гдѣ куча камней на возвышеніи свидѣтельствуетъ о феодальномъ замкѣ, да подъ стекломъ въ новомъ домѣ сгруппированы крошечныя обломки стародавней жизни. Много нужно изучать анатомію исторіи, чтобы въ этихъ разбросанныхъ костяхъ увидать цѣлаго человѣка.

Но нельзя не узнать прошедшаго, когда оно явится предъ вами въ своемъ костюмѣ, вооруженное съ головы до ногъ. Вотъ вамъ цѣлый городъ, словно какимъ-то чудомъ перенесенный изъ среднихъ вѣковъ и поставленный на новую баварскую территорию. Это Нюрнбергъ. Ему будто неловко, непривычно въ томъ положеніи, въ которое поставила его наполеоновская передѣлка Германіи 50 лѣтъ тому назадъ; преданія самодержавнаго «имперскаго города» въ немъ еще не вымерли совершенно; это нѣмецкій аристократъ, который привыкъ къ власти и по обстоятельствамъ принужденъ идти на службу: «мы Германцы, присоединенные къ Баваріи», говорятъ жители Нюрнберга, и съ необыкновенною любовью сохраняютъ свои старинныя зданія, съ гордостью указываютъ на средне-вѣковыя церкви и башни, на средне-вѣковые обычаи народа.

Въ самомъ дѣлѣ трудно представить себѣ, чтобы можно было хорошо сохранить городъ во всѣхъ подробностяхъ. Онъ окруженъ старинною крѣпостною стѣной; прежній ровъ усаженъ деревьями; черезъ него въ нѣсколькихъ мѣстахъ перекинута деревянныя, будто временныя мосты, по которымъ изъ Баваріи переходишь въ Германію прошедшихъ вѣковъ. Я не видалъ до сихъ поръ болѣе типичнаго города; кажется, будто всѣ нѣмецкія старыя зданія, разбросанныя по разнымъ мѣстамъ, собраны здѣсь въ одно цѣлое: вотъ массивныя, неуклюжіе мосты, построенныя въ память историческихъ событій, въ честь историческихъ лицъ; вотъ церкви XIII—XV вѣковъ въ строго-готическомъ вкусѣ, съ художественною отдѣлкой внутри, съ живописью на окнахъ; вотъ дома, построенныя на аркахъ надъ небольшою рѣчкой; вотъ другіе, разрисованныя снаружи, узкіе и высокіе, покрытые потемнѣвшею черепицею; вотъ артистическіе фонтаны, а тамъ далѣе, на высотѣ, — старая крѣпость. И все это какого-то неопредѣленнаго, полинялаго цвѣта, покрыто мохомъ, закопчено каменнымъ углемъ. Нюрнбергцы красятъ и поправляютъ дома свои; но собственно до «зданій» никто не смѣетъ коснуться; выкрасить старинную церковь или замокъ кажется здѣсь столько же страннымъ, какъ замѣнить старую рукопись печатнымъ экземпляромъ.

Есть что-то трогательное въ нѣжной любви Нѣмцевъ къ ихъ родному городу. Ни разу въ Германіи мнѣ не случилось прибѣгать къ помощи проводниковъ ex-professo: стоить только спросить у перваго горожанина дорогу, — и онъ предложитъ вамъ пройти въ вѣстѣ; напрасно вы съ благодарностью станете отклонять его предложеніе: показать свой городъ для него удовольствіе, онъ будетъ беспокоиться, что вы сами не сумѣете найти казовый конецъ. Въ Нюрнбергѣ я спросилъ прежде всего дорогу въ старый замокъ; горожанинъ разказалъ мнѣ очень основательно, очень вѣжливо поворачивая за плечи по указанному направленію, и пошелъ было своею дорогою; но потомъ вдругъ воротился: «Я тоже пойду съ вами; у меня теперь

свободное время, и я уже нѣсколько дней не былъ въ бургѣ.» Нѣсколько дней! Въ самомъ дѣлѣ, въ Германіи это большая рѣдкость. Нѣмцы необыкновенно привязываются къ мѣсту своего жительства: первый ясный день, — и они толпами идутъ любоваться своими воротами, развалинами старыхъ замковъ, статуями на площадяхъ, общимъ видомъ города. Все это имъ знакомо, все это пересмотрѣно ими тысячу разъ, — и въ тысячу первый они смотрятъ съ тѣмъ же чувствомъ восторга на родной ландшафтъ, не сводя въ глазъ съ полуразвалившейся стѣны. Нѣмецъ не одержимъ тревожнымъ духомъ постоянной перемѣны, его не тянетъ въ даль; онъ довольствуется тѣмъ міромъ, который созданъ около него обстоятельствами жизни. Нѣмцы возводятъ это чувство до поэзіи. Не ищите здѣсь вліянія дѣтскихъ впечатлѣній, — нѣтъ! переѣзжая въ другой городъ, Нѣмецъ забываетъ прошлое, привязывается къ мѣсту жительства, отыскиваетъ, изучаетъ всѣ его красоты, любитъ ими, и очень доволенъ, когда вы приходите съ нимъ въ восторгъ. «Какъ хорошъ вашъ городъ, я не видалъ ничего лучше» — этими словами вы совершенно очаруете Нѣмца и почти приобретете право на его дружбу. Нѣмецъ прежде всего гражданинъ «своего города»; въ этомъ есть своя темная сторона, о которой скажу послѣ, но все-таки въ извѣстной долѣ проглядываетъ любовь сына къ матери, уваженіе къ предкамъ и къ оставленному ими наслѣдству во имя не одной только матеріальной его цѣны. Какая горькая нужда гонитъ ихъ въ Америку!

Нюрнбергъ описанъ и нарисованъ въ тысячѣ видахъ; «нюрнбергскіе альбомы» представляютъ изображеніе всѣхъ церквей и замѣчательныхъ зданій со всѣми деталями ихъ наружной и внутренней отделки. «Это все протестантскія церкви, сказалъ съ удовольствіемъ мой спутникъ: — только одна предоставлена католикамъ.» А строены церкви въ то время, когда о реформации никто не думалъ; снисходительный протестантизмъ ничего не измѣнилъ въ прежнемъ видѣ храмовъ, оставилъ неприкосновенными католическіе алтари, изображенія святыхъ, гробницу Св. Себальда—художественное произведение Ватерса; даже названія остались прежнія: St. Lorenzo, St. Sebaldskirche и проч. Удивительное впечатлѣніе производятъ эти огромныя церкви, съ узкими окнами, стекла которыхъ украшены превосходною живописью; въ полусвѣтѣ таинственно очерчиваются огромныя распятія, алтари, устроенные на обоихъ противоположныхъ концахъ храма, статуи святыхъ, барельефы, массивныя дубовыя скамьи. Трудно передать все впечатлѣніе цѣлаго, всю одушевленную гармонию подробностей; кажется, въ этихъ храмахъ отражается строго-религиозное настроеніе давнопрошедшихъ временъ: молитвой и постомъ приготавливалъ себя художникъ къ вдохновенію, съ смиреніемъ скрывалъ свое имя, набожно принимая свою мысль за благодать свыше; съ молитвенною пѣснью клался каждый камень огромнаго зданія, — и эта духовная работа слышится и теперь, черезъ много вѣковъ.

Сохранившіеся остатки старины въ Нюрнбергѣ подали мысль сдѣлать этотъ городъ средоточіемъ всѣхъ художественныхъ и литературныхъ памятниковъ германскихъ древностей. Король, ученый и литераторъ, Іоаннъ Саксонскій одобрилъ такой планъ и поддержалъ его своимъ содѣйствіемъ. Вообще нельзя не замѣтить той прекрасной роли, которая выпадаетъ всегда на долю Саксоніи; это—тихая лампада Германіи, зажженная предъ наукою и искусствомъ; всмотритесь во всѣ газеты—и вы увидите, что изъ Дрездена всегда приходятъ извѣстія ученые, благотворительныя, художественныя, — политическихъ не бываетъ (1). Жизнь королевства въ послѣднія восемь лѣтъ идетъ тихо и мирно, безъ потрясеній; слѣды пожара 1848 г. изгладились совершенно, благодаря королю и его министру фонъ-Бейсту; даже зданія, сгорѣвшія въ тревожную эпоху, отстроены вновь, и никто не замѣтитъ; что на мѣстѣ новаго Цвингера, на площади передъ Католическою Церковью происходили кровавыя сцены; теперь здѣсь «Мадонна» Рафаэля, прекрасная опера, и военная музыка играетъ для удовольствія жителей. Теперешній король, уважаемый Нѣмцами между прочимъ какъ лучшій переводчикъ Данта, въ 1852 году былъ еще наслѣднымъ принцемъ; подъ его предсѣдательствомъ, въ Дрезденѣ собрались ученые и художники и положили собрать по возможности памятники нѣмецкой старины. Выборъ палъ на Нюрнбергъ, какъ на мѣсто рожденія Албрехта Дюрера и на городъ по преимуществу общегерманскій: это значеніе онъ сохраняетъ въ глазахъ всѣхъ. Франкфуртъ передалъ на новое предпріятіе 6,000 томовъ изъ своей библіотеки; собрали нѣсколько картинъ и гравюръ Дюрера, старинныхъ вещей, — и вотъ первое основаніе *Германскаго Музея*. Король Баварскій, разумѣется, поддержалъ новое учрежденіе: онъ передалъ недавно въ его полное владѣніе старинный домъ картезіанцевъ и отчасти бралъ на свою отвѣтственность будущность музея. Нѣкоторые изъ остальныхъ владѣтелей Германіи согласились участвовать ежегодными денежными взносами, такъ напримѣръ императоръ Австрійскій и король Пруссскій жертвуютъ по 500 талеровъ, короли Саксонскій и Ганноверскій по 200 и т. д. до князя Рейсскаго, который платитъ по 8 талеровъ ежегодно. Всѣ частныя лица приглашаются также къ пожертвованіямъ; даже у насъ въ Москвѣ есть агентъ музея для принятія денегъ—г. Эргардтъ, докторъ въ Воспитательномъ Домѣ. Этими средствами поддерживается кое-какъ музей, расходуя ежегодно по 17,000 гульденовъ (9,000 р. сер.) Въ концѣ прошлаго года уполномоченный Баваріи во Франкфуртъ предложилъ было отнести содержаніе музея на счетъ всей Германіи,

(1) Единственная политическая новость изъ Дрездена въ теченіе цѣлаго года относилась къ существованію общества Мормоновъ, которыхъ по справкѣ не оказалось.

во это предложеніе не имѣло успѣха: во всѣхъ денежныхъ дѣлахъ наибольшіе владѣльцы всегда составляютъ оппозицію и мѣшаютъ соглашенію, — отъ зувдской пошрины и до Германскаго Музея включительно; и въ самомъ дѣлѣ, при 6,000 населенія, княжеству Лихтенштейнскому трудно удѣлить что-нибудь для общегерманскихъ интересовъ. Такимъ образомъ матеріальное положеніе музея не изъ блестящихъ; король Баварскій принужденъ будетъ пополнять дефицитъ частной благотворительности, а на послѣднюю много рассчитывать нельзя: только въ прошломъ году она достигла суммы 9,000 руб. сер., среднимъ числомъ она не превышаетъ 7,000.

Но замѣчательно, что съ этими скудными средствами музей не только существуетъ, а еще издаетъ особый журналъ — *Anzeiger*, въ которомъ помѣщаются статьи о германскихъ древностяхъ; для каждой части образована коммиссія изъ ученыхъ спеціалистовъ, разбирающихъ всѣ вопросы музея; за небольшую плату члены — то-есть всѣ жертвующіе по 1 р. сер. въ годъ — могутъ требовать присылки старыхъ рукописей, и въ этомъ главная задача музея: изъ годоваго оборота его болѣе третьей части идетъ на пересылку и копіи манускриптовъ. Все это въ высшей степени почтенно; я съ удовольствіемъ ходилъ по небольшимъ бѣднымъ комнатамъ, не топлемымъ по недостатку денежныхъ средствъ; здѣсь въ удивительномъ порядкѣ расположены медали, гравюры, картины, домашняя утварь древнихъ Германцевъ, библіотека, считающая теперь до 40,000 томовъ, старопечатныя книги и рукописи. Часть музея помѣщается въ замкѣ (*Burg*), въ одной изъ его башенъ. Это самая приличная рама для старой картины: крошечныя комнаты отдѣланы совершенно во вкусъ X-го или XI-го вѣка; мебель, посуда, вся обстановка переносить вѣсь въ минувшее; кажется, что люди того времени недавно покинули свое жилище, что величавыя фигуры, написанныя на портретахъ, готовы выйти изъ рамъ и заговорить съ вами. Съ чувствомъ какой-то боязни садитесь вы на высокое кресло нюрнбергскаго бургомистра, полуистлѣвшее отъ времени, и вписываете ваше имя въ книгу пожертвованій на массивномъ, почти окаменѣвшемъ столѣ; какъ-то странно звучитъ новое слово подъ этими вѣковыми сводами: не дерзко ли нарушать ихъ покой? Кто хочетъ перенестись совершенно въ средніе вѣки, понять ихъ жизненную обстановку, испытать на себѣ ихъ неотразимую силу, пусть идетъ въ нюрнбергскій Германскій Музей.

Въ одной изъ комнатъ музея собраны гербы всѣхъ германскихъ государствъ и разставлены въ дружномъ порядкѣ. Признаюсь; я принималъ это за нравоученіе всѣмъ пріѣзжающимъ Нѣмцамъ и сомиѣваюсь, чтобы оно достигло своей цѣли. Трудно представить себѣ что-нибудь раздробленнѣе Германіи и неспособнѣе къ единству, къ государственной цѣлости. На Германію налегали цѣлые слои исто-

рическихъ раздробленій, и новый слой никогда не стиралъ собою предшествовавшаго; все, что можетъ обособиться, обособляется еще до сихъ поръ, до крайняго предѣла дробности, до города. Въ каждомъ государствѣ, какъ бы оно мало ни было, составляются особыя группы; старое раздѣленіе Тюрингии, Фравконіи, Пфальца, Швабін живо до сихъ поръ; только въ Германіи вы услышите о рыцарскихъ имуществвахъ и о живыхъ рыцаряхъ; посмотрите на дворянство баварское: оно имѣетъ свои особенные центры: оберпфальцское—въ Регенсбургѣ, франконскіе имперскіе рыцари—въ Вюрдбургѣ, нижнебаварское—въ Мюнхенѣ, новое жалованное дворянство—въ Бамбергѣ и пр., однимъ словомъ вездѣ историческіе пласты остались не спланными; только горожане остаются вѣрными своей городской чертѣ; они добросовѣстно увѣрены и увѣряютъ всякаго, что на свѣтѣ только одно хорошее мѣсто — ихъ улица, и удивляются непростительной ошибкѣ правительства, избравшаго столицей не ихъ городъ. Не спрашивайте никогда Нѣмца—горожанина о Германіи, которая лежитъ за двѣ мили отъ его мѣста жительства, — вы всегда получите самыя неутѣшительныя свѣдѣнія. Я испыталъ это на себѣ: «Вы хотите ѣхать въ Мюнхенъ? слышалъ я въ Гейдельбергѣ:— что вамъ за охота! Тамъ ужасно холодно, и полиція придиричива, и ничего нѣтъ интереснаго; даже баварское пиво пользуется незаслуженною репутаціею: Либихъ доказалъ это.»—«Неужели вы поѣдете въ Тюбингенъ? говорятъ Мюнхенцы: это грязный и пустой городишка, съ ужаснымъ швабскимъ нарѣчіемъ и съ невѣжливою полиціею.» «Удивляюсь, какъ вы можете жить въ Гейдельбергѣ, упрекалъ меня Тюбингенецъ,— вѣдь это просто станція желѣзной дороги въ Парижъ, тамъ не зачѣмъ оставаться болѣе двухъ часовъ, и говорить по-нѣмецки невыносимо, и полиція...» Однимъ словомъ, послушать Нѣмцевъ, такъ порядочному человѣку не остается другаго выбора, какъ остаться въ ихъ городѣ, проникаться ихъ мѣстными интересами, находить въ нихъ всемірноисторическое значеніе и съ улыбочкою снисхожденія освѣдомляться изрѣдка о томъ, что происходитъ за двѣ мили отъ городской черты. Не говорю уже о томъ, что въ Пруссіи и Австріи васъ словесно и печатно предостерегаютъ отъ «южногерманскаго либерализма», въ которомъ Нѣмцы должны умыть руки, въ которомъ виновно вліяніе Швейцаріи и прежней Франціи; южная Германія весело выслушиваетъ упрекъ и замѣчаетъ, что, начиная съ Дрездена и далѣе на сѣверъ, можно ѣздить не безъ страха, что вамъ не позволятъ ступить на землю, не спросивши паспорта и не отдавши васъ на руки полиціи. Наконецъ посмотрите на студенчество: оно разбито на корпораціи, дробныя до безконечности, въ которыхъ вы найдете представителей не только всѣхъ племенъ германскихъ, но едва ли не всѣхъ городовъ. Восходя выше, къ политикѣ, вы встрѣчаете десятки направлений: есть политика государствъ

первостепенныхъ , - второстепенныхъ и т. д. до бесконечности; не достаетъ только германской. Сеймъ во Франкфуртѣ — это мѣшокъ съ угловатыми каменьями, которые, кажется, способны шлифоваться. Средневѣковое муниципальное начало такъ глубоко зашло въ узкихъ и кривыхъ уллицахъ нѣмецкихъ городовъ, что его не выжишь оттуда. Мнѣ кажется, въ этомъ отношеніи Германія едва ли не упорнѣе Италіи; строгіе упреки аббата Джоберти и Раналли можно обратить къ Германіи, не измѣнивъ въ нихъ ни одного слова. Нѣмецъ будетъ толковать объ единствѣ, какъ онъ толкуетъ о безкорыстїи, о любви, о чувствахъ вообще; онъ вѣритъ имъ до первыхъ бакенбардъ, — за тѣмъ становится бюргеромъ и въ первомъ параграфѣ своего политическаго катихизиса ставитъ вѣру въ величіе своего города. Нѣмцы любятъ единую Германію платонически и неспособны показать этой любви на дѣлѣ. Первая попытка, исполненная тысячи ошибокъ, только сбѣла ихъ съ толку; изъ приличія и по привычкѣ, они не хотятъ покинуть свою любимую мечту; старики завѣщаютъ своимъ внукамъ удовольствіе осуществить ее; порой въ литературѣ послышится голосъ увѣщанія, какъ поэтическая греза. «Восемь лѣтъ тому назадъ точно также никто не вѣрилъ ни въ возможность единства; я зналъ, что черезъ два-три мѣсяца всѣ назовутъ химеру ея настоящимъ нменемъ, а потому не вступалъ въ отправленіе своей должности,» — такъ говорилъ мнѣ недавно челоуѣкъ, который былъ избранъ въ министры юстиціи временной Германской Имперіи, какъ лучший профессоръ-юристъ, всѣми уважаемый за нравственный характеръ.

Этого мало: нѣмецкіе гвельфы не прониклись даже вполне идеей федерации. Федеративный актъ, передѣлываемый и пополняемый двадцать разъ, постоянно оказывался недостаточнымъ; рядомъ съ союзомъ германскимъ необходимъ былъ таможенный союзъ и другія ассоціаціи государствъ. Иногда, какъ-то лихорадочно, явится изъ Франкфурта общегерманскій указъ въ формѣ диктаторскаго предписанія; въ другое время сеймъ не можетъ рѣшить самаго простаго вопроса, не можетъ согласить интересы двухъ-трехъ государствъ. Въ Америкѣ и Швейцаріи, несмотря на самыя противоположныя направленія штатовъ и кантоновъ, всегда является определенное мнѣніе, — Германскій Сеймъ едва ли знаетъ, какъ онъ поступитъ завтра, его общая система остается всегда неуловима, потому что зависитъ отъ тысячи случайныхъ обстоятельствъ; у каждаго изъ его членовъ свои симпатїи внѣ Германіи, своя поддержка въ другихъ государствахъ Европы. Только воспоминаніе наполеоновскаго разгрома и страхъ иноплеменнаго нашествія кое — какъ еще связываютъ непрактическое установленіе сейма. Демократическія конституціи были отмѣнены въ Германіи, то-есть въ каждомъ отдельномъ государствѣ, около 1851 года; 31 января нынѣшняго года

король Нидерландскій сдѣлалъ то же въ отношеніи къ Люксембургу, — и сеймъ съ благодарностью принялъ извѣщеніе короля о такой перемиріи, торжественно записалъ его въ свой протоколъ и объявилъ о немъ, какъ о великомъ дѣлѣ германскаго единства. По нѣмецкимъ понятіямъ, федерація требуетъ необходимо формальнаго равенства всѣхъ членовъ — какъ-будто это возможно; кажется, на томъ же основаніи рѣшается вопросъ датско-голландскій. Сеймъ собирается постоянно, всѣ члены его въ наличности, — и большинство доводится формою. «Вамъ кажется, что Германія раздроблена, потому что она далека отъ единства; но мы знаемъ, что прежде она была еще дальше отъ него и видимъ шагъ впередъ; такое сознаніе если не удовлетворяетъ насъ вполне, по крайней мѣрѣ можетъ служить утѣшеніемъ.» Такъ говорятъ Нѣмцы, и я не берусь рѣшить, насколько они правы.

Представляя темную, или, если хотите, смѣшную сторону нѣмецкой муниципальности, нельзя не отдать справедливости тому общинному духу, которымъ Германцы гордятся, и въ которомъ видятъ залогъ возможности перехода отъ реальной системы управленія къ провинціальной. Мысли объ этомъ высказываются ими какъ-бы мимоходомъ, но очень часто. Нѣмецкій бургомистръ — дѣятельный представитель интересовъ своего города; избранный гражданами, онъ утверждается правительствомъ; иногда же, какъ на примѣръ въ Баденѣ, послѣднее можетъ только два раза отказать въ утвержденіи, — избранный въ третій разъ вступаетъ въ отправленіе своей должности помимо согласія правительства. Собственно городская община не принимаетъ участія въ правленіи государственнымъ, она заботится о своихъ матеріальныхъ интересахъ; но на этомъ основаніи можетъ подать голосъ почти во всѣхъ вопросахъ. Приведу въ примѣръ недавній случай. Въ Виртембергскомъ королевствѣ, ближе къ южной границѣ его, есть небольшой городъ Лейтkirхъ (Leutkirch); сосѣдство съ Швейцаріей, давнія дружественныя торговыя сношенія съ этою странною возбудили, при послѣднемъ нейенбургскомъ дѣлѣ, сочувствіе Лейтkirхцевъ къ Нѣшателю. Виртембергское правительство дозволило сначала проходить прусскимъ войскамъ черезъ свою территорию; лейтkirхскій общинный совѣтъ сдѣлалъ по этому поводу два представленія: съ одной стороны, о бѣдствіяхъ войны и необходимости отказать Пруссіи въ данномъ общаніи, съ другой — о разрѣшеніи городу продать находящееся въ немъ оружіе Швейцарцамъ. Извѣстно, что подобныя представленія были сдѣланы многими городами виртембергскому правительству; палаты явились представителями мнѣнія большинства, и это имѣло вліяніе на ходъ нѣшательскаго вопроса, потому что Виртембергъ перемирилъ свое первое рѣшеніе. Корреспондентъ одной изъ мѣстныхъ газетъ обвинялъ Лейтkirхцевъ

въ незаконномъ вмѣшательствѣ въ политику и въ недостатокѣ германскаго общиннаго совѣта спокойно отвѣчалъ въ штутгартской газетѣ (Schwäbischer Merkur, 21 янв. этого года), что горожане не мѣшались въ политику, что они защищали только свои матеріальные интересы: война повела бы разореніе для нихъ; конечно, они участвуютъ въ укрѣпленіяхъ Ша-гаузена и Базеля, но руководствуются при этомъ денежнымъ расчетомъ; что же касается до оружія, то въ городѣ издавна находится большой складъ его; оружіе отъ времени портится, требуетъ издержекъ для чистки и пр., слѣдовательно для сохраненія матеріальныхъ интересовъ нужно продать его, городъ давно собирався совершить эту продажу, а теперь случай удобный—Швейцарія дастъ хорошую цѣну; наконецъ Швейцарцы тоже Нѣмцы, и когда-то принадлежали къ имперіи. Городское начальство въ политику не мѣшается, но не имѣетъ права принести въ жертву королю прусскому интересы обершвабскіе.

Впрочемъ, и въ этомъ общинномъ учрежденіи Германія сильно сбивается на городской типъ: Нѣмцы готовы отдать половину своего сельскаго населенія, выслать его въ Америку или въ Россію, но за городъ они стоятъ крѣпко; это ихъ прошедшее и будущее.

Не могу не вспомнить еще одной черты соперничества нѣмецкихъ городовъ, которое бываетъ не безъ хорошихъ послѣдствій. Во время переѣзда въ мальпостъ изъ Штутгарта въ Тюбингенъ, зашелъ разговоръ о новой желѣзной дорогѣ отъ Гейдельберга до Вюрцбурга. «Вы думаете, сказалъ съ торжествомъ мой сосѣдъ, что мы согласимся предоставить всѣ выгоды Баденцамъ, вы думаете, что нашъ Гейльбронъ это потерпитъ? Нѣтъ, мы сами проведемъ дорогу отъ Вюрцбурга: пусть не хвастаются Баденцы, мы имъ докажемъ, что нашъ городъ сумѣетъ постоять за себя; вѣдь Бадену нужно ждать еще засѣданія камеръ, экстреннаго собранія онъ не сдѣлаетъ, а мы воспользуемся этимъ временемъ.» Сосѣдъ былъ веселъ, словно праздновалъ побѣду.

Но возвращаюсь къ Нюрнбергу.

Его памятники старины, его упругость и стойкость противъ преобразованій заставляютъ Нѣмцевъ забыть, что это провинціальный городъ, что онъ даже и не младшій братъ Мюнхена. Назначеніе Нюрнберга сборнымъ мѣстомъ, для общаго дѣла и составленія германскаго торговаго законодательства, было принято всѣми съ удовольствіемъ. Для Германіи составленіе новаго кодекса — замѣчательный актъ самостоятельной юридической жизни; здѣсь въ первый разъ приходится ей идти не на помочахъ римскаго права, которое столько вѣковъ имѣло авторитетъ папской непогрѣшимости. Напрасно лучшіе представители германской народности и новой науки, какъ Ульрихъ фонъ Гуттенъ, протестовали противъ римскаго кодекса, напрасно крестьяне пого-

ловно ополчались и вели свои войны противъ чужеземнаго вторженія въ ихъ жизнь, отстаивая въ XV и XVI вѣкахъ свой старинный словесный судъ, — ученики Болонской школы, съ *Cognus Juris* въ рукахъ, одержали побѣду, заковали Германію въ форму Римской имперіи, съ ея законодательствомъ (1). Новая жизнь наконецъ осиливаетъ вѣковыя преданія; она дала мѣсто такимъ юридическимъ сдѣлкамъ, о которыхъ Римляне не имѣли понятія: весь отдѣлъ о договорахъ, все ученіе о торговыхъ отношеніяхъ надобно создать вновь, и Германія волею-неволею приходится сдѣлать попытку къ национальному законодательству. Новый торговый кодексъ закрѣпитъ еще болѣе *Zollverein*; первое начало ему положено было уже въ 1848 году принятіемъ общегерманскаго вексельнаго права; теперь приводятся къ соглашенію всѣ остальные юридическіе вопросы о торговыхъ сдѣлкахъ. Дѣлая завоеванія внутри, идея Таможеннаго Союза распространяется географически. Австрія и княжество Лихтенштейнское, альфа и омега Германіи, присоединились и къ монетной конвенціи и къ торговому кодексу. Но позвольте снова разстаться съ Нюрнбергомъ и обратиться къ Германіи.

Извѣстно, что въ 1848 году во Франкфуртѣ довольно значительная партія высказалась въ пользу Пруссіи; это такъ-называемые *Gothaer*, въ послѣдствіи измѣнившіе свой характеръ. Въ 1849 году два герцогства отдались Пруссіи и прибавили четвертый отдѣльный округъ королевства. Австрія поняла опасность, и съ тѣхъ поръ старалась всачески ослабить вліяніе прусское и германизироваться по возможности. Она приняла условія Таможеннаго Союза, предложила Вѣну мѣстомъ совѣщанія о монетной системѣ всѣхъ нѣмецкихъ государствъ и не упускала случая выставить себя защитницею общегерманскихъ интересовъ; антагонизмъ къ Пруссіи способенъ былъ увлечь Австрію даже къ несправедливости. Это кокетство двухъ большихъ государствъ передъ Сеймомъ продолжается постоянно, но осторожный Парисъ не выпускаетъ яблока изъ рукъ своихъ. Пруссія воспользовалась вопросомъ шлезвигскимъ и гессенскимъ, чтобы оказать услугу Германіи; Австрія здѣсь и тамъ парализировала ея усилія, отвѣтившись даже на вопіющую несправедливость. Напрасно зять графа Буоля въ своей газетѣ *Journal de Francfort* защищалъ Австрію; Нѣмцы мало вѣрили этой адвокатурѣ; въ минуту опасности, въ 1854 году, Германія рѣшилась забыть о двухъ главныхъ членахъ своихъ и дѣйствовать самостоятельно; она объявила нейтралитетъ и подписала его

(1) Эти смѣлыя мысли противъ римскаго права высказываются теперь очень часто; особенно сильно развиты они Борнеманномъ (президентомъ королевскаго верховнаго суда въ Пруссіи); см. его *Rechtswicklung in Deutschland*. Berl 1856 стр. 37 и другія сочиненія.

на территоріи баварской въ Бамбергѣ — вотъ юридическое лицо, отъ имени котораго «фонъ-дербъ-Пфортенъ» говоритъ свое «мы». Австрія увидала ошибку, поднесла Германіи патентъ на Дунай, какъ плодъ своихъ усилій, и примирилась: *Kölnische Zeitung* стала на сторонѣ Австрійской имперіи (хотя издается въ прусской провинціи), *Allgemeine Zeitung* по католическимъ связямъ также склонилась въ ея пользу. Въ нейнбургскомъ вопросѣ Австрія могла уже смѣло помѣряться съ противникомъ, съ полною надеждою на успѣхъ.

Юридическая сторона этого вопроса не представляетъ особенной трудности. Іенскій профессоръ Шульце, одинъ разъ по собственному желанію, въ другой по порученію Пруссіи, очень убѣдительно доказалъ права прусскаго короля. Конечно, можно замѣтить, что номинальное владѣніе Нѣшателемъ не составляетъ существенной потребности для сѣверно-германскаго государства; неопредѣленное отношеніе двухъ владѣній, остатокъ патримоніальной власти, давно исчезнувшей, — все это не исполнѣ согласуется съ политическимъ бытомъ Европы; фактическая независимость Нѣшателя имѣетъ свое право на признаніе; всеобщее вооруженіе Швейцаріи, ея повсемѣстный энтузіазмъ показали, по выраженію французскаго публициста, что здѣсь дѣйствуетъ не партія, а государство. Представленія великихъ державъ повели къ возможности рѣшить мирно общеевропейскій вопросъ; король Пруссій изъявилъ готовность отказаться отъ своихъ правъ; попытка роялистовъ не была поддержана, и въ этомъ ея приговоръ. Тѣмъ не менѣе интересна процессуальная сторона дѣла относительно Германіи.

Итогъ прошлаго года прусскій король совершилъ поѣздку въ разныя германскія государства, для родственныхъ свиданій съ королевою Баварскою и другими; въ сентябрѣ произошла демонстрація въ Нѣшателѣ, и Пруссія обратилась къ сейму во Франкфуртѣ, который призналъ ея права; вслѣдъ за тѣмъ каждое изъ южно-германскихъ государствъ отдѣльно предоставило ей право на проходъ войскъ. Пруссіи было достаточно этого дозволенія; она не считала нужнымъ согласіе сейма, основываясь на примѣрахъ предшествовавшихъ: Пруссія вспомнила, что безъ дозволенія сейма русскія войска прошли чрезъ ея территорію для спасенія Австріи въ 1849 году, поставила на видъ, что въ вопросѣ нѣшательскомъ интересы германскіе не замѣшаны нисколько, что дѣло идетъ о спорѣ между Пруссіею и государствомъ, стоящимъ внѣ Германіи. Поэтому прусскій король принялъ потомъ французское посредничество, также безъ участія сейма. Австрія возстала противъ такого образа дѣйствія, видѣла въ немъ нарушеніе правъ сейма и неуваженіе къ великому отечеству Германіи: можно ли было защиту Франкфуртскаго собранія промѣнять на посредничество чужеземца, императора Французовъ? «Вы даете, говорятъ Австрійцы и ихъ нѣмецкіе органы, — поводъ Французамъ вмѣши-

ваться въ дѣла Швейцаріи; Наполеонъ III воспользуется своимъ покровительствомъ искуснѣе своего дяди; вы отдаете нашу почти родную Швейцарію въ жертву иностранцамъ; Франція перетолкуетъ благодарность обязанной ея страны слишкомъ широко въ свою пользу; можетъ-быть даже, часть Швейцаріи присоединится къ Французской имперіи, опять явятся твердыни Гюнингена, и Германія въ опасности; какъ можно безъ согласія сейма дозволить проходъ прусскимъ войскамъ? и проч. Австрія заговорила языкомъ, который всегда найдеть сочувствіе въ Германіи; ея слова особенно подѣйствовали на южныя государства союза, гдѣ на позволеніе прохода войска смотрѣли неблагопріятно. И въ самомъ дѣлѣ, въ немъ было что-то странное: какой-то полунейтралитетъ на словахъ и прямая фактическая помощь Пруссіи; кажется, никто не подумалъ о томъ, какія затрудненія могутъ произойти въ случаѣ неудачи Пруссіи: ея войска должны бы отступить на территорію баденскую; вопросъ: обязаны ли Швейцарцы воздержаться отъ преслѣдованія непріятеля, щадить баденскіе города? и пр. Конечно, до Гогенцоллерна не далеко, но вѣдь иногда приходится идти не самою короткою дорогою. Какимъ образомъ осудить Швейцарію на оборонительную войну? Почему Баденъ не дозволитъ Швейцарцамъ двинуть свои войска въ Гогенцоллернъ до прибытія массы прусскихъ силъ? и пр. Однимъ словомъ, тысячи самыхъ запутанныхъ положеній были связаны съ дозволеніемъ прохода. Притомъ нельзя не согласиться, что вопросъ нейенбургскій представлялъ одно возможное рѣшеніе—дипломатическимъ путемъ; получивъ право двинуть свои войска, Пруссія заграждала себѣ дорогу къ почетному отступленію; каждое слово угрозы, произнесенное ею, только затягивало узелъ. Правительства могли имѣть свои счеты съ Швейцаріей, по старымъ воспоминаніямъ, народъ не хотѣлъ войны, и прусскія войска были бы принуждены проходить среди толпы недовольныхъ: народъ понималъ, что ему предстояли денежныя жертвы на пользу Пруссіи: война еще не начиналась, а уже одному Бадену стоила 30,000 гульденовъ (16,000 руб. сер.). Такъ рассуждали въ южной Германіи. Но тѣмъ не менѣе нельзя пенять Франціи за ея посредничество; единая Германія не высказала никакого расположенія къ поддержанію мира. Странно запираетъ международный вопросъ между Одеромъ и Рейномъ; политическія симпатіи и антипатіи должны бы исчезнуть; основанные на нихъ отдѣльные союзы государствъ такъ часто рушились, что сами осудили себя; вмѣсто ихъ должны явиться одинъ общій союзъ, основанный на началахъ права. Конечно, Австрія очень хорошо сознаетъ это, но не перестанетъ упрекать Пруссію въ неуваженіи къ общей матеря, — до тѣхъ поръ, пока не провинится сама въ томъ же, къ великому удовольствію Пруссіи.

И въ то время, когда противники еще не окончили спора, они яви-

жсь въ Нюрнбергъ для общаго дѣла. Германіи нужно много осторожности и изворотливости, чтобы не показать явнаго предпочтенія одному изъ главныхъ членовъ союза. Оба они представили на разсмотрѣніе свои проекты законовъ торговыхъ. Германія рѣшила принять проектъ прусскій, но за то австрійскаго уполномоченнаго выбрала вице-президентомъ комиссіи: президентъ по праву есть баварскій министръ юстиціи. Первыя засѣданія комиссіи идутъ довольно успѣшно: результаты ихъ еще не обнародованы, но должно думать, что въ основаніи кодекса будетъ принято законодательство французское, которое пустило въ Германіи глубокіе корни: въ Баденѣ напримѣръ дѣйствуетъ Code civil, существуютъ французскіе суды присяжныхъ и проч.

Общегерманскій торговый кодексъ явдается вслѣдствіе предложенія Баваріи; пользуясь соперничествомъ Австріи и Пруссіи, королевство Баварское пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе значенія, и старается дѣйствовать во имя интересовъ всей Германіи: оно стояло во главѣ ея въ эпоху послѣдней европейской войны, теперь на его территории собрались уполномоченные для общаго законодательства, наконецъ на дняхъ еще Баварія сдѣлала новое предложеніе—установить одинаковыя нормы въ судопроизводствѣ по гражданскимъ дѣламъ, напримѣръ по исполненію приговоровъ и пр. Многие надѣются, что Германскій сеймъ получитъ болѣе правильное направленіе и ожидаютъ веренія въ самомъ федеральномъ актѣ; давящая сила двухъ большихъ государствъ союза мѣшала свободному развитію Германіи, она налагаетъ обязанности и не даетъ правъ; бывало стоило второстепенной державѣ отмѣнить цензуру, какъ это было въ Баденѣ около 1832 года,—и тотчасъ являлся изъ Франкфурта запретительный указъ. Все политическое законодательство связано, находится подъ контролемъ и не должно отклоняться отъ прусско-австрійскаго образца.

Въ заглавіи этого письма я поставилъ «Нюрнбергъ»,—и мнѣ сожальство передъ почтеннымъ имперскимъ городомъ, что я такъ мало сказалъ о немъ. Передъ Нюрнбергомъ могу оправдаться тѣмъ, что не выходилъ изъ предѣловъ германскихъ интересовъ, а передъ вами нежеланіемъ повторять то, что тысячу разъ напечатано во всѣхъ путеводителяхъ; притомъ какъ-то невѣжливо любоваться картиной и удѣлять другимъ ея безцвѣтное описаніе. На сколько возможно, спѣшу поправить ошибку.

Нюрнбергъ первый подарилъ Европу карманными часами, «нюрнбергскими луковичами», какъ ихъ называли тогда, — теперь даритъ всѣхъ желающихъ своими игрушками и лубочными картинками; послѣднія изображаютъ по большей части современныя событія, въ томъ числѣ 26-е августа 1856 года въ Москвѣ, также народныя праздники и обычаи нюрнбергскіе. Что касается до игрушекъ, то главное ихъ достоинство, кажется, прочность и назидательность: онѣ

даютъ мальчику плугъ, корову, очень похожую на натуральную корову и пр.; замысловатости и граціи отъ нихъ не требуйте. Собственно нюрнбергскій родъ составляютъ изображенія фигуръ и моделей изъ дерева, образцы которыхъ мы привыкли видѣть на Кузнецкомъ Мосту у Дацаро и другихъ; мундиры солдатъ и ихъ украшенія, особенно же суконная одежда, представлены очень отчетливо; конечно, нюрнбергскіе дома, замокъ и церкви занимаютъ здѣсь первое мѣсто.

Какъ хорошъ этотъ замокъ въ дѣйствительности, на горѣ, съ разрушившеюся башнею, съ нюрнбергскимъ гербомъ на воротахъ! Нѣсколько комнатъ замка отдѣлены для пребыванія короля, на случай его пріѣзда; здѣсь, въ 1855 году, король Максъ II провелъ первый мѣсяцъ своего супружества. Нюрнбергцы съ удовольствіемъ вспоминаютъ объ этомъ времени душевнаго сближенія правителя и народа; часто король, одѣтый очень просто, — обыкновенно онъ носитъ чернѣйшій фракъ, — гулялъ по Нюрнбергу и посѣщалъ почетныхъ гражданъ города. Въ Германіи вы довольно часто встрѣтите картину, изображающую посѣщеніе нюрнбергскаго цвѣточнаго рынка королемъ; она перешла въ иллюстрированные альманахи и въ Volkskalender, и выставляется вмѣстѣ съ изображеніемъ народнаго праздника на Ходынскомъ полѣ, съ надписью: *der Kaiser speiset mit seinem Volke*. Обстановка преданнаго народа, стоящаго лицомъ къ лицу съ государемъ, придаетъ особенное значеніе картинѣ. Король Максимилианъ сдѣлалъ многое въ теченіе семи лѣтъ своего правленія: мудрыя реформы слѣдовали одна за другою, вѣра въ благотѣльные слѣдствія образованія не покидала его ни разу. Я говорилъ уже о томъ вниманіи, которое оказываетъ онъ ученымъ и литераторамъ, приглашая ихъ въ свое общество; теперь на собственный счетъ короля издается самое подробное описаніе Баваріи, подъ редакцію Рилля. Наконецъ король Баварскій имѣетъ въ виду основать въ Мюнхенѣ Athenaeum, политическую школу, для образованія полезныхъ дѣятелей высшаго государственнаго управленія, подобно тому, какъ парижскій политехническій институтъ образуетъ великихъ генераловъ. Если король осуществитъ свою любимую мечту, то это будетъ первымъ замѣчательнымъ опытомъ, сознаніемъ того, что для хранителей общественнаго порядка нужны знанія и наука; рутинна и навѣкъ скользятъ по поверхности политической жизни, не проникая внутрь ея; навѣкъ связываетъ челоуѣка съ прошедшимъ, каково бы оно ни было, лишаетъ его сознательной смѣлости реформы, вѣры въ новый лучшій порядокъ. Король видитъ необходимость исправить нѣкоторыя отрасли управленія, упрочить общественный организмъ; но для этого ему необходима стройная фаланга воиновъ, разумные помощники, которые сумѣютъ идти не ощупью, а съ вѣрою въ свое великое дѣло. Нельзя не порадоваться такой мысли; честь и слава государю, кото-

рый готовится построить прочное зданіе на камени науки и нераздѣльной съ нею нравственности.

Въ Нюрнбергѣ издается вѣсколко газетъ политическихъ и литературныхъ: Fränkischer Kurier, Nürnberger Beobachter, Korrespondent von und für Deutschland. Особенно замѣчательнъ послѣдній; «врежде это была хорошая газета, говорилъ мнѣ одинъ католикъ, но теперь потеряла всякое значеніе»; въ переводѣ на другой языкъ это значитъ: прежде она была католическою, теперь стала протестантскою. Большое число дѣльныхъ корреспондентовъ придають газетѣ извѣстное значеніе, и французскіе журналы не разъ дѣлають изъ нея выписки, называя ее Correspondant de Nuremberg. Но въ «Корреспондентѣ», какъ и во всѣхъ германскихъ современныхъ изданіяхъ, дѣло редакціи ограничивается собраніемъ извѣстій; только въ нѣкоторыхъ прусскихъ газетахъ есть политическія обозрѣнія редакцій, да въ Kölnische Zeitung постоянное premier Cologne, которое имѣеть сходство съ политическими статьями парижскихъ газетъ.

Я говорилъ вамъ, въ послѣднемъ письмѣ своемъ, о постановленіяхъ дрезденскаго синода 19—28 мая 1856 года, которыми лютеранская церковь старается дѣйствовать на нравственность прихожанъ. Эти постановленія главнымъ образомъ основывались на обычаяхъ, сохранившихся преимущественно въ Нюрнбергѣ; здѣшнія свадьбы въ простомъ народѣ совершаются со множествомъ обрядовъ; шествіе въ церковь имѣеть характеръ торжественный; его сопровождаетъ пасторъ: на алтарѣ зажигаютъ свѣчи, брачные вѣнцы несутъ впереди и пр.—все это отмѣняется въ случаѣ проступковъ невѣсты. Нюрнбергерцы приняли безусловно о-фициальное освященіе того, что коренилось въ ихъ нравахъ, и протестовали только противъ частной исповѣди: «съ этимъ, говорятъ они, соединяется право наказанія, которое присвоено католическому духовенству; наши пасторы — члены общины, наши друзья, совѣтники, помощники и утѣшители; только судъ можетъ рѣшать, кто правъ и кто виноватъ, только государству принадлежитъ право наказанія.» Изъ Нюрнберга явилась первая протестанція, въ этомъ же городѣ издано увѣщаніе Гарлеса; здѣсь средоточіе баварскихъ лютеранъ. Аугсбургъ слѣдася центромъ учено-литературнымъ, Вюрцбургъ католическимъ, въ Регенсбургѣ собрались рыцари при дворѣ Турна-и-Таксиса, въ рейнской или пфальцской части Баваріи есть также своя столица Шпейеръ.

Я простился съ Нюрнбергомъ, какъ прощаются съ человѣкомъ, о которомъ вы много слышали, и увидали потомъ лучше, чѣмъ рисовало ваше воображеніе. Почтенныя вѣковыя стѣны остались назади; желѣзная дорога, пассажиры, сегодня еще покинувшіе Лейпцигъ, Франкфуртъ, вчера выѣхавшіе изъ Парижа или Брюсселя, за тѣмъ Дунай—все это новые вопросы, все это переноситъ въ иной міръ.

Отъ стариннаго города съ историческими воспоминаніями пере-

хожу къ двумъ небольшимъ «университетскимъ» городамъ—Тюбингену и Эрлангену. Съ перваго шага вы замѣчаете, что здѣсь все тянется къ одному общему центру, что здѣсь студенты основной элементъ народонаселенія: все остальное служитъ для ихъ обстановки. Вотъ они, въ своихъ разноцвѣтныхъ фуражкахъ, съ разноцвѣтными лентами черезъ плечо. Стоить показаться на улицѣ человеку въ шляпѣ, и тотчасъ видно, что это пришлый, и встрѣчающійся Нѣмецъ непременно пожелаетъ вамъ добраго утра, ласково кивнетъ головою: вы его гость, вы пріѣхали въ его городъ. Много отраднаго въ этой массѣ учащейся молодежи, много утѣшительнаго въ этомъ поголовномъ ополченіи во имя науки. Нигдѣ оно не высказывается такъ рельефно, какъ въ маленькихъ городахъ, особенно въ Тюбингенѣ, лежащемъ внѣ линіи желѣзныхъ дорогъ. Въ столичныхъ университетахъ есть студенты; въ маленькихъ городахъ существуетъ сверхъ того «студенчество», Studentenschaft, студентская жизнь съ ея трогательными и отчасти смѣшными сторонами. Юноши съ гордостью указываютъ на Тюбингенъ и Іену, какъ на классическія страны студенчества; есть люди, которые до сѣдыхъ волосъ не могутъ вырваться изъ очарованнаго круга невинныхъ забавъ, комерсовъ и пр.; въ прошломъ году въ Гейдельбергѣ умеръ 70-лѣтній студентъ, не пропуская ни одного *кнейпа*; на дняхъ еще одинъ изъ чувствительныхъ, въ штутгартской газетѣ Morgenblatt, горько оплакивалъ гибель стараго студенчества, съ ужасомъ говорилъ о томъ, что нынѣшніе студенты носятъ перчатки, курятъ сигары вмѣсто классической трубки, имѣютъ визитныя карточки и пр. Когда шла рѣчь о томъ, чтобы перевести университетъ Тюбингенскій въ Штутгартъ, студенты боязливо ждали рѣшенія: оно оказалось въ ихъ пользу; жители Тюбингена праздновали удержаніе университета въ ихъ городѣ, — онъ составляетъ ихъ славу, значеніе и даетъ матеріальныя средства; 5,000 народонаселенія работаетъ и отдаетъ квартиры для 700 студентовъ. Студенчество—особый уголокъ германскаго міра, съ своею литературою, даже съ своимъ языкомъ; Дюма воспользовался имъ для одного изъ своихъ скучныхъ романовъ; теперь оно отживаетъ свое время, держится только въ обветшалыхъ формахъ.

Въ Тюбингенѣ пріѣхалъ я въ день университетскаго траура, 9-го января. Едва только вышелъ я изъ почтовой кареты, какъ увидалъ похоронную процессію, состоявшую главнымъ образомъ изъ студентовъ и профессоровъ. Это были похороны Швеглера, известнаго русскимъ читателямъ по статьямъ П. Н. Кудрявцева объ его «Римской Исторіи». Нѣмецкія газеты сдѣлали нѣсколько замѣчаній о проповѣди, произнесенной надъ могилою Швеглера, и никто не позаботился вспомнить объ его жизни.

А эта жизнь не была лишена глубокаго значенія, сильной внутренней борьбы. Натура сосредоточенная, отчасти болваненная, Шве-

глеръ долго искалъ занятій, сродныхъ его душѣ, и едва въ послѣднiе годы достигъ своей цѣли. Началъ онъ протестантскою теологiею, предався изученiю ея ревностно, хотѣлъ пересилить себя, — и кончилъ совершеннымъ отвращенiемъ. Многие до сихъ поръ не могутъ простить Швеглеру такого отступничества, и можетъ-быть самъ Швеглеръ былъ своимъ главнымъ обвинителемъ; дорого стояла ему рѣшимость спасти свои внутреннiя убѣжденiя, разорвать связь съ прошедшимъ и избрать новую дорогу; онъ чувствовалъ, что не можетъ быть проповѣдникомъ и пасторомъ, и не хотѣлъ обманывать себя и другихъ. Въ одномъ изъ английскихъ романовъ съ художественною вѣрностью представленъ подобный психологическiй процессъ. Швеглеръ не остался вѣренъ нелюбимымъ занятiямъ, кончилъ съ прошедшимъ, — но всю жизнь упрекалъ себя; отсюда его вѣдливость, строгая уединенная жизнь; онъ не дружилъ ни съ кѣмъ, чуждался всякаго общества; одинокий, безъ семейства, усиленнымъ трудомъ онъ хотѣлъ вознаградить потерянное время. Отъ теологiи Швеглеръ перешелъ къ философи и скоро издалъ въ свѣтъ нѣсколько монографiй и *Geschichte der Philosophie im Umriss* (2-е изд. 1855). Обстоятельства не позволили ему ограничиться философiею; чтобы получить мѣсто профессора, онъ долженъ былъ оставить любимую науку и заняться классическою филологiею. Чтенiе римскихъ классиковъ навело его на мысль написать исторiю Рима, и онъ предался этой работѣ съ увлеченiемъ и неутомимо. Недавно вышелъ въ свѣтъ 2-й томъ его Римской Исторiи; третiй найденъ по смерти Швеглера въ рукописи, совершенно готовымъ; исторiя Рима во времена имперiи составляла предметъ его чтенiй въ нынѣшнемъ семестрѣ. Швеглеръ умеръ въ цвѣтѣ силъ, 38 лѣтъ отъ роду, отъ удара нервическаго, возвратившись изъ университета, съ перомъ въ рукахъ. На 26-мъ году онъ уже былъ приватдоцентомъ филологiи. Большая часть его сочиненiй относится къ философи; таковы: *Der Montanismus* (1841), *Das nach-apostolische Zeitalter* (1846), *Die Metaphysik des Aristoteles* (1847); сверхъ того, съ 1843 до 1848 года онъ былъ редакторомъ журнала *Jahrbücher der Gegenwart*, издававшегося въ духъ того времени. Официально Швеглеръ занималъ кафедру классической филологiи (которую преподавалъ также въ католической семинари); но сверхъ того читалъ римскую исторiю и греческую философию для желающихъ. Бѣдность и неудача преслѣдовали Швеглера долго; онъ умеръ, не успѣвъ воспользоваться дольствомъ жизни, которое могъ доставить ему успѣхъ его Римской Исторiи.

Печальная процессiя двигалась медленно и торжественно; впереди шли музыканты; черный гробъ, украшенный цвѣтами, стоялъ на катафалкѣ; студенты въ траурной одеждѣ вели лошадей и несли жезлы университета, убранные флеромъ; за катафалкомъ, по три въ рядъ,

шли члены Burschenschaft, за ними корпораціи въ своихъ «уражкахъ», съ траурными кокардами, далѣе въ томъ же порядкѣ воспитанники семинаріи; за ними горожане, наконецъ канцлеръ университета и профессоры въ мантияхъ.

Тюбингенскій университетъ оплакиваетъ уже не первую утрату; недавно еще онъ проводилъ до могилы Фольца и даровитѣйшаго изъ профессоревъ международнаго права, Фаллати. Итальянецъ по происхожденію, Фаллати родился въ Германіи и всю жизнь свою посвятилъ новому отечеству; онъ принималъ участіе въ его политическомъ устройствѣ, въ качествѣ представителя Вюртемберга во «франко-вюртскомъ» собраніи 1848 года (теперешній канцлеръ университета представляетъ королевство въ нюрнбергскихъ конференціяхъ). Часто предпринимая поѣздки въ Англию, Францію и Италию, Фаллати снова возвращался къ своей кафедрѣ въ Тюбингенѣ. Это была его вторая родина, которую онъ любилъ, которой посвятилъ всю свою жизнь и имущество.

Послѣ его смерти бібліотека его поступила во владѣніе университета. Это, безспорно, лучшая бібліотека по международному праву въ Германіи. Благодаря радушію бібліотекаря, я могъ пользоваться каталогомъ ея и всѣми книгами по своему выбору въ теченіе нѣсколькихъ дней. Тюбингенская бібліотека состоитъ изъ 200,000 томовъ и помѣщается въ старомъ замкѣ; особенно драгоцѣнно здѣсь собраніе мелкихъ политическихъ брошюръ, которыя имѣютъ интересъ мгновенный, скоро исчезаютъ изъ торговаго оборота, а между тѣмъ въ общей массѣ превосходно рисуютъ эпоху.

Тюбингенъ имѣетъ свою, хотя и незначительную, журнальную литературу. Во всемъ королевствѣ, при 1½ миллионѣ народонаселенія, издается 159 газетъ и журналовъ, изъ нихъ 127 не политическихъ; специально-ученыхъ изданій 34. Въ числѣ послѣднихъ первое мѣсто занимаетъ тюбингенскій журналъ, Zeitschrift für die gesammten Staatswissenschaften, основанный въ 1844 году Р. Фонъ-Модемъ и членами «акультета государственныхъ наукъ». Журналъ этотъ—одно изъ лучшихъ спеціальныхъ изданій въ Европѣ—существуетъ при 300 подписчикахъ.

Впрочемъ въ Германіи центры журнальной дѣятельности зависятъ не столько отъ редактора и сотрудниковъ, сколько отъ книгопродавецъ-издателей. Такъ напримѣръ въ Лейпцигѣ выходитъ ботаническій журналъ, котораго редакторъ въ Тюбингенѣ; отъ дѣлъ книгопродавца зависятъ судьба изданія. Zeitschrift für die Rechtswissenschaft Миттермайера и Моля въ Гейдельбергѣ прекратился, потому что книгопродавецъ потерпѣлъ торговыя неудачи. Отъ этого наоборотъ въ Эрлангенѣ издается такъ много книгъ и журналовъ, тогда какъ профессоры небольшого провинціального университета принимаютъ мало участія въ литературномъ движеніи. Книгопродавецъ обыкновенно

покупаетъ право изданія на очень выгодныхъ условіяхъ: онъ печатаетъ книгу на свой счетъ и по мѣрѣ продажи отдаетъ автору половину вырученной суммы; въ его пользу остается 50%, но отсюда должно вычесть издержки на объявленія, на пересылку книгъ, уступку книгопродавцамъ и проч. Въ Германіи такъ много пишущихъ, что далеко не всѣ могутъ найти издателей даже на такихъ условіяхъ; изъ 2,500 книгопродавческихъ фирмъ германскихъ, только весьма небольшая часть занимается изданіемъ книгъ: Котта, Брокгаузъ и Пертесъ—почтенныя имена въ нѣмецкой литературѣ. Если я прибавлю къ нимъ имя Энке въ Эрлангенѣ, то, кажется, означу все замѣчательное въ этомъ маленькомъ городѣ. Университетъ Эрлангенскій, единственный дѣйствующій протестантскій въ Баваріи, извѣстенъ по своему теологическому факультету; всѣ остальные довольно слабы. Баварія получила его по наслѣдству отъ маркграфовъ Байрейтскихъ и потомъ отъ Пруссіи. Одинъ изъ маркграфовъ, Фридрихъ, въ 1743 году отдалъ свой дворецъ и все частное имущество университету, такъ что теперь въ Эрлангенѣ одно изъ лучшихъ университетскихъ знаній Германіи; въ 1843 году на площади его воздвигнуть памятникъ его основателю.

Гейдельбергъ.
10 февр. 1857.

М. Капустинъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ФЛОРЕНЦИИ (1)

III.

Флоренція, января 16 (4-го)

Здѣсь все еще не наговорятся о Перголь. И въ самомъ театрѣ и въ журналахъ нѣкоторое время только и было рѣчи объ его стилѣ и объ его украшеніяхъ. Каждая часть подвергается подробному разбору. Много любятъ атриумомъ, который ведетъ къ партеру и который въ сажомъ дѣлѣ изященъ. Въ немъ нравится прекрасная колоннада, яркое освѣщеніе и самый входъ въ партеръ, устроенный съ отличнымъ вкусомъ. Внутри театра также ничего не оставлено безъ вниманія: обозрѣвъ всѣ ряды ложъ и разобравъ всѣ ихъ украшенія, состоящія изъ позолоченныхъ арабесокъ на бѣломъ фонѣ, критическій взглядъ изобразится потомъ на потолокъ, расписанный очень тонкою кистію, и въ заключеніе всего цѣпляется за лампу, которою точно нельзя довольно налюбоваться. Флорентинцы съ нѣкотораго рода гордостію указываютъ на нее какъ на свое мѣстное произведеніе, отличное и на парижской выставкѣ. Что мнѣ сказать вамъ о Перголь? потому что нельзя же умолчать о томъ, что занимаетъ здѣсь всѣхъ. Пергола несравненно наряднѣе и изящнѣе другихъ итальянскихъ театровъ,

(1) См. Русскій Вѣстн. 1857 года, № 3.

какіе мнѣ случалось видѣть, однако устройство его то же самое, то-есть, всѣ ряды ложъ имѣютъ видъ однообразныхъ отверстій, прорѣзанныхъ въ одной ровной стѣнѣ; у нихъ нѣтъ ничего выдающагося, другими словами, нѣтъ профиля. Ложи также отдѣлены одна отъ другой глухими стѣнами и почти нисколько не углубляются внутрь, отъ чего глазу нѣтъ никакого простора, и вниманіе не поддерживается разнообразіемъ впечатлѣнія. Но довольно объ этомъ... Въ самомъ дѣлѣ, что вамъ до Перголы?

Вамъ вѣроятно любопытно было бы слышать что-нибудь о Ристори. Вы бы можетъ-быть хотѣли лучше, чтобы я передалъ вамъ мой впечатлѣнія отъ ея игры? Такъ ли великъ талантъ ея, какъ громка ея слава, и какъ относится онъ къ другимъ знаменитостямъ въ томъ же родѣ?

Въ Италіи едва ли позволительно ставить вопросы, когда рѣчь идетъ о Ристори. Вопросъ показываетъ нѣкоторое сомнѣніе, а тутъ ему нѣтъ мѣста. Для итальянскаго артистическаго воззрѣнія это непреложная догма, что Ристори первый сценическій талантъ нашего времени. Знаете, какими привѣтствіями встрѣчена была она въ журналахъ, прежде чѣмъ выступила на сценѣ? Что вотъ пріѣхала «побѣдительница Европы»... Ее не въ шутку сравнивали — съ кѣмъ бы вы думали? Съ французскими генералами, Канроберомъ и Пелисье, говоря, что какъ тѣ, такъ и она не завоевала, конечно, ни клочка земли, а между тѣмъ, какъ и они, «стяжала» въ своихъ странствованіяхъ по Европѣ безсмертную славу. *Immortale Ristori* — объ этомъ больше и спору нѣтъ. *Donna di genio, regina dell'artiste drammatiche eugoree* — эти и подобные тому эпитеты стали здѣсь необходимою принадлежностію ея имени. Судите сами, есть ли тутъ мѣсто вопросамъ, тѣмъ болѣе какимъ-нибудь сомнѣніямъ?

Взглянувъ на Ристори своими глазами, вы придете почти къ тѣмъ же заключеніямъ. Средства ея самыя богатая: прекрасный ростъ, статность, необыкновенно красивое и очень выразительное лицо, голосъ звучный и сильный. Черты лица артистки чисто итальянскія: продолговатый профиль, прекрасный лобъ съ правильными черными бровями, красивый разрезъ большихъ черныхъ глазъ, носъ почти римскій и тонкій подбородокъ. Она нѣсколько полна, но такъ, что это лишь прибавляетъ ей статности, нисколько не портя ея фигуры. Рукамъ ея отдала бы справедливость самыя взыскательныя судьбы, и она умѣетъ ими пользоваться для выразительности своей мимики. Видно, что артистка много изучала искусство прекрасныхъ тѣлодвиженій: они всегда почти очень красивы у нея и имѣютъ свой смыслъ. Лицо способно для выраженія многихъ оттѣнковъ чувства: возвышенное и нѣжное, страшное и трогательное выражаются на немъ весьма рельефными чертами. У нея нѣтъ напрасныхъ движеній: все прекрасно обдуманно и служитъ для одной общей цѣли. Артистка не только

знать свои средства, но и владеть ими. Въ голосѣ есть всѣ необходимыя звуки для выраженія различныхъ трагическихъ оттѣнковъ; нѣкоторые тоны даже сами по себѣ способны произвести довольно сильное дѣйствіе. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что общее впечатлѣніе прекрасно, и что артистка кажется на сценѣ совершенно безукоризненною.

Ристори начала здѣсь свои представленія съ «Мирры» Альѳиери. Избѣгая повторенія старыхъ впечатлѣній, я обошелъ первую роль и предпочелъ видѣть знаменитую артистку въ «Медеѣ». Медея, какъ извѣстно, имѣетъ двѣ исторіи: древнюю и новую. Древняя состоитъ въ томъ, что аргонавтъ Язонъ женился на Медеѣ, а потомъ прогналъ ее отъ себя и т. д. Новая же повѣствуетъ, что французская артистка отказалась играть Медею, а итальянская взялась... Итѣкъ, вопреки одному моему другу, который на дняхъ увѣрлялъ меня, что видѣлъ Рашель въ Медеѣ, я долженъ сказать, что Медея есть собственно созданіе Ристори. Жаль, что нельзя было повѣрить перваго впечатлѣнія еще однимъ (Медея здѣсь не повторялась); но въ первомъ было много поражающаго. На эту трагедію не приносишь съ собою никакого готоваго идеала: трудно представить себѣ какую-нибудь Медею, не увидавши ее прежде на сценѣ, а увидавши ее въ первый разъ въ лицѣ искусной артистки, трудно не поддаться силѣ того впечатлѣнія, которое она производитъ своею игрою. Поражаешься многимъ, первымъ появленіемъ Медеи на сценѣ съ дѣтьми, встрѣчею ее съ Креузою, ея разказомъ о любви къ Язону, ея встрѣчею съ мужемъ, и пр. Иногда, кажется, видишь передъ собою эскизы, начертанные кистью сиблага художника, напримѣръ изъ школы Микель-Анджело. Пластикѣ надобно отдать всю справедливость: она вполне соотвѣтствуетъ дѣйствию, она весьма изобразительна. Часто слышатся при томъ тоны, вамъ какъ-будто знакомые, но на нихъ не останавливаешься много, потому что дѣйствіе и лица новы. Жаль еще, что авторъ «либретто» (иначе я не умѣю назвать текстъ Медеи), особенно въ двухъ послѣднихъ актахъ, часто даетъ почувствовать свою неискусную руку. Такъ напримѣръ сцена дѣленія дѣтей между Медеєю, ихъ истинною матерью, и Креузою, то-есть мачихою, слишкомъ длинна, такъ что даетъ замѣтить зрителю свою неестественность... Этому обстоятельству я долженъ былъ приписать то, что послѣдніе два акта не только не превзошли первыхъ силою дѣйствія, но еще показались нѣ такъ занимательны... Интересъ, такъ сильно возбужденный первыми сценами, нисколько не выросъ въ послѣднихъ, хотя въ нихъ собраны черты, можетъ-быть еще болѣе поразительнаго свойства. Впрочемъ, и то сказать—всему есть предѣлъ. Какое искусство напримѣръ, поможетъ возбудить участіе зрителя къ сценѣ, въ которой матери приходитъ на мысль убійство ея же дѣтей своею рукою?... Не знаю, какой талантъ можетъ довести подобную сцену до того очарованія, которое производитъ подобіе истины...

За Медеєю слѣдовали «La Locandiera», комедія Гольдони, и «Розамунда», трагедія Альфieri. За тѣмъ объявлена была «Федра», кажется нарочно для Ристори переведенная на итальянскій языкъ. При имени Федры сколько пробуждается въ памяти прекрасныхъ воспоминаній! Какой художественный образъ встаетъ въ душѣ, сохранившійся въ ней отъ прежнихъ дней! Благодарность всякому таланту, который бы только обновилъ и освѣжилъ въ насъ эти любимыя воспоминанія... Постараемся однако удалить мысль о сравненіи и прежде всего дадимъ мѣсто живымъ впечатлѣніямъ. Открывается занавѣсъ... Нельзя не узнать Федры: тотъ же костюмъ царственный греческой жены (только цвѣта другіе), та же уборка головы, увѣнчанной золотою діадемою, та же походка, движенія, то же выраженіе страсти въ нихъ, и часто кажется слышишь тѣ же самые тоны. Точно, это Федра! Въ ней нельзя ошибиться. Посмотримъ далѣе.. Проходить актъ за актомъ,—а страсть въ то же время проходитъ въ одноѣ лицѣ разными свои фазы — любовь, сначала затаенную, потомъ высказанную, ревность, мщеніе и т. д. То она какъ-будто утихаетъ, смиряется, то опять растетъ и дышитъ страшнымъ жаромъ. И всѣ эти переходы переданы такъ, какъ вы желали бы видѣть ихъ на сценѣ. Опять нельзя не узнать Федры, и когда она дѣлаетъ признаніе въ своей любви, и когда она старается выманить отвѣтъ на нее у своего идола, и когда волнуется, страшно возмущенная его холодностію, и когда наконецъ, разочарованная во всѣхъ своихъ мечтахъ, разсыпается проклятіями на ту, которая своими внушеніями вывела наружу ея сердечную тайну. Такъ, это она — говорите вы, слѣдя за ея движеніями, то страстно быстрыми и не рѣдко даже насильственными, то медленно томными, свидѣтельствующими объ изнеможеніи силъ послѣ бурнаго порыва. Особенно поразительна кажется эта страсть въ выраженіи ревности.. Можно подумать, что злыя страсти, какъ ревность, мщеніе, трогаютъ самую живую струну въ талантѣ артистки, что *c'est son fort*. Она дѣйствительно грозна, когда грозить, она страшна, когда выражаетъ ярость въ своихъ словахъ...

Итакъ, вы видѣли, вы узнали Федру, и остались вполне удовлетворены ея сценическимъ исполненіемъ. Вы не были даже обмануты въ вашемъ ожиданіи — видѣть яркое выраженіе страсти въ соединеніи съ пластическою красотою. Все это дѣйствительно прошло передъ вашими глазами, и все это не можетъ не нравиться. Чего же болѣе для полноты впечатлѣнія?

Еслибы можно было только отдѣлаться отъ сравненія! Но его устранить совершенно нельзя, когда оно уже заложено въ васъ прежнимъ опытомъ. Какъ ни гоните его, оно воротится, оно напомнитъ о себѣ и непременно потребуетъ у васъ отчета, то—естъ вывода. Такъ и въ этомъ случаѣ, о которомъ идетъ рѣчь моя, не могу я никакъ отдѣлаться отъ вопроса: что же *нового* нашелъ я для себя въ этомъ

новомъ выраженіи знакомаго мнѣ уже типа? Какія черты тутъ прибавлены вновь, или весь типъ споина пересозданъ художественною фантазією артиста? Потому что, если говорить о созданіи, о творчествѣ, то въ чемъ же иначе находить его? Но я уже вамъ сказалъ и повторю еще разъ, что я *узналъ* Федру, прекрасную, хотя и дышащую страстію Федру, и что не узнать ее было нельзя по многимъ признакамъ. Взявъсь потомъ все впечатлѣніе, взятое въ цѣломъ, я смѣю по чувству могу сказать, что мнѣ еще разъ, хотя въ новомъ образѣ, представилась знакомая мнѣ Федра. Новаго созданія я не нашелъ... Не то, чтобы видѣнное мною отзывалось подражаніемъ: о немъ не можетъ быть здѣсь рѣчи. Но я также твердо могу сказать, что тутъ не было того первенствующаго и властительнаго творчества, которое не знаетъ ничего себѣ предшествующаго и покоряетъ себѣ всевольно. Довольно, что Федра на флорентинской сценѣ была прекрасна и заслужила справедливыя рукоплесканія.

Такъ рѣшивъ себѣ общій вопросъ, пылливость моя обратилась уже и на подробности. Всѣ ихъ, конечно, трудно уловить съ одного раза: для того нужно было бы видѣть нѣсколько представленій одной и той же роли. Но — попробуемъ. Въ игрѣ Ристори есть нѣкоторыя особенности, безспорно принадлежащія ей. Я не знаю только, всѣ ли онѣ говорятъ въ ее выгоду. Надобно замѣтить, что роль Федры требуетъ игры въ высшей степени деликатной. Здѣсь есть своя постепенность оттѣнковъ, есть черты столько тонкія, что малѣйшее пренебреженіе ими со стороны артиста можетъ повредить гармоніи цѣлаго впечатлѣнія. У Ристори, нѣтъ спора, превосходно удаются отдѣльныя мѣста, но мнѣ кажется, мнѣ сдается, есть и нѣкоторыя пустоты. Впечатлѣніе, вами получаемое, происходитъ такъ-сказать, не отъ всѣхъ точекъ игры, взятыхъ вмѣстѣ, а лишь отъ самыхъ рельефнѣйшихъ мѣстъ, прикрывающихъ въ глазахъ зрителя нѣкоторыя недостаточныя наполненныя промежутки... Мнѣ показалось также, — и я вижу резоны до сихъ поръ оставаться при моемъ мнѣніи — что въ игрѣ ее не было той непрерывной художественной постепенности, которую мы приучены были видѣть въ той же роли въ другомъ мѣстѣ и въ другое время... Томленіе затаенной страсти, при первомъ появленіи Федры на сценѣ, кажется дано было почувствовать зрителю во внѣшнихъ движеніяхъ сильнѣе, чѣмъ бы слѣдовало; объясненіе съ Ипполитомъ, наоборотъ, вышло нѣсколько сухо; выраженіе ревности выдалось слишкомъ рѣзко передъ другими движеніями той же страстной натуры. Замѣчу еще одну особенность: въ послѣднемъ актѣ Федра, умирающая Федра остается большею частью на рукахъ поддерживающихъ ее женщинъ, тогда какъ мы помнимъ Федру, которая медленно истаиваетъ, сидя въ креслахъ. Первое положеніе даетъ гораздо больше простора разнымъ спокойнымъ движеніямъ, но за то послѣднее кажется намъ гораздо естественнѣе.

Два раза потомъ выступала Ристори въ «Маріи Стюартъ». Едва ли это не лучшая ея роль, то-есть наиболѣе отдѣланная, оконченная и оставляющая наиболѣе полное впечатлѣніе. Какъ извѣстно, эта роль не представляетъ много разнообразныхъ оттѣнковъ. Въ ней собственно двѣ стороны: Марія Стюартъ, натура легко воспламеняющаяся, горячая, страстная какъ въ любви, такъ и въ ненависти, чувствительная къ личному оскорбленію и увлекающаяся своимъ чувствомъ до забвенія самыхъ инстинктовъ самохраненія, словомъ, природа женственная въ полномъ смыслѣ слова, вся состоящая изъ порыва и самаго искренняго увлеченія, въ которыхъ ея слабость и вмѣстѣ сила, неотразимо дѣйствующая на другихъ; — и потомъ Марія — женщина, до краевъ испившая чашу несчастій, смирившаяся передъ неумолимымъ рокомъ, ея преслѣдующимъ, и въ теплой вѣрѣ своей открывшая неистощимый источникъ утѣшенія и душевной твердости, которая не блѣднѣетъ передъ лицомъ смерти. Такою изобразилъ ее поэтъ, — и я не думаю, чтобы въ своемъ изображеніи онъ много отступилъ отъ исторической истины. И та и другая сторона роли находятъ себѣ въ Ристори превосходную истолковательницу. Игра ея обдуманна, умна, отчетлива, и нравится столько же выражаемымъ ею смысломъ, сколько и всею своею внѣшностію. Позы прекрасны, движенія благородны и выразительны вмѣстѣ. Разумѣется, всю силу свою артистка сосредоточиваетъ на знаменитой сценѣ третьяго акта, — и эта сцена выполняется ею безукоризненно. Долго не забудешь того жеста, которымъ она провожаетъ до глубины души оскорбленную Елизавету. Игра ея лица и тоны голоса, которыми она произноситъ нѣкоторыя слова въ той же сценѣ (*bastarda* и пр.), не оставляютъ желать ничего болѣе. Какъ хороша она потомъ въ заключительномъ актѣ! Тутъ немного словъ, еще менѣе дѣйствія, но сколько прекрасныхъ движеній! Сколько красоты въ самомъ смиреніи этой несчастной женщины и покорности ея своей судьбѣ! Можно сказать, что въ этомъ актѣ Ристори своею прекрасною игрою заставлятъ забывать недостатокъ самаго дѣйствія.

Очень жаль, что мнѣ не случилось видѣть Рашель въ той же роли, въ бытность ея въ Москвѣ. (Вы видите, что я опять возвращаюсь къ сравненію. Да и можно ли удержаться отъ него, когда оно само безпрестанно просится на мысль?) Объ игрѣ ея въ Маріи Стюартъ у меня остались лишь отдаленныя, можетъ-быть даже нѣсколько устарѣлыя воспоминанія. О послѣднемъ актѣ я почти ничего не могу сказать: онъ изгладился изъ моей памяти. Не думаю, чтобы то же самое могло повториться съ представленіемъ, которое мнѣ случилось видѣть во Флоренціи. Въ моихъ старыхъ воспоминаніяхъ изъ всей пьесы уцѣлѣла только сцена третьяго акта, и уцѣлѣла такъ, что впечатлѣніе отъ нея кажется не изгладится никогда. Не знаю, повторится ли то же самое съ другимъ исполненіемъ той же сцены, кото-

рое пока у меня въ общественной памяти. Чего не доставало ему? Кажется, тутъ было все, чего только можно требовать отъ высокаго сценическаго таланта; кажется, были употреблены въ дѣло все средства таланта и искусства, и какъ я уже сказалъ, исполненіе вышло безукоризненно. Но отчего же не повторилось во всей силѣ то глубоко потрясающее впечатлѣніе, которое однажды запало въ душу почти при тѣхъ же самыхъ условіяхъ? Отчего, дѣйствуя минутно, оно не покорило себѣ зрителя надолго? Я говорю «зрителя», потому что можѣ наблюдать то же самое дѣйствіе и надъ другими.

Ничто подобное тому чувствовалось мнѣ, хотя можетъ-быть сознавалось менѣе ясно, и при представленіи Федры. Слышалось много знакомыхъ тоновъ; иногда цѣлыя сцены невольно возвращали меня къ знакомымъ воспоминаніямъ: но — но мнѣ сдается (пусть Италия не слышитъ меня), что имъ часто не доставало той внутренней силы, которая одна способна превратить звукъ голоса въ металлъ и сообщить словамъ его твердость и тяжесть; имъ не доставало не то чтобы чувства—это странно было бы утверждать—а того огня воодушевленія, который зажигается въ артистѣ прежде словъ и черезъ нихъ потомъ неотразимо передается зрителю. Ристори превосходно *подражаетъ* страстямъ и до совершенства обманываетъ ваше зрѣніе и слухъ; но если меня не обманываютъ мои наблюденія, то на сцену можетъ быть перенесенъ и самый жаръ страсти, и въ тонахъ голоса—переданы неподдѣльные ея волненія. Иначе я не умѣю себѣ объяснить, почему, при одинаковой силѣ голоса и ровномъ его возвышеніи, въ одномъ случаѣ однако произведеніемъ бываетъ какой-то въ самую душу западающій вопль, а въ другомъ — лишь извѣстной силы музыкальная нота, которой дѣйствіе поражаетъ болѣе внѣшній органъ, нежели внутреннее чувство. Вспомните Федру, Роксану, Камиллу, виданную нами въ Москвѣ... Я видѣлъ выходы Ристори на сцену послѣ представленія: какъ она скоро на вызовъ, и съ какою веселою миною всегда показывается публикѣ! При этомъ нельзя было не вспомнить выходы Рашели, послѣ Камиллы особенно... Впрочемъ я и теперь, какъ прежде, не вѣрю, чтобы возможна была другая Камилла.

Внѣшнія средства у Ристори едва ли не богаче. Она въ полномъ смыслѣ слова *belle femme*, хорошо и пропорционально сложена, стройна, красива и скорѣе полна, чѣмъ худа. Съ этой стороны ей не услышать отъ критики ни малѣйшаго укора. Лицо ея весело, подвижно и покоряется выраженію самыхъ разнообразныхъ чувствъ; но я не могу сказать, чтобы оно было вполне выразительно, или чтобы артисткѣ удавалось по желанію всякое выраженіе. Я помню, въ Медѣ я — если не ошибаюсь — также въ Федрѣ, выраженіе сильнаго страха было замѣтно принужденнымъ; умиленіе при видѣ дѣтей, которыхъ за минуту передъ тѣмъ Медѣ хотѣла привести въ жертву своему

мнѣнію, по моему тоже не удалось, или вышло очень насильственно. Оттого иногда нарушается ровность впечатлѣнія. Всего менѣе, сколько я замѣтилъ, лицо итальянской артистки покоряется выраженію ироніи, а какъ много значить эта черта между средствами драматическаго таланта!

Не подумайте, чтобы Итальянцы, говоря о Ристори, выражались и въ простомъ разговорѣ тѣмъ же торжественнымъ тономъ, какимъ принято разсуждать о ней въ журналистикѣ. Отдавая должное достоинствамъ артистки, они между собою позволяютъ себѣ также дѣлать и нѣкоторыя замѣчанія относительно ея игры. Мнѣ однажды случилось даже подслушать, и притомъ отъ судей повидимому очень скромныхъ, выраженіе «*troppo affettata*». Но я не могу принять этого выраженія буквально, какъ мы обыкновенно его принимаемъ. Оно можетъ отчасти быть приложено къ Ристори, но лишь въ особенномъ смыслѣ. Какъ въ игрѣ ея не рѣдко можно бываетъ замѣтить, что внѣшнее выраженіе страсти опережаетъ у нея внутреннее движеніе, или даже существуетъ независимо отъ него, то этотъ перевѣсъ внѣшняго искусства, хотя въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательнаго, получаетъ въ глазахъ зрителя видъ аффектаціи. Но сравнивая мои впечатлѣнія прежнихъ лѣтъ съ игрою той же артистки въ настоящее время, я могу говорить только въ ея пользу. Такъ умѣла она освободиться отъ недостатка, который, на мои глаза по крайней мѣрѣ, закрывалъ прежде многія ея достоинства.

Ужъ болѣе недѣли, какъ Ристори оставила Флоренцію и отправилась въ Неаполь, откуда на обратномъ пути дастъ нѣсколько представленій въ Римѣ. Не задолго до отъѣзда артистки, въ честь ея данъ былъ здѣсь почитателями ея таланта «банкетъ», на которомъ присутствовали—мужъ ея, маркизъ Копраника, директоры журналовъ и многіе литераторы и артисты. Были читаны сложенные въ честь ея стихи, въ томъ числѣ и французскіе (написанные, если не ошибаюсь, г. Сюбираномъ). Къ общему удовольствію всего общества, Ристори сама отвѣчала на нихъ шестистопишемъ. Я бы выписалъ ихъ вамъ въ газетъ, да что вамъ въ стихахъ, когда вы не были на пиру? Теперь говорю о Ристори замолкъ, но маленькіе здѣшніе журналы еще продолжаютъ питаться ея славой и наполнять ею свои страницы. То читается хвалебный гимнъ въ честь ея, то пышное описаніе даннаго ей банкета, то обзоръ всѣхъ ея ролей, то нѣчто—объ ея всемірно-историческомъ значеніи.

П. Кудрявцевъ.

ДРЕВНЕ-СЪВЕРНАЯ ЖИЗНЬ.

Altnordisches Leben. Von Karl Weinhold. Berlin. 1856.

Новое сочиненіе автора «Нѣмецкихъ Женщинъ въ средніе вѣка» имѣетъ предметомъ полную характеристику жизни древне-сѣверныхъ или скандинавскихъ племенъ, населяющихъ Скандинавскій полуостровъ, Данию и Исландію. Оно раздѣлено на два отдѣла. Въ первомъ авторъ знакомитъ читателя съ внѣшнею обстановкою, съ самымъ образомъ жизни: съ бытомъ пастушескимъ, охотничьимъ, земледѣльческимъ, торговымъ; съ мореплаваніемъ, монетою, мѣрами; съ одѣваніемъ, оружіемъ, жилищами. Второй отдѣлъ посвященъ собственно духовной жизни сѣверныхъ племенъ. Онъ начинается характеристикой семейнаго быта и воспитанія дѣтей и оканчивается погребальными обрядами. Въ этой широкой рамѣ, обнимающей жизнь человека, отъ колыбели до могилы, авторъ размѣстилъ интереснѣйшіе эпизоды о скандинавской поэзіи, о пословицахъ, о сказаніяхъ, или сагахъ, о письменахъ, о законодательствѣ и правахъ и т. п.

Обширная начитанность въ скандинавской литературѣ, умѣнье группировать мельчайшія подробности, взятая изъ источниковъ, убѣдительность выводовъ, всегда основанныхъ на фактахъ, и, за отсутствіемъ всякихъ отвлеченностей, счастливая способность характеризовать предметъ любопытными подробностями, возбуждающими въ воображеніи читателя полную картину давно минувшей жизни — все это вмѣстѣ придаетъ чисто ученому изслѣдованію г. Вейнгольда занимательность романа. Профессоръ одного изъ небольшихъ университетовъ Австріи, именно въ Грецѣ, авторъ имѣлъ случай глубоко изучить сѣверную нѣмецкую старину: онъ во многомъ предпочитаетъ ее современности; любить ее искренно, но умѣетъ быть безпристрастнымъ къ ея темнымъ сторонамъ. Это, такъ-сказать, *ирманобильское* увлеченіе, скрѣпленное изученіемъ и просвѣтленное безпристрастнымъ взглядомъ, даетъ особенную теплоту и ясность ряду живописныхъ картинъ сѣверной жизни.

Мы, Русскіе, съ малыхъ лѣтъ привыкаемъ къ мысли о какихъ-то темныхъ въ до-историческомъ отдаленіи теряющихся связяхъ древней Руси съ Скандинавіею. Въ книгѣ г. Вейнгольда, дѣйствительно,

встрѣтимъ много своего, роднаго, вслѣдствіе ли до-историческаго сродства индо-европейскихъ народовъ, или вслѣдствіе частныхъ сношеній нашихъ предковъ съ сѣверными Германцами — рѣшать теперь не будемъ. Замѣтимъ только, что родство съ Скандинавіею во многихъ случаяхъ не ограничивается Русью, распространяясь и на другія славянскія племена.

Переселенію Германцевъ въ Скандинавію предшествуютъ, по мнѣнію автора, два отдаленные періода — финскій и кельтическій (1), оставившіе по себѣ слѣды въ насыпяхъ и могилахъ. Германцы вели еще пастушескую жизнь, когда поселились впервые въ Скандинавіи. Съ раздѣленіемъ общества на сословія или классы, и домашній скотъ былъ какъ бы распределенъ между рабами, земледѣльцами и благородными. На долю первыхъ достались свиньи и козы, вторымъ — стада быковъ и коровъ; конь — принадлежность челоѣвка благороднаго, героя. Корова — символъ плодородія; подъ мифическимъ именемъ Аудумлы, она способствовала происхожденію первыхъ какихъ-то челоѣвкообразныхъ существъ на землѣ. Между пастухомъ и его стадомъ завязывается тѣсная связь: желая вложить какъ бы челоѣвческую личность своимъ быкамъ и барашкамъ, онъ даетъ имъ челоѣвческія имена. У нѣкоторыхъ были любимые быки: имъ посеребрили или золотили рога. Еще большею честью пользовались кони. Между ними были посвященные богамъ; они стояли при храмахъ и предсказывали будущее своимъ ржаніемъ. Самая высшая жертва богамъ — конь. Даже кости коня имѣли чарующую силу, могли приносить вредъ; особенно его черепъ: это напоминаетъ древнюю сказку объ Олгѣ.

Земледѣліе рано распространилось на полуостровъ, и потомъ, вмѣстѣ съ первыми выселенцами и на островъ Исландіи, который былъ въ древности значительно богаче растительностію. По берегамъ и долинамъ простирались густыя березовыя рощи — правда, не отличавшіяся высотой: потому строевой лѣсъ Исландцы добывали съ полуострова. Такъ какъ въ Исландіи преимуществовала береза, то *дерево* вообще, *лѣсъ* и *береза* выражались однимъ и тѣмъ же словомъ (skógr): между тѣмъ какъ Славяне занимали полосу дуба, почему въ древнихъ нашихъ рукописяхъ *дубъ* употребляется въ смыслѣ *дерева* вообще.

Почва Исландіи и доселѣ кое-гдѣ сохранила слѣды древней сохи и заступа. Землю обрабатывали преимущественно вблизи теплыхъ источниковъ. Нынѣшніе земледѣльцы на островѣ не умѣютъ пользоваться этими мѣстными выгодами.

(1) Кельтическій періодъ въ Скандинавіи, оставившій по себѣ въ могилахъ мѣдныя издѣлія, составляетъ вопросъ спорный. См Heidelberg. Jahrbüch. 1856 г. 9-я тетрадь. Стр. 670.

Пчеловодство воздѣлывалось только въ болѣе умѣренныхъ странахъ скандинавскаго населенія. Пчелъ держали въ ульяхъ; пчельникъ, какъ у насъ, огораживали частоколомъ. Преданія о медѣ восходятъ у Германцевъ до мненческой древности. Дерево міра, къ которому, по сказаніямъ, примыкаетъ девятью ярусами всемірный чертогъ, — каждое утро стряхиваетъ съ своихъ листьевъ медвяную росу на лицо пчеламъ. Какъ граціозно это прекрасное сказаніе о гигантскомъ деревѣ, основѣ всего міра, — которое приноситъ свою дань этому маленькому насекомому! — Медъ (met) былъ напиткомъ боговъ. Изъ смѣшенія меда съ кровью произошелъ тотъ чудесный напитокъ, который давалъ вдохновеніе скандинавскимъ поэтамъ.

Важнѣйшее и древнѣйшее изъ ремеслъ было кузнечное. Слово *кесма* (smida) означало работу вообще, даже въ нравственномъ смыслѣ, какъ у насъ *кесъ*, въ послѣдствіи принявшее особенный отгнѣнокъ дѣла темнаго, лукаваго, коварнаго. Кузнецомъ въ Скандинавіи назывался не только тотъ, кто ковалъ желѣзо, но и золотыхъ дѣлъ мастеръ, какъ и у насъ въ старину. Мненческіе карлики, великаны, герон, особенно знаменитый Фолундръ или Виландъ, занимались кузнечнымъ дѣломъ. Лучшее желѣзо добывалось изъ Англій — вообще страны благодатной, по понятіямъ Скандинава: оттуда же шла швейца и медъ.

Рано вступили Скандинавы въ торговыя и другія сношенія съ чуждыми народами. Различныя эпохи этихъ сношеній опредѣляются монетами, отрытыми и доселѣ отрываемыми въ скандинавской почвѣ. Къ древнѣйшимъ монетамъ въ Скандинавіи относятся римскія отъ половины перваго вѣка до конца втораго. За тѣмъ, до V-го столѣтія перерывъ; отъ V-го и VI-го вѣка остались монеты византійскихъ императоровъ; съ VII-го торговыя сношенія усиливаются, и особенно съ народами азіатскими. По берегамъ Швеціи, на Борнгольмѣ, Готландѣ, въ западныхъ провинціяхъ Россіи, отрыто болѣе тысячи различныхъ сортовъ такъ-называемыхъ купическихъ монетъ (отъ 698 до 1050 г., и особенно 890 — 955 г.). Къ этой эпохѣ принадлежатъ странствованія Нормановъ черезъ Новгородъ и Кіевъ въ Царьградъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ основаніе Русскаго государства.

Скандинавскій купецъ былъ вмѣстѣ и воинъ. Этотъ типъ частію удержался въ нашихъ новгородскихъ *юстляхъ*, а также въ нѣкоторыхъ герояхъ нашихъ народныхъ пѣсенъ, въ Соловѣ Будиміровичѣ, въ Садкѣ богатомъ гостѣ и др.

Древнѣйшую торговлю Скандинавы производили янтаремъ и потомъ мѣхами. Мѣха собольи, бобровые и другіе, добывались особенно отъ Финновъ, издавна промышлявшихъ звѣроловствомъ. О частыхъ сношеніяхъ Норманновъ съ Пермью или Біарміею свидѣтельствуютъ скандинавскія саги. Съ открытіемъ Исландіи скандинавская торговля мѣхами приобрѣла новые источники.

Кромѣ того Скандинавы торговали невольниками, или *челадью*, по выраженію нашихъ лѣтописей. Съ юга получали: золотую монету изъ Византіи и Куфы, богатая ткань, арабское и французское оружіе, и проч. Какъ ясно слышится голосъ норманскаго гостя-героя въ словахъ нашего Святослава, поселившагося въ Переяславцѣ на Дунаѣ: «Здѣсь середина земли моей, потому что тутъ всякое добро сходится: отъ Грековъ золото, ткани, вина, овощи различныя; отъ Чеховъ и Венгровъ серебро и кони, изъ Руси же — мѣха, воскъ, медъ и челадь.» (1)

Въ исторіи скандинавскихъ денегъ особеннов аженъ для насъ Русскихъ счетъ *временамъ*. Какъ у Славянъ въ старину *времена* была ожерелье, скovanное изъ металла, и потомъ отрубки серебра, ходившіе за монету; такъ и у Скандинавовъ. Люди благородные и богатые носили кованыя ожерелья, называвшіяся кольцами; эти гривны Скандинавы употребляли вмѣсто денегъ, а для удобства въ расчетахъ даже разбивали ихъ на куски: вотъ происхождение нашихъ старинныхъ гривенъ — металлическихъ отрубковъ. Разрубивъ гривну на части, князь надѣлялъ ими свою дружину: потому по-скандинавски князь называется, между прочимъ, словомъ, имѣющимъ смыслъ *раздробителя гривенъ*.

Денежный счетъ значительно былъ развитъ, частію вслѣдствіе торговыхъ сношеній, частію же вслѣдствіе мелочныхъ расчетовъ при опредѣленіи штрафа или пени за различныя преступленія, какъ это видимъ и въ Русской Правдѣ.

Еще любопытный примѣръ тѣснаго родства Руси съ древнею Скандинавіею. Какъ у насъ мѣха считаются *сороками*, на примѣръ въ древнихъ пѣсняхъ: *сорокъ сороковъ черныхъ соболей*; такъ считались они и Норманнами.

Средне-вѣковая лѣтописи наполнены разказами о морскихъ набѣгахъ этихъ сѣверныхъ героев, которые были отличными карабельщиками. Корабль для Скандинава казался существомъ, одареннымъ жизнію, подобно коню; какъ къ тому, такъ и къ другому, онъ обращался съ своею рѣчью. Украшенія и самыя имена, дававшіяся кораблю, поддерживали эту поэтическую иллюзію. На носу корабля изображалась голова дракона, быка, коня или какого другаго животнаго; отъ кормы шелъ звѣриный или змѣиный хвостъ. *Драконъ*—одно изъ упо-

(1) Торговля *воскомъ* указываемъ на распространеніе христіанскаго богослуженія, между обрядами котораго принято употребленіе восковыхъ свѣчъ. Самъ Святославъ, какъ язычникъ, въ воскъ не нуждался. И у Скандинавовъ этотъ предметъ торговли распространяется со времени принятія христіанской религіи. — Что овощи шли къ намъ изъ Греціи, доказываетъ, между прочимъ, и самый языкъ. Такъ *свекла*, безъ сомнѣнія, привезенная къ намъ оттуда, еще въ XI в. называлась у насъ *сееклъ* или *сеуклъ* (откуда *свекла*), отъ греческаго *сееулонъ*.

гребельнѣйшихъ названій корабля. Поэтическое представленіе, такъ мало и широко развѣвшееся въ народѣ мореплавательномъ, отозвалось и у насъ въ народной поэзіи. Корабль Соловья Будиміровича воображается въ видѣ чудовищаго зѣбра: носъ и корма были у него введены по туринному; вмѣсто очей было вставлено по яхонту, вмѣсто бровей по соболу, вмѣсто усовъ было воткнуто два булатныхъ ножа; вмѣсто ушей два копыя, а на нихъ повѣшено по зимнему горностаю; вмѣсто гривы — двѣ лисицы бурнастыя, вмѣсто хвоста — два заморскихъ медвѣдя; самыя бока корабля были введены по-зѣбринаму (1).

Не менѣе любопытныя точки соприкосновенія нашей старины съ скандинавскою находимъ и въ пищѣ. Мясо жарили на угляхъ или варили въ котлѣ. Первое предпочиталось. Герои Эдды, Фолундръ и Атли, сами пекутъ себѣ мясо на угляхъ. Кромѣ говядины и зѣрины, въ древности употреблялась и конина. Намъ Святославъ, какъ истый скандинавскій герой, не бралъ съ собою въ походъ котла, не варилъ мяса, но потонку нврѣзавъ конину, зѣрину или говядину, пекъ на угляхъ и ѣлъ.

Замѣчательно, что у древнихъ Скандинавовъ была въ употребленіи *кваша*. О медѣ было сказано выше. Кромѣ того, пили пиво и нѣчто въ родѣ кваса или браги. Въ древности употреблялись вмѣсто чаши черепа убитыхъ враговъ. Это опять напоминаетъ нашего Святослава.

Поясъ составлялъ необходимую принадлежность одежды. Поясъ *мужскій*, подпоясывавшійся подъ животомъ, отличался отъ *сержма*, употреблявшагося для украшенія. Какъ мужчины вѣшали на поясъ оружіе, такъ женщины — ключи. — Любопытно, что въ Скандинавіи между прочимъ употреблялись какія-то *русскія* шляпы.

Изъ оружія замѣтимъ о щитахъ. Они были по преимуществу краснаго цвѣта: что напоминаетъ намъ *червленые* или красныя щиты Русскихъ въ словѣ о полку Игоревѣ.

Главнымъ украшеніемъ головы почитались длинныя волосы — знакъ благородства и дѣвственности. Дѣвица носила распущенныя косы, невѣста — заплетенныя; замужняя покрывала голову платомъ или покрываломъ. Заплетеніе косы и покрытіе головы невѣсты составляютъ существенную часть и въ нашихъ свадебныхъ обычаяхъ. У Скандинавовъ, какъ и у насъ въ народѣ, именно *русая* коса — главная прелесть женской красоты. Подобно нашимъ русалкамъ, скандинавскія вѣщія дѣвы моря, сидя на берегу, расчесываютъ золотымъ гребнемъ свои роскошныя косы, и плѣняютъ сердца смертныхъ. При описаніи прекрасной женщины скандинавскій поэтъ никогда не забудетъ по-

(1) Любопытно сродство славянскаго слова *ладья* или *лодья*, въ старину *aldia* и *olodja*, съ скандинавскимъ *elledhi*, откуда литовск. *eldija*, и потомъ наши *oldia*, *aldia*, и съ перестановкою звуковъ: *лодья* или *ладья*. И въ скандинавскомъ употребляется *ledja*.

хвалить ея русую косу. Крака была прекраснѣйшая изъ дѣвицъ, и шелковистыя косы ея спускались до земли. Галльгерда, дочь Гескульда, могла вся закутаться въ свои длинныя косы. Скандинавскій герой заочно влюбился въ красавицу, взглянувъ только на волосокъ изъ прекрасной косы ея. Ярль Торгнирь сидѣлъ однажды на могилѣ своей жены, мимо пролетала ласточка и роняла съ шелкомъ перевитый волосокъ, длиною въ ростъ человѣка, блестящій, какъ золото. По этому образчику косы онъ влюбился въ самую владѣтельницу ея, въ русскую княжну Ингигерду.

Брачные обычаи Скандинавовъ представляютъ замѣчательное сходство съ нашими. За невѣсту платили вѣно или выкупъ ея роду и племени; а невѣста приносила съ собой жениху приданое. Бѣдный женихъ, вмѣсто денежнаго выкупа, могъ вознаградить родныхъ невѣсты работою на нихъ — обычай, принятый и на Востокѣ. Такъ же, какъ у насъ въ старину, свадьба сопровождалась обрядомъ похищенія невѣсты, почему и самый бракъ называется по-скандинавски словомъ, означающимъ побѣгъ невѣсты (brudhlaup).

Многоженство было господствующимъ обычаемъ; при одной женѣ, содержалось нѣсколько наложницъ: у богатыхъ людей число ихъ было значительно. Такъ и у нашихъ князей, до введенія христіанской вѣры.

Хотя нравственное значеніе женщины у Скандинавовъ было велико; но она не пользовалась большимъ уваженіемъ по сѣвернымъ законамъ. Ее, равно какъ и дѣтей, позволялось бить палкою или съчь розгами, только не оружіемъ, и притомъ, чтобы не повредить какого члена. Впрочемъ, въ Исландіи этому грубому закону данъ былъ болѣе приличный оборотъ. Побои, нанесенные мужемъ женѣ, вѣнялись въ достаточную причину для ихъ развода.

Супружеская невѣрность жены наказывалась строго. Заставъ невѣрную жену съ ея любезнымъ, мужъ убивалъ обоихъ, и потомъ въ оправданіе себя въ убійствѣ притаскивалъ трупы обоихъ передъ судьей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оближенный кровью подушки. Съ другой стороны строго наказывался и мужчина, даже за вольное обращеніе съ дѣвицею или замужною. За насильственный поцѣлуй онъ подвергался изгнанію.

Умилительные и возвышенные идеалы любви предлагаетъ сѣверная жизнь въ бытѣ семейномъ. Объ одномъ мужѣ говорится въ Сагѣ, что онъ любилъ свою жену, какъ собственные свои глаза во лбу. Вейнгольдъ приводитъ нѣсколько трогательныхъ примѣровъ супружеской любви и самопожертвованія. Фроди убилъ своего брата Гальфдана и потомъ по принятому обычаю, въ искупленіе убійства, женился на его супругѣ, какъ нашъ Владиміръ на Грекинѣ, женѣ убитаго Ярополка. Сыновья Гальфдана, по обычаю мести, поджигаютъ палаты Фроди, и мзтъ ихъ — теперь жена Фроди — добровольно погибаетъ

въ пламени вмѣстѣ съ своимъ мужемъ. Другая героиня тоже добровольно идетъ за своимъ мужемъ, спасавшимся на пустынномъ островѣ отъ преслѣдованія мстителей; но эти послѣдніе, отыскавъ супруговъ и тамъ, нападаютъ на мужа въ числѣ двѣнадцати человекъ. Жена геройски защищаетъ своего мужа съ рогатиною въ рукахъ: «Я давно зналъ, сказалъ онъ тогда, — что жена у меня хорошая женщина, но не думалъ, чтобы она такъ славно доказала это!» Именно къ этой-то высокой породѣ сѣверныхъ героинь принадлежатъ нѣкоторыя благородныя личности между женщинами нашихъ древнѣйшихъ лѣтописныхъ преданій и народныхъ пѣсень.

При рожденіи мальчикамъ давалось предпочтеніе передъ дѣвочками. Послѣднихъ часто убивали тотчасъ же, какъ онѣ рождались; или же выносили въ лѣсъ на съѣденіе звѣрямъ. Такъ же жестоко поступали иногда и съ мальчиками вслѣдствіе бѣдности и многочисленности семейства или вслѣдствіе подозрѣнія въ незаконнорожденности. Ребенка позволялось убивать только тогда, когда еще на его устахъ не было никакой пищи. Кромѣ молока, кормили новорожденныхъ медомъ. Дававшій ребенку имя, сопровождалъ этотъ обрядъ подаркомъ. Глухонѣмымъ вовсе не давалось никакого имени.

Люди богатые и знатные отдавали своихъ сыновей на воспитаніе бѣднымъ или менѣе знатнымъ. Просить себѣ чужаго ребенка на воспитаніе — значило подчиненіе, зависимость, посредственное состояніе. Ингигерда, дочь Олафа Шведскаго, была прежде сговорена съ Олафомъ Норвежскимъ, но потомъ выдана замужъ за Ярислейфа изъ Гардарики, то-есть, за нашего Ярослава. Этотъ послѣдній однажды далъ ей пощечину, и въ отмщеніе за то Ингигерда принудила его, чтобы онъ просилъ себѣ на воспитаніе сына у норвежскаго короля.

Замѣчательно, что у Скандинавовъ было въ обычаѣ *побратимство*, такъ же какъ и у Славянъ. Вступленіе въ этотъ братственный договоръ сопровождалось нѣкоторыми обрядами. Чтобы породниться кровью, названные братья пускали себѣ изъ руки кровь и сливали ее вмѣстѣ въ ямочку. Самая торжественная клятва побратимства совершалась колѣнопреклоненно подъ *полосами дерна* (1).

Опуская многія любопытныя подробности о воспитаніи, остановимся на характеристикѣ неустрашимаго норманскаго героя. Было повѣрье, что сердце у людей храбрыхъ меньше въ своемъ объемѣ и безкровнѣе, нежели бываетъ обыкновенно, и что боязливость и робость происходятъ отъ обильнаго прилива крови къ сердцу. Сердце

(1) Вѣроятно, о подобной присягѣ подъ дерномъ сохранилось извѣстіе въ славянской рукописи Словъ Григорія Богослова, XI в., въ Имп. Публ. Библ. «онъ же дерномъ въскроуцъ на главѣ покладая присягу творить». См. изданіе одного изъ этихъ словъ, помѣщенное г. Срезневскимъ въ «Извѣстіяхъ Акад. Наукъ». 1855 г.

Гагена вовсе не трепетало, когда оно, вырѣзанное изъ груди его, лежало на блюдѣ. — Когда Торгейръ услышалъ объ убіеніи своего отца, нисколько не измѣнился въ лицѣ. Онъ не покраснѣлъ — потому что гнѣвъ не разошелся по его кожѣ, — и не поблѣднѣлъ — потому что гнѣвъ не вступилъ ему въ кости. Сердце его не было похоже на птичью утробу, не было налито кровью, потому и не дрогнуло отъ ужасу. Было оно сковано и закалено искуснѣйшимъ изъ кузнецовъ. Послѣ жестокаго сопротивленія, когда враги убили его, распороли ему грудь (1), чтобъ взглянуть на его сердце: оно было величиною съ орѣхъ, твердо какъ рогъ, и безъ крови. — Блестательный примѣръ необычайнаго мужества видимъ въ Сёрли Могучемъ. Гёгни повалилъ его и наклонился уже къ нему съ тѣмъ, чтобы его зарѣзать; но, борясь съ нимъ, онъ откинулъ свой мечъ въ сторону. «У меня нѣтъ въ рукахъ меча, сказалъ онъ тогда лежавшему подъ нимъ врагу: — я не хочу перегрызать тебѣ горло; полежи, покамѣсть возьму мечъ. Хочу посмотрѣть, справедливо идетъ о тебѣ слава, что нѣтъ тебя храбрѣе на свѣтѣ.» Гёгни отходитъ, а Сёрли остается на мѣстѣ, ожидая своей смерти. Но Гёгни предлагаетъ ему за то, вмѣстѣ съ жизнію—свою дружбу и побратимство:

Перехода къ духовной дѣятельности сѣверныхъ племенъ, замѣтимъ, что у нихъ, какъ и у другихъ народовъ, древнѣйшимъ проявленіемъ ея былъ пословицы, пѣсни, мѣлоческія преданія. Безыскусственная народная поэзія, остатки которой сохранились въ пѣсняхъ древней Эдды, рано уступаетъ мѣсто искусственной поэзіи Скальдовъ. Цвѣтущая эпоха этихъ сѣверныхъ поэтовъ относится ко времени между IX-мъ и XI-мъ вѣкомъ. Большою частію были они изъ Исландіи и Норвегіи; процвѣтали особенно при норвежскомъ дворѣ; бывали также не только въ Даніи, Швеціи, Англіи, но даже и на Руси. Сѣверные властители уважали Скальдовъ, произведенія которыхъ были лучшимъ украшеніемъ ихъ двора. На пирахъ не только Скалды декламировали свои стихи, но и пирующие другъ передъ другомъ похвалялись своими подвигами, разказывая ихъ собесѣдникамъ. Это напоминаетъ намъ пиры Владиміра, на которыхъ разгоряченные виномъ богатыри проводили время въ похвальбѣ: сильный хвастался силою, богатый — богатствомъ. Гораздо серіознѣе были предметы похвалы между витязями скандинавскими. Такъ сиорили два брата, Эйстейнъ и Сигурдъ, ходившій походомъ въ Іерусалимъ, оба норвежскіе короли. Одинъ похвалялся тѣмъ, что прославился своими воинскими подвигами отъ Лиссабона до Іордана; другой говорилъ о своихъ подвигахъ мирныхъ, шившихъ дѣлюю благоденствіе народа: о томъ, какъ онъ строилъ хижины бѣднымъ рыбакамъ, пролагалъ дороги по утесистымъ горамъ, заводилъ пристани, распространялъ

(1) Пороть врагу грудь—обычай героевъ и въ нашихъ старинныхъ пѣсняхъ.

христианскую вѣру и строи́тъ церкви.— Пиръ сопровождался обычнымъ являе́мъ *съ честью боговъ* (minnetrinken), въ послѣдствіи принявшимъ у Нѣмцевъ, какъ и у насъ въ запрещенныхъ канунахъ, нѣкоторый отгѣнокъ христианскихъ вѣрованій.

Возвращаясь къ Скальдагъ, припомнимъ, что они сопровождали героевъ во всѣхъ важныхъ предпріятіяхъ. Олафъ Святой, собирая войско противъ Конута Датскаго, велѣлъ призвать къ себѣ четырехъ Скальдовъ «Теперь разсматривайте все достойное пригѣчанія, сказавъ онъ имъ:—чтобъ было вамъ о чемъ пѣть и разказывать.»

Пѣсня Скальда имѣла характеръ по преимуществу военный. Впрочемъ были извѣстны и другіе роды поэзіи, особенно стихотвореніе насмѣшливое, сатира на извѣстное лицо, и стихотвореніе любовное. Сатира возбуждала сильное волненіе въ публикѣ, и запрещалась даже законами, если доходила до необузданности. Запрещалось тоже и восхвалять въ стихахъ дѣвицу, безъ ея согласія. Это достаточно показываетъ намъ, въ какой высокой степени уважалось честное имя женщины. Скандинавскія саги знакомятъ насъ со многими свѣтлыми идеями дѣвственной непорочности и женскаго достоинства. Магнусъ Норвежскій, сынъ Олафа Святаго, однажды остановившись ночлегомъ у одного значительнаго человѣка, прельстился его дочерью. Напрасно она со слезами умоляла избавить ее отъ позора: но явился духъ оскорбленнаго Олафа и спасъ сына отъ преступленія. Другая героиня, замужняя женщина, безъ вмѣшательства сверхъестественныхъ силъ, только разумными словами о справедливости и обязанностяхъ человѣка, успѣла спасти себя отъ подобнаго же посягательства Конута Датскаго. За то Конутъ воздалъ ей должное уваженіе; сказалъ ей мужу, что онъ владѣть сокровищемъ; одарилъ его и всегда оставался къ нему благосклоненъ.—Итакъ, надобно знать нравственное положеніе женщины въ сѣверномъ обществѣ, чтобъ судить, какъ щекотливо было предать публичности ея доброе имя въ стихахъ. Исторія Скальда Тормода похваляетъ намъ, что похвальное стихотвореніе дѣвицы, составленное по ея желанію, не только позволялось, но даже было желаемо и щедро награждалось. Этому Скальду случилось во время своего странствія по Исландіи провести полмѣсяца въ домѣ одной вдовы, у которой была хорошенькая дочка, по имени Торбѣрга чернобровая (kolbrún) (1). Въ благодарность за гостепримство и по влеченію сердца поэтъ сочинилъ похвальное стихотвореніе въ честь Торбѣрги, и назвалъ его *Чернобровымъ*. Поэтъ читалъ его въ многочисленномъ собраніи и въ награду получилъ отъ матери воспѣтой красавицы золотой перстень и прованіе Черноброваго Скальда. Но когда онъ воротился домой, сѣдла его, хорошенькая дѣвушка, по имени Тордисъ, къ которой

(1) Слово въ слово: *уль-бровая*: kol—уголь, brún—брови.

онъ былъ не равнодушенъ и прежде, приняла его сухо, и откровенно ему высказала, что онъ измѣнилъ ей, прославивъ въ стихахъ Торбѣргу. Поэту пришлось кривить душой и увѣрять ревнивую красавицу, что только воспоминаніе о ней воодушевило его къ сочиненію Чернобровыхъ стиховъ, и что онъ постоянно держалъ въ своихъ мысляхъ ее одну, когда воспѣвалъ Торбѣргу; и наконецъ, для полной убѣдительности, въ своихъ похвальныхъ стихахъ замѣнилъ Торбѣргу именемъ Тордисъ. Но черезъ нѣсколько времени Чернобровая красавица явилась ему во снѣ и грозно требовала, чтобъ онъ передѣлалъ свои стихи на прежній ладъ, публично объявивъ, къ кому относится въ нихъ похвала: въ противномъ случаѣ онъ ослѣпнетъ. Проснувшись, онъ дѣйствительно почувствовалъ боль въ глазахъ, и по совѣту своего отца, исполнилъ требованіе прекраснаго призрака.

Съ мифологією и поэзією состояли въ связи наука и законы. Подъ именемъ *рунъ* разумѣлись не только письма, но и таинственныя изреченія. Въ древнѣйшую эпоху чтеніе рунъ предоставлялось только избранному классу людей. Замѣчательно, что особенно женщинамъ приписывалось это почетное умѣнье. Скандинавы съ молодыхъ лѣтъ упражнялись въ изученіи законовъ, и именно переданныхъ въ древнѣйшей стихотворной формѣ, которая, конечно, не мало способствовала къ облегченію памяти. Такимъ образомъ, воспитаніе въ законовѣдѣніи соединялось съ воспитаніемъ поэтическимъ. То и другое часто доводилось до крайности. Первое вело къ бесполезнымъ спорамъ, основаннымъ на формальностяхъ, и къ сутяжничеству; послѣднее не мало служило къ упадку поэзій, которая изъ благороднаго творчества переходила къ педантскому, напыщенному рифмоплетству.

Съ древнѣйшими мифическими преданіями была связана и врачебная наука. Она даже посвящена была особенной богинѣ. Въ странѣ Ютунновъ или великановъ было поле безсмертія: кто попадалъ на него, пользовался вѣчною юностью и здоровьемъ. Другое поле находилось въ Исландіи, между неприступными скалами: на немъ росли травы, спасающія отъ смерти. Съ цѣлебною силою нѣкоторыхъ растений познакомились по указаніямъ звѣрей. Ничто столько не характеризуетъ кроваваго быта воинственныхъ Норманновъ, какъ лѣченіе самыхъ ужасныхъ ранъ. Громунду, во время битвы, распоролъ животъ. Онъ поспѣшно вихнулъ назадъ высунувшіяся внутренности; помощію ножа завязками зашилъ животъ, затянулъ на немъ свое одѣянье и опять пустился въ битву. Послѣ сраженія, его любезная Свангвигъ (бѣлая лебедь) осмотрѣла рану, вновь ее зашила, и онъ исцѣлился. Замѣтимъ мимоходомъ, что скандинавскія женщины упражнялись въ врачебной наукѣ. Онѣ сопровождали воиновъ на битву и перевязывали имъ раны. Инггерда, дочь русскаго князя Ингвара, то-есть Игоря, даже устроила небольшую больницу, поручивъ уходъ за больными женщинамъ. Но такъ какъ для операций нужна значительная

сила, то этимъ славились мужчины. Знаменитый герой и литераторъ, Снорри Стурлусонъ, былъ вмѣстѣ и опытнымъ хирургомъ. Онъ же умѣлъ узнавать глубину ранъ, по особенному способу, считавшемуся у Скандинавовъ безошибочнымъ. Пробовали кровь, и по вкусу ея заключали, откуда она вытекла, изъ глубокихъ и благороднѣйшихъ частей тѣла, или изъ менѣе значительныхъ. Однажды Снорри находить своихъ друзей, дѣтей Торбранда, лежащихъ въ крови и ранахъ. Они просятъ его отмстить врагу ихъ, Стейнтору. Снорри отправляется по его слѣдамъ и вдругъ видитъ кровавую лужу; беретъ въ ротъ крови вмѣстѣ съ снѣгомъ и, попробовавъ, говоритъ: «Эта внутреняя кровь, и изъ человѣка уже мертваго; значить, нечего его и преслѣдовать.» Употреблялось еще средство узнавать глубокую рану. Варили какія-то зелья и давали пить раненымъ, потомъ нюхали ихъ раны: глубокая рана издавала запахъ принятаго зелья.

Въ заключеніе укажемъ на нѣкоторые погребальныя обряды Скандинавовъ, сходныя съ древне-русскими. По свѣрнымъ обычаямъ, почиталось неприличнымъ выносить покойника въ двери, которыми входятъ и выходятъ живые люди. Выносили покойника задомъ въ дыру, пробитую въ стѣнѣ позади его головы, или спускали его внизъ, проламывая полъ. Этотъ обычай занесенъ былъ къ намъ, вѣроятно, Варягами, и уже во времена Нестора казался странностью. Извѣстно, что тѣло Владимірово было спущено черезъ разобранный помостъ на веревкахъ, закутанное ковромъ. Описывая этотъ обычай, преподобный лѣтописецъ объясняетъ его только желаніемъ приближенныхъ скрыть отъ Святополка смерть Владиміра.

Въ древнѣйшую эпоху, Скандинавы спускали покойниковъ на челнокѣ въ море; но въ послѣдствіи сожигали и ставили надъ ними сосуды, изображеніе корабля и проч. Сожигали или просто на кострѣ, или на людѣ, также на возу или саняхъ. Тризна имѣла смыслъ передачи имѣнія покойника его наслѣднику; такъ же, какъ у насъ въ старину, сопровождалась она обрядами возліанія.

Ө. Буслаевъ.

АРХЕОЛОГІЯ И СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Мы вознамѣрились подъ этимъ заглавіемъ знакомить читателей нашего журнала съ замѣчательнѣйшими явленіями въ обширной области современнаго искусства и съ результатами нынѣшнихъ научныхъ изслѣдованій объ исторіи и археологіи искусства. Больше, чѣмъ съ полстолѣтія, искусство во всѣхъ формахъ своего проявленія составляетъ предметъ самаго ревностнаго изученія на Западѣ. Не говоря о специально для него основанныхъ заведеніяхъ, оно, какъ

необходимая часть общечеловѣческаго образованія , преподается въ университетахъ и во многихъ второстепенныхъ заведеніяхъ. Вездѣ съ жаромъ стараются открыть памятники прошлаго искусства. Ему посвящены огромные музеи ; для его изученія составляются повсюду многочисленныя общества , печатаются великолѣпныя драгоценныя сочиненія , издается множество журналовъ. И у насъ , въ послѣднее время , начали понимать глубокое значеніе искусства. Много славныхъ памятниковъ его собрано въ художественной сокровищницѣ нашей сѣверной столицы ; составилось обширное общество для изученія искусства ; щедрое правительство и богатые люди со всевозможною роскошью издають описанія отечественныхъ и найденныхъ у насъ древностей. Даже въ періодическихъ нашихъ изданіяхъ , въ послѣднее время чаще , прежняго начались раздаваться толки объ искусствѣ. Пора получить этой наукѣ и у насъ право гражданства. Открывая этотъ отдѣлъ въ « Современной Лѣтописи » Русскаго Вѣстника , мы въ постоянныхъ обзорнѣяхъ будемъ отдавать отчетъ во всѣхъ тѣхъ современныхъ явленіяхъ въ области искусства и науки о немъ , которыя могутъ интересовать не только спеціально занимающихся этимъ предметомъ , но и всѣхъ образованныхъ.

Ежегодныя празднества въ честь Вильгельмана. — Намъ пріятно открыть наше художественное обзорнѣе именемъ великаго создателя науки объ искусствѣ , о которомъ философъ Шеллингъ сказалъ , что онъ , среди XVIII-го столѣтія , въ которомъ жилъ , « стоялъ одиноко , какъ скала , на недоступной высотѣ : во все его время ни одного звука , ни одного движенія , ни малѣйшаго сочувствія во всемъ обширномъ царствѣ науки , которое отвѣчало бы его стремленію. Когда пришли его настоящіе товарищи , тогда дивный мужъ былъ восхищенъ отъ земли. » Память Винкельмана , положившаго первую основу тому великому зданію науки о древностяхъ , которое возвели только позднѣйшія времена , уже второе десятилѣтіе празднуется въ день его рожденія (онъ род. въ 1717г.) его послѣдователями , шествующими въ наукѣ по стезѣ , имъ однажды навсегда указанной. Ежегодно , 9-го декабря , къ вечернему ученому пиршеству собираются они въ Римѣ , въ археологическомъ институтѣ , вызванномъ въ жизнь наукою Винкельмана , въ археологическихъ обществахъ въ Берлинѣ , Геттингенѣ и другихъ городахъ Германіи , чтобы рѣчами , учеными статьями и сообщеніемъ новыхъ открытій ознаменовать день рожденія археологической науки. Ученая программа одного изъ членовъ приглашаетъ на пиршество всѣхъ почитателей великаго мужа. Въ памяти нашей глубоко врѣзалось одно изъ этихъ послѣднихъ торжественныхъ собраній , на которомъ мы имѣли честь присутствовать въ Берлинѣ. Тутъ собрались всѣ художественныя и ученые знаменитости метрополиа наукъ въ Германіи. Мы видѣли тутъ знаменитаго скульптора Рауха , маститаго старца , съ необыкновенно-пластическими

чертами лица; египтолога Лепсиуса, послѣ Шампольона, всего дальѣ подвинувшаго науку египетскихъ древностей; директора Берлинской картинной галлерей Ваагена, одного изъ многостороннѣйшихъ и глубочайшихъ знатоковъ искусства; архитектора Бѣттихера, открывшаго истинныя эстетическія законы древнегреческой архитектуры, и наконецъ, кромѣ многихъ другихъ, достойныхъ послѣдователей Винкельмана, археологовъ, профессора Паноуку и президента берлинскаго Археологическаго Общества Гергарда. Ученыя рѣчи въ честь виновника торжества и объясненія новооткрытыхъ памятниковъ искусства заключились ужиномъ, въ которомъ ученая бесѣда первыхъ представителей науки оживлялась безчисленными тостами. И эту зиму къ торжеству въ день рожденія Винкельмана, 9-го декабря 1856 года, его почитатели были приглашены полученною нами на дняхъ программю профессора Гергарда подъ заглавіемъ: «*Winckelmann und die Gegenwart. Programm zum Winckelmannsfeste 1856 von Eduard Gerhard*»). Хотя археологическая наука сдѣлала огромные успѣхи со времени появленія великаго своего творца, однако Гергардъ прекрасно объяснилъ, въ чемъ состоитъ неизблемое достоинство Винкельмана. Всѣ археологическія изслѣдованія, всѣ сужденія объ искусствѣ, всякія исторія искусства будутъ недостаточны и односторонни, если мы не будемъ обладать чувствомъ красоты, филологическою образованностію, критическимъ взглядомъ, сообразительнымъ тактомъ и тѣмъ огромнымъ нагляднымъ знакомствомъ съ памятниками, которыми владѣлъ Винкельманъ. Это соединеніе столь великихъ качествъ, вмѣстѣ съ его духовнымъ величіемъ, содѣлало его сыздавна образцомъ для научныхъ изслѣдованій; и стоитъ только назвать блестящій рядъ его послѣдователей — имена Гёте, Шеллинга, Отфрида, Мюллера, Велькера и множество другихъ, чтобы оцѣнить все вліаніе Винкельмана. Но съ сожалѣніемъ прочли мы въ программѣ профессора Гергарда вездѣ высказанную грусть о минованіи въ Германіи блестящей эпохи изученія классическаго искусства. И въ археологіи, какъ и въ другихъ вѣтвяхъ знанія, умъ человѣческій обратился къ новымъ, еще мало изслѣдованнымъ областямъ науки, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить. Великіе дѣятели въ наукѣ о греческомъ и римскомъ искусствѣ, одинъ за другимъ, постепенно сходятъ въ могилу. И въ прошломъ году, кромѣ многихъ другихъ, она потеряла Карла Фридриха Германа и извѣстнаго нѣмецкаго археолога въ Римѣ, Эмиля Брауна, которому профессоръ Гергардъ посвятилъ нѣсколько трогательныхъ словъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ, Эмиль Браунъ былъ секретаремъ и трудолюбивымъ редакторомъ «*Летописей археологическаго института*» въ Римѣ и сдѣлался въ особенности извѣстенъ своими изслѣдованіями о классической мифологіи и описаніемъ развалинъ и музеевъ Рима. Мѣсто его въ Римѣ занялъ Генрихъ

Бруннъ, отличный историкъ жизни и трудовъ классическихъ художниковъ.

ОТКРЫТІЕ ДВОРЦА ПЕРСИДСКИХЪ ЦАРЕЙ ВЪ СУЗѢ. — Открытіе дворцовъ древней Ниневіи, обогатившее безчисленнымъ рядомъ замѣчательнѣйшихъ произведеній ассирійскаго ваянія, Британскій музей въ Лондонѣ и Луврскій музей въ Парижѣ, послужило поводомъ къ подобнаго рода розысканіямъ на мѣстѣ древняго Вавилона и Сузы, столицы древняго Персидскаго государства. Въ особенности счастливыми результатами отличилась англійская экспедиція, подъ начальствомъ геолога Лофтуса и полковника Раулинсона, прославившагося своимъ изслѣдованіемъ клинообразныхъ надписей, открывшаго въ 1851 — 52 годахъ развалины дворца персидскихъ царей, изъ рода Ахеменидовъ. Нынѣ г. Лофтусъ издалъ описаніе своихъ розысканій на англійскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Travels and Researches in Chaldaea and Susiana*. London 1856. Когда персидскіе цари покорили себѣ западныя страны—Вавилонію, Сирію и Малую Азію, то прежняя столица ихъ, Пасаргады, оказалась слишкомъ удаленною отъ средоточія государства. Надлежало найти новый центральный пунктъ для имперіи. Тогда Дарій рѣшилъ перенести его въ мидійскій городъ Сузу, повидимому сдѣлавшійся постоянною резиденціею Дарія и лежавшій среди чуждаго Персамъ народа, говорившаго чуждымъ имъ языкомъ. Сузіанская долина, въ которой, по увѣренію Страбона, лѣтомъ царствовалъ столь нестерпимый жаръ, что жители принуждены были крыши своихъ домовъ покрывать на два локтя землю, чтобы имѣть прохладу, нынѣ пустыня, одѣтая густою травою, въ которой живутъ одни львы и гіены. Среди нея возвышаются двѣ огромныя горы мусора, которыхъ видъ рѣшительно похожъ на развалины Ниневіи и Вавилона. Одна изъ нихъ имѣетъ въ окружности четверть, другая — половину нѣмецкой мили. Все заставляло предполагать, что подъ этими насыпями, какъ въ Ниневіи, находятся развалины царскихъ дворцовъ. Открытія г. Лофтуса, подтвержденныя надписями, на мѣстѣ найденными, доказали, что строителемъ открытаго дворца былъ Дарій, а Артаксерксъ Мемнонъ его возстановилъ. Архитектура этого дворца во всѣхъ подробностяхъ совершенно схожа съ архитектурою Персеполя. Впрочемъ, персидскій дворъ въ лѣтніе мѣсяцы, когда въ низменностяхъ Тигра господствовалъ необыкновенный жиръ, переселялся въ роскошный дворецъ прохладной Экбатаны, лежавшей на возвышенномъ мѣстѣ. Ксенофонтъ, въ романѣ своемъ о Кирѣ, даже увѣряетъ, что дворъ персидскій жилъ весною три мѣсяца въ Сузѣ, потомъ два мѣсяца въ Экбатанѣ и наконецъ семь мѣсяцевъ въ Вавилонѣ. Такимъ образомъ, новѣйшія археологическія открытія на Востокѣ, вездѣ возбуждившія огромный интересъ, не только подтверждаютъ разные историческіе факты, но, подобно найденнымъ въ развалинахъ Ниневіи и Персеполя рельефнымъ изображеніямъ, украшающимъ стѣны дворцовъ, знакомятъ съ религіозными обрядами, царскою

жизнью, охотою, войною, одеждою и обычаями древне-азиатскихъ народовъ, которыхъ самое существованіе за нѣсколько десятилѣтій казалося какимъ-то сказочнымъ повѣствованіемъ.

Возобновленіе древне-христіанскихъ памятниковъ города Аквилей.—Если древне-восточное искусство заняло въ новѣйшее время, по поводу новыхъ открытій, принадлежащее ему по всѣмъ правамъ мѣсто въ наукѣ, то средневѣковое искусство, во вредъ классической археологіи, стало не только любимѣйшимъ занятіемъ избранныхъ современныхъ умовъ въ Германіи, Франціи и Англии, но и многочисленныя его памятники, давно забытыя, погибавшія въ массѣ и до начала нынѣшняго столѣтія разсматриваемыя какъ произведенія, лишенныя всякаго эстетическаго достоинства, сдѣлались предметомъ заботливыхъ попеченій всѣхъ просвѣщенныхъ правительствъ. Стоить только вспомнить умныя реставраціи соборовъ Реймскаго, Кельнскаго, Турнейскаго и многихъ другихъ. Нынѣ австрійское правительство обратило свое особое вниманіе на возстановленіе въ высшей степени замѣчательныхъ древне-христіанскихъ (такъ называютъ періодъ времени отъ I-го до конца X-го вѣка по Р. Х.) памятниковъ города Аквилей. На болотистомъ, нездоровомъ прибрежьи Адриатическаго моря, на разстояніи трехъ почтъ отъ Триеста, лежитъ деревушка, нынѣшняя нынѣ 900 жителей. Она нѣкогда была значительнымъ городомъ, замѣчательнымъ въ западной церковной исторіи по мѣстопребыванію могущественнаго патріарха, и носила названіе «второго Рима въ Итали». Уже въ 1846 г., австрійскій императоръ Фердинандъ повелѣлъ изъ собственной кассы покрыть деревянною крышею ея древнюю базилику и прилежащую къ ней такъ-называемую «Церковь язычниковъ». Нынѣ австрійское министерство народнаго просвѣщенія и торговли вознамѣрилось возстановить другой въ высшей степени замѣчательный архитектурный памятникъ Аквилей: это—Крестильница, или Баптистерій (baptisterium per immersionem), находящійся волеѣ «Церкви язычниковъ». Дождь и вѣтеръ давно уже крошили камни этого зданія, и роскошная растительность покрывала его стѣны. По утвержденному министерствомъ плану, положено сперва очистить внутренность Баптистерія отъ мусора и растений, потомъ возвести стѣны на равную высоту и покрыть ихъ крышею, возстановить каменную купель и поставить на мѣсто три колонны, которыя вмѣстѣ съ тремя другими нѣкогда ее окружали. Вотъ единственное средство противодѣйствовать конечному разрушенію, которое грозитъ этому памятнику зодчества, по своему устройству и плану восходящему къ первымъ временамъ христіанства въ Итали. Эти аквилейскіе памятники были описаны на итальянскомъ языкѣ Гаetanомъ Ферранте. Мы надѣемся скорѣ встрѣтить ученое описаніе Баптистерія аквилейскаго въ новомъ великолѣпномъ изданіи средне-вѣковыхъ памятниковъ Австрійской имперіи, о которомъ будемъ говорить въ слѣдующей книгѣ.

К. Гѣрцъ.

ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЕ

Съезды ученыхъ въ Европѣ. — Избраніе г. Біо въ академики на мѣсто историка Лакретеля. — Публичное засѣданіе Парижской Академіи наукъ. — Соединеніе Англии и Америки подводною телеграфическою линіею. — Химическое изслѣдованіе русскаго ученаго г. Шишкова. — Новое устройство барометра г. Секки. — Общество акклиматизаціи. — Физиологическій опытъ гг. Кёликера и Миллера. — Наблюденія англійскаго физика Тиндала надъ случаями нечувствительности глаза къ цвѣтамъ.

Въ первой книжкѣ «Русскаго Вѣстника», между другими извѣстіями по части естествовѣдѣнія, говорено было о съѣздѣ англійскихъ ученыхъ въ Чельтенгамѣ. Подобные съезды бываютъ не въ одной Англии. Ученые конгрессы собираются въ Германіи, Италиі, Даніи. Скажемъ нѣсколько словъ о многочисленномъ собраніи германскихъ натуралистовъ и врачей, котораго засѣданія въ прошедшемъ году происходили въ Вѣнѣ.

Первая идея ученаго общества безъ постоянной резиденціи родилась лѣтъ сорокъ тому назадъ въ Швейцаріи. Общество естествовѣдѣнія, основанное въ Женевѣ въ 1815 году, собиралось по предложенію г. Госса въ 1816 г. въ Бернѣ, въ 1817 въ Цюрихѣ, въ 1818 въ Лозаннѣ, и послѣдовательно перебивало во всѣхъ главныхъ городахъ Швейцаріи. Общія постановленія швейцарскаго общества были такія же, какъ и постановленія другихъ ученыхъ обществъ Европы; разница состояла въ перемѣнномъ мѣстопробываніи. Но въ Германіи ученые конгрессы получили особое устройство, сохраняющееся донынѣ. Тринадцать германскихъ ученыхъ, въ числѣ прочихъ Карусъ, Рейхенбахъ, Пуркинѣ, соединились, въ 1822 году, вокругъ Окена въ Лейпцигѣ и положили основаніе Обществу германскихъ натуралистовъ и врачей. Въ трудахъ собранія приняли участіе еще семь другихъ ученыхъ. Главная цѣль учрежденія состояла въ томъ, чтобы доставить германскимъ ученымъ возможность видѣться между собою, лично передать другъ-другу результаты своихъ трудовъ, ученые ожиданія, надежды, и такимъ образомъ дополнить доставляемое книгами и журналами знакомство съ современнымъ состояніемъ науки въ ея разнообразныхъ областяхъ. Всякій, кто издавалъ сочиненія о какомъ-нибудь предметѣ естествовѣдѣнія или медицины, могъ быть членомъ конгресса. Члены не носили никакого особаго названія, не получали никакихъ дипломовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ всякій, кто занимался естественными науками, приглашался принять участіе въ конгрессѣ безъ права голоса, принадлежавшаго исключительно членамъ. Общество должно собираться послѣдовательно въ разныхъ городахъ Германіи; оно не учреждаетъ библіотеки и не собираетъ ученыхъ коллекцій. Германскія собранія имѣли полный успѣхъ, и скоро подобныя учрежденія возникли въ Англии, Италиі, Даніи, и

настоящее время представляют одно изъ распространенныхъ и замѣчательнѣйшихъ явленій ученаго міра.

Съ 1822 Германское Общество собиралось тридцать два раза; только въ 1831 и 1855 г. засѣданія, назначенныя въ Вѣнѣ, были отложены по случаю холеры. Вѣнскія собранія 1832 г. памяти многочисленностию присутствовавшихъ, которыхъ число превышало тысячу. Конгрессъ истекшаго года открылся 16 сентября рѣчью г. Гиртля.

Г. Гиртль останавливается особенно на успѣхахъ просвѣщенія въ Австріи въ послѣднее время; мы видимъ изъ его рѣчи, что уроки времени не остались безплодными для этой страны, которой политическое положеніе представляетъ столь много шаткаго. Благодаря дѣятельности нѣсколькихъ замѣчательныхъ государственныхъ людей, въ послѣднее время было произведено въ Австріи множество важныхъ реформъ по всѣмъ отраслямъ управленія. Понятно, что и вопросъ о распространеніи просвѣщенія, этотъ, быть-можетъ, важнѣйшій изъ современныхъ вопросовъ, не остался на заднемъ планѣ.

Вскорѣ послѣ годичнаго сѣзда въ Гратцѣ (1843), нѣсколько ученыхъ въ Вѣнѣ задумали планъ общества естествоиспытателей, и въ то время, какъ обсуждался этотъ вопросъ, императоръ Фердинандъ, какъ-бы въ отвѣтъ на общее желаніе ученыхъ, основалъ академію наукъ. Въ 1849 году основанъ геологическій институтъ, съ цѣлью изучить геологическое строеніе всей Австрійской имперіи. Въ настоящее время обнародовано много результатовъ этого изслѣдованія. Благодаря трудамъ г. Гайдингера и его помощниковъ, уже болѣе шестой части Австріи изучено въ подробности, и богатый музей составляетъ принадлежность института. Въ 1850 году, Баумгартнеръ (извѣстный ученый, тогда вице-президентъ академіи) представилъ проектъ правильнаго устройства метеорологическихъ наблюденій и на первое обзаведеніе предложилъ содержаніе, соединенное съ его академическимъ званіемъ. Въ настоящее время сѣть метеорологическихъ станцій покрываетъ различныя провинціи Австріи. Въ томъ же 1850 году образовалось отдѣльное зоолого-ботаническое общество, считающее теперь до 700 членовъ и имѣющее главною цѣлью изученіе произведеній растительнаго и животнаго царства на пространствѣ имперіи. Пять томовъ мемуаровъ, обширная корреспонденція, богатый музей, свидѣтельствуютъ о трудахъ общества.

Объ успѣхахъ медицины г. Гиртль говоритъ слѣдующее. «Когда еще ученые сѣзды, нынѣ столь дѣятельные, составляли только предметъ желаній и надеждъ, и принуждены были бороться со множествомъ препятствій разнаго рода; въ то время, въ главномъ вѣнскомъ госпиталѣ, въ тиши приготовлялась реформа медицинскихъ знаній, особенно по отношенію къ ученію о распознаваніи болѣзней. Ученые, въ которыхъ скромная обязанность состояла во вскрытіи труповъ съ

цѣлю повѣрить лѣченіе, положили основаніе новой науки. Они основали школу, которая смѣло выступила противъ рутиннаго ряда вѣковъ и при помощи точныхъ анатомическихъ фактовъ доставила торжество принципу, состоящему въ слѣдующемъ: искусство лѣченія имѣетъ своимъ единственнымъ основаніемъ точное познаніе вещественныхъ измѣненій, поражаемыхъ правильнымъ ходомъ болѣзни и соотвѣтствующихъ видимымъ, наружнымъ симптомамъ.»

Въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія произведены многія реформы. Организовано министерство народнаго просвѣщенія, обученіе объявлено свободнымъ и преобразовано отъ первоначальныхъ школъ и до университетовъ, устроились спеціальныя институты, снабженные богатыми средствами, особое вниманіе обращено на естествовѣдѣніе и медицину. «Умственное общеніе съ иностранными землями, прибавляетъ г. Гиртль, получило новое развитіе; юные таланты приносятъ въ отечество умственныя сокровища, добытыя за границею. Ученыя путешествія, ученныя собранія, всѣ отрасли общественнаго образованія, встрѣчаютъ уже не препятствія, а поощреніе и вспомоствованіе всякаго рода». Не знаемъ, на сколько справедлива картина, представленная г. Гиртлемъ; но не можемъ не признать обилія и обширности учрежденій и реформъ въ дѣлѣ общественнаго образованія въ Австріи.

Съѣзды ученыхъ различныхъ спеціальностей и даже различныхъ странъ составляютъ одно изъ характеристическихъ явленій нашего времени, когда уничтожается всякая замкнутость, исключительность въ дѣлѣ науки и знанія, когда люди всѣхъ странъ и народовъ сознаютъ, что они трудятся для достиженія одной общей цѣли, для созиданія науки общечеловѣческой и единой, какъ едина истина, для которой наука служитъ посильнымъ выраженіемъ. И не далеко время, когда предъ всюду проникающей образованностію падетъ сама китайская стѣна.

— Французская Академія избрала на мѣсто покойнаго историка Лакретеля своимъ членомъ знаменитаго физика Біо, который уже полвѣка принадлежитъ Академіи наукъ и въ настоящее время ея старѣйшій членъ. Множество посѣтителей стеклось на засѣданіе Французской Академіи, когда происходило торжественное вступленіе Біо. Знаменитый ученый говорилъ похвальное слово Лакретелю, Гизо привѣтствовалъ Біо отъ имени Французской Академіи. Избраніе Біо не первый примѣръ соединенія въ одномъ лицѣ званія члена обѣихъ академій. Фонтенель, Даламбертъ, Лапласъ, Фурье, Кювье, были членами Французской Академіи. Въ настоящее время эту честь съ Біо раздѣляетъ непремѣнный секретарь Академіи наукъ Фуранъ.

Біо, котораго статьи въ *Journal des Savants*, біографія Ньютона и нѣкоторыя другія сочиненія, отличаются замѣчательными литературными достоинствами, видитъ, впрочемъ, въ избраніи своемъ вы-

раженія симпатіи и вниманіе Французской Академіи къ Академіи наукъ. «Вы хотѣли, говорить онъ, обращаясь къ членамъ Французской Академіи,—дать новое доказательство вашего постояннаго желанія поддерживать и усилить союзъ науки съ литературою, ея старшею сестрой, союзъ, который, при возрастающемъ господствѣ матеріальныхъ интересовъ надъ умственными наслажденіями въ свѣтѣ и въ воспитаніи, со всякимъ днемъ становится менѣе и менѣе тѣснымъ, грозитъ полнымъ распаденіемъ.» Говоря о Лакретелѣ, Біо переноситъ слушателей въ эпоху революціи, вводитъ въ собраніе государственныхъ штатовъ, переименованное въ учредительное. «Кто не видалъ его, говорить Біо,—а я видѣлъ его, будучи пятнадцати лѣтъ, я, который говорю съ вами, тотъ не можетъ составить понятія о томъ, какъ происходили эти засѣданія. Это была драма, въ которой участвовало тысяча двѣсти актеровъ, принадлежавшихъ всѣмъ сословіямъ французскаго общества, изъ которыхъ всякое представило отъ себя своихъ членовъ, наиболѣе замѣчательныхъ по высокому званію, значенію должностей, блеску заслугъ, личнымъ достоинствамъ, ораторскому таланту, или наконецъ понеобузданности политическихъ мнѣній. Въ числѣ послѣднихъ былъ едва замѣтенъ ничтожный адвокатъ, холодный риторъ, являвшійся горячимъ хвалителемъ народныхъ преступленій. Это былъ Робеспьеръ, который въ послѣдствіи простеръ надъ Франціею свое кровавое могущество, но тогда еще оставался въ презрительной тѣни.» Въ заключеніи своей рѣчи Біо характеризуетъ черты чистаго служенія отвлеченному знанію, которое не зависитъ отъ ничего внѣшняго, и, предаваясь которому, ученый столь же мало заботится о политической жизни, какъ будто бы жилъ на Юпитерѣ или Сатурнѣ. Слова Біо, который самъ великій представитель такого ученаго отшельничества, были приняты съ глубокимъ уваженіемъ, хотя вѣрно немногіе, въ нашъ вѣкъ тревожнаго историческаго движенія впередъ, проникающаго всѣ жилы общества, пойдутъ и могутъ идти путемъ, указаннымъ Біо.

На рѣчь знаменитаго физика отвѣчалъ Гизо, указавъ заслуги Біо въ области науки, его изслѣдованіе метеорическихъ камней, его воздушное путешествіе, тяжелые труды по измѣренію земнаго меридіана, изслѣдованіе законовъ природы, какимъ подчинены явленія свѣта, его знаменитое сочиненіе: Курсъ физики математической и опытной, его безграничную преданность чистой наукѣ. Гизо коснулся также заслугъ Лакретеля и охарактеризовалъ его значеніе, какъ историка. Рѣчь Гизо, живая и блестящая, вызвала громкія рукоплесканія. Заимствуемъ изъ нея слѣдующій небольшой разказъ. Знаменитый историкъ говоритъ, обращаясь къ Біо и вспоминая его первые ученые труды: «Побѣдитель Италіи и Египта, уже предчувствуемый завоеватель Европы, генералъ Бонапартъ, тогда первый консулъ, присутствовалъ на засѣданіи Академіи наукъ, куда вы были

приглашены, чтобы изложить ваши молодые изслѣдованія. Можеть, сидѣвшій съ нимъ передъ черною доской, гдѣ вы чертили, съ отеческимъ удовольствіемъ сказалъ, обращаясь къ Наполеону: «это все изъ нашей милой Политехнической школы.»—Я узналъ это тотчасъ по «фигурамъ», отвѣчалъ первый консулъ. Въ концѣ засѣданія Академія назначила комиссію для отчета о вашемъ мемуарѣ; членами были поименованы: «граждане Лапласъ, Бонапартъ и Лакруа.» Не знаю вспомнилъ ли когда объ этомъ императоръ Наполеонъ; но вы никогда не напоминали ему объ этомъ. Вы слишкомъ уважали науку, чтобы имя ея искать милостей.»

—2-го февраля происходило годичное засѣданіе Парижской Академіи наукъ. Мы сообщимъ въ послѣдствіи нѣсколько подробнѣе объ этомъ засѣданіи, въ которомъ Эли де-Бомонъ читалъ біографію извѣстнаго механика Коріолиса, умершаго въ 1843 году, Ад. Бронжъ—любопытное донесеніе объ увѣнчанномъ академическою наградою сочиненіи гейдельбергскаго профессора Бронна (G. Bronn) по предмету геологіи, и наконецъ сообщенъ былъ отчетъ о присужденіи наградъ лучшимъ сочиненіямъ на темы, предложенныя академіею для конкурса на 1856 годъ. Въ настоящее время упоминаемъ только объ открытіи г. Валлера въ области фیزیологіи, удостоившемся первой награды по части опытной фیزیологіи. Замѣчательное открытіе г. Валлера принадлежитъ къ числу тѣхъ фактовъ, которые, какъ говорить въ своемъ донесеніи Клодъ Бернаръ, поражаютъ особенно своею новостью и увеличиваютъ поле научныхъ изслѣдованій, возбуждая новыя идеи и новые вопросы. Въ позвоночномъ хребтѣ проходитъ спинной мозгъ, изъ него выдѣляются нервы, выходящіе изъ позвонковъ пучками, передними и задними. На пути заднихъ нервовъ находятся особые нервныя узлы (ganglions intervertebraux), которыхъ роль была совершенно неизвѣстна. Г. Валлеръ опытами надъ кошками показалъ, что если перерѣзать нервъ на пути между позвоночнымъ мозгомъ и сказаннымъ узломъ и, оставивъ животное, чрезъ нѣсколько дней изслѣдовать, что сдѣлалось съ нервными концами, то обнаруживается слѣдующее: конецъ нерва, оставшійся при позвоночномъ столбѣ разрушился и сталъ зернистымъ; напротивъ того нервныя вѣтви ниже перерѣза, при которыхъ остался узелъ, сохраняютъ нормальное строеніе. Такимъ образомъ это отолщеніе придаетъ нервамъ живучее свойство и предохраняетъ ихъ отъ разрушенія. Совсѣмъ иначе происходитъ явленіе въ перерѣзанныхъ переднихъ нервныхъ пучкахъ. Тамъ, напротивъ того, сохраняется центральная часть нерва, оставшагося при позвоночномъ мозгѣ, и напротивъ того периферическая часть разрушается. Здѣсь, слѣдовательно, позвоночный мозгъ играетъ охранительную роль. Факты, при современномъ состояніи науки, вполне неожиданныя.

—Судя по журналамъ, проектъ г. Джона Бретта, относительно

соединенія Англіи и Америки подводною телеграфическою линіею, получилъ утверженіе со стороны англійскаго правительства. Англійскіи суда окажутъ великую помощь компаніи при изслѣдованіи глубины моря и наложеніи каната, внутри котораго идутъ телеграфическіи проволоки. Англія будетъ платить по 350,000 франковъ за пересылку правительственныхъ депешъ, пока дивидендъ не достигнетъ 6 со ста; тогда годичная плата уменьшится до 250,000 франковъ.

Извѣстный ученый В. Томсонъ выразилъ нѣкоторыя сомнѣнія относительно прямаго сообщенія Лондона и Нью-Йорка; думалъ также о недостаточности числа передаваемыхъ въ данное время сигналовъ при корреспонденціи столь дѣятельной, которая бы могла окупить издержки. Но изслѣдованія г. Уайтгоуза (Whitehouse), кажется, съ достаточною основательностью показываютъ, что бояться нечего; и скоро Америка будетъ при дверяхъ Европы.

По поводу телеграфовъ упомянемъ о новомъ опытѣ г. Гинтля. Хотя этотъ опытъ въ настоящее время еще не имѣетъ особаго значенія, но, можетъ-быть, пригодится въ будущемъ. Если полюсы гальванической баттарей соединены, каждый съ широкою пластинкою, опущенною въ почву, и если на нѣкоторомъ разстояніи расположимъ двѣ подобныя пластинки, соединенныя между собою помощію гальванометра, то, въ моментъ замыканія тока, въ пластинкахъ, независимыхъ отъ баттарей и соединенныхъ съ гальванометромъ, также обнаруживается токъ. Это родъ вліянія, котораго дѣйствія, какъ кажется, простираются весьма далеко. Г. Гинтль думаетъ, основываясь на этомъ опытѣ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно будетъ передавать электрическіе сигналы безъ проводящихъ проволокъ, употребляя только баттарей очень большой силы.

— Трудъ нашего соотечественника г. Шишкова, русскаго офицера, заходящагося въ Парижѣ, обратилъ на себя вниманіе Академіи наукъ. Донесеніе, представленное Дюма, отзывается въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о химическомъ изслѣдованіи гремучихъ соединений, произведенномъ г. Шишковымъ въ лабораторіи Бунзена. Положено трудъ г. Шишкова напечатать въ академическомъ собраніи мемуаровъ стороннихъ ученыхъ (*Recueil des savants étrangers*). Трудное, сопряженное съ опасностію изученіе гремучей ртути, изслѣдованіе состава гремучей кислоты, открытіе новыхъ тѣлъ—показываютъ въ авторѣ, какъ говоритъ Дюма, глубокое знаніе своего предмета, знакомство съ тончайшими законами науки и замѣчательное искусство производить опыты.

— Всѣмъ извѣстно устройство барометра, снаряда, въ которомъ по истинѣ ртути столба измѣряютъ давленіе воздуха. Г. Секки (*Secchi*), директоръ обсерваторіи въ Римѣ, сдѣлалъ остроумное измѣненіе въ этомъ снарядѣ, которое, какъ онъ надѣется, дозволитъ измѣрять давленіе воздуха еще точнѣе. Г. Секки въ буквальномъ смыслѣ

взвѣшиваетъ атмосферу. Представьте себѣ обыкновенный барометръ съ чашечкою; но вмѣсто того, чтобы соединять все въ одинъ сваяръдъ, держите трубку, въ которой находится ртутный столбъ, просто въ рукѣ. Опытъ и теорія показываютъ, что для поддержанія въ рукѣ трубки вы должны будете употребить усиліе, равное вѣсу ртутнаго столба или давленію атмосферы на ртуть въ инструментѣ. Вотъ, слѣдовательно, простое средство дѣйствительно взвѣшивать давленіе атмосферы на ртуть инструмента. Надо только прикрѣпить трубку барометра къ чашкѣ вѣсовъ и накладывать разновѣски на другую. Понятно, что при всякомъ измѣненіи давленія, надо будетъ дѣлать соотвѣтствующее измѣненіе въ вѣсѣ второй чашки. Безъ сомнѣнія, для точнаго опредѣленія надо обратить вниманіе на вѣсъ самой трубки и на нѣкоторыя поправки. Внутренній діаметръ трубки, по крайней мѣрѣ вверху, долженъ быть по возможности одинаковъ. Нѣтъ надобности, чтобы она была изъ стекла, а это очень важно для инструментовъ, употребляемыхъ въ путешествіяхъ: ихъ можно будетъ дѣлать значительно прочнѣе. Инструментъ, устроенный Секки, оказался весьма чувствительнымъ и точнымъ.

— Извѣстно, что въ Москвѣ, при Обществѣ Сельскаго Хозяйства, образовался особый комитетъ акклиматизаціи животныхъ и растений. Заимствуемъ изъ брошюры г. Богданова, принимающаго дѣятельное участіе въ трудахъ комитета, нѣсколько словъ о Французскомъ зоологическомъ обществѣ акклиматизаціи, основанномъ въ 1854 году стараніями г. Изидора Жофруа Сентъ-Илера, управляющаго парижскимъ Jardin des Plantes, такъ какъ мысль и устройство этого общества служатъ образцомъ для московскаго предпріятія. «Общество устроило въ разныхъ мѣстахъ Франціи, отличающихся особенными крайностями внѣшнихъ условій, фермы, на которыхъ животныя постепенно приучаются къ новымъ для нихъ условіямъ, акклиматизируются. Общество раздаетъ сѣмена и животныхъ своимъ членамъ для опытовъ, обязывая ихъ вести точную біографію каждой особи, слѣдить за измѣненіями и доносить объ этомъ обществу. Опытъ и наблюденія производятся по преимуществу надъ молодыми животными, такъ какъ опытъ показалъ, что они легче приучаются къ новымъ условіямъ и нѣкоторые опыты не удались только потому, что были взяты взрослые особи. Не успѣло общество объявить о составленіи своемъ, какъ сотни людей изъявили готовность содѣйствовать ему и деньгами и трудами.» (Объ акклиматизаціи животныхъ, А. Богданова, 1857).

— Наше время особенно богато замѣчательными трудами въ области физиологіи. Приложение къ изслѣдованію жизненныхъ явленій того метода, какимъ производится опытное изученіе физическихъ явленій, принесло богатые результаты. Упомянемъ объ одномъ изъ новѣйшихъ опытовъ.

Исследования Гельмгольца (1850 — 1854) показали, что между внешним раздраженіемъ мускула и механическимъ сокращеніемъ его, которое бываетъ слѣдствіемъ этого раздраженія, проходитъ запитное время: около 0,02 секунды для мускуловъ жизни животной, какъ показали еще исследования Вебера, нѣсколько секундъ для мускуловъ жизни органической. Во всякомъ мускулѣ существуетъ электрический токъ, обнаруживаемый чувствительнымъ гальванометромъ. Въ моментъ сокращенія токъ измѣняетъ направленіе, стрѣлка гальванометра возвращается назадъ, проходитъ 0 снряда и отклоняется въ противную сторону. Должно думать, что внешнее раздраженіе производитъ первоначально какія-то внутреннія измѣненія въ мускулѣ, обнаруживающіяся переменою направленія тока; а за этими измѣненіями, уже какъ слѣдствіе, происходитъ механическое сокращеніе мускула. Любопытный и весьма простой опытъ Кёлликера и Миллера подтверждаетъ эту мысль. Отрѣзаютъ ножку лягушки, сохраняя при ней ниточку нерва, идущаго въ ея главные мускулы (*nerf sciaticus*); нервъ этотъ кладутъ на сердце лягушки, выходящее въ полномъ біеніи. Тогда, при всякомъ сокращеніи сердца, ножка лягушки приходитъ въ судорожное движеніе, обнаруживая присутствіе тока во время сокращенія сердца, которое вообще есть большой мускулъ. При этомъ, судорожное движеніе ножки бываетъ не во время самаго сжатія сердца, какъ бы можно было думать а priori, но *непосредственно прежде*. Слѣдовательно, мускулъ предварительно подвергается нѣкоторымъ измѣненіямъ, обнаруживающимся переменою его электрическаго состоянія, а за этимъ слѣдуетъ его механическое сокращеніе.

— Известный англійскій физикъ Тиндаль (Tyndall) сообщилъ (*Philos. Magaz.* 1856) свои наблюденія надъ нѣсколькими любопытными случаями нечувствительности глаза къ цвѣтамъ. Есть лица, которыя не имѣютъ способности различать нѣкоторые цвѣта и для которыхъ вапримѣръ вишни и листья вишневаго дерева кажутся одинаковаго цвѣта. Одинъ англійскій морской офицеръ любилъ въ часы отдохновенія заниматься вышиваніемъ шерстью. Однажды, когда смерклося, и онъ, желая окончить розовый цвѣтокъ, напрягалъ зрѣніе, способность различать цвѣта вдругъ исчезла и не возвращалась болѣе. Сохранялось ощущеніе голубаго цвѣта и отчасти желтаго; куски же шерсти одинъ зеленаго, другой яркаго адаго казались ему одинаковаго цвѣта. Когда Тиндаль подалъ ему куски шерсти сѣраго и краснаго цвѣта, то онъ принималъ ихъ вначалѣ за разные оттѣнки одного цвѣта, потомъ и это различіе исчезло: куски казались каваго-то однороднаго цвѣта. Тиндаль имѣлъ удовольствіе однажды возбудить у капитана С. ощущеніе краснаго цвѣта. Для этого, держа передъ нимъ красное стекло, Тиндаль помѣстилъ капитана близъ электрической лампы и быстро произвелъ свѣтъ. Внезапное яркое освѣщеніе про-

будило чувствительность глаза и больной вскричалъ: это красный цвѣтъ,—и, казалось, наслаждался давно забытымъ ощущеніемъ.

Профессоръ Вильсонъ въ Эдинбургѣ прежде произвелъ многочисленные наблюденія надъ этою любопытною болѣзью глаза и замѣчательно, что изъ числа 1154 лицъ, ей подверженныхъ, только одно сознавало свой недостатокъ. Это медикъ изъ Йоркъ-Шира, который въ 1849 году упалъ съ лошади, подвергся сильному разстройству мозга и по выздоровленіи лишился способности различать цвѣта. Онъ самъ разказывалъ о грусти, какую испыталъ, когда по выздоровленіи вошелъ въ садъ и нашелъ, что его любимый цвѣтокъ роза, какъ и кустъ, на которомъ она росла, и листья, и вѣтви—все казалось однообразнаго темнаго цвѣта.

Тиндаль разказываетъ еще о любопытной особености праваго глаза одного артиста. Когда больной смотритъ этимъ глазомъ на свѣтящуюся точку, то она кажется ему окруженною рядомъ цвѣтныхъ колець. Онъ совѣтовался съ многими извѣстными окулистами, которые показали причину болѣзни въ поврежденіи нервной оболочки глаза. Тиндаль, основываясь на извѣстномъ физическомъ опытѣ, что свѣтящаяся точка, рассматриваемая черезъ мелкую сѣтку или стекло, покрытое тонкимъ порошкомъ, кажется окруженною кольцами, думаетъ, что причина болѣзни скрывается въ какихъ-нибудь мелкихъ частицахъ, находящихся въ жидкостяхъ глаза, а вовсе не въ поврежденіи сѣтчатой оболочки. «Отсюда видимъ, прибавляетъ Тиндаль, какъ необходимы физическія свѣдѣнія для медиковъ.»

Н. Любимовъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Современные политическіе вопросы, имѣющіе международный характеръ, большею частию подвигаются къ окончательному разрѣшенію, за исключеніемъ неполитанскаго или, правильнѣе, итальянскаго вообще. Мы можемъ сообщить нашимъ читателямъ, что конференціи по нешательскому дѣлу открылись въ Парижѣ 5-го марта. Въ этомъ первомъ засѣданіи присутствовали уполномоченные Франціи, Англии, Россіи и Австріи. На слѣдующій день назначено было второе засѣданіе, при участіи уполномоченныхъ Пруссіи и Швейцаріи. Спорные вопросы между Англіею и Персіею также приближа-

ются къ окончательному разрѣшенію: есть извѣстіе, что 3-го марта представители Персін и Англии въ Парижѣ, Ферукъ-ханъ и лордъ Клуей, подписали проектъ трактата, который долженъ быть ратифицированъ въ Лондонѣ и Тагеранѣ.

Нельзя сказать того же объ итальянскомъ вопросѣ, къ которому считаемъ нелишнимъ возвратиться по поводу официальныхъ документовъ, обнародованныхъ въ последнее время англійскимъ правительствомъ. Полное собраніе этихъ документовъ заключаетъ въ себѣ всю дипломатическую переписку по неаполитанскому дѣлу съ 19-го мая по 15-е ноября 1856 года, всего сорокъ семь документовъ, не представляющихъ, впрочемъ, много новаго нашимъ читателямъ, которымъ уже извѣстна дипломатическая переписка французскаго правительства по тому же дѣлу. Мы изложимъ въ общихъ чертахъ содержаніе англійской переписки, и укажемъ ея отличіе отъ французской.

Переписка начинается депешою лорда Кларендона къ сэр-Вильяму Темплю, англійскому посланнику въ Неаполѣ: въ ней изложены причины, побудившія англійское правительство совѣтовать неаполитанскому провозгласить всепрощеніе и обратиться къ лучшей правительственной системѣ. Сравнивая эту депешу съ соотвѣтственною депешою французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Валуевскаго, находимъ, что онѣ не одинаковы, и что англійская депеша отличается болѣе рѣшительнымъ характеромъ. Отвѣчая своему правительству, сэр-Вильямъ Темплъ сообщаетъ о неудовлетворительномъ результатѣ своего свиданія съ неаполитанскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, маркизомъ Караффа.

Въ числѣ обнародованныхъ документовъ находятся записка, поданная сэр-Вильяму Темплю друзьями политическихъ арестантовъ, о дурномъ обращеніи съ ними въ неаполитанскихъ тюрьмахъ, и свѣдѣнія о политическихъ процессахъ, происходившихъ въ высшемъ уголовномъ судѣ. Ничего подобнаго не было обнародовано французскимъ правительствомъ. Съ 31-го іюля по 27-е октября мѣсто сэр-Вильяма Темпла, отправившагося на Востокъ, занялъ г. Петре. Въ депешахъ своихъ, послѣдній сообщаетъ свѣдѣнія о политическомъ состояніи королевства Обѣихъ Сицилій, подробности о тюремномъ заключеніи бывшаго либеральнаго министра Поэріо и другихъ политическихъ арестантовъ и пр. Какъ образчикъ этой переписки, сообщаемъ извлеченіе изъ депешы г. Петре о положеніи г. Поэріо, писанной 27-го октября:

«Милордъ, съ искреннимъ сожалѣніемъ сообщаю вамъ въ этомъ письмѣ, которое будетъ однимъ изъ послѣднихъ моихъ писемъ, о физическихъ страданіяхъ Карло Поэріо.

«Съ нѣкотораго времени онъ страдалъ опухолью на спинной кости, происшедшею, по моему мнѣнію, отъ утомительнаго и продолжительнаго тюремнаго заключенія, отъ недостаточной, и нездоровой

пищи, и усиленную тренировку желѣзной цѣпи. Недавно ему сдѣлали операцію, и я узналъ, что въ настоящее время ему лучше. Но если собранныя мною свѣдѣнія вѣрны — а я не имѣю причины сомнѣваться въ ихъ вѣрности, какъ ни безчеловѣченъ этотъ поступокъ — цѣпь не была снята съ него ни до операціи, ни во время ея, ни послѣ нея.

Такой характеръ переписки очевидно свидѣтельствуетъ о глубокомъ разрывѣ между Англією и неаполитанскимъ правительствомъ. По словамъ лондонской министерской газеты *Morning-Post*, отношенія западныхъ державъ къ Неаполитанскому королевству не только не поправляются, но даже принимаютъ болѣе и болѣе непріязненный характеръ.

Мы извѣщали нашихъ читателей о договорѣ, состоявшемся между правительствами неаполитанскимъ и аргентинскимъ. Последнее, какъ извѣстно, уступаетъ земли въ южной Америкѣ, на которыхъ могли бы навсегда поселиться неаполитанскіе политическіе арестанты. Въ числѣ условій договора есть одно, по которому аргентинское правительство соглашается принять только тѣхъ политическихъ преступниковъ, которые сами пожелаютъ навсегда оставить свое отечество. Нынѣ увѣряютъ, что почти всѣ неаполитанскіе политическіе арестанты, слѣдуя примѣру барона Карло Поэріо, отказались купить освобожденіе такую цѣною. Если это справедливо, то конвенція между правительствами неаполитанскимъ и аргентинскимъ останется безъ послѣдствій.

Между тѣмъ, на другомъ концѣ Апеннинскаго полуострова, ожидаютъ разрыва между Пиемонтомъ и Австрією. Австрійское правительство съ неудовольствіемъ смотрѣло на участіе Пиемонта въ восточной войнѣ и въ парижскихъ конференціяхъ; еще болѣе враждебно встрѣтило оно сужденія объ итальянскихъ дѣлахъ, на парижскомъ конгрессѣ, открытыя подъ вліяніемъ пиемонтскаго правительства, обратившаго вниманіе конгресса на положеніе Италіи. Эта политика возбудила сочувствіе на полуостровѣ. Итальянцы задумали построить въ Туринѣ памятникъ въ честь сардинской арміи, участвовавшей въ восточной войнѣ, и собрать по подпискѣ денежную сумму на укрѣпленіе пограничной съ австрійскими владѣніями, сардинской крѣпости Александрии: это также было непріятно австрійскому правительству. Наконецъ въ настоящее время, когда австрійскій императоръ находится въ своихъ итальянскихъ владѣніяхъ, Сардинія ни чѣмъ не выразила сочувствія австрійскому правительству.

Надобно замѣтить, что само австрійское правительство признало необходимость даровать нѣкоторыя облегченія итальянскимъ провинціямъ. Пребываніе тамъ императора Франца-Иосифа ознаменовано прощеніемъ политическихъ преступниковъ и изгнанныхъ, возстановленіемъ центральныхъ и провинціальныхъ конгрегацій (представительныхъ учрежденій съ совѣщательнымъ голосомъ по дѣламъ мѣст-

ныя), которыхъ тщетно добиваются другія, болѣе преданныя части имперіи, замѣною военнаго управленія гражданскимъ, и маршала Радекаго эрцъ-герцогомъ Максимилианомъ. Все это уступки, которыхъ австрійское правительство не сдѣлало бы даже годъ тому назадъ, и которыя, конечно, не лишены значенія и важности въ глазахъ Европы; но едва ли дають онѣ австрійскимъ журналамъ право сказать, что в Австрія разорвала связь свою съ прошедшимъ. по крайней мѣрѣ относительно Италіи.

Сардинское правительство, пользующееся большою популярностію на Апеннинскомъ полуостровѣ, преслѣдуетъ иныя цѣли, и въ политикѣ своей относительно Италіи постоянно и притомъ враждебно сталкивается съ Австріею. Не далѣе какъ въ теченіе нынѣшняго января и февраля, оба правительства обмѣнялись сначала весьма рѣзкими полемическими статьями въ своихъ официальныхъ органахъ, а потомъ весьма сильными нотами, послѣ которыхъ можно ожидать серьезнаго разрыва. Одна изъ этихъ нотъ, подписанная въ Миланѣ 10-го февраля, адресована австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Буолежъ, къ австрійскому посланнику въ Туринѣ графу Пару. Въслѣдствіе милостей, дарованныхъ императоромъ Францомъ-Іосифомъ итальянскимъ провинціямъ Австрійской имперіи, говоритъ графъ Буоль, довѣріе къ австрійскому правительству упрочивается въ Ломбардіи и Венеціанской области, и «если еще есть умы колеблющіеся, то сомнѣнія ихъ происходятъ преимущественно отъ возбуждающаго мнѣнія извнѣ» (вѣроятно изъ Сардиніи). «Положеніе, принятое сардинскимъ правительствомъ, продолжаетъ графъ Буоль, было въ особенности прискорбно императору: піемонтскія газеты, съ систематическою ненавистью къ Австріи, старались представить послѣднія событія въ Миланѣ въ совершенно ложномъ и превратномъ видѣ. Владѣчество Австріи въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ представляется незаконнымъ и составляющимъ единственный источникъ всѣхъ бѣдствій Италіи; газеты не щадятъ даже августѣйшей особы императора.» Графъ Буоль жалуется на снисходительность піемонтскаго правительства къ газетамъ, на подписки, открытыя для усиленія оборонительныхъ средствъ Піемонта отъ Австріи, на приѣмъ депутацій изъ итальянскихъ подданныхъ Австріи, явившихся въ Туринѣ съ цѣлью выразить уваженіе къ сардинской политикѣ, «не одобряемой собственнымъ ихъ правительствомъ», и на сооруженіе памятника въ честь сардинской арміи въ Туринѣ, предпринимаемое не одними сардинскими, но и австрійскими подданными. По словамъ графа Буоля, піемонтскія газеты нападаютъ не на одни дѣйствія австрійскаго правительства, но и касаются самихъ монархическихъ началъ и подкапываются подъ самое зданіе общественнаго порядка. «Императоръ, сказано въ австрійской нотѣ, считаетъ долгомъ своего сана сообщить

сардинскому правительству о своемъ неудовольствіи. Графъ Кавуръ (1) долженъ указать вамъ (2) средство, которое онъ намѣренъ употребить, чтобы изгладить тагостныя впечатлѣнія, и представить ручательства въ прекращеніи такого порядка вещей, прямо противорѣчащаго нашему желанію продолжать дипломатическія сношенія съ Пиемонтомъ.»

Графъ Кавуръ отвѣчалъ на эту депешу 20-го февраля депешою, адресованною на имя сардинскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, маркиза Кантоно. Пиемонтскія газеты, пишетъ онъ, отваживаются иногда дѣлать весьма неблагонамѣренныя выходки и позволяютъ себѣ нападки на особу императора, которыя я рѣшительно осуждаю. Но послѣднія легко прекратить судебными средствами, установленными закономъ, именно противъ проступковъ этого рода. Къ тому же пиемонтскія газеты строго запрещены въ австрійскихъ провинціяхъ. Что касается до сужденій о дѣйствіяхъ австрійскаго правительства, то «свобода сужденій составляетъ одно изъ существенныхъ основаній политической системы въ Пиемонтѣ и нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ государствахъ. Смѣемъ увѣрить, говоритъ графъ Кавуръ, что эта свобода приноситъ у насъ столько же выгодъ и менѣе неудобствъ, чѣмъ гдѣ-либо. Глубокое спокойствіе, которымъ мы наслаждаемся, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе укрѣпляющійся союзъ между націею и трономъ, служатъ несомнѣннымъ тому доказательствомъ.» Нападки бельгійскихъ и англійскихъ газетъ на австрійское правительство были не менѣе рѣзки и сильны, а между тѣмъ Австрія домогалась дружбы Англии. «Графъ Буоль могъ бы возлагать на сардинское правительство отвѣтственность за нападки газетъ на особу австрійскаго императора, еслибы оно отказывалось употребить законныя средства къ прекращенію ихъ. Но если сардинское правительство объявляетъ, что готово исполнить законъ во всей строгости по судебной жалобѣ австрійскаго правительства, то подобное обвиненіе не имѣетъ достаточнаго основанія.» Съ другой стороны, «если графъ Буоль жалуется на выходки пиемонтскихъ газетъ, пользующихся свободою тисненія и недопускаемыхъ въ австрійскія владѣнія, то что же сказать намъ объ австрійскихъ газетахъ, издаваемыхъ въ Миланѣ, которыя, будучи подвержены строгой ценсурѣ, безпощадно нападаютъ на наши законы и государственныхъ людей, и притомъ безпрепятственно допускаются въ Сардинію? Въ Пиемонтѣ свободны нападки, свободна и защита отъ нападковъ. Если наши газеты нападаютъ на Австрію, то австрійскія газеты, незапрещенныя въ Пиемонтѣ, защищаютъ ее, какъ защищаютъ ее и нѣкоторыя изъ пиемонтскихъ газетъ. Въ Ломбардіи, напротивъ, дозволены ценсурою только однѣ нападки на сардинское прави-

(1) Сардинскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

(2) То-есть, графу Пару.

таство. Графъ Буоль обвиняетъ сардинское правительство въ равнодушіи къ политической газетной полемикѣ. Этого конечно нельзя сказать объ Австріи. Статьи официальныхъ газетъ, составляемыя подъ влияніемъ австрійскаго правительства, доказываютъ, что вѣнскій кабинетъ не безучастенъ къ нападкамъ на насъ. Дѣйствительно, прочитавъ статью Миланской официальной газеты, въ которой министры В. В. короля Сардинскаго сравниваются съ Робеспьерами и Кромвелями, позволено удивляться жалобамъ графа Буоля на терпимость піемонтскихъ государственныхъ людей. Графъ Буоль обвиняетъ насъ въ томъ, что мы одобряемъ самыя гибельныя правила, допускаемъ подкапывать основанія монархическаго порядка. Результаты внутренней политики сардинскаго правительства опровергаютъ эти обвинения. Всякій добросовѣстный человекъ, при одномъ поверхностномъ разсмотрѣніи нынѣшняго положенія Піемонта, долженъ сознаться, что монархическія начала, быть-можетъ потрясенныя событіями 1848—49 годовъ, постепенно утвердились на прочномъ основаніи. Единодушныя изъявленія сочувствія, съ которыми принимаютъ короля во всѣхъ частяхъ его владѣній, даже тамъ, гдѣ преданность и уваженіе не коренятся въ историческихъ преданіяхъ, служатъ очевиднымъ тому доказательствомъ. Справедливость нашихъ словъ доказывается между прочимъ слабостію республиканской партіи. При вступленіи на престолъ короля Виктора-Эммануила, она еще имѣла нѣкоторое влияние; но съ тѣхъ поръ, при свободной политической системѣ, она такъ упала, что единственный периодическій органъ ея (*Italia e Popolo*) прекратилъ свое существованіе не вслѣдствіе судебныхъ приговоровъ, а въ постепеннаго уменьшенія числа читателей.»

Разсмотрѣвъ вопросъ о свободѣ тисненія, графъ Кавуръ говоритъ слѣдующее по поводу другихъ замѣчаній австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ:

«Относительно демонстрацій, будто бы возбужденныхъ нами въ другихъ частяхъ Италіи, мы просимъ указать хоть одинъ случай, въ которомъ демонстрація была бы вызвана правительствомъ короля. Когда піемонтское правительство обратило вниманіе парижскаго конгресса на положеніе Италіи и доказало необходимость улучшить это положеніе мирными и законными средствами, политика его возбудила, безъ всякихъ воззваній, изъявленія признательности и сочувствія со стороны многихъ лицъ, живущихъ въ разныхъ частяхъ полуострова. Въ этомъ нѣтъ ничего такого, на что Австрія могла бы жаловаться. Она сама, расходясь съ нами въ мнѣніи о средствахъ, признала необходимость измѣнить положеніе дѣлъ въ Италіи. Она болѣе чѣмъ признала это въ рѣчахъ своихъ. Тѣми мѣрами, которыя она приняла въ послѣднее время, и которыя, какъ слышно, еще будутъ приняты ею, она доказала на дѣлѣ, что свидѣтельства сардинскихъ уполномоченныхъ на парижскомъ конгрессѣ не были лишены основанія, и что

одобреніе, съ которымъ были встрѣчены старанія ихъ, не можетъ быть вмѣнено имъ въ дѣйствіе, прямо враждебное относительно Австріи.

«Переходя къ вопросу о памятникѣ, который предполагается воздвигнуть въ Туринѣ въ честь сардинской арміи, замѣчу прежде всего, что правительство короля не участвуетъ въ этомъ дѣлѣ. На вопросъ нѣкоторыхъ лицъ, приметъ ли правительство пожертвованія Миланцевъ, правительство отвѣчало рѣшительнымъ и положительнымъ отказомъ. Предложеніе, сдѣланное муниципальному совѣту, было принято. Правительство не могло и не должно было препятствовать этому, ибо пожертвованія на памятникъ въ честь сардинской арміи были предложены безусловно, отъ имени неизвѣстныхъ лицъ, что сообщать этому акту характеръ безыменнаго приношенія. Но если правительство короля не могло воспрепятствовать принятію пожертвованія на памятникъ, назначаемый исключительно въ честь крымской экспедиціи, то оно не дозволитъ въ этомъ памятникѣ ничего такого, что могло бы оскорбить Австрію или ея армію, а также не дозволитъ въ надписи никакого намека на участіе австрійскихъ подданныхъ въ этомъ дѣлѣ.

«Я надѣюсь, что объясненія, заключающіяся въ этой донешѣ, съ которой копию вы оставите графу Буолу, и ваши дополнительные объясненія убѣдятъ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, что мы, твердо рѣшившись ни въ какомъ случаѣ не измѣнять учрежденіямъ, составляющимъ счастье и славу нашего отечества, тѣмъ не менѣе намѣрены строго исполнять, относительно сосѣдей, обязательства, возлагаемая на насъ международнымъ правомъ и трактатами.»

Читателямъ, конечно, не трудно будетъ вывести прямыя заключенія изъ этой дипломатической переписки, и потому, оставая въ сторонѣ итальянскій вопросъ, мы скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о другихъ текущихъ вопросахъ международной политики.

Положеніе англійскихъ дѣлъ въ Кантонѣ не измѣнилось; но въ Лондонѣ, вслѣдствіе англо-китайскаго вопроса, измѣнилось положеніе министерства, о чемъ мы сообщаемъ ниже, ибо дѣло это собственно касается внутренней политики министерства. Въ другой части свѣта, въ Америкѣ, Англія встрѣтила новое затрудненіе, быть-можетъ немаловажное по своимъ возможнымъ послѣдствіямъ. Извѣстно, что сильныя разногласія между Англіею и Соединенными Штатами по дѣламъ Центральной Америки разрѣшились въ прошломъ году проектомъ трактата, который былъ подписанъ въ Лондонѣ: со стороны Соединенныхъ Штатовъ—г. Далласомъ, съверо-американскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, со стороны Англіи—министромъ иностранныхъ дѣлъ, лордомъ Кларендономъ. Трактатъ этотъ извѣстенъ съ тѣхъ поръ подъ названіемъ трактата Кларендонъ-Далласа. По обыкновенію, исполнительная власть Американскаго союза должна была

представить его на утверждение законодательных палатъ. Въ февралѣ изъ Нью-Йорка получено извѣстіе, что сенатъ, большинствомъ 33 голосовъ противъ 8, отослалъ трактатъ на разсмотрѣніе въ комитетъ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ онъ долженъ подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ. Въ чемъ именно будутъ состоять эти измѣненія—неизвѣстно, тѣмъ болѣе, что сенатъ обсуживалъ трактатъ въ матежномъ засѣданіи. Въ журналахъ и въ публикѣ увѣряли, будто сенатъ не согласенъ на два пункта. Впервыхъ, въ трактатѣ сказано, что Москитосскій берегъ Центральной Америки долженъ составить независимое владѣніе, и даже опредѣлены его границы. Москитосамъ предложено также право присоединиться къ республикѣ Никарагвѣ. По слухамъ, американскій сенатъ находитъ, что протекторство Англіи надъ Москитосами не уничтожено формально, и что Англія можетъ по прежнему сохранить тамъ свое вліяніе. Вовторыхъ, сенатъ не доволенъ конвенціею, состоявшеюся между Англіею и Гондурасомъ относительно такъ-называемыхъ острововъ Бухты, гдѣ, по трактату, не можетъ быть введено невольничество. Впрочемъ, основательность этихъ соображеній, высказанныхъ преимущественно англійскими журналами, не можетъ быть допущена безъ ограниченій.

Къ англо-американскому вопросу считаемъ не лишнимъ примкнуть испанско-мексиканскія разногласія. Испанское правительство серьезно готовится къ сильной экспедиціи противъ Мексики, съ цѣлью требовать удовлетворенія за грабежи и убійства, которымъ подверглись въ Мексикѣ испанскіе подданные. Испанское правительство приписываетъ эти злодѣянія солдатамъ мексиканскаго диктатора Альвареса. Оно поручило своему представителю въ Мексикѣ требовать немедленнаго наказанія виновныхъ и вознагражденія за убытки, причиненныя испанскимъ подданнымъ, и предписало ему тотчасъ выѣхать изъ Мексики, если эти требованія не будутъ исполнены. вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ гавани отправлены къ берегамъ Мексики военныя суда съ войсками; на помощь имъ посланы пять судовъ изъ портовъ Пиренейскаго полуострова, тоже съ войсками. Число испанскихъ судовъ въ тѣхъ моряхъ будетъ простираться, по офіціальнымъ свѣдѣніямъ, до тридцати. Все это изложено въ циркулярной нотѣ испанскаго министра иностранныхъ дѣлъ къ дипломатическимъ агентамъ Испаніи при иностранныхъ дворахъ, отъ 17-го февраля.

Вопросъ о зундскихъ пошлинахъ, быть-можетъ, уже рѣшенъ въ настоящее время. Въ иностранныхъ журналахъ даже были сообщены приблизительныя условія, на которыхъ состоялось соглашеніе между Даніею и другими договаривающимися государствами. Мы возвращаемся къ этому вопросу въ слѣдующемъ Обзорѣніи.

Перехода къ политической хроникѣ отдѣльных государствъ и, по обыкновенію, начиная съ *нашего отечества*, представляемъ читателямъ обширный обзоръ важнѣйшихъ свѣдѣній, сообщенныхъ въ обнародованномъ извлеченіи изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра государственныхъ имуществъ за 1855 годъ.

Отчетъ г. министра государственныхъ имуществъ начинается изложеніемъ тѣхъ пожертвованій, которыя понесли государственныя имущества вслѣдствіе войны. Представляемъ здѣсь эти данныя, присоединяя къ нимъ свѣдѣнія того же рода, разбѣяныя въ разныхъ мѣстахъ отчета.

Въ 1855 году, по двумъ частнымъ и одному общему рекрутскимъ наборамъ слѣдовало собрать съ государственныхъ крестьянъ 144,155 рекрутъ; изъ нихъ поставлено натурою 138,250 чел., зачетными квитанціями—4,438, и денежнымъ взносомъ только 1,464, на сумму 439,000 р. Сверхъ того, для составленія государственнаго ополченія собрано ратниковъ 150,386, итого 294,541 чел. Отлучки крестьянъ для промысловъ ограничены, по случаю рекрутскихъ наборовъ. Въ 1855 году выдано паспортовъ на 518,437 р., менѣе противъ 1854 года на 30,059 р. Для содѣйствія движенію войскъ и для перевозки воинскихъ запасовъ поставлено 2,423,365 подводъ, «изъ которыхъ многія должны были совершить путь на протяженіи 600 верстъ безъ перемѣны». Количество скота уменьшилось противъ 1854 года на 492,260 головъ, «въ мѣстахъ, бывшихъ театромъ войны, и исключительно отъ изнуренія перевозкою воинскихъ тяжестей». Квартирная повинность составляла 39,556,225 дней, болѣе противъ 1854-го, также военнаго года, на 18,792,845 дней.

Уплата податей естественно должна была затрудниться, тѣмъ болѣе, что въ мѣстахъ, занятыхъ или подверженныхъ нападенію непріятеля, всякіе платежи прекратились; въ губерніяхъ Херсонской, Екатеринославской и въ областяхъ Бессарабской и Таврической вообще велѣно было не настаивать на сборѣ податей, чтобы сохранить для дѣйствующихъ войскъ средства мѣстныхъ жителей. Въ число оклада податей 27,376,194 р. недоплачено 2,521,755 р., или 9 $\frac{1}{2}$ %. Министерство, съ своей стороны, по возможности облегчало положеніе крестьянъ пособіями изъ собственныхъ средствъ. Для продовольствія и обмѣненія полей отпущено изъ запасныхъ и центральныхъ магазиновъ 1,531,644 четв. хлѣба, всего хлѣбомъ и деньгами на сумму 5,610,344 р.

Совершенное прекращеніе заграничнаго отпуска лѣсу весьма неблагоприятно дѣйствовало на лѣсную торговлю. Лѣсной доходъ уменьшился противъ предположеннаго оклада (867,100 р.) на 132,899 р.

Выставки сельскихъ произведеній, по случаю отвлеченія хозяевъ рекрутскими наборами и составленіемъ ополченія, были отложены до 1856 года.

Вотъ тѣ важнѣйшія свидѣнія о вліяніи военныхъ обстоятельствъ на государственныя имущества, какія мы встрѣтили въ извлеченіи изъ отчета г. министра. Перейдемъ теперь къ общей части отчета.

Въ 1855 году число государственныхъ крестьянъ простиралось до 8,813,821 души; помѣщичьихъ крестьянъ въ томъ же году, какъ показано въ отчетѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ, было не менѣе 11,800,000 душъ. Если присоединить къ числу государственныхъ крестьянъ другихъ сельскихъ обывателей, подвѣдомственныхъ министерству государственныхъ имуществъ, то получимъ общее число свободныхъ сельскихъ обывателей—9,034,712 душъ: мы разумѣемъ, кромѣ 8,813,821 души государственныхъ крестьянъ, 193,402 иностранныхъ поселенца и 27,489 Евреевъ земледѣльцевъ.

Изъ 8,813,821 государственныхъ крестьянъ, учащихся въ приходскихъ училищахъ было не болѣе 110,924 чел. (въ томъ числѣ почти 16,000 Татаръ), то—есть на 163 души общаго числа населенія приходился одинъ учащійся—пропорція, впрочемъ болѣе утѣшительная, чѣмъ въ другой огромной половинѣ сельскаго населенія. Замѣчательно, что на 193,402 души иностранныхъ поселенцевъ, приходилось не менѣе 58,114 учащихся, то—есть по 1 на 7 душъ; у Евреевъ—земледѣльцевъ по 1 на 49 душъ.

Сверхъ того, министерство старалось присоединить къ образованію сельскаго юношества нѣкоторыя свидѣнія по части сельскаго хозяйства. Съ этою цѣлію назначены въ 1855 году, по западнымъ губерніямъ, каждому училищу особые участки земли, для разведенія садовъ и огородовъ, и пр.; наконецъ, въ каждую губернію разрѣшено выписывать по нѣскольку экземпляровъ Земледѣльческой Газеты.

Изъ матеріальныхъ улучшеній, предпринятыхъ министерствомъ, укажемъ на переложеніе податей съ душъ на землю, совершенное въ 1855 году въ губерніяхъ Нижегородской и Владимірской. Извѣстно, что мѣра эта имѣетъ цѣлію уравненіе крестьянъ въ денежныхъ повинностяхъ, соразмѣрно съ выгодами отъ земель и промысловъ. Въ настоящее время новая система примѣнена въ 19-ти великорусскихъ губерніяхъ, населенныхъ 3,843,279 душами.

Военныя обстоятельства, какъ упомянуто выше, значительно опустошили хлѣбные запасы государственныхъ крестьянъ. Тѣмъ не менѣе къ 1-му января 1856 года, въ благотѣльныхъ запасныхъ магазинахъ состояло наличнаго хлѣба 11,272,051 четв., и продовольственнаго капитала 3,995,848 р. Въ настоящее время считается болѣе 5,600 магазинововъ и наличнаго капитала на постройку ихъ 1,204,982 р.

Взаимное застрахованіе строеній, введенное въ казенныхъ селеніяхъ, съ каждымъ годомъ распространяется болѣе и болѣе. Въ 1855 году застраховано сельскихъ строеній на 75,390,557 р. Къ сожалѣнію, пожары отъ сухаго лѣта, а частію отъ дѣйствій непріятеля, были весьма значительны. Всего сгорѣло въ 1855 году на 2,880,444 р., въ томъ числѣ 23,072 крестьянскихъ дома.

Учрежденіе сберегательныхъ и вспомогательныхъ кассъ (сельскихъ банковъ) также распространяется съ каждымъ годомъ, и принадлежитъ къ числу благотѣлнѣйшихъ мѣръ, принятыхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ. Къ 1856 году сберегательныхъ кассъ состояло 515, вспомогательныхъ 1,178, въ первыхъ состояло вкладовъ на сумму 948,216, а послѣдніе произвели ссудъ въ 1855 году на 1,681,715 р. Мірскіе капиталы, учрежденные въ 1853 году и находящіеся въ распоряженіи сельскихъ обществъ, для содѣйствія имъ къ удовлетворенію общественныхъ и частныхъ нуждъ, увеличились до 3,423,636 р.; у колонистовъ они составляли 752,872 р.: по случаю употребленія на военныя потребности, менѣе противъ 1854 года на 131,356 р.

Къ 1-му января 1856 года, по министерству государственныхъ имуществъ, состояло всѣхъ капиталовъ 22,991,465, въ томъ числѣ крестьянскихъ 18,596,575, среднимъ числомъ менѣе 3 р. на душу.

Нашимъ читателямъ, безъ сомнѣнія, любопытно будетъ узнать оцѣпальныя цифры, выражающія количество казенныхъ земель и лѣсовъ. Заимствуемъ ихъ изъ того же отчета:

Къ 1856 году состояло казенныхъ земель (не считая лѣсовъ) 81,402,230 десятинъ, изъ коихъ снято на планы и рекогносцировано къ 1856 году 62,230,944 десятины.

Казенныхъ лѣсовъ въ 1855 году состояло 108,947,309 десятинъ, изъ коихъ снято на планы къ 1856 году 13,338,237 дес.; составлено хозяйственныхъ описаній лѣсовъ на 36,046,081 десят.

Лѣсными пожарами и самовольными порубками истреблено лѣса, въ 1855 году, на 197,364 р. (1).

Въ отношеніи замѣна лѣснаго топлива два продукта были предметомъ разработки: 1) каменный уголь и антрацитъ, 2) торфъ. Каменный уголь доселѣ отысканъ только въ Екатеринославской губерніи, мало нуждающейся въ топливѣ и не имѣющей удобныхъ сообщеній для доставленія этого продукта въ другія мѣста. Оттого разработка каменнаго угля производится, на первый разъ, для приученія поселенъ, въ малыхъ размѣрахъ (въ 1855 году разработано не болѣе 43,500 пуд.). Разработка торфа предпринята недавно, съ сомнительнымъ успѣхомъ: но постоянное усиліе министерства, назначеніе опытнаго торфмейстера и нѣкоторыя денежныя пожертвованія начинаютъ распространять разработку торфа въ губерніяхъ: Курляндской, Лифляндской, Московской, Псковской, Витебской, Черниговской и Курской. Въ 1855 году по одному вѣдомству государственныхъ имуществъ разработано 19 милл. кирпичей. Можно надѣяться,

(1) Нынѣ въ лѣсной стражѣ состоятъ: объѣзчиковъ 1,526, поселенныхъ семействъ 1,240, военно-лѣсной стражи 610, чиновъ стрѣлковыхъ батальоновъ 183, стражи изъ крестьянъ 37,016.

то употребленіе табака съ каждымъ годомъ будетъ увеличиваться, особенно для фабричнаго дѣла.

Не надобно быть оптимистомъ, чтобы исполнѣ сочувствовать благимъ намѣреніямъ и дѣйствіямъ министерства государственныхъ имуществъ. Отъ души желая ему дальнѣйшаго распространенія и процвѣтанія, заключимъ нашъ обзоръ прекрасными словами, которыми г. министръ государственныхъ имуществъ оканчиваетъ первую часть своего поучительнаго отчета:

«Оканчивая изложеніе дѣйствій, къ военнымъ обстоятельствамъ относящихся, я не долженъ умолчать, что въ теченіе 1855 года порядокъ и спокойствіе среди государственныхъ крестьянъ, подобно тому, какъ и въ предшествовавшіе годы, не были нарушены никакимъ важнымъ происшествіемъ. Когда въ Кіевской губерніи, между таинственнымъ сельскимъ населеніемъ, произошли беспорядки, генералъ-губернаторъ князь Васильчиковъ, отъ 6-го сентября 1855 года, писалъ, что государственные крестьяне нисколько не участвовали въ сихъ беспорядкахъ и не могли въ нихъ участвовать по своему положенію, которымъ они довольны и естественно желаютъ его сохранить.»

На подлинномъ отчетѣ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Читалъ съ особымъ удовольствіемъ и благодарю искренно за постоянные труды ваши къ улучшенію внутренняго вамъ управленія.»

Въ Англіи, парламентскія пренія, о началѣ которыхъ мы сообщали въ послѣднемъ Обзорѣніи, разрѣшились не совсѣмъ благопріятно для министерства лорда Пальмерстона, хотя оно, повидимому, не намѣрено положить оружія и отказать отъ управленія государствомъ. Но послѣднимъ, весьма отрывочнымъ телеграфическимъ извѣстіямъ, оно потерпѣло пораженіе въ нижней палатѣ по вопросу о китайскихъ дѣлахъ, и потому намѣрено воспользоваться конституціоннымъ правомъ короны распускать парламентъ. Лордъ Пальмерстонъ объявилъ объ этомъ въ засѣданіи нижней палаты 5-го марта (21 февраля). Правительство желаетъ только, чтобы палата окончила пренія о бюджетѣ. Еще не зная подробностей о засѣданіяхъ 4-го и 5-го марта, остановившись на вопросѣ о бюджетѣ и на тѣхъ преніяхъ, которыя предшествовали пораженію министерства.

Финансовый вопросъ въ глазахъ англійской публики всегда имѣетъ первокласное значеніе: онъ служитъ для нея пробнымъ камнемъ, по которому она опредѣляетъ достоинство министерствъ, и потому нередко былъ причиною паденія министерствъ въ Англіи. Въ нынѣш-

немъ году англійская публика съ особеннымъ участіемъ ожидала бюджета, ибо то былъ первый бюджетъ по заключеніи мира. Англичанинъ охотно, съ гордостію, платилъ всѣ налоги, которыхъ требовали у него для войны, но теперь сильно желалъ знать, что именно выигралъ онъ отъ мира. Ожиданія его оправдались, если не вполне, то въ удовлетворительной степени. Канцлеръ казначейства, въ своемъ новомъ бюджетѣ, сокращаетъ военные расходы на 36 мил. ф. ст. (219 мил. р. сер.), сравнительно съ прошлогоднимъ: разница огромная, которая не могла пройти незамѣченной. Впрочемъ, эта разница значительно смягчена самимъ министерствомъ, которое еще въ прошломъ году, тотчасъ по заключеніи мира, сократило расходы болѣе чѣмъ на 100 мил. р. противъ цифры, опредѣленной въ прошлогоднемъ бюджетѣ. Но нынѣшній бюджетъ расходовъ, даже сравнительно съ уменьшеннымъ прошлогоднимъ бюджетомъ, представляетъ уменьшеніе во 119 мил. р. По теперешней смѣтѣ, во флотѣ предполагено содержать 43,000 морскихъ солдатъ и матросовъ, въ арміи 126,000 рядовыхъ, не считая 28,000 королевскихъ войскъ, содержащихся Остъ-Индскою компаніей. Такимъ образомъ военныя силы Англии, морскія и сухопутныя, уменьшены въ нынѣшнемъ году почти на половину.

Канцлеръ казначейства замѣтилъ однако, что бюджетъ его еще не заключаетъ въ себѣ всѣхъ сокращеній, которыя было бы желательно найти въ немъ, и что ошибочно было бы считать его совершенно мирнымъ бюджетомъ. Гораздо основательнѣе называть его бюджетомъ переходнымъ, ибо на немъ еще тяготѣютъ послѣдствія контрактовъ, заключенныхъ въ ожиданіи военныхъ обстоятельствъ, и нѣкоторые дополнительные расходы. Этими обстоятельствами объясняетъ онъ разницу между нынѣшнимъ бюджетомъ и тѣми, которые предшествовали войнѣ. Съ 1850 по 1854 годъ государство расходовало среднимъ числомъ 54 мил. ф. ст. ($337\frac{1}{2}$ мил. р.), тогда какъ на 1857—58 финансовый годъ расходы опредѣлены въ 65 мил. ф. ст. (401 мил. р. сер.): слѣдовательно, разница простирается до 71 мил. р. сер. Министръ объясняетъ эту разницу не только переходнымъ характеромъ бюджета, но и тѣмъ, что до нынѣшняго года въ бюджетѣ расходовъ не включали издержекъ на взиманіе налоговъ, которыя теперь внесены въ смѣту и опредѣлены въ 30 мил. р., для большаго порядка въ счетахъ. Къ этой суммѣ надо присоединить около 14 мил. р. на покрытіе расходовъ по займамъ и другимъ обязательствамъ, заключеннымъ во время войны; около 4 мил. р. на войну съ Персіей, и суммы на нѣкоторыя улучшенія по администраціи и на пенсіи, количество коихъ значительно увеличилось въ послѣднее время. Всѣ эти суммы, назначенныя на удовлетвореніе совершенно новыхъ государственныхъ нуждъ, значительно усиливаютъ разницу между бюджетомъ 1857—58 г. и тѣми, которые предшествовали войнѣ.

Къ числу самыхъ любопытныхъ мѣстъ въ рѣчи канцлера казначейства принадлежатъ статистическія свѣдѣнія о томъ, что стоила Англія послѣдняя война. Въ общей сложности трехгодичный расходъ (1854—55, 1855—56, 1856—57 г.) простирался до 228,721,000 ф. ст. (1,429,506,250 р.), а доходъ, не считая займовъ, до 192,685,000 ф. ст. (1,204,281,250 р.); слѣдовательно, дефицитъ равняется 228,225,000 р. сер. Для покрытія этого дефицита, отверженный и неотверженный долгъ были увеличены на 41,041,000 ф. ст. (256,506,250 р.), сумму, превывшавшую военные потребности; ибо одни налоги вмѣстѣ съ займами доставили государству 81,403,000 ф. ст. (508,768,750 р.), а военные расходы простирались лишь до 76,398,000 ф. ст. (477,487,500 р.). Какъ видно, Англія не жалѣла денегъ; благоразумная бережливость въ мирное время позволила ей путемъ налоговъ добыть на военные расходы 40,362,000 ф. ст. (252,262,500 р.). Финансы Англіи потерпѣли бы гораздо сильнѣе, еслибы правительствомъ обратилось и за этою суммой не къ налогу на доходы (income-tax), а къ новымъ усиленнымъ займамъ.

Канцлеръ казначейства рассчитываетъ, что займы, заключенные для покрытія лишь одной части военныхъ расходовъ, могутъ быть погашены къ 1877 году, то-есть черезъ двадцать лѣтъ, а можетъ-быть и черезъ шестнадцать, съ помощію обыкновенныхъ бюджетовъ. «Мнѣ кажется, сказалъ онъ, что такое положеніе дѣлъ позволяетъ намъ съ некоторою гордостію обратиться назадъ. Оно свидѣтельствуетъ, на сколько мы сдѣлались предусмотрительнѣе предшествовавшихъ намъ поколѣній: еслибъ предки наши такъ же заботились о насъ, какъ мы заботимся о нашихъ потомкахъ, то мы не были бы обременены теперь тяжкимъ долгомъ въ 800 милл. ф. ст. (5,000 милл. р.).» Онъ могъ бы присоединить, что Англія съ большою легкостію несетъ этотъ долгъ, чѣмъ другія государства—гораздо меньшіе долги, и что въ настоящее время кредитъ ея гораздо сильнѣе и прочнѣе кредита Франціи, который однако принадлежитъ къ числу прочнѣйшихъ въ мрѣ.

Оттого матеріальныя средства Англіи растутъ съ каждымъ годомъ въ колоссальныхъ размѣрахъ. Въ 1856 году цѣнность вывоза изъ Англіи простиралась до 115,890,000 ф. ст. (724,312,500 р.): эта цифра вдвое больше цифры 1849 года. Огромное усиленіе вывоза въ какія-нибудь семь лѣтъ свидѣтельствуетъ, какія выгоды умѣла извлечь англійская торговля изъ благоразумныхъ таможенныхъ преобразований, несмотря на трехлѣтнюю войну и частые неурожаи. Въ прежнее время, для достиженія того же результата, потребовалось бы не менѣе тридцати трехъ лѣтъ: вывозъ 1849 года былъ вдвое больше вывоза 1816 года; нынѣ послѣдній *четверился*. Опасенія приверженцевъ старой коммерческой системы, при отмѣнѣ навигаціоннаго акта и открытіи англійскихъ портовъ для иностранныхъ судовъ на-

равнѣ съ англійскими, нынѣ разсѣяны цѣврами. При новомъ порядкѣ вещей, движеніе судовъ въ англійскихъ портахъ, въ 1856 году, равнялось 17,904,000 тоннъ, и въ усиленіи этого движенія на долю національнаго флага выпало необыкновенно быстрое развитіе сравнительно съ соперничающими иностранными флагами.

Сокращенію расходовъ, разумѣется, должно соответствовать въ бюджетѣ уменьшеніе налоговъ, которое, по смѣтѣ канцлера казначейства, простирается до 11,971,000 ф. ст. (99,818,750 р.), и распределено слѣдующимъ образомъ: налогъ на солодъ уменьшенъ на 2 милл. ф. ст., налогъ на чай — на 369,000 ф.; налогъ на кофе — на 135,000 ф. ст.; налогъ на сахаръ — на 312,000 ф. ст.; налогъ на доходы (income-tax) на 9,125,000 ф. ст. (57,031,250 р.). Такимъ образомъ, за исключеніемъ поземельной собственности, которая почти одна внесла чрезвычайный прямой налогъ для покрытія военныхъ расходовъ (всего болѣе 33 милл. ф. ст.), почти все уменьшеніе налоговъ падаетъ на предметы народнаго потребленія. Аристократія, управляющая Англіею, всегда выказывала крайнюю заботливость объ интересахъ массы народа, и этимъ объясняется блескъ и продолжительность ея господства. Въ Англіи нѣкоторые желали бы, чтобъ уменьшеніе было ограничено однимъ налогомъ на доходы, хотя по смѣтѣ канцлера казначейства, прямые налоги въ 1857—58 финансовомъ году доставятъ государству не болѣе 10,250,000 ф. ст., то-есть не болѣе *седьмой части* всего дохода отъ налоговъ, простирающагося до 66,365,000 ф. ст.; притомъ, налогъ на доходы (income-tax) взимается не только съ недвижимой собственности, но съ доходовъ всякаго рода, превышающихъ 100 ф. ст. (625 р.), съ доходовъ врача, юриста, литератора, банкира, прикащика, получающаго болѣе 625 руб. жалованья, съ средней платы, получаемой землевладельцемъ и т. п.

Пренія о бюджетѣ начались благопріятно для министерства. Оппозиція нижней палаты, предводительствуемая г-мъ Дизраэли, объявила себя противъ проекта бюджета на 1857—58 финансовый годъ, представленнаго канцлеромъ казначейства, основываясь на необходимости заранѣе установить бюджеты не только 1857—58 г., но 1858—59 и 1859—60, чтобъ общественное мнѣніе теперь же убѣдилось въ возможности отмѣнить налогъ на доходы въ 1860 году, согласно съ законономъ объ учрежденіи этого налога. Г. Дизраэли представилъ предложеніе въ этомъ смыслѣ, направленное противъ министерства, но оно не имѣло успѣха. Благодаря энергической поддержкѣ лорда Джона Росселя, министерство одержало рѣшительную побѣду надъ оппозиціей; на сторонѣ его, по вопросу о бюджетѣ, оказалось большинство 80 голосовъ.

Большинство, очевидно, было исполнѣ довольно бюджетомъ канцлера казначейства, ибо въ противномъ случаѣ, при шаткомъ положе-

ни министерства, съ окончаніемъ восточной войны переставшаго казаться необходимымъ, оппозиціи было бы не трудно нанести ему поражение по этому вопросу. Гораздо труднѣе объяснить рѣшеніе палаты по вопросу о распространеніи избирательнаго права на всѣхъ имѣющихъ 10 ф. ст. годоваго дохода. Предложеніе это было представлено г. Локъ-Кингомъ, въ засѣданіи нижней палаты 19-го февраля. Г. Локъ-Кингъ просилъ позволенія представить билль объ уравненіи избирательнаго ценса въ Англіи и княжествѣ Вельскомъ съ ценсомъ мѣстечекъ, понизивъ первый до 10 ф. ст. Лордъ Пальмерстонъ объявилъ, что министерство не одобряетъ уравненія графствъ съ мѣстечками относительно избирательнаго права, и не видитъ надобности установить ценсъ ниже 20 ф. ст. Первый министръ ссылался, между прочимъ, на многосложность дѣлъ, рѣшеніемъ коихъ предстоитъ заняться парламенту. Лордъ Джонъ Россель, уже давно заявившій свое мнѣніе въ пользу избирательной реформы, на этотъ разъ энергически возсталъ противъ министерства. Предложеніе г. Локъ-Кинга отвергнуто самымъ незначительнымъ числомъ голосовъ (13). Это даетъ основаніе предполагать, что министерство рано или поздно можетъ потерпѣть поражение по этому важному вопросу. Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время вопросъ о распространеніи избирательнаго права стоитъ на очереди въ Англіи: въ ряду важнѣйшихъ вопросовъ внутренней политики, онъ безспорно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Покончивъ восточную войну, Англія естественно стремится къ осуществленію внутреннихъ преобразованій, и потому министерство лорда Пальмерстона, почти исключительно обращенное къ дѣламъ внѣшней политики, едва ли можетъ вполне удовлетворить современнымъ требованія англійскаго общества. Въ этомъ заключается слабая сторона его, которою воспользовалась оппозиція, придравшись къ китайскимъ дѣламъ. Попытка ея въ верхней палатѣ не имѣла успѣха. Предложеніе графа Дерби выразить неудовольствіе министерству за китайскія дѣла, не было принято въ этой палатѣ. На сторонѣ министерства оказалось даже большинство 36 голосовъ. Оппозиція нижней палаты дѣйствовала гораздо удачнѣе. Китайскія дѣла послужили для нея поводомъ къ осужденію министерства. Составленное въ этомъ смыслѣ предложеніе г. Кобдена, около котораго сгруппировались разные отѣнки оппозиціи, не исключая лорда Джона Росселя, было принято въ засѣданіи нижней палаты 4-го марта, большинствомъ 16-ти голосовъ. Вслѣдствіе этого, какъ сказано выше, министерство намѣрено распустить парламентъ. Еще неизвѣстно, въ какихъ именно выраженіяхъ объявилъ объ этомъ лордъ Пальмерстонъ на другой день. Мы знаемъ только, что министерство желаетъ, чтобы предварительно были окончены пренія о бюджетѣ. Но можно догадываться, что министры, отважившіеся начать войну съ Персією и Китаемъ на собственную отвѣтственность, безъ разрѣшенія парламента, на-

мѣрены кончить эти войны такимъ же образомъ, предоставляя себѣ въ послѣдствіи дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Въ Пруссіи между министерствомъ и второю палатою происходитъ въ настоящее время упорная борьба, по вопросу о преобразованіи нѣкоторыхъ частей финансовой системы. Составивъ бюджетъ на 1857 годъ, министерство предложило увеличить государственные расходы, и для покрытія необходимаго, по его соображеніямъ, излишка расходовъ, возвысить подати на соль и строенія, и подвергнуть измѣненію подать на ремесла, съ цѣлю уровнять тягости ремесленного сословія. Комиссія, назначенная палатою для обсужденія финансовыхъ предложеній министерства, отвергла ихъ значительнымъ большинствомъ. Члены комиссіи почти исключительно принадлежали къ такъ-называемой правой сторонѣ, которая играла столь значительную роль въ Пруссіи въ послѣдніе годы, по водвореніи порядка въ Европѣ. Партія эта, отличающаяся чрезмѣрно консервативнымъ характеромъ, такъ рѣзко расходилась съ лѣвою стороною, что самое правительство нерѣдко умѣрало ея рвеніе. Въ настоящее время, она, по видимому, желаетъ дать почувствовать министерству свое значеніе при нынѣшнемъ характерѣ и составѣ палаты. Недовольная современнымъ устройствомъ администраціи, потому что бюрократія естественно ограничиваетъ преобладаніе аристократовъ-землевладельцевъ, болѣе или менѣе имѣя въ виду массу населенія, она возстала противъ увеличенія государственныхъ расходовъ, предложеннаго министерствомъ, съ цѣлю увеличить жалованье чиновникамъ. Лѣвая сторона, также недовольная внутреннею политикою министерства, хотя и по другимъ причинамъ, поддерживаетъ правую сторону въ оппозиціи финансовымъ его планамъ. Видя въ оппозиціи правой стороны неумѣренную придирчивость къ министерству, защитники послѣдняго ссылаются на то, что новые налоги незначительны и не могутъ обременять народъ, хотя въ сложности и достаточно увеличить государственные доходы; что въ 1820 году, когда населеніе Пруссіи не превышало 11 милл. душъ, они платили 70 милл. талеровъ, а въ 1855 году, при населеніи въ 17 милл. душъ, сумма податей не превышала 103 милл. талеровъ, и что слѣдовательно подати собственно уменьшились въ послѣдніа двадцать пять лѣтъ; наконецъ, приверженцы министерства рассчитываютъ, что если палата одобритъ новые налоги, то подать съ cadaго жителя увеличится только $2\frac{1}{2}$ зильбергршами.

Пренія о бюджетѣ на 1857 годъ начались во второй палатѣ 14-го февраля. Г. Герлахъ, глава правой стороны, и, въ настоящемъ случаѣ, представитель большинства, началъ рѣчь свою сравненіемъ нынѣшняго бюджета съ прошлогоднимъ и объявилъ себя въ пользу прошлогодняго, ибо въ немъ дѣло обошлось безъ новыхъ налоговъ. Правительство называетъ новыя общественныя потребности (увеличеніе срока военной службы на одинъ годъ и жалованья чиновникамъ)

и слѣдовательно расходы на удовлетвореніе ихъ, столь настоятельны, что предлагать увеличить налоги на 4 милл. талеровъ: г. Герлахъ совѣтуетъ ему обратиться къ экономіи. Графъ Шверингъ, членъ лѣвой стороны, объявилъ, что онъ и политическіе друзья его, будучи защитниками экономіи, въ то же время различаютъ производительные расходы отъ непроизводительныхъ, и потому охотно одобряютъ ту часть бюджета, въ которой указана необходимость увеличить расходы на желѣзныя дороги и телеграфы; они желали бы, чтобъ палата обратила экономію на войско, полицію и министерство иностранныхъ дѣлъ. Первый министръ, баронъ Мантейфель, замѣтилъ, что правительство вполнѣ признаетъ за палатою право одобрить или отвергнуть новые налоги; что правительство знаетъ свою обязанность не обременять народа излишними сборами, и желаетъ, чтобы предложенія его были внимательно обсужены. Палата въ тотъ же день разрѣшила требуемые правительствомъ 200,000 талеровъ для телеграфовъ, и нѣкоторыя другія незначительныя суммы.

Въ настоящее время, пренія о бюджетѣ продолжаются, и мы не замедлимъ сообщить нашимъ читателямъ о результатѣ ихъ. На этотъ разъ мы присоединимъ только, что во время этихъ преній, когда разсуждали о прямыхъ налогахъ, г. Ауспергъ и пятьдесятъ другихъ членовъ сдѣлали слѣдующее предложеніе:

«Палата надѣется, что правительство въ самомъ непродолжительномъ времени приведетъ въ исполненіе статью 101-ю конституціи 31-го января 1850 года и законъ 24-го февраля 1850 года объ отмѣнѣ взятій при сборѣ поземельнаго налога.»

Надо замѣтить, что въ Пруссіи аристократы-землевлдѣльцы пользуются значительными привилегіями относительно поземельнаго налога. Предложеніе г. Аусперга имѣетъ цѣлью отмену существующихъ привилегій, и встрѣтило сильную оппозицію не только въ крайней правой сторонѣ, но и въ министерствѣ. Тѣмъ не менѣе оно было принято значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Замѣтимъ также, что большинство второй палаты и министерство расходятся между собою не по однимъ финансовымъ вопросамъ. Въмѣстѣ съ финансовыми проектами министерство представило два предложенія о пересмотрѣ двухъ статей конституціи. Въ силу 76-й статьи конституціи засѣданія палаты должны быть открываемы ежегодно въ ноябрѣ мѣсяцѣ; но въ статьѣ этой не означено, когда именно должны быть закрыты засѣданія. Вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ засѣданія продолжаютъ только до мая мѣсяца. Палаты составлены изъ бургомистровъ большихъ городовъ и другихъ высшихъ провинціальныхъ чиновниковъ, которымъ мѣстныя дѣла не позволяютъ находиться въ отсутствіи слишкомъ долгое время; въ палатахъ засѣдаетъ значительное число землевлдѣльцевъ, которые, съ наступленіемъ лѣта, спѣшатъ возвратиться къ своимъ помѣстьямъ. Министерство, имѣя въ виду еще болѣе сократить періодъ засѣданій, предложило измѣнить

статью 76-ю конституціи въ томъ смыслѣ, что засѣданія должны открываться не въ ноябрѣ, а въ январѣ.

Второе предложеніе министерства касается измѣненія 107-й статьи конституціи и возбудило еще большее неудовольствіе оппозиціи. По смыслу конституціи, всякое измѣненіе въ ней должно подвергнуться двукратной баллотировкѣ съ промежутками двадцати одного дня. Правительство предложило сократить этотъ промежутокъ до десяти дней.

Таковы нефинансовыя предложенія министерства. Комиссія, разсматривавшая ихъ, осудила ихъ большинствомъ 11 голосовъ противъ 6, но палата не вполне утвердила мнѣніе комиссіи. Она одобрила предложеніе объ измѣненіи 76-й статьи конституціи, но въ слѣдующемъ измѣненномъ видѣ: «Палаты должны быть правильно созываемы королемъ въ промежутокъ времени отъ начала ноября каждаго года до половины января слѣдующаго года, и сверхъ того, каждый разъ, когда потребуютъ обстоятельства». Второе предложеніе министерства, объ измѣненіи 107-й статьи конституціи, отвергнуто въ палатѣ большинствомъ 189 голосовъ противъ 101.

Въ слѣдующемъ Обзорѣніи мы возвратимся къ дальнѣйшимъ преніямъ прусскихъ палатъ.

Въ Турціи, въ настоящее время, готовится финансовая реформа, которая составляетъ тамъ предметъ самой насущной государственной потребности. Турецкая монетная система сильно искажена выпускомъ денегъ низшаго достоинства противъ номинальной цѣны, къ чему прежде правительства прибѣгали въ трудныхъ обстоятельствахъ, и въ чемъ они въ послѣдствіи горько раскаивались. Въ 1829 году военныя обстоятельства побудили султана Махмуда выпустить монету, заключающую въ себѣ не болѣе одной четвертой части номинальной цѣны, и такая монета сохранилась доселѣ, подъ названіемъ *бешлыкъ*; потомъ были выпущены *камме*, бумажныя деньги, изъ коихъ около половины приносятъ владѣльцамъ 6%. Появленіе *бешлыка* и *камме* подало поводъ къ извѣстнымъ спекуляціямъ: дурную турецкую монету поддѣлывали въ Европѣ и провозили въ Турцію, гдѣ она пользовалась законнымъ курсомъ; такимъ образомъ масса *бешлыковъ*, выпущенныхъ правительствомъ на сумму 150 милл. піастровъ (около 28½ милл. р. сер.), въ настоящее время удвоилась. За *бешлыками* и *камме*, турецкое правительство обратилось, въ началѣ послѣдней войны, къ выпуску десятипроцентныхъ облигацій на сумму 200 милл. піастровъ. Понятно, что въ настоящее время, по заключеніи мира, финансовый вопросъ, до крайней степени запутанный въ Турціи, обратилъ на себя вниманіе какъ самого турецкаго правительства, такъ и Европы.

Настоятельная необходимость изъять изъ обращенія вышеупомянутыя цѣнности вызвала множество проектовъ, представленныхъ Портъ европейскими капиталистами, и заставила турецкое правительство дозволить учрежденіе привилегированнаго банка, который,

съ одной стороны, оказывалъ бы пособіе торговлѣ и промышленности, съ другой — далъ бы правительству возможность выкупить негодныя цѣнности, пущенныя имъ въ обращеніе. Портѣ были представлены четыре проекта для учрежденія банка. Одинъ принадлежалъ обществу англійскихъ и французскихъ капиталистовъ; второй — дому Ротшильдовъ; третій былъ представленъ константинопольскими негодциантами и капиталистами; наконецъ четвертый принадлежалъ г. Вилькингу, смирскому негодцианту, представителю многихъ первоклассныхъ торговыхъ домовъ Лондона. Турецкое правительство отвѣчало на эти проекты своею финансовою программой, излагавшею условия, которымъ должна подчиниться компанія, желающая получить привилегію на учрежденіе банка. Въ ней главнымъ образомъ указанъ способъ, какимъ турецкое правительство желаетъ изъять изъ обращенія выпущенныя имъ прежде цѣнности. «Турецкое правительство, сказано въ программѣ, желаетъ дать тридцатилѣтнюю привилегію на учрежденіе національнаго банка съ капиталомъ отъ 10 до 12 милл. ф. стер. (отъ 62 до 75 милл. р. сер.), изъ коихъ 8 милл. ф. ст. (50 милл. р.) будутъ употреблены на выкупъ всѣхъ каже, бемльковъ и селъмокъ, выпущенныхъ на сумму, которая значится въ официальныхъ отчетахъ; эта часть капитала будетъ какъ бы занята правительствомъ; остальная часть назначается для обыкновенныхъ операцій по торговлѣ, земледѣлію и пр. Статуты привилегированнаго банка будутъ составлены по образцу банковъ французскаго и англійскаго. Компанія обязуется открыть подписки въ Англіи, во Франціи, въ Германіи и Турціи, на одинаковое время и на одинаковыхъ условіяхъ. За всѣ ссуды, которыя будутъ сдѣланы правительству банкомъ для преобразованія монетной системы, оно будетъ платить банку никакъ не болѣе 6 процентовъ въ годъ, и при томъ безъ всякаго особаго вознагражденія за комиссію. Губернаторъ и нѣкоторое число директоровъ банка будутъ назначаемы турецкимъ правительствомъ, а другіе директоры — акціонерами, смотря по числу акцій, купленныхъ въ каждомъ изъ четырехъ вышеупомянутыхъ государствъ. По полученіи султанскаго фирмана, компанія внесетъ 200,000 ф. ст., какъ обезпеченіе въ исполненіи заключеннаго условія. Банкъ долженъ открыть свои дѣйствія не позднѣе шести мѣсяцевъ послѣ выдачи султанскаго фирмана.» Эта программа, какъ ясно съ перваго взгляда, заключаетъ въ себѣ двѣ совершенно различныя операціи: во первыхъ, учрежденіе банка на подобіе французскаго и англійскаго; во вторыхъ, ссуду 50 милл. р. за 6 процентовъ правительству, для преобразованія монетной системы. За это правительство даетъ привилегію.

Эта программа одобрена только г. Вилькингомъ, составителемъ четвертаго проекта. Г. Лейярдъ одобрилъ только одну половину ея; относительно другой, онъ предложилъ лишь посредничество банка по заключенію займа въ Европѣ для турецкаго правительства, требуя особаго вознагражденія за комиссію; онъ обѣщалъ также, что банкъ,

его приметъ участіе въ займѣ на сумму 1 милл. ф. ст. (болѣе 6 милл. р. сер.). Г. Вилькинъ, хотя и одобрилъ главнымъ основаніемъ программы, предложилъ турецкому правительству тоже нѣкоторыя измѣненія. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Константинополя, новый банкъ будетъ учрежденъ на слѣдующихъ общихъ основаніяхъ:

Капиталъ банка простирается до 12 милл. ф. ст. (около 75 милл. р. сер.); третья часть капитала должна состоять изъ звонкой монеты, остальные двѣ трети изъ билетовъ, выпущенныхъ банкомъ. Изъ 12 милл. ф. ст., 8 милл. ф. ст. будутъ заняты правительствомъ, а 4 милл. ф. ст. останутся въ банкѣ для коммерческихъ операцій. Заемъ обезпечивается государственнымъ доходомъ. Государственные сборы въ провинціяхъ должны быть уплачиваемы звонкою монетою, которая назначается въ пользу банка, и за которую послѣдній будетъ платить правительству своими билетами.

Многіе сомнѣваются въ удобоисполнимости этого предпріятія, основываясь на глубоко потрясенномъ кредитѣ Турціи: акціи послѣдняго займа, состоявшагося въ Лондонѣ, обезпеченнаго египетскою данью и приносящаго 6 процентовъ, въ настоящее время ходятъ ниже *пари*. Тѣмъ не менѣе, дѣло это повидимому сладилось, и только будущее покажетъ, въ какой мѣрѣ оправдаетъ оно надежды турецкаго правительства и товарищей г. Вилькина. Мы знаемъ только, что при теперешнемъ положеніи турецкихъ финансовъ едва ли возможно продолжительное существованіе Турціи, и что учрежденіе банка представляется для нея единственнымъ средствомъ выйти изъ бѣдственнаго положенія.

Мы уже упоминали о вопросѣ, который въ послѣднее время сильно занималъ турецкое правительство, именно объ установленіи правилъ для допущенія христіанъ въ военную службу. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Константинополя, вопросъ этотъ рѣшенъ военнымъ совѣтомъ, которому правительство поручило заняться имъ. Военный совѣтъ рѣшилъ, что христіане не должны составлять отдѣльныхъ полковъ, но должны смѣшаться съ мусульманами въ рядахъ турецкой арміи. Правительство опасается имѣть двѣ отдѣльныя арміи, мусульманскую и христіанскую, и это опасеніе, конечно, понятно; но дѣло въ томъ, что едва ли не хуже еще смѣшивать въ однихъ рядахъ Турокъ съ христіанами, при религіозной нетерпимости и фанатизмѣ первыхъ. Правда, немногочисленность христіанъ въ арміи (христіанамъ, какъ извѣстно, дано право откупаться отъ военной службы уплатою нарочно для того установленной подати) можетъ смягчить это важное неудобство; сверхъ того, военный совѣтъ призналъ нужнымъ, для сохраненія порядка въ арміяхъ, издать особенный военный уставъ и учредить постоянные военные суды; тѣмъ не менѣе турецкое правительство едва ли достигнетъ своей цѣли — смѣшенія христіанъ съ мусульманами, столь рѣзко разъединенными между собою не только религіозными вѣрованіями, но и всею предшествовавшею исторіею.

С М Ъ С Ь.

ОТВѢТЪ НА ЗАМѢЧАНІЯ Г. ЖЕЛѢЗНОВА

по поводу отзыва о г. Сорокинѣ, помѣщеннаго въ статью «Мастерскія русскіе художниковъ въ Римѣ». (Русскій Вѣстникъ 1856 года №№ 10 и 14).

Во № 2-мъ «Современника» за этотъ годъ помѣщена выписка изъ письма г. художника Желѣзнова, направленная противъ того, что мы сказали о г. Сорокинѣ въ письмѣ изъ Рима, помѣщенномъ въ №№ 10 и 14 «Русскаго Вѣстника».

Мы благодарны г. Желѣзнову за то, что письмо его служитъ для насъ поводомъ исполнить обязанность, нѣкоторымъ образомъ лежащую на нашей совѣсти, и дать отчетъ передъ читателями «Русскаго Вѣстника» о находящейся въ Москвѣ, въ собраніи г. Солдатенкова, картинѣ г. Сорокина «Испанскіе Цыгане», которой мы не застали уже въ Римѣ, а потому въ письмахъ изъ Рима должны были судить о ней по фотографическому съ нея снимку, и по слышаннымъ нами въ Римѣ отзывамъ.

Картина г. Сорокина изображаетъ семью испанскихъ цыганъ въ ихъ домашнемъ быту и потому принадлежитъ въ живописи къ числу такъ называемыхъ жанровъ.

Но не думайте встрѣтить это знакомое вамъ племя въ его кочевьи среди поля, или съ какими-нибудь характеристическими особенностями своего быта. Нѣтъ! въ картинѣ г. Сорокина кочующее племя приобрѣло уже осѣдлую жизнь. Среди окруженнаго со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами, маленькаго дворика, постоянной принадлежности жилищъ въ южныхъ странахъ, на разостланномъ коврѣ расположилась эта семья, какъ видно, не совсѣмъ безъ комфорта. По срединѣ сидящая мать унимаетъ плачущую дѣвочку лѣтъ четырехъ, совершенно нагую и обращенную лицомъ къ зрителю въ позѣ довольно несъромной. По лежащимъ подлѣ на коврѣ цвѣтистымъ тканямъ можно заключить, что мать была занята работою. Остальные члены семейства озабочены въ настоящую минуту тѣмъ, чтобы развеселить плачущаго ребенка; справа вы видите отца, лежащаго на коврѣ и наигрывающаго на гитарѣ; нѣсколько впереди—юношу готоваго плясать, чтобы утѣшить ребенка; на лѣво старуха бьетъ въ ладоши протянутыми къ ребенку костлявыми руками; одна только фигура старика, сидящаго въ заднемъ углу и нюхающаго табакъ, не принимаетъ, какъ видно, участія въ этой слишкомъ обыкновенной семейной сценѣ.

Нужно созваться, что первое впечатлѣніе, производимое картиною, весьма не выгодно, хотя нельзя отнять у художника способности владѣть кистью. Причина этого впечатлѣнія, производимаго цѣлымъ, заключается въ безпокойномъ освѣщеніи, а еще болѣе въ пестротѣ задняго плана и неумѣнны согласовать его съ свѣтовымъ пятномъ.

Лучь солнца бьетъ сверху на помость дворика, оставляя въ тѣни всѣ фигуры, освѣщенные однимъ рефлексомъ, болшею частью съ задней стороны; на стѣнахъ дворика, составляющихъ фонъ картины, рефлексъ этотъ выраженъ весьма неправильно; оттого въ общемъ освѣщеніи и нѣтъ спокойствія, хотя фигуры выдѣляются весьма рельефно. Про вѣтку же виноградной лозы, на которую часть попалъ лучь солнца, можно безъ преувеличенія дурной стороны сказать, что она намалевана, а не написана. Обратимся къ рисунку. Если нельзя сдѣлать замѣчаній противъ его правильности, за то по совѣсти можно пожаловаться на недостатокъ граціи, въ особенности въ фигурѣ пляшущаго юноши. Что касается до типичности и выраженія лицъ, то достаточно было бы указать на одно лицо матери ребенка, чтобы заставить согласиться, что за такими типами не нужно было ѣздить въ Испанію. Въ отцѣ мы видимъ не болѣе какъ дюжого мужика съ какою-то неприятною миною, нѣчто въ родѣ безсрочно-отпускнаго солдата, который, валяясь дома на печи, тѣшитъ семью балабайкою. Если сохранены цыганскіе типы, такъ это развѣ въ лицѣ старухи и дѣвочки, но послѣдняя, нужно замѣтить, блондинка. Старикъ же, сидящій въ углу, напоминаетъ намъ, Москвичамъ, извѣстнаго Тропининскаго старика съ тавлинкою (собственность здѣшняго Училища Живописи и Ваянія): прибавьте къ этому костюмы, не заключающіе въ себѣ ничего отличительнаго, кромѣ огромныхъ, довольно оригинальныхъ ботфортовъ на отцѣ семейства.

Вотъ подробный отчетъ о самой картинѣ, въ которомъ мы старались не упустить ничего изъ вида. Кисть не лишена достоинства, хотя выполненіе фигуръ довольно однообразно уже потому, что всѣ онѣ въ тѣни. Теперь позволимъ себѣ выписать слова нашего римскаго письма, касающіяся г. Сорокина:

«Г. Сорокинъ, многѣтнее пребываніе котораго за границею даетъ нѣкоторымъ образомъ право кой-чего и ожидать, подавалъ, какъ говорятъ, еще въ Россіи большія надежды своею способностью компоновать фигуры. Мы были столько несчастливы, что не застали послѣдней оконченной картины г. Сорокина въ Римѣ, а видѣли снятую съ нея довольно неотчетливо фотографію. Предметомъ картины, какъ намъ сообщили потомъ, были испанскіе цыгане. Не знаемъ почему, мы безотчетно принимали эти лица, при первомъ взглядѣ, за русскихъ мужиковъ: есть ли въ положеніяхъ этихъ фигуръ или въ самой ихъ неуклюжести что-либо общее? или воображеніе живописца, гармонирующее болѣе съ бытомъ ярославскихъ или костромскихъ простолюдиновъ, преобладало надъ желаніемъ изобразить испанскихъ цыганъ? О рисунокѣ и ко-

юритъ картины мы слышали отзывы довольно невыгодные. Г. Сорокинъ пишетъ, какъ намъ сказывали, и такія картины, гдѣ вся фигура скрывается за рамою внѣ картины, а въ картинѣ представлена напримѣръ одна рука, подающая милостыню нищей.»

Г. Желѣзновъ спрашиваетъ насъ: что разумѣли мы, говоря, что г. Сорокинъ подавалъ еще въ Россіи большія надежды своею способностью компоновать фигуры? Въ томъ смыслѣ, какъ нами было это сказано, конечно, нельзя здѣсь разумѣть ничего кромѣ сочиненія. Но мы желали бы спросить г. Желѣзнова по совѣсти, положи руку на сердце, какъ это дѣлается между художниками: какимъ путемъ доставляютъ композиціи большихъ картинъ художники одного разряда съ г. Сорокинымъ? Развѣ не простою группировкою фигуръ въ ожиданіи того, что по волѣ боговъ само собою нарисуется? Станетъ ли г. Желѣзновъ утверждать, что воображеніе помнутаго художника волучило на столько развитіе, а рука на столько подчинилась воображенію, чтобы каждое дѣйствующее лицо съ перваго приѣма выходило неизбѣжною частію общаго цѣлаго? Мы предполагаемъ, что г. Желѣзновъ не желаетъ ставить собратій своихъ на ходули.

Далѣе идетъ рѣчь о той картинѣ г. Сорокина, въ которой, какъ мы сказали, представлена одна рука, подающая милостыню нищей. Г. Желѣзновъ замѣчаетъ: что на картинѣ изображена «не одна рука, подающая милостыню нищей, но нищая, стоящая на церковной паперти и получающая милостыню отъ руки, протянутой къ ней изъ за церковной двери», изъ чего г. Желѣзновъ заключаетъ, что въ картинѣ главную роль играетъ нищая, а не протянутая рука. Должно согласиться, что въ этомъ случаѣ г. Желѣзновъ совершенно правъ; но сама картина, назовите ее такъ или иначе, воля ваша, по своей композиціи, противна законамъ здравой эстетики.

Г. Желѣзновъ обращается за тѣмъ къ картинѣ «Испанскіе цыгане», съ которою мы сейчасъ познакомили нашихъ читателей. За нее г. Сорокинъ получилъ званіе члена Академіи (какой не сказано); ей же, по словамъ г. Желѣзнова, удивлялся *весь Римъ*.

Послѣ горькихъ упрековъ за наше *qui pro quo*, въ которое ввела насъ будто бы фотографія, г. Желѣзновъ, какъ-бы сознавая противъ воли основательность сдѣланнаго нами намека, заключаетъ слѣдующими словами: «Совѣтъ не удивительно, что г. Сорокинъ сочувствуетъ, по выраженію г. Авдѣева, неуклюжимъ простолудинамъ Ярославской и Костромской губерній. Г. Сорокинъ родился въ падломъ состояніи, но силою своего ума, таланта и воли, безъ всякой посторонней помощи проложилъ себѣ дорогу, пріобрѣлъ уваженіе и завистниковъ.» Вполнѣ уважая всѣ вышепоименованныя качества г. Сорокина, нельзя однако же не пожалѣть, ежели онъ, даже при всей силѣ воли, не въ состояніи освободить свое воображеніе отъ быта, его нѣкогда окружавшаго. На алтарь искусства должна быть

приносима очищенная жертва. Тонкое эстетическое чувство и вѣрный художественный тактъ должны быть принадлежностію жреца, а они достигаются образованіемъ. При такихъ условіяхъ г. Сорокинъ безъ сомнѣнія не дозволилъ бы себѣ поставить обнаженную дѣвочку въ той позѣ, какая у него въ картинѣ. Встрѣчалъ ли онъ что-либо подобное въ антикахъ? А между тѣмъ, какъ извѣстно, антики не боятся наготы.

Насъ упрекали, что мы не посѣтили мастерской Сорокина. Но къ чему бы повело это посѣщеніе, когда намъ было извѣстно, что въ его мастерской, равно какъ и въ мастерской г. Желѣзнова, въ ту пору ничего не было? Такое посѣщеніе скорѣе могло быть неприятно художнику, нежели доставить обоюдное удовольствіе и ему и посѣтителю.

Намъ осталось еще исполнить обязанность вѣжливости, и поблагодарить редакцію «Современника» за поспѣшность, съ которою она, не разобравши дѣла, и не имѣя другаго основанія, кромѣ полемическихъ словъ одной стороны, произноситъ рѣзкое сужденіе о другой. Лучше вовсе не судить о дѣлѣ, чѣмъ судить о немъ опрометчиво и неосновательно.

Обозрѣніе художническихъ мастерскихъ, подобное нашему, имѣетъ пользу двоякую: во первыхъ знакомить публику съ тѣмъ, что художники дѣлаютъ, а вовторыхъ побуждаетъ художниковъ что-либо дѣлать и, быть-можетъ, дѣлать получше. Вспомните пословицу: *На то и щука въ морь, чтобъ карась не дремалъ.*

А. Авдѣевъ.

Библиографическія Извѣстія

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ нашего журнала мы извѣщали о нѣкоторыхъ спеціальныхъ изданіяхъ, возникшихъ въ нашей литературѣ и предназначенныхъ для цѣлаго общества. Дополнимъ это извѣстіе сообщеніемъ о новомъ, очень интересномъ по своему предмету журналѣ, который начинаетъ свое существованіе въ текущемъ году. Это «Журналъ для воспитанія», котораго первая книжка уже появилась. Изданіе очень изящное по своей наружности, и много обещающее по своей программѣ и по составу первой книжки. Редакторомъ «Журнала для воспитанія» г. Чумиковъ. Особенно дѣятельное участіе въ немъ принимаетъ бывший профессоръ Московскаго Университета П. Г. Рѣдкинъ, который, своимъ участіемъ въ выходившей въ Москвѣ «Библиотекѣ для воспитанія», уже давно заявилъ свои свѣдѣнія и образъ мыслей по части педагогики, и свою любовь къ этой наукѣ. «Журналъ для воспитанія» издается въ С.-Петербургѣ,

и выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе 7 листовъ каждая. Чтобы познакомить читателей съ составомъ журнала, представимъ перечень статей, напечатанныхъ въ первой книжкѣ. 1. Что такое воспитаніе? *П. Г. Рѣдкина*.—2. О пользѣ педагогической литературы. *К. У.*—3. Письма къ русскимъ женщинамъ. *А. Х—вой*.—4. Народныя училища въ Соединенныхъ Штатахъ (изъ *Edinburgh Review*).—5. Витторино Фельтрскій. Біографическій очеркъ.—6. Объявленія содѣжателей пансіоновъ, Чарльза Диккенса.—Критика: статья г. Бема «О воспитаніи», *Ф. В. Бѣмера*.—Обзорніе педагогической литературы. *П. Г. Рѣдкина*.—Педагогическій вѣстникъ: Вѣдомость о числѣ учебныхъ заведеній, учащихся и учащихся за 1855 годъ (по гражданскимъ учебнымъ заведеніямъ).—Педагогическая бібліографія, состоящая въ указаніи новостей иностранныхъ литературъ по части педагогики и дидактики.

Едва появилась первая книжка «Журнала для воспитанія», какъ уже въ газетахъ напечатано извѣстіе о другомъ изданіи, посвященномъ тому же предмету, подъ заглавіемъ «Педагогическаго журнала.»

На дняхъ поступили въ продажу въ нашихъ книжныхъ магазинахъ, изданныя въ Петербургѣ: «Стихотворенія Николая Щербины», новое, полное, красиво напечатанное изданіе, въ *двухъ* томахъ.

Они состоятъ изъ пяти отдѣловъ. Въ первый отдѣлъ вошли пластическія и антологическія піесы, также и піесы, по характеру своего содержанія и по технической потребности, имѣющія своею внѣшнею обстановкой древній міръ.

Второй отдѣлъ составляютъ «Новогреческія мелодіи», третій — «Піесы о Природѣ», четвертый — «Ямбы и Элегии» и пятый — «Эфемериды» (или выдержки изъ дневника личныхъ впечатлѣній автора).

Всѣ эти отдѣлы служатъ какъ бы *объясненіемъ* перваго отдѣла стихотвореній: преимущественно же объясняютъ его «Ямбы и Элегии».

Стихотворенія этихъ двухъ томовъ теперешнею совокупностію своею носятъ совершенно другой характеръ отъ книжки, изданной тѣмъ же авторомъ, въ Одессѣ, въ 1850 году.

Сто сорокъ восемь піесъ этого собранія стихотвореній составляютъ какъ бы одно цѣлое, части котораго взаимно себя дополняютъ и служатъ выраженіемъ *одной извѣстной идеи, одного извѣстнаго воззрѣнія*.

Настоящее изданіе стихотвореній, какъ видно, по возможности

полное. Мы, какъ бы въ дополненіе къ нему, съ согласіа автора, печатаемъ слѣдующую піесу, пропущенную въ новомъ изданіи.

СВИДАНІЕ СЪ МОРЕМЪ.

И ребенкомъ разстался съ тобою;
 Отъ тебя далеко я блуждалъ;
 Проходили года надо мною:
 Я душой и годами мужаль...
 И средь радостей, думъ и страданья
 Вспоминалъ тебя съ дѣтствомъ порой,
 И какъ жаждалъ тогда я свиданья,
 Вѣчно-шумное море, съ тобой!
 Подъ твою громадную властью
 Я взлежъянъ, повитъ и вскормленъ:
 Я въ часъ бури взволнованъ былъ страстью,
 Былъ покоемъ твоимъ усыпленъ;
 Прояснялся я робкой душою
 Передъ ясной твоей тишиной,
 И склонялся во прахъ предъ тобою,
 Когда спорило шумно съ грозой...
 И вотъ наше свиданье настало:
 На твоимъ берегу я стою,
 И что прежде меня волноваго.
 Не нисходить на душу мою, —
 И себя предъ тобой не узналъ я...
 Я великъ и могучъ, я — иной,
 Но все тѣмъ же тебя увидалъ я:
 Ты все то же, — я выросъ душой,
 Ты все то жъ, какъ въ началѣ созданья,
 Когда первый ты видѣло въкъ,
 И младенцемъ безъ мысли и знанья
 Пораженъ былъ тобой человекъ...
 Я смѣюся надъ мощью твоею,
 Я стопами топчу твою грудь,
 И желѣзной рукою моею
 Къ тебѣ въ сердце прорѣзалъ я путь...
 Ты въ борьбѣ вѣковой отступило
 Передъ зрѣющей мыслью моею:
 Такъ природа, судьба и могила
 Ей уступать, склонясь передъ ней!

Г. Шпаковский. — Московскій концертный сезонъ этого года начался блистательно концертами гг. Тропянскаго и Шпаковскаго. Г. Тропянскій (скрипачъ и кларнетистъ) совершилъ артистическое странствіе, чуть ли не по всѣмъ извѣстнымъ странамъ земнаго шара; о немъ писали во многихъ европейскихъ журналахъ, и его извѣстность не нуждается въ нашихъ похвалахъ; а вниманіе къ нему московской публики будетъ

справедливою оцѣнкою его таланта. Мы намерены поговорить только о г. Шпаковскомъ.

Г. Шпаковский родился Полтавской губерніи въ Лубенскомъ уездѣ. Отецъ его, хорошій музыкантъ, съ малолѣтства предназначилъ сына къ этому поприщу, и былъ первымъ его наставникомъ. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду, молодой артистъ давалъ концертъ въ Варшавѣ и снискалъ всеобщее одобреніе въ этомъ музыкальномъ городѣ. Изъ Варшавы молодой артистъ отправился въ Дрезденъ; тамъ также давалъ концертъ съ успѣхомъ, а оттуда въ Лейпцигъ, гдѣ продолжалъ свое музыкальное воспитаніе, подѣ руководствомъ профессора консерваторіи, Шледи, и извѣстной Клары Шуманъ. Здѣсь дарованіе молодого пѣвиста отворило ему двери къ знаменитому композитору Мендельсону Бартольди. Въ продолженіе семилѣтняго пребыванія въ Лейпцигѣ, г. Шпаковский почти ежедневно бывалъ у покойнаго Мендельсона, слушалъ и изучалъ игру его, самъ игралъ при немъ и пользовался его поучительными совѣтами. Можно сказать, что въ Лейпцигѣ только разгадалъ онъ свое призваніе и только съ той поры началъ изучать музыку съ полнымъ сознаніемъ своего дарованія. И теперь еще, когда талантъ г. Шпаковского получилъ полное развитіе, возмужалъ и приобрѣлъ своеобразный характеръ, и теперь еще игра этого артиста исполнена классическаго достоинства и энергій, приобщающихъ игру Мендельсона. Изъ Лейпцига г. Шпаковский поѣхалъ въ Вѣну, гдѣ провелъ семь лѣтъ, совершенствуясь подѣ руководствомъ знаменитаго профессора тамошней консерваторіи Фишгофа, наставника многихъ изъ современныхъ музыкальныхъ знаменитостей: Гензелъта, Леопольда Майера и другихъ. Въ эти семь лѣтъ упорнаго труда, къ какому можетъ быть способенъ только человѣкъ, всею душою преданный искусству, г. Шпаковский дошелъ до того совершенства въ исполненіи, до котораго достигаютъ только рѣдкіе избранники. Его нельзя ставить въ многочисленную дружину пѣвистовъ, которымъ бѣглость, чистота и отчетливость игры даютъ право являться передъ публикой, привлечь къ себѣ минутное вниманіе и вызвать гостепріимные аплодисменты, но которые исчезаютъ съ музыкальнаго горизонтъ какъ метеоръ, безъ слѣда, не оставляя въ душѣ слушателей ни одного завѣтнаго звука. Бѣглость, чистота и отчетливость — второстепенныя достоинства игры г. Шпаковского; онъ обладалъ ими еще въ первые годы ученія, но онъ понималъ, что и совершенный механизмъ, безъ умѣнья имъ пользоваться, только средство, только языкъ, но языкъ еще не осмысленный, еще не проникнутый чувствомъ, еще не та музыкальная декламация, безъ которой голосъ бездушенъ, а инструментъ даже безсмысленъ. Онъ понималъ это и сталъ вдумываться въ каждую фразу исполняемаго сочиненія, стараясь уразумѣть мысль автора, разгадать внушившее ее чувство и найти способъ внятно и точно передать ихъ, а на это нужно много таланта, много искусства, много труда.

Взыскательная Вѣна пріятливо встрѣтила юнаго артиста, при самомъ его вступленіи на музыкальное поприще. Вѣнская газета (Wiener-Zeitung), Юмористъ, Музыкальная Газета, послѣ первыхъ концертовъ г. Шпаковского, не только съ одобреніемъ, но съ большою похвалою отзывались о его дарованіи. Эти отзывы приносятъ г. Шпаковскому тѣмъ болѣе чести, что въ дѣлѣ музыки общественное мнѣніе и голосъ жур-

наловъ управляются въ Вѣнѣ ареопагомъ весьма строгихъ цѣнителей, составленнымъ изъ европейскихъ музыкальныхъ знаменитостей; Вѣна известна разборчивою строгостію своихъ приговоровъ надъ артистами.

Игра г. Шпаковского отличается, какъ мы уже сказали выше, музыкальнымъ разумѣніемъ (*l'entendement musical*). Но не довольно понять мысль автора, нужно умѣть передать ее. Обладая въ совершенствѣ механизмомъ игры, г. Шпаковский умѣлъ такъ осмыслить свои руки, что придаетъ звуку тотъ именно оттѣнокъ, который требуетъ каждая буква исполняемой имъ фразы. Онъ очень мало подымаетъ руки отъ клавиши; сила его игры не въ рукѣ, не въ кисти, а въ пальцѣ, и онъ приводитъ къ движенію молотокъ клавиши не рѣзкимъ ударомъ, а такъ-сказать быстрымъ давленіемъ, отъ чего ударъ молотка на струну не рѣзокъ и струна не дребезжитъ, а отзывается звукомъ мелодическимъ, мягкимъ. Въ *adagio* онъ неподражаемъ; инструментъ поетъ подъ его рукою. Фортепьяно принадлежитъ къ числу самыхъ неблагоприятныхъ инструментовъ въ-этомъ отношеніи; на немъ нельзя произвольно продлить звукъ, нельзя связать двѣ ноты постепеннымъ переливомъ, который на скрипкѣ называется *legato*. При этомъ несовершенствѣ инструмента трудно подражать модуляціямъ человѣческаго голоса и многимъ звукамъ, которые поражаютъ насъ въ природѣ, — а это цѣль всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ. Чтобы достигнуть этой цѣли на фортепьяно, гдѣ звуки дробятся, такъ-сказать, на отдѣльные отломки, надобно ободолѣть, обмануть ухо слушателя. Этою способностію обладаетъ г. Шпаковский въ совершенствѣ. Звуки непрерывно струются у него въ *arpeggio*, въ хроматическихъ и діатоническихъ гаммахъ; тема внятно и сладко звучитъ среди самыхъ прихотливыхъ музыкальныхъ фигуръ. Не думайте однако же, чтобы игра его въ *adagio* была слезлива и приторна, какъ игра семнадцати-лѣтней ученицы, въ которой избытокъ чувствъ тяжело ступней ложится на педаль; — нѣтъ, при всей страстности своей, игра его цѣломудренна и стыдлива: *son jeu est chaste et pudique*, какъ выражается Берлиозъ. Эта *chasteté*, эта *pudeur* въ игрѣ была отличительнымъ признакомъ Шопена, который не уставалъ толковать своимъ ученицамъ, какъ предосудительна излишняя изнѣженность выраженія.

Своеобразіе принадлежитъ также къ многочисленнымъ достоинствамъ игры г. Шпаковского. Онъ исполняетъ сочиненія знаменитыхъ композиторовъ, не стѣсняясь примѣрами даже славныхъ предшественниковъ. Онъ изучаетъ сочиненіе, провѣряетъ его, собственною мыслию, собственнымъ чувствомъ и исполняетъ его, какъ самъ понялъ и почувствовалъ, не руководствуясь ни пониманіемъ, ни чувствомъ другихъ. Въ первомъ своемъ концертѣ г. Шпаковский исполнилъ сонату Бетховена (*cis mol*) совершенно иначе, какъ намъ удавалось слышать въ исполненіи другихъ, по всей справедливости знаменитыхъ артистовъ, и сознаемся, что мы были восхищены и новостію, и вѣрностію взгляда г. Шпаковского на это безсмертное твореніе. Молодой артистъ твердо помнитъ уроки своихъ наставниковъ, но не подражаетъ въ игрѣ ни одному изъ нихъ; его метода совершенно своеобразна, и даже отъ Мендельсона онъ усвоилъ только характеръ игры, а отнюдь не приемы и не способъ выраженія.

Г. Шпаковский превосходно исполняет новѣйшія сочиненія Листа, и въ первомъ концертѣ истинно восхитилъ насъ исполненіемъ его *Rhapsodie hongroise*; мы слышали, что въ слѣдующемъ концертѣ (въ началѣ марта) онъ будетъ играть *Carnaval de Pest*, одну изъ замѣчательныхъ пѣсь этого сочинителя. Но скажемъ откровенно, насъ болѣе всего очаровало исполненіе превосходной пѣсы Готшалка *Valbuna*, пѣсня американскихъ негровъ, которую г. Шпаковский игралъ при насъ у нашихъ общихъ знакомыхъ; это такое совершенство, что мы и разказать не сумѣемъ; желательно было бы, чтобы онъ сыгралъ *Valbuna* въ предстоящемъ концертѣ...

Мелкія сочиненія г. Шпаковского, которыя намъ удалось слышать: его *pastorale*, Русалка, отрывокъ изъ *tableau musical*, Севастополь и другія, убѣждаютъ насъ, что Мендельсонъ заронилъ въ душу своего ученика искру творчества; мы въ правѣ ожидать отъ него многого. Предоставляемъ себѣ поговорить подробнѣе и о его сочиненіяхъ, и о его игрѣ послѣ его втораго концерта.

Н. П.

Стекланная полива.—12-го января, въ день торжественнаго собранія Московскаго Университета, было засѣданіе Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Въ этомъ засѣданіи между прочимъ было читано отношеніе французскаго консула въ Москвѣ, которымъ онъ приглашаетъ русскихъ хозяевъ принять участіе въ парижской всемірной выставкѣ произведеній сельскаго хозяйства, имѣющей быть въ нынѣшнемъ году, съ 20-го мая по 1-е іюня. Были разсужденія о разныхъ сортахъ сорго и представлены образцы сахара и сахарнаго песку изъ сорго, разсматривалась статья профессора Киттары «о сушкѣ овощей въ русской печи» и пр.; но любопытнѣе всего было сообщеніе свѣдѣній о *стеклянной поливѣ*. Непремѣнный секретарь представилъ обществу куски этой поливы, выписанной имъ изъ Риги, и нѣсколько предметовъ, покрытыхъ растворомъ того же вещества по бумагѣ, дереву и мѣлу. Онъ прочелъ при этомъ замѣчательную статью доктора Галля о стекляннйой поливѣ, или *жидкомъ стеклѣ*, изобрѣтенномъ уже довольно давно мюнхенскимъ профессоромъ Фуксомъ и состоящемъ изъ 15 частей кварца, 10 частей поташа (или 9 частей соды) и 1 части угля. При сильномъ огнѣ изъ нихъ дѣлается сплавъ, подобный стеклу, который распускается въ кипяткѣ, въ болѣе или менѣе густомъ видѣ, и употребляется для покрыванія камня, дерева, бумаги, тканей и тому подобнаго, съ цѣлю предохраненія ихъ отъ возгаранія и сырости. Предметы, покрытые этимъ растворомъ, не воспламеняются, а медленно тлѣютъ. Рыхлые известковые камни и даже мѣлъ, пропитанные жидкимъ стекломъ, получаютъ крѣпость мрамора и отлично полируются. Въ мюнхенскомъ театрѣ, по прика-

занию короля, всѣ деревянныя постройки и всѣ декораціи покрыты жидкимъ стекломъ для предохраненія отъ пожара. Весьма удивительно, что такое полезное открытіе было до сихъ поръ мало извѣстно даже въ Германіи. Знаменитый профессоръ химіи, Либихъ, былъ пораженъ, увидѣвъ въ 1856 г., въ Лиллѣ, фабрику г. Кульмана, на которой жидкое стекло готовится въ огромныхъ количествахъ. Въ настоящее же время дѣйствительный членъ общества, баронъ Фелькерзамъ, живущій въ Курляндіи, занимается производствомъ стеклянной поливы и извѣщаетъ общество, что она продается въ сухомъ видѣ въ Ригѣ у купца Сетова, откуда и выписано ея полпуда для общества. Въ сухомъ видѣ можно купить это жидкое стекло по 6 руб. сер. за пудъ, а способъ употребленія его подробно описанъ въ «Политехническомъ Журналѣ» Динглера (1855 г. июнь 2-я книжка) въ статьѣ доктора Маркварта «Описаніе, какъ употреблять стеклянную поливу».

Купоросная земля въ Пермской губерніи. — Мы прочли въ пермскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ о мѣстонахожденіи желѣзнаго купороса въ Ирбитскомъ уѣздѣ. Можетъ-быть и кромѣ насъ многіе прочли объ этомъ, и одни не обратили на это никакого вниманія, другіе задумались о возможности извлечь изъ этого пользу частную или общественную. Находясь въ числѣ послѣднихъ, мы сообщаемъ это извѣстіе нашимъ читателямъ. Пермской губерніи, Ирбитскаго уѣзда, близъ Ницынской слободы, на правомъ берегу рѣки Ницы, по тракту изъ Ирбита въ Верхотурье, есть мѣстность, весьма замѣчательная въ геогностическомъ отношеніи. Въ мелкихъ можжевеловыхъ кустарникахъ находится плоскость, около 500 шаговъ въ окружности. Поверхность этой плоскости покрыта землею, цвѣта изъ-синя-чернаго, мѣстами на ней бугорки, образовавшіеся какъ будто вздутіемъ изнутри, и на нихъ очень примѣтны бѣлыя блестящія искры. На вкусъ земля эта кисловата и жителями Ницынской округи зовется кислицею. Послѣдніе утоляютъ даже ею жажду въ лѣтніе жары. По сдѣланіи химическаго разложенія этой земли на заводахъ графини Строгановой оказалось, что она имѣетъ всѣ свойства желѣзнаго купороса. Туземцы говорятъ, что къ югу отъ этой мѣстности есть много подобныхъ плоскостей, но сообщившій это извѣстіе не могъ ихъ изслѣдовать.

У КНИГОПРОДАВЦА

Ө. О. СВЪШНИКОВА,

Коммиссионера Императорскаго Московскаго Университета,
Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Мо-
сковскаго Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета,

Въ Москвѣ: въ университетской книжной лавкѣ, на Страстномъ
бульварѣ, и въ книжномъ магазинѣ на Никольской улицѣ, близъ Ка-
завскаго Собора, подъ № № 4 и 5,

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА на 1857 годъ, съ картинками, издаваемая
отъ Главнаго Штаба; въ бум. обер. Цѣна 2 р 25 к.; въ англій-
ской папкѣ 2 р. 75 к. и съ перес.

МЪСЯЦОСЛОВЪ (календарь) на 1857 годъ, съ портретами Госу-
даря Императора и Государини Императрицы; цѣна въ цвѣтной
оберткѣ 90 к., въ папкѣ 1 р., въ корешк. перепл. 1 р. 10 к., въ
сафьян. кор. 1 р. 25 к., въ англійскомъ коленкорѣ съ тисненіемъ
1 р. 50 к., въ атласѣ съ золот. обр. и футл. 1 р. 75 к. сереб.,
вѣсов. за 2 фунт.

АДРЕСЪ—КАЛЕНДАРЬ, общая роспись всѣхъ чиновныхъ особъ
въ государствѣ на 1856—1857 годъ. 2 тома, Спб. 1856 г.; ц. въ
бум. обер. 6 р., въ кор. пер. 6 р. 50 к., съ пер. 7 р. сер.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА и **ВОСПОМИНАНІЯ С. АКСАКОВА**.
Двѣ части, съ прибавленіемъ двухъ отрывковъ Семейной Хроники.
Изданіе второе. М. 1856 г.; ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

ЗАПИСКИ ОБЪ УЖЕНЬИ РЫБЫ. С. Аксакова. Изданіе третье,
съ политипажами и примѣчаніями К. Ф. Рулье. М. 1856 г.; ц.
1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 75 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ Николая Арбузова. Спб. 1857 г.; ц. 2 р., съ
пер. 2 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ Т. Н. ГРАНОВСКАГО, съ портретомъ автора, 2
тома. М. 1857 г.; ц. 3 р. съ пер. 4 р.

ШИДЛЕРЪ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изданный подъ ре-
дакцію Н. В. Гербеля. Спб. 1857 г.; ц. 1 р. 25 к., съ перес.
1 р. 50 с.

ПОВѢСТИ и РАЗКАЗЫ И. С. Тургенева, 3 т. Спб. 1856 г.; ц. 4 р., съ пер. 5 р.

ТАКТИКА МОЛОДАГО МУЩИНЫ, или руководство къ правильной и успѣшной атакѣ женскихъ сердець, съ политинажными рисунками въ текстѣ. Спб. 1857 г.; ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ДЛЯ ЛЕГКАГО ЧТЕНІЯ. Повѣсти, разказы, комедіи, путешествія и стихотворенія современныхъ русскихъ писателей. Томъ IV. Спб. 1856 г.; ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.; тожь томы II и III; ц. каждому по 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

30 АВГУСТА 1856 года. Столѣтній юбилей русскаго театра. Драматическій прологъ Вл. Зотова. Спб. 1856 г.; ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПУШКИНЪ, Александръ Сергѣевичъ, его жизнь и сочиненія, съ портретомъ А. С. Пушкина. Спб. 1856 г.; ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ПРОПОВѢДИ на Малороссійскомъ языкѣ, протоіерея Василя Гречулевича. Изд. 2-е, исправлен. Спб. 1857 г.; 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ изъ Москвы въ Троице-Сергіеву Лавру. Изданіе А. Мартынова, составленное къ Богомоленному пути Государя Императора и Государыни Императрицы въ Троице-Сергіеву Лавру, послѣ Священнаго Коронованія, и удостоенное Высочайшей Ихъ Императорскихъ Величествъ благодарности, текстъ соч. И. М. Снегирева, съ рисунками. М. 1856 г.; ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 руб.

БИРЖЕВЫЯ ОПЕРАЦІИ, соч. В. Безобразова. М. 1856 г.; ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Адресъ: въ Москву Коммиссіонеру Ѳедору Осиповичу Свѣшникову.

У КНИГОПРОДАВЦА

Ө. О. СВЪШНИКОВА,

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА и МО-
СКОВСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬНАГО О ТЮРЬМАХЪ КОМИТЕТА,

Въ Москвѣ: въ университетской книжной лавкѣ, на Страстномъ
бульварѣ, и въ книжномъ магазинѣ на Никольской улицѣ, близъ Ка-
завскаго Собора, подъ № № 4 и 5,

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

ПИСЬМА объ Испаніи В. П. Боткина. Спб. 1857 г. Ц 1. 75 к.,
съ пер. 2 р. 25 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ Николая Щербины, 2 тома. Спб. 1857 г. Ц. 2
р. 50 к., съ пер. 3 р.

ОПИСАТЕЛЬНАЯ АНАТОМІЯ, составленная въ руководство сту-
дентамъ докторомъ П. Платоновымъ, прозекторомъ анатоміи при
Императорской С-Петербургской медико-хирургической академіи,
томъ II. Спб. 1857 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Тоже томъ I. Ц. 2 р., съ пер. 3 р.

ОБЩЕПОЯТНОЕ РУКОВОДСТВО къ практическому сельскому
хозяйству. Книга для сельскихъ хозяевъ, управляющихъ имѣніями.
агрономовъ и всѣхъ желающихъ заниматься сельско-хозяйственною
промышленностію. Соч. П. Преображенскаго. Томъ пятый, съ 194-ю
политипажными чертежами. М. 1857 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Тоже томы I. Ц. 2 р., т. II, III и IV. Цѣна за томъ 2 р. 50 к., за
пересылку 50 к.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ въ Синайскій монастырь въ 1845 году
архимандрита Порфирія Успенскаго, съ 8-ю рисунками вырѣзанными
на пальмовомъ деревѣ. Спб. 1856 г.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ архимандрита Порфирія Успенскаго въ
Синайскій монастырь, въ 1850 году, съ 2-мя картинами Синая, вы-
рѣзанными на мѣди. Спб. 1856 г.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЕГИПТУ и въ монастыри Св. Антонія Вели-
каго и Преподобнаго Павла Фивейскаго, въ 1850 году, архимандрита
Порфирія Успенскаго, съ 8 ю рисунками, чертежами и надписями,
вырѣзанными на пальмовомъ деревѣ. Спб. 1856 г.

ВЪРОУЧЕНІЕ, Богослуженіе, чиноположеніе и правила церковнаго
благочинія Египетскихъ христіанъ (Коптовъ). А. П. У. Спб. 1856 г.

Цѣна за всѣ четыре тома 3 р., съ пер. 7 р.

316

РУКОВОДСТВО къ познанію дѣйствующихъ русскихъ государственныхъ , гражданскихъ , уголовныхъ и полицейскихъ законовъ, составленное старшимъ учителемъ законовѣдѣнія въ С.-Петербургской Ларинской гимназіи кандидатомъ правъ **Ө. Проскуряковымъ**, второе изданіе съ измѣненіями и дополненіями. 3 тома. Спб. 1856 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ПРАКТИЧЕСКІЯ врачебныя наставленія вступившимъ въ бракъ, содержащія въ себѣ правила для сохраненія физическихъ способностей къ брачной жизни до глубокой старости, съ присовокупленіемъ описанія половой жизни женщины и съ приложеніемъ изображеннаго въ чертежѣ календаря беременности. Сочиненіе доктора медицины **Рудольфа Фернау**, съ рисункомъ. М. 1857 года. Ц. 1 руб., съ пер. 1 р. 25 к.

НОВЫЙ ПОЭТИЧЕСКІЙ СВѢТЪ. Альманахъ. М. 1857 г. Ц. 50 коп., съ пер. 75 к.

ХЛОПЧАТО-БУМАЖНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ и важность ея значенія въ Россіи. Сочин. **Александра Шипова.** Отдѣлъ первый. М. 1857 г. Ц. 40 к., съ пер. 70 к.

СЛОВАРЬ сельско-хозяйственныхъ растений. Состав. **И. Палимпсестовымъ.** Изданъ Императорскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства Южной Россіи. Одесса 1855 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

О ЖИДКОМЪ СТЕКЛѢ или стеклянной поливѣ и способахъ ея употребленія. М. 1857 г. Ц. 25 к., съ пер. 50 к.

НОВЫЙ ОПЫТЪ о богатствѣ народномъ. **Гавріила Каменскаго**, бывшаго агента Министерства Финансовъ въ Лондонѣ. Спб. 1856 г. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 75 к.

ЗАПИСКИ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка XI. Издана подъ редакцію **В. Г. Ерофеева**, дѣйств. члена Императ. Русскаго Географ. Общ. съ картою, 10-ю таблицами рисунковъ и 3-мя чертежами. Спб. 1856 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Гг. иногородные, желающіе выписывать книги въ переплетѣхъ, благоволятъ прилагать за обыкновенный корешокъ 15 к., сафьянный корешокъ 30 к., шагреновый 40 к., въ англійскій тисненный каленкоръ 50 к., за каждый томъ.

Адресъ : въ Москву Коммиссіонеру **Өдоду Осяповичу Свѣшнякову.**

✓ 94

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

ПИСЬМА ИЗЪ ФЛОРЕНЦИИ (1)

IV.

Флоренція, января 30 (18-го)

... Мнѣ еще остается много кое-чего поразказать вамъ, но я право не знаю съ чего начать. Вотъ между прочимъ одинъ эпизодъ. Это было на Дунгарно. Я только что выбрался изъ кафе и шелъ подъ тяжельмъ впечатлѣнiемъ прочитанныхъ журнальныхъ корреспонденцій изъ Неаполя и Испанiи о множествѣ новыхъ арестовъ. Вдругъ слышу позади голосъ моего прiятеля. Мы ужъ не встрѣчались нѣсколько дней.—Здравствуйте. Чтo вы такъ задумались? былъ первый вопросъ его ко мнѣ. Скучаете можетъ-быть?—На скуку не могу пожаловаться.—А то здѣсь всѣ скучаютъ. Такой ужъ городъ.... совсѣмъ не хотятъ подумать объ иностранцахъ. Да и чтo это за погода! Холодно, сыро...—Однако, вотъ видите, мы съ вами гуляемъ?—Да, на минуту проглянуло солнце. Скажите, вы не были вчера вечеромъ у С**?—Я не могъ быть у нихъ, впервыхъ, потому что незнакомъ съ ними, а вовторыхъ, потому что провелъ этотъ вечеръ въ театрѣ.—Такъ я, значить, ошибся... Я и самъ не могъ быть у нихъ вчера; но мнѣ сказали... я стало-быть... смѣшалъ... Нѣтъ, это не вы, это я знаю кто. Вы вѣрно были въ Перголтъ?—Нѣтъ, въ Пальяно.—Тамъ теперь идетъ кажется... позвольте, какъ это? вотъ что Ристори играла...—Медео? отвѣчалъ я, спѣша разрѣшить трудное недоумѣнiе моего прiятеля.—Да, Медео. Я все не соберусь... Вѣдь это та же самая Медео, только переложенная на стихи можетъ-быть?—Если хотите, та же самая, то-есть сюжетъ одинъ и тотъ же; но...—Это у нихъ часто бываетъ, что прозу перелагаютъ въ стихи.—Вы хотите сказать, что передѣлываютъ пiесы для музыки, для оперы?—Я сколько разъ самъ слышалъ... Позвольте: слышали вы Соннамбулу?—Да.—Ну чтожъ они такъ кричатъ! У нея точно хорошъ голосъ, и поетъ хорошо, но какъ коверкается; а у него всего только и есть какiя-нибудь двѣ три прiятныя ноты, да мастеръ, правда, подлаживаться подъ ея пѣнiе.—Вы конечно говорите о Бискаччанти и Беларъ? Въ такомъ случаѣ вы сильно расходитесь съ Флорентинцами. Они, напротивъ, въ такомъ

(1) См. «Русскiй Вѣстникъ» 1857 г. № 4.

восторгъ. — Пустой народъ ! Вотъ я, назадъ тому лѣтъ десять, слышалъ въ Сомнамбулъ Рубини и Виардо Гарсию... Послушали бы они! А то кричать о Бискаччанти. — Рубини намъ съ вами конечно никто здѣсь не замѣнитъ ; Виардо-Гарсию — можетъ-быть тоже... Но отъ чего же, зная даже лучшее, не отдать справедливость хорошему? Мнѣ кажется, Флорентинцы тутъ совершенно правы. — Пустой народъ, повѣрьте мнѣ, — и шумятъ только по пустому. — Но зачѣмъ имъ шумѣть по пустому? Имъ нравится, и они имѣютъ полное право это высказать. — А вотъ здѣсь была одна пѣвица... забылъ ея имя... такъ знаете ли? Здѣсь чуть не на рукахъ носили ее, а поѣхала въ Лондонъ, и провадилась. Нѣтъ, повѣрьте мнѣ, этотъ народъ дѣлаетъ все на «у-у»... — Вы разумѣете Флорентинцевъ, или Итальянцевъ вообще? — Всѣхъ!

Вмѣсто отвѣта я могъ только посмотреть въ глаза моему собесѣднику. Если ужъ нельзя было кончить, то нужно было хоть перебить разговоръ. Но прежде чѣмъ я собрался, онъ уже говорилъ :

— Ужъ за то же и отдѣлалъ ихъ одинъ Французъ... въ какомъ-то журналѣ, кажется. Вы чай слышали? — Немного. — О, какъ же! Онъ такъ разсердилъ Итальянцевъ, что они ругаютъ теперь всѣхъ Французовъ. А чѣмъ виноваты Французы? Вѣдь онъ задѣлъ только одного человѣка, одного писателя... — Данта, помнится? — Данта что ли... а они принялись ругать всю націю. Вотъ и судите!

Пріяель мой остановился, чтобы нѣсколько успокоиться отъ волненія. Я спѣшилъ воспользоваться этою минутою.

— Скоро два часа... Хочу зайти еще къ Вьесѣ. — Куда это? — А вотъ — *cabinet littéraire* Вьесѣ. Вы не бываете тамъ? — Все какъ-то нѣтъ времени. А что, скажите пожалуйста, тамъ дѣлаютъ? — Читаютъ журналы. — Есть что-нибудь любопытное, новенькое? — Вы вѣрно слышали о смерти Сибура? — Нѣтъ, а что это такое? — Я долженъ былъ разказать. — Знаете, отвѣчалъ мнѣ пріяель, дослушавъ мой краткій разказъ; въ Швейцаріи одинъ разъ случилось такое же происшествіе. Я жилъ тамъ въ одномъ городѣ...

Послѣ разказа, который я нахожу бесполезнымъ передавать, послѣдовало опять обращеніе къ Франціи. — Вотъ народецъ-то, признаюсь! Ну что же, скажите, сдѣлали съ убійцей? — Еще ничего пока. Разумѣется, его будутъ судить присяжные, — и если вы хотите знать весь процессъ, то мы сейчасъ можемъ прочесть его въ одномъ изъ французскихъ журналовъ. Газеты кажется уже пришли... — Нѣтъ извините: мнѣ некогда. Я спѣшу къ одному знакомому: даль слово. — И съ этими словами онъ отпустилъ меня въ кабинетъ чтенія.

У Вьесѣ нашлось довольно новостей, но не такихъ, которыя бы могли поправить начальныя впечатлѣнія дня. Кстати объ этомъ учрежденіи. Оно изъ тѣхъ, какиxъ нельзя не пожелать для всякаго образованнаго города. Недостатокъ его былъ бы очень чувствителенъ для Флоренціи. Какъ я уже вамъ говорилъ, здѣсь можно найдти въ раз-

ныхъ кафѣ разные французскіе журналы; нѣмецкіе, сколько по крайней мѣрѣ мнѣ извѣстно, находятся лишь въ одномъ кафѣ, которое — замѣтите — называется не *tedesco*, а *elvetico*. Въ нѣкоторыхъ отеляхъ получаютъ и англійскіе. Но вамъ бы хотѣлось въ иной разъ перебрать и тѣ и другіе и третьи, посравнить, посличить кое-что и вывести отсюда свои сужденія: этой понятной всякому образованному человѣку потребности вы можете удовлетворить только въ «кабинетѣ» Вьесё. Онъ помѣщается въ одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ въ городѣ: Piazza S. Trinita, palazzo Buonelmonti. Желающіе могутъ абонироваться на годъ, на мѣсяць, на недѣлю; не имѣющіе абонеента также могутъ имѣть всегда свободный доступъ, платя 1 паоло (около 14 коп. сер.) за каждый сеансъ. Въ кабинетѣ ничего роскошнаго, но много удобствъ. Журналы расположены въ трехъ смежныхъ между собою залахъ. Первая занята итальянскими, вторая — англійскими, третья — французскими, съ примѣсью и нѣкоторыхъ другихъ. Здѣсь найдете почти всѣ замѣчательнѣйшіе органы современной политики и частію литературы. Въ нѣмецкихъ однако чувствуется недостатокъ даже у Вьесё. Чтò хотите? у романскихъ народовъ не лежитъ сердце къ нѣмецкому элементу. Австрійцы, пробующіе теперь съ Итальянцами (собственно съ Ломбардо-Венеціанцами) другую систему, болѣе сообразную съ духомъ вѣка, все-таки преслѣдуютъ неосуществимую мечту: сердца итальянскаго имъ никогда не покорить себѣ, а о мысли и говорить нечего, потому что они и сами мало знакомы съ этою лучшею стороною нѣмецкой народности. Но я отклонился отъ предмета. У Вьесё можно также читать *Journal de St. Pétersbourg, le Nord* (котораго я нигдѣ еще не встрѣчалъ во Флоренціи), *Diario Espagnol* и проч. Какъ видите, стòитъ только попасть сюда, а выйдешь не скоро. Одинъ паоло дастъ вамъ право провести нѣсколько пріятныхъ часовъ и побывать во всѣхъ странахъ міра. Право нельзя не пожелать подобнаго учрежденія всякому порядочному городу, который живетъ не одними только матеріальными интересами.

Между другими новостями у Вьесё получена также вторая январская книжка *Revue des deux Mondes*. Вы вѣроятно съ особеннымъ интересомъ остановились здѣсь на статьѣ объ «итальянскомъ вопросѣ». Я успѣлъ пробѣжать ее, и хоть у меня теперь нѣтъ подъ руками самой статьи, я однако могу возвратиться къ ея содержанию. Непроодолимою силою обстоятельствъ и общественнаго мнѣнія въ Европѣ, «итальянскій вопросъ» — съ этимъ долженъ согласиться всякій — все больше и больше выдвигается впередъ. Напрасно Австрія хлопотала и хлопочетъ столько до сихъ поръ, чтобы заглушить его: онъ идетъ впередъ. Напрасно противники итальянскаго прогресса съ трудолюбіемъ пчелы собирали самая неблагопріятныя ему признанія изъ устъ самихъ участниковъ недавняго движенія, чтобы какъ можно болѣе заподозрить въ глазахъ публики итальянскій вопросъ и убить въ

ней всякое довѣріе къ нему: онъ не падаетъ, а напротивъ съ каждымъ днемъ растетъ въ глазахъ европейской публики и влечетъ къ себѣ съ неотразимою силою умы. На нѣкоторое время прикрывалъ его собою такъ — называемый восточный вопросъ, но за то, едва только затихло движеніе на Востока, общее вниманіе съ удвоенною силою опять обратилось на Италію. Публицисты, одни положительно, другіе отрицательно, всѣ впрочемъ даютъ чувствовать, что итальянскій вопросъ занимаетъ первое мѣсто между вопросами современной политики. Хотя или нехотя, имъ однако заняты. Надъ нимъ задумываются, качаютъ головою въ недоумѣніи, отчаиваются въ возможности его рѣшенія, — и черезъ минуту потомъ принимаютъ все за тотъ же нескончаемый итальянскій вопросъ. Самое искреннее сознаніе въ непобѣдимыхъ трудностяхъ, которыя онъ заключаетъ въ себѣ, не въ состояніи однако отдѣлаться отъ него: такъ неизбежна потребность его рѣшенія, условленная кажется не менѣе сильною необходимостью, какъ и та, которая противится его развязкѣ.

Когда встанутъ подобные вопросы, напрасно было бы хотѣть произвольно устранить ихъ отъ себя, ещенепривѣтливо — погасить ихъ въ самомъ источникѣ. Въ нихъ проявляется сила историческаго процесса, неизбежная и неотразимая. Это необходимый плодъ его и вмѣстѣ зачатокъ будущаго движенія, которое должно принести съ собою и свои органическія формы. Думать уклониться отъ ихъ рѣшенія значитъ хотѣть остановить движеніе исторической жизни и превратить существующія формы въ окаменѣлости. Но этого не бываетъ. Ссылаемся на прежніе опыты Европы. Какія силы, и матеріальныя и духовныя, не угрожали реформаціонной мысли, повидимому столько ничтожной въ своихъ первыхъ зачинаніяхъ? Въ какія не впадала она неразрѣшимыя трудности въ своей собственной теоріи, когда пробовала логически отвѣчать съ своей точки зрѣнія на всѣ представлявшіяся сомнѣнія? Повидимому не было никакой возможности выйдти изъ этого лабиринта сомнѣній и трудностей. И дѣйствительно борьба съ ними наполнила много времени, заняла нѣсколько поколѣній; многія предчувствія были обмануты, не устояла почти ни одна теорія въ ея первоначальномъ видѣ, и всѣ предначертанія оказались ошибочными. Однако рано или поздно идея побѣдила, и развязка совершилась невозвратно. Исторія, поставившая задачу, нашла въ себѣ средства и разрѣшить ее, и тамъ, гдѣ не помогали никакіе расчеты, своими собственными силами создала необходимыя комбинаціи, чтобы подвинуть вопросъ къ разрѣшенію. Такъ и здѣсь — исторія поставила задачу, исторія сообщила ей свою неотразимую силу, она же конечно найдетъ средства со временемъ и для того, чтобы самыя непреодолимыя трудности мало-помалу уступили мѣсто вновь народившейся потребности.

Статья французскаго Обозрѣнія разсуждаетъ объ итальянскомъ вопросѣ по поводу двухъ сочиненій, изъ которыхъ одно принадлежитъ

Джоберти, а другое—Раналли. Первое носитъ названіе *Rinascimento*, второе—*le Istorie Italiane*. Оба они относятся къ послѣднимъ событіямъ въ Италіи и стараются, каждое съ своей точки зрѣнія, опредѣлить условія будущаго ея прогресса. Раналли, какъ историкъ, говоритъ болѣе фактами. Джоберти, какъ публицистъ, занимается болѣе теоретическимъ рѣшеніемъ задачи. Впрочемъ, какъ о достоинствахъ, такъ и о недостаткахъ того и другаго сочиненія вы получите вѣрное понятіе изъ самой статьи. Взавши ихъ точкою своего отправленія, она также проходитъ одну за другою обѣ стороны вопроса: прошедшее и будущее. Прошедшее Италіи—ея недавнія попытки національнаго освобожденія, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго; будущее—это ея возможное, или предполагаемое возрожденіе въ новыхъ политическихъ и общественныхъ формахъ. Каждая часть представляетъ свои трудности, каждая требуетъ своихъ особенныхъ соображеній. Отсюда необходимость раздѣленія ихъ и въ самомъ изложеніи.

Причины послѣднихъ неудачъ... На этотъ счетъ въ Европѣ давно уже установилось мнѣніе, что Италія сама виновата въ своихъ несчастіяхъ. Дѣло обыкновенное: кто успѣлъ, тотъ и оправданъ, а кто потерпѣлъ неудачу, тотъ платится за нее осужденіемъ. Италія же, передъ началомъ дѣла, неосторожно выразила самонадѣянную увѣренность, что она *faga da se*, управится сама. Между тѣмъ силы, на которыя она возлагала свои лучшія надежды, измѣнили ей; смѣлое слово ея осталось неоправданнымъ, и вотъ она виновата кругомъ. Съ тѣхъ поръ не прекращаются упреки итальянской самонадѣянности и практической неспособности. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ событій. Вопросъ сталъ мало-по-малу принимать характеръ вопроса историческаго, о которомъ наконецъ позволительно разсуждать безъ политическаго лицемерія. Начались признанія бывшихъ дѣятелей и участниковъ событій, или ихъ близкихъ свидѣтелей. Библиотека относящихся сюда сочиненій каждый годъ пополняется вновь нѣсколькими томами. Они являются въ свѣтъ одинъ за другимъ въ видѣ исторій, мемуаровъ, апологій и т. п. Что же? Историческая сторона много выиграла въ ясности и послѣдовательности, но къ обвиненію прибавилась еще новая тяжесть: спросите ихъ всѣхъ—Джоберти, Раналли, Фарини—о томъ, какія, по ихъ мнѣнію, были главныя причины неудачъ послѣдняго движенія, и они всѣ скажутъ вамъ, что вина лежитъ въ самихъ Итальянцахъ. Они сами повредили себѣ своимъ духомъ вражды, несогласія, раздѣленія, однимъ словомъ, отсутствіемъ всякаго единства, какъ въ направленіяхъ, такъ и въ самомъ образѣ дѣйствій. Противъ такихъ очевидныхъ фактовъ спорить нельзя, особенно, когда они засвидѣтельствованы и раскрыты въ подробностяхъ ближайшими свидѣтелями и самими участниками дѣла. При этомъ замѣчаютъ, что такова была Италія всегда, и что раздѣленіе на партіи и вражда ихъ между собою составляютъ господствующій характеръ ея исторіи. Всѣмъ извѣстна

средневѣковая вражда гвельфовъ и гибеллиновъ, которая охватывала всю Италію, вражда Венеціи съ Генуею, Флоренціи съ Пизою, флорентинскихъ и другихъ городскихъ партій между собою, и пр. и пр. Сюда надобно прибавить духъ мелочной муниципальной исключительности, столько свойственной почти каждому итальянскому городу и нерѣдко доводящей свои притязанія до смѣшнаго. Такъ, въ послѣднемъ движеніи, Пиаченца тотчасъ объявила желаніе отложиться отъ Пармы, Реджіо—отъ Модены. Въмѣсто того, чтобы дружно соединиться между собою для общаго дѣла, города прежде всего преслѣдуютъ свои мѣстные интересы и ставятъ ихъ на первомъ планѣ. И это не новость въ обычаяхъ Италіи: такъ было въ ней искони. Въ упрекъ итальянцамъ ставятъ далѣе мягкость и даже изнѣженность ихъ нравовъ, которая столько противорѣчитъ воинственнымъ кликамъ, время отъ времени раздающимся во всей странѣ. Итальянецъ не приученъ къ дисциплинѣ и не выдерживаетъ долго воинственнаго порыва. Итальянское движеніе никогда не могло найти себѣ способныхъ солдатъ, хотя повидимому отзывалось во всемъ народѣ. Дѣлая это замѣчаніе, опять ссылаются на старыхъ итальянскихъ писателей, на Маккиавелла въ особенности, который давно уже подмѣтилъ и высказалъ то же самое. Разумѣется есть исключенія, но они не уничтожаютъ силы общаго правила. Присоедините ко всему ошибки и промахи тѣхъ, которые брались управлять движеніемъ и часто не умѣли за него взяться, недостатокъ согласія между ними, непростительныя крайности и излишество радикальной партіи, столько повредившія общему дѣлу, — и неуспѣхъ его покажется очень понятнымъ.

Довольно причинъ, чтобы главную вину неудачи отнести къ самимъ дѣятелямъ; довольно уликъ, чтобы увеличить вдвое тяжесть лежащаго на нихъ обвиненія. И притомъ ни одного слова въ ихъ оправданіе? Признаюсь, каждый разъ, когда мнѣ приходится возвратиться къ этимъ событіямъ и обозрѣть ихъ вновь по тѣмъ или другимъ показаніямъ, мнѣ прежде всего представляются трудности самаго дѣла. Издали онѣ не такъ видны: вблизи онѣ поражаютъ своею непреодолимостью. Я не знаю, какая нація, поставленная въ то же самое положеніе, нашла бы въ себѣ довольно силъ, чтобы восторжествовать надъ ними. Двѣ огромныя задачи вдругъ, изъ которыхъ каждая требовала для себя всѣхъ способностей и всѣхъ усилій народа: дѣло внутреннихъ реформъ, имѣвшихъ своимъ назначеніемъ преобразовать весь государственный составъ, и возстановленіе національной независимости въ борьбѣ съ вѣнскимъ непріателемъ. Чтобы сколько-нибудь удовлетворительно исполнить первое, требовалось сосредоточить единственно на него всѣ умственные средства націи; и чтобы съ успѣхомъ рѣшить вторую задачу, надобно было напередъ имѣть свободныя руки у себя дома. Въ исторіи новой Европы есть можетъ-быть одинъ примѣръ, когда обѣ эти геркулесовскія работы производились разомъ:

опытъ увѣнчался успѣхомъ, по крайней мѣрѣ въ одномъ направленіи, но едва ли кто рѣшится поставить его въ образецъ другимъ. Напряженіе, котораго онъ потребовалъ отъ націи, отозвалось въ ней такимъ упадкомъ силъ, что побѣдоносно отразивъ внѣшнюю опасность, она потомъ равнодушно видѣла у себя возвышеніе смѣлаго узурпатора.

Кто жь однако виновать, что Италія вдругъ взялась вести два предпріятія, изъ которыхъ одно парализовало другое? По крайней мѣрѣ въ этой инстанціи не будемъ поспѣшны на обвиненія. Припомнимъ важного послѣдовательный ходъ событій. Италія сначала повела одно дѣло, именно то, которое вытекало изъ ея насущныхъ потребностей, и которое самое благоразуміе требовало поставить напередъ, и хотя въ то же время не переставала думать о другомъ, не менѣе близкомъ ея сердцу, впрочемъ отлагала его до иного, болѣе благоприятнаго времени. На этомъ пути она успѣла пройти не одну стадію, безпрестанно пріивѣтствуемая одобрительными кликами образованнаго класса людей въ цѣлой Европѣ. Счастливое совпаденіе видовъ новаго правительства съ желаніями и дѣйствительными потребностями народа въ Римѣ положило здѣсь начало движенію, которое не замедлило потомъ отразиться въ Тосканѣ и Піемонтѣ. Никто разумеется не возьмется утверждать, что оно непременно пришло бы къ желаемой цѣли, еслибы только правильный ходъ не былъ нарушенъ неблагоприятными внѣшними обстоятельствами. Тогда уже начинали обнаруживаться важныя трудности, соединенныя съ дѣломъ внутреннихъ реформъ — въ Римѣ болѣе, чѣмъ во всякой другой части Италіи, — и могло случиться, что онѣ сами по себѣ надолго задержали бы движеніе, или измѣнили бы его характеръ. Но допустивъ одну возможность, мы съ равнымъ правомъ можемъ противопоставить ей и другую, болѣе благоприятную успѣшному исходу предпріятія. Ибо въ дѣлѣ возможностей, одно предположеніе совершенно равносильно другому. Какъ бы то ни было, въ то самое время какъ внутреннее движеніе довольно мирно совершало свое постепенное развитіе, оно внезапно застигнуто было страшнымъ ураганомъ, который, разразившись сначала въ другой странѣ, бросился потомъ на Италію и промчался по всему полуострову. Конечно, было бы несравненно благоразумнѣе — послѣдующія событія доказали это несомнѣнно — выдержать бурю и не увлекаться ея вихремъ. Но было ли это во власти тѣхъ, которые такъ неожиданно были застигнуты имъ? Умы въ Италіи находились въ самомъ возбужденномъ состояніи; они уже поднялись до того уровня, на которомъ несбыточное начинаетъ казаться возможнымъ и осуществимымъ. Въ такомъ состояніи опасенъ былъ всякій посторонній толчокъ, потому что онъ тотчасъ же могъ нарушить равновѣсіе; но когда атмосфера цѣлой сосѣдственной страны была потрясена страшнымъ взрывомъ, когда неминуемый переворотъ угрожалъ всей внутренней европейской политикѣ, когда

самыя старыя ея учрежденія запатались въ своихъ основахъ, и отъ береговъ Океана до устьевъ Дуная ничто болѣе не казалось прочнымъ, кака была возможность для Италіи, ловившей каждый благоприятный для нея моментъ, не поддаться искушенію и удержаться въ предѣлахъ умѣреннаго движенія? И дѣйствительно, тамъ, гдѣ всего больше накопилось нетерпѣнія, произошелъ первый взрывъ и отсюда сообщился другимъ частямъ полуострова. Когда Миланъ былъ уже въ огнѣ, какъ могли бы Пиемонтъ, Тоскана, Романья и наконецъ самый Римъ не отозваться на его призывный кличъ о помощи? Дѣлая упреки народу, нельзя однако не признать, что было нѣчто роковое въ самыхъ событіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ дѣйствовалъ, и которыхъ онъ ни измѣнить, ни отсрочить былъ не въ состояніи.

Тогда и самый итальянскій вопросъ принялъ тотъ сложный и запутанный видъ, который, по моему мнѣнію, всего болѣе повредилъ его успѣшному разрѣшенію. Еще далеко было отъ рѣшенія первой части вопроса, касавшейся внутреннихъ реформъ и уже стоившей Италіи, за исключеніемъ развѣ одного Рима, добраго согласія между народомъ и его правителями, какъ движеніе вдругъ бросилось совсѣмъ въ другую сторону и потребовало новыхъ усилій народа на борьбу за національную независимость. Всякій чувствовалъ, однако, что подобную борьбу можно выдержать съ успѣхомъ лишь соединенными силами націи и при полномъ единствѣ дѣйствія. Слѣдовательно, надобно было прежде всего подумать о томъ, чтобы добиться этого необходимаго соединенія. Такимъ образомъ, въ самое критическое для Италіи время, возникала еще задача политическаго единства народа, и вопросъ усложнялся еще болѣе. За нее тотчасъ принялись съ жаромъ, даже съ избыткомъ рвенія; но гдѣ и когда рѣшались скоро такіе задачи? Франція употребила на то нѣсколько вѣковъ; Германія въ одно время съ Италіею пыталась разрѣшить для себя ту же задачу и сѣла на мель, даже не имѣя нужды защищаться отъ внѣшняго врага. Сколько вѣковъ взяло во Франціи дѣло національнаго единства, столько употребила Италія на свое политическое раздѣленіе, и ей надобно было стараться передѣлать разомъ всю свою исторію передъ лицомъ опаснаго внѣшняго непріятели, который давно готовъ былъ и къ защитѣ и къ нападенію! И ей досталось думать о томъ, чтобы ввовъ пересоздать себя, когда уже поданъ былъ сигналъ къ рѣшительному бою. Понятно, что предпріятіе было внѣ расчетовъ человѣческой вѣроятности, и что оно должно было рухнуть съ обоихъ концовъ, потому что потерянь былъ центръ тяжести. Когда Франція, въ одну подобную эпоху, бросилась въ отчаянную внѣшнюю борьбу, у нея по крайней мѣрѣ давно уже выведены были основанія народнаго единства; Италія же не успѣла еще положить для него и перваго камня...

У Италіи былъ однако Пиемонтъ, всегда готовый принять вызовъ,

какъ это онъ и доказалъ на дѣлѣ? Но у нея былъ также и Неаполь. Пьемонтъ составлялъ, и составляетъ теперь, только передовой постъ: его успѣхи были бы обезпечены лишь въ томъ случаѣ, когда бы за нимъ стояла цѣлая армія. Онъ исполнилъ сколько было въ его силахъ; но чтобы выдержать всю борьбу, для этого надобно было имѣть силу и значеніе не одного лишь передоваго поста. Для успѣха требовалась по крайней мѣрѣ помощь диверсій: онѣ и были, то-есть готовились быть, но прежде чѣмъ достигли своей цѣли, были парализованы дѣйствіемъ другой силы, хотя также итальянской, имѣвшей свой центръ на югѣ. Страшное положеніе страны: въ то время какъ сѣверъ употреблялъ самую отчаянную усилія, чтобы выдержать натискъ враговъ до подкрѣпленій, которыя ожидаемы были съ юга, югъ прибѣгалъ къ разнороднымъ маневрамъ, чтобы сдѣлать ожидаемую помощь недействительною, чтобы совершенно отвратить ее отъ назначенія. Когда особенно чувствовался недостатокъ центра, на двухъ концахъ народности дѣйствовали два противоположныя направленія, и притомъ одно — прямо во вредъ другому. Гдѣ тутъ было найдтись крѣпкому національному чувству, гдѣ было просто мѣсто ему? Нѣкоторые старались постановить всеобщій центръ тяготѣнія въ Римѣ, чтобы дать единство національнымъ усиліямъ и направить ихъ всѣ къ одной цѣли. Но когда трясется земля, можно ли думать о томъ, чтобы положить твердую основу какому бы то ни было зданію? А въ Римѣ думали, что успѣютъ не только заложить фундаментъ, но и вывести цѣлое политическое сооруженіе, когда вся поверхность полуострова волновалась отъ различныхъ сотрясеній. Попытка была смѣлая, но химерическая. Она лишь увеличила то внутреннее раздѣленіе, которое и безъ того уже такъ много вредило успѣху національнаго дѣла. Не только въ Неаполѣ съ одной стороны, въ Пьемонтѣ съ другой, но даже въ срединной Тосканѣ слышались противорѣчащіе голоса между самыми горячими патріотами. И они были правы, когда противопоставляли римскимъ унитарнымъ стремленіямъ живыя потребности и дѣйствительные интересы каждой отдѣльной итальянской области, когда, не раздѣляя мечтаній римскихъ триумфировъ, отрицали благовременность всеобщаго переворота въ такую критическую минуту и предпочитали умѣренный образъ дѣйствія въ постановленныхъ границахъ и въ видахъ будущей федераціи.

Удивительно ли послѣ того, что Италия, задавши себѣ задачу, требовавшую наибольшаго единства національныхъ силъ, попала скоро въ такое же хаотическое состояніе, въ какомъ находилась въ эпоху гвельфогибеллинскую? И въ самомъ дѣлѣ, иногда кажется, будто перечитываешь въ главныхъ чертахъ исторію XIV вѣка. Гибеллинскія стремленія на сѣверѣ, Неаполь, составляющій главную опору для гвельфской партіи и простирающій свое вліяніе даже на Тоскану, политическая вражда между югомъ и сѣверомъ, эфемерная республика въ

центрѣ, то-есть въ Римѣ. Для полнаго сходства не достаетъ только священной войны за національную независимость. Но, повторю, не своею только виною или слабостію нація была поставлена вновь въ такое безвыходное положеніе. Предшествующія историческія условія и постороннія событія имѣли тутъ гораздо болѣе вѣса. Недавно была у меня въ рукахъ апологія Гверрацци (*Apologia della vita politica di Guetazzi scritta da lui medesimo, Firenze 1851*), сочиненіе, у насъ вовсе неизвѣстное, но крайне интересное во многихъ отношеніяхъ. Я не сомнѣваюсь, что въ рукахъ будущаго историка оно будетъ однимъ изъ важнѣйшихъ документовъ для исторіи послѣдняго движенія въ Италіи. Много новаго и часто неожиданнаго свѣта проливаетъ оно какъ на личность автора, такъ и на постановку и отношенія итальянскихъ партій между собою. Во первыхъ, о характерѣ дѣятельности самого Гверрацци нельзя составить даже приблизительно вѣрнаго понятія по доходившимъ до насъ газетнымъ извѣстіямъ. Издали онъ могъ казаться опаснымъ демагогомъ; но его признанія, снабженные множествомъ официальныхъ и другихъ документовъ, показываютъ до очевидности, что радикальная партія въ Тосканѣ имѣла въ немъ самаго рѣшительнаго своего противника. Отъ начала до конца своего политическаго поприща Гверрацци былъ конституціонистомъ въ строгомъ смыслѣ слова. Какъ ни волновались его намѣренія, онъ остался до конца вѣренъ своимъ началамъ. Если по своему образу мыслей, какъ нововводитель онъ не могъ нравиться консерваторамъ, то демагоги имѣли еще болѣе причинъ ненавидѣть его. Управляя нѣкоторое время тосканскимъ министерствомъ, онъ постоянно противился униі. О личномъ его характерѣ, кажется, тоже имѣютъ болѣею частію невѣрное понятіе. Кто бы подумалъ, напримѣръ, что Гверрацци долго отказывался отъ всякой дѣятельной роли въ движеніи, которое, начавшись въ Римѣ, отозвалось потомъ и въ Тосканѣ, и принималъ въ немъ участіе лишь вынужденный обстоятельствами и уступая требованіямъ большинства? Но это несомнѣнно выходитъ изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Событія увлекли его потомъ далеко, но обвиненіе противъ него можетъ состоять развѣ въ томъ, что онъ не въ состояніи былъ управиться съ ними, а не въ томъ чтобы онъ самъ былъ ихъ виновникомъ. Все это считаю не лишнимъ замѣтить, потому что событія начинаютъ принадлежать исторіи, и пора уже хлопотать о томъ, чтобы различить ложное отъ истиннаго, внѣ духа партій.

При всемъ своемъ итальянскомъ патриотизмѣ, авторъ «Апологіи» былъ противникомъ униі, которую пытались основать въ Римѣ, и такъ же мало расположенъ былъ подать свой голосъ въ пользу присоединенія къ Пиемонту. Онъ хотѣлъ сохраненія самостоятельности Тосканы и имѣлъ на то свои причины, которыхъ нельзя не признать уважительными. Тоскана имѣетъ свои преданія, свою исторію и свои нравы, изъ которыхъ мало-по-малу выработался и свой особенный духъ.

У Тосканы есть свои промышленные, коммерческіе и другіе интересы, которые не всегда сходны съ интересами другихъ областей. У нея наконецъ есть своя особая жизнь, среди которой ей не достаетъ для благосостоянія лишь нѣкоторыхъ внутреннихъ реформъ. Отказаться отъ своей самостоятельности значило бы съ ея стороны принести величайшую возможную для нея жертву. Авсякій пойметъ, что подобную жертву нельзя принести несбыточной мечтѣ или совершенной неизвѣстности будущаго. Надобно, чтобы отолько существенная жертва и выкупалась чѣмъ-нибудь существеннымъ. Но положительные умы, къ которымъ принадлежалъ и авторъ «Апологіи», имѣли право не вѣрить сбыточности того, о чемъ мечтали и что старались привести въ дѣйствіе въ Римѣ: событія вполне оправдали ихъ невѣріе, — и я не думаю, чтобы содѣйствіе Тосканы, еслибы оно состоялось, измѣнило ходъ ихъ въ обратномъ смыслѣ. Не менѣе велико было бы самопожертваніе Тосканы, еслибы она рѣшилась подчиниться Пиемонту. Но что вѣрное она могла имѣть тогда въ виду за свою вѣрную жертву? Еслибъ по крайней мѣрѣ безопасное существованіе, хотя и подчиненное, подъ эгидою Пиемонта! Но вступая въ неравную борьбу, Пиемонтъ самъ ставилъ на карту свое политическое значеніе и въ свое паденіе могъ легко увлечь и своихъ вассаловъ... И въ томъ и въ другомъ случаѣ Тоскана отступилась бы отъ своей политической самостоятельности даже менѣе чѣмъ только за чечевицу. Гверрацци однако вовсе не исключалъ участія своей родины въ общемъ итальянскомъ дѣлѣ, но онъ думалъ дать этому участию совсѣмъ иной видъ. Его цѣль была не унія, уничтожающая самостоятельность отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ, а ихъ тѣсная федерація. вмѣсто того, чтобы дѣлать насильственный скачокъ, онъ полагалъ, что Италия пока можетъ думать только о постепенномъ приготовленіи своего единства, и на первый разъ хотѣлъ, пожалуй хоть въ Римѣ, конгресса всѣхъ итальянскихъ государствъ.

Но отъ чего же, говорятъ, и погубило итальянское дѣло, если не отъ того, что мѣстные интересы взяли верхъ надъ общими? — Жаль, если такъ. Но точно ли справедливо это требованіе? и заключалось ли оно въ предѣлахъ возможнаго. Что, спрашивается, сдѣлано было до того времени для итальянскаго единства? Какіе проложены пути для него, какія найдены формы? Дѣло единства послѣ вѣковаго раздѣленія — такая задача, которой никогда не въ состояніи будетъ выполнить одно поколѣніе. Свидѣтельствомъ тому служитъ нынѣшняя Германія, если мало Италиі... У послѣдней, скажутъ, было единство не только языка и литературы, но и единство религиозное. Все это однако было у нея и въ эпоху глубочайшаго раздѣленія, когда развѣ только высокіе идеальныя умы, какъ Дантъ, позволяли себѣ мечтать о единствѣ. Какимъ же чудомъ могли быть вдругъ и отысканы формы, и проложены пути, и наконецъ самая идея приведена въ исполненіе, — не скажу однимъ поколѣніемъ, — но въ одну критическую минуту для всей

страны? И въ порядкѣ ли вещей требовать, чтобы начальныя хаотическія стремленія къ великой цѣли и самая цѣль сходились между собою на ближайшее разстояніе? Если бы на нихъ употребленъ былъ и самый высокій героизмъ, историческій законъ остался бы все тотъ же. Безъ сомнѣнія, жалки и вполнѣ достойны осужденія такія сепаратныя стремленія, которыя основаны на упрямомъ желаніи каждаго города играть свою самостоятельную роль и даже первенствовать въ своей области; но съ ними нельзя равнять усилія сохранить свою самостоятельность со стороны отдѣльныхъ государственныхъ организмовъ, изъ которыхъ каждый пустилъ глубокіе корни въ почву и имѣеть свой *raison d'être*. Тутъ необходимъ цѣлый рядъ различныхъ усилій и сдѣлокъ. Организмъ, живущій своею особенною жизнію, не можетъ отказаться отъ нея въ пользу того, что еще не существуетъ на дѣлѣ и имѣеть въ его глазахъ видъ призрака....

Слѣдовало бы говорить объ этой мягкости, объ этой «*mollesse*», въ которой упрекаютъ Итальянцевъ, но на этотъ разъ довольно. Итакъ ужъ я ушелъ отъ статьи, которая дала мнѣ поводъ заговорить объ итальянскомъ вопросѣ. Постараюсь кончить съ нимъ въ слѣдующемъ письмѣ.

V.

Флоренція, февраля, 14 (2).

Помнится, мы дошли до упрека, который дѣлаютъ Итальянцамъ въ «мягкости», или даже изнѣженности ихъ нравовъ, дѣлающей ихъ неспособными къ военной выдержкѣ, просто невоинственными. Это фактъ: его отвергнуть нельзя; въ самой Италіи поражаешься имъ еще болѣе, чѣмъ изъ отдаленія. Невоинственность Итальянца написана на его лицѣ, какъ-то проглядываетъ во всѣхъ его движеніяхъ. Онъ что хотите — артистъ, негоціантъ, просто гражданинъ; только не воинъ. Мнѣ не случилось еще видѣть солдата, который бы смотрѣлъ менѣе воинственно, чѣмъ итальянскій. Онъ не прочь нарядиться въ мундиръ, но не видно, чтобы онъ для него былъ созданъ. Въ этомъ отношеніи Итальянцы менѣе всего могутъ назваться наследниками Римлянъ. Но всякій ли фактъ, взятый прямо изъ жизни народа, можно тотчасъ обращать въ упрекъ ему? Что дѣлать въ такомъ случаѣ, если данный фактъ есть произведеніе цѣлой исторіи народа и такъ-сказать отлился изъ нея какъ необходимая форма? Итальянцевъ упрекаютъ въ невоинственности; но откуда бы взялась у нихъ воинственность? Преобладающій элементъ въ итальянскомъ развитіи есть элементъ городской жизни. Въ Италіи процвѣтали уже городскія общины, когда въ Германіи только рождались большіе города. Даже феодальную эпоху Италія разыграла у себя большею частію въ городскихъ улицахъ. Борьбу съ завоевательнымъ нѣмецкимъ феодализмомъ

она также выдержала большею частию силами городских своих общинъ. Однако выдержала, стало-быть была довольно воинственна? заи́мать миѣ. Да, для того, чтобы бороться со врагомъ, который угрожалъ развитой націи совершеннымъ порабощеніемъ, но не на столько, чтобы нація полюбила военные доспѣхи, какъ свою постоянную принадлежность, и осталась въ нихъ навсегда, даже по минованіи опасности. Напротивъ, Италия воспользовалась первымъ послабленіемъ чужеземнаго натиска, чтобы возложить всю военную службу на наемниковъ. Свои домашнія распри она обыкновенно рѣшала съ помощію кондотьеровъ. Воинственность развивается въ народѣ особенно вслѣдствіе завоевательныхъ предпріятій. Но вспомните, когда, въ какую пору своей исторической жизни Итальянцы были завоевателями? Всѣ европейскіе народы были болѣе или менѣе подвержены этой слабости. Португальцы предпринимали дальнія странствованія для завоеваній, Датчане основывали колоніи въ чужихъ земляхъ, только Итальянцы никогда не были народомъ завоевательнымъ. Лишь двѣ республики, Генуя и Венеція, искали себѣ завоеваній внѣ Италіи: но онѣ были призваны къ тому не воинственностію народа, а самымъ своимъ положеніемъ. Остальной Италіи, то-есть болѣе чѣмъ девяти десятымъ страны, было вовсе не до того: она занята была разработкою другой стороны жизни; она жила по преимуществу успѣхомъ жизни городской, гражданской, она приготовляла у себя цвѣтъ гражданственности, который потомъ, въ видѣ кредитныхъ учрежденій и произведеній искусства, развела почти по всей Европѣ. Италия оставалась безъ дѣла, когда не была воинственною. За то конечно въ теченіе вѣковъ она приготовила въ себѣ беззащитную жертву для новыхъ завоеваній, она заплатилась дорого за то, что дала у себя слишкомъ чувствительный перевѣсъ мирному гражданскому элементу надъ воинственнымъ. Все такъ; но естественно ли требовать отъ народа, при такомъ ходѣ всей его исторіи, чтобы онъ отличался въ результатѣ воинственностію? естественно ли упрекать его, что онъ не сдѣлался вдругъ тѣмъ, чѣмъ никогда не былъ въ свою жизнь? Трудно передѣлать натуру народа, но не менѣе трудно бываетъ заставить его измѣнить и тѣ свойства, которыя мало-по-малу приобрѣтены имъ вмѣстѣ съ самымъ ходомъ его исторіи.

По моему мнѣнію, требованіе поставлено выше данныхъ условій. Нельзя хотѣть, чтобы невоинственный народъ вдругъ превратился въ воинственный. Но я не думаю, чтобы отдѣльные случаи героизма были рѣдки въ Италіи. Героическій духъ, духъ самопожертвованія, не вымеръ на этой утомленной долгимъ историческимъ процессомъ почвѣ. Онъ не прикованъ исключительно ни къ одной итальянской мѣстности и потому не всегда уловимъ, но онъ живетъ здѣсь и временемъ овладѣваетъ способными въ тому личностями въ самыхъ темныхъ углахъ полуострова. Кто бы подумалъ? Неаполь, даже Неаполь

нерѣдко высылаеть отъ себя людей истинно античной доблести, которой не могутъ не отдать справедливости даже тѣ, кто не сочувствуетъ ея политическому направленію. Но отыскивая подобныхъ людей среди противорѣчащихъ современныхъ извѣстій, не надобно забывать, что успѣхъ не служитъ имъ примѣтою. Затерянные въ массѣ общихъ неудачъ, эти частные подвиги, напротивъ того, остаются большею частію едва извѣстными, и вѣрная память о нихъ сохраняется лишь въ частномъ кругу людей, связанныхъ съ павшими дружною или единствомъ интересовъ. Есть впрочемъ и замѣчательныя исключенія. Несмотря на всѣ обстоятельства, благопріятствующія забвенію, одно имя огласилось не только на цѣлую Италію, но даже на всю Европу. Кто въ самомъ дѣлѣ не встрѣчалъ имени Поэріо? А въ чемъ, скажите, его слава? Какая побѣда увѣнчала его, или какое исполнено имъ великое дѣло? Ничего подобнаго: симпатія европейской публики пріобрѣтена ему только тѣмъ непоколебимо-твердымъ духомъ, съ которымъ онъ переноситъ свои несчастія...

Знаменитый заключенникъ впрочемъ не вырождокъ изъ своей семьи. Почтенныя воспоминанія соединяются съ именемъ его отца, барона Джузеппа Поэріо ди Таверна. Кромѣ Карла, который до сихъ поръ несетъ тяжелое испытаніе, баронъ Джузеппо имѣлъ еще другаго сына, Александра Поэріо, погибшаго преждевременною смертію, но котораго память также долго не умретъ между итальянскими патриотами. Между прекрасными изданіями Лемонье я нашелъ здѣсь также небольшую книжку его стихотвореній, изданную еще въ 1852 году (*Poesie edite e postume di Alessandro Poerio, Firenze, Felice Le Monnier*). Къ изданію приложены черты изъ жизни автора, собранныя Дайялою (*Mariano d'Ayala*): жизнь, богатая развѣ только несчастіями и постоянствомъ духа, запечатлѣннымъ героическою смертію. Александръ Поэріо родился въ 1802 году. Уже тринадцати лѣтъ отъ роду досталось ему испытать горечь изгнанія, когда, вслѣдствіе паденія Мюрата, все семейство Поэріо должно было удалиться изъ Неаполя и искать себѣ убѣжища во Флоренціи. Но это первое изгнаніе продолжалось только три года. Событія 1820 года застали Александра Поэріо на 18 году жизни. Несмотря на свою молодость, онъ снѣшалъ стать въ ряды тѣхъ, которые шли сражаться противъ Австрійцевъ, и участвовалъ въ битвѣ при Ріети. Дѣло неаполитанскихъ патриотовъ впрочемъ скоро было проиграно, и баронъ Поэріо вмѣстѣ съ сыномъ долженъ былъ снова отправиться въ изгнаніе. На этотъ разъ съ собою ссылаки была Германія. Молодой человекъ воспользовался временемъ вторичнаго своего изгнанія, чтобы сколько можно болѣе расширить сферу своихъ познаній. Онъ посѣщалъ лекціи въ университетахъ Бреславскомъ, Кёнигсбергскомъ, Берлинскомъ, Гиссенскомъ и Гейдельбергскомъ. Къ тому же времени относится знакомство его съ Гёте, съ которымъ у него была даже переписка. Наконецъ всемогу-

пій тогда Меттернихъ смилостивился надъ изгнанниками и позволилъ имъ возвратиться въ отечество. Однако они не рѣшились ѣхать въ Неаполь, и на полудорогѣ, во Флоренціи, основали своё пребываніе. Здѣсь главныя занятія молодого Поэріо обращены были на отечественную исторію; тутъ же пробудились въ немъ и первыя движенія поэтическаго духа, вызванныя славными воспоминаніями прошедшей жизни Италіи. Французская революція 1830 года застала его уже во Франціи. Но куда ни бросала его судьба, мысль объ отечествѣ была неразлучна съ нимъ. Обстоятельства, впрочемъ, не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя вновь возбуждены были въ италіанскихъ патріотахъ французскимъ движеніемъ, и Поэріо пока не оставалось ничего болѣе, какъ изливать свою душевную скорбь въ поэтическихъ строфахъ. Только въ 1835 году снова открылись для него предѣлы родной страны, но тутъ ждали его, одно за другимъ, новыя испытанія. Первое изъ нихъ было тюремное заключеніе брата его, Карла Поэріо. На этотъ разъ, впрочемъ, краснорѣчіе отца скоро возвратило свободу сыну. Не такъ было во второй разъ, когда не стало главы семейства, и Карлъ снова былъ схваченъ въ отеческомъ домѣ и отведенъ въ крѣпость Св. Эльма. Въ эти тяжелые дни Александръ былъ единственнымъ утѣшеніемъ для брата. Только въ 1846 году горизонтъ Италіи началъ нѣсколько разъясняться. Новыя надежды для патріотовъ зараждались въ Римѣ, во Флоренціи, въ Туринѣ. Первый особенно привлекалъ къ себѣ тогда симпатіи тѣхъ, которые мечтали о возрожденіи Италіи. Въ 1847 году Александръ Поэріо также отправился въ Римъ и участвовалъ въ его 27-вѣковомъ юбилей. Но еще не исполнилось и половины этого года, какъ младшій Поэріо въ третій разъ подвергнутъ былъ тюремному заключенію и снова нуждался въ утѣшеніяхъ старшаго.

Наступилъ бурный 1848 годъ. Въ Неаполѣ, какъ и на всемъ полуостровѣ, обозначилось сильное движеніе. Для человѣка съ такимъ популярнымъ именемъ, какъ Поэріо, открывалось широкое поприще дѣятельности у себя дома; но горячее сердце его рвалось туда, гдѣ кипѣлъ кровавый споръ за дѣло цѣлой Италіи. Ему предлагали постъ посланника или при Французской республикѣ, или въ Тосканѣ; но онъ отказался отъ того и другаго и поступилъ волонтеромъ въ ломбардскую экспедицію подъ начальствомъ генерала Пепе, съ которымъ дѣлилъ прежде горечь изгнанія. Извѣстна роль, которую досталось играть этой экспедиціи. Ее отправили только для вида, чтобы лучше скрыть антипатію къ тому дѣлу, которое она послана была защищать, и вдругъ воротили назадъ, когда уже она почти готова была вступить въ предѣлы Ломбардіи. Въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась Италія, для нея ничего не могло быть пагубнѣе этого. Болѣе 2,000 человекъ впрочемъ продолжали свое движеніе въ Ломбардію. Александръ Поэріо перешелъ вмѣстѣ съ ними По, и когда

пала Виченца, направился въ Венецію, какъ въ тотъ пунктъ, которому угрожала неминуемая опасность со стороны непріятеля. Онъ, впрочемъ, прибылъ туда еще до начала блокады и все свободное время употребилъ на знакомство съ венеціанскимъ искусствомъ; когда же загремѣлъ громъ оружія, онъ опять спѣшилъ занять свое мѣсто въ передовыхъ рядахъ защитниковъ осажденнаго города. Его пылкому мужеству было тѣсно въ городскихъ улицахъ. Онъ хотѣлъ непременно участвовать во внѣшнихъ нападеніяхъ на непріятеля, и при встрѣчахъ съ нимъ каждый разъ давалъ новыя доказательства своей безрѣпкой храбрости. Напрасно люди, преданные ему и желавшіе спасти его жизнь для отечества, старались умѣрить его порывы: Поэріо оскорблялся, если отъ него старались скрыть какое-нибудь смѣлое и потому особенно опасное предпріятіе. Такимъ образомъ должны были допустить его къ участию и въ нападеніи на Местре. Мало того: онъ выпросилъ себѣ мѣсто въ самыхъ переднихъ рядахъ нападающихъ. Дѣйствія отряда, въ которомъ онъ находился, скоро увѣнчались успѣхомъ. Австрійцы не выдержали натиска и отступили изъ занимаемаго ими укрѣпленнаго пункта, оставивъ въ рукахъ противниковъ два орудія. Александръ былъ одинъ изъ первыхъ, которые взойшли на непріятельскій брустверъ, и тутъ получилъ первую контузію въ ногу. Его тотчасъ разули, чтобы освидѣтельствовать рану; онъ покорился требованію, но видя, что крови нѣтъ, вдругъ опять всталъ на ноги и бросился за непріятелемъ, съ крикомъ: Впередъ, товарищи! Viva l'Italia! Никакія убѣжденія друзей не могли остановить его порыва: онъ опять бросился туда, гдѣ происходило самое жаркое дѣло. Несмотря на упорное сопротивленіе, Австрійцы и на этотъ разъ были выбиты штыками, но во время преслѣдованія, Поэріо снова пораженъ былъ въ голову и въ ногу. Онъ упалъ съ тѣмъ же завѣтнымъ крикомъ: Viva l'Italia! Не прежде, какъ черезъ полчаса, его нашли плавающего въ крови и перенесли на перевязочное мѣсто. Тутъ окружили его товарищи по оружію, которые любили его какъ брата. Александръ имѣлъ еще духъ ободрять ихъ, когда они плакали, и безъ смущенія выслушалъ приговоръ медика, объявившаго ему, что необходимо отнять пораженную ногу. Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ, мнѣ останется только сѣсть на лошада, чтобы идти вмѣстѣ съ вами въ бой, мои милые товарищи. Онъ самъ приготовился къ ампутаціи и не хотѣлъ даже, чтобы кто-нибудь держалъ ему ногу. Во время трудной операціи, которая по необходимости взяла много времени, онъ удивилъ всѣхъ присутствовавшихъ своимъ терпѣніемъ и силою духа. Когда наконецъ нога была отнута, Поэріо потребовалъ ее къ себѣ, обнялъ ее и потомъ положилъ у себя съ боку, прибавивъ: теперь успокойся въ мирѣ. Увидѣвъ потомъ хирурга, который дѣлалъ операцію, онъ обратился къ нему съ вопросомъ: нѣльзя ли будетъ ему продолжать военную службу хотя на лошади?—Между тѣмъ

бой кончился; на этотъ разъ нападающіе восторжествовали на всѣхъ пунктахъ. Это извѣстіе еще болѣе успокоило страдальца. Съ улыбкою встрѣтилъ онъ генерала, который пришелъ навѣстить его тотчасъ по окончаніи дѣла. Теперь, сказалъ онъ, когда мы побѣдили, я доволенъ, что потерялъ ногу, хоть и знаю, что мнѣ не пережить этой операциіи. Вслѣдъ за тѣмъ, узнавши, что венеціанское правительство возвело его въ званіе капитана, онъ видимо былъ обрадованъ, но замѣтилъ тутъ же, что жалованья въ этомъ чинѣ ему ужь не получать. И въ самомъ дѣлѣ, черезъ шесть дней онъ умеръ послѣ тяжелыхъ страданій, и Италія до конца не сходила у него съ языка.

Передаю, со словъ достовѣрнаго свидѣтеля, малозвѣстныхъ обстоятельствъ этой смерти не съ тѣмъ, чтобы выставить ее за образецъ героизма: въ послѣдніе годы мы видѣли образцы гораздо крупнѣе. Я желалъ только показать на одномъ примѣрѣ, что Италіяны новаго времени также умѣютъ умирать за отечество. Пойскавъ внимательнѣе, мы нашли бы конечно и другіе примѣры подобнаго самоотверженія. Я взялъ первый мнѣ встрѣтившійся.

Еще одно замѣчаніе относительно того исхода, какой нашли послѣднія событія въ Италіи. Осыпая Итальянцевъ упреками, свои и чужіе какъ бы хотятъ этимъ сказать, что движеніе не произвело совершенно никакихъ результатовъ. Если измѣрять успѣхи тѣмъ мечтательнымъ идеаломъ, о которомъ мы говорили прежде, то конечно надобно согласиться съ этимъ строгимъ приговоромъ. Но за мечтательнымъ и потому большею частію призрачнымъ не должно терять изъ виду положительное, котораго корни всегда глубоко лежатъ въ исторической почвѣ. Собственное историческое развитіе идетъ часто помимо всякихъ теорій, и хотя медленно, но тѣмъ не менѣе вѣрно достигаетъ своихъ цѣлей. Такъ случилось и въ Италіи въ послѣднемъ политическомъ движеніи. Идеальное не достигнуто, скажу болѣе — оно уронено имъ, но есть одинъ положительный результатъ; въ которомъ нельзя не видѣть разумнаго историческаго прогресса. Я разумно возвышеніе Пиемонта. Правда, что онъ также имѣлъ свою долю въ общей неудачѣ; на него пало даже самое чувствительное пораженіе въ войнѣ за независимость полуострова, такъ какъ онъ принималъ въ ней и самое дѣятельное участіе: но несмотря на отступленіе изъ Ломбардіи, несмотря даже на Новару, дѣло его выиграно передъ лицомъ цѣлой Европы. Какъ бы ни былъ несчастливъ исходъ борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, все же Италія увидѣла изъ нея, что пока нѣтъ у нея другаго меча, кромѣ того, которымъ вооруженъ Пиемонтъ, и что слѣдовательно еслибъ она хотѣла воевать снова, ей точно также не обойдись было бы безъ Пиемонта. Несчастіе принесло Пиемонту свою пользу: оно послужило для него доброю школою, послѣ которой онъ искренно вышелъ на дорогу ресторіи. Это тѣснѣе связало его съ образованною Европою и сдѣлало

его въ ея глазахъ главнымъ представителемъ интересовъ Италіи. Искусство государственныхъ людей Пиемонта довершило остальное. Благодаря ихъ искусной политикѣ, онъ занялъ довольно почетное мѣсто въ ряду европейскихъ державъ и приобрѣлъ право на уваженіе образованнаго большинства. Въ короткое время Пиемонтъ достигъ того, что голосъ его со вниманіемъ выслушивается на большомъ европейскомъ конгрессѣ, гдѣ трактуютъ вопросы первостепенной важности.

Всей важности этого явленія еще нельзя оцѣнить достаточно. Оно могло возникнуть только при условіи тѣхъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, которыя ему предшествовали. Въ немъ въ самомъ дѣлѣ сосредоточилась вся сумма большаго національнаго итальянскаго движенія. И нельзя сказать, чтобы возвышеніе Пиемонта было полезно и важно только для него самого. Цѣлая Италія прикосновена къ важности этого явленія. На европейскомъ конгрессѣ голосъ Пиемонта вѣситъ особенно въ качествѣ представителя общихъ итальянскихъ интересовъ. Черезъ преобразованный Пиемонтъ и вся Италія стала доступнѣе политическому дѣйствію на нее Европы. Реформы, уже совершенныя въ Пиемонтѣ, служатъ образцомъ для цѣлой страны. Онѣ показываютъ на дѣлѣ, что можетъ быть совершено при доброй волѣ и въ другихъ частяхъ полуострова. И дѣйствительно, на Пиемонтѣ въ настоящее время обращены глаза всей Италіи. Здѣсь только бьется пульсъ настоящей политической жизни, и біеніе его живо чувствуется по всей странѣ. Пиемонтомъ поддерживается и питается главнымъ образомъ движеніе національной итальянской мысли. Не спитъ Пиемонтъ — значитъ, вся Италія бодрствуетъ.

Для меня это явленіе, повидимому, столько скромное и умѣренное въ сравненіи съ пылкими мечтами о всецѣломъ возрожденіи страны, имѣетъ всю цѣну историческаго процесса, потому что вполне согласно со всею исторіею Италіи. Самобытное и независимое развитіе итальянской цивилизаціи кончилось въ XVI вѣкѣ. Отсюда же начинается ея упадокъ, тянувшійся цѣлые три вѣка и породившій потребность сторонняго возбужденія. Я хочу сказать, что Италіи невозможно было возрожденіе лишь изъ собственныхъ элементовъ, безъ посторонняго вліянія. Доказательствомъ служитъ то, что она коснѣла въ своемъ крайнемъ упадкѣ, моральномъ и политическомъ, вплоть до сильнаго толчка, даннаго ей первою французскою революціей. Итакъ, возбуждательное вліяніе европейскихъ идей было для нея необходимо. Но откуда могло пойдти оно, изъ какого центра и какимъ путемъ? Съ материкомъ Европы Италія связана своею верхнею, или сѣверною частію. Здѣсь она соприкасается одною стороною съ Франціею, другою — съ нѣмецкими землями. Этими путями происходили всѣ ея сношенія съ среднею Европою и въ средніе вѣка. Остальные Европейцы всегда были для нея «ультрамонтаны». Въ прежнее время она думала

дѣйствовать на нихъ своею цивилизаціею , а не отъ нихъ принимать вліяніе. Но времена перемѣнились, и однимъ изъ означенныхъ путей должно было проникнуть въ нее образовательное вліяніе Европы. Но откуда именно? съ сѣверо-востока, или съ сѣверо-запада? Выборъ между этими направленіями зависѣлъ не отъ случая, а условленъ былъ, можно сказать, всѣмъ ходомъ предшествующей исторіи.

Всего непрерывнѣе и тѣснѣе были связи Италіи съ Германіею. Онѣ исполнили своими разнообразными превращеніями цѣлый рядъ вѣковъ и продолжаютъ до сего времени. Но эта непрерывность и продолжительность сношеній послужила только къ большому развитію антипатіи между двумя народностями, хотя самые народы въ томъ и не виноваты. Старая нѣмецкая имперія постоянно видѣла въ Италіи цѣль для завоеванія и распространенія своей власти, и когда потомъ священная имперія пала, ея юные наслѣдники, несмотря на прогрессъ идей, положили впрочемъ за правило слѣдовать, относительно Италіи, той же самой политикѣ. Доказательствомъ можетъ служить нынѣшнее положеніе такъ-называемаго Ломбардо-Венеціанскаго королевства. На сколько съ этой стороны простиралось на Италію чужое вліяніе, на столько оно оказалось не образующимъ (bildend), а поглащающимъ... Еслибы оно въ состояніи было проникнуть еще ниже, и тамъ бы безъ сомнѣнія повторилось то же самое явленіе. Анкона и Болонья отчасти и теперь могутъ свидѣтельствовать въ пользу нашего мнѣнія. Такое вліяніе никогда не могло и не можетъ расположить въ свою пользу туземцевъ: на него всегда будутъ смотрѣть, какъ и смотрѣли до сихъ поръ, то-есть какъ на враждебное. Отъ него будутъ всегда желать избавиться, а не стараться усвоить его себѣ. Да еслибы впрочемъ на него смотрѣли здѣсь и менѣе непріязненно, какую бы пользу могла извлечь изъ него для себя Италія? Какою политическою мудростію, на примѣръ, могла бы она позаимствоваться отъ настоящей Германіи? Развѣ снять съ нея примѣръ несчастнаго раздѣленія? но Италія сама такъ давно уже страдаетъ этою политическою болѣзнію.

Нѣтъ, образовательное вліяніе должно было прійти сюда съ другой стороны. И всегда дорога ему была открыта со стороны Франціи, и вѣки всегда обнаруживала гораздо больше симпатій къ нему. Уже въ средніе вѣка происходилъ въ этомъ направленіи взаимный обмѣнъ идей, благотельный для обѣихъ странъ. Вспомнимъ общинныя движенія во Франціи и Италіи, почти современныя и параллельныя между собою; вспомнимъ потомъ вліяніе провансальской поэзіи на возраждавшуюся итальянскую литературу. Даже завоевательныя предпріятія Французовъ, начавшіяся въ концѣ XIV вѣка, встрѣчаемы были въ Италіи сравнительно болѣе симпатически, чѣмъ нѣмецкія. Но Франція сама скоро подверглась страшной порчѣ и долго не могла служить доброю школою для другихъ, такъ что все дѣйствіе ея ограничивалось вліяніемъ литературныхъ формъ. Собственно говоря, че-

резь Францію должны были сообщиться Апеннинскому полуострову ея усвоенныя, но выработанныя въ разныхъ частяхъ Европы идеи общаго образованія и политическаго устройства. Но Франціи самой еще надобно было напередъ раздѣлаться съ XVIII вѣкомъ, чтобы послужить этому назначенію. За то въ настоящемъ столѣтіи она вступила въ эту роль несомнѣнно, — и Пиемонтъ, какъ подверженный непосредственному ея дѣйствию, первый принялъ на себя ея вліяніе, то—есть первый усвоилъ его себѣ. Онъ какъ бы искони предчувствовалъ свою будущую роль, и всегда держался политическихъ связей съ Франціей, роднясь съ нею по временамъ и кровными узами. Пиемонтъ показалъ на себѣ, что Италія созрѣла для постепеннаго принятія образовательнаго вліянія Европы, какъ въ идеяхъ, такъ и въ самыхъ формахъ. Пиемонтъ нѣкоторымъ образомъ сократилъ пространство, отдѣлявшее прежде Италію отъ центровъ, къ которымъ приливаетъ современная европейская жизнь, и такъ-сказать бросилъ передъ нею мостъ для удобнѣйшаго перехода на другую сторону... Съ тѣхъ поръ какъ выросъ новый Пиемонтъ, раздѣленіе на живущихъ по сю сторону горъ и ультрамонтановъ съ каждымъ днемъ теряетъ свое значеніе.

Италія еще не готова къ тому, чтобы имѣть у себя одинъ центръ, который бы законодательствовалъ на всемъ ея протяженіи и давалъ единство ея разрозненнымъ силамъ. Довольно, если у нея будетъ хотя одинъ твердый пунктъ для постояннаго противодѣйствія тѣмъ антипатичнымъ вліяніямъ, которыя, тяготя надъ нею съ сѣверо-востока, имѣютъ еще сверхъ того вѣрную точку опоры для себя на южной оконечности полуострова. Когда есть Неаполь на одномъ концѣ, Туринъ едва ли не важнѣе на другомъ, чѣмъ въ самомъ центрѣ страны. Такъ только могутъ уравновѣшиваться противоположныя вліянія. На Неаполь и Туринъ лучше всего можно наблюдать настоящія отношенія различныхъ частей Италіи къ историческому прогрессу и къ образовательному европейскому вліянію. Это какъ бы два противоположные полюса. Между тѣмъ какъ Турину всегда готова нравственная и матеріальная поддержка со стороны западной Европы, къ Неаполю она же шлетъ свои корабли, и хотя издали принуждена показывать ему жерла своихъ пушекъ. Сколько сѣверо-западъ Италіи воспримчивъ къ европейскимъ идеямъ, столько сѣверо-востокъ Италіи непріязненъ къ нимъ югъ. Тогда какъ въ Пиемонтѣ находятъ себѣ не только убѣжище, но и покровительство ломбардскіе эмигранты, преслѣдуемые Австріею, Неаполь до сихъ поръ, несмотря на требованіе общественнаго мнѣнія въ цѣлой Европѣ, не можетъ рѣшиться отворить двери тюрьмы для своего Поэрію. Которому изъ двухъ полюсовъ принадлежитъ симпатія Италіи, и съ какой стороны она можетъ ожидать появленія зари своего болѣе свѣтлаго будущаго, на этотъ вопросъ отвѣчать не трудно.

Мнѣ слѣдовало бы еще говорить о второй части статьи, посвященной французскимъ Обзорѣніемъ итальянскому вопросу. Ноя незнаю, не будетъ ли это уже лишнее разглагольствіе. Эта вторая половина статьи содержитъ въ себѣ изложеніе послѣднихъ воззрѣній знаменитаго итальянскаго публициста. Послѣ событій 1848—49 года въ мнѣніяхъ Джоберти произошла значительная перемѣна. Нисколько не измѣняя своимъ кореннымъ убѣжденіямъ и по прежнему горячо любя Италію, онъ впрочемъ подъ конецъ совершенно разувѣрился въ дѣйствительности тѣхъ средствъ, которыя прежде самъ предлагалъ ей для спасенія, и старался по возможности замѣнить ихъ другими соображеніями. Въ свою очередь мы, пожалуй, также готовы были бы послѣдовать за авторомъ въ его новыхъ комбинаціяхъ, но къ сожалѣнію, мысли его мало поддаются анализу. Таковъ онъ былъ всегда: горячая голова, истинно патристическое сердце, но умъ мало способный удовлетворить требованію строгой отчетливости и возвести свои понятія къ единству началъ. Непримиримый врагъ иезуитизма, онъ между тѣмъ мечталъ о возрожденіи Италіи подъ эгидою римскаго престола! На этомъ у него была построена цѣлая политическая теорія. Если чего не достаетъ его сочиненіямъ, такъ это именно философскаго синтеза, а между тѣмъ онъ долгое время считалъ занятіе философіею своимъ настоящимъ призваніемъ! Нетерпѣливыя желанія его сердца нерѣдко опережали ходъ его мысли, и онъ, за недостаткомъ ясныхъ воззрѣній, иногда самъ обманывалъ себя искусственною терминологіею, настаивая на различіи нѣкоторыхъ выраженій и думая замѣнить ими противоположность самыхъ понятій. Такъ, означивъ первую свою систему возрожденія Италіи словомъ *Risorgimento*, онъ изобрѣлъ для послѣдующей новое названіе *Rinuoamento*. Правда, что вслѣдствіе обстоятельствъ многое дѣйствительно измѣнилось въ воззрѣніяхъ автора, что онъ отказался отъ прежней несбыточной мечты, которая заставляла его строить въ воображеніи какой-то идеальной римскій міръ и отъ него ждать спасенія всей Италіи; что въ послѣдніе свои годы, живя въ отдаленіи отъ Италіи, онъ сталъ смотрѣть на нее болѣе практическими глазами и лучше понимать ея настоящія потребности. Вслѣдствіе такой перемѣны, у Джоберти явилось много новыхъ требованій, но онъ не успѣлъ привязать ихъ къ одному началу и развить ихъ послѣдовательно одно изъ другаго. Въ этомъ отношеніи *Rinuoamento* гораздо слабѣе даже *Risorgimento*. Мысль автора не одолеваетъ всѣхъ трудностей вопроса и не можетъ противопоставить имъ никакого определеннаго плана, или твердо установленнаго образа дѣйствій. Есть можетъ-быть отдѣльныя замѣчанія, заслуживающія вниманія, но они такъ разрозненны, что не могутъ составить одного цѣлаго воззрѣнія. Вообще, по моему мнѣнію, *Rinuoamento* Джоберти мало продвигаетъ итальянскій вопросъ впередъ даже въ теоріи. Отсюда я опять вывожу необходимость рѣшенія его путемъ историческимъ.

На дняхъ, въ одной изъ здѣшнихъ книжныхъ лавокъ, бросилась мнѣ въ глаза брошюра подъ названіемъ « La question italienne et les parties en Angleterre, Leipzig et Paris, 1857 ». Вы вѣроятно встрѣчали ее и въ Москвѣ. Меня, признаюсь, соблазнило столько же это много-обещающее заглавіе брошюры, сколько и ея «шешенебельная наружность». Изданіе сдѣлано роскошно, какъ-будто на показъ цѣлой Европѣ: стало-быть, думалъ я, издатель придавалъ ему особенную важность и надѣялся пайдти для него много избранныхъ читателей. Но я скоро разочаровался въ моихъ ожиданіяхъ и предположеніяхъ. Прежде всего поразило меня страшное *avant-propos*, открывающее собою брошюру и растянутое на 12 страницахъ, . впрочемъ весьма крупнаго шрифта. Съ первыхъ же словъ своего предисловія неизвѣстный авторъ даетъ итальянскому вопросу совершенно неожиданный оборотъ, говоря, что для лучшаго разъясненія его, надобно прежде всего «заняться Англіею», *c'est donc principalement de l'Angleterre qu'il faut s'occuper à présent...* Вотъ что называется, подумалъ я, съ больной головы да на здоровую!.. Отъ чего же при итальянскомъ вопросѣ непременно надобно заняться Англіею? Отъ того, что она не перестаетъ интересоваться положеніемъ Италіи? Но къ чему же намъ лицемерить: мы очень хорошо знаемъ, что настоящее положеніе Италіи занимаетъ всю образованную Европу. Не въ одной только Англіи — общественное мнѣніе вездѣ съ одинаковымъ интересомъ слѣдитъ за итальянскимъ вопросомъ и нетерпѣливо ожидаетъ его рѣшенія. Исключеніе составляетъ развѣ только Австрія, гдѣ — по весьма понятнымъ причинамъ — очень желали бы никогда не касаться подобныхъ вопросовъ: поэтому намъ казалось бы гораздо приличнѣе, по поводу итальянскаго вопроса, «заняться» Австріею, чѣмъ отводить глаза читателя совсѣмъ въ иную сторону. Но авторъ стоитъ на своемъ и повторяетъ обыкновенныя обвиненія Англіи въ своекорыстіи, лицемерствѣ и злонамѣренности. Въ немногихъ строкахъ брошена черная тѣнь на каждый шагъ англійскаго правительства въ пользу итальянскаго дѣла. Англія нарочно старается раздувать страсти въ средней Европѣ, чтобы помѣшать возстановленію древняго торговаго пути, который нѣкогда связывалъ Италію съ Востокомъ и былъ источникомъ ея благосостоянія... Нерасположеніе Англіи къ Неаполю объясняется успѣхомъ неаполитанскихъ мануфактуръ... Наконецъ Англіи, сообща съ Пиемонтомъ, приписывается намѣреніе подорвать въ Италіи послѣднее... остающееся въ ней единство, то-есть единство религіозное...

Послѣднее обвиненіе особенно, въ которомъ Пиемонтъ ставится на одну доску съ Англіею, даетъ осязательно чувствовать, что такое рѣшеніе итальянскаго вопроса могло быть придумано — развѣ только въ Австріи!

Я однако спѣшилъ перейти къ самой брошюрѣ, въ надеждѣ, что она выкупитъ свое существованіе хотя одною серіозною мыслию. Но

каково же было мое удивленіе, когда вмѣсто того, что должно бы составлять зерно изданія, я нашелъ — « переводъ » одной статьи изъ *Quarterly Review*, написанной по поводу сочиненія Фарини о Римскомъ государствѣ и доставившей такимъ образомъ автору « Предисловія » самый простой и легкій способъ наполнить остальные листы его брошюры! Статья, разумѣется, неблагопріятная для новой Италіи; но какихъ мнѣній нельзя встрѣтить въ Англіи, гдѣ, благодаря чрезвычайному развитію гласности, ни одинъ оттѣнокъ мысли не остается безъ внѣшняго выраженія! Тамъ всѣ эти мнѣнія имѣютъ свой смыслъ и легко распознаются по цвѣтамъ тѣхъ партій, которыхъ носятъ на себѣ признаки. Тамъ, въ общемъ хорѣ всякаго рода голосовъ, не очень дико кажется самое исключительное мнѣніе; но оно же, вырванное изъ цѣлаго хора, перенесенное на другую почву и выданное за самое здоровое изъ всѣхъ, становится оскорбительно, кзкъ самая недоброжелательная клевета.

Меня увѣряли потомъ, будто этотъ новый способъ рѣшенія итальянскаго вопроса принадлежитъ одному заслуженному австрійскому дипломату, который давно уже страдаетъ недугомъ англофобіи. Не знаю, въ какой степени справедливо это увѣреніе, и вѣрно ли называютъ самое имя; но вижу и чувствую, что, несмотря на свою лейпцигскую фирму и французскій языкъ, брошюра есть австрійское издѣліе. У Австріи есть свои особенные приемы для рѣшенія великихъ вопросовъ.

Въ самой Италіи вопросъ также вызываетъ различныя попытки его рѣшенія. Патриотическая мысль не перестаетъ выискивать средства, чтобы облегчить развязку его въ будущемъ. Кромѣ журнальныхъ статей, время отъ времени здѣсь также появляются отдѣльныя брошюры, посвященныя или цѣлому вопросу, или какой-нибудь одной его сторонѣ. Назову изъ нихъ *Delle eventualità italiane*, нѣсколько извѣстную мнѣ по статьямъ въ журналѣ *Siècle, Macchi—De' conciliazione de' partiti*, вышедшую недавно въ Пиемонтѣ. Ими разумѣется стоило бы заняться особо, но къ сожалѣнію, мнѣ почти столько же трудно достать ихъ въ руки, какъ и вамъ. Въ Италіи для печатныхъ издѣлій существуетъ особеннаго рода градація, или нисхождение отъ сѣвера къ югу. Такъ не все то, что печатается въ Туринѣ, допускается къ чтенію во Флоренціи; печатаемое во Флоренціи очень часто не доходитъ до Рима; далеко не все римское можно найти въ Неаполѣ... Только произведенія неаполитанскихъ типографій нигдѣ по всей Италіи не встрѣчаютъ себѣ препятствія, но я, право, не знаю, что тамъ печатается въ настоящее время, кромѣ Журнала Обѣихъ Сицилій...

II. Кудрявцевъ.

НОВѢЙШІЕ НѢМЕЦКІЕ ЖУРНАЛЫ ПО ЛИТЕРАТУРѢ, СРЕДНЕ-ВѢКОВОЙ СТАРИНѢ И ПО НАРОДНОСТИ ВООБЩЕ.

Никогда не обращалось столько вниманія на изученіе народности, какъ въ наше время, и, безъ всякаго сомнѣнія, нигдѣ такъ успѣшно не разрабатывается она, какъ въ Германіи. Уже болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, братья Гриммы, Вильгельмъ и особенно Яковъ, положили твердую основу этому изученію своими превосходными изслѣдованіями по языку, мифологіи, правамъ, поэзії и вообще по литературѢ не только такъ-называемаго нѣмецкаго языка, но и другихъ родственныхъ ему нарѣчій: англосаксонскаго, скандинавскаго, готскаго. Якову Гримму выналь жребій — быть творцомъ новой науки, науки о народности. Въ настоящее время его Нѣмецкая Грамматика, его Нѣмецкая Мифологія, Юридическія Древности, изданія различныхъ памятниковъ литературы, служатъ руководящими, настольными книгами для всякаго просвѣщеннаго изслѣдователя средневѣковой народности и ея остатковъ въ современной жизни не только Нѣмцевъ, но и другихъ, сосѣднихъ имъ народовъ. Настоящіе *славянофилы*, то-есть дѣйствительные знатоки и любители славянщины, какъ Вукъ Стефановичъ Караджичъ, Копитаръ, Шафарикъ, высоко оцѣнили заслуги Якова Гримма. Славянскія Древности Шафарика (переведенныя на русскій языкъ профессоромъ Бодянскимъ) свидѣтельствуютъ о значительномъ вліяніи германскаго ученаго на это сочиненіе. Очень интересны отношенія Якова Гримма къ другому, столь же знаменитому дѣятелю по славянской народности, къ Вуку Караджичу. Еще въ двадцатыхъ годахъ дружба его съ знаменитымъ нѣмецкимъ ученымъ была скрѣплена совокупными учеными трудами. Въ 1824 году вышла Вукова Сербская Грамматика, съ любопытнѣйшимъ предисловіемъ Якова Гримма. Еще въ 1823 году этотъ нѣмецкій ученый, всегда любившій славянщину и ею интересовавшійся, убѣждалъ знаменитаго собирателя сербскихъ народныхъ произведеній — издать сербскія сказки; и вотъ, черезъ тридцать лѣтъ, Вукъ издаетъ ихъ, и въ посвященіи ихъ *Славному Нѣмцу Якову Гримму, предрагому и многопоштованому* (то-есть многоуважаемому) *пріятелю*, изъявляетъ свое увѣреніе, что эта книжка никому не можетъ быть столь *мила*, какъ его *нѣмецкому пріятелю*. И этотъ послѣдній не остался въ долгу у своего славянскаго друга. Въ слѣдующемъ, то-есть 1854 году, вышелъ нѣмецкій переводъ этихъ сказокъ, сдѣланной дочерью Вука Караджича, уже съ предисловіемъ Якова Гримма.

Благотворное, зиждительное вліяніе трудовъ Якова Гримма на науки о народности дѣйствовало медленно. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, въ эпоху философскаго энтузіазма и глубокаго изученія греко-римскихъ древностей, сочиненія этого великаго человѣка пользовались извѣстностью только между людьми, спеціально занимавшимися нѣмецкою стариною. Въ сороковыхъ годахъ, при постоянной, неутомимой его дѣятельности, болѣе и болѣе возрастала и слава его великихъ открытій, такъ что теперь всѣ многочисленные труды нѣмецкихъ ученыхъ по средневѣковой старинѣ и народности не только представляютъ развитіе и полное оправданіе началъ, положенныхъ въ основу Яковомъ Гриммомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они проникнуты воодушевленіемъ, которое этотъ замѣчательный человѣкъ своими классическими изслѣдованіями, при глубокомъ и какомъ-то особенно симпатичномъ воззрѣніи на народность вообще, умѣлъ возбуждать въ современныхъ ученыхъ Германіи. Такъ составилась цѣлая *Гриммовская школа*, а къ ней принадлежитъ всякій, кто надлежащимъ образомъ, то-есть основательно, изучаетъ народныя пѣсни, сказки, обычаи, преданія, старинные средневѣковые памятники словесности, въ нихъ живой связи съ цѣлымъ бытомъ народа. И надобно сказать къ чести основателя этой прекрасной школы, что, кромѣ духовнаго родства мысли, труда, живѣйшаго увлеченія, онъ связанъ съ многочисленною толпою своихъ почитателей, и во внѣшнемъ отношеніи, не одними искренними посвященіями его громкому имени цѣлага рѣда сочиненій по народности, но и дѣятельнымъ участіемъ его самого во многихъ изъ нихъ. Сколько вышло изданій съ предисловіями Якова Гримма! И каждое его предисловіе не офіціальное только изъясненіе вѣжливости, а самостоятельное изслѣдованіе, рѣшеніе какого-нибудь вопроса науки.

Желая познакомить читателей «Русскаго Вѣстника» съ современнымъ состояніемъ этой столь интересной науки о народности, объемиющей вмѣстѣ съ литературою и языкъ и весь бытъ народа, бросимъ взглядъ на нѣкоторые изъ спеціальныхъ журналовъ по этому предмету. Гауптъ издаетъ *Журналъ для нѣмецкой старины*; Пфейферъ—*Германію*, по тому же предмету; Гоффманъ фонъ Фаллерслебенъ и Оскаръ Шаде — *Веймарскую Лѣтопись*, тоже по нѣмецкой старинѣ, впрочемъ съ изслѣдованіями литературы и позднѣйшихъ вѣковъ; Маннгардтъ продолжаетъ изданіе *Журнала для нѣмецкой мѣологии и правовъ*, начатое Вольфомъ; Фромманъ—періодическое изданіе, подъ названіемъ: *Нѣмецкія Нарѣчія*. Нужно ли упоминать, что братья Гриммы принимаютъ дѣятельное участіе въ этой спеціальной журналистикѣ? И каждая статья ихъ, какъ бы мала она ни была, представляется въ глазахъ издателя лучшимъ, драгоценнѣйшимъ украшеніемъ его журнала.

Германія издается четырьмя книжками въ годъ; выходитъ только

съ 1856-го. Опуская статьи слишкомъ спеціальныя по нѣмецкой старинной литературѣ, обратимъ вниманіе читателей на болѣе интересные для нихъ по содержанію.

Первое мѣсто, въ этомъ отношеніи, безспорно принадлежитъ статьѣ Бутервека (въ 4-ой книжкѣ), содержащей въ себѣ подробное изложеніе содержанія англо-саксонской поэмы IX вѣка о *Беовульфѣ*, этого древнѣйшаго поэтического памятника нѣмецкой старины, которому уступаетъ даже сама Скандинавская Эдда (1). Поэма о Беовульфѣ относится къ языческой эпохѣ, впрочемъ выказываетъ кое-гдѣ темныя намеки на христіанство. Мѣсто дѣйствія во всей точности доселѣ не опредѣлено; вѣроятно, на датскихъ островахъ, по южнымъ берегамъ Скандинавскаго полуострова, а также по берегамъ между Эльбою и Вислою, и даже до острова Готланда. Нація — Датчане и морскіе Готы. Кромѣ высокаго интереса въ самомъ содержаніи этой древнѣйшей поэмы, она имѣетъ для насъ, Русскихъ, интересъ особенный, по замѣчательному своему сходству съ поэтическими преданіями о Владимірѣ и его богатыряхъ. Содержаніе ея слѣдующее: Въ отдаленныя времена жилъ Датскій король, по имени Сцильдъ, то-есть *Щитъ*. Былъ онъ изъ невѣдомой страны и чужаго рода. Въ смутное, безгосударное время, нашли младенца въ лодкѣ, приплывшей изда-лека: онъ былъ одинъ, возлѣ него лежало оружіе. То былъ Сцильдъ, будущій король. До старости мудро управлялъ онъ своимъ народомъ, и мирно скончался. Море было его колыбелью; оно же было ему и могилою. Трупъ его отослали въ далекое море на богато-разукрашенной ладѣ. Потомкомъ этого загадочнаго героя былъ благодушный король Гродгаръ, образецъ царственныхъ доблестей. Его витязи были ему товарищами у очага и за пиршественнымъ столомъ, сопутствовали ему повсюду; его *подручники* (*handscolu*), всегда были у него подъ рукою; за плечомъ были у него мудрые совѣтники; его витія сидѣль, по обычаю двора, у ногъ его, а также и его пѣвецъ, прославлявшій подвиги своего повелителя. Щедро раздавалъ онъ своимъ витязямъ сокровища, гривны и кольца, оружіе и коней; потому что онъ былъ *стражъ* богатства. Съ любовью и благодарностью, съ благоговѣніемъ и преданностью обращались къ нему взоры его подданныхъ; онъ былъ полновластный господинъ и повелитель, любимецъ и защитникъ народа. И вздумалось ему построить на горѣ великолѣпныя, огромныя палаты, чтобы слава о нихъ навсегда сохранялась между сынами человѣческими, палаты на радость и пированье.

(1) Сколько интересуется Беовульфъ нѣмецкую ученую публику въ настоящее время, свидѣтельствуется другая статья того же Бутервека, помѣщенная тоже въ 1856 г., въ журналѣ Гаупта, объ изданіяхъ этого памятника. Въ 1854 г. Бутервекъ выдалъ: *Cædmon's des Angelsachsen Biblische Dichtungen*, въ двухъ частяхъ.

Тутъ хотѣлъ онъ раздѣлить между старымъ и малымъ все, что ни дастъ ему Богъ. Изъ далекихъ странъ призваны были искусные мастера, и соорудили они палаты изъ каменныхъ плитъ, связавъ ихъ желѣзными крючьями. Крышу крыли изъ золота: и свѣтилась она далеко по землѣ. Къ палатамъ сдѣлали изъ разноцвѣтныхъ камней и дорогу, которая называлась *Медвяною*. И внутри хорошо были палаты разукрашены: кругомъ стѣнъ шли скамьи, отдѣланныя въ золото, такъ хитро и прочно, что развѣ одинъ огонь повредилъ бы ихъ. По стѣнамъ были развѣшены златотканые ковры. Милостивый Гродгаръ называлъ свои златоверховатыя палаты *Геортъ* (олень), — можетъ-быть отъ хитрыхъ вырѣзовъ и украшеній, и пировалъ съ своею дружиною ежедневно, при громкомъ и веселомъ шумѣ гостей, пли же внимая пѣснямъ пѣвца; и только къ вечеру уходилъ король съ королевою изъ Георта, а витязи оставались и проводили ночь въ спокойномъ снѣ.

Важно ли упоминать, что этотъ милостивый Гродгаръ, съ своею храброю дружиною проводящій дни въ пирахъ и весельѣ, есть древнѣйшій поэтический первообразъ царственныхъ героевъ, не только нѣмецкаго и романскаго, но и нашего древне-русскаго эпоса? Не такъ ли, какъ въ Оленьихъ палатахъ Датскаго короля, и у насъ, въ стольномъ городѣ Кіевѣ, у ласковаго князя Владиміра, было пированье, почетный пиръ, было столованье на многихъ князей и бояръ, и могучихъ богатырей? Ибо, безъ всякаго сомнѣнія, наши эпическія пѣсни о богатыряхъ Владиміра, первоначальнымъ своимъ происхожденіемъ, восходятъ къ отдаленной до-христіанской эпохѣ, и только въ послѣдствіи были приурочены къ извѣстнымъ лицамъ и событіямъ. И самый Владиміръ нашихъ эпическихъ преданій есть лицо чисто поэтическое, которое надобно строго отличать отъ историческаго, отъ князя, просвѣтителя Руси христіанскою вѣрою. Слѣдовательно никому не должно казаться страннымъ это сближеніе нашего сказочнаго героя съ англо-саксонскимъ эпохи доисторической. Нельзя не замѣтить здѣсь кстати, что, несмотря на грубость нравовъ и вѣрованій, воззрѣнія англо-саксонскаго пѣвца на жизнь, его понятія о вещахъ, гораздо шире, болѣе развиты, нежели воззрѣнія и понятія слагателей нашихъ пѣсень о богатыряхъ. Видно, что поэма о Беовульфѣ была уже плодомъ многовѣковаго развитія. Пѣвецъ умѣетъ уже цѣнить нѣкоторыя удобства цивилизаціи, хотя и на низшей ея ступени; онъ уже указываетъ на иностранныхъ мастеровъ, и интересуется подробностями при описаніи постройки Оленьихъ палатъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и наша эпическая поэзія когда-нибудь, въ отдаленную эпоху своего ближайшаго сродства съ поэзією другихъ индоевропейскихъ народовъ, отличалась болѣею широтою воззрѣній, но въ послѣдствіи, предоставленная исключительной національности, удаленной отъ интересовъ общечеловѣческаго развитія, она загроубѣла и

сузилась въ своихъ воззрѣніяхъ на природу и человека, или же, при недостаткѣ красокъ въ жизни дѣйствительной, ограничилась общими, неопредѣленными чертами. Но возвратимся къ англо-саксонской поэмѣ.

Веселье и спокойствіе въ палатахъ Гродгара было нарушено самымъ ужаснымъ образомъ. Не подалеку находилось страшное мѣсто около Волчьихъ скалъ, въ омутахъ и пропастяхъ, жилище какихъ-то враждебныхъ демоновъ, *никсъ* и морскихъ змѣевъ. Это мѣсто было ужасное. Жилъ тамъ Грендель, людоедъ, существо сверхъ-естественное, *дьяволъ*, изъ рода *Камнова*, и со своею матерью, такою же людоедкою. Замѣчательно, что въ описаніи этихъ демоническихъ существъ смѣшаны языческія преданія съ апокрифическими и еретическими сказаніями эпохи христіанской. Поводился Грендель въ Оленьи палаты по ночамъ, какъ только, попиравъ, улягутся богатыри; душитъ и грызетъ ихъ, а мертвые тѣла десятками таскаетъ къ себѣ. Опустѣли палаты, и померчался печалью добрый король. Именно здѣсь-то и выступаетъ на сцену самъ герой поэмы, Беовульфъ, изъ княжескаго рода морскихъ Готовъ или Готовъ-островитянъ. Пѣвцы и гости-корабельщики занесли и на ихъ берега печальную вѣсть о гибели богатырей въ Оленьихъ палатахъ. Беовульфъ, вспомнивъ, что Гродгаръ нѣкогда облагодѣтельствовалъ его отца, отправился сослужить службу Датскому королю, извести лютаго Гренделя. Еще въ юномъ возрастѣ Беовульфъ прославился быстротою и неутомимостью въ плаваньи по морю, а также подвигами храбрости въ пораженіи морскихъ чудовищъ. Приплывъ съ своею дружиною въ Датскую страну, онъ былъ съ честью и радостію принятъ Гродгаромъ. Готскій герой принимаетъ твердое намѣреніе убить чудовище или погибнуть, если уже *Гильда*, богиня войны, рѣшила взять его къ себѣ; товарищамъ же своимъ даетъ онъ на великій подвигъ какіе-то предохранительные талисманы: *наузы*, или *навязы воинскаго счастья* (1). И вотъ на ночь остаются они спать въ Оленьихъ палатахъ. Въ урочный часъ является Грендель, схватываетъ одного изъ спящихъ, потомъ кидается на другаго. Но то былъ самъ Беовульфъ: послѣ страшной борьбы, онъ наноситъ чудовищу смертельный ударъ, и Грендель, истекая кровью и оставивъ свою отрубленную руку, скрывается въ свою пропасть. Снова водворилась радость съ пиршествами въ палатахъ Датскаго короля. Не только онъ самъ, но и благородная супруга его осыпаютъ высокими почестями своего избавителя. Послѣдняя, между прочимъ, даритъ ему знаменитѣйшую въ мірѣ гривну—украшеніе съ шеи самой богини Фрей, которая добыла его отъ четырехъ карликовъ. Но подвигъ еще не конченъ. Мать Гренделя, этотъ первообразъ нашей Яги-Бобы

(1) Собственно тканье воинскаго счастья (*wīgs pēda gewīdfa*).

или Бабы Горынишны.—мститъ за смерть своего сына. Герои отправляются на берегъ страшной пучины, чтобы вступить въ рѣшительную борьбу съ чудовищною неприятельницею. Беовульфъ бросается въ море, достигаетъ морскихъ палатъ Гренделя и убиваетъ его мать. Съ трепетомъ ждуть Беовульфа его спутники, стоя на берегу. Вотъ волна побагровѣла отъ крови, и вслѣдъ за тѣмъ вынырнулъ самъ герой, въ одной рукѣ съ великанскимъ мечемъ, добытымъ въ палатахъ вѣдьмы,—въ другой съ отсѣченною головою самого Гренделя. На другое утро Беовульфъ отправляется домой. Его подвигами скрѣпилась вѣчная дружба между Датчанами и морскими Готами. Возвратившись домой, нашъ герой вѣрою и правдою служитъ своему королю; а по смерти послѣдняго, когда народъ предлагалъ ему корону, онъ благородно отказался отъ нея въ пользу королевича, оставаясь вѣрнымъ ему вассаломъ и воспитателемъ. И только по смерти уже и этого, когда не осталось никого изъ царскаго рода, онъ почелъ себя въ правѣ принять предлагаемую ему королевскую власть. Нужно ли говорить, что онъ былъ благодѣтелемъ своего народа? Онъ даже самую жизнь свою принесъ въ жертву своей любви къ подданнымъ. Въ одномъ пустынномъ мѣстѣ, въ горной пещерѣ, кто-то, послѣдній уже въ своемъ родѣ, проливая слезы о смерти своихъ, спряталъ оставшееся послѣ нихъ золотое сокровище. Его стережетъ алчный до золота стражъ горы (beorges weard), какъ бы нашъ *горыничъ*. И повадился этотъ огненный змѣй летать по Готской землѣ; все палитъ своимъ пламенемъ и опустошаетъ. Чтобъ спасти свой народъ, а вмѣстѣ и обогатить его сокровищемъ, Беовульфъ рѣшился сразиться съ змѣемъ. Онъ его убилъ, но и самъ погибъ отъ его яда. О высокомъ нравственномъ чувствѣ героя англо-саксонской поэмы можно судить по его послѣднимъ словамъ: «своихъ я держалъ хорошо, никого не предавалъ, не клялся въ неправдѣ. Теперь, раненый на смерть, утѣшаюсь этимъ; потому что отецъ челоуѣковъ не накажетъ меня за убійство родныхъ, когда жизнь вылетитъ изъ тѣла.» Подданные хоронили тѣло Беовульфа уже по позднѣйшему обычаю; сожгли его на великолѣпно убранномъ кострѣ.

Если въ Гродгарѣ можно видѣть первообразъ нашего поэтическаго, сказочнаго, а не историческаго, Владимира Красное-Солнышко; то въ отношеніяхъ его къ Беовульфу, сослужившему ему службу своимъ великимъ подвигомъ, легко увидимъ отношеніе нашего Краснаго-Солнышка къ дѣятельнымъ богатырямъ, очищающимъ Русь отъ всякой нечистой силы. Но мало того: именно въ Добрынь Никитичѣ сохранились ясныя слѣды преданія о Беовульфѣ. Важнѣйшіе воинскіе подвиги героя англо-саксонской поэмы — поражение морскихъ чудовищъ и огненнаго змѣя, хранителя сокровища. Добрыня тоже плаваетъ, только не по морю, а въ Израй рѣкѣ; третья струя его подхватила и унесла въ пещеры бѣлокаменные къ лютому огненному

змѣю Горынчишу, то-есть жителю или — какъ въ англо-саксонской поэмѣ — къ стражу горы; онъ убиваетъ чудовище и находитъ въ его пещерахъ много золота и серебра. Подобно Беовульфу, онъ входитъ въ борьбу съ чародѣйкой, съ женщиной сверхъ-естественною, съ соумышленницею нечистой силы и пріятельницею самого змѣя (1).

Выставленное здѣсь на видъ сближеніе поэтическихъ сказаній русскихъ съ древнѣйшимъ англо-саксонскимъ, безъ всякаго сомнѣнія, должно быть понято не въ смыслѣ заимствованія, а какъ результатъ распространенія одного и того же древнѣйшаго преданія у народовъ родственныхъ во множествѣ сказаній о борьбѣ героевъ съ змѣями и существами сверхъ-естественными. Нѣмецкіе изслѣдователи старинны, съ свойственною имъ тщательностью, особенно хорошо умѣютъ слѣдить за безконечнымъ разнообразіемъ поэтическихъ сказаній, въ различное время развившихся изъ одного общаго имъ преданія. Такова статья В. Мюллера: *Сказаніе о рыцарѣ Лебедь* (въ 4-й книжкѣ). Это сказаніе выразилось въ цѣломъ рядѣ поэмъ, сказокъ, романовъ, не только на романскихъ и нѣмецкихъ нарѣчіяхъ, но и у насъ въ народныхъ сказкахъ, конечно, съ большими или меньшими искаженіями и подновленіями древняго преданія. Вотъ главнѣйшее содержаніе этого преданія по древне-французской поэмѣ: *Le Chevalier au Cygne*. Оріанъ, король Лилле-ортскій, однажды на охотѣ преслѣдуя оленя, находитъ у источника прекрасную Беатрису, госпожу лѣса, и беретъ ее себѣ въ супруги, противъ воли своей матери Матабруны. Когда царь былъ на войнѣ, она рождаетъ ему за одинъ разъ семерыхъ дѣтей, шесть сыновей и одну дочь: у всѣхъ у нихъ на шеѣ было по серебряной цѣпи. Злая свекровь выдаетъ ихъ за щенятъ и велитъ слугителю убить ихъ въ лѣсу. Но этотъ послѣдній вполнѣ исполнилъ приказаніе, только вынесъ дѣтей въ лѣсъ, гдѣ нашелъ ихъ пустынный Геліасъ, прирѣлъ и воспиталъ. Лань кормила найденныи своимъ молокомъ. Между тѣмъ возвращается съ войны король и заключаетъ свою невинную супругу въ темницу. Послѣ того одинъ охотникъ находитъ дѣтей въ лѣсу. Матабруна поручаетъ ему убить ихъ и принести къ ней украшавшія ихъ цѣпи. Но онъ находитъ только шестерыхъ, и только что снялъ съ нихъ цѣпи, всѣ до одного превратились въ лебедей. Старшаго сына, называвшагося, по имени пустытника, Геліасомъ, тогда не случилось, почему онъ и остался въ своемъ не превращенномъ видѣ. Изъ цѣпей Матабруна велѣла кузнецу сковать сосудъ; но онъ употребилъ на работу только одну цѣпь, оставивъ прочія пять. Наконецъ, по наущенію матери, король приговорилъ свою супругу къ сожженію на кострѣ, если только не явится ей на помощь какой-нибудь защитникъ. Тогда-то вступается за

(1) Смотри. Древнія Россійскія Стихотворенія 1818 г. стр. 61, 345.

свою мать юный Геліасъ, защищаетъ ее мечомъ и спасаетъ. Злая свекровь предана сожженію; а пятеро дѣтей, съ возвращеніемъ имъ цѣпей, оборачиваются изъ птицъ въ свой первоначальный видъ; и только одинъ, котораго цѣпь была уничтожена, остался лебедемъ. Къ этому сказанію присоединяется другое, составляющее второй отдѣлъ поэмы. Герцогиня Бульйонская обвинена въ томъ, что отравила своего мужа, и, въ его отсутствіе, родила незаконную дочь. Обвиненной предоставлено въ назначенный день взять себѣ защитника противъ обвинителя. Геліасъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Лебедемъ, прыгаетъ въ лодкѣ на мѣсто поединка, побѣждаетъ противника, спасаетъ герцогиню и женится на ея дочери, но только подъ условіемъ, чтобъ его не спрашивали объ его происхожденіи. Долгое время жили супруги счастливо; но жена не могла удержаться отъ роковаго вопроса, и Лебедь увозитъ отъ нея Геліаса въ лодкѣ.—Таково въ общихъ чертахъ содержаніе французской поэмы. По нѣмецкой передѣлкѣ XV-го вѣка, рыцарь находитъ купающуюся въ рѣкѣ дѣвицу, вѣнчается на ней съ *льсу*, какъ дѣлывали и наши богатыри эпохи Владиміровой. Когда же была она оклеветана, велитъ ее по груди зарыть въ землю — жестокий обычай, не чуждый и нашей старинѣ. Изъ любопытныхъ изслѣдованій автора явствуетъ, что сказаніе о рыцарѣ Лебедя относится къ цѣлому ряду родственныхъ поэтическихъ преданій, въ которыхъ выражается идея о невинно-пострадавшей прекрасной женщинѣ, — идея, связанная съ повѣріемъ о превращеніи умершихъ въ птицъ и о таинственной связи съ міромъ загробнымъ. Сюда принадлежатъ сказанія не только нѣмецкаго и романскаго происхожденія, но и древнѣйшаго кельтическаго; сказанія изъ цикла Нибелунговъ, Санграла и др. Сюда относятся сказки о красавицѣ Беафлоръ (*Blanchefleur*) и о супругѣ ея Маѣ, которые въ теченіи осмыслѣнной своей разлуки *ни одного раза не улыбнулись*; о Женевьевѣ, или Геновевѣ, которая, воротившись изъ глухаго лѣсу къ своему супругу, *не можетъ уже кушать человѣческой пищи*; о Кресценціи, супругѣ царя Дитриха, которая, въ изгнаніи и злополучіи, за свои добродѣтели получаетъ даръ исцѣлять всѣ недуги, если только болящій чистосердечно признается передъ нею въ своихъ грѣхахъ. Въ заключеніе позволимъ себѣ одно сближеніе. Таинственному дѣйствию цѣпи или ожерелья на жизнь того, кто носитъ цѣпь на шеѣ, соответствуетъ мифическое представленіе, въ нашемъ Словѣ о Полку Игоря, о томъ, какъ князь *выронилъ свою жемчужную душу изъ тѣла черезъ золотое ожерелье*. Что же касается до раздора снохи съ свекровью, то онъ — конечно по побужденіямъ чисто національнымъ — послужилъ содержаніемъ множеству русскихъ пѣсней и сказокъ.

Вольгангъ Менцель, въ 1855 году издавшій первый томъ своей

Нѣмецкой Мнѣологіи, именно Сказанія объ Одинѣ (1), помѣстилъ въ журналъ «Германія» (въ 1-ой книжкѣ) любопытную статью о вѣрованьяхъ въ солнце, въ связи съ правомъ на владѣніе, состоявшимъ будто-бы въ какой-то мнѣической зависимости отъ этого свѣтила (Das alteutsche Sonnenleben). Полученіе власти надъ землею отъ солнца, вѣроятно, сопровождалось какими-нибудь символическими обрядами, что видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго мѣста въ одной Скандинавской Сагѣ. Торбиорнъ ѣдетъ однажды по пожарищу, поднимаетъ пылающую головню къ солнцу и объявляетъ все это пространство своимъ, потому что оно теперь уже не заселено. Что этотъ обрядъ восходитъ къ временамъ отдаленнаго язычества, свидѣтельствуеетъ Тацитъ въ повѣствованіи о Бойокалѣ, который, требуя землю вытѣсненнымъ Амписиварамъ, говоритъ: какъ небо для боговъ, такъ земля для людей, и не заселенная земля принадлежитъ всякому, кто первый на нее ступитъ; потомъ обращаясь къ солнцу, спрашиваетъ его, благосклонно ли оно взираетъ на это пустынное пространство?— Съ полученіемъ власти отъ солнца, Менцель сближаетъ цѣлый рядъ повѣрій и обрядовъ, состоящихъ въ связи съ поклоненіемъ этому свѣтилу. Сюда онъ относитъ обычай исполнять судебный приговоръ надъ виновнымъ до заката солнца; молиться солнцу на горѣ утромъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье, въ день, въ который это свѣтило будто-бы пляшетъ. Въ древнѣйшихъ германскихъ могилахъ, относящихся къ эпохѣ доисторической, покойники полагались лицомъ къ солнцу, въ ожиданіи великаго утра воскресенія, символъ котораго — ежедневный восходъ солнца. Одинъ путешественникъ по Египту (Баумгертнеръ) разказываетъ, что въ Каирѣ 25-го марта народъ собирается на гору смотрѣть, будто-бы, воскресеніе мертвыхъ. Не будемъ говорить здѣсь о высокихъ символическихъ представленіяхъ русскаго оратора XII вѣка, Кирилла Туровскаго, который въ одномъ своемъ словѣ идею жизни, свѣта духовнаго, воскресенія, знаменуетъ символомъ солнца и весны (2); но укажемъ на любопытное

(1) Въ 1856 г. вышла вторымъ изданіемъ его Христіанская Символика, въ двухъ частяхъ. Значительно уступая извѣстному сочиненію Пипера о Мнѣологіи Средне-вѣковаго Искусства, въ отношеніи свѣдѣній по исторіи художествъ, Символика Менцеля тѣмъ не менѣе предлагаетъ интереснѣйшія подробности о различныхъ поэтическихъ и религіозныхъ преданіяхъ.

(2) Смотри. Памятники россійской словесности XII в., въ 3-мъ словѣ, стр. 21 и слѣд. «Нынѣ солнце красуясь въ высотѣ восходитъ и радуясь землю огрѣваетъ» и проч. Въ Подлинникахъ, или наставленіяхъ для иконописцевъ, изъ этого слова взято описаніе символическаго представленія весны въ образѣ царственнаго юноши. Напримѣръ: «Небо свѣтлѣетъ, темныхъ облаковъ, какъ ризы, солекшись — волны тихостію брегъ цѣлуютъ, земля злакъ пронзращаетъ, и дерева процвѣтають, и птицы воспѣвають, рѣки наводняются, и источники тихо текутъ, и огороды сладкую испускають воню, и агнцы на зеленой травѣ скачутъ» и проч. Изъ рукописи конца XVII в., въ бібліотекѣ графа С. Г. Строганова.

таинственное отношеніе челоуѣка къ солнцу, приведенное другимъ писателемъ того же вѣка, нѣкоторымъ черноризцемъ Кирикомъ въ его вопросахъ Новгородскому Никонту, именно въ вопросѣ о томъ, слѣдуетъ ли хоронить мертвеца послѣ заката солнечнаго (1)?

Рохгольцъ, изготовившій къ изданію очень важное для исторіи нравовъ сочиненіе о дѣтскихъ пѣсняхъ и играхъ (2), помѣстилъ занимательную статью о наказаніи дѣтей розгами и о странномъ обычаѣ *цловать розги* (*Die Ruthe küssen*, во 2-й книжкѣ). Хотя эта жестокая игра значительно была въ Германіи распространена и особенно поддерживалась педантами; однако между людьми благомыслящими рано уже возбуждала подозрѣніе въ своей дѣйствительной пользѣ, и даже отвращеніе. Отъ XV и XVII вѣка осталось много нѣмецкихъ похвальныхъ стиховъ розгѣ. Вѣроятно оттуда, черезъ Польшу, перешли они и въ наши вирши. Западному обычаю—поднимать дѣтей съ постели розгами утромъ 28-го декабря (*auskindeln*, франц. *innocenter, donner les innocens*)—соотвѣтствуетъ у насъ съѣчь вербою въ Вербное Воскресенье, приговаривая: «верба хлѣсть, бей до слезъ». За проступки дѣтей высокихъ особъ, въ Англии и Франціи, наказывались нарочно для того назначенные невинные страдалцы. Этотъ обычай былъ заведенъ и у насъ въ старинныхъ барскихъ домахъ.

Людвигъ Уландъ, издавшій въ 1844—1845 г. интересное собраніе нѣмецкихъ народныхъ пѣсенъ, помѣстилъ двѣ статьи о швабскихъ сказаніяхъ (въ 1-й и 3-й кн.) Въ первой говоритъ объ охотничьемъ бытѣ пфальцграфовъ Тюбингенскихъ и о различныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ, съ этимъ бытомъ связанныхъ. Во второй—о преданіяхъ, соединенныхъ съ именемъ и съ именемъ Дитриха Бернскаго, то-есть Теодорика Веронскаго. Замѣчательно, что въ письменныхъ памятникахъ изъ Вестфалии, съ Мозеля, изъ Аугсбурга, изъ Верхней Баваріи и съ верховьевъ Рейна, отъ XII-го и до второй половины XIV-го вѣка, постоянно встрѣчаются историческія лица той эпохи съ нѣмецкимъ именемъ Дитриха Бернскаго. Ясные намеки на подвиги этого героя встрѣчаются даже въ художественныхъ произведеніяхъ отдаленныхъ среднихъ временъ, въ церковной живописи и на капителяхъ колоннъ въ храмахъ. Такъ широко пустилъ свои корни нѣмецкій эпосъ въ средневѣковой Германіи!

Для сравненія съ произведеніями древне-русской литературы и съ народными стихами особенно любопытно въ этомъ журналѣ изданіе нѣмецкихъ проповѣдей, въ отрывкахъ XII-го вѣка, и драматическаго сочиненія въ стихахъ о св. Георгіи XV-го вѣка.

(1) Памятн. Рос. Слов. XII в. стр. 184.

(2) *Alemannisches Kinderlied und Kinderspiel aus der Schweiz*: Въ двухъ частяхъ.

Не желая утомлять вниманія читателей перечнемъ изслѣдованій болѣе спеціальныхъ, почитаемъ обязанностію упомянуть въ заключеніе, что Я. Гриммъ почтилъ этотъ новый нѣмецкій журналъ нѣсколькими статьями своего сочиненія, изъ которыхъ замѣчательнѣйшія : о составныхъ числительныхъ именахъ (въ 1-й кн.), о буквѣ *Lu* въ готскомъ алфавитѣ и о пѣснѣ о Лудовикѣ (обѣ во 2-й кн.).

Ө. БУСЛАЕВЪ.

Труды членовъ Россійской Духовной Миссиіи въ Пекинѣ.
Томы 1, 2 и 3. Спб., 1852—1857.

Ровно двѣсти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ начались непосредственныя сношенія между Россіею и Китаемъ. Первое посольство русское, достигнувшее Пекина, относится къ 1655 и 1656 годамъ. Посломъ былъ Федоръ Исаковъ Бойковъ, боярскій сынъ изъ города Тобольска. Въ Китаѣ только что утвердилось тогда владычество маньчжурской династіи, столь непрочное въ наше время. Изъ европейскихъ народовъ въ наиболѣе тѣсныхъ связяхъ съ Небесною имперіею были Голландцы, за ними Французы и Испанцы. Католическіе миссіонеры, преимущественно іезуиты, пользовались даже нѣкоторымъ вліяніемъ на дѣла страны. Русскихъ же людей жители Пекина еще ни разу не видали въ стѣнахъ своего города. Не удивительно, что Бойкову все было въ немъ ново, непривычно. Къ тому же, переступивъ границы Сибири, Бойковъ не покинулъ привычекъ московскихъ дипломатовъ; онъ и въ Китаѣ остался вѣренъ преданіямъ посольскаго приказа, поступалъ такъ же, какъ поступали его товарищи—послы, отправляемые московскими царями къ государямъ западной Европы. Но что прощалось невзыскательною дипломатіею Запада, того не хотѣлъ знать упорный въ своихъ обычаяхъ церемоніалъ Китая. Отъ Бойкова требовали, чтобы онъ присланные съ нимъ подарки и грамоту царя вручилъ не самому хану, а нарочно назначеннымъ для того людямъ. Отпустить съ ними подарки Бойковъ согласился, но не сдѣлся ни на какія представленія относительно передачи грамоты. Дѣло кончилось тѣмъ, что китайскіе дипломаты присудили возвратить ему подарки на томъ основаніи, что «нѣтъ въ Китаѣ того обыкновенія, чтобъ чужестранныхъ пословъ допускать на аудіенцію предъ самого хана: ибо де онъ кромѣ знатныхъ персонъ двора своего никому не кажется; а впрочемъ и свои подданные никогда его не видаютъ» (1).

(1) О первыхъ русскіихъ путешествіяхъ и посольствахъ въ Китаѣ, въ Ежемѣс. сочин., къ пользѣ и увеселенію служащихъ, июль 1755 года. стр. 36 и слѣд.

Иначе поступали голландскіе послы, бывшіе въ Пекинѣ въ одно время съ Бойковыми: подчинившись всѣмъ китайскимъ церемоніямъ, они успѣли въ своихъ намѣреніяхъ.

Послѣ неудавшагося посольства Бойкова, между Россіей и Китаемъ долго не было никакихъ сношеній дипломатическимъ путемъ. Только пограничные споры заставили Петра Великаго возвратиться къ переговорамъ съ китайскимъ правительствомъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ отправленнаго имъ туда посольства было право имѣть въ Пекинѣ русскую духовную миссію. Не станемъ говорить здѣсь о тѣхъ заслугахъ, которыя были оказаны миссіею нашей дипломатіи и литературѣ въ продолженіе ея болѣе чѣмъ столѣтняго существованія. Правдивый историческій разказъ о дѣлахъ миссіи есть неотъемлемое право и вмѣстѣ съ тѣмъ счастливая обязанность ея членовъ. Скажемъ лишь нѣсколько словъ о «Трудахъ», издаваемыхъ ею въ настоящее время.

Всѣ три тома «Трудовъ» наполнены статьями чрезвычайно разнообразнаго содержанія, составленными большею частію по китайскимъ сочиненіямъ; иногда встрѣчаются переводы изъ послѣднихъ. Черезъ нихъ читатель можетъ знакомиться не только съ исторіей Китая, его современнымъ состояніемъ, административными учрежденіями, промышленностію, торговлею и вообще экономическимъ бытомъ; но получаетъ нѣкоторое понятіе и о характерѣ китайскихъ знаній, китайской ученой литературы. Между статьями историческаго содержанія особенно любопытны двѣ: *Начало и первая дѣла манджурскаго дома* (В. Горскаго) и *Событія при паденіи минской династіи* (М. Храповицкаго). Обѣ статьи служатъ взаимнымъ дополненіемъ одна другой: въ нихъ разказана та долгая, томительная борьба, которою сопровождалось паденіе минской династіи, смѣненной манджурскою. Съ одной стороны дикое, постоянно возрастающее могущество, не чуждающееся впрочемъ въ борьбѣ со врагомъ хитрыхъ и лукавыхъ средствъ; съ другой — полная внутренняя слабость, совершенное распаденіе всѣхъ нравственныхъ узъ, связывавшихъ минскую династію со странюю. Главное управленіе сосредоточено въ рукахъ чиновниковъ-евнуховъ, выставляющихъ предъ падающимъ богдыханомъ въ ложномъ свѣтѣ печальное состояніе его дѣлъ. Въ минуты самой крайней опасности они интригуютъ противъ способныхъ военачальниковъ, удаляютъ ихъ отъ арміи и допускаютъ опять къ дѣламъ только по прошествіи видимой опасности. Когда же снова представляется дѣйствительная необходимость въ нихъ, тогда назначаются люди, засвидѣтельствовавшіе свои воинскія дарованія щедростію къ советникамъ богдыхана и злоупотребленіями въ администраціи. Къ этому присоединяются безпрестанныя возмущенія во внутреннихъ и южныхъ провинціяхъ, именно тѣхъ, куда еще не проникъ непріятель:

возмущенія эти обыкновенно вызваны несправедливостью областных правителей, грабежем чиновниковъ, притѣсненіемъ торговаго класса. А дворъ богдыханскій занимается въ это время самыми ничтожными дѣлами; предается разсужденіямъ о томъ, какія награды должно назначить военачальникамъ за предстоящія побѣды. Наконецъ, въ послѣдніе годы существованія минской династіи обнаруживаются измѣны; въ числѣ измѣнившихъ богдыхану поцадаются имена его прежнихъ совѣтниковъ-евнуховъ. И несмотря на то, борьба эта длится чуть ли не тридцать лѣтъ. Весь переворотъ разрѣшился страшною катастрофой. Видя безнадежное положеніе свое, оставленный евнухами, получивъ извѣстіе, что непріятель занялъ уже внѣшнюю часть столицы и приступаетъ ко внутренней, богдыханъ приказалъ подать вина, и виѣсть съ императрицей Чжэу-хоу и второстепенною, любимѣйшею женою Юань-фэй, выпилъ по нѣскольку золотыхъ чарокъ; освободившись немного отъ внутренней горести и сдѣлавшись рѣшительнѣе, государь со вздохомъ сказалъ: «жалко народа», приказалъ трехъ сыновей своихъ отнести въ домы родственниковъ по женской линіи; потомъ, обратившись къ императрицѣ, сказалъ: «великое дѣло кончено», — и всѣ виѣсть заплакали. Прислуга послѣдовала ихъ примѣру. Государь приказалъ имъ удавиться, внушивъ, чтобы сами помышляли о себѣ. Тогда императрица, склонивъ голову, отвѣчала: «Восемнадцать лѣтъ живу я съ тобою, ни одного разу ты не слѣдовалъ моему совѣту, и вотъ мы дожили до настоящаго дня», — за тѣмъ обняла наслѣдника и двухъ князей съ невыразимою горестію, повторила это въ другой и третій разъ и отослала ихъ, — сама отправилась во дворецъ Кунь-нинъ-гунъ и тамъ повѣсилась. Государь, проходя мимо дворца, увидѣлъ это зрѣлище и сказалъ: «Хорошо, хорошо», за тѣмъ призвалъ старшую княжну, достигшую тогда пятнадцати-лѣтняго возраста; княжна пришла, обливаясь горькими слезами. Государь съ сокрушеніемъ сказалъ: «Зачѣмъ ты родилась въ моемъ домѣ?» закрылъ себѣ глаза рукавомъ лѣвой руки, а правою извлекъ мечъ и нанесъ ей ударъ; — княжна хотѣла защищаться рукою, ударъ нанесенъ былъ въ лѣвое плечо, и рука отвалилась; несчастная упала безъ чувствъ на землю; кровь текла потокомъ; но у государя опустилась рука, и онъ не въ состояніи былъ далѣе дѣйствовать мечемъ. По дворцу вдругъ пронеслась молва объ этомъ, и нѣкоторые закричали: «государь поднялъ мечъ». Отсюда государь направился во дворецъ Си-гунъ и приказалъ любимой женѣ Юань-фэй самой наложить на себя руки; она не задумалась и тотчасъ повѣсилась, но веревка оборвалась, и несчастная упала на землю; вскорѣ она опять пришла въ чувство; государь мечемъ нанесъ ей три удара. За тѣмъ призваны были остальные жены и наложницы, государь всѣхъ ихъ предалъ смерти собственнымъ мечемъ, и въ то же время послалъ сказать императрицѣ-матери, чтобы она поторо-

шлаась умереть. Въ этомъ же родѣ сцены происходили и въ самомъ городѣ. Истребивъ семью свою, послѣдній богдыханъ изъ минской династїи думалъ спастись бѣгствомъ; но это ему не удалось, между прочимъ и потому, что ворота, оставшіяся свободными, были заперты ихъ охранителемъ, уѣхавшимъ куда-то за городъ на пирушку. И съ 1644 года на престолѣ китайскомъ сидятъ богдыханы изъ мандчурскаго дома.

Не менѣе интересны статьи, касающіяся исторїи религіозныхъ вѣрованій въ Китаѣ. Сюда относятся: *Жизнеописаніе Будды* (архим. Паладія), *Историческій очеркъ древняго буддизма* (его же), *Объѣты буддистовъ и обрядъ возложенія ихъ у Китайцевъ* (архим. Гурія), *О христіанствѣ въ Китаѣ* (іеромонаха П. Цвѣткова), *Несторїанскій памятникъ VII вѣка* (его же), *О сектѣ даосовъ* (его же). Сюда же можно причислить статью «*Домашніе обряды Китайцевъ*»: обрядъ надѣванія шапки на юношей, обрядъ украшенія дѣвицъ женскимъ головнымъ уборомъ (иглой), обряды брачныя, церемонїя погребенія умершихъ, и т. п.

Всѣ остальные статьи (числомъ до 15) касаются экономического и хозяйственнаго быта Китайцевъ. Первое мѣсто между ними занимаютъ: *Историческое обозрѣніе народонаселенія Китая* (И. Захарова) и *Поземельная собственность въ Китаѣ* (его же). Наконецъ есть любопытныя замѣтки о Хонконгѣ І. Гошкевича, бывшаго тамъ въ плѣну и заглянушаго въ отдѣленіе Лондонскаго Азіатскаго Общества, находящееся въ этомъ городѣ. По поводу своего посѣщенія, авторъ говоритъ: «Президентъ общества, сэръ-Джонъ Боурингъ, бывший недавно въ Россіи, выразилъ нѣкогда мнѣніе, будто «россійское правительство такъ завидливо, что никогда не было примѣра, чтобы посланъ былъ въ пекинскую миссію хоть одинъ человекъ, который бы могъ объясняться на другомъ языкѣ, кромѣ своего роднаго русскаго, и это именно съ тою цѣлю, чтобы предотвратить возможность сообщенія въ Европу свѣдѣній, приобретенныхъ въ Пекинѣ». Теперь одинъ изъ членовъ Общества, г. Шортредъ, предложилъ исправить это мнѣніе и указалъ на меня, какъ бывшаго въ миссіи и могущаго дать положительныя свѣдѣнія. Я отвѣчалъ, что россійское правительство никогда не имѣло въ виду подобной мысли; оно, напротивъ, само даже старается распространять свѣдѣнія, полученныя изъ Пекина; что прежде выбирались въ миссію большею частію студенты семинарій, гдѣ хотя преподавались и другіе языки, но господствующимъ былъ латинскій; въ послѣднее же время стали посылать туда изъ духовныхъ академій и университетовъ—высшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ каждый приобретаетъ основательное знаніе нѣсколькихъ европейскихъ языковъ. Что же касается до мнѣнія г. президента, то очень возможно, что вскорѣ по возвращеніи изъ Пекина, видѣнные имъ члены

миссiи не въ состоянiи были свободно объясняться на европейскѣхъ языкахъ, просто потому, что не имѣли практики въ теченiи десяти лѣтъ, хотя каждый изъ нихъ читаетъ и вѣроятно даже пишетъ на какомъ-нибудь изъ европейскихъ языковъ. Сэръ-Джонъ Боурингъ выразился, что «со времени посѣщенiя имъ Россiи, безъ сомнѣнiя многое измѣнилось въ ней».

Н. Поповъ.

Руководство къ лѣсоводству, составленное подполковникомъ Арнольдомъ. Изданiе второе, С.-Петербургъ, 1856, въ типографiи Трея.

Курсъ дрововодства Дю-Брейля, переводъ съ французскаго, 2 тома, Спб. 1852, издан. учен. комит. министерства государственныхъ имуществъ.

Путешествiе Александра фонъ-Гумбольдта по Россiи, составленное господиномъ Клетке (A. von Humboldt's Reisen im Europäisichen und Asiatischen Russland. 2 Vde. Berlin 1856).

Все, что касается сельскаго хозяйства, безъ сомнѣнiя должно близко лежать къ сердцу Русскаго, а потому думаемъ, что въ книгахъ Арнольда и Дю-Брейля будутъ искать себѣ совѣтовъ и наученiя не только владѣльцы или управляющiе лѣсами, но также и жители степной полосы государства. Последнiе можетъ-быть еще скорѣе первыхъ обратятся къ названнымъ книгамъ, потому что ихъ понуждаетъ къ этому недостатокъ дровъ, строительнаго и подлѣчнаго матерiала. Для жителей лѣсной части Россiи нужно особенно руководство къ *правильному пользованiю* лѣсами, для степныхъ же жителей къ *лѣсоразведенiю*. Книги гг. Арнольда и Дю-Брейля выполняютъ оба эти требованiя: первая содержитъ весьма хорошее и полное руководство къ лѣсному хозяйству, то-есть изложенiе правильной рубки лѣсовъ, ихъ таксацiи, устройства и управленiя. Остальная часть сочиненiя г. Арнольда весьма коротка и слаба. Книга Дю-Брейля, напротивъ того, заключаетъ въ себѣ не только правила пользованiя лѣсами, изложенныя съ меньшею полнотою, нежели у Арнольда, но главнѣйше способы разведенiя и ухода какъ за лѣсными, такъ и за садовыми деревьями. Господинъ Арнольдъ, какъ видно, писалъ болѣе всего для лѣсничихъ, и частiю для владѣльцевъ лѣсныхъ губернiй; онъ не описываетъ даже древесныхъ породъ нашихъ и только перечисляетъ въ своемъ введенiи главнѣйшiя изъ нихъ, съ краткими замѣчанiями!

Для лѣсныхъ жителей, вовсе не нуждающихся въ искусственномъ разведенiи лѣсовъ, статья г. Арнольда объ этомъ предметѣ вовсе не нужна. Для жителей же безлѣсныхъ частей государства, статья эта

через-чуръ коротка и совершенно не пригодна. И точно: какъ разводить какое-либо растеніе, не узнавъ по крайней мѣрѣ какъ его зовутъ и что ему нужно? А г. Арнольдъ не выказываетъ на то даже претензій. Статья о сохраненіи лѣсовъ у почтеннаго подполковника тоже весьма слаба; мы замѣтили въ ней даже нѣкоторыя наивности, такъ напримѣръ, говоря о предупрежденіи пожаровъ, онъ совѣтуетъ не дозволить разведенія огня въ лѣсахъ, а если ужъ безъ этого обойтись невозможно, то увѣщаетъ тушить *водою* или *землею* (стр. 64).

Говоря объ истребленіи вредныхъ животныхъ, г. Арнольдъ называетъ только нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ насѣкомыхъ, сюда отвосающихся и притомъ называетъ варварскими именами, какъ напримѣръ: *восьми-зубчатый еловый короѣдъ*, чѣмъ и ограничивается (стр. 68). Такъ какъ, несмотря на латинское названіе, тутъ же приложенное, весьма немногіе отгадаютъ, что за звѣрь восьми-зубчатый еловый короѣдъ, или напримѣръ совиноголовка, то полагаемъ, что и эта статья въ книгѣ г. Арнольда совершенно излишняя, тѣмъ болѣе, что, по совѣту его, истреблять этихъ насѣкомыхъ можно, между прочимъ собирая и просто умерщвляя ихъ (стр. 69). Итакъ, намъ кжется, что «Руководство къ лѣсоводству» вѣрнѣе могло бы назваться *руководствомъ къ правильному пользованію лѣсами*. Въ этомъ-то отношеніи книга, о которой идетъ рѣчь, вѣроятно и заслужила втораго изданія, а также и потому, что служила учебникомъ. Г. Арнольдъ не обратилъ вниманія на то, что въ Европейской Россіи несравненно болѣе безлѣсныхъ, нежели лѣсныхъ губерній, и что потребность искусственнаго лѣсоразведенія съ каждымъ годомъ у насъ возрастаетъ. Замѣтимъ притомъ, что искусственное разведеніе лѣсовъ само по себѣ сложнѣе устройства и управленія уже существующихъ лѣсовъ. Впрочемъ, на это могутъ намъ справедливо возразить, что авторъ воленъ въ своемъ предметѣ, и мы все-таки должны быть весьма благодарны за ясное и полное изложеніе правилъ пользованія лѣсами, составленное г. Арнольдомъ.

Сочиненіе Дю-Брейля, хотя и написано Французомъ, какъ нельзя болѣе удовлетворяетъ потребностямъ русскихъ хозяевъ вообще. Это сочиненіе содержитъ подробное описаніе и рисунки всѣхъ хорошихъ лѣсныхъ и плодовыхъ деревьевъ, съ означеніемъ образа ихъ жизни, пользы изъ нихъ извлекаемой и свойственной каждому изъ нихъ обработки. Особенно подробно у Дю-Брейля описаніе садовыхъ деревьевъ. Нечего пѣнять на описаніе нѣжныхъ плодовыхъ деревьевъ, какъ бы не подходящихъ къ нашему суровому климату: у насъ есть Кавказское намѣстничество и Астраханская губернія съ Новороссійскимъ краемъ и Крымомъ, далеко превосходящія обширностію Францію и весьма близкіе съ нею по климату. Съ этой точки зрѣнія каждая статья въ книгѣ Дю-Брейля найдетъ свое примѣненіе въ Россіи, кромѣ, впрочемъ, ботанической части, отъ которой, по на-

шему мнѣнію, нужно совершенно отступиться. Дю-Брейль оказы-
вается въ ней отставшимъ отъ науки по крайней мѣрѣ на 50 лѣтъ.

Онъ до сихъ поръ полагаетъ, что *нѣкоторые физиологи* сомнѣ-
ваются въ дѣйствительномъ существованіи оплодотворенія растений,
и въ доказательство тому разказываетъ много забавныхъ, но старыхъ
анекдотовъ. Самая форма оплодотворенія растений, занимающая въ
последніе 25 лѣтъ первѣйшихъ ученыхъ, ему вовсе неизвѣстна, и
все въ этомъ родѣ. Къ нашему успокоенію въ настоящемъ служить
то, что ботаника еще не достигла той степени совершенства, при ко-
торой наука приноситъ практическую пользу; а потому Дю-Брейль,
будучи плохимъ ботаникомъ, все-таки остается ученымъ и практи-
чески образованнымъ древоводомъ.

Обращаемся теперь къ *Путешествію* Александра фонъ-Гумбольдта.

Прежде всего смѣшимъ предувѣдомить читателей, что это сочи-
ніе г. Клетке, а не Гумбольдта; въ обоихъ томахъ нѣтъ ни одной
страницы Гумбольдтова пера, за исключеніемъ тѣхъ, которыя Клетке
выбралъ изъ прежнихъ сочиненій знаменитаго путешественника.

Повидимому сочинитель имѣлъ въ рукахъ дневникъ путешественія
Александра Гумбольдта, который послужилъ канвою для его книги,
составленной съ помощію уже изданныхъ сочиненій самого Гум-
больдта (и въ особенности его *Asie Centrale*), также какъ твореній
Густава Розе, Эренберга, Ганстена, Оммеръ-де-Геля, даже Паласа,
русскихъ журналовъ и проч. Можно сказать, что эта книга не есть
путешествіе Гумбольдта, а скорѣе описаніе тѣхъ мѣстъ въ Россіи,
гдѣ былъ Александръ Гумбольдтъ. Такъ какъ онъ останавливался
больше всего на Уралѣ, въ Алтайѣ и въ Астраханскихъ степяхъ, то эти
части Россіи и описаны несравненно подробнѣ остальныхъ. Всего
обстоятельнѣ описаны минеральныя богатства и заводы Уральскихъ
и Алтайскихъ горъ.

Гумбольдтъ совершилъ свое путешествіе въ восемь съ половиною
мѣсяцевъ. Выѣхавъ изъ Берлина 12 апрѣля 1829 года, онъ возвра-
тился 28 декабря того же года. Путь его лѣжалъ изъ Берлина чрезъ
Кёнигсбергъ и Ревель въ С.-Петербургъ. Отсюда путешественники
двинулись на Москву, Нижній, Казань и Екатеринбургъ, смотрѣли
уральскіе заводы, переѣхали до Тобольска, оттуда осмотрѣли Алтай-
скій край и пустились въ обратный путь чрезъ Омскъ, южный Уралъ,
на Саратовъ; оттуда въ Астрахань, гдѣ пробыли нѣкоторое время, и
за тѣмъ предприняли окончательное обратное путешествіе чрезъ Во-
ронезжъ и Тулу въ Москву, С.-Петербургъ и наконецъ въ Берлинъ.
Свѣдѣнія, сообщенныя г-мъ Клетке о Россіи, подробны и вѣрны, но
устарѣли. Русскому нечего искать поученія въ этой книгѣ, весь-
ма впрочемъ пригодной для Нѣмца и вообще для иностранцевъ.
Интереснѣ другихъ показались намъ въ сочиненіи Клетке тѣ мѣста,

гдѣ говорится о личности самого Гумбольдта, и о томъ уваженіи, которое повсюду сопровождало величайшаго ученаго нашего вѣка.

Между прочимъ, намъ было особенно пріятно прочесть въ книгѣ г. Клетке эпизодъ встрѣчи Гумбольдта въ Астрахани. Путешественники вышли на астраханскій берегъ съ парохода, который былъ высланъ генералъ-губернаторомъ, въ половинѣ октября, нарочно для перевозки ихъ чрезъ Волгу. Вскорѣ по прибытіи ихъ, въ одно утро, къ знаменитому путешественнику явились представители всего астраханскаго народонаселенія. Сначала показался градской глава, въ сопровожденіи главныхъ купцовъ; онъ держалъ въ рукахъ большое блюдо, наполненное виноградомъ, яблоками, сливами и грушами; тутъ же поднесены Гумбольдту хлѣбъ и соль. За тѣмъ слѣдовало дворянство, офицеры гарнизона, представители Армянъ, Татаръ, Индусовъ, Персіянъ, Бухарцевъ и Туркменцевъ. Разнообразіе лицъ и костюмовъ, не мало поразило путешественниковъ, и радостны должны были быть чувства того, кто заслужилъ столь радушный и почетный пріемъ въ такомъ отдаленномъ уголкѣ земли, и заслужилъ однимъ только мирнымъ служеніемъ наукѣ и человѣчеству!

Черезъ нѣсколько недѣль по отъѣздѣ Гумбольдта изъ Астрахани, Гавстенъ, бывшій въ то время при немъ, но не послѣдовавшій за нимъ въ Берлинъ, получилъ слѣдующее веледѣрѣчивое сочиненіе для передачи Гумбольдту, отъ имени Мирзы-Абдаллы, бывшаго шахскаго вазира, но тогда занимавшаго скромную должность учителя гимназіи:

«Достопочтеннѣйшій ага, источникъ благороднѣйшихъ качествъ и всякихъ совершенствъ, сокровищница драгоцѣнныхъ перловъ мудрости и учености! Хотя нижайшій рабъ вашъ не въ силахъ выразить словами всей радости и ликования сердець нашихъ, когда на горизонтѣ Астрахани увидѣли мы восходящее свѣтло вашего всеосвѣщающаго присутствія, отъ котораго исходить всякое добро и благолѣпіе; но воспоминаніе о счастіи, которое милостивая судьба доставила намъ нынѣ, дозволивъ какъ пылинкамъ въ лучѣ солнечномъ вращаться въ сіяющей близости одного изъ ученѣйшихъ мужей сего міра, новаго Платона нашего времени — и наслаждаться честью лично видѣть лучезарное лицо вашего превосходительства — это воспоминаніе, достоочтеннѣйшій ага, никогда не потухнетъ и не сотрется со стѣнъ сердца вашего нижайшаго слуги»

А. Бекетовъ.

АРХЕОЛОГІЯ И НОВѢЙШЕЕ ИСКУССТВО.

Великолѣпное изданіе средневѣковыхъ памятниковъ искусства Австрійской имперіи.—Когда знаменитый французскій архіепископъ и проповѣдникъ, воспитатель внуковъ Лудовика XIV, Фенелонъ, былъ принятъ въ члены Французской Академіи, онъ произнесъ вступительную рѣчь, въ которой порицалъ, въ весьма строгихъ выраженіяхъ, средневѣковую архитектуру и въ особенности

одинъ изъ лучшихъ перловъ этого искусства—знаменитый соборъ въ Шартрѣ. Другой славный французскій проповѣдникъ, Флѣри, въ свою очередь сказалъ о ней, что это — архитектура «въ самомъ дѣлѣ странно-причудливая и недостойная никакого особаго уваженія». Судя по дальнѣйшимъ словамъ его, можно вывести заключеніе, что тѣ изъ его современниковъ, которые считали себя одаренными тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, не вступали ногою въ готическіе храмы. Такія сужденія лучшихъ умовъ XVII-го вѣка не должны нисколько насъ удивлять: со времени такъ-называемаго возрожденія наукъ и искусствъ въ XVI столѣтіи, когда любовь къ классической древности и ея произведеніямъ была перенесена изъ Италіи во Францію, Германію и остальную Европу, созданія искусства всего періода среднихъ вѣковъ отъ IV-го до XV-го вѣка—считались произведеніями грубыми и варварскими. Атеистическое невѣжество безмысленной толпы, господствовавшей во время французской революціи, истребило безчисленное число драгоценныхъ средневѣковыхъ произведеній. Почти не менѣе губительно было для нихъ господство ложно-классическаго вкуса, владѣвшего въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Еще за нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ глубочайшихъ знатоковъ древности, считавшій себя оракуломъ въ дѣлѣ архитектуры, Катрмеръ-де-Кенси, называлъ средневѣковую архитектуру «нестройною смѣсью, составленною изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, собранныхъ воедино невѣжественною и беспорядочною фантазією». Объ историческомъ развитіи художественныхъ формъ тогда еще не имѣли никакого понятія; не предчувствовали, что въ основаніи средневѣковыхъ художественныхъ произведеній лежатъ такіе же строгіе эстетическіе законы, какъ и въ классическомъ искусствѣ. Когда, въ началѣ нынѣшняго вѣка, противъ господства ложно-классическаго вкуса не только въ искусствѣ, но и въ литературѣ, произошла благотѣльная реакція, то лучшіе ученые нашего времени начали описывать, объяснять, классифицировать хронологически не только произведенія архитектуры, скульптуры и живописи, но даже и ремеслъ среднихъ вѣковъ. На ряду съ классическими музеями возникли вездѣ собранія произведеній средневѣковыхъ искусствъ. Ученые обратили вниманіе просвѣщенныхъ правительствъ на необходимость возстановить приходившіе въ ветхость памятники и строго запретить ихъ произвольное разрушеніе. Вездѣ назначены были съ этою цѣлью коммисіи и хранители средневѣковыхъ древностей. Учреждены были ученые конгрессы для археологическихъ обществъ, возникшихъ вездѣ во множествѣ. Мѣстный патріотизмъ нашелъ въ объясненіи важности своихъ мѣстныхъ памятниковъ обильный матеріалъ для своихъ изысканій; новые журналы, органы средневѣковаго искусства, начали знакомить съ открытіями и результатами науки образованную публику. Нельзя не радоваться этой блистательной зарѣ науки о средневѣко-

вошь искусствѣ, этимъ великолѣпнымъ изданіямъ, обнимающимъ всю область ея, начиная отъ фресокъ въ мрачныхъ катакомбахъ Рима, до монографій соборовъ Шартрскаго, Нойонскаго и церкви въ Бру. Не должно однако думать, чтобы изученіе среднихъ вѣковъ оставалось совершенно забытымъ въ ту грустную эпоху, о которой мы говорили выше. Напротивъ, неутомимые бенедиктинскіе монахи, оставившіе намъ огромныя сочиненія съ гравюрами, прочли и истолковали всѣ хартии и законы среднихъ вѣковъ, объяснили ихъ палеографію, обычаи, гербы и монеты. Только въ одномъ дѣлѣ оказался въ ихъ знаніи огромный пробѣлъ: памятники архитектуры, скульптуры и живописи, которыхъ формы говорятъ для насъ живымъ языкомъ, остались для нихъ нѣмы. Для нихъ камень былъ камнемъ, а не выраженіемъ идеи. Монкоконы и Мабильоны путешествовали, но взоры ихъ не были поражены разнообразіемъ языка формъ. Изданныя ими гравюры, въ которыхъ произведенія XIII столѣтія приписаны временамъ Меровинговъ, грубо и невѣрно передаютъ извѣстные намъ предметы. Неточность всѣхъ рисунковъ, изданныхъ отъ XVI до конца XVIII вѣка, есть потеря, невознаградимая для археологіи, потому что въ эти времена, вслѣдствіе причинъ, названныхъ выше (къ которымъ можно присоединить еще религіозный фанатизмъ протестантовъ), существовало въ десятеро болѣе памятниковъ средневѣковаго искусства, чѣмъ въ наши дни. Умѣнье передавать характеристически въ рисунокъ художественный стиль памятника есть исключительное наше приобрѣтеніе. Живописецъ Каррей, срисовывавшій въ XVII столѣтіи статую Паренона, умѣлъ же придать произведеніямъ школы Фидіаса—фламандскій характеръ!

Германія, одна изъ первыхъ посвятившая себя изученію среднихъ вѣковъ, начала это изученіе подробнымъ описаніемъ памятниковъ средневѣковаго искусства. Нынѣ предметъ этотъ имѣетъ весьма обширную литературу. Не только отдѣльнымъ соборамъ или церквямъ, но цѣлымъ городамъ, мѣстностямъ и провинціямъ посвящены монографіи, украшенныя отчетливыми, а иногда и превосходными изображеніями. Такъ одинъ изъ основателей средневѣковой археологіи въ Германіи, Сульпицъ Буассере, описалъ въ великолѣпномъ изданіи знаменитый Кельнскій соборъ — лучшее произведеніе готической архитектуры въ Германіи; другіе ученые описали памятники цѣлыхъ провинцій, напримѣръ Куглеръ — Померанію, Любке — Вестфалію, Путтрихъ — Саксонію, Гейделовъ — Швабію и т. д. Тѣмъ не менѣе, на этомъ пространномъ полѣ еще много необработанныхъ полей. Памятники обширной Австрійской монархіи оставались до этого времени неизслѣдованными съ новѣйшей точки зрѣнія науки: нынѣ предпринято великолѣпное изданіе подъ заглавіемъ: «Mittelalterliche Baudenkmale des Oesterreichischen Kaiserstaates, herausgegeben von Dr. Gustav Heider, Prof. Rud. v. Eitelberger u. Architekten J. Hieser

(Stuttgart, Ebner und Seubert), и посвященное нынѣшнему императору австрійскому, имѣетъ цѣлью пополнить весьма важный пробѣлъ въ средневѣковой археологіи. Не только въ политическомъ, но и въ археологическомъ мірѣ, Австрійская имперія занимаетъ весьма многозначительное мѣсто: это центральная область, въ которой сталкиваются различныя цивилизаціи и народности, западная и восточная, Нѣмцы и Славяне, Мадьяры и Итальянцы. Само собою разумѣется, что эти разнородные элементы во многихъ мѣстахъ высказываются съ рѣзкою физиогноміею, въ другихъ — формы принимаютъ переходный характеръ. Изученіе памятниковъ, созданныхъ тѣми различными народами въ разныя эпохи, не только любопытно, но и поучительно: оно познакомитъ насъ съ великими народными движеніями, тутъ бывшими въ отдаленныя времена, и прольетъ новый свѣтъ на исторію просвѣщенія въ мало изслѣдованныхъ и отдаленныхъ провинціяхъ Австрійской имперіи. Мы познакомимся съ богатою художественною исторіею собственной Австріи, Богеміи и Моравіи, Венгріи, Штирии, Тироля, Истріи и побережьевъ Адриатическаго моря. Издатели необыкновенно совѣстливо исполняютъ начатое предпріятіе: историки, спеціально знакомые съ мѣстною исторіею своей провинціи, пишутъ историческія введенія; археологамъ и архитекторамъ поручена художественная часть изданія. Вышедшіе до нынѣ три выпуска отвѣчаютъ самымъ строгимъ требованіямъ науки, и нельзя не указать на гравюры и полиטיפажи, украшающіе это изданіе, какъ на образцы для подбнаго рода предпріятій.

Художественныя журналы и газеты, нынѣ выходящія въ Германіи, Франціи и Англии. — При подобной, вездѣ въ западной Европѣ распространенной любви къ искусству и наукѣ о немъ, любопытно бросить взглядъ на лучшія періодическія изданія, посвященные этому предмету и въ значительномъ числѣ выходящія въ названныхъ странахъ. Самое число и разнообразіе ихъ доказываютъ, что они появляются въ свѣтъ вслѣдствіе того, что составляютъ одну изъ ежедневныхъ умственныхъ потребностей, которыя ищутъ точно такъ же ежедневнаго удовлетворенія, какъ и прочія жизненныя потребности. Начнемъ съ Германіи. Классическому искусству и археологіи посвящена «die Archäologische Zeitung», которую съ 1843 г. издаетъ въ Берлинѣ извѣстный ученый, профессоръ и одинъ изъ директоровъ Археологическаго института въ Римѣ, Гергардъ. Направленіе этой газеты чисто-ученое. Средневѣковому искусству посвящены два журнала. «Zeitschrift für christliche Archäologie und Kunst», издается съ 1856 г. Отте, авторомъ весьма уважаемаго «Учебника средневѣковаго искусства въ Германіи» и фонъ-Квастомъ, консерваторомъ памятниковъ въ Прусскомъ королевствѣ и авторомъ превосходнаго сочиненія о древне-христіанскихъ памятникахъ города Равенны. Этотъ журналъ, выходящій тетрадами, — такое же образцовое изданіе, какъ

и предыдущій. Хотя издателя и сотрудники его протестанты, но они питаютъ къ католическимъ среднимъ вѣкамъ сознательную и нелицемерную любовь. Особенно превосходны архитектурныя статьи новаго журнала; не менѣе любопытны изслѣдованія Ваагена о византийской живописи и Пассавана о памятникахъ родственныхъ намъ славянскихъ земель, Морави и Богемии. Многочисленные рисунки, украшающіе каждую тетрадь, превосходно исполнены на стали. Другая газета: «*Organ für christliche Kunst*», издаваемая съ 1851 г. въ Кельвѣ живописцемъ Бодри, смотритъ на искусство съ ультракатолической точки зрѣнія. Она признаетъ идеаломъ искусство для всѣхъ будущихъ временъ созданія среднихъ вѣковъ, и кромѣ ихъ юртъ не допускаетъ дальнѣйшаго развитія въ искусствѣ. Искусству вообще, художественнымъ ремесламъ и интересамъ художественныхъ обществъ посвящена еженедѣльная газета: «*Deutsches Kunstblatt*», издаваемая съ 1850 г. въ Берлинѣ докторомъ Эггерсомъ. Въ ней принимаютъ дѣятельное участіе лучшіе археологи Германіи: Ферстеръ, Пассаванъ, Ваагенъ, Куглеръ. Почти исключительно занята корреспонденціею объ искусствѣ и художникахъ нашихъ дней газета: «*Die Dioskuren*», съ прошлаго года издаваемая въ Берлинѣ докторомъ Шаслеромъ. Кромѣ того, въ Берлинѣ и Вѣнѣ выходятъ два архитектурные журналы, изъ которыхъ берлинскій содержитъ много превосходныхъ статей ученаго содержанія. Замѣчательнѣйшіе художественные журналы, выходящіе во Франціи, суть: «*Bulletin archéologique*», издававшійся ежемѣсячно съ 1855 г. при газетѣ «*l'Athenaeum français*». Нынѣ, по прекращеніи Атенеума (который какъ извѣстно слился съ *Revue Contemporaine*), онъ издается отдѣльно подъ редакціею одного изъ консерваторовъ Луврскаго Музея въ Парижѣ, извѣстнаго ученаго Лонперрье. Онъ преслѣдуетъ то же самое направленіе, какъ и газета Гергарда, хотя даетъ болѣе мѣста искусству древне-восточныхъ народовъ. Къ послѣднему относятся превосходныя изслѣдованія Мариетта объ открытомъ имъ храмѣ Сераписа близъ Мемфиса въ Египтѣ. Исключительно средневѣковому искусству посвящены: «*Annales archéologiques*», издаваемая съ 1844 года однимъ изъ ученѣйшихъ людей Франціи, Дидрономъ. Воззрѣніе этого журнала чисто-католическое: Дидронъ не только безусловный поклонникъ средневѣковаго искусства, но и исключительно искусства XIII столѣтія во Франціи. Онъ ненавидитъ искусство временъ возрожденія. Въ превосходныхъ и ученыхъ статьяхъ его журнала часто господствуетъ чрезвычайно рѣзкій полемическій тонъ, одностороннее направленіе и духъ партіи; тѣмъ не менѣе энергическій издатель оказалъ много услугъ сохраненію памятниковъ и распространенію любви къ средневѣковому искусству во Франціи. «*Revue archéologique*» началъ въ 1844 г. издавать знаменитый Летроннъ; вскорѣ послѣ смерти его этотъ ежемѣсячный журналъ оставилъ клас-

сическое искусство и посвятилъ себя преимущественно средневѣковому. Онъ имѣетъ много отличныхъ сотрудниковъ и достоинъ похвалы за безпристрастіе, приличное ученымъ разысканіямъ. «Revue universelle des Arts», ежемѣсячное обозрѣніе, издаваемое съ 1855 г. подъ именемъ Библиофила Жакоба разными бельгійскими учеными, содержитъ хорошія статьи о древне-фламандскомъ искусствѣ. Критика новѣйшихъ произведеній очень не зрѣла.—Журналъ «l'Artiste», уже съ издавна выходящій въ Парижѣ и часто мѣняющій свою редакцію, больше замѣчательнъ хорошевыми гравюрами и литографіями съ новѣйшихъ произведеній французскихъ художниковъ. Литературная часть его почти ничтожна съ научной точки зрѣнія.—Изъ англійскихъ журналовъ намъ извѣстенъ только одинъ «Art-Journal» тоже замѣчательный болѣе своими гравюрами на стали, нежели статьями, имѣющими какой-то практической и специально-англійскій характеръ. О чисто-мѣстныхъ, небольшихъ журналахъ по этому предмету мы умалчиваемъ.

К. ГѢРЦЪ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

По окончаніи восточной войны, дѣла европейскія, какъ извѣстно, нѣсколько времени не могли прійти въ прежнее нормальное положеніе. По минованіи грозы, въ политическомъ мірѣ не вдругъ наступаетъ ясная погода. Уже послѣ заключенія парижскаго мира, мы были свидѣтелями дипломатической борьбы за пограничную черту между Бессарабією и Молдавією и за вопросъ о соединеніи Дунайскихъ княжествъ; Греція, долгое время занятая англо-французскими войсками, была предметомъ другаго вопроса, который только въ последнее время разрѣшенъ отозваніемъ этихъ войскъ въ Англію и во Францію; Италия, волнуемая затаеннымъ и глубокимъ неудовольствіемъ, возбудила вниманіе кабинетовъ и дипломатическое ихъ посредничество. Наконецъ, почти одновременно съ этими вопросами, былъ поднятъ вопросъ нешпательскій.

Нашимъ читателямъ извѣстно, какъ разрѣшились спорные пункты по исполненію парижскаго трактата; но одинъ изъ нихъ, быть-можетъ самый трудный, остается въ полной силѣ: мы разумѣемъ вопросъ о соединеніи Дунайскихъ княжествъ. Къ этому вопросу, столь тѣсно связанному съ судьбами Востока, обращены теперь уся-

ди дипломатіи. Извѣстно, что парижскій трактатъ подтвердилъ всѣ права и привилегіи, которыми пользовались Дунайскія княжества: они должны сохранить свою армию, независимое управленіе при верховныхъ правахъ Порты; въ то же время положено подвергнуть пересмотру органическіе статуты обѣихъ провинцій. Назначена была коммиссія, которой поручено изучить дѣйствительное положеніе дѣлъ въ княжествахъ и приготовить, отъ имени Европы, проектъ новаго устройства. Въ Молдавіи и Валахіи положено созвать диваны, чтобы народонаселеніе, черезъ посредство ихъ, могло свободно выразить свои желанія и нужды. Еще прошлымъ лѣтомъ Порты, желая ускорить исполненіе трактата, сѣѣшила составить фирманъ о созваніи дивановъ и разослать циркуляры, въ которыхъ заранѣе отвергала мысли о соединеніи княжествъ. Порты забыла, что одной не ей одной принадлежитъ разрѣшеніе этого вопроса, что оно перешло къ Европѣ, и что существуетъ нарочно для того назначенная коммиссія. Эти попытки Порты возбудили сильное неудовольствіе, подѣ тяжестію котораго пало министерство Али-паши, тогдашняго великаго визиря. Результатомъ его паденія были новыя распоряженія, установленныя на международныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ Константинополѣ.

Въ настоящее время можно сравнить оба фирмана: прежній и новый. Существенное различіе между ними заключается въ слѣдующихъ пунктахъ. Впервые, въ прежнемъ фирманѣ, предоставлявшемъ митрополиту и епископамъ право засѣдать въ диванѣ, а администраторамъ церковныхъ имѣній, какъ и простымъ священникамъ, право избрать троихъ представителей, было упущено изъ виду, что въ Молдавіи и Валахіи два рода монастырей: одни зависятъ отъ греческихъ патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго, или отъ святой Аѳонской горы, другіе принадлежатъ духовенству Молдавіи и Валахіи. Послѣдніе платятъ подать, часть своихъ доходовъ, а первыя свободны отъ податей. Диванамъ предоставлено рѣшеніе вопроса о томъ, слѣдуетъ ли взимать подать съ этихъ монастырей, и потому послѣдніе должны имѣть своихъ представителей. Въ новомъ фирманѣ восстановлено различіе между упомянутыми двумя классами монастырей. Другое затрудненіе представилось относительно депутатовъ отъ простыхъ священниковъ.—Предстояло выбрать одно изъ двухъ: или предоставить епископамъ назначеніе депутатовъ низшаго духовенства, или устроить правильные выборы; новый фирманъ предпочелъ одно средній нуть, постановивъ, что наиболѣе способные священники, живущіе въ епархіальныхъ городахъ, изберутъ по одному депутату на епархію. Такимъ образомъ, въ Валахіи духовенство будетъ имѣть представителей въ лицѣ одного митрополита, троихъ епископовъ, четверыхъ депутатовъ отъ монастырей обоихъ классовъ, и четверыхъ депутатовъ отъ низшаго духовенства. Молдавское духо-

венство будетъ имѣть не болѣе десяти депутатовъ, ибо въ Молдавіи только три епархіи.

Способъ избранія бояровъ представлялъ еще болѣе затрудненій. Прежній фирманъ далъ исключительное положеніе боярамъ перваго разряда. Турція, въ этомъ случаѣ, дѣйствовала подъ вліяніемъ преда- ній, которому, по видимому, подвергся и англійскій посланникъ въ Константинополь, лордъ Стратфордъ Редклифъ, полагая, что высшій разрядъ бояровъ, составляя особый комитетъ въ диванѣ, будетъ чѣмъ-то въ родѣ верхней палаты. Но классъ бояровъ въ княжествахъ вовсе не имѣетъ характера настоящей аристократіи; званіе это не пере- дается наследственно, оно пожизненное. Сыновья, разумѣется, могутъ достигнуть того общественнаго положенія, которымъ пользовались отцы ихъ, но не по наследственному праву. Къ тому же, если допу- стить представительство для бояровъ перваго класса, то невозможно отказать въ немъ боярамъ низшихъ разрядовъ, тѣмъ болѣе, что по- слѣдніе участвуютъ въ назначеніи господарей. Ясно, что бояры пер- ваго класса не могли быть признаны исключительными представите- лями желаній и нуждъ народонаселенія; но не составляя важной и серьезной аристократіи, они самые значительные землевладѣльцы, и потому имѣютъ неоспоримое право на извѣстную степень пред- ставительства въ диванахъ. Этими соображеніями руководствовались въ Константинополь при составленіи новаго фирмана, допускающаго представительство бояръ безъ различія классовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшенъ такъ-называемый избирательный ценсъ. По прежнему фирману, надо было имѣть пятьсотъ мѣстныхъ десятинъ земли, что- бы быть избирателемъ; новый фирманъ уменьшилъ это число до ста десятинъ. Избранъ (можетъ быть лишь тотъ, кто имѣетъ не менѣе трехъ сотъ десятинъ обработанной земли. Великій визирь Решидъ- паша и министръ иностранныхъ дѣлъ Этеме-паша сначала не рѣши- лись одобрить эти измѣненія, но подъ конецъ согласились съ пред- ставителями европейскія державъ; лордъ Редклифъ обратился къ тому же мнѣнію.

Другія постановленія прежняго фирмана относительно представи- тельства простыхъ землевладѣльцевъ, городовъ и крестьянъ, по- верглись подобнымъ же измѣненіямъ, въ пользу которыхъ употребилъ все свое вліяніе французскій посланникъ въ Константинополь, г. Ту- венель.

Оставался еще самый важный пунктъ — вопросъ о соединеніи Кня- жествъ. Въ прежнемъ своемъ фирманѣ, Порты запрещала диванамъ разсуждать объ этомъ вопросѣ. Турецкому комиссару въ Бухарестѣ предписано было наблюдать за исполненіемъ этого приказанія и пре- доставлена роль посредника между княжествами и европейскою между- народною комиссіей, тогда какъ парижскій трактатъ не присвоиваетъ ему такой исключительной роли. Въ новомъ фирманѣ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, многие увидѣли *косвенный* намекъ противъ соеди-

нея княжествъ; тѣмъ не менѣе въ текстѣ фирмана уже нѣтъ прямого запрещенія разсуждать объ этомъ вопросѣ, и по настоятельному требованію Франціи, рѣшеніе предоставлено диванамъ. Во время международныхъ совѣщаній о фирманѣ, происходившихъ въ Константинополѣ, Решидъ-паша ограничился замѣчаніемъ, что предоставляетъ себѣ со временемъ формально высказать мнѣніе Порты на конгрессѣ, который долженъ собраться для окончательнаго рѣшенія вопроса о княжествахъ. Известно, что Франція открыто и гласно зъявила свое мнѣніе въ пользу соединенія; нинѣ утверждаютъ, что и Англія готова перемѣнить свою политику относительно этого вопроса. Если это извѣстіе справедливо, то Австрія и Турція останутся единственными противниками соединенія Дунайскихъ княжествъ въ одно государство, вассальное, но не подчиненное Турціи.

Считаемъ не лишнимъ напомнить въ заключеніе о намѣреніяхъ парижскаго конгресса относительно княжествъ, намѣреніяхъ, которыя торжественно выражены въ трактатѣ 30-го марта. 23-я статья этого трактата требуетъ, чтобы европейская международная коммиссія, по серьезному изученію нуждъ и интересовъ Княжествъ, предложила основанія, на которыхъ они должны быть преобразованы; въ силу 24-й статьи, коммиссія должна преимущественно руководствоваться желаніями, выраженными народонаселеніемъ черезъ посредство дивановъ; наконецъ, согласно съ статьею 25-ю, результаты трудовъ коммиссіи, основанные на желаніяхъ народонаселенія, должны быть разсмотрѣны на парижскихъ конференціяхъ и войти въ составъ окончательной конвенціи; утвержденной Турціею. Слѣдовательно, конгрессъ имѣлъ въ виду предоставить рѣшеніе вопроса о соединеніи Княжествъ самому народонаселенію, то-есть его представителямъ въ диванахъ, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что рѣшеніе ихъ должно быть признано и Портою.

Обратимся къ итальянскому вопросу. Наши читатели, конечно, обратили вниманіе на двѣ дипломатическія ноты, которыми обмѣнялись правительства австрійское и піемонтское въ прошломъ февралѣ.

Какъ бы сильны и рѣзки ни были жалобы Австріи и отвѣтъ Сардиніи, миръ едва ли можетъ быть нарушенъ между этими двумя государствами. Австрія, которая можетъ по желанію остановиться или идти далѣе въ этомъ дѣлѣ, и одна въ состояніи нарушить миръ, быть можетъ болѣе Піемонта желаетъ сохраненія мира, ради собственныхъ интересовъ. Она знаетъ, что Европа, которая и въ послѣднюю итальянскую войну не допустила бы чрезмѣрно ослабить Піемонтъ, въ настоящее время меньше чѣмъ когда-нибудь расположена допустить его ослабленіе. Въ случаѣ войны съ Піемонтомъ, Австріи трудно было бы найти поддержку со стороны хотя одной изъ европейскихъ державъ. Въ послѣднее время политика ея, по исполненію парижскаго трактата и по нешательскому вопросу (Австрія противилась пропуску прусскихъ войскъ черезъ южную Германію, и требовала, чтобы

вопросъ объ этомъ былъ перенесенъ на разсмотрѣніе Германскаго Сейма), возбудила неудовольствіе Пруссіи; Франція ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть на сторонѣ Австріи при войнѣ между послѣднею и Пиемонтомъ: ея историческія преданія и политическіе интересы настоятельно требуютъ сохраненія независимости и неприкосновенности Сардинскаго королевства; остается Англія, сближающаяся съ Австріею въ то время, когда возникли затрудненія по исполненію парижскаго трактата; но это сближеніе, временное и случайное, далеко не такъ прочно, какъ союзъ Англіи съ Пиемонтомъ какъ популярности, которою пользуются въ Англіи Пиемонтъ и его правительство.

Ограничиваясь этими соображеніями, переходимъ къ другому видоизмѣненію итальянскаго вопроса—къ дѣламъ неаполитанскимъ. Мы уже неоднократно извѣщали нашихъ читателей, что они не поднимаются впередъ, то-есть не приближаются къ разрѣшенію, и на этотъ разъ должны повторить то же самое, только съ нѣкоторымъ дополненіемъ. Въ последнее время ожидали провозглашенія амнистіи въ Неаполѣ по поводу благополучнаго разрѣшенія отъ бремени королевы Неаполитанской (1). Полагали, что неаполитанское правительство воспользуется этимъ случаемъ, чтобъ хотя въ нѣкоторой степени удовлетворить западныя державы. Но ожиданія эти не осуществились. Въ Неаполитанской официальной газетѣ дѣйствительно обнародованъ декретъ о прощеніи, но не имѣющій политическаго характера. Этимъ декретомъ даруется прощеніе или смягченіе наказанія только за проступки, подлежащіе полицейскому суду (2).

Нешательскій вопросъ, по всей вѣроятности, вскорѣ будетъ рѣшенъ окончательно. Уполномоченные великихъ державъ въ Парижѣ уже имѣли два засѣданія (5-го и 7-го марта), посвященные исключительно этому вопросу. Результаты происходившихъ совѣщаній сохраняются пока въ глубокой тайнѣ: сообщаютъ только, что прусскій уполномоченный присутствовалъ уже во второмъ засѣданіи, а приглашеніе швейцарскаго уполномоченнаго послѣдуетъ еще позднѣе. Читателямъ уже извѣстно, что швейцарскіе роялисты освобождены швейцарскимъ правительствомъ, подъ тѣмъ условіемъ, правда не выраженнымъ формально, а только подразумеваемымъ, что король Пруссій расположенъ отказаться отъ правъ своихъ на Нешательское княжество. Нынѣ остается рѣшить, на какихъ условіяхъ произойдетъ это отреченіе. Во время самаго разгара нешательскаго вопроса, журналы сообщали, будто берлинскій кабинетъ настоя-

(1) Новорожденный принцъ получалъ имена Дженоро-Марія и титулъ графа Кастельжиронскаго.

(2) Говорятъ, что недовольные, пользуясь слухами о всепрощеніи, нарочно распространяли извѣстіе объ отреченіи короля въ пользу герцога Калабрійскаго.

тельно требуетъ, чтобы на неапатальскомъ замкѣ продолжало разгвзаться прусское знамя, чтобы въ княжествѣ сохранились феодальныя городовыя корпораціи, и чтобы частная собственность короля прусскаго въ княжествѣ осталась неприкосновенною. Но такovy ли въ дѣйствительности условия, предъявленныя берлинскимъ кабинетомъ,—мы узнаемъ тогда только, когда будутъ обнародованы результаты нынѣшнихъ международныхъ совѣщаній въ Парижѣ, которыя съ 7 марта приостановились. Нѣкоторые журналы объясняютъ эту остановку тѣмъ, что происходило во второмъ засѣданіи, въ которомъ, какъ упомянуто выше, прусскій уполномоченный, графъ Гацфельдъ присутствовалъ въ первый разъ. Говорятъ, что въ этомъ засѣданіи графъ Валевскій, председательствующій на конференціяхъ, сообщилъ представителю Пруссіи рѣшенія, принятыя уполномоченными державами, подписавшихъ лондонскій протоколъ, и между прочимъ о необходимости принять за исходную точку для переговоровъ добровольное отреченіе Прусскаго короля отъ правъ на Неапатальское княжество. Графъ Гацфельдъ нашелъ нужнымъ обратиться за отвѣтомъ къ своему правительству и въ настоящее время ожидаетъ этого отвѣта. Если такое объясненіе остановки въ совѣщаніяхъ справедливо, то изъ него можно заключить, что между великими державами и Пруссіею не было опредѣленнаго предварительнаго соглашенія по неапатальскому вопросу, и что слѣдовательно разрѣшеніе его потребуетъ больше времени, чѣмъ сколько полагали.

Между тѣмъ Англо-Персидское разногласіе разрѣшено тоже въ Парижѣ. Между представителями Англійи и Персіи, лордомъ Коули и Ферукъ-Ханомъ, состоялся, при дѣятельномъ посредничествѣ Франціи, проектъ трактата, который впрочемъ еще долженъ быть ратификованъ персидскимъ правительствомъ. Что касается до англійскаго правительства, то министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Кларендонъ уже объявилъ въ верхней палатѣ, что правительство считаетъ состоявшійся проектъ трактата вполне удовлетворительнымъ; слѣдовательно, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ будетъ ратификованъ Англіею. Едва ли можно сомнѣваться и въ ратификаціи трактата со стороны персидскаго правительства. Взятіе Англичанами Бушира, единственной персидской гавани при Персидскомъ заливѣ, и движеніе Англичанъ и Афгановъ съ Остъ-Индской границы по направлению къ Герату поставили Персію въ весьма затруднительное положеніе, изъ котораго она поспѣшитъ освободиться. Проектъ трактата состоитъ изъ пятнадцати статей. Персидское правительство обязывается обнародовать полное прощеніе всѣмъ персидскимъ подданнымъ, замѣшаннымъ въ сношенія съ англійскими войсками; отозвать войска свои изъ Гератской области и Герата въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ со дня обмѣна ратификацій; отказаться отъ всякихъ притязаній на Гератскую область и другія части Афганистана, и отъ всякаго вмѣшательства во внутрєннія дѣла Афганистана; признать неза-

вѣдомость Герата и всего Афганистана и никогда не посягать на эту независимость; прибѣгать, въ случаѣ споровъ съ афганскими или гератскими властями, къ дружественному посредничеству англійскаго правительства, и тогда только братья за оружіе, когда это посредничество окажется безуспѣшнымъ; освободить безъ выкупа всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ во время войны въ Афганистанѣ; принять возвращающееся въ Тегеранъ британское посольство съ почестями и церемоніаломъ, опредѣленными въ особой нотѣ, подписанной обоими уполномоченными; назначить, по возвращеніи англійскаго посольства въ Тегеранъ, особаго комиссара, который вмѣстѣ съ англійскимъ комиссаромъ разсмотритъ денежные требованія, которыя могутъ быть предъявлены какъ англійскими подданными, такъ подданными персидскими и другими, пользовавшимися покровительствомъ Англій, на персидское правительство, и уплатить по требованіямъ, признаннымъ справедливыми, въ теченіе одного года, считая со дня рѣшенія комиссаровъ.

Таковы условія, которыя предстоитъ одобрить персидскому правительству. Англія, съ своей стороны, обязалась: употреблять все свое вліяніе на Афганистанъ, чтобы Афганцы не тревожили персидскихъ владѣній, не отказываться отъ посреднической роли между Персією и Афганистаномъ; признать за персидскимъ правительствомъ право, въ случаѣ вторженія Афгановъ въ Персію, приступить къ военнымъ дѣйствіямъ для отраженія и наказанія нападающихъ, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что персидскія войска, перешедшія за пограничную черту, по исполненіи порученнаго имъ дѣла, должны возвращаться въ Персію, и что пользованіе этимъ правомъ не будетъ служить предлогомъ къ занятію афганскихъ областей; отказать отъ покровительства персидскимъ подданнымъ, которые не состоятъ въ службѣ при англійскомъ посольствѣ, генеральныхъ консулахъ, вице-консулахъ или консульскихъ агентахъ, съ тѣмъ однако, что право покровительствовать не будетъ дано никакой другой державѣ; прекратить военные дѣйствія противъ Персіи немедленно по обмѣнѣ ратификацій, и вывести войска изъ персидскихъ владѣній, когда Персія отзоветъ свои войска изъ Гератской области и Афганистана и исполнитъ заключенное условіе относительно торжественнаго приѣма англійскаго посольства.

Кромѣ исчисленныхъ нами условій, обязывающихъ съ одной стороны Персію, съ другой Англію, въ трактатѣ есть условія обоюдныя, одинаково обязательныя для обѣихъ сторонъ. Сюда относятся освобожденіе плѣнныхъ, взаимное обязательство руководствоваться, при учрежденіи генеральныхъ консуловъ, консуловъ, вице-консуловъ и консульскихъ агентовъ, тѣми правилами, которыя существуютъ для націй, находящихся въ самыхъ пріязненныхъ между собою отношеніяхъ, сохраненіе условія 1851 года о прекращеніи торго-

невольниками въ Персидскомъ заливѣ по 1872 годъ. Обмѣнъ ратификацій долженъ послѣдовать въ Багдадѣ черезъ три мѣсяца, то-есть не позднѣе 4-го юня текущаго года.

Въ иномъ положеніи находятся англійскія дѣла въ Китаѣ, гдѣ оцѣнена голова каждаго Англичанина, и самъ англійскій уполномоченный, сэръ-Джонъ Боурингъ, едва не сдѣлался жертвою отравленія. Ограничиваясь пока неизбежными военными дѣйствіями и необходимыми мѣрами предосторожности въ тѣхъ портахъ, гдѣ торгуютъ Европейцы, Англичане намѣрены открыть переговоры съ самимъ пекинскимъ правительствомъ, назначая посломъ своимъ лорда Эльгина. Одновременно съ нимъ англійское правительство отправляетъ морскія и сухопутныя силы, которыя должны быть употреблены въ дѣло, если пекинское правительство не удовлетворитъ требованіямъ Англии. Не подлежитъ сомнѣнію, что Франція и Соединенные Штаты не останутся безучастными зрителями новыхъ сношеній или новой борьбы Англии съ Китаемъ, и должны будутъ дѣйствовать за одно съ ними. Французскія полу-офіціальныя газеты недаромъ говорятъ въ этомъ смыслѣ; сверхъ того, уже давно извѣстно, что французское правительство заблаговременно отправило значительныя подкрѣпленія къ своей эскадрѣ, находящейся на китайскихъ моряхъ.

Намъ остается обратиться къ датско-германскому вопросу, о происхожденіи котораго мы въ свое время подробно сообщили нашимъ читателямъ. По поводу обнародованія общей конституціи для всей Дании возобновилась, какъ извѣстно, сильная борьба между элементами датскимъ и германскимъ, представителями коего являются герцогства Шлезвигское, Голштинское и Лауенбургское.

Извѣстно также, что Австрія и Пруссія, какъ первенствующія германскія державы, отъ имени Германскаго Союза приняли на себя защиту герцогствъ; содержаніе нотъ австрійской и прусской по этому дѣлу было сообщено въ свое время. Въ настоящее время въ Вѣнѣ и Берлинѣ полученъ отвѣтъ на эти ноты. Въ этомъ документѣ, подписанномъ 3-го февраля, датскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Шеле, напоминаетъ, что голштинскому представительному собранію были предложены на обсужденіе тѣ измѣненія, которымъ подверглась частная конституція Голштиніи, но что правительство не было обязано исполнить ту же формальность относительно общей датской конституціи, ибо послѣдняя не противорѣчитъ первой. Г. Шеле отвѣчаетъ также на сдѣланный датскому правительству упрекъ въ томъ, будто оно измѣнило своимъ обязательствамъ относительно двухъ первостепенныхъ германскихъ державъ по вопросу о герцогствахъ. Общая конституція составляетъ необходимое условіе политическаго существованія Дании, какъ самостоятельнаго государства. Что касается до государственныхъ имуществъ, находящихся въ герцогствахъ, то г. Шеле отстаиваетъ право правительства отнести дѣла ихъ къ разряду общихъ дѣлъ; но въ то же время присоединяетъ,

что датское правительство охотно приметъ всякое соглашеніе по этому частному вопросу, удовлетворительное для обѣихъ сторонъ; онъ отказывается только отъ всякой уступки, несогласной съ единствомъ монархіи и съ нынѣшнею общео конституціею.

Между тѣмъ, какъ въ предѣлахъ Датскаго королевства, такъ и въ Германіи. вопросъ о герцогствахъ возбудилъ общее вниманіе и составляетъ предметъ жаркой полемики между журналами, выражающими направленіе общественнаго мнѣнія. Особенный интересъ возбудилъ послѣдній періодъ засѣданій Шлезвигскаго сейма, въ которомъ съ самаго начала былъ поднятъ вопросъ о томъ, какой языкъ долженъ быть въ офиціальному употребленію въ Шлезвигѣ — датскій или нѣмецкій. Въ сѣверной части герцогства, въ послѣднія два столѣтія утвердился датскій языкъ, въ южной дозволено употребленіе того и другаго языка. Большинство сейма выразило желаніе, чтобы послѣднее право было распространено на все герцогство относительно церквей, школъ и судебныхъ мѣстъ. Вопросъ этотъ послужилъ поводомъ къ сильнымъ преніянь; члены сейма упрекали датское правительство въ желаніи подавить нѣмецкую національность, и требовали учрежденія нѣмецкихъ школъ для ея поддержанія. Одинъ депутатъ представилъ даже прошеніе, подписанное 7,000 гражданъ, убѣждающихъ сеймъ принять подъ свою защиту нѣмецкую національность. Другой депутатъ требовалъ востановленія стариннаго закона, въ силу котораго никакая общественная должность въ герцогствѣ Шлезвигскомъ не можетъ быть ввѣрена челоуѣку, не прошедшему двухъ-годичнаго курса въ Кильскомъ (нѣмецкомъ) университетѣ. Наконецъ сеймъ утвердилъ, несмотря на сопротивленіе королевскаго комиссара, дозволеніе общинамъ уплачивать форсированные займы, заключенные революціоннымъ правительствомъ въ 1849 году. Почти всѣ проекты законовъ, представленные министерствомъ, были отвергнуты, не исключая такихъ, которыхъ польза была очевидна, каковы проекты о допущеніи апелляціи на полицейскій судъ, объ установленіи правилъ для погребенія мертвыхъ и проч.

Но все это было только вступленіемъ къ двумъ важнымъ рѣшеніямъ, которыя приняты сеймомъ въ послѣднихъ засѣданіяхъ. Большинство 22 голосовъ противъ 10, сеймъ положилъ просить короля датскаго объ измѣненіи шлезвигской конституціи въ либеральномъ смыслѣ, и объ уравненіи всѣхъ частей Датской монархіи относительно представительства на общемъ сеймѣ, а вслѣдъ за тѣмъ, большинствомъ 22 голосовъ противъ 15, отказался произвести раскладку суммы, которую обязано вносить Шлезвигское герцогство на покрытие общихъ расходовъ государства. Въ силу 2-й статьи шлезвигской конституціи, это рѣшеніе лишаетъ правительство возможности приступить ко взиманію установленнаго налога.

Когда это рѣшеніе было объявлено президентомъ, королевскій ком-

жессаръ сказалъ , что сеймъ нарушилъ священнѣйшій долгъ свой , и тотчасъ объявилъ засѣданія сейма закрытыми .

При такомъ положеніи дѣлъ , датское правительство не можетъ распустить сеймъ и произвести новые выборы , ибо это противно шлезвигской конституціи : сеймы въ герцогствахъ созываются на шесть лѣтъ , а нынѣшнему шлезвигскому сейму остается существовать еще два года . Правительство прибѣгло къ возстановленію раскладки податей , произведенной самими шлезвигскими сеймами въ 1855 году , и предписало взимать налогъ на тогдашнемъ основаніи .

Говорятъ , что датская отвѣтная нота не удовлетворила кабинеты вѣнскій и берлинскій , ибо не заключаетъ въ себѣ никакой существенной уступки въ пользу нѣмецкаго элемента , входящаго въ составъ Датской монархіи . Дальнѣйшій ходъ этого дѣла представляетъ большой интересъ , и мы не замедлимъ познакомить съ нимъ нашихъ читателей .

Другой международный вопросъ , въ которомъ непосредственно заинтересована Данія , разрѣшенъ окончательно . 14-го марта въ Копенгагенѣ подписанъ трактатъ объ отмѣнѣ зундскихъ пошлинъ . Данія получить , въ видѣ выкупа , 35 милл. рихсдалеровъ въ сорокъ сроковъ . Такимъ образомъ , торговля на Балтійскомъ морѣ освободится отъ одного изъ важнѣйшихъ препятствій къ полному ея развитію . Мѣра участія каждаго государства въ уплатѣ означенной суммы еще не извѣстна офиціально . Сообщаютъ , что на долю одной Англіи приходится болѣе 10 милліоновъ , на долю Россіи немного менѣе , болѣе 4 милл. заплатитъ Пруссія , по $1\frac{1}{2}$ милл. Швеція и Нидерланды , не много болѣе 1 милл. приходится на долю Франціи , самой Даніи и Испаніи ; менѣе 1 милл. заплатятъ Соединенные Штаты , Норвегія , Бразилія , герцогство Мекленбургское , Бельгія , Португалія и проч . Основаніемъ для такого распредѣленія выкупной суммы послужили статистическія свѣдѣнія о доходахъ , полученныхъ Даніею съ судовъ разныхъ націй въ теченіе 1842—47 и 1851—53 годовъ .

Переходимъ къ политической хроникѣ отдѣльныхъ государствъ .

Въ Англіи , министерство лорда Пальмерстона окончательно объявило о своемъ намѣреніи распустить парламентъ и созвать новый въ маѣ мѣсяцѣ . Распушеніе вѣроятно послѣдуетъ въ концѣ марта , по утвержденіи нижнею палатою бюджета . Нашимъ читателямъ уже извѣстно , что всѣ оттѣнки оппозиціи : такъ-называемая манчестерская партія , пилиты , во главѣ которыхъ стоитъ г. Гладстонъ , торіи , предводительствуемые г. Дизраэли , и наконецъ фаланга лорда Джона Росселя , соединились противъ министерства по англо-китайскому вопросу . Слѣдствіемъ этого союза , для котораго англо-китайскія дѣла послужили только предлогомъ , было объявленіе неудовольствія министерству за ссору съ китайскими начальствами въ Кантонѣ и за бом-

бардированіе этого города. Въ силу парламентскихъ обычаевъ и конституціи, министерство должно было выйти въ отставку или распустить нынѣшній парламентъ, то-есть сдѣлать воззваніе къ народу, приглашая его произвести новые выборы, чтобы чрезъ посредство новыхъ депутатовъ объявить свое одобреніе или осужденіе министерству. Считаая свой образъ дѣйствій совершенно справедливымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая въ соображеніе разрозненность нынѣшнихъ парламентскихъ партій, изъ которыхъ ни одна, по видимому, не имѣетъ большинства на своей сторонѣ, министерство рѣшилось на послѣднюю мѣру. Быть-можетъ, совершенно исключительное положеніе лорда Пальмерстона, какъ государственнаго человѣка, въ свою очередь не малоспособствовало такому выбору. По самому характеру своей политической дѣятельности, онъ поставленъ въ необходимость до крайности дорожить теперешнимъ своимъ постомъ. Сэръ-Робертъ Пиль, грѣфъ Дерби, лордъ Джонъ Россель, покидая свои портфели, сохраняли каждый свое значеніе и свое вліяніе на общественное мнѣніе, оставаясь предводителями (leaders) своихъ партій. Напротивъ, значеніе лорда Пальмерстона тѣсно связано съ сохраненіемъ министерскаго мѣста. Такт-называемая либеральная партія едва ли изберетъ его своимъ главою, ибо онъ никогда не занимался внутреннею политикой и не представляетъ собою ни одного изъ тѣхъ важныхъ началъ, которыхъ придерживаются различныя партіи. Еслибъ управленіе перешло въ руки торіевъ, главою либеральной партіи явился бы лордъ Джонъ Россель.

Послѣ враждебнаго министерству рѣшенія по англо-китайскимъ дѣламъ, нижняя палата почти исключительно занималась обсужденіемъ бюджета и уже одобрила часть его безъ измѣненій. Будучи враждебно министерству, большинство палаты тѣмъ не менѣе разрѣшаетъ суммы на покрытіе государственныхъ расходовъ, необходимыхъ до открытія новаго парламента. Попытка г. Гладстона произвести нѣкоторыя измѣненія въ проектѣ налога на чай, составленномъ канцлеромъ казначейства (1), не имѣла успѣха. Министерство ожидаетъ только окончанія преній о бюджетѣ, чтобы распустить парламентъ.

Между тѣмъ, рѣшеніе нижней палаты по англо-китайскимъ дѣламъ произвело сильное волненіе во всей Англій. Повсюду раздались голоса въ пользу лорда Пальмерстона и его политики. Нѣкоторые города, въ томъ числѣ Лондонъ, поднесли ему благодарственные адреса; Лондонъ даже предложилъ ему явиться кандидатомъ на предстоящихъ выборахъ, но лордъ Пальмерстонъ предпочелъ остаться представителемъ мѣстечка Тивертонъ. Судя по этимъ демонстраціямъ, можно полагать, что новый парламентъ не будетъ враждебенъ министерству лорда Пальмерстона. Вообще предстоящіе выборы сдѣлались въ Англій

(1) См. Политическое Обзорѣніе во 2-й февральской книжкѣ - Русскаго Вѣстника.

главнѣйшимъ вопросомъ въ настоящее время. Лордъ Джонъ Россель, будучи шестнадцати лѣтъ депутатомъ Лондонскаго Города въ нижней палатѣ, снова предложилъ свои услуги лондонскимъ избирателямъ и обнародовалъ поэтому поводъ объясненіе своей прежней политической дѣятельности. Это объясненіе есть какъ бы избирательный манифестъ либеральной и реформистской партіи, которую лордъ Джонъ Россель представляетъ собою. Еще неизвѣстно, какое впечатлѣніе произведетъ этотъ манифестъ въ Англіи, но нельзя не замѣтить, что онъ составленъ съ большимъ достоинствомъ и умѣренностію. Неблагопріятная оцѣнка министерской политики занимаетъ въ немъ болѣе мѣста чѣмъ самовосхваленіе, хотя лордъ Джонъ Россель и счелъ нужнымъ сказать нѣсколько объяснительныхъ словъ относительно весьма щекотливаго для него обстоятельства, именно Вѣнскихъ конференцій, происходившихъ во время восточной войны, въ которыхъ онъ участвовалъ, какъ представитель Англіи. Но объ этомъ онъ говоритъ мимоходомъ и тотчасъ обращается къ послѣднимъ парламентскимъ преніямъ объ англо-китайскихъ дѣлахъ, разрѣшившихся неблагопріятно для министерства, объясняя свою оппозицію неумѣренною заносчивостію англійскихъ агентовъ въ Китаѣ и сослывая на представленную парламенту офиціальную переписку съ китайскими начальствами, изъ которой видно, что послѣднія соглашались дать удовлетвореніе, но не хотѣли только, чтобы генераль Сеймуръ прибылъ въ Кантонъ для свиданія съ губернаторомъ. Всего замѣчательнѣе въ объясненіи лорда Джона Росселя то обстоятельство, что онъ распространяетъ осужденіе министерской политики не на одни китайскія дѣла, но ставитъ вопросъ гораздо шире; онъ говоритъ даже, что споръ о китайскихъ дѣлахъ почти поконченъ, и что по всей вѣроятности новому парламенту придется посвятить имъ не много времени. Въ чемъ же разногласіе между министерствомъ и лордомъ Джономъ Росселемъ? Манифестъ послѣдняго достаточно объясняетъ это: «Управленіе дѣлами внѣшней политики тѣсно связано съ нашею внутреннею политикою, говоритъ онъ. Только съ помощію твердаго и примирительнаго образа дѣйствій, энергическаго поддержанія нашихъ правъ и справедливаго уваженія къ правамъ другихъ націй можемъ мы упрочить миръ на долгое время». Мысль лорда Джона Росселя угадать не трудно: онъ осуждаетъ всю внѣшнюю политику лорда Пальмерстона, ея преобладаніе надъ внутреннею. Въ концѣ манифеста онъ противопоставляетъ политикѣ нынѣшняго министерства свою политическую программу, выражая ее тремя словами: миръ, экономія, реформа. По всей вѣроятности, этотъ манифестъ произведетъ нѣкоторое впечатлѣніе въ Англіи.

Во Франціи наконецъ рѣшенъ въ послѣдней инстанціи уже извѣстный нашимъ читателямъ политико-юридическій вопросъ объ избирательныхъ бюллетеняхъ. Буржскій судъ, въ который было перевесено это дѣло изъ кассационнаго суда, только подтвердилъ рѣшеніе

этого суда, который, какъ извѣстно, отнесъ избирательные бюллетени къ разряду тѣхъ предметовъ (книги, брошюры, листы гравюры, литографіи), коихъ продажа и раздача можетъ производиться не иначе какъ съ дозволенія префекта полиціи въ сенскомъ департаментѣ и префектовъ въ другихъ департаментахъ, то—есть кассировалъ рѣшеніе Пюискаго суда. Надо замѣтить, что рѣшеніе кассационнаго суда было окончательное, и что Буржскій судъ, въ который было передано дѣло, долженъ былъ сообразоваться съ этимъ рѣшеніемъ и только окончательно отмѣнить рѣшеніе Пюискаго суда. По существующимъ законамъ, если по кассированіи перваго судебнаго рѣшенія или мнѣнія, послѣдуетъ второе рѣшеніе или мнѣніе по тому же предмету, то и оно обсуживается кассационнымъ судомъ, въ полномъ его собраніи; если же второе рѣшеніе или мнѣніе кассировано по тѣмъ же причинамъ, по которымъ и первое, то судъ, въ который передано дѣло, долженъ сообразоваться со вторымъ рѣшеніемъ или мнѣніемъ кассационнаго суда относительно юридической стороны вопроса. Этимъ объясняется продолжительное блужданіе дѣла объ избирательныхъ бюллетеняхъ по разнымъ судамъ (пюискому, лѳонскому и кассационному).

Такимъ образомъ во Франціи, передъ выборами, никто не можетъ раздавать избирательныхъ бюллетеней, на которыхъ написаны имена кандидатовъ, если не имѣетъ дозволенія, префекта естественно отстаивающаго правительственныхъ кандидатовъ. За продажу и раздачу книгъ, брошюръ, листовъ, гравюръ и литографій, безъ дозволенія префекта, виновный, въ силу закона 1849 года, подвергается тюремному заключенію срокомъ отъ одного до шести мѣсяцевъ и денежному штрафу отъ 25 до 500 фр. Нынѣ законъ этотъ распространенъ мнѣніемъ кассационнаго суда на раздающихъ безъ дозволенія избирательные бюллетени. Французскіе оппозиціонные журналы, крайне недовольные такимъ рѣшеніемъ вопроса, но стѣсненные въ проявленіи своего неудовольствія, глухо отзываются объ этомъ дѣлѣ.

Считаемъ далеко нелишнимъ сообщить здѣсь объ одномъ чрезвычайно замѣчательномъ экономическомъ явленіи, которое сильно поразило умы во Франціи. Народная перепись, совершенная въ прошломъ году, обнаружила, что народонаселеніе Франціи увеличивается въ самой незначительной степени, и что притомъ это увеличеніе съ каждымъ пятилѣтіемъ принимаетъ болѣе скромные размѣры. Въ періодъ времени отъ 1841 по 1846 г. народонаселеніе Франціи увеличилось 1,200,000-ми душъ; съ 1846 по 1851 годъ—только на 400,000 душъ, а въ теченіи послѣдняго пятилѣтія увеличеніе народонаселенія понизилось до 257,000 душъ. Населеніе уменьшилось въ этотъ періодъ времени въ пятидесяти слишкомъ департаментахъ: въ Изерскомъ на 26,000 душъ, въ департаментѣ Верхней—Соны на 36,000, такъ что этому департаменту придется имѣть однимъ депутатомъ

меньше противъ прежняго. Явленіе это возбудило вниманіе академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, гдѣ вопросъ о движеніи народонаселенія во Франціи былъ поднятъ извѣстнымъ экономистомъ Лаврентемъ, и Общества политико-экономическаго. Война, эпидемія и переселенія, конечно, не остались тутъ безъ вліянія; но кромѣ этихъ причинъ, изъ коихъ эпидемія и переселенія составляютъ нѣчто случайное и ограниченное опредѣленными мѣстностями, должна быть какая-нибудь общая причина, производящая столь общее и притомъ постоянно повторяющееся явленіе. Еслибы можно было объяснить его закономъ естественнаго равновѣсія между народонаселеніемъ и средствами существованія, то вопросъ разрѣшился бы очень просто; но въ такомъ случаѣ, менѣе огромное народонаселеніе пользовалось бы большимъ благосостояніемъ, тогда какъ во Франціи замѣчаютъ въ настоящее время совершенно противное. Оптимисты всѣми средствами стараются доказать небывалое развитіе народнаго богатства и уменьшеніе смертности; но вдругъ представляется нѣсколько цифръ, свидѣтельствующихъ, что народонаселеніе не увеличивается, отличающихъ печальную ошибку оптимистовъ и приводящихъ къ мысли о какой-то неизвѣстной причинѣ, которая незамѣтнымъ образомъ дѣйствуетъ на современныя поколѣнія. Тѣ же цифры показываютъ, что уменьшеніе населенія произошло преимущественно въ селахъ и деревняхъ, тогда какъ населеніе городовъ возрастаетъ. Населеніе Париза увеличилось на 300,000 человекъ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, населеніе Ліона на 50,000. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ городское населеніе во Франціи увеличилось слишкомъ на миллионъ душъ. Напротивъ, населеніе уменьшилось именно въ тѣхъ департаментахъ, которые отличаются земледѣльческимъ характеромъ. Французскіе экономисты съ скорбнымъ чувствомъ сознаются, что такое явленіе произошло не вслѣдствіе естественнаго перехода рабочихъ рукъ туда, гдѣ онѣ нужныѣ, и что увеличеніе населенія въ городахъ совершается безъ соотвѣтственнаго усиленія народнаго богатства. Они считаютъ это явленіе искусственнымъ, намекая между прочимъ на нынѣшнія политическія обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ въ городахъ предпринимаются ненужныя общественныя работы огромныхъ размѣровъ для прокормленія рабочаго класса. Если это явленіе будетъ продолжительно, то можно опасаться за будущность земледѣльской промышленности, которую бросаетъ рабочій классъ, какъ неблагодарную, въ надеждѣ снискать себѣ пропитаніе болѣе легкимъ трудомъ.

Въ Испаніи, какъ уже было извѣщено, выборы въ Кортесы назначены на 25-е марта. Извѣстно также, что имъ предшествовали муниципальные выборы, въ которыхъ принимали участіе всѣ партіи отъ регрессистовъ до крайнихъ абсолютистовъ. Результатъ ихъ положительно не извѣстенъ; но правительство, повидимому, довольно яки. Слухи и опасенія относительно новаго переворота въ смыслѣ

окончательно абсолютистскомъ прекратились. Нынѣшнее министерство, во главѣ котораго стоитъ маршалъ Нарваэсъ, очевидно держится прочно, а оно вполне сознало невозможность управлять Испаніею безъ содѣйствія кортесовъ.

Прибавимъ въ нѣсколькихъ словахъ, что пренія *прусскихъ* палатъ медленно подвигаются впередъ, и что изъ *Соединенныхъ Штатовъ* со дня на день ожидаютъ посланія новаго президента къ конгрессу, ибо, какъ извѣстно, г. Букананъ долженъ былъ вступить въ должность 4-го марта.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОБОЗРѢНІЮ.

ДЕКЛАРАЦІЯ,

овмѣненная между Россіею и Пруссіею, о порядкѣ участія Россійскихъ Консуловъ въ Пруссіи и Прусскихъ въ Имперіи и Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ въ дѣлахъ о наслѣдствахъ ихъ единоземцевъ.

Императорское Россійское и Королевское Прусское Правительства, желая постановить правила для участія ихъ консульствъ въ дѣлахъ о наслѣдствахъ, могущихъ возникнуть въ случаѣ смерти руссійскихъ подданныхъ во владѣніяхъ Королевства Прусскаго и прусскихъ подданныхъ въ Россійской Имперіи и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, заключили между собою условіе о нижеслѣдующемъ :

Въ случаѣ смерти подданныхъ договаривающихся державъ, ихъ консуламъ, вице-консуламъ и торговымъ агентамъ предоставляется право какъ по ходатайству участвующихъ лицъ, такъ и прямо отъ себя, прилагать печать консульства вмѣстѣ съ печатями подлежащаго мѣстнаго начальства къ пожиткамъ, движимости и бумагамъ, принадлежащимъ къ оставшемуся наслѣдству. Эти двоякія печати могутъ быть сняты не иначе какъ по распоряженію мѣстнаго начальства и въ присутствіи подлежащаго консула.

По снятіи печатей должно быть немедленно приступлено къ описи наслѣдства. Консулъ будетъ при семъ присутствовать и ему должны быть выданы копіи какъ съ учиненной описи, такъ и духовнаго завѣщанія, когда таковое существуетъ.

Если консулы, вице-консулы и торговые агенты снабжены законными довѣренностями отъ надлежащимъ образомъ признанныхъ наслѣдниковъ, то наслѣдство должно быть выдано имъ, если только не будетъ противъ сего объявлено спора со стороны какого-либо кредитора, отечественнаго или иностраннаго.

Для выдачи ему наслѣдства, консулъ долженъ озаботиться принятіемъ совокупно съ подлежащимъ мѣстнымъ начальствомъ, всѣхъ необходимыхъ для сохраненія наслѣдства мѣръ. Консулъ, вице-консулъ и торговый агентъ, по выдачѣ ему наслѣдства, согласно изложенному выше, долженъ, по предварительномъ сообщеніи о томъ мѣстному начальству, исполнить всѣ надлежащія формальности для огражденія пользы наслѣдниковъ, сдѣлать ликвидацию наслѣдству и онымъ управлять, лично или

чрезъ повѣренныхъ, имъ для сего назначенныхъ, подѣ собственною его отвѣтственностію.

Настоящее условіе будетъ оставаться въ дѣйствиі въ продолженіи шести лѣтъ, и даже по прошествіи сего срока, если ни которое изъ двухъ правительствъ не объявитъ другому офиціальною ноткою о желаніи своемъ прекратить дѣйствіе онаго; въ послѣднемъ же случаѣ, — въ продолженіе еще одного года послѣ того какъ послѣдуетъ таковая нотификація.

Въ удостовѣреніе чего нижеподписавшійся, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Его Величества Императора Всероссійскаго, подписалъ, съ приложеніемъ печати своего герба, настоящую декларацию, которая имѣетъ быть обмѣнена на подобную же декларацию Г. Пресѣдателя Совѣта и Министра Иностранныхъ Дѣлъ Его Величества Короля Прусскаго.

Учнено въ С.-Петербургѣ, 25-го декабря 1856 (6-го января 1857).

(Под.) *Кн. Горчаковъ.*

ПОЛОЖЕНІЕ О НАГРАДАХЪ ГРАФА УВАРОВА.

1) Въ память о бывшемъ президентѣ Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительномъ тайномъ совѣтникѣ графѣ Сергіи Семеновичѣ Уваровѣ, и особенной любви его къ отечественной исторіи и изслѣдованіямъ филологическимъ, сынъ его, графъ Алексій Сергіевичъ Уваровъ, учреждаетъ на вѣчныя времена награды, подѣ названіемъ *наградъ графа Уварова*. Для сей цѣли ежегодно, къ 25-му сентября, будетъ вносимо въ Академію Наукъ *по три тысячи рублей серебромъ* (1). Изъ этой суммы: 2,500 руб. назначаются на выдачу наградъ (одной большой въ 1,500 и двухъ меньшихъ, каждой въ 500 руб.) за сочиненія, изданныя или приготовленныя къ изданію, по означеннымъ ниже сего предметамъ; а 500 руб. подѣ названіемъ *поощрительной* награды, за удовлетворительныя рѣшенія задачъ, предлагаемыхъ ежегодно академію.

2) Учрежденіе наградъ графа Уварова имѣетъ цѣлю поощрить русскихъ писателей къ занятіямъ русскою и славянскою исторію, въ обширномъ значеніи слова, и драматическою словесностію.

3) Къ соисканію допускаются всѣ сочиненія, относящіяся къ политической исторіи Россіи и другихъ славянскихъ странъ, къ исторіи церкви, законодательства, древностей, языка, словесности, искусствъ и художествъ въ тѣхъ же странахъ, а равно драматическія произведенія.

4) Къ соисканію наградъ графа Уварова допускаются писанныя на русскомъ языкѣ оригинальныя сочиненія, напечатанныя или рукописныя, одобренныя ценсурою къ печатанію.

5) Не допускаются: 1) сочиненія, хотя и относящіяся къ Русской или Славянской исторіи, но переведенныя съ иностранныхъ языковъ; 2) простые собранія актовъ, грамотъ или вообще необработанныхъ матеріаловъ; 3) книги, хотя и касающіяся отечественной исторіи, но изданныя по распоряженію правительства; 4) грамматики, словари и вообще учебныя пособия; 5) послѣдующія изданія книгъ, которыя уже

(1) Учредитель обязуется сдѣлать распоряженіе, вслѣдствіе котораго, и послѣ его смерти, означенная сумма будетъ ежегодно вносима въ Академію, или же разъ навсегда внесена будетъ капиталъ 75,000 рублей.

были удостоены наградъ въ одноѣ изъ предшествовавшихъ изданій;
6) сочиненія дѣйствительныхъ членовъ Академіи.

6) При обсужденіи представленныхъ къ соисканію историческихъ сочиненій должно быть обращено преимущественное вниманіе на то, въ какой мѣрѣ сочиненіе способствуетъ къ полному познанію избраннаго авторомъ предмета. При всемъ уваженіи къ объему сочиненія и къ труду, для составленія его употребленному, не должно быть упускаемо изъ виду, дѣйствительно ли отечественной наукѣ не доставало подобнаго творенія и соответствуетъ ли оно современнымъ требованіямъ науки и критики.

7) Награды графа Уварова не состоятъ ни въ какой связи съ Демидовскими преміями. Сочиненія, увѣнчанныя сими послѣдними преміями, могутъ быть представляемы на соисканіе Уваровскихъ наградъ, если подходятъ подъ условія настоящаго положенія. Равноѣрно не лишаются права представленія своихъ трудовъ тѣ авторы, которые не получили Демидовскихъ премій.

8) Многотомныя ученые сочиненія могутъ быть допускаемы къ соисканію по выпускѣ въ свѣтъ одного или нѣсколькихъ томовъ, въ томъ лишь случаѣ, если изданная часть относится къ такому отдѣльному предмету, который могъ бы быть разсматриваемъ какъ самостоятельное цѣлое. Авторы, первыя части сочиненій которыхъ были увѣнчаны Демидовскою премією, могутъ представлять послѣдующія части для соисканія наградъ графа Уварова.

9) При обсужденіи драматическихъ произведеній, должно обращать вниманіе на слѣдующія необходимыя условія: 1) Допускаются только трагедіи, драмы и комедіи (*haute comédie*), имѣющія не менѣе трехъ дѣйствій, писанныя прозою или стихами. 2) Драматическія произведенія должны быть оригинальныя сочиненія, а не переводы, передѣлки или подражанія иностраннымъ піесамъ. 3) Содержаніе должно быть заимствовано изъ отечественной исторіи, изъ жизни нашихъ предковъ, или изъ современнаго русскаго быта. 4) Драматическія произведенія должны обличать въ писателѣ несомнѣнный литературный талантъ и добросовѣстное изученіе представленной имъ эпохи. По слогу и ходу, піеса должна быть созданіемъ художественнымъ и слѣдовательно соответствовать главнымъ требованіямъ драматическаго искусства и строгой критики.

10) Присужденіе наградъ графа Уварова за соискательныя сочиненія предоставляется собранію членовъ втораго и третьяго отдѣленій Императорской Академіи Наукъ, засѣданіями котораго завѣдываетъ непремѣнный секретарь академіи.

11) Для присужденія наградъ драматическимъ произведеніямъ назначается особая коммиссія, составленная изъ членовъ втораго отдѣленія Академіи и постороннихъ лицъ, извѣстныхъ своими сочиненіями по части русской литературы. Выборъ этихъ лицъ рѣшается балотировкою въ отдѣленіи, и только тѣ лица приглашаются, которые не получили ни одного отрицательнаго шара. Коммиссія должна состоять изъ равнаго числа академикомъ и приглашенныхъ писателей подъ предѣдательствомъ непремѣннаго секретаря.

12) Академія сама назначаетъ изъ каждаго отдѣленія тѣхъ членовъ,

которые своими трудами приобрѣли право быть судьями. Назначивъ трехъ или четырехъ членовъ изъ cadaго отдѣленія, академія предоставляетъ имъ право притворора, и въ ихъ рѣшеніе сама не вмѣшивается.

13) Депутатамъ симъ предоставлено право присуждать *поощрительную* награду за удовлетворительное рѣшеніе ученой задачи, съ слѣдующими условіями: 1) Депутаты, по большинству голосовъ, назначаютъ задачу для получения поощрительной награды, и срокъ для ея исполненія; 2) задача объявляется въ журналахъ и газетахъ; 3) задачи должны состоять изъ отдѣльныхъ монографій, обработки отдѣльнаго періода или историческаго матеріала; 4) предметъ выбирается единственно изъ исторіи и древностей русскихъ; другіе предметы, допускаемые къ соисканію остальныхъ наградъ, не могутъ быть предложены для этой поощрительной награды; 5) при полученіи рѣшеній на эти задачи поступаютъ съ ними, какъ обыкновенно дѣлается съ сочиненіями, авторы которыхъ остаются неизвѣстными до присужденія. Авторъ, не подписывая подъ рукописью своего имени, снабжаетъ ее какимъ-либо девизомъ, который равномерно долженъ находиться на особомъ, приложенномъ къ рукописи запечатанномъ конвертѣ, содержащемъ означеніе имени и мѣста жительства автора. Въ случаѣ одобренія рѣшенія, конвертъ съ означеніемъ имени автора распечатывается въ собраніи академіи (25-го сентября); въ случаѣ же неодобренія сжигается нераспечатаннымъ. Всѣ остальные §§ настоящаго положенія принимаются въ соображеніе и при присужденіи этой поощрительной награды.

14) Если какая-нибудь изъ наградъ не будетъ присуждена, то оставляется до слѣдующаго года, и оставшаяся сумма хранится въ кредитномъ установленіи, о чемъ должно быть объявлено въ газетахъ. Накопившіеся годъ отъ году проценты служатъ къ составленію капитала, который, по усмотрѣнію академіи, раздается постороннимъ рецензентамъ, за ихъ труды, въ видѣ медали, или иначе.

15) На заглавномъ листѣ сочиненія, увѣчаннаго Уваровскою наградою, при печатаніи именно означается награда, какой оно удостоено.

16) Къ соисканію Уваровскихъ наградъ допускаются сочиненія, соотвѣтствующія условіямъ, изложеннымъ въ §§ 3, 4 и 9, и выходящія ежегодно отъ 1-го до 1-го мая.

17) Перваго мая закрывается конкурсъ и за тѣмъ авторы лишаются права представлять свои сочиненія къ соисканію наградъ. До наступленія сего срока однимъ лишь авторамъ предоставляется право присылать свои сочиненія, при письмахъ на имя г. непремѣннаго секретаря академіи (4).

18) Въ началѣ мая мѣсяца cadaго года назначается особое засѣданіе (§§ 10 и 11), для опредѣленія, какія изъ сочиненій, поступившихъ въ конкурсъ, могутъ быть допущены къ соисканію наградъ и какія, не соотвѣтствуя цѣли и правиламъ сего учрежденія, должны быть оставлены безъ рассмотрѣнія.

(1) Въ теченіи декабря и въ январѣ мѣсяцахъ непремѣнный секретарь академіи наукъ напоминаетъ объявленіями, въ Санктпетербургскихъ, Московскихъ и Губернскихъ Вѣдомостяхъ, что только до 1-го мая принимаются сочиненія для соисканія наградъ графа Уварова, и что представленные послѣ сего срока сочиненія будутъ отложены до слѣдующаго года.

19) Въ томъ же засѣданіи сочиненія, принятыя въ конкурсъ, распределяются для обсуждения ихъ достоинства между членами академіи или посторонними учеными, по выбору и согласію собранія.

20) Рецензіи должны быть приготовлены къ 15-му августа и читаются въ особыхъ собраніяхъ академіи (§§ 10 и 11). Рецензенты обязаны основывать свой приговоръ на отчетливомъ разсмотрѣніи содержанія сочиненія и его достоинства и недостатковъ, подробно объясняя тѣ и другіе въ своихъ рецензіяхъ.

21) По выслушаніи разборовъ всѣхъ представленныхъ къ конкурсу сочиненій, непремѣнный секретарь дѣлаетъ сводъ изложенныхъ рецензентами мнѣній и отбираетъ голоса отъ членовъ собранія. Вместе съ тѣмъ непремѣнный секретарь сводитъ мнѣнія о рѣшеніяхъ предложенной академіею задачи, и равнымъ образомъ отбираетъ голоса.

22) Присужденіе наградъ производится по большинству голосовъ.

23) 25-го сентября, въ день именинъ покойнаго графа Сергія Семеновича Уварова, назначается торжественное собраніе академіи, въ которомъ читается отчетъ о присужденіи всѣхъ наградъ графа Уварова, предварительно подписанный всѣми членами, а также вскрывается пакетъ съ означеніемъ имени автора, удостоеннаго поощрительной награды за разрѣшеніе предложенной задачи. Въ томъ же засѣданіи объявляются предлагаемая академіею на будущее время задачи для соисканія означенныхъ наградъ.

24) О послѣдствіяхъ каждаго конкурса непремѣнный секретарь доводитъ до свѣдѣнія публики подробными отчетами, печатаемыми въ современныхъ изданіяхъ академіи наукъ и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». При отчетѣ печатаются и всѣ одобрительныя рецензіи, на основаніи которыхъ присуждены награды, или за неимѣніемъ суммъ, почетные отзывы.

25) Дополненія или измѣненія, которыхъ, съ теченіемъ времени, могло бы потребовать настоящее положеніе, дѣлаются особенными собраніями втораго и третьяго отдѣленій академіи наукъ (§§ 10 и 11), съ согласія всякій разъ учредителя наградъ, а послѣ него старшаго члена изъ рода графа Уварова. Сверхъ того учредитель предоставляетъ себѣ право представлять свои мнѣнія о правилахъ, требующихъ измѣненія, если это, по ходу дѣла, сочтется нужнымъ и выгоднымъ для цѣли учрежденныхъ имъ наградъ.

Подлинное подписалъ : Графъ А. Уваровъ.

— Высочайшимъ Указомъ, въ 29-й день августа 1855 года кабинету даннымъ, повелѣно: для улучшенія быта крестьянъ, приписныхъ къ Алтайскимъ горнымъ заводамъ, распространить на нихъ правило удѣльнаго управленія, на сколько сіе согласоваться можетъ съ лежащими на сихъ крестьянахъ обязанностями, относительно тѣхъ заводовъ.

Имѣя въ виду, что крестьяне удѣльныхъ имѣній отправляютъ рекрутскую повинность на основаніи Рекрутскаго Устава очереднымъ порядкомъ, и что съ 1851 года, по особому Высочайшему повелѣнію, въ Алтайскомъ округѣ порядокъ сей замѣненъ жеребьевыми рекрутскими наборами, управлявшій кабинетомъ Его Императорскаго Величества графъ Перовскій считалъ полезнымъ узнать мнѣніе самихъ крестьянъ о сей перемѣнѣ въ исполненіи одной изъ главнѣйшихъ по-

винностей, закономъ на нихъ возлагаемыхъ. Спрошенные объ этомъ предметѣ общества приписныхъ крестьянъ, всѣхъ 40 волостей горнаго округа, единогласно объявили, что они предпочитаютъ прежніе очередные рекрутскіе наборы жеребьевымъ. Принимая во вниманіе, что замѣна сія не только не будетъ имѣть неблагоприятныхъ послѣдствій для выгодъ кабинета Его Величества, но еще признается заводскимъ начальствомъ полезною, г. генералъ-адъютантъ графъ Адлербергъ 1-й доводитъ о семъ до Высочайшаго свѣдѣнія, и Государь Императоръ, въ 26-й день минувшаго января, Высочайше повелѣть соизволилъ: «вести между алтайскими приписными крестьянами прежнюю очередную систему отправленія рекрутской повинности, съ тѣми лишь измѣненіями, которыя приняты по удѣльному вѣдомству. При этомъ переходѣ отъ одного рекрутскаго порядка къ другому, составляющемъ случай исключительный, въ законѣ непредвидѣнный, зачетъ послуги, отбытыя по жеребевой системѣ въ послѣдніе пять наборовъ, собственно членамъ той части семействъ, которая поставила одного или нѣсколько рекрутъ, а не всему семейству, подъ однимъ номеромъ по ревизіи состоящему, съ тѣмъ чтобы зачетъ сей производимъ былъ по взаимному согласію членовъ семействъ, или, при разнорѣчій ихъ, по приговорамъ рекрутскихъ участковъ, къ которымъ семейства принадлежатъ, безъ вмѣшательства въ это дѣло начальства крестьянъ, и сей порядокъ наблюдать пока не будутъ вознаграждены всѣ послуги, отбытыя по жеребевой системѣ; послѣ того опредѣлять очереди и зачитать послуги на точномъ основаніи Рекрутскаго Устава.»

С М Ъ С Ъ

Музыкальная хроника. — Со дня пріѣзда г-на Серве въ Москву, имя его перелетало изъ устъ въ уста во всѣхъ московскихъ обществахъ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Москва слышала этого знаменитаго артиста, многихъ изъ слышавшихъ его уже не стало; но имя Франсуа Серве принадлежитъ къ числу тѣхъ именъ, которыя одно поколѣніе передаетъ другому, какъ преданія памятныхъ событій. Концертъ 10-го марта доказалъ, что слава его здѣсь упрочена: зала Благороднаго Собранія была полна публикою, на хорахъ не доставало мѣстъ, такъ что даже многія дамы слушали стоя неподражаемую игру артиста.

Музыкальное утро началось par un morceau de concert на мотивы изъ оперы «Норма». Піесу эту исполнилъ на фортепьяно, съ аккомпаниментомъ квартета (accompagnement obligé), самъ сочинитель, молодой пианистъ Женнаро Перелли, сопутствующій г-ну Серве въ его артистическомъ путешествіи. О сочиненіяхъ и игрѣ г-на Перелли мы поговоримъ послѣ.

Вторую піесу: *morceau de concert* на мотивы изъ оперы «Дочь полка» исполнилъ г. Серве. Едва ступилъ онъ на эстраду, публика привѣтствовала его оглушительными рукоплесканіями. Въ первомъ штрихѣ смычка, въ первомъ звукѣ струны, отозвалось все искусство неподражаемаго виолончелиста. Полнота, мягкость, мелодичность звука,—отличительныя достоинства игры г-на Серве, его исключительная особенность, камень преткновенія, который онъ бросилъ на пути другихъ виолончелистовъ, и за который не перешелъ еще ни одинъ, даже изъ первоклассныхъ артистовъ. Какъ сказочный скрипачъ Бальзака, онъ вложилъ въ безжизненный инструментъ душу; въ рукахъ его виолончель дышитъ, поетъ: онъ извлекаетъ изъ нея глубокія, грудныя ноты, какихъ не издаетъ ни одинъ инструментъ, какія слышатся только въ человѣческомъ голосѣ.

Мы не оскорбимъ г-на Серве похвалою механизма его игры. Изумительная вѣрность хватки въ лѣвой рукѣ, отчетливость, такъ сказать разсыпчатость звуковъ въ самыхъ трудныхъ гаммахъ (*gammes sorcières*), четкая ровность въ *staccato*, ходы двойными нотами, текучая непрерывность звука въ арпеджіяхъ, не стоятъ г-ну Серве ни малѣйшаго усилія; но нельзя умолчать о неподражаемыхъ достоинствахъ его смычка. Штрихъ его до того мягокъ, что трудно уловить мгновеніе интонаціи. Обольщенный слухъ встрѣчаетъ не рождающійся звукъ, а будто продолженіе не слышно-начатаго звука; такъ мягко, такъ постепенно ложится вѣсь смычка на струну. Смѣна въ ходѣ штриха (*le va-et-vient de l'archet*) вовсе неслышна; кажется, что безконечный смычокъ идетъ по струнѣ, все впередъ, впередъ, не возвращаясь, — такъ непрерывно льется звукъ. Если смычокъ падаетъ на струну всею силою руки, струна задрожитъ, занеетъ, но и въ этой усиленной вибраціи звука, онъ остается чистъ; не слышно скрипа, почти неизбѣжнаго у всѣхъ виолончелистовъ. Иногда искусная рука артиста налегаетъ на струну только половиной, только третью тяжести смычка, и струна отзывается неимоვნю звонко, металлическимъ, серебрянымъ звукомъ. Многолѣтнее упражненіе до того разобщило руки артиста, что онъ совершенно независимъ одна отъ другой; а самобытный произволь въ движеніяхъ каждой руки есть неизбѣжное условіе совершенства въ игрѣ на всѣхъ струнныхъ инструментахъ.

Г. Серве игралъ въ этомъ концертѣ три піесы своего сочиненія: *morceau de concert*, о которомъ мы уже говорили, фантазію на мотивы изъ оперы «Севильскій Цирюльникъ» и *Grand Caprice* на мотивы изъ балета «*Wesele w Oycowie*»; кромѣ того «*Romanesca*», танецъ XVI столѣтія. Всѣ эти піесы были исполнены съ неподражаемымъ совершенствомъ. Какъ компонистъ, г-нъ Серве замѣчательнъ свѣжестію и игривостію мысли и истинно художественною отдѣлкою въ инструментациі. Последняя піеса: *Grand Caprice*, написана на мотивы извѣстнаго на варшавскомъ театрѣ балета: «Свадьба въ Ойцовѣ» (Ойцовъ мѣстечко близъ Кракова). Музыка этого балета сочинена изъ народныхъ мелодій, кажется г-мъ Стефани, дирижоромъ варшавскаго балетнаго оркестра. Г. Серве воспользовался мотивами, но не ввелъ ихъ цѣлюю въ свой *caprice*; они звучатъ въ его музыкальной фантазіи, какъ темное воспоминаніе. Мысль автора носится среди самыхъ мелодическихъ, самыхъ разнообразныхъ

музыкальныхъ фигуръ; вдругъ нападаетъ она на знакомую тему, повторяетъ памятыя фразы, потомъ сбивается, снова старается вспомнить любимый мотивъ, ловить его отрывками и снова уносится далеко, забываетъ его и предается самымъ прихотливымъ мечтамъ; но и въ нихъ звучитъ любимая канцонетта, принаряженная воображеніемъ автора. Этотъ капризъ прекрасно задуманъ, входящія въ него чужіе мотивы искусно сгруппированы, въ немъ много музыкальнаго краснорѣчія, а смѣтливая, истинно художественная инструментировка доказываетъ, что г-нъ Серве по праву почитается замѣчательнымъ симфонистомъ.

Теперь очередь г-на Перелли. Онъ игралъ три пьесы своего сочиненія: *morceau de concert* на мотивы изъ «Нормы», фантазію на мотивы изъ оперы *Robert le Diable* и *Болепо*; кромѣ того *La Regata Veneziana*, Листа.

Г-нъ Перелли много трудился, это доказываетъ чистота и бѣглость его игры. Пассажи октавами у него замѣчательно хороши; въ арпеджіяхъ есть плавность, даже пѣвучесть; *les passages perlés* быстры и чисты; нѣтъ въ его игрѣ большой силы, но онъ самъ, зная этотъ недостатокъ, старается вознаграждать его нѣжностію игры въ *pianissimo*, и нельзя не похвалить его за это усердіе. Въ *adagio* замѣтна излишняя чувствительность, притязанія на эффектъ; но г-нъ Перелли такъ молодъ, что ему нельзя не простить избытка чувствъ, о недостаткѣ которыхъ такъ искренно сожалѣютъ многіе пожилые артисты. Скажемъ рѣшительно, что бѣглость, чистота и отчетливость игры г-на Перелли даютъ ему неотъемлемое право играть предъ публикою; московскіе меломаны явно выразили ему свое сочувствіе громкими аплодисментами и вызовами. Мы позволимъ себѣ одинъ упрекъ: въ фантазіи на мотивы Нормы; г-нъ Перелли придумалъ новый эффектъ, играя тему прыжками попеременно то правой, то лѣвой руки черезъ другую, которая въ это время аккомпанируетъ мотивъ. Такой фокусъ оскорбляетъ искусство; этотъ эффектъ хорошъ на берегахъ Нила (1), но въ Европѣ врядъ ли онъ найдетъ поклонниковъ. Сочиненія г-на Перелли не лишены достоинствъ и отличаются добросовѣстною покорностію правиламъ искусства. Аккомпаниментъ на фантазію изъ Нормы написанъ имъ на цѣлый оркестръ; жалко, что мы слышали его въ квартетѣ; при передѣлкѣ весь эффектъ инструментировки потерянъ. Благодаримъ г-на Перелли за доставленное намъ удовольствіе похвалить и сочиненія и игру его.

— 8-го февраля слышали мы концертъ Салтыково-Голицынской капеллы. Концертъ раздѣлялся на два отдѣленія: въ первомъ оркестръ императорскаго театра превосходно исполнилъ увертюру изъ оперы Вильгельмъ Тель или Карлъ Смѣлый, лучшую увертюру Россіи. Капелла исполнила два хора изъ той же оперы: «*Въ чувствахъ вѣрныи, другъ арміярный*» и «*Какъ ярко солнца лучъ играетъ*», и два хора изъ Семирамиды.

Чрезвычайная согласность и вѣрность въ интонаціи, выработанность голосовъ, вотъ что поразило насъ въ исполненіи упомянутыхъ пьесъ.

(1) Г. Перелли, въ свое артистическое странствіе былъ даже въ Каирѣ и тамъ давалъ концерты.

Но мы еще не слышали той артистической оконченности, того совершенства въ исполненіи, которое составляетъ главное достоинство пѣвческой капеллы.

Началось второе отдѣленіе концерта.

Оркестръ исполнилъ увертюру изъ оперы «Оберонъ» Вебера. Что сказать объ этой музыкальной поэмѣ великаго маэстро? Въ ней такое изобиліе возвышенныхъ, грандіозныхъ мыслей, что ихъ стало бы на двѣ лирическія оперы современныхъ композиторовъ. Что можетъ сравниться съ величіемъ этого спокойнаго изложенія (exposition), съ энергіею этого crescendo, съ финаломъ, отличающимся неподражаемымъ искусствомъ и роскошнымъ богатствомъ инструментировки? Вся внутренняя, созерцательная жизнь автора отразилась въ этомъ созданиіи.... Увертюра была исполнена съ безукоризненнымъ совершенствомъ, не удивительнымъ въ такомъ превосходномъ оркестрѣ. Послѣ увертюры владѣлецъ капеллы вошелъ на эстраду и занялъ мѣсто дирижора. Раздался хоръ изъ оперы «Сомнамбула» и съ первыхъ тактовъ слушатели были изумлены. Это былъ уже не тотъ хоръ, который мы слышали въ первомъ отдѣленіи концерта, не согласное сочетаніе голосовъ, за каждымъ изъ которыхъ могло еще слѣдить внимательное ухо, а гармоническій гулъ, аккордъ, вырвавшійся изъ груди Стентора; ни одинъ звукъ не отдѣлялся изъ общей волны звуковъ: такъ согласна, такъ слитно пѣли сто голосовъ хора. Подымался волшебный жезлъ дирижора, и звуки крѣпчали или затихали съ такимъ согласіемъ, какъ струны золотой арфы подъ набѣгомъ вѣтра. Crescendo и decrescendo изумительно исполняются капеллою. Въ послѣднихъ тактахъ хора изъ Сомнамбулы, diminuendo достигло до того, что, при совершенной тишинѣ въ залѣ, аккордъ едва былъ слышанъ.

Послѣ хора изъ Сомнамбулы, исполнены были: хоровая охотничья пѣсня Каливоды: «Гей отправимся въ дубраву», хоръ изъ оперы «Жизнь за царя», соч. Глинки: «Слався, слався», и въ заключеніе концерта, народный гимнъ «*Боже, царя храни!*» Всѣ эти піесы исполнены подъ дирекціею самого хозяина съ возможнымъ совершенствомъ.

6-го числа былъ въ залѣ Благороднаго Собранія концертъ г. Тропянскаго (кларнетиста и скрипача); мы не будемъ говорить о немъ. Это громадное *fiasco*, вполне заслуженное. Скажемъ лучше нѣсколько словъ о заслуженномъ успѣхѣ, о концертѣ г. Соколовскаго.

Г. Соколовскій играетъ на гитарѣ. Талантъ его снискалъ ему особенное расположеніе московской публики, г. Соколовскій можетъ назваться совершеннымъ артистомъ на этомъ несовершенномъ инструментѣ. При чрезвычайной бѣглости, игра его отличается необыкновенною чистотою: при самыхъ сильныхъ хваткахъ правой руки, струна не звякаетъ, не задрезываетъ подъ пальцемъ, въ аккордахъ каждая нота звучитъ отчетливо, а въ *adagio* г-нъ Соколовскій умѣетъ придать игрѣ своей возможное на гитарѣ выраженіе. Изъ піесъ, сыгранныхъ г-мъ Соколовскимъ въ этомъ концертѣ, отличаются превосходствомъ исполненія: *Rondo alla polacca* Джульани, *попури* Нейланда и *фантазія* его сочиненія на мотивы оперы «*Любовный напитокъ*». Заглянувъ въ афишу, мы увидѣли, что говоря о піесахъ, предпочтительно хорошо исполненныхъ г-мъ Соколовскимъ, мы невольно назвали всѣ игранныя имъ въ этомъ концертѣ піесы. Тѣмъ лучше, мы сказали правду; онъ всѣ исполнилъ превос-

ходно. Въ этомъ концертѣ г. Н. Рубинштейнъ игралъ польскій сочиненія своего брата А. Рубинштейна. Похвалы наши таланту г. Н. Рубинштейна не скажутъ ничего новаго московской публикѣ; она давно знаетъ и вполне умѣетъ цѣнить его. Игра г-на Рубинштейна замѣчательна необыкновенною силою и искусствомъ брать ноту (*la manière d'attaquer la note*); тушь у него мягкій, при всей своей энергiи; ровность въ гаммахъ безукоризненна; триллеръ силенъ и отчетливо роventъ; въ адажіо увлекательная пѣвучесть. Мы часто слышали игру г. Рубинштейна и всегда съ новымъ удовольствіемъ. Исполненная имъ пьеса одно изъ замѣчательныхъ сочиненій его брата, о которомъ иностранные журналы вообще отзываются съ большимъ удовольствіемъ. Г. Герберъ игралъ въ концертѣ г-на Соколовскаго большую фантазію соч. Г. Щепина, и исполнилъ ее удачно. Г. Владиславлевъ пропѣлъ нѣжный романсъ Флотова изъ оперы «Марта», который давно уже прислушался московской публикѣ, хотя многіе увѣряютъ, что она его наслушаться не можетъ. Въ голосѣ г-на Владиславлева мало грудныхъ нотъ, но звукъ (*timbre*) его прiятедь, хотя и не совершенно чистъ (*une voix voilé*). Г. Владиславлевъ всегда старается придать выраженіе своему пѣнію, и Москва любить этого пѣвца. Но пусть г-нъ Владиславлевъ помнить, что Москва любить въ немъ свои надежды на его природное дарованіе и пусть, въ благодарность за вниманіе публики, постарается обработать это дарованіе тщательнымъ изученіемъ искусства; при любви г. Владиславлева къ музыкѣ, это дѣло быточное. Мы ожидаемъ увидѣть въ немъ, со временемъ, замѣчательнаго пѣвца московской сцены, тѣмъ болѣе, что какъ въ игрѣ его, такъ и въ голосѣ нерѣдко оказывается драматическое движеніе. Во второмъ отдѣленіи концерта, гг. Бажановскій и Владиславлевъ удачно исполнили дуэтъ Россини: «I Marinari».

Н. П.

Изданіе ГАЛЛЕРЕИ КІЕВСКИХЪ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ВИДОВЪ И ДРЕВНОСТЕЙ. — Изданныя до нашего времени описанія Кіева за отсутствіемъ рисунковъ не вполне удовлетворяютъ cadaго, желающаго изучить этотъ городъ и его древніе памятники. Изданіе: «Обозрѣнія Кіева въ отношеніи къ древностямъ», имѣетъ при себѣ лишь нѣсколько архитектурныхъ чертежей, изображающихъ фасады зданій. Изданныя въ свѣтъ литографіи нѣкоторыхъ кіевскихъ церквей, большею частію невѣрны и не сопровождаются описаніями изображаемыхъ предметовъ. Съ цѣлю пополнить этотъ литературно-историческій недостатокъ предпринимается теперь изданіе «Галлерей кіевскихъ достопримѣчательныхъ видовъ и древностей». Она заключитъ въ себѣ все безъ изыатія замѣчательные виды Кіева и его окрестностей, храмы, памятники и другіе достопримѣчательные предметы, и каждый рисунокъ будетъ объясненъ текстомъ. Рисунки будутъ сдѣланы на камнѣ художникомъ А. Ф. Ланге. «Галлерей» будетъ выходить по двѣ тетради, въ мѣсяцъ, каждая съ двумя рисунками. Цѣна изданія 10 рублей серебромъ. Издателями объявили себя члены Императорскихъ Русскихъ Географическаго и Археологическаго Обществъ Н. Семеновскій и А. Гаммершмидъ.

Селитряное дѣло въ Казани. — Замѣтки о селитряномъ дѣлѣ въ Казани заимствуемъ мы изъ статьи М. Я. Киттары, ученаго технолога, хорошо знающаго Казанскую губернію. Г. Киттары полагаетъ, что развитіе этой чрезвычайно полезной отрасли промышленности задерживается въ Казанской губерніи: 1) недостаткомъ скотоводства у государственныхъ крестьянъ, которые получаютъ такъ мало удобренія для полей своихъ, что имъ нечего и думать о насыпкѣ буртъ; 2) качествомъ почвы Казанской губерніи, которая большею частію глинисто-песчаная съ малою частію извести; такъ, что явится необходимость вводить въ бурты или известку, или золу, что весьма усложняетъ дѣло, и наконецъ 3) климатомъ губерніи, въ которой закладка буртъ должна совпадать съ рабочею порой въ полѣ. Возставая такимъ образомъ противъ введенія буртъ въ хозяйствѣ государственныхъ крестьянъ Казанской губерніи, г. Киттары предлагаетъ соединить это дѣло съ городской опрятностію, и тому, кто за него примется, пророчить огромныя выгоды. Самый городъ Казань, какъ по близости къ пороховому заводу, такъ и по сосѣдству съ Волгой, представляетъ для этой цѣли прекрасный операционный пунктъ. При 8,000 домовъ, въ числѣ которыхъ такъ много казенныхъ заведеній и гостинницъ, можно смѣло предположить до 200,000 назема, и сюда не войдетъ еще весенняя уличная грязь, которою Казань такъ богата. Очищеніе города отъ этой нечистоты, кидаемой зря въ поле, стѣитъ большихъ денегъ; тогда какъ она составляетъ огромный матеріалъ для селитряныхъ буртъ и можетъ даже доставлять выгоды своимъ владѣльцамъ. Г. Киттары общаетъ развить эту мысль подробнѣе и даже составить приблизительный проектъ предпріятія, если оно заслужитъ вниманіе практиковъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ВЫБОРЪ НОВАГО ПРЕЗИДЕНТА СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ

Какъ ни прискорбно думать, что почти вся внутренняя и отчасти внѣшняя политика Сѣвероамериканской республики неразрывно связана съ вопросомъ о неграхъ, нельзя однакожь не признать, что въ настоящее время онъ представляется господствующимъ надъ всѣми другими. Не онъ ли служитъ первымъ критериумомъ при избраніи не только главы исполнительной власти, но и представителей законодательной? Не онъ ли во всей политикѣ Соединенныхъ Штатовъ даетъ мѣру возможнаго соглашенія между штатами свободными и тѣми, гдѣ допущено невольничество? Не онъ ли, опираясь на климатическія особенности и на преимущества одной расы передъ другою, разъединяетъ республику постоянною враждою и поддерживаетъ общественное учрежденіе, противное духу ея уставовъ?

Умъ безпристрастнаго наблюдателя невольно останавливается на томъ, какимъ образомъ это черное пятно, явившееся сначала въ довольно малыхъ размѣрахъ, но возбуждавшее потомъ сильныя опасенія уже со стороны главныхъ учредителей Американской республики, осталось нетронутымъ данною ей конституціей и разлилось подъ щитою закона въ обширное море, захватившее теперь чуть не половину Сѣвероамериканскаго материка.

Извѣстно, что еще въ XIV вѣкѣ въ Португаліи и особенно въ южной Испаніи существовало многочисленное населеніе свободныхъ и несвободныхъ негровъ и мулаттовъ, возникшее подъ арабскимъ владычествомъ. Отъ позднѣйшаго времени дошла до насъ между прочимъ любопытная грамота Фердинанда и Изабеллы испанскихъ (1474 г.), которою въ старшины (майоралы) и судьи надъ всѣми неграми и мулаттами Севильскаго архіепископства былъ назначенъ именитый негръ, Хуанъ Вальядолидскій, обыкновенно называвшійся Негрскимъ Графомъ (Conde Negro). Въ XV-мъ же столѣтіи Португальцы покупали черныхъ невольниковъ внутри Африки и употребляли ихъ на работы въ своихъ Гвинейскихъ колоніяхъ. Когда вскорѣ послѣ откры-

тія Америки и учрежденія тамъ первыхъ европейскихъ поселеній оказался въ нихъ недостатокъ рабочихъ рукъ, то сначала Португальцы, Испанцы, и Генуэзцы, а за ними Голландцы и другіе мореходные народы пустились въ прибыльную торговлю черными невольниками. Многіе государи, начиная съ Карла V, давали на нее особыя привилегіи. Правомъ поставки негровъ въ испанскую Америку, такъ-называемымъ *assiento*, пользовался прежде всѣхъ любимецъ Карла, маркизъ Бреза; потомъ купили его Генуэзцы, позже перешло оно въ руки торговаго общества, состоявшаго преимущественно изъ Англичанъ; въ 1701 году оно передано по договору Французамъ, а въ 1711 уступлено Англій. Вообще къ концу XVI вѣка особенно дѣлательною является на этомъ поприщѣ Англія. Сначала, въ теченіе почти ста лѣтъ, правительство ея предоставляло торгъ неграми въ видѣ привилегіи разнымъ колоніямъ, которымъ хотѣло оказать особенную помощь, но съ 1698 года парламентъ, въ видахъ справедливости и общаго поощренія, объявилъ эту отрасль промышленности свободною для всѣхъ. Въ послѣднее двадцатилѣтіе семнадцатаго вѣка, въ однѣ Сѣвероамериканскія колоніи продано было не менѣе 300,000 невольниковъ. Когда же по договору съ Испаніей, утвержденному Утрехтскимъ миромъ, Англія пріобрѣла на тридцать лѣтъ право поставки негровъ въ испанскія колоніи, тогда торговля эта достигла высшей степени своего развитія и сильно способствовала не только успѣхамъ англійскаго мореходства, но и образованію огромныхъ купеческихъ капиталовъ въ этой странѣ.

Конечно, не въ оправданіе торга неграми, но лишь въ объясненіе того, до какихъ крайностей доводила тогда потребность въ рабочихъ, необходимыхъ для воздѣлки обширныхъ пространствъ непочатой плодородной земли, особенно въ южной половинѣ Сѣвероамериканскихъ колоній, мы считаемъ себя обязанными напомнить читателю, что и бѣлое населеніе этихъ областей составилось значительною частью изъ несвободныхъ людей. Въ колонизаціи Сѣверной Америки участвовали на столько же люди, искавшіе свободы отъ феодальныхъ, политическихъ и религіозныхъ притѣсненій родной Англій, сколько и такіе, которыхъ просто отдавали и продавали въ кабалу. Части этой подвергались не одни тюремные арестанты, но и вообще разные бѣдняки и бродяги; преимущественно же это были жертвы гражданскихъ и церковныхъ смутъ того времени. Каждая побѣда извѣстной политической или религіозной партіи влекла за собою раздѣлъ побѣжденныхъ между побѣдителями и отправку этой добычи, въ видѣ кабалныхъ людей, за море. Правда, кабала ограничивалась обыкновенно семилѣтнимъ срокомъ, но, до истеченія его, хозяева кабалныхъ пользовались своимъ правомъ во всей его полнотѣ и часто съ неужолимимъ жестокосердіемъ. Вывозъ такихъ невольныхъ переселенцевъ особенно усилился при Іаковѣ II, когда придворные распоряжались

политическими узниками, какъ товаромъ, для личныхъ своихъ выгодъ. За двѣнадцать, много за двадцать фунтовъ стерлинговъ всегда можно было купить кабальнаго для отправки въ колонию. Но большею частію это были люди, поставленные рожденіемъ и воспитаніемъ гораздо выше требованій рабочаго класса, а потому неудобства и невыгоды содержанія такихъ работниковъ не могли не обнаружиться въ послѣдствіи.

Было, сверхъ того, много добровольныхъ переселенцевъ, которые, не имѣя другихъ средствъ заплатить за перевозъ въ Америку, забавались на извѣстное число лѣтъ, всего чаще на пять. Такимъ образомъ, до самаго конца семнадцатаго вѣка, бѣлые кабальники, особенно въ Виргиніи и Мериландѣ, оспаривали у негровъ право обливать своихъ потомъ, а иногда и кровью, земли, пожалованныя какимъ-нибудь лордамъ, или прибрѣтенныя отъ нихъ богатыми переселенцами. Торгъ кабалою былъ выгоденъ до того, что хватаніе людей для отправки въ Америку обратилось въ промыселъ по всему англійскому побережью, и еще передъ самою революціей 1688 года муниципальныя власти города Бристоля, съ своимъ меромъ во главѣ, грозили всѣмъ задерживаемымъ бродягамъ висѣлицею, предлагая имъ впрочемъ въ замѣну кабалу, и потомъ дѣлились между собою выручкою отъ продажи ихъ въ колонию. Знаменитый судья Іакова II, страшный Джеффризъ, добрался было и до брестольскаго мера; но переворотъ 1688 года остановилъ слѣдствіе, и торгъ кабальными продолжался еще нѣсколько лѣтъ до тѣхъ поръ, пока колонисты сами не стали отдавать рѣшительнаго предпочтенія неграмъ передъ бѣлыми работниками, какъ далеко не столь покорными и притомъ дороже стоявшими. Тогда-то парламентъ объявилъ торгъ черными свободнымъ, для всѣхъ открытымъ промысломъ, и невольничество укоренилось глубоко на почвѣ Мериланда и Виргиніи.

Нельзя здѣсь не замѣтить, какую важную роль играли въ этомъ историческомъ явленіи произведенія мѣстной почвы. Въ начальный періодъ Сѣвероамериканскихъ колоній, такая роль принадлежала исключительно *табаку*. Употребленіе этого зелья, привезеннаго въ Англію, вмѣстѣ съ картофелемъ и кукурузой, первою экспедиціею знаменитаго сэръ-Вальтера Ралея въ 1584 г., до такой степени распространилось въ Европѣ, что англійскіе и испанскіе колонисты не успѣвали снабжать имъ безпрестанно размножавшихся потребителей. Именно воздѣлка этого растенія и требовала въ то время наибольшаго числа рабочихъ рукъ. Для Виргиніи (1) табакъ долго былъ не только един-

(1) Виргинію, въ честь дѣвственной королевы Елисаветы, называлась сначала вся южная часть Сѣвероамериканскихъ колоній, изъ которой, кромѣ нынѣшней Виргиніи, образовались потомъ Мериландъ, Сѣверная и Южная Каролины, Пенсильванія и Георгія.

ственною статью вывоза и слѣдовательно единственнымъ орудіемъ заграничнаго обмѣна, но сверхъ того, при рѣдкости денегъ, онъ служилъ тамъ и общимъ мѣриломъ цѣнностей, монетою. Табакомъ выдавалось жалованье служащимъ, табакомъ возносились большія часть податей, на табакъ покупали хлѣбъ, говядину и всѣ другіе припасы; а такъ какъ цѣна его была подвержена частымъ переѣнамъ, то колоніальный совѣтъ периодически устанавливалъ ее на каждый годъ. Въ 1620 году Виргинцамъ отправленъ былъ изъ Англіи цѣлый грузъ женщинъ «неукоризненной чистоты», и колонисты приобрѣтали ихъ руку и сердце цѣною отъ 120 до 150 фунтовъ табаку. Еще въ 1758 году англиканское духовенство въ Виргиніи получало свои оклады табачными папушами.

Въ концѣ семнадцатаго столѣтія, именно съ 1698 года, къ табаку присоединяется воздѣлка сарацынскаго пшена, случайно завезеннаго въ Южную Каролину изъ Мадагаскара. Потомъ разведеніе индиго, хлопчатой бумаги и наконецъ сахарнаго тростника. Эти послѣднія растенія, требовавшія жаркаго и отчасти влажнаго климата, который дѣйствуетъ гораздо сильнѣе на бѣлую, чѣмъ на черную породу, побудили всѣхъ южныхъ колонистовъ предпочесть невольную работу негра свободному труду бѣлаго, и ничто такъ не содѣйствовало распространенію невольничества, какъ страшно усилившееся въ нашъ вѣкъ потребленіе хлопчатобумажныхъ тканей, индиго, сахару и рису. Напротивъ того, въ сѣверной части колоній, въ такъ-называемой Новой-Англіи, гдѣ умѣренный и отчасти даже холодный климатъ допускаетъ только воздѣлку хлѣбовъ, пеньки и льну, свободный трудъ бѣлаго, при возрастающихъ успѣхахъ промышленности, окончательно вытѣснилъ менѣе прибыльную дѣятельность невольника-негра.

Сколь однакожъ ни важно участіе климата и естественныхъ произведеній въ исторіи сѣвероамериканскаго невольничества, никто, кромѣ самыхъ рьяныхъ рабовладѣльцевъ, не подумаетъ утверждать, чтобы вліяніе внѣшней природы на человека было въ этомъ случаѣ исключительно, ни тѣмъ менѣе, чтобы оно единожды навсегда опредѣлило дальнѣйшее развитіе цѣлаго края. Напротивъ, каждый, въ комъ жива вѣра въ нравственныя силы духа, не можетъ не подчеркнуть изъ исторіи же утѣшительнаго убѣжденія, что если силы эти и дѣлаютъ иногда чрезмѣрныя, повидимому, уступки въ своихъ столкновеніяхъ съ внѣшнею природою, то всегда потомъ освобождаются отъ временнаго порабожденія и неуклонно ищутъ условій того стройнаго сочетанія внѣшней природы съ чисто человеческими требованіями, которое такъ отрадно даетъ себя чувствовать намъ во всѣхъ лучшихъ явленіяхъ этой жизни. Не надо притомъ забывать, что силы нравственныя и силы внѣшней природы, эти два вѣчно-розные и вѣчно-слитныя жизненные тока, постоянно вызываютъ другъ друга къ новой дѣятельности, и та же самая потребность въ

усиленною производствѣ табаку, сахару, хлопчатой бумаги и проч., которая сто лѣтъ тому назадъ повелѣ къ рѣшительному распространению невольничества, та самая потребность, при дальнѣйшемъ своемъ возрастаніи, должна повести къ уничтоженію этого зла уже и потому, что она вызываетъ усиленное совѣстничество работы, при которомъ трудъ невольника наконецъ принужденъ будетъ уступить совокупному дѣйствию свободнаго труда и изобрѣтаемыхъ имъ механическихъ пособій.

Заглянувъ, впрочемъ не безъ достаточнаго повода, въ эту болѣе или менѣе отдаленную перспективу будущности, возвращаемся къ объясненію настоящаго положенія вопроса и тѣхъ ближайшихъ причинъ, которыми оно было вызвано.

Не одніе естественныя причины упрочили перевѣсъ невольничества въ южной половинѣ сѣвероамериканскихъ колоній : характеръ общественныхъ условій имѣлъ тутъ также свою долю вліянія. Въ то время, какъ сѣверныя колоніи по преимуществу служили убѣжищемъ для людей, много потерпѣвшихъ отъ религіозныхъ и политическихъ гоненій, людей, готовыхъ на всякій личный трудъ, лишь бы отстоять свою личную независимость, южныя основаны были компаніями вельможъ и богачей, которымъ королевскія грамоты предоставляли пользование землями на феодалномъ правѣ, освобождая ихъ въ видѣ льготы отъ коронныхъ повинностей. Конечно, феодалное устройство англійскаго общества, основанное на сосредоточеніи стѣсненной въ своихъ размѣрахъ поземельной собственности въ немногихъ рукахъ, отнюдь не могло приняться исполнѣ на безпредѣльныхъ пространствахъ Америки, однакожь оно сообщило нравамъ и быту южныхъ колоній тотъ аристократическій характеръ, который, благодаря невольничеству и всегдашнему житію рабовладѣльцевъ по плантаціямъ, получилъ здѣсь особый мѣстный колоритъ, и который они сохраняютъ по сіе время. Чуждаясь, по привычкамъ и воспитанію, личнаго труда, богатые землевладѣльцы юга сначала пробавлялись кабальными работниками, о которыхъ мы говорили выше, но вскорѣ они нашли себѣ болѣе послушное и надежное орудіе въ неграхъ и старались о размноженіи ихъ одинъ передъ другимъ. Кабальные отдавались только на срокъ и, по истеченіи его, а часто и прежде, уходили селиться въ лѣса на западъ; да и во всякомъ случаѣ, при ихъ европейскихъ привычкахъ и понятіяхъ, трудно было подчинить ихъ игу скудно-вознаграждаемаго тяжкаго труда, тогда какъ на негра обыкновенно смотрѣли какъ на рабочее животное и соответственно тому съ нимъ и обходились. Возникавшія у нѣкоторыхъ религіозныя сомнѣнія въ справедливости подобныхъ поступковъ, устранялись придуманнымъ тогда «арисейскимъ правиломъ», что невольничество служитъ негру путемъ ко спасенію, ведущимъ его въ лоно христіанъ. Лицемеріе

было тутъ совершенно у мѣста: прикрывать зло — единственное его назначеніе.

Такимъ образомъ зло невольничества разрасталось безпрепятственно и въ тиши до тѣхъ поръ, пока сѣвероамериканскія колоніи возстали противъ запоздалыхъ и неумѣстныхъ притязаній англійскаго правительства. Но какъ сильно оно укоренилось уже за полвѣка до этого событія, примѣромъ тому могутъ служить тщетныя усилія благонамѣренныхъ и человѣколюбивыхъ колонизаторовъ Георгіи, которые, учредивъ эту колонію въ 1732 году, постановили основнымъ для нея правиломъ недопущеніе рабства, и, по прошествіи немногихъ лѣтъ, были однакожь вынуждены уступить рѣшительнымъ требованіямъ англійскихъ переселенцевъ. Освобожденные большею частью изъ долговыхъ тюремъ для отправки въ Америку, колонисты не могли или не хотѣли примириться съ тягостями полевой работы и настояли на томъ, что имъ было разрѣшено покупать невольниковъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ они считались вольнонаемными, а срокъ найму полагался *столѣтній*. Зальцбургскіе Нѣмцы, поселенные въ Георгіи рядомъ съ Англичанами, сначала было посовѣстились употреблять рабовъ, но успокоенные изъ Германіи правиломъ ходячей тогда морали, что самая неволя обратится неграмъ въ спасеніе души, они также покорились общепринятому обычаю. Всего примѣчательнѣе, что это произошло въ такой мѣстности, гдѣ близкое тогда сосѣдство Испанцевъ не обѣщало рабовладѣльцамъ прочной собственности въ неграхъ; Испанцы постоянно переманивали невольниковъ и потомъ вооружали бѣглыхъ противъ ихъ прежнихъ господъ. По этому на южныхъ и западныхъ границахъ невольничьихъ колоній мелкая война шла почти безостановочно.

Итакъ мы видимъ, что религіозно-филантропическія воззрѣнія начала осмнадцатаго вѣка оказались безсильны въ своей борьбѣ съ укоренившимся невольничествомъ; къ сожалѣнію не болѣе успѣха имѣли и политико-филантропическія теоріи послѣдней половины этого столѣтія, когда, отстаивавъ дѣло своей независимости, колоніи, въ лицѣ главныхъ своихъ представителей, замыслили учрежденіе демократической республики, допускающей возможно высшую степень гражданской и политической свободы. Республика, предполагавшая быть образцовой, начала торжественнымъ признаніемъ правъ человѣка (*les droits de l'homme*), но ограничила это признаніе извѣстнымъ цвѣтомъ лица и тѣмъ самымъ надолго запечатлѣла свою исторію темнымъ пятномъ неразлучнаго съ нею рабства.

Несправедливо было бы возлагать ответственность за то на великія тѣни учредителей Союза. Въ своей политической дѣятельности эти люди имѣли въ виду одно общественное благо и приносили въ жертву ему даже нѣкоторыя изъ задушевныхъ своихъ убѣжденій. Болѣе требовать отъ историческихъ дѣателей не въ правѣ никто,

и строго обсуждая событіе въ его послѣдствіяхъ, мы можемъ только пожалѣть, что чистыя и благородныя побужденія главныхъ его участниковъ не въ силахъ были одолѣть встрѣченныя ими преграды и заѣщали часть своего подвига грядущимъ поколѣніямъ.

Когда, послѣ десятилѣтняго волненія, возбужденнаго борьбою съ фискальными мѣрами англійскаго правительства и сильно поддержаннаго примѣромъ стойкости массачузетскихъ демократовъ, Американцы наконецъ рѣшились явно отложиться отъ метрополи, тогда первое мѣсто въ политическомъ движеніи заняли безспорно виргинскіе аристократы. Предложивъ сначала созваніе общаго конгресса, потомъ объявленіе независимости колоній и наконецъ обсужденіе союзнаго договора, они можно сказать установили основанія американской независимости. А между тѣмъ не только тогдашнее значеніе, но и самое существованіе этихъ столь энергически дѣйствовавшихъ людей опиралось исключительно на невольничество, потому что при обилии земель и при равномъ для всѣхъ бѣлыхъ правѣ на владѣніе ими, большое аристократическое хозяйство могло существовать только съ помощію многочисленной толпы негрѣвъ. «Почтительное благорасположеніе, которое питала къ аристократамъ масса народа, говоритъ біографъ Вашингтона, де-Виттъ, имѣло источникомъ не одно ихъ богатство или правительственную силу; связи болѣе прочныя, — общность понятій, интересовъ и самаго быта соединяли ихъ съ остальнымъ свободнымъ населеніемъ. Въ Виргиніи вовсе не было городовъ. Вильямсбургъ, столица колоніальнаго правительства, имѣлъ не болѣе двухъ тысячъ жителей, и члены аристократіи являлись туда только въ качествѣ представителей интересовъ своего графства въ выборной палатѣ. Все остальное время проводили они въ своихъ помѣстьяхъ, въ постоянномъ сопрیکосновеніи съ мелкими плантаторами, которые, подобно имъ, были поглощены заботами и обязанностями патріархальной сельской жизни и, подобно же имъ, покидали эти занятія только для охоты и для войны. Сохраняя наклонность къ роскоши, къ общительности и гостепріимству, свойственнымъ англійской аристократіи, знатные Виргинцы оставались такимъ образомъ чужды преутопченныхъ нравовъ и духа касты, которые развились въ ней при другихъ условіяхъ. Воздѣлывать землю и защищать ее отъ Индѣйцевъ, управлять семействомъ и невольниками, устраивать великолѣпныя охоты и всѣмъ открытыя трапезы, чинить судъ и расправу въ своемъ графствѣ, начальствовать милиціей — такова была жизнь большихъ виргинскихъ землевладѣльцевъ. Это обособленіе каждаго изъ нихъ среди огромныхъ пространствъ, гдѣ они встрѣчали только людей имъ подвластныхъ, или имъ обязанныхъ, эта ежеминутная борьба съ набѣгами дикарей и съ упорствомъ нетронутой еще природы, образовало цѣлое поколѣніе людей, смѣтливыхъ, гордыхъ, энергическихъ, вмѣстѣ суровыхъ и великодушныхъ. привычныхъ къ власти и душою по-

любившихъ независимость.» Однимъ изъ высшихъ олицетвореній этого типа былъ конечно самъ Вашингтонъ, котораго общественное мнѣніе всѣхъ возставшихъ колоній вскорѣ призвало во главу движенія. Не бывъ гениемъ по уму, Вашингтонъ былъ истинно гениемъ по доблести. Какою-то здоровою упругостью обладала его чистая душа: всѣ силы ея, всѣ ея способности расширились по мѣрѣ жизненныхъ столкновеній и являлись въ уровень съ самыми страшными невзгодами и препятствіями. Когда онъ былъ призванъ руководить дѣломъ освобожденія колоній и основанія ихъ государственной самобытности, привычки богатаго рабовладѣльца не помѣшали ему убѣдиться въ томъ, что удержаніе невольничества грозитъ новораждающейся республикѣ неизбѣжною, хотя быть-можетъ и отдаленною опасностью. Тѣхъ же убѣжденныхъ были, какъ извѣстно, лучшіе представители американской независимости—Гамильтонъ и Адамсъ на сѣверѣ, Джефферсонъ, Маршаллъ, Генри, Рандольфъ и нѣкоторые другіе на югѣ. Но историческая жизнь идетъ своими путями и не довольствуется убѣжденіемъ *немногихъ лучшихъ*: она именно требуетъ, чтобъ лучшихъ было много. И если такіе люди, какъ Вашингтонъ, Гамильтонъ, Джефферсонъ, Адамсъ, не успѣли провести своихъ убѣжденій въ конституцію, то причинъ тому должно искать не столько въ недостаткѣ настойчивости или умѣнья съ ихъ стороны, сколько въ свойствахъ окружавшей ихъ общественной сферы. Англійское колоніальное управленіе, долго остававшееся почти только нарицательнымъ, дало созрѣть на сѣвероамериканской почвѣ такому множеству мѣстныхъ особенностей, гражданскихъ, религиозныхъ и племенныхъ, такой пестротѣ часто совсѣмъ противоположныхъ интересовъ, что когда дѣло дошло до соединенія колоній въ одинъ общій государственный союзъ, то передовые дѣятели этого переворота, и особенно глава ихъ Вашингтонъ, нерѣдко отчаивались въ рѣшеніи многотрудной задачи и считали общее дѣло погибшимъ навсегда. Конгрессъ представителей разныхъ областей былъ почти непрерывно поприщемъ ожесточеннаго раздора мѣстныхъ и личныхъ интересовъ, и такимъ образомъ вполне терялъ свой авторитетъ; господствовавшая въ немъ анархія переходила въ высшія сословія, а вслѣдъ за тѣмъ и въ массу народа; общая деморализація была страшная. Къ довершенію всего, партія лоялистовъ или приверженцевъ англійскаго правительства, особенно сильная на югѣ, безпрерывно усложняла кровавую борьбу съ Англіей распространеніемъ внутреннихъ междоусобій въ глубинѣ края. Вліяніе самого Вашингтона, этого первоизбранника народнаго, подрывалось яростными нападками журналовъ и безсовѣстными происками цѣлаго роя темныхъ враговъ. «Еслибъ мнѣ пришлось описать это время и этихъ людей, говоритъ Вашингтонъ, судя по тому, что я вижу и знаю, я сказалъ бы, что ихъ обуяла лѣнь, вертопрашество и сумасбродство; что барышничанье, взятки, неутолимая жажда обогащенія овла-

дѣла всѣми умами и всѣми сословіями; что вражда партій и частных ссоры, теперь главное дѣло между нами; тогда какъ пользы обширнаго государства, непрерывно растущій тягостный долгъ, разореніе нашихъ финансовъ, упадокъ нашихъ ассигнацій, отсутствіе кредита, словомъ, всѣ жизненные вопросы едва обращаютъ на себя вниманіе и откладываются со дня на день, какъ-будто бы дѣла наши были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. » Въ такое смутное время надо было всего болѣе стараться о водвореніи возможнаго единства и согласія: къ этой необходимой, главной цѣли исключительно стремился и направилъ всѣхъ Вашингтонъ вмѣстѣ съ геніальнымъ помощникомъ своимъ, Александромъ Гамильтономъ. Поднять тогда вопросъ объ устроеніи невольничества не было никакой возможности. Вашингтонъ, чтобы не разстроитъ отношеній своихъ къ Виргиніи и къ тогдашнему югу вообще, не рѣшался даже отпустить своихъ собственныхъ невольниковъ и освободилъ ихъ лишь по духовному завѣщанію, изъ-за могилы. Однакожь, и среди этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, господствовавшее у многихъ государственныхъ людей того времени противоневольническое убѣжденіе явно высказалось въ попыткѣ Джефферсона по крайней мѣрѣ очертить область невольничества извѣстными предѣлами. Когда, въ 1784 году, Виргинія уступила новорожденному Союзу свои притязанія на обширное пространство между Миссисипи и большими сѣверозападными озерами, тогда, и притомъ въ тотъ же самый день, Джефферсонъ, какъ одинъ изъ представителей Виргиніи на конгрессѣ, предложилъ планъ для управления какъ этою областью (территоріею), такъ и всякими другими, которыя будутъ впродъ уступлены Союзу со стороны отдельныхъ штатовъ. Въ этомъ планѣ предполагалось между прочимъ по времени образовать изъ такихъ территорій новые штаты, и «въ нихъ, начиная съ 1800 года, не допускать уже ни невольчества, ни вынужденныхъ работъ, развѣ только въ наказаніе за преступныя дѣйствія, въ которыхъ обвиненный будетъ уличенъ надлежащимъ порядкомъ». Участь предложенія, одобреннаго шестью изъ тринадцати первоначальныхъ штатовъ и отвергнутаго тремя, не могла быть окончательно рѣшена, потому что Георгія и Делаваръ не имѣли еще представителей на конгрессѣ, депутаты Сѣверной Каролины раздѣлились по этому вопросу на двѣ стороны, а голосъ Нью-Джерси потерялъ свой вѣсъ, за случайнымъ отсутствіемъ одного изъ представителей этой области. Когда же, три года спустя, предложеніе Джефферсона было возобновлено депутатомъ Массачузетса, Деномъ, оказалось, что рабовладельческіе интересы Южной Каролины и Георгіи усиллись и опредѣлились въ своихъ видахъ до того, что предложеніе Дена прошло уже не иначе, какъ съ весьма чувствительнымъ ограниченіемъ: невольничество было формально устранено только въ союзной территоріи, на сѣверозападѣ отъ рѣки Огайо, а вся юговосточная часть

этого обширнаго края осталась для него открытою. Послѣдствія такой мѣры не замедлили обнаружиться, потому что въ первые же годы по принятіи федеральной конституціи два новые штата, Кентуки и Тенесси, населенные преимущественно мелкими рабовладельцами изъ Виргиніи и обѣихъ Каролинъ, потребовали вступленія въ Союзъ и были приняты въ него уже съ заразившею ихъ язвою невольничества.

Не многіе обратили тогда вниманіе на этотъ печально-быстрый результатъ уступки, сдѣланной рабовладельческому югу, такъ какъ весьма не многіе предвидѣли бѣдствія, какими угрожала новорожденной республикѣ та еще болѣе существенная уступка, которою федеральная конституція безмолвно предоставила этотъ вопросъ независимому рѣшенію каждаго штата въ отдѣльности и изъ сферы общаго союзнаго права низвела его на степень вопроса *мѣстной* внутренней политики и частныхъ установленій. Этого мало, при верѣнителности своего отношенія къ невольничеству, союзная конституція вовлечена была въ необходимость косвеннаго признанія его, какъ законно существующаго факта: она, во первыхъ, обязала всѣхъ членовъ союза, по первому требованію, выдавать бѣглыхъ людей, *обязанныхъ работою* въ какомъ либо штатѣ, а вовторыхъ постановила, что число представителей и количество прямыхъ налоговъ Союза должно распределяться между штатами, смотря по числу въ нихъ свободныхъ лицъ, за исключеніемъ всѣхъ неподатныхъ Индѣйцевъ и съ присовокупленіемъ *трехъ пятыхъ всякаго другаго населенія*. Подъ этимъ темнымъ выраженіемъ, равно какъ въ первомъ случаѣ подъ именемъ «обязанныхъ работою», разумѣются невольники. Съ одной стороны допускать невольничество, а съ другой предоставлять тремъ пятымъ его право подачи голосовъ, котораго оно фактически лишено по своей полной зависимости отъ владѣльцевъ, было бы конечно явнымъ противорѣчіемъ, еслибъ конституція не имѣла преимущественно въ виду дать сравнительно-малому числу южныхъ рабовладельцевъ столько же вѣсу въ управленіи Союзомъ, сколько приходилось его на долю свободнаго сѣвера.

Повторимъ здѣсь еще разъ: при самомъ учрежденіи Сѣвероамериканскаго союза, особенности историческаго и бытоваго развитія отдѣльныхъ колоній, укоренившіеся въ каждой изъ нихъ частные интересы, нравы и обычаи, представляли основателямъ республики едва одолимыя преграды, — преграды, которыхъ дѣйствіе сильно ощущается и до сихъ поръ, несмотря на то, что онѣ во многомъ уступили вліянію общегосударственнаго начала, несмотря на то, что многіе штаты измѣнили даже свою первобытную конституцію совершенно по образцу федеральной. Всѣ они ревниво слѣдили за возникновеніемъ центральной власти, и для допущенія ея, даже въ самыхъ ограниченныхъ предѣлахъ, потребна была продолжительная борьба

съ Англіей, угрожавшая общей независимости колоній; только эта явная опасность принудила ихъ къ уступкѣ известной части державныхъ правъ своихъ въ распоряженіе Союза.

Въ число такихъ уступокъ не вошло право распоряжаться невольничествомъ; этотъ важный законодательный вопросъ предоставленъ внутреннему самоуправленію каждаго изъ штатовъ. Понятно, что начало самоуправленія блюдется Американцами какъ безцѣнный клейнодъ: отстоявъ его въ борьбѣ съ метрополіей, они неуступчивы въ этомъ отношеніи и къ центральной власти Союза. Однакожь центральная власть, тамъ какъ и вездѣ, находится въ неразрывной органической связи съ другими сферами гражданского быта, и разграниченіе ихъ, сообразно даннымъ потребностямъ общества, составляетъ вѣчную задачу политической жизни народа. Строгая добросовѣстность и основанное на ней взаимное довѣріе необходимы здѣсь съ обѣихъ сторонъ, да необходимы и вездѣ, какъ нравственные начала, не замѣняемые никакимъ въ свѣтѣ формальнымъ устройствомъ, никакою механикой учреждений. Само государственное уложеніе Америки можетъ служить тому очевиднымъ примѣромъ. Съ одной стороны, конституція предоставила Союзу известныя, ясно опредѣленные права, съ другой—она уполномочила его, въ общихъ выраженіяхъ, принимать всѣ мѣры, необходимыя для приведенія этихъ правъ въ полное дѣйствіе. Практическое приложеніе правомѣрныхъ началъ на другихъ основаніяхъ невозможно. И однакоже большая часть столкновеній между союзными распоряженіями и частными стремленіями отдельныхъ штатовъ происходитъ именно въ тѣхъ случаяхъ, когда центральное правительство пользуется даннымъ ему общимъ полномочіемъ блюсти цѣлость и благоденствіе Союза. Разномысліе, а слѣдственно и раздѣленіе на партіи, проявляется въ этомъ отношеніи чуть не по каждому вновь возникающему вопросу. Такъ на примѣръ, одни, опираясь на безмолвіе буквы конституція, утверждаютъ, что конгрессъ не имѣетъ права учредить національный или государственный банкъ, а другіе признають за нимъ это право, ссылаясь на данное ему общее полномочіе пещись о благѣ Союза и доказывая, что государственный банкъ можетъ всего лучше обезпечить финансовое благосостояніе республики: одни говорятъ, что конгрессъ въ правѣ пролагать дороги по всему протяженію Союзной земли, безъ согласія отдельныхъ штатовъ, находя въ этомъ одно изъ дѣйствительныхъ средствъ къ предоставленной ему оборонѣ государства, а другіе отрицають это правона томъ основаніи, что тогда центральная власть можетъ вступить въ проведенеіе желѣзныхъ дорогъ и каналовъ по разнымъ штатамъ, а это составляетъ существенный предметъ ихъ внутренняго самоуправления. Этого довольно, чтобы показать всю трудность строгаго разграниченія власти между союзнымъ правительствомъ и отдельными штатами. Только самая малая часть подобныхъ столкновеній можетъ подле-

жать и еще меньшая дѣйствительно подвергается рѣшенію Верховнаго Суда республики: всѣ остальные вопросы рѣшаются тайною и явною борьбою партій. Мудрено ли, что съ самой колыбели Союза, какъ въ сѣверной, такъ и въ южной его части, возникли двѣ противоположныя партіи — федералистовъ и демократовъ? Первые стремились къ упроченію власти въ рукахъ союзнаго правительства, вторые отстаивали независимость отдѣльныхъ штатовъ (1). Сначала передовые люди обѣихъ партій, и притомъ какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, были согласны по крайней мѣрѣ въ томъ, что республиканская политика несомнѣнна съ невольничествомъ, и что союзное правительство должно дѣйствовать въ смыслѣ освобожденія негровъ. Но, по естественному ходу вещей, на югѣ вскорѣ обнаружили признаки сопротивленія этой системѣ, и прикрываясь знаменемъ демократіи, то есть самостоятельности отдѣльныхъ штатовъ, приверженцы невольничества начали смѣлѣе и смѣлѣе выступать на политическое поприще. Еще въ концѣ 1787 года, когда состоялся конституціонный актъ объ отпѣнѣ привоза негровъ въ Соединенные Штаты, Мерилендъ, Виргинія, Георгія и Южная Каролина отказались приступить къ этому постановленію, а въ послѣднее десятилѣтіе минувшаго вѣка рабовладѣльческіе интересы расширились и укрѣпились съ немовѣрною быстротой, благодаря страшному развитію воздѣлки хлопчатой бумаги, вызванному успѣхами машинной фабрикаціи въ Англіи. Въ 1789 году, въ Америкѣ не собиралось и одного милліона фунтовъ хлопки, а въ 1801-мъ вывезено его около пятидесяти милліоновъ. Южная Каролина и Георгія нашли тогда въ невольничествѣ элементъ новаго, совсѣмъ неожиданнаго богатства; Виргинія и Сѣверная Каролина могли уже предвидѣть въ будущемъ почти неограниченный спросъ на негровъ, и съ тѣхъ поръ принялись разводихъ ихъ для продажи; глаза всѣхъ южныхъ рабовладѣльцевъ съ жадностію обратились на необозримыя пространства Алабамы, Тенесси и Миссисипи, какъ на обильныя поля для будущей воздѣлки хлопчатника. И вотъ, будто нарочно, представился вдругъ случай пріобрѣсть всю Миссисипскую страну за сущій безцѣнокъ отъ Франціи. Федеральная партія, руководившая республикой въ оба президентства Вашингтона и въ управленіе Адамса, уступила между тѣмъ мѣсто демократамъ, во главѣ которыхъ стоялъ Джефферсонъ. Этотъ государственный человѣкъ, по личному своему убѣжденію, былъ противъ безоговорочной покупки Луизианы; онъ самъ неоднократно утверждалъ, что этотъ шагъ превратитъ союзную конституцію въ клочокъ бумаги, въ ничто: но, какъ президентъ, возведенный демократическою партіей, онъ пожертвовалъ своимъ убѣжденіемъ и согласился на расширеніе

(1) При дальнѣйшимъ изложеніи вопроса о невольничествѣ, мы во многомъ руководствуемся статью, недавно напечатанною въ *Edinburgh Review*.

предѣловъ того самаго невольничества, противъ котораго такъ усердно ратовалъ въ теченіи двадцати лѣтъ. Многіе изъ сѣверныхъ представителей торжественно обличали послѣдствія этой мѣры среди конгресса. Джозія Квинси тогда же заявлялъ въ законодательномъ собраніи, что присоединеніе Луизианы «въ сущности разрѣшаетъ связи Союза, освобождаетъ составляющіе его штаты отъ ихъ нравственныхъ обязательствъ и даетъ всѣмъ имъ право, а на нѣкоторые возлагаетъ обязанность, готовиться къ окончательному разрыву: миролюбивому, «если будетъ можно; насильственному, если нельзя безъ этого обойтись.» Но Квинси и его сторонники были федералисты, а господствовавшая тогда демократическая партія представляла покупку Луизианы средствомъ тѣснѣйшаго сближенія съ Франціей, и притомъ въ явный ущербъ Англій, за которую именно стояли противники демократовъ. Сказать правду, трудно было Союзу не соблазниться такимъ завиднымъ приращеніемъ: за шестьдесятъ милліоновъ франковъ онъ приобрѣталъ себѣ твердую границу на западѣ, свободное плаваніе по Огайо и все плодородное побережье Миссури и Миссисипи.

По присоединеніи Луизианы въ 1803 году и по учрежденіи въ 1810 штата этого имени, переселеніе шло непрерывнымъ токомъ въ страну, лежащую вверхъ по Миссисипи. Въ 1819 г. колонисты той части этой страны, которая омывается нижнимъ теченіемъ Миссури, въ свою очередь, просили о принятіи ихъ въ союзъ отдѣльнымъ штатомъ, который, какъ и Луизиана, былъ весь занятъ рабовладѣльцами. Тогда-то споръ объ очевидномъ для всѣхъ распространеніи невольничества возгорѣлся съ необыкновенною силой. Допущеніе новаго рабовладѣльческаго штата встрѣтило себѣ самое упорное сопротивленіе въ конгрессѣ; несмотря на то, южная политика восторжествовала и на этотъ разъ, согласившись только на извѣстную уступку въ будущемъ. Уступка эта, называемая Миссурійскою сдѣлкой, обезпечивала свободу отъ невольничества для той части Миссисипской страны, которая лежитъ на сѣверъ отъ параллели 36° 30' и которая не вошла притомъ въ составъ штата Миссури. Этою знаменитою сдѣлкой, съ одной стороны, за невольничествомъ было признано право дальнѣйшаго распространенія на югъ, съ другой надъ нимъ произнесенъ приговоръ, какъ надъ учрежденіемъ, которому необходимо положить предѣлы. Политическія противоположности размежевались географическою чертой, и съ тѣхъ поръ сѣверъ и югъ старались только о томъ, чтобы одинъ не опередилъ другаго въ образованіи новыхъ штатовъ, которыхъ представители дали бы одной изъ двухъ сторонъ явный перевѣсъ на конгрессѣ и въ управленіи.

Въ сущности этотъ перевѣсъ почти постоянно принадлежалъ югу. Благодаря своему тѣсному союзу съ господствующею въ Америкѣ демократическою партіей, южные рабовладѣльцы, несмотря на то, что собственное число ихъ, даже и теперь, составляетъ навѣрно ме-

нѣ десятой, а можетъ-быть и менѣ двадцатой части всѣхъ дѣйствительныхъ избирателей (1), очевидно первенствуютъ на выборахъ въ главныя правительственныя и судебныя должности Союза, тогда какъ очень хорошо извѣстно, что сѣверные штаты и несравненно люднѣе, и богаче и образованнѣе южныхъ. Довольно сказать, что изъ шестнадцати президентовъ республики одиннадцать были сами рабовладѣльцы, а изъ пяти остальныхъ трое вступили въ должность отъявленными представителями южной политики. Что касается прочихъ должностей, то отъ начала Союза до 1852 года на долю юга приходится:

17 изъ 28 судей верховнаго суда,

14 изъ 19 генералъ-прокуроровъ,

61 изъ 77 предсѣдателей сената,

21 изъ 33 президентовъ палаты представителей,

и 80 изъ 134 министровъ иностранныхъ дѣлъ.

Не ясно ли, что политическій перевѣсъ вездѣ на сторонѣ южныхъ рабовладѣльцевъ? Такъ иногда могуче дѣйствіе интересовъ касты, сосредоточенныхъ въ немногихъ рукахъ, передъ дробными, хотя и высшими интересами другаго общественнаго порядка. Достатокъ и народная образованность, безспорно болѣе распространенныя въ сѣверныхъ штатахъ, уступаютъ богатству и тонкому политическому образованию передовыхъ людей юга. А что касается сравнительной его малолюдности, то, при разсмотрѣніи этого вопроса, не должно между прочимъ забывать, что необходимое консервативное начало Союза, американскій сенатъ, значительно уравниваетъ разность въ этомъ отношеніи. Тогда какъ число членовъ палаты представителей соразмѣряется съ населеніемъ отдѣльныхъ штатовъ, въ сенатѣ каждый штатъ безъ различія представляется двумя голосами, и такимъ образомъ случайный перевѣсъ противоневольническихъ мнѣній въ первой, всегда можетъ встрѣтить себѣ отпоръ во второмъ. А между тѣмъ, для того, чтобъ только предложить какую-нибудь отмѣну въ конституціи по вопросу о невольничествѣ, равно какъ и по всякому другому, необходимо согласіе двухъ третей обѣихъ палатъ, или желаніе законодательныхъ собраній двухъ третей всѣхъ штатовъ; для утвержденія же такой отмѣны потребно большинство не менѣ трехъ четвертей. Можно ли надѣяться, чтобъ при подобномъ порядкѣ вещей рабовладѣльцы добровольно согласились на какія-нибудь уступки? Далеко отъ этого! Объ руку съ демократизмомъ, популярнымъ и на сѣверѣ, они все смѣлѣе и смѣлѣе отстаиваютъ свои интересы, подчиняя имъ всю внутреннюю и внѣшнюю политику республики.

(1) Избирателей въ Соединенныхъ Штатахъ считается около трехъ милліоновъ, а число рабовладѣльцевъ простирается, по ихъ собственнымъ показаніямъ, до трехсотъ пятидесяти тысячъ; но новѣйшія изслѣдованія Пальмера и Ольмстеда вполне обнаружили умысленную нечѣткость этого расчета и опредѣлили число рабовладѣльцевъ приблизительно до ста тысячъ человекъ.

Въ теченіе тридцатыхъ годовъ, полудиктаторское управленіе главы демократовъ, президента Джаксона, возстаніе Южной Каролины противъ государственнаго тарифа и наконецъ жаркій споръ за существованіе національнаго банка вызвали сильную оппозицію на сѣверѣ; тогда федеральная партія, затихшая со времени войны съ Англіею въ 1812 году, выступила подъ новымъ именемъ виговъ и, благодаря даровитому вождю своему, Клею, приобрѣла было мгновенно нѣкоторый перевѣсъ. Но преобладаніе юга вскорѣ обнаружилось рѣшительнымъ успѣхомъ,—присоединеніемъ къ союзной территоріи отнятаго у Мексики Техаса, съ правомъ возстановить въ этой обширной странѣ отмигнутое Мексиканцами невольничество и образовать изъ нея современемъ три новые штата. Трактатъ о присоединеніи заключенъ былъ демократическимъ министерствомъ Союза, на томъ именно основаніи, что «учрежденіе въ столь близкомъ сосѣдствѣ отъ невольничьихъ штатовъ независимаго государства, воспрепятствующаго владѣнію неграми и говорящаго однимъ съ Американцами языкомъ, повело бы неизбѣжно къ самымъ бѣдственнымъ послѣдствіямъ.» Оправдываемый этого рода соображеніями, трактатъ сначала отвергнуть былъ въ сенатѣ и встрѣченъ сильнѣйшимъ противодѣйствіемъ со стороны такихъ вліятельныхъ людей, какъ Чаннингъ, Квинси, Вебстеръ и Клей; но всѣ старанія ихъ сокрушились о демократическую агитацию, посредствомъ которой въ президенты возведенъ былъ Полькъ, какъ сторонникъ присоединенія Техаса, и спорный трактатъ утвержденъ въ слѣдующемъ же году.

Начавшаяся за тѣмъ война съ Мексикой придала южной политикѣ новую силу тѣмъ, что распространила соблазнъ добычи и завоеванія среди низшихъ классовъ сѣверныхъ штатовъ. О популярности этой войны можно заключить изъ того, что многіе политики и законовѣды опредѣлялись тогда въ армию, съ цѣлію заготовиться избирательными голосами на полѣ битвы. Этимъ путемъ достигъ высшихъ почестей и послѣдній президентъ Союза, генералъ Пирсъ.

(Окончаніе въ слѣд. №)

ЧЕРНОМОРСКІЯ ПИСЬМА (1)

II.

Находясь подъ 45° 3' с. ш., Екатеринодаръ могъ бы наслаждаться благоуханнымъ воздухомъ Ломбардіи и Южной Франціи, но 56° 35½' в. д. и другія особенности его географическаго положенія значительно дѣйствуютъ не въ пользу его климата. Правда, знойность здѣшняго лѣта напоминаетъ югъ; прекрасная осень длится иногда до

(1) См. «Русскій Вѣстникъ» 1857 г. № 1

половины ноября, да и зимы часто обходятся безъ снѣговъ и сильныхъ морозовъ. За то въ иные годы ранняя осень, чувствительная стужа и поздняя весна ясно говорятъ о вліяніи на здѣшній край суровой сѣверо-восточной равнины. Степи открываютъ Черноморье для холодныхъ вѣтровъ, а горы Кавказа закрываютъ его со стороны юга. Къ тому же близость Азовскаго и Чернаго морей содѣйствуетъ непостоянству и быстрымъ переходамъ здѣшней погоды отъ холода къ теплу и обратно. Послѣ морозовъ вдругъ иногда наступаютъ теплые весенніе дни, лишь только повѣтъ съ моря, а вслѣдъ затѣмъ степной вѣтеръ опять наноситъ холодъ и снѣга; послѣ палящихъ дней лѣта иногда льются продолжительные дожди, при западныхъ вѣтрахъ, и наступаетъ значительная прохлада, а потомъ восточный вѣтеръ опять приноситъ знойную сушу; иногда въ февралѣ уже начинаютъ зеленѣть сады, иногда зелень показывается только въ началѣ апрѣля.

Между тѣмъ для жителей Екатеринодара куда какъ не сподрученъ русскій холодъ! Турлучныя постройки могли бы служить защитой отъ сырости и студенаго вѣтра, еслибъ хозяева заботились ставить ихъ по образцу сѣверныхъ построекъ, гдѣ берутся всѣ предосторожности противъ хорошо-знакомой стужи. Здѣсь, напротивъ, система постройки домовъ южная: не заботятся о двойныхъ рамахъ на окна, о прочныхъ фундаментахъ, о плотности дверей; вѣтру даютъ мѣсто пробираться въ щели стѣнъ и оконъ, а дождю просачиваться сквозь крыши и потолки. Отъ этого, хотя и на югѣ, не становится теплѣе и удобнѣе, и, сидя въ комнатѣ, принужденъ иногда распускать зонтикъ и надѣвать калоши. Тѣмъ болѣе не мѣшало бы здѣшнимъ жителямъ позаботиться объ удобствахъ жилья, что турлучные дома, будучи построены по-хозяйски, а не на скорую руку, — при своей дешевизнѣ отличаются необыкновенною прочностью, а слѣдовательно не часто требуютъ ремонта и могутъ переходить изъ рода въ родъ.

Холода становятся здѣсь еще чувствительнѣе по недостатку въ топливѣ. Прежде, до послѣдней войны, лѣсъ доставлялся изъ-за Кубани; съ 1846 года Высочайше было утверждено положеніе о мѣновой торговлѣ съ горцами на Кавказской линіи; за соль и лавочные товары закубанскія племена доставляли намъ строевой лѣсъ и топливо, вслѣдствіе чего въ вѣдомствѣ Черноморской кордонной линіи учреждено было пять мѣновыхъ дворовъ. Война прекратила эти торговыя сдѣлки; горскіе аулы, поселенные на лѣвомъ берегу Кубани, ушли въ горы, и дрова, прежде не превышавшія въ цѣнѣ 12 руб. за сажень, теперь для большинства Екатеринодарцевъ сдѣлались недоступными по своей дороговизнѣ. Но благодѣтельная природа и здѣсь подала помощь чело-вѣку. Среди безлѣсныхъ степей растетъ въ изобиліи терновникъ, и сила растительности этого приземистаго, курчаваго кустарника превосмогаетъ всѣ порубки его въ огромныхъ размѣрахъ. Къ нему-то преимущественно прибѣгаютъ Екатеринодарцы для отопленія

своихъ жилыхъ покоевъ. Да позволено будетъ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе. Говорить о разумности явленій природы перешло въ общее мѣсто; однако не мѣшаетъ постоянно имѣть эту разумность въ виду, и не упускать случая подтверждать мысль объ ней замѣчательными фактами. Казалось бы, можно пожалѣть, что значительная часть плодородной земли отходить подъ цѣпкій кустарникъ, почти неистребимый и повидимому бесполезный. Но мы видѣли, какую услугу оказываетъ онъ здѣшнимъ жителямъ за отсутствіемъ дровянаго лѣса. Этого мало: тотъ самый колючій кустарникъ служитъ прекрасною защитой отъ горцевъ. Невысокій плетень, сдѣланный изъ него такъ, чтобъ всѣ тонкія вѣтви и иглы его выходили на внѣшнюю сторону, въ состояніи удержать нападеніе хищниковъ и обращается въ невраступную для нихъ крѣпость. Гдѣ именно, какъ не здѣсь, полезны такіа дешевыя укрѣпленія, и гдѣ, какъ не здѣсь, грозенъ такого рода неискусный и легко отражаемый непріятель? Но возвращаюсь къ прежнему. Любопытно видѣть, какъ производится топка этимъ матеріаломъ. Задумавши топить, вваливаютъ кучу терновника, такъ что полкомнаты занимается имъ отъ верху до низу, при чемъ, разужается, комнатная температура значительно понижается. Разведши потомъ огонь въ печкѣ съ помощью сѣна или *бурьяна*, начинаютъ втаскивать туда по вѣткѣ неуклюжее растеніе, пока наконецъ не истощится вся вваленная куча: трудъ, обходящійся не безъ боли! Вслѣдъ за этимъ въ печкѣ начинается оглушительная трескотня, потому что на огнѣ терновникъ шипитъ, свиститъ, трещитъ, быстро стораая; пламя отъ него сильно жгучее; уголья, правда, остается мало, но печь быстро нагрѣвается и не скоро остываетъ. Нужно согласиться, что это одинъ изъ самыхъ громоздкихъ матеріаловъ для топки; но чтò же дѣлать въ безлѣсныхъ степяхъ? Топить сѣномъ или бурьяномъ, — еще хуже; навозный кирпичъ также имѣетъ свои неудобства и составляетъ пока еще новинку для Екатеринодарцевъ; торфъ, вѣроятно, въ значительномъ количествѣ находится въ прикубанскихъ болотахъ, но о разработкѣ его еще и не помышляютъ. А между тѣмъ въ топливѣ, и при настоящихъ условіяхъ екатеринодарской жизни, уже оказываются значительныя затрудненія. Зажиточные горожане, являющіе быковъ, могутъ запастись терновникомъ заблаговременно, лѣтомъ или осенью; прочіе скупаютъ его на базарахъ, платя отъ 50 коп. до 1 руб. за возъ. Но, съ наступленіемъ грязи, доставка такого громоздкаго топлива становится слишкомъ затруднительна. Незначительное по цѣнѣ въ началѣ осени, къ зимѣ оно дѣлается очень дорогимъ товаромъ, такъ что нѣкоторые жители вынуждены бывають рубить собственные сады.

Но вотъ, послѣ дождливой зимы, быстро налетаетъ весна, и сумрачный Екатеринодаръ превращается въ привлекательный оазъ, который улыбается путнику, утомленному однообразіемъ окрестныхъ

степей. Чуть пригрѣло солнце, и повѣялъ южный вѣтеръ съ горъ, какъ живо начинаютъ испаряться лужи; улицы сохнутъ; зеленая трава спѣшитъ показаться изъ трещинъ затвердѣвшей грязи. Обширная городская площадь покрывается муравчатымъ ковромъ; красивыя постройки прячутся за вѣтки деревъ; сады, растущіе при каждомъ домѣ, заливаютъ зеленою весь городъ. Особенно роскошна здѣшняя бѣлая акація; она полюбила екатеринодарскую почву и растетъ стройными большими деревьями, въ изобиліи, наполняя воздухъ прекраснымъ запахомъ своихъ бѣлыхъ цвѣтковъ. Кромѣ акаціи и тополя, сады состоятъ еще изъ плодовыхъ растений: персиковыхъ и абрикосовыхъ деревъ, яблони, груши, айвы, лычи, вишни. Мѣстами разводятъ виноградъ, но въ небольшомъ количествѣ, не имѣя въ виду винодѣлія. Наконецъ мѣстами, въ садахъ и даже посреди улицъ, еще уцѣлѣло нѣсколько громадныхъ дубовъ, остатковъ того дремучаго лѣса, который нѣкогда покрывалъ правый берегъ Кубани. Это, по истинѣ «патріархи» растительнаго царства, гиганты въ сравненіи съ окружающими ихъ деревцами; просторъ далъ волю сучьямъ ихъ развѣсистся на широкій обхватъ, такъ что подъ ними можетъ пріютиться не одна хижина. Вообще растительность екатеринодарской почвы роскошна; но жаль, что жители не пользуются ею какъ слѣдуетъ, не занимаются правильнымъ садоводствомъ. Существуетъ всего одинъ, сколько-нибудь благоустроенный садъ, который называется «войсковымъ», да и тотъ находится еще въ младенчествѣ. Перебирая разнообразную его растительность, свойственную южной почвѣ, ясно видишь, какъ здѣсь много даетъ природа, и какъ мало цѣнить ея дары человекъ. Но все же, и при настоящемъ положеніи екатеринодарскаго садоводства, роскошная зелень составляетъ лучшее украшеніе города. Любо глядѣть, когда непригожія его постройки завѣются зеленою и цвѣтками акаціи, а по улицамъ польются струи благоуханій. Гулялъ бы, безъ усталости, но... настаетъ новая бѣда. Безпощадные комары рѣшительно портятъ всѣ лучшія впечатлѣнія прогулокъ. Кубань и болота, которыя сопутствуютъ ея теченію, поражаютъ ихъ несмѣтное множество. Отъ нихъ и въ домахъ житья нѣтъ. Мало въ этомъ случаѣ помогаютъ тѣ сѣтки, которыми здѣсь закрываются окна: комаръ отыщетъ щелку, влетитъ въ дверь. Притомъ же лѣтніе знойные дни производятъ духоту въ комнатахъ; ихъ надобно освѣжать на ночь; сидѣть съ запертыми дверьми и окнами невозможно; а выпуская свѣжую струю воздуха, никакъ не уберешься отъ множества незваныхъ комаровъ. Съ лѣтнимъ зноемъ здѣсь соединены еще лихорадки, неотвязчивыя, изнурительныя. Причина ихъ также Кубань съ своими гниющими болотами и камышами. Послѣ главнаго разлива рѣки, который происходитъ въ началѣ лѣта отъ таянья снѣговъ въ горахъ, на низкихъ берегахъ остаются лужи и озера, называемыя здѣсь *лжмаами*, которыя

предстоит испаряться отъ жаровъ и заражать воздухъ. Отъ этого, въ юлѣ и августѣ по крайней мѣрѣ треть городского населенія переболѣетъ лихорадкою; не бываетъ почти ни одного дома, гдѣ бы не томился больной; на улицахъ встрѣчаешь желтыя, исхудалыя лица... Но привычка и здѣсь беретъ свое: многіе не обращаютъ вниманія на свою болѣзнь, ѣдятъ и пьютъ, что попало; иной выздоравливаетъ отъ дынь, другой отъ соленой рыбы, тотъ отъ квасу или водки. Не помогаетъ хина — принимаются за ту пищу, которой особенно требуетъ желудокъ, которой преимущественно хочется больному. Та лихорадка самая злая, говорятъ Екатеринодарцы, которая *ничего не хочетъ*, то-есть отнимаетъ у больного позывъ поѣсть чего-нибудь черезъ мѣру. За такой доморощенный методъ лѣченія многіе платятся тѣмъ, что лихорадка треплетъ ихъ по полугоду, по году, и больше. Всякаго рода суевѣрныхъ лѣченій между простымъ народомъ здѣсь можно собрать довольно; но особенно страненъ способъ *закидыванья* лихорадки. Для этого обрѣзываютъ ногти, выстригаютъ на головѣ волосы на-крестъ, завязываютъ все это въ узелокъ съ прибавленіемъ какой-нибудь жѣдной монеты, и бросаютъ на улицу; бросившій долженъ спѣшить домой, не оглядываясь; кто подниметъ узелокъ, тотъ, по вѣрованію толпы, снимаетъ съ больного лихорадку и беретъ ее на себя. Къ зимѣ число больныхъ уменьшается; но и въ эту пору трудно уберечься. Вотъ, напримѣръ, послѣ сумрачныхъ дней отрадно пригрѣло солнышко: какъ же устоять Малороссу, чтобы не понѣжиться ватеплѣ, непогрѣть брюха и спины?—а это между прочимъ легчайшее средство схватить лихорадку.

IV

Екатеринодаръ. 30 января 1857 г.

До начала послѣдней войны закубанская сторона была болѣе доступна для наблюдений. Теперь нужно принадлежать развѣ къ отрядамъ, которые по временамъ ходятъ разорять аулы, нужно участвовать въ этихъ опасныхъ экспедиціяхъ. чтобы поглядѣть на Закубанье, на аулы и даже на самыхъ горцевъ. Но подъ свистомъ пуль не привлекательно знакомство съ новою мѣстностію, и едва ли оно заманитъ туриста. При всей своей пытливости онъ долженъ ограничиться разсматриваніемъ болотистаго лѣваго берега Кубани; издали можетъ любоваться пространною равниною, идущею къ горамъ, по которой то едва примѣтны верхушки лѣсовъ, то стелются туманы, то бѣлѣютъ дымныя пятна; можетъ слѣдить за извилинами далекаго горнаго хребта, который порою приблизится, чернѣя, порою окутается облаками, или же нѣжно синѣетъ, сливаясь съ цвѣтомъ яснаго неба. Иногда и вы услышите ружейную перепалку и раскаты пушеч-

ныхъ выстрѣловъ, которые несутся изъ-за Кубани : значить какой-нибудь отрядъ нашъ въ дѣлѣ, то-есть беретъ аулъ, сжигаетъ его, и палитъ картечью въ кусты лѣса, за которыми залегли горцы. Иногда, ночью, поразить вась оригинальное великолѣпіе горящихъ за Кубанью лѣсовъ, камышей и степной травы : на нашей сторонѣ—темень, а тамъ по пригоркамъ и ложбинамъ вьются огненные струйки, ворочаются огромные красные языки, мѣстами всходитъ блистательное пламя и передъ нимъ чернымъ столбомъ валитъ дымъ, а мутная Кубань на то время блеститъ какъ чистая сталь, отражая въ себѣ багровый цвѣтъ неба.

Вотъ и все, чѣмъ можетъ похвалиться мирный наблюдатель Закубанья въ настоящее время. Проникнуть дальше—и трудно, и опасно; положиться на слухи, на разказы людей бывалыхъ также бесполезно: слухи по большей части оказываются только слухами, а разказы еще больше подстрекають любопытство, оставляя его далеко не удовлетвореннымъ. Словомъ, наша кубанская граница представляетъ для туриста маленькій рубежъ и его собственной пытливости.

А между тѣмъ, думаетъ онъ, какъ легко, кажется, пройти эту заманчивую равнину, какъ близко до этихъ рисующихся на горизонтѣ горъ, а тамъ—переваль, и Черное море какъ рукой подать. Не вѣрится ему, что эта—то заманчивая даль даетъ тысячи средствъ противиться движенію нашихъ отрядовъ, что каждый пригорокъ, каждый кустъ представляетъ естественную защиту для горца. Не въ аулѣ его богатство : пусть жгутъ аулъ ежегодно, но богатство его тамъ, гдѣ легко сдѣлать засаду, гдѣ удобно подстеречь добычу. Не сила для него страшна, пока онъ можетъ избѣгать ее безнаказанно : страшень сталъ бы для него лишь тотъ незамѣтаемый путь, который наконецъ могутъ проложить наши отряды въ самое сердце Закубанья и на которомъ уже силѣ нужно будетъ противопоставить также силу. Но природа ежегодно затрудняетъ попытки проложенія такого пути. Время идетъ, и длится неблагоприятная война, стоящая чисто труженическихъ усилій. Скоро ли ей настанетъ желаемый конецъ? Скоро ли цивилизація проникнетъ въ этотъ прекрасный уголокъ земнаго шара и дастъ наукѣ непочтой еще матеріалъ, торговлѣ—выгодную станцію, а нищету и грабежъ замѣнить удобствомъ жизни и благодатнымъ миромъ? И что наконецъ, для достиженія подобной цѣли, должно идти впередъ : торговля или оружіе? Эти вопросы тяготятъ наблюдателя своею долговременною неподвижностью.

Ограничимся пока тѣмъ, что доступно наблюденіямъ, что дѣлается собственно на линіи, идущей по Кубани. Правый берегъ этой рѣки большею частью обрывистъ, лѣвый же—пологий и покрытъ болотами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она собирается въ одно русло, но чаще дробится на рукава, образуя островки и лиманы. Съ виду она не

слишкомъ привлекательна; воды ея имѣютъ мутный желтоватый цвѣтъ, теченіе ея быстро, какъ всѣхъ горныхъ рѣкъ, хотя она не имѣетъ ихъ своеобразной красоты и бойкости. Во время разлива она напоминаетъ полноводныя рѣки равнинъ, а въ засуху очень похожа на свою тощую степную сосѣдку, Куму. Собственно-горныя рѣки, даже рѣчки, чрезвычайно привлекательны: это неумолкающіе, не устающіе ручьи, но ручьи сильные. То сузятся онѣ и ревуть аршиннымъ своимъ русломъ, то разольются на сажень по мелкимъ гольшамъ, то мещутъ въ камни, попавшіеся имъ на пути, и гложутъ ихъ, брызжа пѣной; мѣстами ихъ неширокое русло еще болѣе сузится на каменномъ ложѣ и, продолбивъ его, винтообразно падаетъ внизъ, оглушая окрестность; мѣстами ихъ чистыя и не глубокія воды переливаются съ уступа на уступъ, образуя каскады. Правда, въ нихъ нѣтъ той величавости, какою отличаются рѣки равнинъ, спокойно катящія свои обильныя волны; за то хорошъ ихъ шумъ и привлекательна та бойкость, съ которою онѣ мчатся по выполированнымъ ими же камнямъ: глазъ не успѣваетъ слѣдить за бѣгомъ волны и не устаетъ отъ однообразія, какое замѣтно въ теченіи полноводныхъ равнинныхъ рѣкъ. Но Кубань, какъ уже сказано, не имѣетъ такого привлекательнаго вида, быть-можетъ потому, что ложе ея глинисто и паденіе водъ ея, относительно всей длины ихъ теченія, не слишкомъ значительно. Несмотря на важное значеніе свое для здѣшняго края, она однакоже не вошла въ народную пѣсню, не усвоила за собой, подобно Волгѣ или Дону, никакого почетнаго прозвища. Безъ сомнѣнія, значеніе ея состоитъ не въ томъ, чтобы она богата была рыбою, что разливы ея поили бы роскошныя луга, что волны ея носили бы на себѣ суда съ богатымъ грузомъ: нѣтъ, рыболовство на ней незначительно, разливы ея поятъ камыши да болота, а судоходство по ней ограничивается плаваніемъ немногихъ къюковъ, да изрѣдка казенныхъ баркасовъ. За то историческая дѣятельность Черноморцевъ тѣсно связывается съ именемъ Кубани; на берегахъ ея воспитывались и воспитываются защитники станицъ и хуторовъ; наконецъ, отъ положенія водъ ея зависитъ и теперь большее или меньшее спокойствіе края. Отъ поста Изряднаго до Чернаго моря, сплошь по рѣкѣ, тянется кордонная линія, по которой во всякое время года неуспинно должны бодрствовать Черноморцы. Ихъ скучная служба бѣдна громкими подвигами, потому что она вся—подвигъ. Истинному труженнику рѣдко выпадаетъ на долю общественное признаніе тяжелой дѣятельности, общественное сочувствіе: только звучность дѣла пускаетъ отъ себя звонкое эхо, къ которому всѣ прислушиваются. Въ самомъ дѣлѣ, отнесутъ ли къ блистательнымъ военнымъ подвигамъ эту тяжкую службу на линіи, которой назначеніе — прислушиваться къ тишинѣ, вглядываться въ темноту, не послышится ль шумъ камыша, всплскъ волны, не увидится ль въ темнотѣ ночи что-нибудь еще бо-

лѣе темное, что дастъ поводъ предполагать о близкомъ присутствіи горца. Вотъ та школа, гдѣ образуются *пластуны*, обратившіе на себя подъ Севастополемъ общее вниманіе. Умѣть ползать по болотамъ, изучить всѣ тропинки межъ камышей, набить руку въ стрѣльбѣ, такъ чтобъ пуля всегда находила свою цѣль, чтобы вѣрность прицѣла зависѣла не только отъ глаза, но и отъ слуха, спокойно переносить на себѣ и холодъ и поливку дождя, находить возможное удобство въ грязи, подъ жалами тысячи болотныхъ комаровъ, — и при этомъ все вниманіе обращать на то, чтобъ какъ-нибудь въ темнотѣ не прокрался на нашъ берегъ голодный и ободранный горецъ, который въ свою очередь также не дремлетъ, также хорошо, если еще не лучше, знакомъ съ поэзіей кубанскихъ болотъ, также не выпуститъ даромъ изъ ружья дорогой для него пули: согласитесь, что подобная служба есть не блестящій, однако чрезвычайно тяжелый подвигъ. И пластунъ несетъ его съ примѣрною любовью. Для болѣе успѣшнаго выполненія своей службы, онъ одѣлся въ лохмотье, выдумалъ особаго рода обувь, чтобъ удобнѣе ползать и ступать, чтобъ при случаѣ его не отличили отъ цвѣта грязи, чтобъ какъ можно больше съ виду походить на заклатаго своего врага — «бисову невиру» (1), противъ котораго направлена вся его, повидимому, апатичная, но на самомъ дѣлѣ неугомонная дѣятельность. — Но пластуны составляютъ только передовую стражу линіи: ихъ преимущественно употребляютъ въ дѣло тамъ, гдѣ нуженъ зоркій глазъ, чуткое ухоизнаніе прикубанскихъ болотъ и камышей. Остальное лежитъ на обязанностяхъ очередной стражи, которая занимаетъ посты, расположенные не въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи по всей кубанской линіи...

Н. Вороновъ.

ПО ПОВОДУ ОТВѢТА Г. БЛАНКА Г. БЕЗОБРАЗОВУ.

Въ первой книжкѣ «Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества» за нынѣшній годъ помѣщена «антикритика» г. статскаго совѣтника Гр. Бланка на замѣтку г. Безобразова въ № 17-мъ «Русскаго Вѣстника» 1856-го года. Я бы не считалъ нужнымъ останавливаться на этой «антикритикѣ», еслибы г. Бланкъ не утверждалъ, что мои изслѣдованія, изложенныя въ статьѣ о *несвободныхъ состояніяхъ въ древней Россіи* («Русскій Вѣстникъ» 1856 г. № 10), подтверждаютъ его исто-

(1) Обыкновенная брань въ Черноморьи, но преимущественно относящаяся къ Черкесамъ.

рическое возрѣніе на крѣпостное право. Прочитавши статью г. Бланка и длинную его филиппику противъ г. Безобразова, я рѣшительно не могу усмотрѣть ни малѣйшаго сходства моихъ изслѣдованій съ мыслями автора «антикритики». Признаюсь, кромѣ чувства глубочайшаго изумленія, я ничего не могъ вынести изъ чтенія его статей. Не говорю о странномъ тонѣ его возраженій, о томъ, что г. Бланкъ, въ началѣ и въ концѣ послѣдней статьи, требуетъ отъ критика вѣжливости, а самъ постоянно замѣняетъ доводы бранью: это маленькое противорѣчіе, въ которое нерѣдко впадаютъ люди, разгнѣванные за явное обличеніе. Изумительно то, что г. Бланкъ нѣсколькими почерками пера рѣшаетъ важнѣйшіе вопросы объ историческомъ значеніи крѣпостнаго права у насъ и на Западѣ, между тѣмъ какъ въ самой статьѣ его оказывается совершенное отсутствіе всякихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ. Повидимому, это даже невѣроятно, но къ несчастію это дѣйствительно такъ. Начнемъ съ русской исторіи.

Г. Бланкъ утверждаетъ, что въ древней Россіи рабства не было, и самое слово: *раба*, не существовало. Но кому же изъ занимающихся русскою исторіею неизвѣстно, что во всѣхъ древнихъ памятникахъ, всегда и вездѣ мужскому слову: *холопъ*, соответствуетъ женское: *раба*, такъ что оба названія принимаются за однозначительныя? Далѣе, всѣ отношенія холоповъ къ господамъ г. Бланкъ считаетъ кабальными, происшедшими изъ свободныхъ договоровъ. Между тѣмъ, при малѣйшемъ знакомствѣ съ предметомъ, невозможно не знать, что кабальные отношенія составляли только особенный видъ холопства; и что кромѣ того было холопство полное, которое имѣло разнообразныя источники: плѣнь, куплю, рожденіе, бракъ, неуплату долга, вступленіе безъ договора въ рабскую должность, преступленіе или побѣгъ наемнаго закупа. Наконецъ, что всего удивительнѣе, г. Бланкъ не подозреваетъ даже, что въ древней Россіи крестьяне и холопы составляли два различныя сословія, изъ которыхъ одно свободно переходило съ мѣста на мѣсто, вступая въ договоръ съ землевладѣльцами, а другое находилось въ личной власти господъ. Считая ихъ тождественными, г. Бланкъ смѣло доказываетъ, что холопы у насъ не считались за рабовъ, и что жизнь ихъ не зависѣла отъ произвола владѣльцевъ, ссылкою на слова Карамзина, что «крестьяне искони имѣли въ Россіи гражданскую свободу, но безъ собственности недвижимой». При такихъ блистательныхъ свѣдѣніяхъ можно себя представить, какой выходитъ у г. Бланка историческій очеркъ. Тутъ уже нѣтъ рѣчи о большей или меньшей основательности изслѣдованій и выводовъ, о болѣе или менѣе вѣрномъ и глубокомъ пониманіи историческихъ явленій; здѣсь просто совершенное незнаніе самыхъ простыхъ историческихъ фактовъ, безъ которыхъ не только невозможно взяться за перо, но нельзя даже слова сказать объ исторіи того или другаго учрежденія.

Что холопъ во времена Русской Правды не считался гражданскимъ лицомъ, доказательствомъ служить то, что за убійства его не платилось виры, а взыскивалась только плата господину, котораго убійца лишилъ имущества. Изъ Русской Правды отнюдь не видать, что владылецъ не имѣлъ на холопа права жизни и смерти; вездѣ говорится только объ убіеніи раба чужаго, а не своего. Что древнія отношенія холопства не были патриархальнымъ, семейнымъ союзомъ, основаннымъ на высокой идеи связи власти съ повинновіемъ и на исполненіи своего долга, какъ утверждаетъ г. Бланкъ, ясно изъ того, что противъ нихъ ратовало христіанское духовенство, и что передъ смертью, въ ту минуту, когда человѣку яснѣе представлялся его человѣческій долгъ, всякій считалъ обязанностью отпустить холоповъ на волю для спасенія души. Возможность обратитъ въ раба плѣнника, преступника, несостоятельнаго должника, показываетъ, что это учрежденіе возникло во времена владычества буйной силы и суровости нравовъ, когда человѣколюбивая власть не могла еще принять подъ свою защиту подчиненное ей лицо. Въ ту эпоху эти установленія находились на своемъ мѣстѣ и имѣли свое настоящее значеніе.

Другаго рода явленіе представляетъ укрѣпленіе крестьянъ въ XVII-мъ вѣкѣ. Здѣсь я долженъ противопоставить взглядъ, изложенный въ статьѣ *о несвободныхъ состояніяхъ въ Россіи*, и выводы г. Бланка. Читатель посудитъ, на сколько въ нихъ есть сходства. Я сказалъ, что въ этой правительственной мѣрѣ не было ничего исключительнаго и несправедливаго. «Это было укрѣпленіе не одного сословія въ особенности, а всѣхъ сословій въ совокупности; это было государственное тягло, наложенное на всякаго, кто бы онъ ни былъ. Всѣ равно должны были всю жизнь свою служить государству, каждый на своемъ мѣстѣ, служилые люди на полѣ брани и въ дѣлахъ гражданскихъ; тяглые люди, посадскіе и крестьяне отправленіемъ разныхъ службъ, податей и повинностей; наконецъ, вотчинные крестьяне, кромѣ уплаты податей и отправленія повинностей, такъ же службою своему вотчиннику, который только съ ихъ помощью получалъ возможность отправлять свою службу государству. Служилые люди не были укрѣплены къ мѣстамъ, ибо служба ихъ была повсемѣстная. Тяглые же люди считались крѣпостными и не могли уходить съ своихъ мѣстъ. Невозможно было не распространить этого положенія и на вотчинныхъ крестьянъ.» Эту-то выписку, между прочимъ, г. Бланкъ обращаетъ противъ г. Безобразова. Понявши ее неизвѣстно какимъ образомъ, онъ восклицаетъ: «Взгляните на настоящее положеніе нашего государства: и нынѣ всѣ сословія, всѣ его члены, занимаясь собственными дѣлами, несутъ каждый на своемъ мѣстѣ сильную лепту на алтарь отечества, каждый свое государственное тягло въ непрестанно совершенствующейся гармоніи. Эта идея до того справедлива, до того намъ самобытна, до того показываетъ

единство духа нашихъ коренныхъ учреждений, благотворно развившихся совокупно съ возвеличившимъ Россію развитіемъ въ ней единства самодержавія, что она какъ бы связуетъ неразрывно составъ всѣхъ сословій въ нашемъ отечествѣ, весь нашъ государственный бытъ. »

Трудно написать фразу болѣе громкую и которая бы вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе относилась къ дѣлу. Во всѣхъ государствахъ въ мірѣ каждый подданный несетъ посильную лепту на алтарь отечества; безъ этой общей жертвы государство не могло бы даже существовать. Что здѣсь особенно самобытнаго, это кажется никто не въ состояніи будетъ понять. Вопросъ состоитъ и не въ этомъ, а въ способѣ наложенія тягла. Спрашивается: 1) Какова его тяжесть? дозволяетъ ли государство подданнымъ свободно заниматься своими дѣлами, удѣляя только часть времени или доходовъ на общее дѣло, или налагаетъ оно на нихъ обязательную службу, поглощающую все ихъ существованіе и поставляющую ихъ въ непрерывную зависимость отъ начальства? 2) Справедливо ли распредѣленіе тягла? разлагается ли оно равномерно на всѣхъ, или одинъ классъ людей отягощенъ не въ мѣру противъ другихъ? Вотъ вопросы, которые долженъ задавать себѣ каждый историческій изслѣдователь, каждый государственный человѣкъ, и въ этомъ отношеніи мы видимъ великую разницу не только между различными государствами, но даже между различными эпохами въ жизни одного и того же народа. Государство юное, неустроенное, обыкновенно не довольствуется нѣкоторою денежною платою въ общую кассу; оно имѣетъ еще слишкомъ мало средствъ, оно должно напрягать всѣ свои силы, чтобъ организовать и увеличить свое могущество. Поэтому оно налагаетъ на подданныхъ службу тяжелую, заставляетъ ихъ приносить страшныя жертвы для достиженія общей цѣли. Напротивъ, государство благоустроенное, которое укрѣпилось внутри себя, не требуетъ такого усиленнаго служенія; оно полагаетъ себѣ главною цѣлью уже не созданіе государственнаго могущества, а благоденствіе подданныхъ, которое несовмѣстно съ слишкомъ тяжелыми обязанностями и безпрерывнымъ стремленіемъ личной свободы. Поэтому оно слагаетъ съ нихъ обременительное тягло, уничтожаетъ по возможности даже личныя повинности и довольствуется удѣленіемъ части доходовъ. Въ обоихъ случаяхъ оно поступаетъ сообразно съ потребностями времени; въ этомъ нельзя его и винить. Отъ него требуется только, чтобъ оно разлагало тяжести уравнительно, ибо въ этомъ состоитъ долгъ общественной справедливости.

Примѣры такого измѣненія въ сущности тягла представляетъ и наша исторія. Когда государство устраивалось, отъ дворянства требовалась весьма тяжелая служба. Въ то время дворянинъ не былъ свободнымъ человѣкомъ, который могъ, по собственному желанію, распоряжаться своими занятіями, вступать на службу и выходить въ

отставку. Въ продолженіе всей своей жизни, онъ состоялъ въ полномъ распоряженіи правительства, которое назначало его на то или другое мѣсто по требованію службы. Какъ скоро онъ подрасталъ, его тотчасъ верстали въ новики, и ни подъ какимъ видомъ онъ не могъ уклоняться отъ исполненія своихъ обязанностей. При Петрѣ Великомъ принимались противъ этого самая строгія мѣры; дворянъ непрерывно высылали на смотры, даже подъ страхомъ смерти за уклоненіе, и затѣмъ опредѣляли годныхъ къ должностямъ. Позднѣе позволено было родителямъ воспитывать дѣтей своихъ дома, съ тѣмъ, чтобы въ извѣстные сроки привозить ихъ для экзаменовъ въ столицу и по окончаніи ученія отдавать ихъ въ распоряженіе правительства. Это составляло своего рода государственную барщину, которая была до такой степени тяжела, что многіе даже довольно зажиточные помѣщики предпочли, при первой ревизіи, записаться въ сословіе государственныхъ крестьянъ, имѣвшихъ по крайней мѣрѣ постоянную осядлость. Всѣ эти мѣры въ свое время были такъ же необходимы, какъ и укрѣпленіе крестьянъ; организующееся государство должно было требовать постоянныхъ усиленныхъ жертвъ. Но во второй половинѣ XVIII вѣка эта служебная повинность дворянъ была уничтожена; имъ предоставлено право служить когда и сколько хотятъ; ихъ перестали высылать на смотры; службамъ стѣсняеть уже всей ихъ жизни и доставляетъ имъ почетъ и преимущества. Въ половинѣ XVIII-го вѣка уничтожены были и служебныя повинности купцовъ и мѣщанъ; они давно уже не прикрѣплены къ мѣстамъ жительства, а пользуются правомъ свободнаго перехода, свободнаго выбора занятій. Однимъ словомъ, высшимъ классамъ предоставлена гражданская свобода; съ нихъ снято прежнее слишкомъ обременительное тягло. Г. Бланкъ утверждаетъ, что «прикрѣпленіе къ дѣлу каждого сословія, въ гармоническихъ соотношеніяхъ между собою помогающихъ другъ другу нести государственную тягу», составляетъ неразрывную цѣпь, которая не можетъ оставаться въ цѣлости, если будетъ сломано хотя одно изъ ея звеньевъ. Но дѣло въ томъ, что нѣкоторыя изъ этихъ звеньевъ давно не существуютъ; не на старой системѣ обязательной службы всѣхъ сословій зиждется въ настоящее время могущество Россіи.

Таковы свѣдѣнія г. Бланка по части русской исторіи. Еще замѣчательнѣе взглядъ его на крѣпостное право въ западной Европѣ. Въ первой статьѣ своей г. Бланкъ, необинуясь, провозгласилъ, что на Западѣ рабъ былъ вещью, на которую господинъ имѣлъ право жизни и смерти, что потомъ, вслѣдствіе ложной филантропіи, рабы были эманципированы, но владѣльцы, отказавшись торжественно отъ права на жизнь и смерть ихъ, сохранили втихомолку возможность морить ихъ голодною смертью, обративши ихъ въ пролетаріевъ. У насъ же, по его мнѣнію, рабства никогда не было, а было всегда крѣпостное

состояніе, которое заключалось въ правѣ владѣльца располагать не жизнью, а только рабочими силами подчиненныхъ, учрежденіе совершенно оригинальное, составляющее исключительную собственность нашего отечества. Этотъ совершенно новый взглядъ на исторію крѣпостнаго права, къ несчастію, оказался столь же ошибочнымъ, сколько онъ былъ новъ. Г. Безобразовъ выпискою изъ «Экономическаго Лексикона» побѣдоносно доказалъ, что въ западной Европѣ существовало не римское рабство, а крѣпостное состояніе, болѣе мягкая форма личной зависимости. Что же отвѣчаетъ на это г. Бланкъ? Подтверждаетъ ли онъ свое прежнее мнѣніе историческими свидѣтельствами, какъ слѣдуетъ дѣлать всякому добросовѣстному писателю? Нѣтъ; «не имѣя подъ руками Экономическаго Лексикона» (а вѣроятно и другихъ книгъ), онъ заподозрѣваетъ правильность выписки и наивно утверждаетъ, что она даже вовсе и не относится къ разбору его статьи. Отстранивши такимъ легкимъ образомъ свидѣтельство исторіи, онъ дѣлаетъ слѣдующее остроумное умозаключеніе: «у насъ это состояніе отлично отъ другихъ государствъ, какъ сознаетъ самъ мой критикъ; слѣдовательно, оно оригинальное. А потому, кажется, можно утвердительно сказать, что такое самобытное учрежденіе, ни откуда не заимствованное, составляетъ исключительную собственность Россіи.» На основаніи этого совершенно оригинальнаго, ни откуда не заимствованнаго способа рѣшенія историческихъ вопросовъ, г. Бланкъ торжественно провозглашаетъ, что «совершеннаго тождества древнихъ русскихъ правъ съ правами господъ на рабовъ языческаго Рима или грубаго феодализма Европы не можетъ доказать самый упорный преслѣдователь своихъ взглядовъ, какъ бы ни мудрствовалъ лукаво».

Что же, если сказать г. Бланку, что положенія Русской Правды о холопахъ совершенно сходны съ постановленіями законовъ варваровъ (*leges barbarorum*) западной Европы? Чтобы говорить о тождествѣ, или различіи правъ, слѣдовало бы, кажется, прежде разобрать источники, откуда почерпаются объ нихъ свѣдѣнія, или, по крайвей мѣрѣ, ознакомиться съ сочиненіями, въ которыхъ юридическіе памятники разобраны болѣе или менѣе подробно. Тогда г. Бланку не пришло бы въ голову ставить въ одну категорію римское рабство и крѣпостное право западной Европы. Онъ увидалъ бы, что послѣднее имѣло разнообразныя формы, изъ которыхъ нѣкоторыя были основаны на обоюдныхъ обязательствахъ, также какъ наши кабалныя отношенія; низшую же ступень, наиболѣе приближавшуюся къ рабству римскому, составили по законамъ варваровъ, несвободные люди, за убійство которыхъ не платилось даже виру. Это же самое постановленіе находится и въ Русской Правдѣ, такъ что низшая степень гражданскаго бытія была совершенно одинакова у насъ и на Западѣ. Во времена грубаго «феодализма» состояніе крѣпостныхъ сословій дѣйствительно отличалось отъ того, которое было у насъ, но это отнюдь не можетъ служить

въ пользу мнѣній г. Бланка; остроумныя умозаключенія, къ несчастію, не замѣняютъ собою положительныхъ доказательствъ. Отличіе состояло въ томъ, что кабальные отношенія, предметъ сочувствія г. Бланка, у насъ большею частью простирались только на сословіе холоповъ, тамъ же они обнимали и сословіе крестьянъ. Последніе находились либо въ полной зависимости отъ господина, который могъ распорядиться ихъ рабочими силами по своему изволенію, либо въ неполной, и въ такомъ случаѣ они обязаны были только извѣстными податями и повинностями, которыя опредѣлялись договорами или обычаями. Во Франціи полное крѣпостное состояніе рано стало прекращаться; въ XVIII вѣкѣ едва остаются его кой-какіе слѣды. Вездѣ почти крестьяне сдѣлались собственниками тѣхъ участковъ, на которыхъ они сидѣли; они все еще обязаны были нести многія изъ прежнихъ феодальныхъ тягостей, но само дворянство, 4-го августа 1789-го года, отказалось отъ этихъ средневѣковыхъ преимуществъ. Въ Германіи полное крѣпостное состояніе (Leibeigenschaft) сохранялось до XVIII вѣка. Просвѣщенные государи того времени, въ Пруссіи Фридрихъ II, въ Австріи Марія Терезія и Іосифъ II, замѣнили его отношеніями опредѣленными; крестьяне превратились въ обязанныхъ, а въ XIX вѣкѣ они совершенно уже освободились отъ всякаго подчиненія прежнимъ владѣльцамъ. Черезъ это они не обратились однакоже всѣ въ пролетаріевъ; законъ отдалъ имъ въ собственность земли, на которыхъ они сидѣли, а господа получили плату за повинности, которыхъ они черезъ это лишились.

Все это хорошо извѣстно всякому, кто немного знакомъ съ исторіею права. Но, повидимому, г. Бланкъ совершенно пренебрегаетъ положительными свѣдѣніями, замѣняя ихъ собственными оригинальными соображеніями. На это встрѣчаются у него на каждомъ шагѣ драгоценныя указанія. Такъ, онъ говоритъ на счетъ Русской Правды, что «мягкость вообще нашихъ уголовныхъ наказаній (напримѣръ денежнаго за убійство) доказываетъ только мягкость древнихъ нравовъ русскихъ, и даже можетъ-быть ту утѣшительную идею, что у насъ издревле было менѣе преступленій, нежели въ другихъ государствахъ, *долге насъ пребывающихъ во мракѣ лызчества*». Не нужно имѣть глубокихъ юридическихъ познаній, а надобно только прочесть, напримѣръ, сочиненія Гизо, которыя должны быть знакомы всякому образованному человѣку, чтобъ имѣть понятіе о значеніи древнихъ виръ, то-есть денежной платы за убійство. Онѣ, какъ и крѣпостное право, отнюдь не составляли исключительной собственности нашего отечества; въ началѣ среднихъ вѣковъ онѣ существовали у всѣхъ европейскихъ народовъ, и явились замѣною прежней родовой мести. Онѣ служатъ признакомъ не мягкости нравовъ и не малаго числа преступленій, а напротивъ, грубости нравовъ, недостаточнаго ува-

женія къ человѣческой жизни и слишкомъ слабого развитія общественной власти. Все это принадлежитъ къ самымъ элементарнымъ историческимъ свѣдѣніямъ, о которыхъ не существуетъ ни спора, ни даже сомнѣнія. Чтò же касается до положенія, что западныя государства долѣ насъ пребывали во мракѣ язычества, то это совершенно новое открытіе въ области науки. До сихъ поръ во всѣхъ русскихъ исторіяхъ, даже въ тѣхъ, которыя преподаются въ уѣздныхъ училищѣхъ, утверждали, что Россія крещена въ концѣ X вѣка, когда западная Европа давно уже была просвѣщена христіанствомъ. Г. Бланкъ открылъ противное; спѣшимъ сообщить эту важную новость любителямъ просвѣщенія.

Одинъ образованный молодой человѣкъ, говоритъ г. Бланкъ, раздѣляетъ просвѣщенныхъ людей на три категоріи: «Къ 1-й относятся тѣ, которые, получивъ европейское образованіе, научили основательно бытъ и состояніе, хотя не всего огромнаго нашего отечества, но крайней мѣрѣ какой-нибудь его части; ко 2-й тѣ, которые, не получивъ блестящаго воспитанія, при здоровомъ своемъ смыслѣ и благонамѣренности, практически пріобрѣли о Россіи ясныя и точныя понятія; къ 3-й тѣ, кои только имѣютъ кабинетное, теорическое, хотя бы и обширное европейское образованіе, но не знаютъ внутреннего быта и состоянія своего отечества.» Ясно, что г. Бланкъ не причисляетъ себя къ послѣднему разряду. онъ очень неблагоприятно смотритъ на теоретиковъ, обладающихъ европейскимъ образованіемъ; кореннымъ русскимъ началамъ, по его мнѣнію, угрожаетъ опасность отъ ложной филантропіи и западныхъ идей. Очевидно также, что г. Бланкъ не принадлежитъ и къ первой категоріи: человѣкъ, зараженный европейскою образованностію, подчинившійся иностранному вліянію, былъ бы не въ состояніи выработать такихъ совершенно оригинальныхъ воззрѣній и такъ легко сдѣлать въ наукѣ открытія, невѣдомыя остальному міру. Самъ г. Бланкъ, повидимому, причисляетъ себя ко второму разряду: онъ объявляетъ читателямъ, что онъ «сельскій житель, не болѣе *можетъ-быть* ученый, нежели его критикъ»; здравомысленнаго же сельскаго жителя онъ называетъ *ученикомъ природы*. (См. «Труды» 1857 года, № 1-й, стр. 121, 124.) Въ этомъ скромномъ, какъ бы неволью вырвавшемся признаніи можно найти ключъ къ разрѣшенію многихъ загадокъ въ статьяхъ г. Бланка. Отсюда объясняются оригинальныя его историческія воззрѣнія, которыхъ источникъ сначала могъ привести насъ въ недоумѣніе; теперь мы знаемъ, что они внушены ему природою. Надобно впрочемъ сказать къ чести автора; что онъ, съ свойственнымъ ученикамъ природы практическимъ смысломъ, черпаетъ мысли изъ всей окружающей его среды—и отъ остряковъ-помѣщиковъ, и отъ образованныхъ молодыхъ людей, и даже отъ дворовыхъ людей своихъ знакомыхъ. (См. «Труды» 1856 года, № 6-й, стр. 125.) Понятно, какаа бездна незнакомыхъ

Западу идей возникаетъ изъ этого блестящаго сочетанія столь разнообразныхъ источниковъ вѣдѣнїя. Однако и здравомысленному сельскому жителю предстоить при этомъ одно великое искушенїе. Обыкновенно ученики природы, довольствуясь своею оригинальностью, живутъ мирно, и не утруждая себя излишними заботами, наслаждаются плодами исторически выработавшихся учреждений и обмѣномъ истинно-филантропическихъ мыслей съ образованными молодыми людьми и остряками-помѣщиками. Но иногда, среди этой тихой и прїятной жизни, ихъ обуяетъ демонъ авторства: они хотять сообщить всему міру взгляды, внушенные природою и дворовыми людьми своихъ знакомыхъ; они смѣло берутся за перо, гремятъ противъ ложной филантропїи и западныхъ идей, легко и проворно рѣшаютъ историческіе вопросы, дѣлаютъ въ наукѣ удивительныя открытія.... Ахъ, г. Бланкъ! это скользкій путь для здравомысленнаго сельскаго жителя. Наука требуетъ занятій кабинетныхъ, которыя вы трактуете съ такимъ пренебреженіемъ; чтобы писать объ исторїи, нужно немного той учености, которая кажется вамъ неестественно натянутою, заводящею умъ за разумъ. (См. «Труды» 1857 г., № 1-й, стр. 124.) Русскую исторїю въ особености, столь мало еще разрабатанную, необходимо изучать въ огромныхъ фолиантахъ, въ сухихъ актахъ, безъ знанія которыхъ невозможно и слова сказать о развитїи внутреннихъ учреждений нашего отечества. Ученикъ природы содрогнется при одной мысли объ этихъ трудахъ, которые не приносятъ практической пользы, а только способны заводитъ умъ за разумъ. Побуждаемый предприимчивымъ духомъ, онъ можетъ иногда смѣло забраться въ невѣдомыя ему страны науки, но вѣдь онъ будетъ въ нихъ, какъ въ лѣсу, и каково же его положенїе, когда вдругъ откроется, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, о чемъ онъ писалъ! Тогда мирный сельскій житель способенъ обратиться въ яростнаго критика; онъ раздражается потоками брани противъ неосторожнаго обличителя, дѣлаетъ ядовитыя замѣчанія на счетъ слога своего противника, тонкимъ, но необыкновенно язвительнымъ образомъ, подбирается къ его личности, старается подкопаться подъ его благонамѣренность; искусно разставляетъ всѣ свои батареи, призываетъ на помощь и остряковъ-помѣщиковъ, и образованныхъ молодыхъ людей, и дворовыхъ людей своихъ знакомыхъ, и въ этомъ дружномъ натискѣ представляетъ читателямъ такую великолѣпную картину генеральнаго сраженія, что въ авторѣ нельзя бы и подозрѣвать мирнаго и здравомысленнаго сельскаго жителя, еслибы на каждомъ шагу не проглядывалъ ученикъ природы. Отъ всей души вѣрю, что узнавши учениковъ природы покороче, можно найти въ нихъ «особь, готовыхъ на всякую намъ услугу, на всякое добро». (См. «Труды» 1857 года, № 1-й, стр. 100.) Но зачѣмъ же имъ пускаться на литературное поприще?

Б. Чичеринъ.

НОВОСТИ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (1)

Намъ остается еще упомянуть о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ явленіяхъ въ польской литературѣ за прошлый 1856 годъ.

Studia Historyczne Michala Balińskiego (Историческія Изысканія Михаила Балинскаго). Вильно, 1856. Въ 8, 366 стр. Съ пятью литографированными картинками.

Въ этой книгѣ заключаются статьи автора, нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечатанныя въ журналахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ въ послѣдствіи дополнены и нигдѣ еще не были напечатаны. Къ числу новыхъ статей принадлежитъ характеристика двухъ знаменитыхъ мужей: *Ивана Снядецкаго* и *Таддея Чацкаго* (2).—Свѣдѣнія, касательно супружества Сигизмунда-Августа съ Варварою и ихъ взаимной любви, значительно дополнены г. Балинскимъ вновь открытыми письмами. Это подало поводъ автору начертать подробную картину споровъ на сеймахъ въ эту эпоху и представить въ истинномъ историческомъ свѣтѣ жизнь королевы Варвары. Вотъ содержаніе этой книги : *Иванъ Сня-*

(1) См. «Русскій Вѣстникъ», 1857 г., № 4.

(2) *Иванъ Снядецкій*—извѣстный математикъ и астрономъ, род. въ 1756 г. Окончивъ курсъ наукъ въ Краковской академіи, онъ отправился, въ 1778 г., путешествовать въ Германію, Голландію и Францію. Въ 1780 г., въ Парижѣ, ему предлагали черезъ посредство испанскаго посольства занять мѣсто астронома въ Мадридѣ, но онъ отказался отъ него, будучи приглашенъ занять катедру высшей математики и астрономіи въ Краковской академіи. Весъ 1787 годъ Снядецкій провелъ въ Англии, занимаясь въ тамошнихъ обсерваторіяхъ; въ 1795 г. путешествовалъ въ Карпатскихъ горахъ. Въ 1806 г., послѣ двухлѣтняго путешествія въ Германіи, Голландіи, Франціи и Италиі, занялъ мѣсто главнаго астронома въ Вильнѣ, потомъ ректора бывшаго тамъ же университета. Онъ скончался 21-го ноября 1830 г., на 74 году жизни. Полное собраніе сочиненій этого ученаго издано въ Варшавѣ, въ семи томахъ. — *Чацкій* род. въ 1765 г. на Волынѣ. Будучи чиновникомъ надворнаго суда, по собственной охотѣ, привелъ въ порядокъ коронную метрику, что дало ему возможность близко ознакомиться съ предметами отечественными. Въ 1788 г. онъ избранъ былъ въ члены комиссіи финансовъ и еще болѣе изслѣдовалъ положеніе страны, путешествуя по разнымъ частямъ своего отечества, съ цѣлю ознакомиться съ мануфактурами, торговлею и водными сообщеніями. Онъ былъ депутатомъ Волынской губерніи на коронацію императора Павла I. По его представленію императоръ Александръ I учредилъ въ Кременцѣ гимназію и поручилъ ему управленіе ею; потомъ, въ 1807 г., онъ назначенъ былъ исправляющимъ должность куратора въ семи губерніяхъ. Онъ умеръ въ 1813 г. Вотъ заглавіе нѣкоторыхъ его сочиненій : *О литовскихъ и польскихъ законахъ* (1800 г.);—*О десятинахъ вообще и въ особенности въ Польшѣ и Литвѣ* (1801 г.);—*Разсужденіе о Жидакѣ* (1807 г.);—*О правахъ Мазовецкихъ* и др. Всѣ эти сочиненія обработаны критически и составляютъ богатый матеріалъ для польскаго историка. По смерти Нарушевича, Чацкій далъ обѣщаніе королю Станиславу окончить его польскую исторію, для которой и приготавливалъ матеріалы.

децкій и Фаддей Чацкій;—Наполеонъ и Иванъ Снядецкій;—Дополненіе записокъ о королевѣ Варварѣ (I. 1548 г. II. Коронація);—Спытко изъ Мельштына и его родъ (историческій разказъ);—Смерть Жолкъвскаго и памятникъ его въ Бессарабіи;—Папроцкій и Паноша;—Дополненія.

Мы остановимъ вниманіе преимущественно на дополненіяхъ къ запискамъ о королевѣ Варварѣ, въ особенности потому, что Н. А. Поповъ, въ своемъ прекрасномъ историческомъ разказѣ, основанномъ на запискахъ г. Балинскаго, *Королева Варвара* (см. «Русскій Вѣстникъ», кн. 1-я за нынѣшній годъ), къ сожалѣнію, не успѣлъ воспользоваться ими.

«Неожиданно, говоритъ г. Балинскій, снова открываются неизвѣстные до сихъ поръ документы, чрезвычайно важные для объясненія подробностей жизни королевы Варвары.» Они выписаны г. Николаемъ Малиновскимъ изъ книги, имѣющей заглавіе: *Lettres, Rescripts et Mandats de la Reine Bonne, de Sigismond Auguste et d'Etienne Bathori, Rois de Pologne, 1535—1585. Volumen № 62*, состоящей изъ 148 листовъ. Эта рукопись хранится въ собраніи автографовъ Императорской Публичной Библіотеки въ С. Петербургѣ, гдѣ г. Малиновскій, въ 1855 г., занимался разысканіемъ матеріаловъ для своихъ многочисленныхъ и образцовыхъ трудовъ въ области отечественной исторіи. Рукопись эта состоитъ изъ писемъ Сигизмунда-Августа, писанныхъ по-польски въ 1548 г., со всею откровенностію, къ князю Михаилу Радзивиллу Рыжему, брату Варвары. Они дополняютъ, въ числѣ 26, продолженіе корреспонденціи этихъ двухъ знаменитыхъ историческихъ лицъ и тѣмъ болѣе важны, что сверхъ подробностей, относящихся къ супружеству Варвары, заключаютъ въ себѣ и другія свѣдѣнія, касательно происшествій 1548 года.

Кромѣ того г. Балинскій, между своими рукописями, нашелъ также любопытное и хорошо сохраненное собственноручное письмо князя Павла Гольшанскаго, епископа Виленскаго, писанное къ королевѣ Варварѣ на прощаніи, когда она оставляла Литву, отправляясь въ Малую Польшу, по приглашенію мужа.

Всѣ эти новыя свидѣтельства, обнимая собою нѣсколько мѣсяцевъ, еще болѣе объясняютъ событія 1548 г., памятнаго въ польской исторіи волненіемъ Пётровскихъ сеймовъ, возбужденнымъ происками Боны.

Все собраніе писемъ, писанныхъ по-польски, состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Первые четыре письма писаны съ дороги, когда Сигизмундъ Августъ, оставивъ Вильно и Варвару, отправился въ Краковъ на погребеніе своего отца, Сигизмунда Стараго. Изъ нихъ ясно видно, до какой степени достигло вліяніе Радзивилла Рыжаго и значеніе его при королѣ. На пути, Августъ непрерывно получаетъ извѣстія отъ брата Варвары о здоровьи своей супруги, без-

прерывно поручаетъ ему заботиться о ея безопасности и удобствахъ. Второй отдѣлъ этой корреспонденціи, сверхъ письма князя Гольшанскаго, заключаетъ въ себѣ шесть занимательныхъ писемъ, писанныхъ со времени прибытія короля въ Краковъ до отъѣзда его на сеймъ Пётрковскій. Онъ преимущественно заботится въ нихъ о здоровьи, удобствахъ и безопасности Варвары; вмѣстѣ съ этимъ нельзя не замѣтить болзни относительно тайныхъ злоумышленій его враговъ въ Литвѣ, управляемыхъ Боною.

Къ третьему отдѣлу этой корреспонденціи принадлежатъ остальные пятнадцать писемъ и отрывокъ шестнадцатаго. Они относятся къ тому времени, когда король и королева разъѣхались въ двѣ противоположныя стороны—Варвара въ Корчинъ, Августъ въ Пётрковъ, и продолжаютъ до праздника Рождества Христова 1548 г. Сигизмундъ-Августъ, въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, не забываетъ своей Варвары, и какъ только пріѣхалъ въ Пётрковъ, сейчасъ же посылаетъ къ Радзивиллу напомнить ему, чтобы съ осторожностію подавали королевѣ питье. Онъ боялся яду, какъ средства, которое очень часто употреблялось въ XVI вѣкѣ въ Европѣ, чтобы избавиться отъ мѣшавшихъ людей.

Между прочимъ, въ письмахъ Сигизмунда-Августа, изданныхъ теперь г. Балинскимъ, сохранились самыя вѣрныя свидѣтельства о дѣйствіяхъ и спорахъ на Пётрковскомъ сеймѣ 1548 г.—Будущій историкъ времени послѣдняго изъ Ягеллоновъ, найдетъ въ этихъ документахъ, вмѣстѣ съ другими, прежде изданными, живую картину не только публичной жизни въ Польшѣ, въ началѣ этого царствованія, но и домашнихъ нравовъ въ этомъ вѣкѣ.

На основаніи этихъ вновь открытыхъ писемъ, настоящій разказъ г. Балинскаго нѣсколько разнится отъ прежняго, особенно въ числахъ (1). Въ дополненіе къ нему, онъ обращается еще къ прекрасному изданію гг. Пршездзѣцкаго и Раставецкаго, подъ заглавіемъ: *Образцы средневѣковаго искусства и эпохи возрожденія въ концѣ XVII вѣка въ древней Польшѣ* (отд. I, въ Варшавѣ и Парижѣ). Въ XII выпускѣ, подъ заглавіемъ: *Портреты двухъ женъ Сигизмунда-Августа, короля Польскаго*, помѣщены два рисунка; одинъ представляетъ переплетъ книги, нѣкогда бывшей собственностью этого государя; другой—два портрета, писанные масляными красками на металлической дощечкѣ и находящіеся по обѣимъ сторонамъ внутри переплета. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ Елисаветѣ Австрійской, другой Варварѣ Радзивиллѣ. При описаніи этого драгоценнаго памятника, г. Пршездзѣцкій помѣстилъ три письма Варвары, найденныя въ Неборовскомъ архивѣ (въ Царствѣ Польскомъ близъ Ловича), и объявилъ, что вскорѣ намѣренъ издать ихъ вмѣстѣ съ другими того же рода па-

(1) См. Pisma Historyczne. T. I, стр. 157 — 209.

митниками. Такія два счастливыя открытія обогащаютъ и дополняютъ всю исторію этого драматическаго эпизода польской исторіи. Особенно важны письма самой Варвары, которыхъ до сихъ поръ такъ мало нашлось. Они любопытны въ особенности потому, что ясно изображаютъ ея нравъ, сердце и характеръ. Въ запискахъ о Варварѣ находится подтвержденіе, что причиною ея смерти былъ не ядъ, а ракъ, между тѣмъ какъ нѣкоторые стараются доказать противное.

Г. Балинскій, въ дополненіяхъ къ своимъ статьямъ, разбираетъ историческій очеркъ г. Карла Шайнохи, подъ заглавіемъ: *Wawarska Radziewillowa*.—Онъ помѣщенъ въ особо изданной книгѣ, во Львовѣ, 1854 года, нѣмьющей слѣдующее заглавіе: *Szkice Historyczne* (Историческіе Очерки). Авторъ ихъ принадлежитъ къ числу самыхъ даровитыхъ и трудолюбивыхъ изслѣдователей польской исторіи, въ новѣйшее время (1). Г. Шайноха въ своемъ очеркѣ хотѣлъ доказать, что Варвара была женщиною обыкновенною, и искала только собственнаго счастья. Онъ старается уменьшить славу и историческую занимательность Варвары.

«Безъ сомнѣнія, замѣчаетъ г. Балинскій,— никто не считаетъ ее героинею, и не будетъ ставить ее во главѣ какой-то великой эпохи въ народной жизни; но, судя безпристрастно, исторія назначитъ Варварѣ болѣ скромное и все-таки славное мѣсто прекрасной и добродѣтельной королевы, которая, сумѣвши возбудить столь сильную къ себѣ любовь, вмѣстѣ съ этимъ не лишена была благородства и высокаго достоинства, потому что не поставила себя въ то положеніе, въ какомъ находились столь же прекрасныя собою королевскія любовницы въ тогдашней Европѣ! И кто знаетъ, можетъ-быть, болѣе для этого, нежели изъ гордости, она такъ усиленно желала быть корою. Еслибы она была такъ горда, какъ утверждаетъ г. Шайноха, то передъ смертію не просила бы мужа, чтобы онъ похоронилъ ея тѣло не между гробницами королевскими на Вавелѣ въ Краковѣ, а въ родной Литовской землѣ!»

— *Bibliografia Krajowa* (Отечественная Библиографія, издаваемая варшавскимъ книгопродавцемъ Клюковскимъ). Выпускъ IV.

Въ одной изъ предыдущихъ статей моихъ, я уже упоминалъ объ этомъ полезномъ изданіи. Нельзя не пожалѣть, что оно выходитъ медленно. Въ IV-мъ выпускѣ заключается продолженіе библиографіи 1856 года, также литературныя и книгопродавческія объявленія. Въ фельетонѣ помѣщено любопытное обзорное древней библиографіи, г. Войцциаго.—Оно касается одной старинной брошюры XVI вѣка.

(1) Самое важное и замѣчательное сочиненіе его: *Adama i Jagello*, историческій разказъ, — вышло во Львовѣ въ 1855—1856 г., въ трехъ томахъ. Я получилъ только I-й томъ этого сочиненія и, когда получу остальные, постараюсь отдать объ немъ отчетъ читателямъ.

Важнѣйшую часть древней польской литературы, драгоценный матеріалъ для исторіи Польши и, въ особенности, для ближайшаго уразумѣнія ея домашней жизни, со времени распространѣнія книгопечатанія, безспорно составляютъ старинныя польскія брошюры, которые стали появляться при самомъ началѣ распространѣнія книгопечатанія въ Польшу (1506—1530 г.). Не прошло и полвѣка, какъ брошюры, съ измѣненіемъ образа правленія Рѣчи Посполитой, по смерти послѣдняго Ягеллона, получили болѣе важное, не только литературное, но и политическое значеніе. Онѣ служили вмѣсто нынѣшнихъ газетъ и были органомъ общаго мнѣнія, какъ народа, такъ и партій. Реформація и вмѣстѣ съ нею религіозные споры разпожили ихъ не сотнями, но тысячами. Простые Библиографы хотя и записали множество брошюръ, однакожь ограничивались только подробнымъ приведеніемъ заглавія и исчисленіемъ страницъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ брошюръ, оказывалось, что содержаніе ихъ часто не согласовалось съ заглавіемъ, и что въ описаніи предметовъ, повидимому, возбуждающихъ интереса, заключаются драгоценныя свѣдѣнія не только о домашней жизни, но и о важнѣйшихъ историческихъ событіяхъ, которыми не всегда съ такою подробностію передавались въ польскія лѣтописи. Мартынь Бѣльскій, въ своихъ брошюрахъ, представляетъ болѣе фактовъ, касающихся домашней жизни Польки, нежели въ своей лѣтописи. — Вѣрная перепечатка наиболее замѣчательныхъ брошюръ служила бы чрезвычайно важнымъ и неответственнымъ до сихъ поръ матеріаломъ для исторіи. Многія изъ этихъ брошюръ пропали и сдѣлались рѣдкостію.

Г. Войницкій возымѣлъ похвальное намереніе помѣщать въ *Отечественной Библиографіи* не только описанія наиболее важныхъ и любопытныхъ брошюръ, но и представлять извлеченія изъ нихъ, относящіяся къ исторіи. Сюда войдутъ также и брошюры, писанныя стихами, которыми такъ богата древняя польская литература. Не всѣ изъ нихъ написаны съ талантомъ, но, какъ бы то ни было, онѣ свидѣтельствуютъ о поэтическомъ настроеніи народа.

Г. Войницкій разсматриваетъ слѣдующую брошюру: «*Publika Listka Józepha Wereszczyńskiego z Wereszczyna, z łaski Bożej Biskupa Kijowskiego a Opata Sieciechowskiego: ich M. Rzeczyposp. na sejmiki przez list objaśniona, tak z strony fundowania szkoły rycerskiej z ytem koronnym na Ukrainie, jako też Krzyżaków według Reguły Maltańskiej, w sąsiedztwie z Pogany i z Moskwą na wszystkim Zadnieprzu, dla szadniejszego ochranienia koronnego, od niebezpieczeństwa wszelkiego*». (То-есть, *Публичное Изъясненіе отпа Юсифа Верещинскаго изъ Верещина, Божію милостию епископа Кіевского и аббата Сѣчѣвскаго: ихъ милостямъ Рѣчи Посполитой для сеймиковъ въ письмѣ изъясненное, какъ относительно основанія рыцарской школы для коронныхъ сыновъ въ Украинѣ, такъ и крестоносцевъ Мальтійскаго*

ордена въ сосѣдствѣ съ язычниками (поганами) и съ Москвою на всемъ Заднѣпровьѣ, для легчайшаго короннаго охраненія отъ всякой опасности.) Печатано въ Краковѣ 1894 г.

Брошюра начинается предисловіемъ къ братьямъ шляхтѣ. Замѣчательно въ немъ слѣдующее мѣсто: «Чрезмѣрная опасность, къ тому же частое самовольство всей Украины королевства польскаго и любезной братіи вашей, вызвало сіе писаніе мое къ вашимъ милостямъ, моимъ милостивымъ панамъ и братьямъ, чтобы ваши милости, имѣя въ виду обязанность христіанскую и братскую, соблаговолили заботиться о томъ, чтобы эта золотая Украина, вмѣстѣ съ короною польскою, наслаждалась лучшею безопасностію, чѣмъ нынѣ....»

«Вся Украина, вмѣстѣ съ короною польскою, убѣждена въ своей будущей опасности. Чтò бы ни случилось, необходимо вашей милости всемъ прибѣгать къ Господу Богу, и помнить свою обязанность, чтобы всуе, съ большимъ вредомъ для себя и даже для всего королевства Польскаго, не утратить этого драгоценнаго клейнота, столпа и опоры своей, а вмѣстѣ щита и стѣны противъ язычниковъ. По небреженію, безпутно и позорно утратить, или отдать на растерзаніе язычникамъ, такую Украину, которая длиннѣе и шире, нежели Малая и Великая Польша, и столь обширное и длинное государство, — по истинѣ, милостивые паны мои, это не заслуживаетъ похвалы.»

Послѣ такого обращенія, Верещинскій предлагаетъ *семь способовъ* защиты, о которыхъ онъ и говоритъ въ своей брошюрѣ, раздѣливъ ее на семь главъ.

Между прочимъ онъ совѣтуетъ основать въ Украинѣ рыцарскую коллегію, то-есть, какъ онъ выражается, «рыцарскую школу для любезнаго потомства своей шляхетской крови». Далѣе онъ прибавляетъ: «Если бы ваши милости пожелали, чтобы и подданные ваши также были участниками этой рыцарской школы, то изъ шляхетскаго народа могло бы составиться четыре тысячи гусаровъ и четыре тысячи казаковъ, а изъ городскаго и сельскаго народа двѣ тысячи пѣхоты.» «Тогда, по его словамъ, на вѣчныя времена, ежегодно и постоянно можно бы было высылать десять тысячъ войска, съ немалою славой и пользою для всѣй польской короны, и даже съ великою радостію для всего христіанства.» Онъ замѣчаетъ, что молодые люди, упражняясь въ такой школѣ, готовились бы въ ротмистры, а изъ ротмистровъ въ гетманы.

Для поддержанія силъ этой школы, въ случаѣ нападенія «погановъ», онъ совѣтуетъ заселять пустыя украинскія степи перемѣщеніемъ народа, какъ изъ Великой, такъ и изъ Малой Польши.

(1) Кажется, лѣтъ десять тому назадъ, эта газета начала выходить подъ редакціею извѣстнаго польскаго писателя, графа Г. Ржевускаго, подъ названіемъ: Dziennik Warszawski (Варшавскій Дневникъ).

Сверхъ того онъ утверждаетъ, что одна такая военная школа не достаточна для защиты границъ Рѣчи Посполитой, и потому совѣтуетъ основать другую школу, по Мальтійскому ордену, — въ Заднѣпровьѣ. Самъ Верещинскій, вмѣстѣ съ своимъ капитуломъ, объщаетъ этому содѣйствовать и даже жертвуетъ земли, принадлежавшія епископству кievскому.

Kronika wiadomosci krajowych i zagranicznych (Хроника внутреннихъ и иностранныхъ извѣстій 1856.)

Обращаю вниманіе читателей на эту политическую и литературную газету, выходящую въ Варшавѣ, подъ редакціею г. Ю. Барташевича, даровитаго и трудолюбиваго изслѣдователя польской исторіи, извѣстнаго своими замѣчательными сочиненіями и учеными критиками, разсѣянными въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ *Хроникѣ* часто помѣщаются интересныя статьи историческаго содержанія; сверхъ того, въ ея фельетонѣ участвуютъ лучшіе польскіе белетристы. Здѣсь мы преимущественно займемся нѣкоторыми нумерами, вышедшими въ послѣдніе два мѣсяца прошлаго года.

Въ №№ 219 и 220 помѣщена статья редактора: *Споръ о старославянской общинѣ*, написанная по поводу подобнаго же спора, который недавно возникъ въ нашей литературѣ. Пріятно замѣтить, что труды нашихъ ученыхъ начинаютъ находить отголосокъ и въ польской литературѣ, съ которою у насъ можетъ быть много общаго. Изложивъ мнѣнія разныхъ ученыхъ объ общинѣ и, въ особенности, мнѣніе г. Чичерина, авторъ говоритъ: «Хотя г. Чичеринъ высказалъ рѣзкую новость, новость для науки неслыханную и странную, однакожь своимъ изслѣдованіемъ онъ возбудилъ въ литературѣ много жизни: имя его въ наукѣ было ново и неизвѣстно; но такъ какъ онъ приступилъ къ своему предмету съ знаніемъ, то каждый сознавалъ, что онъ здѣсь имѣетъ дѣло не съ начинающимъ, но съ мастеромъ, который умѣетъ мыслить, и искренно вникалъ въ науку. Метода его хороша и прямо ведетъ къ цѣли. Предметъ, избранный имъ, совершенно новъ и до сихъ поръ не обработанъ ученымъ образомъ; правда, нѣкоторые касались его, но только мимоходомъ; исключительно же этимъ предметомъ никто не занимался. Впрочемъ, и г. Чичеринъ не разрѣшилъ вопроса, отговариваясь тѣмъ, что еще мало собрано фактовъ. Но иногда уже самое возбужденіе вопроса и общій взглядъ на него столь важны, какъ монографія, какъ ученое, полное изслѣдованіе предмета. Здѣсь именно такъ случилось. Еслибы мнѣніе г. Чичерина не было высказано такимъ тономъ и съ такимъ яснымъ взглядомъ на предметъ, то оно даже не обратило бы на себя вниманіе, тѣмъ болѣе, что разрушало до основанія доселѣ существующія понятія и изумляло ученыхъ. Въ Россіи мы видимъ въ наукѣ тотъ же фактъ, что и у насъ — уже не повторяютъ за маменькою старыхъ изреченій, но изслѣдуютъ, изучаютъ и рассматриваютъ матеріалы, которыхъ

множество какъ тамъ, такъ и у насъ. Предметы, которые прежде вовсе не интересовали и которые считались недостойными исторіи, теперь подвергаются разбору. Число трудящихся для науки съ каждымъ днемъ увеличивается. Замѣтно вліяніе иныхъ понятій; исчезаютъ фантазмагоріи, созданія воображенія; наука доискивается своихъ правъ, предъявляетъ свои нужды и требованія, отъ которыхъ не освобождаетъ ни замѣчательный талантъ, ни даже блистательная выставка многочисленныхъ и различныхъ цитатъ. Вдругъ, неожиданно являются люди и возвышаютъ голосъ, и къ этому голосу нужно прислушиваться: потому что онъ не пустое эхо; онъ явно чувствуется разумомъ и наукою. Такой голосъ возвысилъ и г. Чичеринъ. Его разсужденіе должно было вызвать спорныя мнѣнія, подать поводъ къ полемикѣ, а извѣстно, что споръ въ ученыхъ предметахъ обнаруживаетъ истину.»

Далѣе г. Барташевичъ упоминаетъ о мнѣніяхъ, высказанныхъ гг. Бѣляевымъ, Кошелевымъ, Бестужевымъ—Рюминымъ и въ «Отечественныхъ Запискахъ». Изложивши такимъ образомъ главные результаты полемики, онъ заключаетъ свою статью слѣдующими словами: «Какъ намъ кажется, г. Чичеринъ преимущественно ошибся въ томъ, что нашествію Варяговъ на Русь онъ слишкомъ много придалъ преобразовательнаго значенія: преобразования здѣсь никогда не было и не могло быть. Духъ Варяговъ стремился къ господству сверху, но внизу онъ не входилъ ни въ какія отношенія; съ теченіемъ времени новыя отношенія возникали сами собою; завоеватели слились съ народомъ. Безспорно, во взглядѣ г. Чичерина на исторію, виденъ успѣхъ: одно обстоятельство, что авторъ принимаетъ пришествіе, завоеваніе земли, а не добровольное призваніе Варяговъ, что до сихъ поръ допускали почти всѣ историки, слѣдуя Нестору,—уже одно это обстоятельство свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ изслѣдованій. Однако изъ этого не должно заключить, чтобы Варяги вступили въ среду Славянщины съ идеею о цивилизаціи, съ мыслями а ргіогі, съ какимъ-то намѣреніемъ образовать правильно устроенное государство, съ какою-то уставною грамотою въ рукѣ. Каждая дружина завоевателей имѣла свое собственное устройство и не заботилась о томъ, какъ управляются другіе. Потому-то завоевательный характеръ нашествія Варяговъ очень можно согласить съ внутреннею независимостію народа. Это нашествіе не повело за собою непрямой реформы; волны Варяговъ всплывали только на поверхности Славянщины. Мы не распространяемся болѣе объ этомъ предметѣ, потому что уже гораздо обширнѣе изложили нашу мысль, не предполагая, что современемъ возникнетъ споръ о славянской общинѣ. Мы говоримъ о нашемъ разсужденіи, напечатанномъ въ «Варшавской Библіотекѣ» 1851 г., подъ заглавіемъ: «О новомъ изданіи Скандинавскихъ сагъ». На основаніи нашего взгляда, славянская община

удержалась при Варягахъ въ древней Руси и сохранилась до нашихъ времянь, въ главныхъ своихъ чертахъ и духѣ, въ томъ общественномъ устройствѣ, которое пространно описалъ Гакстаузенъ.»

Изъ приписки къ этой статьѣ видно, что г. Барташевичъ, окончивъ ее, только что узналъ объ отвѣтѣ г. Чичерина г. Бѣлеву, также о возраженіи послѣдняго изъ нихъ; но онъ не высказываетъ никакого мнѣнія объ этой полемикѣ.

— Въ № 200 Хроникки помѣщена любопытная замѣтка г. Руликовскаго: «Объ отцѣ гетмана Мазепы». — Нѣкоторые сомнѣвались въ томъ, назывался ли Мазепа Стефаномъ или Адамомъ? Г. Руликовскій, въ 1855 г., разсматривая архивъ Кіевской археологической комиссіи, нашелъ документъ, изъ котораго оказывается, что Адамъ былъ отецъ гетмана Мазепы. Такимъ образомъ окончательно разрѣшается вопросъ о тождествѣ этихъ двухъ, повидимому, различныхъ лицъ, то—есть Стефана и Адама. Этотъ документъ есть подтвержденіе привилегіи короля Іоанна Казимира, жалующаго въ наследственное владѣніе деревню Мазепинцы, въ староствѣ Бѣлоцерквинскомъ, Адаму Мазепѣ, супругѣ его и потомству, въ мужской и женской линіи. Выписавъ начало этой привилегіи, изъ которой видно, что Адамъ былъ отецъ гетмана, г. Руликовскій спрашиваетъ: отчего же малороссійскіе историки называютъ отца гетмана Стефаномъ, и отчего, наконецъ, самъ гетманъ не подписывался Адамовичемъ, какъ бы слѣдовало, а Степановичемъ? Нельзя же подозрѣвать гетмана, чтобы онъ хотѣлъ поддѣлываться подъ чужое отчество. Этотъ вопросъ разрѣшаетъ и объясняетъ г. А. Д., авторъ Замѣтокъ о Мазепѣ, помѣщенныхъ въ «Варшавской Библіотекѣ» (1855 г. февраль). Адамъ Мазепа, какъ нужно догадываться, перешелъ изъ латинскаго исповѣданія въ греческое и, по церковному обряду, долженъ былъ переимѣнить имя. Отсюда—то произошла его двуименность. Г. Руликовскій въ концѣ своей статьи говоритъ: «Изъ вышеприведенной привилегіи Іоанна Казимира видно, что Адамъ Мазепа оказалъ большія услуги отечеству, не разъ бывалъ ему полезенъ, служилъ въ войскѣ и принималъ участіе въ нѣсколькихъ военныхъ походахъ; изъ другихъ же источниковъ также извѣстно намъ, что онъ занималъ должность черниговскаго подчашника. Къ этимъ подробностямъ, лично къ нему относящимся, нужно еще прибавить, что онъ, утомленный войнами и посѣдѣлый въ лагеряхъ, на старости поселился въ своей наследственной деревнѣ, Мазепинцахъ, основанной его предками, о чемъ даже свидѣтельствуешь Величко; но неизвѣстно, какъ долго онъ тамъ жилъ и когда окончилъ дни свои, проведенные въ степной глуши. Кажется, что день его смерти можно отнести къ 1669 г., или нѣсколько ранѣе. Въ деревнѣ Мазепинцахъ осталось послѣ него много слѣдовъ, можетъ—быть даже вообще послѣ Мазепѣ. Деревня Мазепинцы теперь принадлежитъ къ бѣлоцерквинскимъ помѣстьямъ и находится надъ

рѣкою Камёнкою. Въ сторону отъ этой деревни, на полѣ, до сихъ поръ существуетъ такъ-называемый *городокъ Мазены*, въ которомъ, какъ въ оборонительномъ мѣстѣ, вѣроятно прежде находился дворъ и главное мѣстопробываніе владѣльцевъ; немного далѣе есть урочище, называемое *подваломъ Мазены*. Сверхъ того существуетъ такъ-названный *шляхъ Мазены*, который изъ деревни Мазепинцевъ ведетъ въ деревню Полоховъ и далѣе. Очень возможно, что все это—память объ Адамѣ Мазепѣ, и этотъ городокъ, и этотъ шляхъ, урочище, яръ, и наконецъ, кто знаетъ, и эта уединенная могила въ полѣ, поросшая травою, до сихъ поръ скрываетъ его прахъ.

П. ДУБРОВСКІЙ.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ № 1, ЯНВАРЬ 1857.

«Каждый изъ насъ, такъ говоритъ редакція «Записокъ», живо сознаетъ, что настала для насъ пора болѣе широкой и благотворной дѣятельности, что пора намъ пристальнѣе взглянуть въ условія нашей экономической жизни, прослѣдить наши матеріальныя средства, научиться ими пользоваться и пустить надлежащимъ образомъ въ оборотъ, дабы они не пропадали даромъ, ни для насъ, ни для другихъ. Время иллюзій и самообольщенія прошло, и наступаетъ пора строгой и безпристрастной проверки самихъ себя. Русскому человѣку много приходится преодолѣть препятствій: онъ долженъ уничтожать замедляющія быстрое обращеніе цѣнностей пространства, бороться съ климатическими неудобствами, съ невыгоднымъ мѣстнымъ распредѣленіемъ разнообразныхъ естественныхъ богатствъ, заключающихся въ нѣдрахъ нашей родной земли, съ недостаткомъ капиталовъ, съ дремотою, въ которую погружены они отъ медленности обращенія. На Бога надѣйся, а самъ не плошай, говоритъ наша пословица, и ежели Творецъ надѣлилъ насъ богатыми средствами, то не истощать ихъ призванъ человѣкъ, а умножать, не истощать почвы безобразнымъ допотопнымъ хозяйствомъ, а укрѣплять ее и плодотворить, не истреблять бессмысленно и безнаказанно лѣса, а поддерживать ихъ, не въ безумной, несообразной съ средствами, роскоши искать удовлетворенія тщеславію, а бережливо, съ строгою отчетливостію, умножить свое богатство. Вотъ почему редакція «Записокъ Казанскаго Экономическаго Общества» намѣрена указывать постоянно своимъ читателямъ на тѣ важныя, выработанныя современною наукою, экономическія истины, пользованіе которыми такъ много содѣйствовало къ развитію народнаго богатства въ другихъ европейскихъ обществахъ.»

Имѣя постоянно въ виду такую благородную цѣль, «Записки Казанскаго Экономическаго Общества» должны будутъ принести огромную пользу обширному приволжскому краю, для котораго Экономическое Общество служить и ближайшимъ, и единственнымъ посредникомъ передачи полезныхъ свѣдѣній, относящихся къ сельскому хозяйству и къ заводской промышленности. Желаніе усвоить себѣ результаты наукъ, имѣющихъ тѣсную связь съ народною промышленностью, начинается безспорно проглядывать и въ нашихъ производительныхъ сословіяхъ, и конечно по преимуществу тѣхъ, которые, свободно располагая своимъ трудомъ, могутъ вполне рассчитывать, что сами и воспользуются благодѣтельными его результатами. На нашихъ глазахъ публичные курсы технологіи въ Казанскомъ университетѣ посѣщались по преимуществу купцами, заводчиками и крестьянами. Мы лично знаемъ вятскаго крестьянина, привезшаго въ Казань на стеариновый заводъ сало, вытопленное имъ по новому способу, которому онъ научился въ технологической лабораторіи Казанскаго университета. Благодаря неутомимой дѣятельности профессора технологіи М. Я. Киттары, студенты, избравшіе себѣ главнымъ предметомъ занятій технологію, познакомились со многими отраслями заводской промышленности практически на здѣшнихъ мѣстныхъ заводахъ подъ руководствомъ профессора, и передавали заводчикамъ полезныя свѣдѣнія, почерпнутыя ими въ технологической лабораторіи. Лучшіе изъ ихъ трудовъ, относящіеся по большей части къ мѣстной заводской промышленности, печатались постоянно въ «Запискахъ Общества» вмѣстѣ съ трудами редактора. Несмотря однакожь на всю пользу такихъ статей, нельзя было не замѣтить слишкомъ односторонняго направленія «Записокъ». Въ «Запискахъ» чрезвычайно мало помещалось статей сельско-хозяйственныхъ, которыя для нашего края, по преимуществу земледѣльческаго, гораздо важнѣе. «Записки Казанскаго Экономическаго Общества» сдѣлались скорѣе журналомъ политехническимъ, нежели сельско-хозяйственнымъ, и отдѣлъ мануфактурной промышленности расширился постоянно въ ущербъ отдѣлу сельско-хозяйственному, тогда какъ послѣдній долженъ бы быть по всей справедливости главнымъ. Наше сельское хозяйство вступаетъ въ новый періодъ развитія. Оно не можетъ уже ограничиваться, какъ бывало въ старину, воздѣлываніемъ немногихъ злаковъ, необходимыхъ для пищи человѣка и домашнихъ животныхъ, или волокнистыхъ растений. Оно выходитъ мало-по-малу изъ предѣловъ первобытнаго экстенсивнаго хозяйства, условливаемаго обиліемъ земель и ихъ естественнымъ плодородіемъ; выходитъ по мѣрѣ умноженія народонаселенія и истощенія почвы. Наше земледѣліе развивается тѣмъ же путемъ, какъ и вездѣ. Наши земледѣльцы начинаютъ живо чувствовать, что однимъ производствомъ разныхъ видовъ хлѣба далеко не уйдешь. Потребности народонаселенія умножаются и разнообразятся, а вмѣ-

стѣ съ тѣмъ рождается необходимость въ удовлетвореніи ихъ. Мы начинаемъ уже болѣе налегать на родную почву, болѣе отъ нея требовать, а при такомъ направленіи необходимо болѣе труда, и притомъ труда разумнаго, необходима техника, необходимы капиталы. Стоить только сравнить предметы потребленія нашихъ дѣдовъ и ихъ потребности съ потребностями современнаго намъ помѣщика и крестьянина, чтобы убѣдиться во сколько болѣе должна давать почва, во сколько болѣе должно быть положено труда и усилій для удовлетворенія новыхъ невѣдомыхъ прежде нуждъ. Не забудемъ еще, что земля дорожаетъ, и что въ добавокъ новыя потребности жизни развиваются въ гораздо высшей пропорціи сравнительно съ пропорціей, въ какой поднимаются цѣны на продукты нашего сельскаго хозяйства. Мы необходимо должны теперь заставить то же самое пространство земли дать большее количество продуктовъ, чтобы прокормить большее народонаселеніе и удовлетворить его болѣе разнообразнымъ нуждамъ и прихотямъ.

Указывать безпрестанно на необходимыя улучшенія въ сельскохозяйственной техникѣ, на лучшіе и наипригоднѣйшіе для здѣшняго края способы хозяйственныхъ улучшеній, отыскивать главныя причины неудачъ въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ, причины его упадка и за тѣмъ обѣднѣнія многочисленнаго народонаселенія—вотъ задачи науки, вотъ задачи экономическихъ обществъ. Судя по первой книгѣ Записокъ Казанскаго Экономическаго Общества, новая редакція поняла какъ нельзя лучше потребности нашего края и нашего общества. Во главѣ статей, составляющихъ содержаніе первой книжки, мы должны поставить превосходную статью г-на Сергѣева, ветеринарнаго врача на здѣшней сѣверо-восточной учебной фермѣ: «Средства противъ повальныхъ болѣзней скота». Мы съ наслажденіемъ читали и перечитывали эти проникнутыя знаніемъ дѣла, знаніемъ крестьянскаго быта, преисполненныя сердечной теплоты страницы, и рѣшаемся представить нашимъ читателямъ статью почти цѣликомъ, и тѣмъ съ большимъ правомъ, что большинство нашихъ читателей ежели и знаетъ о существованіи «Записокъ Казанскаго Экономическаго Общества», то вѣроятно не имѣетъ ихъ подъ руками. Статья же г-на Сергѣева должна быть прочтена всѣми, кому близко къ сердцу положеніе нашего сельскаго народонаселенія и кто только интересуется роковымъ для нашего крестьянина бичомъ, наказаніемъ Божіимъ—*чумою скота*, стирающею съ лица земли, нерѣдко колосою на пространства нѣсколькихъ сотъ верстъ, весь крестьянскій и помѣщичій скотъ.

«Чума рогатаго скота (говоритъ г-нъ Сергѣевъ) постоянно свирѣпствуетъ въ нашихъ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ. Каждогодно уносить она десятки тысячъ головъ, а съ ними болѣе или менѣе значительные капиталы казенные и частные,—уносить нерѣдко все достояніе нашего земледѣльца, всѣ его жизненныя средства. Понятно, что это зло

вызывало и постоянно вызывает со стороны заботливых владельцев посильное противодействие; но, къ сожалѣнію, это противодействие часто выражалось въ различныхъ специфическихъ лѣкарствахъ, помощь которыхъ всегда должно отнести къ случайности. Тѣмъ не менѣе это стремленіе къ истребленію или ограниченію зла, эта полезная дѣятельность заботливыхъ и хорошихъ хозяевъ заслуживаютъ общую и полную благодарность: они старались испытанныя ими средства сдѣлать общезнаемыми, объявляли о нихъ въ періодическихъ русскихъ изданіяхъ: въ ихъ стремленіи было видно безкорыстное желаніе общей пользы, и за то имъ крѣпкое русское спасибо.

«Въ прошедшемъ году было также предложено одно изъ такихъ средствъ; но изобрѣтатель для обобщенія его избралъ совершенно другой путь. Прусскій подданный, Фридрихъ Бауэръ, предложилъ, для предохраненія и пользованія рогатаго скота отъ повальныхъ болѣзней, употребленіе щелочей (зола, соды, углекислаго кали), и это испытанное имъ средство изложилъ въ просьбѣ, поданной имъ на Высочайшее имя черезъ комиссію у принятія прошеній. Наше правительство, постоянно заботящееся о всемъ полезномъ, и въ этотъ разъ приняло предложеніе Бауэра, съ полною готовностію распространить его средство. Просьба была передана въ министерство внутреннихъ дѣлъ на обсужденіе медицинскаго совѣта и кромѣ того сообщена министерству государственныхъ имуществъ, гдѣ въ ученое комитетѣ было постановлено: предписать ветеринарнымъ врачамъ тѣхъ губерній, въ которыхъ преимущественно свирѣпствуетъ чума, испытать средства г. Бауэра. Одно изъ такихъ предписаній было получено и мною.

«Въ ожиданіи случая, который дозволилъ бы мнѣ исполнить возложенное на меня порученіе, считаю долгомъ поговорить здѣсь откровенно вообще о средствахъ, которыя могутъ спасти рогатый скотъ отъ чумы и другихъ повальныхъ болѣзней.

«Природа для каждаго животнаго опредѣлила обстановку, каждому дала средства существовать въ его родимой мѣстности, при коренныхъ, природенныхъ ему условіяхъ жизни. Дикое животное, въ его отчизнѣ, въ его климатѣ, не умретъ ни съ голоду, ни съ холоду; это каждому извѣстно. Принимая же животное въ свои руки, измѣняя его свойства, сообразно нашимъ цѣлямъ, отрывая его отъ родныхъ условій развитія, всегда ли заботимся мы ему тотъ уходъ, съ которымъ печется такъ неутомимо, такъ внимательно о немъ природа? Всегда ли животное, которое посредствомъ или непосредственно кормить и одѣваетъ насъ, ѣсть и спитъ въ мѣру, не дрогнетъ отъ холоду?—Вотъ вопросъ, въ которомъ заключены и корень, и уничтоженіе зла.

«Каждому хозяину, пекущемуся о своемъ стадѣ, очень хорошо извѣстно, что всякая зараза, всякая повальная болѣзнь или вовсе не нападаютъ, или дѣйствуютъ весьма слабо на животныхъ, за которыми ведется *правильный, добросовѣстный уходъ*. Животныя у такого хозяина всегда получаютъ хорошій кормъ и питье, въ мѣру и въ пору; лѣтомъ ихъ не мучитъ жажда, не пекутся они на солнечномъ зноѣ, зимой—не дрогнуть на морозѣ и сквозномъ вѣтрѣ; во всякое время года для нихъ готовъ просторный, здоровый пріютъ: никогда ихъ силы не надрываются непомѣр-

ными работами. Понятно, что такихъ здоровыхъ, крѣпкихъ, хорошо выдержанныхъ и содержимыхъ животныхъ, не скоро сломить болѣзнь, да врядъ ли и привяжется къ нимъ. Съ другой стороны, никакая щелочь, никакая сода не спасутъ животное отъ повальной болѣзни, когда оно заморено голодомъ, когда силы его изнурены тяжелымъ трудомъ, и весь его организмъ, вслѣдствіе неправильнаго, дурнаго ухода, носить уже въ себѣ зародышъ болѣзни.

«Для невѣрующихъ скептиковъ, для тѣхъ хозяевъ, которые, помимо рациональнаго ухода, вмѣстѣ съ Бауэромъ, стали бы искать другихъ, специфическихъ средствъ для застраховки скота отъ заразы, мы предлагаемъ здѣсь два опыта, доказывающіе, кажется, положительно и ясно, что дурной уходъ можетъ развить въ животномъ повальную болѣзнь.

«Въ надеждѣ искусственно произвести чуму въ одномъ совершенно здоровомъ годоваломъ бычкѣ, я ухаживалъ за нимъ въ продолженіи двухъ съ небольшимъ мѣсяцевъ, не многимъ развѣ похуже того, какъ ухаживаютъ у насъ за телятами и подростками многие изъ крестьянъ. Послѣ двухъ-недѣльнаго лѣгья бычка, я сталъ давать ржавую осоку въ различныхъ пропорціяхъ: одинъ разъ столько, сколько животное съѣсть могло, другой разъ очень мало, въ третій заставлялъ его голодать и т. д. Воду я предлагалъ животному почерпнутую изъ лужи, испорченную, теплую и въ различныхъ количествахъ. Однимъ словомъ, поступалъ такъ, какъ дѣлаютъ плохіе хозяева:—одинъ разъ густо, другой пусто, третій нѣтъ ничего. Вмѣсто хорошаго помѣщенія я приготовилъ ограду, въ которой бѣдное животное, безъ подстилки, въ грязи, проводило дни и ночи; слѣдовательно, должно было переносить довольно рѣзкія перемены температуры, томиться жаждою во время жаровъ, не имѣя средствъ утолить ее, и проч.—На второй же мѣсяцъ бычокъ мой высматривалъ скелетомъ, обнатымъ сухою кожею, обросшею грязною възрошенною шерстью. Всѣ признаки указывали на развивающееся въ немъ повальное воспаление легкихъ, и когда я окончательно убѣдился въ присутствіи въ немъ этой болѣзни, началъ исподволь устранять породившія ее причины (что составляетъ вообще главный предметъ въ лѣченіи). Помня слова моего бывшаго высоко-уважаемаго наставника, директора дерптскаго ветеринарнаго училища, Иессена: «Um das verdorbene Futter zu verbessern, bestreut man es mit Asche» (1), я желалъ, при этомъ удобномъ случаѣ, испытать совѣтъ его на дѣлѣ. Ту же самую ржавую осоку я началъ обливать соленою водою, посыпать хорошо просѣянною золою и давать въ небольшихъ, но частыхъ приемахъ своему пациенту, не забывая однакожъ о доставленіи ему другихъ благоприятныхъ для поправленія условій. Вслѣдствіе этой перемены ухода, мой бѣдный бычокъ сталъ видимо поправляться, но кашель и неправильный дыхательный шумъ лѣваго легкаго не оставляли его. Въ послѣдствіи бычокъ былъ убитъ, и вскрытіе его дѣйствительно показало въ немъ присутствіе воспаления легкихъ.

«Можетъ-быть Бауэръ укажетъ на этотъ опытъ, какъ на доказательство дѣйствія щелочей противъ повальныхъ болѣзней, и пожалѣетъ, что

(1) Для поправленія испорченнаго корма должно посыпать его золою

съ самаго начала бѣдному бычку не дано было соды. Но смѣю увѣрить, что зола и другія щелочи во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, только *способствуютъ пищеваренію и не имѣютъ никакого другаго дѣйствія на организмъ животнаго.*

«Вотъ еще опытъ, который предлагаю произвести надъ овцами. Отведите имъ сырое, грязное, тѣсное и душное помѣщеніе, кормите ихъ гомеопатически (часто и этого уже достаточно) кормомъ недоброкачественнымъ, — и въ непродолжительномъ времени въ бѣдныхъ овцахъ появится другая повальная болѣзнь — водянка. Если вы, для прекращенія ея, вздумаете воспользоваться средствомъ Бауэра и будете кормить больныхъ овецъ золою и содою, въ какой угодно пропорціи, то, повѣрьте, въ итогѣ вашего лѣченія получится также зола. Устраните же причины, породившія и поддерживающія болѣзнь, и вы спасете остатки вашего стада.

«Вмѣстѣ съ правильнымъ уходомъ, есть еще другое средство предохранить скоть отъ заразы, средство также непоследней важности; это — строгая предусмотрительность, заботливая предосторожность, это — тѣ спасительныя *мѣры, которыя не подпускаютъ заразу къ стаду.* Прилипчивость чумы, кажется, не требуетъ доказательствъ. Для тѣхъ же, которымъ неизвѣстно, какъ исполняются у нашихъ крестьянъ мѣры предосторожности, вотъ два случая изъ тысячи повторяющихся každогодно.

«Осенью, 1854 года, въ селѣ Дивлекѣевѣ (въ двухъ верстахъ отъ сѣверо-восточной учебной фермы), свирѣпствовала чума рогатаго скота (1). Причина падежа пустая: у гребенщика пала первая корова, обнюхивавшая рога отъ чумнаго скота. Рога эти были куплены хозяиномъ ея, вѣроятно, у Татарина за дешевую цѣну. Да и продавцу—то они обошлись недорого: только одну какую-нибудь ночь поработалъ онъ въ ямахъ, чтобы снять нѣсколько кожъ и отбить десятокъ—другой роговъ съ труповъ, въ нихъ зарытыхъ. Отъ гребенщика чума перешла дальше: хозяюшка, сѣвши на мертвую свою пестрявку, начала ревѣть; на этотъ ревъ сбѣжались, какъ водится, сострадательныя сосѣдки—кумушки, чтобы поголосить вмѣстѣ съ ней и, потерпѣвъ около павшей пестрявки, понесли заразу по своимъ дворамъ. И вотъ на девятый или десятый день, вслѣдъ за пестрявкой, начали валиться чернавки, бѣлянки, красульки, и трупы ихъ зарывались подъ воротами хлѣбовъ, въ которыхъ онѣ пали. (Такъ, дескать, знахарь велѣлъ.)

«Осенью, 1855 года, вновь—заведенному стаду этого же села угрожала опасность заразы съ двухъ сторонъ, но, благодаря чисто полицейскимъ предохранительнымъ мѣрамъ, оно было спасено.

«Желая достать, для производства нѣкоторыхъ опытовъ, по чумопрививанію, натуральную чумную матерію, я отправился, въ послѣднихъ числахъ іюня мѣсяца прошлаго года, въ Чистопольскій уѣздъ, въ слободы Екатерининскую и Черемху, въ которыхъ, по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, открылся въ то время падежъ рогатаго скота. 1 іюля, не доѣзжая слободы Екатерининской, я узналъ, что падежъ въ ней уже пре-

(1) Въ этомъ селѣ, во все время падежа, дѣлались мною наблюденія надъ опытнымъ чумнымъ скотомъ, переведеннымъ сюда изъ фермы.

кратился и нигуда далѣе въ окрестности не распространялся. Повидимому, причину этого падежа можно приписать худому содержанию скота, такъ какъ крестьяне Екатерининской слободы въ 1855 году погорѣли; слѣдовательно, лишились многого, необходимаго для приличнаго содержания себя и окружающихъ ихъ домашнихъ животныхъ. Почему же отъ этой слободы зараза не проникла дальше, въ этомъ опять виновны опытные и осмотрительные крестьяне смежныхъ селъ и деревень.

«Стадо, принадлежащее сѣверо-восточной учебной фермѣ, въ продолженіи трехъ лѣтъ сряду, спасалось отъ заразы, несмотря на то, что оно, во все это время, было центромъ; окружность котораго образовала собою чума. Самое большее разстояніе этого центра отъ окружности было восемь верстъ, а самое меньшее поперечны. Кроме того, находясь постоянно на фермѣ, какъ ветеринарный врачъ, и принимая участіе въ опытахъ прививанія чумы рогатому скоту, я ежедневно, по необходимости, бывалъ, какъ въ сараѣ (отстоящемъ отъ скотнаго двора на $\frac{1}{2}$ версты), въ которомъ производились опыты чумопрививанія, такъ и на скотномъ дворѣ, смежномъ съ овчарнею, конюшинею и лазаретомъ. Наконецъ большая оренбургская дорога ($\frac{3}{4}$ версты отъ скотнаго двора), по которой безпрестанно идутъ гурты, постоянно угрожаетъ стаду фермы. И, несмотря на все это, оно держится и до сихъ поръ какъ-нельзя лучше, тогда какъ самые близкіе сосѣди фермы: село Дьялѣево, деревни Борисовка и Горки, сильно пострадали, въ продолженіи тѣхъ трехъ лѣтъ, отъ заразы.

«Чему же приписать это обстоятельство? Я рѣшительно ничего не употреблялъ, исключая того, что строго слѣдилъ за исполненіемъ тѣхъ предохранительныхъ мѣръ, которыя были необходимы. При моихъ опытахъ очень легко было передать заразу изъ одного мѣста въ другое, еслибы я не имѣлъ постоянно въ виду того, что одна только моя оплошность могла быть причиною гибельныхъ послѣдствій. Можеть-быть, г. Бауэръ припишетъ и это спасеніе тому поташу, который находится въ большей или меньшей пропорціи къ каждому растенію и, слѣдовательно, долженъ былъ необходимо потребляться животными въ ихъ кормѣ. Я же, съ своей стороны, смѣю увѣрить, не давалъ скоту во все продолженіе заразы никакой щелочи. Могу только сказать, съ безпристрастною откровенностію, что стадо фермы содержалось въ эти три года и теперь содержится превосходно, благодаря дѣятельной заботливости и жемъ г. управляющаго фермою, Ф. И. Циллинскаго.

«Но много ли найдется на широкомъ пространствѣ родимой Руси такихъ мѣстъ, такихъ хозяйствъ, въ которыхъ бы велось рациональнымъ образомъ скотоводство, въ которыхъ бы опытный глазъ хозяина слѣдилъ неуслыпно за правильнымъ, добросовѣстнымъ уходомъ за животными? Что же удивительнаго, если повальные болѣзни свирѣпствуютъ у насъ постоянно и почти повсемѣстно? И можно ли искать средствъ къ ограниченію зла тамъ, гдѣ *авось, небось, да какъ-нибудь* лежать краугольнымъ намнемъ въ каждомъ дѣлѣ?!...

«Въ жарѣ, въ зной выгоняютъ стадо въ безлѣсное мѣсто; слѣпни, мошки ѣдятъ его, жажда томить, а если и утолять ее, то теплою болотною водою. Пастухъ мальчишъ занятъ своимъ дѣломъ или спитъ; стадо бродитъ

во произволу. Лежить ли подлѣ пастбища прогонная дорога, стадо не отгоняютъ прочь. Гонить ли гуртовщикъ свои табуны, онъ не заботится, есть или нѣтъ въ нихъ зараженный скоть: палъ быкъ, бросилъ его на дорогѣ, — и вся недолга. Путь отъ Оренбурга до Петербурга не близокъ; много на немъ разныхъ городковъ съ начальствомъ; въ каждомъ нужно предъявить права на свободный пропускъ особеннымъ, карманнымъ средствомъ. Гдѣ жъ тутъ возиться съ чумнымъ быкомъ! Да что жъ и за-диво, если въ гурту зародятся сами собою повальные болѣзни: скоть стоялъ въ темномъ мѣстѣ, кормился особеннымъ кормомъ, отвыкъ отъ движенія, — а тутъ вдругъ бѣги сотни верстъ по жару, ѣшь подъ ногами траву да отау, пей что и гдѣ попаало, спи на вѣтру!... Какимъ же чудомъ, скажите, спасется онъ отъ болѣзней?!

«Прочтите въ любомъ лѣчебникѣ о причинахъ, поражающихъ различными болѣзнями между домашними животными, потомъ взгляните кругомъ себя, и вамъ представятся лужи, болота, невыносимый жаръ и холодъ, сквозной вѣтеръ, грязь, худой кормъ. Чего же больше надо? Какихъ причинъ для зарожденія и развитія той или другой повальной болѣзни? Неужели для этого необходимы огромныя степи и такія же стада? Развѣ вы можете доказать, что чума на рогатый скоть не можетъ зародиться, положимъ, въ Казанской, или съ нею смежныхъ губерніяхъ, или даже на вашемъ дворѣ, если причины, ее производящія, тутъ же, подъ бокомъ? Неужели, подобно многимъ ученымъ, вы будете утверждать, что эти причины — тамъ, тамъ, далеко, высоко, куда и ваши взоры достичь не могутъ? Если вы сомнѣваетесь въ этихъ положеніяхъ, то взгляните на наши сѣверо-восточныя губерніи: здѣсь различныя болѣзни животныхъ образовали своего рода *regretuum mobile*; онѣ переходятъ съ мѣста на мѣсто, изъ поколѣнія въ поколѣніе и никогда не исчезаютъ. Зародившись однажды въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, зараза находитъ себѣ и сотрудниковъ—распространителей, о которыхъ мы должны еще молчать покуда.....

«Если же вамъ нужно отвлеченныхъ причинъ, то не сомнѣвайтесь и въ нихъ,—и онѣ какъ голодные волки, при подобныхъ обстоятельствахъ, готовы всегда броситься на добычу.

«Не говорю уже о томъ, что нашъ крестьянинъ не заботится о поддержаніи, а тѣмъ болѣе о выводѣ хорошей породы животныхъ, но, вслѣдствіе небреженія, онъ губитъ и тѣ хорошія качества, которыя существовали въ доступныхъ ему породахъ. Отчего хорошенькія вятскія лошади, или подобныя имъ обивки и здоровые битюги стали въ послѣднее время рѣдѣть годъ-отъ-году? Вслѣдствіе чего во многихъ мѣстахъ обыкновенныя крестьянскія лошади, мельчая примѣтно, преобразуются въ животныхъ болѣе похожихъ на коровъ, чѣмъ на лошадей, а коровы складомъ и ростомъ болѣе подходятъ къ свиньямъ? Взгляните, напримѣръ, на низенькую лошадку этого бѣднаго Чувашенина: вмѣсто шлеи, опутана она лыками, грязная шерсть взъерошена на ней до-недѣля, огромное брюхо раздуто, морда запачкана мѣсивомъ, голова опущена внизъ, взглядъ тусклъ и безжизненъ. Кто же скажетъ, что эта лошадь, похожая на полуживую корову, принадлежитъ къ крови казанокъ? Войдите зимой, во время бурана, къ крестьянину на дворъ и вамъ тотчасъ же бро-

сится въ глаза навѣсъ, подѣ которыми мерзнутъ бѣдныя животныя какой-то странной породы; щетинистая шерсть ихъ покрыта снѣгомъ, стоятъ они съезжившись, опутивъ голову внизъ. Если вы спросите хозяйку, какія у ней свиньи мерзнутъ подѣ навѣсомъ, получите въ отвѣтъ: «Помилуй Богъ, батюшка, какія свиньи? — это бычки, да телочки; подростутъ, будутъ коровушки.» На вопросъ: — гдѣ лошади, жеребята? — «въ хлѣвъ, батюшка, въ хлѣвъ.» Заходите въ хлѣвъ — совершенно темную съ превизкою дверью конуру, и нога ваша спотыкается о груды мерзлага навоза, превращающагося весною въ чистѣйшую грязь по колѣно. Заходите вы, наконецъ, въ избу и здѣсь также поражаетъ васъ идиллическая сцена своего рода: вы видите корову, временно наслаждающуюся, по поводу доенія, невыносимую духотой и дурнымъ мѣсивомъ. Разопрѣвшую, если можно такъ выразиться, отъ жара, съ желудкомъ, набитымъ неудобоваримымъ кормомъ, корову эту выгоняютъ на дворъ, — и она преспокойно удаляется подѣ навѣсъ, гдѣ обдуваетъ ее со всѣхъ сторонъ холоднымъ сквознымъ вѣтромъ. Развѣ вредное дѣйствіе этого вѣтра раньше или позже, особенно въ подобныхъ случаяхъ, не отзовется въ организмѣ животнаго?

«Вотъ вамъ бѣглый очеркъ картины того рациональнаго ухода, который вы встрѣтите почти повсемѣстно въ быту нашихъ крестьянъ. Повсюду, вмѣсто чистаго, свѣтлаго помѣщенія, такъ необходимаго для сохраненія здоровья животнаго, отводится ему грязная, темная конура, въ которой, какъ говорится, ни стать, ни лечь, или уже черезъ-чуръ обильная чистымъ воздухомъ кѣтка, въ которой несчастное животное заживо шпигуется сквозными вѣтрами. Вмѣсто хорошаго корма дается ему кое-какой, или искусственный — мѣсиво (смѣсь изъ ржанаго колоса, гречишной соломы, горсти муки и еще разной дряни), отъ котораго выпадаетъ на немъ шерсть, дѣлаются колики, лопаются желудки, и вообще весь организмъ располагается къ худосочию. Вмѣсто того, чтобы чаще освобождать животное отъ накопившейся на немъ нечистоты, производящей зудъ, тоску, паршу и проч., хозяинъ не въ состояніи приступить къ нему за окружающею его грязью и по неволѣ оставляетъ его въ этой вѣчной нечистотѣ. Вмѣсто того, чтобы пригнать на лошадь сбрую и тѣмъ облегчить ей трудъ, какой-нибудь дядя Миняй пристально осматриваетъ кнутъ, соображая, хватить ли его на 20 верстъ, или не хватить. Вѣстимо, не хватить; потому что бѣдное, раздутое отъ мѣсива животное еле-еле можетъ дышать. Но все-таки дядя Миняй поѣхалъ и вернулся назадъ, съ кускомъ кнутовища, на той же лошадакъ, избитой и испотѣвшей до нельзя; а за побой и потеряныя силы, онъ накормитъ ее отрубями съ соломой и уложитъ въ мягкую постель — грязь по колѣно. Лѣтомъ, несмотря на работы, жары и насѣкомыхъ, животныя дышатъ свободнѣе, и это время года есть единственный источникъ поддержки ихъ силъ и здоровья. Но и тутъ авось не даетъ имъ покоя: — «клади побольше, авось свезетъ; стегай сильнѣе, авось тронетъ».

«А наши площадные коновалы?!.. Развѣ не могутъ они назваться живыми симптомами той или другой болѣзни животнаго? Приѣзжаетъ, напримеръ, кумъ Семень на подросткѣ-жеребчикѣ и тотчасъ же подвергается знахарь-коновалъ, у котораго въ головѣ трещитъ со вчераш-

ниго похитѣя. — «Здорово, здорово! Что это у тебя лошадка-то затуманилась, родимая? Видно ей надо тово кровь метнуть. Такъ и быть, хватнигъ полштофа, а тамъ, для тебя кумъ Семень, хотъ полведра выпущу. Ей-Богу такъ!» — И кумъ Семень, посмотрѣвши на жеребчика, соглашается съ сватовъ Федотомъ, что дѣйствительно лошадка что-то тово невесела. (Чему жъ и веселиться, когда, вслѣдствіе *авось*, остался только кусокъ кнутовища?) И вотъ бѣдное животное, безъ всякой нужды, теряетъ кровь, а съ ней и силу, при которой оно на вершокъ, на два еще подросло бы, выровнялось и, въ случаѣ болѣзни, могло бы побороть ее. Не даромъ подобныя негодяи и за границей преслѣдуются законами!

«Мало этого! Въ каждомъ селеніи найдете вы своего рода лѣкарей и лѣкарокъ, знахарей и знахарокъ, которые и словомъ и дѣломъ приносятъ гибель животнымъ. Въ одной деревнѣ вы слышите, что скотъ лѣчатъ отъ чумы свиною желчью; въ другой, для предохраненія отъ заразы, выпускаютъ ему въ рога чрезъ просверленную дырочку каплю ртути, или привѣшиваютъ къ рогамъ кусокъ вонючей камеди; въ третьей, для той же цѣли, даютъ коровамъ лизать толченую соль, насыпанную на кожу, снятую съ чумнаго животнаго. Нерѣдко, давая добрый, спасительный совѣтъ крестьянину и стараясь убѣдить его въ пользѣ предохранительныхъ мѣръ, слышишь въ отвѣтъ: «Что баишь, баринъ! На все воля Божья! А заболѣетъ животинка, такъ у насъ есть знахарка, а въ томъ вонъ селѣ коноваль, а вонъ тамъ барскій управляющій по книжкѣ лѣчатъ»...

«Правда, русскій крестьянинъ не любитъ нововведеній, но и не прочь отъ нихъ, если онъ убѣдится въ ихъ существенной пользѣ. Правда, привычка къ дѣдовской рутинѣ, къ старымъ, освященнымъ временемъ, преданіямъ, составляетъ что-то врожденное въ нашемъ народѣ. Нерѣдко, на совѣтъ крестьянину или укоризну въ его неопрятномъ, грязномъ житѣ, слышишь въ отвѣтъ: «Э! батюшка, такъ наши дѣды дѣлали и жили, и намъ завѣщали; такъ не переимѣнять стать!» Но нѣтъ худа безъ добра. Стоить только приучить стариковъ, поможемъ въ 1857 году, къ хорошему уходу за ихъ животными и, вѣроятно, наслѣдники ихъ, не замкаясь, скажутъ: «наши отцы любили правильно ухаживать за скотомъ, такъ и намъ надо то же дѣлать.»

«Нѣтъ, не трудно убѣдить нашего крестьянина въ пользѣ такихъ нововведеній, не трудно сладить съ предубѣжденіемъ тамъ, гдѣ оно уже почти готово исчезнуть предъ силой здраваго толка и могучаго смысла. Но такъ ли легко склонить владѣльца имѣнія на эти улучшенія? Всегда ли можно убѣдить его пожертвовать изъ доходовъ 300 или 400 руб. и доказать ему, что эти деньги своевременно возвратятся къ нему сторицею? Но можно ли искоренить другое зло, болѣе устойчивое, страшное своею неумовимостію, своею безнаказанностію, своимъ безстыдствомъ? Сладите, отчего крестьянинъ дѣлается равнодушнымъ, безчувственнымъ къ несчастію; отчего онъ такъ тщательно скрываетъ заразу, когда она появится въ стадѣ, скрываетъ до тѣхъ поръ, пока она не прекратится сама собою, то-есть пока не вывалится все его стадо? Отчего онъ боится больше всякой заразы, больше огня и меча, всѣхъ медико-воинцейскихъ мѣръ и изслѣдованій? Не оттого ли, что онъ убѣжденъ

горькимъ опытомъ, что всякое подобное изслѣдованіе, какъ Мамаевъ погромъ, падаетъ на его собственность и уноситъ съ собой все, что приобретено имъ тяжелымъ трудомъ и потомъ?...

«Все это грустно, и всего этого, вѣроятно, не зналъ г. Бауэръ: иначе не предложилъ бы онъ соды, какъ специфическаго средства для истребленія у насъ повальныхъ болѣзней. Неужели онъ, *прусскій подданный*, думаетъ, что мы меньше его заботимся и скорбимъ о благѣ нашей отчизны? Неужели онъ, спасши содой 140 (!) головъ рогатаго скота отъ чумы, которая, можетъ-быть, была еще отъ его стада за горами, полагаетъ, что у насъ нѣтъ средствъ спасать сотни головъ отъ дѣйствительныхъ, страшныхъ своею силою, повальныхъ болѣзней!

«Въ заключеніе, да позволено будетъ намъ спросить г. Бауэра, убѣжденъ ли онъ въ рациональности своего средства, знаетъ ли онъ его дѣйствія на организмъ животнаго, знакомъ ли онъ съ устройствомъ этого организма, съ законами, которымъ подчинены въ немъ явленія здоровой жизнедѣятельности, и съ уклоненіями и разстройствами, происходящими въ томъ или другомъ органѣ при болѣзненномъ состояніи? Знаетъ ли онъ сущность той или другой повальной болѣзни, прослѣдилъ ли онъ ее нѣсколько разъ и увѣрился ли въ ея присутствіи, чрезъ вскрытіе труповъ? или онъ предлагаетъ это средство, какъ испытанное только нагляднымъ образомъ? Въ такомъ случаѣ, едва ли не придется отнести его къ ряду средствъ, предлагаемыхъ тѣми знахарями, которые, влеченіемъ невѣжества, суевѣрія, а болѣе собственныхъ выгодъ, усердно заботятся объ истребленіи домашнихъ животныхъ!»

Изъ остальныхъ статей, составляющихъ содержаніе сельско-хозяйственнаго отдѣла первой книжки «Записокъ», мы укажемъ на слѣдующія: *Извозничество Вятской губ.* И. Рогожника, *Зимовка пчелы* (съ 2 рисунками въ текстѣ и таблицей), И. П. Вагнера, *Развитіе почекъ* (съ рисункомъ въ текстѣ), А. М. Бутлерова. Въ отдѣлѣ мануфактурной промышленности помѣщены *Матеріалы для русскаго заводско-фабричнаго словаря*, М. Я. Киттары. Его же, *Объ обязанностяхъ составщика при варкѣ стекла*, и наконецъ статья г-на Аверкіева: *Химическій характеръ и преслѣдованіе нѣкоторыхъ видовъ русскихъ торфозъ.*

И. БАБСТЪ.

Только что получили мы вторую книжку «Записокъ Императорскаго Казанскаго Экономическаго Общества». Въ ней между прочими, болѣе или менѣе интересными статьями, напечатана и статья г. Бабста: *Нѣсколько словъ о городскихъ банкахъ и вспомогательныхъ кассахъ*, съ которою мы не преминемъ познакомить нашихъ читателей.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

- Изъ всѣхъ современныхъ международныхъ вопросовъ ни одинъ не представляетъ столь непреодолимыхъ, повидимому, трудностей, какъ вопросъ итальянскій, къ которому такъ часто приходится намъ возвращаться. Въ немъ вся будущность Италіи; его поступательное движеніе совершается соразмѣрно съ поступательнымъ движеніемъ самой Италіи и Европы, и разрѣшеніе его должно быть результатомъ историческаго процесса, всегда медленнаго, труднаго и продолжительнаго. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» были указаны главнѣйшія видоизмѣненія итальянскаго вопроса въ политическомъ сознаніи Итальянцевъ (1). Намъ остается только слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ этихъ видоизмѣненій.

Находясь на рубежѣ между Франціею и австрійскими владѣніями въ Италіи, Сардинія постоянно должна была тяготѣть къ первой, чтобы упрочить свою самостоятельность. Когда былъ поднятъ на итальянской почвѣ вопросъ о національности, она нашла точку опоры въ этомъ популярномъ вопросѣ и, своими внутренними учрежденіями, на дѣлѣ доказала практическую возможность правильнаго, свободнаго и самостоятельнаго итальянскаго государства. Отсюда тѣ непрерывныя столкновенія съ интересами австрійской политики, о которыхъ мы уже не разъ упоминали и къ которымъ должны обратиться снова, ибо въ послѣднее время даже прерваны дипломатическія сношенія между Сардиніею и Австріею.

Читатели помнятъ, что въ послѣдней своей нотѣ къ сардинскому правительству, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Буоль, между прочимъ жаловался на открытіе подписки въ пользу укрѣпленія передоваго сардинскаго поста — Александріи. Рѣшившись усилить укрѣпленія этого города въ видахъ безопасности извнѣ, сардинское министерство должно было, согласно съ конституціею; представить проектъ закона по этому дѣлу второй палатѣ, гдѣ пренія о немъ начались 14-го марта. Предметъ преній, столь близко касающійся отношеній между Австріею и Сардиніею, возбудилъ силь-

(1) См. Письмо г. Кудрявцева изъ Флоренціи, въ первой мартовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» сего года.

ный интересъ какъ въ обществѣ, такъ и въ палатѣ. Всѣ ораторы, защищавшіе проектъ, не исключая министра иностранныхъ дѣлъ, графа Кавура, дали почувствовать, что считаютъ вопросъ объ укрѣпленіи Александріи не только піемонтскимъ, но и обще-итальянскимъ, и что такая военная мѣра необходима на случай войны съ Австріею. «Говорятъ, что мы не довольно сильны, чтобы бороться съ Австріею, сказалъ военный министръ, генералъ Ламармора. — Но въ такомъ случаѣ, если мы заблаговременно признаемъ себя побѣжденными, бесполезно тратить деньги на укрѣпленія. Впрочемъ, немногіе раздѣляютъ это мнѣніе, и я считаю излишнимъ опровергать его». — «Мысль укрѣпить Александрію не нова, отвѣчалъ графъ Кавуръ противнику проекта, графу Делла-Маргарита: — Еще король Карлъ-Альбертъ составилъ проектъ укрѣпленій, даже противъ воли своихъ министровъ. Если они бесполезны, то зачѣмъ срыла ихъ Австрія въ 1814 году? По духу разрушенія? Нѣтъ, Австрія слишкомъ консервативна для этого. Будучи министромъ, я неоднократно убѣждалъ моего товарища, военнаго министра, осуществить проектъ александрійскихъ укрѣпленій. Не думаю, чтобы Австрія могла напасть на насъ завтра или послѣзавтра; но мы обязаны имѣть въ виду будущее. Когда мы будемъ обладать двумя крѣпостями — Казале и Александріею, тогда движеніе непріятеля на Туринъ сдѣлается невозможнымъ. Доказывать пользу александрійскихъ укрѣпленій въ случаѣ войны наступательной было бы неумѣстно и неблагоразумно. Замѣчу только, что графъ Делла-Маргарита, доказывая бесполезность укрѣпленій для наступательной войны, тѣмъ самымъ опровергаетъ свое замѣчаніе о томъ, будто укрѣпленіе Александріи имѣетъ характеръ вызова, сдѣланнаго Австріи. Какъ будто сама Австрія въ послѣднее время не укрѣпляла Вероны и Пиаченцы (послѣдняя крѣпость даже не принадлежитъ ей). По словамъ почтеннаго депутата, укрѣпленіе Александріи предпринимается съ цѣлью доказать, что Сардинія отстаиваетъ независимость Италіи. Господа, я принимаю этотъ упрекъ. Да, укрѣпленіе Александріи есть слѣдствіе нашей политики, которая сдѣлала Сардинію участницею въ послѣдней войнѣ и въ переговорахъ о мирѣ, защитницею законныхъ правъ Италіи, защитницею твердою, но благоразумною и умѣренною.»

Мы привели эти слова, потому что они показываютъ, съ какой точки зрѣнія смотрятъ передовые государственные люди Сардиніи на этотъ важный вопросъ. Относительно финансовой и стратегической стороны вопроса мы узнаемъ изъ словъ генерала Ламармори и графа Кавура, что при составленіи проекта были приняты въ соображеніе прежніе проекты; что укрѣпленія будутъ стоить пять миліоновъ; что въ Александріи будетъ поставлено 240 орудій, и что крѣпость будетъ готова въ самомъ непродолжительномъ времени. Генералъ Ламармора замѣтилъ во время преній, что не мѣшало бы

укрѣпить и столицу королевства, что онъ даже совѣщался объ этомъ съ министромъ финансовъ; но такое предпріятіе обошлось бы очень дорого и потому могло бы встрѣтить оппозицію со стороны палаты. «Александрія будетъ прикрывать столицу», прибавилъ онъ.

Послѣ двухдневныхъ преній (14-го и 16-го марта), проектъ принять большинствомъ 106 голосовъ противъ 14-ти.

Эти пренія, вмѣстѣ съ отвѣтною нотой графа Кавура отъ 20-го февраля, уже извѣстною нашимъ читателямъ, возбудили сильное неудовольствіе австрійскаго правительства. Оно предписало своему представителю въ Туринѣ, графу Пару, выѣхать со всѣмъ посольствомъ, или, другими словами, прервать дипломатическія сношенія съ Пиемонтомъ. Сардинское правительство, съ своей стороны, отозвало изъ Вѣны своего представителя, маркиза Кантоно, и французское посольство въ Вѣнѣ приняло подъ свое покровительство интересы сардинскихъ подданныхъ, находящихся въ Австріи.

Несмотря на рѣзкій перерывъ дипломатическихъ сношеній, мы остаемся при мнѣніи, высказанномъ прежде, что война между Австріею и Сардиніею едва ли возможна въ настоящее время. Сами австрійскіе полуофициальные журналы, рѣзко осуждая сардинское правительство, утверждаютъ однако, что Австрія, «находя невозможнымъ быть въ ладу съ своимъ сосѣдомъ, намѣрена отвернуться отъ него», но не нападать. Прекращеніе дипломатическихъ сношеній, по всей вѣроятности, не будетъ имѣть болѣе важныхъ послѣдствій, и отношенія между Сардиніею и Австріею будутъ сходны съ отношеніями между западными державами и Неаполемъ.

Впрочемъ, было бы ошибочно предполагать, что перерывъ дипломатическихъ сношеній между Австріею и Пиемонтомъ произошелъ исключительно вслѣдствіе преній объ укрѣпленіяхъ Александріи, хотя въ этомъ смыслѣ объявила о разрывѣ «Австрійская Газета». Эти пренія, какъ сказано выше, начались 14-го марта; но еще за нѣсколько дней изъ Вѣны сообщали почти за вѣрное, что графъ Паръ будетъ отозванъ. Въ самомъ дѣлѣ, пренія эти не заключаютъ въ себѣ ничего особенно новаго послѣ отвѣтной ноты графа Кавура отъ 20-го февраля, содержаніе которой было подробно изложено въ нашемъ Обзорѣніи (1). Направленіе сардинской политики объяснено въ ней съ полною искренностію, и возбудило общее сочувствіе въ Европѣ. Именно поэтому многіе журналы полагали, что Австрія, не желая еще сильнѣе возстановить противъ себя общественное мнѣніе Европы, оставитъ отвѣтную ноту графа Кавура безъ послѣдствій, которыя во всякомъ случаѣ должны оказаться болѣе благоприятными для Сардиніи, чѣмъ для нея. Но вышло иначе. Говорятъ, что графъ Буоль

(1) См. Политическое Обзорѣніе во 2-й февральской книжкѣ «Русскаго Вѣстника».

отправилъ къ представителю Австріи въ Туринъ новую девушу, въ которой изложены причины важной дипломатической мѣры, имъ принятой. Когда эта депеша будетъ обнародована, мы познакомимъ нашихъ читателей съ ея содержаніемъ. Въ настоящее время извѣстно только, что она составляетъ отвѣтъ на вышеупомянутую ноту графа Кавура отъ 20-го февраля. Въ ней, какъ говорятъ, графъ Буоль объявляетъ, что императоръ, искренно желая улучшить положеніе своихъ итальянскихъ подданныхъ, желалъ бы въ то же время встрѣтить въ остальной Италиі благонамѣренно устроенныя правительства, одушевленные тѣми же чувствами, и что онъ не можетъ терпѣть систематическихъ нападокъ на права свои со стороны піемонтскихъ журналовъ.

Существуетъ еще другая, также необнародованная доселѣ депеша графа Буоля, разосланная имъ, въ видѣ циркуляра, всѣмъ австрійскимъ дипломатическимъ агентамъ при иностранныхъ дворахъ. Въ этой депешѣ изложены причины, побудившія австрійское правительство отозвать своего представителя изъ Турина. По словамъ графа Буоля, какъ сообщаютъ нѣкоторые журналы, вѣнскій кабинетъ не только не удовлетворенъ отвѣтомъ графа Кавура, но даже считаетъ новымъ оскорбленіемъ слова, произнесенныя членами сардинскаго правительства во второй палатѣ, по поводу преній объ укрѣпленіи Александрии. «Австрійское правительство, сказано въ депешѣ, имѣло полную возможность убѣдиться въ томъ, что Сардинія старается стать во главѣ революціоннаго движенія въ Италиі, конечною цѣлію котораго представляется прекращеніе австрійскаго владычества на полуостровѣ. Слѣдовательно, Сардинія придерживается опасной политики, стремящейся не только потрясти общественный порядокъ въ Италиі, но даже совершенно измѣнить европейскій международный порядокъ, установленный вѣнскими трактатами». Впрочемъ, графъ Буоль, извѣщая иностранные дворы о прекращеніи официальныхъ сношеній съ Сардиніею, формально объявляетъ, что за нимъ не послѣдуетъ другихъ, болѣе враждебныхъ мѣръ, и что во всякомъ случаѣ Австрія до послѣдней крайности будетъ избѣгать всего того, что могло бы нарушить миръ и произвести новыя международныя затрудненія.

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ привести здѣсь мнѣніе одного изъ туринскихъ журналовъ о разногласіи между Сардиніею и Австріею. Послѣдней очевидно не нравится существующій въ Піемонтѣ правительственный порядокъ, несогласный съ образомъ дѣйствій австрійскаго правительства въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ. Въ Сардиніи есть трибуна, съ которой можно свободно говорить объ итальянскихъ дѣлахъ и австрійской политикѣ въ Италиі, и есть журналистика, подлежащая ответственности лишь по правильному судебному приговору. Но подобное неудовольствіе отнюдь не можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія международного права. Будучи государ-

ствомъ самостоятельнымъ и независимымъ, Сардинія естественно ображается въ своей внутренней политикѣ не съ видами и требованиями Австрій, но съ собственными видами и потребностями. Она, конечно, въ правѣ находить ту или другую политику болѣе способствующею водворенію мира и благоденствія на Апеннинскомъ полуостровѣ, и въ имя этого неотъемлемаго права предпочитать свою теперешнюю политику австрійской. Не на этомъ ли правѣ основано повсемѣстное признаніе вновь возникающихъ правительствъ, хоть напримѣръ во Франціи, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ конституціонную монархію смѣнила республика; а республику — имперія?

Международныя совѣщанія по нештательскому дѣлу продолжаютъ въ Парижѣ. 24 и 25-го марта конференція имѣла новыя засѣданія; въ послѣднемъ участвовалъ и швейцарскій уполномоченный, г. Кернъ. Послѣ 25-го числа совѣщанія временно пріостановились, ибо швейцарскій уполномоченный, которому былъ сообщенъ проектъ соглашенія, предварительно составленный конференціею, счелъ нужнымъ посоветоваться съ своимъ правительствомъ. Эта догадка принята почти всѣми журналами, и притомъ весьма правдоподобна. Замѣтимъ еще, что никто не сомнѣвается въ скоромъ разрѣшеніи нештательскаго вопроса.

Мы получили текстъ общаго трактата, подписаннаго въ Копенгагенѣ, 14-го марта, представителями многихъ европейскихъ государствъ. Онъ состоитъ изъ восьми статей. Первою статьею постановлено, что отнынѣ не будетъ взимаемо никакого таможеннаго, потоннаго, маячнаго или другаго сбора съ грузовъ и судовъ, какъ проходящихъ изъ Нѣмецкаго моря въ Балтійское и обратно, такъ и останавливающихся въ датскихъ водахъ за непогодою или по торговымъ дѣламъ.

Чтобы понять важность этой статьи, надо знать нынѣшнее положеніе дѣла. Всякій товаръ, отправляемый съ запада въ прибалтійскіе порты Дави, Швеціи, Россіи или Пруссіи, и обратно, достигаетъ своего назначенія, обремененный пошлиною, которая, конечно, распределяется потомъ, въ разныхъ размѣрахъ, между продавцемъ, посредниками и послѣднимъ покупщикомъ, но тѣмъ не менѣе всегда имѣетъ значительное вліяніе на цѣны. По свѣдѣніямъ, представленнымъ министромъ бельгійской второй палаты, съ товаровъ, отправленныхъ изъ Балтійскаго моря въ Бельгію, и обратно, черезъ Зундъ и Бельты, было взимаемо пошлинъ въ Гельзингерѣ, съ 1851 до 1853 года, среднимъ числомъ по 125,674 фр. (31,418 р. 50 к. сер.) ежегодно. Сверхъ того, съ каждаго корабля, коего вѣстимость превышаетъ сорокъ тоннъ, берется маячнаго сбора 13 фр. 50 сант., если онъ съ балластомъ, и 27 фр., если онъ нагруженъ, кромѣ платы датскимъ чиновникамъ, ибо таможеннымъ чиновникамъ платится 18 фр., инспектору 6 фр. 75 сант., переводчику 4 фр. и пр. Но главнѣйшее неудобство

и стѣсненіе заключается собственно не въ этихъ сборахъ. Въ докладѣ о зундскихъ пошлинахъ, составленномъ комиссіею англійской нижней палаты въ прошломъ году, приведены слѣдующіе любопытные факты:

«Задержаніе судовъ, необходимое при уплатѣ зундскихъ пошлинъ въ Гельзингерѣ, служитъ обильнымъ источникомъ убытковъ и бесполезныхъ тратъ. Люди свѣдущіе, каковы судозаезава и командиры купеческихъ судовъ, объявили въ комиссіи, что потеря времени равняется, среднимъ числомъ, суточному плаванію. Хотя и можно было бы исполнить всѣ формальности въ нѣсколько часовъ, однако за прекращеніемъ попутнаго вѣтра, за одновременнымъ приходомъ многихъ другихъ судовъ, или за приходомъ корабля въ то время, когда въ таможенѣ нѣтъ присутствія, и наконецъ за соблазнительнымъ для капитановъ и экипажей случаемъ побывать на сушѣ, корабли иногда бывали задерживаемы на промежутокъ времени отъ одного дня до трехъ мѣсяцевъ.»

Къ замедленіямъ такого рода присоединяются опасности. Одинъ судозаезавъ далъ слѣдующее показаніе: «Задержка, которой подвергаются суда въ Гельзингерѣ, для полученія необходимыхъ таможенныхъ бумагъ, нерѣдко бываетъ причиною несчастныхъ случаевъ. Въ хорошую погоду, командиръ можетъ остаться на берегу не болѣе двухъ и трехъ часовъ; но, въ дурную погоду, онъ можетъ отлучиться съ корабля на пять часовъ и болѣе. Весною и осенью, рейдъ представляетъ весьма открытое и далеко небезопасное якорное мѣсто, и нерѣдко бывають серіозныя несчастія, какъ напримѣръ, столкновеніе между судами, снятіе съ якоря, потопленіе судовъ и экипажей. Корабль, приходящій поздно по полудни, долженъ стать на якорь, и когда капитанъ, уплативъ пошлины, возвращается на бортъ и снимается съ якоря, къ вечеру нерѣдко оказывается опаснымъ продолжать плаваніе по проливу: если онъ попытается пройти этими опасными мѣстами въ теченіе ночи, то корабль можетъ быть выброшенъ на берегъ. Нерѣдко измѣняется направленіе вѣтра, пока происходитъ уплата пошлинъ; за измѣненіемъ теченій, корабль уже не можетъ слѣдовать въ прежнемъ направленіи и долженъ остановиться на нѣсколько дней, тогда какъ, при другихъ обстоятельствахъ, онъ могъ бы, не останавливаясь, продолжать плаваніе.»

Отмѣна зундскихъ пошлинъ была бы далеко неподною мѣрою, если бы въ то же время не было обезпечено безопасное плаваніе по труднымъ датскимъ водамъ. Объ этомъ сказано во второй статьѣ общаго трактата. Датское правительство обязуется содержать въ исправности маяки, буи и пр., увеличить число ихъ, если это окажется необходимымъ, наблюдать за лоцманами и условиться съ шведскимъ правительствомъ о содержаніи маяковъ по берегамъ Швеціи и Норвегіи.

Извѣстно, что не всѣ товары, отправляемые въ Балтійское море съ

запада, и обратно, провозятся Каттегатомъ. Датскія владѣнія перерѣзаны путями сообщенія, связующими Нѣмецкое море и Эльбу съ Балтійскимъ моремъ. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

Желѣзная дорога отъ Тѣннингена къ Фленсбургу;

Желѣзная дорога къ Гамбургу, Килю и Любену;

Каналь Шлезвигъ—Голштинскій, или Эйдерскій;

Каналь Стокеницкій.

Перевозка товаровъ изъ одного моря къ другому по этимъ путямъ также была затруднена обременительными пошлинами. Съ 500 ф. вѣса взимается транзитной пошлины 80 датскихъ шиллинговъ, или $2\frac{1}{4}$ процента съ цѣнности товара. Исключеніе существовало лишь для *нѣкоторыхъ* товаровъ, провозимыхъ по *нѣкоторымъ* дорогамъ. Въ силу новаго трактата, товары, освобожденные отъ транзитной пошлины по *нѣкоторымъ* путямъ сообщенія, должны быть освобождены по *всѣмъ* дорогамъ и каналамъ, нынѣшнимъ и будущимъ, соединяющимъ Нѣмецкое море и Эльбу съ Балтійскимъ моремъ. Что касается товаровъ, обложенныхъ транзитною пошлиною въ 80 датскихъ шиллинговъ съ 500 фунтовъ, то пошлина эта уменьшена до 16 шиллинговъ (5 коп. сер. съ 240 нашихъ фунтовъ). Надѣются, что датское правительство не ограничится этимъ обязательнымъ уменьшеніемъ. Не получая дохода съ проливовъ, оно естественно постарается привлечь въ свои владѣнія транзитную торговлю, а въ подобномъ дѣлѣ степень успѣха зависитъ отъ степени свободы и облегченій, предоставляемыхъ торговлѣ. Оттого можно ожидать новаго пониженія транзитныхъ пошлинъ, которое также будетъ результатомъ разсматриваемаго трактата.

Въ вознагражденіе за жертвы и обязанности, налагаемыя трактатомъ, договаривающіяся государства обязуются обща заплатить датскому правительству 30,476,325 ригсдалеровъ, или 22,857,244 р. сер. (1). Такъ какъ на долю каждаго изъ договаривающихся государствъ приходится опредѣленная часть этой суммы, то, кромѣ общаго трактата, датское правительство заключило съ каждымъ изъ нихъ севаратныя конвенціи. Ратификаціи должны быть обмѣнены къ 1-му апрѣля, и съ этого дня трактатъ вступаетъ въ полную силу.

Общій трактатъ подписанъ представителями Россіи, Австріи, Франціи, Англіи, Пруссіи, Ганновера, Мекленбургъ—Шверина, Ольденбурга, Нидерландовъ, Бельгіи, Швеціи съ Норвегією и вольныхъ ганзейскихъ городовъ. Соединенные Штаты и другія американскія

(1) Собственно говоря, полная цѣна выкупа опредѣлена въ 35 милл. ригсдалеровъ, но мы исключили изъ нея 1,122,078 ригсдалеровъ, приходящихся на долю самой Даніи, какъ государства, торгующаго въ Балтійскомъ морѣ, и части, приходящіяся на долю государствъ, еще не подписавшихъ общаго трактата.

государства (не имѣющія, впрочемъ, дипломатическихъ агентовъ въ Даніи) не участвовали въ переговорахъ. Добровольное устраненіе Соединенныхъ Штатовъ, такъ настоятельно требующихъ отмены зундскихъ пошлинъ, не лишено нѣкотораго значенія. Изъ официальнаго отчета о ходѣ переговоровъ съ Даніею, представленнаго бельгійскимъ правительствомъ второй палатѣ, мы узнаемъ объ этомъ слѣдующее:

Въ концѣ 1855 года, датское правительство пригласило другія государства къ копенгагенскимъ конференціямъ о зундскихъ пошлинахъ. Почти всѣ европейскія правительства, не принимая на себя никакихъ предварительныхъ обязательствъ, назначили своихъ уполномоченныхъ; но правительство Соединенныхъ Штатовъ объявило, что «спорный вопросъ между Соединенными Штатами и Даніею состоитъ не въ томъ, какими пошлинами обременена наша балтійская торговля, но въ томъ, слѣдуетъ ли подвергать ее какимъ бы то ни было пошлинамъ; требуя, чтобы наши суда и грузы были освобождены отъ всякой пошлины, при проходѣ черезъ проливы, президентъ Соединенныхъ Штатовъ опирается на великое международное правило, которое допускаетъ обширное и разнообразное приложеніе.» Не признавая правъ конференціи въ этомъ вопросѣ, правительство Соединенныхъ Штатовъ изъявило желаніе вести переговоры съ одною Даніею, и, не отказываясь платить свою часть на покрытіе датскихъ расходовъ по судоходству, заранее отвергнуло предположеніе о приобрѣтеніи свободнаго прохода черезъ Зундъ и Бельты съ помощію выкупа. Эти соображенія были изложены въ инструкціи министра иностранныхъ дѣлъ, г. Марси, повѣренному Соединенныхъ Штатовъ въ Копенгагенѣ. Переговоры между Даніею и европейскими государствами начались въ январѣ 1856 года. Въ томъ же году, 14-го апрѣля, наступилъ срокъ прежняго трактата между Даніею и Соединенными Штатами, который, по взаимному соглашенію между обоими правительствами, былъ продленъ еще на два мѣсяца, то-есть до 14-го іюня того же года. Переговоры съ европейскими правительствами продолжались, вновь назначенный срокъ трактату съ Соединенными Штатами прошелъ, и американскія суда стали платить пошлины съ протестомъ. Повѣренный Соединенныхъ Штатовъ въ Копенгагенѣ объявилъ, что правительство откладываетъ принудительныя мѣры противъ Даніи на одинъ годъ, то-есть до 14-го іюня 1857 года, подъ условіемъ уплаты пошлинъ судохозяевами съ протестомъ, и не принималъ никакого участія въ переговорахъ. По распредѣленію выкупной суммы между разными государствами, произведенному копенгагенскою конференціей, на долю Соединенныхъ Штатовъ приходится 717,829 ригсдалеровъ, или 538,372 р. сер. Остается знать, согласится ли правительство Соединенныхъ Штатовъ, нынѣ перешедшее въ руки новаго президента и новаго министерства, уступить общему соглашенію Европы, или будетъ отказываться отъ уплаты, угрожая Даніи при-

худительными мѣрами. До сихъ поръ еще неизвѣстно мнѣніе новаго правительства по этому вопросу.

Датскія дѣла въ настоящее время сдѣлались предметомъ особеннаго вниманія Европы. Чисто финансовый и торговый вопросъ о зундскихъ пошлинахъ разрѣшенъ; но вопросъ о конституціонныхъ отношеніяхъ германскихъ герцогствъ къ Датской монархіи все болѣе и болѣе усложняется. Съ одной стороны, если вѣрить послѣднимъ извѣстіямъ, сопротивление датскаго правительства притязаніямъ Пруссіи и Австріи поддерживается другими кабинетами, между прочимъ кабинетами парижскимъ и лондонскимъ, которые не признаютъ за Пруссіею и Австріею права вмѣшательства въ это дѣло; съ другой, Пруссія считаетъ это дѣло за чисто-германское, и желаетъ, чтобы оно было рѣшено однимъ германскимъ сеймомъ, безъ участія другихъ государствъ. Къ этому присоединилось обстоятельство совершенно иного рода. Съ недавнихъ поръ на скандинавскомъ сѣверѣ возникла такъ-называемая скандинавская партія, желающая образовать сильное государство, чрезъ политическое соединеніе Швеціи, Норвегіи и Даніи. Скандинавизмъ, повидимому, сдѣлалъ серіозные успѣхи въ послѣднее время, потому что возбудилъ особенное вниманіе датскаго и другихъ правительствъ. Въ депешѣ своей отъ 20-го февраля, разосланной къ нѣкоторымъ изъ европейскихъ кабинетовъ, датскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Шеле, указываетъ на опасность, угрожающую цѣлости Датской монархіи и сохраненію европейскаго равновѣсія въ случаѣ сильнаго развитія скандинавизма.

Въ Англии послѣднія засѣданія палаты были заняты по-прежнему борьбою министерства съ оппозиціей. Почвою и предлогомъ для нея на этотъ разъ служилъ финансовый вопросъ. При второмъ чтеніи билля о налогѣ на доходъ (income-tax), лордъ Дерби сильно нападалъ въ верхней палатѣ на политику лорда Пальмерстона, называя ея наступательною во внѣшнихъ сношеніяхъ, робкою и нерѣшительною въ дѣлѣ внутреннихъ вопросовъ. По этому поводу онъ особенно порицалъ вмѣшательство правительства въ неаполитанскія дѣла и уступки, сдѣланныя имъ Соединеннымъ Штатамъ. Политику кабинета защищалъ лордъ Гренвилль, указывая, между прочимъ, на трактатъ, недавно заключенный съ Персіею, и въ свою очередь упрекая консервативную партію въ защитѣ покровительственной системы. Другое засѣданіе палаты было посвящено тоже преніямъ о китайскихъ и неаполитанскихъ дѣлахъ.

Между тѣмъ парламентъ былъ омициально распущенъ въ засѣданіи 21-го марта. Президентъ и члены нижней палаты были для этого приглашены въ верхнюю палату, гдѣ лордъ канцлеръ прочелъ рѣчь королевы о распущеніи парламента и произведеніи новыхъ выборовъ. Выборы должны быть окончены къ 30 апрѣля, а въ первыхъ числахъ мая соберется новый парламентъ. Главы партій продолжаютъ обращаться къ избирателямъ, съ манифестами, объясняющими какъ политику министерства, такъ и начала, которыми руководствуется оппозиція. Подобный адресъ изданъ г. Дизраели. Его объясненіе исполнено горечи и ожесточенія противъ перваго министра. Онъ характеризуетъ его политическое положеніе названіемъ «торійскаго предводителя радикальной партіи». Подобно лорду Джону Росселю и лорду Дѣрби, упреки г. Дизраели основываются на томъ, что безпокойная и воинственная политика министерства отвлекаетъ націю отъ дѣлъ внутреннихъ, отягощаетъ народъ чрезвычайными налогами и препятствуетъ всякому улучшенію въ общественномъ бытѣ. Изображая собственныя политическія убѣжденія, г. Дизраели указываетъ на себя, какъ на испытаннаго защитника конституціи, церкви и государства, и заключаетъ свою программу слѣдующими тремя словами: честный миръ, уменьшеніе налоговъ, общественныя улучшения. Министерство, съ своей стороны, обратилось къ общественному мнѣнію посредствомъ манифеста лорда Пальмерстона къ избирателямъ въ мѣстечкѣ Тивертонѣ. Въ этомъ актѣ первый министръ дѣлаетъ очеркъ трудной дороги, доселѣ пройденной кабинетомъ. Упомянувъ о томъ, что нынѣшнее министерство приняло на себя правленіе дѣлами при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, когда всѣ люди, почитавшіеся главами партій, или отклоняли отъ себя трудную отвѣтственность, или не были въ состояніи организовать кабинетъ, онъ излагаетъ всѣ блестящіе результаты, которыхъ, по его мнѣнію, до сихъ поръ достигла министерская политика: счастливое окончаніе войны, заключеніе мирнаго трактата съ Персією, возстановленіе согласія съ Соединенными Штатами. Въ противоположность твердому и постоянному образу дѣйствій кабинета, лордъ Пальмерстонъ указываетъ на разнородный составъ оппозиціи, въ которой, для низверженія настоящаго правительства, соединились люди всѣхъ партій и всѣхъ убѣждений. Въ доказательство національности своей политики онъ приводитъ полное согласіе съ нею распущеннаго теперь парламента по всѣмъ существеннымъ вопросамъ. Это согласіе, говоритъ онъ, было внезапно нарушено соединеніемъ партій противъ министерства по вопросу о китайскихъ дѣлахъ. О поведеніи членовъ оппозиціи въ этомъ случаѣ первый министръ отзывается въ энергическихъ и строгихъ выраженіяхъ. Онъ клеймитъ ихъ названіемъ людей, которые рѣшились сдѣлать ступенью своему возвышенію униженіе и позоръ англійской націи, требуя отъ нея уступки передъ дикимъ варварствомъ Китая. Нельзя же

замѣтить преувеличенія въ словахъ главы кабинета. Мы видѣли, что большинство оппозиціи нисколько не требовало немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій, во что бы то ни стало. Оно требовало только, чтобы правительство отъ наступательной и постоянно вѣдшей политики перешло къ политикѣ внутренней. Такой смыслъ дѣйствіямъ оппозиціи данъ былъ въ особенности въ манифестѣ лорда Джона Росселя. Тѣмъ не менѣе, на происходящихъ выборахъ очевидно торжествуетъ политика кабинета, и, по всей вѣроятности, новый парламентъ будетъ ей очень благопріятенъ. Политика лорда Пальмерстона удовлетворяетъ національному чувству Англіи, и потому вызываетъ сильное къ себѣ сочувствіе въ разныхъ слояхъ народа. О многочисленныхъ голосахъ, раздавшихся по поводу выборовъ въ пользу перваго министра, уже было говорено въ предыдущемъ Обзорѣніи. Блестящимъ выраженіемъ такого сочувствія былъ банкетъ, данный лорду Пальмерстону 20-го марта лордомъ-меромъ. На этомъ банкетѣ, гдѣ было до трехъ сотъ приглашенныхъ, лордъ Пальмерстонъ произнесъ рѣчь, съ цѣлю оправдать свою политику. Высказывая снова ту причину, по которой кабинетъ не почелъ для себя необходимымъ преклонить голову передъ неодобреніемъ парламента и уступить мѣсто новому управленію, благородный лордъ выражаетъ твердую увѣренность въ благопріятномъ для себя исходѣ предстоящихъ выборовъ. Въ то же время онъ отклоняетъ отъ своего образа дѣйствій наименованіе воинственной политики. «Кабинетъ, говоритъ онъ, тоже хочетъ мира, но мира честнаго, прочнаго, соединеннаго съ безопасностію Англичанъ за границею...» О намѣреніяхъ противной партіи онъ отзывается съ прежнею краткостью. Графъ Персиваль, присутствовавшій на обѣдѣ, тоже произнесъ рѣчи. Посланникъ Лудовика-Наполеона говорилъ съ удивленіемъ о государственномъ устройствѣ Англіи и выразилъ надежду на постоянство того согласія, которое нынѣ царствуетъ между двумя правительствами. Грозныя выходы перваго министра противъ оппозиціи не остались съ ея стороны безъ отвѣта. За невозможностію отвѣчать ему въ парламентѣ, вслѣдствіе его распущенія, лордъ Мальмсбери обратился къ посредничеству журнала Times и, въ длинномъ письмѣ къ министру, сильно и остроумно опровергалъ его обвиненіе противъ партіи мира.

Среди бурныхъ парламентскихъ преній во время борьбы оппозиціи съ министерствомъ, въ Англіи была принята новая мѣра, доказывающая, до какой степени ея правительство цѣнитъ и ограждаетъ свободу слова. Известно, что въ Англіи не существуетъ никакихъ ограничений противъ свободы тисненія, кромѣ предоставленнаго всякому права жаловаться судебнымъ порядкомъ на нанесеніе ему печатно обиды. До сихъ поръ, въ случаѣ обвиненія отвѣтчика, отвѣтственность раздѣлялъ съ нимъ и тотъ журналъ, который напечаталъ у

себя оскорбительное сочиненіе. Исключеніе составляли только рѣчи, произнесенныя въ судебныхъ мѣстахъ. Это правило было не совсѣмъ справедливо относительно публичныхъ рѣчей, помѣщаемыхъ въ журналахъ, потому что подобныя рѣчи печатаются безъ всякаго оскорбительнаго намѣренія противъ обиженнаго лица, а просто вслѣдствіе обязанности журналовъ, сообщать публикѣ всѣ подробности общественной жизни. Необходимость исключить случаи такого рода изъ ответственности періодическихъ изданій, уже давно сознавалась многими; но старый законъ существовалъ до настоящаго времени, и вице-канцлеръ королевства, лордъ Кампбелль, еще недавно долженъ былъ противъ собственнаго убѣжденія, обвинить журналъ, напечатавшій сильную рѣчь, произнесенную въ одномъ изъ избирательныхъ собраний. Такъ какъ присяжные обратились къ вице-канцлеру за рѣшеніемъ вопроса, слѣдуетъ ли распространять отвѣтственность на самый журналъ, то лордъ Кампбелль, при всемъ своемъ несочувствіи къ нему, долженъ былъ имъ объяснить точный смыслъ закона. Но этотъ случай убѣдилъ его еще болѣе въ необходимости измѣненія, и потому онъ предложилъ верхней палатѣ распространить безотвѣтственность журналовъ за помѣщеніе рѣчей также и на рѣчи, произнесенныя въ парламентѣ и другихъ народныхъ собраніяхъ, которыхъ виды будутъ опредѣлены особою комиссіей. Лордъ Кампбелль упоминаетъ изъ нихъ мимоходомъ только о церковныхъ собраніяхъ, собраніяхъ по графствамъ, муниципальных совѣтахъ и т. д. Изъ числа ихъ онъ прямо исключаетъ митинги, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ такомъ случаѣ оскорбителю было бы легко скрыться послѣ нанесенія обиды, и обиженный ни отъ кого бы не могъ получить удовлетвореніе. Исключеніе не совсѣмъ логическое, потому что митинги имѣютъ тоже политическое значеніе, и публика по справедливости желаетъ знать о нихъ всѣ подробности. Какъ бы то ни было, предложеніе лорда Кампбелля, безусловно принятое палатою, заключаетъ въ себѣ все-таки очень важное обезпеченіе для журналистики. Отнынѣ журналъ, передающій оскорбленія, и тотъ, кто его наноситъ, будутъ строго различены. Съ точки зрѣнія юридической, законъ о диффамациі получить такимъ образомъ болѣе послѣдовательности, потому что въ основаніи преслѣдованія будетъ лежать намѣреніе лица, безъ котораго не существуетъ полной вмѣняемости дѣйствія.

Во Франціи два обстоятельства обращаютъ на себя преимущественное вниманіе. Это разборъ бюджета на 1858 годъ и сопряженный съ нимъ вопросъ о предполагаемомъ налогѣ на движимыя цѣнности. Расходы въ 1858 г. простираются до 1 миллиарда, 716 милліоновъ, 986,190 франковъ; доходовъ предположено одинъ миллиардъ, 737 милліоновъ, 115,171 франкъ. Излишекъ состоитъ въ 20,128,981 франкъ. Этотъ бюджетъ значительно отличается отъ бюджета 1857 г. Нѣкоторые налоги, введенные по поводу войны, или существовавшіе

прежде, теперь отменены. Въ замѣнъ ихъ правительство намѣрено предложить законодательному собранію налогъ на движимыя цѣнности (*valeurs mobilières*), о которомъ императоръ упоминалъ въ тронной рѣчи. Скажемъ нѣсколько словъ о значеніи этого налога. Движимыя цѣнностями называются денежныя бумаги разнаго рода, акціи торговыхъ компаній, общества для постройки желѣзныхъ дорогъ и т. п. По поводу этого налога «*Revue des Deux Mondes*» напечатала статью, исполненную любопытныхъ соображеній, которыя мы передадимъ нашимъ читателямъ. Статья рѣшительно осуждаетъ предлагаемый налогъ, руководствуясь при этомъ слѣдующими соображеніями. Движимыя цѣнности, говоритъ она, не суть цѣнности сами по себѣ. Это, такъ сказать, купоны актовъ владѣнія на собственность, которая и безъ того уже платитъ налогъ, а въ добавокъ не всегда есть собственность промышленная. Для примѣра можно взять акцію какого-нибудь товарищества для разработки рудниковъ. Очевидно, что эта акція есть документъ, дающій предъявителю право на участіе въ нераздѣльномъ владѣніи рудниками. Но рудники подлежатъ уже во Франціи двойному налогу: постоянному и пропорціональному съ ежегодною добычею. Третій налогъ на акцію обременилъ бы собственность и безъ того уже обложенную. Сверхъ того онъ имѣлъ бы еще и то неудобство, что падалъ бы на ассоціацію, соединеніе небольшихъ капиталовъ, между тѣмъ какъ большіе капиталы, дѣйствующіе отдѣльно, были бы отъ него изъяты. То же самое можно сказать и объ акціяхъ всякаго другаго рода. Это составляетъ первое возраженіе противъ новаго налога. Но есть еще и другое.— Когда правительство уступаетъ частной компаніи какую-нибудь желѣзную дорогу, или другое общественное предпріятіе подобнаго рода, тогда выручка компаніи, обеспеченная ею въ теченіи извѣстнаго времени, составляетъ вознагражденіе за постройку, плату за трудъ, которую, еслибы правительство само исполнило работу, оно было бы должно постепенно выплатить подрядчикамъ. Дивидендъ, получаемый акціонерами общества, есть въ сущности извѣстная доля выручки, за вычетомъ всѣхъ издержекъ. Если правительство будетъ взимать налогъ съ этого дивиденда, то тѣмъ самымъ оно посягнетъ на часть выручки, слѣдовательно нарушитъ заключенный съ компаніею договоръ, который, при такомъ способѣ дѣйствія, утрачиваетъ свой характеръ обоюдности. При введеніи налога на доходы вообще, налогъ, по крайней мѣрѣ, долженъ равномерно падать на всѣ доходы: но что бы сказали, еслибы изъ числа ихъ была обложена, на примѣръ, одна рента? Наконецъ, послѣднее соображеніе основано на самомъ характерѣ прямаго налога. Имѣя непремѣннымъ послѣдствіемъ въ минуту своего установленія, уменьшеніе капитала, онъ требуетъ особенной осторожности. Поэтому прямыя налоги и должны быть по возможности неизмѣнны. Но налогъ на акціи, по самому ихъ

характеру, не можетъ быть неизмѣненъ, ибо какъ скоро акціи будутъ обложены, покупатели станутъ давать за нихъ менѣе, следовательно, тяжесть налога упадетъ на первыхъ приобретателей, или основателей общества. Такимъ образомъ, налогъ на движимыя цѣнности будетъ имѣть три невыгодныя стороны: съ одной стороны, онъ поразитъ ассоціацію капиталовъ, одну изъ самыхъ лучшихъ мыслей новаго времени, съ другой, онъ будетъ нарушеніемъ договоровъ правительства съ частными компаніями, съ третьей, наконецъ, онъ уменьшитъ капиталы, затраченные въ промышленныхъ предпріятіяхъ, и вслѣдствіе этого произведетъ дурное вліяніе на общественное благосостояніе. Въ замѣтъ налога на акціи, авторъ статьи предлагаетъ пошлину при ихъ переходѣ, но только черезъ дареніе или наслѣдство, ибо взысканіе пошлины при продажѣ акцій повело бы къ затрудненію торговыхъ сдѣлокъ и само по себѣ было бы затруднительно.

Правительство обнародовало перепись, произведенную въ концѣ прошлаго года въ Алжиріи. Изъ этого документа видно, какъ неоправедливо мнѣніе, будто бы Алжирія поглащаетъ значительную часть населенія своей митрополи, мнѣніе, которое было высказано генеральнымъ совѣтомъ Верхней Соны, по поводу особаго уменьшенія народонаселенія во Франціи, замѣченнаго при народной переписи. Послѣ двадцатипятилѣтней принадлежности Франціи, Алжирія считаетъ между своими жителями только 100,000 Французовъ, следовательно, на каждый годъ приходится менѣе четырехъ тысячъ переселенцевъ. Въ 1855 году въ числѣ двѣнадцати тысячъ переселенцевъ изъ Франціи, только 4,745 пришлось на долю колоніи: цифра незначительная для населенія въ тридцать шесть милл., особенно если принять въ соображеніе то количество жителей, которое въ это самое время переселялось изъ другихъ странъ во Францію. — Алжирская перепись представляетъ довольно любопытные факты. Въ настоящее время въ колоніи считается 167,135 душъ. Эта цифра, конечно, незначительна, но сравнительно съ предшествующими годами, она доказываетъ постоянное увеличеніе народонаселенія. Въ 1832 году считалось только 9,640 жителей. Средняя цифра увеличенія составляла въ первое пятилѣтіе, до 1836 года, 2,266; въ слѣдующее пятилѣтіе она поднялась до 4,752, и съ тѣхъ поръ не падала ниже четырехъ тысячъ. Самыми лучшими пятилѣтіями были года: 1842—1846 и 1852—1856. Въ первое изъ нихъ средняя цифра составляла 14,365, а во второе 7,170. Что касается до самаго состава населенія, то изъ приведеннаго выше числа 66,728 жителей иностраннаго происхожденія, Испанцы, Итальянцы, Мальтійцы, Нѣмцы, Швейцарцы; остальные — Французы. Въ нравственномъ отношеніи колонія сдѣлала значительные успѣхи. Въ эпоху присоединенія Алжира, война и безумные расчеты увлекли туда множество

авантюристовъ. Теперь ихъ смѣнило трудолюбивое населеніе. Семейный бытъ значительно улучшился, и семейство сдѣлалось основою колонизаціи. Это выражается нагляднымъ образомъ въ постепенномъ увеличеніи женскаго населенія. Рожденія съ 1853 года превышаютъ смертность.

Въ Испаніи выборы положили конецъ безпрестанному волненію, вслѣдствіе борьбы министерства съ различными партіями. Слухи о министерскомъ кризисѣ, о реакціи замолкли, и уступили мѣсто борьбѣ при выборѣ кортесовъ. Теперь замѣтно гораздо болѣе спокойствія, чѣмъ прежде. Разумѣется, партіи готовятся къ борьбѣ, но выборы приготавливаются въ большомъ порядкѣ, что составляетъ признакъ несомнѣннаго прогресса и обличаетъ болѣе привычки къ представительнымъ формамъ. Муниципальные выборы прошли очень спокойно. На нихъ вообще получила перевѣсъ партія умѣренныхъ. По всей вѣроятности, при выборѣ представителей на сторонѣ министерства окажется сильное большинство, потому что всѣ различныя стороны оппозиціи не составятъ даже вмѣстѣ 50 голосовъ. Оппозиція, вѣроятно, всего сильнѣе будетъ въ сенатѣ.

Въ Пруссіи, въ палатѣ депутатовъ, оппозиція ведетъ сильную борьбу съ министерствомъ. Последнія пренія были по преимуществу заняты финансовыми вопросами, которые въ настоящее время имѣютъ особенный интересъ. Извѣстно, что правительство убѣдилось въ невозможности покрыть расходы обыкновенными средствами. Къ тому же созданіе новыхъ источниковъ дохода имѣетъ еще особенную цѣль—увеличеніе жалованья чиновниковъ и возстановленіе трехгодичнаго срока солдатской службы. Эта двоякая цѣль правительства встрѣтила сильное сопротивленіе. Противъ первой мѣры особенно возстаетъ крайняя правая сторона, противъ второй—лѣвая. Интересны побужденія, которыми руководствуется первая. Консервативная оппозиція протестуетъ не только противъ увеличенія налоговъ, но и вообще противъ всей системы управленія, противъ господства бюрократіи. Среди преній раздаются иногда чисто аристократическія притязанія. Таково напримѣръ мнѣніе, которое было на нихъ высказано, что способность не должна еще сама по себѣ быть единственнымъ условіемъ достиженія государственныхъ должностей, что сверхъ того нужны еще средства представлять ихъ съ честію, и т. д. Рядомъ съ этими побужденіями есть, конечно, и другія. Трудно сказать, которыя изъ нихъ преобладаютъ. Надъ всѣми ими едва ли не господствуетъ желаніе расширить вообще вліяніе народныхъ представителей. Въ мнѣніяхъ, выраженныхъ по поводу закона о трехгодичномъ срокѣ, особенно достойны замѣчанія соображенія, высказанныя г. Гаркортъ въ засѣданіи 20 марта. Г. Гаркортъ указывалъ на невыгоды продолжительнаго срока военной службы. Солдатъ, долго пробывшій въ службѣ, говоритъ онъ, теряетъ всякую привязанность къ домашнему

очагу. Въ доказательство того, что въ продолжительныхъ срокахъ нѣтъ никакой необходимости, онъ указывалъ на примѣръ Франціи и Австріи, которыя обѣ приняли двухгодичный срокъ. Наконецъ г. Гаркорть опровергалъ до нѣкоторой степени и самую потребность въ обширной, дисциплинированной арміи. Успѣхамъ прусскаго регулярнаго войска онъ противопоставлялъ блестящіе подвиги земскаго ополченія (Landwehr) въ 1815 г. Регулярная армія, созданная Фридрихомъ Великимъ, сказалъ онъ, утратила колесницу побѣды, красующуюся надъ Бранденбургскими воротами; ее возвратило земское ополченіе! Рѣчь г. Гаркорта возбудила сильное сочувствіе. Громкія рукоплесканія не одинъ разъ ее перерывали. Несмотря однако на нѣкоторыя справедливыя стороны въ возраженіяхъ оппозиціи, несомнѣнно, что правительству трудно будетъ покрыть свои расходы не прибѣгая къ новымъ налогамъ.

Въ Берлинѣ 10 марта открыта конференція членовъ Таможеннаго Союза. Она занимается предложеніями Австріи на счетъ ея сношеній съ государствами Союза.

Въ Турціи окончательное утвержденіе императорскимъ ирадѣ проектъ банка, рассмотрѣнный верховнымъ совѣтомъ. Банкъ не получилъ названія ни національнаго, ни императорскаго, ни оттоманскаго: онъ называется просто *турецкимъ*. Теперь остается найти необходимые фонды. Это обстоятельство сильно занимаетъ публику. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Лондона рѣдкость денегъ не благоприятствуетъ началу предпріятія. Спрашивается: условія, предлагаемыя основателями банка, довольно ли блестящи, чтобы владельцы капиталовъ рѣшились помѣстить ихъ въ Турціи? Это составляетъ важный вопросъ, потому что состояніе кредита въ Оттоманской имперіи ставитъ банкъ въ совершенно особенное и довольно затруднительное положеніе. Существенное неудобство представляетъ то, что въ Турціи нѣтъ срочныхъ кредитныхъ бумагъ. Облигаціи самого правительства выдаются безъ обязательства немедленной уплаты. Онѣ уплачиваются *мало-по-малу*. Такъ какъ турецкій банкъ обязался выкупить всѣ ассигнаціи, получая отъ правительства государственныя облигаціи, пущенныя въ обращеніе на тридцать лѣтъ, то двѣ трети капитала, которыя банкъ употребитъ на эту операцію, будутъ на время потеряны для его оборотовъ. Такія цѣнности не могутъ быть разсматриваемы, какъ оборотный капиталъ. Спрашивается: будетъ ли банкъ въ состояніи удовлетворить собственныя обязательства въ случаѣ кризиса? Впрочемъ, несмотря на эти неудобства, заставляющія опасаться за будущее, начало предпріятія блистательно.

Во Египтѣ произошли важныя административныя реформы, которыя безъ сомнѣнія не замедлятъ оказать самыя благодѣтельныя послѣдствія. Вице-король недавно возвратился изъ своего путешествія въ Суданъ, одну изъ самыхъ отдаленныхъ провинцій Египта. Резуль-

татомъ путешествія былъ цѣлый рядъ мѣръ, продолжающихъ просвѣщенныя преобразованія Мегемед-Али. Важнѣйшая изъ этихъ мѣръ состоитъ въ совершенномъ уничтоженіи невольничества. При этомъ нельзя не вспомнить, что Могаметъ-Саибъ, еще въ самомъ началѣ своего управленія, запретилъ торгъ невольниками, руководствуясь въ этомъ случаѣ собственными побужденіями; между тѣмъ какъ въ Оттоманской имперіи подобная мѣра была внушена вліаніемъ Европы. Другая мѣра касается раскладки податей. Распоряженіями вице-короля, население будетъ избавлено отъ ужасовъ стараго турецкаго порядка, который такъ долго тяготѣлъ надъ Египтомъ. Въ центральномъ управленіи сдѣлано тоже немаловажное преобразование. Могамедъ-Саибъ отдѣлилъ свои личные расходы отъ государственныхъ, которые будутъ теперь составлять особую статью. Другими словами, онъ создалъ то, что въ Европѣ называется *liste civile*. Министерство финансовъ раздѣлено на два департамента, изъ которыхъ одинъ завѣдуетъ государственными расходами, а другой доходами.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ 4-го марта новый президентъ вступилъ въ правленіе. Это торжество происходило при большомъ стеченіи народа и въ присутствіи множества иностранцевъ, нарочно для этого съѣхавшихся въ Вашингтонъ. Городъ съ самаго утра былъ чрезвычайно оживленъ. Церемонія состояла въ произнесеніи рѣчи (называемой посланіемъ) новымъ президентомъ и въ его присягѣ. Она происходила, по обыкновенію, въ сенатѣ, въ присутствіи верховнаго суда Соединенныхъ Штатовъ, дипломатическаго корпуса и всѣхъ правительственныхъ лицъ республики. За тѣмъ сенатъ утвердилъ новое министерство, составленное президентомъ.

Извѣстно, что избраніе г. Буханана возбудило сильное вниманіе какъ во Новомъ свѣтѣ, такъ и въ Европѣ. Г. Бухананъ былъ до сихъ поръ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ демократической партіи. Отъ него ожидали поэтому энергическаго образа дѣйствій въ вопросахъ и внѣшней, и внутренней политики. Эти ожиданія далеко не были оправданы его посланіемъ. Англійскіе журналы объясняютъ неожиданную перемѣну личнымъ положеніемъ новаго президента. Г. Бухананъ, говорятъ они, шелъ до сихъ поръ обыкновенною дорогою государственныхъ людей въ Америкѣ. Добиваясь президентства, онъ игралъ роль двигателя, народнаго трибуна; достигнувъ этого званія, онъ хочетъ сообразовать свои политическія начала съ своимъ положеніемъ. Но въ то же время онъ не могъ совершенно отречься отъ своего прошедшаго. Отсюда безцвѣтная умѣренность и общность выражений его посланія. Едва ли не справедливѣе еще объяснять характеръ посланія тѣмъ дѣйствительно труднымъ положеніемъ, въ которомъ находится правительство, имѣя дѣло съ партіями, исключительно преобладающими въ извѣстныхъ штатахъ.

Въ самомъ существенномъ, жизненномъ вопросѣ для Америки, въ

вопросъ о невольничествѣ, г. Бухананъ не высказываетъ никакого новаго взгляда и только продолжаетъ преданія своей партіи. Положеніе въ этомъ дѣлѣ союзнаго правительства особенно затруднительно. Вопросъ о невольничествѣ едва не повелъ въ недавнее время къ расторженію союза. Таково условіе договорнаго государства, что общіе интересы должны по временамъ уступать частнымъ. Г. Бухананъ вспоминаетъ въ своемъ посланіи, что нашлись даже люди, которые высчитывали съ математическою точностію выгоды и невыгоды расторженія. Вообще, все вниманіе новаго президента исключительно поглощено федеративными отношеніями штатовъ, примиреніемъ сѣвера съ югомъ. Опасаясь раздора географическихъ партій и, очевидно, подъ влияніемъ недавнихъ происшествій, г. Бухананъ заботливо обходитъ всякой вопросъ, который могъ бы подать мысль о посягательствѣ союзнаго правительства на самостоятельность отдѣльныхъ штатовъ, а потому о многихъ предметахъ управленія выражается съ нѣкоторою робостію. Съ такою же заботливостію устраняетъ онъ отъ своего кабинета всякое подозрѣніе въ воинственной политикѣ. Съ гордостію говоритъ онъ, что Сѣверная Америка до сихъ поръ ничего не приобрѣтала путемъ насилія (?). Всѣ ея приобретенія были сдѣланы или посредствомъ купли, или чрезъ добровольное присоединеніе территорій. Какъ ни справедливо это направленіе, нельзя однако не замѣтить, что г. Бухананъ не высказываетъ своего взгляда ни на одинъ изъ частныхъ политическихъ вопросовъ. Такъ напримѣръ онъ не коснулся ни вопроса о присоединеніи Кубы, ни Далласъ—Кларендонскаго трактата, ни трактата съ Мексикой. Въ этомъ отношеніи посланіе тоже не отвѣчаетъ тому, чего отъ него ожидали. Въ началѣ своего посланія, г. Бухананъ высказываетъ свое намѣреніе не искать во второй разъ президентства. Это намѣреніе тѣмъ легче можетъ быть исполнено, что ко времени истеченія срока его управленія, ему будетъ уже 70 лѣтъ, а въ эти года граждане теряютъ въ Америкѣ право на занятіе общественныхъ должностей.

Гораздо любопытнѣе политическихъ началъ президента тѣ свѣдѣнія, которыя мы находимъ въ посланіи, о внутреннемъ положеніи Америки. Здѣсь нельзя не замѣтить прежде всего, какъ въ бурную эпоху президентскихъ выборовъ, среди самыхъ сильныхъ волненій, выразилось то чувство законности, завѣщанное Новому свѣту Англіей, которое есть лучшей сторожъ общественнаго порядка. Несмотря на ожесточеніе партій, несмотря на борьбу двухъ великихъ географическихъ раздѣленій союза, всѣ волненія прекратились въ минуту окончанія выборовъ, всѣ безусловно покорились рѣшенію большинства. Это было, говоритъ президентъ, поразительнымъ примѣромъ способности чловѣка управлять самимъ собою. Другое замѣчательное явленіе состоитъ въ удивительномъ положеніи финансовъ.

Извѣстно, что союзное правительство давно уже не знаетъ, куда дѣваться отъ денегъ. Еще послѣднія засѣданія конгресса были принуждены прибѣгнуть къ пониженію тарифа, но эта мѣра оказывается не дѣйствительною. Новый президентъ сильно жалуется на превышеніе доходами расходовъ, этотъ безпримѣрный фактъ въ государственныхъ бюджетахъ. Большой излишекъ, получаемый правительствомъ, сильно его беспокоитъ. Онъ усиливаетъ частную предпримчивость, сообщая ей опасные размѣры, производитъ дѣлую породу людей, спекулирующихъ на общественную собственность и стремящихся привлечь государственныя деньги въ свои руки; наконецъ, бросаетъ тѣнь подозрѣнія на агентовъ правительства и тѣмъ подрываетъ уваженіе къ нему общественнаго мнѣнія. Вотъ заботы, которыя тревожатъ г. Буханана. Чтобы предупредить зло чрезмѣрнаго и непродуманнаго скопленія капиталовъ въ рукахъ правительства, г. Бухананъ предлагаетъ новое уменьшеніе налоговъ и различныя общественныя предпріятія, какъ—то: увеличеніе флота для большаго обезпеченія морской торговли, и проведеніе военной дороги къ Тихому океану. По поводу финансоваго вопроса, г. Бухананъ высказываетъ здравыя государственныя начала. Онъ говоритъ, напримѣръ, что доходы правительства ни въ какомъ случаѣ не должны превышать издержекъ управленія.

Новѣйшія Извѣстія.

Въ Journal de Francfort, извѣстномъ органѣ австрійской политики, обнаружена вторая нота графа Буоля на имя австрійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Туринѣ, графа Пара. Этотъ документъ вполне убѣждаетъ въ томъ, что не пренія объ укрѣпленіи Александрии, а отвѣтная нота графа Кавура отъ 20-го «еврала побудила вѣнскій кабинетъ отозвать своего представителя изъ Турина. Отвѣчая графу Кавуру, графъ Буоль замѣчаетъ, что система преслѣдованія журналовъ судебнымъ порядкомъ, предлагаемая туринскимъ кабинетомъ иностраннымъ правительствамъ, можетъ быть удовлетворительна развѣ только для случайныхъ злоупотребленій; «но мы не думаемъ, сказано въ нотѣ, чтобъ пассивность мѣстнаго правительства могла быть оправдываема, когда уклоненія журналистики представляются, какъ въ данномъ случаѣ, въ видѣ установленной системы, соединенной съ явными нарушеніями трактатовъ». «Къ тому же, продолжаетъ графъ Буоль, если мы хорошо поняли смыслъ отвѣтной ноты графа Кавура, послѣдній, повидямому, полагаетъ, что

наши жалобы касаются только журналовъ, тогда какъ мы въ то же время жаловались на одобреніе, какъ безмолвное, такъ и явное, почерпаемое журналами изъ самаго образа дѣйствій піемонтскаго правительства». По мнѣнію графа Буоля, послѣднее должно вмѣшаться въ дѣла журналистики и запретить неблагопріятные отзывы объ австрійской политикѣ. Графъ Буоль жалуется далѣе изъ самаго графа Кавура, принявшаго почетную медаль отъ жителей Модены въ память услугъ, оказанныхъ имъ Италіи на парижскомъ конгрессѣ. Эта жалоба на обстоятельство давно прошедшее возбудила нѣкоторое удивленіе. Извѣстно, что населеніе Италіи съ радостію приняло обѣщанія конгресса и въ знакъ признательности къ Сардиніи рѣшилось поднести почетныя медали графу Кавуру. Повсюду открылись подписки: въ Римѣ, Неаполѣ, Флоренціи, Моденѣ, Реджіо, Пармѣ; онѣ, сколько извѣстно, не встрѣтили противодѣйствія со стороны правительствъ, и еще въ прошломъ году римское дворянство прислало свой даръ въ Туринъ, съ надписью: «За защиту угнетеннаго населенія Италіи на парижскомъ конгрессѣ, признательный Римъ». Моденцы опоздали, и медаль ихъ была поднесена графу Кавуру не ранѣе прошлаго февраля. Дѣло это, очевидно, старое; въ началѣ оно даже не помѣшало снятію секвестра съ имущества Ломбардцевъ, перешедшихъ въ сардинское подданство. Но всего замѣчательнѣе конецъ новой австрійской ноты, который мы приведемъ здѣсь вполнѣ:

«Пока нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Сардиніи не подвергнется измѣненіямъ, до тѣхъ поръ несогласно съ достоинствомъ императора имѣть въ Туринѣ дипломатическаго агента, которому приходится быть ежедневнымъ свидѣтелемъ демонстрацій, производимыхъ съ болѣе или менѣе прямою цѣлью нарушить трактаты и возбудить новыя затрудненія. Поэтому предписываю вамъ, графъ, выѣхать изъ Турина и лично дать намъ отчетъ въ послѣдующихъ объясненіяхъ, какія будутъ представлены г. президентомъ совѣта (гр. Кавуромъ). Предупреждая графа Кавура о вашемъ выѣздѣ, вы можете выразить ему наше сожалѣніе о томъ, что мы принуждены обратиться къ этой мѣрѣ, которая прискорбна намъ и которой мы всегда надѣялись избѣгнуть. Вы скажете ему, что мы отъ души желаемъ скорѣйшаго наступленія того времени, когда болѣе приличный порядокъ вещей позволитъ представителю Австріи возвратиться въ Туринъ; вы присоедините также, что мы, съ своей стороны, не находимъ никакого препятствія къ пребыванію въ Вѣнѣ маркиза Кантоно, который не подверженъ у насъ тѣмъ же непріятностямъ, и благородству котораго мы отдаемъ полную справедливость. Онъ можетъ быть увѣренъ, что будетъ окруженъ всѣмъ почетомъ, какого требуетъ его званіе. Впрочемъ, желая, чтобы принятая нами мѣра не нанесла ущерба взаимнымъ интересамъ обоихъ государствъ, мы принимаемъ въ настоящую минуту необходимыя мѣры на границѣ, чтобы ваше отсутствіе не обратилось во вредъ мирнымъ подданнымъ обоихъ го-

сударствъ, и чтобы частныя сношенія не потерпѣли отъ временнаго прекращенія нашей дипломатической дѣятельности въ Туринѣ. Мы увѣрены, что послѣ вашего отъѣзда подданные императора, проживающіе въ Пиемонтѣ, будутъ по прежнему пользоваться покровительствомъ законовъ. На случай, еслибы имъ понадобилось наше дипломатическое посредничество относительно сардинскихъ начальствъ, берлинскій дворъ согласился, по нашей просьбѣ, дозволить своему представителю въ Туринѣ принять на себя это посредничество.»

Эта нота только подтверждаетъ мнѣніе, сообщенное нами въ текстѣ Обзорѣнія, о характерѣ требованій, предъявляемыхъ Австріею. Последняя очевидно желаетъ измѣненія существующихъ въ Пиемонтѣ законовъ о тисненіи, и отказывается имѣть представителя въ Туринѣ, пока не последуютъ эти измѣненія.

С М Ъ С Ъ

ВЫСТАВКА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Изобилуетъ ли нынѣшняя академическая выставка художественными произведеніями и какими отличительными чертами характеризуются эти произведенія? Какъ подѣйствуетъ на васъ эта масса произведеній: артистическаго творчества, напряженнаго воображенія, наблюденій, изученій, или простаго копированія природы, а подѣ часть и одного усидчиваго труда? масса, обозначенная количествомъ 285 нумеровъ въ печатномъ указателѣ художественныхъ произведеній выставки, и сверхъ того дополненная многими произведеніями, не вошедшими въ указатель? Притупятъ ли вашу память эти произведенія многочисленностію безхарактерныхъ посредственностей, или сосредоточится вниманіе ваше на нѣкоторыхъ произведеніяхъ избранныхъ? Такіе и тому подобные вопросы дѣлаютъ вамъ и дѣлаете вы сами при входѣ на выставку.

Начнемъ со скульптурныхъ работъ, помѣщенныхъ въ круглой залѣ. Число ихъ весьма ограничено.

Въ понятіяхъ нашего общества скульптура есть искусство какъ бы не совсѣмъ принадлежащее новѣйшему времени: мѣръ античный,

языческой, міръ боговъ и героевъ мифическихъ, былъ нѣкогда истинною ея сферою. Идеи и представленія этого міра, довольно чуждыя понятіямъ и еще менѣе возбуждающія сочувствіе современнаго общества, составляли и теперь составляютъ едва ли не главнѣйшіе мотивы скульптурныхъ композицій. Правда, есть еще роды скульптуры, болѣе намъ свойственные, какъ напримѣръ скульптура христіанская, родившаяся въ средніе вѣка, получившая развитіе свое въ церквахъ римскаго католичества, возведенная на степень свободнаго художественнаго творчества въ цвѣтущій вѣкъ возрожденія искусства. И въ наше время скульптура эта находитъ себѣ примѣненіе, хотя не столь обширное какъ при своемъ появленіи въ вѣкъ готики, потомъ въ вѣкъ такъ называемаго *барроко*. У насъ въ Россіи развитіе христіанской скульптуры не можетъ быть значительно уже потому, что церковь православная не охотно допускаетъ скульптурныя произведенія во внутренности своихъ храмовъ. Есть еще родъ скульптуры, принадлежащій по преимуществу нашему времени, хотя онъ былъ не чуждъ и древнимъ Римлянамъ (1): это изображеніе предметовъ и событій изъ міра дѣйствительнаго, собственно-натуральная школа въ скульптурѣ, ежели можно такъ выразиться. Но всегда ли эта дѣйствительность представляетъ преимущества скульптору передъ живописцемъ? Наконецъ скульптура монументальная, изображающая историческія лица и событія въ современныхъ имъ костюмахъ, почти выступаетъ за предѣлы своихъ средствъ, принимая это въ строго-эстетическомъ значеніи. Каково ладитъ скульптору съ костюмами при изображеніи современныхъ событій?

Вотъ чѣмъ можно себѣ объяснить нѣкоторую холодность общества къ скульптурѣ и наконецъ самое ограниченное число ея производителей.

Произведенія трехъ первыхъ исчисленныхъ нами родовъ находимъ мы на академической выставкѣ. Пять рельефовъ на тему изъ *Иліады* Гомера: *Ахиллесъ, влекущій тѣло Гектора*, исполнены учениками профессора Пименова, гг. Лаврецкимъ, Румянцевымъ и Каменскимъ; ученикомъ профессора барона Клодта, г. Матушевскимъ и художникомъ Іенсенемъ, получившимъ за этотъ трудъ званіе академика. Сочиненіе каждаго изъ этихъ рельефовъ болѣе или менѣе напоминаетъ очеркъ Флаксмана. Изъ первыхъ четырехъ счастливейшею по исполненію мы готовы были бы признать работу г. Румянцева, еслибы относительные размѣры фигуры Ахиллеса къ колесницѣ и лошадамъ и самая его поза насъ нѣсколько не смущали. Въ рельефѣ г. Лаврецкаго, удостоеннаго также первой серебряной медали, лошади замѣчательно неуклюжи, чего ни какъ нельзя сказать про ло-

(1) См. «Прописан» т. V, стр. 264, статья орд. акад. Стефани.

шадей въ рельефъ г. Матушевскаго , при всей невыгодности вытянутого ихъ положенія. Въ рельефъ этомъ не лишено достоинствъ и все остальное. Рельефъ художника Йенсена , признаннаго академикомъ , представляетъ уже болѣе артистическаго умѣнья , а вмѣстѣ съ тѣмъ и вполне удовлетворительную оконченность въ исполненіи. Дозволимъ однако себѣ замѣтить , что эта мягкость и нѣжность формъ , столь пріятная въ женскихъ фигурахъ , составляетъ иногда недостатокъ мужскихъ фигуръ , въ особенности тамъ , гдѣ играетъ роль сила физическая : для примѣра укажемъ на кулачныхъ бойцовъ Кавовы. Къ сожалѣнію , это замѣчаніе должны мы сдѣлать и о фигурѣ самаго Ахиллеса.

Рельефъ г. Фонтъ-Бока , ученика барона Клодта , удостоеннаго первой золотой медали , есть работа замѣчательная по своему сочиненію. Это распятіе Спасителя. У креста страждущаго Богочеловѣка , распятаго между двумя разбойниками , стоитъ , съ поникшею головою , любимый ученикъ его ; ближе на первомъ планѣ , лишающаяся чувствъ Богоматерь , окруженная женами и вѣроиспосницами , — группа , исполненная всего удачнѣе ; налѣво негодующіе архіереи іудейскіе , обращающіеся къ распятому Христу со словами : « иныя спасе , себе ли не можеть спасти ; аще сынъ еси Божій , сниди со креста » ; далѣе воины , мечущіе жребій обѣ одеждѣ Иисусовой ; направо одинъ изъ воиновъ , вытѣкающій губку на трость , а впереди его сотникъ Лонгинъ , въ минуту , предшествовавшую той , когда вѣра его выразилась словами : « во истину сынъ Божій бѣ сей » ; кромѣ выраженія лица , въ которомъ вполне высказывается переходъ недоразумѣвающаго отъ безвѣрія къ вѣрѣ , исполненіе этой фигуры удовлетворяетъ менѣе всего оставшаго и вообще довольно жестко. Направо еще нѣсколько фигуръ народной толпы , помѣщенныхъ болѣе какъ произвольный аксесуаръ выходящій изъ предѣла Евангельскаго сказанія ; между прочимъ виденъ отрокъ , обращающійся съ вопросомъ къ сидящему старцу. Таково сочиненіе рельефа , которое равно какъ и положеніе всѣхъ фигуръ , за исключеніемъ неудачныхъ ракурсовъ у распятыхъ разбойниковъ , можно назвать весьма счастливымъ. Не таковымъ представляется , къ сожалѣнію , выполненіе : кромѣ недостатка оконченности , которая должна быть неперемѣннымъ условіемъ произведеній этого рода , въ самой лѣпкѣ чувствуется отсутствіе мягкости при исполненіи человѣческаго тѣла — крайность совершенно противоположная той , о которой мы только что упомянули при разсмотрѣніи работы г. Йенсена.

На сколько круглыя фигуры для скульптора труднѣе рельефовъ — это выказывается само собою при разсмотрѣніи четырехъ выставленныхъ произведеній. Фигура г. Жеребцова: *Дѣвушка , выходящая изъ купальни* , не заслуживаетъ критики , какъ по исполненію , такъ и потому , что г. Жеребцовъ простой дилеттантъ въ искусствѣ , а чего

не дѣлаютъ люди для своей забавы, ежели они имѣютъ возможность и средства забавляться? *Молящійся Ангелъ* академика Бѣлева удивляетъ своею посредственностію, ежели припомнимъ долговременныя упражненія г. Бѣлева, въ мастерской покойнаго И. П. Витали, гдѣ черезъ его руки прошли поочередно всѣ прекрасныя изваянія, которыми такъ изобильно украшенъ Исаіевскій соборъ. Группа художника Михайлова: *Икаръ и Дедалъ* довольно удовлетворительна: въ ней видно изученіе природы довольно строгое, въ особенности въ фигурѣ сидящаго Дедала, но искусство дѣло не легкое, особенно когда оно достается болѣе трудомъ, нежели истиннымъ талантомъ. Какъ часто бываетъ, что отсутствіе недостатковъ такъ—сказать сопутствуется отсутствіемъ отличительныхъ достоинствъ, и наоборотъ, чѣмъ замѣтнѣе выступаютъ послѣднія, тѣмъ рѣзче становятся первые! Небольшая фигура г. Севрюгина, ученика академика Рамазанова, наивна по своей идее: мальчикъ, держащій на колѣняхъ тарелку съ ягодами, задремалъ; на приманку прилетѣли двѣ птички, и одна уже клюетъ у него ягоды. Отъ г. Севрюгина, который еще ученикъ, нельзя многого требовать въ настоящемъ произведеніи; жаль, что въ фигурѣ мальчика, хотя и видна натура, но натура не изящная. Переходъ нашъ отъ скульптуры къ произведеніямъ другихъ искусствъ былъ бы почти можно сказать безотраденъ, ежелибъ иностранный художникъ г. Лазарини прекрасно исполненною мраморною копіею не далъ намъ возможности наслаждаться очаровательнымъ произведеніемъ знаменитаго берлинскаго скульптора Рауха: *Сидящую Славю*.

Часть круглага зала и первая античная галлерей, заняты архитектурными проектами на заданныя академіею программы. Въ числѣ ихъ находятся пятнадцать проектовъ дома губернскаго дворянскаго собранія, одинъ проектъ почтамта въ столицѣ, и семь проектовъ театра съ театральнымъ училищемъ. Мы позволимъ себѣ по поводу этихъ проектовъ, сказать два слова объ отношеніи архитектуры къ обществу, на служеніе и пользу которому она обречена.

Ежели живописныя произведенія возбуждаютъ всеобщій интересъ и участіе, къ архитектурнымъ программамъ нельзя не замѣтить холодности и равнодушія. Какъ—то не охотно этому вѣришь, тѣмъ болѣе, когда въ обществѣ безпрестанно встрѣчаешь людей, принимающихся за циркуль и линейку, почти безъ всякихъ предварительныхъ познаній, исключительно по той причинѣ, что между спеціалистами этого искусства они рѣдко встрѣчаютъ сочувствіе, для осуществленія своихъ требованій.

Несомнѣнно, что архитектура болѣе, нежели другое искусство, подчиняется вкусамъ и требованіямъ времени. Достаточно указать на направленіе архитектурное въ XV и даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія: оно было одинаково съ направленіемъ другихъ искусствъ, поэзій и вообще всей литературы. Припомнимъ, что даже почти въ наше

время, когда Шинкель воздвигалъ въ Берлинѣ свои греческіе портики, на сценѣ давали трагедіи Софокла и даже устраивали для того театръ по образцу древне-греческаго; что изученіе классической древности вообще стало теперь живѣе, не считаю нужнымъ говорить. Направленіе къ восточному, собственно византійскому стилю отозвалось одновременно и у насъ въ Россіи и во всей западной Европѣ. Даже въ частностяхъ архитектурныхъ нельзя не замѣтить измѣненій вкуса времени, весьма разительныхъ, какъ напримѣръ переходъ отъ совершеннаго изгнанія красокъ изъ архитектуры къ самой полной полихроміи. Подобные переходы соотвѣтствуютъ отчасти научнымъ открытіямъ: такъ разрѣшеніе вопроса о раскраскѣ древне-греческихъ зданій много содѣйствовало къ водворенію полихроміи въ современной архитектурѣ. Новѣйшія изслѣдованія доказали, что внутренность средне-вѣковыхъ церквей подвергалась окраскѣ, и мы видимъ, какъ опыты полихроміи безпрестанно повторяются надъ средне-вѣковыми и надъ новыми памятниками того же стила. Но, утверждая зависимость архитектуры отъ господствующаго вкуса и понятій времени, не можемъ не высказать и втораго нашего положенія: чѣмъ болѣе архитектура будетъ предоставлена самой себѣ, тѣмъ болѣе она будетъ освобождена отъ вліянія такъ-называемой школы или лицъ, искусству чуждыхъ и стремящихся подчинить его своему направленію.

Однообразіе архитектурныхъ проектовъ нынѣшней выставки довольно привело насъ къ потребности высказать предыдущія мысли. Мало сказать, что всѣ безъ исключенія проекты во вкусѣ итальянской архитектуры: должно прибавить еще, что болѣшая часть изъ нихъ во вкусѣ архитектуры собственно Палладія, и эта отличительная особенность подражаній одному изъ ряда итальянскихъ архитекторовъ времени возрожденія искусствъ, доходитъ до того, что одни и тѣ же палладіевскія окна, состоящія изъ архивольта, опирающагося на антаблементъ, который поддерживается или полуколонками, или стоящими свободно отъ стѣны колонками, что эти окна повторяются въ семи проектахъ зданія дворянскаго собранія, изъ числа одиннадцати, за которые дано званіе академиковъ, и во всѣхъ пяти проектахъ театра безъ исключенія.

Но, оставя въ покоѣ частности, обратимся къ болѣе общему. Одно изъ первыхъ условій красоты въ архитектурѣ составляетъ общая форма зданія. Въ выставленныхъ проектахъ дома собранія общая форма удалась довольно многимъ; для примѣра укажемъ на проекты гг. Гаккеля, Феррацини, Геккера, Кюи и Мюллера. Проекты театра были въ этомъ отношеніи менѣе счастливы, за исключеніемъ проекта г. Рахау, который во всѣхъ отношеніяхъ слѣдуетъ признать лучшимъ на выставкѣ, и частію проектовъ гг. Макарова и Кенеля. Ничто не даетъ такого понятія объ общей формѣ зданія, какъ перспективный его рисунокъ; по мнѣнію нашему, перспективный рисунокъ долженъ быть

неизбѣжною принадлежностію каждаго проекта. Къ сожалѣнію, мы находимъ одинъ перспективный рисунокъ дома собранія, именно при проектѣ Гана, и два перспективныхъ вида театра, при проектахъ гг. Кольмана и Болотова. Входить въ подробности достоинствъ и недостатковъ каждаго было бы слишкомъ утомительно, и потому ограничимся общими замѣчаніями. Одно изъ отличительныхъ достоинствъ названныхъ нами проектовъ есть тщательная обработка плана зданія, при которой принята была въ строгій расчетъ общая форма фасада. Въ отношеніи внутренности зданій должно замѣтить, что онѣ вообще менѣе удачны, хотя по счастливому расположенію плановъ и размѣрамъ фасадовъ были для нихъ всѣ желаемыя данныя. Объяснить это весьма легко. Всѣ знаютъ, какъ принято представлять разрѣзы зданій. Дѣлаемые въ одномъ очеркѣ, иногда слегка прокладываемые не красками, а правильнѣе сказать, одною идеею краски, безо всякаго опредѣленнаго обозначенія выступающихъ и удаляющихся частей тѣнями, они весьма мало удостоиваются вниманія художника; которое бываетъ обращено преимущественно на фасадъ, какъ на ту сторону проекта, которая наиболѣе бросается въ глаза. При этомъ должно замѣтить, что отдѣлка внутренности есть искусство, не столько достающееся изученіемъ, сколько личнымъ вкусомъ художника. Излишняя архитектурная отдѣлка, такъ скрашивающая рисунокъ, не всегда бываетъ хороша въ дѣйствительности, въ особенности при умѣренныхъ размѣрахъ комнатъ. Во внутренней отдѣлкѣ, болѣе чѣмъ въ чемъ другомъ, проявляется то, чего нельзя въ архитектурѣ достигнуть изученіемъ: — это дѣло вкуса и личнаго дарованія. Есть еще одно условіе красоты въ архитектурѣ, почти никогда недостигаемое современными художниками; можетъ-быть, поэтому объ немъ мало и заботятся, какъ объ неуловимомъ условіи прекраснаго: это — сообщить зданію характеръ, типичность, физиономію, такъ-сказать. Недостатокъ этотъ происходитъ отъ того, что мы, не чувствуя красоты массъ въ архитектурѣ, заботимся исключительно, какъ бы облегчить эти массы различными подраздѣленіями, а эти подраздѣленія всегда почти доводимъ до излишества, не принимая въ расчетъ, на сколько они отнимаютъ характерности у цѣлаго.

Дѣлая отъ архитектуры послѣдовательный переходъ къ произведеніямъ живописи, должно, безъ сомнѣнія, начать съ перспективъ внутреннихъ, какъ изображеній чисто-архитектурныхъ. И въ этомъ случаѣ просмотримъ прежде акварели, какъ способъ живописи, ближайшій къ архитектурѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе совершенный, чѣмъ масляная живопись. Число акварелей на выставкѣ весьма ограничено; мы не затруднимся перечислить ихъ всѣ. Три акварельныя перспективы академика Премацци представляютъ мюнцъ-кабинетъ и залу новѣйшей скульптуры въ Императорскомъ Эрмитажѣ и внут-

ренность столовой дома княгини Салтыковой на Каменномъ Островѣ. Лучшія изъ этихъ перспективъ — это эрмитажныя залы, въ особенностях залы новѣйшей скульптуры, гдѣ полировка стѣнъ искусственного зеленого мрамора передана весьма удачно, а изображенія скульптурныхъ произведеній отличаются весьма твердымъ рисункомъ. Единственное замѣчаніе, которое мы дозволимъ себѣ сдѣлать, относится больше къ самому способу работы, въ которомъ мы бы желали найти болѣе свободы въ прокладкѣ и по возможности менѣе штриховъ, которыми забраны нѣкоторыя мѣста въ тѣняхъ.

Акварель академика Гау, представляющая внутренность залы русской школы живописи, также не лишена достоинствъ. Изобразить ту стѣну, на которой рядомъ висятъ: «Послѣдній день Помпеи», «Мѣдный змій» и «Моленіе о чашѣ», задача не легкая, и потому не мудрено, что въ перспективѣ г. Гау встрѣчается однотонность, не соответствующая картинамъ, на столько различнымъ по колориту, какъ эти двѣ картины Брюллова и Бруни.

Изъ перспективъ, исполненныхъ масляными красками, обращаетъ на себя исключительное вниманіе перспектива г. художника Тукукина, изображающая внутренность вновь отдѣланнаго павильона въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Г. Тукукинъ признанъ за эту работу академикомъ.

Свѣтъ, почти въ равной степени и обиліи разливающейся на всѣ части внутренности, есть, кажется, одно изъ самыхъ невыгодныхъ условій для перспективной картины; прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ освѣщенія, изображая мѣсто, существующее въ дѣйствительности, не всегда позволительно, особенно когда вы видите съ двухъ противоположныхъ сторонъ окна. Яркій солнечный лучъ, который лучше всякаго добраго совѣта могъ бы навести на мысль освѣщенія болѣе счастливаго, бываетъ почти неуловимъ подъ петербургскимъ небомъ. Должно сознаться, что г. Тукукинъ вышелъ весьма удачно изъ затруднительнаго своего положенія. Мозаичный полъ и позолота архитектурныхъ орнаментовъ и украшеній не оставляютъ ничего болѣе желать.

Отъ перспективы внутренностей перейдемъ къ наружнымъ перспективамъ, которыя, изображая преимущественно городскіе виды, составляютъ для послѣдовательности нашего описанія переходную ступень къ пейзажной живописи.

Изъ акварелей въ этомъ родѣ всего только двѣ. Видъ ратуши въ Гамбургѣ, академика Бонштета, проектированной имъ самимъ, обращаетъ на себя вниманіе не столько мастерствомъ работы, которая впрочемъ не безъ достоинствъ, сколько характерностію самаго проекта, получившаго призъ на конкурсѣ. Другой видъ въ этомъ родѣ, тоже академика Бонштета, представляетъ часть портика Казанскаго собора, и Невскій проспектъ.

Изъ городскихъ видовъ, сдѣланныхъ масляными красками, мы упомянемъ о римскомъ видѣ г. Иванова (Piazza del popolo). Точку зрѣнія для этого вида г. Ивановъ, пашъ римскій знакомецъ (1), выбралъ на одномъ изъ спусковъ очаровательно обдѣланной горы Пинчіо. На Пинчіо, какъ видно, въ этотъ день гулянье; г. Ивановъ, пейзажистъ и жанристъ вмѣстѣ, воспользовался разнообразіемъ пестрой толпы гуляющихъ. Площадь наполнена также народомъ. Римское солнце яркимъ цвѣтомъ окрасило стояція на площади зданія и вершину обелиска. Для цѣнителей искусства, воспитавшихъ свой глазъ подъ суровымъ небомъ города, такъ рѣзко характеризованнаго стихомъ Пушкина:

Цвѣтъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ, и гранить, —

такое римское освѣщеніе колетъ глазъ, хотя оно поразительно-вѣрно. Можно сдѣлать одно только замѣчаніе: красноватый цвѣтъ, приданный солнечному освѣщенію, бываетъ и въ Римѣ только передъ захожденіемъ солнца и рано утромъ; между тѣмъ по тѣнямъ и ихъ направленію можно заключить, что солнце близко къ полудню; это подтверждаетъ и толпа гуляющихъ. Дальній планъ имѣетъ въ себѣ много правды и вполне удовлетворителенъ по исполненію. Чтò наиболѣе вредитъ достоинству картины, это нѣкоторая пестрота перваго плана и неискусно сработанная зелень деревьевъ, находящихся у подошвы горы Пинчіо.

Переходимъ къ пейзажамъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, и начинаемъ также съ акварелей. Въ пейзажахъ этотъ родъ, къ сожалѣнію, еще бѣднѣе производителями, чѣмъ въ перспективахъ; а кто не согласится съ нами, что акварельный пейзажъ есть родъ живописи чрезвычайно пріятный, при тѣхъ совершенствахъ, которыхъ онъ достигъ собственно въ наше время? Четыре акварельные вида академика Бегрова мы признаемъ за лучшее преидти молчаніемъ; намъ остается говорить только о двухъ видахъ ученика исправляющаго должность профессора Воробьева — г. Рѣдковскаго, удостоеннаго второй золотой медали. Вообще вниманіе, которое обратили на себя эти двѣ акварели, заставляетъ подвергнуть ихъ болѣе отчетливому разбору. Механизмъ руки, пріобрѣтенный г. Рѣдковскимъ въ работкѣ деревьевъ и зелени, при чемъ обнаруживается и вѣрное пониманіе формы и рисунка деревьевъ, составляетъ, по мнѣнію нашему, едва ли не главное достоинство его работы. Способъ исполненія, усвоенный г. Рѣдковскимъ, хотя и вѣрно передаетъ планы, сохраняя притомъ свѣжесть, это необходимое условіе акварели, и даже сочность кисти, тѣмъ не менѣе однакожъ слишкомъ однообразенъ и навѣрное не можетъ быть примѣненъ ко всѣмъ случаямъ освѣщенія, встрѣчающимся въ природѣ. По весьма слабой подготовкѣ или под-

(1) -Русскій Вѣстникъ • 1856 г. №№ 10 и 14.

кришкѣ основнымъ колеромъ, всѣ деревья рисованы отдѣльными тычками весьма сочной кисти прямо въ надлежащій тонъ, съ самыми мелочными подраздѣленіями, какъ на ближнихъ, такъ и на дальнихъ планахъ. Вся зелень деревьевъ при этомъ однотонна; въ ней нѣтъ переливовъ, видимыхъ въ природѣ. Этотъ способъ исполненія возможенъ только при такомъ освѣщеніи, какое избралъ художникъ въ своихъ пейзажахъ: солнечный лучъ у него едва просвѣчиваетъ, а вся зелень въ тѣни и выходитъ почти силуэтомъ на свѣтломъ фонѣ. Спѣшимъ однако сказать, что г. Рѣдковскій все-таки дарованіе весьма замѣчательное, и еслибы онъ, при тѣхъ средствахъ, которыми уже обладаетъ въ рисунокѣ деревьевъ, могъ усвоить себѣ истинную манеру для акварельныхъ пейзажей, которую, конечно, всѣ безспорно признають въ работахъ Корроди, мы были бы готовы предсказать его таланту счастливую будущность.

На сколько бѣдна выставка пейзажами акварельными, на столько же изобильна пейзажами масляной живописи; число ихъ доходитъ до пятидесяти пяти картинъ.

Однимъ изъ самыхъ отрадныхъ явленій на нынѣшней выставкѣ представляются пейзажи пансіонера академіи Эрасси, ученика знаменитаго Калама. Присланные имъ на выставку пейзажи состоятъ въ семи швейцарскихъ видахъ. Работы г. Эрасси, въ настоящій періодъ развитія его таланта, такого свойства, что не совсѣмъ опытный глазъ можетъ не обратить на нихъ особаго вниманія. Мы сами имѣли случай наблюдать это равнодушіе публики, посѣщавшей выставку, и толпившейся въ то же время передъ незначительными портретами, въ которыхъ на выставкѣ нѣтъ недостатка. Но, всматриваясь въ нихъ внимательнѣе, съ каждымъ новымъ посѣщеніемъ выставки, вы наслаждаетесь ими болѣе и болѣе, тогда какъ съ перваго раза нѣкоторая рѣзкость пятенъ, происходящая вѣроятно отъ несовершенно еще усвоеннаго механизма выполненія, нѣсколько тревожитъ глазъ. Это увлекательное свойство картинъ мы готовы объяснить идеальнымъ развитіемъ въ художникѣ ощущеній прекраснаго въ изучаемой имъ природѣ: онъ видитъ и чувствуетъ болѣе, чѣмъ передаетъ кистью. И это вѣрный уже залогъ для будущаго. Одно изъ отличительныхъ достоинствъ пейзажей г. Эрасси составляетъ свѣтъ, разлитый въ картинѣ на столько, на сколько его находится въ природѣ; обыкновенные живописцы не въ состояніи бываютъ намъ передать его, не затемняя умышленно нѣкоторыхъ частей, чтобы вытравывали свѣтлыя точки, и приносятъ такимъ образомъ правду въ жертву эффектамъ. Съ этой стороны, въ дарованіи г. Эрасси мы находимъ нѣкоторое сходство съ извѣстнымъ мюнхенскимъ пейзажистомъ Ротманомъ, нынѣ уже умершимъ. Для картинъ Ротмана устроена въ новой мюнхенской пинакотекѣ отдѣльный залъ съ освѣщеніемъ особаго рода, помогающимъ сосредоточиваться на поверхности

ихъ дневному свѣту, такъ счастливо выраженному въ самыхъ пейзажахъ. По исполненію деревьевъ, г. Эрасси уже въ настоящее время стоитъ выше Ротмана.

Отъ пейзажей г. Эрасси мы должны перейти къ двумъ пейзажамъ г. Богомолова, удвоеннаго первой золотой медали. Одинъ представляетъ видъ въ окрестностяхъ Сердоболя, другой—на островѣ Коневцѣ. Вліяніе манеры Калама замѣтно въ сильнѣйшей степени; но въ этомъ мы не видимъ еще недостатка: не только самую природу, но и великихъ художниковъ, живописавшихъ ее, всякій можетъ понимать по своему, и они-то, ставя грядущее поколѣніе на ту ступень, которой сами достигли, подвигаютъ впередъ искусство. Первый изъ пейзажей г. Богомолова—съ деревьями, которыя гнетъ порывистый вѣтеръ, — при нѣкоторыхъ достоинствахъ въ освѣщеніи, не чуждъ эффектовъ не совсѣмъ правдивыхъ; зато второй изъ нихъ заключаетъ много прелести въ рисунокѣ деревьевъ, сосенъ и елей; туманная влага удачно разлита между деревьями; это—предвѣстіе ясной погоды послѣ продолжительныхъ дождей: какое пріятное впечатлѣніе производитъ дымокъ отъ костра, въ этомъ воздухѣ, насыщенномъ парами!

Направленіе г. Резанова отчасти въ томъ же родѣ. Въ выставленныхъ имъ двухъ малороссійскихъ видахъ и одномъ, взятомъ также на островѣ Коневцѣ, видно много мягкости въ выполненіи, но въ краскахъ менѣе жизни и увѣренности.

Пейзажъ барона Кюдта I-го, *Видъ на островъ Валаамъ*, какъ эту дѣль съ природы, вѣрно и удачно передавшій нѣсколько почти обнаженныхъ древесныхъ стволовъ на первомъ планѣ и камни поросшіе мохомъ, заключаетъ въ себѣ, кромѣ дальняго плана, много прекраснаго.

Мы могли бы указать на пейзажъ художника Каменева: *Видъ на островъ Голодавъ* (въ С. Петербургѣ), написанный не безъ достоинствъ, но насъ смущаетъ плоская и болотистая мѣстность и неблагодарнѣйшее для пейзажиста дерево ветлы, которыми наполнена картина г. Каменева. Мы предпочтемъ перейти къ панорамическому виду Москвы съ Воробьевыхъ горъ работы художника Аммона. Это сюжетъ достойный кисти, сюжетъ увлекательный, которому нельзя не сочувствовать. Панорама Москвы съ Воробьевыхъ горъ равно дѣйствуетъ и на Москвича, и на просвѣщеннаго Европейца. Въдъ говорятъ же Итальянцы; «Vede Napoli e poi mori», а намъ самимъ случилось слышать отъ извѣстнаго всему художественному міру баварскаго архитектора Кленце, что съ видомъ Москвы съ Воробьевыхъ горъ онъ можетъ сравнить только панораму Константинополя. Тонка, выбранная г. Аммономъ, весьма удачна: у него есть первый планъ, и довольно пріятный. Ежели въ колоритѣ мало жизни, такъ не обвинять ли въ этомъ нашу сѣверную природу, которая никакъ же

не выдержать сравненія съ римскимъ знойнымъ колоритомъ? а картина г. Аммона, какъ нарочно, поставлена надъ упомянутымъ выше римскимъ видомъ г. Иванова. Надо же было этому случиться! Разлучите эти картины, и каждая изъ нихъ выиграла бы, безъ сомнѣнія, въ своемъ колоритѣ.

Намъ слѣдовало бы еще говорить о трехъ пейзажахъ пенсионера Давыдова, нынѣ уже умершаго; но мнѣніе наше о лучшемъ изъ этихъ пейзажей: *Видъ озера Немн*, было уже высказано въ письмѣ изъ Рима о мастерскихъ русскихъ художниковъ (1). Можемъ только замѣтить, что въ тотъ разъ мы видѣли ее при освѣщеніи выгоднѣйшемъ, нежели какъ она стоитъ теперь, а каждому изъ художниковъ извѣстно на сколько картины теряютъ и выигрываютъ отъ освѣщенія. Теперь пейзажъ г. Давыдова, написанный весь свѣтлыми тонами, стоитъ подъ массою свѣта у самаго окна. Другіе два пейзажа изъ окрестностей Альбано.

Прежде чѣмъ перейти къ портретамъ нужно упомянуть о трудѣ московскаго художника, г. Васильева, большой картинѣ, изображающей цвѣты и плоды. Она исполнена съ замѣчательнымъ достоинствомъ, кромѣ зелени экзотическихъ растений, употребленныхъ тутъ въ видѣ обстановки.

Въ живописи портретной начнемъ, по нашему обычаю, тоже съ акварелей. Число ихъ не велико; первенство, и притомъ рѣшительное первенство, съ которымъ не выдерживаютъ никакого сравненія работы другихъ художниковъ, принадлежитъ г. Стрѣлковскому, получившему за свои работы званіе академика. Мы находимъ на выставкѣ четыре его этюда съ натуры и два портрета, и не знаемъ, которой изъ этихъ работъ отдать преимущество. Въ одной изъ нихъ видимъ эту же весьма красивой дѣвушки въ русскомъ костюмѣ, по ошибкѣ названномъ въ печатномъ «Указателѣ» *финляндскимъ*; она гадаетъ на цѣткѣ, обрывая его лепестки: «любить, не любить, любить». Рельефность и оконченность головки доведены въ этомъ этюдѣ до совершенства. Другой этюдъ представляетъ Мордовку, въ національномъ костюмѣ, во время уборки сѣна. Нельзя и тутъ не любоваться типичнымъ и вмѣстѣ свѣжимъ личикомъ, равно какъ и живописнымъ костюмомъ, который переданъ съ большимъ вкусомъ и ловкостію. Далѣе, этюдъ старухи и этюдъ старика. Послѣдній мы даже готовы принять за лучшее произведеніе художника, по чрезвычайно правдивому и вмѣстѣ эффектному освѣщенію. Посмотрите, какъ играетъ лучъ свѣта по этому лоснящемуся челу старца, какъ пріятно разлитъ этотъ свѣтъ по сѣдой серебристой бородѣ, какими пріятными и вѣрными тонами писана вся тѣневая сторона лица, слегка освѣщенная рефлексомъ. Остаются еще миниатюрный портретъ г-жи Ризаръ на

(1) См. № 10-й «Русскаго Вѣстника» за 1856 годъ.

кости (въ «Указателѣ» названной г-жею Ивановой) и портретъ самого художника. Послѣдній ставятъ нѣкоторые выше этюда старика. Видимая легкость манеры г. Стрѣлковскаго и очевидное превосходство ея передъ всякою другою заставляютъ смолкнуть критику. Ежели дальнѣйшее совершенствованіе для г. Стрѣлковскаго, какъ акварелиста, возможно, то, конечно, не въ предѣлахъ Россіи. Не можемъ не пожелать, чтобы художникъ скорѣе воспользовался путешествіемъ за границу, туда, гдѣ этотъ родъ живописи сдѣлалъ нынѣ громадныя успѣхи.

Изъ живописи пастельной, лучшіе портреты безспорно принадлежатъ почетному вольному общнику академіи, Робильяру; но въ нихъ видна какая-то натянутость въ выраженіи лицъ и неестественный колоритъ, болѣе свойственный набѣленнымъ и нарумяненнымъ физиономіямъ минувшаго столѣтія, чѣмъ нашему времени.—Переходимъ къ живописи масляной. Портреты масляные составляютъ на выставкѣ самый изобильный родъ живописи. Не считая нѣсколькихъ этюдовъ головокъ, однихъ портретовъ насчитывается около шестидесяти полныхъ и въ томъ числѣ одинъ во весь ростъ. Кажется, этого количества достаточно, а еще жалуются, что дагерротипъ и фотографія лишаютъ портретныхъ художниковъ работы! И какихъ тутъ нѣтъ портретовъ, даже до портрета собаки! Но не думайте, чтобы пересмотръ ихъ былъ интересенъ; нѣтъ, онъ утомляетъ до нельзя, а между тѣмъ толпа тѣснится вокругъ нихъ. На той же академической выставкѣ, въ прежніе годы, мы встрѣчали по этой части много хорошаго. Должны ли мы остановиться на которомъ-нибудь изъ портретовъ, нынѣ выставленныхъ? У академика Тютрюмова, въ исполненіи платья, мѣховъ и тому подобнаго, встрѣчается много хорошаго; но вглядываясь въ исполненіе лицъ, вы придете въ совершенное разочарованіе. Портретъ, написанный художникомъ Каверинымъ и поставленный довольно невыгодно, такъ что онъ заслоненъ другою картиною, конечно, остался бы лучшимъ и добросовѣстнѣйшимъ по своему исполненію сравнительно съ прочими, еслибы, около десяти дней спустя по открытіи выставки, этотъ отдѣлъ ея не пополнился портретомъ работы художника Горавскаго, имя котораго столь памятно для насъ по работамъ его, бывшимъ на академической выставкѣ 1853 года. Хотя портретъ этотъ нельзя отнести къ лучшимъ произведеніямъ г. Горавскаго, можетъ-быть, въ слѣдствіе различныхъ особенностей, какия представляла художнику въ этомъ портретѣ самая натура, однако, увидавъ его работу, невольно отдыхаетъ взоръ, какъ будто стѣсненный дотолѣ какимъ-то архаизмомъ искусства, а теперь выбравшійся на поле искусства свободнаго.

За портретами должны слѣдовать такъ называемыя жанры (tableaux de genre). Этотъ родъ, къ которому наши художники, кажется, имѣ-

ють наиболѣе склонности, хотя на выставкѣ и не многочисленъ; но представляеть явленія весьма отрадныя, какъ по композиціи, такъ и по исполненію. Изъ акварелей въ этомъ родѣ, двѣ иностраннаго художника Фишера: *Rimлянка* и *Pifferari*, обѣ по широкой прекрасной манерѣ обращаютъ на себя заслуженное вниманіе публики.

Изъ работъ, выставленныхъ учениками академіи, есть весьма замѣчательныя. Такъ напримѣръ: *Демьянова Уха* г. Попова, ученика профессора Вилевальда, обратила на себя всеобщее вниманіе удивительнымъ мастерствомъ и оконченностію исполненія. Но композиція, къ сожалѣнію, не совсѣмъ удовлетворительна, вопервыхъ потому, что юморъ басни Крылова не чувствуется въ этой картинѣ: сосѣдь Демьянъ, низкорослый мужичокъ, съ самою наивною и добродушною физиономіею, а въ сосѣдь Фока виденъ рослый дѣтина въ синей чуйкѣ и красной рубахѣ, походящій болѣе на мѣщанина или купца, который сидитъ у раскрытаго окна и показываетъ, что угощеніе ему уже по горло. Несоблюденіе относительныхъ размѣровъ въ этихъ двухъ фигурахъ и столѣ, за которымъ сидитъ Фока, много вредитъ достоинству картины. То, чего именно не достаетъ здѣсь, удачнѣе выражено г. Волковымъ, ученикомъ ректора Бруни; положеніе сосѣда Фоки прямо напоминаетъ стихи Крылова: сосѣдь еще за столомъ, но готовъ уже,—

Схватя въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти до мой.

Мы можемъ упомянуть о работахъ другихъ учениковъ профессора Вилевальда. У г. Грузинскаго въ *Масляницѣ въ деревнѣ*, снѣжный пейзажъ съ солнечнымъ освѣщеніемъ переданъ весьма счастливо, и фигуры весьма типичны. Въ картинѣ г. Риццони: *Жидовская корчма*, исполненіе фигуръ живо напоминаетъ миниатюристовъ нидерландской школы.

Изъ работъ художниковъ, составившихъ себѣ уже извѣстность, первенство по исполненію и мысли мы должны отдать картинѣ г. академика Бутковскаго: *Вдова въ мастерской художника*. Вы видите въ мастерской живописца время возрожденія искусствъ вдову, сидящую передъ портретомъ своего мужа, съ нѣсколько наклоненною головою, съ физиономіею, на которой въ одно время отразилось столько мысли и чувства: при взглядѣ на портретъ всѣ воспоминанія прошедшаго, кажется, воскресаютъ передъ нею; она, по видимому, не обращаетъ вниманія на малютку сына, который съ удивленіемъ увидалъ портретъ отца и указываетъ на него матери. Въ отдаленіи стоитъ художникъ, спокойный наблюдатель этой сцены, глубоко почувствованной исполнителемъ картины.

Отъ этой высокой степени жанра перейдемъ къ болѣе легкому, а здѣсь, какъ на особенно замѣчательное произведеніе по ловко-

сти кисти и прекрасной манерѣ, укажемъ на картину иностраннаго художника г. Тенкате, изображающую сцену изъ среднихъ вѣковъ: рекрутство, или правильнѣе, вербовку. Манера Тенкате заключается въ колоритѣ, состоящемъ изъ весьма бойкихъ, но пріятныхъ пятенъ, приходящихъ въ общую гармонию, когда вы становитесь въ извѣстномъ разстояніи отъ картины, причѣмъ фигуры получаютъ необыкновенный рельефъ, и пестрота исчезаетъ. Какъ произведеніе особенно замѣчательное своимъ исполненіемъ по той пріятной оконченности, до которой доведена живопись, замѣчательна *Итальянка* академика Орлова, въ карнавальномъ костюмѣ, съ маскою въ рукѣ, готовящаяся отвѣчать съ балкона, на которомъ она находится, своимъ букетомъ на цвѣты, которые, какъ видно, были ей брошены. Объ этой картинѣ мы имѣли уже случай говорить однажды (1), и намъ пріятно было узвать, что произведеніе это получило себѣ достойную оцѣнку, которую мы ему какъ-будто и предсказывали: она приобрѣтена Государемъ Императоромъ. Другой нашъ художникъ, г. И. Соколовъ, выставилъ картину: *Цыгане въ Арменіи*, и за нее признана академикомъ. Картина эта представляетъ таборъ бродящихъ по горамъ цыганъ; они достигли балагана *духанщика*, торгующаго разнымъ съѣстнымъ продовольствіемъ, и вотъ вы видите, какъ они остановились съ тѣмъ, чтобы сдѣлать перевалъ, и ребятишки уже наступательно атакуютъ его лавку; испуганный торговецъ не знаетъ, какъ отдѣлаться отъ нежданныхъ гостей. Фигуры сгруппированы весьма удачно, а типы лицъ очевидно начерчены съ натуры. Все окружено живописнымъ пейзажемъ горъ Арменіи. Картина эта также приобрѣтена Государемъ Императоромъ.

Говоря о г. Соколовѣ, мы не можемъ умолчать еще о двухъ картинахъ, видѣнныхъ нами въ его мастерской. Одна изъ нихъ, представляющая ночную сцену малороссійскаго народнаго обычая, прыганія черезъ костры и завиванія вѣнковъ на праздникъ Купалы, къ сожалѣнію, не могла быть окончена къ выставкѣ. Картина эта есть произведеніе замѣчательное по прекрасному рисунку и живописной группировкѣ фигуръ, типы которыхъ представляются вѣрными снимками съ натуры. Другая небольшая картинка, недавно еще начатая, оставляетъ впечатлѣніе грустное. Вы видите слѣпца-нищаго, музыканта, съ бандурою въ рукѣ, путеводителемъ которому служить мальчикъ; они удаляются отъ жилья, и ночь, съ нависшею уже на небѣ тучею, скоро настигнетъ ихъ своимъ покровомъ. Вообще, въ композиціяхъ г. Соколова виденъ вкусъ и добросовѣстное обсужденіе предмета. Не менѣе замѣчательны въ своемъ родѣ картины, присланныя изъ-за границы академикомъ Реймерсомъ. Мы имѣли случай познакомиться съ Реймерсомъ въ Мюнхенѣ, въ концѣ 1851 года;

(1) См. -Русскій Вѣстникъ- 1850 года, № 14.

это было во время его перехода отъ скульптуры къ живописи, и вотъ, по прошествіи съ небольшимъ пяти лѣтъ, привелось намъ видѣть его произведенія, сюжеты которыхъ заимствованы имъ изъ мюнхенской жизни. Одна изъ картинъ, небольшого размѣра, представляетъ народную сцену въ предмѣстіи Мюнхена; разумеется, кружки съ пивомъ играютъ здѣсь первую роль; около нихъ являются и музыка для увеселенія, и картежная игра, и пріятная бесѣда. Другая изъ картинъ, изображающая придворную пивоварню (Hof-Brauerei), еще болѣе возбудила наше участіе. Здѣсь сцена еще разнообразнѣе; посреди наигрывающей музыки и дѣятельности пивоваровъ, которые возятъ и перекатываютъ бочки, происходятъ комическія сцены; вотъ напримѣръ жена находитъ упившагося мужа; споръ чуть-чуть не доходитъ до драки; нѣсколько самыхъ типичныхъ личностей пришли сюда, потому что пиво здѣсь продается дешевле полкрейцеромъ, и наконецъ мальчишки въ рубищѣ, тоже отвѣдавшіе универсальнаго напитка, и въ такой мѣрѣ, что уже таскаютъ за волюсы одинъ другаго. Третья картина подъ названіемъ: *Лотерейный билетъ выигралъ*, отличается мѣткостью, съ которою схвачены и переданы выраженія неистовой радости выигравшихъ супруговъ, въ противоположность флегматическому равнодушію чиновника платежной кассы. Въ исполненіи картинъ г. Реймерса есть много своего рода достоинствъ, хотя замѣтно нѣкоторое однообразіе въ колоритѣ фигуръ, а иногда и небрежность въ деревьяхъ и пейзажѣ. Тѣмъ не менѣе общій типъ ихъ весьма пріятенъ. Примѣръ, подобный г. Реймерсу, представляетъ и г. Лавецари, тоже нашъ римскій знакомецъ; это — архитекторъ, сдѣлавшійся жанристомъ. Имъ присланы три небольшія картины изъ римской жизни, которыя также не безъ достоинствъ.

Есть еще разрядъ картинъ, который не всякій теоретикъ-эстетикъ будетъ знать куда отнести. Какъ бы вы думали, что за предметъ у этого разряда картинъ? — Ъзда на тройкахъ, подъ часъ пожалуй и ъзда гусемъ, когда снѣжно и нѣтъ слѣда, — но преимущественно художники этого рода выѣзжаютъ на тройкахъ. Для этой живописи бывають даже профессора. Но не думайте, чтобы одна только живопись пустилась на тройчную ѡзду, съ нею соперничествуетъ въ этомъ случаѣ и скульптура. Мы и забыли упомянуть о гипсовой тройкѣ г. Бровскаго, но едва ли г. Бровскій на своей тройкѣ догонитъ двѣ тройки г. профессора Сверчкова, въ его крестьянской свадьбѣ: у лошадей г. Сверчкова какъ-то легче выворачиваются копыта, они какъ-то болѣе напоминають извѣстную пѣсню ямщика:

Не кнутомъ
Поведемъ и т. д.

Живопись батальная, слава Богу, не утомитъ насъ. Почти каждый изъ производителей представляетъ залогъ будущаго таланта.

Двѣ картины ученика профессора Вилевальда, г. Заурвеида: *Штурмъ редута Шварца и Казаки, стаскивающие французскаго часового въ лунную ночь*, обращаютъ на себя вниманіе, какъ группировкою и типичностію физономій, такъ и достоинствомъ освѣщенія. Не менѣе замѣчательна и картина художника Шукаева: *Малаховъ курганъ*. Академикъ Коцебу взялъ предметы своихъ картинъ изъ исторіи Суворовскихъ походовъ. Одна картина представляетъ переходъ черезъ Чортовъ мостъ; вы видите ожесточенный рукопашный бой на самомъ тѣсномъ пространствѣ, надъ пропастью. Другая, представляющая сраженіе при Нови, привлекаетъ вниманіе фигурою безсмертнаго полководца, одѣтаго въ бѣлый полотняный камзолъ, на своемъ бѣломъ конѣ, съ однимъ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ, и совершенно спокойнымъ выраженіемъ лица. Третья картина представляетъ сраженіе въ Мутенской долині. Въ постановкѣ у г. Коцебу, можетъ быть нѣтъ тѣхъ сильныхъ, поражающихъ мотивовъ, какіе встрѣчаемъ мы у другихъ живописцевъ этого рода, за то въ кисти необыкновенная мягкость и пріятность; манера живописи на первомъ планѣ болѣе всего подходитъ подъ манеру Грѣза. Всмотриваясь въ типы лицъ русскаго солдата, можно впрочемъ замѣтить, что картины были писаны внѣ Россіи.

Наконецъ достигли мы предѣловъ исторической живописи, которою и окончится наше странствіе по выставкѣ. Еще во второй античной галлерей васъ озадачиваютъ шесть огромныхъ картинъ, написанныхъ на полученіе золотыхъ медалей, по заданной программѣ: *Саула лжлется тѣнь Самуила*. Разсмотримъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ разставлены.

Въ картинѣ г. Ге, ученика профессора Басина, фигура царя Саула, пораженнаго видѣніемъ и упавшаго вслѣдствіе того на землю, вышла, можно сказать, удовлетворительнѣе чѣмъ у прочихъ; за то тѣнь Самуила представляется какимъ-то колоссомъ, облеченнымъ въ бѣлый саванъ, и тѣмъ не выгоднѣе, что этотъ саванъ драпируется на первомъ планѣ. Въ волшебницѣ видна цыганка въ позѣ нѣсколько театральной, принявшаяся, кажется, не за свое ремесло. Двѣ фигуры изъ свиты Саула ниже посредственности.

Въ картинѣ г. Васильева, ученика профессора Маркова, тѣнь Самуила удалась несравненно лучше, отчасти и фигура волшебницы; жаль только, что въ чертахъ послѣдней проглядываетъ старуха натурщица, какъ видно мало принимавшая участія въ дѣйствіи исторической картины. За то положеніе и вообще вся фигура Саула крѣпко неудачны.

Картина г. Солдаткина менѣе прочихъ выдерживаетъ критику, и потому мы не станемъ ее разбирать; за то въ картинѣ г. Келлера, ученика того же профессора Маркова, нельзя не видѣть много хорошаго, хотя онъ и не получилъ золотой медали. Сколько граціи въ позѣ

волшебницы и изящества въ ея драпировкѣ! Тѣнь, дѣйствительно, является чѣмъ-то безтѣлеснымъ, происходящимъ изъ міра видѣній. Положеніе Саула, побѣднѣвшаго отъ страха, не совсѣмъ удалось: руки вытянуты по одной прямой линіи въ разныя стороны.

Въ картинѣ г. Годуна, въ лицѣ Саула виденъ какой-то актеръ, ставшій на одно колѣно, трясущій головою и ломающій сжатые руки съ видомъ раскаянія. За то фигура волшебницы одна изъ удачвѣйшихъ. Тѣнь является въ серебряномъ свѣтѣ, сопровождаемая хоромъ духовъ, играющихъ на арфахъ, что также вышло довольно счастливо.

Остальная программа на эту тему—г. Мартынова. Лицо царя Саула, съ длинною бородой, не лишено величія. При паденіи своемъ, онъ принимаетъ положеніе вытянутое, вслѣдствіе чего ярко-красная драпировка его занимаетъ весь передній планъ картины. Тѣнь съ наклонною головою, какъ бы боится показать свое лицо, принимая умышленное положеніе, чтобы пугать его. Лицо волшебницы также все закрыто непроницаемымъ длиннымъ покрываломъ, повязаннымъ на голову; у ней едва виденъ носъ и часть подбородка.

Живопись всѣхъ этихъ программъ весьма сильная, колоритъ драпировокъ безпокойный, за исключеніемъ картины г. Келлера, гдѣ болѣе согласія въ тонахъ. Гг. Ге, Васильевъ, Годунъ и Мартыновъ удостоены первыхъ золотыхъ медалей.

Изъ двухъ программъ на тему: *Анаксагоръ и Периклъ*, лучшая г. Икова, ученика ректора Бруни, удостоенная второй золотой медали. Въ положеніи фигуръ этой картины видно спокойствіе и отсутствіе претензіи на эффектъ, чему впрочемъ, причиною отчасти и сюжетъ картины.

Программа г. Томашевскаго, ученика ректора Бруни: *Плутонъ возмущающій Прозерпину*, также имѣетъ свои достоинства. Если нападаютъ на рисунокъ и формы Прозерпины, походящей болѣе на красавицъ Рубенса, чѣмъ на античную богиню, за то и въ колоритѣ г. Томашевскій, какъ видно, изучалъ Рубенса серіозно; въ женскомъ тѣлѣ у него видна сквозность кожи и мягкость, что не многимъ дается. Въ лицѣ Плутона выражена какая-то неистовая страсть.

Мы осмотрѣли труды будущихъ пенсіонеровъ академіи. Обратимъ теперь вниманіе на двѣ картины, присланныя изъ Рима пенсіонерами настоящаго времени. Мы встрѣчаемъ уже описанную нами въ письмѣ изъ Рима (1) картину г. Венига: *Отъѣздъ Тови*, которую мы нашли здѣсь болѣе оконченною, чѣмъ видѣли въ Римѣ. Не довѣряя своему прежнему о ней сужденію, мы старались прислушиваться ко мнѣнію знатоковъ, и вотъ что они въ ней находятъ. Однообразіе и плоскость во всѣхъ драпировкахъ, такъ называемый пуризмъ, одинъ и тотъ же типъ лица въ четырехъ фигурахъ, не лишены въ про-

(1) См. - Русскій Вѣстникъ, № 14-й: Мастерскія русскіихъ художниковъ.

чемъ мнѣ видности, но высканный контуръ въ этихъ лицахъ и отсутствіе всякой лѣтнн съ натуры. Одному знатому въ особенности понравилась фигура мальчика, держащаго верблюда. Но и въ достоинствѣ этой фигуры мы не могли дать себѣ яснаго отчета. Видно, что художникъ находится подъ исключительнымъ вліяніемъ Рафаэля, но приближается къ нему не съ надежащей стороны.

Ежели предсказаніе наше относительно картины г. Венига оправдалось, то и предчувствіе относительно картины г. Бронникова: *Умиращій гладиаторъ*, насъ къ сожалѣнію не обмануло. Тяжело для картины г. Бронникова послужило стихотвореніе Байрона, гдѣ умирающій на аренѣ для потѣхи римской черни Скивъ видитъ передъ собою, въ предсмертныхъ страданіяхъ, родимый кровъ и семью. Поэта навело на эту мысль мнѣніе нѣкоторыхъ археологовъ, находившихъ въ извѣстной античной статуѣ изображеніе умирающаго Скива. Г. Бронниковъ повелъ дѣло далѣе: онъ изобразилъ намъ въ видѣніи русскій крестьянскій бытъ, ни чѣмъ не разнящійся отъ нашего времени, не исключая и избы. Это бы еще ничего; но что лишаетъ картину всякаго достоинства, это—отсутствіе благородства въ главной фигурѣ. Стараясь-выражаться какъ можно умѣреннѣе, нельзя не видѣть въ ней простаго обнаженнаго натурщика, которому придана физиономія русскаго солдата съ закинутаю назадъ головою и закатившимися зрачками. Что г. Бронниковъ изучалъ извѣстный антикъ, это можетъ засвидѣтельствовать развѣ лишь веревка, надѣтая на шею гладиатора. Нельзя высказать, до какой степени неприятное впечатлѣніе производитъ картина.

Мы встрѣчаемъ имя еще одного изъ нашихъ римскихъ знаменцевъ, г. Ксенофонтова; имъ представлена копія съ картины Пальмы-Веккіо: *Св. Великомученица Варвара*. Копія эта заслуживаетъ полное одобреніе; въ ней вѣрно переданъ характеръ оригинала, при томъ въ типахъ сохранена прозрачность, что рѣдко удается въ копіяхъ съ картинъ старинныхъ мастеровъ.

Кромѣ исчисленныхъ нами произведеній учениковъ и пенсіонеровъ академіи, по живописи исторической остается всего только четыре картины. Одна изъ нихъ: *Принятіе христіанской религіи великимъ княземъ Владиміромъ*, выставлена не художникомъ, а вѣроятно любителемъ и потому не можетъ подлежать разбору. Но двѣ картины доставили художникамъ степень академиковъ. Посмотримъ, что это такое. Картина г. Плѣшкова изображаетъ іерея Сильвестра, являющагося къ Іоанну Грозному, послѣ пожара Москвы, съ укоромъ въ его грѣховной жизни; іерей приводитъ грознаго царя своими словами къ раскаянію. Вотъ тема, которую избралъ художникъ для своей картины. Въ положеніи, довольно спокойномъ, и съ лицомъ, почти ничего не выражающимъ, стоитъ высокая фигура іерея Сильвестра и показываетъ одною рукою Іоанну въ раскрытое окно, что

обозначаетъ упоминаніе о недавно бывшемъ пожарѣ Москвы; Іоаннъ находится въ состояніи смятенія, но на лицѣ его выказывается игнѣвъ. Передъ окномъ стоитъ нагой съ крестомъ. Такогоу ли представляется намъ личность Сильвестра изъ разказа Карамзина?

Въ картинѣ художника Церма какой-то краснолицый старикъ, передъ кучею золота, отворачивается отъ скелета, который смотритъ къ нему въ окно; все это написано плоско, одностонно, безъ всякой дѣпки и плановъ, и, какъ видно, даже безъ натуры. Нужно ли что еще прибавлять?

Итакъ мы передъ послѣднею историческою картиною, — передъ картиною Моллера. Гдѣ же промежуточные ступени, которыя бы могли избавить насъ отъ страшнаго скачка? Ихъ нѣтъ. Но чтобы разность эта между произведеніями, принадлежащими къ одному роду живописи, была не такъ ощутительна для публики, ихъ раздѣлили пространствомъ всѣхъ залъ выставки.

Описывать предметъ картины г. Моллера мы почитаемъ излишнимъ, полагая, что содержаніе ея давно уже всѣмъ извѣстно изъ прекрасной статьи г. Стасова, собственно ей посвященной (1), а рисунокъ ея весьма отчетливо передамъ въ снятой съ нея г. художникомъ Біанки фотографіи. Можно говорить лишь о прекрасныхъ выраженіяхъ ея дѣйствующихъ лицъ, и о самомъ колоритѣ картины. Мы рады признаться, что картина г. Моллера, стоящая въ самомъ послѣднемъ залѣ, имѣла на насъ пѣлѣбное, врачующее дѣйствіе: какъ рѣка забвенія, она каждый разъ изглаживала всѣ непріятныя впечатлѣнія, выносимыя нами изъ прочихъ залъ выставки. Вглядитесь въ лица двухъ сестеръ, слушающихъ ученіе апостола, въ лицо дѣвы, протягивающей къ нему руки, наконецъ въ лица учениковъ его, и этого довольно, чтобы ощутить въ душѣ миръ и спокойствіе. Молодые художники, привыкшіе у насъ смотрѣть на живопись тѣми глазами, какъ бриліантъчикъ смотритъ на алмазъ, узнавая его достоинство по водѣ и игрѣ, сильно нападаютъ на общій колоритъ картины г. Моллера, критикуя въ частности и освѣщеніе драпировокъ и отдѣлку волосъ. Нападенія эти, хотя и имѣютъ нѣкоторое основаніе, однако требуютъ большаго осмотрительности. Касательно общаго свѣтлаго колорита и цвѣта драпировокъ, нужно сказать въ объясненіе, что г. Моллеръ ставилъ модели для своей картины подъ открытымъ небомъ при полномъ дневномъ свѣтѣ. А каждый ли изъ гг. критиковъ наблюдалъ, какъ лица и драпировки освѣщаются на воздухѣ? Но этого мало: дѣйствіе происходитъ на островѣ Патмосѣ; а многіе ли изъ насъ имѣютъ хотя приблизительную идею объ островахъ Архипелага и о колоритѣ, который принимаютъ тамъ предметы? Для примѣра я укажу только на извѣстный островъ Капри близъ Неаполя, гдѣ прозрачность воздуха изумительна сравнительно даже съ Неаполемъ, и производитъ необы-

(1) См. Русскій Вѣстникъ, № 7, 1856.

чайныя явленія въ освѣщеніи предметовъ. Встрѣчаются дѣйствительно дарованія, которымъ не достался въ удѣлъ колоритъ, но можемъ ли мы сдѣлать такое предположеніе о г. Моллерѣ, когда онъ написалъ однажды такую картину, какъ извѣстный его *Поцѣлуй*, не оставляющую ничего желать по колориту? Мы не хотимъ вѣрить, чтобы такой просвѣщенный, глубокомысленный и разсчетливый художникъ не воспользовался на этотъ разъ своими средствами. Но главную дань удивленія мы приносимъ г. Моллеру, какъ замѣчательному композитору. Мы не уменьшаемъ важности колорита, но тѣмъ не менѣе однако же знаемъ, что его можно сравнить со слогомъ въ литературѣ и музыкальнымъ тушемъ, которые тогда только имѣютъ значеніе, когда у художника есть готовое содержаніе мысли...

Прощаясь съ выставкой, не можемъ не пожелать, чтобы на будущее время указатель ея былъ составляемъ пространнѣе, какъ это дѣлается почти вездѣ на бѣломъ свѣтѣ. Черезъ это можно лучше познакомить публику и съ содержаніемъ картины, и съ личностію самихъ художниковъ. При такомъ количествѣ экземпляровъ, въ какомъ распродается указатель, право къ тому есть средства.

А. Авдѣевъ.

Музыкальная Хроника.

15-го числа былъ самый блестящій концертъ этого сезона; *un concert-lion*. Мы говоримъ о второмъ концертѣ г. Серве, последнемъ передъ его отъѣздомъ изъ Москвы.

Знаменитый артистъ исполнилъ въ этотъ вечеръ симфонію своего сочиненія *en la mineur*, свою фантазію «*Maitre Corbeau*», *caprice quasi burlesque*, также своего сочиненія, не обѣшанную программой *Méditation sur le premier prélude de Bach*, соч. Гуно (Gounod), на віолончели, фортепьяно и гармоніумѣ, вмѣстѣ съ гг. Оноре и Перелли, и наконецъ «*Соловья*», пѣсню, сдѣлавшуюся народною мелодіей Москвитянъ. Мы не намѣрены утомлять читателей повтореніемъ похвалъ искусству г. Серве, скажемъ только, что симфонія и фантазія его принадлежатъ къ числу замѣчательныхъ сочиненій и вполне заслуживаютъ то восторженное одобреніе, которымъ почтила ихъ публика; «*Maitre Corbeau*» милая музыкальная шутка. «*Méditation*» Гуно — піеса серьезная, исполненная классическаго достоинства. О достоинствахъ инструмента *harmonium* мнѣнія чрезвычайно разнорѣчивы. Г-жа Клаусъ, знаменитая современная піанистка, первая ввела *har-*

попѣтъ въ употребленіе. Мы не рѣшаемся высказать нашего мнѣнія объ этомъ подручномъ оркестрѣ, не слыхавъ на немъ ни одного изъ славныхъ артистовъ.—Г. Перелли исполнилъ въ этотъ вечеръ, между прочимъ, варіаціи лѣвою рукой на мотивы оперы «Дочь полка», съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ.

Въ этомъ концертѣ капелла Салтыково-Голицынскихъ пѣвчихъ исполнила хоръ изъ Соннамбулы, о которомъ мы уже упоминали въ отчетѣ о концертѣ капеллы. Г. Серве, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Москву, по приглашенію князя Голицына, испытывалъ этотъ хоръ и съ удивленіемъ разказывалъ, кзкъ капелла, по его требованію, брала аккордъ въ назначенномъ на словахъ тонѣ, безъ камертона, безъ малѣйшаго указателя интонаціи. Г. Серве привыкъ слышать отличные хоры на *фестиваляхъ* своей музыкальной родины, но и эта привычка не мѣшала ему удивляться чрезвычайной согласности нашихъ пѣвческихъ хоровъ. Не мудрено... хоры аматоровъ спѣваются недѣли двѣ-три передъ концертомъ; наши пѣвчіе поютъ другъ съ другомъ отъ малолѣтства до самой смерти. Наши хоры — просто органы, въ которомъ каждая труба есть собственность властителя, и по его произволу можетъ быть выкинута, когда испортится, и замѣнена другою. Нашимъ пѣвчимъ не нужно ни призванія, ни музыкальнаго образованія: все это обратилось бы въ ущербъ хоровому исполненію. Здѣсь воля господина воплотилась въ тѣло и кости его крѣпостныхъ людей, и каждый изъ этихъ пѣвчихъ есть олицетворенное выраженіе и призванія и музыкальнаго образованія своего господина. Иностранцевъ поражаютъ въ подобныхъ хорахъ огромные размѣры нашей барской роскоши. Сто душъ, правильнѣе сто тягловъ, цѣлая деревня, всю жизнь поетъ пѣсни. Такая *fantaisie de luxe* не слыхана въ «чужихъ» краяхъ.

Концертъ въ пользу семейства г. Гурилева. Кто изъ жителей Москвы не знаетъ имени г. Гурилева, даровитаго компониста романсовъ и русскихъ пѣсенъ, который давно уже страдаетъ тяжкою, неизлѣчимою болѣзнію? Стѣсненное положеніе его семейства вызвало участіе. Небольшой кружокъ замѣчательныхъ музыкальныхъ артистовъ, по любви къ искусству, принадлежащихъ къ высшему кругу здѣшняго общества, придумалъ дать концертъ, назначая сборъ въ пользу семейства г. Гурилева. Концертъ этотъ данъ 26-го марта въ залѣ 1-й гимназіи.

Концертъ начался увертюрою изъ оперы Гарольда: «Цампа», исполненной на четырехъ роляхъ г-жею Е. А. Деляною, дѣвицами О. И. Темерязевой, В. А. Кошелевой, Н. И. Загряжской, П. А. Кошелевой, княжною Е. Н. Гагариной, С. А. Кошелевой и В. Д. Сабуровой. Чрезвычайно согласное и искусное исполненіе передало весьма эффектно это извѣстное сочиненіе. Гг. А. и М. Родзянко обратили на себя всеобщее вниманіе своею прекрасною игрою на фортепьяно; талантъ ихъ пользуется заслуженною славою въ кругу московскихъ артистовъ и дилеттантовъ; одинъ изъ нихъ извѣстенъ публикѣ нѣсколькими легкими сочиненіями; романсъ его: *Не насмотрѣлся бы на тебя*, по праву занимаетъ почетное мѣсто въ числѣ нашихъ *pièces*

de salon. Князь Туркестановъ исполнилъ на виолончели *un morceau de concert* на мотивы изъ «Нормы». Игра его отличается строгою чистотою и отчетливостію, и сильнымъ, но разборчивымъ выраженіемъ въ *adagio*. Г. Губеръ пропѣлъ романсъ изъ «Марты», который, несмотря на то, что мы его такъ часто слышали въ последнее время, показался вамъ новою, граціозною мелодіей. Дѣвица Мясоедова (дѣвятинадцати лѣтъ) исполнила небольшую піесу Ашера *Fanfare militaire*. Мы не станемъ сравнивать игру дѣвицы Мясоедовой съ игрою знаменитыхъ артистокъ, но сознаемся, что съ особеннымъ удовольствіемъ видѣли въ исполненіи легкой піесы этимъ даровитымъ ребенкомъ еще робкія, но уже внятныя попытки музыкальнаго разумія. Намъ остается сказать нѣсколько словъ о двухъ артисткахъ—любительницахъ, которыя преимущественно пользовались въ этотъ вечеръ восторженнымъ одобреніемъ публики. Одна изъ нихъ, дѣвица М. А. Львова, пропѣла баркароллу Шуберта и нѣсколько русскихъ романсовъ, въ томъ числѣ романсъ Гурилева «Сердце», который возбудилъ въ слушателяхъ неизвѣрный восторгъ. Публика просила пѣвицу повторить этотъ романсъ, равно какъ піесню Штуцмана «Ваня», которую Марья Александровна поетъ съ неподражаемымъ совершенствомъ. Голосъ ея (*mezzo-soprano* отъ верхняго *si* до контръ-альтоваго *fa*) замѣчательнъ чистотою звука (*timbre*) и удивительною гибкостью (*flexibilité*) въ модуляціяхъ. Изученіе итальянской музыки придало много страстности ея акцентуаціи, и должно сознаться, что рѣдко кто сумѣетъ такъ выразительно сказать патетическую фразу русскаго романса. Въ *sotto-voce* сдержанность и мягкость звука поразительно—прекрасны. Въ пассажахъ, гдѣ господствуетъ увлеченіе, *dans les morceaux d'entrain*, энергія и свобода вокализаціи обличаютъ искусную пѣвицу и много упражненія. Успѣхомъ вечера подѣлилась съ М. А. Львовой дѣвица Е. А. Кошелева, исполнившая на скрипкѣ концертъ г. Беріо. Вѣрность въ интонаціи, отчетливость и чистота въ самыхъ прихотливыхъ гаммахъ, пѣвучесть въ адажіо, слитность звука въ арпеджіо, мягкость и смѣлость штриха, вотъ отличительныя достоинства замѣчательнаго таланта Е. А. Кошелевой. Игра прекрасной артистки отзывается силою и энергіею мужской руки; за то въ граціозности ея позы, съ такимъ неграціознымъ инструментомъ у плеча, явно обнаруживается живой инстинктъ красоты, которымъ обладаютъ только женщины.

Аплодисментамъ не было конца; доброе дѣло доставило искреннее удовольствіе всѣмъ, которые въ немъ участвовали.

Концертъ М. С. Сабининой. — Мы не успѣли ничего сказать въ этомъ номерѣ нашего журнала о концертахъ, бывшихъ послѣ второго концерта г. Серве, но не хотимъ откладывать до слѣдующей книжки удовольствія поговорить о концертѣ нашей соотечественницы М. С. Сабининой, заключившемъ московскій музыкальный сезонъ.

Еще до концерта знали мы, изъ отзыва «Московскихъ Вѣдомостей», что М. С. Сабинина ученица Клары Шуманъ и Фр. Листа. Имена такихъ наставниковъ условливаютъ взглядъ критика на талантъ артиста; мы будемъ смотрѣть на искусство М. С. Сабининой, какъ на искусство первоклассной артистки, и ни слова не скажемъ о механизмѣ ея

игры, безъ котораго нечему учиться ни у г. Листа, ни у Клары Шуманъ. Выборъ пьесъ концерта благороденъ. Во «2-й *Rhapsodie hongroise*» Листа, въ «*Этюдъ*» Шопена, въ «*la Truite*» Геллера, средства артистки могутъ высказаться на столько, чтобы сдѣлать о нихъ вѣрное заключеніе, а большинство публики не будетъ утомлено глубокомыслиемъ и ученымъ сочетаніемъ звуковъ какого-нибудь длиннаго, серьезнаго классическаго сочиненія. Намъ остается сказать о направленіи таланта артистки, о ея пониманіи исполненныхъ пьесъ и объ искусствѣ ея отдѣлать мысли, или о ея музыкальной декламации. Начнемъ съ этюда Шопена; эта пьеса, по искусству исполненія, рѣзко выдѣлалась изъ прочихъ пьесъ концерта. Здѣсь, въ прекрасной игрѣ М. С. Сабининой сказались имена великихъ артистовъ, которымъ она обязана своимъ музыкальнымъ образованіемъ. Отдавая заслуженную похвалу игрѣ М. С. Сабининой въ прочихъ пьесахъ, мы позволимъ себѣ нѣсколько замѣчаній на тѣневую сторону ихъ исполненія: въ рапсодіи Листа артистка сыграла речитативъ вступленія октавами; въ нотахъ этого нѣтъ; всѣ извѣстные артисты, начиная съ г. Листа, играли этотъ речитативъ не октавами;—зачѣмъ же это отступленіе, измѣняющее характеръ пьесы? *Le mieux est souvent l'ennemi du bien...* Въ этой же рапсодіи М. С. Сабинина пропустила превосходное мѣсто, гдѣ мелодія передается лѣвой рукѣ. Упрекъ этотъ вызванъ у насъ убѣжденіемъ, что артистка прекрасно могла исполнить пропущенную часть пьесы. Въ романсѣ безъ словъ Мендельсона артистка также прибѣгала къ октавамъ тамъ, гдѣ ихъ въ сочиненіи не назначено. Сознаніе въ себѣ таланта не даетъ еще права на эти произвольныя измѣненія въ способѣ выраженія авторомъ своей мысли. Акомпаниментъ триолями въ этой же пьесѣ былъ слишкомъ громокъ и заглушалъ мелодію, несмотря на то, что нормальные ея звуки были усилены октавами. Мы сожалѣемъ, что въ прекрасный выборъ пьесъ для своего концерта М. С. Сабинина включила мазурку Шопена, извѣстную подъ названіемъ *первой*, и «Соловья» г. Листа. Не отнимая достоинствъ у этихъ пьесъ, мы думали, что онѣ слишкомъ прислушались публикѣ; кромѣ того Москва слышала ихъ въ исполненіи *rag les sommités musicales* на этомъ инструментѣ, и повтореніе ихъ дебютирующею артисткою можетъ причестся къ ея желанію состязаться съ колоссальными талантами Европы, къ излишней самонадѣянности, а намъ, по искреннему сочувствію къ дарованію М. С. Сабининой, было бы желательно, чтобы она ничѣмъ не подавала повода къ такому злонамѣренному предположенію. Мы сказали бы то же и о хроматическомъ галопѣ Листа, который артистка сыграла сверхъ пьесъ, общепринятыхъ программю, когда ее вызвали, въ концѣ концерта; но многіе изъ присутствующихъ, вѣроятно слышавшіе уже этотъ галопъ въ исполненіи дѣвицы Сабининой, требовали именно этой пьесы, и въ этомъ случаѣ мы можемъ только похвалить снисходительную уступчивость артистки передъ требованіями дилеттантовъ.

Н. П.—й.

У КНИГОПРОДАВЦА

Ө. О. СВЪШНИКОВА,

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И МО-
СКОВСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬНАГО О ТЮРЬМАХЪ КОМИТЕТА,

Въ Москвѣ: въ университетской книжной лавкѣ, на Страстномъ
бульварѣ, и въ книжномъ магазинѣ на Никольской улицѣ, близъ Ка-
азнскаго Собора, подъ № № 4 и 5,

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

О ПРАВОСЛАВНЫХЪ ЦЕРКОВНЫХЪ БРАТСТВАХЪ, противоборствовавшихъ униі въ юго-западной Россіи, въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ. Соч. священника, магистра Іоанна Флерова. Спб. 1857 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

ИСТОРИЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ ІЕРАРХІИ, содержащая въ себѣ сказаніе о Нижегородскихъ іерархахъ съ 1672 до 1850 года. Сочиненіе архимандрита Макарія. Спб. 1857 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ. Макарія, епископа Винницкаго. Три тома. Спб. 1857 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Учебныя руководства для военно-учебныхъ заведеній.

МИРЪ БОЖІЙ. Руководство по русскому языку для приготовительнаго класса. Составилъ на основаніи наставленія для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, Высочайше утвержденнаго 24-го декабря 1848 года, А. Разинъ. (282 рисунка въ текстѣ.) Спб. 1857 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

ИЗБРАННЫЯ СЛОВА И РЪЧИ высокопреосвященнѣйшаго **НИКАНОРА**, митрополита Новгородскаго, С. Петербургскаго, Эстляндскаго и Финляндскаго. Три тома. Съ портретомъ высокопреосвященнаго. Спб. 1857 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.; въ англійскомъ переплетѣ 7 р. 50 к., съ пер. 9 р.

ТРУДЫ ЧЛЕНОВЪ РОССІЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ въ Пекнѣ. Томъ III. Спб. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

КОСМОСЪ. Опытъ физическаго міроописанія Александра Фомы Гумбольдта. Часть третья, отд. второе. Переводъ съ нѣмецкаго Мат. Гусева. Издан. Ник. Фролова. М. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

БИБЛИОТЕКА РИМСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ въ Русскомъ переводѣ. Томъ I. Сочиненія Саллюстія и рѣчи Цицерона противъ Катилины. Перевелъ съ латинскаго А. Клевановъ. М. 1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ Н. В. ГОГОЛЯ. Сочиненіе А. Тарасенкова. Спб. 1857 г. Ц. 40 к., съ пер. 70 к.

СВѢРЪ и ЮГЪ (North and South). Романъ. Переводъ съ англійскаго. М. 1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

СВѢТЪ. Романъ въ стихахъ Н. Жандра. (Главы первая и вторая.) Спб. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

БАНЬЩИКИ (Les etuvistes) Поль-де-Кока. Романъ въ 3 частяхъ. Перев. съ франц. М. 1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ОБШИРНЫЙ МІРЪ. Сочиненіе Елисаветы Весерель. Перев. съ англійскаго. 2 т. М. 1857 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА для медицинскихъ чиновниковъ на 1857 годъ. По приказанію г. Министра внутреннихъ дѣлъ составлена Медицинскимъ Департаментомъ. Спб. 1856 г. Ц. 1 р. 50 к. и съ пер.

ОБЩІЯ ОСНОВАНІЯ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА. Составлены И. Владиславлевымъ Спб. 1857 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

СОБРАНІЕ УЗАКОНЕНІЙ, относящихся къ обязательствамъ по договорамъ съ казною и въ особенности къ казеннымъ подрядамъ и поставкамъ. Составилъ, по распоряженію морскаго вѣдомства, К. Яневичъ-Яневскій. Спб. 1856 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

КУРСЪ АКУШЕРСТВА для учащихся, составленный А. Матвѣевымъ, докторомъ медицины, ординарн. профессоромъ акушерства, жевскихъ и дѣтскихъ болѣзней и директоромъ акушерской клиники при Импер. университет. св. Владиміра. Два тома. Кіевъ. 1856 г. Ц. 6 р. 50 к., съ пер. 7 р. 50 к.

РУКОВОДСТВО къ приготовленію благовоннаго, канцелярскаго и бутылочнаго разныхъ цвѣтовъ сургуча, къ варенію столярнаго, т. е. для лакированія и полированія деревянныхъ и бумажныхъ вещей, инструментнаго для металловъ, гравировъ и другихъ родовъ лаковъ, и къ приготовленію прозрачной бумаги, извѣстной въ торговлѣ подъ названіемъ соломенной. Составлено инженеръ-технологомъ В. Писаревымъ. Спб. 1857 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ОДЫ КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА, въ четырехъ книгахъ. Переводъ съ латинскаго А. Фета. Спб. 1856 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ РОССІЙСКОЙ ЦЕРКВИ, также иверскихъ и славянскихъ. Мѣсяць Январь. Съ картинкою изображенія святыхъ. Спб. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Тожъ мѣсяцы Ноябрь и Декабрь, цѣна каждому тому 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ОБЩЕПОНЯТНАЯ ЖЕНСКАЯ ДОМАШНЯЯ ГИМНАСТИКА. Переводъ съ нѣмецкаго А. Гремина. Съ 27 рисунками въ текстѣ и листомъ нотъ. Спб. 1857 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

ЭСКИЗЫ. Стихотворенія Н. Кроля. 1855 — 1857. Спб. 1857 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ГОСУДАРИ И НАРОДЫ ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкахъ. Въ двухъ частяхъ. Леопольдъ Ранке. Перев. съ нѣмец. послѣдняго изданія В. Модестовъ. Спб. 1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

КРАТКІЙ УЧЕБНИКЪ Русскаго языка. Н. Минина. Спб. 1857 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

КНИГА ДЛЯ ТѢХЪ ДѢТЕЙ, которыя хотятъ что нибудь знать. Составилъ Всеволодъ Бѣловъ. Спб. 1856 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ДОЖИНКИ. Бѣлорусскій народный обычай. Сценическое представленіе въ 2-хъ дѣйствіяхъ, съ хорами, пѣснями, хороводами и плясками бѣлорусскими. Соч. П. М. Шпилевского. Спб. 1857 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

ИСКУСТВО МЫЛОВАРЕНІЯ въ полномъ его практическомъ объемѣ. Подробное и основательное руководство къ устройству мыловаренныхъ заводовъ, приготовленію всѣхъ родовъ мылъ, какъ-то: твердыхъ, мягкихъ, жидкихъ, бѣлыхъ, зеленыхъ, сѣрыхъ, желтыхъ, англійскихъ, терпентинныхъ, душистыхъ, туалетныхъ и проч. и проч. Книга объяснительная для мыловаровъ и вообще для всѣхъ хозяевъ; а равно и для тѣхъ, которые не обладаютъ свѣдѣніями изъ химіи и физики. Составлено Лейхсомъ, занимавшимся много лѣтъ устройствомъ мыловаренныхъ заводовъ въ Германіи и Россіи. Съ рисунками. М. 1857 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ТРИ ОТКРЫТІЯ въ естественной исторіи пчелы. К. Ф. Рулье. Москва. 1857 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.; для подписчиковъ «Русскаго Вѣстника» 50 к., съ пер. 70 к. с.

РАЗБОРЪ комедіи графа Соллогуба «Чиновникъ», Н. Ф. Павлова. Москва. 1857 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Гг. иногородные, желающіе выписывать книги въ переплетахъ, благоволятъ прилагать за обыкновенный корешокъ 15 к., сафьянный корешокъ 30 к., шагреневый 40 к., въ англійскій тисненный каменкоръ 50 к., за каждый томъ.

Адресъ: въ Москву Коммиссіонеру Ѳедору Осиповичу Свѣшникову.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ВЫБОРЪ НОВАГО ПРЕЗИДЕНТА СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ

(Окончаніе. См. № 6 Соврем. Лѣтопись)

Только послѣ мексиканской войны, доставившей территоріи Соединенныхъ Штатовъ новое приращеніе, почти равное половинѣ Европейской Россіи, и открывшей такимъ образомъ обширное поприще размноженію невольничьихъ штатовъ въ явный ущербъ независимости Сѣвера, вопросъ о невольничествѣ сталъ на первомъ планѣ въ сознательной дѣятельности политическихъ партій Союза. Прежде онъ скорѣе былъ дѣломъ личнаго убѣжденія и употреблялся въ видѣ вспомогательнаго средства для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей административной политики. До тридцатыхъ годовъ, то-есть до перваго президентства Джаксона, партіи вообще не могли играть той преобладающей роли, какой достигли онѣ въ послѣдствіи. Джаксонъ или, точнѣе, хитрый совѣтникъ и потомъ преемникъ его Фанъ-Бурентъ, впервые практически примѣнили то начало, что господствующей партіи, партіи, избравшей президента, должно принадлежать и все управленіе, что ея мнѣніемъ должны опредѣляться не только направленіе общей политики Союза, но и выборъ личнаго состава всей союзной администраціи. Прежде новый президентъ обыкновенно оставлялъ на мѣстѣ большую часть должностныхъ лицъ, назначенныхъ его предшественникомъ, а съ 1829 года вошло въ обычай смѣнять прежнюю администрацію людьми президентской партіи, по открыто-высказанному тогда правилу: «побѣдителю и вся добыча».

Сколь ни естественнымъ можетъ казаться на первый взглядъ такого рода пользованіе своею побѣдой, оно имѣло однакожъ очень вредныя послѣдствія, замѣнивъ довѣріе къ общему патриотизму гражданъ исключительнымъ предпочтеніемъ одной партіи, развѣвъ въ сѣвероамериканскомъ обществѣ духъ домогательства къ достиженію служебныхъ мѣстъ, часто неразлучный съ желаніемъ несправедливой наживы, и доставивъ лицу президента огромный патронатъ, несоответственный кореннымъ основамъ американскихъ учреждений. Это, сверхъ того, повлекло за собою другое нововведеніе, придавшее вліянію партій еще болѣе значительности, именно — перемѣну въ существовавшемъ до тѣхъ поръ порядкѣ избранія президента. Прежде,

по точному смыслу союзной конституціи, выборъ непосредственно совершался въ избирательной коллегіи, состоящей изъ лицъ, назначаемыхъ для того отъ разныхъ штатовъ по числу сенаторовъ и представителей каждаго изъ нихъ. Но съ половины тридцатыхъ годовъ (съ избранія Фанъ-Бурена) введена система такъ-называемыхъ конвентовъ, или предварительныхъ сборищъ, которыя сдѣлались потомъ такимъ могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ государственныхъ людей Юга.

Къ этому-то времени, — началу практически-строгаго разграниченія партій, — относится и первое появленіе партіи *аболиціонистовъ*, требовавшей *непосредственной* отміны невольничества. Сѣверные штаты давно уже принимали у себя мѣры къ окончательному освобожденію тѣхъ немногихъ негровъ, которые оставались еще въ кабалѣ; выкупъ невольниковъ въ англійскихъ колоніяхъ, по климату близкихъ къ южнымъ штатамъ, пораждалъ тогда горячіе толки и споры на всемъ пространствѣ Сѣверной Америки. Среди этого неопредѣленнаго еще волненія, въ требованіи аболиціонистовъ высказалось въ первый разъ, давно таившееся подъ пепломъ, общее нерасположеніе передовыхъ людей Сѣвера къ институту рабства, но высказалось такъ рѣзко и безоговорочно, что аболиціонизмъ, въ первоначальномъ своемъ видѣ, имѣлъ весьма мало успѣха даже и въ свободныхъ штатахъ. Дѣйствительно, онъ не могъ пріобрѣсти никакого значенія, какъ политическая партія, ставя себя въ явное противорѣчіе съ конституціею Союза. Сами аболиціонисты должны были признать виѣсть съ своими противниками, что отміна невольничества, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ оно уже существуетъ, есть дѣло каждаго штата порознь, а не Союза и даже не политической партіи, дѣйствующей извнѣ. Касаться этого вопроса, прямо и непосредственно, значило колебать ту первую основу конституціи, которая признаетъ полную независимость каждаго штата во внутреннихъ его дѣлахъ, и безъ которой самый Сѣверъ не могъ бы приступить къ освобожденію своихъ невольниковъ помимо согласія южныхъ штатовъ. Вотъ почему даже противники невольничества на Сѣверѣ, по возможности, избѣгали этого крайне-щекотливаго вопроса, и *политическое* поднятіе его аболиціонистами не одобрялось даже со стороны такихъ чистыхъ, высокихъ людей, какъ напримѣръ Чаннингъ, самый краснорѣчивый обличитель невольничества, не во гнѣвъ будь сказано многочисленнымъ почитателямъ мистриссъ Бичеръ-Стоу (1).

(1) По мысли Чаннинга, самая печальная сторона невольничества заключается именно въ невозможности такихъ явленій, какъ знаменитый Дядя Томъ. Негръ живетъ, пьетъ, ѣстъ и вообще содержится гораздо лучше, нежели больша часть чернорабочихъ въ западной Европѣ; онъ менѣе американскаго солдата подвергается тѣлеснымъ наказаніямъ; въ случаѣ болѣзни, его тщательно лѣчатъ, а въ здоровомъ состояніи холать и берегутъ, — но

Горячность аболіціонистовъ, тѣмъ болѣе раздраженныхъ своими неудачами, чѣмъ болѣе они были убѣждены въ правотѣ своего дѣла, конечно заходила иногда слишкомъ далеко; ихъ смѣлыя попытки проповѣдывать на Югѣ свободу самимъ неграмъ, вызвали со стороны рабовладѣльцевъ страшно-крутыя мѣры противъ незваныхъ проповѣдниковъ и противъ всякой дальнѣйшей дѣятельности этимъ слишкомъ непосредственнымъ путемъ.

Здѣсь мы должны сдѣлать одну важную оговорку. Аболіціонизмъ, какъ нравственное убѣжденіе, вовсе не состоялъ въ необходимой связи съ двумя главными политическими партіями Союза: онъ имѣлъ приверженцевъ среди демократовъ, какъ и среди виговъ. Но, разумѣется, главную опору нашелъ онъ сначала между сѣверными вигами, и только въ послѣдствіи, по мѣрѣ смягченія его требованій и по мѣрѣ возрастающаго самовластія Юга, начали присоединяться къ противоневолянической партіи и умѣренные демократы. Даже въ южныхъ штатахъ имѣеть она своихъ приверженцевъ, но, конечно, въ весьма ограниченномъ числѣ, и главныя ея силы все-таки сосредоточиваются на Сѣверѣ.

Мексиканская война, возникшій тогда необыкновенно жаркій споръ за будущность обширныхъ земель, ею пріобрѣтенныхъ, и наконецъ опасенія, возбужденныя явнымъ преобладаніемъ Юга, естественно передвинули значительную часть сѣверныхъ виговъ и демократовъ въ ряды противоневолянической партіи, однакожъ не подъ предосудительнымъ именемъ аболіціонистовъ, которые остались крайнею ея стороною, а подъ именемъ защитниковъ поземельной свободы, *фри-сойлеровъ*, которые противились только введенію неволяничества въ новопробрѣтенныя области. Основываясь на законномъ правѣ конгресса распоряжаться такъ-называемыми территоріями, то-есть областями, еще непринатыми въ число штатовъ, пенсильванскій депутатъ Вильмотъ предложилъ, въ 1847 г., палатѣ представителей узаконить для новыхъ областей полную свободу отъ неволяничества. Это значило ниспровергнуть всѣ соображенія южной политики, по которымъ задумано было присоединеніе Техаса и веденіе мексиканской войны. Предложеніе Вильмота (*Wilmot proviso*) было отринуто, но сдѣлалось съ тѣхъ поръ лозунгомъ Сѣвера противъ Юга.

Въ декабрѣ 1849 года, конгрессъ долженъ былъ окончательно рѣшить вопросъ объ участи новопробрѣтенныхъ территорій, и про-

берегутъ какъ рабочую скотину, поддерживая въ немъ животное и всѣми мѣрами подавляя человѣка. Негръ сѣзжала становится слѣпымъ орудіемъ чужой воли, и что осталось въ немъ смысла человѣческаго, идетъ у него не на выраженіе его собственной личности, а на поддѣлываніе себя къ другой, — на ложь, на плутни, на измѣну связямъ крови и дружества, которымъ онъ не знаетъ настоящей цѣны и которыя всегда уступаютъ у него суевѣрью рабства и темнымъ животнымъ побужденіямъ, единственнымъ его двигателемъ.

тивоневольническая партія, настаивая на предложеніи Вильмота, требовала, сверхъ того, запрещенія продажи негровъ изъ штата въ штатъ и отмѣны невольничества, равно какъ и торга неграми, въ маленькомъ союзномъ округѣ, Колумбіи (1). Этотъ округъ вполне подчиненъ распоряженію центральной власти, и, слѣдовательно, допущеніе въ немъ невольничества есть явное потворство рабовладельческимъ интересамъ Юга вообще, и двухъ смежныхъ штатовъ, Мериленда и Виргиніи, въ особенности. Требования эти возбудили сильнѣйшую оппозицію со стороны Юга, который, не отрицая формальнаго права конгресса распоряжаться въ Колумбіи, находилъ приложеніе этого права несомнѣннымъ съ прочностію своихъ «особыхъ учреждений», отвергалъ всякое вмѣшательство по внутреннему торгу неграми, отстаивалъ свое право селиться съ невольниками въ новыхъ областяхъ, требовалъ предоставленія каждому новому штату полной свободы допускать или запрещать у себя невольничество и, сверхъ того, подтвержденія въ усиленномъ видѣ статьи союзнаго акта на счетъ обязательной выдачи бѣглыхъ невольниковъ. Фрисойлеры не пытались опровергать законности прежняго постановленія о бѣглыхъ, но утверждали, что исполненіе его должно всегда быть въ зависимости отъ рѣшенія суда присяжныхъ.

Споры объ этихъ вопросахъ шли съ возрастающимъ жаромъ цѣлый годъ, а между тѣмъ мексиканскія земли оставались безъ всякаго законнаго устройства. Калифорнія, благодаря своему золоту, успѣла уже привлечь достаточное число переселенцевъ, и въ 1850 году потребовала, чтобы ее приняли новымъ штатомъ съ противоневольническою конституціей. Тогда-то извѣстный составитель миссурійской сдѣлки, уважаемый глава значительной отрасли вивоговъ, Клей, предложилъ конгрессу, для водворенія мира, новое соглашеніе, заключавшееся въ слѣдующихъ восьми пунктахъ: 1) допустить Калифорнію въ Союзъ, не упоминая о невольничествѣ; 2) учредить правительства въ прочихъ частяхъ мексиканской территоріи, не возбравъ въ нихъ невольничества; 3) и 4) признать западною границей Техаса рѣку Рио-Гранде, и принять на себя часть тевасскаго долга, съ тѣмъ чтобы эта область отказалась отъ своихъ притязаній на Новую Мексику; 5) объявить неудобною отмѣну невольничества въ Колумбійскомъ округѣ; 6) объявить неудобнымъ продолженіе торга неграми въ этомъ округѣ; 7) постановить мѣры для выдачи бѣглыхъ невольниковъ; и 8) объявить, что конгрессъ не властенъ запрещать, ни же затруднять продажу негровъ изъ штата въ штатъ.

(1) Округъ, въ три географ. мили величиной, заключающій въ себѣ союзный городъ Вашингтонъ съ его околоткомъ. Въ немъ около 52,000 жителей, въ томъ числѣ до 4,000 невольниковъ.

Этотъ билль, прозванный въ насмѣшку *общезгоднымъ* (*omnibus bill*), хотя и прошелъ всѣми неправдами установленныя ступени законодательства, не удовлетворилъ однакожь своими явными противорѣчіями ни одной изъ спорящихъ сторонъ. Но, какъ бы то ни было, защитники невольничества снова одержали рѣшительную побѣду. Принятію Калифорніи не могли они противиться и безъ того: это было бы несомнѣнно съ ихъ собственнымъ ученіемъ о внутренней независимости штатовъ, да и прямо разногласило съ конституціей. А что касается другихъ пунктовъ этой сдѣлки, то очевидно, что за одну маловажную и притомъ никогда не осуществленную вполнѣ уступку торгоу неграми въ Колумбіи, южные рабовладѣльцы настояли на всѣхъ прочіихъ своихъ требованіяхъ. Вопіющее противорѣчіе между 6-ю и 8-ю статьями сдѣлки не могло не поразить самыхъ непроницательныхъ судей, а усиленіе законныхъ мѣръ для преслѣдованія бѣглыхъ вскорѣ возбудило общее почти негодованіе Сѣвера, который впервые увидѣлъ себя вынужденнымъ содѣйствовать рабовладѣльцамъ въ поимкѣ ихъ негровъ (1). Священники съ церковныхъ кафедръ, судьи съ своихъ лавъ стали обличать ужасы невольничества; исполненіе закона о бѣглыхъ часто встрѣчало себѣ рѣшительное сопротивление, и приходилось употреблять военную силу, даже грозу пушекъ, для того, чтобъ новый уставъ не оказался такъ же бездѣйственнымъ, какъ и прежній. Такимъ образомъ въ главный городъ Массачузетса, Бостонъ, въ эту пуританскую колыбель Союза, надо было ввести морской гарнизонъ, поставить пушки на улицахъ и окружить домъ присутственныхъ мѣстъ цѣпями для того, чтобъ, пользуясь ночью темнотой, препроводить потомъ за конвоемъ одного бѣглаго, задержаннаго, можетъ-быть, по незаконному требованію какого-нибудь агента южныхъ рабовладѣльцевъ. Оцѣпленные для бостонскихъ гражданъ присутственныя мѣста отворялись на эту пору только передъ тѣми, которые сказывались стражъ «южными джентльменами». Надо знать нравы американскаго Сѣвера, чтобы постигнуть всю мѣру того негодованія, какое долженъ былъ возбуждать подобный порядокъ вещей.

(1) По закону 12 февраля 1793 года, за укрывательство бѣглаго или освобожденіе пойманнаго негра взыскивалось съ виновнаго по 500 долларовъ. Законъ 1850 г. возвысилъ эту пеню до 1,000 долларовъ, усилилъ ее тюремнымъ заключеніемъ до шести мѣсяцевъ и взысканіемъ еще тысячи долларовъ за убытки рабовладѣльцу. Сверхъ обыкновенныхъ судовъ, къ которымъ обращался хозяинъ бѣглаго по закону 1793 года, назначаются теперь многочисленныя особыя комиссары, которымъ дано право военнаго суда, и каждый рабовладѣлецъ можетъ требовать конвоя союзныхъ войскъ для препровожденія бѣглаго по принадлежности. Сенаторъ Джозія Квинси удостовѣрялъ въ 1854 году, что въ Бостонѣ для прикрытія одного невольника собрано было два эскадрона драгунъ, восемь ротъ артиллеріи, двѣнадцать ротъ пѣхоты, и сверхъ того поставлены были на ноги всѣ мѣстные констаблы и полиція.

Сами рабовладельцы увидѣли потомъ ненадежность этой опоры для своихъ интересовъ и стали рѣже и рѣже прибѣгать къ ней. Но усиленіе свободныхъ штатовъ въ союзномъ правительствѣ голосомъ Калифорніи, замѣтное распространеніе противоневольническихъ убѣжденій отъ береговъ Атлантики до Тихаго океана, и возрастаніе той партіи, которая теперь подъ именемъ «республиканской» выставила общимъ знаменемъ географическое ограниченіе невольничества, — все это вскорѣ побудило Югъ воспользоваться благоприятнымъ для него президентствомъ генерала Пирса, чтобы отнять у свободныхъ штатовъ всякій законный предлогъ къ вмѣшательству по этому важному вопросу.

Въ январѣ 1854 года, Дугласъ, по званію сенаторъ одного изъ сѣверныхъ штатовъ, Иллинойса, а въ сущности богатый рабовладелецъ и честолюбивый предводитель южныхъ демократовъ, отважился на самый рѣшительный шагъ. Онъ предложилъ, при устройствѣ сѣверозападной области, Небраски, формально отступить отъ правилъ миссурійскаго соглашенія и распространить на организацию всѣхъ безъ различія областей то же самое начало, какое предписано союзною конституціей относительно новыхъ штатовъ, то-есть предоставленіе имъ полной свободы самимъ рѣшать вопросъ о допущеніи или воспрещеніи невольничества. Предложеніе это вызвало опять одну изъ тѣхъ страшныхъ бурь, которыя заставляютъ съ нѣкотораго времени опасаться за прочность Союза. Всѣ лучшіе толкователи конституціи, всѣ прежніе авторитеты по этой части были въ пользу верховныхъ правъ конгресса завѣдывать территориями и вообще рѣшать вопросъ о невольничествѣ за предѣлами тѣхъ штатовъ, гдѣ существовало оно съ самаго начала республики, и которые вошли въ Союзъ съ этимъ родимымъ пятномъ на челѣ. Таково между прочимъ было и рѣшеніе знаменитаго судьи Стори, рѣшеніе, противъ котораго возстали только южные члены верховнаго суда. Весь Сѣверъ привыкъ смотрѣть на сѣверозападный край, прибрѣтенный еще въ 1803 году отъ Франціи, какъ на неотъемлемое достояніе колонизаціи свободныхъ штатовъ. Несмотря на то, билль о Небраскѣ прошелъ 4-го марта, и сѣверозападная территорія, раздѣленная на Небраску и Канзасъ, объявлена открытою равно для свободного и для невольничьяго заселенія.

Когда состоялся этотъ роковой приговоръ, въ которомъ политика Юга достигла, кажется, апогея своей власти, сѣверные и западные штаты успѣли занять Канзасъ свободными переселенцами; но лишь дѣло дошло до выбора мѣстныхъ властей, эти переселенцы увидѣли передъ собою цѣлыя толпы вооруженныхъ, нахлынувшихъ изъ сосѣднаго Миссури для обезпеченія побѣды за невольничествомъ. Извѣстно, къ какимъ кровавымъ столкновеніямъ повела эта борьба; извѣстно, что, на основаніи билля о Небраскѣ, союзное пре-

ительство выслало войска для охраненія законнаго хода дѣлъ, то есть, въ сущности, для подкрѣпленія рабовладѣльцевъ. Въ образецъ того, какъ понималась въ Канзасѣ политическая свобода, стоить привести одинъ примѣръ, засвидѣтельствованный посланнымъ туда вскорѣ комитетомъ конгресса. Насильственно избранные законодатели этой области постановили между прочимъ, что всякое разсужденіе о невольничествѣ есть уже злодѣйство (felony), навлекающее виновному два года тяжкихъ работъ въ цѣпяхъ, на большихъ дорогахъ.

Напрасно жители Канзаса сопротивлялись своимъ непрошенымъ законодателямъ, напрасно зывали они къ защитѣ союзной власти: посланный туда правительствомъ, членъ верховнаго суда дѣйствовалъ рѣшительно въ омыслъ миссурійскихъ шаекъ. Напрасно также свободные штаты стали высылать съ своей стороны вооруженныхъ людей на помощь землякамъ—колонистамъ; рабовладѣльцы всегда успѣвали набирать еще многочислѣннѣйшія толпы изъ среды той «жалкой бѣдой дряни» (poor white trash), которая живетъ въ южныхъ штатахъ однимъ своимъ презрѣннымъ трудомъ, не имѣя ни плантацій, ни невольниковъ. Южная Каролина, Георгія и Техасъ открыто назначали суммы изъ общественной казны, для снаряженія экспедицій на помощь законному порядку въ Канзасѣ; центральное правительство создало милицію двухъ смежныхъ невольничьихъ штатовъ для той же цѣли, и только страшное волненіе на Сѣверѣ, да близость новыхъ президентскихъ выборовъ приостановили чрезмѣрное его усердіе въ пользу одной стороны противъ другой.

Бидль о Небраскѣ и печальныя его послѣдствія естественно усилили противоневольническую партію новыми приверженцами, изъ среды того колеблющагося большинства, которое обыкновенно держится выжидательной системы. Успѣхи ея были таковы, что она получила даже перевѣсъ въ представительной палатѣ, и оппозиція ея привела послѣдняго президента въ очень затруднительное положеніе, особенно своимъ упорствомъ въ отказѣ утвердить военный бюджетъ, если при этомъ не будетъ оговорено, чтобы вооруженныя силы Союза не употреблялись для подавленія свободной эмиграціи въ Канзасѣ. Сенатъ, естественный представитель политической самобытности штатовъ, а не народнаго ихъ элемента, постоянно поддерживалъ южную политику президента Пирса, и свободныя рѣчи такихъ людей, какъ сенаторы Сьюардъ и Сомнеръ, встрѣчали здѣсь сильнѣйшее сопротивленіе. Извѣстно, къ какому крайнему средству противъ послѣдняго прибѣгнулъ депутатъ Южной Королины, Бруксъ, и какое почти общее сочувствіе въ цѣломъ Югѣ возбудилъ его звѣрски-дикій поступокъ. Все это было только новою пищей огню той вражды, которая и безъ того уже раздѣляла обѣ половины Союза.

Перемѣна, совершившаяся въ этомъ отношеніи за послѣднія пять или шесть лѣтъ, поистинѣ изумительна. Мнѣнія аболиціонистовъ, прежде до того непопулярныя на Сѣверѣ, что самый общеуважаемый

человѣкъ, объявляя себя въ ихъ пользу, рисковалъ не только своимъ общественнымъ положеніемъ, но и личною безопасностью, — эти мнѣнія высказываются теперь открыто на митингахъ, въ журналахъ, въ законодательныхъ палатахъ и снискиваютъ защитникамъ ихъ не прорѣніе, а напротивъ лестную извѣстность и почетъ. Оскорбленный сенаторъ Сомнеръ дѣлается героемъ Сѣвера, чуть ли еще не болѣе, чѣмъ обидѣвшій его депутатъ Бруксъ сдѣлался героемъ Юга. Рѣчи, произнесенныя на такъ-называемомъ «Сомнеровскомъ митингѣ», собиравшемся въ Кембриджъ, въ Массачузетскомъ штатѣ, показываютъ, до какой степени на свободныхъ жителей Сѣвера тяготѣетъ скорбная мысль о томъ, что они въ сущности не что иное, какъ безответныя орудія воли южныхъ рабовладѣльцевъ.

«Последній ценсъ, говорилъ одинъ изъ участниковъ митинга, извѣстный писатель Дана, вполне доказалъ то, что многіе прежде утверждали, но чему не многіе вѣрили, именно: что подъ формою республики отечествомъ нашимъ съ давнихъ поръ управляетъ олигархія. Въ свободныхъ штатахъ считается теперь около семнадцати милліоновъ жителей, и невольника нѣтъ ни одного. Въ рабовладѣльческихъ штатахъ четыре милліона невольниковъ, принадлежащихъ тремъстамъ пятидесяти тысячамъ хозяевъ (1). Эти тристапятьдесятъ тысячъ, владѣя всею годною землей и рабочими силами, захватили въ свои руки управленіе невольничьими штатами. И чтобы все сказать въ короткихъ словахъ, не возникало на конгрессѣ ни одного спорнаго вопроса между властію этихъ штатовъ и штатовъ свободныхъ, въ которомъ рабовладѣльцы не одержали бы верхъ. Теперь, найдется ли довольно силы, довольно гражданской доблести въ нашихъ семнадцати милліонахъ, чтобы отстоять свое политическое равенство, освободиться изъ-подъ ига, обновить нашу національную политику и возвратить отечеству его прежнюю честь, сдѣлать свободу общимъ государственнымъ учрежденіемъ, а неволю заключить въ извѣстные предѣлы, сдѣлать свободу правиломъ, а неволю только исключеніемъ, и обезпечить это на будущее время?»

Еще сильнѣе, еще тяжеловѣснѣе прозвучали на томъ же митингѣ слова его предсѣдателя, бывшаго главнаго судьи въ Нью-Гампширѣ, Паркера. Надобно знать, что Нью-Гампширъ самый консервативный изъ всѣхъ сѣверныхъ штатовъ. Его политическая и гражданская не-

(1) Мы уже говорили о неточности этого вычисленія. Г. Дана приводитъ общепринятую цифру ценса 1850 года, не входя въ разборъ, вѣрна ли она, или нѣтъ. Недавно попалось намъ въ журналахъ еще одно, весьма правдоподобное, вычисленіе, которымъ примиряется разность оффиціального ценса съ показаніями частныхъ описаній. Настоящихъ плантаторовъ, имѣющихъ свыше пятидесяти невольниковъ, насчитывается по этому вычисленію до 80,000; остальные 270,000 мелкихъ рабовладѣльцевъ находятся въ полной отъ нихъ зависимости.

недвижность приобрѣла ему прозвище окаменѣлаго, «гранитнаго штата», а судья Паркеръ принадлежитъ тамъ къ числу непоколебимѣйшихъ консерваторовъ. Когда новый законъ о выдачѣ бѣглыхъ взволновалъ даже и этотъ ничѣмъ невозмутимый край, Паркеръ поддерживалъ ненавистное постановленіе, считая его все-таки конституціоннымъ. Но теперь заслуженный ветеранъ консерватизма измѣнилъ привычному лозунгу и высказалъ свое глубокое убѣжденіе въ слѣдующихъ, многозначительныхъ словахъ: «Если всѣ тѣ мѣры къ оборонѣ нашей законной свободы, какія только допускаетъ конституція, останутся безуспѣшны, что же будетъ съ нами тогда? Господь въ безконечномъ милосердіи своемъ да отвратитъ это бѣдствіе! Но если Премудрый Промыслъ попуститъ безумію и насильству немногихъ вырвать изъ конституціи всѣ законныя обезпеченія свободы и оставить только формы свободнаго правительства на мѣсто сущности, которою мы мечтали обладать, то не намъ здѣсь рѣшить, что должно тогда послѣдовать. Быть-можетъ, большей части изъ васъ я лично извѣстенъ за гражданина мирнаго, вѣрнаго разумно-консервативнымъ началамъ, душою преданнаго конституціи и слишкомъ устарѣлаго для хвастовства; но при настоящемъ положеніи дѣлъ да позволено мнѣ будетъ напомнить, что кровь моего отца пролита на Бункеръ-Гиллѣ (1), и что во мнѣ есть еще остатокъ той же крови, на случай, если придется начинать вновь!»

Южные штаты, разумѣется, не остались въ долгу у Сѣвера. Тамъ не ограничивались уже, какъ прежде, отстаиваніемъ «патріархальнаго института невольничества», какъ мѣстной особенности, какъ неизбежнаго хотя и печальнаго факта. Рабовладѣльцы и органы ихъ общественнаго мнѣнія провозглашали во всеуслышаніе, что невольничество есть коренная основа всякаго нормальнаго и благоустроеннаго общества, что начало гражданской свободы прямо ведетъ къ безнравственности, что отношеніе рабовладѣльца къ невольнику такъ же естественно, какъ и отношеніе отца къ дѣтямъ, что невольничество непременно сдѣлается повсемѣстнымъ, и т. д. Словомъ, знаменитое древне-классическое ученіе прототипа образованныхъ рабовладѣльцевъ, Когунъ (Calhoun), ученіе, что республика должна имѣть своимъ основаніемъ вѣчную неволю рабочихъ классовъ, такъ какъ подъ этимъ только условіемъ достигимъ для немногихъ избранныхъ необходимый имъ досугъ, — это ученіе распространялось повсюду, и притомъ въ самыхъ рѣзкихъ, самыхъ грубыхъ, самыхъ обидныхъ для работающаго Сѣвера выраженіяхъ.

Не мудрено, что въ виду этого возрастающаго волненія, въ виду сильной оппозиціи представительной палаты и передъ началомъ новыхъ

(1) Высоты близъ Бостона, на которыхъ Англичане впервые разбили Американцевъ въ 1775 году.

президентскихъ выборовъ, для которыхъ наступалъ уже срокъ, тогдашній глава Союза нашелся подковонецъ вынужденнымъ отстать отъ своего прежняго образа дѣйствій въ Канзасѣ и одобрилъ распоряженія вновь назначеннаго туда губернатора Грири, который своимъ строгимъ безпристрастіемъ отнялъ у пришлыхъ миссурійскихъ шаекъ всякую охоту вмѣшиваться въ устройство тамошнихъ дѣлъ.

Это была уже значительная уступка вліянію противневольнической партіи въ ущербъ заносчивой политикѣ Юга. Но, къ удивленію, скорѣе потомъ и сами рабовладельцы замѣтно понизили тонъ тѣхъ неумѣренныхъ требованій, которыя высказывались ими при подготовкѣ голосовъ въ пользу кандидата демократической партіи, нынѣшняго президента Буканана. Тревожное воображеніе рабовладельцевъ было напугано разными нелѣпыми толками, распространившимися между неграми о томъ, что будто «великій генералъ Фремонъ идетъ съ несмѣтнымъ войскомъ для освобожденія ихъ изъ неволи». Сами рабовладельцы были чуть ли не главною причиною порожденія этихъ толковъ: ихъ же собственные говоруны и глашатаи повторяли на каждомъ шагѣ, что весь Сѣверъ наполненъ «черными республиканцами» — какъ называли они противневольническую партію, — и что тамъ только и думаютъ, какъ бы скорѣе возстать общими силами противъ Юга и освободить негровъ. Мудрено ли, что дѣтское воображеніе бѣдняковъ, которыхъ участи такъ близко касались эти рѣчи, пересоздавало ихъ въ самыя странныя, несбыточныя мечты? Какъ бы то ни было, ихъ толки, ихъ тайныя сборища подѣйствовали въ этомъ случаѣ на запальчивость властителей юга, какъ дѣйствуетъ вылитый на пьянаго ушатъ холодной воды.

При наступившихъ вслѣдъ затѣмъ выборахъ нынѣшняго президента, обнаружился еще явственнѣе тотъ утѣшительный фактъ, какія новыя силы приобрѣла себѣ въ короткое время «республиканская» противневольническая партія. Соединивъ подъ своимъ знаменемъ большую часть другихъ второстепенныхъ партій, не имѣющихъ неразрывной связи съ коренными демократами, она хотя и не одержала на этотъ разъ полной побѣды; однакожъ число голосовъ, данныхъ въ пользу кандидата ея, полковника Фремона, не могло не поразить демократовъ своею значительностью, особенно въ сравненіи съ тѣмъ ничтожнымъ меньшинствомъ, которое въ 1852 году выпало на долю Пирсова соперника, Скотта. Первый получилъ 254 голоса, а послѣдній только 42; тогда какъ въ ноябрѣ 1856 года Букананъ получилъ 163 голоса, а Фремонъ 125. Всѣ эти 125 голосовъ даны ему были свободными штатами, въ которыхъ Букананъ получилъ только 51 голосъ, включая въ то число и 27 голосовъ роднаго штата его, Пенсильваніи, гдѣ онъ, естественно, имѣлъ большую популярность. За то невольничьи штаты отдали ему почти всѣ свои голоса, именно 112; одинъ Мериландъ сталъ съ своими восемью голосами за третьяго кандидата въ президенты, котораго выбрали представители національной исключи-

тельности, *монокими* или *американофилами* (1). Парсъ имѣлъ, слѣдовательно, 212 голосовъ большинства, а Букананъ всего только 38. Поразительный результатъ борьбы, возбужденной вопросомъ о распространеніи невольничества въ Канзасъ!

Джемсъ Букананъ родился въ 1791 году, въ странѣ квакерскаго братства, Пенсильваніи. Сынъ достаточнаго землевладѣльца, онъ имѣлъ всѣ удобства безпрепятственно кончить академическій курсъ, и осмынадцати лѣтъ вступилъ въ званіе адвоката. Своими первыми успѣхами онъ обратилъ на себя вниманіе согражданъ; его избрали депутатомъ въ мѣстное законодательное сословіе. Въ 1812 году, когда Англичане угрожали Балтимору, онъ, въ качествѣ почетнаго милиціонера, поспѣшилъ на защиту этого города. Политическая дѣятельность не препятствовала ему такъ успѣшно заниматься адвокатствомъ, что будучи тридцати лѣтъ, онъ уже пользовался славою лучшаго и краснорѣчивѣйшаго законовѣдца въ Пенсильваніи. Еще прежде выбрали его депутатомъ въ Вашингтонъ. Десять лѣтъ оставался онъ въ этомъ званіи и неоднократно защищалъ на конгрессѣ высказанное президентомъ Монро первое и высшее начало сѣвероамериканской политики, чтобы никогда и ни въ какихъ обстоятельствахъ не допускать возобновленія прежняго колониальнаго господства Европы на почвѣ Новаго Свѣта. Въ 1831 году генераль Джаксонъ назначилъ Буканана посланникомъ при нашемъ дворѣ. Едва успѣлъ онъ заключить первый торговый трактатъ Союза съ Россіей, какъ уже снова отозванъ былъ Джаксономъ для защиты его политики относительно банковъ, государственнаго долга и проч. Онъ вполне оправдалъ возложенное на него довѣріе. Особенно энергически возставалъ онъ при этомъ противъ тѣхъ, которые тогда уже начинали грозить расторгненіемъ Союза. Въ рѣчи, произнесенной имъ по поводу преній о допущеніи въ Союзъ штата Мичигана, онъ именно говорилъ: «Я не восточный и не западный, я не сѣверный и не южный. Я протестую противъ этихъ наименованій, которыя поражаютъ только неприязнь и раздоръ; я вижу въ нихъ величайшее политическое бѣдствіе.»

Избраніе Полька въ президенты вызвало Буканана изъ палаты представителей: онъ былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ. Большая часть актовъ по предметамъ внутренней и внѣшней политики, явившихся въ четырехлѣтіе съ 1845 по 1849 годъ, принадле-

(1) Эта партія, сначала выступившая съ тѣмъ, чтобы противодействовать на всѣхъ выборахъ политическимъ стачкамъ католиковъ и, въ особенности, продажныхъ ирландскихъ бѣдняковъ, пыталась потомъ расширить приложеніе своихъ правилъ, противодействуя вліянію всѣхъ вообще иностранныхъ переселенцевъ, но не нашла себѣ большой поддержки въ народномъ мнѣніи, увлеченномъ господствующимъ вопросомъ о невольничествѣ, и большею частью вступила въ ряды противниковъ или защитниковъ невольничества, смотря по личнымъ взглядамъ и отношеніямъ каждаго изъ своихъ членовъ.

жить перу Буканана, и обратила на себя въ то время общее вниманіе какъ по содержанію, такъ и по языку. Въ 1849 году онъ надолго удалился отъ дѣлъ, и только въ 1853 президентъ Пирсъ отправилъ его посланникомъ въ Лондонъ. Букананъ принималъ дѣятельное участіе въ знаменитой остендской конференціи, на которой важнѣйшіе сѣвероамериканскіе дипломаты въ Европѣ, совѣщались, будто бы, о томъ, какъ лучше Соединеннымъ Штатамъ воспользоваться неладами Старого Свѣта для расширенія своихъ предѣловъ и своего могущества. Это не мало повредило успѣху его при Лондонскомъ дворѣ, гдѣ ему приходилось уладить, въ одно и то же время, два весьма щекотливые вопроса:—споръ за Центральную Америку и дѣло о вербовкѣ Англіею солдатъ на нейтральной землѣ Союза. Отозванный до окончанія переговоровъ, онъ тотчасъ по возвращеніи былъ избранъ кандидатомъ въ президенты демократическою партіей, которая справедливо увѣнчала въ его лицѣ одного изъ самыхъ свѣдущихъ, опытныхъ и замѣчательныхъ государственныхъ людей республики. Много говорило въ пользу Буканана общее къ нему сочувствіе роднаго его штата, котораго голоса окончательно и рѣшили выборъ въ его пользу. Кромѣ Пенсильваніи, изъ всѣхъ свободныхъ штатовъ стояли за него только Калифорнія, Индіана и Нью-Джерси: остальные двѣнадцать единодушно поддерживали кандидата республиканцевъ, Фремона.

Эта партія составляетъ теперь сильную оппозицію въ сенатѣ и особенно въ палатѣ представителей, гдѣ имѣетъ она даже значительное большинство. Недавно представился ей случай помѣряться съ противниками по поводу одного вопроса, имѣющаго близкое отношеніе къ невольничеству. Еще въ самомъ разгарѣ борьбы, возбужденной биллемъ о Небраскѣ и сопротивленіемъ свободныхъ переселенцевъ въ Канзасѣ, одинъ изъ рьяныхъ защитниковъ невольничества, губернаторъ штата Южной Каролины, официально представлялъ союзной власти о необходимости снова разрѣшить привозъ негровъ изъ Африки. Въ январѣ нынѣшняго года дѣло это поступило въ палату представителей и покончено тѣмъ, что «всѣ стремленія возстановить африканскій торгъ неграми признаны безнравственными и достойными порицанія». Изъ 57 голосовъ, поддерживавшихъ предложеніе Южной Каролины, только 8 стояли за него воплі, а остальные, не противорѣча ему въ основаніи, находили его, по крайней мѣрѣ, неблаговременнымъ. Уже одно возбужденіе подобнаго вопроса даетъ мѣру наглости крайнихъ демократовъ Юга, которые не могли же не знать, что Америка давно отказалась отъ морскаго торгоу неграми на основаніи международныхъ трактатовъ. Дознанное въ послѣднее время, нарушеніе этихъ началъ нѣкоторыми торговыми домами въ Нью-Йоркѣ навлекло виновнымъ и судебное преслѣдованіе и заслуженную кару общественнаго мнѣнія.

Дальнѣйшее усиленіе или ослабленіе республиканской партіи, конечно, будетъ зависѣть, по крайней мѣрѣ въ текущее четырехлѣтіе, отъ образа дѣйствій новаго президента. Что онъ вполне понимаетъ трудность предстоящей ему задачи, этого слѣдовало ожидать отъ дознанной его опытности, это же доказываетъ и крайне осторожный тонъ рѣчи, произнесенной имъ при вступленіи на свой высокій постъ. Изъ этого акта должно заключить, что въ согласіи съ передовыми людьми своей партіи, Букананъ старается удалить съ политическаго поприща; то—есть изъ—подъ вѣдомства конгресса, горячій теперь вопросъ о вліяніи центральной власти на допущеніе или запрещеніе невольничества въ территоріяхъ; всѣ случаи, подходящіе къ этому разряду, хочетъ онъ предоставить вѣдомству верховнаго суда, какъ законнаго истолкователя конституціи и рѣшителя споровъ между различными частями Союза.

Это обращеніе къ послѣднему оплоту центральной власти показываетъ, что демократическая партія не надѣется уже превозмочь оппозицію республиканцевъ путемъ обыкновенныхъ политическихъ преній на конгрессѣ. Демократы не рискуютъ при этомъ, можно сказать, ничѣмъ, потому что верховный судъ состоитъ теперь изъ семи членовъ рабовладѣльческой партіи и двухъ противоневольнической; а какъ они избираются президентомъ и сенатомъ на всю жизнь, то нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы составъ судилища скоро измѣнился. Да и во всякомъ случаѣ это очень ловкій маневръ партіи, выдающей ослабленіе своего политическаго господства на народныхъ выборахъ. При единомысліи, богатствѣ и сосредоточенной силѣ южныхъ демократовъ, имъ легче будетъ удержать вліяніе на выборъ нѣсколькихъ членовъ верховнаго суда, нежели на выборъ обоихъ законодательныхъ собраній Союза. Впрочемъ, каковъ бы ни былъ составъ верховнаго судилища, можно заранѣе сказать, что ѣго приговоры, основанные на точномъ смыслѣ конституціи, не удовлетворятъ вполне стремленій противоневольнической партіи, которыхъ основаніе лежитъ, какъ мы уже говорили, гораздо глубже. Дѣло въ томъ, что сама конституція, допустившая невольничество наряду съ свободой, носить неизбежное противорѣчіе сама въ себѣ. Мы видимъ борьбу двухъ общественныхъ системъ, изъ которыхъ одна господствовала въ древнемъ мірѣ, другая возникла и развилась подъ наитіемъ христіанства: сѣверные штаты представляютъ послѣднюю, то—есть систему лично—свободнаго труда, а южные систему совокупной работы массами невольниковъ. Которая изъ нихъ окончательно одержитъ верхъ, для насъ не подлежитъ сомнѣнію. Но какими путями и когда, на это разумѣется, нельзя дать положительнаго отвѣта. Многие указываютъ на расторженіе Союза, какъ на болѣе или менѣе близкій выходъ изъ той страшнаго дилеммы, въ какую поставленъ онъ историческою судьбой. Мы вовсе не раздѣляемъ этого мнѣнія. Какъ разо-

рвать, напримѣръ, естественныя узы, которыми одна уже система рѣки Миссиссипи такъ тѣсно связываетъ Сѣверъ и Югъ? а важные торговые и промышленные интересы? а совершенная невозможность для южныхъ рабовладѣльцевъ положиться на своихъ невольниковъ въ случаѣ враждебнаго столкновенія съ Сѣверомъ? Нѣтъ, рано или поздно, а придется этимъ господамъ сдѣлать неизбѣжную уступку человѣчеству.

ЧЕРНОМОРСКІЯ ПИСЬМА (1)

V

Сторожевой постъ на берегу Кубани — это небольшой дворъ, обнесенный огорожею изъ терновника, съ амбразурами для ружейной пальбы. На этомъ дворѣ находится двѣ—три избы, въ которыхъ тѣснится караулъ, состоящій изъ сотни, а иногда, преимущественно, зимою, и гораздо большаго числа казаковъ; на подкрѣпленіе ихъ посылается иногда и регулярное войско. Но главная опора такого поста заключается въ пушкѣ большаго калибра: звукъ ея особенно не нравится горцамъ, потому что онъ пробуждаетъ тревогу по всей линіи. Подлѣ поста находится вышка, съ которой караульный казакъ долженъ зорко слѣдить въ теченіе дня за всѣмъ, что дѣлается подлѣ него по Кубани и за Кубанью; обыкновенно глазамъ его представляется одна и та же мѣстность, да по временамъ мѣняющееся небо, и только; тѣмъ не менѣе, однако, глаза его нужны для края, потому что отъ нихъ прячется готовый на грабежъ горецъ. На ночь караульный сходитъ съ вышки, и надзоръ за линіею усиливается посредствомъ залоговъ или секретовъ, которые бывають тѣмъ ближе другъ къ другу, чѣмъ удобнѣе время для переправы черезъ Кубань.

Не берусь описывать обыденной жизни на постахъ, стоящихъ въ полѣ, вдали отъ жилья: однообразная, безсемейная, бѣдная эпизодами и изъ военныхъ случаевъ, подвѣренная различнаго рода лишеніямъ и неудобствамъ, жизнь эта, повторяю, — подвигъ непривлекательный, однако чрезвычайно нужный для края. Да и можно ли ожидать какихъ бы то ни было удобствъ въ странѣ, которая, и мимо лагерной жизни, всюду кажетъ слѣды неряшества или бѣдности? Эта повсемѣстная бѣдность только дѣлаетъ ее болѣе сносною, и легко

(1) См. «Русскій Вѣстникъ» 1857 года, № 6.

ширить Черноморца съ его тяжелою службой. Да и что наконецъ значать неудобства жилья, напримѣръ, для пластуна, который сроднился съ болотомъ? Помню, разъ мнѣ довелось ночевать на одномъ изъ постовъ; меня пригласили въ избу, которая походила на грязный арсеналъ: всюду висѣли ружья, шашки, бурки; около стѣнъ стояли нары, покрытыя соломой. Человѣкъ десять казаковъ, собравшись около котелка, черпали изъ него ложками какую-то похлебку, приправленную полевою горчицей. Я также зачерпнулъ, и нашелъ, что похлебка не безъ вкуса. Затѣмъ послѣдовалъ ночлегъ; но—пресвятая Богородица! какова была эта ночь! Тысячи блохъ терзали меня непрерывно, не давая сомкнуть глазъ.... А казаки храпѣли какъ нельзя лучше, и на жалобы мои одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ въ слѣдующее утро: «Та вже жь.... сѣго товару, благодареніе Богу, у насъ щей мало.» Выходилъ я и на вышку, гдѣ въ то время, погруженный въ созерцаніе, на короточкахъ возсѣдалъ усатый Черноморецъ. Что, тебѣ не скучно? спросилъ я. — «Мени? отвѣтилъ онъ: ни... витселя богацько видно....» Я посмотрѣлъ вокругъ себя: точно, степи много, а еще больше закубанской равнины, по которой сизѣлъ легкій туманъ. Но будто казаку нравится эта однообразная картина? И какія думы на нее онъ переноситъ? Прошлаго онъ не помнитъ, о настоящемъ молчитъ, о будущемъ навѣрно не помышляетъ. Или просто хорошо ему оттого, что вотъ онъ сидитъ да смотритъ вдаль, а даль эта и широка, и спокойна, въ глазъ ничѣмъ лишнимъ не бьетъ, — и сидитъ онъ долго, грѣясь на солнцѣ, да и самъ ужъ не знаетъ — не то онъ спитъ, не то бодрствуетъ, но только въ головѣ нѣтъ ни одной думы: вотъ словно превратился въ того кузнечика, что немолчно звучитъ въ травѣ и пересталъ уже быть кузнечикомъ, а весь, кажется, перелетѣлъ въ звукъ.... Подобный кейфъ въ нравахъ Малороссовъ, и Черноморецъ — будь онъ на вышкѣ или въ другомъ какомъ либо мѣстѣ — не упуститъ случая предаться ему съ любовью. Тѣмъ болѣе, что и здѣсь, на линіи, не безъ присутствія того благодѣтельнаго гения, о которомъ остроумно упомянулъ г. Бергъ въ своихъ «Крымскихъ замѣткахъ» (Русс. Вѣстникъ № 24, 1856).

Около поста, по бокамъ, стоятъ шесты, осмоленные и обмотанные пенькой. Ихъ зажигаютъ ночью, когда нужно поднять тревогу на линіи, потому что пушечные выстрѣлы, когда воздухъ стученъ парами, не разносятся на дальнее разстояніе и могутъ быть не услышаны на сосѣднихъ постахъ. По такому сигналу, здѣсь и тамъ, по всему берегу Кубани начинаютъ блистать молніи отъ пушечной надбы; кордонная стража и жители прибрежныхъ станицъ мигомъ становятся на ноги и спѣшатъ на помощь, гдѣ ея требуютъ; въ воздухъ глухо отдается шумъ и крикъ пробужденнаго населенія и содроганіе отъ выстрѣловъ. Такія тревоги преимущественно бывають зимою, когда замерзаетъ Кубань. На эту пору горцы обыкновенно

бываютъ въ сборѣ и готовы отправиться на добычу значительными партіями. Въ свою очередь и наши тогда не дремлютъ: усиливаютъ стражу неочередными казаками; пушки держать всегда на готовѣ; въ станицахъ и въ Екатеринодарѣ принимаютъ мѣры на случай нападенія: увеличиваютъ число орудій, улицы заставляютъ возами, учащаютъ секреты, разъѣзды и т. п. Такое тревожное состояніе особенно замѣтно передъ разсвѣтомъ, когда горцы, разсчитывая на сонъ стражи, а съ другой стороны, успѣвши за ночь изъ ауловъ подойти къ рѣкѣ, готовы сдѣлать нападеніе. По большей части имъ это не удается, по крайней мѣрѣ успѣхъ ихъ ограничивается самою бѣдною добычею: едва они успѣваютъ переправиться черезъ Кубань, какъ линія уже гремитъ выстрѣлами, и отступленіе становится для нихъ необходимымъ. Кромѣ того лазутчики или перебѣжчики изъ—за Кубани безпрестанно извѣщаютъ нашихъ о всѣхъ намѣреніяхъ горскаго сборища, и если показанія ихъ относительно мѣста и времени нападенія не всегда справедливы, за то становится чрезъ нихъ достовернымъ, что сборище дѣйствительно есть, что слѣдовательно дремать не приходится.

Появленіе перебѣжчиковъ изъ—за Кубани нисколько не удивительно, хотя у насъ существуютъ какія—то рыцарскія представленія о горцахъ, благодаря повѣстямъ и поэмамъ фальшиваго или риторическаго направленія. Изъ этихъ повѣстей рѣшительно нельзя познаться съ горцемъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности: въ нихъ ложно представлена и его храбрость, и его понятія о чести, о свободѣ и т. п. На самомъ дѣлѣ, горецъ, особенно закубанскій, есть нищій, въ силу множества предрасудковъ, неразлучныхъ съ младенчествомъ племени, любящій свое нищенство и защищающій его упорно, благодаря особенностямъ своей страны. Грабежъ для него составляетъ часто единственное средство прокормиться; отечества для него не существуетъ; у него есть только аулъ, и въ этомъ аулѣ — личные его враги. При такомъ домашнемъ положеніи горца, нѣтъ ничего естественнаго, какъ ждать перебѣжчика изъ—за Кубани. Онъ явится, получить что—нибудь за сообщенныя извѣстія, — и вотъ нищенство его нѣсколько улучшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворилась его личная месть. Точно также не справедливо думать, что горецъ владѣетъ тою храбростью, которая составляетъ силу и честь воина. Грабежъ и убійство — его ремесло, а потому неудивительно, что онъ ловко владѣетъ оружіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ нищета побуждаетъ его прибѣгать иногда къ самымъ отчаяннымъ средствамъ, рождаетъ въ немъ слѣпую отвагу и роковую рѣшимость. Далѣе этого не идетъ и не можетъ идти его храбрость, слѣдовательно она имѣетъ чисто хищнической характеръ. Большая часть разказовъ, которые ходятъ здѣсь о горцахъ, вполне подтверждаютъ такое мнѣніе. Я приведу одинъ изъ нихъ. Разъ недалеко отъ поста появился горецъ и сталъ кружиться на одномъ мѣстѣ: по немъ послѣдовалъ выстрѣлъ изъ

пушки. Горецъ отъѣхалъ по направленію выстрѣла и черезъ нѣсколько минутъ снова закружилъ на прежнемъ мѣстѣ. Полетѣло другое ядро, и горецъ въ другой разъ скрылся по направленію выстрѣла. Наконецъ, когда въ третій разъ показался онъ передъ постомъ, пластуны успѣли зайти ему въ тылъ и схватили живьемъ. На допросѣ пойманный показалъ, что, голодая, онъ просилъ пищи у одного зажиточнаго горца, и тотъ обѣщалъ ее подъ условіемъ принести къ нему русское ядро. Изъ-за него онъ и кружился передъ постомъ, выманялъ два выстрѣла, да ядра затерялись гдѣ-то въ болотѣ.... Какъ ни наивенъ этотъ разказъ, однако онъ очень правдоподобенъ, а главное, дѣйствительно характеризуетъ причины, которыя поражаютъ въ горцѣ слѣпую отвагу, многими ошибочно принимаемую за храбрость.

Но если перебѣжчики доносятъ о томъ, что предпринимаются въ аулахъ, то въ свою очередь аулы знаютъ, что предпринимаются на ливніи. Хитрый горецъ успѣваетъ услужить и здѣсь, и тамъ. Оттого всякій походъ съ нашей стороны за Кубань долженъ быть внезапнымъ, иначе встрѣтятся и засады, и сборища горцевъ, аулы жь останутся пустыми: все имущество изъ нихъ успѣютъ перенести въ лѣса, куда нѣтъ доступа для отряда. Горцы знаютъ также, гдѣ выгоднѣе обѣщанія, что рано или поздно захватятъ такого и такого-то. Имъ извѣстны нѣкоторыя русскія выраженія, извѣстны многіе наши обычаи. «Выходи, Иванъ, рубать будемъ», кричали они въ одно изъ своихъ нападеній, окруживши хату, въ которой, дѣйствительно, жилъ Иванъ. Каждый изъ нихъ, за жизнь свою, успѣлъ хоть разъ побывать на нашемъ берегу, притомъ же разказы плѣнныхъ казаковъ, а особенно казачекъ, которыхъ горцы, по преимуществу, увозятъ въ плѣнъ, — все это знакомитъ ихъ съ нашимъ бытомъ. Однако изъ этого знакомства, пока, они извлекаютъ только свои стратегическія соображенія, которыя, безъ сомнѣнія, не могутъ служить въ нашу пользу. Они начинаютъ уже искусственно укрѣплять свои жилища, и безъ того защищенные природой; такъ послѣдній, ближайшій къ намъ аулъ, который недавно разоренъ нашимъ отрядомъ, былъ обведенъ тройнымъ частоколомъ.

Сколько упорны Черкесы, когда имъ приходится дѣйствовать на собственной землѣ, столько же они оказываются несостоятельными во время нападеній на наши поселенія, даже мало приготовленныя къ оборонѣ. Нужно сказать, что эти нападенія въ значительныхъ силахъ случаются очень рѣдко. Для этого необходимо, чтобы замерзла Кубань, которой быстрое теченіе не легко уступаетъ здѣшнимъ слабымъ морозамъ; необходимо выждать темныхъ ночей и наконецъ, вслѣдъ за морозами, небольшого тепла, потому что пускаться на грабежъ въ студеную пору несподручно горцу, едва прикрытому лохмотьями дырявой одежды. Не говорю уже о томъ, какъ трудно

горцамъ порѣшить свои домашнія распри, и составить согласное сборище, направленное къ одной цѣли. Но положимъ, такое сборище состоялось, и погода благопріятствуетъ нападенію. На коняхъ, ночью, спѣшать они къ Кубани, передъ разсвѣтомъ достигаютъ рѣки, спѣшиваются, при чемъ отрядъ дѣлится на двѣ части—одна остается съ лошадьми, не переходя рѣки, опасаясь обломить тонкій ледъ, другая отправляется на добычу. Съ страшнымъ гикомъ бросается она къ строеніямъ; этому гикѣ вторятъ оставшіеся за рѣкой.... Съ нашей стороны, безъ сомнѣнія, тотчасъ поднялась запоздавшая тревога. Вотъ они успѣли вломиться въ одну—другую избу, гдѣ не встрѣтили ни малѣйшаго сопротивленія; какая—нибудь несчастная жертва служитъ игрушкой для шашечныхъ ударовъ: ее рубятъ въ куски... Но дружно напавшіе успѣли скоро разрозниться, каждый изъ нихъ думаетъ только о себѣ, какъ бы захватить добычу на свою долю, какъ бы не уступить ее другому. А между тѣмъ на нашей сторонѣ пушечные выстрѣлы учащаются, тревога уже образовала какой—нибудь отрядъ, и чуть только отрядъ этотъ столкнулся съ частію грабителей, какъ они бѣгутъ въ беспорядкѣ, теряя всякое единство. Непрестанный крикъ ихъ еще болѣе усиливается: оставшіеся за Кубанью, въ резервѣ, думаютъ этимъ ободрить бѣгущихъ, а эти въ свою очередь укоряютъ тѣхъ, какъ измѣнниковъ, и требуютъ подмоги. Отъ быстрого напора толпы, ледъ на рѣкѣ трещитъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проламывается.... Будь при этомъ съ нашей стороны рѣшительное преслѣдованіе, горцы дорого бы заплатились за свою скудную добычу; но только одни ядра провозажаютъ бѣгущихъ и вырываютъ изъ ихъ нестройной толпы нѣсколько жертвъ. Тревога наконецъ умолкаетъ. На слѣдующій день подбираютъ трупы, оставшіеся на пути, и потомъ горцы отдаютъ за нихъ награбленную добычу.

Такого рода нападенія постигали Екатеринодаръ зимою 1855 года. Городъ не былъ къ нимъ приготовленъ; однако и при этомъ, несмотря на общее замѣшательство, грабежъ коснулся только самыхъ незначительныхъ частей его, близкихъ къ Кубани. Безъ сомнѣнія, причина этого лежитъ въ несостоятельности нападавшихъ дѣйствовать внѣ собственной, благопріятствующей имъ мѣстности. Большое счастье, что, при такихъ мгновенныхъ набѣгахъ, они не поджигаютъ строеній; пожаръ былъ бы гораздо страшнѣе ихъ волнственнаго гиканья. Но отчасти религіозные обычаи, отчасти собственные выгоды заставляютъ ихъ шадить строенія, которыя, при случаѣ, могутъ снова доставить имъ добычу.

Если трудно горцамъ перебираться на нашъ берегъ въ значительныхъ силахъ, то легко перебираться по одиночкѣ, или же небольшою партіею. Въ такомъ случаѣ, они не имѣютъ въ виду напасть открыто, а дѣйствуютъ чисто воровски, думая захватить гдѣ—нибудь корову, или пару быковъ, или же застигнутого ночью пѣшехода. При этомъ

иногда они успеваютъ добраться до какого-нибудь уединеннаго хуторка, близкаго къ Кубани, и тамъ только осмѣливаются врываться въ избы. Но лишь одна беззащитность вѣнчаетъ подобный грабежъ успѣхомъ: гдѣ есть ружья, гдѣ можетъ быть отпоръ, — туда они не покажутся открыто. Съ разсвѣтомъ они возвращаются къ Кубани; тутъ, при утреннемъ освѣщеніи, кордонная стража замѣчаетъ ихъ и открываетъ по нимъ огонь, иногда заставляетъ разстаться съ награбленнымъ и налегкѣ спастись вплавь; случается и такъ, что увидать, какъ хищники уже переправились черезъ рѣку и уводятъ быка или корову. Вообще, имѣя въ виду чѣмъ-нибудь попользоваться, горцы не рискуютъ своею жизнью, даже въ такихъ случаяхъ, когда перевѣсъ силы на ихъ сторонѣ. Оттого, напримѣръ, проѣзжіи, имѣя съ собою ружье, хотя бы и не заряженное, можетъ спастись отъ ихъ преслѣдованія, если станетъ грозить имъ прицѣломъ; оттого случалось, что, при разграбленіи станицъ, неприкосновенными оставались тѣ избы, гдѣ кто-нибудь застѣдалъ съ ружьемъ. Разъ въ центрѣ нашей Кавказской линіи послѣдовало нападеніе на одну изъ пограничныхъ станицъ, въ то самое время, когда все взрослое станичное населеніе было на полевыхъ работахъ. Черкесы разорили всѣ избы, забрали въ плѣнъ кого нашли, и не коснулись только одной хижины, гдѣ жилъ ружейный мастеръ, у котораго на тотъ разъ не было въ починкѣ ни одного ружья, и лишь въ разбитое окно выглядывалъ никуда негодный ружейный стволъ.

Но я, кажется, слишкомъ распространился о подвигахъ Закубанцевъ. Это произошло оттого, что въ настоящее время, когда я писалъ и пишу эти строки, въ Екатеринодарѣ нельзя не думать о нападеніяхъ. Ноябрь, декабрь и почти весь январь здѣсь стояло тепло, какъ весною; даже дожди перепали рѣдко, а чаще грѣло отрадное солнце. Въ полѣ зеленѣла трава, деревья приготовились распуститься, а передъ окнами моей квартиры, на грядкахъ, постоянно цвѣли анютины глазки. Зимною глядѣть на нихъ не то что весело, а какъ-то забавно. Но къ исходу января подулъ сѣверовосточный вѣтеръ, принесъ, какъ водится, морозы, такъ что земля затвердѣла, взялась бѣлымъ пухомъ, а Кубань сперва загусила льдомъ, и наконецъ стала. Все это не дурно: безъ зимы годъ не въ годъ, притомъ же не мѣшаетъ запастись и льдомъ на знойное лѣто. Однако еще больше не мѣшаетъ заботиться о собственномъ существованіи. Кубань такъ близка, а горцы такъ злы; они, безъ сомнѣнія, не забыли, что не далѣе мѣсяца одинъ изъ ихъ прикубанскихъ ауловъ былъ сожженъ нашимъ отрядомъ... И вотъ поневолѣ говоришь о нападеніяхъ; поневолѣ думаешь о нихъ, видя, что подлѣ постовъ появились подкрѣпленія, что въ переулкѣ явилась пушка, гдѣ прежде ея не бывало. — Но .

Есть наслажденія и въ дикости лѣсовъ...

есть наконецъ нѣчто пріятное и въ ожиданіи хищническаго набѣга. Случалось ли вамъ, напримѣръ, въ безопасныхъ русскихъ губерніяхъ, ночью, когда васъ одолеваетъ сонъ, вслушиваться въ уныло-протяжный крикъ часоваго: «слушай»? Не правда ли, вамъ иногда не слишкомъ по душѣ приходится этотъ возгласъ, и вы, не вникая въ довольно-плачевное положеніе часоваго, думали: охота жь ему заливаться такимъ благимъ матомъ?.. Но перенеситесь на берегъ Кубани, пусть окна вашей квартиры глядятъ на рѣку, скованную льдомъ, по которому того и гляди перебѣгутъ горцы. Сонъ здѣсь также сладокъ, какъ и на берегахъ Москвы или Волхова, и также уныло-протяжно; ночью, достигаетъ вашего слуха окликъ часоваго (1). Но къ нему прислушиваешься съ отраднымъ трепетомъ, и ждешь повторенія его, какъ вполне милаго аккорда: значить, покой вашъ стерегутъ, и вы можете предаться ему тѣмъ съ большимъ наслажденіемъ... Не отвернитесь же гордо отъ такого, по видимому, эгоистическаго чувства: отъ него, повѣрьте, не станетъ хуже часовому, а собственное ваше положеніе немного просвѣтлѣетъ; отъ него родится въ васъ то благодатное настроеніе, когда влечешься къ ближнему, ощущаешь живую связь съ нимъ, видишь въ немъ брата, друга, нѣчто необходимое для нашего счастья, и такъ наконецъ проникаешься его положеніемъ, что чувствуешь въ себѣ способность возвыситься на ту точку, съ которой только и можно христіански прощать ближнему всѣ его черныя стороны...

Н. Вороновъ.

Новыя изслѣдованія преосвященнаго Макарія по древней русской словесности.

Недавно появились въ свѣтъ первые три тома «Исторіи Русской Церкви» преосвященнаго Макарія, обнимающіе періодъ времени отъ введенія христіанства въ Россію до 1240 года.

Высокій интересъ предмета, до сихъ поръ мало обработаннаго, безпристрастный взглядъ челоуѣка просвѣщеннаго и отчетливое знакомство съ рукописными источниками—даютъ новому сочиненію пр.

(1) Замѣчу мимоходомъ, что на нѣкоторыхъ постахъ часовому не безопасно протягивать свой обыкновенный окликъ: горцы стрѣляютъ на звукъ, и очень мѣтко. Оттого, напримѣръ, въ Абинскомъ укрѣпленіи, которое со всѣхъ сторонъ окружено было недремлющими хищниками, отданъ былъ приказъ часовымъ, стоявшимъ на крѣпостномъ валу,— не тянуть *слушай*; одинъ затыгивалъ *слу...* а вся сторожевая цѣпь мигомъ за нимъ подхватывала: *шай, шай, шай...*

Макарія значеніе первокласнаго историческаго труда, а обиліе занимательныхъ подробностей, новыхъ мыслей и открытій въ области древне-русской письменности—дѣлають эту книгу необходимою для каждаго интересующагося протекшими судьбами нашего отечества.

Не ограничиваясь предѣлами церковной, іерархической исторіи, авторъ сумѣлъ коснуться самыхъ жизненныхъ вопросовъ современной исторической науки и предложилъ болѣе или менѣе удовлетворительное ихъ разрѣшеніе. Какъ вторая или третья попытка, въ этомъ родѣ, нарисовать полную картину христіанской жизни нашего отечества, «Исторія Русской Церкви» пр. Макарія не чужда нѣкоторыхъ недостатковъ, извиняемыхъ отчасти временемъ и настоящимъ состояніемъ русской исторической науки, гдѣ вопросъ о византійскомъ вліяніи до сихъ поръ не находитъ ни одного сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта, но будущій историкъ и всякій занимающійся русскою стариною неразъ съ благодарностью помянетъ достойный трудъ пр. Макарія, пролившій такъ много свѣта на этомъ тернистомъ пути, а современная наука не можетъ не встрѣтить его съ чувствомъ полной, глубокой признательности. Нѣтъ сомнѣнія, что достоинство и значеніе «Исторіи Русской Церкви» будутъ оцѣнены въ непродолжительномъ времени знатоками отечественной исторіи; а потому, оставляя въ сторонѣ всякія преждевременныя сужденія, мы позволимъ себѣ, въ настоящемъ случаѣ, сказать нѣсколько словъ о трудахъ того же автора, касающихся исторіи нашей древней словесности. Большая часть изъ нихъ была помѣщена на страницахъ «Извѣстій Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности», и отсюда цѣликомъ внесена въ новое сочиненіе со многими важными выписками изъ древнѣйшихъ рукописей и библиографическими указаніями на источники.

Изслѣдованія пр. Макарія относятся преимущественно къ поучительному отдѣлу нашей древней литературы, къ проповѣдникамъ и пастырямъ церкви, каковы: преподобный Феодосій Печерскій, Кирилль Туровскій и др. Авторъ очень подробно излагаетъ содержаніе ихъ поученій и молитвъ, и предлагаетъ собственныя замѣчанія о ихъ литературномъ характерѣ и достоинствѣ, объ отношеніи ихъ къ современному обществу и той средѣ, для которой предназначались онѣ—однимъ словомъ, въ его очеркахъ мы имѣемъ полное обзорнѣе сочиненій нашихъ духовныхъ писателей съ точки зрѣнія церковнаго историка. Въ этой необходимой односторонности, условленной характеромъ цѣлаго сочиненія, находится, по нашему мнѣнію, главное достоинство литературныхъ обзорнѣй пр. Макарія; какъ лицо духовное, близко знакомое съ исторіею развитія христіанскаго богословія, онъ могъ яснѣе понимать сочиненія такихъ писателей, какъ Кирилль Туровскій, могъ живѣе чувствовать то впечатлѣніе и вліяніе, какое производили на окружающее общество его поученія. Дѣйствительно, его

приговоры, основанные на честномъ изученіи дѣла и близкомъ знакомствѣ съ предметомъ — имѣютъ для насъ особую цѣну и значительно отличаются отъ всѣхъ доселѣ существовавшихъ мнѣній нашихъ историковъ литературы. Мы постараемся въ немногихъ словахъ познакомить съ ними читателей «Русскаго Вѣстника».

Въ судьбахъ нашей древней поучительной словесности можно замѣтить два главныхъ направленія: теоретическое и практическое. Первое стремилось къ тому, чтобы сдѣлать истины новой вѣры осязательными и доступными для непросвѣщенныхъ язычниковъ, укоренить въ душѣ ихъ первыя представленія христіанскихъ догматовъ и живыми примѣрами объяснить имъ сущность новаго ученія. Практическое же направленіе давало вещественное значеніе этимъ духовнымъ идеямъ, непосредственно вводило въ жизнь и указывало на ихъ примѣненіе. Первое имѣло поучительный характеръ, второе—обличительный. Представителями этихъ двухъ направленій, по всей справедливости, можно назвать двухъ писателей—пастырей: Кирилла, епископа Туровскаго, и Θεодосія, преподобнаго игумена Печерскаго.

Начнемъ съ послѣдняго, какъ старѣйшаго по времени и представителя практическаго направленія.

«Сочиненія великаго игумена Печерскаго (1062—1074), которыя донинѣ остаются извѣстными, большею частью, только по имени (1), и изъ которыхъ одни сохранились въ полномъ своемъ составѣ, а другіе въ отрывкахъ, можно раздѣлить на четыре класса. Къ первому принадлежатъ два поученія его, обращенныя вообще къ народу русскому; ко второму—девять поученій, сказанныхъ собственно киево-печерскимъ инокамъ; къ третьему—два посланія къ князю Изяславу; къ четвертому—двѣ молитвы къ Богу.»

Всѣ сочиненія Θεодосія, по мнѣнію пр. Макарія, отличаются совершенною простотою и краткостью, но проникнуты жизнію и пламенною ревностью о благѣ ближнихъ. Тонъ ихъ обличительный и вмѣстѣ глубоко—наставительный; языкъ — церковно-славянскій, но имѣющій нѣкоторыя особенности въ словахъ и оборотахъ рѣчи и не чуждый вліянія языка народнаго.

Чтобы подтвердить эту характеристику, мы позволимъ себѣ привести нѣсколько частныхъ, прямо характеризующихъ то время, среди котораго жилъ и дѣйствовалъ Θεодосій.

(1) Извѣст. Ак. Наукъ т. 4 в. VI. 1855. Это было писано тогда, когда сочиненія Θεодосія, напечатанныя во 2-й книгѣ «Ученыхъ Записокъ Академіи Наукъ по 2-му отдѣленію», еще не являлись въ свѣтъ, но были извѣстны пр. Макарію, какъ издателю ихъ. Въ примѣчаніяхъ къ «Исторіи Русской Церкви» находятся нѣкоторыя сочиненія Θεодосія, не вошедшія въ прежнее изданіе и напечатанныя съ дипломатическою точностью, чѣмъ, къ сожалѣнію, не можетъ похвалиться изданіе Академіи.

Язычество было еще во всей своей силѣ, и народъ, называясь народомъ христіанскимъ, продолжалъ прежнюю, старинную жизнь, воспитанную на языческихъ преданіяхъ, и не имѣлъ силы отказаться отъ обаяній старины. Объясняя народу значеніе *казней Божіихъ*, каковы: нашествіе иноплемениковъ, бездождіе, голодъ, Феодосій обличаетъ въ нечестіи своихъ соотечественниковъ, убѣждаетъ ихъ покаяться и жить по-христіански, а не по-язычески: «напримѣръ, не по-язычески ли мы поступаемъ, говоритъ онъ, когда, встрѣтивъ чернеца или черницу, или свинью, или лысаго коня, возвращаемся назадъ? Такого суевѣрія держатся по наученію отъ дьявола. Иные вѣрятъ чиханію, которое часто бываетъ на здравіе главъ; но этимъ обольщаетъ дьяволъ, равно какъ и другими обычаями и искушеніями, удаляющими насъ отъ Бога, волхвованіемъ, чародѣніемъ, блудомъ, запоемъ, рѣзоиманіемъ (мздоимствомъ?), прикляды (постомъ или лихвою?), воровствомъ, лжею, завистью, клеветою, *зубами* (дракой?), *скоморошествомъ*, гуслими и другими играми и непотребными дѣлами.» Указывая на частныя заблужденія и пороки, Феодосій особенно возстаетъ противъ пьянства и грабежа: «осматривай руки твои и испытывай, продолжаетъ онъ, чисты ли онѣ отъ грабежа и мздоимства: если ты грабилъ и бралъ лихву и корчемный откупъ, или кого приобидѣлъ чѣмъ-либо... то не воздѣвай рукъ твоихъ, пока не очистишься отъ всякаго зла.. О горе, и еще скажу, о горе пребывающимъ въ пьянствѣ! Пьянствомъ отгоняемъ отъ себя ангела хранителя и привлекаемъ къ себѣ злаго бѣса; черезъ пьянство удаляемся отъ Св. Духа и приближаемся къ аду. Бѣсы радуются нашему пьянству и, радуясь, приносятъ дьяволу пьянственную жертву отъ пьяницъ. Дьяволъ, радуясь, говоритъ: никогда я столько не услаждаюсь жертвами язычниковъ, сколько пьянствомъ христіанъ, потому что въ пьяницахъ находятся всѣ дѣла моего хотѣнія. Ангелы же святые, пришедши, повѣдали св. отцамъ съ великою печалію, чтобы они писаніемъ отучили христіанъ отъ пьянства, но не отъ питья: ибо иное пьянство злое, а иное питіе въ мѣру, и въ законъ, и въ приличное время, и во славу Божію». Въ другомъ своемъ поученіи къ народу Феодосій снова вооружается противъ господствовавшего тогда пьянства и обычая пѣть тропари за чашами, приводитъ правила св. отцовъ, запрещающія пьянство, и указываетъ на то униженіе, до какого доходитъ пьяница, отдавая себя на посмѣяніе всѣмъ людямъ: «Бѣсный страдаетъ невольно и удостоится жизни вѣчной мукъ. Къ бѣсному придетъ іерей, сотворитъ молитву,—и прогонитъ бѣса; а къ пьяному хотя бы сошлись іереи всей земли и сотворили надъ нимъ молитву,—то не прогнали бы отъ него бѣса самовольнаго пьянства.»

Видно, что подобныя увѣщанія были вызваны насущными потреб-

ностями современнаго общества и той среды, пастыремъ которой былъ Феодосій. Съ одной стороны языческія вѣрованія не охотно уступали мѣсто новымъ началамъ, исподоволь проникавшимъ въ жизнь; съ другой — самые нравы эпохи, нравы грубые, не сдерживаемые никакимъ нравственнымъ закономъ, поражали множество пороковъ и заблужденій, съ которыми не могли примириться высокія христіанскія требованія нашего знаменитаго подвижника. Потому-то его поученія къ народу имѣютъ характеръ по преимуществу общительный; они направлены или противъ язычества или противъ частныхъ пороковъ, каковы пьянство, грабежъ, корчемный откупъ и др. Къ сожалѣнію до насъ дошли только два такія поученія къ народу; остальные же девять обращены уже исключительно къ киево-печерскимъ инокамъ. Монахъ Кіево-Печерской лавры, преподобный Несторъ, въ своей лѣтописи, посвятилъ нѣсколько одушевленныхъ страницъ описанію родной обители и жизни ея подвижниковъ. Пѣтя въ виду благое назиданіе потомству, онъ выставилъ лишь свѣтлую сторону монастырской жизни и не коснулся слабой. Поученія игумена Феодосія восполняютъ этотъ недостатокъ, достойнымъ образомъ заканчивая ту живую картину современнаго общества, какую встречаемъ мы въ его очеркахъ, полныхъ любви и кроткаго обличенія. Кромѣ частныхъ отношеній и поводовъ, по которымъ написаны они, кромѣ указанія нѣкоторыхъ недостатковъ иноческой современной жизни, поученія преподобнаго Феодосія предлагаютъ богатѣйшій матеріалъ для воссозданія всего древне-русскаго монастырскаго быта и имѣютъ особенную цѣну для историка нашей церкви. Преосвященный Макарій очень удачно воспользовался ими въ своемъ новомъ сочиненіи; но изслѣдователь, слѣдящій за движеніемъ литературной жизни нашего отечества, едва ли найдетъ многое въ этихъ поучительныхъ наставленіяхъ, замѣчательныхъ развѣ краткостью и изящною простотой своей формы, составляющею отличительный характеръ всѣхъ сочиненій преподобнаго Феодосія.

« Поучая народъ и братію, преп. Феодосій поучалъ нерѣдко и самихъ князей не только словомъ, но и чрезъ писанія. Преп. Несторъ свидѣтельствуетъ о посланіяхъ его къ великому князю Святославу и въ особенности объ одномъ весьма великомъ посланіи, въ которомъ старецъ сильно обличалъ князя за похищеніе имъ кіе夫скаго престола у брата своего Изяслава. Къ сожалѣнію, всѣ эти посланія не дошли до насъ. Сохранились только два посланія къ великому князю Изяславу. »

Первое посланіе имѣетъ своимъ предметомъ рѣшеніе двухъ вопросовъ: можно ли въ день воскресный, *еже есть недѣля*, закалать вола, или овна, или птицу, или что другое, и ѣсть ихъ мясо? Феодосій разрѣшаетъ эти вопросы примѣрами изъ священной исторіи. Вообще характеръ вопросовъ, по замѣчанію пр. Макарія, указыва-

еть на самыя первыя времена нашей церкви. Другое посланіе—гораздо важнѣе перваго—разсуждаетъ о вѣрѣ варяжской или латинской. Здѣсь Феодосій исчисляетъ князю разныя отличія латинской вѣры отъ православной, говоритъ о *недобрыхъ* обычаяхъ латинянъ; а затѣмъ учитъ его, какъ должно держать себя по отношенію къ латинской вѣрѣ и ея послѣдователямъ. Въ этомъ посланіи обозначились тѣ религіозныя вопросы, какіе занимали нашихъ князей, и за разрѣшеніемъ которыхъ они обращались къ пастырямъ и учителямъ церкви. «Надобно однако замѣтить, говоритъ пр. Макарій, что между обвиненіями на латинянъ, излагаемыми въ посланіи, находятся и такія, которыя могли относиться къ частнымъ лицамъ, а отнюдь не ко всей Римской церкви, или даже представляются не совсѣмъ вѣрными. Это могло произойти отъ двухъ причинъ: отъ того, что преп. Феодосій судилъ о заблужденіяхъ Латинянъ только по слухамъ, и отъ того, что такія именно обвиненія и многія другія подобныя взводили тогда на латинянъ въ Греціи и вообще на Востокъ».

Такимъ образомъ всѣ сочиненія преп. Феодосія написаны не на какія-либо отвлеченныя или произвольно придуманныя темы, а соотвѣтственно современнымъ потребностямъ и, изображая умъ и сердце самого писателя, не мало обрисовываютъ и его время. Онъ, какъ мы уже замѣтили, можетъ быть названъ представителемъ исключительно практическаго направленія нашей древней поучительной словесности, того направленія, задача котораго состояла въ осуществленіи и примѣненіи къ явленіямъ грубой чувственной жизни язычника высокихъ уроковъ христіанской нравственности. Кирилла Туровскаго назвали мы представителемъ другаго направленія — теоретическаго. Оно сказалось всего болѣе въ его словахъ, произнесенныхъ имъ во храмѣ предъ народомъ. «Каждое изъ этихъ словъ начинается приступомъ, въ которомъ болѣею частью выражена какая-либо общая мысль, не всегда однакожъ удачно приспособленная къ послѣдующему изложенію слова. Въ самомъ словѣ обыкновенно изъясняется предметъ праздника, раскрываются обстоятельства воспоминаемаго событія, его значеніе и слѣдствія, или излагается притча. При изъясненіи подробностей событія или притчи проповѣдникъ почти вездѣ старается показатъ ихъ переносный, таинственный смыслъ, иногда естественно и вѣрно, иногда довольно принужденно и произвольно. Краткія евангельскія сказанія болѣею частью распространяетъ, нѣкоторыя простыя и несложныя событія представляетъ въ образной драматической формѣ, и въ уста дѣйствующихъ лицъ влагаетъ длинныя рѣчи и объясненія, которыя, хотя, разсматриваемыя отдѣльно, иногда прекрасны, но не всегда естественны и не рѣдко дѣлаются утомительными при чтеніи, нарушая единство слова... Вообще о словахъ святителя Туровскаго можно сказать, что отдѣльныя мѣста въ нихъ есть весьма хорошія и даже прекрасныя; но цѣ-

лаго вполне выдержаннаго и современнаго слова нѣтъ ни одного; что въ нихъ довольно искусственности и изысканности, какъ въ сочетаніи мыслей, такъ и въ выраженіяхъ, и очень мало нравственныхъ наставленій, — слѣдовательно не достаетъ двухъ самыхъ главныхъ свойствъ проповѣдей Св. Златоуста: общедоступности и нравственнаго преобладающаго направленія.» (Изв. т. 5 в. 5, р. 228.)

Таково мнѣніе пр. Макарія о словахъ Кирилла Туровскаго. Дѣйствительно, разсматриваемая съ литературной точки зрѣнія, его церковныя поученія поражаютъ обиліемъ иносказательныхъ, символическихъ толкованій и витіеватаго риторизма; они едва ли могли быть доступны пониманію того общества, для котораго предназначались; стремленіе объяснять самыя простыя истины и событія метафорическими уподобленіями, игривая фантазія и иногда витіеватый языкъ, сообщаютъ его поученіямъ видъ загадочности и неопредѣленнаго символизма.

Но если символизмъ поученій Кирилла Туровскаго много вредилъ ихъ относительному литературному достоинству и общедоступности, то все же въ немъ нельзя не видѣть личнаго литературнаго дарованія и оригинальности. Для того, чтобы укоренить въ душахъ новопросвѣщеннаго общества высокія нравственныя идеи христіанской вѣры, проповѣдники того времени обыкновенно прибѣгали къ уподобленіямъ и символамъ, заимствуя ихъ изъ тѣхъ теологическихъ представленій, какія были въ ходу у западныхъ и восточныхъ современныхъ духовныхъ писателей; стоитъ только сравнить любое непонятное поученіе туровскаго святителя съ византійскою теологическою наукою XI и XII вѣка (1), чтобы отыскать въ ней его полное объясненіе и оправданіе. Къ сожалѣнію пр. Макарій не обратилъ должнаго вниманія на этотъ и важный и любопытный предметъ, и оттого въ его изслѣдованіяхъ почти не замѣтно тѣхъ живыхъ связующихъ нитей, какія соединяли нашу духовную словесность съ ея византійскимъ прототипомъ.

Сочиненія Кирилла Туровскаго, обращенныя къ инокамъ, отличаются тѣмъ же характеромъ символизма и нравственнаго аскетизма, но представляютъ уже менѣе непонятнаго и иносказательнаго: въ нихъ виднѣе мысль, хотя и она часто находится подъ сильнымъ вліяніемъ воображенія и фантазіи. За то молитвы его запечатлѣны простотой, естественностію, и проникнуты живымъ христіанскимъ чувствомъ.

(1) Въ извѣстныхъ сочиненіяхъ Пипера (Mythologie und Symbolik d. christlich. Kunst) и Вольфганга Менцеля (Christliche Symbolik) мы находимъ цѣлую обстоятельную исторію христіанскихъ символическихъ представленій, предлагающую множество любопытныхъ данныхъ для сближенія и разъясненія такихъ сочиненій, каковы поученія Иларіона и Кирилла Туровскаго.

Кромѣ сочиненій Кирилла Туровскаго, дошедшихъ до насъ и несомнѣнно ему принадлежащихъ, есть еще сочиненія его *потерянныя*, или, по крайней мѣрѣ, доселѣ остающіяся въ неизвѣстности, и есть сочиненія *сомнительныя*, приписываемыя ему безъ достаточныхъ основаній. Имъ посвящается пр. Макарій послѣднюю главу своего литературнаго очерка. *Обзоръ редакцій кіево-печерскаго патерика, преимущественно древнихъ* (Извѣст. т. V, вып. 3), принадлежащій тому же автору, представляетъ очень подробное изложеніе различныхъ редакцій этой замѣчательной книги относительно одной только внѣшней формальной стороны ея: «Патерикъ Печерскій не есть сочиненіе одного какого-либо человѣка. Ни Несторъ, ни Симонъ, ни Поликарпъ не написали Патерика. Первый составилъ только житіе преп. Феодосія и помѣстилъ въ своей лѣтописи нѣкоторыя сказанія о подвижникахъ печерскихъ. Второй написалъ свое посланіе къ частному лицу, въ назиданіе которому упомянулъ о нѣкоторыхъ подвижникахъ печерскихъ. Третій хотя предназначалъ свое посланіе для чтенія всѣхъ братій Печерской обители, но повѣствуетъ также только о нѣкоторыхъ подвижникахъ печерскихъ, и дѣлаетъ обращенія къ частному лицу...» Всѣ редакціи кіево-печерскаго Патерика относительно историко-литературныхъ условій «оказываются болѣе или менѣе несовершенными, потому что ни одна изъ нихъ не сохранила сочиненій Нестора, Симона и Поликарпа о печерскихъ подвижникахъ безъ измѣненій, а нѣкоторыя даже измѣнили ихъ значительно. И въ этомъ отношеніи сравнительно-лучшими редакціями можно назвать: Арсеньевскую, Акакіевскую, Кассіановскую....; но несправедливо требовать, чтобы составители Патерика заботились только сохранить въ подлинномъ видѣ означенныя сочиненія Нестора, Симона и Поликарпа, когда эти сочиненія написаны разными лицами и съ разными цѣлями, не имѣютъ между собою связи и единства, а два обращены притомъ къ частнымъ лицамъ. Нѣтъ, долгъ составителей Патерика былъ тотъ, чтобы изъ разныхъ сочиненій о печерскихъ подвижникахъ составить одинъ общій сборникъ, который бы, по возможности, соотвѣтствовалъ идеѣ Патерика, представлялъ собою одно определенное цѣлое и обращенъ былъ ко всѣмъ православнымъ христіанамъ... — и въ этомъ случаѣ всѣ редакціи Патерика оказываются болѣе или менѣе совершенными, потому что всѣ могли болѣе или менѣе достигать своей цѣли, доставляя христіанамъ назидательное чтеніе о подвижникахъ печерскихъ.»

Будемъ надѣяться, что преосвященный Макарій, ученый, обладающій громадными свѣдѣніями и рѣдкимъ историко-критическимъ талантомъ, такимъ же образомъ оцѣнитъ и внутреннее литературное достоинство редакцій Патерика печерскаго и ихъ различныя измѣненія. Прочное начало этому уже положено въ его новомъ историческомъ трудѣ, счастливаго продолженія котораго, безъ сомнѣнія, съ нетерпѣніемъ ждетъ вся образованная русская публика.

С.

АРХЕОЛОГІЯ И НОВѢЙШЕЕ ИСКУССТВО.

Бельгійскій живописецъ Генрихъ Лейсъ. — Не разъ проводили остроумныя параллели между двумя торговыми республиками новѣйшихъ временъ, въ судьбѣ которыхъ было въ самомъ дѣлѣ много тождественнаго: обѣ отличались богатствомъ, изъ котораго дѣлали благородное употребленіе, обѣ любили изящныя искусства и покровительствовали имъ, обѣ произвели двѣ знаменитыя школы живописи и, по странному стеченію обстоятельствъ, отличительнымъ качествомъ обѣихъ школъ былъ блистательный колоритъ, живѣйшее чувство краски. Эти школы давно уже умерли, но между тѣмъ какъ старѣющая Венеція нынѣ живетъ одною прошлою славою Тиціана и Павла Веронеза, небольшое Бельгійское государство; эта древняя Фландрія — родина Ванъ-Эйковъ, Рубенса и Теньера, произвело въ наши дни новую школу живописи, которая вступила въ смѣлое соперничество съ обширными и славными школами Франціи и Германіи. Отъ своихъ предковъ она получила въ наслѣдіе то же живое чувство краски, и оно, вмѣстѣ съ усовершенствованнымъ рисункомъ, составляетъ и нынѣ ея отличительнѣйшее качество.

Эта новая бельгійская школа живописи родилась въ наши дни. Когда глава ложно-классической школы во Франціи; знаменитый живописецъ Луи-Давидъ, по возвращеніи Бурбоновъ на тронъ, былъ изгнанъ въ 1816 году изъ Франціи, онъ удалился въ Брюссель, гдѣ продолжалъ свою неутомимую дѣятельность до самой смерти (онъ умеръ въ 1828 г.). И здѣсь успѣлъ онъ основать школу. Талантливѣйшимъ изъ его учениковъ оказался Навецъ, который былъ сдѣланъ директоромъ Брюссельской академіи художествъ — должность, которую онъ и теперь занимаетъ. Онъ первый началъ пролагать тотъ путь, по которому пошла брюссельская школа. Правильный, по лучшимъ образцамъ образованный рисовальщикъ, онъ не отличается еще ни глубиною чувства, ни колоритомъ. Среди этого начинавшагося развитія живописи въ Брюссель, вдругъ на выставкѣ 1830 г. появилась большая историческая картина антверпенскаго живописца Вапперса, разомъ уничтожившая вліяніе ложно-греческихъ и римскихъ идей, античной миеологіи и театральнаго паеоса. Она указала современнымъ бельгійскимъ живописцамъ, что единственными образцами ихъ должны быть — природа и старинныя національныя ихъ живописцы, въ которыхъ вполне выразился народный характеръ. Вапперстъ былъ осыпанъ почестями и сдѣланъ директоромъ Антверпенской академіи художествъ. Съ тѣхъ поръ въ Бельгіи возникли двѣ школы: брюссельская и антверпенская. Въ первой, вслѣдствіе преобладанія въ Брюссель французскаго элемента въ администраціи,

языкъ, литературѣ и общественныхъ нравахъ, нельзя не замѣтить вліянія французскихъ живописцевъ, въ особенности Делароша; вторая школа—чисто національная. Бельгія нынѣ по справедливости гордится своими живописцами: Галлѣ, Добнеръ, Декейзеръ, Маду, Виллемсъ, Стевенсъ, Амманъ, Вербунговенъ, Портельсъ и многіе другіе поставили ее на ряду съ самыми славными нынѣшними европейскими школами живописи, и тотъ, кто посѣтилъ и собственными глазами видѣлъ превосходное устройство и систему преподаванія въ Антверпенской академіи художествъ, долженъ сознаться, что въ будущемъ ей предстоитъ еще болѣе блестящее развитіе.

Когда въ 1855 году въ Парижѣ происходило неслыханное въ лѣтописяхъ искусства торжество—выставка художественныхъ произведеній современныхъ художниковъ всего міра,—изо всей толпы блестящихъ бельгійскихъ живописцевъ одинъ вышелъ побѣдителемъ, котораго превосходство должны были признать Маду и Виллемсъ: это былъ профессоръ Антверпенской академіи художествъ Генрихъ Лейсъ. Югу парижскій, составленный изъ лучшихъ европейскихъ знатоковъ искусства, присудилъ изъ всѣхъ бельгійскихъ живописцевъ ему одному большую почетную золотую медаль. Когда онъ возвратился на родину, восторженные сограждане и депутации значительнѣйшихъ городовъ дали ему торжественный обѣдъ, на которомъ поднесли ему золотой вѣнокъ. Его картины составляютъ теперь лучшее украшеніе королевскихъ и аристократическихъ галлерей: онъ продается на вѣсь золота.

Я познакомился въ первый разъ съ произведеніями Лейсы въ Брюсселѣ. Любопытно ихъ содержаніе. Одно изъ самыхъ раннихъ представляетъ шайку средневѣковыхъ разбойниковъ и разной сволочи, которая, среди темнаго двора какой-то грязной гостинницы, дѣлитъ между собою награбленную добычу. Въ этихъ характеристическихъ «визіоніяхъ», въ особенности двухъ цыганокъ, столько истины, движущія ихъ страсти высказываются съ такою естественностью, что можно на ихъ лицахъ прочесть повѣсть ихъ жизни, всю лѣтвицу, по которой они дошли до этого жалкаго положенія. Или вотъ еще картина: церковь, наполненная прихожанами, слушающими проповѣдь фанатическаго католическаго священника, во время религиозныхъ смуть XVI вѣка; каждое изъ этихъ лицъ разнообразной толпы слушаетъ сообразно съ своимъ поломъ и возрастомъ: старушка дремлетъ, юноша поглядываетъ на скромную красавицу, политическія страсти готовы вспыхнуть въ груди стараго гражданина этихъ мятежныхъ городовъ. Чѣмъ далѣе шель Лейсъ въ своемъ искусствѣ, въ своемъ историческомъ жанрѣ (это родъ его живописи), тѣмъ глубже постигалъ онъ тайну характеристики лицъ. Въ особенности прославили его слѣдующія картины.—«Альбрехтъ Дюреръ въ Антверпенѣ». Великій нѣмецкій художникъ рассказываетъ въ своемъ днев-

никъ, что въ 1520 г. онъ видѣлъ въ Антверпенѣ большую процессію, въ которой принимали участіе всѣ городскіе цехи. Онъ оставилъ любопытное описаніе этой религіозной и гражданской церемоніи. Вотъ по узкой улицѣ, среди высокихъ домовъ, съ остроконечными крышами, въ самомъ дѣлѣ вышла процессія изъ церкви Пресвятой Дѣвы: передъ нами проходятъ съ знаменами и свѣчами арбалетчики. Хозяинъ Альбрехта Дюрера, который съ другомъ своимъ Квинтиномъ Мессисомъ и семействомъ смотрятъ съ балкона, Юстъ Планкфельдъ, объясняетъ ему разныя сословія и ихъ значки; Эразмъ Роттердамскій въ свою очередь толкуетъ ихъ женѣ Дюрера, Агнесѣ Фрей. Она въ бѣломъ атласномъ платьѣ, на которомъ вытканы большіе цвѣты. Тутъ же и служанка Дюрера Сусанна и другія лица нагнулись съ балкона и смотрятъ внизъ. — «Прогулка Фауста и Вагнера за городомъ въ день Свѣтлаго Воскресенія Христова». Позади душный средневѣковый городъ съ его зубчатыми стѣнами, узкими улицами и высокими домами. Фаустъ и Вагнеръ сидятъ въ отдаленіи и смотрятъ на эту мимопроходящую толпу:

Смотри, оглянися, изъ тѣсныхъ воротъ,
 Шумя и пестрѣя, какъ валитъ народъ!
 Имъ весело, любо! всякъ хочетъ сегодня
 Отпраздновать день Воскресенья Господня!
 Воскресли вы сами изъ вашихъ гробовъ:
 Изъ грязныхъ рабочихъ, изъ темныхъ домовъ,
 Изъ улицы, спертой рядами строеній,
 Изъ душныхъ подваловъ, изъ сумрачной сѣни
 Суровыхъ церквей — чтобы въ грудь
 Весеннюю радость вдохнуть!

Какое солнце разлито по всему ландшафту! Этотъ молодой человекъ, ведущій подъ руку дѣвушку, одѣтую въ бархатъ и шелкъ, вѣроятно повѣрялъ ей тайны своего сердца; за ними мѣрнымъ шагомъ идутъ почтенные родители. Другіе сидятъ на скамьяхъ и отдыхаютъ. Какъ тяжелы движенія этихъ горожанъ и мѣщанъ! какъ неловко имъ въ ихъ роскошныхъ воскресныхъ платьяхъ! какое самодовольство на ихъ будничныхъ лицахъ! сколько глупой наивности въ дѣвушкѣ! Это торжество высшаго комизма; тутъ нѣтъ и тѣни карикатуры. — Одно изъ важнѣйшихъ произведеній Лейса, принадлежащее барону Гутгайсу въ Брюсселѣ, представляетъ *паннихиду по Бертаю де Газе*. Этотъ начальникъ старинной корпораціи арбалетчиковъ завѣщалъ по смерти своей въ 1512 г. капеллѣ корпораціи, въ церкви Пресвятыя Дѣвы въ Антверпенѣ, рыцарское свое вооруженіе, чтобы оно повѣшено было въ память о немъ на стѣнахъ капеллы. Въ тридцатый день совершаются по завѣщателѣ паннихиду. Мы въ хорѣ церкви, гдѣ передъ алтаремъ съ зажженными свѣчами совершается служеніе. Тутъ лежитъ даръ покойника: его латы, его колчанъ и арбалета. На колѣнахъ, пе-

редь налоежь (grie-Dieu), стоитъ женщина, въ бѣломъ атласномъ платьѣ; широкій капшонъ скрываетъ ея лицо, но во всемъ ея положеніи видна ея глубокая горестъ, ея теплая молитва. По правую руку отъ нея, юноша, стоящій неподвижно, поддерживаетъ на плечѣ голову своего младшаго брата, который рыдаетъ отчаянно, въ то время, какъ третій братъ, еще малютка, отираетъ слезы красною полою его плаща. Неподвижный юноша, насильно скрывающій свои слезы, неподражаемъ это одно изъ лучшихъ созданій искусства. Въ его лицѣ столько простоты и вмѣстѣ съ тѣмъ столько сознанія собственнаго достоинства. Гробовая доска скрыла на вѣки отца его; онъ чувствуетъ, что сталъ теперь главою семейства. За этую превосходною группой, потрясающею чувствомъ и красотой, ствятъ на колѣнахъ дочери и родственницы покойника; за ними его товарищи, эти грубые по наружности люди общинъ XVI вѣка, въ толстой шерстяной одеждѣ и въ грубой обуви. Сколько выразительности въ пѣвичихъ, сидящихъ на хорныхъ скамьяхъ! Эти лица взяты изъ дѣйствительности, но они перенесены за триста лѣтъ. Вся композиція картины необыкновенно строга.

По прїѣздѣ моемъ въ Антверпенъ, весною 1856 года, я тотчасъ поспѣшилъ навѣстить Лейса и осмотрѣть мастерскую знаменитаго живописца. Онъ живетъ rue Noboken, № 852. Городъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе: широкая, какъ море, рѣка, покрыта огромнымъ числомъ гигантскихъ кораблей; повсюду жизнь и торговля; вездѣ богатство или довольство. Въ старинныхъ частяхъ города Антверпенъ сохранилъ еще свою физиономію изъ XVI столѣтія. Это не веселыя, свѣтлыя улицы Брюгге, но улицы темныя и узкія, съ высокими домами въ нѣсколько этажей. Видно, что многояудный городъ долженъ былъ стѣсниться въ предѣлахъ своей городской стѣны. Не только въ одеждѣ, но и въ домашнихъ обычаяхъ сохранилось много слѣдовъ суроваго испанскаго владычества. Одна прогулка по улицамъ города, короткое знакомство съ его архитектурною физиономіей—наглядно объяснили мнѣ, почему Лейсъ выбралъ этотъ XVI вѣкъ постоянною темой своихъ картинъ. Художникъ встрѣтилъ меня въ своей мастерской со всею добродушною любезностію своего народа. Лейсъ—мущина среднихъ лѣтъ, высокаго роста, типъ толстаго, веселаго Фламандца. Онъ очень общителенъ съ друзьями искусства, и я провелъ у него нѣсколько незабвенныхъ для меня часовъ въ бесѣдѣ, посвященной его искусству и воспоминанію средневѣковыхъ памятниковъ, видѣнныхъ нами въ Бельгіи и Германіи. Онъ любитъ въ особенности Франкфуртъ-на-Майнѣ и Нюрнбергъ: эта привязанность понятна каждому, кто видѣлъ его картины. Самая мастерская его дышитъ XVI вѣкомъ: стѣны ея, по вкусу того времени, покрыты нѣкогда славившеюся, нынѣ рѣдкою, мехельнскою кожею и уставлены мебелью, посудою, оружіемъ того времени. Можно

подумать, что это кабинетъ антикварія. Но всего любопытнѣе были для меня его альбомы съ этюдами, его картины. Одна изъ нихъ стояла на мольбертѣ, и художникъ только-что началъ заготовлять ее. Она представляла опять новую сцену изъ вѣчно-юнаго Фауста Гёте, моментъ, когда Фаустъ видитъ въ первый разъ Гретхенъ; но и здѣсь опять не Фаустъ играетъ главную роль, а разнохарактерная толпа, выходящая изъ церкви. Живописецъ остается постоянно вѣреть избранному имъ вѣку: и историческія его картины и поэтическія легенды, всѣ принадлежатъ періоду, ознаменованному огромнымъ переломомъ въ религиозныхъ и политическихъ убѣжденіяхъ западныхъ народовъ. Онъ любитъ всею душой людей время реформаціи: онъ знаетъ ихъ задушевные мысли, ихъ глубокія убѣжденія, ихъ физиономию. Не ищите въ его картинахъ красоты внѣшней въ мужчинахъ или женщинахъ: это не идеальные типы, а простая дѣйствительность, настоящая и потому художественно-изящная. Ему извѣстна походка этихъ людей также хорошо, какъ и думы, проведенія на этихъ грубыхъ лицахъ глубокіе слѣды. Онъ изучалъ это XVI столѣтіе не только съ любовью художника, но и съ увлеченіемъ антикварія. Ему извѣстна въ мельчайшихъ подробностяхъ вся внѣшняя обстановка жизни этой эпохи: архитектура домовъ и церквей, моды и костюмы, одежда горожанъ и игрушки дѣтей. Онъ кажется современникомъ Альбрехта Дюрера; онъ кажется былъ въ кабинетъ Эразма, который изобразилъ съ необыкновенною поэзіею въ другой извѣстной картинѣ. Кто же передалъ ему это удивительное знаніе, кто посвятилъ его въ тайну прошлаго, кто были его духовные предки — живописцы? Эти вопросы приходятъ невольно на умъ, когда разсматриваешь картины Лейса. Ясно, что его учителями были окружающая его жизнь, на которую я указалъ выше, и тѣ великіе фламандскіе и нѣмецкіе художники, которые сами принадлежали XVI вѣку и прославили его: Квинтинъ Мессисъ, Альбрехтъ Дюреръ и преимущественно Гольбейнъ. Онъ вполне проникнуть ими; въ ихъ произведеніяхъ открылъ онъ ту струю современной имъ жизни, которая съ такимъ обиліемъ разлилась въ его собственныхъ произведеніяхъ. Какъ они, онъ не только исполненъ истины во внѣшности матеріальной, но и въ выраженіи лицъ и въ жестахъ. Обогащенный опытами нашего вѣка въ живописи, онъ умѣлъ отклонить отъ себя ихъ часто сухой рисунокъ, негармоническій колоритъ, неширокій стиль. Во всѣхъ его произведеніяхъ можно отличить двѣ манеры: къ первой — ранней, относятся тѣ картины, которыя напоминаютъ сосредоточенные эффекты Рембрандта. Таковы: «Разбойники», картина, принадлежащая королю Бельгійскому, и «Проповѣдь», находящаяся въ Брюссельскомъ музеѣ. Онѣ написаны въ томъ золотисто-коричневомъ тонѣ, который отличаетъ безцѣнные произведенія Рембрандта. Новѣйшія работы Лейса принадлежатъ его второй манерѣ: въ нихъ свѣтъ и тѣни распределены съ гораздо боль-

шимъ разнообразіемъ, рисунокъ твердь и кисть отличается тѣмъ широкимъ стилемъ, который составляетъ принадлежность немногихъ первоклассныхъ художниковъ.

Новые каталоги Дрезденской картинной галлерей.—Вѣроятно, въ памяти всѣхъ тѣхъ, которые посѣщали Дрезденъ, сохранилось живое воспоминаніе не только о превосходной его картинной галлерей, но и о томъ жалкомъ, старинномъ, сыромъ и недостаточно освѣщенномъ зданіи, въ которомъ, въ нетопленныхъ зимою комнатахъ, сохранялись лучшіе перлы блестящей эпохи живописи. Въ теченіи ста девяти лѣтъ, второе художественное собраніе въ мірѣ помѣщалось—въ придворной конюшнѣ! Страшная порча, которой подвергались въ этомъ зданіи неудобно разставленныя картины, принудила, наконецъ, саксонское правительство соорудить новую галлерей, достойную, какъ зданіе, сохранять Сикстинскую Мадонну Рафаэля, Христа Тиціанова и Ночь Корреджіо. По плану искуснаго архитектора Земпера, извѣстнаго также многими учеными трудами, сооруженъ нынѣ великолѣпный новый «музей», украшенный статуями и фресками лучшихъ современныхъ художниковъ. Онъ открытъ публикѣ съ лѣта 1856 г. и составляетъ новое монументальное украшеніе одного изъ самыхъ поэтическихъ городовъ Германіи.

Къ открытію музея, въ которомъ старые знакомцы являются изумленнымъ взорамъ въ новомъ, неожиданномъ блескѣ, поручено было извѣстному живописцу Юлію Гюбнеру составить офіціальный каталогъ. Этотъ замѣчательный трудъ вышелъ подъ заглавіемъ: «Verzeichniss der k. Gemälde-Gallerie zu Dresden. Mit einer historischen Einleitung und Notizen über die Erwerbung der einzelnen Bilder. Dresden 1856. Авторъ, послѣ долголѣтняго знакомства съ сокровищами галлерей, предпослалъ каталогу историческое введеніе о происхожденіи, умноженіи и постепенномъ образованіи галлерей, которое принадлежитъ къ любопытнѣйшимъ матеріаламъ для исторіи знаменитыхъ картинъ. Оно стоило автору многихъ трудовъ, потому что составлено по старымъ инвентаріямъ, актамъ, перепискамъ и т. д., хранящимся въ разныхъ архивахъ.

Скромны были начинанія этой величественной галлерей. Въ 1560 году курфирстъ Августъ I образовалъ такъ-называемую «Кунсткаммеру», гдѣ соединилъ, съ наивностью XVI вѣка, всякаго рода собранныя уже его предками «рѣдкости» и картины. Замѣчательно, что въ числѣ послѣднихъ находились, кромѣ картинъ Кранаха и Дюрера, приобретенныхъ можетъ-быть еще Фридрихомъ Мудрымъ, превосходныя картины великихъ итальянскихъ художниковъ, на примѣръ знаменитая Венера Тиціана; также два прекрасные ландшафта Клодъ-Лоррена. Эти картины свидѣтельствуютъ о ранней любви правителей Саксоніи къ итальянскому искусству. Любовь эта возрасла до такой степени, что по первому дошедшему до насъ каталогу, составленно-

му въ 1722, галерея считала уже 1938 картинъ. Въ 1747 году она была окончательно устроена въ сказанномъ «придворномъ конюшенномъ зданіи» (Stallgebäude), гдѣ въ нижнемъ этажѣ находилось 130 стойлъ для лошадей и сараи для придворныхъ каретъ. Здѣсь прожила она самую блестящую эпоху своихъ пріобрѣтеній, совпадающую съ правленіемъ двухъ великихъ меценатовъ искусства, Августа II и въ особенности Августа III (1733—1763) и его всемогущаго министра, графа Брюлля, котораго имя еще до сихъ поръ сохраняетъ живописная терраса на берегахъ Эльбы, памятная всѣмъ путешественникамъ. Эта эпоха началась покупкою Гольбейновой Мадонны, одного изъ знаменитѣйшихъ произведеній великаго нѣмецкаго живописца, извѣстной подъ именемъ «Мадонны Базельскаго бургомистра Иакоба Мейера», котораго колѣнопреклоненное семейство изображено находящимся подъ защитою Божіей Матери. Отъ одного изъ потомковъ бургомистра, для котораго картина была первоначально написана, она покупкою перешла въ Амстердамъ и наконецъ въ Венецію, гдѣ остроумный и знаменитый другъ Фридриха Великаго и Августа III, графъ Алгаротти пріобрѣлъ ее у фамиліи Дельфино для Дрезденской галереи за 1000 цекиновъ. Съ разными издержками и доставкою, это лучшее созданіе кисти Гольбейна обошлось въ 4,000 р. сер. Въ 1745 начались переговоры о покупкѣ знаменитой галереи ста картинъ, принадлежавшей моденскому герцогу Францу д'Эсте, Король саксонскій, пламенно любившій искусство, воспользовался мгновеннымъ денежнымъ затрудненіемъ, въ которомъ находился герцогъ, и пріобрѣлъ у него сто картинъ за 100,000 цекиновъ (300,000 р. сер.). Эта сумма ничтожна, если подумать, что за нее онъ получилъ шесть картинъ Корреджіо, въ томъ числѣ его знаменитую «Ночь» и «Св. Магдалину», шесть картинъ Тиціана, въ томъ числѣ его неподражаемаго «Христа и Фарисея съ монетою», шесть превосходнѣйшихъ Павловъ Веронезе, множество картинъ Каррачей и другихъ знаменитыхъ болонскихъ художниковъ. Какъ въ наши дни возвысилась цѣна на знаменитыя художественныя произведенія, читатели могутъ судить потому, что одна картина Мурильо, его знаменитая «Мадонна», изъ галереи маршала Сульта, была куплена луврскимъ музеемъ въ Парижѣ за 615,300 франковъ! Покупка Моденской галереи была произведена въ Италіи съ величайшею скрытною, и уполномоченныя лица и ихъ посредники, корыстолюбивые и пронырливые Итальянцы, вели трудное дѣло съ дипломатическою тонкостью. Саксонскіе посредники употребляли даже для переписки особенныя цифры, и всѣ имена художниковъ и мѣстъ были замѣнены придуманными именами. Такъ напримѣръ, знаменитый венеціанскій живописецъ Пальма Веккіо назывался—Шпрангеръ, а самая Венеція—Форли. Эта таинственность была необходима: въ самой Моденѣ раздалось много недовольныхъ голосовъ, и сдѣлка не разъ готова

была рушиться. Въ 1746 году наконецъ, деньгами, подкупами и хитростью, все дѣло было улажено, и картины доставлены въ Дрезденъ. Когда въ Италиі распространилась вѣсть о такой выгодной, по тогдашнимъ понятіямъ, продажѣ, родилась вездѣ страсть продавать знаменитыя произведенія искусства. Итальянцы начали предлагать Рафаэлю «Св. Цецилію» за 15,000 дукатовъ, его «Скрипача» и «Форнарино», и знаменитую картину Доминикино «Діана съ нимфами». Даже монахини въ Фолиньо уже сторговались въ цѣнѣ за знаменитую «Madonna di Fuligno» Рафаэля, находившуюся тогда еще въ ихъ монастырѣ, но неловкость саксонскаго посредника, какого-то неизвѣстнѣйшаго нѣмецкаго живописца, испортила все дѣло.

Съ тою же скрытностію приобрѣтены были, въ 1748 г., 69 картинъ въ императорской галлерей въ Прагѣ, въ томъ числѣ превосходные Нидерландцы, напримѣръ: Рубенсова «Кабанья охота», Вант-Дейка—портретъ Карла I и его супруги; въ 1752 «Нинъ и Семирамида», Гвидо Рени, и наконецъ 1753, главнѣйшая драгоценность, перлъ Дрезденской галлерей, «Сикстинская Мадонна» Рафаэля. Когда Августъ III, будучи еще наслѣднымъ принцемъ, путешествовалъ по Италиі и разсматривалъ это произведеніе съ величайшимъ удивленіемъ, онъ вознамѣрился его приобрѣсть, но это удалось ему только черезъ 20 лѣтъ. И въ этомъ дѣлѣ, въ этомъ художественномъ объединеніи Италиі, опять посредникомъ былъ Итальянецъ: болонскому живописцу Карлу Цезарю Джіованнини удалось приобрѣсть ее для Дрезденской галлерей у монаховъ бенедиктинскаго монастыря Св. Сикста, въ Пиаценцѣ, для котораго Рафаэль написалъ это чудо искусства за 20,000 дукатовъ (около 60,000 р. сер.). По контракту съ монахами, покупатель долженъ былъ имъ изготавить на свой счетъ копию, сдѣланную венеціанскимъ живописцемъ Ногари, которая въ монастырѣ и теперь обыкновенно выдается за оригиналъ. Последнее замѣчательное приобрѣтеніе запрестольной картины Баньякавалло было сдѣлано въ 1755 г. Со смертію короля Августа III въ 1763, обогащенія галлерей прекратились, и только въ новѣйшее время приобрѣтено было пятнадцать, отчасти превосходныхъ картинъ испанской школы изъ собранія короля Луи-Филиппа.

Разказавъ исторію составленія Дрезденской галлерей, авторъ упоминаетъ о другихъ происшествіяхъ съ картинами этого собранія и обращаетъ преимущественное вниманіе на реставраціи, которымъ онѣ подвергались. Далѣе описываетъ онъ нынѣшнее зданіе и распредѣленіе въ немъ картинъ. Затѣмъ начинается собственный каталогъ, расположенный въ историческомъ порядкѣ, по школамъ. Сперва упомянуто имя каждаго живописца, потомъ сообщаются краткія хронологическія извѣстія о немъ, описаніе картины, историческія извѣстія, когда и для кого она писана, когда и за какую сумму приобрѣтена, и кѣмъ реставрирована. По этому офціальному каталогу Дрезден-

ская галерея нынѣ считаетъ 2202 картины. Извѣстно, что лучшія изъ нихъ нѣсколько разъ гравированы и наконецъ изданы, въ видѣ большой литографированной коллекціи, Гамерштенгелемъ. Для двухъ знаменитыхъ Мадоннъ Рафаэля и Гольбейна въ новомъ музеумѣ устроены двѣ особыя, отлично освѣщенные залы.

Но такого краткаго, хоть и отчетливо составленнаго каталога не достаточно: въ нашъ любознательный вѣкъ, люди образованные, но не хорошо знакомые съ исторіею и эстетикоискусства, посѣщая картинныя галереи, желаютъ найти руководителя, который въ ясномъ очеркѣ объяснилъ бы имъ исторію развитія каждой школы, главныя ея направленія и цѣли, отличительныя ея признаки, мѣсто, которое занималъ въ ней извѣстный художникъ, характеръ его произведеній и наконецъ историческую и эстетическую оцѣнку картинъ, находящихся передъ глазами. Извѣстный писатель объ искусствѣ, фонъ-Квандтъ, издалъ подобнаго рода путеводитель для многочисленныхъ посѣтителей Дрезденской галереи подъ заглавіемъ: *Begleiter durch die Gemälde-Sammlung des Koniglichen Museums zu Dresden* (1856), во многихъ отношеніяхъ прекрасно исполняющій свое назначеніе.

При разсмотрѣніи этихъ двухъ каталоговъ, нельзя не выразить искренняго желанія, чтобы превосходная картинная галерея С. Петербургскаго Эрмитажа обогатилась въ скоромъ времени подобнымъ же описаніемъ собранныхъ въ ней памятниковъ живописи. Матеріалы для составленія ея исторіи обильны; біографіи художниковъ большею частію основательно изслѣдованы и, вѣроятно, найдутся люди, одаренные историческими и эстетическими свѣдѣніями, которые, умнымъ описаніемъ, критикою и истолкованіемъ, придадутъ новое и увеличенное значеніе собраннымъ тамъ сокровищамъ.

К. ГЕРЦЪ.

ПОЛЯРНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ МАКЪ-КЛЮРА.

Еще въ 1850 году открытъ Макъ-Клюромъ такъ называемый сѣверо-западный проходъ изъ Тихаго Океана въ Атлантическій, а между тѣмъ полное описаніе этого открытія появилось только въ концѣ прошлаго года, благодаря трудамъ одного изъ полярныхъ плавателей, г-на Шерарда Осборна, который издалъ его по дневнику Макъ-Клюра, подъ заглавіемъ: *The discovery of the North West Passage by H. M. S. Investigator, capt. R. M'Clure*. Извѣстно, что въ 1850 году для отысканія Франклина отправлена была большая эскадра въ трехъ отдѣленіяхъ. Главное изъ нихъ, подъ начальствомъ капитана Бельчера, пустилось по слѣдамъ Франклиновыхъ судовъ, то-есть

изъ Атлантическаго моря въ Полярное; второе отдѣленіе, подъ начальствомъ лейтенанта Пуллена, отправилось сухимъ путемъ къ устью рѣки Макензи; третье, состоявшее изъ кораблей «Энтерпрайза» и «Инвестигатора», подъ начальствомъ капитана Коллинсона, должно было идти изъ Тихаго океана черезъ Беринговъ проливъ и искать прохода къ Атлантическому океану. «Энтерпрайзъ» постоянно опережалъ «Инвестигатора», и когда послѣдній пришелъ 1-го іюля къ назначенному сборному пункту въ Говолулу, столицу Сандвичевыхъ острововъ, то оказалось, что «Энтерпрайзъ» уже побывалъ тамъ, запаса свѣжею провизіей и отправился далѣе. Ранняя зима полярныхъ странъ заставляла дорожить каждымъ часомъ, и «Инвестигаторъ» въ три дня изготовился къ отплытію. Начальникъ его, капитанъ Макъ-Клоръ, чтобы выиграть время, рѣшился даже предпочесть обычному пути на Петропавловскъ и мимо Камчатки кратчайшій, но опасный путь чрезъ малоизвѣстный Алеутскій архипелагъ, въ которомъ плаваніе затрудняется сверхъ того сильнымъ теченіемъ къ западному берегу Америки и чрезвычайно густымъ туманомъ. О послѣднемъ можно составить себѣ понятіе по тому, что морскія птицы натывались иногда на такалажъ корабля и падали на палубу. 29-го іюля, оставивъ за собой Беринговъ проливъ, прошли полярный кругъ и одѣли экипажъ въ арктическое платье. Въ заливѣ Коцебу увидѣли корабль «Пloverъ», поджидавшій искателей Франклина съ запасами. Такъ какъ «Энтерпрайзъ» еще не приходилъ, то «Инвестигатору» въ первый разъ представилась перспектива предпринять полярное плаваніе одному. Обогнувъ мысъ Лисбурнъ, замѣтили судно «Геральдъ», крейсеровавшее по ту сторону Берингова пролива для собиранія свѣдѣній о Франклинѣ и его спутникахъ. «Инвестигаторъ» пополнилъ съ этого корабля свою провизію и, простившись съ нимъ, пошелъ далѣе. Напрасно командиръ «Герольда», капитанъ Келлетъ, еще сигналами предлагалъ Макъ-Клору подождать «Энтерпрайзъ» только два дня; ему отвѣчали: «Непремѣнный долгъ. Не могу принять на себя отвѣтственность». 6-го августа миновали мысъ Барро, крайнюю сѣверо-западную оконечность Америки. Ближайшею цѣлью былъ теперь островъ Мельвила, лежащій 3 град. къ сѣверу и около 38 град. далѣе къ востоку. Въ 1820 году Парри достигнулъ его изъ Атлантическаго океана, и поэтому онъ назначенъ былъ сборнымъ мѣстомъ для искателей Франклина. Корабль шелъ постоянно невдалекѣ отъ сѣвернаго берега Америки. Этотъ берегъ представлялся сплошною равниною. Почва состоитъ изъ сивей глины; ни одинъ камень, ни одинъ холмъ не нарушаютъ ея однообразія. Съ самаго берега взоръ теряется въ безконечной зеленой плоскости, покрытой мохомъ, травою и цвѣтами, и прерываемой только свѣтлыми прудами прѣсной воды. Многочисленные стада сѣверныхъ оленей бродили по этому пространству, и мореплаватели не могли надивиться такой новой для нихъ картинѣ въ близкомъ соседствѣ съ вѣчными льдами полярныхъ водъ. 11-го августа термометръ

показывалъ въ тѣни $+ 1^{\circ}$ Реом. Случайныя посѣщенія со стороны вороватыхъ Эскимосовъ не прекращались во все время. 15-го августа представилось одно изъ самыхъ рѣдкихъ зрѣлищъ—гроза подъ 70° градусомъ широты. Термометръ поднялся до $+ 6^{\circ}$; западный вѣтеръ нанесъ черныя тучи, громъ и молнію. Черезъ два дня замѣтили въ первый разъ тонкій слой льду или, по-русски, *сало* на морѣ. 21-го августа достигли устья Макензіевой рѣки, которой вода нагрѣвала морскую до $+ 3^{\circ}$ Реом. На другой день «Ивестигаторъ» миновалъ Ричардовъ островъ, а 23-го августа проходилъ вдоль того же берега лейтенантъ Пулленъ на возвратномъ пути къ устью Макензи, но, къ удивленію, объ экспедиціи, бывшія въ столь близкомъ сосѣдствѣ, не замѣтили одна другой: лучшее доказательство, какъ трудно выводить изъ напрасныхъ поисковъ за пропавшими рѣшительное заключеніе, что они погибли.

«Ивестигаторъ» уже оставилъ за собой русскій берегъ Америки и проходилъ теперь англійскимъ, но Эскимосы, подвластные королеву Викторіи, оказывали весьма мало расположенія къ своимъ бѣлымъ согражданамъ; напротивъ, они даже грозили имъ своимъ слабымъ оружіемъ. Когда удавалось войти въ сношеніе съ ними, они, по обыкновенію, разказывали о погибшихъ неподалеку Европейцахъ, а на вопросъ, когда это было, одинъ изъ нихъ преважно отвѣчалъ, что можетъ-быть въ прошломъ году, а можетъ-быть и тогда, какъ онъ былъ еще ребенкомъ. Такъ загадочно простодушны бываютъ обыкновенно Эскимосы въ своихъ показаніяхъ. Не смѣсь ли это естественнаго желанія заинтересовать мореходцевъ въ свою пользу, съ неумѣніемъ выдержать принятую на себя роль?

Но и полярный кругъ имѣетъ свои свѣтлыя точки. У мыса Батурста, миляхъ въ семидесяти отъ Мельвилева острова, Англичане попали на очень дружелюбныхъ Эскимосовъ, и притомъ видный собою и дородный народъ; изъ женщинъ нѣкоторыя были даже красавицы: по крайней мѣрѣ такъ показалось морякамъ послѣ долгой разлуки съ прекраснымъ поломъ. Устроили даже балъ, послѣ котораго любезныя дамы пригласили къ себѣ избранныхъ матросовъ на берегъ; и моряки часто вспоминали это счастливое время въ послѣдствіи, когда стояли съ замерзшимъ кораблемъ у Банковской земли. Эскимосы занимались китоловствомъ по самому простому способу. Нельзя было не дивиться ихъ мастерству въ черченіи картъ: всѣ береговыя линіи обозначали они по глазомѣру очень вѣрно; но море ли лежитъ на сѣверъ или суша, этого они не знали; на всѣ подобные вопросы отвѣчали они съ нѣкоторымъ содроганіемъ, что тамъ живутъ бѣлые медвѣди.

4-го сентября, не доходя мыса Парри, замѣтили на берегу большіе огни. Сначала думали, что ихъ зажгли Эскимосы, но потомъ убѣдились, что это горящіе вулканы, возвышавшіеся не болѣе 50 футовъ надъ водой. Берегъ, вообще плоскій, поднимался мѣстами даже фу-

товъ на триста или на пятьсотъ и былъ изрѣзанъ глубокими разсѣлками, обнаруживавшими синюю глину. Вблизи вулкановъ найдены были лужи съ сильно-окисленною купоросомъ водой. Къ сожалѣнью, не было на кораблѣ ни одного натуралиста, который могъ бы точнѣе изслѣдовать это любопытное явленіе природы.

6-го сентября достигли мыса Парри, и когда утромъ погода сдѣлалась яснѣй, на сѣверовостокъ замѣтили гористую землю. Это было первымъ открытіемъ экспедиціи, и теперь представлялась возможность достигнуть окончательной ея цѣли. Успѣшнымъ плаваніемъ такъ далеко на востокъ она обязана была береговой полыньѣ, или полюсъ не замерзшей воды, окаймлявшей сушу; поэтому если новооткрытая земля простиралась далеко къ сѣверу, то можно было надѣяться достигнуть вдоль ея и Мельвилева острова. Капитанъ Макъ-Клюръ сошелъ на берегъ, чтобы торжественно принять во владѣніе эту землю, которую онъ назвалъ Барринговой, не подозрѣвая, что это южный край того самаго острова, котораго сѣверозападную часть еще въ 1819 году видѣлъ Парри и назвалъ Банковской землей. Мысъ, возвышавшійся въ видѣ крѣпости на 1000 футовъ, наименованъ Нельсоновымъ носомъ. Растительность имѣла здѣсь болѣе южный характеръ, чѣмъ слѣдовало ожидать; свѣжіе слѣды оленей и зайцевъ и перелетныя стаи дикихъ гусей производили отрадное впечатлѣніе.

Имѣя этотъ живописно раскинутый берегъ влѣво, продолжали идти къ сѣверовостоку и 9-го сентября вдругъ увидѣли вправо отъ себя другую землю, которую назвали въ честь принца Алберта. Въ глубинѣ ея виднѣлись высокіе снѣжные холмы, тогда какъ равнина не носила еще зимней одежды. Мѣстами показывались конусы вулканическаго образованія. 10-го сентября утромъ экспедиція находилась всего въ 60 миляхъ отъ Баррова пролива, то-есть отъ прямого, непосредственнаго пути въ Атлантическій океанъ! Макъ-Клюръ, какъ видно изъ секретнаго его дневника, уже предчувствовалъ свое открытіе. «Возможно ли, говоритъ онъ, чтобы такое ничтожное созданіе, какъ я, было избрано совершить то, чего тщетно добивались въ теченіе вѣковъ величайшіе умы и таланты! Но хвала Тому, Кто довелъ насъ сюда цѣлыми и невредимыми! Мудрость міра сего передъ Нимъ безуміе.» Но на другой же день перемѣнилась погода. Сильный сѣверо-западный вѣтеръ понизилъ термометръ до 5° и нагналъ льду въ проливъ Принца Валлійскаго, какъ названъ былъ достопамятныи рукавъ между Банковымъ островомъ и Принцъ-Албертовой землей. До 17-го сентября «Ивестигаторъ» еще успѣлъ нѣсколько подвинуться впередъ: онъ былъ уже только въ *восемми* миляхъ отъ той цѣпи водъ, которая подъ именемъ проливовъ Мельвиля, Барро и Ланкастера простирается на востокъ до Баффинава залива. Но тутъ-то именно и заперло его льдомъ. Часто ледяныя массы приходили въ движеніе, и корабль трещалъ, скрипѣлъ и стоналъ подъ ихъ напоромъ; шумъ

былъ оглушительнѣе до того, что вахтенный офицеръ, рапортуя капитану, долженъ былъ кричать ему надъ самымъ ухомъ. 21-го октября, послѣ того, какъ ледъ установился вполне, капитанъ Макъ-Клюръ отправился съ шестью человѣками пѣшкомъ отыскивать проливъ Барро. Запасъ, который везли они съ собою въ саняхъ, естественно долженъ былъ ограничиться самымъ необходимымъ: можно было взять съ собою только не полные раціоны и самое малое количество дровъ, а между тѣмъ холодъ былъ такъ силенъ, что иногда капли пота замерзали на лицѣ. По ночамъ единственною защитой отъ мороза были парусинныя палатки и большіе мѣховые мѣшки, служившіе постелями. Случалось, что платье и шерстяныя одѣяла довольно плотно примерзали къ тѣлу. Но величайшимъ мученіемъ для путешественниковъ была жажда. Напрасно набирали они снѣгу полонъ ротъ, снѣгъ становился обыкновенно солонъ отъ пробивающейся снизу морской воды, и употребленіе его дѣлало жажду еще томительнѣе. 25-го октября замѣтили они, что подходятъ къ устью пролива Принца Валлійскаго, догадываясь о близости открытаго моря по голубымъ ледянымъ горамъ и долинамъ. Единственное астрономическое наблюденіе, дозволенное пасмурною погодою, показало имъ, что они находятся подъ 73° 25' сѣв. широты. Утромъ 26-го октября, еще до разсвѣта, капитанъ Макъ-Клюръ взобрался на сосѣдній холмъ въ 600 футовъ высоты. Когда солнце взошло, начала постепенно открываться панорама и тутъ, наконецъ, увидѣли ясно, что между устьемъ пролива, въ которомъ замерзъ «Инвестигаторъ», и между островомъ Мельвиля нѣтъ никакой суши, и слѣдственно такъ-называемый «сѣверо-западный проходъ» рѣшительно открытъ. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, хотя надо сказать правду, что проходъ не пройденъ еще никѣмъ, и что по положенію своему онъ вовсе не сѣверо-западный, а скорѣе сѣверовосточный. Удовольствіе въ своемъ открытіи, англійскіе моряки весело провели зиму 1850 года, въ полной надеждѣ воспользоваться ближайшею весной для возвращенія на родину и вовсе не подозревая, какую томительную будущность готовить имъ ледяныя преграды, надолго замкнувшія проливъ и вынудившія ихъ искать себѣ пути въ обходъ на сѣверъ отъ Банкасова острова.

Сколь ни ничтожнымъ представляется намъ теперь практическое значеніе этого открытія, мы отнюдь не можемъ утверждать, чтобы оно осталось такимъ и въ будущемъ. Начать съ того, что, по слѣдамъ искателей Франклина, китоловы пускаются уже гораздо дальше прежняго въ полярныя моря. Что касается теоретической стороны вопроса, то конечно есть нѣчто возвышающее въ мысли, что бѣлый чловѣкъ поднялъ завѣсу и съ этихъ странъ, такъ тщательно скрытыхъ отъ него природою, и что, куда ни проникалъ онъ доселѣ, нигдѣ не находилъ предѣла органической жизни: растительное и животное царство на самыхъ крайнихъ точкахъ сѣвера, какихъ удавалось ему достигнуть.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Въ общемъ ходѣ европейскихъ дѣлъ случаются промежутки, которые не отмѣчены никакимъ ясно обозначившимся событіемъ, и отличаются переходнымъ характеромъ и недоступною для журналовъ и публики работою дипломатіи, усиливающейся пріискать средства къ разрѣшенію того или другаго текущаго вопроса. Къ такимъ промежуткамъ принадлежитъ и послѣднее время. Ни одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, о которыхъ мы говорили въ прежнихъ Обозрѣніяхъ, не разрѣшенъ окончательно; нѣтъ даже вполне достовѣрныхъ свѣдѣній о современномъ положеніи этихъ вопросовъ, а между тѣмъ работа продолжается, кабинеты непрерывно обмѣниваются нотами между собою; представители ихъ присылаютъ свои донесенія и получаютъ инструкціи; но содержаніе этихъ нотъ, донесеній, инструкцій остается предметомъ догадокъ и болѣе или менѣе удачныхъ соображеній для журналистики.

Обратимся, на примѣръ, къ нешательскому вопросу. Конференція, рѣшающая вопросъ этотъ въ Парижѣ, почти двѣ недѣли не имѣла засѣданія. Причиною такого продолжительнаго перерыва въ занятіяхъ конференціи считаютъ ожиданіе прусскимъ уполномоченнымъ дальнѣйшихъ инструкцій отъ прусскаго правительства, которыя должны служить отвѣтомъ на замѣчанія, представленныя въ послѣднемъ засѣданіи конференціи швейцарскимъ уполномоченнымъ, по поводу предъявленныхъ Пруссіею условій. Говорили, что такая медленность сильно не нравится кабинетамъ, желающимъ поскорѣе покончить съ этимъ второстепеннымъ вопросомъ, чтобы заняться другими, болѣе общими и важными; ожидали даже, что представители Франціи, Англіи, Россіи и Австріи, по совѣщанію между собою, изложатъ результаты предшествовавшихъ сужденій, установятъ условія соглашенія между Пруссіею и Швейцаріею, и отъ себя предложатъ эти условія обѣимъ сторонамъ. Эта крайняя мѣра, какъ говорятъ, уже принята ими; во всякомъ случаѣ, одно это ожиданіе свидѣтельствуетъ о томъ, какъ сильно клонится въ пользу скорѣйшаго разрѣшенія нешательскаго вопроса самое общественное мнѣніе Европы, и какъ утомлено его вниманіе медленнымъ ходомъ переговоровъ.

Всѣ журналы единогласно выражали увѣренность, что желанный результатъ этихъ переговоровъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Дѣйствительно, ни та, ни другая сторона ничего не выиграетъ отъ формальнаго прекращенія парижскихъ международныхъ совѣщаній.

Въ Швейцаріи ближайшимъ послѣдствіемъ такой неблагоприятной развязки должно быть торжество такъ-называемой радикальной партіи; но въ то же время слишкомъ тяжелыя условія могутъ возбудить общее неудовольствіе, причѣмъ большинство Союзнаго Сейма можетъ отвергнуть соглашеніе, одобренное исполнительною властію. Въ этомъ отношеніи прусское правительство, или правильнѣе король Прусскій гораздо менѣе стѣсненъ: онъ можетъ отказаться отъ своего права на какихъ угодно условіяхъ. Сохраненіе нынѣшняго неопредѣленнаго и переходнаго положенія дѣлъ было бы весьма неприятно и тяжело для Пруссіи, ибо въ такомъ случаѣ ей остается только взяться за оружіе, чего, какъ извѣстно, отнюдь не желаютъ въ Европѣ; сверхъ того, нешательскіе подданные короля, въ силу временнаго январскаго соглашенія, могутъ возвратиться въ кантонъ свой не прежде, какъ по заключеніи окончательнаго соглашенія между Пруссіею и Швейцаріею. Для Швейцаріи, напротивъ, сохраненіе *statu quo* равносильно безусловному обладанію Нешательскимъ кантономъ, которымъ она уже владѣетъ *de facto* съ 1848 года.

Эти соображенія поддерживали какъ въ Швейцаріи, такъ и въ остальной Европѣ, надежду на возможность соглашенія при условіяхъ, не слишкомъ тягостныхъ для Швейцаріи.

Ни правительство, ни общественное мнѣніе въ Швейцаріи не соглашались уплатить Прусскому королю два милліона франк. въ вознагражденіе за Нешательскій кантонъ. По частнымъ свѣдѣніямъ, швейцарскому уполномоченному, г. Керну, предписано отвергнуть это требованіе, на слѣдующихъ основаніяхъ: во время январскихъ переговоровъ не было даже упомянуто объ условіи такого рода, и Швейцарія согласилась не требовать вознагражденія за расходы, причиненныя сентябрьскимъ движеніемъ, потому что не могла ожидать подобнаго требованія со стороны Пруссіи. Нынѣ, сказано въ инструкціяхъ г. Керну, Швейцарія дѣлаетъ новую уступку: она объявляетъ всепрощеніе нешательскимъ инсургентамъ, не исключая трехъ сотъ роялистовъ, уклонившихся отъ военной службы, бремя которой пало на ихъ товарищей; она согласна поручиться на свой страхъ въ томъ, что эти люди не подвергнутся денежному взысканію за причиненныя ими убытки и сверхъ всего этого отъ нея требуютъ еще два милліона фр. Не на Швейцарію долженъ пасть личный доходъ, получаемый королемъ съ Нешательскаго кантона. Такъ какъ доходъ этотъ падалъ на кантонъ, то послѣдній долженъ бы и выкупить его. Пусть король обратится къ Нешательскому кантону, ибо дѣло идетъ о денежномъ долгѣ этого кантона. Наконецъ, невѣрна самая оцѣнка долга: за вычетомъ всѣхъ расходовъ, соединенныхъ съ званіемъ князя Нешательскаго, оставалось ежегодно не болѣе тридцати тысячъ франковъ, а такой доходъ могъ бы быть выкупленъ съ избыткомъ за единовре-

женное вознагражденіе въ шестьсотъ тысячъ франковъ. Таковы возраженія швейцарскаго правительства противъ условія объ уплатѣ двухъ мил. фран. прусскому королю.

При такомъ разногласіи между Пруссіею и Швейцаріей, конференціи предстояло опредѣлить сумму выкупа, если только она признаетъ законность и необходимость денежнаго вознагражденія.

Ожидали, что также будетъ поступлено съ другимъ условіемъ, представленнымъ отъ Прусскаго короля, именно съ условіемъ о сохраненіи титула князя Нефшательскаго и Валангенскаго. Говорятъ, что сопротивленіе Швейцаріи по этому условію было почти побѣждено приведенными конференціею примѣрами, изъ коихъ нѣкоторые заимствованы изъ собственной ея исторіи. Швейцарскому уполномоченному указали многочисленныя титулы Австрійскаго императора, изъ коихъ нѣкоторые напоминаютъ о древнихъ владѣніяхъ, нынѣ входящихъ въ составъ Швейцарскаго Союза. Императоръ Австрійскій доселѣ носитъ титулъ графа Габсбургскаго, а Габсбургъ принадлежитъ Швейцаріи. Король сардинскій пользуется титуломъ короля Кипрскаго и Іерусалимскаго; Англійскій король Іаковъ пользовался гостеприимствомъ Лудовика XIV, однако не переставалъ титуловаться королемъ Французскимъ. По примѣру ихъ, и Прусскій король можетъ сохранить титулъ, наслѣдованный имъ отъ предковъ. Послѣднимъ возраженіемъ швейцарскаго правительства было высказанное опасеніе, чтобы съ теченіемъ времени титулъ не подалъ повода къ возстановленію прежнихъ правъ Пруссіи на обладаніе Нефшательскимъ кантономъ. Швейцарія желала бы предохранить себя отъ подобнаго случая формальнымъ обязательствомъ со стороны Прусскаго короля, который, безъ сомнѣнія, не откажется представить конференціи всѣ ручательства, согласныя съ его положеніемъ и достоинствомъ. По общему мнѣнію, дѣло заключается собственно не въ условіи о титулѣ, но въ редакціи этого условія.

То же можно сказать о другихъ условіяхъ, касающихся возвращенія имущества протестантскимъ церквамъ; равномернаго распредѣленія расходовъ, причиненныхъ сентябрьскимъ движеніемъ; сохраненія капиталовъ, имѣній и пр., принадлежащихъ благотворительнымъ и учебнымъ заведеніямъ кантона. Швейцарія не отвергаетъ сущности этихъ условій, ибо правительство ея никогда не имѣло въ виду отнять имущества у протестантскихъ церквей, или измѣнить назначеніе имѣній и капиталовъ, завѣщанныхъ барономъ Пюри и многими другими; Швейцарія протестовала только противъ вмѣшательства короля Прусскаго во внутреннія дѣла Союза, даже Нефшательскаго кантона. Но Прусскій король не требуетъ ничего подобнаго: задача опять заключается только въ редакціи упомянутыхъ условій.

Остается вопросъ о пересмотрѣ нынѣшней конституціи въ кантонѣ, состоявшейся 25-го апрѣля 1848 года. Въ статьѣ 71-й этого

акта сказано, что онъ можетъ быть пересмотрѣнъ лишь по прошествіи девяти лѣтъ. Слѣдующія статьи опредѣляютъ образъ пересмотра. Назначенный срокъ наступитъ въ будущемъ маѣ, и потому пересмотръ конституціи возможенъ на законномъ основаніи. Пруссія желаетъ, чтобы пересмотръ былъ отложенъ на полгода или на годъ, хотя по закону онъ можетъ послѣдовать въ скоромъ времени. Швейцарское правительство отвѣчаетъ на это, что оно не можетъ принять на себя такое обязательство, ибо дѣло это касается исключительно Нешательскаго кантона, пользующагося, подобно другимъ кантонамъ, полною независимостію въ этомъ отношеніи. Говорятъ впрочемъ, что швейцарское правительство обѣщаетъ употребить всѣ усилія, чтобы пересмотръ конституціи былъ отсроченъ. По этому пункту обѣ стороны могли согласиться между собою, ибо формальности, съ которыми соединяется пересмотръ конституціи, требуютъ много времени, во всякомъ случаѣ не меньше полугода.

По поводу вопроса о пересмотрѣ нешательской конституціи сообщаютъ еще, что король Прусскій предъявилъ требованіе объ устраненіи гражданъ, *не родившихся въ кантонѣ*, отъ участія въ этомъ пересмотрѣ. Швейцарія противопоставляетъ этому желанію Пруссіи свою союзную конституцію. По швейцарскимъ законамъ, каждый гражданинъ можетъ пользоваться своими политическими правами по дѣламъ того кантона, въ которомъ онъ живетъ извѣстное время. Разрѣшеніе этого спорнаго пункта облегчается тѣмъ, что въ Нешательскомъ кантонѣ господствуетъ въ настоящее время консервативная партія, подъ вліяніемъ которой и совершится пересмотръ конституціи. По крайней мѣрѣ, можно ожидать этого, судя по послѣднимъ выборамъ въ кантонѣ, доставившимъ большинство консервативной партіи.

Парижскіе и бернскіе журналы и корреспонденты не сомнѣвались въ предстоящемъ разрѣшеніи нешательскаго вопроса. «Это разрѣшеніе, сказано въ одномъ письмѣ изъерна, значительно подвигнется впередъ подъ вліяніемъ послѣдней записки г. Керна, въ которой съ большимъ искусствомъ разъяснены спорные пункты. Записка эта была роздана президентомъ конференціи, графомъ Валевскимъ, всѣмъ шести ея членамъ 6-го или 7-го апрѣля. Г. Кернъ не уступаетъ ни въ чемъ и энергически отстаиваетъ права Швейцаріи; но онъ въ то же время указываетъ средства соглашенія. Швейцарское правительство одобрило записку своего уполномоченнаго, и ожидаетъ отъ нея хорошихъ послѣдствій. Какъ скоро условія соглашенія будутъ подписаны въ Парижѣ, швейцарское правительство созоветъ сеймъ, которому предложитъ утвердить ихъ. Вообще не сомнѣваются, что сеймъ утвердитъ условія; но на сторонѣ правительства въ этомъ дѣлѣ уже не будетъ того огромнаго большинства голосовъ, которое поддерживало его предложенія въ прошломъ янва-

рѣ. Тѣмъ не менѣ всѣ партіи будутъ признательны правительству, ибо всѣ онѣ дорожатъ участіемъ европейскихъ державъ въ Швейцаріи. Швейцарія имѣла своего представителя на парижской конференціи и могла защищать свои интересы, тогда какъ въ 1852 году лондонская конференція рѣшила тотъ же вопросъ не въ пользу Швейцаріи, и притомъ безъ участія ея въ международныхъ совѣщаніяхъ.»

Къ сожалѣнію, общія надежды не оправдались. По послѣднимъ извѣстіямъ, проектъ соглашенія, составленный парижскою конференціей, будто бы отвергнутъ какъ Пруссіею, такъ и Швейцаріею.

Немного болѣе приблизился къ разрѣшенію датско-германскій вопросъ. Въ общемъ ходѣ европейскихъ дѣлъ, вопросъ этотъ, конечно, занимаетъ также второстепенное мѣсто; для большинства публики онъ представляется иногда загадочнымъ, запутаннымъ, темнымъ, — а между тѣмъ онъ имѣетъ свое значеніе, ибо тѣсно связанъ съ существующимъ въ Европѣ международнымъ порядкомъ. То, что нынѣ называется датскимъ вопросомъ, можетъ сдѣлаться вопросомъ европейскимъ, какъ дѣла нешательскія, или отношенія между Сардиніею и Австріею. Нашимъ читателямъ уже извѣстно происхождение этого вопроса. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ значительно усложнился, вслѣдствіе дипломатическаго вмѣшательства кабинетовъ вѣнскаго и берлинскаго въ пользу нѣмецкихъ герцогствъ, принадлежащихъ Даніи. Разногласіе между кабинетами копенгагенскимъ съ одной стороны, берлинскимъ и вѣнскимъ съ другой, касается, какъ извѣстно, слѣдующихъ пунктовъ: Пруссія и Австрія требуютъ окончательнаго исполненія той статьи трактата 1850 года, въ силу которой должны быть опредѣлены границы между нѣмецкими и не-нѣмецкими владѣніями Даніи; онѣ не признаютъ за датскимъ правительствомъ и общимъ сеймомъ права располагать государственными имуществами, находящимися въ Голштиніи и Лауенбургѣ, предоставляя это право провинціальнымъ чинамъ; наконецъ, что всего важнѣе, они отстаиваютъ право нѣмецкихъ герцогствъ требовать, чтобы общая конституція, обнародованная 2-го октября 1855 года, была представлена на утвержденіе земскихъ чиновъ этихъ герцогствъ.

Относительно перваго пункта замѣтимъ, что до сихъ поръ дѣйствительно не опредѣлена граница между собственною Даніею и Голштиніею. Въ 1850 году, по подписаніи мира, датское правительство немедленно назначило уполномоченнаго для этой цѣли; но въ то время оказалось, что австрійскій комиссаръ не былъ снабженъ надлежащими инструкціями, а прусскій разсматривалъ вопросъ о границѣ со стороны болѣе археологической, чтобы опредѣлить настоящую «историческую границу», и отвергалъ измѣненія, осященныя временемъ. Комиссія разошлась, не окончивъ дѣла; но въ настоящее время датское правительство объявило, что оно готово вторично приняться за него. По вопросу о государственныхъ имуществвахъ, Данія

признаетъ возможнымъ сдѣлать нѣкоторыя уступки герцогствамъ; но она отвергаетъ необходимость представлять общую всей монархіи конституцію на разсмотрѣніе провинціальныхъ представительныхъ собраний. Въ такомъ случаѣ собственная Данія имѣла бы то же самое право. Герцогства, гдѣ господствуетъ феодальный аристократизмъ, лишили бы конституцію ея общаго демократическаго характера, а собственная Данія, гдѣ преобладаютъ либеральныя стремленія, въ свою очередь, устранила бы изъ конституціи все то, что есть въ ней аристократическаго. При такомъ ходѣ дѣлъ, общая конституція оказалась бы несостоятельною, и монархіи угрожало бы средневѣковое распаденіе. Въ 1848 году мы обязались, говоритъ датское правительство, дать герцогствамъ особую мѣстную конституцію, опредѣлить общимъ закономъ конституціонныя отношенія различныхъ частей монархіи, и мы исполнили эти обязательства; мы не можемъ идти далѣе, не отказываясь отъ своей независимости.

Опасаясь вмѣшательства германскаго сейма во внутреннія дѣла монархіи, датское правительство, какъ мы уже замѣтили, обратилось къ другимъ великимъ державамъ — Англии, Франціи и Россіи. Въ настоящее время, мы не имѣемъ подъ рукою вполне достовѣрныхъ данныхъ о положеніи датско-германскаго вопроса; отрывочныя и большею частию противорѣчивыя извѣстія, сообщенныя въ иностранныхъ журналахъ, не приводятъ ни къ какому положительному результату. Какъ кажется, великія державы, къ которымъ обратилась Данія, не желаютъ сообщить этому дѣлу европейскій характеръ и рѣшить его, какъ вопросъ нефшательскій, на особомъ конгрессѣ. Въ этомъ смыслѣ высказались парижскіе полуофіціальныя журналы. Великія державы желали бы, чтобы дѣло уладилось само собою, по взаимному соглашенію между Даніею съ одной стороны, Пруссіею и Австріею съ другой, причемъ, конечно, въ нѣкоторой степени необходимо ихъ дѣятельное посредничество. Къ тому же, въ послѣднее время въ Даніи пало министерство, душою котораго былъ г. Шеле, составитель общей конституціи 1852 года и тѣхъ дипломатическихъ нотъ, которыми копенгагенскій кабинетъ обмѣнялся въ послѣдніе годы съ кабинетами берлинскимъ и вѣнскимъ. Паденіе г. Шеле можетъ значительно облегчить разрѣшеніе датско-германскаго вопроса. Замѣчательно, что министерство распалось не вслѣдствіе оппозиціи сейма, а вслѣдствіе внутренняго разногласія, вѣроятно, по вопросу о нѣмецкихъ герцогствахъ. Г. Шеле всегда былъ ревностнымъ защитникомъ единства Датской монархіи, и, стремясь къ этой цѣли, не былъ расположенъ къ уступкамъ: можно предполагать, что остальные министры были другаго мнѣнія. Замѣчательно также, что кризисъ этотъ продолжителенъ. Государственные люди Даніи, къ которымъ обратился король съ порученіемъ составить новое министерство, уклонились отъ исполненія этого порученія, при нынѣшнихъ трудныхъ об-

стоятельствахъ. Въ Европѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ развязки, тѣмъ болѣе, что паденіе г. Шеле произвело благопріятное впечатлѣніе какъ въ Берлинѣ, такъ и въ Вѣнѣ.

Въ послѣднее время Черногорія сдѣлалась предметомъ общаго вниманія для европейскихъ кабинетовъ. Внутри этой оригинальной страны враждуютъ двѣ партіи, изъ коихъ во главѣ одной находится нынѣшній владыка, князь Даниилъ, во главѣ другой—дядя и противникъ его, Георгій Петровичъ. Послѣдній принадлежитъ къ числу строгихъ приверженцевъ черногорской старины, независимости и свободы, между тѣмъ какъ князь Даниилъ, по видимому, намѣренъ сдѣлать Черногорцевъ народомъ болѣе осѣдлымъ и земледѣльческимъ. Извѣстно, что набѣги, производимые Черногорцами на сосѣднія турецкія области, болѣею частью объясняются ихъ нуждами и инстинктомъ самосохраненія. Почва Черногоріи не поддается труду челоуѣка и не удовлетворяетъ самыхъ насущныхъ его потребностей. Князь Даниилъ желаетъ примириться съ Портою, и проситъ европейскіе кабинеты о посредничествѣ ихъ въ этомъ дѣлѣ, съ цѣлью склонить Порту къ уступкѣ болѣе плодороднаго пространства земли для Черногорскаго народа. Сосѣдственныя съ Черногоріею области представляютъ много постоянно опустошаемой Черногорцами земли, которую они желаютъ обратить въ свою собственность. Какъ кажется, князь Даниилъ готовъ признать верховную власть Порты надъ тою землею, которая будетъ уступлена Черногорцамъ и которая до сихъ поръ была предметомъ вѣчныхъ раздоровъ между Турками и Черногорцами. Съ этою цѣлію князь Даниилъ отправился въ Парижъ, гдѣ онъ находится въ настоящее время. Противникъ его, Георгій Петровичъ, преслѣдуемый членомъ сената Мирко, которому князь Даниилъ ввѣрилъ управление народомъ на время своего отсутствія, бѣжалъ въ Австрію, гдѣ вступилъ въ сношенія съ графомъ Булемъ и барономъ Будбергомъ, которымъ представилъ жалобу на князя Даниила и его намѣстника. Говорятъ даже, что Георгій Петровичъ требуетъ избранія новаго владыки, и что Австрія и Россія намѣрены принять въ уваженіе его жалобы. Вотъ все, что мы могли извлечь изъ тѣхъ нескладныхъ свѣдѣній о положеніи черногорскихъ дѣлъ, которыя въ обилии сообщаются въ послѣднее время иностранными журналами. Присоединимъ только, что французское правительство желаетъ примиренія Черногоріи съ Турціей и признанія первою верховной власти султана.

Гораздо лучше извѣстна намъ политика Австріи по другому подобному вопросу, именно—о соединеніи Дунайскихъ княжествъ. Въ силу парижакаго протокола 6-го января, австрійскія войска должны были окончателно выйти изъ Княжествъ, гдѣ въ настоящее время начались серіозныя приготовленія къ предстоящимъ выборамъ. По удавленіи австрійскихъ войскъ, въ Букарестъ прибыли одинъ за другимъ

европейскіе комиссары (1), которымъ предстоитъ составить докладъ парижскому конгрессу, по вопросу о преобразованіи Дунайскихъ княжествъ. Такимъ образомъ рѣшеніе этого важнаго вопроса временно перенесено изъ Константинополя и Парижа въ Букарестъ и Яссы: извѣстно, что послѣднею инстанціей по этому дѣлу будетъ парижская конференція. Открытіе дивановъ послѣдуетъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля или въ началѣ мая. Избирательные комитеты, составившіеся въ Яссахъ и Букарестѣ, обнародовали свои программы, въ которыхъ являются жаркими приверженцами соединенія. Общественное мнѣніе въ Княжествахъ такъ сильно расположено въ пользу этой важной мѣры, что многіе кандидаты въ господа: Бибеско, Стирбеи, Кантакузены, Стурдзы, за исключеніемъ молдавскаго каймакана Вогоридеса, не осмѣлились выставить другаго знамени, кромѣ знамени соединенія и самоуправленія. Въ Букарестѣ появились два новые журнала, органы соединенія. Никто уже не сомнѣвается въ рѣшеніи дивановъ по этому вопросу: едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что желанія населенія Княжествъ будутъ исполнены конгрессомъ. Общественное мнѣніе Европы указываетъ на вѣнскій кабинетъ, какъ на главнаго противника соединенія; въ послѣднее время распространились слухи, что не только Англія, но даже Турція готовы уступить общимъ желаніямъ Румыновъ, между тѣмъ какъ Австрія остается непоколебимымъ оплотомъ противодѣйствія этимъ желаніямъ. Если Англія болѣе или менѣе равнодушна къ рѣшенію вопроса о соединеніи Княжествъ, если справедливо, что сама Турція уступаетъ потоку общественнаго мнѣнія, то большинство голосовъ на парижской конференціи должно быть въ пользу соединенія. Лучшая часть населенія Княжествъ понимаетъ это. Она объявила въ своихъ программахъ о необходимости держаться въ предѣлахъ закона и спокойно идти къ желанной цѣли, чтобы не возбудить неблагоприятныхъ для своего дѣла опасеній въ великихъ державахъ. Провозглашая, что партія соединенія есть въ то же время партія прогресса, она строго придерживается началъ парижскаго трактата и желаетъ, чтобы осуществились слѣдующія предполагаемая мѣры: соединеніе Княжествъ, нейтральность ихъ территоріи, сохраненіе внутренней самостоятельности, признанной трактатами, наследственность главы государства, учрежденіе законодательнаго собранія, подчиненіе иностранцевъ, живущихъ въ Княжествахъ, общимъ законамъ страны, признаніе за Княжествами права заключать торговые трактаты, и подтвержденіе всѣхъ этихъ правъ великими державами. Общественное мнѣніе Европы горячо сочувствуетъ этой умѣренной и вмѣстѣ про-

(1) Русскій — г. Базили; французскій — баронъ Талебранъ; англійскій — сэръ-Генри Бульверъ; сардинскій — кавалеръ Бензи; турецкій — Сааде-эфенди; австрійскій — Лиманъ Пальмероде, и прусскій — г. Рихтгофенъ.

грессивной программѣ, а пытается твердую надежду на полное ея осуществленіе. Въ этомъ смыслѣ высказались всѣ лучшіе органы европейской журналистики. Только австрійскіе журналы продолжаютъ уѣзжать, что не одна Австрія, но и Англія съ Турціей придерживаются противнаго мнѣнія. Англійскіе журналы пока обходятъ этотъ щекотливый вопросъ, но рано или поздно имъ придется заговорить о немъ. Сомнительно, чтобы они рѣшились на рѣзкій разладъ съ общественнымъ мнѣніемъ и Княжествъ, и Европы.

Въ Константинополѣ и въ европейской журналистикѣ надѣлало много шума слѣдующее обстоятельство, которое, какъ вообще полагаютъ, не можетъ имѣть важныхъ послѣдствій, но которое все-таки должно быть занесено въ лѣтопись текущихъ событій: одно англійское купеческое судно приняло въ Константинополѣ, такъ сказать на глазахъ турецкихъ начальствъ, значительный грузъ военныхъ запасовъ и доставило ихъ кавказскимъ горцамъ, промѣнявъ на нѣсколько сотъ невольниковъ, привезенныхъ на томъ же суднѣ въ Константинополь. Это случилось еще въ то время, когда отрядъ англійскаго флота находился въ Черномъ морѣ. Русскій посланникъ въ Константинополѣ, г. Бутеневъ, обратилъ вниманіе Порты на это противозаконное дѣло, и тотчасъ назначено строгое изслѣдованіе, съ цѣлью отыскать виновныхъ и сдѣлать невозможными подобные случаи на будущее время. Англійскіе журналы приписываютъ настоящій случай тайнымъ сношеніемъ венгерскихъ эмигрантовъ, проживающихъ въ Константинополѣ, съ кавказскими горцами. Они утверждаютъ, что доставленное горцамъ оружіе было турецкое, а не англійское, и что въ числѣ Европейцевъ, замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одного Англичанина. Слѣдствіе уже окончено, но результатъ его еще не обнародованъ. Говорятъ, что виновными признаны двое пашей, и что они будутъ сосланы.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ объ англо-американскомъ и китайскомъ вопросахъ. Новый англійскій посланникъ лордъ Напиръ былъ отлично принятъ въ Соединенныхъ Штатахъ новымъ президентомъ, который прежде занималъ постъ американскаго посланника въ Лондонѣ; тѣмъ не менѣе Кларендонъ—Даллзсовъ трактатъ о Центральной Америкѣ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ, которыя уже сообщены въ Лондонѣ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ журнальные толки объ этихъ измѣненіяхъ, мы ограничимся тѣми свѣдѣніями, которыя сообщены въ лондонской газетѣ Morning-Post, признанной за органъ англійскаго министерства.

Извѣстно, что цѣлью трактата было полюбовное разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ по дѣламъ Центральной Америки. Въ трактатѣ было предположено опредѣлить въ точности границы между штатами Никарагво и Коста-Рика; въ силу 3-й статьи трактата Москитосскимъ Индійцамъ предоставлено право самоуправленія въ на-

значенной имъ области. Съверо-Американскій сенатъ измѣнилъ это условіе съ цѣлью совершенно устранить англійское вліяніе на Москитосскихъ Индѣйцевъ. Статья, которою Англія и Соединенные Штаты обязались не дѣлать штатамъ Никарагва и Коста-Рика никакихъ другихъ, болѣе выгодныхъ предложеній, если они откажутся ратификовать трактатъ, исключена изъ проекта. Эти повидимому не важныя измѣненія свидѣтельствуютъ о томъ, какъ тщательно противодействуютъ Соединенные Штаты англійскому вліянію не только на Москитосовъ, но и вообще на дѣла Центральной Америки. Въ дополнительныхъ статьяхъ къ трактату измѣнено условіе, запрещавшее вводить невольничество на островахъ Бухты—колоніи, недавно уступленной Англіею Гондурасской республикѣ. Въ конвенціи, заключенной по этому поводу между Англіею и Гондурасомъ, въ 1855 году, было прямо сказано, что невольничество никогда не можетъ быть введено на этихъ островахъ. По видимому Англія не соглашается одобрить послѣднее измѣненіе: приписывая его вліянію приверженцевъ невольничества, органъ англійскаго министерства съ негодованіемъ протестуетъ противъ видовъ этой партіи и противъ того учрежденія, которое она отстаиваетъ; за то, Англія готова на уступки по нѣкоторымъ пунктамъ трактата, такъ что дѣло уладится окончательно посредствомъ взаимныхъ уступокъ.

Устраняя Англію отъ вліянія на дѣла Центральной Америки, правительство Соединенныхъ Штатовъ, благодаря цвѣтущему состоянію своихъ финансовъ и крайнему разстройству финансовъ Мексики, продолжаетъ приобрѣтать покупкой новыя области. По словамъ американскихъ журналовъ, между Соединенными Штатами и Мексикою вскорѣ состоится трактатъ, въ силу котораго мексиканское правительство уступитъ Американскому союзу Сонору, Синалоу и Нижнюю Калифорнію съ большимъ заливомъ того же имени, за 12—15 мил. долларовъ, изъ коихъ три мил. будутъ удержаны на вознагражденіе американскихъ же гражданъ, имѣющихъ денежныя претензіи на мексиканское правительство. Съ уступкою помянутыхъ земель учредится правильное пароходное сообщеніе между Новымъ Орлеаномъ и Вера-Крусомъ, которое, по замѣчанію американскихъ журналовъ, можетъ оказать большія услуги Мексикѣ, въ случаѣ, если бы Испанія объявила ей войну. Американцы надѣются возобновить свои попытки противъ острова Кубы, если эта война состоится. Понятно, что Франція и въ особенности Англія стараются своимъ посредничествомъ уладить дѣло между анархическою республикой и бывшею ея метрополіей, совѣтуя Мексикѣ по возможности исполнить требованія Испаніи.

Перейдемъ ко внутренней политикѣ отдельныхъ государствъ.

Высочайшимъ повелѣніемъ 5-го февраля нынѣшняго года утверждено разсмотрѣнное въ кабинетѣ министровъ представленіе г. новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора о мѣрахъ пособия тѣмъ жителямъ Бессарабіи и Новой Россіи, которые въ особенности пострадали отъ минувшей войны. Въ видахъ помощи будутъ приняты слѣдующія мѣры: 1) Для точнаго изслѣдованія о пострадавшихъ лицахъ, а также и степени понесенныхъ ими ущербовъ, будутъ открыты особые комитеты. Изъ нихъ одинъ, подъ названіемъ *главнаго*, будетъ открытъ въ Одессѣ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, изъ высшихъ чиновъ мѣстнаго управленія и почетнѣйшихъ мѣстныхъ жителей разныхъ сословій, по его выбору. Кромѣ того въ главномъ комитетѣ должны находиться депутаты отъ министерствъ: военнаго, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ. 2) Мѣстные комитеты будутъ открываемы по усмотрѣнію генералъ-губернатора. Они будутъ находиться подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, и въ нихъ, кромѣ высшихъ лицъ мѣстнаго управленія, непремѣнно должны присутствовать депутаты отъ сословій. 3) Свѣдѣнія, собранныя въ мѣстныхъ комитетахъ, должны быть повѣрены въ главномъ. На основаніи ихъ составляется общій списокъ нуждающихся жителей. Этотъ списокъ препровождается, для разсмотрѣнія, чрезъ генералъ-губернатора къ министру внутреннихъ дѣлъ, а отъ него поступаетъ въ комитетъ министровъ, для испрошенія чрезъ него высочайшаго разрѣшенія. 4) Такъ какъ въ подобной повѣркѣ неизбежна нѣкоторая медленность, а между тѣмъ можетъ встрѣтиться необходимость въ немедленномъ вспоможеніи, то для послѣдней цѣли, кромѣ имѣющихся въ распоряженіи генералъ-губернатора остатковъ, еще ассигнуется ему изъ государственнаго казначейства пятьсотъ тысячъ рублей серебромъ. 5) Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется открыть подписку въ пользу потерпѣвшихъ жителей.

Порядокъ вспоможенія и облегченія потерпѣвшимъ жителямъ предлагается установить слѣдующій: 1) Весь Новороссійскій край будетъ раздѣленъ на *три* разряда. Къ *первому* разряду должны быть отнесены тѣ мѣстности, которыя хотя и несли вслѣдствіе войны усиленныя повинности, но не подверглись чрезъ то значительному разстройству въ хозяйствѣ. Ко *второму* — всѣ мѣстности, которыя, при непрерывномъ отправленіи чрезвычайныхъ воинскихъ повинностей, хотя и сохранили нѣкоторую часть своего имущества, но не имѣютъ способовъ къ скорому возстановленію всего хозяйства. Къ *третьему* разряду будутъ причислены тѣ мѣста, которыя отъ военныхъ дѣйствій подверглись крайнему разоренію. 2) Обывателямъ перваго разряда предоставляется всѣ подати, слѣдующія съ нихъ начиная съ 1-го января, внести въ концѣ года. Съ

обывателей втораго разряда взыскивается въ то же время только половина слѣдующихъ съ нихъ податей; а обыватели третьяго разряда вовсе освобождаются отъ платежа ихъ. 3) Пени за недоимки слагаются со всѣхъ трехъ разрядовъ, а самыя недоимки взыскиваются съ слѣдующимъ облегченіемъ: со втораго разряда взысканіе недоимокъ приостанавливается на одинъ годъ, а съ третьяго на два года. Мѣстности третьяго разряда, кромѣ того, получаютъ изъ министерства финансовъ недостающую сумму на покрытіе расходовъ земства. 4) Города: Севастополь, Керчь, Евпаторія и мѣстечко Балаклава все освобождаются отъ платежа гильдейскихъ пошлинъ: Севастополь на *десять* лѣтъ, а прочіе на *пять* лѣтъ. Вся сумма гильдейскихъ повинностей, отсроченная прежде до окончанія войны, совершенно слагается со счетовъ. Кромѣ того всѣ эти города освобождаются на *шесть* лѣтъ отъ денежнаго сбора на земскія повинности и отъ военнаго поста. По всѣмъ обязательствамъ съ казною, обеспеченнымъ залогомъ недвижимой собственности, побудительныя мѣры взысканія приостанавливаются для мѣстностей втораго разряда на одинъ годъ, а для мѣстностей третьяго разряда на два года. Удостоверенія въ понесеніи жителями убытковъ выдаются уѣздными предводителями дворянства, городскими думами и вообще начальствомъ, или мѣстными комитетами, гдѣ они будутъ открыты.

Изъ частныхъ распоряженій министерствъ особенно замѣчательны слѣдующія:

Въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» обнародованы мѣры къ сокращенію переписки. Эти мѣры главнымъ образомъ состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Переписка по рекрутскимъ наборамъ, какъ о дѣлѣ экстренномъ, исключительно сосредоточена въ губернаторскихъ канцеляріяхъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, которые закономъ отнесены къ обязанностямъ губернскихъ правленій. 2) Просьбы, поступающія къ губернскимъ прокурорамъ отъ людей, отыскивающихъ свободу изъ крѣпостнаго владѣнія, должны быть передаваемы въ судебныя мѣста не чрезъ губернскія правленія, а непосредственно чрезъ стряпчихъ. 3) Сокращена переписка въ земскихъ судахъ отъ двѣхъ неправильныхъ обыкновеній въ дѣлопроизводствѣ. При передачѣ въ судебное вѣдомство дѣлъ, происходящихъ между лицами различной подсудности, земскіе суды посылали съ нихъ копии въ каждое вѣдомство. вмѣсто этого велѣно посылать дѣло въ то мѣсто, куда оно должно поступить, не отправляя копій въ другія вѣдомства. Не велѣно также составлять докладныхъ записокъ по тѣмъ дѣламъ, которыя потомъ слушаются по протоколамъ. 4) Въ губернскихъ правленіяхъ отменены журнальныя постановленія объ отвѣтныхъ донесеніяхъ Сенату по такимъ дѣламъ, по которымъ уже посланы исполнительные рапорты. — Какъ видно изъ этого изложенія, мѣры, принятые министерствомъ, состоятъ въ сокращеніи формальностей и разрѣшеніи по мно-

гимъ случаямъ непосредственныхъ сношеній между присутственными мѣстами.

По представленію попечителя дерптскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ, въ видѣ опыта, открывать при уѣздныхъ училищахъ округа параллельные классы для приготовленія учениковъ къ поступленію въ третій классъ гимназій.

Скажемъ теперь о мѣрахъ, замышляемыхъ въ видахъ улучшенія общественнаго быта.

Здѣсь нельзя не упомянуть о дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Имѣя въ виду Высочайшее повелѣніе о производствѣ 10-й народной переписи, дѣйствительный членъ, академикъ Кеппенъ, обратился къ Обществу, въ засѣданіи 11-го октября прошлаго года, съ приглашеніемъ принять участіе въ дѣятельности правительства въ этомъ отношеніи. Вслѣдствіе предложенія г. Кеппена, совѣтъ Общества обратился къ г. министру финансовъ съ просьбою о допущеніи въ комиссію, учреждаемую въ его управленіи для начертанія правилъ о производствѣ 10-й ревизіи, одного изъ членовъ Общества, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ предъявить при этомъ потребности науки въ отношеніи къ счисленію жителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ на особую специальную комиссію возложена обязанность сообщить совѣту подробныя соображенія о томъ, какую пользу могла бы наука извлечь нынѣ же, при производствѣ переписи, и вообще какія улучшенія могли бы быть введены при собираніи данныхъ о населеніи. Комиссія составлена изъ дѣйствительныхъ членовъ: В. П. Безобразова, К. С. Веселовскаго, Ю. А. Гагемейстера, П. И. Кеппена и Е. И. Ламанскаго. Она представила совѣту записку, въ которой изложены слѣдующія главнѣйшія соображенія. Важнѣйшія качества и недостатки нашихъ народныхъ переписей условливаются, по мнѣнію комиссіи, ихъ исключительною цѣлю. Эта цѣль есть финансовая. Отсюда главное достоинство нашихъ переписей—точность, ибо, съ одной стороны, невозможно намѣренное преувеличеніе народонаселенія, съ другой, возможность прописки и утайки устранена пенями. Другое достоинство состоитъ въ непремѣнномъ показаніи возраста. Но изъ этой же исключительно финансовой цѣли проистекають и главные недостатки нашихъ переписей, которые, къ сожалѣнію, гораздо многочисленнѣе. Между ними первое мѣсто занимаетъ ихъ неполнота. Въ ревизскія сказки вносятся одни податныя сословія; другія или вовсе не вносятся, или вносятся только для счета, притомъ вообще невѣрно. Такъ какъ это обстоятельство ведетъ къ бесполезности переписей въ научномъ отношеніи и лишаетъ само правительство многихъ важныхъ свѣдѣній, то было бы полезно производить перепись и неподатнымъ сословіямъ, поручивъ ее только не министерству финансовъ, а министерству внутреннихъ дѣлъ, ибо у насъ съ запискою въ ревизію, производимую первымъ, соединена мысль о по-

датномъ состояніи. По министерству внутреннихъ дѣлъ явилась бы классификація рациональная, и распредѣленіе всѣхъ безъ изыятія жителей по разнымъ категоріямъ удовлетворало бы статистика и экономиста. Тогда исчезли бы неопредѣленные состоянія, въ родѣ разночинцевъ.—Далѣе, необходимо ввести въ перепись инородцевъ, а до времени можно бы требовать показаній отъ ихъ старшинъ. Другой, не менѣе важный, недостатокъ нашихъ переписей состоитъ въ ихъ безсрочности. Слѣдовало бы производить ихъ чрезъ определенное время. Комиссія считаетъ за лучшее принять десятилѣтній срокъ. Необходимо также производить счисленіе въ возможно короткое время. Если нельзя, какъ за границею, оканчивать его повсюду въ одинъ и тотъ же день, то все-таки надобно заботиться о непродолжительности переписи. Лучше откладывать срокъ ея, чѣмъ производить счисленіе въ разное время, потому что, вслѣдствіе этого, правительству лишено свѣдѣній о движеніи народонаселенія. Необходимо въ спискахъ обозначать племя, грамотность или безграмотность лицъ, также неизлѣчимые недостатки ихъ, какъ-то: глухонѣмыхъ, слѣпыхъ и помѣшанныхъ. Эту мысль имѣлъ уже Петръ Великій, который при первой ревизіи повелѣлъ показывать «слѣпыхъ, весьма увѣчныхъ и дряхлыхъ, и дураковъ». На оба пола слѣдуетъ обращать при переписи одинаковое вниманіе. По окончаніи ревизіи слѣдуетъ сообщать списки въ губернскіе статистическіе комитеты для ученой обработки.

Составилась новая компанія для спасенія потонувшихъ судовъ и тяжестей, подъ названіемъ: «Гидростатъ», высочайше утвержденная въ 15-й день февраля нынѣшняго года. Учредители ея: статскій совѣтникъ Джуліани, губернский секретарь Керръ и почетный гражданинъ Бритневъ. Складочный капиталъ компаніи въ 120 т. р. сереб. Компанія дѣйствуетъ на акціяхъ, изъ числа которыхъ учредители предоставляютъ въ свою пользу четыреста. Всѣхъ акцій предполагается выпустить тысячу двѣсти, каждая по сту рублей серебромъ. Если въ продолженіи двухъ лѣтъ со времени открытія подписки на акціи не будетъ разобрано восемь сотъ акцій, то компанія прекращается. Правленіе компаніи состоитъ изъ четырехъ директоровъ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ нихъ. Директоръ долженъ быть владѣльцемъ не менѣе двадцати акцій. Сначала эту должность занимаютъ учредители, но, по прошествіи четырехъ лѣтъ, одинъ изъ нихъ увольняется, и на мѣсто его избирается акціонеромъ другой; впрочемъ, смѣняющійся директоръ можетъ быть снова выбранъ. Отчеты свои правленіе представляетъ общему собранію акціонеровъ. Право на подачу голоса предоставляется только тѣмъ изъ акціонеровъ, которые имѣютъ десять акцій. Пятьдесятъ акцій даютъ право на два голоса, сто—на три, а двѣсти и болѣе акцій—на четыре голоса. Акціи могутъ быть переданы; по искамъ на компанію, акціонеры отвѣ-

чаютъ только своими вкладами. Для спасенія потонувшихъ судовъ компанія употребляетъ особый снарядъ, называемый гидростатомъ, отъ котораго заимствуетъ и свою фирму.

Въ журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ обнародовано объ отпущеніи на волю нѣсколькими помѣщиками ихъ крестьянъ, съ предоставленіемъ имъ въ собственность находящихся въ ихъ пользованіи поземельныхъ участковъ.

Въ Англии всѣ интересы сосредоточены до сихъ поръ на парламентскихъ выборахъ. Политика кабинета все болѣе и болѣе торжествуетъ. Оппозиція потерпѣла сильный уронъ. Замѣчательнѣйшіе изъ ея представителей не были выбраны. Такой участи подверглись три главнѣйшіе члена партіи мира, вожди такъ-называемой манчестерской школы: гг. Кобденъ, Брайтъ и Гибсонъ. Г. Лейардъ тоже не былъ выбранъ. Но гг. Гладстонъ и Робокъ будутъ членами новаго парламента. Выборы города Лондона, которые обращали на себя особенное вниманіе, какъ и слѣдовало ожидать, оказались благопріятны министерству: лордъ Джонъ Россель, хотя и былъ выбранъ, но только третьимъ кандидатомъ. Всѣхъ кандидатовъ четверо. Изъ нихъ трое, по всей вѣроятности, будутъ поддерживать кабинетъ.

Надобно отдать справедливость лорду Пальмерстону въ искусствѣ и ловкости, съ которою онъ защищаетъ свою политику на происходящихъ выборахъ. Пользуясь всякимъ случаемъ для ея защиты, онъ безпрестанно, въ публичныхъ рѣчахъ, объясняетъ ея направленіе и старается отклонить отъ нея всевозможные упреки. Случаи къ этому представляются тѣмъ чаще, что выборы составляютъ настоящій триумфъ для перваго министра. Такъ, по поводу окончанія выборовъ въ мѣстечкѣ Тивертонѣ, лордъ Пальмерстонъ обратился съ благодарственной рѣчью къ своимъ избирателямъ, и въ ней съ особенною заботливостію отклонялъ отъ себя всякое подозрѣніе въ желаніи захватить въ свои руки диктатуру, чего такъ опасались г. Кобденъ и его партія. При той государственной организаціи, какою пользуется Англія, такое опасеніе, по словамъ перваго министра, лишено всякаго основанія, ибо въ томъ случаѣ, еслибы народъ лишилъ своего довѣрія теперешнее правительство, то на слѣдующихъ же выборахъ оно потерпѣло бы пораженіе на-голову. Подобная рѣчь была также произнесена лордомъ Пальмерстономъ на банкетѣ, происходившемъ недавно по случаю открытія Атенеума. Мы не станемъ передавать подробностей этихъ рѣчей. Въ сущности онъ повторяютъ то, что уже было прежде говорено первымъ министромъ, и что въ свое время было сообщено нашимъ читателямъ. Замѣтимъ только, что во всѣхъ рѣчахъ своихъ лордъ Пальмерстонъ исключительно опирается на два обстоятельства: на соотвѣтствіе своей политики достоинству и желаніямъ націи, и на разнородный составъ оппози-

ции, которой, еслибы она была призвана къ управленію дѣлами, было бы трудно согласиться насчетъ самыхъ обыкновенныхъ вопросовъ, потому что единственная связь ея членовъ есть общая вражда ихъ къ министерству. О томъ, какимъ образомъ кабинетъ будетъ дѣйствовать при новомъ парламентѣ въ дѣлѣ ожидаемыхъ реформъ, до сихъ поръ не сказано ни слова. Правда, государственные люди Англии вообще рѣдко прибѣгаютъ къ общему изложенію своихъ началъ, довольствуясь обыкновенно объясненіемъ своихъ мнѣній относительно того или другаго частнаго вопроса; поэтому естественно, что лордъ Пальмерстонъ занялся въ своихъ рѣчахъ по преимуществу тѣми вопросами, которые теперь стоятъ на очереди. Но съ другой стороны, въ словахъ перваго министра выразилось и особенное направленіе его собственной политики, по преимуществу внѣшней и личной. По увѣренію нѣкоторыхъ журналовъ, кабинетъ не хочетъ дѣлать никакихъ уступокъ, и новому парламенту будутъ предложены только самыя неважныя реформы. Такая настойчивость возбуждаетъ, несмотря на сочувствіе либеральныхъ партій, нѣкоторыя опасенія даже въ друзьяхъ министерства. Times, съ нѣкоторыхъ поръ постоянно защищающій политику лорда Пальмерстона, предостерегаетъ его однакоже отъ излишняго упоенія своимъ торжествомъ и совѣтуетъ ему обратить серіозное вниманіе на вопросы внутренней политики, безъ чего опора парламентскаго большинства будетъ для него совершенно бесполезна. Любопытно, что этотъ журналъ, столь рѣзко отзывавшійся насчетъ оппозиціи, дѣлаетъ такое признаніе, которое напоминаетъ отчасти его же собственныя возраженія кабинету. Нельзя не сознаться, говоритъ онъ, что когда китайскій вопросъ будетъ поконченъ, то положеніе лорда Пальмерстона будетъ совершенно личное. Въ этомъ, по словамъ Times, нѣтъ еще существенной невыгоды, но именно такое положеніе обязываетъ его не терять изъ виду внутреннихъ вопросовъ, ибо, отказываясь отъ нихъ, онъ рискуетъ потерять со временемъ то большинство, которымъ располагаетъ нынѣ. Въ этихъ словахъ много правды. Настоящею своею побѣдой министерство въ особенности обязано практическому смыслу Англии, которая хорошо поняла, что народное достоинство требуетъ немедленнаго разрѣшенія вопросовъ внѣшней политики; но въ ней нисколько не высказывается полное одобреніе дѣйствій кабинета относительно политики внутренней. Въ этомъ—то, кажется, надобно искать причины, почему нѣкоторые изъ министерскихъ журналовъ встрѣтили большимъ сожалѣніемъ слишкомъ сильную неудачу оппозиціи на выборахъ. Въ ихъ отзывѣхъ, на другой день побѣды, выразилось умѣнье англійской націи цѣнить заслугу, въ какомъ бы лагерѣ она ни встрѣчалась, и вѣрное пониманіе государственнаго организма. Такими сожалѣніями встрѣчено было неизбрание гг. Брайта и Кобдена. Times

особенно сожалѣть объ отсутствіи послѣдняго изъ новаго парламента, признавая при этомъ, что политическая роль г. Кобдена далеко не кончена, и что безъ него палата не будетъ имѣть надлежащей полноты. Въ самомъ дѣлѣ, при сильномъ торжествѣ министерства, есть опасность, что палата не будетъ полнымъ представительствомъ страны, и, вслѣдствіе такой односторонности, оппозиціонное движеніе обнаружится внѣ ея.

Таковъ внутренній ходъ выборовъ. Что касается до внѣшняго ихъ порядка, то спокойствіе, за немногими исключеніями, почти не было нарушено. Въ самой Ирландіи они происходили чиннѣе и нормальнѣе, чѣмъ когда-либо. Англійскіе журналы привѣтствуютъ этотъ фактъ, какъ очевидный признакъ прогресса. Числительный перевѣсъ министерской партіи опредѣлить еще довольно трудно. Онъ обозначится не ранѣе первыхъ засѣданій парламента. Въ будущую палату поступило уже нѣсколько жалобъ на неправильности выборовъ и подкупы.

Во Франціи въ послѣднее время приняты правительствомъ двѣ важныя мѣры: учрежденіе высшаго училища въ Алжирѣ и проведеніе тамъ желѣзныхъ дорогъ.

Первымъ распоряженіемъ продолжается цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ на пользу просвѣщенія въ Алжиріи. Почти на другой день, послѣ ея покоренія французское правительство старалось водворить тамъ цивилизацію. Съ 1832 до 1836 года постепенно было открыто нѣсколько мавро-французскихъ школъ какъ въ самомъ Алжирѣ, такъ въ Оранѣ и Бонѣ. Въ 1837 году въ Алжирѣ была основана школа французскаго языка для взрослыхъ Мавровъ. Въ 1839 г. правительство хотѣло завершить эти мѣры основаніемъ въ Парижѣ арабо-французской коллегіи, которая, по исконному мусульманскому обычаю, должна была въ одно время служить домомъ призрѣнія для путешественниковъ и мѣстомъ воспитанія для дѣтей. Это учрежденіе, возбуждавшее при своемъ началѣ самыя жеркія надежды, осталось однако безъ всякихъ благодѣтельныхъ послѣдствій. Неуспѣхъ былъ неизбеженъ, потому что мѣра не была строго обдуманна и не соответствовала настоящимъ потребностямъ алжирскаго населенія. Существованіе школъ въ Алжиріи дѣлало для нея ненужнымъ отправленіе дѣтей въ далекую сторону, куда, въ добавокъ, не привлекало полное тамъ отсутствіе средствъ религіознаго образованія. Вслѣдствіе всего этого, коллегія не была даже открыта. Позволительно даже сомнѣваться, принесла ли бы она существенную пользу, еслибы и повела къ какимъ-нибудь результатамъ. Воротясь изъ Парижа, молодые люди принесли бы съ собою идеи, слишкомъ превышающія уровень просвѣщенія въ ихъ родинѣ, что, конечно, не примирило бы ихъ съ туземнымъ бытомъ, а ихъ полудикимъ соотечественникамъ внушило бы противъ нихъ самое сильное предубѣжде-

ше. Послѣ 1839 года эта попытка долго не была возобновляема. Безпрестанная война въ Алжиріи мѣшала правительству заняться серьезно дѣломъ воспитанія. Только послѣ 1847 года, вслѣдствіе покоренія Абдъ-эль-Кадера, открылась возможность дѣйствовать для этой цѣли съ большею послѣдовательностію, и въ 1850 году республиканское правительство съ ревностію занялось этимъ вопросомъ. Алжирская школа была переименована въ лицей, и получила право содержать на казенный счетъ нѣсколько воспитанниковъ. Въ то же время въ разныхъ городахъ были заведены новыя школы какъ для мужскаго, такъ и для женскаго пола. Подъ конецъ года въ четырехъ городахъ были открыты училища для высшаго образованія. Новый декретъ 14-го марта даетъ этимъ благотѣльнымъ мѣрамъ дальнѣйшее развитіе учрежденіемъ еще новаго, высшаго училища.

Декретъ изданъ вслѣдствіе доклада, представленнаго императору военнымъ министромъ, маршаломъ Вальеномъ, и до нѣкоторой степени носитъ на себѣ слѣды своего происхожденія. Мы позволимъ себѣ поговорить о немъ подробно, потому что, кромѣ непосредственнаго своего интереса, онъ выражаетъ отчасти общее направленіе теперешняго правительства въ вопросахъ просвѣщенія. Главныя основанія его суть слѣдующія. Отказываясь отъ мысли учредить смѣшанное заведеніе, составленное на половину изъ Европейцевъ и туземцевъ, военный министръ поставляетъ непремѣннымъ условіемъ приема принадлежность воспитанника къ мусульманскому населенію и исповѣданію. Этимъ, по его мнѣнію, устраняется возможность столкновеній въ религіозномъ направленіи при совмѣстномъ преподаваніи правилъ христіанства и исламизма. Европейцы могутъ быть приняты въ это училище только въ качествѣ экстерновъ. Въ коллегіи будутъ открыты вакансіи казеннокоштныхъ пансіонеровъ и полупансіонеровъ. Право на эти вакансіи принадлежитъ сыновьямъ какъ тѣхъ арабовъ, которые были въ военной службѣ, такъ и племенныхъ начальниковъ. Издержки содержанія отнесены на счетъ общаго бюджета, а не мѣстнаго управленія, ибо министръ справедливо смотритъ на распространеніе просвѣщенія въ Алжиріи, какъ на обще-французскій интересъ. Для испытанія воспитанниковъ установлены годичные экзамены. Организованъ надзоръ какъ за преподаваніемъ, такъ и за внутреннимъ управленіемъ коллегіи. Таковы главныя положенія доклада. Въ нихъ, конечно, много благотѣльнаго, а время, безъ сомнѣнія, дастъ возможность развить ихъ и улучшить еще болѣе. Но между нами есть два, которыя никакъ нельзя одобрить и въ которыхъ выразились особые приемы настоящаго правительства. Это, во-первыхъ, исключительный характеръ, приданный учрежденію запрещеніемъ принимать Европейцевъ, и во-вторыхъ, подчиненіе его военному начальству. Первая мѣра прикрывается въ докладѣ отсутствіемъ прозелитизма и желаніемъ предоставить полную свободу совѣсти.

Сверхъ того, она вытекаетъ изъ того общаго невѣрія, которое военные люди Франціи вообще питаютъ къ идеѣ о сліянїи въ Алжирїи двухъ народностей; но опытъ, какъ извѣстно, рѣшительно не оправдываетъ этого невѣрія. Вездѣ, гдѣ правительство допускало смѣшанныя школы, разная національность нисколько не препятствовала сближенію между воспитанниками. Напротивъ, оно совершалось легко и быстро и, конечно, со временемъ принесло бы значительные результаты на пользу просвѣщенія. Приемы французской администраціи, вѣсто того, чтобы подвигать это дѣло, замедляютъ его всѣми мѣрами, какъ будто племенной бытъ, въ которомъ живетъ теперь Алжирїя, былъ призванъ къ вѣчному существованію. Такая археологическая любовь къ формамъ этого быта, такое стремленіе предупредить его естественное разложеніе, были бы совершенно непонятны, еслибы *Journal des Débats* не потрудился намъ объяснить ихъ тайное значеніе. Французское правительство проникнуто такимъ почтеніемъ къ разъединенію національностей не безъ нѣкоторыхъ своеобразныхъ видовъ. Въ современномъ, полудикомъ положеніи Алжирїи, оно справедливо видитъ необходимое условіе для продолженія тамъ военнаго господства, и потому не очень заботится о сліянїи туземнаго населенія съ французскимъ. Едва ли не такую же мыслію проникнута и другая мѣра — подчиненіе воспитанниковъ военному надзору. Военный министръ не говоритъ даже въ своемъ докладѣ, намѣренъ ли онъ обратиться къ министру народнаго просвѣщенія для снабженія новаго училища преподавателями; а между тѣмъ такое обращеніе было бы совершенною необходимостію, потому что когда, въ 1848 году, часть алжирскихъ школъ (именно, всѣ немусульманскія) была передана въ вѣдомство министерства просвѣщенія, то послѣднее должно было перемѣнить всѣхъ преподавателей. Эти слабыя стороны доклада имѣютъ особенную важность, потому что выражаютъ ясно, какое начало кладетъ нынѣшнее правительство въ основѣ воспитанія. Стараясь всего болѣе о дисциплинѣ, оно, безъ всякаго сомнѣнія, не много сдѣлаетъ на этомъ поприщѣ въ интересахъ просвѣщенія.

Другимъ декретомъ, отъ 8-го апрѣля, въ Алжирїи предполагается провести сѣтъ желѣзныхъ дорогъ, съ цѣлю облегчить сообщеніе между тремя провинціями этого края. За основаніе сѣти принята большая линія, параллельная съ моремъ, отъ Алжира до Константины и отъ Орана до Алжира. Къ этой линіи примкнутъ другія, направленныя отъ разныхъ портовъ. Южная сторона отъ главной линіи будетъ сообщаться съ нею посредствомъ уже существующихъ простыхъ дорогъ. Дѣло просвѣщенія, въ Алжирїи, безъ сомнѣнія, болѣе выиграетъ отъ этой мѣры, нежели отъ всѣхъ распоряженій военнаго министра.

Засѣданія законодательнаго собранія не представляютъ ничего

особенно интереснаго. Наиболѣе любопытное обстоятельство есть докладъ комиссіи, назначенной для разсмотрѣнія бюджета. Изъ тщательнаго изслѣдованія комиссія убѣдилась въ двухъ существенныхъ недостаткахъ управленія : вопервыхъ, министры слишкомъ злоупотребляютъ своимъ правомъ перечислять ассигнованныя имъ суммы изъ одной статьи расхода въ другую ; во вторыхъ, слишкомъ легкое разрѣшеніе министерствамъ сверхъ-бюджетнаго кредита ведетъ къ неприятымъ финансовымъ затрудненіямъ. Комиссія обращаетъ особенное вниманіе законодательнаго собранія на эти два обстоятельства. Пренія по этимъ вопросамъ, если получатъ надлежащее развитіе, могутъ быть очень интересны, потому что оба эти недостатка естественно были вызваны усиленною дѣятельностію правительства въ послѣднее время.

Въ финансовомъ мѣрѣ самое замѣчательное событіе есть пересмотръ устава совѣтомъ французскаго банка. Въ видахъ помощи финансовымъ оборотамъ при всеобщемъ уменьшеніи количества звонкой монеты, французскій банкъ намѣренъ увеличить свой капиталъ, который будетъ простираться отъ 91 до 100 милліоновъ. Количество выпускаемыхъ акцій будетъ умножено до одного милліарда. Эти акціи, по преимуществу, должны были быть розданы прежнимъ акціонерамъ. Въ вознагражденіе за вновь даруемыя права, правительство, какъ было слышно, предоставляетъ себѣ право занимать у банка до суммы ста милліоновъ, платя при этомъ однимъ процентомъ менѣе, нежели частныя лица. Такіе слухи ходили на биржѣ около 15-го апрѣля. Результатомъ ихъ было мгновенное повышеніе акцій банка, которыя вдругъ поднялись на цѣлыхъ триста фр. Но вскорѣ послѣ этого акціи упали до прежней своей стоимости. Причиною такого необыкновеннаго колебанія въ акціяхъ банка, отличающихся особеннымъ постоянствомъ, выставляють слѣдующее обстоятельство. Въмѣсто того, чтобъ выпустить сто тысячъ акцій по 1000 фр., банкъ, какъ увѣряють, намѣренъ выпустить 35 т. акцій по 3000 и не дѣлать изъ нихъ особой серіи, а, напротивъ, слить ихъ въ одну серію съ прежними акціями. Проектъ объ этомъ, какъ увѣряють, представленъ государственному совѣту.

Во Франціи тоже приближаются выборы; но между тѣмъ какъ въ Англіи они возбуждаютъ такую страстную полемику и въ журналахъ и въ рѣчахъ государственныхъ людей на избирательныхъ собраніяхъ, во Франціи журналы молчатъ о выборахъ, и всѣ свѣдѣнія о нихъ приходится искать въ иностранныхъ изданіяхъ. Это не значитъ однако, чтобъ они не возбуждали къ себѣ никакого вниманія. Напротивъ, сколько можно заключить изъ немногихъ и сбивчивыхъ извѣстій, парламентскій интересъ гораздо сильнѣе въ настоящее время, чѣмъ въ предшествовавшіе года. Въ Парижѣ, по этому поводу, ходили темные слухи, возбудившіе всеобщее любопытство. Правитель-

ство недавно арестовало 42 челоѣка, и эти аресты подали поводъ къ разнымъ толкамъ. Основываясь на нихъ, англійскіе журналы говорили объ огромномъ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлю напасть нечаянно на императора и захватить его... По болѣе точнымъ извѣстіямъ, ничего подобнаго не было, и аресты вовсе не находятся въ связи въ существованіемъ какого-нибудь тайнаго общества. Они просто были вызваны желаніемъ оппозиціонныхъ партій имѣть своего представителя на будущихъ выборахъ. Такъ какъ въ департаментахъ префекты слишкомъ ревностно старались о недопущеніи неблагопріятныхъ правительству избирательныхъ комитетовъ, то множество послѣднихъ открылось въ Парижѣ. Правительство, разумѣется, сочло это для себя опаснымъ и прибѣгло къ арестамъ. О выборахъ во Франціи были вѣдѣны разные слухи. Увѣряли, что Карно, Бетмонъ, Гинаръ и Жюль Фавръ намѣрены принять кандидатуру и дать для этой цѣли присягу; а Каваньякъ, Дюфоръ и Гудшо, по избраніи своемъ, откажутся отъ представительства. По позднѣйшимъ и, кажется, болѣе вѣроятнымъ извѣстіямъ, главы прежнихъ партій (исключая Ледрю-Ромена) не намѣрены были принимать участіе въ выборахъ. Если справедливо, то послѣдніе аресты были вызваны именно этими опасеніями, то вѣтъ сомнѣній, что правительство приметъ дѣятельныя мѣры противъ вмѣшательства партій.

Упомянемъ въ заключеніе объ одномъ проектѣ закона, который какъ-то странно встрѣтитъ въ современной Франціи. Извѣстно, что французское законодательство наказываетъ тюремнымъ заключеніемъ отъ шести мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ незаконное ношеніе орденовъ и мундировъ. При Наполеонѣ I-мъ къ числу подобныхъ случаевъ было также отнесено присвоеніе непрінадлежащихъ титуловъ. Тогда эта прибавка была понятна: въ это время признавались только тѣ титулы, которые были даны императорскимъ правительствомъ. Поквѣрка ихъ была легка и всегда возможна, наказаніе за ихъ присвоеніе было естественно, потому что они тоже имѣли значеніе награды за службу. Реставрація, не произведшая никакихъ перемѣнъ въ кодексъ, удержала и эту статью безъ всякаго измѣненія, хотя положеніе дворянства было уже совершенно другое. Съ возстановленіемъ Бурбоновъ во Францію воротилось все старинное дворянство, а ему иногда очень было бы трудно доказать свои титулы, несмотря на всеобщую, историческую извѣстность фамилій. Большая часть документовъ была уже утрачена съ теченіемъ времени, оставалось полагаться на общественную извѣстность. Къ этому надобно прибавить, что и значеніе дворянства измѣнилось. Со времени революціи оно перестало пользоваться исключительными правами, а потому не было и никакой необходимости въ строгомъ надзорѣ. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла палата, въ первые дни июльскаго правительства, поспѣшила исключить изъ статьи кодекса безполезнаю фразу. Тогда эта мѣра не

возбудила никакихъ особенныхъ возраженій. Но при теперешнемъ правительствѣ, вслѣдствіе сильнаго придворнаго настроенія въ обществѣ, въ Парижѣ очень развились дворянскія стремленія. Общество наполнилось маркизами, графами и виконтами. Правительство, которое серьезно смотритъ на титулы, котораго почти первою заботою 2-го декабря было возстановить ихъ, намѣрено положить преграду этому злоупотребленію, и его журнальные органы всѣми силами поддерживаютъ возстановленіе заветной фразы въ кодексѣ. На такую заботливость нельзя смотрѣть безъ нѣкотораго удивленія. При теперешнемъ положеніи дворянства едва ли найдется достаточно средствъ обличенія противъ незаконнаго присвоенія титуловъ. Законъ долженъ будетъ или допустить давность и лишитъ себя возможности точнаго изслѣдованія, или напротивъ, не признавать титуловъ за такими фамиліями, которыя носятъ ихъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. Замѣтимъ, что самый фактъ легкомысленнаго присвоенія титуловъ, какъ ни мало благороденъ его источникъ, всего лучше свидѣтельствуетъ, что въ современной Франціи вовсе нѣтъ настоящихъ сословныхъ элементовъ. Въ Англии, гдѣ отъ вѣрменъ феодализма уцѣлѣло почтеніе къ аристократіи, едва ли былъ бы возможенъ подобный случай.

Извѣстія изъ Испаніи принимаютъ все болѣе и болѣе благоприятный характеръ, совершенно противоположный тому волненію, которое еще такъ недавно тамъ царствовало. Важное событіе для королевства составляютъ дѣятельныя мѣры, принятыя въ послѣднее время для проведенія желѣзныхъ дорогъ въ Испаніи. Путевыя сообщенія до сихъ поръ тамъ еще въ жалкомъ состояніи. Въ Испаніи почти вовсе нѣтъ порядочныхъ дорогъ, и это обстоятельство еще болѣе усиливаетъ грустныя послѣдствія разобщенія съ остальною Европой, которое отчасти условливается уже самою природою. Это разобщеніе сохранило, конечно, Испаніи ея оригинальный характеръ, но исключительная самостоятельность не принесла ей особенной пользы, а лишила ее только плодовъ европейскаго просвѣщенія. Недостатокъ сообщеній съ Франціей и между разными частями полуострова особенно невыгодно отзывался въ торговлѣ. Вотъ почему, несмотря на обыкновенную непредпріимчивость испанскихъ капиталовъ, тамошніе негоціанты поняли необходимость желѣзныхъ дорогъ и начали еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ линію отъ Мадрида до Аликанте, которой назначеніе соединить столицу съ Средиземнымъ моремъ. Три четверти этой линіи открыты еще два года тому назадъ. Но мѣстные капиталы не въ состояніи были одни выполнить свою задачу, и потому надобно было обратиться къ иностраннымъ капиталистамъ. Такъ образовалась компанія желѣзныхъ дорогъ отъ Мадрида до Аликанте, и отъ Мадрида до Сарагоссы. Въ этой компаніи, какъ слышно, принимаетъ значительное участіе домъ Ротшильда. Вся линія будетъ открыта не ранѣе четырехъ лѣтъ, но нѣкто-

рыя изъ ея вѣтвей будутъ открыты ранѣе. Этими вѣтвями съѣтъ испанскихъ дорогъ примкнетъ къ Франціи, сношенія съ которой усилятся также и посредствомъ линіи отъ Мадрида до Аликанте, потому что тогда морское сообщеніе между Аликанте и Марселью получить особенно важное значеніе для внутреннихъ провинцій королевства. Съ своей стороны, Франція будетъ извлекать отсюда значительныя выгоды, какъ единственная страна, которая на сухомъ пути будетъ посредницей между Европою и Испаніей. Все это не останется безъ важныхъ послѣдствій, и знаменитое выраженіе Лудовика XIV: «Нѣтъ болѣе Пиренеевъ», которое до сихъ поръ было такъ невѣрно, сдѣлается наконецъ совершенною правдою. Правительство старается также о правильныхъ сообщеніяхъ. 6-го апрѣля въ официальной мадридской газетѣ обнародованъ королевскій декретъ о займѣ въ 6 милліоновъ реаловъ на устройство дорогъ.

Выборы продолжаются въ большомъ спокойствіи, что также почти новость для Испаніи. До сихъ поръ они постоянно оказываются благопріятны для правительства. Нѣкоторыя неправильности въ выборахъ, подавшія поводъ къ жалобамъ, не произвели никакого смущенія. Общественное мнѣніе вскорѣ убѣдилось, что въ этомъ не было ничего злонамѣреннаго. Небольшія волненія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ остались безъ послѣдствій и были вскорѣ усмирены. Недавнее возстаніе работниковъ въ Каталоніи не имѣло никакого отношенія къ происходящимъ выборамъ. Оно было слѣдствіемъ борьбы ихъ съ фабрикантами, которые не хотятъ возвысить задѣльной платы. Для усмиренія этихъ безпокойствъ мѣстная власть сочла нужнымъ уничтожить всѣ вспомогательныя кассы и общества, существующія между работниками, оставивъ только тѣ изъ учреждений подобнаго рода, которыя основаны лицами разныхъ сословій. Безпокойства однако еще отчасти продолжаются.

Единственное замѣтное происшествіе на выборахъ составляетъ манифестъ герцога Витторіи къ избирателямъ Барселоны. Въ этомъ манифестѣ маршалъ Эспартеро оправдываетъ свое поведеніе въ прошломъ году. Онъ говоритъ, что не могъ оставаться главою такого кабинета, котораго власть совершенно исчезала передъ вліаніемъ маршала о'Доннеля; но въ доказательство своего патріотизма указываетъ на свое поведеніе во время кризиса. Ему стоило, говоритъ онъ, стать во главѣ національной гвардіи, чтобы подвергнуть правительство самой серіозной опасности. Свое удаленіе во время смутъ онъ объясняетъ тѣмъ, что не видѣлъ со стороны королевы желанія воспользоваться его услугами и не хотѣлъ бесполезно приносить въ жертву свое личное достоинство.—Манифестъ Эспартеро извѣстенъ только по разказамъ журналовъ. Неизвѣстно, позволитъ ли правительство обнародовать его въ подлинникѣ.

Засѣданія новыхъ кортесовъ начнутся съ перваго мая. По словамъ

испанскихъ журналовъ, правительство намѣрено сдѣлать преобразование въ составѣ сената. Онъ будетъ состоять изъ двухъ разрядовъ сенаторовъ: одни будутъ получать это званіе пожизненно отъ королевы, другіе будутъ состоять изъ архіепископовъ, генераловъ и грандовъ; ихъ сенаторское званіе перейдетъ къ ихъ дѣтямъ и будетъ наследственнымъ.

Носятся слухи о перемѣнахъ въ составѣ министерства; правительство обнародовало всеобщую амнистію.

Въ Пруссіи послѣднія засѣданія нижней палаты были почти исключительно посвящены разсмотрѣнію предложенія депутата фонъ-Патова по поводу новыхъ налоговъ, предполагаемыхъ правительствомъ. Въ предыдущемъ Обзорѣніи мы изложили начало этого вопроса. Предложеніе г. Патова, подробно развитое имъ въ засѣданіи 24-го марта, перенесло вопросъ на болѣе общую почву и тѣмъ едва не вырвало побѣду изъ рукъ министерства. Г. Патовъ не удовольствовался простымъ разборомъ представленнаго налога. Онъ выразилъ требованіе, чтобъ министерство прежде обсужденія отдѣльныхъ налоговъ представило ясныя доказательства: 1) необходимости пополнить бюджетъ государства, 2) невозможности пополнить его иначе, какъ посредствомъ введенія новыхъ налоговъ, 3) чтобъ оно представило гарантіи, что новыя доходы не будутъ употреблены ни на что другое, кромѣ предназначенной цѣли. Отсюда къ главному предмету преній присоединились два новые: вопросы о трехлѣтнемъ срокѣ военной службы, объ увеличеніи жалованья чиновникамъ. О преніяхъ по этимъ вопросамъ уже было сказано. Отъ нихъ палата перешла къ обсужденію количества тѣхъ финансовыхъ средствъ, которыми располагаетъ правительство. Въ блестящей, полной дѣльныхъ соображеній и остроумной рѣчи, г. Патовъ доказывалъ, что всѣмъ настоящимъ своимъ потребностямъ правительство въ силахъ удовлетворить существующими средствами, особенно при томъ увеличеніи доходовъ, которое офіціально показываетъ само министерство финансовъ. Въ случаѣ, если бы эти средства оказались недостаточны, онъ совѣтовалъ прибѣгнуть къ сбереженіямъ, или къ продажѣ государственныхъ имуществъ. Доводы г. Патова и другихъ членовъ оппозиціи опровергали президентъ совѣта министровъ и министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Рѣчь перваго, краткая и сильная, произвела большое впечатлѣніе, хотя сила ея была болѣе внѣшняя, чѣмъ внутренняя. Другіе два министра занялись практической стороной вопроса. Пренія продолжались еще три засѣданія, 26-го, 28-го и 30-го марта. Наконецъ одинъ изъ проектовъ — о возвышеніи налога на соль — былъ принятъ, но весьма слабымъ большинствомъ 164 голосовъ противъ 150. Проектъ налога на строенія былъ, напротивъ, отвергнутъ очень сильнымъ большинствомъ — 241 голоса противъ 73. Неутвержденіе послѣдняго налога ставитъ правительство въ затруд-

нительное положеніе. Неизвѣстно, какимъ способомъ оно покроетъ теперь свои издержки. Пренія нижней палаты въ Пруссіи представляли большой интересъ. Нельзя не обратить вниманія на тотъ странный порядокъ, въ которомъ они происходили. Несмотря на соединеніе противъ министерства людей разныхъ партій, рѣчи противниковъ отличались взаимнымъ уваженіемъ, и едва ли самое принятіе налога на соль не было вынуждено намекомъ перваго министра на то, что иначе кабинетъ будетъ принужденъ подать въ отставку. Напада на министерство, г. Патовъ высказалъ мысль, которая доказываетъ, что въ Пруссіи понимается настоящее значеніе представительнаго правленія. Онъ особенно отклонялъ отъ себя подозрѣніе въ постоянной оппозиціи, въ оппозиціи по принципу, и сказалъ по этому поводу, что пора бы перестать глядѣть на членовъ палаты, какъ на естественныхъ враговъ правительства. Палата наравнѣ съ кабинетомъ есть необходимый органъ государственнаго тѣла и также, съ своей точки зрѣнія, стремится къ тому, что почитаетъ благомъ для престола и отечества.

Въ томъ же засѣданіи 30 марта нижняя палата утвердила издержки, сдѣланныя въ 1856 г. военнымъ министромъ изъ числа 30 милліоновъ тал. экстраординарнаго кредита, открытаго министерству въ 1854 году.

Верхняя палата приняла законы о налогахъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Трактатъ о зундской пошлинѣ утвержденъ, но въ нижней палатѣ встрѣтилъ нѣкоторое раздраженіе. 4 апрѣля засѣданія палатъ прекращены, по случаю праздниковъ, до мая.

Въ Даніи произошелъ 10 апрѣля министерскій кризисъ, котораго, вслѣдствіе разногласія министровъ въ самыхъ существенныхъ вопросахъ, давно уже слѣдовало ожидать. Извѣстно, что г. Андре, президентъ совѣта, принялъ управленіе дѣлами подъ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ главнѣйшія распоряженія каждаго изъ министерствъ въ его отдѣльныхъ вѣдомствѣ получали утвержденіе въ совѣтѣ и безъ этого не могли быть приведены въ исполненіе. Это условіе естественно должно было повести къ столкновенію между президентомъ, принадлежащимъ къ датской партіи, и министромъ иностранныхъ и голштинскихъ дѣлъ, г. Шеле. Несогласіе между ними вспыхнуло въ засѣданіи 8 апрѣля, и вслѣдствіе его кабинетъ подалъ въ отставку. Король сначала не принялъ просьбы, но потомъ долженъ былъ уступить настояніямъ министерства. Составъ новаго кабинета еще неизвѣстенъ.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ правительство подвергло обсужденію конгресса законъ о пониженіи таможенныхъ пошлинъ, который послѣ долгаго и зрѣлаго обсужденія былъ утвержденъ и получилъ силу закона. Онъ вступитъ въ дѣйствіе 1-го іюля. Главныя основанія новой мѣры заключаются въ слѣдующемъ. Извѣстно, что въ

Соединенныхъ Штатахъ еще взиались пошлыны съ нѣкоторыхъ сырыхъ матеріаловъ. Всѣ предметы этого рода теперь совершенно освобождены отъ всякаго налога. Пошлыны съ фабричныхъ произведеній понижены на нѣсколько процентовъ, въ слѣдующей пропорціи: предметы, обложенные пошлыною въ 40 процентовъ, платятъ только 30 процентовъ; тѣ, которые платили 30, будутъ платить 24, вмѣсто 25 пр. взыскивается 19, вм. 20 — 15, вм. 15 — 12, вм. 10 — 8, вм. 5—4. Въ цѣломъ своемъ объемѣ это—довольно значительное пониженіе, и оно безъ сомнѣнія благотвѣтельно отзовется въ торговыхъ отношеніяхъ Союза.

Говоря о финансовыхъ мѣрахъ американскаго правительства, нельзя оставить безъ вниманія отчетъ, недавно обнародованный секретаремъ казначейства, о расходахъ изъ прошлагодняго бюджета, то—есть до 30 іюня 1856. Въ этомъ отчетѣ находимъ слѣдующія любопытныя цифры. Въ 1855—56 году въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ привозъ заграничныхъ товаровъ простирался до суммы 315 мил. долларовъ (то—есть 1,680 мил. фр.). Изъ этой суммы предметовъ, освобожденныхъ отъ всякой пошлыны, ввезено на 304 мил. Остальные были обложены умѣренной пошлыной. Отпускъ простирался до суммы 327 мил. долларовъ (1,744 мил. франковъ). Изъ этой суммы надобно исключить иностранные товары, которыхъ вывезено на 87 мил. франковъ; слѣд. собственно американскій отпускъ должно оцѣнить въ 1,657 мил. фр. Между предметами отпуска первое мѣсто принадлежитъ земледѣльческимъ продуктамъ. Хлѣбъ, овощи, табакъ и хлопчатая бумага отпущены въ такомъ значительномъ количествѣ, что этимъ само собою объясняется сильное требованіе, обнаружившееся въ прошломъ году, на европейскія мануфактурныя произведенія. Отпускъ мануфактурныхъ произведеній, напротивъ, сравнительно былъ очень незначителенъ. Онъ простирался только на сумму 417 мил. фр. Это составляетъ едва десятую часть англійскаго отпуска. Но если мы обратимъ вниманіе на отпускъ въ предыдущіе года, то увидимъ, что и въ этомъ отношеніи Сѣверная Америка сдѣлала гигантскіе шаги. Десять лѣтъ тому назадъ, отпускъ мануфактурныхъ произведеній едва доходилъ до суммы ста мил.

Но между тѣмъ, какъ финансовое положеніе Америки такъ блистательно обрисовывается при самомъ началѣ новаго правительства, не замедлилъ также обнаружиться самый грустный результатъ системы, принятой г. Букананомъ въ наиболѣе важномъ вопросѣ внутренней политики. Мы говорили по поводу посланія новаго президента, какимъ образомъ онъ поставилъ вопросъ о невольничествѣ. Уже тогда можно было предвидѣть, что демократическая партія, снова достигшая въ лицѣ его управленія Союзомъ, не остановится въ своей побѣдѣ на подтвержденіи прежнихъ сдѣлокъ по этому вопросу. Въ самомъ дѣлѣ недавно верховный судъ Союза постановилъ правило, илущее далѣе

сдѣлки 1850 года, дагѣ билля о Небраскѣ 1854 г., правило, грозящее безъ сомнѣнія немаловажными бѣдствіями въ будущемъ. Вотъ какъ оно возникло. Одинъ негръ, по имени Дретъ Скоттъ, въ настоящее время находящійся въ невольническомъ состояніи въ штатѣ Миссури, отыскиваетъ свободы въ теченіи уже нѣсколькихъ лѣтъ сряду. Онъ основываетъ свои права на слѣдующемъ обстоятельствѣ. За двадцать лѣтъ передъ этимъ его тогдашній господинъ, отправляясь въ г. Иллинойсъ, взялъ его съ собою. Въ Иллинойсѣ, какъ конституціею штата, такъ и положеніемъ, изданнымъ въ 1787 году Джефферсономъ, невольничество было совершенно запрещено. Потомъ онъ ѣздилъ съ своимъ господиномъ въ Небраску, гдѣ это «учрежденіе» тогда еще тоже не существовало. Въ обѣихъ мѣстностяхъ онъ прожилъ по нѣскольку лѣтъ, вовсе не подозревая своего права. Но наконецъ онъ узналъ объ немъ и сталъ отыскивать свободы передъ судебными мѣстами штата Миссури. Случай былъ самый простой и разрѣшался очень легко. Въ тысячѣ подобныхъ случаевъ всѣ судебныя мѣста рѣшали въ пользу свободы. Въ практикѣ образовалось юридическое правило, по которому негръ, пріѣхавшій въ свободный штатъ съ согласія своего господина, дѣлается свободнымъ, хотя бы даже самъ не зналъ о своемъ правѣ и послѣ жилъ у своего господина въ невольническомъ штатѣ. Такого рѣшенія слѣдовало ожидать и по дѣлу Скотта, но когда, въ 1854 году, оно поступило на ревизію высшей инстанціи въ Миссури, раздраженіе демократической партіи достигло высшихъ предѣловъ, и бѣдному негру было отказано въ свободѣ. Верховный судъ штата, признаваясь съ наивною откровенностію въ своемъ приговорѣ, что слѣдовало бы освободить просителя, рѣшился однако оставить его въ рабствѣ, на томъ основаніи, что при враждебномъ настроеніи сѣверныхъ штатовъ, не слѣдуетъ угождать имъ. Само собою разумѣется, истецъ не удовольствовался такимъ рѣшеніемъ и перенесъ свое дѣло въ союзный верховный судъ, составляющій для всѣхъ отдѣльныхъ штатовъ самую высшую инстанцію. Союзный верховный судъ подтвердилъ рѣшеніе суда въ Миссури. Свой незаконный приговоръ онъ не устыдился поставить подъ защиту союзной конституціи и великихъ основателей республики, ложно приписывая имъ такія мысли, которыхъ они никогда не имѣли. По мнѣнію верховнаго суда, Дретъ Скоттъ не имѣлъ даже права обратиться къ нему съ просьбой, ибо эта высшая инстанція для гражданъ Америки, а негръ не гражданинъ. Конституція, говоритъ приговоръ, имѣетъ въ виду только бѣлыхъ; гдѣ сказано въ ней: «люди», тамъ слѣдуетъ подразумѣвать: «бѣлые»; а негръ есть просто собственность, и т. д. Нечего и говорить, какъ мало справедливаго въ этихъ толкованіяхъ. Основатели республики не только не осыятили невольничества, но вездѣ тщательно избѣгали дать ему это освященіе.

Кто вспомнить, что рѣшенія верховнаго Суда имѣютъ въ Америкѣ силу закона для всѣхъ штатовъ, тотъ легко пойметъ, какой страшный шагъ сдѣлало американское правительство. Въ сущности этимъ рѣшеніемъ уничтожается различіе между свободными и невольническими штатами. Но рѣшенъ ли этимъ самый вопросъ? Конечно нѣтъ; только новымъ закономъ борьба перенесена на болѣе широкое поле, вмѣсто того, чтобъ стаживаться въ вопросахъ второстепенныхъ; и демократы можетъ-быть, создали себѣ этимъ такіа затрудненія, за которыя ихъ не вознаградитъ временная побѣда.

С М Ъ С Ъ

ИЗОБЛИЧИТЕЛЬНЫЯ ПИСЬМА.

Позвольте мнѣ, м. г., появляться отъ времени до времени въ вашемъ журналѣ подъ этою рубрикой. Мнѣ кажется — простите мнѣ эту самоувѣренность, — что я не совсѣмъ лишній человекъ для вашего журнала, что меня не доставало вамъ, и что недостатокъ этотъ — еще разъ простите — былъ немножко ошутителенъ. Объяснюсь опредѣленнѣе.

Вопреки задорнымъ возгласамъ журнальныхъ борзописцевъ, вы устояли на своемъ, вы не измѣнили, высказаннымъ вами, правиламъ, вы не вдалились въ фельетонныя сплетни, убереглись отъ презрѣнной полемики заднихъ дворовъ журналистики, и публика отдала вамъ справедливость. Я не буду хвалить васъ, — потому что простое приличіе заставитъ васъ выпустить изъ моего письма всѣ хвалебныя выраженія, а я хочу, чтобы оно было напечатано вполне безъ всякихъ передѣлокъ и пропусковъ, какъ вышло изъ-подъ моего пера, — но я смѣло могу выразить мое сочувствіе вашимъ литературнымъ правиламъ, а вы можете съ неменьшею смѣлостію напечатать это выраженіе моего сочувствія въ вашемъ журналѣ, тѣмъ болѣе что мое скромное, даже, можетъ-быть, нѣсколько странное и неизвѣстное публикѣ имя не придастъ ни малѣйшаго блеска «Русскому Вѣстнику». Но вы не отказывались вести дѣльную полемику; вы обѣщали безопасно разоблачать ложь и злонамѣренность. Въ вашемъ журналѣ встрѣчались статьи, которыя останутся памятны этимъ двумъ сестрицамъ. Спа-

себя вамъ за нихъ, но мнѣ кажется, что подобныя разоблаченія могли бы являться у васъ почаще. Вы назовете меня желчнымъ человекомъ, и удивитесь, что я какъ будто бы желаю, чтобы чаще встрѣчались такіа явленія, которыя требуютъ изобличенія. Нѣтъ, напротивъ, я скорблю, что такіа явленія встрѣчаются у насъ слишкомъ часто; мнѣ только кажется — и объ этомъ я тоже скорблю немного, — что эвмениды ваши слишкомъ хромаютъ, что онѣ не поспѣваютъ за своими прыткими жертвами, что нѣкоторыя отмѣченныя для нихъ жертвы ускользаютъ отъ нихъ. Позвольте жъ мнѣ поступить въ разрядъ вашихъ эвменидъ; я, право, пригожусь вамъ, тѣмъ болѣе что у меня есть товарищи, которые, надѣюсь, не отстанутъ отъ меня.

Впрочемъ, не подумайте, что я поощряю васъ къ *борьбѣ*, на которую на дняхъ вызывалъ всѣхъ и каждого появившійся въ Москвѣ еженедѣльный листокъ «Молва». Борьба не шутка. Можно погорячиться о *борьбѣ*, какъ можно, по выраженію поэта, — за ужиномъ

Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячаться о добрѣ.

Но дѣйствительная, и притомъ, какъ желаетъ упомянутый листокъ, честная, добросовѣстная (мнѣ кажется довольно бы ужъ одной честной или одной добросовѣстной), беспощадная борьба — дѣло не легкое. Да и надобно предъявить еще прежде свое право на борьбу. Съ кѣмъ борьба? За что борьба?

Говорятъ, боритесь съ «Русскою Бесѣдою». Но за что же съ нею бороться? Многіе изъ ея сотрудниковъ — люди умные и даровитые; многое читаешь въ ихъ журналѣ съ удовольствіемъ и сочувствіемъ. Если же между хорошимъ, попадается и плохое, и ошибочное, то это неизбежно въ совокупной дѣятельности; надобно только пожелать, чтобы къ «Русской Бесѣдѣ» льнуло поменьше всякой плохой и бездарной всячины; ну, да это можно пожелать всякому журналу. Написанное въ «Русской Бесѣдѣ» самимъ ея редакторомъ, на котораго прежде всего падаетъ отвѣтственность за изданіе, по большей части очень умно, дѣльно, благородно. За что же съ нимъ бороться? Если бы вамъ случилось указать на какую-либо односторонность или ошибочность въ его статьяхъ, или въ статьяхъ другихъ, ближайшихъ его сотрудниковъ, то называть это борьбою, и притомъ борьбою съ дѣлою святой громоносныхъ прилагательныхъ, болѣе ужасныхъ чѣмъ самая борьба, было бы немножко смѣшно. Да, вы можете замѣтить свое разногласіе въ какомъ-либо отношеніи съ тою или другою статьей вашего журнала, съ тѣмъ или другимъ изъ вашихъ сотрудниковъ: неужели же это будетъ борьба? Правда, что въ «Русской Бесѣдѣ», или въ такъ называемыхъ славянофилахъ, замѣтно желаніе составить особый кругъ, особое направленіе, исключительную котерію; но то, что состав-

ляютъ ихъ характеристическую особенность, собственно славянофильское, не заслуживаетъ борьбы. Это смутная примѣсь къ доброму и умному, примѣсь, отъ которой никакой человѣкъ не бываетъ совершенно свободенъ, но которая, къ сожалѣнію, приобретаетъ неожиданную и какъ бы принудительную силу, коль скоро станетъ общимъ достояніемъ двухъ—трехъ человѣкъ. Это неясныя и сбивчивыя понятія, недомысленныя мысли, фактическое незнание и матеріальныя ошибки; но все это стѣснительно и вредно только для своихъ владѣльцевъ, со всѣмъ этимъ они сами должны бороться, чтобы высвободить изъ этой примѣси свой умъ, свои дарованія, лучшее своей мысли. Изъ всѣхъ этихъ неприятностей не построишь никакой партіи, не следишь никакого направленія, не сдѣлаешь никакого знамени. Борьба—дѣло хорошее, борьба есть долгъ, когда рѣчь зайдетъ о поступкѣ, о непремѣнномъ и неукоснительномъ выборѣ между *да* или *нѣтъ*; борьба есть долгъ, когда вопросъ получаетъ практической характеръ, и тутъ ужъ нечего разбирать противниковъ. Но когда рѣчь идетъ о вопросахъ общихъ, когда и вопросы—то еще не поставлены, когда претендентами на особое направленіе ровно ничего не сдѣлано въ духъ своего направленія, когда эта особенность выражается, какъ сказано, въ сбивчивости понятій, въ нѣкоторыхъ ошибкахъ, да еще въ нѣкоторыхъ маленькихъ странностяхъ, то къ чему же тутъ вызовъ на борьбу? Если г-ну N нравится шапка безъ козырька, или, напримѣръ, костюмъ въ родѣ поддевки, а другому въ родѣ армяка, то изъ чего же тутъ биться? И что за неблагодарная и жалкая роль ловить чужія ошибки и промахи, что за печальная роль постоянно браниться съ людьми хорошими и почтенными, и колоть имъ глаза ихъ случайными недостатками и странностями, заводить *querelle d'Allemand*, ссориться изъ пустаго? Для публики это скучно, для дѣла совершенно бесполезно. Но, скажутъ, это было бы полезно для виновниковъ; указаніе ихъ промаховъ и ошибокъ послужило бы имъ въ урокъ, помогло бы имъ выпутаться изъ ложнаго положенія, освободить свои понятія отъ смутной примѣси. Такъ бы казалось; но кто имѣетъ опытность въ человѣческомъ сердцѣ, тотъ не скажетъ этого. Въ томъ-то и бѣда человѣка, что въ темной глубинѣ его души, не свѣдомо ему самому, кипитися котелокъ самомнѣнія, которое (врагъ лукавъ!) можетъ обманывать даже своего хозяина и изъ личнаго прикидываться напримѣръ народнымъ. Вотъ, кажется, безгрѣшное, святое возношеніе мысли,— а смотришь, оно подогрѣвается котелкомъ самомнѣнія. Кажется, чего бы лучше сознаться въ своей ошибкѣ, когда она намъ указана, и отречься отъ нея; и чѣмъ громче, чѣмъ общественнѣе подобное сознаніе, тѣмъ, кажется, было бы больше заслуги. Такъ бы оно и было, если бы не брать въ расчетъ потаеннаго котелка. Бываетъ, напротивъ, что человѣкъ, впрочемъ, и очень добросовѣстный, и очень умный, невольно ожесточается, когда ему указываютъ его промахи, и

раг dépit отстаивает заблужденія, какъ бы улика ни была явна; человекъ можетъ спорить противъ всякой очевидности. Результатъ получится противный ожиданію: вашими уликами вы не только не можете человеку высвободиться, а еще закрѣпите его въ ложномъ положеніи. Скандаль, который вы сдѣлаете, ничѣмъ для вашего нравственнаго чувства вознагражденъ не будетъ. Зачѣмъ же дѣлать скандаль хорошимъ людямъ, зачѣмъ же безъ настоятельной нужды ссориться съ лицами, которыхъ вы уважаете, и которымъ, во всемъ ихъ лучшемъ, вы сочувствуете? Зачѣмъ это, когда намъ именно нуженъ союзъ всѣхъ добрыхъ убѣжденій противъ злонамѣренной лжи? Итакъ, вы хорошо дѣлаете, что *безъ нужды* не заводите полемики, что не слѣдуете правилу воинственнаго листка, проповѣдующаго *безпощадную* борьбу — не противъ злонамѣренности, что должно, — а борьбу между убѣжденіями, которыя взаимно уважаютъ себя. Легко сказать *безпощадная борьба!* При такой борьбѣ должно всяко лыко ставить въ строку, не пропускать никакой ошибки, никакого промаха, по какому бы то ни было случаю сдѣланнаго; при *безпощадной* борьбѣ мало опровергать ложно поставленный вопросъ, а надобно преслѣдовать противника повсюду, не давать ему отдыха, избличать его во всемъ и обнаруживать его несостоятельность во всѣхъ отношеніяхъ. Если воинственный листокъ хочетъ, чтобы такая борьба завязалась между вашимъ журналомъ и «Русскою Бесѣдою», то не слушайтесь его; въ отношеніяхъ между обоими журналами не было досель, и, какъ я думаю, не будетъ никогда нравственнаго побужденія къ такой борьбѣ.

Итакъ вы видите, что я человекъ вовсе не желчный, и что вы можете допустить меня въ вашъ журналъ безъ опасенія. Но, м. г., я думаю, что есть случаи, когда *безпощадность* есть долгъ всякаго добросовѣстнаго человекъ, и въ опредѣленіи нѣкоторыхъ подобныхъ случаевъ я надѣюсь сойтись съ вами.

Должно, напримѣръ, *безпощадно* преслѣдовать всѣ эти возмутительныя явленія; оскорбляющія и науку, и общество, и наше юное образованіе, которыя, увы! такъ еще часто повторяются у насъ и, скажу съ неменьшимъ прискорбіемъ, проходятъ безнаказанно. Нѣтъ, вы не должны падить человекъ, который нагло рядится въ пышную мантию авторитета, который мистифируетъ публику, и обращаетъ легковѣріе, столь свойственное юному образованію, въ трубу своей славы. *Безпощадно* срывайте съ него эту мантию, *безпощадно* разгоняйте мракъ, которымъ питается его незаслуженный авторитетъ, особенно если онъ имѣетъ нѣкоторыя средства удачно мистифицировать публику. Не изъ одного только чувства негодованія, которое одушевляетъ меня, эвмениду, требуется въ подобномъ случаѣ — не борьба, о борьбѣ тутъ смѣшно и говорить, — требуется просто *безпощадность*, но также и изъ убѣжденія, что такое дѣло полезно, что оно послу-

жить къ очищенію нашей умственной и нравственной атмосферы, что оно послужитъ карою за оскорбляемую честь науки и литературы.

Повинуясь этимъ двумъ побужденіямъ, я на первый разъ хочу принести въ жертву общественной справедливости одного оратора, по имени г. Крылова.

Можетъ-быть, большинство вашихъ читателей съ недоумѣніемъ и вопросительно посмотритъ и подумаетъ: кто этотъ ораторъ, и что это за г. Крыловъ? Не только простые читатели, но и люди, слѣдившіе пристально за движеніемъ нашей литературы и за всѣми отрадами нашей библиографіи, могутъ не знать этого имени. И однакожъ г. Крыловъ провозглашается, напримѣръ, въ упомянутомъ листкѣ, *какъ учепльѣйшій юристъ, заслужившій общую извѣстность и уваженіе*. Въ другихъ журналахъ говорится тоже объ его великихъ достоинствахъ и объ его блестящей учености. Этого мало, редакторъ «Молвы», г. Шпилевскій, объявляетъ съ особенною торжественностію, что въ его газетѣ будетъ съ слѣдующаго нумера постоянный отдѣлъ, подъ заглавіемъ: «Юридическія замѣтки профессора Крылова». Доселѣ нѣчто подобное велось въ одной «Сѣверной Пчелѣ», гдѣ есть постоянная рубрика, отведенная для Ѳ. В. Булгарина. Но г. Булгаринъ, какъ бы кто объ немъ ни думалъ, есть дѣйствительно лицо извѣстное въ литературѣ. Онъ имѣетъ право озаглавливать всѣ статьи своимъ именемъ: читай кто хочетъ, не читай кто не хочетъ. А г. Крыловъ доселѣ подавалъ только однѣ надежды для своихъ приближенныхъ и пріятелей, и не приобрѣлъ еще права, подобно г. Булгарину, рекомендовать своимъ именемъ свои статьи. Его имя еще само требуетъ рекомендаціи отъ его статей, и гораздо приличнѣе должно бы появляться подъ статьею, а не въ заглавіи статьи. Видите, какія замашки!

Но все это еще не разъясняетъ дѣла и не удовлетворяетъ читателей, желающихъ знать, въ чемъ же состоятъ права г. Крылова на такую знаменитость. Здѣсь, въ Москвѣ, извѣстно, что г. Крыловъ спеціально занимается римскимъ правомъ, что когда-то, лѣтъ пятнадцать или двадцать тому назадъ, онъ произнесъ на университетскомъ актѣ рѣчь ex officio, что рѣчь эта подавала надежды, что послѣ того г. Крыловъ хранилъ въ литературѣ совершеннѣйшее молчаніе, которое не приводило никого въ отчаяніе, что онъ прервалъ наконецъ свое молчаніе въ текущемъ году новымъ ораторскимъ произведеніемъ, отхватившимъ чуть не полкниги «Русской Бесѣды», и угрожающимъ столько же занять мѣста во всѣхъ слѣдующихъ книгахъ за этотъ годъ, такъ что «Русской Бесѣдѣ» предстоитъ возможность превратиться также въ «Замѣтки профессора Крылова». Но это еще впереди, это еще только надежды, а больше ничего пока не имѣется.

Извѣстно еще, что г. Крыловъ преподаетъ предметъ своей спеціальности и, охотно вѣрю, не безъ пользы. Но это тайна скромныхъ

стѣнь университета; объ этомъ публика не хочетъ знать. Когда рѣчь идетъ о правахъ на *авторитетъ* въ *ученой литературѣ*, то ужь не слѣдуетъ прятаться за стѣны какого-либо зданія, равно какъ не слѣдуетъ, въ случаѣ общественнаго суда, искать убѣжища въ своихъ, напримѣръ, семейныхъ добродѣтеляхъ, или хорониться за друзей. Доказательства должны быть на лицо—доказательства общественныя, литературныя. А на слухахъ, что г. Крыловъ читалъ по своимъ театрамъ твердо и ясно, нельзя основывать литературнаго авторитета, равно какъ ничего нельзя основывать и на слухахъ о томъ, будто онъ плохо знаетъ латыни: что за важность? благодаря этимъ проклятымъ Нѣмцамъ, отчего и не заниматься римскимъ правомъ безъ римскаго языка. Говорятъ еще, что онъ слушалъ даровитаго берлинскаго профессора Кленце, который, бывъ преждевременно похищенъ смертію, не успѣлъ издать своего курса... Но во тѣмъ этихъ сказаній нельзя же искать основанія для такого великаго дѣла, какъ литературная слава и ученый авторитетъ, и нельзя не поспѣвать, что г. Крыловъ заготовилъ такъ мало положительныхъ и явныхъ основаній для своихъ претензій, что эти темныя закоулки остаются не прикрытыми для слѣдователя.

Претензіи же г. Крылова дѣйствительно громадны. Какъ было редактору «Молвы» не назвать его *ученѣйшимъ юристомъ*, и не слѣвать ему такой торжественной встрѣчи у вратъ своей храмины? Послушайте, съ какимъ самоуслажденіемъ выражается о себѣ самъ г. Крыловъ въ статьѣ, помѣщенной въ «Русской Бесѣдѣ»: «Моя ученая дѣятельность сосредоточена въ другомъ мірѣ, — *римскомъ*; тамъ всегда весело работать: литературныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ было множество во всѣ времена. Всѣ вмѣстѣ, безъ различія времени и народовъ, въ какой-то чудной, всемірной, дружественной бесѣдѣ, одинъ другому *помогаемъ* (замѣтьте, *помогаемъ*!), одинъ другому *передаемъ* свои впечатлѣнія и *работаемъ* надъ однимъ общимъ дѣломъ: понятно, что такая работа должна имѣть счастливый успѣхъ.» Какъ вамъ покажется эта форма перваго лица множественнаго числа, это *мы пахали*? Какая милая *insolentia*! Г. Крыловъ передавалъ свои впечатлѣнія по римскому праву, то-есть работалъ, и благодаря отчасти его помощи, эта совокупная работа, гдѣ такъ замѣтно и такъ уважительно красуется нашъ *ученѣйшій юристъ*, должна была имѣть счастливый успѣхъ. Сколько правъ на вниманіе публики, на всеобщее уваженіе, на ученый авторитетъ, особенно въ нашемъ отечествѣ, гдѣ такъ мало *ученѣйшихъ мужей* вообще! Какъ же намъ-то не прислушиваться къ вѣщаньямъ и прорицаньямъ г. Крылова, когда по его скромному сознанию, онъ такъ успѣшно участвуетъ *во всемірной, во чудной, во дружественной бесѣдѣ!* какъ славно должно быть его участіе въ болѣе скромномъ и тѣсномъ кругу, какова *русская бесѣда!*

Упомянутая статья г. Крылова, напечатанная въ «Русской Бесѣдѣ», есть якобы рѣчь, произнесенная знаменитымъ ученымъ на диспутѣ г. Чичерина. Называется она: «Критическія замѣчанія, высказанныя профессоромъ Крыловымъ на публичномъ диспутѣ въ Московскомъ университетѣ 21-го января 1856 года, на сочиненіе г. Чичерина: Областные Учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ». Замѣтьте, статья озаглавляется именемъ своего великаго автора, которое для вящаго украшенія этой статьи появляется еще и подъ нею. Геніальность автора прежде всего выразилась въ явномъ презрѣніи къ общепринятымъ формамъ и приѣмамъ литературнаго изложенія; въ статьѣ царствуетъ тонъ полнѣйшей небрежности: то передъ вами рѣчь, то комментаріи на собственную рѣчь. Авторъ ломается и геніальничаетъ до юродства. Не довольствуясь великою работою надъ римскимъ правомъ, не довольствуясь всемірною бесѣдою по этому предмету, въ которой онъ передалъ своимъ сотоварищамъ много свѣтлыхъ истинъ и содѣйствовалъ успѣху общаго дѣла, г. Крыловъ великодушно спускается принять участіе въ трудѣ русскихъ юристовъ, по русскому праву. Какъ боецъ, извѣдавшій свои силы въ другой, болѣе славной борьбѣ, онъ снисходительно смотритъ на этихъ юныхъ дѣятелей. Это какой-то патріархъ, поучающій цѣлое поколѣніе. Какое умиленное зрѣлище! Какъ сладостно льются его поученія! Онъ хочетъ одушевить молодыхъ ученыхъ, своихъ милыхъ учениковъ, вдохнуть имъ новыя силы, указать имъ новое направленіе въ ихъ дѣятельности. Правда, онъ никогда не занимался ни русскимъ правомъ, ни русскою исторіею. Онъ не знакомъ съ ея источниками, и врядъ ли не впервые изъ сочиненія г. Чичерина познакомился съ самыми названіями предметовъ русскаго права. Но такому великому ученому по предмету римскаго права позволительно быть судьею русскаго права и безъ спеціальнаго знанія. Онъ внесетъ въ эту смутную область свѣтъ своей науки, своимъ великимъ мастерствомъ въ ней онъ подаетъ поучительный и блистательный примѣръ, какъ слѣдуетъ изучать исторію русскаго права.

Будемъ однако справедливы: въ статьѣ г. Крылова обнаруживается замѣчательное литературное дарованіе. Мнѣ кажется, что г. Крыловъ сильно ошибся въ своемъ назначеніи: изъ него бы могъ выйти весьма хорошій беллетристъ и навѣрное отличный фельетонистъ. Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ нѣкоторое сходство съ знаменитымъ въ свое время барономъ Брамбеусомъ. Я позволю себѣ думать, что, если оставить въ сторонѣ дѣйствительно обширную ученость барона Брамбеуса, въ общихъ признакахъ они совершенно совпадаютъ. Г. Крыловъ умѣетъ выразиться мѣтко, умѣетъ, гдѣ нужно, нагнать для подавленія мысли цѣлую орду пестрыхъ словъ; онъ умѣетъ воспользоваться крайностями мысли противника, умѣетъ осѣдлать ихъ и ѣздить на нихъ съ разными эквилибристическими прыжками для по-

тѣхъ публики; у него есть запасъ приемовъ, которыми онъ владѣть искусно; запасъ ноть, которыя онъ умѣетъ брать кстатѣ: и милая грубость, и простодушная иронія, и хитрое простодушіе; а главное онъ надѣленъ въ избыткѣ тою *нестыдливостію*, тою нецеремонностію съ наукою, какими такъ блистательно отличался его предшественникъ, тою нестыдливостію, которая отлично упрочила бы успѣхъ его на фельетонномъ поприщѣ, на которое, какъ кажется, онъ и рѣшается вступить теперь въ «Молвъ».

Но мнѣ пора приступить къ моей обязанности, къ обязанности эвмениды. Я намѣренъ не критику писать на статью г. Крылова. Когда она будетъ, со временемъ, благополучно кончена, вѣроятно, и оцѣнена будетъ по всей справедливости. Скажу только два слова о предметѣ статьи. Дѣйствительно — и хотя г. Чичеринъ вашъ сотрудникъ, вы примете безпристрастно мое замѣчаніе, — дѣйствительно, общія воззрѣнія г. Чичерина запечатлѣны нѣкоторою исключительностію. Онъ самъ даетъ противъ себя оружіе своими понятіями о значеніи государства вообще. Но честь и слава ему за его блестящіе и добросовѣстные труды! При всей односторонности общихъ воззрѣній, онъ далъ сильный толчокъ изученію русскаго права; никто изъ нашихъ юридическихъ дѣятелей такъ рѣшительно и энергически не ставилъ вопросовъ; съ первыхъ шаговъ, онъ занялъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ нашей ученой литературѣ. И надъ нимъ — то такъ ломается *ученѣйшій юристъ*, его — то такъ великодушно третируетъ ученикомъ своимъ преемникъ барона Брамбеуса! Какъ будто на г. Чичеринѣ осталось навѣки неизгладимое клеймо, какъ будто онъ навѣки сталъ *sacer* (терминъ изъ римскаго права, значеніе котораго объяснить намъ ниже г. Крыловъ), за то, что когда-то судьба привела его слушать лекціи этого великаго учителя! — Односторонность нѣкоторыхъ мнѣній г. Чичерина была уже замѣчена съ разныхъ сторонъ. Въ той же самой книгѣ «Русской Бесѣды» помѣщена небольшая статейка г. Самарина, гдѣ въ сущности высказывается все то, что справедливо или нѣтъ усиливается доказать г. Крыловъ. Но, еще прежде, главная односторонность г. Чичерина въ его понятіяхъ о централизаціи обозначена живыми чертами въ прекрасной статьѣ г. Кавелина, появившейся въ «Отечественныхъ Запискахъ». Надѣюсь, что и въ вашемъ журналѣ вопросъ, поднятый г. Чичеринимъ, подвергнется новому разсмотрѣнію. Но къ дѣлу.

Г. Крыловъ выдвинулъ противъ г. Чичерина исторію римскаго права. Специалисту весьма было естественно, для поясненія дѣла, прибѣгнуть къ предмету своихъ постоянныхъ и неусыпныхъ занятій. Эта операція должна имѣть двоякую цѣль, двоякую силу: во-первыхъ, пояснить, какъ сказано, предметъ, — это польза для дѣла, для науки; а во-вторыхъ, научить и наставить ученыхъ по русской исторіи,

какъ слѣдуетъ имъ заниматься своимъ предметомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ исторіи русскаго права все темно, сбивчиво; въ исторіи римскаго права все ясно, все измѣрено, взвѣшено, опредѣлено, не только въ главныхъ очертаніяхъ, но и во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Дѣятелю по русскому праву приходится прорубаться сквозь дремучія дебри; римскій же юристъ прохаживается въ своемъ вѣдомствѣ, словно въ Версальскомъ саду. Представьте себѣ, съ какимъ удовольствіемъ и пользою могутъ русскіе юристы любоваться эволюціями такого знаменитаго ученаго, какъ г. Крыловъ, въ предметѣ, стжавшемъ ему великій авторитетъ въ евронеиской наукѣ!

Представьте же себѣ, однако, добрый и часто легковѣрный читатель, что эта публичная прогулка профессора Крылова въ саду римскаго права есть непрерывный рядъ самыхъ жалкихъ паденій. Все, что ни говоритъ онъ объ этомъ предметѣ своихъ спеціальныхъ трудовъ, избочичаетъ ученическое невѣдѣніе. Надъ всѣмъ этимъ эпизодомъ, который долженъ бы сіять лучами солнца, висять туманъ, скрадывающій всѣ очертанія предметовъ, и придающій имъ такую выбкость, отъ какой, слава Богу! свободна и исторія русскаго права. Что говорю я! Весь этотъ эпизодъ представляетъ почти на каждой страницѣ столько грубыхъ, матеріальныхъ ошибокъ, столько доказательствъ незнанія, что г. Чичеринъ, при своей строгости, извѣданной нѣкоторыми учеными, непременно поставилъ бы г. Крылову на экзаменѣ, изъ исторіи римскаго права, единицу. Это неизмѣрно, но это такъ, это вѣрно.

Эвмениды, гдѣ бичи ваши?... Приступимъ...

Не будемъ, для усиленія впечатлѣнія, искусственно грушничать грѣхи г. Крылова, будемъ слѣдовать порядку ихъ естественнаго народженія и отмѣчать, какіе попадутся подъ руку, въ той очереди, какъ они торопливо слѣдуютъ другъ за другомъ.

Изображеніе Римской республики начинается на страницѣ 58-й, и на этой же самой страницѣ читаемъ слѣдующее:

«Весь народъ римскій былъ настоящая вольница; тѣла не тѣлеть, и послѣ Македонскихъ войнъ, не платитъ ни поземельной, ни подушной подати, кромѣ ценса.»

Знаменитый юристъ не знаетъ, что подати, именуемой ценсомъ, въ Римѣ не было, а была подать *трибутъ*, которая взималась только на основаніи ценса. Народъ римскій ни прежде, ни послѣ македонскихъ войнъ не платилъ поземельной и подушной подати; до македонскихъ войнъ онъ платилъ только одну подать — *трибутъ*, послѣ же македонскихъ войнъ и эта единственная подать была отмѣнена. Пояснимъ это еще болѣе. Изъ словъ г. Крылова выходитъ, что до македонскихъ войнъ римскій народъ платилъ трибутъ (и, кажется, другія подати, подушныя и поземельныя), а послѣ македонскихъ войнъ всѣ другія подати, кромѣ трибута, были отмѣнены, такъ что остался

въ силѣ лишь одинъ трибутъ. Это совершенно новое открытіе въ римской исторіи, открытіе, котораго величіе объясняется только величіемъ авторитета его виновника; это новое открытіе противорѣчитъ самому извѣстному и во всѣхъ учебникахъ упоминаемому факту, что послѣ завоеванія Македоніи была отмѣнена единственная существовавшая въ Римѣ подать — трибутъ. При всемъ уваженіи къ авторитету ученѣйшаго нашего юриста, вѣроятно, всѣ со товарищи его по предмету останутся при томъ убѣжденіи, что со времени завоеванія Македоніи, Римляне ужь не платили болѣе подати съ ценса; а до этого времени не платили никакой другой подати, кромѣ подати съ ценса, то-есть трибута.

Переходимъ на слѣдующую страницу.

На страницѣ 59, г. Крыловъ говорить слѣдующее:

«Но дивная была эта машина, какъ видно изъ славныхъ дѣйствій народа. Главное ея достоинство—самокатъ. Повидимому, сановникамъ опредѣлены области управленія: консулы заведываютъ одними дѣлами, преторы—другими, ценсоры—своимъ многосложнымъ цензомъ, и плебейскіе трибуны сосредоточены въ своихъ трибахъ. Но области эти не размежеваны, и каждый по праву вмѣшательства (jus intercedendi—veto) можетъ хозяйничать въ чужомъ министерствѣ.»

Машина-самокатъ, какъ остро и глубокомысленно! Чтожъ тутъ самокатнаго, если области управленія опредѣлены, и всякій можетъ вмѣшиваться въ чужую область? Но стоитъ ли обращать вниманіе на такіе пустяки; когда намъ предстоитъ важнѣйшая обязанность?

Приведенное мѣсто представляетъ какъ бы два рода знанія римской администраціи: одно знаніе—поверхностное (повидимому); другое—болѣе глубокое, какъ бывъ сущности. Взглянуть сверху—области управленія опредѣлены; глубокий анализъ открываетъ, что онѣ вовсе не размежеваны, и каждый самовникъ можетъ вмѣшиваться въ вѣдомство другаго: консулъ—въ должность ценсора, претора, трибуна; преторъ въ должность консула, ценсора и т. д. Г. Крыловъ, конечно, владѣетъ обоими родами знанія, и поверхностнымъ и глубокимъ; трудно только рѣшить, въ которомъ родѣ онъ болѣе отличается. Никакой ученикъ на экзаменѣ по римской исторіи не осмѣлился бы сослаться на такую видимость, какъ назнѣ ученѣйшій юристъ; ученику не прошло бы даромъ такое странное увѣреніе, что трибуны, *повидимому, были сосредоточены въ трибахъ*. Что трибунъ не былъ гдѣ-нибудь сосредоточенъ, а послѣлъ вездѣ съ своимъ veto, это фактъ до такой степени поверхностный, что не требуетъ ни малѣйшаго разсмотрѣнія. Вѣдѣнію трибуновъ подлежали не одни собранія по трибамъ. Значеніе трибуна, какъ органа плебеевъ, въ томъ именно и состояло, чтобы слѣдить за всѣмъ, что дѣлается другими властями; *интерцес-*

сія трибуновъ простиралась на всѣ постановленія чиновниковъ, опредѣленія сената, и на всѣ народныя собранія. Трибунъ могъ запретить все и по всѣмъ частямъ. Спеціальность трибуна именно состояла въ правѣ повсюднаго запретительнаго вмѣшательства.

Заглянемъ теперь въ глубину. *Каждый мой хозяиничать съ чужомъ министерствъ.* Помилуйте, да это изъ рукъ вонъ! Самое поверхностное знаніе римскихъ древностей достаточно убѣждаетъ, что преторъ никогда не могъ вмѣшиваться въ дѣла консула, а въ дѣла ценсора никто и ни подъ какимъ видомъ не вмѣшивался.

Г. Крыловъ (на той же страницѣ, непосредственно за приведеннымъ мѣстомъ) продолжаетъ такъ описывать дивный самокатъ:

«При каждой отдѣльной магистратурѣ приставлены по нѣскольку личныхъ орановъ — равныхъ одинъ другому и неограниченныхъ: консуловъ 2, ценсоровъ 5, плебейскихъ трибуновъ 10.»

Но это ужасно! Это ужъ, по выраженію г. Крылова на той же страницѣ, слишкомъ рельефно выдается! Пять ценсоровъ! Это неслыханно! Благодарите судьбу свою, г. Крыловъ, что пишете по-русски, и что не участвуете въ дивной, всемірной бесподъ римскихъ юристовъ! Что если бы кто-нибудь услышалъ васъ! Впрочемъ и дома не оберешься срама съ пятью ценсорами. Къ сожалѣнію ценсоровъ было даже не три, чтобы по крайней мѣрѣ было можно свалить вину на наборщика, потому что цифры 5 и 3 похожи. Увы! ценсоровъ было только два, 2: цифра самая неблагопріятная для печатки.

Градація несомнѣнна: два, пять, десять. Однако чѣмъ объяснить эту странность? Какъ могло совершиться такое важное открытіе? Какимъ путемъ къ двумъ ценсорамъ прибавилось еще трое, и составилось всѣхъ пять? Вотъ единственно возможное объясненіе. Нашъ юристъ, когда слушалъ лекціи Кленце, ослышался; ценсоры выбирались черезъ каждыя пять лѣтъ, а г. Крыловъ записалъ въ тетрадкѣ пять ценсоровъ, и затвердилъ это навсегда.

Отправляемся далѣе по этому вертограду. Перевертываемъ страницу.

Стр. 60. *«Оставалось одно средство у сената провозгласить его (трибуна) врагомъ отечества (sacer esto) — и тогда всякій могъ убить его безнаказанно.»*

Гдѣ мы? Что съ нами? Нѣтъ, г. Крыловъ, этакъ вы и для фельетона не будете годиться. И фельетонистъ поостерегся бы рубить такъ сплеча; и тотъ, можетъ-быть, прежде справился бы въ книжкѣ или спросилъ бы кого-нибудь изъ свѣдущихъ людей. Что ни слово, то грубѣйшая ошибка.

Кто не знаетъ, какое было у сената самое могущественное средство противъ революціонныхъ стремленій? кто не знаетъ знаменитой формулы: *videant consules*? Но она по какому-то случаю не попала подъ перо г. Крылова, а вмѣсто нея явилось *sacer esto*, и притомъ въ неслыханномъ значеніи.

Sacer esto—формула сохранившаяся отъ далекихъ временъ въ памяти г. Крылова — вовсе не значить врагъ отечества. Это проклятіе религиозное. *Sacer* — тотъ, кто нарушилъ какой-либо изъ освященныхъ религіею законовъ (*leges sacratae*), *sacer* — это человѣкъ, обреченный подземнымъ богамъ.

Сенатъ никогда не имѣлъ права, такъ великодушно даруемаго ему г-мъ Крыловымъ; сенатъ не имѣлъ этого права не только относительно трибуновъ, но и относительно простыхъ гражданъ.

Если *consuetudo caritatis* подлежала когда судебному разсмотрѣнію, то уже конечно не въ сенатѣ, а въ народномъ собраніи, какъ напримѣръ, при осужденіи Ветурия, за то, какъ говоритъ Плутархъ со словъ Гая Гракха, что онъ не посторонился, встрѣтившись съ трибуномъ.

Законовъ, имѣвшихъ силу *legum sacratarum*, было очень мало, и не упоминается ни одного, который былъ бы постановленъ противъ трибуновъ.

Послѣ такихъ блестящихъ доказательствъ учености нашего юриста, мы уже не очень удивимся глубокимъ его свѣдѣніямъ въ латинскомъ языкѣ, прекрасное доказательство которыхъ представляетъ страница 62:

«Словіе всадниковъ (Ordo Equestris)»

Ordo Equestris по латынѣ все то же, какъ еслибъ сказать по-русски: *знаменная г. Крыловъ! статья ваша очень ученъ.*

Ordo существительное мужескаго рода, *equestris*—прилагательное женскаго рода; всякій гимназистъ, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, обязанъ сказать *ordo equester*.

На слѣдующей страницѣ рѣчь зашла о народномъ судилищѣ, и г. Крыловъ утверждаетъ:

Стр. 63 *«Одинъ сборъ голосовъ продолжался по нѣскольку дней.»*

Нѣтъ, не по нѣскольку дней: сборъ голосовъ продолжался обыкновенно около пяти часовъ. Если до захожденія солнца онъ не оканчивался, то народное собраніе созывалось на слѣдующій день, и голоса подавались сызнова.

На страницѣ 64 г. Крыловъ заговорилъ о правѣ убѣжища, и выражается такъ:

«Это знаменитѣйшее въ древности право убѣжища (Jus exilii landi, asylius.)»

Но развѣ одно и тоже *jus exulandi* и *asylius*? Азиломъ называлось священное мѣсто, гдѣ преступникъ могъ находить убѣжище отъ преслѣдующаго его правосудія. Происхожденіе азиловъ религіозное, но государственный порядокъ требовалъ ограниченія ихъ правъ. Благоустроенное общество не можетъ терпѣть безнаказанности преступлений, благоустроенная литература не допуститъ у себя азила для преступковъ, подобныхъ ученымъ подвигамъ г. Крылова. Но *jus exu-*

landi, право бѣгства, литература охотно предоставляет своимъ судимымъ, и столько же либерально поступало римское государство. Смерти преступника не нужно. Довольно, если онъ удалится изъ общества и перестанетъ вредить ему. Когда г. Крыловъ перестанетъ разсуждать печатно о римскомъ правѣ, настоящее преступленіе его будетъ охотно забыто; но литература наша тѣмъ не менѣе не будетъ виновна въ томъ, что дала у себя азиль для такой литературной недобросовѣстности.

Стр. 68. *«Убѣдившись въ недействительности осязъ правительственныхъ мѣръ, рѣшились выстроить небывалое въ мѣрѣ зданіе, въ которомъ и размѣщены были всѣ древніе боги по чинамъ. Таковъ былъ римскій Пантеонъ.»*

Кто видѣлъ рисунокъ Пантеона, тотъ долженъ знать, что въ немъ не было мѣста и сотой долѣ боговъ подвластнаго Риму, языческаго міра. Пантеонъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, не имѣлъ вовсе и значенія храма. Эта была первая зала въ огромномъ зданіи общественныхъ банъ Агриппы.

Стр. 72. *«Всадники... вступили въ новую придворную службу, составили лейбъ-гвардію императорской фамилии.»*

Между сословіемъ всадниковъ (тѣмъ самымъ, которому г. Крыловъ такъ любезно далъ женскую форму) и преторіянцами, то-есть императорскою лейбъ-гвардіей, какъ выражается авторъ, нѣтъ ничего общаго. Преторіянцы, какъ и у насъ гвардейцы, набирались вездѣ; въ послѣдствіи времени только въ Италіи. Они были простые солдаты, отличенные отъ армейскихъ тѣмъ, что срокъ службы для нихъ былъ короче, и жалованья давалось имъ болѣе. Что же касается до сословія всадниковъ, то оно, потерявъ къ концу республики, свое особое государственное значеніе, осталось какъ почетное сословіе, какъ титулъ. Какъ почетный титулъ, оно продолжалось и во времена имперіи; императоры разнообразили этотъ титулъ, присовокупленіемъ къ нему нѣкоторыхъ прилагательныхъ, какъ напримѣръ equites illustres и пр. Это почетное званіе всадниковъ перешло и въ средніе вѣка; equites среднихъ вѣковъ были рыцари.

Самоуправство г. Крылова, какъ видимъ, не пощадило и всадниковъ: онъ просто-на-просто отдалъ ихъ въ солдаты.

Стр. 73. *«Въ 729 году 16-го ноября, Августъ отпраздновалъ всеобщее замиреніе, земскій миръ, при великолѣпнѣйшей релігіозной церемоніи. Молились всѣ отъ сердечнаго умиленія, каждый своимъ богамъ и по своимъ обрядамъ. Тогда же совершился надъ нимъ первый человѣческій апотеозисъ: лицо его внесено въ церковный Канонъ (наши святыи), и ему стали молиться, какъ главному богу, стоящему въ Олимпійскомъ сонмѣ рядомъ съ Юпитеромъ и т. д.»*

Это мѣсто можетъ служить образчикомъ великолѣпнаго слога, какимъ пишетъ нашъ ученый. Какъ все и пышно, и плавно! Какъ напримѣръ эффектенъ земскій миръ, поставленный у него курсивомъ! Все было бы хорошо, еслибъ только было безошибочно. Божескія почести опредѣлены Августу не въ 729 году отъ основанія города, или въ 24 до Р. Х., какъ утверждаетъ ученый знатокъ римскаго міра, а въ 14-мъ году по Р. Х. сентября 17-го, черезъ 28 дней послѣ его смерти. При жизни же своей Августъ не пользовался въ Римѣ этими почестями; своимъ обоготвореніемъ живо обязанъ онъ не римскому государству, а римскому юристу, г. Крылову, который въ этомъ случаѣ руководствоваться примѣромъ азіатскихъ провинціаловъ, привыкшихъ еще со временъ Александра Македонскаго покланяться живымъ людямъ.

Да не подумаютъ читатели, что этимъ ограничиваются всѣ доказательства глубокой учености, данныя г. Крыловымъ на десяти страницахъ; на этихъ немногихъ страницахъ ошибки кишатъ, ихъ многое множество. Но довольно и представленныхъ.

Однако нельзя не выписать тѣхъ строкъ, которыми нашъ ораторъ заключаетъ свою блестящую характеристику Римской республики:

«Но довольно этихъ оттисковъ (авторъ называетъ свои изображенія оттисками). Чувство зрителя и машиниста (такъ называетъ онъ себя, по какой-то особой машинѣ, придуманной имъ для изученія Римской республики) утомлено и начинаетъ страдать. Прошу читателя не забыть, что я совершилъ эту операцію по неволѣ, по принужденію. Я люблю Римъ во всѣхъ его историческихъ состояніяхъ: ибо прихожусь ему въ нѣкоторомъ родствѣ, по *ученому усыновленію*. Но ради стариковъ нашихъ Русскихъ, которымъ я близкій родственникъ по крови, рѣшился на такой тяжелый подвигъ... Оттиски эти вѣрны и согласны съ историческими свидѣтельствами. Я на пробу сдѣлалъ ихъ немного и съ тою цѣлію, чтобы доказать достоинство нашей методической машины.»

Что можно прибавить къ этимъ умильными строкамъ? Напрасно только авторъ думаетъ, что онъ сдѣлалъ *немного* для пробы своей методической машины. Намъ кажется, что онъ довольно для этого потрудился. Онъ доказалъ также достаточно и любовь свою къ Риму, свое ученое родство съ нимъ. Что касается до стариковъ Русскихъ, то не знаю, какого были бы они мнѣнія о своемъ защитникѣ, но увѣренъ, что русскіе юристы, которыхъ тоже такъ нѣжно любить г. Крыловъ, не соблазнятся его примѣромъ, не усвоятъ его методической машины, и будутъ продолжать изученіе русскаго права иначе, нежели изучаетъ право Рима *ученый сынъ* его. Нѣтъ, они не переймутъ отъ него возмутительнаго неуваженія къ наукѣ, не заразятся его презрѣніемъ къ публикѣ. Они будутъ по прежнему вносить свѣтъ въ исторію своего народа, и предоставятъ этому суро-

вому, неблагодарному Римлянину вносить мракъ невѣжества въ ясную, разработанную область его *тората отечества*.

Прощаясь теперь съ *ученымъ сыномъ* Рима, я не теряю надежды вскорѣ еще съ нимъ свидѣться. А вы, м. г., примите и пр.

Байборода.

Музыкальная хроника.

Дополнимъ нашу хронику нѣсколькими словами о второмъ концертѣ г. Шпаковского, бывшемъ еще 13-го марта. Г. Шпаковский исполнилъ въ этотъ вечеръ третій концертъ Бетгоvena (in C-mol) съ извѣстнымъ уже публикѣ искусствомъ. Въ особенности въ *Largo* молодой артистъ возбудилъ истинно восторженное сочувствіе слушателей удивительною выразительностію своей музыкальной акцентуаціи. Благодаря своему замѣчательному дарованію и разумному, безукоризненно — чистому направленію своего таланта, г. Шпаковский сталъ любимцемъ московской публики; въ этотъ вечеръ аплодисменты не умолкали, и послѣ каждой исполненной піесы онъ былъ по нѣскольку разъ вызванъ. Кромѣ концерта Бетгоvena г. Шпаковский исполнилъ (*à la demande du public*) «рапсодію» Листа, которая попала въ большую милость въ салонахъ высшего музыкальнаго круга, такъ что въ нотныхъ магазинахъ не осталось ни одного экземпляра. Это напоминаетъ намъ странную участь романса г. Даргомыжскаго: *Безумная, я все еще тебя люблю*. Романсъ этотъ, несмотря на свои несомнѣнные достоинства, долго лежалъ въ нотныхъ магазинахъ, погребенный подъ фоліантами разнаго музыкальнаго сброда. Г-жа Віардо-Гарсія вывела его къ жизни и, принарядивъ своимъ неподражаемымъ искусствомъ, пустила на бѣлый свѣтъ. Трудно пересказать какую *fugue* производили эти задушевные звуки въ концертахъ г-жи Віардо. Слушатели вставали съ своихъ мѣстъ и окружали пѣвицу, заставляя ее иногда по три раза повторять *Безумную*. Изданіе раскуплено въ нѣсколько дней; экземпляры, оставшіеся въ Петербургѣ, перевезены въ Москву. Но какъ удивились многія изъ юныхъ, прекрасныхъ пѣвицъ, *по любви къ искусству*, когда пропѣвъ романсъ дома, не нашли въ немъ той прелести, которая такъ увлекала ихъ, когда его пѣла г-жа Віардо. Романсъ не удержался въ салонахъ и снова канулъ въ нотную Лету. Мы обязываемся предупредить тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что и рапсодія Листа принадлежитъ къ числу такихъ сочиненій, которыя могутъ быть эффектны только при полномъ разумнѣйшя характера піесы и при замѣчательномъ превосходствѣ исполненія; иначе и ее постигнетъ незавидная участь «Безумной».

Во второмъ отдѣленіи концерта г. Шпаковский исполнилъ «Романсъ безъ словъ» Литольфа, «Бамбулу» Готшалка и «Русалку» своего сочиненія. «Романсомъ безъ словъ» и «Бамбулой» давно уже восхищается высшій кругъ московской публики; г. Шпаковский часто игралъ эти пѣсы во многихъ гостиныхъ; ихъ встрѣтило въ концертѣ всеобщее, единодушное одобреніе. Tableau musical «Русалка» отличается оригинальностью мыслей и отдѣлкой деталей. Мы никакъ не имѣемъ намѣренія придавать особенную важность этой музыкальной картинкѣ, набросанной въ минуту музыкальнаго вдохновенія, хотя легко, но изящно, игриво, граціозно; мы хотимъ только сказать, что и въ легкихъ сочиненіяхъ г. Шпаковского видны не одни признаки несомнѣннаго дарованія, но и заботливая, старательная отдѣлка, внимательный выборъ, изящная щеголеватость выраженія, и никогда не встрѣчается незрѣлой мысли или запутанности и неясности слога. Г. Шпаковский трудится теперь надъ серьезнымъ сочиненіемъ; намъ удалось слышать нѣсколько отрывковъ.

Въ этомъ концертѣ дебютировала молодая пѣвица М. А. Лялина, еще незнакомая московской публикѣ. У г-жи Лялиной *mezzo soprano* отъ контральтоваго *ti*, кажется, до верхняго *si*. Тимбре голоса пріятенъ, особенно въ глубокихъ тонахъ, грудь сильная, интонація вѣрна, голосъ въ вокализацияхъ послушенъ, хотя еще и не совершенно выработанъ; неполнѣ владѣя имъ, г-жа Лялина не можетъ еще придать своему пѣнію всѣхъ оттѣнковъ выраженія, которые, впрочемъ, судя по приемамъ, хорошо понимаетъ. Мы слышали, что молодая артистка ѣдетъ въ Миланъ, для продолженія своего музыкальнаго образованія въ тамошней консерваторіи. Судя по довольно большому діапазону голоса, по его объему (*son volume*), по наружнымъ преимуществамъ дебиютантки (наружность имѣетъ большое значеніе въ сценической пѣвицѣ), мы ожидаемъ встрѣтить въ г-жѣ Лялиной, по ея возвращеніи изъ Милана, прекрасную оперную пѣвицу. Она пропѣла въ этотъ вечеръ «Русалку» Доргомыжскаго и «арію изъ Моцартова Донъ-Жуана», и умѣла снискать весьма лестное для дебиютантки одобреніе публики.

— 13-го апрѣля былъ большой концертъ Салтыково-Голицынской капеллы, о которой мы уже много разъ говорили на страницахъ «Русскаго Вѣстника». Мы пишемъ эти строки подъ влияніемъ еще не затихшихъ въ душѣ звуковъ, но сомнѣваемся, чтобы намъ удалось вполне передать глубокое, сильное впечатлѣніе, произведенное на насъ этимъ концертомъ. Вотъ что мы слышали.

1. Wohl dem der in Gottes Furcht steht—муз. Озіандера (1586 г.)
2. Agnus Dei—муз. Палестрины (1554 г.)
3. I cieli narrano—муз. Марчелло (1724 г.); г-жа Мортъе-де-Фонтенъ исполнила въ этой пѣсѣ соло.
4. Гимнъ Страделлы, въ которомъ соло исполнила г-жа Семенова. Первые два нумера съ аккомпанементомъ двухъ органовъ, третій съ двумя органами, четырьмя контрбасами и четырьмя виолончелями.
5. Requiem aeternam
6. Lacrymosa dies illa и пр. } Изъ Requiem Керубини.

7. Фантазію Бетгоvena исполнилъ на фортепьяно г. Мортье-де-Фонтенъ; финалъ съ хоромъ пѣвчихъ.

8. Ave verum—муз. Моцарта.

Народный Гимнъ: «Боже Царя Храни.»

Для людей, исключительно посвятившихъ себя изученію музыки, достаточно было бы выписать эту программу и сказать, что все номера концерта были исполнены съ удивительнымъ совершенствомъ; но для любителей, понимающихъ красоты музыкальныхъ сочиненій инстинктивно, скорѣе восприимчивостию эстетическаго чувства, чѣмъ аналитическимъ изслѣдованіемъ мысли, почитаемъ не излишнимъ сказать нѣсколько словъ о музыкѣ первыхъ двухъ вѣковъ по возрожденіи искусствъ.

Композиты XVI и XVII вѣковъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи такого многосложнаго оркестра какъ мы, старались вознаграждать этотъ недостатокъ средствъ полнотою движенія въ гармоніи, придавая самостоятельность каждому изъ семи голосовъ гаммы и не ограничиваясь, какъ новѣйшіе симфонисты, доминантою и тоникою съ вспомогательнымъ участіемъ септими и остальныхъ четырехъ тоновъ. Въ разработкѣ каждой темы, они тщательно озабочивались оркестрировкой. Тема перелетала съ одного инструмента на другой, вызвала все его характеристическія достоинства, переходила изъ тона въ тонъ, и музыкальная мысль, въ многостороннемъ проявленіи своемъ, обозначалась, крѣпла, уяснялась и внятнѣмъ впечатлѣніемъ ложилась въ памяти слушателя. Вотъ въ чемъ кроется тайна тогдашнихъ композитовъ дѣйствовать равно и на ученыхъ музыкантовъ и на профановъ въ искусствѣ, не лишенныхъ вкуса и музыкальнаго разумія. Языкъ старинныхъ сочиненій не такъ популяренъ, чтобы исключительно ему приписывать доступность возвышенныхъ мыслей Перголезе, Палестрины и другихъ современныхъ имъ композитовъ. Эта доступность объясняется простотою мысли и отчетливымъ ея изложеніемъ. Они не чуждались музыкальнаго краснорѣчія, но ихъ фигуры служили не только блестящимъ и часто бесполезнымъ украшеніемъ, какъ это водится у насъ, а дополнительнымъ выраженіемъ мысли, не вполне высказанной или не довольно ясно обрисовавшейся.

Все пѣсы, исполненныя въ этотъ вечеръ хоромъ пѣвчихъ (за исключеніемъ финала фантазіи Бетгоvena и народнаго гимна) запечатлѣны величественнымъ характеромъ церковной музыки; все прекрасно и превосходно были исполнены. Мы скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ, которые обратили на себя особенное вниманіе публики. «Agnus Dei»—Палестрины принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ сочиненій XVI вѣка; въ немъ идея композита выразилась цѣльно и въ чрезвычайно ясныхъ очертаніяхъ. Послѣдовательность развитія въ гармоніи составляетъ художественное достоинство этой пѣсы; публика вызвала ея повтореніе. «Гимнъ Страдальца»—молитва, проникнутая лиризмомъ самыхъ восторженныхъ чувствъ. «Ave verum» Моцарта, какъ и все сочиненія этого композита, замѣчательно изящною простотою мыслей и дивно-художественною оркестрировкой. У Моцарта техническая обработка сочиненія не стѣсняла вдохновенія, и въ «Ave verum», при самыхъ многосложныхъ сообра-

женіяхъ въ симфоніи, мечта не устаетъ, мысли роятся и вдохновеніе поэта-музыканта слышится въ каждой фразѣ. Но какимъ невозмутимымъ спокойствіемъ дышатъ эти мысли, какъ свѣтло въ нихъ глубокое, сильное, но не встревоженное чувство, какъ чуждо ему всякое драматическое движеніе страсти! Здѣсь молитва выразилась звукомъ словомъ музыки, во всей чистотѣ душевной вѣры.

Спѣшимъ сказать, что въ послѣдній концертъ искусство Салтыково-Голицынскихъ пѣвчихъ превзошло наше ожиданіе. Старинныя музыкальныя сочиненія, въ особенности церковныя, требуютъ въ исполненіи особеннаго характера, и этотъ характеръ былъ вполне выдержанъ капеллою. Конечно, въ хоровомъ исполненіи, усиленная напряженность звуковъ, внезапное, или постепенное ихъ смягченіе, есть дѣло дирижирующаго капеллою, но нельзя не похвалить, въ отличномъ хорѣ и достоинство голосовъ.

Г. Мортъе-де-Фонтенъ исполнилъ на фортепьяно фантазію Бетговена, одно изъ лучшихъ сочиненій этого композитора, гдѣ его могучій геній, не стѣсненный формою, проявился въ полномъ блескѣ. Еще до вступленія темы, воображеніе сочинителя переходитъ отъ одной мысли къ другой, будто прискивая мелодію, и изумляетъ слушателя обиліемъ прекрасныхъ помысловъ и логичною послѣдовательностію въ ихъ развитіи. Тема чрезвычайно проста, часто повторяется, всегда ясна и не запутана гармоническими украшеніями. Симфоническая часть обработана старательно; фактура фразы вездѣ изумительно-прекрасна. Въ этой фантазіи обнаруживаются всѣ отличительныя достоинства Бетговена, и піесу эту должно причестъ къ числу замѣчательнѣйшихъ его сочиненій.

Исполненіе не уронило достоинствъ сочиненія. Г. Мортъе-де-Фонтенъ исполнилъ фантазію Бетговена съ истинно-художественною правдою, безъ тѣхъ увлеченій артистическаго своеволія, которыя такъ много вредили игрѣ его; въ его концертѣ.

Благодаримъ также г-жу Мортъе-де-Фонтенъ за прекрасное исполненіе соло въ сочиненіи Марчелло. Безукоризненно правильная метода ея пѣнія даетъ ей право на признательность самыхъ строгихъ судей въ музыкѣ.

Входа въ залу, мы были поражены многочисленностію публики. Стулья всѣхъ рядовъ были нумерованные и всѣ заняты; для посѣтителей съ билетами безъ номера оставались мѣста только на лавкахъ за колоннадою, и тѣ, большею частію, были заняты дамами; мужчины стояли. Съ билетами въ залу не пускали наверхъ, а въ семь часовъ вечера не было уже въ продажѣ билетовъ на хоры, такъ что многія изъ дамъ, собравшихся на хоры и надѣявшихся взять билетъ при входѣ, вынуждены были прогуливаться въ залѣ *en robes montantes*, посреди красавицъ *en toilette de bal*. Ярко освѣщенная зала, наполненная многочисленною публикою, дамами въ роскошныхъ нарядахъ, представляла великолѣпное зрѣлище.

Прибавимъ, что сборъ съ этого концерта предназначенъ *въ пользу школы московскаго благотворительнаго общества*.

— Мы не утомимъ читателей отчетомъ о множествѣ незамѣчательныхъ концертовъ, бывшихъ въ этотъ сезонъ, и о дарованіяхъ второ-

степенныхъ артистовъ, имъ же имя легионъ. Но нельзя не упомянуть о прекрасномъ концертѣ, данномъ 22-го марта любителями музыки *ex* пользу Общества для призрѣнія бѣдныхъ и сиротъ евангелическаго исповѣданія. Въ этомъ концертѣ оркестръ исполнилъ прекрасное аллегро изъ эсъ-дурной симфоніи Моцарта; г. Грасси очень хорошо сыгралъ на скрипкѣ превосходную піесу Леонара; общество любителей исполнило два квартета Крейцера, и ораторію «Послѣдній судъ» (das Weltgericht) Шнейдера, съ оркестромъ; гг. Рубинштейнъ и Гоноре играли «duo concertante» Мендельсона и Мошелеса: публика оцѣнила превосходное исполненіе и вызвала артистовъ. Хоровое исполненіе любителей музыки было замѣчательно прекрасно.

Концерты Московскаго Благороднаго Собранія были болѣе или менѣе замѣчательны, смотря по артистамъ, которые *ex officio* въ нихъ участвовали.

Н. П — 1й.

Разныя Извѣстія.

ИЗДАНИЕ, ПРЕДПРИНЯТОЕ СТУДЕНТАМИ ИМПЕРАТОРСКАГО С. ПЕТЕРБУРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. — Мы получили объявленіе объ изданіи Учено-Литературнаго Сборника студентами Санкт-петербурскаго Университета и спѣшимъ подѣлиться съ нашими читателями этою пріятною вѣстію. Сборникъ этотъ будетъ выходить безсрочными выпусками, подъ заглавіемъ: *Труды студентовъ Императорскаго Санктпетербурскаго Университета*. Разрѣшеніе на это изданіе воспослѣдовало отъ г. министра народнаго просвѣщенія вслѣдствіе ходатайства совѣта университета, въ который студенты подавали прошеніе.

Во въ программу изданія: 1. Оригинальныя сочиненія, исключительно ученаго содержанія по всѣмъ предметамъ входящимъ въ университетскій курсъ: сюда войдутъ между прочимъ нѣкоторыя изъ кандидатскихъ и медальныхъ диссертаций. 2. Переводы лучшихъ иностранныхъ книгъ и статей, заслужившихъ авторитетъ въ наукѣ. 3. Всякаго рода учено-литературныя замѣтки, все что не имѣя законченности и полной обработки, тѣмъ не менѣе тѣсно связано съ интересомъ науки.

Къ участию въ изданіи и сотрудничеству приглашаются студенты всѣхъ университетовъ, все молодое поколѣніе, стоящее близко къ университетской наукѣ. Всѣ статьи печатаются не иначе какъ съ одобренія того изъ профессоровъ, по каедру котораго писано сочиненіе.

Во общему желанію студентовъ профессоромъ-редакторомъ избранъ адъюнктъ-профессоръ русской словесности *М. И. Сухомликовъ*. Подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ будутъ заниматься двѣнадцать

студентов-редакторов. Вот имена их: *Тихменев* и *Новиков* (ист. фил. фак.) *Богучевич* и *Иванов* (фак. вост. яз.); *Коркин* и *Красновскій* (мат. фак.); *Фогель* и *Аверкиев* (фак. ест. н.); *Глухов* и *Остолопов*, (юрнд. фак.); *Утин* и *Андреев* (камер. фак.).

Редакция ожидает от издания весьма утешительных результатов. Въ программѣ говорится объ этомъ слѣдующее:

1) Обработывая ученымъ образомъ различные вопросы изъ области наукъ, студентъ ознакомится съ технической стороной подобныхъ трудовъ, требующей упражненія и навыка, поэтому и по окончаніи курса ученая дѣятельность для студента будетъ доступна и знакома.

2) Посредствомъ такого изданія, которымъ вѣроятно запасется большая часть студентовъ, произойдетъ обменъ разнообразныхъ свѣдѣній и понятій, выносимыхъ изъ различныхъ наукъ, слушаемыхъ въ факультетахъ. Въ массѣ студентовъ явятся имена, отличенныя дѣльнымъ трудомъ, соревнованіе оживитъ молодыхъ людей и побудитъ къ новой дѣятельности.

3) Бѣдные студенты, получая вознагражденіе за свои труды, если на то будетъ возможность, избавятся отъ необходимости прибѣгать къ средствамъ, отвлекающимъ ихъ отъ своего дѣла.

4) Такое изданіе будетъ выраженіемъ того нравственнаго и ученаго направленія, которое приобрѣтаютъ студенты въ университетѣ. Оно будетъ яркимъ выраженіемъ тѣхъ результатовъ, которыхъ университетъ ожидаетъ отъ своихъ воспитанниковъ. Университетъ увидитъ ясно, достигаетъ ли онъ своей цѣли—приготовленія будущихъ слугъ отечеству.

5) Имѣя такое значеніе, изданіе это будетъ служить для всякаго вѣрнымъ средствомъ ознакомленія съ университетомъ и его наукой. Молодые люди, оканчивающіе курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ или получающіе домашнее воспитаніе и желающіе поступать въ университетъ, найдутъ въ «Сборникѣ» полезныя и даже необходимыя для себя свѣдѣнія объ университетѣ, о предметахъ его науки, о цѣли и значенія студентовъ; тѣ же, которые ограничатся курсомъ среднихъ учебныхъ заведеній, найдутъ въ этомъ изданіи много полезныхъ для себя страницъ, украшенныхъ высокими идеями университетской науки, безъ которыхъ всякое образованіе не полно. Такимъ-образомъ «Сборникъ» можетъ довольно-тѣсно сблизить съ университетомъ русское молодое поколѣніе.»

Людвигъ Валеріановичъ Тенгоборскій.—30-го марта скончался въ С.-Петербургѣ Л. В. Тенгоборскій. Государство потеряло въ немъ одного изъ ревностнѣйшихъ сановниковъ,—наука усерднаго и полезнаго дѣятеля. Какъ членъ государственнаго совѣта, Людвигъ Валеріановичъ обращалъ неусыпное вниманіе на возникающіе вопросы по части народнаго хозяйства и въ разсмотрѣніе и разрѣшеніе ихъ вносилъ тотъ огромный капиталъ знанія, который приобрѣлъ въ долгія лѣта трудовой жизни пламенною любовью къ наукѣ и одновременною опытностію; какъ ученый, онъ съ неутомимою дѣятельностію занимался наблюденіями и изслѣдованіями въ области политической экономіи и статистики нашего отечества, и полезные труды его по этой части пользуются заслуженною извѣстностію. Переводъ замѣчательнаго сочиненія покойнаго А. В. Тенгоборскаго «Производительныя силы Россіи», издавна на французскомъ языкѣ, печатается теперь въ Москвѣ; на дняхъ вполнѣ оконченъ 2-й выпускъ второй части

этого сочиненія иначивается печатаніемъ слѣдующая часть. «Экономическій Указатель» общаетъ познакомить публику съ другимъ замѣчательнымъ трудомъ г. Тенгоборскаго «*О деижимомъ кредитѣ*»; переводъ этого сочиненія появится въ этой газетѣ съ слѣдующаго выпуска. Не менѣе замѣчательно сочиненіе его «*О финансахъ Австріи*». Всѣ ученые труды г. Тенгоборскаго изданы на французскомъ языкѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, относящихся преимущественно къ мѣстнымъ учрежденіямъ царства Польскаго, которые напечатаны на польскомъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНИИ (1).

IV.

Лудвигсбургъ. — Штуттгартъ.

Штуттгартъ, 28 марта 1857 г.

Дождавшись окончания зимняго семестра въ Гейдельбергѣ (2), я поспѣшилъ въ Штуттгартъ, гдѣ не задолго передъ симъ открыты были палаты; съ этимъ совпадали засѣданія судовъ присяжныхъ въ нѣкоторыхъ городахъ Виртембергскаго королевства, — и по дорогѣ я надѣялся воспользоваться пребываніемъ въ Лудвигсбургѣ, чтобы ознакомиться съ этимъ новымъ для Германіи учрежденіемъ. Но мои надежды не суждено было осуществиться: какъ это ни странно, я все-таки разкажу вамъ исторію моей оригинальной неудачи.

Суды присяжныхъ, существующіе въ южной Германіи съ 1848 года, открываютъ засѣданія свои только четыре раза въ годъ; по газетамъ можно было видѣть, что съ 15-го марта поступило на очередь въ Лудвигсбургѣ нѣсколько интересныхъ случаевъ, — и я рассчитывалъ прѣхать къ рѣшенію одного изъ нихъ. Въ половинѣ девятаго, утромъ, я уже занялъ мѣсто въ галлерей; черезъ полчаса вошли трое судей (здѣсь коллегіальность, по образцу Франціи), секретарь и прокуроръ въ мундирахъ, за ними 21 присяжный; подсудимый помѣстился на скамьѣ осужденныхъ, позади его находился жандармъ. Первое впечатлѣніе было не изъ лучшихъ: истомленное лицо подсудимаго, его бессмысленный взглядъ мало располагали въ его пользу. Карточки съ именами присяжныхъ были брошены въ урну; затѣмъ первыя 12, вынужденныя изъ нея, обозначали присяжныхъ, которымъ предстояло произнести свое мнѣніе по дѣлу, стоявшему на очереди. Подсудимый не объявилъ никакого подозрѣнія на [избранныхъ, и они произнесли присягу. Прочтенъ обвинительный актъ, слѣдовало приступить къ допросу, наступила тревожная] минута ожиданія.... какъ въ это время королевскій прокуроръ прочелъ статью закона, по которой процессы, оскорбительные для нравственности, должны быть

(1) См. «Русскій Вѣстникъ» 1857, № 5.

(2) Я у васъ въ долгу, не сказавъ ни слова о Гейдельбергскомъ университетѣ; надѣюсь скоро исправить ошибку.

рѣшаемы не публично, in der geschlossenen Sitzung; судья согласился съ мнѣніемъ прокурора, подписалъ актъ, — и мы принуждены были удалиться. Можетъ-быть, прокуроръ былъ и правъ, а все-таки досадно было захватъ въ маленькій городокъ съ специальною цѣлью, и покинуть его, не услышавши суда присяжныхъ. Притомъ нѣмецкія газеты отличаются удивительною скромностью: о Nothzucht, рѣшившемся въ Лудвигсбургѣ, въ нихъ не было и помину (остальныя рѣшенія опубликованы), и я не могъ повѣрить своего предубѣжденія, которое возбудилъ во мнѣ наружный видъ подсудимаго; не знаю, былъ ли онъ осужденъ или оправданъ.

Лудвигсбургъ — небольшой городъ, на прекрасномъ мѣстоположеніи. Я пріѣхалъ подъ вечеръ; заходящее солнце, золотистымъ свѣтомъ, обливало черепичныя крыши домовъ и вершины деревьевъ; на площадяхъ, у колодцевъ, собрались толпы женщинъ съ своими ведрами; это—всѣмъ знакомая картина нѣмецкаго города. Но вотъ потянулись цѣлыя улицы казармъ, и за ними огромная аллея, ведущая ко дворцу, съ его садами и фонтанами. Лудвигсбургъ — центральный военный городъ Виртемберга, военное предмѣстіе Штуттгарта, до котораго только 15 минутъ ѣзды по желѣзной дорогѣ; здѣсь арсеналъ, военная школа, даже нижняя лавка, исключительно посвященные военной литературѣ, и тѣ учрежденія, которыя вызываются досугомъ молодежи; на другой день, утромъ, площади наполнились солдатами въ ихъ неизмѣнно-голубыхъ мундирахъ, вездѣ производилось ученіе. Конечно, Лудвигсбургъ имѣетъ свою мѣстную газету, Anzeiger, стоящій 5 коп. сер. въ мѣсяцъ, съ доставкою на домъ, и предлагающій своимъ читателямъ повѣсти и мѣстныя объявленія.

Виртембергская камера представителей открыла свои засѣданія 13-го марта. Для палаты, которая, въ теченіе восьми лѣтъ, пять разъ подвергалась распущенію, слѣдовало бы избѣгать по возможности несчастныхъ чиселъ, чтобы не оправдать старинныхъ повѣрій; но въ этотъ разъ вина лежала не на камерѣ: ея открытіе было назначено 10-го, всѣ представители были въ сборѣ, но три дня нужно было ждать изготовленія докладовъ и предложеній со стороны правительства. Камера штандесгерровъ приступила къ своимъ занятіямъ еще позже.

Казалось бы, на нынѣшній разъ засѣданія должны пройти тихо и мирно: бюджетъ, обыкновенный источникъ разногласій, въ Виртембергѣ вотируется одинъ разъ на три года, и срокъ сужденія о немъ наступитъ только въ октябрѣ; нынѣшнее засѣданіе палаты служить какъ-бы продолженіемъ засѣданій прошлаго года, съ цѣлью рассмотреть три главные проекта законовъ: о желѣзныхъ дорогахъ, о тюрьмахъ и объ устройствѣ школъ. До сихъ поръ подверглись обсужденію только первые два проекта, но и здѣсь палаты нашли случай высказать свое направленіе и показать, чего можно ждать отъ будущаго

преній. Правительство вездѣ почти потерпѣло неудачу: на скамьяхъ палаты гораздо болѣе даровитыхъ и знающихъ людей, чѣмъ за министерскимъ столомъ; отъ этого борьба не ровная, и палаты имѣютъ перевѣсъ не только количественный. Начну, по старшинству, съ камеры штандесгерровъ.

Штандесгерры — это особое сословіе, котораго исторія коренится въ старинномъ быту Германской имперіи, и продолжается до сихъ поръ въ южно-германскихъ государствахъ. Въ Виртембергѣ, Гессенъ-Дармштадтѣ и Баденѣ они составляютъ одинъ изъ questions pendantes, но нигдѣ въ такой степени, какъ въ первомъ: изъ 58 фамилій штандесгерровъ, на долю Виртемберга приходится около 40. До образованія Рейнскаго союза въ 1806 году, Германія составляла 1,200 отдѣльныхъ, независимыхъ владѣній, immediats; послѣ 1815 года — только 36; слѣдовательно, болѣе тысячи епископовъ, свѣтскихъ владѣтелей и городовъ были лишены самостоятельности, перешли въ положеніе подданства; нѣкоторые князья и графы были медиатизованы, mediatisés: съ титуломъ штандесгерровъ имъ оставлены были нѣкоторые права судебныя и имущественныя, они получали десятину съ своихъ прежнихъ владѣній и не участвовали въ общихъ повинностяхъ; это — такъ-называемые Zehnten и Grundrechte. Въ 1848 году провозглашена была свобода собственности, и вмѣстѣ съ тѣмъ исключительныя права штандесгерровъ уничтожены; подъ тотъ же уровень поведены были земли церковныя и дворянскія. При возстановленіи правительства, вопросъ о положеніи штандесгерровъ оставался на степені факта, не былъ рѣшенъ окончательно; штандесгерры обратились съ жалобами къ сейму во Франкфуртъ, требуя возстановленія своихъ правъ, гарантированныхъ актомъ 1815 года. Сеймъ призналъ справедливость ихъ просьбы, предоставивъ способы ея удовлетворенія собственной волѣ каждого государства въ отдѣльности. При этомъ представляется возможнымъ два исхода: или возстановить права штандесгерровъ въ прежнемъ ихъ видѣ, какъ они существовали до 1848 года, или предоставить денежное вознагражденіе штандесгеррамъ, выкупить на счетъ государственный ихъ прежнія имущественныя привилегіи. Въ Гессенъ-Дармштадтѣ на дняхъ вопросъ рѣшенъ въ первомъ смыслѣ, въ Виртембергѣ правительство обратилось къ другому средству: оно уже нѣсколько разъ предлагаетъ своимъ палатамъ дать штандесгеррамъ вознагражденіе изъ государственныхъ суммъ, — и палаты постоянно отвергаютъ такое предложеніе; онѣ согласились на признаніе судебныхъ привилегій штандесгерровъ, но не соглашаются на выдачу 6,000,000 гульденовъ (3,200,000 р. с.) за отъѣну десятины: штандесгеррамъ, церкви, дворянству и правительству (церковь при этомъ самый большой кредиторъ — ей приходится $\frac{2}{3}$ всей суммы). Этотъ вопросъ подавалъ поводъ къ самой упорной оппозиціи; вторая палата въ Штуттгартѣ об-

виняла сеймъ въ несправедливомъ вмѣшательствѣ во внутренне-государственныя дѣла, и требовала его преобразованія; съ особенною силою это высказалось въ 1855 году, — палата представителей, большинствомъ 64 голосовъ противъ 15, приняла предложеніе о народномъ представительствѣ во Франкфуртѣ; засѣданіе происходило безъ министровъ — и тотчасъ же палата была распущена. Правительство, конечно, желало бы окончить дѣло, которое тянется такъ долго, но встрѣчаетъ множество препятствій; оно полагаетъ вознаграждать штандесгерровъ суммою въ 1,700,000 гульденовъ, но послѣдніе этимъ не довольствуются: одинъ князь Турнъ-и-Таксисъ требуетъ для себя около 2,000,000. Правительству предстоитъ трудная задача согласить различные интересы; во Франкфуртѣ оно старается дѣйствовать противъ неумѣренныхъ притязаній штандесгерровъ, въ палатахъ — въ ихъ пользу. И между тѣмъ, ни одна сторона не удовлетворена: палата думаетъ, что правительство на сторонѣ штандесгерровъ, а штандесгерры составляютъ оппозицію въ первой камерѣ.

Такого рода положеніе вопроса служитъ источникомъ множества столкновеній между властями; чѣмъ скорѣе будетъ рѣшенъ онъ, тѣмъ выгоднѣе для обѣихъ сторонъ: Едва ли возстановленіе десятины приведетъ къ удовлетворительному результату: въ теченіи восьми лѣтъ сложились уже новыя отношенія, которыя трудно переломить и подвести подъ старую норму. Не лучше ли обратиться къ системѣ умѣреннаго вознагражденія штандесгерровъ, тѣмъ болѣе, что въ 1848 году они нашли возможнымъ отказаться отъ своихъ правъ? Говорятъ, что этотъ отказъ былъ вынужденъ обстоятельствами, но онъ имѣетъ за себя уже восьмилѣтнюю давность, народъ привыкъ въ это время смотрѣть на землю, какъ на свою собственность, въ этихъ видахъ совершенно уже множество сдѣлокъ между частными лицами. Справедливость требуетъ сохраненія новаго порядка вещей; пусть государство возьметъ на себя вознаграждать штандесгерровъ, пусть это вознагражденіе произойдетъ чрезъ его посредство, въ размѣрахъ необременительныхъ. Едва ли права виртембергская оппозиція, упорно каждый разъ отказываясь разсматривать вопросъ о штандесгеррахъ и отвѣчая на него предложеніемъ о преобразованіи Франкфуртскаго сейма; въ этомъ она руководится страстію, которая не можетъ убѣдить никого и не подвигаетъ нисколько рѣшенія вопроса.

Таково положеніе медиатизованныхъ князей и графовъ, которые по своему званію засѣдаютъ въ первой палатѣ; кромѣ того, членами ея считаются принцы крови и 12 лицъ, назначаемыхъ отъ правительства пожизненно. Въ засѣданіи, при которомъ я присутствовалъ, не было ни одного штандесгерра, за исключеніемъ предсѣдателя, князя Гоэнлоэ-Лангенбурга; неприсутствовавшіе передали право голоса другимъ: это дозволено конституціей, съ условіемъ, чтобы одно лицо не имѣло болѣе трехъ голосовъ. Дѣло шло о проектѣ желѣзныхъ до-

рогъ, отвергнутомъ уже вторую палату; за министерскимъ столомъ сидѣлъ министръ финансовъ Кнаппъ, докладчикомъ былъ прежній министръ Гертнеръ (Gärtner). Въ засѣданіи принималъ личное участіе его высочество принцъ Фридрихъ; всѣ члены были въ мундирахъ. Пренія не отличались особенною живостію; трудно себѣ представить, какъ вяло и слабо защищался Кнаппъ; «это человекъ, который не былъ даже въ университетѣ», говорятъ Нѣмцы, чтобы объяснить его постоянныя пораженія. Дѣйствительно, побѣда надъ такимъ противникомъ можетъ достаться безъ особеннаго труда; онъ не обладаетъ никакими качествами конституціоннаго министра, даже ловкостію пользоваться обстоятельствами и руководить дебатами; онъ говоритъ съ какою-то безнадежностію, ему было видимо неловко, онъ съ томленіемъ ждалъ конца преній, а одинъ разъ, по недостатку матеріала для рѣчи, сѣлъ на мѣсто, не сказавъ ни слова.

Необходимо взглянуть на карту, чтобы видѣть различіе линіи желѣзныхъ дорогъ, предложенныхъ правительствомъ и назначенныхъ второю палатою. Дѣло въ томъ, что послѣднія идутъ чрезъ болѣе ровныя мѣста, такъ что, прибавивъ два милліона гульденовъ (всего около 12 милл.), палата находитъ возможнымъ построить дорогу на гораздо большемъ протяженіи. Сверхъ того — и это обстоятельство довольно важное — докладчикомъ во второй палатѣ былъ представитель Аалена, Морицъ Мооль, человекъ замѣчательно-талантливый, и, по его проекту, дорога должна проходить черезъ городъ, отъ котораго онъ уполномоченъ: начиная съ границы Баваріи, то-есть отъ Нёрдлингена, линія должна идти прямо до Каннштадта. Конечно, найдутся недовольные этимъ проектомъ; такъ напримѣръ Ульмъ печатно высказалъ уже свой протестъ, — онъ останется въ сторонѣ и потеряетъ прежнее значеніе. Я уже говорилъ вамъ о томъ соперничествѣ, которое существуетъ между германскими городами, и о борьбѣ ихъ интересовъ; Ульму выпадаетъ не лучшая доля въ общемъ сочувствіи; это — общегерманская крѣпость, воздвигнутая Австріею для собственной защиты, въ память, можетъ-быть, знаменитаго пораженія Австрійцевъ Наполеономъ; въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ защитить *Германію* отъ Французовъ крѣпость, построенная на границѣ Виртемберга и Баваріи? (1) Наконецъ нельзя жертвовать государственною выгодною даже ульмскимъ интересамъ.

Камера штандесгерровъ подтвердила въ общихъ основаніяхъ поло-

(1) Конечно, скудная общегерманская казна должна бы скоро истощиться, еслибы на ея счетъ пришлось отмѣчать крѣпостями всѣ мѣста австрійскихъ поражений. Мнѣніе объ Ульмѣ высказано въ одной брошюрѣ, напечатанной еще въ 1820 году, подъ заглавіемъ: Manuscript aus Süddeutschland; мнѣ случилось прочесть ее въ Königl. Hand-Bibliothek въ Штуттгартѣ. Deutsche Vierteljahrsschrift не разъ повторяла ту же мысль о необходимости перенести крѣпость на границу Германіи, то-есть на Рейтъ.

женіе второй палаты ; когда секретарь сталъ называть по именамъ всѣхъ членовъ палаты , только одинъ отвѣтилъ «nein» на вопросъ , отвергаетъ ли камера проектъ правительства .

Замѣчу еще одну особенность относительно желѣзныхъ дорогъ : въ Виртембергѣ онѣ строятся на счетъ казны и составляютъ источникъ государственныхъ доходовъ ; теперь дороги даютъ отъ 5 до 6 процентовъ ; полагаютъ , что съ окончаніемъ пути отъ Мюнхена до Вѣны , чистый доходъ виртембергскихъ желѣзныхъ дорогъ дойдетъ до 10% и даже болѣе . Когда одинъ изъ представителей излагалъ мнѣ всѣ выгоды устройства дорогъ на государственный счетъ , я предложилъ ему вопросъ : откуда государство возьметъ средства для этого? «О , у насъ много теперь свободныхъ капиталовъ ; опекунскія управления прежде отдавали деньги малолѣтнихъ подъ залогъ земель ; теперь крестьяне освободились отъ долговъ и пользуются благосостояніемъ , — тѣ же деньги могутъ быть переданы государству .» — Если въ самомъ дѣлѣ уничтоженіе десятины и земельныхъ правъ штандесгерровъ и церковныхъ имѣло такое благотворное вліяніе на экономическій бытъ народа , то , мнѣ кажется , государство поступило бы справедливо , еслибы взяло на себя вознагражденіе прежнихъ владельцевъ ; нельзя предписывать пожертвованій... «Да , ваша правда , — а 6,000,000 , — вѣдь это цѣлая желѣзная дорога.»

Перехожу ко второй палатѣ , засѣданія которой посѣщались мною постоянно ; здѣсь больше движенія и жизни , — по крайней мѣрѣ сравнительно . Начну съ описанія наружнаго вида палаты .

Ständehaus , въ которомъ происходятъ ея засѣданія , находится въ центрѣ города ; зала преній имѣетъ форму полукруга , по которому расположены скамьи представителей ; передъ ними два стола для стенографовъ ; затѣмъ далѣе министерскій столъ ; наконецъ въ углубленіи мѣсто предсѣдателя , по сторонамъ котораго , за двумя столами , сидятъ четыре секретаря палаты . Представители располагаются въ такомъ порядкѣ : сначала идутъ уполномоченные отъ дворянства , числомъ 13 , потомъ 8 прелатовъ , за тѣмъ канцлеръ университета и представители городовъ ; второй и третій рядъ скамей занятъ уполномоченными отъ общинъ ; всего 92 члена . Этотъ способъ размѣщенія не указываетъ на политическія мнѣнія : на лѣвой сторонѣ часто сидятъ члены правительственной партіи , а на право оппозиція и даже демократы .

Есть пословица , что два врача всегда даютъ три совѣта одному и тому же больному ; кажется , германскія партіи слѣдуютъ примѣру медиковъ , — въ нихъ существуютъ общія раздѣленія , потомъ частныя , далѣе подраздѣленія и проч . У всякаго кружка особенный взглядъ на вещи , — но всѣ они соединяются во едино , какъ только дѣло идетъ о противорѣчій правительству ; тогда является одна большая партія — оппозиціонная . Она необыкновенно сильна своею отрицательною силою , но

бѣдна инициативою; прежде всего, она не уяснила себѣ, чего она хочетъ, къ чему стремится; одного стремленія во *всемъ* противорѣчить правительству еще недостаточно. L'opposition, писалъ нынѣшній императоръ Французовъ въ 1843 году, — n'occupe jamais une grande place dans l'opinion publique, tant qu'elle n'aura pas une passion, un système, un but. . . car les peuples se lassent de marcher toujours sans espoir d'arriver jamais. Именно этой твердой системы не достаетъ штутгартской оппозиціи; «шумимъ» — единственный девизъ ея; громкія слова и непониманіе самыхъ простыхъ началъ государственной жизни встрѣчаются на каждомъ шагу. Быть депутатомъ — конечная цѣль многихъ, о дальнѣйшемъ они не задумываются. У меня подъ руками теперь одна брошюра, написанная по поводу выборовъ: какими общими мѣстами привлекается расположеніе избирателей, какія прокламаціи вывѣшиваются по этому случаю! каждый выставляетъ себя «единственнымъ, свободнымъ, независимымъ, дѣятельнымъ и неутомимымъ другомъ народа!» И при этомъ никакой profession de foi, никакой программы для будущихъ дѣйствій. Исключенія очень рѣдки; почти всегда даются самыя щедрія обѣщанія, сулятся золотыя горы, безмятежное счастье по Гёте и Шиллеру; это, конечно, легко, но не всегда ведетъ къ цѣли. Ничего похожего на подобные адреса въ Англіи.

Для людей, не имѣющихъ твердыхъ политическихъ убѣжденій, часто остается одно руководство — личныя симпатіи и настроенія. Одинъ переходитъ въ оппозицію потому только, что хотѣлъ жениться на дѣвицѣ изъ аристократической фамиліи и получилъ отказъ; другой — Шлейеръ — потому, что въ 1848 году принужденъ былъ выйти изъ министерства, гдѣ ознаменовалъ себя притѣсненіемъ и изгнаніемъ трехъ лучшихъ профессоровъ Тюбингена: Роберта фонъ-Мооля, Рейшера и Вехтера, третій — Гопфъ — былъ лишенъ духовнаго сана, а потому ударился въ демократію и проч. Біографіи членовъ оппозиціи не представляютъ утѣшительныхъ подробностей; здѣсь не безъ «темныхъ дѣлъ и силъ сокрытыхъ», и между тѣмъ, безспорно, много талантливыхъ людей увлекаются приманкой извѣстности во что бы то ни стало.

Виртембергская вторая палата считается теперь самую оппозиціонною во всей Германіи, но повторю: она сильна только отрицательно и, можетъ-быть, еще потому, что правительство противопоставляетъ ей не слишкомъ сильное министерство. Я упомянулъ уже о Кнаппѣ; министръ юстиціи Вехтеръ выше его и въ состояніи еще выдерживать борьбу; министръ народнаго просвѣщенія (Cultusminister) прибавлено въ 1848 году къ прежде-существовавшему пяти) Рюммелинъ — изъ теологовъ, прекрасно пишетъ по-латыни, но едва ли отличается государственнымъ взглядомъ на вопросы. Объ остальныхъ

министрахъ не могу ничего сказать, потому что мнѣ не случилось ихъ слышать (1).

На двухъ противоположныхъ концахъ политическихъ «стремленій» второй палаты стоятъ партіи: правительственная и демократическая; къ первой принадлежитъ около одной четверти всѣхъ членовъ; послѣдняя не многочисленна; кажется, кромѣ Гопфа и Фетцера, она не имѣетъ другихъ представителей.

Между крайнею оппозицію и партію правительства занимаютъ средину такъ-называемые *Altliberalen*, то-есть считавшіеся либералами до 1848 года. Они пользуются общимъ уваженіемъ, сознаютъ важность своихъ обязанностей, спокойно, съ достоинствомъ, держатъ государственный порядокъ. Въ ихъ средѣ лучшіе ораторы: баронъ Фарнбюллеръ, благородная наружность котораго съ перваго раза располагаетъ въ его пользу, молодой даровитый Пробстъ, наконецъ, предсѣдатель палаты Рёмеръ: на послѣднемъ нельзя не остановиться нѣсколько.

Уже не въ первый разъ онъ облечается званіемъ президента. Этимъ всеобщимъ уваженіемъ онъ обязанъ той роли, которая выпала на его долю въ трудныя минуты 1848 года; изъ адвокатовъ онъ былъ сдѣланъ тогда министромъ юстиціи такъ-называемаго мартовскаго министерства, но, по своему вліянію, сталъ во главѣ тогдашняго правительственнаго собранія. Рёмеръ — одинъ изъ лучшихъ представителей умѣренно-либеральной партіи. Извѣстно, что еще въ 1847 году въ южной Германіи эта партія первая начала движеніе съ цѣлью реформъ, и надѣялась произвести его въ предѣлахъ порядка и умѣренности; 1848 годъ поднялъ массы народныя, — и чрезъ нѣсколько дней, можно сказать даже чрезъ нѣсколько часовъ, прежняя оппозиція получила характеръ консервативный, не измѣнивъ нисколько своихъ убѣжденій, не отступивъ ни на шагъ отъ своихъ требованій. Это спасло государство; крайній демагогическій элементъ былъ подавленъ силою правительства и умѣренныхъ либераловъ. Такое явленіе повторилось всюду — въ Баденѣ, во Франкфуртѣ и проч.; демагоги нашли самыхъ сильныхъ противниковъ въ лицѣ умѣренныхъ; послѣдніе стали во главѣ усмиряющей силы; многіе изъ нихъ пали жертвами на полѣ сраженія (2). Рёмеръ былъ однимъ изъ представителей

(1) Фонъ-Линденъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, отчасти соотвѣтствуетъ англійскому Premier. Замѣчательно, что административная власть въ Виртембергѣ всегда была сильна; еще въ XV вѣкѣ народъ имѣлъ своихъ представителей не въ собственной средѣ, а въ лицѣ шрейберовъ (*Schreiber*); новое представительство имѣетъ только сорокалѣтнюю исторію; шрейберство стояло между курфирстомъ и народомъ, заславляло собою всѣ государственныйя сословія, которыя оставались равнодушны къ общимъ дѣламъ. Исторія объясняетъ многое и въ настоящемъ.

(2) Такъ погибъ генералъ Гагернъ, измѣнически убитый во время пере-

порядка; худощавый, необыкновенно-живой, энергическій старикъ, онъ грозилъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, — и народъ смирился передъ его твердою волею. Окончивъ свое дѣло, Рёмеръ снова перешелъ къ скромнымъ занятіямъ адвокатурою; не знаю, вознаграждено ли правительство за услуги, оказанныя имъ государству; воспоминаніе о нихъ живо во всѣхъ классахъ общества, и палата, избравъ Рёмера президентомъ, «награждаетъ самое себя»; люди порядка и умѣренности могутъ составить ея силу, а не крайніе приверженцы оппозиціи, и чѣмъ больше людей такого закала будетъ призвано къ управленію, тѣмъ тверже и прочнѣе будетъ общественный порядокъ. Рёмеръ, своею твердою и безпристрастіемъ, и теперь избавляетъ палату отъ сцены, которая могли бы уронить достоинство законодательнаго собранія.

Перехожу къ дебатамъ. На очереди стоялъ вопросъ объ исправительныхъ тюрьмахъ въ Виртембергѣ, то-есть о томъ, какую изъ двухъ системъ, обурнскую или пенсильванскую, принять въ основаніе. Вопросъ этотъ требовалъ немедленнаго рѣшенія; уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ палата утвердила бюджетъ въ 300,000 гульденовъ для постройки тюрьмы въ Штуттгартѣ, большая часть ея уже приведена въ исполненіе, теперь необходимо рѣшить, съ какою цѣлью должна сообразоваться окончательная отдѣлка: необходимо ли устроить отдѣльныя комнаты для каждаго преступника, или принять систему общихъ работъ въ тюрьмѣ. Пренія по этому дѣлу продолжались почти непрерывно съ 18-го до 26-го марта; въ первый день рѣшенъ былъ общій вопросъ въ пользу уединеннаго заключенія; затѣмъ разсматривалась каждая изъ 16 статей проекта въ отдѣльности; напередъ записавшіеся ораторы говорили свои рѣчи по вызову президента. Такимъ образомъ, восемь засѣданій необходимы были для постановленія одного закона. Но за то желающій основательно ознакомиться съ вопросомъ нашелъ бы въ засѣданіяхъ обильный матеріалъ для себя; часто самое странное мнѣніе, высказанное ораторомъ, ставило вопросъ на новую точку зрѣнія. Передъ началомъ засѣданій министры подходятъ къ скамьямъ представителей, дружески разговариваютъ съ ними, — но вотъ раздается звонокъ президента, каждый занимаетъ свое мѣсто, и начинается борьба.

Самый важный шагъ въ дѣлѣ палатскихъ преній — выборъ знающихъ членовъ комиссіи для доклада: мнѣніе, высказанное въ послѣднемъ, располагаетъ съ перваго раза въ свою пользу; члены, входя въ палату, уже согласны съ нимъ — нужно много искусства, чтобы разубѣдить ихъ. На этотъ разъ выборъ былъ сдѣланъ удачно: до-

говорить съ республиканцемъ Гекеромъ, въ Баденѣ. На сколько народъ не понималъ направленія умѣренныхъ, видно изъ того, что онъ считалъ ихъ измѣнниками, перешедшими на сторону стараго порядка вещей; такія обмѣненія не разъ случаются слышать въ Баденѣ.

кладъ порученъ былъ Пробсту, еще молодому человѣку, но владѣющему прекрасно даромъ слова и глубокими свѣдѣніями. Докладъ, написанный имъ, составляетъ въ печати 70 стр. въ 4-ю д. л. и излагаетъ всю исторію пенсильванской и обурнской системы въ различныхъ государствахъ; это — прекрасная ученая монографія. Въ образецъ принята была баденская тюрьма въ Брухзалѣ, въ которой крайній срокъ уединеннаго заключенія есть шестилѣтній, и отдѣльность преступниковъ проведена во всей строгости. Можно было по первому засѣданію предвидѣть, что положенія доклада будутъ приняты безъ измѣненія; явный перевѣсъ былъ на сторонѣ Пробста, который блистательно защищалъ свою «диссертацию». И въ самомъ дѣлѣ, всѣ статьи умно-написаннаго проекта были приняты. Здѣсь дѣйствовали согласно правительство и камера: послѣдняя утвердила положеніе своей комиссіи; министръ юстиціи высказалъ, что, еслибы правительство стало искать органа для выраженія своей мысли, оно не могло бы найти лучше того, какой назначила палата.

Только два раза я былъ свидѣтелемъ общаго движенія въ камерѣ. Министръ юстиціи, Вехтеръ, сталъ упрекать палату въ томъ, что она назначила слишкомъ незначительную сумму для содержанія тюремъ. «Въ этой самой залѣ, говорилъ онъ, раздавались голоса противъ роскошнаго содержанія преступниковъ; господа представители не разъ высказывали мысль о томъ, что несправедливо строить дворцы и кормить изобильнымъ столомъ виновныхъ, въ то время, когда множество бѣдныхъ страдаетъ отъ нужды. Вы впали въ другую крайность, и вотъ плоды ея: недостаточностью содержанія объясняется огромная смертность въ нашихъ тюрьмахъ.» Общій голосъ негодованія былъ отвѣтомъ на эти слова. «Жаль, что правительство не сказала этого прежде» раздалось нѣсколько голосовъ. «Правительство говорило объ этомъ много разъ—и камеры не давали достаточно денегъ.» Оппозиціонная газета *Veobachter* извѣстила своихъ читателей, что министръ признался въ голодной смерти виртембергскихъ преступниковъ. Министръ на другой день жаловался въ палатѣ на превратное истолкованіе его словъ: «Я не говорилъ, что преступники умираютъ съ голоду; я сказалъ только, что недостатокъ пищи производитъ болѣзни и смертность между ними.» Камера, кажется, осталась довольна такимъ объясненіемъ; по крайней мѣрѣ, никто не возражалъ на него въ нынѣшнемъ ряду засѣданій; можетъ-быть, это молчаніе было выраженіемъ признанія вины со стороны палаты: укорачивать бюджетъ безъ мѣры, во чтѣ бы то ни стало — также одинъ изъ коньковъ оппозиціи.

Въ другой разъ сцена была болѣе комична; говорилъ Гопфъ, одинъ изъ двухъ-трехъ демагоговъ, засѣдающихъ въ палатѣ. Наружность этого оратора стѣдитъ описанія: вообразите себѣ человѣка небольшого роста, съ огромною рыжею включенною бородою и съ та-

кими же волосами на головѣ; широкія шаровары, нанковый сюртукъ, никакого признака бѣлья, сломанная шляпа,—составляли его костюмъ; видно было, что Гопфъ старался много, чтобы достигнуть того искусственнаго неряшества, которое, по его мнѣнію, необходимо для представителя народа; въ довершеніе всего, у него подъ мышкою портфель, на которомъ выбитъ золотомъ общегерманскій гербъ. Гопфъ всталъ съ своего мѣста и началъ говорить о бѣдствіяхъ народа, который угнетенъ налогами, который страдаетъ отъ бѣдности, тогда какъ министры... получаютъ жалованье. Президентъ замѣтилъ, что въ настоящее время вопросъ идетъ объ исправительныхъ тюрьмахъ и пригласилъ депутата обратиться къ дѣлу. Гопфъ пропустилъ это замѣчаніе мимо ушей и искусственно-дрожащимъ голосомъ продолжалъ: «Я плачу, глаза мои полны слезъ при воспоминаніи о несчастныхъ братьяхъ, тогда какъ...» Всеобщій хохотъ заглушалъ слова оратора; президентъ рѣшительно пригласилъ его говорить о тюрьмахъ. Тогда Гопфъ перешелъ къ политическимъ преступленіямъ, вспомнилъ о Лудовикѣ XVI и о Блумѣ, называлъ себя представителемъ лучшей партіи и въ заключеніе предложилъ подвергать всѣхъ политическихъ преступниковъ уединенному заключенію въ тюрьму, «чтобы спасти ихъ отъ оскорбленій народа». Когда президентъ предложилъ палатѣ изъявить свое мнѣніе относительно предложенія Гопфа,—только одинъ Гопфъ всталъ съ своего мѣста, и министръ юстиціи могъ съ увѣренностью сказать: «Палата признала мнѣніе г. вансингенскаго представителя чисто-личнымъ, и это избавляетъ меня отъ необходимости отвѣчать ему.» Слѣдующіе ораторы говорили снисходительно о Гопфѣ, какъ о человѣкѣ, нуждающемся въ пощадѣ (1).

Другой предметъ занятій палаты составляли выборы членовъ въ различныя комиссіи для доклада по извѣстному вопросу и пр. При мнѣ совершались два раза такіе выборы: въ вице-президенты палаты и въ члены финансовой комиссіи для обсужденія бюджета. И здѣсь, и тамъ результатъ былъ къ невыгодѣ правительства. По конституціи, палата избираетъ трехъ кандидатовъ; въ вице-президенты, изъ которыхъ король утверждаетъ потомъ одного; на этотъ разъ всѣ три кандидата принадлежали къ оппозиціи; одинъ изъ нихъ, Дювернуа, былъ утвержденъ его величествомъ. При выборахъ палата выказала какую-то патріархальность, чтобы не сказать болѣе. Выборъ первыхъ двухъ кандидатовъ произошелъ довольно скоро; при 88 наличныхъ членахъ образовывалось большинство 44-хъ голосовъ. Но избраніе третьяго кандидата замедлилось: большинство не превышало 41 голоса,

(1) Сегодня по поводу издержекъ на желѣзную дорогу Гопфъ имѣлъ случай высказать свое мнѣніе, съ которымъ только онъ одинъ былъ согласенъ; это его спеціальность.

нѣкоторые получали по одному голосу; когда прочитывались имена послѣднихъ, въ палатѣ раздавался общій хохотъ. Мнѣ показалось это страннымъ. Дювернуа, выбранный уже одинъ разъ, снова получилъ 2 голоса въ свою пользу; этого даже президентъ не могъ объявить безъ улыбки и не замѣтитъ палатѣ ея разсѣянность.

Въ финансовую комиссію изъ 15 членовъ, тринадцать избрано изъ среды оппозиціи. Это особенно важно, потому что въ октябрѣ будетъ обсуждаться бюджетъ. Оппозиція въ состояніи дойти до крайностей; во что бы то ни стало она бьется изъ-за ограниченія бюджета, хотя отъ этого страдаетъ государственное устройство. Особенно неприязненно смотритъ она на предложеніе правительства объ увеличеніи жалованья чиновникамъ; при увеличившейся всеобщей дороговизнѣ это становится настоятельною потребностью. Теперешнее жалованье оказывается недостаточнымъ; такъ, на примѣръ, министры получаютъ по 6,000 гульденовъ, а виртембергскій посланникъ въ Парижѣ 12,000 франковъ; развѣ возможно съ 3,000 руб. сер. жить въ Парижѣ представителю какого бы то ни было государства? «Съ новою комиссіею не сдѣлаешь никакого бюджета», говорятъ нѣкоторые. Должно желать, чтобы эти предчувствія не оправдались; нѣтъ спора, что желѣзныя дороги необходимы и полезны, но странно ради ихъ жертвовать другими интересами, нарушать основанія политической азбуки, даже лишать преступниковъ дневной пищи. Положимъ, что для содержанія театра король прибавляетъ своихъ 80,000 гульденовъ (къ 50,000, отпускаемымъ палатою); но посланникъ есть представитель государства, министръ — его органъ; они не могутъ получать содержанія изъ собственнаго королевскаго капитала; вѣдь и сами представители не отказываются отъ своего денежнаго содержанія. Чѣмъ серьезнѣе будутъ они смотрѣть на свои обязанности, чѣмъ менѣе будутъ давать простора своимъ личнымъ увлеченіямъ, тѣмъ серьезнѣе станетъ смотрѣть правительство на нихъ самихъ; дѣлая первый шагъ въ нарушеніи конституціи, они даютъ поводъ правительству сдѣлать два шага; легкомысліе есть слабость, и отвѣтственность за нее велика.

Въ настоящемъ ряду засѣданій, которыя прекратятся передъ Пасхою, вѣроятно, не успѣютъ рассмотретьъ закона о цензурѣ; имъ должна начаться дѣятельность палатъ осенью. Пока, книгопродавцы подали отъ себя просьбы; въ мѣстной газетѣ Schwäbischer Merkur появилось нѣсколько статей, приготовляющихъ къ уразумѣнію вопроса. Авторъ ихъ справедливо полагаетъ, что штуттгартская книжная торговля одолжена своимъ процвѣтаніемъ покровительству верховной власти, которая съ 1817 года отмѣнила строгіе цензурные уставы; недаромъ книжная торговля Германіи сосредоточилась въ Штуттгартѣ, Лейпцигѣ и Готѣ, — это служитъ лучшею мѣркою цен-

зурныхъ законовъ: торговля и промышленность сосредоточивается тамъ, гдѣ онѣ встрѣчаютъ меньше препятствій и ограниченій. Благодаря высокому покровительству, которое король оказываетъ литературѣ и книгопечатанію, Штуттгартъ сдѣлался литературнымъ центромъ южной Германіи; 1,400 работниковъ получаютъ свое пропитаніе отъ типографій въ одной столицѣ Виртемберга; при 40,000 жителей, здѣсь 49 книжныхъ лавокъ, 21 типографія, 30 литографій. Теперь грозитъ перемена существующему порядку вещей: въ 1854 году Германскій Сеймъ издалъ болѣе строгія ограниченія книгопечатанія и предложилъ всѣмъ германскимъ государствамъ ввести ихъ у себя. Большинство членовъ союза приняло постановленія сейма, смягчивъ ихъ въ значительной степени; такъ поступилъ Баденъ, Веймаръ, особенно же Франкфуртъ (то-есть вольный городъ). Неужели Виртембергъ не послѣдуетъ ихъ примѣру? Развѣ южногерманская пресса вдавалась въ какія-либо крайности, которыя вызываютъ репрессивныя мѣры? спрашиваетъ авторъ. Нисколько! можетъ-быть, прежде можно было упрекнуть ее въ личныхъ выходкахъ, — но эти юные годы, первые шаги на пути свободнаго выраженія мыслей, теперь миновались. Журналы приняли серьезное научное направленіе, «они предлагаютъ свое добровольное сотрудничество правительству, и послѣднее можетъ имъ воспользоваться», они выставляютъ наружу истину, объясняютъ вопросы экономическаго быта страны, собираютъ матеріалъ для правительственныхъ цѣлей — вотъ ихъ значеніе *въ* государствѣ и *для* государства! Должно надѣяться, что виртембергское правительсто не приметъ буквально положеній сейма 1854 года; «на постановленія германскаго сейма можно смотрѣть, какъ на общія нормы, а не какъ на обязательный законъ; каждое государство можетъ приложить ихъ иначе, найти для нихъ смягченія. Зачѣмъ виртембергское законодательство хочетъ быть строже другихъ?»

Отъ цензуры естественно перейти къ журналистикѣ. Но въ предшествовавшемъ письмѣ моемъ я говорилъ уже о журнальной дѣятельности Виртемберга. Лучшая газета здѣсь — за неизмѣнимъ лучшей — Schwäbischer Merkur; онъ составляется недурно, особенно второй отдѣлъ его — Schwäbische Kronik, гдѣ помѣщаются извѣстія изъ разныхъ городовъ виртембергскихъ; но у этой газеты нѣтъ, какъ говорится, головы; не ищите въ ней направленія или особенно-свѣтлаго взгляда на современные вопросы, — она старается поддѣлаться подъ общее мнѣніе, а не указывать ему прямую дорогу; отъ этого бездна противорѣчій, и часто незнаніе основныхъ началъ политики; все зависитъ отъ случая. Deutsche Vierteljahrsschrift не выставляетъ имени своего редактора и всегда представляетъ болѣе или менѣе дѣльныя статьи. Издатель — Котта. Изъ литературныхъ журналовъ назову Erhei-

teungen и Morgenblatt; оба они не представляютъ особенныхъ достоинствъ. Котта имѣетъ свои типографіи въ Штуттгартѣ и Аугсбургѣ, а потому издаваемая имъ политическія газеты—Das Ausland и Allgemeine Zeitung могутъ быть отнесены къ обоимъ городамъ. Всеобщая (Аугсбургская) Газета въ послѣднее время значительно измѣнила свое направленіе; Котта подъ старость вспомнилъ подвиги своей юности — около 1815 года онъ былъ австрійскимъ агентомъ — и перешелъ на сторону Австріи, о чемъ многіе жалуются отъ души. Вообще органовъ австрійскихъ здѣсь, то-есть въ южной Германіи не мало; мелкія газеты «изъ усердія», или не безкорыстно поддерживаютъ австрійскую политику. Не говорю о Journal de Francfort, который пополнялъ значительно и давно надѣлъ извѣстную кокарду; но второстепенныя газеты хлопочутъ изо всѣхъ силъ объ интересахъ Австріи и своею преданностью компрометируютъ ихъ. Недавно Postzeitung, издающаяся въ Франкфуртѣ подъ редакцію какого-то Заттлера, напечатала статью, въ которой призываетъ къ Германіи вооружиться и принять мѣры противъ Италіи — послѣдняя же грозитъ германской независимости (1).

Но независимо отъ политическихъ убѣжденій или услугъ, Котта заслуживаетъ признательность за свою книгопродавческую дѣятельность; съ 1810 года работаетъ онъ неутомимо на пользу нѣмецкой литературы; послѣдняя книга, вышедшая изъ его типографіи, есть переписка Генца и Мюллера съ 1809 до 1829 года; въ этихъ письмахъ есть много драгоценныхъ подробностей, характеризующихъ эпоху.

Изъ мѣстныхъ писателей штуттгартскихъ особенно извѣстенъ Гаклендеръ, отличающійся необыкновенною плодовитостью; онъ приводитъ въ восторгъ многіхъ изъ своихъ соотечественниковъ. Kölnische Zeitung, въ которой на послѣднихъ страницахъ такъ часто появляется интимная переписка любящихся сердецъ, поздравленія съ днемъ именинъ и рожденій и другія семейныя дѣла (2), не разъ печатала стихи въ честь Гаклендера отъ неизвѣстныхъ по-

(1) Кстати о Postzeitung. Недавно одинъ желчный пасторъ Юргенсъ написалъ книгу о Франкфуртскомъ собраніи 1849 года, въ которой бросаетъ грязью и взводитъ неприличные обвиненія на нѣкоторыхъ изъ его дѣтелей. Извѣстный германскій ученый отвѣчалъ на эту книгу статью въ Allg. Ztg; Юргенсъ сдѣлалъ своимъ органомъ Postzeitung и забылъ всякія общественныя приличія.

(2) Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ помѣщается здѣсь слѣдующее объявленіе, почти ежедневно: Degreck, ehemals Notar, jetzt Agent in New York! Promissis non impletis—gieb meine Gelder wieder. I. Odendahl. Конечно, кредитъ Дегрека потерянъ; онъ не возражалъ, слѣд. оружіе публичности караетъ его справедливо.

читателей; въ ея фельетонѣ тянется безконечный романъ того же автора «Новый Донкишотъ». Гаклендеръ былъ сначала прикащикомъ въ купеческой конторѣ, потомъ прусскимъ артиллеристомъ, наконецъ секретаремъ при наследномъ принцѣ виртембергскомъ. Всѣ эти должности онъ исполнялъ, надо думать, по возможности дурно, и теперь предался исключительно литературѣ; онъ диктуетъ свои сочиненія,—и многіе полагаютъ, что онъ дѣлаетъ это по причинѣ незнанія нѣмецкой орфографіи... Какъ бы то ни было, но его сочиненія нравятся, а въ доказательство его популярности можно привести то, что Котта платилъ ему по 50 гульденовъ за страницу писемъ изъ Италіи, напечатанныхъ въ Allgemeine Zeitung.

Отъ нѣмецкой литературы на этотъ разъ могу перейти къ русской. Не знаю, новость ли для васъ одно изъ первыхъ стихотвореній Лермонтова; я въ первый разъ узналъ о немъ въ Германіи.

У баронессы Г., урожденной Русской, хранилось давно въ рукописи посвященное ей стихотвореніе Лермонтова, которое въ нынѣшнемъ году напечатано въ Карлсруэ на 23 стр. въ 8-ю дол. л. Стихотвореніе носитъ заглавіе: «Ангелъ Смерти, восточная повѣсть» и написано еще въ 1831 году; помнится, первое изъ напечатанныхъ стихотвореній Лермонтова «Хаджи Абрекъ» относится къ 1834 году. Можетъ-быть, особенный тактъ поэта побуждалъ его оставлять безъ гласности юношескій опытъ, можетъ-быть также, онъ считалъ его исключительною собственностію той, для которой стихотвореніе было назначено. Въ этомъ опытѣ замѣтны уже нѣкоторые признаки, которыми отличались позднѣйшія произведенія поэта. Но я не берусь провозносить свое сужденіе, постараюсь передать вамъ содержаніе «Ангела Смерти», и сдѣлаю изъ него нѣсколько выписокъ. «Русскій Вѣстникъ» напечаталъ послѣдніе стихи Лермонтова; если хотите, дайте мѣсто на страницахъ вашего журнала отрывкамъ изъ его первыхъ опытовъ.

Вотъ начало:

Златой Востокъ, страна чудесъ,
Страна любви и сладострастья,
Гдѣ блещетъ роза—дочь небесъ,
Гдѣ все обильно, кромѣ счастья;
Гдѣ чище катится рѣка,
Вольнѣе мчатся облака,
Пышнѣе вечеръ догораеть,
И міръ всю прелесть сохраняетъ
Тѣхъ дней, когда печатью зла
Душа людей, по волѣ рока,
Не обезславлена была.
Люблю тебя, страна Востока!

Затѣмъ разказывается преданіе о томъ, почему теперь смерть страшна для людей, —

Но прежде людямъ эти встрѣчи
Казаись—сладостный удѣлъ.

Это объясняется восточною легендой о любви Зораима и Ады.

Недалеко отъ береговъ
И волнъ ревущихъ океана,
Подъ жаркимъ небомъ Индостана,
Синѣетъ длинный рядъ холмовъ.
Послѣдній холмъ высокъ и страшень,
Скалами сѣрыми украшенъ
И вдался въ море; и на немъ
Орлы да коршуны гнѣздатся,
И рыбаки къ нему боются
Подъѣхать въ сумракъ ночью,
Покрыта дикими кустами.
На немъ пещера есть одна —
Жилыще змѣй—хладна, темна,
Какъ умъ обманутый мечтами,
Какъ жизнь, которой цѣли нѣтъ,
Какъ недосказанный очами
Убийцы хитраго привѣтъ.
Ея лампада—мѣсяцъ полный,
Съ ней говорятъ морскія волны,
И у отверстія стоятъ
Сторожевыя пальмы въ рядъ.

Въ этой пещерѣ жилъ Зораимъ, который не былъ счастливъ; онъ,

Страшась надѣяться, жалѣлъ
О томъ, что было счастьемъ ложнымъ,
И, ставъ безъ пользы осторожнымъ,
Повѣрять никому не смѣлъ.

Впервые открылось ему счастье, когда онъ увидалъ Аду и полюбилъ ее. Поэтъ не описываетъ этого счастья; онъ прямо переноситъ читателя къ картинѣ смерти Ады. Зораимъ въ отчаяніи. Въ это самое время пролетаетъ ангелъ смерти, присутствіе котораго облегчало для каждаго разлуку съ жизнью.

И ангелъ мыслью пораженъ,
Достоиную небесъ; желаетъ
Вознаградить страдальца онъ:
Ужель Создатель запрещаетъ
Несчастныхъ утѣшать людей?
И дѣвы трупъ онъ оживляетъ
Душою ангельскою своею.

Ангелъ-Ада любитъ Зораима по прежнему, то-есть, какъ любила Ада—женщина. Но любовь не удовлетворяетъ честолюбиваго юношу;

онъ не можетъ въ пустынѣ «однообразно дни влачить.» Зораимъ жаждетъ славы; онъ говорить Адѣ:

Когда-нибудь все долженъ я
Оставить ношу бытія...
Скажи, ужель одна могила
Ничтожный въ міръ будетъ слѣдъ
Того, чье сердце столько лѣтъ
Мысль о ничтожествѣ томилъ?

И Зораимъ идетъ на войну. При этомъ—что довольно странно—онъ общается Адѣ принести «жемчугъ и золото», себѣ оставить одну честь,

И буду счастливъ, и тогда-то
Мы заживемъ съ тобой богато.

Битва. Ада съ горестью слѣдитъ за ея ходомъ; а глаза Ады полны слезъ:

О Боже, для такихъ очей
Кто не пожертвовалъ бы славой?
Но Зораиму былъ милѣй
Дѣвичьей ласки—путь кровавый!
Безумецъ! ты цѣны не зналъ
Всеми, всему, чѣмъ обладалъ;
Не вѣдалъ ты, что ангелъ нѣжный
Оставилъ рай свой безмятежный,
Чтобъ сердце Ады оживить;
Что многихъ онъ лишилъ отрады
Въ послѣдній мигъ, чтобъ усладить
Твое страданье!

Ада сходитъ въ долину, гдѣ происходила битва, и среди труповъ находитъ умирающаго Зораима. Увы! она не можетъ даже облегчить его послѣднихъ страданій. Ангелъ, послѣ смерти Зораима, оставляетъ тѣло Ады и улетаетъ. Съ тѣхъ поръ печаль его успокоилась, но осталось желанье мести къ людямъ за смерть Зораима.

Но ангелъ смерти молодой
Простился съ прежней добротой;
Людей узналъ онъ: «состраданья
Они не могутъ заслужить,
Не награжденъ — наказанъ
Послѣдній мигъ ихъ долженъ быть.
Они коварны и жестоки,
Ихъ добродѣтели — пороки,
И жизнь имъ въ тягость съ юныхъ лѣтъ...»
Такъ думалъ онъ — зачѣмъ же нѣтъ?

Съ тѣхъ поръ, заключаетъ поэтъ, каждый боится встрѣчи съ ангеломъ смерти; его взоръ «пронзаетъ насъ какъ мечъ.»

И льда хладнѣй его объятье,
И поцѣлуй его — проклятье.

Вотъ содержаніе сказки. Замѣчу, что я старался не выпустить ни одного звучнаго стиха или поэтической картины; всѣ остальные по достоинству ниже приведенныхъ мною.

Въ Карлсруэ печатается и скоро выйдетъ въ свѣтъ французскій переводъ статьи П. К. Щебальскаго «Правленіе царевны Софьи», помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; переводъ принадлежитъ кн. С. П. Голицыну.

Еще разъ обращаюсь къ Штуттгарту. Я воспользовался пребываніемъ въ немъ, чтобы посмотрѣть Каннштадтъ, небольшой городъ, лежащій въ получасѣ ѣзды отъ столицы Виртемберга. Дорога идетъ сначала дворцовымъ садомъ, потомъ паркомъ, мимо королевскаго дворца въ мавританскомъ вкусѣ. Весна въ этомъ году началась робко, нерѣшительно; въ воздухѣ вѣяло уже пріятнымъ тепломъ, солнце грѣло отраднo, въ полѣ показалась новая трава; едва пробивающійся листъ на деревьяхъ придавалъ лѣсамъ зеленоватый оттѣнокъ, цвѣтъ котораго становился гуще по мѣрѣ отдаленія... Каннштадтъ наполняется особенно лѣтомъ, — сюда пріѣзжаютъ больные, чтобы пользоваться водами, здоровые съ цѣлью пріятной прогулки. Мнѣ хотѣлось видѣться съ адвокатомъ Рейшеромъ, который велъ известный процессъ Мекленбурга. Не знаю, сумѣю ли я передать вамъ въ нѣсколькихъ словахъ сущность дѣла: Фр. Мекленбургъ, уроженецъ Мекленбургъ-Шверина, оставилъ въ 1799 году свое отечество, переѣхавъ въ Пруссію, гдѣ находился въ службѣ до 1810 года; съ 1818 года онъ переѣхалъ въ Парижъ и здѣсь умеръ бездѣтнымъ въ 1854 году, не оставивъ завѣщанія. Удачными спекуляціями во Франціи онъ приобрѣлъ большое состояніе, — 2,000,000 фр. деньгами, на 2¹/₂ мил. движимости и множество акцій. Наслѣдниками Мекленбурга остались: братья, племянница Матильда и малолѣтняя внучка Анна, дочь умершаго брата последней. Споръ, собственно, идетъ между Матильдой и Анной, теткой и племянницей, которыя живутъ въ Виртембергѣ. Вопросъ основной состоитъ въ томъ, по какимъ законамъ опредѣлить права наслѣдниковъ: по французскимъ, прусскимъ, виртембергскимъ, или мекленбургскимъ? Если по французскимъ, то малолѣтняя Анна имѣетъ право на наслѣдство, потому что она заступаетъ мѣсто своего умершаго отца; но въ мекленбургскихъ законахъ нѣтъ такого заступленія, и слѣд. вся часть наслѣдства переходитъ къ Матильдѣ. Конечно, нѣтъ никакого основанія принять мекленбургскіе законы: странно считать человека, прожившаго 55 лѣтъ внѣ отечества и служившаго въ Пруссіи, подданнымъ мекленбургскимъ. А между тѣмъ *сoиг impériale* въ Парижѣ обратила дѣло въ Мекленбургъ. Французскіе юристы имѣютъ заслу-

женную репутацію, а потому особенно интересно было знать, чѣмъ руководствовались они въ настоящемъ случаѣ, и какой оборотъ приметъ дѣло; множество важныхъ вопросовъ представлялось здѣсь на разрѣшеніе—о натурализаціи, о подсудности движимыхъ, о взаимности и пр. Конечно, адвокатъ могъ дать самыя удовлетворительныя свѣдѣнія о положеніи дѣла и даже о видахъ въ будущемъ; но Рейшеръ съ перваго же раза сообщилъ мнѣ горестное извѣстіе: процессъ кончился полюбовною сдѣлкой; Анна получила 200,000 фр. Вѣроятно, многіе слѣдили за этимъ процессомъ по *Gazette des Tribunaux*, и имъ любопытно узнать о мировой сдѣлкѣ. Но признаюсь, я жалѣлъ, что спорящія стороны примирились, не объяснивъ дѣла до конца, не потягавшись между собою въ Пруссіи и Мекленбургѣ. Мнѣ оставалось вознаграждать себя знакомствомъ съ ученымъ адвокатомъ, который долго былъ профессоромъ въ Тюбингенѣ и принужденъ былъ удалиться оттуда, благодаря Шлейеру. Процессъ, о которомъ я говорилъ, напечатанъ Рейшеромъ и разосланъ ко всѣмъ извѣстнымъ юристамъ; такъ интересуются здѣсь каждымъ сложнымъ судебнымъ дѣломъ и такъ дорожатъ адвокаты своею репутаціей.

Штуттгартъ продолжаетъ украшаться прекрасными зданіями; теперь строится Одеонъ, который изящно завершитъ дворцовую площадь: она образуется старымъ и новымъ королевскими дворцами, дворцомъ наслѣднаго принца и театромъ. По срединѣ ея стоитъ монументъ—высокая колонна, пьедесталъ которой украшенъ барельефами и слѣдующею прекрасною надписью: *Dem theuersten Freunde seines Volkes, König Wilhelm dem Vielgeliebten, widmen die Stände Württembergs dieses Denkmal, zur Feier seines XXV-jährigen Regierungsjubilaeum, den 30 oct. 1841.* Трогательное выраженіе признательности народа къ королю, который придалъ новое значеніе государству, лично принималъ участіе въ великой войнѣ за освобожденіе Германіи и даровалъ то устройство Виртембергу, которымъ онъ пользуется и донинѣ.

Упомяну еще о двухъ бібліотекахъ въ Штуттгартѣ: одна—государственная изъ 300,000 томовъ, другая частная бібліотека короля, *Handbibliothek* изъ 60,000 томовъ; обѣ богаты политическими брошюрами и историческими книгами. Частная бібліотека короля не имѣетъ себѣ подобной въ цѣлой Германіи; она помѣщается въ особомъ зданіи около дворца; въ этихъ стѣнахъ прежде была Академія Карла, и воспитывались Кювье и Шиллеръ; послѣднему воздвигнуть памятникъ на одной изъ площадей Штуттгарта.

Оставляя Штуттгартъ, я сохранию всегда сердечное благодарное воспоминаніе о томъ радушіи, которое мнѣ было оказано нашимъ посланникомъ, графомъ К. К. Бенкендорфомъ, членами нашей миссіи и секретаремъ Великой Княгини, Н. Э. Аделунгомъ. Здѣшній

священникъ о. Базаровъ извѣстенъ у насъ описаніемъ послѣднихъ дней Жуковскаго.

Ея Высочество Великая Княгиня Ольга Николаевна пребываетъ теперь въ Италиі.

Штутгартъ 28 марта 1857.

М. Капустинъ.

НОВОСТИ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (1)

Pisma Krytyczno-Filozoficzne A. Nowosielskiego. (Критико-философическія сочиненія А. Новосельскаго). Вильно. 1857. Въ 8-ю д., т. I, 212 стр., т. II, 196 стр.

Г. Новосельскій (псевдонимъ г. Марцинковскаго) новый и талантливый дѣятель въ современной польской литературѣ, преимущественно отличающійся въ области критики. Въсѣтъ съ обширною начитанностію и близкимъ знакомствомъ почти со всею европейскою литературой, онъ соединяетъ эстетическій вкусъ и умѣнье схватывать характеристическія черты изучаемаго имъ предмета. Какъ видно, русская литература также очень хорошо извѣстна ему.

Въ двухъ изданныхъ имъ теперь книгахъ, собраны всѣ его критическія статьи, касающіяся современной польской литературы и разсѣяныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Замѣтимъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ, наиболѣе насъ интересующія. Въ статьѣ: *Юморъ, разсматриваемый въ отношеніи къ чувству*, т. I, стр. 113, авторъ вѣрно характеризуетъ нашего Гоголя, и вотъ что говоритъ онъ о значеніи самого юмора: «Къ непостижимымъ и неопредѣленнымъ явленіямъ человѣческаго духа принадлежитъ, повидимому, веселое, но въ основаніи исполненное грусти и горечи настроеніе души, которое вообще называютъ *юморомъ*. Юмористъ до сихъ поръ не нашелъ для себя мѣста въ обществѣ людей; это самое бѣдное созданіе въ мірѣ, человѣкъ, значенія котораго не поняли, поставивъ его между мизантропомъ и полишинелемъ. Сколько мнѣ извѣстно, никто еще не задалъ себѣ труда изслѣдовать, изъ какихъ источниковъ проистекаетъ и на какой основѣ развивается этотъ странный характеръ человѣка? Юморъ до сихъ поръ считается на смѣшливостію, исполненною злости, желчною раздражительностію, которая, наводя на предметы однообразный отбѣнокъ страданія, представляетъ весь міръ въ осенней порѣ, лишенной всѣхъ принадлежностей юности, здоровья и веселія; всякое пріязненное чувство должно быть неизвѣстно юмористу, а религія, наука, добродѣтель

(1) См. № 6-й «Русскаго Вѣстника» за 1857 годъ.

и каждый благородный трудъ для него будто бы не имѣютъ ничего привлекательнаго, представляя его взору только черныя, отвратительныя пятна. Понимаемый такимъ образомъ, юмористъ, дѣйствительно, былъ бы послѣднимъ изъ людей, или первымъ изъ дьяволовъ; между тѣмъ это человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова *справедливый*, это мученикъ въ своей жизни за правду. Юмориста и юморъ нужно различать отъ комика и комизма; эти два понятія соединяются между собою формой, но духомъ совершенно разнятся. — «Юмористъ, говоритъ Жанъ-Поль Рихтеръ (*der Einzige!*), — прекрасный обликъ своего сердца прикрытъ искусственною маской и добровольно понизилъ высокій полетъ духа, превращая важную драму жизни въ представленіе маріонетокъ, въ комическую эпопею. Безразсудныя, достойныя посмѣванія дѣла человѣческія, онъ выводитъ изъ высшихъ цѣлей, а на великія и торжественныя набрасываетъ покровъ невиннаго сарказма, ироніи. Юмориста прежде всего привлекаетъ состояніе духа, освобожденнаго отъ цѣпей всякихъ отношеній, потому сатирическое побужденіе болѣе переименовываетъ человѣческую глупость, нежели подражать ей. Въ своихъ дѣйствіяхъ онъ имѣетъ двойное сознание комизма—какъ актеръ и какъ зритель. Дѣйствующій юмористъ есть только сатирическій импровизаторъ.»

Далѣе, опредѣляя значеніе юмориста по Жанъ-Полю Рихтеру, г. Марцинковскій говоритъ. «Неопытный взглядъ не замѣчаетъ, что самыя смѣшныя картины юмориста рисуются на темномъ, печальномъ грунтѣ, и что отсюда — то происходитъ ихъ поразительная пластичность, ихъ воплощеніе. Читатели истинно юмористической повѣсти сами часто не понимаютъ, отчего, окончивъ самую веселую повѣсть, долго потомъ остаются въ задумчивости?» Здѣсь онъ указываетъ на повѣсти Гоголя: «О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» и «Старосвѣтскіе помѣщики», и замѣчаетъ: «Почти всѣ его произведенія доказываютъ, что писатель съ такимъ расположеніемъ не просто играетъ остроуміемъ; напротивъ, каждая его шутка, выражая какое-то сильное неудовольствіе, какое-то неурязненное чувство, есть какъ бы протестъ противъ обыкновенной жизни, горькій упрекъ обществу, которое въ своей дѣйствительной жизни легкомысленно отступаетъ отъ высшихъ благороднѣйшихъ понятій.» Наконецъ, опредѣливши юморъ Шекспира, Рихтера, Свифта, Гофмана, Шлегеля и др., г. Марцинковскій прибавляетъ: «Новѣйшій писатель въ этомъ родѣ есть *Гоголь*; въ его произведеніяхъ юморъ почти осязаешь чувствами. потому что онъ развивается легко, наивно, съ нѣкоторою художественною небрежностію, даже съ тѣхъ сторонъ, которыя до сихъ поръ никѣмъ не были замѣчены.»

Пріятно замѣтить, что въ польской литературѣ, въ послѣднее время, замѣтно сочувствіе къ лучшимъ явленіямъ нашей литературы. Пора

уже обонитъ народамъ, находящимся въ такихъ близкихъ отношеніяхъ между собою, тѣснѣе сблизиться на пути образованія и въ умственной жизни.

Прочія статьи г. Марцинковскаго также замѣчательны по живому изложенію и вѣрному, современному взгляду на многія литературныя произведенія, преимущественно въ Польшѣ. Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ нихъ: О стихахъ нынѣшней литературы; Экцентричность (нравственный характеръ современнаго общества); Значеніе историческаго романа въ исторіи искусства; О классической трагедіи; Мысли о повѣсти и ея формѣ, и др. Одна изъ этихъ статей подаетъ намъ поводъ упомянуть о *Запискахъ Ивана Хризостома Паска*, изъ времянь Іоанна Казимира, Михаила Корибута и Іоанна III. Эти записки въ первый разъ были изданы графомъ Э. Рачинскимъ въ Познани, въ 1836 г. До сихъ поръ ихъ есть пять изданій. Последнее, вновь пересмотрѣнное, издано г. Ляховичемъ, въ Вильнѣ, въ 1854 г., по экземпляру, хранящемуся въ Императорской Публичной библиотекѣ въ С. Петербургѣ. Въ нихъ не достаетъ начала и конца. Въ этихъ запискахъ заключаются новыя историческія подробности, и яркими красками изображены нравы и домашняя жизнь Поляковъ въ XVII вѣкѣ. Пасекъ родился въ Равѣ и былъ шляхтичъ; онъ учился у іезуитовъ, и служилъ въ польскомъ войскѣ подъ предводительствомъ Чарнецкаго, противъ Ракочи, Шведовъ и Русскихъ. Въ концѣ царствованія Іоанна Казимира, Пасекъ оставилъ военную службу, поселился въ Равскомъ воеводствѣ, сдѣланъ былъ земскимъ коморникомъ, присутствовалъ на разныхъ сеймахъ, и въ 1661 г. выбранъ въ маршалы «рыцарскаго кола». Онъ былъ любимцемъ королей Іоанна Казимира и Іоанна III. Записки его прерываются на 1688 г. — Многіе заподозрѣвали подлинность этихъ Записокъ, и видѣли въ нихъ родъ Вальтеръ-Скоттовскаго романа; но достовѣрность этого памятника столь очевидна, что даже знаменитый Несторъ польской литературы, Вишневецкій, не усомнился въ немъ. «Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ г. Марцинковскій (т. II, стр. 7). — Записки Паска принадлежатъ къ необыкновеннымъ явленіямъ; ихъ нельзя назвать ни историческими, ни политическими; ихъ характеръ чисто-художественный. Пасекъ является въ нихъ, какъ живописецъ своего времени; его автобіографія есть рядъ живыхъ, оригинальныхъ картинъ; содержаніе ихъ обыкновенно веселое и остроумное; каждый, хотя бы малѣйшій очеркъ отличается фізіономією, характеромъ. Пасекъ, какъ и Вальтеръ-Скоттъ, искренно любитъ человѣка, всюду ему сочувствуетъ, особенно въ приключеніяхъ смѣшныхъ и веселыхъ, въ чемъ онъ нѣсколько напоминаетъ современнаго ему Мольера, или немного позднѣйшаго Лесажа.»

Къ этому справедливому замѣчанію г. Марцинковскаго прибавимъ еще, что Записки Паска произвели чрезвычайное вліяніе на истори-

чекій романъ въ Польшѣ. Романы Ржевускаго и въ особенности произведенія С. Качковскаго носятъ на себѣ яркій отпечатокъ нравственной личности Паска. До сихъ поръ польскимъ историческимъ повѣствователямъ извѣстенъ одинъ только типъ шляхтича, и этотъ типъ имѣетъ замѣчательное, родственное сходство съ особой пана Паска.

Еще не могу разстаться съ занимательною книгой г. Марцинковскаго и, въ заключеніе, указываю на статью его: «Объ опытахъ дантовскихъ поэмъ изъ народныхъ преданій.» Она написана по случаю выхода въ свѣтъ стихотвореній г. Ленартовича, въ которыхъ, впрочемъ, я не вижу особеннаго, сильнаго таланта; да и самъ г. Марцинковскій почти сознается въ этомъ. Въ этой статьѣ онъ говоритъ о народныхъ преданіяхъ, которыя могли бы быть богатымъ предметомъ поэмы, и между прочимъ, передаетъ слѣдующій разказъ: (Т. II, стр. 193): «Для Украинцевъ циклъ *дантовскихъ* разказовъ сосредоточивается вокругъ чрезвычайно поэтической личности чародѣя *Вернигоры*; и онъ всего лучше могъ бы послужить нашимъ поэтамъ за предметъ какой-нибудь народной эпопеи. Съ представленіемъ Вернигоры соединяются еще древнія міѳологическія понятія, которыя придаютъ особый характеръ его чудесной личности. Вернигора, по народному преданію, родился на лѣвомъ берегу Днѣпра; тамъ, неизвѣстно, по какой причинѣ, убилъ брата и убѣжалъ на правый берегъ Днѣпра. Это случилось во время самаго бунта Желѣзняка; страны, по обѣимъ берегамъ рѣки, вступали между собою въ сношенія; собиралась большая буря. Вернигора, вдохновенный пророческимъ духомъ, отклонялъ народъ отъ кроваваго дѣла, громко предсказывая страшный конецъ его. Съ этою цѣлью онъ странствовалъ по всей Украинѣ. Духъ его узналъ о томъ, что должно быть, въ то время, когда тѣло его было погружено въ смертный сонъ. Вырвавшаяся изъ земныхъ оковъ, душа Вернигоры три дня блуждала въ небесныхъ пространствахъ. Старецъ съ сѣдою бородой ведетъ восторженную душу умершаго (какъ *psychopompos* у Грековъ, какъ *der getreue Eckhart* въ германскихъ сказаніяхъ); показываетъ ему въ райскомъ саду радость благословенныхъ, а въ чистилищѣ, какъ души ходятъ *по мытарствамъ*; въ аду—какія муки онѣ претерпѣваютъ за разныя, совершенныя ими, преступленія. Изъ чистилища въ адъ ведетъ висячая перекладина надъ пропастью (мостъ, о которомъ разказывается въ подобныхъ преданіяхъ всѣхъ народовъ). Такимъ образомъ, всюду сопровождая душу и все показавши ей, старецъ наконецъ позволяетъ ей возвратиться къ живущимъ и разказывать на этомъ свѣтѣ все, что она видѣла въ своемъ восторженіи, кромѣ только *трехъ словъ*, потому что, если бы она ихъ выговорила, то сейчасъ бы умерла. Вотъ что случилось съ Вернигорой. Онъ видѣлъ муки гайдамаковъ, обрызганныхъ кровью, изувѣченныхъ, безъ руки и ноги,

видѣлъ, прежде еще, нежели была усмирена Колицизна и панъ судья Дубравскій съ паномъ региментаремъ Стемпковскимъ судили преступниковъ на землѣ. Во время своего странствованія Вернигора осматриваетъ и спрашиваетъ души о томъ, что современемъ должно быть; въ концѣ третьяго дня старецъ привелъ Вернигору на перекладину, повисшую надъ ужасною пропастью, изъ которой выходилъ нестерпимый смрадь тупа; старецъ показалъ ему, что это его брешное тѣло и низвергнулъ его въ пропасть, и Вернигора вдругъ возвратился къ жизни. Тоже самое и въ Божественной Комедіи Данте. Рассказываютъ, что Вернигора не умеръ, что въ Македоны, въ деревню, въ которой онъ поселился, приѣхалъ кто-то на бѣломъ конѣ и взял съ собою украинскаго чародѣя, сказавъ ему только: «А что? пора уже тебѣ.» (1) При концѣ міра Вернигора снова явится вмѣстѣ съ всадникомъ на бѣломъ конѣ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ мифологическихъ героевъ, которые хотя и исчезли изъ видимаго міра, однако не умерли (Гриммъ называетъ ихъ *entrückte Helden*). Очевидно, что это лицо, еще столь свѣжее въ воображеніи народа, смѣшалось съ другими мифологическими лицами языческихъ волшебниковъ; самое названіе *Вернигоры* — мифологическое имя Титана — можетъ-быть, послужило къ этому.»

Lud Ukrainski (Украинскій народъ), — его пѣсни, преданія, сказки, суевѣрія, обряды, обычаи, пословицы, загадки, заговоры, лѣчебные секреты, одежда, танцы, игры и т. д. — Издавъ Антоній Новосельскій. Вильно. 1857. Въ 8 д. л. Т. I, стр. 380. Т. II, стр. 282.

Этотъ новый трудъ г. Марцинковскаго, вышедшій въ одно время съ вышеупомянутымъ нами сочиненіемъ, также заслуживаетъ вниманія, по богатству и занимательности тѣхъ матеріаловъ, которыми авторъ имѣлъ случай пользоваться. — «Издавая въ свѣтъ этотъ сборникъ, говоритъ онъ въ предисловіи, я знаю, что въ немъ нѣтъ, да и быть не можетъ полноты. Если бы даже мы и допустили возможность такого сборника, то онъ никогда не могъ бы быть плодомъ труда одного человѣка: чтобы исчерпать избранный мною предметъ, необходимо было бы издать цѣлую библіотеку. Какъ бы то ни было, я думаю, что книга моя, и въ настоящемъ своемъ видѣ, дастъ подробное понятіе о духѣ, фантазіи, однимъ словомъ, обо всемъ нравственномъ характерѣ народа, выработавшемся на нашей землѣ изъ обще-человѣческихъ преданій. Это было моею цѣлью, и мнѣ кажется, что я первый пришелъ къ этой мысли и первый попытался ее выполнить: я имѣлъ въ виду не подробности, но общую идею труда моего.»

(1) Рыцарь, являющійся на бѣломъ конѣ, при концѣ міра. извѣстенъ на Востокѣ и въ мифологіяхъ сѣверныхъ народовъ. Сравни. Jac. Grimm, Deutsche Myth. 2 Th. S. 911.

Въ прострапномъ введеніи въ свое сочиненіе, авторъ разсматриваетъ славянскія преданія въ связи съ индо-европейскими. «Съ удовольствіемъ читая сочиненія, говоритъ онъ въ своемъ введеніи (стр. 9), относящіяся къ мифологіи, преданіямъ, вымысламъ, предразсудкамъ и обрядамъ древнихъ народовъ, я замѣтилъ, что всѣ они чрезвычайно сходны съ тѣмъ, что въ этомъ отношеніи сохраняютъ славянскіе народы, и въ особенности столь хорошо извѣстный мнѣ народъ украинскій, посреди котораго я родился и выросъ. Достаточно убѣдившись въ этомъ фактѣ, любопытномъ и важномъ для этнографіи и исторіи языческихъ религій, я вознамѣрился заняться его изслѣдованіемъ и представить хотя малый опытъ сравненія преданій и суевѣрій славянскихъ съ религіозною традиціей прочихъ индо-европейскихъ племенъ.»

Замѣтимъ вообще, что г. Марцинковскій, несмотря на обширность своихъ свѣдѣній и на нѣкоторыя вѣрныя соображенія, слишкомъ произвольно обращается съ санскритизмомъ и вдается въ натянутую этимологию. Такъ въ 1-й части, на стр. 107-й, онъ объясняетъ, будто бы «*Коляда* происходитъ отъ *каръ*, что по-санскритски значитъ *бросать, разсвѣтать, распространять, кира-ти* — бросаетъ, распространяетъ; *калита* — раздѣленный; *кала*, часть.» Къ этому объясненію онъ прибавляетъ: «Праздникъ *Коляды* означаетъ сотвореніе міра и назначеніе *судьбы* каждому человѣку, — его участь, часть, доля; отсюда слова: *с-частіе, доля, таланъ* (отъ *туля* — вѣсовая чашка, *танля-ти* — вѣшать на вѣсахъ). *Кала* — часть, *каля-да*, дающая долю, с-частіе, и т. д. Сюда же г. Марцинковскій относитъ и *калета* (калита) и даже *калаци* или *колаци*! — Столь же странно у него объясненіе слова *Рахмански* или *Навски Великдень* (стр. 148).

Pieśń o Pólku Igora. (Пѣснь о полку Игоревѣ). Старославянская поэма XII вѣка. Переводъ священника Адама Станислава Красинскаго, каноника Виленской кафедральной церкви. — С.-Петербургъ, 1856 года. Въ 8-ю д., XV—36 стр.

Этотъ загадочный памятникъ столько разъ уже подвергался разнаго рода филологическимъ истязаніямъ, и произвольнымъ переводамъ, въ прозѣ и стихахъ. Многіе непременно хотятъ въ немъ видѣть народную поэму. «Слово» это до того неопредѣленно, что даже Поляки, въ новѣйшее время, стали считать его своимъ народнымъ поэтическимъ памятникомъ: такъ напримѣръ Вишняевскій, Бѣлевскій и др.

Несмотря на то, что это *Слово* не разъ уже переводилось на польскій языкъ, священникъ Красинскій снова перевелъ его, или, лучше сказать, посвоему передѣлалъ въ стихи, впрочемъ, довольно звучные, но что касается его филологическихъ объясненій, то они не выдержатъ строгой критики. Самъ священникъ Красинскій замѣчаетъ въ предисловіи (стр. XII), что «настоящее значеніе нѣкото-

рых мѣстъ этой поэмы (?) нужно почти отгадывать, и кто удачнѣе отгадаетъ, тотъ удачнѣе и передастъ ихъ.» Вотъ какимъ образомъ онъ переводитъ слѣдующія мѣста въ Словѣ: (стр. VIII) истягну умъ крѣпостью своею, *natężył ducha swą siłą* (напрягъ духъ своею силою!); скача славю по мыслену древу, *skacząc słowikiem po myśli drzewie* (скача соловьемъ по дереву мысли); храбрая мысль носить умъ вамъ на дѣло, *chrobra myśl podnosi ducha waszego do czynu* (храбрая мысль возноситъ духъ вашъ къ дѣлу!).—Онъ утверждаетъ (стр. X) также, что нѣкоторыя выраженія, которые теперь не употребляются въ русскомъ языкѣ и сохранились въ польскомъ, не только не вредятъ этой, по его мнѣнію, поэмѣ, но придаютъ ей еще болѣе отпечатокъ народности. Къ такимъ выраженіямъ онъ относитъ: заря свѣтъ запала (такъ онъ читаетъ, вмѣсто *zapala*), по польски: *zorgza świt zapala*; земля кровью поляна— *ziemia krwią polana*, полегоша— *polegli*; на болоньи — *na błoni* (есть и въ областн. русск. нар.). Далѣе онъ приводитъ слова, которые будто бы исчезли въ русскомъ языкѣ и сохранились въ малорусскомъ и польскомъ: *чадь, дно, дьжа, жаба, зеліе, нетопыр* и др.

Изъ новостей польской литературы, вышедшихъ въ нынѣшнемъ году, мы пока ограничимся двумя первыми книжками журнала: *Варшавская библіотека* (*Biblioteka Warszawska*).—Хотя онъ иногда и наполняется слабыми статьями и не имѣетъ отличительнаго и опредѣленнаго направленія, однакожъ, какъ лучшій и единственный учено-литературный журналъ, выходящій въ Варшавѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія и не лишенъ достоинствъ. Въ 1-й книжкѣ, между прочими статьями особенно интересна статья г. Антонія Цыприсинскаго: «О взаимныхъ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами въ царствѣ Польскомъ.» Она продолжается и въ слѣдующей книжкѣ Библіотеки. Въ ней разсматривается Высочайшій указъ 26-го мая (7го іюня) 1846 года, имѣющій цѣлю прекратить: 1) выводъ крестьянъ, измѣненіе или уменьшеніе ихъ имущества; 2) умноженіе числа безпачатныхъ крестьянскихъ семействъ; 3) существованіе неузаконенныхъ повинностей, и 4) возможность дальнѣйшаго самовольнаго увеличенія обязанностей, даже не противныхъ закону.

Г. Цыприсинскій, подробно разсмотрѣвши этотъ указъ съ юридической точки зрѣнія, въ концѣ второй статьи говоритъ, что дальнѣйшую работу свою онъ раздѣляетъ на двѣ части: 1-я о временномъ устройствѣ поселянъ, выраженномъ въ Высочайшемъ указѣ, 2-я о постоянномъ устройствѣ крестьянъ или о всеобщемъ крестьянскомъ правѣ, въ томъ же указѣ выраженномъ.

Во 2-ой книжкѣ Библіотеки г. Пашковскій помѣстилъ свой прекрасный переводъ въ стихахъ (уже не первый) драмы Шекспира: *Коріолянъ*. Шекспиръ и прежде переводился на польскій языкъ. Къ числу его замѣчательныхъ переводчиковъ принадлежитъ также извѣ-

стный польскій писатель, новѣйшаго времени, покойный архіепископъ Головинскій.—Въ той же книжкѣ любопытенъ историческій очеркъ г. Цезаря Бѣрнацкаго: *Езуиты въ Калишѣ* (1581—1773).

Реформація еще только распространявшаяся въ странахъ, соединенныхъ съ Польшей, уже около 1544 года имѣла въ ней многихъ приверженцевъ; многіе пали жертвой несправедливости и фанатизма, хотя нѣкоторые и старались поддержать вѣротерпимость. Сигизмундъ I былъ ревностнымъ католикомъ и, однако, не стѣснялъ ничьихъ убѣжденій; но въ царствованіе сына его Сигизмунда Августа, который болѣе покровительствовалъ реформаторамъ и, какъ кажется, даже сочувствовалъ имъ, новыя понятія уже распространялись явно и случались частыя отступничества отъ господствовавшей вѣры. Какъ въ послѣдствіи оказалось, причиною этому, между прочимъ, было неосторожное поведеніе духовныхъ лицъ, которыя часто неблагоразумно прибѣгали къ наказаніямъ и употребляли во зло церковное проклятiе. Они также вызвали споры объ исполненіи гражданскими властями духовныхъ приговоровъ, о взысканіи десятинъ и всякихъ епархіальныхъ повинностей, чему способствовала самая шляхта. Эти вопросы старались разрѣшить на сеймахъ и въ синодахъ, но всегда безуспѣшно; потому что, несмотря на всѣ старанія и домогательства людей умѣренныхъ, недостатокъ взаимнаго довѣрія между партіями не могъ привести къ желанному согласію. Наконецъ польское духовенство, для прекращенія раздоровъ, рѣшилось на отчаянное средство—призвать иезуитовъ.

Станиславъ Гозій, кардиналъ—епископъ Варминскій, человекъ проникательный и осторожный, сверхъ того имѣвшій большое вліяніе и значеніе, первый, въ 1565 году, призвалъ иезуитовъ въ Брунсбергъ, въ старой Пруссіи, предоставивъ имъ удобную коллегію и значительные доходы. Къ этой—то эпохѣ относится основаніе новой иезуитской коллегіи въ древнемъ городѣ Калишѣ.

Г. Бѣрнацкій въ своемъ очеркѣ пользовался мѣстными книгами иезуитской коллегіи, которыхъ было двѣ: одна, подъ заглавіемъ: *liber domus*, то—есть хроника, въ которой обыкновенно записывались всѣ важнѣйшія происшествія, даже случившіяся внѣ стѣнъ монастырскихъ; другая — *liber resignationum*, то—есть книга лицъ, слагающихъ съ себя и принимающихъ должности въ орденѣ. Теперь очень рѣдко можно найти подобные подлинныя акты, сохранившіеся въ цѣлости; иезуиты, послѣ ихъ изгнанія, старались истреблять или изгладить слѣды своего существованія. Такимъ образомъ, всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи Калишской коллегіи, по недостатку источниковъ, не могли быть представлены въ довольно—ясномъ свѣтѣ, несмотря на самые усиленные поиски. Авторъ принужденъ былъ прибѣгать къ разнымъ современнымъ брошюрамъ и стариннымъ запискамъ.

Историческій очеркъ г. Бѣрнацкаго состоитъ изъ четырехъ отдѣ-

ловъ: первый заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія, касающіяся основанія и упроченія Калишской коллегіи; во второмъ говорится о самой церкви; въ третьемъ о школахъ; наконецъ четвертый заключаетъ въ себѣ подробности о богатствѣ и обширѣ средствахъ этой резиденціи, съ присоединеніемъ свѣдѣнія о начальникахъ коллегіи.

Сообщаю еще нѣсколько новостей, извлеченныхъ изъ Варшавской Библіотеки:

Въ литературныхъ извѣстіяхъ (кн. 1-я) сообщается письмо изъ Гнѣзна одного изъ молодыхъ изслѣдователей исторіи, который въ актахъ Гнѣзенскаго капитула, подъ 1492 г. прочиталъ слѣдующее: «Turzi de impressa. Ibid. ex parte honeste Turzi civis Cracov. rogatu. est quis libros p. eum impressos Ruthenicos et alios imprimendos Sua Rma ptas cum suis dominis admittet ad publicand qui dnus Rus Archpus axamiatos vot. dominorum inhibuit, ne publicarentur, nec imprimentur de cetero.» Кажется, изъ этого слѣдуетъ заключить, что *Turzi* былъ въ Краковѣ, въ концѣ XV вѣка, однимъ изъ типографщиковъ, которые тамъ послѣ Святополка Фіоля печатали книги старославянскими буквами.

Во 2-й кн. помѣщенъ отрывокъ изъ письма г. Тышинскаго, который извѣщаетъ, что драма извѣстнаго польскаго писателя А. Э. Одыньца: *Варвара Радзивиловна*, выйдетъ въ Познанѣ. «Безспорно, говоритъ г. Т., это будетъ одна изъ лучшихъ польскихъ драмъ и одно изъ лучшихъ произведеній ея автора. Такой Варвары, еслибы даже былъ другой вкусъ вѣка, не могъ бы написать Фелинскій (1) и никто изъ его современниковъ, потому что еще не было тѣхъ записокъ, которыя издалъ Балинскій. Лица, выведенныя Одыньцомъ въ *Варварь*, и по характеру, и по языку, лица того вѣка; притомъ вездѣ поэзія и изысканный стихъ.—Теперь онъ пишетъ *Любомирскаю*.»

Въ той же книжкѣ помѣщенъ слѣдующій отрывокъ изъ письма г. Бѣлевскаго къ г. Войцицкому (изъ Львова) 1857 г.: «Вѣроятно, ты знаешь, что я прошлаго лѣта совершилъ довольно далекое путешествіе, на собственный счетъ, съ цѣлью собрать матеріалы для приготавлимаго мною изданія *памятниковъ* (monumenta). При помощи сдѣланныхъ мною знакомствъ, во время путешествія, мнѣ удалось отыскать подлинникъ того письма св. Бруно о Болеславѣ храбромъ, которое напечатано въ Русской Бесѣдѣ и Варшавской Библіотекѣ, съ позднѣйшей копіи Уфенбаха. Я говорю *подлинникъ*, только по отношенію его къ копіи Уфенбаха, но собственно это также копія, съ тою разницей, что она сдѣлана въ началѣ XI вѣка, на пергаментѣ, искусною рукой и довольно выразительнымъ почеркомъ. Разницы значительны и важны. Многія сокращенія Уфенбахъ прочиталъ худо

(1) Авторъ трагедіи подъ тѣмъ же заглавіемъ, написанной въ самомъ началѣ вышеупомянутого столѣтія.

и нисколько не затруднялся, то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ дѣлать поправки по своему усмотрѣнію. Это была обыкновенная манія ученыхъ въ этомъ вѣкѣ. Передъ его взоромъ исчезали отдѣльныя слова, а въ одномъ мѣстѣ онъ пропустилъ цѣлую строку. Итакъ, въ своемъ изданіи, я напечатаю этотъ важный памятникъ съ дипломатическою точностію, присоединивъ къ нему кодексъ и вѣрный снимокъ.

«Я стараюсь достать точную копию *Житія Меводія*. Четыре года тому назадъ, я могъ печатать этотъ памятникъ съ одной плохой рукописи, тогда извѣстной; теперъ же, когда открыты старшія и лучшія, мнѣ необходимо имѣть съ нихъ копии, или варианты изъ нихъ, хотя бы изданіе памятниковъ опоздало двумя и тремя мѣсяцами; иначе, все мое предпріятіе заслужитъ упрекъ въ небрежности и недостаткѣ критики.»

II. Дубровскій.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Нескончаемый нешательскій вопросъ, столь долго утомляющій общественное вниманіе Европы, наконецъ приближается къ развязкѣ. Последнія письма и телеграфическія депеши изъ Берлина и Берна возвѣщаютъ объ этомъ желанномъ событіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разъясняется болѣе и болѣе и самый ходъ переговоровъ по этому вопросу, происходившихъ въ последнее время въ Парижѣ. Конференція, приступая къ дѣлу въ прошломъ мѣсяцѣ, приняла исходною точкой для переговоровъ формальное признаніе правъ короля Прусскаго на Нешательское княжество и Валангенское графство: признаніе это, повидимому, было занесено въ протоколъ, подписанный представителями Франціи, Англии, Россіи и Австріи. Это значило, что условія будущаго соглашенія должны быть предъявлены самою Пруссіей. Дѣйствительно, прусскій посланникъ и членъ конференціи, графъ Гацфельдъ, предъявилъ ихъ въ третьемъ засѣданіи уполномоченныхъ. Условія эти отчасти извѣстны нашимъ читателямъ, по крайней мѣрѣ приблизительно (1). Извѣстно также, какое тяжкое впе-

(1) Болѣе точныхъ свѣдѣній о прусскихъ условіяхъ не обнаружено въ журналахъ.

чатлѣніе произвели они въ Бернѣ и во всей Швейцаріи, гдѣ ожидали почти безусловнаго отреченія короля прусскаго отъ правъ на Нешпательское княжество, которое съ 1848 г. de facto совершенно вошло въ составъ Швейцарскаго союза. Исполнительная власть, органомъ коей служить въ Швейцаріи союзный совѣтъ, представила законодательной власти, то-есть сейму, формальныя увѣренія въ этомъ смыслѣ, когда сеймъ разсуждалъ объ освобожденіи заключенныхъ нешпательскихъ роялистовъ и прекращеніи процесса по сентябрьскимъ волненіямъ. Швейцарскій уполномоченный, докторъ Кернъ, отправился тогда въ Парижъ въ полной увѣренности, что тамъ ожидаетъ его безусловное отреченіе короля Прусскаго за уступку, сдѣланную сеймомъ. Понятно, что г. Кернъ не могъ одобрить прусскія условія; инструкціи, полученныя имъ въ Парижѣ, предписывали ему отвергнуть ихъ. Это обстоятельство побудило представителей Франціи, Англіи, Россіи и Австріи установить основанія будущаго соглашенія, что и было сдѣлано ими въ послѣднихъ засѣданіяхъ конференціи. Составленный ими проектъ конвенціи былъ сообщенъ уполномоченнымъ прусскому и швейцарскому, съ приглашеніемъ одобрить его, какъ послѣднее средство соглашенія. Это происходило въ засѣданіи конференціи 20-го апрѣля. Гг. Гацфельдъ и Кернъ не рѣшились принять на себя столь рѣшительной мѣры и объявили о необходимости посоветоваться съ своими правительствами. Г. Кернъ самъ отправился для этой цѣли въ Бернъ.

Проектъ соглашенія, составленный представителями четырехъ названныхъ державъ, сходенъ съ условіями, которыя были предъявлены Пруссіей въ одномъ изъ первыхъ засѣданій конференціи. Расходы, причиненные сентябрьскими волненіями и военнымъ занятіемъ Нешпательскаго кантона, падаютъ на Швейцарію. Правительство Союза должно провозгласить полную амнистію за политическія преступленія, даже предшествовавшія прошлогоднимъ сентябрьскимъ событіямъ; всѣ уголовные процессы и денежныя иски по дѣламъ, состоящимъ въ связи съ этими событіями, должны быть прекращены. Доходы съ церковныхъ имуществъ, конфискованныхъ въ 1848 году, снова получаютъ свое первоначальное назначеніе; благотворительныя и богоугодныя заведенія спорнаго кантона сохранять свои капиталы и доходы; права ихъ должны быть навсегда обезпечены Швейцарскимъ союзомъ.

Это не значитъ, однако, чтобы прусскія предложенія прошли безъ измѣненій. Повидимому, проектъ соглашенія не присвоиваетъ Прусскому королю титула князя Нешпательскаго и Валангейскаго; по крайней мѣрѣ, послѣднія наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія положительно опровергаютъ прежнія извѣстія объ утвержденіи этого условія конференціей. Само собою разумѣется, что на основаніи прежнихъ правъ своихъ и признанія ихъ, занесеннаго въ протоколы,

король Прусскій можетъ титуловаться княземъ Нефшательскимъ и Валангенскимъ, хотя объ этомъ титулѣ и не упомянуто въ проектѣ. Вознагражденіе, требуемое прусскимъ королемъ, какъ извѣстно, уменьшено на половину. Наконецъ, конференція склонилась на сторону Швейцаріи по вопросу о пересмотрѣ конституціи Нефшательскаго кантона. Король прусскій требовалъ, чтобы пересмотръ ея былъ отложенъ на годъ или, по крайней мѣрѣ, на шесть мѣсяцевъ, и чтобы къ участию въ этомъ пересмотрѣ были допущены одни нефшательскіе уроженцы, но эти требованія устранины конференціей.

Въ концѣ апрѣля, г. Кернъ представилъ проектъ соглашенія союзному совѣту, который, по послѣднимъ извѣстіямъ, уполномочилъ его подписать этотъ проектъ отъ лица Швейцаріи. Но этимъ еще не можетъ кончиться дѣло. Законодательная власть Швейцарскаго союза, принадлежащая сейму, можетъ измѣнить рѣшеніе исполнительной власти. Впрочемъ, до сихъ поръ нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы сеймъ отвергнулъ проектъ конвенціи, составленный Парижскою конференціей. Правда, общественное мнѣніе въ Швейцаріи недовольно имъ и не скрываетъ своего неудовольствія, но въ сущности, предложенныя условія не нарушаютъ чести и достоинства Швейцаріи. Она боролась съ обстоятельствами, на сколько это было возможно, и достигла главной цѣли—признанія независимости Нефшательскаго кантона отъ Пруссіи, хотя и дорогою цѣной уступокъ, которыя ей не хотѣлось бы дѣлать. Отвергнуть послѣднее средство соглашенія, предложенное великими державами, значило бы опять затянуть дѣло на долгое время и отказаться отъ посредничества и участія великихъ державъ. Полуофициальный органъ швейцарскаго правительства, газета *Bund*, уже объявила о необходимости принять предложенныя условія, какъ ни мало соответствуютъ они желаніямъ и надеждамъ Швейцаріи.

Что касается до Пруссіи, то измѣненія, которымъ подверглись представленныя ею условія, были, повидимому, сдѣланы съ ея согласіемъ, и никто не сомнѣвается въ томъ, что проектъ конвенціи будетъ одобренъ ею.

Министерскій кризисъ въ Даніи, состоящій въ тѣсной связи съ движеніемъ датско-германскаго вопроса, продолжается, и новое министерство еще не составилось; но судя по тому, что происходило въ послѣднее время въ Копенгагенѣ, ожидаютъ, что будущее министерство положитъ конецъ разногласію между Даніей съ одной стороны, Пруссіей и Австріей съ другой. Въ Копенгагенѣ между прочимъ призванъ изъ Франкфурта датскій посланникъ при Германскомъ сеймѣ, г. Бюловъ, пользующійся извѣстностію какъ приверженецъ примирительной политики относительно нѣмецкихъ герцогствъ. Ему предложено министерство иностранныхъ дѣлъ, но до сихъ поръ еще нѣтъ свѣдѣній о томъ, принялъ ли онъ это предложеніе. Ясно, что

между нимъ и правительствомъ происходятъ переговоры, которые, по общему мнѣнію, едва ли окончатся вступленіемъ г. Бюлова въ министерство, во главѣ котораго до сихъ поръ остается г. Андре. Г. Бюловъ едва ли можетъ надѣяться на поддержку общаго сейма, значительное большинство котораго состоитъ изъ крайнихъ приверженцевъ исключительно-датской партіи. Датскому правительству предстоитъ трудная задача согласить условія политическаго единства монархіи съ требованіями Пруссіи и Австріи; задача эта должна быть разрѣшена новымъ министерствомъ, и этимъ-то объясняется чрезвычайная продолжительность министерскаго кризиса. Къ тому же, Австрія и Пруссія, повидимому, прислали въ Копенгагенъ нѣчто въ родѣ ультиматума, требуя отвѣта въ опредѣленный срокъ, который въ послѣднее время продленъ ими до окончательнаго образованія новаго министерства. Даніи предстоитъ одно изъ двухъ: или уступить Австріи и Пруссіи, или возбудить противъ себя большинство германскаго сейма, въ который будетъ перенесено дѣло. Именно этимъ угрожаютъ Даніи кабинеты вѣнскій и берлинскій. Последний находитъ даже весьма сильную поддержку въ прусской аристократіи, отстаивающей свое собственное начало въ герцогствахъ, принадлежащихъ Даніи. Въ засѣданіи 29-го апрѣля, прусская первая палата почти единогласно одобрила предложеніе одного изъ своихъ членовъ, въ которомъ правительству данъ совѣтъ защищать права герцогствъ согласно съ видами германскаго союза. Само правительство не желало идти такъ далеко, и во время преній объявило, что имѣетъ въ виду дѣйствовать въ этомъ вопросѣ согласно съ Австріей. Говорятъ, Данія соглашается представить на разсмотрѣніе провинціальныхъ чиновъ въ герцогствахъ нѣкоторыя статьи общей конституціи. Въ концѣ апрѣля, вѣроятный наследникъ датскаго престола, принцъ Христіанъ, отправился въ Берлинъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ отъ короля Датскаго. Все это заставляетъ предполагать, что дѣло можетъ уладиться безъ участія германскаго сейма.

Между тѣмъ въ самой Даніи, внутри общаго ея сейма, партіи борются съ обычнымъ ожесточеніемъ. Сеймъ былъ созванъ для чрезвычайныхъ засѣданій по случаю заключенія трактата о зундскихъ пошлинахъ. Члены датской партіи требовали, чтобы выкупная сумма была обращена на погашеніе государственнаго долга собственной Даніи, ибо по ихъ мнѣнію, зундскія пошлины составляли частную собственность Даніи; депутаты нѣмецкихъ герцогствъ, напротивъ, утверждали, что выкупная сумма должна перейти въ общую казну монархіи на томъ же самомъ основаніи, на которомъ Данія присвоиваетъ всей монархіи доходы съ государственныхъ имуществъ и даже самыя государственныя имущества въ герцогствахъ. Они ссылались также на то обстоятельство, что въ силу общаго трактата (содержаніе котораго уже извѣстно нашимъ читателямъ) не только отмѣняются

зундскія пошлыны, но и понижаются транзитныя пошлыны за перевозку товаровъ по дорогамъ и каналамъ, которые принадлежать герцогствамъ. Несмотря на единодушную оппозицію нѣмецкой партіи, составляющей меньшинство, сеймъ рѣшилъ, что 1½ мил. риксталеровъ должны быть употреблены на покрытие дефицита, который произойдетъ вслѣдствіе отмены зундскихъ пошлынъ, а остаточная часть суммы составитъ отдѣльный фондъ, собственность Даніи.

При такомъ положеніи дѣлъ и относительной силѣ партій, трудно предвидѣть, какъ разрешится датско-германскій вопросъ, далеко не лишённый живаго интереса, по тому значенію, какое придаютъ ему германскія правительства и высшія сословія. Нѣкоторые датскіе журналы подають правительству необычный совѣтъ: отказаться отъ нѣмецкихъ владѣній, лежащихъ по ту сторону Эйдера, и вознаграждать себя тѣснымъ союзомъ съ Швеціей, послѣднимъ результатомъ котораго должно быть образованіе скандинавской монархіи въ сѣверной Европѣ. Мы уже знаемъ, какъ отозвалось датское правительство о подобныхъ стремленіяхъ вновь возникшей скандинавской партіи, въ депешѣ г. Шеле отъ 26-го февраля. Намъ остается присоединить, что шведское правительство, противъ котораго главнымъ образомъ была направлена эта депеша, не оставило ея безъ отвѣта, въ которомъ, по словамъ иностранныхъ журналовъ, рѣзко² выразило свое неудовольствіе. Не отвергая вполнѣ началъ скандинавской партіи, Стокгольмскій кабинетъ объявляетъ, что направленные противъ него намеки г. Шеле неосновательны и неприличны.

Надо замѣтить, что скандинавизмъ значительно усилился со времени восточной войны и извѣстнаго трактата, состоявшагося въ ноябрѣ 1855 году между Швеціей, Англійей и Франціей. Главная цѣль скандинавской партіи, какъ мы уже сказали, — образованіе сильнаго государства на сѣверѣ, сопряженное, впрочемъ, съ безчисленными затрудненіями и во всякомъ случаѣ неосуществимое въ настоящее время. Партія эта, въ свою очередь, распадается на двѣ части: одни хотять достигнуть цѣли разомъ, путемъ, такъ-сказать, революціоннымъ; другіе, составляющіе большинство, отказываются отъ насильственныхъ средствъ и признають необходимость уважать права существующихъ династій. Но вся партія согласна въ томъ, что обладаніе нѣмецкими герцогствами, принадлежащими Даніи, несомнѣнно съ условіями скандинавскаго государства, которое должно быть одноплеменно и исключать всякое чуждое вліяніе. По этому вопросу возникла въ датской журналистикѣ полемика, въ которой приняли участіе даже официальные журналы, защищавшіе существующій порядокъ, но съ большою умѣренностію и съ признаніемъ выгодъ единаго скандинавскаго государства.

Изъ множества брошюръ, вышедшихъ въ Даніи и посвященныхъ этому вопросу, одна произвела особенно сильное впечатлѣніе, —

время, бою, которое невозможно ни в какой успеть. Депутаты Бундестага избираются подвоями каждому. Въ комиссаровъ привѣтственные адреса, въ которыхъ, хотя и не прямо, выражена задушевная мысль лучшей части народа въ пользу соединенія Княжествъ. Къ, сомнѣнно, очевидное желание комиссаровъ не позволяло имъ быть совершенно открытыми въ отвѣтъ своихъ на подше, санные адреса. Они ограничились общими признаніями о желаніи благоденствія Княжествамъ. Англійскій комиссаръ, мнѣніе котораго по вопросу о соединеніи Молдавіи и Валахіи считается сомнительнымъ, даже не намекивалъ объ этомъ вопросѣ, ограничившись общими замѣчаніями о свободѣ выборовъ и политической неопытности населения.

...Но официальное довѣріе англійскаго комиссара къ наміреніямъ. Порты и въ наймакановъ относительно свободы выборовъ далеко не оправдывается на дѣлѣ. Правда, въ Валахіи, въ присутствіи комиссаровъ, эти наміренія обнаруживаются не такъ рѣзко, но надобно знать, что происходило тамъ прежде. Комиссарамъ даже представлялось бытъ обвинительный актъ противъ наймакана Гики. Населеніе жаловался въ этомъ документѣ на произвольный образъ дѣйствій валахскаго правительства относительно выборовъ. Въ Молдавіи произвелъ моваго наймакана, Вогоридеса, не знаетъ предѣловъ. Молдавское правительство даже распустило избирательные комитеты, на томъ, основаніи, что они дѣйствуютъ помимо установленной въ княжествѣ вѣрти, какъ будто выборы, открытые съ цѣлью узнать мнѣнія и желанія народонаселенія, должны служить къ выраженію видовъ наймакана и Порты. Партія, враждебная соединенію Княжествъ, употребляетъ все средства и усилія, чтобы воспрепятствовать свободному выраженію народной воли, которая все сильнѣе и сильнѣе склоняется въ пользу этой важной мѣры. Журналы, имѣющіе цѣлю разъяснить народу важные вопросы, которые будутъ обсуживаться диванами, запрещаются, хотя они и были подчинены ценсурѣ, недавно воостановленной въ Молдавіи. Органы противной партіи пользуются этимъ вынужденнымъ молчаніемъ приверженцевъ соединенія, чтобы доставить торжество своимъ видамъ. Они даже не стыдятся распускать самыя мелкіе слухи, увѣряя между прочимъ, что послѣдствіемъ соединенія Княжествъ будетъ раздѣлъ земель, неблагоприятный для землевладельцевъ, и водвореніе католицизма, чуждаго всему народу. Нѣчто въ родѣ прокламаціи, написанной въ этомъ смыслѣ, разосладо по всемъ молдавскимъ монастырямъ. Чиновники, которымъ поручено составленіе избирательныхъ списковъ, обязаны противодействовать выбору лицъ, желающихъ соединенія. Не предоставляя составленія этихъ списковъ самимъ избирателямъ, молдавское правительство требуетъ въ то же время, чтобы списки были доставлены на разсмотрѣніе въ Яссы, гдѣ они подвергнутся исправленію въ известномъ смыслѣ.

Вотъ что происходитъ въ Молдавіи, и на что валуется даже официальный органъ французскаго правительства, которое давно заявляло свое мнѣніе въ пользу соединенія Княжествъ. Нельзя при этомъ сказать не отдать справедливости гуманизирующей политикѣ Франціи. Внутри Франціи правительственныя системы нередко сбиваются одна другою; но во внешней политикѣ своей она неизменно руководствуется цивилизующими началами, по крайней мѣрѣ относительно тѣхъ вопросовъ, которые не связаны съ существующимъ порядкомъ внутри ея. Этимъ обстоятельствомъ вполне объясняется энтузіазмъ, съ которымъ населеніе Валахіи привѣтствовало французскаго комиссара при первомъ его проѣздѣ и въ настоящее время. Въ адресѣ, который былъ поднесенъ ему въ Бухарестѣ, господствуетъ мѣнѣе официальный тонъ, и ясно выражена мысль о соединеніи Княжествъ. «Благодаря постоянному содѣйствію французскаго правительства и общественнаго мнѣнія во Франціи», сказано въ адресѣ, «соединеніе Княжествъ не утратило у насъ своихъ приверженцевъ. Но Румыны еще нуждаются въ поддержкѣ, и убѣждены, что она будетъ имъ оказана». Отвѣтъ французскаго комиссара косвенно оправдываетъ возлагаемыя на него надежды. Бухарестскіе избиратели поднесли между прочимъ адресъ русскому комиссару г. Базилу; но мы еще не имѣемъ ни этого адреса, ни отвѣта г. Базилу, бывшаго въ Бухарестѣ послѣ другихъ комиссаровъ. Въ журналахъ сообщено только извѣстіе объ отвѣтѣ русскаго комиссара: г. Базилу сказалъ депутаціи, что Россія желаетъ исполненія Парижскаго трактата, что самъ онъ чуждъ всякихъ предубѣжденій, и что необходимо узавать желанія народонаселенія, выраженные законнымъ образомъ.

Между тѣмъ какъ въ той части Востока, которая соприкасается съ Европой, по неизмѣнному закону историческаго тяготѣнія, такъ сказать, само собою усиливается вліяніе европейскихъ идей, въ отдаленнѣйшихъ частяхъ его Европа должна съ оружіемъ въ рукахъ завоевать это вліяніе. Размѣры борьбы, предпринятой Англійей въ Китаѣ, болѣе и болѣе расширяются, и борьба эта очевидно принимаетъ народный характеръ. Солидарная китайская народность повсемѣстно даетъ себя чувствовать одинаковыми проявленіями ненависти къ Европейцамъ вообще и къ Англичанамъ въ особенности. Послѣднія извѣстія изъ Китая и съ острововъ Индійскаго архипелага, гдѣ есть китайскія колоніи, окончательно убѣждаютъ въ этомъ.

На борту частнаго англійскаго парохода Queen, плывшаго подъ португальскимъ флагомъ, пассажиры и экипажъ изъ Китайцевъ перебили Европейцевъ и захватили самый пароходъ съ грузомъ. Въ Гонг-Конгѣ возобновились прежнія насилія: Китайцы сожгли англійскіе запасные магазины, въ которыхъ лежалъ провіантъ для солдатъ и матросовъ. Народная ненависть Китайцевъ къ Англичанамъ распространилась по всему Индійскому архипелагу. Еще недавно Ки-

тайцы; живущіе въ Сингапурѣ, важномъ торговомъ пунктѣ, готовы были истребить Европейцевъ; нынѣ получено извѣстіе, что Саравакъ, колонія извѣстнаго саръ-Джема Брука, на островѣ Борнео, разрушена поселенными тамъ Китайцами. 17-го февраля, Китайцы возстали и убили многихъ Европейцевъ. Глава и основатель колоніи, пользующійся большою популярностью между туземцами, едва спасся отъ смерти, бросившись вплавь черезъ небольшой заливъ. Онъ собралъ около себя толпу туземцевъ (Малайцевъ и Даяковъ), надъ которыми успѣлъ приобрести нравственное вліяніе своимъ правдивымъ и честнымъ управленіемъ, и наказалъ Китайцевъ; при этомъ послѣднихъ погубило до двухъ тысячъ человѣкъ. «Очевидно, говорить по этому поводу газета Times, что Китайцы, наводнявшіе всѣ колоніи въ тѣхъ странахъ и проживающіе во множествѣ въ Сингапурѣ, Борнео, Пенангъ, Малаккѣ и Австраліи, въ настоящее время предпринимаютъ вародную, истребительную войну». Всѣ англійскіе журналы требуютъ строжайшихъ мѣръ противъ Китая, и правительство Англій, конечно, не замедлитъ этими мѣрами. Изъ Англій уже отправлены войска; отрядъ генерала Утрема, стоящій въ Буширѣ, тоже назначается въ Китай. Впрочемъ, предстоящая борьба Англій съ Китаемъ имѣетъ двоякое значеніе, о чемъ мы будемъ говорить въ слѣдующемъ Обзорѣніи.

Достоверно, что Англія не одна будетъ дѣйствовать въ Китаѣ: съ ея военными силами соединятся военныя силы Франціи, разумеется, въ размѣрахъ сравнительно незначительныхъ, но достаточныхъ для достиженія цѣли. Франція и Англія намѣрены формально требовать, чтобы въ Пекинѣ были допущены ихъ постоянные дипломатическіе агенты, и чтобы для Европейцевъ были открыты еще нѣкоторые приморскіе города сверхъ тѣхъ, въ которыхъ они могутъ селиться нынѣ въ силу прежнихъ трактатовъ. Соединенные Штаты, съ своей стороны, намѣрены стремиться къ той же цѣли; Вашингтонскій кабинетъ посылаетъ къ берегамъ Китая морскую экспедицію подъ начальствомъ коммодора Перри, заключившаго трактатъ съ Японіей, и своего дипломатическаго агента, г. Рида, члена сената. Зная объ этихъ приготовленіяхъ, англійское правительство предложило американскому заключить тройственный союзъ между Соединенными Штатами, Англійей и Франціей; но это предложеніе не было принято въ Вашингтонѣ. Американское правительство, очевидно, не желаетъ войны съ Китаемъ во что бы то ни стало; его отношенія къ пекинскому двору и къ китайскому народу далеко не имѣютъ въ настоящее время того враждебнаго характера, который заставляетъ Англію прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, и потому оно рѣшилось дѣйствовать самостоятельно, и предъявить отъ себя, болѣе мирнымъ образомъ, тѣ самыя требованія, которыя Англія предъявитъ вооруженною рукою. Вашингтонскій кабинетъ надѣется достигнуть

своей цѣли въ Пешчѣ, какъ достигнуть ея въ Японіи, гдѣ въ послѣдніе годы мирнымъ образомъ и съ успѣхомъ появлялись: «матв америкавскій, французскій, англійскій и русскій».

Наше правительство также заключило съ Японіей трактатъ, ратификаціи котораго обмѣнены въ ноябрѣ прошлаго года, въ Симода. Трактатъ этотъ, недавно обнародованный, составляетъ явленіе весьма важное и утѣшительное, разширяя кругъ нашихъ сношеній на отдаленномъ Востокѣ, тамъ, гдѣ русскіе моряки недавно изслѣдовали теченіе Амура, и гдѣ учреждаются новыя русскія поселенія. Мы обязаны трактатомъ вице-адмиралу Путятину, плаваніе котораго, сопряженное съ большими опасностями, было въ свое время подробно описано въ «Морскомъ Сборникѣ» и въ русскіихъ газетахъ. Трактатъ заключенъ еще 26-го января 1855 года, и состоитъ изъ девяти статей, съ нѣсколькими объяснительными пунктами. Вотъ содержаніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Отнынѣ Русскіе и Японцы, во владѣніяхъ обоихъ государствъ, будутъ пользоваться покровительствомъ и защитой, какъ относительно ихъ личной безопасности, такъ и неприкосновенности ихъ собственности. Границы Японіи и Россіи будутъ проходить между островами Итурупомъ и Урупомъ: весь островъ Итурупъ принадлежатъ Японіи, а весь островъ Урупъ и прочіе Курильскіе острова къ сѣверу—Россіи; островъ Крафо (Сахалинъ) остается, по прежнему, нераздѣльнымъ между Россіей и Японіей. Русскимъ судамъ открыты три порта въ Японіи: Симода, Хакодате и Нагасаки, гдѣ суда эти могутъ исправлять свои поврежденія, запасаться водой, дровами и пр.; въ городѣ Симода и его окрестностяхъ Русскіе могутъ свободно ходить на разстояніи семи японскихъ миль, считая отъ острова Инубасири, въ Хакодате на разстояніи пяти миль; они могутъ также посѣщать лавки, храмы и, до устройства гостинницъ, опредѣленные дома для отдыха; что касается до Нагасаки, то въ этомъ городѣ правила для обращенія Русскихъ будутъ опредѣлены въ послѣдствіи, наравнѣ съ другими націями; для погребенія умершихъ въ каждомъ портѣ будетъ отведено мѣсто, которое считается неприкосновеннымъ. Въ случаѣ крайняго положенія русскія суда могутъ заходить и въ другіе порты. Претерпѣвшимъ крушеніе судамъ и лицамъ должна быть оказываема всякаго рода помощь въ обоихъ государствахъ; всѣ спасшіеся будутъ доставляемы въ открытые порты. Въ Симода и Хакодате Русскіе могутъ обмѣнивать свои товары. Въ одинъ изъ этихъ портовъ можетъ быть назначенъ русскій консулъ. Отпускъ товаровъ долженъ производиться въ назначенномъ для того казенномъ домѣ, при посредствѣ японскихъ чиновниковъ. Русскіе въ Японіи и Японцы въ Россіи судятся по законамъ своей страны. Наконецъ, всѣ права и преимущества, которыя Японія предоставила нынѣ или дастъ въ по-

оцѣнки другимъ нациямъ, распространяются и на русские подданныхъ безъ дальнѣйшихъ переговоровъ.

Последнее условіе дѣлаетъ изданнымъ соглашеніе между русскими трактатомъ и другими заключенными Японіей въ послѣдніе годы. Само по себѣ, если сравнить его съ европейскими трактатами, определяющими международныя сношенія Европы, оно, конечно, носитъ на себѣ печать въковой японской исключительности и недоверія къ иностранцамъ; но по отношенію къ Японіи оно составляетъ неспитательный успѣхъ, который долженъ принести плоды въ непродолжительномъ времени.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату 12-го апрѣля, вновь разрѣшенъ вывозъ за границу русской золотой монеты. Вывозъ былъ запрещенъ по случаю войны, указомъ 27-го февраля 1854 г.

16-го апрѣля открыта подписка на 150,000 акцій, предоставленныхъ для раздачи въ Россіи отъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Подписка идетъ съ такою быстротой, что едва ли назначенное число акцій будетъ достаточно. Участіе, оказанное публикой къ этому предпріятію, всего лучше доказываетъ его необходимость и несомнѣнную пользу, которой отъ него ожидаютъ. Подписывались какъ на тысячи акцій (по двѣ, по три, по четыре тысячи), такъ и на единичныя числа, то-есть брали по одной, по три, по четыре. При такой готовности со стороны публики, нѣтъ сомнѣнія, что устройство сообщеній не остановится на тѣхъ, которыя положено устроить въ настоящее время, и что рано или поздно Россія покроется цѣлою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, пересѣкающихъ ея огромное протяженіе. Нельзя не упомянуть при этомъ случаѣ, что за границей акціи общества были встрѣчены съ такою же довѣренностію. Обезпеченіе, предоставленное обществу нашимъ правительствомъ, и увѣренность въ настоятельную потребность правильныхъ сообщеній для нашей торговли, заставляютъ европейскіихъ капиталистовъ охотно брать акціи. Въ числѣ ихъ значительная часть пріобрѣтена въ Англии, гдѣ, несмотря на враждебныя возгласы Times и нѣкоторыхъ другихъ журналовъ, капиталисты не могутъ не видѣть въ акціяхъ общества превосходнаго помѣщенія для своихъ капиталовъ. Все это ручается за быстрый успѣхъ предпріятія. Съ такимъ же участіемъ были встрѣчены въ Европѣ и слухи о пониженіи русскаго тарифа.

Въ Англии выборы кончены, и парламентъ собрался 30-го апрѣля, для избранія своего президента. Секретаремъ лорда Пальмерстона разосланъ циркуляръ ко всѣмъ членамъ либеральной партіи,

поддерживающей министерство, съ предложеніемъ избрать въ президенты г. Эвелина Денисона. Оппозиція, какъ слышно, не намѣрена предлагать отъ себя кандидата. Первые засѣданія парламента будутъ посвящены повѣркѣ выборовъ и присягѣ новыхъ членовъ. По словамъ журнала Morning Post, палатѣ будетъ представлено тридцать пять просьбъ объ уничтоженіи выборовъ по причинѣ формальной несправильности, обмановъ и подкупа избирателей. Эти просьбы будутъ рассмотрѣны особенными комитетами и, вѣроятно, откроютъ много любопытнаго относительно нравственной стороны послѣднихъ выборовъ. Скажемъ по этому поводу о недавно возникшемъ процессѣ передъ лордомъ вице-канцлеромъ, процессѣ, въ основаніи котораго лежитъ довольно комическое обстоятельство, но который даетъ случай въ первый разъ примѣнить парламентскій актъ 1854 года о злоупотребленіяхъ вліянія на выборахъ (undue influence). Дѣло идетъ о жалобѣ, поданной однимъ булочникомъ въ графствѣ Деубей (Deubigh). Этотъ булочникъ былъ поставщикомъ хлѣба въ одну школу, находившуюся подъ начальствомъ г. Барнуелла. Г. Барнуелль хотѣлъ принудить булочника и его сына подать голосъ за своего кандидата и грозился, въ случаѣ отказа, отнять у нихъ свою практику. Угрозы не произвели никакого дѣйствія. Оба булочника поступили, какъ честные граждане, не продали своего голоса, и поставка хлѣба была отнята у нихъ. Теперь они подали жалобу на г. Барнуелла, и если послѣдній будетъ осужденъ, то, на основаніи парламентскаго акта, долженъ будетъ уплатить истцамъ 50 £. стерл. (310 руб. сер.). — Сколько бы, впрочемъ, ни было подобныхъ жалобъ, какія бы ни открылись интриги восторжествовавшей партіи, все-таки никакъ не слѣдуетъ думать, чтобъ вообще свобода выборовъ могла быть значительно стѣснена вліяніемъ правительства. Нарушенія ея составляютъ въ Англіи исключеніе и ничѣмъ другимъ не могутъ быть, при той гласности, которая въ ней царствуетъ, при привычкѣ къ конституціоннымъ нравамъ, наконецъ при свободномъ дѣйствіи партій. Торжество кабинета объясняется необходимостію минуты. Въ этомъ состоятъ и его крѣпкая и слабая стороны. Последняя уже начинаетъ обнаруживаться. Въ исходѣ китайскаго вопроса нѣтъ никакого сомнѣнія съ того самаго времени, какъ на выборахъ стало замѣтно преобладаніе сторонниковъ лорда Пальмерстона. Его партія чувствуетъ, что какъ скоро миръ съ Китаемъ будетъ заключенъ, кабинету нужно будетъ предложить парламенту мѣры, достойныя его дѣятельности. А между тѣмъ слабость министерской программы не могутъ отчасти не признать даже и друзья кабинета. Газета Times, въ одну изъ тѣхъ минутъ откровенности, которыя бываютъ у этого журнала, недавно сама намекала на это. Мы говорили о статьѣ ея въ предыдущемъ Обзорѣ. Теперь когда время борьбы уже наступаетъ, Times перемѣнила свой тонъ и снова начинаетъ, во что бы то ни стало,

отставать политику первого министра. Защита произнесена ею по поводу недавней рѣчи лорда Джона Россела. Жители Саутмултона (Southampton) поднесли недавно адресъ лорду Джону Росселю, и въ отвѣтъ своемъ послѣдній сдѣлалъ краткій очеркъ тѣхъ мѣръ, которыя предстоятъ парламенту. Онъ говорилъ о муниципальной и парламентской реформахъ, объ эманципации католиковъ. Все это, какъ извѣстно, вопросы первой важности для Англии; но это нисколько не помѣшало министерскому журналу объявить, будто бы никто, кромѣ небольшого кружка людей, не занимается этими вопросами, будто бы нужно не менѣе тридцати лѣтъ для ихъ разрѣшенія, и противопоставить этимъ вопросамъ обыкновенныя законодательныя и торговыя улучшенія. Этотъ маневръ доказывалъ бы самъ по себѣ нежеланіе кабинета серьезно заняться дѣломъ внутреннихъ преобразованій, еслибы даже мы и не имѣли никакихъ другихъ свѣдѣній. Но одинъ изъ министерскихъ журналовъ подробно сообщаетъ программу кабинета. Эта программа въ самомъ дѣлѣ поражаетъ отсутствіемъ общаго плана и тою робостію, съ которою кабинетъ дѣлаетъ уступки требованіямъ общества. Всѣ наиболѣе важныя вопросы обставлены оговорками. Такъ, признавая необходимость распространить право подачи голоса, лордъ Пальмерстонъ заботится о томъ, чтобъ не ослабить вліянія собственности, общественнаго значенія и воспитанія. Другими словами, онъ намѣренъ распространять это право какъ можно менѣе. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ программы есть противорѣчіе, доказывающее, что, какъ всегда, политика первого министра не представляетъ собою никакого извѣстнаго убѣжденія. Лордъ Пальмерстонъ намѣренъ представить парламенту о допущеніи Евреевъ въ нижнюю палату, на сколько эта мѣра не подвергнетъ опасности христіанства, но не упоминаетъ ни о какихъ мѣрахъ въ пользу католиковъ. Напротивъ, въ программѣ, сообщенной Morning Post, есть даже на этотъ счетъ довольно странная фраза. Цѣлью стремленій кабинета поставлено, между прочимъ, «обезсиленіе опасныхъ заблужденій, въ родѣ папизма, безъ нарушенія свободы совѣсти». Замѣтимъ однако, что въ подобныхъ выраженіяхъ высказывается и та крайняя національность дѣятельности лорда Пальмерстона, которая уже не разъ привлекала къ нему общественное сочувствіе. Нерасположеніе къ католикамъ довольно понятно въ Англии. Съ протестантизмомъ связаны лучшія явленія ея государственной жизни, и потому боязнь допустить полноправіе другихъ исповѣданій естественна въ направленіи нѣкоторыхъ изъ ея политическихъ дѣателей. Остальные пункты программы посвящены второстепеннымъ вопросамъ. Изъ нихъ главнѣйшіе: распространеніе правъ народнаго представительства, законы о бѣдныхъ, о воровствѣ, мѣры въ пользу торговой, мануфактурной и земледѣльческой промышленности. Самый важный вопросъ, который займетъ новая палата, есть законъ о разводѣ. До

снихъ поръ искъ о разводѣ былъ гражданскій. Онъ не одинокъ разъ давалъ поводъ къ соблазну. Проектъ новаго закона, составленный лордами Линдгорстомъ и Сентъ-Леонардсомъ, занимаетъ его уголовнымъ искомъ. Другое измѣненіе будетъ, вѣроятно, заключаться въ отбѣгъ прежней, медленной формальности. До сихъ поръ для каждаго отдѣльнаго случая развода необходимо былъ парламентскій актъ. По извѣстіямъ сообщаемымъ другими журналами, парламенту будутъ еще предложены законы о осыскѣ и о судопроизводствѣ по завѣщаніямъ.

Между тѣмъ какъ министерство опасается не сладить съ своею побѣдой, уже началось внѣ-парламентское движеніе оппозиціи, вступившее, какъ мы видѣли, опасенія друзьямъ кабинета. Вечеромъ 20-го апрѣля въ Лондонѣ происходилъ митингъ работниковъ, на которомъ присутствовало до 2000 человекъ. Митингъ былъ собранъ съ цѣлю выразить сочувствіе гг. Кобдену, Брайту, Гибсону, Миллю и Фоксу. Въ адресъ, который при этомъ былъ составленъ, сказано, что митингъ съ прискорбіемъ видитъ исключеніе изъ парламента этихъ представителей въ то самое время, когда они такъ неуклонно стремились къ спасительнымъ общественнымъ реформамъ, стараясь подвинуть дѣло воспитанія, замѣнить войну международнымъ судомъ, уничтожить тайную дипломатію и распространить свободу торговли.

Въ концѣ апрѣля обнародованы статистическія свѣдѣнія о состояніи Соединеннаго Королевства съ 1842 по 1856 годъ. Населеніе Великобританіи увеличивается съ неувѣрною быстротой, и въ этомъ отношеніи представляетъ разительную противоположность съ населеніемъ Франціи. Въ 1842 году все населеніе Англіи и Валлійскаго княжества не превышало 16,124,000 душъ; въ 1856 г. оно достигло до 19,044,000, то-есть увеличилось почти на три милліона. Средняя цифра годоваго увеличенія составляетъ слишкомъ 200,000. Въ настоящее время все населеніе Соединеннаго Королевства простирается до 29 милліоновъ жителей. Такое быстрое умноженіе тѣмъ поразительнѣе, что число переселенцевъ изъ Англіи очень значительно. Въ послѣднія десять лѣтъ, изъ нея выселилось 2,800,000 душъ, по преимуществу въ Австралію. Ежегодно туда переселялось среднимъ числомъ отъ 40 до 50 тысячъ. Газета Times приводитъ эти факты съ понятною гордостію, но въ то же время указываетъ и на невыгодныя стороны. Есть въ самомъ дѣлѣ свои невыгоды, въ основномъ положеніи Англіи, которому, безъ сомнѣнія, она многимъ обязана въ развитіи государства. Оно дало ей возможность не бояться сосѣдей въ эпоху политической борьбы, положившей основаніе современному порядку; оно, сообщило ей силу и единство; но оно же служитъ источникомъ ея постоянной общественной язвы. Этому сильному, безпрестанно умножающемуся населенію, не достаетъ почвы для дѣятельности. Огромное пространство, находящееся въ распоряженіи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, конечно, не мало

содѣйствовало ихъ могучеству. Могучее англосаксонское племя не встрѣчало такъ матеріальныхъ преградъ своей дѣятельности. Не таково его положеніе въ его старинной родинѣ. Здѣсь недостатокъ земли есть одна изъ грустныхъ причинъ пауперизма, а переселеніе затруднительно и не всегда возможно. Times разказываетъ трогательную исторію двухъ тысячъ работниковъ, отпущенныхъ по случаю прекращенія войны съ Россіей. Эти работники были отпущены не по своей винѣ, а просто оттого, что не нужно было прежней, усиленной работы. Бѣдняки просили, чтобы имъ дали средства переселиться въ Канаду. Правительство сначала объявило имъ, что готово имъ помочь въ переселеніи, если и съ своей стороны они что-нибудь сдѣлаютъ для этой цѣли. Работники начали хлопотать и дѣйствительно кое-что собрали: товарищи уступили имъ—каждый по цѣлую дюю своей заработной платы. Все было готово, когда вдругъ имъ было объявлено, что такъ какъ до сихъ поръ не было подобнаго прецѣдента, то помощь не можетъ быть имъ оказана. Фактъ грустный, но нельзя не замѣтить при этомъ, что онъ сообщенъ министерскимъ журналомъ, безъ всякаго опасенія съ его стороны бросить тѣнь злѣйшаго разказомъ на кабинетъ. Таковы услуги, которыя гласность не перестаетъ оказывать Англій, странѣ, всего болѣе ее оцѣнившей и умѣющей съ такимъ благоразуміемъ пользоваться гражданскою свободою. Впрочемъ, Times указываетъ не на всѣ причины того положенія, въ которомъ находится теперь нисшее населеніе Англій. Между ними столь же важное мѣсто занимаетъ устройство поземельной собственности, связанное со всѣмъ государственнымъ бытомъ.

Но если увеличеніе населенія можетъ дать поводъ къ разнообразнымъ соображеніямъ, то въ статистическихъ свѣдѣніяхъ есть другой фактъ, безспорно свидѣтельствующій о благосостояніи Англій. Мы говоримъ о состояніи англійской торговли. Вывозъ товаровъ постоянно и быстро увеличивается. Въ 1842 г. цѣнность вывоза опредѣлили въ 47,284,988 ф. стерл.; въ 1856 году—въ 116 милл. ф. стерл., то-есть почти въ два съ половиною раза болѣе. Самое число бѣдныхъ, получающихъ вспоможеніе отъ общества, не переставало уменьшаться, несмотря на увеличеніе населенія. Даже въ Ирландіи, этой классической странѣ нищеты, число бѣдныхъ, получающихъ помощь, уменьшилось съ 307,970 на 50,094 человѣка. Разумѣется эмиграція, какъ ни мало еще ей содѣйствуетъ правительство, не осталась безъ вліянія на это. Въ Англій лучшая часть общественнаго дѣла исполняется частною дѣятельностію, и въ этомъ нельзя не удивляться народной энергіи.

Во Франціи послѣднія двѣ недѣли почти исключительно были наполнены дипломатическими извѣстіями. Внутренніе вопросы болѣе чѣмъ когда-либо находились на второмъ планѣ. Только въ послѣднихъ числахъ мѣсяца журналы сообщили нѣсколько любопытныхъ из-

вѣстій въ этомъ отношеніи. Между ними есть довольно важныя. Законодательное собраніе вскорѣ приступитъ къ разсмотрѣнію проекта новаго устава военнаго судопроизводства. Уже болѣе пятидесяти лѣтъ эта часть французскаго законодательства требуетъ исправленія, въ интересахъ справедливости и человеколюбія. Попытки сдѣлать необходимыя измѣненія не удавались однако ни одному изъ прежнихъ правленій. Можно бы и за новый проектъ опасаться такой же участи, еслибъ, по счастью, законодательная работа не была уже значительно подвинута. Вѣроятно въ настоящее свое засѣданіе, законодательное собраніе окончитъ свой трудъ. Мы не станемъ излагать новаго устава во всѣхъ его подробностяхъ, нелюбопытныхъ для русскихъ читателей, и скажемъ только о его главныхъ основаніяхъ. Они заключаются въ слѣдующемъ: число военныхъ судовъ уменьшено; ихъ до послѣдняго времени было по два въ каждомъ военномъ округѣ (*division militaire*) или въ каждой армейской дивизіи. Въ 1852 году число высшихъ, апелляціонныхъ судовъ ограничено двѣнадцатью во всей Франціи, такъ что въ нѣкоторыхъ округахъ теперь одинъ судъ. Новый проектъ предоставляетъ правительству уменьшить еще болѣе число апелляціонныхъ судовъ. Внутренній составъ судовъ тоже измѣненъ. До сихъ поръ они состояли изъ семи судей изъ высшихъ чиновъ арміи, начиная съ полковника до капитана. Изъ низшихъ чиновъ было только три члена, и между ними только одинъ унтеръ-офицеръ. Апелляціонныя суды находились подъ предсѣдательствомъ генераловъ и не имѣли членовъ ниже капитанскаго чина. Въ проектѣ новаго устава предполагается при судѣ надъ офицерами замѣнять двухъ постоянныхъ членовъ суда офицерами одного чина съ подсудимымъ. Но для солдатъ и унтеръ-офицеровъ это правило не соблюдается. Относительно ихъ сохранено даже прежнее правило, по которому нижніе чины, находящіеся между членами суда, устраняются при сужденіи высшихъ чиновъ. Самое важное нововведеніе проекта состоитъ въ установленіи различія между дѣйствіями военныхъ судовъ во время мира, войны и осаднаго положенія. Сообразно съ этими обстоятельствами они получаютъ болѣе или менѣе обширное дѣйствіе. Вспомнивъ, какую роль еще недавно играли военные суды во Франціи, нельзя не считать новаго устава очень важнымъ. Остается только знать, будетъ ли онъ всегда примѣняться во всѣхъ своихъ частяхъ.

Отъ послѣднихъ засѣданій законодательнаго собранія надобно ожидать нѣкотораго интереса. До сихъ поръ оно ничего не сдѣлало. Новый уставъ французскаго банка еще не разсмотрѣнъ. Вопросъ о новомъ налогѣ на движимыя цѣнности, о которомъ мы говорили въ одномъ изъ предыдущихъ обзорѣнъ, былъ недавно обсужденъ комиссіей, назначенною законодательнымъ собраніемъ. Комиссія отвергла проектъ правительства и предлагаетъ замѣнить его пошлиной при переходѣ промышленныхъ акцій. Эту пошлину она считаетъ

нужнымъ сдѣлать постоянною, то—есть основанною на величинѣ капитала, которую представляетъ акція, а не на биржевой ея цѣнности. Это измѣненіе проекта передано въ государственный совѣтъ. Если послѣдній не будетъ на него согласенъ, то коммиссія будетъ вынуждена отказаться отъ своего мнѣнія, потому что безъ предварительнаго согласія совѣта проектъ, по закону, не можетъ быть подвергнутъ обсужденію законодательнаго собранія. Нѣтъ сомнѣнія однако, что члены коммиссіи будутъ горячо защищать свой проектъ. Въ собраніи тоже надобно ожидать оживленныхъ преній: многіе изъ депутатовъ вовсе не допускаютъ этого налога ни въ какой формѣ.

Правительство обнародовало статистическія свѣдѣнія о состояніи торговли за мартъ. Изъ нихъ видно, что промышленное движеніе было очень слабо въ этомъ мѣсяцѣ, но такъ какъ это почти всегда бываетъ передъ приближеніемъ лѣта, то было бы не вѣрно основывать на этомъ фактѣ какія-нибудь заключенія.

Между тѣмъ какъ, въ противоположность Англій, общественные вопросы, при современномъ положеніи дѣлъ, не возбуждаютъ во Франціи прямой и главной борьбы, они не проходятъ однако даромъ для мыслящей части общества и, за отсутствіемъ практическаго въ нихъ участія, возбуждаютъ интересъ другаго рода. Въ послѣднее время почти не было такого вопроса, который бы не подавалъ повода журналистикѣ къ обсужденію началъ, лежащихъ въ основѣ политическаго быта Франціи. Перечислять всѣ мнѣнія, высказанныя въ этомъ случаѣ, было бы излишнимъ. Они высказывались въ полемикѣ, которая отчасти продолжается до сихъ поръ, и не представляютъ ничего совершенно цѣльнаго, но самое появленіе такихъ соображеній есть, по нашему мнѣнію, замѣчательный фактъ, свидѣтельствующій о важномъ прогрессѣ въ общественномъ сознаніи. Къ числу такихъ статей надобно отнести полемику, начатую Times, по случаю замѣченнаго во Франціи уменьшенія населенія. Англійскій журналъ ищетъ разгадки такому странному факту въ государственной исторіи Франціи и сравниваетъ по этому поводу судьбу ея съ судьбою Англій. Онъ справедливо замѣчаетъ, до какой степени различно эти страны перенесли почти одинаковый переворотъ въ своемъ народномъ развитіи. Перчатка, брошенная органомъ лорда Пальмерстона, была поднята французскими журналами, особенно Journal des Débats. Сознаваясь въ невыгодныхъ сторонахъ современнаго общественнаго положенія, они защищаютъ всемірное значеніе своей исторіи и указываютъ на добрыя послѣдствія тѣхъ самыхъ явленій народной жизни, которые въ другихъ отношеніяхъ создали для Франціи и нѣкоторыя затрудненія. Нельзя безъ особеннаго участія слѣдить за этою полемикой, гдѣ поставленъ вопросъ о государственной судьбѣ цѣлаго народа. Самое хладнокровіе, съ которымъ онъ обсуждается, всего лучше доказываетъ, что пора размышленія не пройдетъ даромъ для французскаго

общества. Другой вопросъ, бывший предметомъ жаркихъ споровъ, возникъ по поводу одного процесса въ Сѣверной Америкѣ, при которомъ адвокаты открыто позволили себѣ незаконныя дѣйствія. Правительственные органы Франціи сравнивали при этомъ французское судопроизводство съ англійскимъ, отдавая преимущество первому. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ подобныя сравненія не возбуждали бы никакихъ возраженій, потому что превосходство французскихъ судебныхъ учреждений въ самомъ дѣлѣ не подвержено никакому сомнѣнію. Но теперь общество гадитъ на вопросъ глубже, и потому, соглашаясь въ большемъ совершенствѣ французскаго судопроизводства, многіе изъ журналовъ старались однако указать на ту гарантию, которая заключается въ совершенно независимомъ положеніи магистратуры и въ неврикосновенности лица, которую освящаютъ англійскими законами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что отсутствие произвола можетъ быть соединено съ полнымъ обезпеченіемъ личной свободы, и Франція въ этомъ отношеніи могла бы отчасти указать на исторію собственныхъ судебныхъ учреждений; но въ этой постановкѣ вопроса уже высказывается болѣе ясное пониманіе гражданской свободы, и потому самыя рѣзкія осужденія, пронасенныя надъ собственнымъ бытомъ, свидѣлствуютъ, какъ мы уже сказали, о важномъ успѣхѣ общественнаго сознанія.

Въ Испаніи выборы окончены и палаты соберутся 1 мая. Перемены въ составѣ сената, о которыхъ говорили прежде, не были сдѣланы. Сенатъ остался въ прежнемъ составѣ, только потерялъ многихъ изъ своихъ членовъ, которые не были замѣнены новыми. Хотя сенатъ въ настоящее время есть главное поприще оппозиціи, но правительство, очевидно, ея не боится и не заботится о приобрѣтеніи большинства посредствомъ назначенія новыхъ членовъ. Въ нижней палатѣ министерство располагаетъ огромнымъ большинствомъ. Палата почти исключительно составлена изъ членовъ умѣренной партіи. Остальныя едва имѣютъ нѣсколько представителей. Не успѣхъ на выборахъ оппозиціи едва ли еще не болѣе поразителенъ, чѣмъ въ Англіи. Тамъ это явленіе легко объясняется, но здѣсь многіе были удивлены такимъ торжествомъ кабинета. За то министерство было до такой степени увѣрено въ своей побѣдѣ, что какъ ни мало въ Испаніи правительство питаетъ отвращенія къ насильственнымъ мѣрамъ, но въ этотъ разъ выборы происходили съ чрезвычайною свободой, на которую даже жаловались журналы господствующей партіи. Избирательные комитеты вездѣ открывались свободно, даже и въ Мадридѣ; всѣ кандидаты оппозиціи, безъ всякаго разрѣшенія со стороны администраціи, могли свободно печатать свои манифесты; осадное положеніе вездѣ было уничтожено. Несмотря на все это, партія прогрессивистовъ была совершенно поражена, равно какъ и партія абсолютистовъ. Маршалъ Эспартеро, отказавшійся для депутатства отъ

сенаторского звания, не был избранъ, и притомъ въ той самой Сарагосѣ, которую всегда почитали лично ему преданною. Такой же участи подверглись гг. Олоста и Мадозъ. Изъ членовъ прогрессистской партіи были выбраны только генералъ Принъ и гг. Брюль и Санта-Крузъ, бывшіе оба довольно незначительными министрами финансовъ въ кабинетѣ Эскартэро. Такой составъ палаты, давалъ возможность правительству дѣйствовать энергически, въ то же время представлять и нѣкоторыя невыгоды. Побѣжденныя партіи не исчезли и могутъ дѣйствовать внѣ законныхъ средствъ. Подобнымъ опасеніямъ тѣмъ болѣе естественны, что отчасти они были уже оправданы однимъ недавнимъ событіемъ. Партія прогрессистовъ, повидимому, мирно покорялась народному приговору, но не такъ дѣйствуетъ партія абсолютистовъ. Едва окончились выборы, какъ въ Мадридѣ и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ былъ открытъ заговоръ карлистовъ, и вслѣдствіе этого произведены аресты. Между арестованными лицами есть военные и много членовъ духовенства, которое, кажется, было главнымъ двигателемъ этого покушенія. Заговоръ былъ открытъ случайно однимъ чиновникомъ. Днемъ, назначеннымъ для восстанія, былъ праздникъ Пасхи. Заговорщики предполагали въ одно и то же время подвѣять знамя бунта въ семи провинціяхъ. Вслѣдъ за этимъ происшествіемъ произошли беспорядки въ Каталоніи, доказывающіе, какъ далеко простиралось вліяніе карлистовъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ этихъ провинцій были незначительныя возмущенія, при крикахъ: «да здравствуетъ Карлъ VI», но мѣстные власти скоро водворили порядокъ. Этими попытками, впрочемъ, все и ограничилось. Министерство, какъ слышно, намѣрено предложить палатѣ цѣлый рядъ преобразованій.

Въ Швеции пренія сейма по преимуществу заняты важнымъ вопросомъ о свободѣ совѣсти. Духовенство требуетъ восстановленія пришедшихъ въ упадокъ законовъ о соблюденіи воскресныхъ дней. Среднее сословіе требуетъ, напротивъ, пересмотра этихъ законовъ, въ духѣ большей вѣротерпимости. Конституціонный комитетъ сейма предлагаетъ, съ своей стороны, важное измѣненіе въ дѣйствующихъ государственныхъ законахъ. Онъ требуетъ, чтобы король, передъ началомъ переговоровъ, или при заключеніи трактатовъ, испрашивалъ согласія сейма. Другой законъ, предложенный комитетомъ сейму, состоитъ въ запрещеніи государю Швеціи принимать какую-либо корону безъ согласія сейма.

Въ Пруссіи пренія нижней палаты, возобновившіяся послѣ святой недѣли, 16-го апрѣля, представляютъ живѣйшій интересъ, какъ по своему содержанию, такъ и по самому направленію ораторовъ, принимавшихъ въ нихъ участіе. Самое важное мѣсто между этими преніями принадлежитъ тѣмъ изъ нихъ, которые были посвящены

обсужденію предложенія, сдѣланнаго г. Матисомъ. Это предложеніе имѣетъ цѣлю изданіе новаго закона о свободѣ тисненія, для обезпеченія ея отъ незаконнаго вмѣшательства полицейской власти. Извѣстно, что на основаніи прусской конституціи и закона 12-го марта 1848 года, всѣ нарушенія закона со стороны литературы (Pressvergehen, délits de presse) подлежатъ одному судебному преслѣдованію. Этимъ, казалось бы, свобода тисненія достаточно обезпечена; но въ законѣ помѣщена оговорка, уничтожающая отчасти его дѣйствіе: полицейской власти предоставлено отнимать у издателей и книгопродавцевъ право изданія и продажу книгъ за предосудительное направленіе. Въ настоящее время полицейская власть нерѣдко пользуется этимъ правомъ, и хотя издатели могутъ жаловаться на распоряженія полиціи высшему началу, и даже переносить дѣло въ судебныя мѣста; но при неизбѣжной медленности подобной процедуры свобода тисненія находится подъ сильнымъ вліяніемъ исполнительной власти. Пренія объ этомъ вопросѣ были очень оживлены и касались какъ цѣлаго предложенія, такъ и нѣкоторыхъ отдѣльных частей. Въ нихъ принимали участіе лучшіе ораторы палаты: самъ составитель предложенія, г. Рейхеншпергеръ, графъ Пфейль и другіе. Особенно замѣчательна рѣчь г. Матиса. Г. Матисъ особенно опирался на совершенную бесполезность стѣснительныхъ мѣръ для сохраненія государственнаго спокойствія. Вмѣсто того, чтобы въ самомъ дѣлѣ противодѣйствовать опаснымъ идеямъ, онѣ только помогаютъ имъ созрѣвать втайнѣ, и рано или поздно неожиданно совершается катастрофа, которой бы безъ того не было. Противъ литературы, говорилъ г. Матисъ, есть одно только средство — литература. Скажутъ, что это средство медленное, но за то, оно одно дѣйствительно. Въ доказательство ораторъ приводитъ исторію Франціи, гдѣ никогда не было такого сильнаго броженія внутри, какъ въ то время, когда власть не допускала свободнаго выраженія убѣжденій. Сама Пруссія представляетъ счастливый примѣръ того важнаго содѣйствія, которое литература можетъ доставить порядку. Въ 1848 г. она одна спасла государство отъ анархіи и была лучшею защитой престола. Наконецъ судебное преслѣдованіе развѣ не даетъ всѣ средства противодѣйствовать злу? Если возразятъ на это, что на правительствѣ лежитъ обязанность заботиться о безопасности общества, то признавая справедливость этого замѣчанія, нельзя не замѣтить, что эту обязанность не слѣдуетъ распространять за ея естественныя предѣлы. Если проводить подобное правило до крайнихъ его послѣдствій, то правительство будетъ обременено множествомъ самыхъ разнообразныхъ занятій, которыя оттого самаго не будутъ никогда удовлетворительно исполняться. Сверхъ того, изъ этого можетъ возникнуть и другая опасность: при подобной опорѣ государства общество отвыкнетъ отъ самостоятельности, которая есть, однако, лучшая га-

рантія порядка, ибо частные интересы составляютъ самую твердую его опору. Во французскую революцію, падавшая монархія только тамъ и нашла себѣ защитниковъ, гдѣ частная дѣятельность не была еще совсѣмъ убита. Напротивъ, въ тѣхъ провинціяхъ, которыя были задавлены властію, которыхъ центромъ сдѣлалась Бастилія, разрушительныя идеи нашли себѣ наиболѣе пищи.—Краснорѣчивая рѣчь г. Матиса была встрѣчена сильнымъ сочувствіемъ. Многие однако сомнѣваются, чтобы предложеніе его было принято, потому что въ палатѣ довольно много чиновниковъ.—Другими предметами преній были желѣзныя дороги, которыя слѣдуетъ устроить, по договору съ Россіей, для приведенія въ одну систему съ нашими, и законъ объ иностранныхъ банкнотахъ и векселяхъ. Прусское правительство намѣрено запретить обращеніе тѣхъ изъ нихъ, которыхъ дѣйствительность и цѣнность не будутъ обезпечены.

Въ Турціи финансовыя вопросы все болѣе и болѣе запутываются. Турецкому банку, которому многіе въ Европѣ предсказывали такую великолѣпную будущность, не суждено, кажется, даже быть открытымъ. На англійскихъ капиталистовъ, взявшихся за это предпріятіе, едва ли можно рассчитывать, судя по послѣднимъ извѣстіямъ. Турецкій посланникъ въ Лондонѣ, г. Муссурустъ, полагаетъ, что на Уилькинса нечего надѣяться. Правительство отправило въ Лондонъ г. А. Бальтаци съ новыми предложеніями, но едва ли необходимые капиталы будутъ найдены имъ для поддержки предпріятія, хотя офиціальный константинопольскій журналъ и ждетъ благопріятныхъ извѣстій. Все это не могло не отозваться на денежномъ рынкѣ. Желѣзныя дороги тоже не удаются. Извѣстно, что г. Лейярдъ взялъ на себя постройку желѣзной дороги отъ Рущука до Эноса, къ Саросскому заливу, безъ всякаго обезпеченія процентовъ со стороны правительства. Г. Лейярдъ намѣренъ былъ учредить компанію, и съ этою цѣлію просилъ у Порты отсрочки на три мѣсяца, потомъ еще на мѣсяць, чтобы имѣть время найти необходимые капиталы. Срокъ окончился 23-го числа этого мѣсяца. Г. Лейярдъ долженъ былъ просить еще девятимѣсячной отсрочки. Порта согласилась, но потребовала обезпеченія во сто тысячъ ф. стерл. Г. Лейярдъ обязался его представить. Увѣряютъ, что эта мѣра была внушена Портѣ соперничествомъ другихъ капиталистовъ, утѣшающихся въ неудачѣ банка такою же неудачей желѣзной дороги. Правительство однако не теряетъ своихъ надеждъ и недавно уступило еще нѣсколько линий.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ продолжается борьба между республиканцами и демократами. Недавняя побѣда послѣднихъ не отняла надеждъ у первыхъ. Напротивъ, рѣшеніе верховнаго союзаго суда сдѣлалось, какъ мы уже говорили въ предыдущемъ обзорѣ, сигналомъ новой борьбы, которой исходъ будетъ, вѣроятно, сопряженъ со многими важными послѣдствіями. Національное собра-

ніе Нью-Йоркскаго штата назначило особый комитетъ для обсужденія практическаго значенія приговора союзнаго суда, по дѣлу Дреда Скотта. Комитетъ, въ своемъ донесеніи, рѣшительно отвергаетъ законность этого приговора и предлагаетъ собранію такое постановленіе, котораго послѣдствія будутъ чрезвычайно важны. Это постановленіе состоитъ въ трехъ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Нью-Йоркъ не допускаетъ невольничества въ своихъ предѣлахъ ни въ какой формѣ и ни подъ какии предлогомъ. 2) Верховный судъ Союза, составленный по преимуществу изъ членовъ одной партіи, лишается довѣрія штата. 3) Правительство штата обязано сообщить это постановленіе другимъ штатамъ. Если народное собраніе приметъ это заключеніе, то оно будетъ почти равнозначительно отторженію отъ Союза. Такимъ образомъ неблагоразумныя дѣйствія демократической партіи обратятся противъ нея же, ибо очень вѣроятно, что и другіе штаты послѣдуютъ примѣру Нью-Йорка.

Извѣстія о положеніи Вакера въ Никарагуѣ исполнены противорѣчій. Почти каждая почта привозитъ слухъ, противорѣчащій прежнимъ. Послѣднія извѣстія говорятъ объ успѣхахъ Вакера.

С М Ъ С Ъ

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ

М. Г. Позвольте обратиться къ вамъ съ просьбою, которую, надѣюсь, вы не затруднитесь исполнить. Въ № 3 «Молвы» я прочиталъ странное, крайне удивившее меня требованіе г. профессора Крылова, чтобы я принялъ на себя отвѣтственность за помѣщеніе въ «Русскомъ Вѣстникѣ» *Изобличительныхъ писемъ* г. Байбороды. Близость моя къ редакціи «Русскаго Вѣстника», извѣстная публикѣ изъ программы вашего журнала, не давала г. Крылову ни малѣйшаго права на такое требованіе, и я покорно прошу васъ дать мнѣ возможность протестовать публично противъ такого поступка. Еще неприличнѣе, мнѣ кажется намеки г. Крылова, смѣшивающіеся съ тѣмъ требованіемъ, хотя въ сущности ему противорѣчащія, будто

бы за именемъ г. Байбороды скрываюсь я. Вы, м. г., очень хорошо знаете, что не я авторъ «Изобличительныхъ Писемъ». Вы можете подтвердить передъ публикой эти слова мои уже однимъ напечатаніемъ настоящаго письма, и нѣтъ сомнѣнія, что этого удостовѣренія будетъ достаточно. Я не считаю впрочемъ нужнымъ скрывать ни отъ г. Крылова, ни отъ публики, что если бы г. Байборода не помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» своихъ писемъ, я можетъ-быть попросилъ бы у г. Крылова публичнаго объясненія тѣхъ матеріальныхъ ошибокъ, которыми всякій, получившій надлежащее образованіе, не могъ не быть пораженъ въ статьѣ г. Крылова, помѣщенной въ № 1 «Русской Бесѣды» 1857 года. Г. Байборода снялъ съ меня эту плачевную обязанность. Но близость моя къ редакціи «Русскаго Вѣстника» и черезъ нее къ общественному дѣлу литературы не позволила бы мнѣ долго хранить молчаніе о такомъ непонятномъ явленіи, какъ «критическія замѣчанія» г. Крылова на диссертацию г. Чичерина. Никакой существенный интересъ не можетъ страдать отъ полнаго приложенія законовъ общественной гласности.

Итакъ, сознаюсь откровенно: еслибы г. Байборода не предупредилъ меня, то можетъ-быть я представилъ бы вамъ свои замѣтки. Но мнѣ не привелось этого сдѣлать, и г. Крылову было бы очень можно и даже должно оставить меня въ покоѣ и воздержаться отъ непозволительныхъ и несмысленныхъ въ литературѣ воззваній. Считаю недостойнымъ останавливаться на выраженіяхъ г. Крылова, которыя, по его мнѣнію, могутъ унижить меня или даже предать анаемѣ за идолопоклонство. Но не могу не пожалѣть, что г. Крыловъ былъ, повидимому, слишкомъ взволнованъ, когда писалъ № 2-й своихъ «Юридическихъ Замѣтокъ». При всей готовности принять его вызовъ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ онъ сдѣланъ, я не нахожу въ «Юридическихъ Замѣткахъ» указанія на то, чего г. Крылову угодно отъ меня требовать. Того ли, чтобы я заставилъ замолчать г. Байбороду? Но какими мѣрами? Предупредительныя, *превентивныя*, мѣры не въ моей власти, да и прибѣгать къ нимъ было бы не либерально. А право *наказанія* исключительно и нераздѣльно принадлежитъ г. Крылову. Защищать мнѣ его и возражать г. Байбородѣ?—но это дѣло самого г. Крылова. Мнѣ не остается ничего болѣе, какъ только высказаться по предмету этого спора.

Роль судьбы всегда непріятна, но я готовъ принять ее на себя, чтобы исполнить требованіе г. Крылова.

На вопросъ: правъ ли, или нѣтъ г. Крыловъ въ своихъ возраженіяхъ противъ г. Байбороды? я принужденъ отвѣчать: нѣтъ, г. Крыловъ неправъ.

Больше я ничего не скажу уже на томъ основаніи, что г. Крыловъ обращается ко мнѣ, какъ къ профессору латинской словесности и древностей въ Московскомъ университетѣ.

Приличіе не позволяетъ мнѣ приводить доказательства словъ моихъ. Въ каждой наукѣ есть пункты, допускающіе различіе мнѣній, и есть пункты несомнѣнные, о которыхъ никому не позволительно спорить. Подобныя элементарныя вещи, составляющія азбуку науки, не могутъ быть предметомъ публичнаго пренія между двумя профессорами.

Прошу васъ напечатать это письмо, и принять и пр.

П. ЛЕОНТЬЕВЪ.

ОБЪЯСНЕНІЕ ОТЪ РЕДАКТОРА.

Въ послѣднемъ № «Молвы» напечатана статья г. Крылова, подъ заглавіемъ: «Юридическій отвѣтъ редакціи Русскаго Вѣстника.»

Г. Крыловъ объявляетъ, что не хочетъ имѣть дѣла съ неизвѣстнымъ ему лицомъ. «Нуженъ мнѣ живой человѣкъ», восклицаетъ онъ, и направляетъ недостойныя выходки противъ П. М. Леонтьева. Это странное обращеніе къ г. Леонтьеву, когда отвѣтъ адресованъ въ «Редакцію Русскаго Вѣстника», вызываетъ меня на личное объясненіе.

Имѣю честь объявить г. Крылову, что редакція «Русскаго Вѣстника» сосредоточена въ одною лицѣ, и единственный редакторъ этого журнала есть нижеподписавшійся, который и несетъ на себѣ безраздѣльно всю отвѣтственность какъ передъ правительствомъ, такъ и передъ публикой. Я имѣю друзей, которые помогаютъ мнѣ въ моемъ трудѣ дѣломъ и совѣтомъ; «Русскій Вѣстникъ» имѣетъ много сотрудниковъ, которые находятся въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ редакціи; но всякій, кому представляется надобность до редакціи для личнаго объясненія, долженъ обращаться не къ кому-либо другому, а непосредственно ко мнѣ.

Свойство и степень участія, принимаемаго моими товарищами въ редакціи «Русскаго Вѣстника», неизвѣстны г. Крылову, а потому не слѣдовало ему приписывать г. Леонтьеву *ревизію*, какъ онъ выражается, статьи, подъ заглавіемъ: «Изобличительныя Письма». Если г. Крыловъ предполагаетъ, что статья эта должна была подвергнуться предварительному разсмотрѣнію со стороны г. Леонтьева, какъ спеціалиста, то предположеніе это не совсѣмъ основательно. Повѣрка замѣчаній, составляющихъ содержаніе «Изобличительныхъ Писемъ», вовсе не требуетъ спеціальныхъ познаній. Въ нихъ идетъ рѣчь о предметахъ болѣею частью элементарныхъ, которые должны быть болѣе

или менѣе извѣстны всякому человѣку, не лишенному общаго образованія.

Если бы въ редакцію представлено было указаніе на двѣ, на три подобныя ошибки, она сочла бы эти ошибки за случайность, не заслуживающую вниманія, и не приняла бы статьи; но когда на десяти или двѣнадцати страницахъ оказался не одинъ десятокъ подобныхъ ошибокъ, то она сочла своимъ долгомъ заявить это передъ публикой. Не въ «Русскомъ Вѣстникѣ», такъ въ другомъ русскомъ журналѣ должны были появиться указанія на ошибки, наполняющія статью, писанную тономъ авторитета и глубокаго знанія. Молчаніе въ подобномъ случаѣ было бы знакомъ согласія, и не послужило бы къ чести русской литературы. Надобно было прервать это молчаніе, надобно было, такъ сказать, порѣшить дѣло домашнимъ судомъ, чтобы не произошло огласки на весь міръ. Теперь, когда съ разныхъ сторонъ обращено живое вниманіе на наше отечество, когда въ иностранныхъ журналахъ появляются извѣстія и цѣлыя статьи о явленіяхъ нашей литературы, рѣчь объ этомъ странномъ явленіи легко могла бы зайти за границу, и европейскіе ученые, мнѣнія которыхъ нельзя же совершенно ни во что не ставить, имѣли бы тогда полное право перенести вину на всю нашу литературу, на все наше общество. Мы всѣ, правые и виноватые, пишущіе и непишущіе, стали бы отвѣтчиками, и оправдаться намъ было бы трудно.

Согласенъ, что обличительная статья въ «Русскомъ Вѣстникѣ» написана рѣзко. Но рѣзкость впечатлѣнія происходитъ именно оттого, что она снабжена доказательствами. Если бы не было въ ней выписокъ изъ статьи г. Крылова, если бы она состояла изъ однихъ голословныхъ и бездоказательныхъ порицаній, то дѣйствіе ея было бы самое ничтожное: она была бы выраженіемъ какого-либо личнаго раздраженія, и вся рѣзкость ея падала бы на голову писавшаго.

А потому, напрасно г. редакторъ «Молвы» видитъ въ этой статьѣ какую-то злобную выходку. Прошу его не посягать на меня, если я укажу, въ его собственной газетѣ, примѣръ того, что съ большею справедливостію должно быть такъ названо.

Въ № 2 «Молвы», въ обзорѣнн журналовъ, говорится о «Русскомъ Вѣстникѣ». Похваливъ «Русскій Вѣстникъ» вообще, обзорѣватель высказываетъ свое мнѣніе о нѣкоторыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ этомъ журналѣ. Критику не нравятся статьи гг. Буслаева и Чичерина. Если и въ похвалахъ должна быть соблюдаема мѣра, то тѣмъ больше требуется воздержности въ голословномъ порицаніи. Вотъ какъ отзывается обзорѣватель, напримѣръ, о статьѣ г. Буслаева: «Статья дикая, изумляющая насъ невѣрностію и несообразностію своихъ выводовъ, непониманіемъ фактовъ». Вотъ весь отзывъ. Статья *дикая*! Что можетъ быть рѣзче такого приговора? Но пусть бы онъ былъ еще рѣзче, да лишь бы основывался на какихъ-нибудь доказательствахъ, на какихъ-

нибудь уликахъ. Такой голый отзывъ, потому уже не хорошъ, что отнимаетъ у автора возможность возражать. Что могъ бы возразить на это г. Буслаевъ, если бы захотѣлъ возразить? Ему оставалось бы только сказать: «нѣтъ, статья моя не дикая, а вотъ ваша статья дикая!» Г. Буслаевъ, конечно, не позволитъ себѣ вступать въ подобную перебранку. Если же бы критикъ почтилъ разбираемаго автора указаніемъ на недостатки или ошибки, то авторъ получалъ бы возможность, не унижая своего достоинства, возражать на замѣчанія, опровергать улики и, можетъ-быть, обрушить обвиненіе на голову обвинителя. Только тотъ бой есть бой добросовѣстный, гдѣ рѣшеніе дѣла предоставляется силѣ убѣжденія: кто правъ, тотъ и восторжествуетъ. Доказательства требуются также и уваженіемъ къ публикѣ. Читатель можетъ не знать, профессоръ ли г. Буслаевъ, можетъ не знать, какъ преподаетъ онъ свой предметъ, — это не подлежитъ суду публики; но публика можетъ судить о немъ, какъ о писателѣ, какъ объ ученомъ, который составилъ себѣ почетную извѣстность своими литературными трудами. Кто знакомъ съ его трудами, читалъ ихъ съ интересомъ и пользой, тотъ будетъ по необходимости оскорбленъ подобнымъ отзывомъ, ни на чемъ не основаннымъ. Что мнѣ нравилось, что находилъ я хорошимъ и истиннымъ, то безъ всякихъ доказательствъ провозглашается дикимъ и ложнымъ. Представьте доказательства, постарайтесь измѣнить убѣжденіе читателя, и потомъ ужъ произносите приговоръ.

Въ сущности оскорбительное слово, произнесенное безъ всякихъ доказательствъ, безсильно, безвредно, никому не важно, и безмолвнымъ судомъ возвращается къ оскорбителю. Оно не оставляетъ никакого впечатлѣнія, и пропускается безъ вниманія. «Статья изумительно-ошибочная», сказано въ томъ же обзорѣ по поводу другой статьи: что это такое? пустое сотрясеніе воздуха, и только. Совсѣмъ иное, еслибъ такой рѣшительный приговоръ тянулъ за собою дѣйствительно изумительный грузъ ошибокъ. Укорительное слово было бы вполне почувствовано; оно имѣло бы вѣсъ, и вѣсъ тяжелый. Чѣмъ доказательнѣе и справедливѣе обвиненіе, тѣмъ оно сильнѣе, и тѣмъ болѣе чувствуется его рѣзкость.

Еще два слова г. редактору «Молвы».

Г. Шпилевскій жалуется, что въ «Изобличительныхъ Письмахъ» будто бы осмѣяно естественное въ ученикѣ чувство уваженія къ наставнику; смѣю увѣрить его, что онъ ошибается. Ни въ какомъ случаѣ редакция не допустила бы въ своемъ журналѣ насмѣшки надъ такимъ добрымъ и похвальнымъ чувствомъ. Ученикъ можетъ уважать, любить своего наставника и удивляться ему — это въ порядкѣ вещей; но не можетъ сообщать ему авторитета, и мѣрою своего удивленія опредѣлять его значеніе въ наукѣ.

Рѣзкость обвиненія въ обличительномъ письмѣ г. Байбороды дол-

жна быть измѣряема съ одной стороны количествомъ и важною указаннымъ погрѣшностей, съ другой, объемомъ и силою притязаній погрѣшившаго. Г. Крыловъ дебютируетъ въ литературѣ не скромнымъ, робкимъ труженикомъ, который жалостливо поглядываетъ на свою публику, — нѣтъ! онъ является во всеоружіи авторитета, съ лицами, обратившими на себя общее вниманіе своими трудами, исполненными дарованія и истинно-ученыхъ качествъ, онъ обходится какъ учитель съ учениками; взскакиваетъ съ нихъ за незнаніе данныхъ имъ уроковъ; провозглашаетъ себя жрецомъ науки; хочетъ обстрѣливать литературу; стоять на священной стражѣ науки. При такихъ притязаніяхъ, естественно возникаетъ потребность повѣрки правъ, на которыхъ они основаны. При такихъ притязаніяхъ, нельзя извинять ни малѣйшей ошибки, не только ошибокъ капитальныхъ; нельзя также предполагать, чтобъ на автора такого рода могъ находить *столбнякъ*. Подобная случайность можетъ произойти только въ летучемъ разговорѣ; а въ статьѣ, писанной для всеобщаго поученія, не должно, по крайней мѣрѣ, встрѣчаться столько столбняковъ, чтобы число ихъ далеко превышало число страницъ, которыми ими усѣяны.

Въ «изобличительномъ письмѣ» каждое обвинительное слово скрѣплено уликой, общій выводъ сдѣланъ на основаніи доказательствъ, достаточныхъ и по содержанію и по количеству. Но слѣпаго озлобленія не замѣтно въ этомъ письмѣ. Критикъ не порицаетъ безусловно всей статьи г. Крылова; находитъ даже возможнымъ отдать автору справедливость за литературный талантъ; находитъ, что г. Крыловъ умѣетъ выразиться и хорошо, и мѣтко. Иной былъ бы, можетъ-быть, очень доволенъ этими качествами....

Впрочемъ, такъ какъ обвиненіе основано на доказательствахъ, то критикъ самъ дается въ руки автору. Стоить только уничтожить эти доказательства, обвиненіе падетъ само собою, и критикъ останется со стыдомъ. Напрасно г. Крыловъ не воспользовался такимъ выгоднымъ положеніемъ. Ему бы слѣдовало за одинъ разъ развѣять въ прахъ всѣ приведенныя противъ него улики. Времени имѣлъ онъ довольно, цѣлую недѣлю. Публика имѣла полное право ожидать, что въ слѣдующемъ выпускѣ своихъ юридическихъ замѣтокъ, г. Крыловъ выйдетъ чистъ изъ этой тьмы приписанныхъ ему ошибокъ и погрѣшностей. Въмѣсто того, онъ осыпаетъ бранью редакцію журнала, гдѣ сдѣлано было на него нападеніе, старается всевозможными способами оскорбить г. Леонтьева за то, что онъ, по предположенію г. Крылова, будто бы содѣйствовалъ напечатанію «обличительнаго письма»; забрасываетъ читателя множествомъ словъ, ничего не объясняющихъ и отзывающихся дурнымъ вкусомъ; рассуждаетъ о своемъ возрѣніи на исторію римскаго права, чего вовсе не требуется; излагаетъ пространное ученіе

о *самокатъ*, съ презрѣніемъ отвернувшись отъ редакціи «Русскаго Вѣстника», не способной понимать глубину этого ученія, и обращаясь къ просвѣщенному обществу, съ увѣренностью, что оно съ *удовольствіемъ* выслушаетъ это ученіе. Не обижаясь такимъ презрительнымъ отзывомъ о своихъ понимательныхъ способностяхъ, редакція «Русскаго Вѣстника» позволяетъ себѣ замѣтить г. Крылову, какъ дебютанту въ литературѣ, что въ ней, какъ и во всякомъ порядочномъ обществѣ, не принято самому себя хвалить; пусть читатель скажетъ, что чтеніе вашего писанія доставляетъ ему удовольствіе; а вѣдь еще сомнительно, скажетъ ли онъ это, потому что, по всей вѣроятности, читатель будетъ испытывать чувство, совсѣмъ не похожее на удовольствіе, читая о томъ, какъ самокатъ совершаетъ свое движеніе отъ центра къ *радіусамъ*, или о томъ, какъ *выкатывается* ликъ римскаго цензора, какъ *выкатывается* трибунъ въ великолѣпный типъ и т. п. Во всякомъ случаѣ это поучительное объясненіе самоката могло бы быть отложено до будущаго, болѣе благопріятнаго времени. До того ли теперь, когда возникло такое серьезное дѣло? когда столько обличительныхъ указаній ждуть опроверженія?

Читатель скажетъ, что г. Крылову слѣдовало бы высказаться опредѣленнѣе о цензорахъ въ Римѣ, вмѣсто того чтобы распространяться о самокатѣ. Сколько же; спроситъ читатель, было ценсоровъ въ Римѣ — *два* или *пять*? г. Крыловъ не ссылается здѣсь ни на наборщика, ни на переписчика, ни на столбнякъ. Онъ сознается, что собственноручно и въ полной памяти поставилъ *пять*; онъ не отпирается отъ *пяти*; онъ поставилъ *пять* съ цѣлю означить, что въ Римѣ былъ не *одинъ* цензоръ, онъ поставилъ *пять* для того, чтобы означить двойственность. Чтѣ все это значить? Это еще не понятнѣе, чѣмъ движеніе отъ центра къ *радіусамъ*, и обратно. Къ чему же всѣ эти извороты? Немного требуется, чтобы сказать рѣшительно, сколько было въ Римѣ ценсоровъ: 2 или 5? Ученики г. Крылова остались въ недоумѣніи. Они могутъ думать, что въ нашъ вѣкъ, обильный открытіями и изобрѣтеніями всякаго рода, случилось и такое открытіе. Слѣдовало вывести ихъ изъ недоумѣнія, разсѣять всякое сомнѣніе. Это обвиненіе капитальное, страшное; отшучиваться отъ него нельзя.

Если бы г. Крыловъ побѣдоносно опровергъ всѣ замѣчанія своего противника, онъ могъ бы тогда обойтись безъ всякой брани. Оправданіе г. Крылова было бы для его критика ужаснѣе всего. На него легла бы вся тяжесть общественнаго осужденія. Онъ исчезъ бы какъ призракъ, и редакція «Русскаго Вѣстника» закрыла бы свой журналъ. А г. Крыловъ, доказавъ, что имѣлъ право утверждать существованіе пяти ценсоровъ, употребляетъ *ordo equestris* вмѣсто *ordo equester*, приписать римскому сенату власть обречь трибуновъ подземнымъ богамъ формулой *sacer esto*, сливать воедино двѣ такіа различныя вещи какъ *jus exulandi* и *asylum*, принимать преторіандевъ

за всадниковъ и т. д., могъ бы говорить уже все, что ему угодно, не опасаясь услышать ни малѣйшаго возраженія. Авторитетъ его утвердился бы незыблемо, и ему, въ лучахъ несслыханной славы, можно было бы какъ Августу торжествовать всеобщее замиреніе съ тѣмъ обрядомъ, который, по сказанію г. Крылова, происходилъ тогда въ Римѣ.

Но довольно. Я не пишу возраженія на статью г. Крылова, а только объясняюсь, по его собственному вызову.

Чтобъ доказать г. Крылову мое полное безпристрастіе, я дѣлаю распоряженіе о перепечатаніи его «юридическаго отвѣта» съ дипломатическою точностію въ моемъ журналѣ. Смѣю надѣяться, что редакція «Молвы» не будетъ на меня въ претензіи за это заимствование. Пусть та самая публика, передъ которою сдѣлано было нападеніе на г. Крылова, услышитъ и оправданіе его. Скажу однако искренно, что статья г. Крылова не послужитъ ему въ пользу.

М. Катковъ.

ИЗОБЛИЧИТЕЛЬНЫЯ ПИСЬМА

М. Г.

Появленіе моего перваго изобличительнаго письма въ вашемъ журналѣ было ознаменовано, — если только можно употреблять такіе крупные глаголы о такихъ маленькихъ вещахъ, — разными куріозными явленіями въ Москвѣ. Въ книжныхъ лавкахъ появлялись озабоченныя лица, крупно говоря между собою, и рылись въ грамматикѣ Цумпта и въ лексиконѣ Кронеберга. Я самъ былъ свидѣтелемъ одной комической сцены, которая могла бы быть изображена въ достойномъ видѣ только мастерскимъ карандашомъ автора «Губернскихъ Очерковъ». Въ домахъ, гдѣ получаютъ журналы, письмо мое также надѣлало много шума. Да и быть не могло иначе: дѣло не въ авторствѣ моемъ, не во мнѣ, человекѣ неизвѣстномъ; я homo novus, да я никогда и не претендовалъ на литературную извѣстность. Только случай, совершенно неожиданный и дѣйствительно крайне-скандальный, заставилъ меня взяться за перо. Мнѣ стало грустно, что у насъ, среди бѣлаго дня, еще могутъ случаться явленія, подобныя тому, о которомъ шла рѣчь въ моемъ первомъ изобличительномъ письмѣ. Мнѣ стало прискорбно за нашу литературу; мы толкуемъ о своемъ особенномъ образованіи, глумимся надъ другими народами, издаемъ жур-

налы, пускаемся въ поиски за новыми началами вѣдѣнія, и что же? вотъ, среди насъ, является господинъ съ непостижимыми, выходящими изъ предѣловъ всякаго приличія претензіями, съ самымъ здоровымъ самохвальствомъ, напоминающимъ какія-то первобытныя времена, самъ себя выдаетъ за авторитетъ и основываетъ этотъ авторитетъ на грубѣйшихъ, элементарныхъ ошибкахъ... Можетъ-быть иные скажутъ, что лучше бы не выводить скандала наружу, лучше бы промолчать и замаять дѣло. Но можно скрыть и замаять только то, что случилось гдѣ-нибудь въ четырехъ стѣнахъ. Въ настоящемъ же случаѣ рѣчь идетъ не о такомъ дѣлѣ, а о дѣлѣ публичномъ, гласномъ, печатномъ. Если бы г. Крыловъ сказалъ гдѣ-нибудь въ пріятельскомъ кружкѣ, что въ Римѣ было пять ценсоровъ, что былъ тамъ *ordo equestris*, что сенатъ тамъ имѣлъ право посылать трибуновъ къ порту, что сословіе всадниковъ превратилось въ лейбъ-гвардію, что преторы вмѣшивались въ дѣла консуловъ, что *jus exulandi* и *asylum* одно и то же, что римскій народъ платилъ подать съ ценса *пошла* завоеванія Македоніи, что Августъ былъ торжественно обоготворенъ въ Римѣ въ 727 году (1) (по основаніи города) и т. д. и т. д., то можетъ-быть и не слѣдовало бы давать большой огласки этимъ чудесамъ; чувство стыдливости, деликатности, жалости могло бы заговорить, и вы невольны постарались бы замаять дѣло, поспѣшили бы забыть его. Но бѣда въ томъ, что г. Крыловъ самъ, съ безпримѣрною въ лѣтописяхъ нашей литературы нестыдливостью, безъ всякой жалости къ себѣ, вывелъ это дѣло предъ публику; онъ самъ выпустилъ на свѣтъ и пять ценсоровъ, и всю ихъ безобразную свиту. Какъ же тутъ замаять дѣло? Молчать невозможно. Отвѣтственность за такое печальное явленіе падетъ на все наше общество, и честь нашей литературы требуетъ, чтобы подобное явленіе не прошло безъ обличенія.

«Юридическія замѣтки профессора Крылова» начались дѣйствительно съ № 2 «Молвы». Это событіе произошло не совсѣмъ обыкновеннымъ порядкомъ. Замѣтки опоздали къ выпуску газеты. Что было дѣлать? Начать ихъ съ слѣдующаго №? Но какъ же было не войти въ интересъ публики, которая съ томительною жаждою ожидала этихъ замѣтокъ? Рѣшено было выпустить замѣтки чрезвычайнымъ прибавленіемъ. Это напомнило намъ грозное время недавней войны, когда разсылались особыя прибавленія къ газетамъ съ только-что полученными извѣстіями. Редакція «Молвы» и ея великій сотрудникъ, безъ сомнѣнія, были увѣрены, что публика съ неменьшимъ замираніемъ сердца ожидаетъ извѣстій объ этомъ новомъ бойцѣ, изъ его цитадели, какъ въ былое время ожидала извѣстій изъ Севастополя

(1) Прошу у г. Крылова извиненія, что выписывая изъ его статьи годъ обоготворенія Августа, я отнялъ у римскаго императора цѣлыхъ два года божескихъ почестей: должно читать не 729, а 727, то-есть 25 до Р. Х.

или изъ-подъ Карса, и вотъ успѣшили разослать чрезвычайный листокъ. Впрочемъ, да не подумаетъ читатель, не получающій «Молвы», что въ этомъ чрезвычайномъ листкѣ помѣщены возраженія на мои изобличенія. Это бы еще оправдало нетерпѣливость и чрезвычайность въ выпускѣ «юридическихъ замѣтокъ профессора Крылова». Нѣтъ, въ этомъ листкѣ рѣчь идетъ еще только о томъ, какъ этотъ славный ученый принимаетъ во владѣніе отведенную ему въ «Молвѣ» поляну и ставитъ на ней *цитадель*, изъ которой намѣренъ *обстрѣлывать* литературу и производить набѣги на *людей всякаго происхожденія*, заѣзжающихъ въ область науки....

Первою жертвою своего неотразимаго набѣга избралъ этотъ знаменитый баронъ — г. Чичерина, который, какъ видно, не даетъ ему уснуть спокойно даже на лаврахъ, доставленныхъ ему знаменитой статьею его въ «Русской Бесѣдѣ», — тою статьею, о которой завелъ я такую прискорбную рѣчь въ роковомъ седьмомъ номерѣ вашего журнала. Какъ будто по тайному предчувствію, и великій ораторъ называетъ г. Чичерина *роковою персоною*. Да, для г. Крылова дѣйствительно должно соединяться съ этимъ именемъ что-то роковое. Не диспутъ ли г. Чичерина разверзъ его уста, не онъ ли заманилъ его на литературное поприще, на это коварное поприще, гдѣ есть Сцилла и Харибда, гдѣ поютъ Спрены?..

Въ этомъ первомъ выпускѣ своихъ «Юридическихъ Замѣтокъ», г. Крыловъ производитъ нѣсколько выстрѣловъ.

Первый выстрѣлъ направленъ на одно выраженіе г. Чичерина, гдѣ упомянуто о *Cognus juris*. Вырвавъ это выраженіе изъ связи, знаменитый ученый тѣшится надъ нимъ и заключаетъ этотъ отдѣлъ своихъ замѣтокъ слѣдующими достопамятными словами:

«Преподавая въ Московскомъ университетѣ исторію римскаго права, я останавливаюсь въ своемъ курсѣ, ограниченномъ условнымъ временемъ, именно на *Cognus juris* въ вышеозначенномъ смыслѣ, не касаясь византійскаго права, — и о значеніи этой типической границы всегда говорю съ особеннымъ натискомъ, указывая этимъ на кончину античнаго міра. Г. Чичеринъ, вѣроятно, помнитъ этотъ урокъ, а быть-можетъ, и забылъ: ибо прошла уже *десятилѣтняя давность*... Уважая такое забвеніе его, я теперь вновь напоминаю: *repetitio est mater studiorum.*»

Оглашалась ли когда-нибудь литература подобнымъ выстрѣломъ? И какъ многозначительны эти прекрасныя слова, послѣ тѣхъ доказательствъ глубокаго знанія по части римскаго права, которыя такъ недавно представилъ г. Крыловъ? Осмѣлюсь сказать ему, за г. Чичерина, что, по всему вѣроятію, онъ не дождался десятилѣтней давности, чтобы предать забвенію уроки о такихъ истинахъ, какъ римскій сенатъ съ его *sacer esto*, какъ 5 ценсоровъ Рима, какъ

jus exulandi = asylum и проч. Въ этомъ ругаются намъ и дарованія, и образованность г. Чичерина.

Таковъ первый выстрѣлъ. Раздается второй.

Г. Чичеринъ доказываетъ въ своей статьѣ «Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей», что въ древней Россіи понятія государственныя не отдѣлялись отъ понятій частнаго права, и приводитъ завѣщанія князей, гдѣ о предметахъ публичнаго права идетъ рѣчь какъ о частной собственности. Знаменитый критикъностранно и многоглаголиво доказываетъ, что «отыскивать въ *духовныхъ грамотахъ*, и притомъ въ старыя времена Руси, идею верховной, государственной власти, рѣдко переходящей въ форму разсудочнаго (!) понятія, было бы напраснымъ и бесполезнымъ трудомъ.» Но весь интересъ вопроса именно и заключается въ томъ, что государственныхъ отношеній не слѣдовало бы отыскивать въ выраженіи частной, личной воли, каково завѣщаніе, а между тѣмъ они въ древней Россіи именно тутъ-то и находятся. Это свидѣтельствуетъ о силѣ логики г. Крылова и объ его полемическихъ способностяхъ.

Изъ третьяго выстрѣла узнаемъ мы, что «Россія давнымъ давно, искони вѣка состоитъ на государственномъ положеніи и окладѣ, а не произведена въ этотъ высокій чинъ ни Иоанномъ III, ни Иоанномъ IV»... узнаемъ еще вотъ какое обстоятельство, изложенное г. Крыловымъ въ слѣдующихъ словахъ: «Я придерживаюсь *старинны*, и не могу великаго князя назвать простымъ *Иваномъ*, съ отиѣткою исторической преемственности лицъ посредствомъ *цыфры*, тѣмъ менѣе— по прозвищу, напримѣръ, *Иванъ Калита*... А новымъ ученымъ эти имена, вообще для русскаго народа дорогія, должны казаться священными: ибо это были закладчики государства, а съ ними (читай: съ нимъ) — и ихъ собственной общечеловѣческой жизни.»

Видите, какая инсинуація! Еслибъ г. Крыловъ былъ знакомъ съ памятниками русской старины не много болѣе, чѣмъ съ римскими памятниками, то онъ поудержался бы отъ этого выстрѣла. Онъ бы зналъ, что Иванъ Калита самъ называлъ себя Иваномъ, а не Иоанномъ, и что именно тотъ, кто хочетъ придерживаться старины, долженъ употреблять, говоря о герояхъ русской земли, эту старинную, народную форму имени. Французы и Англичане могутъ называть своихъ королей и герцоговъ народными формами John и Jean, а русскому ученому полагается на это запретъ отъ г. Крылова. Советую ему почитать «Русскую Бесѣду»: онъ убѣдится, что народными формами пренебрегать не слѣдуетъ.

Но я боюсь, что утомлю ваше вниманіе и вниманіе читателей, а главное—не успѣю дописать своего письма къ выходу книжки «Русскаго Вѣстника», если буду слѣдить за всѣми выстрѣлами изъ цитадели г. Крылова. Въ первомъ выпускѣ ихъ шесть. Четвертый и пятый такіе же пустяки, какъ и первые. Но интересенъ шестой. Здѣсь

этотъ знаменитый ораторъ восходитъ до торжественнаго краснорѣчія. Онъ проникнуть высоко нравственнымъ и гуманнымъ чувствомъ. Онъ требуетъ, чтобы г. Чичеринъ питалъ къ нему, г-ну Крылову, ни больше ни меньше, какъ чувство благоговѣйнаго почтенія; послушайте:

«Мнѣ кажется, что легкій очеркъ *Духовныхъ грамотъ* (это относится къ г. Чичерину) и узкій взглядъ на ихъ существо, не можетъ дать права на такой деспотическій авторитетъ, и притомъ *противъ кого же обращенный?* Всѣмъ намъ — и старымъ и новымъ юристамъ — надобно изучить и затвердить превосходнѣйшее гуманное римское ученіе *de pietate* — слово, не переводимое ни на какой новѣйшій языкъ, кромѣ французскаго — *piété*...»

Замѣьте это: *противъ кого же обращенный?* На кого еще, какъ не на собственную особу, такъ тонко намекаетъ г. Крыловъ? Онъ былъ смущенъ, что бывший слушатель его осмѣлился разногласить въ статьѣ своей съ тѣмъ, что г. Крыловъ публично высказалъ по поводу диссертациі г. Чичерина. Какъ дерзнулъ г. Чичеринъ печатать статью *о духовныхъ и договорныхъ грамотахъ*, обращенную противъ кого же? противъ мнѣнія, законодательно высказаннаго г. Крыловымъ... Впрочемъ, пусть знаетъ г. Крыловъ, что латинское слово *pietas* сохранилось не въ одномъ французскомъ, а и во всѣхъ языкахъ романскихъ, но съ измѣненнымъ значеніемъ, такъ что если передать это латинское слово французскою или итальянскою формою, то почтеніе, котораго требуетъ къ себѣ г. Крыловъ, возрастеть до той непомерной высоты, какую такъ недавно возвеличилъ онъ императора римскаго, божественнаго Августа... Не слишкомъ ли это?

Если ужъ зашла рѣчь о гуманности, то г. Крыловъ да позволить мнѣ, скромному и темному человѣку, котораго онъ и знать не хочетъ, не считая даже живымъ человѣкомъ, да позволить онъ мнѣ дать ему маленькій урокъ. Истинная гуманность требуетъ, чтобы человѣкъ, каковы бы ни были его качества и достоинства, не представлялъ претензій на благоговѣніе къ своей особѣ. Требовать къ себѣ чувствъ любви, благодарности, почтенія — противно истинной гуманности. Заслужите ихъ, они сами явятся. А кто напоминаетъ о своемъ правѣ на нихъ, тотъ только обнаруживаетъ, что права этого не имѣть.

Наконецъ въ субботу явился второй выпускъ «Юридическихъ Замятокъ профессора Крылова». Тутъ артиллерія дѣйствуетъ противъ меня... Увы! напрасная надежда... Я для г. Крылова человѣкъ не живой... Артиллерія направлена противъ васъ, и даже не противъ васъ, а противъ редакціи, и даже не противъ редакціи, а противъ г. Леонтьева. Какъ глубоко и далеко дѣйствуетъ артиллерія г. Крылова!...

Но что до того! Не хочеть знать меня г. Крыловъ, а я все таки буду знать его и слѣдить за нимъ. Если онъ считаетъ меня гробовымъ призракомъ, тѣмъ хуже для него, и тѣмъ опаснѣе.

Но, м. г., я теряюсь въ изобиліи матеріала, представляемаго мнѣ «Юридическимъ Отвѣтомъ». Я не могу, я не слажу за одинъ пріемъ осилить это богатство. Сдѣлайте милость, перепечатайте этотъ отвѣтъ; это украситъ ваше изданіе, и облегчитъ мою трудную обязанность. Мнѣ не нужно будетъ описывать читателю неподражаемая красоты этого документа, когда документъ будетъ на-лицо. Въ надеждѣ на такое съ вашей стороны снисхожденіе, я ограничусь лишь главнымъ и существеннымъ.

Предоставляю вамъ самимъ, если вы сочтете это нужнымъ, отвѣчать на выходки г. Крылова, направленные противъ редакціи, а самъ займусь дѣломъ изобличенія.

Прежде всего г. Крыловъ считаетъ нужнымъ показать отличительное свойство своего взгляда на Римскую республику, высказаннаго въ критической статьѣ его, помѣщенной въ «Русской Бесѣдѣ». Здѣсь онъ старается заставить неосторожнаго читателя почувствовать, что въ этой критической статьѣ своей, подавшей поводъ къ обличенію, онъ какъ-будто только шутилъ, что и взглядъ его былъ чисто-логическій, а не историческій, что онъ руководствовался закономъ *противоположенія*, который разсматриваетъ истину съ одной отрицательной стороны; что онъ выворачивалъ красивую одежду Рима на изнанку, что онъ силою разсудка изуродовалъ свѣтлый ликъ его... и что вслѣдствіе этого изъ его машины выходитъ рядъ оттисковъ, изъ которыхъ выводитъ онъ «поучительный урокъ для молодыхъ русскихъ ученыхъ, что нельзя безнаказанно и съ какимъ-то ожесточеніемъ (что за логика въ словозачиненіи!) бросаться на исторію своего отечества», и такъ все идетъ далѣе, многословно, размашисто, съ явною цѣлью, какъ бы внушить читателю, что если и въ самомъ дѣлѣ указанная изобличителемъ погрѣшности должны быть признаны таковыми, то произошли онѣ какъ-будто по волѣ самого г. Крылова, что онъ какъ-будто нарочно ошибался, потому что хотѣлъ изуродовать свѣтлый ликъ Римской республики. Сказать этого прямо г. Крыловъ не могъ, а такъ только, какъ искусный мастеръ, разными околичностями и прибаутками внушаетъ читателю благоприятное для себя настроеніе, какъ бы подмалевываетъ полотно для будущей картины, какъ бы заготавливаетъ грунтъ для будущаго убѣжденія въ читателѣ. Увы! эта уловка не спасетъ его. Изобличить ее не трудно. Дѣло вотъ въ чемъ.

Я пишуцій эти строки, съ своей стороны, очень хорошо помню, съ какою цѣлью дѣлалъ г. Крыловъ свои, какъ онъ выражается, оттиски съ Римской республики. Разсматривая сочиненіе г. Чичерина «Областныя учрежденія въ древней Россіи», г. Крыловъ ограничился

на первый разъ стороною методическою, отложивъ разсмотрѣніе матеріальной стороны этого сочиненія до другой статьи. Критикъ недоволенъ методою автора и называетъ ее отрицательною. Очень остроумно и ловко доказываетъ онъ, что картина древней Россіи приняла у г. Чичерина характеръ мрачный, именно потому, что онъ сталъ на фальшивую точку зрѣнія. Въмѣсто того, чтобы физиологически слѣдить за постепеннымъ развитіемъ народа, г. Чичеринъ, по мнѣнію г. Крылова, утвердился на чуждой предмету почвѣ. Съ высоты имперіи Петра Великаго старинная русская жизнь должна была по необходимости представиться исполненною отрицаніемъ, жалкою, мрачною, странною хаотическою, неудобобитаемою. Всѣ стороны старорусской жизни потеряли свой внутренній положительный смыслъ, и получили только отрицательный, по противоположенію къ формамъ другого быта. Такъ древній волостель является только кормленщикомъ и т. д. Чтобы убѣдить г. Чичерина въ несостоятельности его методы, въ фальшивости избранной имъ точки зрѣнія, г. Крыловъ рѣшается на тягостное для себя дѣло; онъ хочетъ примѣнить эту методу къ славной Римской республикѣ. Съ этою цѣлью, онъ утверждаетъ свой, какъ самъ выражается, наблюдательный снарядъ, свой рефракторъ (любимое слово г. Крылова) на почвѣ Римской имперіи и дѣлаетъ отсюда оттиски съ республики. Оттиски эти должны быть вѣрны и согласны съ историческими свидѣтельствами, иначе дѣло бы шло не о Римской республикѣ, а о какомъ-нибудь фантастическомъ обществѣ; факты должны остаться неприкосновенными, и именно должно быть показано, какъ тѣ же самые факты, составляющіе вѣчную славу Римской республики, отъ фальшивой точки зрѣнія принимаютъ мрачный колоритъ, не свойственный смыслъ, такъ что въ измученной душѣ машинниста, снимающего оттиски, возникнетъ вопросъ, да какъ же могли люди жить въ этомъ мрачномъ обществѣ? а между тѣмъ люди тамъ жили! жили славно, и оставили по себѣ великій слѣдъ въ исторіи всемірной. Развертывается передъ нами Римская республика съ своими консулами, преторами, цензорами, трибунами, съ своимъ сенатомъ, съ сословіемъ всадниковъ, съ народными собраніями: все такъ, какъ было, а колоритъ мрачный, все одни отрицанія да отрицанія, и мы въ этой перспективѣ не узнаемъ великой Римской республики. Вотъ въ чемъ заключалась задача, которую предѣжилъ себѣ г. Крыловъ при изображеніи «Римской республики», вотъ цѣль его оттисковъ. На этихъ оттискахъ все должно было отразиться въ матеріальномъ отношеніи такъ какъ было, но только въ мрачномъ видѣ. Чтобы у читателя не осталось сомнѣнія въ вѣрности этихъ оттисковъ, г. Крыловъ заключаетъ свою характеристику словами: *оттиски эти вѣрны и согласны съ историческими свидѣтельствами*. Вотъ въ этомъ—то вся и бѣда, что оттиски эти не вѣрны, — и какъ еще не вѣрны! —

что оттиски эти несогласны съ историческими свидѣтельствами, — и какъ еще несогласны!

Оттискъ, на защиту котораго прежде всего по всей справедливости долженъ былъ поспѣшить г. Крыловъ, — ужасный и въ трепеть приводящій оттискъ. Это пять ценсоровъ. Какъ тутъ быть? Извиняться опечаткой — было бы всего легче; но видно г. Крыловъ имѣлъ уважительныя причины не дѣлать этого, и поступилъ хорошо. Нельзя себѣ представить положенія болѣе затрудительнаго. . . Рука моя дрожить, и я, чтó хотите! испытываю чувство жалости. Увы! напрасно я взялся за должность эвмениды, она не соответствуетъ моему мягкому характеру!.. Дайте отдохнуть и укрѣпиться...

Нечего дѣлать. Начинать надо. Г. Крыловъ употребляетъ неимоверныя усилія, чтобъ обойти этотъ проклятый оттискъ. Но какъ быть? Сказать: ахъ, я ошибся, не пять, а два! онъ не можетъ, онъ знаетъ, что не можетъ этого сказать; стоять на своемъ, утверждать, что *пять*, а не *два* — этого онъ тоже не можетъ: теперь онъ узналъ, что точно *два*, а не *пять*. Онъ бьется какъ рыба объ ледъ: проваливается и исторію и ариметику, которая съ неумолимою точностью учитъ, что 2 не 5, а 5 не 2. Наконецъ онъ рѣшается искать спасенія въ такомъ исходѣ: видите ли, тишь этого учрежденія состоитъ въ томъ, что цензуру долженъ былъ отправлять не *одинъ*; г. Крыловъ только и хотѣлъ сказать, что въ Римѣ дѣйствовалъ не *одинъ* цензоръ, и чтобы какъ можно сильнѣе выразить, что не *одинъ*, онъ поставилъ *пять*. Ужь если *пять*, такъ значить не *одинъ*, и какъ еще значить! Г. Крыловъ, кажется, изъясняетъ даже сожалѣніе, что не поставилъ *тридцать*. Это бы еще сильнѣе означало, что не *одинъ*. Чтó такое цифра 2? Вотъ важность! Это число можно разбить на 10, 20, 30. Очень можно, и гораздо удобнѣе, чѣмъ на 5, какъ увидимъ ниже... Но позвольте наконецъ вступить за читателя. Это ужъ слишкомъ. Никто у насъ не имѣлъ такого обиднаго понятія о публикѣ, никто не презиралъ ее такъ глубоко, какъ г. Крыловъ, думая, что такое оправданіе можетъ быть принято ею.

Что въ Римѣ ценсоровъ было по два, а не по пяти, объ этомъ нельзя спорить въ какой бы то ни было литературѣ. Это непреложно, какъ приговоръ судьбы. Чтó я говорю: судьбы? Судьбу еще можно какъ-нибудь умолить, какъ-нибудь смягчить ея приговоръ. Но этого никакая сила измѣнить не можетъ. Самая мысль о возможности открытія трехъ, четырехъ, пяти ценсоровъ, малѣйшій намекъ на это — непростительное незнаніе. Тутъ не поможетъ ни Савиньи, ни Пухта, ни Ланге, ни Игерингъ, никто на свѣтѣ!.. Думать, что можно отыскать слѣдъ подобнаго открытія совершенно то же, чтó думать, не откроетъ ли кто-нибудь, что Александръ Македонскій жилъ послѣ Рождества Христова въ XIII столѣтіи (1). А потому и доказывать, что

(1) А все-таки г. Крыловъ старается поддержать въ душѣ читателя тѣлю-

въ Римской республикѣ избирались каждый разъ по два цензора, не болѣе — невозможно, изъ уваженія къ литературѣ и публикѣ. Можно только доказывать, что самый типъ этого учрежденія требовалъ именно двухъ ценсоровъ, а никакъ не пяти.

Г. Крыловъ поставилъ пять для того, чтобъ означить, что «тайна учрежденія и типическій его смыслъ заключается въ цифрѣ 2, а не 1». Это ужасно. Римская республика одновременно имѣла только по два цензора точно въ такомъ смыслѣ, какъ человѣческой организмъ имѣетъ два глаза, два уха, двѣ руки, двѣ ноги. Представьте себѣ, что какой-нибудь физиологъ вздумалъ бы описывать человѣческое тѣло, и желая сказать, что у человѣка не одинъ глазъ, не одно ухо, не одна рука, сказалъ бы, что у него пять глазъ, пять ушей, пять рукъ, и считалъ бы себя правымъ на томъ основаніи, что онъ поступаетъ въ этомъ случаѣ какъ художникъ, который никому не хочетъ давать въ этомъ отчетъ. (Молва № 3-й, Юридич. Забѣтки, стр. 38.)

Двойственность ценсоровъ такъ типична, такъ требуется духомъ этого института, что провозглашеніе двухъ ценсоровъ по избраніи (*renuntiatio*) непременно должно было происходить за одинъ разъ, хотя бы они были избраны и въ разные дни, а со времени гальскаго нашествія, когда умиралъ одинъ изъ двухъ ценсоровъ—товарищей, то другой не могъ уже оставаться на своемъ мѣстѣ; со смертью товарища избиралась вновь пара ценсоровъ, такъ что одинъ стоялъ и держался вмѣстѣ съ другимъ. Типъ римскаго ценсорства состоитъ именно въ этой неразлучной парности ценсоровъ. Если бы у меня двоилось въ глазахъ, мнѣ могли бы представиться четыре цензора, то—есть двѣ пары; если бы троилось, представились бы шесть ценсоровъ, то—есть три пары. Но пять ценсоровъ никакимъ образомъ представиться не могутъ. Это грубѣйшая ошибка и противъ исторіи и противъ логики этого института. Что бы сталъ дѣлать пятый-то ценсоръ, одинъ, безъ товарища? Именно цифра-то 5 и привела насъ къ одному ценсору.

Какія смутныя понятія имѣетъ г. Крыловъ объ этомъ учрежденіи вообще, это можно видѣть и изъ другихъ мѣстъ его знаменитой статьи. Ценсорская нота вовсе не была чѣмъ-то такимъ ужаснымъ, что и выговорить нельзя. Это не было хуже политической смерти (1), не было даже и политической смертью... Ничего не бывало! Это было дѣло неприятное, но далеко не до такой степени, и вовсе не оставалось

щую искру надежды на открытіе пяти ценсоровъ. «Вотъ что трудно, говорить онъ,... понять; какимъ образомъ въ Римѣ республиканскомъ могла существовать ценсорская... власть, осуществляемая не въ одномъ физическомъ лицѣ, но въ двухъ, а пожалуй и болѣе.» Какой тайный смыслъ заключается въ этихъ словахъ: а пожалуй и болѣе?

(1) Руск. Бес. № 1, ст. г. Крылова, стр. 61.

неизгладимымъ пятномъ на челоѣкѣ. Бывали случаи, что граждане, отправлявшіе должность цензора, подвергались нотѣ слѣдующаго цензора, а въ другой *люстръ* были опять избираемы въ ценсорскую должность, и даже въ диктаторы, какъ Мамертъ Эмилиі.

Г. Крыловъ воображаетъ, что значокъ, который ставили цензоры въ своихъ спискахъ, будто бы назывался словомъ *macula*. Не только не извѣстно какой формы былъ этотъ значокъ, но неизвѣстно ставился ли какой-нибудь значокъ. *Nota censoria* дѣлалась ценсоромъ всенародно: *traduc equum* (проводи далѣе коня!) говорилъ ценсоръ всаднику, въ смыслѣ одобренія; *vende equum* (продай коня), сказалъ бы онъ другому, съ приличною строгостью во взорѣ, еслибъ тотъ не умѣлъ правильно назвать своего сословія, и доказалъ, что совершенно не знаетъ римской ценсуры, ни матеріально, ни формально, ни какъ субстратъ, ни какъ типъ, чтò не позволительно было бы и простому гражданину римскому, не только всаднику.

Нашъ ученый вообразилъ еще себѣ какой-то значокъ, затрудняясь только тѣмъ, какую значокъ этотъ имѣлъ форму. О формѣ то значка кажется бы сомнѣваться нечего, если онъ называется, по увѣренію г. Крылова, словомъ *macula*. (Руск. Б. № 1, статья г. Крылова, стр. 61.) Слово это значитъ по-русски пятно, значитъ ценсоръ просто капалъ съ пера чернилами на имя несчастнаго гражданина.

Но довольно о ценсорахъ, перейдемъ по слѣдамъ антикритика къ всадникамъ.

Итакъ г. Крыловъ, справившись съ лексикономъ Кронеберга, спокойно во всеобщее услышаніе утверждаетъ, что выраженія *ordo equester* и *ordo equestris*—равно правильны, что можно употреблять, не оскорбляя латинской грамматики, *ordo equestris*. Увы, я долженъ снова разочаровать его! Нѣтъ, это невозможная, вопіющая ошибка. Кронебергъ ввелъ васъ въ искушеніе Цицерономъ. Вамъ и самимъ тутъ вспомнилось, что гдѣ-то, у Цицерона, стоитъ форма *equestris* въ мужескомъ родѣ. Кронебергъ цитуетъ Цицерона совсѣмъ не съ тою цѣлью, чтобы доказать, что *equestris* есть форма общая, а какъ это водится во многихъ лексиконахъ, цитуетъ писателей, у которыхъ часто встрѣчается объясняемое слово: *equester*, *is*, *e*. Напрасно г. Крыловъ трудился припоминать, гдѣ у Цицерона употребляется *equestris* въ сочетаніи съ существительнымъ мужескаго рода. Пусть онъ развернетъ самые полные, самые точные грамматики и лексиконы. Въ лексиконѣ Форчеллини (изд. 1839 года) онъ не найдетъ ничего, кромѣ *equester*, *is*, *e*. У Цумпта, который любитъ отмѣчать и рѣдчайшія аномаліи, и въ лексиконѣ Фрейнда указано на одно только мѣсто—не у Цицерона,—а у Тита Ливія, гдѣ слово *equestris* сочинено съ существительнымъ *tumultus*. Я не говорю о старинныхъ изда-

няхъ, въ которыхъ мало ли что встрѣчается: требовалась продолжительная, вѣковая работа, чтобъ очистить старинныя изданія, довести латинскую грамматику и лексиконъ до той точности, въ какой видимъ ихъ теперь.—Итакъ во всей римско-классической литературѣ признано только одно мѣсто, гдѣ форма *equestris* муж. р. есть *forma authentica*. Даже въ этомъ мѣстѣ рѣшить трудно, самъ ли Титъ Ливій написалъ такъ, или переписчикъ описался,—во всякомъ случаѣ, оно не даетъ никакого основанія для грамматики. Мѣсто это у Ливія принадлежитъ къ числу сбивчивыхъ и темныхъ: можетъ быть тутъ пропущено слово *proelii*:—*equestris proelii tumultus*; можетъ-быть въ просторѣчии не соблюдалась тройственность окончанія въ именительномъ падежѣ ед. ч. этого прилагательнаго, какъ напримѣръ въ нѣмецкомъ просторѣчии говорится *mit dich, für mir*, что однакожъ не даетъ права считать эти формы грамматически правильными. Г. Крыловъ, какъ не филологъ, могъ не знать, что есть такое мѣсто у Ливія: знать это поставлено въ обязанность только записному филологу; но знать правильную, общеупотребительную форму онъ обязанъ. Онъ говоритъ, что стыдно ставить подобную ошибку въ вину ученому труженику, что даже стыдно ставить ее въ вину ученику. Смѣю увѣрить г. Крылова, что каждый порядочный учитель непременно исправилъ бы въ тетрадкѣ своего ученика *ordo equestris*, и смотря по свойству своего права болѣе или менѣе строго оштрафовалъ бы его. Но что еще простительно было бы ученику, то непростительно ученому труженику, и особенно юристу римскому непростительно сказать *ordo equestris*, вмѣсто *equester*. Еслибъ г. Крылову привелось употребить форму *equestris* съ какимъ-нибудь другимъ существительнымъ мужскаго рода, то онъ еще могъ бы какъ-нибудь отвертываться сбивчивостью старинныхъ грамматикъ и лексиконовъ. Но въ сочетаніи съ существительнымъ *ordo*, съ какой стороны ни посмотри, дѣло безысходное.

Напрасно, впрочемъ, г. Крыловъ полагаетъ, что я обвиняю его въ абсолютномъ незнаніи латинскаго языка. Это было бы несправедливо. Выраженіе *ordo equestris* обличаетъ только плохое знаніе латинскаго языка, которое проглядываетъ у г. Крылова вездѣ, даже въ самомъ отвѣтѣ его. «*Equester*, говоритъ онъ, отмѣчено (у Кронеберга) какъ имя прилагательное двухъ окончаній: *er* и *is*.» (Молва № 3, стр. 38). Прилагательное двухъ окончаній значить совсѣмъ не то, что хочетъ сказать г. Крыловъ. Какъ же ему, ученому, усновленному Римомъ, ему, римскому юристу, не знать латинской грамматики такъ, чтобы быть вполне знакомъ съ ея терминами? Въ этомъ же отвѣтѣ своемъ г. Крыловъ употребляетъ такую фразу: *tribuni militares cum consulari potestate* (Молва, № 3, стр. 40). Генію латинскаго языка противно выраженіе *cum consulari potestate*, и нигдѣ оно не употреб-

ляется. Слѣдовало бы сказать *tribuni militares (лучше было бы militum) consulari potestate*. Какъ же г. Крылову, римскому юристу, не просто ученому, но ученѣйшему, не уметь точно и правильно назвать по латыни предметы своего спеціальнаго изученія? Что это такое? Исторіи римскаго права онъ не хочетъ знать, и замѣняетъ ее какою-то логикой римскаго права, вѣроятно полагая, что если Игерингъ написалъ *Духъ римскаго права*, съ цѣлю развить существенный смыслъ римскихъ институтовъ, такъ ужъ исторіи должна быть дана отставка (1). Грамматики латинской тоже онъ не хочетъ знать. Ему даже не нравится и ариѳметика. А между тѣмъ римскій языкъ, римская исторія, исторія римскаго права, гораздо ближе къ его спеціальному предмету, нежели русская исторія и исторія русскаго права. Я говорю ближе, но мнѣ слѣдовало бы сказать, что первыя должны входить въ сферу его спеціальныхъ занятій, а о послѣднихъ онъ можетъ имѣть только поверхностное свѣдѣніе безъ ущерба для своей науки. Такъ не лучше ли бы ему оставить свои наѣзды на русскую исторію, и заняться тѣмъ, что ближе къ нему? Что ужъ ему учить русскихъ юристовъ, и отыскивать ихъ ошибки! Богъ бы съ ними! Пусть бы они управлялись съ своимъ дѣломъ какъ знаютъ. Право, лучше, если бы онъ оставилъ и отведенную ему въ «Молвѣ» поляну, и свою цитадель, не смѣшилъ бы людей холостыми выстрѣлами, и занялся бы дѣломъ.

Разладъ г. Крылова съ ариѳметикой тоже обнаруживается повсюду. Въ этомъ же самомъ отвѣтѣ своемъ, говоря о военныхъ трибунахъ съ консульскою властію, онъ замѣчаетъ, что плебеи могли быть такими трибунами, поровну съ патриціями: одинъ трибунъ изъ патриціевъ, а одинъ изъ плебеевъ (1). Чувствовалъ ли г. Крыловъ, въ своемъ защитительномъ отвѣтѣ, что онъ еще болѣе запутывается, и впадаетъ въ новыя ошибки? Вотъ куда завезъ его самокатъ! Въ этомъ показаніи, сдѣланномъ для поученія публики и для *удовольствія провъпещеннаго общества*, все невѣрно. Вовсе не было такого узаконенія, чтобы *tribuni militum consulari potestate* выбирались поровну изъ патриціевъ и плебеевъ; они выбирались *promiscue* изъ того и изъ другаго сословія. Часто такихъ трибуновъ было три: какъ поступилъ бы г. Крыловъ съ этою цифрою, чтобы разбить ее поровну на патриціевъ и плебеевъ? Сначала военные трибуны съ консульскою властію избирались все-таки изъ патриціевъ, такъ что, какъ замѣчаетъ Ланге, (котораго г. Крыловъ цитуетъ, но какъ видно еще не успѣлъ прочесть: у него, онъ узналъ бы также, какъ существенна двойственность

(1) Откуда у г. Крылова вдругъ взялось такое пристрастіе къ логикѣ, когда онъ въ знаменитой статьѣ своей такъ журилъ г. Чичерина за предполагаемое пристрастіе къ логическимъ схемамъ въ ущербъ исторической истинѣ?

(2) «Молва», № 3, юридической отвѣтъ - стр. 40.

ценсоровъ), плебеи хотя и приобрѣли право на участіе въ этой верховной власти республики, но фактически были исключены изъ ней въ продолженіе цѣлыхъ сорока лѣтъ по принятіи этого закона. Только въ вейентскую войну впервые удалось провести одного плебейскаго кандидата. За то въ слѣдующемъ году изъ плебеевъ выбраны были пять трибуновъ съ консульскою властію, а изъ патриціевъ только одинъ.

Что скажетъ г. Крыловъ въ отвѣтъ на обвиненіе этой новой ошибки, встрѣчающейся уже въ его защитительномъ отвѣтѣ, гдѣ бы онъ долженъ былъ гораздо осмотрительнѣе? А вѣдь это грубая ошибка, показывающая, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія объ исторіи этого учрежденія. Онъ упомянулъ, что трибунъ Гай Капулей сформулировалъ требованіе объ участіи плебеевъ въ консулатѣ такимъ образомъ: *ut alterum ex plebe liceret fieri*, и ужъ рѣшилъ, что военныхъ трибуновъ съ консульскою властію было по ровну изъ патриціевъ и плебеевъ: одинъ изъ патриціевъ, другой изъ плебеевъ, итого два.

Ошибки такъ и сыплются изъ мантии нашего ученѣйшаго юриста. Чѣмъ больше онъ высказывается, тѣмъ больше ихъ оказывается. И зачѣмъ онъ распространился объ этомъ *самокатъ*? Этого вовсе было не нужно. На самокатъ его, какъ на пустомъ дѣлѣ, я вовсе не останавливался и предоставилъ ему на немъ кататься сколько угодно. Къ чему онъ занялъ половину своего юридическаго (замѣтьте, юридическаго) отвѣта разсужденіемъ о самокатѣ? Вотъ и выкатилъ по одному консулу—трибуну изъ патриціевъ, по одному изъ плебеевъ.

Гдѣ только ни коснется г. Крыловъ исторіи римскаго права, или вообще римской исторіи, такъ ужъ тамъ навѣрное такъ и ждите всякаго рода погрѣшностей. Въ первомъ письмѣ моемъ я бѣгло слѣдилъ за ошибками г. Крылова только на тѣхъ страницахъ, гдѣ развертывается его классическое изображеніе Римской республики въ поученіе г. Чичерину. Послѣ случайно перевернулъ я нѣсколько страницъ назадъ, и наткнулся еще на одно мѣсто, гдѣ рѣчь зашла о событіи изъ римской исторіи, именно о союзнической войнѣ. И тутъ ошибки:

«Русская Бесѣда», 1857, № 1, статья г. Крылова, стр. 47. «Всѣ италійскіе народы, состоящіе въ вассальномъ отношеніи къ Риму (*foedus iniquum*), вздумали вдругъ отложиться отъ своего грознаго владыки, составили изъ всей Итали огромнѣйшій союзъ, ввели новую, представительную систему, въ которой было мѣсто всѣмъ муниципіямъ, опредѣлили центръ политической дѣятельности—городъ Корфиніумъ, назначили властей, 4 консуловъ, 16 преторовъ» и т. д.

Всѣ италійскіе народы — каково? Не понимаю, съ какою цѣлью тутъ—то г. Крыловъ уродуетъ фактъ простой, общеизвѣстный, несомнѣнный. Логика этого не требуетъ, типа тоже никакого нѣтъ. Са-

мымъ дѣятельнымъ двигателемъ этой войны былъ народъ Марсы, почему союзническая война называлась также марсійскою войною. За то два изъ главнѣйшихъ италійскихъ народовъ, Этруски и Умбры, не только не вступали въ союзъ съ возмущившимися племенами, не только не отлагались отъ Рима, но дѣйствовали въ союзѣ съ нимъ. Что касается до представительной, будто бы происшедшей изъ этого возстанія, системы, то вотъ что говоритъ по этому поводу Момсенъ: «Замѣчательно, что здѣсь, гдѣ внезапное сліяніе многихъ отдѣльныхъ общинъ въ политическое единство такъ, рѣшительно казалось бы, вело къ представительной системѣ въ новѣйшемъ смыслѣ, не только не было и слѣда ничего подобнаго, а даже замѣчается противоположное явленіе...» Röm. Gesch. T. II. p. 221.

Впрочемъ, представительная система еще такъ и быть. Но какъ явились тутъ 4 консула и 16 преторовъ? Ариѳметика рѣшительно не благопріятствуетъ нашему ученому. Пусть же онъ узнаетъ, что Италики назначили не *четыре*хъ, а только *двухъ* консуловъ, и не *шестнадцать* преторовъ, а только *двѣнадцать*. Спора тутъ быть не можетъ, потому что Діодоръ Сицилійскій есть единственный авторъ, изъ котораго почерпнуто это свѣдѣніе. У него стоитъ несомнѣнно: *два* и *двѣнадцать* (Fragm. I. XXXVII).

Нужно ли мнѣ разбирать то мѣсто въ отвѣтѣ г. Крылова, гдѣ рѣчь идетъ о Пантеонѣ и баняхъ? — Увольте меня отъ этого. Я усталъ, да непріятно и раскапывать это мѣсто. Но по этому случаю я покакую вамъ въ моей опрометчивости... Въ первомъ письмѣ моемъ я приписалъ г. Крылову талантъ для фельетона. Послѣ, въ томъ же письмѣ, я усомнился въ этомъ, а теперь рѣшительно думаю, что къ фельетону г. Крыловъ не способенъ. Фельетонъ требуетъ остроумія и вкуса, а такихъ строкъ не написалъ бы и въ самомъ сильномъ пароксизмѣ челоѣкъ со вкусомъ и съ тактомъ.

До свиданія. Примите и проч.

Байгорода.

JAN 29 1961

